

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый. СЕНТЯБРЬ. 1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. IV—V. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	487	VII. Записки Дмитрія Ивановича Нипани, съ 1820 г. (Окончаніе)	615
II. Воспоминанія Магута Ивановича Муравьева-Апостола. Сообщ. А. П. Бѣзлевь (декабристъ)	519	VIII. Дмитрій Емельяновичъ Гусятинъ, печныхъ дѣлъ мастеръ. Очеркъ. Состав. Н. А. Бѣлозерская	631
III. Елена Андреевна Ганъ (Зеленда Р—на), 1814—1842 гг. Біограф. очеркъ. Состав. Е. С. Некрасова. (Окончаніе)	553	IX. Плевненское сидѣніе, 1877 г. Очеркъ Н. К. Шильдера	655
IV. Императоръ Николай и московское купечество на обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ 13-го мая 1833 г. Сообщ. Н. Ѳ. Ржевская	575	X. Николай Ивановичъ Пироговъ. Очеркъ жизни и трудовъ его. Состав. Л. Ѳ. Зябѣвъ	689
V. Последняя польская смута, 1863 г. Разсказъ В. Л. Варатынскаго	583	XI. Изъ новѣйшей исторіи Болгарин: матеріалы о внутренней политикѣ, 1881—1883 гг.	703
VI. Последние дни въ русской Америкѣ. Изъ записокъ очевидца, М. П. Валилова	605	XII. Пав. Ал. Бестужевъ Замѣтка. Сообщ. В. Шумиловъ	702
		XIII. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адольфа Петровича Берне, гравир. на мѣди Ѳ. А. Мѣринъ.

Открыта подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.
Восемнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить за одинъ руб. — Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе), сорокъ гравюръ, исполненныхъ лучшими рус. художниками. (Осталось не много экземпляровъ).

Напечатана и разсылается новая книга: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова (второе изданіе), цѣна шесть руб. Подписчики «Русской Старины» могутъ получить эту книгу (до 1-го дек. 1886 г.) за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. XLVI и L. Стр. 728+558. Сиб. 1885—86. Ц. 3 р. за томъ.

XLVI т. составляетъ вторую и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю часть донесеній графа Мери д'Аржанто Маріа Терезіа и гр. Кауинцу изъ Петербурга за время съ половины 1762 до конца 1763 г., когда онъ оставилъ свой постъ въ Россіи. Опытный дипломатъ отчетливо и мѣтко рисуетъ политическія отношенія и положеніе новаго правительства послѣ недавняго тяжкаго переворота, значительно измѣнившаго прежній порядокъ. Въ своихъ обширныхъ донесеніяхъ рельезно изображаетъ онъ борьбу партій, положеніе государства, состояніе финансовъ, торговли и т. п. Можно сказать, что ни одинъ вопросъ вѣшной и внутренней политики новаго правительства не ускользнулъ отъ его вниманія. Въ его донесеніяхъ удѣлено также много мѣста лицамъ, занимавшимъ въ то время вниманіе общества по своему положенію или отношеніямъ, какъ Арсеній Мацѣевичъ, Бесугубевъ-Рюмишъ, Вирювъ, Воронцовъ, Глѣбовъ, Дашкова, вел. кн. Павелъ Петровичъ, гр. Гр. Орловъ, о которомъ есть недлинные интереса подробности, и т. п.; но особенною обстоятельностью отличаются донесенія Мери, посвященныя политикѣ, характеристикѣ представителей разныхъ державъ и т. п.

L-й томъ сборника составляетъ продолженіе донесеній и бумагъ чрезвычайнаго посланника англійскаго двора Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда съ 1708—1711 гг., заключающія въ себѣ свидѣнія о шведской войнѣ, о Булавинскомъ бунтѣ, о Маселѣ, о турецкой войнѣ и т. п. Весьма подробно говорится въ донесеніяхъ объ отношеніяхъ, возникшихъ по поводу оскорбленія русскаго посланника Матѣева во время пребыванія его въ Лондонѣ и др.

О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода. І. П. Сенигова. Сиб. 1886, стр. 125. Ц. 1 р. 25 к.

Въ лицѣ автора русскаго историческаго общества пріобрѣла усерднаго изслѣдователя новгородскихъ лѣтописей. Въ 1884 г. онъ напечаталъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. свое изслѣдованіе: «О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода (№ 6, стр. 198—236). Настоящій трудъ составляетъ

также оттискъ изъ другаго изданія: «Лѣтопись занатій Археогр. комиссіи», т. VIII. Въ немъ авторъ задался цѣлью рѣшить, на основаніи сравнительнаго изученія данныхъ новгородскихъ и другихъ лѣтописей, вопросъ о составѣ новгородскаго свода и времени его возникновенія. За тѣмъ, въ трехъ главахъ онъ разсматриваетъ всѣ, относящіяся сюда, списки лѣтописей и мнѣнія ученыхъ по данному вопросу, подтверждая свои доводы многочисленными сопоставленіями. Въ изслѣдованіяхъ своихъ онъ пришелъ къ слѣдующимъ существеннымъ выводамъ: 1) потерянное начало Соф. временника, новгородскаго свода началъ XIII в., возможно постановить на основаніи данныхъ позднѣйшихъ лѣтописей; 2) главныхъ источниковъ у составителя Соф. времен. было два: Повѣсть временныхъ лѣтъ съ 989 г. и новгород. лѣтописи, начиная съ 989 г.; 3) Соф. временникъ былъ составленъ въ самомъ началѣ XIII в.; 4) данными своими главныхъ источниковъ составитель пользовался добросовѣстно, позволяя себѣ лишь рѣдкія измѣненія и дополненія; 5) составитель Соф. врем. былъ монахъ Порфирій, мірское имя котораго было Провша; 6) составители позднѣйшихъ лѣтописей (Соф., Воскрес., Тверск., Новгород. I-й), въ которыхъ имѣется предисловіе Соф. врем., при измѣненіи, распространеніи и сокращеніи данныхъ этого временника, имѣли цѣлью не искажать эти данныя, а представить ихъ для своихъ современниковъ въ болѣе понятномъ и ясномъ изложеніи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ авторъ имѣетъ въ виду собственно мнѣніа г. Янина по тому же вопросу.

Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистич. комитета. Т. V, изд. подъ ред. А. В. Альбицкаго. В. 1885. 104 стр. (столб.) in 4^о, съ приложен. таблицъ.

Изъ статей историческаго содержанія отнѣсти здѣсь: о пребываніи наслѣдн. цесар. Александра Николаевича въ Муромѣ въ 1837 г.; монастыри и пустыни, бывшія въ александровскомъ уѣздѣ; мѣсто казни кн. Владиміра Старицкаго въ александровскомъ уѣздѣ; Успенская Золотинковская пустынь; Гавриловскій посадъ за 200 лѣтъ назадъ по писцовымъ выпискамъ; археологическія находки близъ слоб. Холуи, Вязниковскаго

А. Серяков

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 7-го АВГУСТА 1886 ГОДА

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

ГЛАВА IV¹⁾.

Упреки, дѣлаемые Екатеринѣ II, и отвѣты на нихъ. — Ея непобѣдимыя войска. — Восточный вопросъ. — Польша.

До сихъ поръ мы судили объ Екатеринѣ II, этой необыкновенной женщинѣ, какъ о государынѣ; но благодѣянiя, оказанныя ею государству, до того очевидны для всѣхъ тѣхъ, которые не ослѣплены предубѣжденiемъ, что зложелательству пришлось напасть на Екатерину со стороны ея частной жизни, чтобы набросить тѣнь на блескъ ея генiя.

Упреки, ей дѣлаемые, заключаются обыкновенно въ томъ 1) что она произвольно вступила на руссiйскiй престолъ; 2) пренебрегла воспитанiемъ своего сына и даже умышленно ожесточила его характеръ, дабы сдѣлать Павла неспособнымъ къ царствованiю; 3) увеличила свои владѣнiя изъ честолюбивыхъ видовъ; 4) ея фаворитизмъ, по словамъ клеветниковъ, былъ источникомъ многихъ золъ.

Отвѣчая прежде всего на первое обвиненiе, въ присвоенiи ею верховной власти, мы спросимъ обвинителей, хорошо-ли они

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. I, июнь, стр. 463—488; т. II, августъ, стр. 247—270.

думали о качествахъ тѣхъ, которые имѣли законное право на его наслѣдіе? (Знаменитый Каррачіоли говорилъ, что русскій престолъ ни наслѣдственный, ни избирательный, но занимаемый). Первымъ былъ Петръ III, супругъ Екатерины.

Этотъ государь хотя и рожденный съ добрыми наклонностями, изрѣдка проявившимися въ его свѣтлыя минуты, со времени восшествія своего на престолъ погрузился въ чувственныя наслажденія, не говоря уже о его антинаціональныхъ стремленіяхъ. Очевидно, что человѣкъ въ этомъ положеніи былъ способенъ управлять царствомъ не иначе, какъ на горе Россіи.

Вторымъ претендентомъ на престолъ былъ сынъ Екатерины— Павелъ I, тогда малолѣтній. Мы видѣли его царствующимъ. Неужели тѣ, которые обвиняютъ императрицу въ небреженіи къ его воспитанію, хотятъ упустить изъ виду человѣческую организацію? Фридрихъ Вильгельмъ, король прусскій, былъ однимъ изъ тѣхъ, которые дѣлали все, на что способенъ безчеловѣчный отецъ, что могъ сдѣлать самовластный глава, чтобы довести своего сына до оупѣнія. Но счастливая натура молодого принца такъ хорошо устояла противу всѣхъ усилій искусства, что создала изъ него великаго короля, философа и завоевателя. То же можно сказать и о Карлѣ VIII, сынѣ Людовика XI, обреченномъ своимъ отцомъ на невѣжество, но хорошія природныя свойства котораго все это преодолѣли. Петръ I и сестра его Софія — на глазахъ у всѣхъ русскихъ: она употребляла не мало усилій, чтобы онъ сдѣлался неспособнымъ царствовать.

Итакъ, если самыя могучія средства недостаточны, чтобы уничтожить врожденныя склонности и качества, которыми отъ природы одаренъ человѣкъ, то во сколько-же разъ труднѣе и даже невозможнѣе дать ему тѣ свойства, которыхъ онъ лишенъ?

Императрица Екатерина чувствовала потребность защитить едва зараждающуюся народную свободу и народное благосостояніе отъ наслѣдственности законной, угрожавшей ниспровергнуть то зданіе, въ основу котораго она, вмѣняя себѣ это въ славу, положила первый камень.

Императрица Екатерина начала съ того, что дѣлала все отъ нея зависѣвшее, чтобы сынъ ея постигнулъ и усвоилъ своимъ умомъ всѣ знанія, необходимыя государю. Не довольствуясь

тѣмъ, что онъ былъ окруженъ образованными людьми своей старины, она пригласила Д'Аламбера, чтобы препоручить ему воспитаніе сына, но, не смотря на всѣ ея убѣдительныя просьбы, Д'Аламберъ отъ этого постоянно отклонялся. Впослѣдствіи она пыталась посвятить великаго князя въ государственныя дѣла, приказывая ему присутствовать при ея занятіяхъ; но увидѣла, наконецъ, что всѣ ея попытки разбиваются въ прахъ предъ причудливымъ умомъ и характеромъ великаго князя. Изъ боязни раздражать его противорѣчіемъ, она ограничилась тогда представленіемъ ему воли, — насколько допускали обстоятельства, удовлетворять его страсти къ военщинѣ, дозволивъ ему сформировать нѣсколько полковъ, составленныхъ большею частью изъ бѣглыхъ солдатъ, мопенниковъ и негодяевъ арміи. Онъ ихъ одѣлъ и обучалъ по прусскому образцу и вмѣстѣ съ ними послѣ кончины своей матери какъ-бы завоевалъ имперію, такъ сказать, раздѣлилъ ее между ними, какъ мы это покажемъ при обзорѣ его царствованія. Затѣмъ, неужели-же обвинители Екатерины не хотятъ знать того, что, въ минуту паденія Петра III, ей не было инаго выбора, какъ только взойти на престоль, или низойти въ могилу? ибо извѣстно, что она была обречена на жертву. Ее хотѣли заточить пожизненно въ крѣпость, гдѣ она, вѣроятно, погибла бы вскорѣ, если бы не согласилась взойти на престоль. Петръ рѣшился жениться на другой женщинѣ, своей фавориткѣ. Въ этомъ дворцовомъ переворотѣ все было подготовлено и сдѣлано въ пользу Екатерины добрыми русскими патріотами, безъ всякой надобности въ ея вмѣшательствѣ. Она только рискнула собственною особою, когда мужество ея оказалось необходимымъ для окончательной развязки начатаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно, что она не желала столь внезапной кончины своего супруга...

Иностранцы, не имѣющіе понятія о благоденствіи, которымъ наслаждались русскіе въ теченіе тридцати четырехлѣтняго царствованія Екатерины, только одни и могутъ быть болѣе поражены мнимымъ зломъ присвоенія власти, нежели существенными благами для Россіи, которыя были его послѣдствіями.

Затѣмъ ее упрекаютъ въ ненасытимой страсти къ увеличенію своихъ владѣній, бывшей причиною многихъ войнъ. Упрекъ, который всегда легко сдѣлать, по совершеніи факта, особенно со стороны не умѣющихъ ни поставить себя на мѣсто порицае-

мыхъ ими, ни обсудить по достоинству обстоятельствъ, повлекшихъ за собою эти событія. Развѣ мы не слышимъ, какъ англичане обвиняютъ Питта, величайшаго изъ ихъ министровъ, за послѣдствія стѣснительнаго положенія, въ которое была поставлена ихъ страна, послѣ столь долгой войны съ Франціею или, скорѣе, съею столубіемъ Бонапарта? Однако-же, кто можетъ отрицать, что Англія, во время своей долгой и великой борьбы, не обнаружила своихъ неистощимыхъ средствъ, не напрягла самыхъ великодушныхъ и мужественныхъ усилій, чтобы противоборствовать цѣлой Европѣ, противъ нея ополчившейся и направляемой рукою одного изъ величайшихъ завоевателей, и это противоборство было спасеніемъ той-же Европѣ.

Кто умѣетъ вознести свою страну на высоту могущества и славы, тотъ не можетъ подлежать легкой критикѣ и еще того менѣе подвергаться личной отвѣтственности. То-же должно сказать и объ императрицѣ Екатеринѣ: она возвысила свой народъ до той степени, до которой онъ только былъ способенъ быть вознесеннымъ. Она одна изъ всѣхъ россійскихъ государей умѣла усвоить политику дальновидную и поддерживала ее во все продолженіе своего царствованія. Она побѣдоносно боролась со всѣмъ, что противилось ея движенію впередъ; съ малочисленными войсками побѣждала арміи безчисленныя, и съ самыми малыми средствами достигала величайшихъ послѣдствій. Эту тайну она унесла съ собою въ могилу; ибо мы видѣли послѣ того, какъ многочисленныя арміи переходили отъ одного пораженія къ другому; какъ при употребленіи самыхъ громаднѣйшихъ средствъ бывали самыя маловажныя — если и не вовсе ничтожныя — послѣдствія.

Для лучшаго уясненія сказаннаго нами мы представимъ очеркъ военныхъ событій въ царствованіе Екатерины Великой.

Геній этой государыни-законодательницы умѣлъ весьма искусно обнять всѣ отрасли администраціи. Она простирала свои далекіе и возвышенные виды въ равной степени и на войну, и на политику. Въ ея время армія состояла почти изъ двухсотъ пятидесяти тысячъ человекъ; ею завѣдывала коллегія изъ генераловъ и отличнѣйшихъ военныхъ людей, вскормленныхъ подъ боевыми шатрами и испытанныхъ болѣе битвами, нежели безполезными парадами и маневрами. Президентомъ этой коллегіи былъ старѣйшій по чину, назначаемый императрицею.

Въ мирное время войска были расположены въ разныхъ частяхъ имперіи и на разныхъ пунктахъ границы. Въ военное время дѣйствующія арміи ввѣрялись генераламъ по выбору самой государыни. Войны всегда оканчивались со славою и съ великими выгодами для имперіи, начиная съ первой-же (турецкой) кампаніи 1769 года. Хотинъ, Яссы, Галацъ были взяты; великій визирь потерпѣлъ поражение; одинъ паша былъ убитъ. Въ томъ-же году были взяты Азовъ и Таганрогъ.

На слѣдующій годъ Потемкинъ и гр. Подгоричани разбили десяти тысячный турецкій корпусъ у Фокшанъ подъ начальствомъ сераскира Румели-Валаси и Сулимана-паши; гр. П. И. Панинъ взялъ Бендеры; затѣмъ сдался Аккерманъ; гр. П. А. Румянцевъ разбилъ 150,000 турокъ у Рябой Могилы съ 17,000 чел.; разгромилъ ихъ при Ларгѣ, Кагулѣ; князь Репнинъ занялъ Измаилъ; сдалась Килія... Тогда-же на Средиземномъ морѣ — порты Вителло, Коронъ и Наваринъ были заняты русскими; произошелъ Чесменскій бой и весь турецкій флотъ былъ сожженъ.

Въ 1771 году генераль-маіоръ Вейсманъ съ двумя тысячами человекъ переправился черезъ Дунай, разбилъ шеститысячный турецкій корпусъ, овладѣлъ Исакчею, сжегъ магазины, разорилъ гавань, взялъ въ плѣнъ фрегаты и гребныя суда, овладѣлъ большою добычею, взялъ много плѣнныхъ, пятьдесятъ орудій и возвратился черезъ Дунай, не смотря на великаго визиря, стоявшаго съ шестьюдесятью тысячами человекъ въ шести миляхъ отъ Исакчи. Въ то-же время Долгорукій, прорываясь чрезъ Перекопскія линіи, вступилъ въ Крымъ, не взирая на присутствіе хана, у котораго для его защиты было пятьдесятъ тысячъ татаръ и семь тысячъ турокъ. Козловъ, Карасу-Базаръ, Кафа, Керчь, Еникале и многіе острова, съ двумястами тысячъ татаръ, заселявшихъ и острова и твердую землю—достались во власть русскимъ.

Въ 1772 году послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши. Этотъ раздѣлъ хотя и менѣе выгодный для Россіи, нежели для двухъ другихъ державъ, бывшихъ съ нею въ долѣ, вслѣдствіе дурной почвы въ областяхъ, ей уступленныхъ, способствовалъ, однако-же, увеличенію, силѣ и благоденствію имперіи.

Въ 1773 г. 10 мая А. В. Суворовъ взялъ Туртукай; гр. И. Ѳ. Каменскій разбилъ турецкій корпусъ на островѣ у Жур-

жева; 3 сентября корпусъ Суворова уничтожилъ у Гирсова одиннадцати тысячный турецкій корпусъ.

Въ 1774 году казакъ-мятежникъ Пугачевъ былъ преслѣдуемъ, побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ генераломъ Михельсономъ.

Гр. М. О. Каменскій сперва разбилъ значительный турецкій корпусъ у Абату, затѣмъ другой у Базарджика, а 9 июня у Козлуджи уничтожилъ 40,000 корпусъ подъ предводительствомъ Рейсъ-Эфендія и Янычара-Аги; 19 июня — нанесъ поражение сераскиру близъ Алибады и пресѣкъ великому визирю сообщенія съ Адрианополемъ; 10 іюля былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха, въ 1787 году, турки объявили войну императрицѣ, засадивъ въ Семибашенный замокъ ея министра Булгакова, и Суворовъ одержалъ побѣду подъ Кинбурномъ. Императоръ Австрійскій Іосифъ II присоединился къ Россіи и 9 февраля 1788 года объявилъ войну Портѣ.

Гассанъ-паша появился въ Черномъ морѣ со своимъ флотомъ, который былъ разбитъ флотомъ императрицы. 21 іюля была одержана побѣда при Фокшанахъ, 10 сентября при Рымникѣ; въ то-же время принцъ Кобургскій, во главѣ сорока-тысячной австрійской арміи, стоялъ въ Молдавіи, не смѣя напасть на великаго визиря вслѣдствіе превосходства силъ послѣдняго. Онъ нѣсколько разъ просилъ помощи у императрицы.

Наконецъ, по совершеніи главнѣйшихъ дѣйствій со стороны Чернаго моря, Екатерина прислала къ нему Суворова съ шестью тысячами войска. Турецкая армія была, по крайней мѣрѣ, въ сто пятьдесятъ тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ визиря, и расположена на берегахъ Рымника. Когда генералъ Суворовъ прибылъ, онъ явился къ принцу Кобургскому; послѣдній нашель, что подкрѣпленіе, присланное императрицею, слишкомъ незначительно, чтобы онъ могъ перемѣнить свое намѣреніе. Суворовъ предложилъ, однако, атаковать турокъ на завтра, и на отказъ австрійскаго военачальника, желавшаго дожидаться другихъ подкрѣпленій, объявилъ, что будетъ дѣйствовать одинъ. Дѣйствительно, на другой день, на разсвѣтѣ онъ напалъ на турокъ у Рымника. Рѣка этого имени, во время засухи, удобно проходима въ бродъ, превращается при дождяхъ въ быстрый потокъ; именно когда она была въ разливѣ, Суворовъ напалъ на визиря

Дженазе (это слово означает «смерть») и разбилъ его на голову. Все, что не было истреблено пушками, погибло въ рѣкѣ, запруженной телѣгами и трупами тѣхъ, которые пытались спастись, не смотря на приказаніе визиря стрѣлять по бѣглецамъ. 7-го ноября былъ занятъ Березикъ, а 6-го декабря Потемкинъ взялъ штурмомъ Очаковъ. 19 декабря гр. Каменскій одержалъ побѣду при д. Ганчурѣ надъ войсками татарскаго хана Мегметъ-Гирея.

Король шведскій также объявилъ войну и внезапно напалъ на русскіе предѣлы съ суши и съ моря. Результатомъ этихъ неожиданныхъ враждебныхъ дѣйствій была потеря половины его арміи и флота, и не будь сдѣлано ошибки принцемъ Нассау, онъ, вѣроятно, лишился бы своихъ областей.

Въ 1789 году кн. Н. В. Репнинъ разбилъ войска Сераскирапаши при р. Салчѣ, а Потемкину сдались Бендеры. Въ 1790 г.— О. М. Рибасъ взялъ Тульчу, Суворовъ овладѣлъ Измаиломъ. Шведы окончательно были истреблены адмираломъ Чичаговымъ на Балтійскомъ морѣ. Въ 1791 г. кн. Репнинъ разбилъ 100,000-й турецкій корпусъ, подъ начальствомъ великаго визиря, у Мачина, и 29 декабря былъ заключенъ миръ въ Яссахъ. Въ 1792 г.— война съ Польшею и ея завоеваніе. Въ 1793 — второй раздѣлъ этой страны, съ большими для Россіи выгодами, нежели первый.

Въ 1794 году поляки въ Варшавѣ сдѣлали попытку повторить «сицилійскія вечерни» съ русскими, что подало поводъ къ новой войнѣ. Превосходный и храбрый патріотъ Костюшко сталъ во главѣ польской арміи, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ генераломъ Ферзенемъ. Во время этихъ событій, прусская армія, подъ личнымъ предводительствомъ короля Вильгельма, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ маневрировала подъ Варшавою, постоянно угрожая ей, но не предпринимая ничего. Наконецъ, императрица послала Суворова, который тотчасъ-же по своемъ прибытіи осадилъ предмѣстіе Прагу; Варшава вскорѣ пала и въ теченіе восьми дней война была окончена.

Въ 1795 году рѣшились приступить къ третьему раздѣлу Польши. Слѣдствіемъ таковаго были для Россіи еще большія пріобрѣтенія.

Здѣсь конецъ побѣдамъ и завоеваніямъ въ царствованіе Екатерины. Въ 1796 году Россія оплакала незамѣнимую утрату

этой великой государыни. Ея преемникъ, вмѣнивъ себѣ въ обязанность передѣлать все, что было ею создано, обратилъ гоненіе на людей, которые такъ хорошо содѣйствовали его матери. Они повсюду были замѣщены людьми изъ солдатчины; это было истинное нашествіе варваровъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ умеръ отъ горя. Князь Репнинъ снова появился при дворѣ, но игралъ при немъ лишь жалкую роль придворнаго. Фельдмаршалъ Суворовъ былъ сосланъ, но затѣмъ призванъ императоромъ австрійскимъ, чтобы стать во главѣ его арміи. Суворовъ привелъ въ Италію русскія вспомогательныя войска и, предводительствуя ими и австрійскими войсками, этотъ послѣдній изъ екатерининскихъ генераловъ разбилъ французовъ, предводимыхъ Моро, Жубертомъ и Макдональдомъ при Треббii и при Нови. Онъ освободилъ Италію и послѣ этихъ триумфовъ возвратился въ свое отечество, чтобы умереть отъ униженія и грусти. Екатерининскіе генералы при новомъ правительствѣ были до такой степени не на своихъ мѣстахъ, что дарованія ихъ ни къ чему не послужили. Одинъ Суворовъ успѣлъ доказать, что, вопреки всякимъ препятствіямъ, онъ могъ бороться со всякими врагами—турками, поляками или французами.

Здѣсь начало неудачъ русскихъ войскъ. Корсаковъ былъ разбитъ при Цюрихѣ, 26 августа 1799 года. Это пораженіе, которымъ были обязаны неспособностямъ этого генерала, принудило Суворова къ его знаменитому отступленію чрезъ непроходимыя горы Швейцаріи,—отступленію болѣе трудному и болѣе почетному, нежели его побѣды.

Генералъ Германъ, въ свою очередь, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ въ Голландіи французами подъ предводительствомъ Брюна. Здѣсь конецъ бѣдствіямъ войскъ Павла, умершаго 23 (11—12) марта 1801 года.

Русскія военныя силы, чудесно увеличенныя имъ и потомъ его преемникомъ, достигли къ концу царствованія Александра почти до милліона человекъ, что не помѣшало имъ, однако-же, въ 1805 году, начать свое поприще потерей сраженія подъ Аустерлицемъ, бывшею, послѣ цирюхскаго, второю обидою, нанесенною славѣ побѣдоносныхъ русскихъ войскъ.

Въ 1806 году фельдмаршалъ Каменскій, назначенный императоромъ Александромъ для начальствованія надъ арміею противу

французовъ, былъ призванъ лишь за нѣсколько дней до того, въ который должно было послѣдовать сраженіе, чтобы принять командованіе надъ войсками, организованными до такой степени на новый ладъ и до того противоположный всѣмъ его понятіямъ, которыя онъ имѣлъ о нихъ до того времени, что послѣ тщетныхъ усилій ознакомиться съ новымъ положеніемъ дѣлъ, въ виду непріятели, онъ потерялъ голову и внезапно покинулъ армию, чтобы удалиться въ свое помѣстье.

Бенингсенъ, замѣнившій Каменскаго, былъ побиваемъ повсюду, не смотря на свои побѣдоносные бюллетени. Наконецъ, сомнительное сраженіе при Эйлау, весьма рѣшительное — подъ Фридландомъ и свиданіе въ Тильзитѣ—бывшее его послѣдствіемъ, прекратили эту войну, весьма бѣдственную для Россіи. Малое число войскъ, употребленныхъ Екатериною противъ турокъ, оказалось, благодаря энтузіазму, который она умѣла внушить войнамъ, превосходившимъ безчисленныя силы враговъ. Русская армія была значительно увеличена на томъ-же театрѣ войны, во время послѣднихъ кампаній. Подъ начальствомъ Каменскаго было свыше ста тысячъ человекъ, вмѣсто семнадцати и тридцати тысячъ, съ которыми Суворовъ и Румянцевъ постоянно побивали турокъ. Не смотря на это, за исключеніемъ сраженія, выиграннаго Каменскимъ-сыномъ, никто изъ генераловъ, командовавшихъ въ эту войну, начиная съ Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона, Каменскаго и Кутузова, не могъ довести своихъ предпріятій къ доброму концу, и всѣ осады были отражены. Не довольствуясь этими пораженіями, которыя они старались маскировать въ своихъ лживыхъ бюллетеняхъ, генералы оказались еще того преступнѣе жестокимъ вѣроломствомъ въ своихъ дѣйствіяхъ относительно мирныхъ и слишкомъ довѣрчивыхъ жителей Болгаріи, которыхъ они, льстивыми обѣщаніями, уговорили покинуть свои хаты и перебраться въ Молдавію и Валахію, гдѣ они были покинуты на жертву нищетѣ въ числѣ сорока тысячъ. Я самъ видѣлъ нѣсколько остатковъ этихъ несчастныхъ переселенцевъ въ крайне бѣдственномъ положеніи въ Бухарестѣ.

Во времена императора Александра, русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ, вмѣсто того, чтобы истребить турецкій, какъ

то было при Чесмѣ, далъ одно только сраженіе, безъ инаго результата, кромѣ потери офицеровъ.

Морскіе и сухопутные походы въ Корфу, въ Неаполь, въ Померанію, на островъ Готландъ были безуспѣшны, тягостны и безславны.

Русскій флотъ, отплывшій изъ Кронштадта, чтобы захватить шведскій, отнюдь не выполнилъ возложеннаго на него порученія и до того перепугался появленія двухъ англійскихъ кораблей, пришедшихъ на помощь къ шведскимъ, что тотчасъ-же обратился въ бѣгство, и—изъ десяти кораблей, въ числѣ которыхъ было два трехдечныхъ, и множество фрегатовъ, два англійскіе корабля, преслѣдую ихъ (шведскій флотъ остался назади), завладѣли однимъ, семидесяти-четырехъ-пушечнымъ, сожгли его и блокировали флотъ въ рейдѣ Балтійскаго порта, изъ котораго онъ вышелъ лишь по отплытіи осаждавшихъ.

Боюсь говорить о послѣдующихъ войнахъ, столь прославленныхъ у насъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось бы затронуть весьма щекотливый вопросъ о высокопоставленныхъ лицахъ, еще находящихся въ живыхъ; но я убѣжденъ, что люди, знающіе исторію, сами мысленно дополняютъ краткій обзоръ событій, доказывающихъ неспособность начальниковъ или пораженія, ими задуманныя и устроенныя.

Чему приписать эту перемену, если отчасти не коренному недостатку новой организациі военныхъ силъ и, въ особенности, отсутствію силы нравственной, которую Екатерина умѣла создать и поддерживать.

Затѣмъ, объ императрицѣ Екатеринѣ говорятъ, будто-бы она непремѣнно желала овладѣть Турціею. Можно-ли серьезно дѣлать ей подобный упрекъ? Не въ самой-ли натурѣ и не въ правахъ-ли государей, желающихъ заслужить титулъ великихъ, улучшать, обогащать, расширять ихъ владѣнія, если они находятъ къ тому средства въ ихъ собственномъ геніи? Карлъ Великій, не взирая на свое тайное судилище (Wehmgericht) и на избіеніе народа, имъ покореннаго; Людовикъ XIV, не смотря на свои захваты и вопреки раззоренія Пфальца и отиѣны Нантскаго эдикта, — получили за свои побѣды титулы великихъ, которые донинѣ за ними сохранились. Екатерина сравнялась съ

ними, по крайней мѣрѣ, въ своихъ благодѣяніяхъ, и не причиняла тѣхъ золъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ.

Допустимъ, однако-же, что эта государыня желала перенести свою столицу съ ледяныхъ береговъ Невы на привольные и восхитительные берега Босфора, занявъ, такимъ образомъ, мѣсто на границахъ Европы, Азіи и Африки, находя тамъ-же и море, которое она, чрезъ Дарданеллы, могла предоставить выгодамъ торговли и флота, созданнаго ею на этихъ берегахъ. Должна-ли она была заслуживать упреки за подобные замыслы,—упреки тѣмъ болѣе несправедливые, что ея благотворный геній и познанія заставили бы ее извлечь всю пользу и выгоды, которыя могли представить эти владѣнія не только для счастья ея подданныхъ, но и вообще всего рода человѣческаго. Выгоды, предусмотрѣнныя этимъ предположеніемъ, не осуществились—и что же вышло изъ этого? Прекраснѣйшая часть Европы осталась въ рукахъ варваровъ, донынѣ не умѣвшихъ извлечь изъ нея никакой пользы.

Представимъ себѣ государя, одареннаго умомъ высокимъ, обладающаго образованіемъ обширнымъ, безъ узкихъ взглядовъ и военной политики тѣхъ, которые не постигаютъ ни инаго величія, ни иной возможной славы, кромѣ добываемыхъ оружіемъ, пріумноженіемъ завоеваній, распространеніемъ своихъ владѣній, ради увеличенія числа своихъ рабовъ, какими-бы то ни было путями и какой-бы то ни было цѣной. Подобный государь не сталъ-бы полагать своего величія въ обширности территоріи; его усилія стремились-бы къ установленію истиннаго могущества. Онъ желалъ-бы достигнуть наибольшаго, какъ мы уже говорили, развитія нравственныхъ силъ, въ соразмѣрности матеріальнымъ силамъ царства. Къ этимъ побудительнымъ причинамъ прибавимъ положеніе географическое и политическое этого царства.

Если-бы онъ обратилъ взоры свои на сѣверъ, то увидѣлъ-бы себя отнесеннымъ на самую неблагоприятную окраину Европы, хотя и самую обширную изъ всѣхъ ея областей, почти сопредѣльную полярному кругу; въ страну, покрытую непроницаемою, ледяною корою, погруженную въ оцѣпенѣніе въ продолженіе болѣе полугода; въ страну съ почвою непронзводительною и, въ то же время, отдаленную отъ плодоноснѣйшихъ областей царства

и, слѣдовательно, отъ всякихъ источниковъ благосостоянія. Вслѣдствіе мѣстоположенія столицы при небольшомъ морѣ, или, вѣрнѣе, на озерѣ, покрытомъ льдомъ болѣе полугода времени, всякое торговое мореплаваніе было-бы парализовано. Продолжая развивать мое предположеніе, нахожу, что если-бы государь направилъ свой взглядъ къ югу, онъ нашель-бы просторно разбросанное населеніе, безъ промышленности, безъ образованія, хотя и живущее среди великихъ источниковъ благосостоянія матеріальнаго, и также море—замкнутое не только на полгода, но навсегда, ибо другое море держитъ ключъ къ нему. Онъ увидѣль-бы, однако, что природныя богатства, находящіяся въ этомъ обширномъ царствѣ, не могутъ ни развиваться, ни быть пущены въ обращеніе иначе, какъ чрезъ это море, сливающееся со Средиземнымъ и сопредѣльное входу въ океанъ, столь необходимый для поддержанія сношеній съ остальнымъ міромъ. Этимъ великимъ видамъ тѣмъ болѣе препятствовало-бы то, что средства къ отстраненію этой препоны на самомъ ея порогѣ. Предполагаемъ государя, стоящаго выше недовѣрчивой политики, основанной единственно на вычисленіяхъ и цифрахъ, которую вамъ ежеминутно ставятъ поперекъ дороги, чтобы доказать необходимость поддержанія какого-то европейскаго равновѣсія, доннынѣ мечтательнаго, которое до сихъ поръ давало результаты совершенно противоположныя тѣмъ, которыхъ отъ него ожидали. Итакъ, если-бы государь, сопрягая Турцію со своими существенными интересами, желалъ присоединить къ своему царству, покрытому на три четверти пространства ледяными пустынями, страны, оживотворенныя прекраснымъ небомъ, заключающія въ себѣ всѣ богатства промышленности и искусства, а слѣдовательно и всѣ основы благополучія ихъ жителей, — слѣдуетъ-ли за это порицать его? Выгоды подобнаго приобрѣтенія, при ихъ сравненіи съ невыгодами климата негостепріимнаго, съ мѣстоположеніемъ столицы, которую уже неоднократно грозили затопить морскія волны—не должны-ли были, весьма естественно, льстить политикѣ великой государыни,—политикѣ, которая, въ случаѣ удачи, извлекла-бы греческіе народы изъ ихъ оцѣпенѣнія рабства, въ которомъ они закоснѣли въ теченіе вѣковъ? Безъ кровопролитія, бывшаго впоследствии времени у нихъ въ отечествѣ, пришедшемъ въ упадокъ, воскресли-бы сво-

бода, промышленность, торговля, зацвѣли-бы вновь науки и искусства.

Освобожденіе людей отъ рабства должно быть владычествующею мыслію великаго государя—и императрица Екатерина, въ особенности, встрѣтившая непреодолимые препятствія къ достиженію этой цѣли въ своей странѣ, была-бы, конечно, счастлива, если-бы могла возвратитъ свободу грекамъ, народу, въ древности свободному, который слѣдовательно могъ-бы опять сдѣлаться таковымъ. Сами мусульмане, пожелавшіе опять жить подъ новымъ правительствомъ, могли-бы остаться въ этой странѣ во всей безопасности, нисколько не опасаясь ни за свою религію, ни за свое имущество, ибо Екатерина умѣла-бы уважить первую, оградить второе и дать полную свободу всесвѣтной торговлѣ.

Сравнимъ теперь ея политику съ политикою трехъ великихъ державъ, выраженною въ весьма недавнее время относительно Турціи. Ихъ цѣль заключалась въ сохраненіи этой имперіи наперекоръ всѣмъ противурѣчивымъ доводамъ, которые могли быть предъявлены. Какъ-же онѣ взялись за это? Онѣ въ теченіи многихъ лѣтъ оставались благодушными и безучастными зрителями рѣзни Турціи съ греками; затѣмъ, когда она угомонилась,—истребили ея флоты, ослабили ее и унизили до крайней степени. Кто-же всѣмъ этимъ воспользовался? Родъ человѣчскій? Нѣтъ; именно этого-то всего болѣе и опасались. Желая воспрепятствовать расширенію ея предѣловъ, ее окружили сосѣдями и кончили тѣмъ, что ей-же ихъ и выдали, сдѣлавъ все, чтобы ихъ обезсилить. И это совершилось въ то самое время, когда обстоятельства слагались сами собою въ пользу ихъ замысловъ; ибо стоило только предоставить свободу дѣйствій Мегемету-Али и Абрагиму-пашѣ, которые, завоевавъ Турцію, могли призвать ее къ возрожденію. Но слѣпые кабинеты, французскій и англійскій, воспротивились единственному возможному осуществленію ихъ плана.

Такимъ образомъ, осуществленіе екатерининскаго плана доставило-бы великія выгоды не только ея имперіи, но и всѣмъ тѣмъ, которые, привыкнувъ къ дѣятельной и промышленной жизни, пожелали-бы переселиться въ ея новыя области, призванныя ею къ возрожденію и открытыя для доступа всѣмъ народамъ.

Умѣренность ея политики была тому единственною помѣхою.

Мудрая и дальновидная политика не терпит никакой рѣзкости дѣйствій; она выжидаетъ благоприятныхъ обстоятельствъ — и если императрица питала эту мысль, кто могъ-бы противиться ея обширнымъ намѣреніямъ? Если ея полководцы, съ пятнадцатью, шестнадцатью тысячами человѣкъ, постоянно побивали турокъ и истребляли арміи, простиравшіяся свѣше ста пятидесяти тысячъ, кто могъ-бы помѣшать ей идти до Константинополя? Помощь, оказанная Турціи со стороны другихъ державъ? Но она была слишкомъ слаба и пришла-бы слишкомъ поздно. Не Балканы-ли, чрезъ которые посланники Екатерины неоднократно переѣзжали въ коляскахъ, со своими свитами, и еще въ недавнее время перешла русская армія безъ всякой помѣхи, безъ единого выстрѣла? Что-же останавливало ея побѣдоносное шествіе, если не предложенія мирныя, каждый разъ прерывавшія ея успѣхи и кровопролитія и принимаемыя ею, если она находила ихъ почетными и выгодными.

Переносясь даже ко временамъ древнимъ, видимъ, что одинъ изъ великихъ императоровъ римскихъ призналъ за благо замѣну знаменитаго, величественнаго, престольнаго Рима прелестнымъ городомъ Константинополемъ.... А императрицу Екатерину мы будемъ порицать за то, что она эту столицу предпочла С.-Петербургу? Россія, Европа и человѣчество могли бы только выиграть отъ этой перемѣны. Можно-ли допускать болѣе великую и болѣе почтенную цѣль политическую и честолюбивую, если не цѣль этой великой государыни? Она писала Вольтеру: «если бы Греція, которая только возсылаетъ свои моленія, дѣйствовала съ тѣмъ же мужествомъ, съ какимъ дѣйствуетъ властитель пирамидъ, Али-Бей,—театръ въ Аѣинахъ скоро пересталъ бы быть огородомъ, а лицей—конюшнею». Судя по подобнымъ мыслямъ, можно предполагать, какую пользу счумѣла бы Екатерина извлечь изъ обстоятельствъ въ 1822 году, въ эпоху великаго возстанія Греціи, если бы она до нея дожила. Но о самой императрицѣ послѣ ея смерти судили точно также, какъ о «Наказѣ» при ея жизни. Этотъ «Наказъ» былъ запрещенъ во Франціи и вотъ что о томъ рассказываетъ Вольтеръ: «Голландскій книгопродавецъ напечаталъ этотъ «Наказъ», которымъ должны были руководствоваться всѣ цари и суды всего свѣта; онъ отправилъ въ Парижъ туюкъ съ двумя тысячами экземпляровъ. Книгу

отдали на разсмотрѣніе одному школяру, книжному цензору, какъ будто какойнибудь парижскій шалопаи могъ быть судьей государыни, да еще и какой государыни! Этотъ тупоумный мошенникъ напелъ предложенія смѣлыя, неблагозвучныя, обидныя для его грубаго уха—и объявилъ книгу опасною, подобно книгѣ философской, и ее, безъ другаго пересмотра, отослали обратно въ Голландію. Такъ было не дозволено пропустить чрезъ таможенную мысли превосходнаго и мудраго «Наказа» Екатерины.

Точно также въ отношеніи ея поступаютъ современные школяры, которые столь же неспособны ее понимать, насколько старинные парижскіе шалопаи не поняли ея «Наказа». Въ особенности грустно видѣть желаніе унижить геній, доискиваясь въ его частной жизни слабостей, сродныхъ натурѣ человѣческой, ибо съ этой стороны обыкновенно нападаютъ на Екатерину, какъ увидимъ далѣе.

Затѣмъ ее обвиняютъ въ томъ, что она виновница раздѣла Польши. Но несправедливо было бы возлагать на нее одну всю отвѣтственность за эту мѣру. На долю Фридриха Великаго и Маріи Терезіи должна также выпадать и ихъ часть и мы прибавимъ къ нимъ и самихъ поляковъ, вслѣдствіе ихъ буйнаго характера и непостоянства политической организаціи.

Въ Европѣ существовали лишь два избирательныя правительства: въ Польшѣ и въ Церковной области. Въ первой оно было плодомъ честолюбія, необузданности и насилія, такъ какъ страна находилась въ постоянномъ волненіи и часто въ беспорядкѣ; во второй—это было продуктомъ лукавства и одряхлѣнія, и тамъ правительство находилось всегда въ положеніи умирающаго. Съ одной стороны—горячка, съ другой—старческое истощеніе, можетъ быть еще того болѣе гибельное для общества. Таковы были результаты этихъ правительствъ, чисто избирательныхъ.

Понятно, что это непостоянство и буйства Польши должны были подать поводъ или предлогъ ея сосѣдямъ ко вмѣшательству въ ея дѣла.

Въ наши дни сложились гораздо болѣе здравыя понятія о нравахъ народовъ, а необходимость оберегать собственное свое спокойствіе не даетъ болѣе права лишать людей ихъ свободы, подъ предлогомъ избавленія ихъ отъ безначалія. Но въ ту эпоху

государя не могли дѣйствовать по правиламъ, еще не существовавшимъ. Къ выгодамъ дѣйствительнымъ, Екатерина, возродительница Россіи, приобщала народы, присоединенные къ ея имперіи, стараясь сдѣлать изъ нихъ гражданъ, а не рабовъ.

Впрочемъ, тѣ, которые всего болѣе ропшутъ на раздѣлъ Польши, могли бы, обращаясь къ своей собственной политикѣ, снисходительнѣе смотрѣть на это нарушеніе правъ человѣчества, сравнивая его съ раздѣломъ территорій и даже престоловъ, совершенныхъ въ Германіи и въ Италіи императоромъ Наполеономъ, или—съ захватами ихъ на вѣнскомъ конгрессѣ, когда народы, соединенные въ большомъ и маломъ числѣ, переходили, подобно стадамъ, отъ одного владѣльца къ другому, вопреки всякому чувству справедливости и достоинства человѣческаго.

Слѣдуетъ признать вообще, что польскіе дворяне бываютъ часто движимы похвальными чувствами. Они достаточно образованы, великодушны, гостепріимны до расточительности, учтивы съ равными себѣ, но весьма надмѣнны со своими вассалами, чрезвычайно щекотливы въ вопросахъ чести, страстно любятъ свободу, понимая ее по своему, т. е. увлекаясь сильнѣйшимъ духомъ партій. Исполненные тщеславія, хвастливости и энтузіазма къ національной независимости, они способны на величайшія жертвы и на опаснѣйшія предпріятія. Просвѣщеніе между ними вообще распространено болѣе, нежели у насъ. Въ бытность мою въ Бѣлоруссіи, съ давнихъ временъ подданной Россіи, я, между мелкопомѣстнымъ дворянствомъ, нашелъ болѣе общихъ познаній, болѣе точныхъ понятій о законодательствѣ и собственныхъ своихъ правахъ, нежели замѣтилъ впоследствии въ нѣкоторыхъ совѣтахъ министровъ и нѣкоторыхъ совѣщательныхъ собраніяхъ. Поляки знаютъ латинскій языкъ и изучаютъ римское право.

Польскія дамы часто соединяютъ съ красотою англичанокъ граціозность француженокъ, и, будучи оживлены сильнѣйшимъ патріотическимъ чувствомъ, поддерживаютъ его въ мужчинахъ, надъ которыми ихъ прелести дають имъ большую власть.

Однако же низшіе классы польскаго народа невѣжественны, продажны, лѣнны, унижены,—рабы во всей силѣ этого выраженія, а дворяне, повидимому, удерживаютъ преимущественно эту свободу подъ ярмомъ, налагая его на своихъ заморенныхъ соотечественниковъ.

Избираніе монарха собраніемъ прямымъ, всегда бурнымъ, равно и отсутствіе единственнаго пути, которымъ свободный народъ можетъ достигнуть до законодательства положительнаго, т. е. національнаго собранія, состоящаго изъ провинціальныхъ выборныхъ,—вотъ причины того, что польское правительство было самое худшее, какое только можно себѣ представить. Veto (не позволяемъ), которое, къ несчастію поляковъ, имъ удалось установить, прибавляло сумятицы на ихъ сеймахъ. Если бы при своихъ выборахъ они руководствовались достоинствами избираемаго лица, тогда у нихъ было бы еще нѣкоторое вѣроятіе на счастье; но заносчивость духа партій направляла и останавливала выборъ, безъ всякаго вниманія къ заслугамъ или неспособностямъ въ полякѣ или въ иноземцѣ.

Малѣйшее подозрѣніе, основательное ли, нѣтъ ли, противу исполнительной власти возбуждало кличъ къ оружію, безъ всякаго соображенія о средствахъ и безъ всякаго предвидѣнія послѣдствій. Наконецъ, не видно было возможнаго конца этимъ смутамъ, равно гибельнымъ для самихъ поляковъ и безпокойныхъ для ихъ сосѣдей. Здѣсь должно замѣтить, что въ Европѣ есть еще другой примѣръ избирательнаго правительства, именно (какъ я уже говорилъ) папскаго, и оно всегда въ состояніи истощенія, хотя и поддерживается нѣкоторою нравственною властію.

Итакъ, не желая отрицать рыцарскихъ чертъ, присущихъ характеру поляковъ, должно, однако же, признать, что ихъ чрезвычайная подвижность, соединенная съ восторженностью благородною, но совершенно необдуманною или разнузданною, часто увлекала ихъ на край той пропасти, въ которую они, наконецъ, ринулись. Справедливо сказано, что въ Польшѣ имя короля соединяется съ правленіемъ республиканскимъ; пышность трона—съ невозможностью упрочить послушаніе; крайняя любовь къ независимости—съ рабскими привычками; законъ—съ безначаліемъ; нищета—съ безумною роскошью; плодоносная почва—безъ обработки и любовь къ искусствамъ—безъ способности отличатся въ которомъ либо изъ нихъ. Эти аномаліи крайне затрудняли управленіе подобнымъ народомъ; было также весьма опасно предоста-вить его собственному самоуправленію.

Долго перенося невыгоды подобнаго порядка вещей, государи

сосѣднихъ земель рѣшились войти въ соглашеніе о мѣропріятіяхъ къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которыя имъ причиняли каждый выборы. Одинъ глубокомысленный писатель замѣтилъ, что Пруссія, не смотря на свои побѣды въ продолженіе Семилѣтней войны, оставалась слабою въ сравненіи съ Австріею и Россіею. Фридрихъ II и братъ его Генрихъ, коего политическая прозорливость равнялась его воинскимъ дарованіямъ, знали о желаніи Австріи воротить прежнія свои владѣнія и что увеличеніе это могло быть допущено Россіею, съ условіемъ расширенія ея собственныхъ предѣловъ нѣсколько къ югу. Въ этомъ критическомъ положеніи Фридрихъ и его братъ, оставленные Франціею на произволъ судьбы, поняли, что единственное средство къ сохраненію за Пруссіею мѣста въ ряду европейскихъ державъ, дарованнаго ей побѣдами, въ томъ, чтобы связать ее узами общихъ интересовъ съ Австріею и Россіею.

При этомъ положеніи дѣлъ, Россія болѣе теряла, нежели выигрывала, ибо почти вся Польша находилась въ зависимости отъ нея, и, потому, эта мѣра со стороны Екатерины была не хищеніемъ, какъ клеймятъ ее, давая подобное прозвище, а жертвою, приносимою бѣдльшими выгодами въ пользу малыхъ, но, быть можетъ, болѣе прочныхъ. Со стороны Пруссіи это было слѣдствіемъ дальновидной политики, потому что Австрія была въ томъ въ равной степени заинтересована. Увеличивая территориальный составъ Пруссіи, въ то же время побуждались къ ея сохраненію тѣ державы, которыя иначе могли бы желать ея ослабленія, или уничтоженія. Императрица Марія Терезія согласилась на эту мѣру, понимая ея мудрость и видя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что она принята отнюдь не для удовлетворенія честолюбія Екатерины II. Послѣ зрѣлыхъ совѣщаній и глубокихъ размышленій трехъ мудрѣйшихъ политиковъ и, въ то-же время, величайшихъ государей этой эпохи, раздѣлъ Польши былъ рѣшенъ, какъ единственное средство къ прекращенію печальныхъ событій, коихъ она была позорищемъ.

Должно припомнить, что понятія, какъ о правахъ отдѣльно взятыхъ личностей, такъ и о правахъ народовъ, значительно развились съ того времени, и хотя возможность дать довольно строгія узаконенія къ укрощенію столь строптиваго народа можетъ быть допущена и въ наше время,—упомянутые три государя могли дѣйствовать лишь по понятіямъ своего времени.

Если бы они имѣли отрадную возможность обладать поляками въ наше время, они, вѣроятно, избѣгли бы подобныхъ крайностей, ибо были слишкомъ одарены прозорливостію, чтобы бороться съ духомъ ихъ вѣка.

Можно сказать, что великія европейскія державы, которыя никогда не совѣстятся захватывать все, что имъ кажется выгоднымъ обладаніемъ, пришли бы въ раздраженіе при мысли, что женщина, во главѣ непросвѣщенной націи, вздумала дѣйствовать нѣсколько по ихъ примѣру, съ цѣлію обезпечить спокойствіе и славу своихъ подданныхъ.

Впрочемъ, восходя къ отдаленнѣйшимъ временамъ, видимъ, что поляки, послѣ смерти Баторія, въ 1586 году раздѣлились, по обыкновенію, при избраніи ему преемника. Одна изъ партій подала свой голосъ за Сигизмунда, наслѣдника шведскаго престола; другая—за Максимилиана Австрійскаго; а третья—самая многочисленная — за Феодора, царя Русскаго. Это доказываетъ, что поляки не всегда были противъ русскаго владычества. Извѣстно даже, что сами русскіе отказались тогда отъ сдѣланнаго имъ предложенія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій относительно распредѣленія титуловъ монарха, которымъ они не хотѣли подчиниться, и этимъ рѣшено было избраніе Сигизмунда.

Состояніе безначалія и неопредѣленности, въ которомъ находилась Польша, во всѣ времена, внушало ея просвѣщеннѣйшимъ осударственнымъ мужамъ, что ея раздѣлъ неизбеженъ. На сеймѣ 1762 года примасъ говорилъ избирателямъ: «разсмотрите состояніе вашей отчизны, коей паденіе, неизбежное и недалекое, предвидится всѣми иностранцами, которые удивляются, какъ еще она могла существовать такъ долго безъ всякаго совѣта, безъ всякаго правительства. Власть законодательная упразднена; неисполненіе законовъ—обычное; правосудіе уничтожено силою; свобода угнетена; торговля при послѣднемъ издыханіи; города и посады обращаются въ развалины; села и деревни подвергаются набѣгамъ,—вотъ что мы видѣли въ Польшѣ въ теченіе тридцати семи лѣтъ. Въ какой исторіи отыщется примѣръ націи, преданной подобнымъ неурядицамъ?» — Таково было предвидѣніе польскихъ государственныхъ людей.

Чтобы извлечь страну изъ этого, почти непрерывнаго, безначалія, Екатерина проявила свою мудрость, избравъ орудіями

своихъ намѣреній людей просвѣщеннѣйшихъ, усерднѣйшихъ и ревностнѣйшихъ изъ польскихъ патріотовъ. Чарторыжскіе и ихъ племянники Понятовскіе были того мнѣнія, что страна слишкомъ обширна, нравы слишкомъ испорчены, сосѣди слишкомъ могущественны, чтобы поляки могли оставаться подъ республиканскимъ правленіемъ и склонились на учрежденіе правильнаго монархическаго правленія. Эти люди, уважаемые поляками, собрали многочисленную партію сочувствующихъ этой системѣ, — партіи, признанной императрицею за единственную, которая можетъ быть допущена. Но этихъ здравомыслящихъ патріотовъ надобно было поддерживать противу самой разнузданной оппозиціи, и, съ ихъ согласія, русская армія вступила въ Литву. Самые ярые республиканцы кликнули кличъ къ народу: «жгите ваши дома; лучше скитаться по землѣ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели подчиниться произволу!» Впрочемъ, что касается до владычества, то между русскими и поляками существуетъ старинная взаимность, съ тою еще разницею, что послѣдніе управляли русскими съ бѣльшимъ высокомеріемъ и жестокостію, нежели первые, при подобныхъ же обстоятельствахъ. Русскіе никогда не приказывали, никогда не устраивали у себя тайныхъ убійствъ, какъ то дѣлали поляки во времена Сигизмунда, когда они внезапно напали на жителей Москвы, на площадяхъ, на улицахъ, въ домахъ и даже въ самыхъ храмахъ. Рынокъ былъ покрытъ трупами, ничему не было пощады, ни возрасту, ни полу, и убійства сопровождались грабежами, пожарами и всякаго рода насиліями. Во времена императрицы Екатерины русскіе, въ свою очередь, владычествовали въ Варшавѣ, но опять поляки задумали новую рѣзню войскъ и исполнили свой замыселъ по образцу сицилійскихъ вечеренъ. Русскіе никогда не бывали виновны въ подобныхъ ужасахъ; штурмъ и взятіе предмѣстія Праги, сопровождавшіе ихъ ужасы и убійства, были слѣдствіями войны, принявшей страшный характеръ, вызванный предшествовавшими злодѣйствами. Послѣ московской бойни, о которой мы только что говорили, поляки расхитили всѣ богатства, найденныя ими во дворцахъ и въ храмахъ; между прочими — дарохранительницы, сосуды, оклады и ризы съ иконъ лилаго золота. Итакъ, очевидно, что они въ долгу передъ русскими не оставались и насыщали свою злобу каждый разъ, когда только могли. И если-бы кто захотѣлъ допустить, что одно поколѣніе можетъ быть причастно злодѣйствамъ

другаго, то увидѣль-бы, что неистовства поляковъ противу русскихъ оставляли далеко за собою все то, что было сдѣлано русскими въ отношеніи поляковъ.

Доказательство, до нѣкоторой степени вытекающее изъ самыхъ событій, тому, что эти постепенные раздѣлы Польши были послѣдствіями силы вещей, заключается, съ одной стороны, въ той легкости, съ которою они могли совершаться; съ другой— въ непреодолимыхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ послѣ того могущественнѣйшими людьми, каковы Наполеонъ и Александръ, при ихъ попыткахъ возстановить Польшу въ ея независимости и національности. Первый не могъ этого сдѣлать, не взирая на свою волю и великое могущество, такъ какъ наибольшіе личные интересы тому противились; второй, не смотря на свои самыя благія намѣренія относительно этой страны, не могъ достаточно повліять на поляковъ со стороны нравственной.

Во времена императрицы Екатерины каждое пріобрѣтеніе увеличивало силы, тогда какъ нынѣ отъ него ослабѣвають; въ полякахъ видятъ передовой отрядъ враговъ, за которымъ, всего прежде, надобно наблюдать и сдерживать его, ибо вмѣсто пріобрѣтенія вѣрныхъ подданныхъ въ нихъ находятъ народъ безпокойный, всегда готовый взбунтоваться. Угнетеніе и непрерывныя гоненія, которымъ ихъ подвергаютъ, дѣлаютъ то, что они ожидаютъ лишь благопріятной минуты, чтобы взяться за оружіе и сражаться съ ихъ притѣснителями. И если-бы когда-нибудь Россія была принуждена перенести свое оружіе изъ ихъ страны, несомнѣнно, что враждебныя ей державы воспользовались-бы ненавистью поляковъ къ ихъ властелинамъ.

Если Екатерина умѣла покорять своихъ враговъ силою оружія, то хотѣла сохранять свои завоеванія благотвореніями. Поэтому-то она въ обхожденіи съ поляками допускала всевозможныя смягченія. Она привлекала ихъ къ своему двору и ко всѣмъ должностямъ имперіи, не отдѣляя ихъ отъ русскихъ. Если иногда бывали случаи несправедливости къ нимъ со стороны чиновниковъ второстепенныхъ, то не иначе, какъ безъ ея вѣдома. Но со времени кончины государыни положеніе дѣлъ весьма измѣнилось. Неясность политики подняла массу спорныхъ вопросовъ. Въ 1814 году польскому народу была дарована либеральная конституція, примѣненіе которой къ дѣлу было болѣе, чѣмъ неумѣло и неискусно.

Говоря о Екатеринѣ, мы далеки отъ мысли представить великую государыню какъ существо идеальное, одаренное всѣми качествами, всѣми совершенствами и изъятое отъ недостатковъ и слабостей, присущихъ природѣ человѣческой, или приписывать ей свойства сверхъестественныя. Она, безъ сомнѣнія, не переходила за черту тѣхъ предѣловъ, до которыхъ дозволено достигнуть генію и уму человѣка. Мы только сдѣлали обзоръ ея политики.

ГЛАВА V.

Сравненіе Екатерины II съ великими европейскими государями.—Екатерина Великая—какая женщина.

Признавая императрицу Екатерину не чуждою слабостей человѣческихъ, мы, для болѣе вѣрнаго о ней сужденія, сравнимъ ея высокія способности, возвышенный геній, обширныя познанія и широкіе замыслы съ тѣми-же свойствами другихъ великихъ государей и посмотримъ на чью сторону склонятся вѣсы добра и зла, кто изъ нихъ сдѣлалъ лучшее и болѣе похвальное примѣненіе своихъ средствъ къ практикѣ правительственной и въ пользу успѣховъ просвѣщенія. Что же касается до ея дѣяній и до характера ея завоеваній, сравнимъ ихъ съ дѣянiami и съ завоеваніями государей, снискавшихъ наиболѣе славы и заслужившихъ титулъ «Великихъ». Возьмемъ за образцы Карла Великаго, Филиппа Августа, Людовика IX, Филиппа Красиваго, Генриха IV и, наконецъ, Людовика XIV, которые вознесли свое королевство на высокую степень силы и славы—и тогда увидимъ, что первый былъ единственнымъ королемъ, желавшимъ возвысить народъ въ его достоинствѣ, дать ему права, допустить его къ соучастію въ государственныхъ дѣлахъ. Всѣ прочіе только поддерживали, съ болѣшимъ или меньшимъ дарованіемъ, свои права государей самовластныхъ. Въ данномъ случаѣ Екатерина желала дѣйствовать по примѣру Карла Великаго, въ отношеніи своихъ народовъ, но она далеко отъ него отстала во всемъ томъ, что было сдѣлано имъ, къ омраченію великаго своего царствованія и прекрасныхъ своихъ дѣяній столькими ужасами и жестокостями, которые трудно примирить съ его добрыми качествами. Онъ не уважалъ никакихъ правъ, ни народныхъ, ни

политическихъ, ни кровныхъ узъ, если онѣ возбуждали его подозрительность. Троекратно похититель власти, отравитель, невѣрный супругъ, двоеженецъ,—онъ развелся съ женою; наконецъ, какъ человѣкъ, Карлъ Великій былъ подверженъ всѣмъ порокамъ. Затѣмъ, онъ приказалъ умерщвлять, грабить тысячи саксонцевъ изъ фанатизма и суевѣрія; обращалъ людей свободныхъ въ рабовъ; смотрѣлъ какъ на мятежъ на ихъ похвальные и отважныя усилія; насильно переселялъ и разбрасывалъ цѣлыя народы въ земли имъ чуждыя; установилъ гнусное тайное судилище (Wehngericht), бывшее хуже всѣхъ возможныхъ инквизицій,—а ему даютъ титулы: великаго, благочестиваго, почти святаго. Также и Людовикъ XIV, не смотря на позорныя дѣянія послѣднихъ лѣтъ своего царствованія, и на разореніе Пфальца, и на фанатическую отмѣну Нантскаго эдикта, остался великимъ человѣкомъ. Лучше-ли все это раздѣла Польши, соглашеннаго по необходимости между тремя величайшими государями того времени? Нужды нѣтъ: строги только къ Екатеринѣ; только ее судятъ безъ всякаго снисхожденія и вниманія ни ко времени, ни къ обстоятельствамъ! Къ счастью, есть факты, если кому угодно отыскать ихъ, говорящіе громче и внятнѣе клеветъ, критикъ и пасквилей, которыми старались очернить ея царствованіе.

Почему въ Екатеринѣ охуждаютъ именно то, чѣмъ такъ восхищаются въ другихъ великихъ государяхъ? т. е. выгодныя завоеванія и увеличеніе царства?

Признательное потомство поставило Филиппа Августа на ряду съ величайшими королями Франціи. Его права на имя Великаго заключались въ завоеваніи Пикардіи и Артуа, въ присоединеніи къ Франціи Нормандіи, Мэна, Анжу, Турени, Пуату, Оверни и великаго числа городовъ и замковъ. Почему подобныя права, говорю я, послужившія дарованію безсмертія королю, въ глазахъ его народовъ и Европы, послужившія къ тому же и многимъ другимъ государямъ, въ устахъ иностранныхъ писателей обращаются въ хулу на Екатерину, за то, что она завоевала Крымъ, Бѣлоруссію и др.?

Развѣ эти области не были болѣе подлежащими приобрѣтенію ею, нежели ея предшественниками?

Эта государыня соединяла съ мужествомъ, которое доказала неоднократно, великую мудрость, съ которою успѣла управлять своими владѣніями. Она уважала писателей и со знаменитѣйшими

изъ нихъ вела переписку. Красавица собою, изящная, великодушная, обожаемая, она любила осыпать благодѣяніями людей, которые своими дарованіями и познаніями приносили честь ихъ вѣку и ихъ отечеству. Она желала жить въ памяти своихъ подданныхъ и потомства; въ этомъ заключалось ея честолюбіе.

Испанскіе — Изабелла и Фердинандъ присоединили къ своей коронѣ королевства: Галицію, Леонъ, Аррагонъ, затѣмъ Сардинію, Корсику и Сицилію и сочетали съ ихъ семнадцатью королевскими титулами титулы графовъ Барселонны, Бискайи, Кролины, Руссильона, герцоговъ Аѳинъ и Неапатріи, и люди находили, что все это достойно удивленія и вполнѣ справедливо. Имъ предоставили спокойное пользованіе ихъ пріобрѣтеніями и еще расточали имъ за это похвалы, прощая самыя гоненія, поднятыя на жидовъ и на мавровъ, прощая учрежденный ими судъ Сургъ; они складывали святотатственные костры, являли примѣры жестокости, свойственной лютѣйшимъ тиранамъ, но ихъ чествуютъ какъ великихъ монарховъ въ глазахъ Европы. Ихъ величаютъ освободителями отечества. А Екатерину, которая только благотворила, не дѣлая зла, ее порицаютъ и славу ея раздираютъ на ключья!

До сихъ поръ мы старались доказать обширность ея генія, великія свойства и духъ правительства императрицы Екатерины; но подобныя вещи не для всѣхъ занимательны. Люди любятъ входить въ подробности частныя, доступныя попятіямъ всякихъ умовъ. Удовлетворяя сколь возможно и этому вкусу, чтобы отвѣтить на послѣдній упрекъ, безпрестанно обращаемый къ Екатеринѣ, оставимъ въ сторонѣ государыню и займемся личностью женщины. Но въ то-же время напомнимъ слова Вольтера, сказанныя о Петрѣ I: „въ этой исторіи заключается политическая жизнь царя, которая была полезна, но не частный его бытъ, о которомъ существуетъ нѣсколько анекдотовъ, впрочемъ, довольно извѣстныхъ. Тайны его кабинета, его постели и стола не могутъ и не должны быть разоблачаемы иностранцемъ». Тѣмъ съ большею сдержанностью и осмотрительностью, скажу даже, съ обдуманымъ и деликатнымъ уваженіемъ, должно прикасаться къ подробностямъ частной жизни женщины столь необыкновенной, высокихъ качествъ которой, если-бы они были справедливо оцѣнены, было-бы достаточно для искупленія не только того, что людямъ угодно называть порокомъ, но что не-

разлучно съ человѣческою натурою и память о чемъ, не смотря на это, стараются омрачить. Наконецъ, для удовлетворенія вкуса къ подробностямъ этого рода, скажемъ, во первыхъ, что ростъ Екатерины былъ средній, она была весьма хорошаго тѣлосложенія и пользовалась превосходнымъ здоровьемъ, поддерживаемымъ ея умѣренностію. Образъ ея жизни былъ простъ и полезенъ здоровью. Она вставала обыкновенно въ шесть или въ семь часовъ; занималась ученіемъ до девяти; кушала кофе и въ то время, когда была за туалетомъ, за-просто разговаривала съ приближенными или съ тѣми, которыхъ призывала къ себѣ въ эти часы. Бесѣдовала иногда съ пріѣзжавшими изъ внутреннихъ губерній; спрашивала о ихъ семействахъ, объ управленіи, о цѣнахъ на жизненные припасы, о судопроизводствѣ и обо всемъ, что могло быть полезно народу. Одинъ изъ губернаторовъ, котораго она заставила дожидаться и не могла принять, отвѣчалъ ей, когда она извинялась, отпуская его: „ничего, ваше величество; вѣдь я пріѣхалъ по вашимъ, а не по своимъ дѣламъ». Она засмѣялась и была довольна отвѣтомъ.

Затѣмъ она работала съ тремя или съ четырьмя секретарями, составлявшими ея министерство, которымъ были препоручены главнѣйшія отрасли управленія. Между ними одинъ генераль-прокуроръ замѣнялъ пять или шесть нынѣшнихъ министровъ, при пятидесятой долѣ расходовъ и при той же дѣятельности. Она заставляла читать себѣ депеши посланниковъ, а въ военное время рапорты главныхъ начальниковъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; рассматривала донесенія губернаторовъ; подписывала отвѣты, которые приказывала составить наканунѣ; спорные вопросы, смотря по важности дѣлъ, отсылала въ государственный совѣтъ. Въ праздничные дни и воскресные дни слушала обѣдню, и пріемъ дѣлала сейчасъ послѣ вставанія съ постели. За столъ садилась въ часъ или въ два; изъ столовой шествовала въ свои апартаменты, гдѣ находила придворныхъ дамъ, разговаривала съ ними; посѣщала иногда свои эрмитажные спектакли или въ малыхъ своихъ покояхъ бесѣдовала съ особами, удостоенными быть принятыми въ кругъ близкаго ея общества. Поддерживала общій, но всегда умный и занимательный разговоръ. Ужинала, потомъ уходила почивать. День ея оканчивался въ десять, или около десяти часовъ.

Она, конечно, могла сказать подобно Генриху IV: «когда меня не будетъ, тогда узнаютъ мнѣ цѣну; тогда придетъ минута, въ которую обо мнѣ пожалѣютъ!» И какого гнуснаго истолкованія этимъ словамъ ни придавала невѣжественная злоба!..

Черты лица Екатерины были правильны и чрезвычайно подвижны; то мягкія и пріятныя, то строгія и исполненныя достоинства до такой степени, что фельдмаршалъ Румянцевъ, хотя и всегда допущенный въ ея дружескій кругъ, говоря ей рѣчь по случаю новаго устройства имперіи, былъ до того смущенъ величественнымъ видомъ царицы, что безъ ея ободренія и знаковъ благосклонности едва не запнулся.

При восшествіи на престолъ ей было тридцать лѣтъ и ее упрекаютъ за то, что въ этомъ возрастѣ она была не чужда слабостей, въ значительной долѣ способствовавшихъ популярности Генриха IV во Франціи. Но мы, вѣдь, къ нашему полу такъ снисходительны! Нелѣпой мужской натурѣ свойственно выказывать строгость въ отношеніи слабаго, нѣжнаго пола и все прощать лишь своей собственной чувственности. Какъ будто женщины уже не достаточно наказаны тѣми скорбями и страданіями, съ которыми природа сопрягла ихъ страсти? Странный упрекъ, дѣлаемый женщинѣ молодой, независимой, госпожѣ своихъ поступковъ, имѣющей миллионы людей для выбора.

Эти самые ярые обвинители обоихъ половъ именно тѣ, которые имѣютъ наименѣе правъ обвинять, не краснѣя за самихъ себя. У Екатерины былъ геній, чтобы царствовать, и слишкомъ много воображенія, чтобы быть нечувствительною къ любви. «Недостатки Генриха IV были недостатками любезнаго человѣка», сказалъ Вольтеръ—«а его добродѣтели—добродѣтелями человѣка великаго». Что-же! Не забудемъ и мы слово принца де-Линя: «Екатерина — Великій (Catherine «le Grand»), и пусть-же она пользуется правами великаго человѣка.

Все, что можно требовать разумнымъ образомъ отъ рѣшителей нашихъ судебъ, то—чтобы они не приносили въ жертву этой склонности интересовъ государства. Подобнаго упрека нельзя сдѣлать Екатеринѣ. Она умѣла подчинить выгодамъ государства именно то, что желали выдать за непреодолимыя страсти. Никогда, ни одного изъ своихъ фаворитовъ она не удерживала далѣе возможно кратчайшаго срока, едва лишь замѣчала въ немъ неимѣніе способности, необходимой для содѣйствія ей въ

благородныхъ и безчисленныхъ трудахъ. Мамоновъ, Васильчиковъ, Зоричъ, Корсаковъ, Ермоловъ—не смотря на ихъ красивыя лица, были скоро отпущены вслѣдствіе посредственности ихъ дарованій, тогда какъ Орловъ и Потемкинъ сохранили за собою свободу доступа къ ней, первый въ теченіе многихъ лѣтъ, второй—во все продолженіе своей жизни. Самый упрекъ, обращенный къ ея старости и обвинявшій ее въ продолженіи фаворитизма въ томъ возрастѣ, въ которомъ, по законамъ самой природы, страсти утрачиваютъ свою силу, — самый этотъ упрекъ служить подтвержденіемъ моихъ словъ и доказываетъ, что не ради чувственности, а скорѣе изъ потребности удостоить кого либо своимъ довѣріемъ, она искала существо, которое по своимъ качествамъ было-бы способно быть ея сотрудникомъ при тяжкихъ трудахъ государственнаго управленія. Вѣроятно, съ этой точки зрѣнія одинъ англійскій ораторъ (лордъ Камельфордъ) отнесся къ ея поведенію, говоря весьма забавно, что «Екатерина своими пороками дѣлала честь трону, тогда какъ англійскій король (Георгъ III) безчестилъ его своими добродѣтелями». Извѣстно, что этотъ король былъ добрымъ государемъ, добрымъ мужемъ, но склонности его были ниже его сана и приличествовали болѣе фермеру, нежели королю. Такова однако-же разница воззрѣній на поведеніе государей—людей государственныхъ и простолюдиновъ.

Если-бы мы захотѣли осуждать людей за ихъ волокитства сколькихъ великихъ людей мы-бы не досчитались!

Но Екатерина, говорятъ, раззорила общественную казну въ пользу своихъ фаворитовъ. Правда, что, начиная съ Орловыхъ, нельзя отрицать, чтобы они не были обогащены ею; но какая же цѣна покажется дорогою за тридцать четыре года благоденствія и славы, доставленные ими Россіи возведеніемъ императрицы на престолъ? Это заслуживаетъ признательности. Впрочемъ, эти люди были наиболѣе популярны и наиболѣе уважаемы русскими, и, если-бы Екатерина не вознаградила ихъ, это сдѣлала-бы нація, изъ опасенія быть неблагодарною. Не говоря объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, влагая въ руки Екатерины скипетръ, развѣ они, послѣ того, не служили ей съ усердіемъ и вѣрностью и какъ воины, какъ люди государственные? (Григорій) Орловъ, между прочими оказанными имъ услугами, не щадилъ своей жизни въ Москвѣ, во время чумы,

которую, наконецъ, побѣдилъ; Алексѣй, братъ его, начальствовалъ нашимъ флотомъ при Чесмѣ и сжегъ турецкій флотъ, и не въ мирное время, какъ это дѣлается въ наши дни, но во время войны, упорной и долгой; а тогдашніе турки были гораздо болѣе въ состояніи вести ее, нежели нынѣшніе.

Потемкинъ былъ тоже обогащенъ Екатериною и вознесенъ на высочайшія должности; но кто-же изъ государственныхъ людей болѣе его способствовалъ расширенію предѣловъ и могущества имперіи? Онъ приобрѣлъ для Россіи области въ одномъ изъ благоустраиваемѣйшихъ климатовъ Европы и умѣлъ извлечь изъ нихъ великую пользу. Онъ создалъ на Черномъ морѣ флотъ, который побѣдоносно боролся съ врагами и остался ихъ грозой. По военной коллегіи, Потемкинъ произвелъ въ арміи полезнѣйшія и разумнѣйшія преобразованія, въ особенности по части экипировки удобной, экономической и приличной, данной войскамъ. Его гений парилъ надъ всею политикою имперіи, наряду съ гениемъ его безсмертной государыни.

Екатерина была первою царицею, заявившею идеи, сообразныя съ познаніями вѣка и благопріятныя челоуѣчеству. Она видѣла, что слѣдуетъ пересоздать все, касающееся нравственной силы народа. Въ состояніи рабства просвѣщеніе и добродѣтели—плоды весьма рѣдкіе. Но это не заставило ее отступить отъ своего намѣренія и, принявъ участіе во вліяніи воспитанія и привычекъ на развитіе нравственныхъ свойствъ, она первыя свои усилія направила на высшій классъ народа, который былъ лучше подготовленъ къ воспріятію ея похвальныхъ стремленій и только что началъ отлагаться отъ остальнаго народа, благодаря правамъ, дарованнымъ ему Петромъ III актомъ, наименованнымъ «указъ о вольности дворянской».

Императрица Екатерина ненавидѣла деспотизмъ до такой степени, что одною изъ первыхъ мѣръ ея царствованія было уничтоженіе древняго обычая подписывать общественные акты, челобитныя, просьбы и т. п. неблагороднымъ словомъ «рабъ», замѣнивъ его словомъ «вѣрноподанный».

Она очень хорошо понимала, что въ деспотизмѣ—величайшее зло; когда страхъ властвуетъ надъ умами, всеобщее отупѣніе дѣлается непреодолимымъ препятствіемъ для всякаго выгоднаго преобразованія. Екатерина не могла найти элементовъ, необходимыхъ для воспріятія народомъ участія въ дѣлахъ политиче-

скихъ. Деспотизмъ не есть причина, но слѣдствіе. Если-бы не было рабовъ, не было-бы и деспотовъ. Доказательствомъ служить то, что Екатерина употребляла всѣ усилія къ ограниченію своей власти, но была принуждена отъ того отказаться. Есть рабы по своему состоянію и есть рабы по природѣ; первые самыя преступныя, вторыя—достойны жалости.

Отъ личной свободы зависятъ: образованіе, умѣренность, благочиніе, мужество, уваженіе, могущество, общественное богатство, честь — однимъ словомъ всѣ добродѣтели. Рабство извращаетъ всѣ чувства, притупляетъ всякія ощущенія и умерщвляетъ ихъ. Оно душитъ всякія дарованія, смѣшиваетъ всѣ отгѣнки, портитъ всѣ государственныя порядки, уничтожаетъ всякую возможность преуспѣянія и благосостоянія народнаго.

У всѣхъ свободныхъ народовъ всегда были рабы, съ которыми они обходились обыкновенно съ величайшею суровостью. Начиная отъ илотовъ Греціи—до негровъ Америки, эта система существовала съ бѣльшею или меньшею жестокостью и варварствомъ. Англичане были единственнымъ народомъ, давшимъ первый примѣръ человѣческихъ добродѣтелей добровольнымъ и общимъ освобожденіемъ своихъ рабовъ.

Но что-же за причина тому, что свобода бываетъ всегда такъ связана съ рабствомъ? Причина въ томъ, что въ натурѣ человѣка свободаго исполнять свою волю и заставлять другихъ исполнять ее, т. е. тѣхъ, которые согласны ей подчиниться. А такъ какъ виды у людей свободныхъ великіе, то и воля ихъ непреклонна; въ ихъ душѣ есть гордость, умъ ихъ смѣлъ и они хотятъ, чтобы имъ повиновались безъ противорѣчія во всемъ что ведетъ къ исполненію ихъ видовъ. Можно сказать, что у императрицы Екатерины была душа свободаго человѣка. Но когда рабство въ какой-либо странѣ двояко, каково оно было въ Россіи, со времени восшествія Петра I на престолъ, т. е. что простой народъ въ такомъ-же рабствѣ, какъ и его господа, тогда случается, что одно зло умѣряетъ другое. Владѣтель раба звѣрски обходится съ нимъ, бьетъ его, не боясь никакой отвѣтственности и не вѣдая, по собственному опыту, что значитъ подвергаться побоямъ; но русскій рабовладѣлецъ, находясь безпрестанно подъ ударами произвола, испытываетъ зло на себѣ самомъ и страшится отвѣтственности.

Возможно-ли, чтобы подобное положеніе вещей было терпимо

въ Европѣ? Хвались послѣ этого своимъ просвѣщеніемъ старая ханжа! ¹⁾.

Императрица Екатерина смотрѣла на своеволие какъ на состояніе переходное, какъ на дѣйствіе необходимости, которую она надѣялась скоро уничтожить. Для подготовки къ тому средствъ она желала умѣрять самоуправство, придавая болѣе силы дворянству, создавая могущественную и богатую аристократію, которая служила-бы для поддержанія равновѣсія власти. Она рѣшилась щедро вознаграждать услуги, оказанныя ея военачальниками, министрами и дипломатами, которые должны были составить высшій классъ общества. Въ это время Фридрихъ Великій, Марія Терезія, Густавъ III шведскій, государи, болѣе или менѣе самодержавные, сохранили старинный предразсудокъ (какъ нынѣ говорится) поддержанія блеска трона. Отталкивая отъ себя деспотизмъ, Екатерина умѣла внушить уваженіе ко главѣ, увѣнчанной короною, и для этого желала, чтобы всякое, ею издаваемое, повелѣніе было грандіозно, великодушно, царственно-либерально; если-же она награждала не всегда соразмѣрно оказаннымъ ей услугамъ, то, по крайней мѣрѣ, соразмѣрно величію той, которая жаловала вознагражденія.

Самый свободный изъ всѣхъ народовъ—англичане окружаютъ своего короля всѣми почестями и знаками уваженія, подобающими главѣ великаго народа ²⁾). Ихъ собственное достоинство повелѣваетъ имъ оказаніе подобной почести, которая есть какъ-бы отраженіе помянутаго достоинства. Въ народѣ поработенномъ, наоборотъ, блескъ трона, просвѣщеніе и слава великой государыни должны были отражаться на ея подданныхъ. Согласно этимъ правиламъ, когда кто изъ нихъ бывалъ удостоиваемъ ея пріязнью, она признавала приличнымъ, чтобы онъ сохранялъ знаки блестящихъ отличій и въ то-же время былъ въ состояніи поддерживать достоинство своего сана въ дворянской іерархіи и содѣйствовалъ увеличенію власти самодержавной. На это возразять, можетъ быть, что средства къ созданію этой іерархіи не всегда были чисты, ни особенно удачно пріисканы; но пусть взглянутъ на происхожденіе дворянскихъ фамилій; пусть

¹⁾ Прозвище, данное Западной Европѣ.

Л. Ч.

²⁾ Англичанинъ, преклоняя колѣна, цѣлуетъ руку своего государя, который не смѣетъ ему въ томъ отказать.

П. Ч.

потрудятся порыться въ лѣсу родословныхъ деревъ герцоговъ и принцевъ въ древнѣйшихъ и въ могущественнѣйшихъ монархiяхъ и тогда на это возраженіе получать удовлетворительный отвѣтъ. Впрочемъ, есть-ли что безусловно чистое и совершенное въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ? Не отыщется-ли въ нихъ всегда болѣе или менѣе лигатурной примѣси, особенно въ дѣлахъ политическихъ?

«Изъ кого состояло французское дворянство?» — говоритъ одинъ правдивый и замѣчательный писатель, — «изъ мѣщанъ, получившихъ дворянство, и изъ новыхъ вельможъ, коихъ фавора исходила изъ источника нечистаго, часто преступнаго, почти всегда постыднаго и совершенно недостойнаго народнаго уваженія».

Скажемъ, наконецъ, что расточеніе казны, въ которомъ обвиняютъ Екатерину, имѣли хорошія послѣдствія. Въ ея время государственный доходъ простирался до ста милліоновъ рублей; ея преемники возмечтали послѣ того о доходѣ въ четыреста милліоновъ рублей и вообразили себя богаче, на самомъ-же дѣлѣ чудеснымъ образомъ обѣднѣли. Рубль во времена Екатерины стоилъ четыре франка, тогда какъ, благодаря экономіи, чистотѣ нравовъ и финансовому искусству, стоимость его упала въ послѣдствіи на пятнадцать и даже на двадцать копѣекъ. Офицеръ, получавшій триста рублей жалованья, или генераль-маіоръ, получавшій тысячу, имѣли на самомъ дѣлѣ въ четыре съ половиною раза болѣе, нежели получаютъ нынѣ, не смотря на весьма незначительныя прибавки въ нѣсколько копѣекъ, слѣданныя къ ихъ окладамъ въ разное время. Государственный кредитъ былъ тогда если не въ самомъ, сколь возможно, цвѣтущемъ положеніи, то по крайней мѣрѣ гораздо выше того, который былъ въ послѣдствіи, и стоялъ высоко, не смотря на фаворитизмъ и на войны, которыя Екатерина была принуждена вести съ сосѣдями и въ которыя ее вовлекли англичане и шведы, завидовавшіе ея успѣхамъ, — зависть, весьма естественная въ первыхъ, по причинѣ быстроты успѣховъ ея на востокѣ и ихъ постояннаго опасенія за Индію, — зависть, мотивированная у вторыхъ утратою ихъ областей и владычества на Балтійскомъ морѣ. Но эти войны клонились всегда въ пользу ея подданныхъ и къ увеличенію ея царства. Отложимъ слабости въ сторону! Какія чувства признательности должно питать къ государынѣ, которая во все продолженіе своего царствованія такъ неутомимо трудилась надъ пробужденіемъ

въ своихъ подданныхъ чувствъ чести и достоинства? Если-бы здоровье великой царицы было худо и способности ея плохи, можно-ли-бы было ее за это порицать? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; а за то, что все это было исправно, ее порицають и возлагають на нее отвѣтственность за послѣдствія. Но какой иной можно сдѣлать выводъ изъ этихъ долгихъ разсужденій, кромѣ сказаннаго Вольтеромъ — «что предрасудки суть разумъ глупцовъ». Великія свойства, которыми царица была одарена, должны тѣмъ болѣе поражать наблюдательные умы, что она проявляла ихъ среди событій и эпохъ самыхъ странныхъ, а иногда и возмутительныхъ. Ей предшествовали люди преобразованій столь-же насильственныхъ, сколько и плохо понимаемыхъ, сопровождаемыхъ завистливыми и мелочными страстями, нѣсколькими проблесками свѣта, угасавшими въ постыдныхъ распутствахъ, въ умопомраченіи, самыхъ сумасбродныхъ выходкахъ и въ чрезмѣрной слабости, которая, вмѣсто исправленія золъ, снова погрузила націю въ мракъ и въ позорное униженіе.

Законодательница просвѣщенная, челоуѣколюбивая и мудрая, истинная благодѣтельница народа, котораго она съумѣла сдѣлать настолько счастливымъ, насколько онъ былъ къ тому воспріимчивъ,—если неоднократно она бывала удерживаема въ благородномъ своемъ стремленіи къ улучшеніямъ, которыя считала себя въ состояніи сдѣлать и на томъ поприщѣ, на которое ее подвизалъ геній, это было потому, что она встрѣчала въ самой натурѣ людей, ею управляемыхъ, препятствія непреодолимая къ исполненію ея великихъ замысловъ. Это было, безъ сомнѣнія, заблужденіемъ, но заблужденіемъ похвальнымъ и достойнымъ великихъ причинъ. Она была слишкомъ хорошаго мнѣнія о натурѣ людей, которыхъ намѣревалась всѣми силами извлечь изъ унижительнаго положенія, въ которое они были такъ давно погружены.

П. В. Чичаговъ.
Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

ВОСПОМИНАНІЯ МАТВѢЯ ИВАНОВИЧА МУРАВЬЕВА - АПОСТОЛА,

записанныя Александромъ Петровичемъ Бѣляевымъ

въ 1883 г.

I.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, за три года до кончины, продиктовалъ мнѣ воспоминанія свои о начальномъ пребываніи его въ Сибири на поселеніи, куда онъ поступилъ изъ крѣпости Фортъ-Слава.

Эти воспоминанія, къ сожалѣнію, прерваны по разнымъ обстоятельствамъ и не доведены имъ до конца.

Изъ разсказа Матвѣя Ивановича можно судить о положеніи приговоренныхъ по суду прямо на поселеніе; тѣ-же изъ нихъ, которые по приговору или по царской милости освобождены были отъ каторги и поступили прямо на поселеніе, вмѣсто облегченія испытали несравненно болѣе горькую участь по той причинѣ, что чиновники, которымъ предоставлено было назначать имъ мѣста ссылки, изъ усердія, думая тѣмъ угодить начальству, избрали мѣста на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ живутъ одни только инородцы и гдѣ не родится хлѣбъ, такъ что сосланные на каторгу пользовались несравненно лучшею долею: они были всѣ вмѣстѣ, а не разбросаны по одиночкѣ, какъ поселенцы, поручены были попеченію коменданта Лепарскаго, человѣка образованнаго и сердечнаго, который, вмѣсто каторжной работы, устроилъ домъ съ ручными мельницами, гдѣ они, безъ всякаго принужденія, а болѣе для

моціона, обрацали въ муку отпускаемое казною на ихъ продовольствіе зерно. Въ выстроенной по высоч. повелѣнію для нихъ тюрьмѣ всякій изъ нихъ имѣлъ свой номеръ, гдѣ могъ отдѣльно заниматься, а для развлеченія пользовался свободнымъ сообщеніемъ съ товарищами. Кромѣ того, они получали газеты, журналы и не только русскіе, но и иностранные, и занимались музыкою.

Если сравнить это положеніе съ тѣмъ, на какое были обречены первые поселенцы, можно судить, насколько ошибоченъ людской судъ: менѣ виновные пострадали больше, чѣмъ признанные больше провинившимися.

Не повторяю здѣсь подробностей о родителяхъ Матвѣя Ивановича, дѣтствѣ его и юности,—такъ какъ все это было уже разсказано въ очеркѣ В. Е. Якушкина („Русская Старина“ изд. 1886 г., июль,—прямо перехожу къ событіямъ, вызвавшимъ его ссылку въ Сибирь на поселеніе.

Въ январѣ 1826 года, бывши уже въ то время въ отставкѣ, Матвѣй Ивановичъ находился на югѣ при братѣ своемъ Сергѣѣ, командовавшемъ 2-мъ баталіономъ Черниговскаго полка.

Полковой командиръ Гербель получилъ повелѣніе изъ Петербурга арестовать двухъ братьевъ Муравьевыхъ. Невѣжливое обращеніе его съ ними до того возмутило офицеровъ полка, уважавшихъ и преданныхъ Сергѣю, что они напали на Гербега, выгнали его и освободили братьевъ изъ-подъ ареста.

Послѣ этого, сознавая, что это своеволие подвергаетъ ихъ строгому суду и что имъ пощады не будетъ, они, по настоянію капитана Кузьмина, стали просить Сергѣя Ивановича не покидать ихъ и поднять полкъ, чтобы соединиться съ другими полками и попытаться, посредствомъ значительнаго возмущенія, въ случаѣ успѣха, облегчить ожидавшую ихъ участь. Противъ воли и скрѣпя сердце, Сергѣй Ивановичъ уступилъ ихъ просьбамъ и пустился въ походъ съ значительною частью Черниговскаго полка, по направленію къ Бѣлой церкви. Исходъ этого злосчастнаго возстанія извѣстенъ. Посланный противъ возстанцевъ, выстроившихся въ каре, генералъ Гейсмаръ выставилъ противъ нихъ нѣсколько пушекъ и при залпѣ картечью кончилъ дѣло. Сергѣй, раненый въ голову, палъ со многими другими, хотя не смертельно раненый; младшій братъ его, Ипполитъ, полагая его убитымъ, тутъ же застрѣлился. Матвѣй Ивановичъ,

ухаживавшій за раненымъ братомъ, находился подъ арестомъ въ одной избѣ съ Кузьминымъ, упрекавшимъ себя въ несчастномъ исходѣ похода, имъ затѣяннаго, и просилъ прощенія у Сергѣя Ивановича, уступившаго его настойчивымъ просьбамъ. Мучимый совѣстью, онъ тутъ-же застрѣлился.

Вскорѣ послѣ того, оставшіеся въ живыхъ старшіе братья, Матвѣй и Сергѣй, отправлены были въ Петербургъ и посажены въ Петропавловскую крѣпость.

О слѣдствіи, наряженномъ надъ ними и надъ участниками 14-го декабря, равно и о приговорѣ верховно-уголовнаго суда, нечего говорить—обо всемъ этомъ было много печатано.

II.

Протоіерей Мысловскій, навѣщавшій всѣхъ заключенныхъ декабристовъ, передалъ Сергѣю Ивановичу объ отчаянномъ состояніи духа брата его Матвѣя, опасаясь при томъ, чтобы онъ не посягнулъ на свою жизнь. Это побудило Сергѣя написать брату письмо, сохранившееся въ бумагахъ Матвѣя Ивановича. Вотъ это письмо:

„Любезный братъ и другъ Матюша! По неоставленію меня, недостойнаго, Божескаго промысла и по истинѣ христіанскому обо мнѣ попеченію добраго и почтеннаго отца Петра, общаго нашего духовника, вчера я со страхомъ и вѣрою приступилъ къ чашѣ спасенія нашего, принесъ въ жертву Богу то, что могъ, — сердце, истинно сокрушенное и глубоко пронизанное какъ своимъ недостойнствомъ, такъ и благостію неизрѣченнаго Спасителя нашего Христа, Который, такъ сказать, ожидалъ малѣйшаго отъ меня желанія приблизиться къ Нему, чтобы прибѣгнуть ко мнѣ и восхитить на рамена, какъ погибшую овцу. Радость и спокойствіе, водворившіяся въ душѣ моей, послѣ сей благодатной минуты, даютъ мнѣ сладостное упованіе, что жертва моя не отвергнута, и сильно убѣдили меня, что мы слѣпотствуемъ, когда по какимъ бы, повидимому благовиднымъ, причинамъ уклоняемся отъ исполненія обязанностей нашихъ христіанскихъ. Я испросилъ позволеніе написать къ тебѣ сіи строки, какъ для того,

чтобы раздѣлить съ тобою, съ другомъ души моею, товарищемъ жизни, вѣрнымъ и неразлучнымъ отъ колыбели, также особливо для того, чтобы побесѣдовать съ тобою о предметѣ важнѣйшемъ. Успокой, милый братъ, совѣсть мою на твой счетъ. Пробѣгая умомъ прошедшія мои заблужденія, я съ ужасомъ вспоминаю, что я никогда не возставалъ противъ твоего невѣрія, какъ обязанъ былъ это дѣлать по моему убѣжденію, а еще увеличивалъ это расположеніе! О! какъ дорого далъ бы я теперь, чтобы богоотступныя слова сіи не исходили никогда изъ устъ моихъ. Милый другъ Матюша, съ тѣхъ поръ, какъ я расстался съ тобою, я много размышлялъ о самоубійствѣ и всѣ мои размышленія, а особливо бесѣды съ отцемъ Петромъ, и утѣшительное чтеніе Евангелія убѣдили меня, что никогда, ни въ какомъ случаѣ жизни, человѣкъ не имѣетъ права посягнуть на жизнь свою. Взгляни въ Евангеліе, кто самоубійца—Иуда, предатель Христа. Иисусъ, самый кроткій, Иисусъ называетъ его сыномъ погибели. По божественности Своей, Онъ предвидѣлъ, что Иуда довершитъ гнусный поступокъ преданія гнуснѣйшимъ еще самоубійствомъ; въ семъ поступкѣ Иуды истинно совершилась его гибель, ибо можно-ли усумниться, что Христосъ, жертвуя собою для спасенія нашего, Христосъ, открывшій намъ въ божественномъ ученіи, что нѣтъ преступленія, коего бы истинное раскаяніе не загладило передъ Богомъ, можно-ли усумниться, что Христосъ не простилъ бы радостно и самому Иудѣ, если-бы раскаяніе повергло его въ ноги Спасителя. Но не мнѣ, грѣшнику, проповѣдывать тебѣ, братъ, всеблагую строгость закона Христова,—мнѣ слишкомъ утѣшительно, слишкомъ нужно самому вѣрить кроткому снисхожденію Его, чтобы искать вселять въ тебѣ ужасъ и, можетъ быть, отчаяніе. Человѣку свойственно погрѣшать, человѣку свойственно, въ изступленіи глубокой горести, желать свергнуть съ себя жизнь, какъ бремя несносное—и я вѣрю, что навесшій на себя руки въ такомъ состояніи, не думая въ заблужденіи своемъ, что Создатель оскорбится, если однимъ несчастнымъ будетъ меньше на свѣтѣ, найдетъ въ Немъ судью снисходительнаго; но я твердо вѣрю, что самая снисходительность сія будетъ жестокимъ наказаніемъ для души самоубійцы. Передъ нею отвернется книга Судебъ, намъ невѣдомыхъ; она увидитъ, что она безразсуднымъ своимъ поступкомъ ускорила конецъ свой земной од-

нимъ годомъ, однимъ мѣсяцемъ, можетъ быть, однимъ днемъ; она увидитъ, что отверженіемъ жизни, дарованной ей не для себя, а для пользы ближняго, лишила себя нѣсколькихъ заслугъ, долженствовавшихъ еще украсить вѣнецъ ея; она проникнетъ въ глубокую тайну, что Творецъ нашъ ниспосылаетъ намъ и скорби, и страданія для цѣли благой,—и вообрази себѣ, каковы будутъ ея страданія! Христосъ Самъ говоритъ намъ, что въ домѣ Отца Небеснаго много обителей, и если правосудіе человѣческое умѣетъ соразмѣрять наказаніе съ поступкомъ, то колыми паче Богъ, испытывая сердца и утробы! Мы должны вѣрить твердо, что душа, бѣжавшая съ своего мѣста, прежде времени, ей установленнаго, получить гнусную обитель. Ужасаюсь отъ сей мысли. Она сбросила съ себя бремя несносной жизни, въ надеждѣ соединить себя на вѣки съ тѣми, коихъ она страстно любила на землѣ, и вмѣсто того—она разлучена съ ними на вѣки! Вообрази себѣ, что мать наша, любившая насъ столь нѣжно на землѣ, теперь же на небеса чистый ангелъ свѣта, лишится на вѣки принять тебя въ свои объятія. Нѣтъ, милый Матюша, самоубійство есть всегда преступленіе. Вѣра наша, кроткая, благая, вѣра наша сіе строго запрещаетъ, и что-бы была за привязанность наша къ ней, если мы забудемъ ея наставленія именно въ то время, когда она должна быть нашимъ единственнымъ утѣшителемъ и утѣшеніемъ! Кому дано было много, множайше взыщется отъ него.

„Ты будешь больше виновать, чѣмъ кто либо, ибо ты не можешь оправдаться невѣдѣніемъ. Я кончаю сіе письмо, обнимая тебя заочно съ тою пламенною любовью, которая никогда не изсякала въ сердцѣ моемъ и теперь еще сильно дѣйствуетъ во мнѣ отъ сладостнаго упованія, что намѣреніе мое, самимъ Творцомъ мнѣ внушенное, не останется тщетнымъ, найдетъ отголосокъ въ сердцѣ твоемъ, всегда привышемъ постигать мое. Прощай, милый, добрый, любезный братъ и другъ Матюша. До сладостнаго свиданія!“

Это глубоко прочувствованное письмо, писанное на рубежѣ загробной жизни, свидѣтельствуетъ о высоко-духовномъ настроеніи любящей души, нѣжно заботящейся объ участи брата, тогда какъ самъ писавшій ждалъ со дня на день неизбежнаго смертнаго приговора.

Иванъ Матвѣевичъ, лишившись трехъ сыновей своихъ, покинулъ Россію и поселился во Флоренціи, гдѣ прожилъ до глубокой старости. Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича онъ возвратился, желая кончить жизнь на своей родинѣ.

III.

Вскорѣ послѣ сентенціи, восемь человѣкъ изъ осужденныхъ отправлены были въ Нерчинскіе рудники, нѣкоторые разсланы по финляндскимъ крѣпостямъ, другіе продолжали содержаться въ Петропавловской крѣпости, пока въ Сибири готовили помѣщеніе для всѣхъ осужденныхъ. Матвѣй Ивановичъ съ нѣкоторыми, въ числѣ коихъ былъ Бестужевъ (Марлинскій), лейтенантъ Арбузовъ и трое другихъ, имена коихъ не помню, отправлены были въ Фортъ-Славу, крѣпостцу, устроенную на островѣ Финскаго залива, по мысли фельдмаршала Суворова. Тутъ они не мало горя претерпѣли; комендантъ, соблюдая свой интересъ, кормилъ ихъ протухлой солониной, которую онъ скупалъ у капитановъ торговыхъ кораблей, уступавшихъ ему дешево этотъ негодный товаръ. Кромѣ того, когда дулъ западный вѣтеръ, имъ приходилось пить воду съ примѣсью морской соли, отчего впоследствии Матвѣй Ивановичъ и Арбузовъ захворали солитеромъ.

Неожиданный приѣздъ финляндскаго генераль-губернатора Закревскаго въ ихъ крѣпостцу былъ для нихъ радостнымъ событіемъ. Онъ привезъ Матвѣю Ивановичу извѣстіе отъ родныхъ и чемоданъ съ платьемъ, бѣльемъ и книгами. Ласковое его обращеніе съ ними такъ поразило коменданта, стараго воина, что онъ сталъ смотрѣть на нихъ другими глазами и хотя они не помянули даже о дурной пищѣ, какую отъ него получали, они съ тѣхъ поръ избавились отъ ненавистной солонины.

IV.

Отсюда начинаются продиктованныя мнѣ записки Матвѣя Ивановича.

1-го октября 1827 года я выѣхалъ изъ Фортъ-Славы. Меня привезли въ Шлиссельбургскую крѣпость; на другой день изъ каземата отвели на гауптвахту, гдѣ уже былъ Ал. Бестужевъ (Марлинскій). Солдаты возились съ кандалами, которыя, мы предполагали, были приготовлены для насъ, но вскорѣ повказался комендантъ, объявившій намъ обоимъ высочайшую милость, по которой избавляемся отъ работъ и поступимъ прямо на поселеніе въ Сибири. На Тихвинской станціи ждалъ насъ Корсаковъ (масонъ), находившійся на службѣ при министрѣ вн. Александрѣ Нив. Голицынѣ и котораго я встрѣчалъ иногда въ домѣ графини Чернышевой. Онъ упросилъ меня принять въ видѣ ссуды 600 руб. на путевыя издержки. Живое соболѣзнованіе его о постигшей насъ участи глубоко тронуло меня, я чувствовалъ, что отказомъ я бы его оскорбилъ, въ тому же ни я, ни спутникъ мой Бестужевъ не имѣли съ собою вовсе денегъ. Оказанную намъ тогда услугу свято храню въ памяти по сію пору. Такихъ добрыхъ людей немного, о нихъ съ радостью вспоминаемъ. Сестра моя, Екатерина Ивановна Бибилова, обнадеежена была отъ имени государя обѣщаніемъ свидѣться со мною передъ отправкой моею въ Сибирь. Если бы ей дали возможность проститься со мною, не пришлось бы намъ нуждаться въ посторонней помощи.

Фельдъегерь везъ насъ черезъ Ярославль, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ. Тутъ остановились мы у почтмейстера, принявшаго насъ съ особеннымъ радушіемъ. Послѣ краткаго отдыха въ залѣ, открылись настежь двери въ столовую, гдѣ роскошно накрытъ былъ обѣденный столъ. Собралось все семейство хозяина и мы, послѣ двухлѣтняго тяжкаго и скорбнаго заточенія, отвыкшіе уже отъ всѣхъ удобствъ жизни и усталые отъ томительной дороги, очутились нежданно-негаданно посреди гостепріимныхъ хозяевъ, осыпавшихъ насъ ласками и угощавшихъ съ непритворнымъ радушіемъ. Осушались бокалы за наше здоровье, и хотя положеніе

наше не предвѣщало намъ радостей, но тронутые неожиданнымъ участіемъ добрыхъ людей, вовсе намъ чуждыхъ, мы забыли на часъ свое горе и отъ всей души заявили признательность свою за необъяснимое для насъ радушіе приѣма. Фельдъегерь, доvezшій насъ до Тобольска и доложившій губернатору о нашемъ приѣздѣ, отправился обратно въ Петербургъ просить новаго назначенія.

По распоряженію губернатора, насъ помѣстили на квартирѣ полиціймейстера Алексѣева. Губернаторъ оказался извѣстный писатель, мой давнишній знакомый, Дмитрій Ник. Бантышъ-Каменскій, бывшій правителемъ канцеляріи у князя Рѣпина, при которомъ я четыре года состоялъ адъютантомъ. Онъ обошелся со мной также дружески, какъ и въ былое время, заставляя меня тѣмъ забыть о грустномъ моемъ положеніи; бесѣдовалъ со мною откровенно и безъ всякой натяжки, но вѣроятно, не желая меня огорчить, скрылъ отъ меня назначенное мнѣ мѣсто ссылки, и точно, Вилуйскъ, куда завинула меня судьба въ лицѣ петербургскихъ распорядителей, помѣщается на краю свѣта.

Любезности губернатора былъ я обязанъ снятіемъ съ меня какимъ-то мѣстнымъ живописцемъ портрета, для доставленія его въ Москву къ сестрѣ моей. Знавшія меня съ давнихъ поръ губернаторскія сестры, Анна и Екатерина Ник., изъ которыхъ первая была очень дружна съ княгиней Рѣпиной, часто заходили къ полиціймейстеру Алексѣеву для свиданія со мной. Погостивши въ Тобольскѣ около трехъ недѣль, пустились мы далѣе къ востоку въ сопровожденіи уже не фельдъегеря, а квартальнаго изъ мѣстной полиціи. Въ Красноярскѣ представились губернатору, извѣстному автору романа „Семейство Холмскихъ“, у котораго встрѣтили весьма благосклонный приѣмъ.

По дорогѣ изъ Тобольска насъ все время смущало неисполненное желаніе догнать ѣхавшихъ передъ нами товарищей нашихъ, въ числѣ коихъ находились двое братьевъ Бестужевыхъ, Николай и Михаилъ. Нетерпѣніе Марлинскаго видѣться съ ними оборвалось на мнѣ. Нашъ официальный слугникъ, принявъ въ соображеніе особое ко мнѣ расположеніе тобольскаго губернатора, обращался почтительно ко мнѣ на всякой станціи съ вопросомъ: желаю-ли я отдохнуть, или приказать закладывать лошадей? Изъ этого Ал. Бестужевъ заключилъ, что отъ меня бы

зависѣло уговорить квартальнаго доставить намъ возможность повидаться съ его братьями, но узнавъ отъ нашего пѣстуна, что ему строжайше предписано не съѣзжаться на станціяхъ съ опередившимъ насъ поѣздомъ, и жалѣя его, я не рѣшился вводить его въ искушеніе. Разногласіе это не разъ возбуждало между нами горячія пренія, не разстроившія, впрочемъ, нисколько нашихъ дружескихъ отношеній. При его впечатлительности и страстной натурѣ, Ал. Бестужевъ одаренъ былъ любящимъ сердцемъ, съ рѣдкою уживчивостью.

За нѣсколько станцій до Иркутска случился эпизодъ, характеризующій существовавшія отношенія между населеніемъ и мелкими чиновниками. Извѣстный по всей губерніи богатый ерестьянинъ Анкудиновъ содержалъ лошадей на нѣсколькихъ почтовыхъ станціяхъ. Вздумалось нашему квартальному ударить одного изъ ямщиковъ; узналъ объ этомъ Анкудиновъ, ростомъ и дородствомъ сущій богатырь, вступился за своего рабочаго и, осыпая упреками блюстителя порядка, оспаривалъ у него право давать волю рукамъ, и, не стѣсняясь, высказалъ ему, что не будь этихъ господъ,—указывая на насъ,—съ которыми онъ ѣдетъ, расправился бы съ нимъ по-своему; квартальный смиренно выслушалъ правоученіе и тѣмъ дѣло кончилось безъ всякихъ послѣдствій.

Въ концѣ ноября мы прибыли въ Иркутскъ поздно вечеромъ и остановились у крыльца губернаторскаго дома, гдѣ насъ обьяло звуками бальнаго оркестра. Мы тутъ долго ожидали распорядженія начальника губерніи, наконецъ, выскочилъ на крыльцо какой-то вспотѣвшій отъ танцевъ чиновникъ и приказалъ вести насъ въ острогъ. Отворилась дверь внутренняго арестантскаго помѣщенія и я, не переступая порога, успѣлъ только замѣтить, что тамъ насъ ждутъ Алексѣй Петровичъ Юшневскій и Спиридовъ, какъ вдругъ чувствую, что меня кто-то обнялъ и лобызаетъ; это былъ не кто иной, какъ часовой, стоявшій съ ружьемъ у дверей. Я призналъ въ немъ рядоваго Андреева, переведеннаго изъ стараго Семеновскаго полка на службу въ Сибирь, вслѣдствіе разгрома, постигнаго этотъ славный полкъ. Не разъ случалось мнѣ, какъ расскажу послѣ, испытать на дѣлѣ всю привязанность солдатъ къ своимъ прежнимъ офицерамъ.

Не безъ утѣшенія бываетъ и самая горькая доля! На другой день подоспѣли къ намъ двое Бестужевыхъ, Николай и Ми-

хайль, Ив. Дм. Якушеинъ, Антонъ Петровичъ Арбузовъ и Ал. Ив. Тютчевъ.

Пожаловалъ къ намъ губернаторъ и послѣ краткаго привѣтствія извинился передъ Ал. Бестужевымъ и мною, что насъ по ошибкѣ заключили въ острогъ, на томъ основаніи, что мы избавлены отъ работъ, и хотя мы просили его не разлучать насъ съ товарищами, онъ, ссылаясь на какой-то законъ, приказалъ помѣстить насъ на квартиру. Горько показалось намъ неумѣстное смягченіе участи нашей.

Мы узнали отъ Цейдлера, что Над. Ник. Шереметева писала къ нему, прося извѣстить ее о прибытіи Ив. Дм. Якушкина въ Иркутскъ.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Иркутскѣ, мы съ Ал. Бестужевымъ отправились, въ сопровожденіи молодаго казачьяго урядника, къ мѣсту своего назначенія. Первый городокъ, встрѣченный нами на пути, былъ Киренскъ, при устьѣ Кирени, впадающей въ Лену; тутъ видѣлись съ Валеріаномъ Голицынымъ и артиллеристомъ Веденяпинымъ, незадолго до того водворившимися въ немъ.

Дальше по Ленѣ проѣхали черезъ Витимъ, гдѣ поселены были М. А. Назимовъ и Ник. Оед. Заикинъ; за этимъ городкомъ по Ленѣ слѣдуетъ городъ Олекминскъ, куда сосланы были Андреевъ и Чистовъ, Ал. Ник., мичманъ.

24-го декабря, наканунѣ Рождества, наконецъ, добрались до областнаго города Якутска, гдѣ пришлось мнѣ разстаться съ дорогимъ спутникомъ моимъ,—Ал. Бестужевымъ, которому Якутскъ назначенъ мѣстомъ заточенія. Только тутъ узналъ я, что ссылаюсь въ Вилюйскъ.

До 6-го января пробылъ я съ Ал. Бестужевымъ, а въ день Крещенія сѣли мы верхомъ съ урядникомъ на почтовыхъ лошадей и отправились въ путь далѣе къ сѣверо-западу.

Изъ Якутска выѣхали во время крестнаго хода на Іорданъ и, проѣхавши съ лишнимъ 700-верстное разстояніе, добрались до Вилюйска, на берегу рѣки Вилюя, значительнаго притока рѣки Лены. Путешествіе это верхомъ, при разстояніи между станціями отъ 90 до 100 верстъ, къ удивленію моему, вынесъ я бодро и безъ утомленія. Можетъ быть, способствовало къ тому покойное англійское сѣдло, принадлежавшее областному начальнику, г. Мяг-

кову, который былъ такъ обязателенъ, что не только предложилъ мнѣ воспользоваться его сѣдломъ до Вилюйска, но и разрѣшилъ служившему у него молодому чиновнику, брату вилюйскаго комиссара, сопутствовать мнѣ до мѣста назначенія для свиданія съ братомъ. Онъ же позаботился снарядить меня надлежащимъ костюмомъ, на заячьемъ мѣху, съ ногъ до головы, противъ грознаго мороза, съ коимъ предстояла мнѣ отчаянная борьба. Въѣхали въ Вилюйскъ въ первомъ часу ночи и явились къ комиссару Михайлову, должность и власть котораго тѣ же, что у нашихъ исправниковъ. Для наблюденія за порядкомъ вѣреннаго ему обширнаго края, ему приходилось безпрестанно объѣзжать огромныя пространства, тѣмъ болѣе, что подвластные ему якуты живутъ отдѣльными семьями, разбросанными на огромное разстояніе.

V.

Вилюйскъ нельзя было назвать ни городомъ, ни селомъ, ни деревней; была, впрочемъ, деревянная двухъ-этажная церковь, кругомъ которой разставлены въ безпорядкѣ и на большомъ разстояніи другъ отъ друга якутскія юрты и всего четыре деревянные небольшіе дома, въ которыхъ помѣщались — комиссаръ Михайловъ, мѣстный врачъ г. Уклонскій, купецъ, торгующій мѣхами, и прикащикъ его. Пришлось мнѣ помѣститься временно у послѣдняго, пока не купилъ себѣ юрты у тамошняго хорунжаго, выпросившаго съ меня 300 руб. ассигн. Юрты эти—четырёхъ-угольныя строенія изъ крупныхъ лиственныхъ бревенъ, крыша деревянная, полъ досчатый и образуетъ двухъ-саженный квадратъ; къ моей юртѣ пристроены были небольшія сѣни. Осенью, до наступленія морозовъ, стѣны снаружи обмазываются густымъ слоємъ глины, смѣшаннымъ съ пометомъ, а въ началѣ зимы обладываются снѣгомъ на сажень вышины. Въ чувалѣ, какъ зовется безобразный татарскій каминъ, дрова горятъ цѣлый день и надъ крышею выведена дымовая труба, которая закрывается снаружи на ночь. Отверстіе для пяти оконъ въ моей юртѣ закладывается льдинами. Устройство это такъ разумно приспособлено къ суровому климату той сѣверной широты, что въ своей

юртѣ я не ощущалъ холода въ самыя жестокіе морозы, тогда какъ жившіе въ вышеупомянутыхъ домахъ жаловались на стужу. Зимой день такъ коротокъ и ледяныя огна доставляютъ такой тусклый свѣтъ, что по необходимости приходится весь день сидѣть со свѣчкой. Лѣтомъ льдины замѣняются рамами со стеклами.

Тамъ проживалъ столяръ, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ каторгѣ и отпущенный по неспособности къ работѣ въ „пропитанные“, какъ принято называть тѣхъ, которымъ предоставляютъ право передвиженія для пріисканія себѣ способовъ жизни. Онъ, какъ сказывалъ мнѣ, имѣлъ несчастье въ пьяномъ видѣ и въ порывѣ гнѣва нанести женѣ своей ударъ, отъ котораго послѣдовала ея смерть. Онъ былъ силы необыкновенной и безъ слезъ не могъ вспоминать о любимой женѣ. Не разъ за побѣгъ изъ тюрьмы былъ наказанъ плетьюми, но въ ту пору велъ себя безукоризненно и въ горькой долѣ своей никого не укорялъ, кромѣ самого себя; былъ замѣчательно честенъ и безкорыстенъ, въ чемъ я убѣдился расплачиваясь съ нимъ за заказанныя ему рамы къ къ овнамъ, кровать, столъ и стулья. Въ доказательство его нравственныхъ достоинствъ мнѣ сообщили слѣдующее. Находился онъ нѣсколько лѣтъ въ услуженіи у якутскаго чиновника, который, вышедъ въ отставку, умеръ, оставя сына сироту и къ тому же идіота. Отецъ, умирая, поручилъ сына попеченію слуги своего, назначивъ его опекуномъ надъ оставшимся имуществомъ. Онъ съ этимъ несчастнымъ идіотомъ жилъ въ одной юртѣ комиссара Михайлова, бывшаго вѣчно въ разъѣздахъ.

Я рѣдко сего послѣдняго видѣлъ, но по отношеніямъ ко мнѣ и по отзывамъ жителей я съ удовольствіемъ призналъ въ немъ порядочнаго человѣка. Его при мнѣ еще перевели на должность казначея въ Олекминскъ, о чемъ сильно горевали якуты, собиравшіеся подать просьбу о томъ, чтобы оставили у нихъ „Мишу“ ¹⁾. Тотчасъ по прибытіи моемъ, онъ вручилъ мнѣ 1,000 руб., доставленные по почтѣ изъ Иркутска, куда сестрой моею отправлены были изъ Москвы. Почта приходила къ намъ лишь каждыя два мѣсяца. Изъ Якутска въ Вилюйскъ почтовую суму возили верховые казаки, находящіеся въ командѣ у комиссара и по очереди

---

¹⁾ Такъ называли якуты комиссара.

дежурившіе у него. Вотъ по какому случаю я познакомился съ казакомъ Жирковымъ: по прїѣздѣ въ Вилюйскъ, ночью, ступивши за порогъ комиссаровскаго дома, я впотьмахъ оступился и чуть было не упалъ. Оказалось, что у самаго порога лежалъ 16 лѣтъ мальчикъ, сынъ дежурившаго казака; я тутъ упрекнулъ его въ безопасности къ сыну, но сожалѣніе, выраженное мною въ незавидному положенію этого мальчика, тронуло отца его, Жиркова, который съ тѣхъ поръ оказывалъ мнѣ всевозможныя услуги; онъ таскалъ мнѣ дрова и воду, закупалъ мясо, женѣ отдавалъ стирать мое бѣлье и на ночь лазилъ на крышу закрывать трубу чувала; въ этомъ чувалѣ я самъ готовилъ себѣ супъ, а о жареной говядинѣ или дичи заботилась для меня жена Жиркова.

Не нуждаясь въ собесѣдникахъ, я легко свылся съ одинокою жизнью въ своей юртѣ. Были у меня книги и я занялся изученіемъ англійскаго языка. Разрѣшенная мнѣ переписка съ родными была для меня большимъ утѣшеніемъ.

Во всякую погоду выходилъ я ежедневно пройтись по воздуху не для удовольствія, а изъ опасенія лишиться вовсе способности передвиженія. Воротившись разъ съ своей гигиенической прогулки, засталъ у себя неожиданныхъ гостей: три якута, скрестивши ноги, сидѣли на полу и грѣлись у чувала; они не обратили на меня никакого вниманія. Какъ ни странно показалось мнѣ такое безцеремонное посѣщеніе, я счелъ долгомъ выказать свое гостепрїимство и отрѣзалъ имъ по большому ломтю ржанаго хлѣба, до котораго они очень лакомы. За мое угощеніе они даже и головой не кивнули, преспокойно, не торопясь, съѣли хлѣбъ, не проронивъ ни крошки, и потомъ встали изъ юрты, не удостоивши меня не только легкимъ поклономъ, но и даже взглядомъ, какъ будто кромѣ ихъ никого въ юртѣ не было. Хотя и забавнымъ показалось мнѣ обращеніе со мною этихъ дикарей, но я вывелъ изъ него заключеніе въ ихъ пользу. Они безъ спросу вошли въ юрту погрѣться, потому что сами не воспретили бы никому воспользоваться ихъ чуваломъ; за хлѣбъ не благодарили, полагая, что я угощеніемъ своимъ подчиняюсь вошедшему въ силу закона обычаю, а поклона не отвѣсили мнѣ, не бывши со мною знакомы. Такое игнорированіе принятыхъ у насъ правилъ общежитія, избобличая первобытную простоту нравовъ, окупается вполне рѣдкими качествами: они крайне правдивы и честны, лукавства въ

нихъ нѣтъ и воровства они не знаютъ. Въ моемъ отсутствіи они даже изъ любопытства ни до чего не прикоснулись.

Когда стало показываться весеннее солнышко, отсутствующее во всю зиму, и подъ лучами его сталъ съ изумительной быстротой, въ концѣ мая, таять снѣгъ, я несказанно порадовался близкому возвращенію теплыхъ дней; хотя и предупредили меня, что лѣтомъ комары одолѣваютъ, но я, уже давно знакомый съ ними, нисколько этимъ не опечалился. Наступило, наконецъ, лѣто и пришлось мнѣ убѣдиться, что это настоящій бичъ, уподобить который можно лишь съ египетскими язвами при Фараонѣ. Страсть моя къ купанью въ рѣкѣ заставила меня пренебречь всѣми благими предостереженіями; я пустился на отчаянный подвигъ и въ борьбѣ съ насѣкомыми призналъ себя побѣжденнымъ; не только что о купаніи и думать не приходилось, но даже изъ юрты нельзя было носа показать. Цѣлыя тучи комаровъ огромнаго размѣра облипаютъ васъ съ ожесточеніемъ. Якуты надѣваютъ отъ нихъ маски, плетенныя изъ конскихъ гривъ. Въ юртѣ отъ нихъ спасаются посредствомъ дыма отъ навоза. Ставится корчага съ угольями, въ нее всыпаютъ кусками высушенную глину съ пометомъ, которымъ осенью обмазываютъ снаружи юрту. Куреніе это, далеко не благовонное, не прекращается ни днемъ, ни ночью, благо чуваль служитъ вентиляторомъ, безъ котораго пришлось бы задохнуться отъ дыма. Изобиліе насѣкомыхъ легко объясняется самымъ мѣстоположеніемъ Вилюйска.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ рѣки на невысокомъ холмѣ, недоступномъ разливу вешней воды, возвышается церковь, посреди нѣсколькихъ десятковъ юртъ, съ придачей четырехъ скромныхъ домиковъ; кругомъ все боръ съ одними хвойными деревьями и съ болотистой почвой. По ту сторону рѣки опять боръ непроходимый. Полей не видать, хлѣба не сѣютъ, овощей не разводятъ по той простой причинѣ, что лѣто, хотя и нестерпимо знойное, продолжается не болѣе шести недѣль. Поспѣваютъ лишь въ изобиліи ягоды въ лѣсу: малина, смородина, морозка, которыя приносили мнѣ труженики якуты, и трава, растущая въ прогалинахъ и доставляющая запасъ сѣна на всю зиму для нѣсколькихъ коровъ. У меня была своя корова, которую Жирковъ помѣщалъ въ своей юртѣ. Потважился садить картофель и попытка моя увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Вздумалъ я посѣять и просо,

быстрый всходъ котораго меня порадовалъ, но морозъ не далъ ему дослѣть. Отсутствіе всякихъ овощей составляетъ ощутительное лишеніе и недостаточно вознаграждается изобиліемъ дичи и рыбы. Областной начальникъ Мягковъ былъ такъ добръ, что прислалъ мнѣ, въ видѣ лакомства, огромнаго размѣра туазъ, по нашему буракъ, изъ березовой коры, съ замороженными щами. Видъ давно забытой капусты напомнилъ мнѣ родину и былое время.

Высказанныя мною столь неприглядныя условія мѣстности, находящейся по валендарю на 63°—45° сѣверной широты, заставляютъ заключить, что Вилюйскъ существуетъ единственно въ виду сбора ясака и добыванія купцами пушнаго товару у якутовъ. Когда истощится эта отрасль промышленности, Вилюйскъ долженъ опустѣть, какъ мало способный къ осѣдлой жизни. Много лѣтъ послѣ того прочелъ я въ газетахъ, что близъ Вилюйска открыты золотыя рѣиски, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ во многомъ измѣниться, а прїѣздъ туда рабочихъ поселенцевъ несомнѣнно вредно повліялъ на нравы дикарей. Постройка церкви свидѣтельствуетъ о благомъ намѣреніи обратить дикарей въ христіанскую вѣру. Но, сколько я могъ замѣтить, мало въ томъ успѣли, хотя при храмѣ находятся три священника. Якуты соблюдаютъ нѣкоторые обряды, сохраняя при томъ завѣтное суевѣріе предковъ. Церковь была построена въ царствованіе императрицы Екаторины. Приставленные къ ней три священника мало пеклись объ исполненіи своего миссіонерскаго призванія. Разъѣзжали они верхами по далеко раскинутой паствѣ и возвращались съ собранными у якутовъ цѣнными мѣхами, составляющими весь ихъ доходъ и единственный способъ пропитанія.

Пришлось мнѣ съ нетерпѣніемъ ожидать конца лѣта и отъ души порадоваться наступленію холодныхъ утренниковъ, предвѣщавшихъ возвращеніе вождѣльной зимы. Простой народъ называетъ Сибирь студенымъ, ледянымъ краемъ, ради его жестокихъ морозовъ, но кто пожилъ на крайнемъ сѣверѣ, тотъ благословляетъ этотъ спасительный морозъ, доставляющій ему продолжительный отдыхъ послѣ мучительнаго лѣта.

Кромѣ постоянныхъ моихъ занятій: чтенія, изученія англійскаго языка и письменной корреспонденціи съ родными и съ товарищами я, въ видѣ развлеченія, могущаго принести пользу и другимъ, выдумалъ учить дѣтей грамотѣ. Ко мнѣ стали ходить

двое мальчиковъ: сынъ тамошняго прикащика и внучъ одного изъ священниковъ, родители коихъ обрадовались предложенію моему учить ихъ дѣтей.

По немѣннѣю въ этой глуши часовъ, пришлось придумать забавный способъ дня опредѣленія класснаго времени. Я надъ своей куртѣ выкидывалъ флагъ, служившій знакомъ, что я жду своихъ учениковъ, и они на этотъ нѣмой зовъ немедленно являлись съ своей книгой.

Изъ числа тамошнихъ моихъ знакомыхъ, не могу не вспомнить о мѣстномъ врачѣ Уклонскомъ, воспитанникѣ московскаго университета, выпущенномъ съ золотою медалью. Онъ, кромѣ латинскаго языка, зналъ и французскій, а потому могъ пользоваться находившимися у меня французскими книгами. Русская же литература тогда, вслѣдствіе непомерной цензурной строгости, неспособна была удовлетворить любопытство мыслящаго человѣка. Жалко было положеніе этого образованнаго и способнаго врача, брошеннаго въ эту глушь, не имѣвшаго при себѣ ни аптеки, ни фельдшера въ помощники, не имѣвшаго возможности приложить къ дѣлу пріобрѣтенныя имъ знанія. Да хотя-бы и доставлены ему были надлежащіе способы къ врачеванію, пришлось бы ему нѣсколько сотъ верстъ объѣхать верхомъ, чтобы навѣстить больного. Скука и праздность снѣдали его и заставили его прибѣгнуть къ обычному у насъ способу утѣшенія: онъ пристрастился къ вину до такой степени, что порой былъ неузнаваемъ. Запедъ разъ къ нему, я ужаснулся, заставъ его въ безсознательномъ состояніи, и признаюсь, понимая его безвыходное положеніе, не стало-бы духа осудить его. Онъ возбуждалъ лишь глубокую жалость во всѣхъ, кто его зналъ и способенъ былъ оцѣнить его добрыя качества. Я, впоследствии, живя въ Ялуторовскѣ, съ удовольствіемъ услышалъ, что онъ переведенъ былъ въ Иркутскъ и получилъ мѣсто соотвѣтственно его познаніямъ и искусству.

Разъ зашелъ ко мнѣ нашъ комиссаръ. Я замѣтилъ, что онъ имѣетъ мнѣ что-то сообщить, а между тѣмъ не высказывается. Вслѣдствіе настоятельной просьбы моей не скрывать отъ меня полученной имъ вѣсти, онъ предупредилъ меня, что дошедшій до него слухъ несомнѣнно встревожитъ и огорчитъ меня. Ему писали изъ Якутска, что въ Иркутскѣ пронесся слухъ, будто товарищи мои, заключенные въ Читинской тюрьмѣ, силою вы-

рвались изъ острога и бѣжали. Само собою разумѣется, до какой степени смутил и огорчилъ меня его рассказъ. Вспомнивъ о задушевныхъ друзьяхъ и близкихъ моихъ родственникахъ, находящихся въ числѣ читинскихъ узниковъ, я впалъ въ несказанную тоску. Хотя я и силился успокоить себя тѣмъ, что слухи эти ложны или преувеличены, но, съ другой стороны, принявъ въ соображеніе тяжелую участь, постигшую людей въ томъ возрастѣ, когда кипятъ страсти, чувствуется избытокъ силъ душевныхъ и самое отчаянное предпріятіе вѣжется осуществимымъ, я приходилъ къ горькому заключенію, что въ этихъ слухахъ есть и доля правды. Благодаря Бога, не долго длилось мученіе и скорбь моя. Вскорѣ узнали, что поводомъ къ этимъ слухамъ послужила вѣсть о случившемся въ Нерчинскихъ рудникахъ покушеніи ваторажныхъ къ побѣгу и вооруженному возстанію. Во главѣ предпріятія находился Сухановъ, разжалованный офицеръ Черниговскаго полка. Цѣль его была добратся до Читы и освободить заключенныхъ тамъ политическихъ узниковъ. Заговоръ былъ открытъ и Сухановъ, приговоренный судомъ къ смертной казни, повѣсился въ тюрьмѣ.

По вскрытіи рѣки нѣсколько оживляется пустынный Вилюйскъ; къ берегу пристають расшивы (огромнаго размѣра барки съ одной мачтой), нагруженные мукой, солью и виномъ. Расшивы эти строятся въ селѣ Качугѣ, на Ленѣ, въ 200 верстахъ отъ Иркутска ¹⁾, опускаются по Ленѣ до Якутска, снабжая провіантомъ находящіяся на пути города, тянутся потомъ вверхъ бичевою до Вилюйска, крайняго пункта ихъ плаванія. Прибытіе этихъ расшивъ не мало и меня порадовало. Онѣ доставили мнѣ изъ Якутска, отправленные по моей просьбѣ Алекс. Бестужевымъ, всѣ съѣстные припасы и домашнюю посуду, лишеніе коихъ во всю зиму было для меня очень чувствительно.

Разъ зашелъ ко мнѣ въ юрту высокой и красивый мужчина, привѣтствуя меня громкимъ возгласомъ.

¹⁾ Въ этомъ селѣ случилось впослѣдствіи несчастіе, поразившее всѣхъ. Въ немъ находился на поселеніи товарищъ нашъ Рѣпинъ, бывшій гв. Финляндскаго полка капитанъ. Андреева изъ Олекминска везъ хорунжіи въ Иркутскъ. На пути Андреевъ ночевалъ у Рѣпина. Ночью вспыхнулъ пожаръ въ домѣ, въ которомъ оба и сгорѣли. Наряженное слѣдствіе ничего не открыло: былъ-ли пожаръ слѣдствіемъ неосторожности или поджога. Миръ праху вашему, бѣдные товарищи, безвременно почившіе мученическою смертью!

— „Здравія желаю, ваше высочородіе!“ Это былъ разжалованный унтеръ-офицеръ лейбъ-егерскаго полка. Въ бытность мою въ Петербургѣ случился побѣгъ арестантовъ, посредствомъ подкopa въ губернское правленіе, гдѣ они содержались. Представившійся мнѣ поселенецъ находился тогда въ караулѣ и въ числѣ другихъ судимъ былъ за оплошность и еосланъ въ Сибирь. Прибывъ къ намъ на расшивѣ, онъ счелъ долгомъ навѣстить бывшаго офицера Семеновскаго полка, вспомнивъ, что я бывалъ у знакомыхъ мнѣ офицеровъ въ ихъ казармахъ. Этотъ заслуженный воинъ былъ въ строю и участвовалъ въ войнахъ 1812, 1813 и 1814-хъ годовъ.

Въ концѣ зимы якуты пригоняють оленей для продажи. Тутъ раскупають ихъ и доставляютъ всюду, гдѣ ѣздятъ на оленяхъ. Въ Якутскѣ больше употребляется ѣзда на собакахъ, для которой въ каждомъ дворѣ держатъ ихъ цѣлыя стаи. Проведши тамъ нѣсколько дней, я слышалъ по ночамъ наводящій тоску вой ихъ, выражающій жалобу на жестокой морозъ и голодъ. Кормятъ ихъ сушеной рыбой, которая тамъ ни по чемъ: не только Лена, но и Вилюй изобилуетъ лучшею рыбою. Ловятся осетра, стерляди, налимы и сиги—на якутскомъ языкѣ мегасъ.

Надѣясь покинуть рано или поздно неприглядный Вилюйскъ, я вздумалъ воспользоваться пребываніемъ моимъ въ этой глуши, чтобы принести ему какую нибудь пользу. Прилегающее къ селу кладбище не было огорожено и поѣтому доступно нашествію не только домашнихъ животныхъ, но и хищныхъ звѣрей, скрывающихся въ окрестномъ бору. На этотъ предметъ я предложилъ жителямъ составить подписку, и общими силами намъ удалось построить прочную бревенчатую ограду.

Въ 1829 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, поразило меня неожиданное появленіе въ моей юртѣ лейтенанта норвежскаго флота Дуэ, привѣтствовавшаго меня на французскомъ языкѣ въ этой страшной глуши. Я, бесѣдуя мысленно съ сестрою, на письмо которой отвѣчалъ, слышалъ, что кто-то вошелъ въ юрту, но не обернулся, чтобы взглянуть на вошедшаго. Вдругъ слышу за спиной у себя: „M-r Mouravieff, il y a longtemps que j'ai faim et soif de Vous voir“. Съ первыхъ словъ его я призналъ въ немъ образованнаго человѣка и порадовался случаю побесѣдовать съ умнымъ европейцемъ и узнать отъ него о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ какими судьбами очутился онъ въ Вилюйскѣ.

Снаряжена была норвежскимъ правительствомъ ученая кругосвѣтная экспедиція, которая, пробравшись изъ Петербурга черезъ всю Сибирь до Иркутска, поручила лейтенанту Дуэ спуститься по Ленѣ къ сѣверу для опредѣленія точнаго пункта магнитнаго полюса и, оставивъ его въ Сибири, сама доѣхала до Охотска, откуда моремъ, пробороздивши два океана, Тихій и Атлантическій, воротилась во свояси. Дуэ пробылъ три дня въ Вилюйскѣ, и эти дни мы почти что безразлично провели вмѣстѣ. Онъ дивился страшию моею и моему кулинарному искусству. Я ему обязанъ представившимся случаемъ ознакомиться съ тамошнимъ шаманствомъ. Онъ снабженъ былъ открытымъ листомъ, въ коемъ предписывалось всѣмъ мѣстнымъ властямъ оказывать ему всякую помощь и исполнять его требованія. Наслышавшись о шаманахъ, онъ желалъ бы видѣть хотя одного, но совѣстился обезпечить меня, призвавши его въ мою юрту. Я просилъ его распорядиться моею юртой, какъ-бы собственной. Случай видѣть шамана представился очень легко: новый комиссаръ, замѣнившій Михайлова, въ угожденіе Дуэ, велѣлъ привести въ Вилюйскъ знаменитаго въ округѣ чудесника. Надо замѣтить, что появленіе шамана въ Вилюйскѣ считалось небывалымъ происшествіемъ, потому что имъ строго воспрещено показываться тамъ, гдѣ есть церковь.

Его сопровождала толпа нѣсколькихъ десятковъ якутовъ, оберегающихъ его отъ всякой бѣды. Вечеромъ впустили его въ мою юрту и съ нимъ нѣсколько якутовъ. Онъ сѣлъ на полъ, поджавши ноги, и надѣлъ на себя родъ тюники, сплетенной изъ сыромятныхъ ремней и обвѣшанной разными побрякушками, которыя при всякомъ его движеніи трещали и звенѣли. Тюника эта, съ узкими рукавами, въ обтяжку, плотно облежала къ тѣлу, такъ что онъ ничего не могъ скрыть подъ нею. Длинную косу свою онъ распустилъ вдоль плечъ и, ударяя палкой въ большіе бубны, сталъ вызывать разныхъ духовъ, приставленныхъ кто въ воздуху, кто къ водамъ, кто къ лѣсамъ (казаекъ Жирковъ, говорившій по якутски, объяснялъ намъ все, что сказывалъ шаманъ), потомъ принялся онъ стонать и жаловаться, что медвѣдь грызетъ его внутренности. Не переставая колотить въ бубны, усиливая и учащая удары, онъ сталъ метаться во всѣ стороны, а по мѣрѣ усиливавшагося страданія голова его, съ поднятыми вверхъ волосами, начала кружиться надъ шею съ возраставшею

быстрою, доводившею его до какого-то изступленія. Потомъ, какъ-бы вслѣдствіе невыносимой боли, онъ поднялся и сталъ ходить по юртѣ, жалобно стоная. Вдругъ показалась выступающая у него изо рта настоящая мохнатая медвѣжья лапа, которая сжималась, будто придавливала что когтями, и, наконецъ, исчезла изъ глазъ мгновенно. Широкая эта лапа, чтобы выйти наружу, до безобразія растягивала ему ротъ. Тѣмъ и кончилось представленіе. Появленіе изо рта этой движущейся лапы и быстрое ея исчезновеніе ничѣмъ не могли мы объяснить, и не раздѣляя мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ этого рода явленія присутствію злаго духа, мы должны были признать въ этомъ шаманѣ искуснѣйшаго изъ фокусниковъ.

Упомянувъ о моихъ зимнихъ прогулкахъ, я забылъ рассказать о случившемся разъ со мною. Шагахъ въ тридцати отъ меня завидѣлъ я якута, не двигавшагося съ мѣста, но указывавшаго мнѣ рукою на поставленный на дорогѣ берестовый буракъ, по сибирскому туягъ. Я никакъ не могъ догадаться чего хочетъ отъ меня якутъ съ обращенной ко мнѣ мимикой. Не мало удивился я и пожалѣлъ о бѣдномъ якутѣ, когда узналъ потомъ, что онъ одержимъ проказой и что, не смѣя даже приближаться къ людямъ, въ почтительномъ разстояніи отъ нихъ умаливаетъ ихъ покорить его. И всякій по усердію своему и по достатку спускаетъ въ этотъ туягъ кто молоко, кто похлебку, кто вашицу или рыбу, а кто и черный хлѣбъ, составляющій тамъ предметъ роскоши. Тяжело, грустно подумать объ отчаянномъ положеніи подобнаго отверженца изъ общества людей и невольно укоришь себя въ томъ, что жалуешься на судьбу свою, забывая о многихъ бездольныхъ горемыкахъ. Появленіе проказы между якутами объясняется всѣми условіями ихъ быта: и климатъ, и нищета, и отсутствіе всякихъ гигиеническихъ понятій способствуютъ къ развитію кожныхъ болѣзней, превращающихся въ этотъ страшный недугъ при болѣе слабомъ организмѣ. Они не знаютъ ни бѣлья, ни бани, и шуба ихъ прикасается въ голому тѣлу. Я узналъ, что не одинъ, а нѣсколько человѣкъ страдаютъ проказой и прозябаютъ скученные въ одной юртѣ.

Жирковъ, какъ было сказано выше, держалъ корову мою у себя въ юртѣ, но въ случаѣ перевода его по службѣ куда либо въ другое мѣсто корова моя лишилась бы пріюта; во избѣжаніе чего я придумалъ запастись другой юртой, въ которой помѣстилось бы якут-

свое семейство съ обязательствомъ ухода за скотиной и содержанія ея въ той-же юртѣ, какъ вообще у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ есть домашній скотъ. Началь я строить другую юрту. Работа подвигалась медленно, такъ что по истеченіи нѣсколькихъ дней я узналъ, что и ямы для постановки столбовъ не выкопаны. Вздумалось сходить посмотрѣть чѣмъ занимаются мои землекопы, и я убѣдился, что они нисколько не виноваты въ замедленіи постройки. Земля оттаиваетъ лѣтомъ лишь на нѣсколько вершковъ, глубже того грунтъ никогда не отмерзаетъ, такъ что имъ приходилось киркою и топоромъ откалывать землю, уподобившуюся камню. По случаю этой постройки я неожиданно наткнулся на рѣдкую находку. Явуты, копавшіе землю для постановки столбовъ, отрыли челюсть мамонтовой телушки, какъ они выразились, величиною, по крайней мѣрѣ, въ полтора аршина. Мнѣ вздумалось предложить ее Дуэ, который съ радостью принялъ этотъ подарокъ, намѣреваясь помѣстить его въ музей норвежской столицы, въ память поѣздки его въ сибирскія тундры, и упомянуть при томъ о случаѣ, доставившемъ ему такую ископаемую рѣдкость, а также о лицѣ, пожертвовавшемъ ему эту находку.

Замѣтивъ какую Дуэ придаетъ цѣнность всему, что придется ему вывезти въ себѣ въ Норвегію изъ дальней дикой Сибири, я отдалъ ему парку (такъ назыв. самоѣдскій костюмъ), пожертвованную мнѣ тобольскимъ губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ. Этотъ самоѣдскій костюмъ состоитъ изъ двухъ шубъ, сшитыхъ изъ оленьяго мѣха; особенность верхней шубы состоитъ въ томъ, что шапка и рукавицы съ шубой составляютъ одно цѣлое. Къ этому придалъ я еще цѣлый мѣшокъ сердоликовъ, собранныхъ мною во время моихъ прогуловъ по берегу Вилюя. Нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательной величины. Рѣка во время разлива выбрасываетъ ихъ на берегъ. Подарки мои привели его въ восторгъ и онъ не могъ надивиться моей щедрости. Я тутъ-же сообщилъ ему къ свѣдѣнію о существующемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вилюйска соляномъ источникѣ. Весной и въ началѣ зимы струя соленой воды образуетъ бьющій изъ земли фонтанъ въ нѣсколько футовъ вышины, изъ которой добывается превосходнаго качества горная соль. Къ источнику приставленъ караулъ, оберегающій казенную собственность.

Пришлось мнѣ разстаться съ пріятнымъ собесѣдникомъ, о

пробываніи котораго въ Вилюйскѣ я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю. Судя по письму Дуэ во мнѣ изъ Якутска въ маѣ мѣсяцѣ, я убѣдился въ живомъ и дружескомъ участіи, какое принималъ онъ въ моей судьбѣ, равно и всѣхъ моихъ товарищей, поселенныхъ вдоль по Ленѣ, съ которыми онъ успѣлъ сблизиться. Бестужевъ, Андреевъ, Веденяпинъ, Чижовъ, Назимовъ, Загорѣцкій, Заякинъ — всѣ его полюбили, а послѣдній, бывши хорошимъ математикомъ, по просьбѣ его взялся провѣрить сдѣланныя имъ астрономическія исчисленія. Онъ радовался о предстоявшемъ моемъ переѣздѣ въ Бухтарминскъ, первое увѣдомленіе о которомъ я получилъ отъ Алекс. Бестужева, надѣясь свидѣться со мною еще въ Сибири, въ чемъ онъ не ошибся. Я по пути встрѣтилъ его въ Иркутскѣ и потомъ въ Красноярскѣ. Въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ мнѣ слѣдующія выведенныя имъ числовыя данныя, которыя я записалъ. Широта Вилюйска равняется $63^{\circ} 45' 22,5$. Отклоненіе магнитной стрѣлки въ востоку $= 0^{\circ} 7' 5$. Наклоненіе $= 76^{\circ} 45' 9$.

Принявъ исчисленіе степени магнитной силы въ Якутскѣ = 1,689, Дуэ выводилъ ее для Вилюйска = 1,759.

Доѣхавъ до Олекминска и желая доставить развлеченіе товарищу нашему Андрееву, Дуэ пригласилъ его совершить вмѣстѣ съ нимъ поѣздку вдоль берега рѣки Олекмы, гдѣ, между прочимъ, находятся значительныя залежи слюды, употребляемой на сѣверѣ вмѣсто стеколъ въ оконныхъ рамахъ. Объ этой экскурсіи увѣдомилъ меня письмомъ несчастный Андреевъ, о плачевной кончинѣ коего упомянуто выше.

VI.

Поводомъ къ назначенію пограничнаго города Бухтарминска новымъ для меня мѣстопробываніемъ былъ слѣдующій сообщенный мнѣ случай. Сестра моя, Ек. Ив. Бибикина, встрѣтившая случайно у графини Лаваль М. М. Сперанскаго, извѣстнаго учредителя сибирскаго управленія, и заговоривъ съ нимъ о Сибири, услышала отъ него такое увлекательное описаніе климата и мѣстности Бухтарминска, что рѣшилась подать на высоч. имя прошеніе о переводѣ меня въ этотъ городъ, хотя я, переписываясь съ нею, не разъ упрашивалъ ее не беспокоить ни-

кого просьбами о переводѣ меня въ другое мѣсто. Я какъ-то свѣлся съ своимъ положеніемъ, такъ что и уединеніе мое было мнѣ не въ тягость и при томъ я считалъ благоразумнѣе не напоминать правительству о себѣ. Но сестра, освѣдомляясь о моемъ житьѣ-бытьѣ, не могла вынести мысли, что въ продолженіе всей зимы окна въ моей юртѣ замѣнялись льдинами; она изъ этого одного заключила, что положеніе мое должно быть невыносимо, и сочла своею обязанностью вырвать меня оттуда даже противъ моего желанія. Я зналъ, что Чернышевъ и Ал. Бестужевъ давно уже просили дозволенія вступить на службу рядовыми въ кавказскую армію. Наконецъ, пришло о томъ разрѣшеніе, и Чернышевъ уѣхалъ первый, а наванунѣ моего прибытія въ Якутскъ увезли и Бестужева.

Какъ только сообщилъ мнѣ мѣстный комиссаръ о полученномъ имъ предписаніи отправить меня въ Иркутскъ, я насоро уложилъ въ чемоданъ бѣлье, платье и книги, юрту-же со всею хозяйственною утварью, равно и корову, предоставилъ въ полную собственность казака Жиркова; выстроенную же мною юрту отдалъ проваженнымъ, нуждающимся въ болѣе просторномъ помѣщеніи. Распоряженіе это я совершилъ законнымъ порядкомъ, подписавъ о томъ объявленіе въ комиссарской канцеляріи. Копія съ моей дарственной записи вручена была Жиркову, заявленія восторга и признательности котораго много меня порадовали.

Въ первыхъ числахъ іюня, сколько помнится, въ сопровожденіи наряженнаго ко мнѣ казака, пустился я верхомъ по дорогѣ въ Якутскъ. Услужливый и преданный мнѣ Жирковъ счелъ долгомъ проводить меня до первой станціи. Подъѣзжая къ Якутску, 11-го іюня, доѣхали мы до какаго-то озера, простирающагося на 7 верстъ. Не видя на немъ лодки и узнавъ отъ казака, что объѣхать озеро намъ нельзя, я не могъ понять какъ мы верхомъ пустимся въ воду, и тутъ узналъ отъ него, что подъ водою, всего въ два вершка глубиною, ледъ продержится во все лѣто и такъ крѣпокъ, что хоть пушку по немъ вези. Доѣхавши до Якутска, я съ прискорбіемъ узналъ, что нетерпѣливо ждавшій меня А. Бестужевъ выѣхалъ наканунѣ съ урядникомъ, присланнымъ за нимъ. Пришлось мнѣ для отдыха пробыть два дня въ этомъ жалкомъ городѣ, въ которомъ, къ сожалѣнію, никого знаемыхъ не имѣлъ. Прежній областной начальникъ Мягковъ, который въ

1827 году былъ такъ обязателенъ и внимателенъ ко мнѣ, перемѣщенъ былъ на другую должность.

Отъ нечего дѣлать я вздумалъ ознакомиться съ мѣстностью и зашелъ въ монастырскую ограду, гдѣ кладбище прилегалo къ церкви, и замѣтилъ на одной гробницѣ надпись въ нѣсколько строкъ. Я прочелъ эту надгробную эпитафію, и стихи мнѣ такъ понравились, что я тутъ-же ихъ списалъ.

Стихи, написанные, какъ я впоследствии узналъ, А. Бестужевымъ, помѣщаю здѣсь:

Неумолима, холодная могила
Здѣсь сѣдины отца и сына цвѣтъ сокрыла.
Одинъ подъ вечеръ дней, другой въ полудни лѣтъ
Къ предѣламъ вѣчности нашли незримый свѣтъ.
Счастливыцѣ! Здѣсь и тамъ не знали вы разлуки,
Не знали пережить родныхъ тяжелой муки.
Любовью родственной горѣвшія сердца
Покой вкусили вдругъ для общаго вѣнца.
Мы плачемъ, но вдали утѣшный голосъ вѣетъ,
Подъ горестной слезой зерно спасенія спѣетъ
И всѣ мы свидимся въ объятіяхъ Творца.

Якутскъ. 1828 года. Скончались Михалевы.

Изъ Якутска, въ сопровожденіи хорунжаго, отправился дальше, вверхъ по Ленѣ, бичевой, въ небольшой почтовой лодкѣ, на сѣденіе комарамъ до Качуги, гдѣ мы сошли на берегъ, чтобы на колесахъ доѣхать до Иркутска. По пути остановились на послѣдней станціи передъ Киринскомъ, въ домѣ зажиточнаго крестьянина, желавшаго угостить меня на славу; столъ покрытъ былъ скатертью безукоризненной бѣлизны, приборы серебряные, стаканы и рюмки бемскаго стекла. Я счелъ долгомъ предупредить его, что онъ ошибается, если принимаетъ меня за чиновника, что я не что иное, какъ сосланный государственный преступникъ; на это онъ возразилъ мнѣ съ поклономъ, что очень хорошо знаетъ, кого имѣетъ удовольствіе принять у себя въ домѣ, и что онъ радъ дорогому гостю. Я узналъ отъ него, что онъ при Екатеринѣ былъ сосланъ на каторгу и въ силу милостиваго манифеста, изданнаго по случаю рожденія вел. кн., впоследствии императора, Александра Павловича, выпущенъ на поселеніе и водворенъ на пустынномъ берегу Лены на томъ мѣстѣ, гдѣ современемъ вы-

строилась цѣлая деревня, населенная его сыновьями и внуками. Счастливый случай вывелъ въ люди беспомощнаго одинокаго поселенца: иркутскій купецъ спускалъ по Ленѣ расшиву, нагруженную мукой; на пути застала его зима, принудившая его пристать къ безлюдному берегу, гдѣ онъ обрадовался встрѣтить живаго человѣка, котораго просилъ принять и сберечь его цѣнный грузъ. Поселенецъ не употребилъ во зло оказаннаго ему довѣрія и въ цѣлости возвратилъ довѣрителю сбереженные и муку, и судно его. Въ знакъ признательности купецъ тотъ сдѣлалъ его комиссіонеромъ своимъ по торговлѣ хлѣбомъ, что доставило ему способъ опериться, а впослѣдствіи и разбогатѣть. Я при этомъ вспомнилъ о спорномъ вопросѣ между мною и Дуэ; онъ отстаивалъ необходимость смертной казни, мною всѣми силами опровергаемой; я призналъ рассказъ моего хозяина вѣскимъ аргументомъ въ пользу моего мнѣнія, и записавъ слышанное мною, просилъ хозяина передать Дуэ мою записку, когда на возвратномъ пути лейтенантъ остановится на станціи.

Въ Иркутскѣ остановился я у Ал. Ник. Муравьева, занимавшаго должность полиціеистра. Сосланный въ Сибирь также по дѣлу 14-го декабря, онъ пожелалъ вступить на службу и вскорѣ послѣ того получилъ мѣсто исправляющаго должность губернатора въ Тобольскѣ. Кромѣ существовавшаго между нами родства я съ малолѣтства зналъ его и имѣлъ случай оцѣнить его во время походовъ 1812, 13 и 14-го годовъ, въ которыхъ оба мы участвовали; жена его, рожденная вн. Шаховская, и двѣ сестры послѣдовали за нимъ въ Сибирь, доставляя ему тѣмъ утѣшеніе въ семейной жизни.

Г. Г. Лавинскій, къ которому пришлось мнѣ являться, подалъ мнѣ совѣтъ проситься на Кавказъ, какъ бы въ признательность за оказанную мнѣ царскую милость, облегчившую мою участь послѣ приговора верховнаго суда. Не послѣдовалъ я его совѣту потому, что, страдая отъ раны въ ногѣ, полученной подъ Кульмомъ, я въ пѣ хотныя солдаты не годился. Гостивши у Муравьева, я имѣлъ случай познакомиться съ профессоромъ, находившимся во главѣ норвежской ученой экспедиціи, снаряженной по его иниціативѣ, и часто насъ посѣщавшимъ; иностранной фамиліи его я, къ сожалѣнію, не могу припомнить. По вечерамъ собирались гости, составлявшіе высшій кругъ иркутскаго общества. Разъ какъ-то сѣлъ

за фортепіано ловкій и елегантный молодой чоловікъ; къ удивленію моему, я узналъ, что это былъ иркутскій купецъ Баснинъ. Въ то время богатое купечество составляло мѣстную аристокрацію и по образованію и обхожденію далеко опередило купцовъ, встрѣчавшихся намъ по ту сторону Урала. Торговля наша съ Китаемъ, заключающаяся въ обмѣнѣ чая и шелковыхъ матерій на наши сибирскіе мѣха, добываемые у якутовъ за безцѣнокъ, доставляла въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка огромную наживу, тѣмъ болѣе, что находилась въ рукахъ небольшого круга торговыхъ фирмъ, не допускавшихъ конкуренціи со стороны московскихъ купцовъ. При этихъ-то благоприятныхъ условіяхъ основались въ Иркутскѣ и въ Нерчинскѣ богатые торговые дома, въ которыхъ старики, скоро убѣдившись въ пользѣ образованія, не щадили ни денегъ, ни заботъ для воспитанія дѣтей.

Въ Иркутскѣ я пробылъ 6 недѣль. А. Н. Муравьевъ не отпускалъ меня, а я такъ пріятно проводилъ время въ кругу добраго семейства, что охотно согласился съ нимъ, что на новое мѣсто ссылки всегда во-время поспѣю. Отправился я въ сопровожденіи полицейскаго чиновника Соболевскаго, получившаго впоследствии мѣсто городничаго въ г. Курганѣ Тобольской губерніи. Онъ разсказалъ мнѣ въ доказательство неустрашимости, съ какою А. Н. Муравьевъ преслѣдовалъ воровство и грабежъ, слѣдующій его подвигъ: до свѣдѣнія его дошло, что въ Иркутскѣ скрывается шайка разбойниковъ, грабившихъ прохожихъ и проѣзжихъ въ темные осенніе вечера и ночи. Личный составъ полиціи былъ ненадеженъ. Узнавъ, что притонъ разбойниковъ въ какомъ-то подвалѣ, онъ, ночью, взявъ съ собою Соболевскаго, пошелъ въ указанный ему домъ и засталъ въ расплохъ шайку въ полномъ сборѣ, дѣлившую добычу. Его появленіе такъ ихъ поразило, что они тутъ-же повинились, полагая, что полиціймейстера сопровождаетъ военная сила. Они съ мѣста не тронулись, пока Соболевскій не привелъ солдатъ, проводившихъ ихъ въ острогъ.

Въ Красноярскѣ засталъ я лейтенанта Дуэ, ѣхавшаго обратно въ Петербургъ, и навсегда съ нимъ простился. Томскъ, слѣдующій городъ по пути, славился уже тогда своимъ торговымъ значеніемъ, хотя далеко не представлялъ того богатства и роскоши, до какихъ дошелъ впоследствии, ради золотопромышленниковъ,

поселившихся въ немъ, какъ въ устроенномъ пунетѣ, посреди приисковъ. Доѣхали до Омской крѣпости, мѣстопробыванія областного начальнива. Генераль Сень-Лоранъ, бывшій дивизионнымъ начальникомъ въ Полтавѣ, сынъ французскаго эмигранта, воспитывавшійся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, до того обрусѣлъ, что французскаго языка вовсе не зналъ. Онъ противъ воли былъ назначенъ управлять Омскою областію, хотя область эта была мало населенною. Онъ рассказывалъ Степ. Мих. Семенову, о которомъ дальше будетъ рѣчь, что когда онъ умаливалъ государя не назначать его на должность, къ которой онъ вовсе не способенъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Ты хорошо командовалъ дивизією, значить, можешь и краемъ управлять, это дѣло не мудреное. Я былъ дивизионнымъ начальникомъ, а пришлось управлять цѣлымъ государствомъ и притомъ, какъ видишь, не хуже другаго“.

Сень-Лоранъ пользовался на службѣ прекрасною репутацією; онъ слылъ человѣкомъ отлично-храбрымъ, честнымъ, правдивымъ и всѣми былъ любимъ. Во время войны 1812, 13 и 14 годовъ онъ командовалъ Егерскимъ полкомъ. Меня онъ принялъ какъ нельзя болѣе ласково. При немъ были дочери его, взрослые дѣвицы, воспитывавшіяся въ Смольномъ монастырѣ въ одно время съ сестрами моими: Анной Ив. Хруцовой и гр. Еленой Ив. Капнистъ.

Изъ Омска доѣхали до Усть-Каменогорска, гдѣ я нашелъ Степ. Мих. Семенова, недавно туда прибывшаго и занимавшаго должность писаря въ канцеляріи коменданта де-Ліанкура. О судьбѣ его постигшей имѣю рассказать многое, не лишнее интереса, но сперва необходимо кое-что сказать объ оригинальной личности де-Ліанкура, французскаго эмигранта, командовавшаго у насъ нѣкогда полкомъ; но когда въ 1805 г. пришлось ему вступить въ походъ противъ французовъ, онъ отказался участвовать въ войнѣ противъ соотечественниковъ, и потому былъ назначенъ комендантомъ въ Усть-Каменогорскъ. Тамъ онъ женился на казачкѣ, которую называлъ „Матронъ Ивановъ“, не подчиняясь нисколько правиламъ русской грамматики и не заботясь объ изученіи русскаго языка. Чиновниковъ, являвшихся къ нему, онъ привѣтствовалъ всегда весьма лаконически, слѣдующимъ образомъ: „рюмку водки и пошелъ вонъ!“ Много мнѣ передавали про его странности.

Образованный по старому методу, онъ читалъ на память

стихи изъ Виргилія и Горація, а дочерей своихъ не училъ и грамотѣ на томъ основаніи, что имъ въ Сибири придется выдти замужь за дураковъ, какъ онъ выражался. На одной изъ его дочерей женился впоследствии совѣтникъ тобольскаго губ. правленія. На счетъ военной формы онъ позволялъ себѣ странныя отступленія; сшилъ себѣ мундиръ вмѣсто зеленаго изъ синяго сукна потому только, что вакой-то купецъ принесъ ему въ даръ кусокъ такого цвѣта сукна. Здоровьемъ былъ такъ крѣпокъ, что въ зиму ходилъ въ лѣтней шинели. На знакомство былъ далеко не притязателенъ. У него былъ списокъ всѣхъ жителей съ обозначеніемъ дня ихъ именинъ. Онъ являлся къ нимъ въ тотъ день и говорилъ, что пришелъ отвѣдать у нихъ имениннаго пирога. Разъ ему доложили о появленіи какого-то татарина Муратки. Онъ засуетился и велѣлъ его арестовать, вообразивъ себѣ, что это бѣжалъ я, Муравьевъ, изъ Бухтарминска. Все это доказываетъ, какъ неразборчивы были у насъ въ назначеніи полковыхъ командировъ и комендантовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Чужестранцевъ такъ высоко цѣнили, что допускали командовать полкомъ людей, вовсе не знавшихъ русскаго языка.

О товарищѣ моемъ Степ. Мих. Семеновѣ, о которомъ въ появившихся доселѣ запискахъ не упоминается, считаю не лишнимъ передать что знаю. Бывшій доцентъ моск. университета, онъ былъ одно время воспитателемъ молодого кн. Никиты Трубецаго, младшаго брата нашего Сергѣя Петровича; потомъ поступилъ въ канцелярію министра народ. просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, кн. Ал. Ник. Голицына. Слѣдующій случай свидѣтельствуетъ о довѣрїи къ нему министра. До государя Александра Павловича дошла вѣсть объ убійствѣ, случившемся въ Курской губ., въ коемъ молва обвиняла мѣстную помѣщицу и приходскаго попа. Графъ Аракчеевъ увѣрялъ государя, что по слѣдствію они признаны непричастными къ дѣлу, тогда какъ кн. Голицынъ утверждалъ, что слѣдствіе ведено было неправильно. Извѣстно, что между этими двумя любимцами царя существовало соперничество въ преданности его особѣ. Чтобы разрѣшить возникшій между ними споръ, государь предложилъ имъ послать каждый отъ себя довѣренное лицо для раскрытія истины. Выборъ кн. Голицына палъ на Семенова, котораго онъ предупредилъ, что, зная его честность, онъ увѣренъ, что отвергнетъ всякаго рода подкупъ, но что въ

такомъ случаѣ онъ предостерегся бы отъ отравы. Семенову пришлось во время слѣдствія питаться яйцами и чаемъ съ булками, имъ-же самимъ на базарѣ купленными. По слѣдствію подозрѣваемые оказались подлежащими суду, и князь Голицынъ высоко цѣнилъ услугу Семенова, доставившаго ему побѣду надъ Аракчеевымъ.

Сень-Лоранъ, вступивъ въ управленіе Омскою областью, очутился, по словамъ его, какъ въ лѣсу. Не имѣя никакого понятія ни о порядкѣ гражданскаго дѣлопроизводства, ни о состояніи края, не имѣя при себѣ человѣка свѣдущаго, на котораго могъ бы положиться, онъ, при своей добросовѣстности, тяготился своимъ положеніемъ и не скрывалъ его. Кто-то, сжалившись надъ нимъ, надумилъ его призвать къ себѣ изъ Усть-Каменогорска Ст. Мих. Семенова, причастнаго къ дѣлу 14-го декабря, но не лишеннаго ни чина, ни званія и не по суду, а лишь административнымъ порядкомъ назначеннаго исправлять въ Сибири должность канцелярскаго служителя. Сень-Лоранъ тотчасъ выписалъ его и вскорѣ убѣдился, что онъ пріобрѣлъ въ немъ дѣльнаго и въ высшей степени честнаго помощника. Въ 1829 г. знаменитый Александръ Гумбольдтъ отправился въ Сибирь съ цѣлью изслѣдовать естественныя богатства обширнаго края, и изъ Петербурга было предписано, по высочайшему повелѣнію, всѣмъ мѣстнымъ правителямъ, отряжать чиновниковъ для сопровожденія ученой знаменитости. С. Лоранъ назначилъ Семенова, который и сопутствовалъ Гумбольдту по всей Омской области. По возвращеніи его въ Петербургъ, на вопросъ императора Николая насколько онъ доволенъ своимъ путешествіемъ, Гумбольдтъ, между прочимъ, желая угодить, отозвался съ похвалою о его чиновникахъ и выразилъ удивленіе, что даже въ Сибири сопровождавшій его оказался человѣкомъ высокообразованнымъ. Государь, узнавъ, что восхваленный чиновникъ былъ Семеновъ, сдѣлалъ выговоръ С. Лорану, а Семенову велѣлъ довольствоваться должностію канцелярскаго служителя, вслѣдствіе чего тотъ возвратился опять въ Усть-Каменогорскъ, а впослѣдствіи въ г. Туринскъ, Тобольской губ. По разстроенному здоровью Семеновъ просилъ дозволенія пріѣхать въ Тобольскъ посоветоваться съ медиками. Тутъ губернаторъ Повало-Швейковскій, заслуженный морякъ, сблизился съ нимъ и воспользовался опытностію его по дѣламъ администраціи. Затѣмъ кн. Горчаковъ,

желая имѣть его при себѣ, вызвалъ его въ Омскъ, куда переведено было главное управленіе западн. Сибири, назначилъ его начальникомъ отдѣленія и поручилъ ему разсмотрѣть дѣла, рѣшенныя Талызинымъ въ бытность послѣдняго омскимъ областнымъ начальникомъ, котораго кн. Горчаковъ, не успѣвши распознать, назначилъ губернаторомъ въ Tobольскъ. Это тотъ-же Талызинъ, которому Ал. Петр. Ермоловъ, у котораго онъ былъ адъютантомъ, говаривалъ, что не одобровать ему. Семеновъ, просмотрѣвши дѣла, рѣшенныя Талызинымъ, отозвался о нихъ неодобрительно, указавши въ нихъ явное отступленіе отъ закона, чѣмъ нажилъ себѣ въ Талызинѣ непримиримаго врага. Послѣдній сталъ писать въ Петербургъ, что западную Сибирью управляетъ госуд. преступникъ. Изъ III-го отдѣленія сообщили этотъ доносъ кн. Горчакову, который испуганный показалъ это письмо Семенову. Впрочемъ, самъ Горчаковъ давалъ поводъ этимъ слухамъ: разъ у себя за столомъ онъ упрекалъ служащихъ при немъ въ распространеніи молвы будто Семеновъ всѣмъ управляетъ у него, на что Семеновъ замѣтилъ князю, что дѣлая выговоръ Попову, завѣдывавшему приказомъ о ссыльныхъ, онъ прибавилъ, что выговоръ исходилъ не отъ него, а отъ Семенова, чѣмъ самъ подтвердилъ носившійся слухъ. Надо сказать, что Горчаковъ, вполне довѣряя Семенову, призывалъ его къ себѣ по нѣсколько разъ въ день, совѣщаясь съ нимъ по дѣламъ всѣхъ 4-хъ отдѣленій, такъ что бѣдному Семенову, больному и уже пожилому человѣку, становилось не по силамъ, въ чемъ онъ сознавался Горчакову, не разъ упрашивая его отпустить его на покой въ Tobольскъ, гдѣ бы онъ могъ занять скромную должность совѣтника губ. правленія. При этомъ случаѣ онъ возобновилъ свою просьбу, которую кн. Горчаковъ охотно уважилъ, желая доказать тѣмъ, что напрасно его подозрѣваютъ въ Петербургѣ способнымъ подчиняться влиянію кого-бы то ни было. Прослуживши нѣсколько лѣтъ въ Tobольскѣ, Семеновъ, послѣ краткой болѣзни, скончался тамъ на рукахъ любившихъ его товарищей по ссылке. Все тамбовское общество и знатные, и малые люди, любовь и уваженіе которыхъ онъ заслужилъ, проводили гробъ его до владбища.

VII.

Я прибылъ въ Бухтарминскъ послѣ пріѣзда Гумбольдта. Меня привезъ туда казачій офицеръ и рядовой казакъ. Комендантъ Федоръ Степ. Шевнинъ приказалъ отвести мнѣ квартиру у казака Щербакова, имѣвшаго свое хозяйство. Я условился съ нимъ, чтобы онъ меня кормилъ.

Бухтарминскъ стоитъ при впаденіи рѣки Бухтармы въ Иртышъ. Въ Усть-Каменогорскъ ѣздить отсюда на паромѣ по Иртышу. Недалеко отъ Бухтарминска былъ расположенъ штабъ 8-го казачьяго полка; командовалъ имъ Евграфъ Ив. Ивановъ. Ожидали пріѣзда С. Лорана. Комендантъ Маковъ, старый заслуженный воинъ и человекъ отлично добрый, страдалъ недугомъ, извѣстнымъ у насъ поръ именемъ запоя. Жена его при одной мысли, что Сень-Лоранъ застанетъ мужа ея въ нетрезвомъ видѣ, приходила въ отчаяніе, предвидя отъ того гибельныя послѣдствія для своего мужа. Зная наши хорошія съ нимъ отношенія, она упросила меня познакомиться съ нимъ и во чтобы то ни стало отрезвить его. Пришлось мнѣ цѣлую ночь возиться съ нимъ и, не смотря на его мольбы, жалобы, ругательства и даже угрозы, я продержалъ его до утра безъ капли водки. Когда поступилъ новый таможенный начальникъ Кровъ, смѣнившій Шевнина, онъ предложилъ мнѣ перейти къ нему на казенную квартиру, какою онъ пользовался. Я имѣлъ съ нимъ общій столъ, раздѣляя поровну расходы по хозяйству. Его смѣнилъ Макаровъ, пригласившій меня къ себѣ на именины. Во время обѣда прибѣжалъ сосѣдъ мой съ извѣстіемъ, что казака моего потребовали къ слѣдователю на допросъ, что дверь настѣжь открыта и никого не осталось въ квартирѣ. Слѣдствіе наряжено было по случаю доноса плацъ-адъютанта Страшниковъ, относившагося ко мнѣ недоброжелательно за то, что я не велъ съ нимъ знакомства; онъ обвинялъ начальника за то, что онъ назначилъ мнѣ казака въ прислугу. Слѣдствіе обнаружило разныя незаконныя дѣйствія адъютанта, который и былъ отставленъ отъ службы. Впослѣдствіи онъ ослѣпъ. Оставляя Бухтарминскъ, я заходилъ ему проститься; его раскаяніе искренно тронуло меня.

Спустя два года, я купилъ домъ у отставнаго чиновника Зелейщикова. У него отъ паралича отнялся языкъ; онъ пришелъ ко мнѣ и на аспидной доскѣ умолялъ меня о помощи. Ему пришлось ходить ко мнѣ каждый день и мое леченіе (магнетизмъ) было настолько дѣйствительно, что онъ сталъ говорить.

Съ 1815 года я сталъ знакомиться съ магнетизмомъ, читая все, что о немъ писалось.

Первый опытъ мой былъ надъ моимъ камердинеромъ, который во время ясновидѣнія просилъ у меня ревеню (онъ страдалъ постоянно отъ тошноты). Покойный братъ мой Сергѣй, бывшій сложеніемъ вѣроче меня, безуспѣшно его магнетизировалъ. Извѣстный бородинскій герой Н. Н. Раевскій многихъ излечилъ посредствомъ магнетизма. Больной сынъ его, А. Н., не признававшій цѣлебной силы магнетизма, по моей просьбѣ согласился испытать его дѣйствіе. Я ему помогъ, но онъ упросилъ меня не говорить о томъ отцу его. Извѣстно, что государь Александръ Павловичъ, не жалуя Раевского, отнял у него командованіе корпусомъ, высказавъ, что не приходится корпусному командиру знакомиться съ магнетизмомъ.

Въ Бухтарминскѣ я вообще много лечилъ и многимъ помогалъ, пользуясь указаніями лечебника Каменецкаго. У чиновника Зелейщикова лошадь разсѣкла копытомъ щеку кучеру, — онъ обратился ко мнѣ за помощью; я приложилъ пластырь къ ранѣ и она скоро зажила. Тотъ-же чиновникъ, вообразивъ меня искуснымъ врачомъ, просилъ меня помочь сосѣдѣ его, старой казачкѣ, сыновья коей находились на службѣ и у которой пальцы на ногахъ отваливались, пораженные гангреной. Богъ помогъ мнѣ и ее вылечить, прикладывая уголь къ ранамъ. Кромѣ того, удивившись, что она страдаетъ худосочиемъ, я доставлялъ ей свѣжую пищу вмѣсто тухлой соленой рыбы, которою она по бѣдности питалась, и тѣмъ успѣлъ возстановить ея здоровье. Порадовавшись этому успѣху, я сообщилъ о томъ сестрѣ моей.

Изъ III-го отдѣленія поступилъ запросъ къ Г. Г. Веняминову о причинахъ безпомощнаго положенія жителей, одержимыхъ болѣзнью. Бухтарминскій комендантъ, въ видѣ оправданія себя, доложилъ, что мое леченіе объясняется интимными отношеніями моими съ одной солдаткой. Г. Г. Веняминовъ предписываетъ оштрафовать меня двухъ-недѣльнымъ домашнимъ аре-

стомъ. Въ квартирѣ моей былъ поставленъ часовой съ ружьемъ, котораго кажде два часа смѣнялъ ефрейторъ.

Ко мнѣ хаживалъ старый семеновскій солдатъ, переведенный въ сибирскій баталіонъ, Ермолай Алексѣевъ, услужливый и рѣдкой честности. Я говорилъ о немъ съ бригаднымъ командиромъ Литвиновымъ, навѣщавшимъ меня всякій разъ, какъ бывалъ въ Бухтарминскѣ. Онъ командовалъ нѣкогда батальономъ въ лейбъ-Егерскомъ полку.

По распоряженію свыше начальникамъ предоставлялось право служившихъ нѣсколько лѣтъ безпорочно нижнихъ чиновъ переводить изъ Сибири на мѣсто ихъ родины. Литвиновъ представилъ Ермолая къ переводу въ Тверскую губ., но въ главномъ штабѣ вмѣсто Тверской губ. назначили его въ городъ Бійскъ, чѣмъ на много верстъ отдалили его отъ родины. Причина тому та, что Алексѣевъ, какъ старый семеновскій солдатъ, лишился всякой льготы и считался въ опалѣ.

Здѣсь оканчивается проецированный разговоръ Матвѣя Ивановича.

VIII.

Въ 1832 г. Матвѣй Ивановичъ женился на племянницѣ таможеннаго начальника Брандта, потомка одного изъ шведскихъ плѣнныхъ, сосланныхъ въ Сибирь при Петрѣ I. Дѣтей у нихъ не было. Вскорѣ послѣ того (1835 г.) онъ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ, гдѣ нашель уже тамъ поселенныхъ двухъ бывшихъ полковниковъ—Тизенгаузена, Янтальцева и бывшего генер. штаба офицера, разжалованнаго, барона Черкасова. По мягкосердію своему, онъ пріютилъ у себя двухъ сиротъ — дѣвочку 7-ми лѣтъ, Августу, а другую только что родившуюся Аннушку, которыя у него воспитались.

Впослѣдствіи поступилъ туда же на поселеніе Ив. Дм. Якушеинъ, товарищъ по полку и другъ Матвѣя Ивановича, съ которымъ онъ совершилъ походы 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Черезъ три года поступилъ туда-же Ив. Ив. Пущинъ и Ев. Петровичъ Оболенскій, а позднѣе Басаргинъ, бывшій адъютантомъ Киселева. Они жили такъ единодушно, такъ сошлись характерами, что составляли какъ-бы одну семью. Матвѣй Ивановичъ всегда вспоминалъ о пребываніи своемъ въ Ялуторскѣ какъ о лучшихъ годахъ, проведенныхъ имъ въ Сибири.

Въ 1856 г. послѣдовала высоч. амнистія, возвратившая всѣхъ насъ въ Россію. Пребываніе въ столицахъ было намъ воспрещено, поэтому Матв. Ив. избралъ городъ Тверь для своего мѣстожительства. Впослѣдствіи, когда разрѣшено было жить въ столицѣ, онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до самой кончины. Тутъ-же скончалась и воспитанница его Аннушка, выданная имъ въ Твери замужъ за уланскаго офицера и оставившая послѣ себя малолѣтняго сына Сергѣя, которому вполне замѣнила родную мать любвеобильная жена Матв. Ив., Марья Константиновна. Отецъ ребенка женился вторично, а сына оставилъ на попеченіе Матв. Иванов., у котораго онъ выросъ и воспитался.

Въ 1882 г. скончалась супруга его, Марья Константиновна. Другая воспитанница его Августа, какъ незамужняя, находилась при немъ до его кончины и Аннушкинъ сынъ оставался на ея попеченіи.

Въ 1883 году, во время коронаціи нынѣ царствующаго Государя, въ день празднованія двухсотлѣтняго юбилея лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, Матвѣй Ивановичъ, какъ бывшій семеновецъ и ветеранъ 1812 года, принималъ въ немъ участіе.

Его величество всемилостивѣйше соизволилъ возвратитъ ему солдатскій Георгіевскій крестъ, а князь Николай Черногорскій снялъ съ себя знакъ Даніила первой степ. и собственноручно надѣлъ его на девяностолѣтняго старца.

Сообщ. А. П. Вѣляевъ.

Москва.

1-го іюня 1886 г.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ГАНЬ

(Зенеида Р--ва),

1814—1842 гг.

Биографическій очеркъ.

VI ¹⁾.

Поѣздка въ Петербургъ, какъ видимъ, была важна для молодой писательницы исключительно только въ смыслѣ пріобрѣтенія массы впечатлѣній, накопленія жизненной опытности, литературнаго матерьяла, большаго развитія со стороны эстетической черезъ знакомство съ новѣйшими произведеніями музыки, живописи, которыя въ это время поглощали столичное общество сильнѣй, чѣмъ какіе-нибудь вопросы общественные. Литература отличалась за этотъ періодъ полнѣйшимъ молчаніемъ по всѣмъ вопросамъ жизни. Она рѣзко представляла собой два теченія: крайній консерватизмъ—съ Сеньковскимъ, Гречемъ, Булгариномъ во главѣ—и сохранившееся направленіе отъ 1820-хъ годовъ. Партія консерваторовъ въ 1836 году была господствующею и въ самомъ петербургскомъ обществѣ... Съ этой партіей пришлось встрѣтиться и Еленѣ Андреевнѣ. Только встрѣча эта—надо замѣтить—была мимолетная; она не имѣла на образъ мысли писательницы никакого воспитательнаго вліянія. Елена Андреевна и пріѣхала, и уѣхала изъ Петербурга съ тѣми чисто-правственными и эстетическими идеалами, которые сложились еще въ родной семьѣ. Петербургъ имѣлъ для нея значеніе только благоприятной атмосферы для развитія того, что уже было въ ней самой.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, августъ, стр. 335—354.

Новаго онъ не далъ ничего, развѣ что своею лихорадочностью пробудилъ ту жажду жизни, которую она прежде заглушала головною работою и заботою о дѣтяхъ.

Сеньковский, вмѣстѣ съ гонораромъ за повѣсть «Идеаль», прислалъ Еленѣ Андреевнѣ любезное письмо, переполненное лестными отзывами объ ея «несомнѣнно большомъ талантѣ», выражалъ величайшій восторгъ и предлагалъ свою дружбу.

Повѣсть была помѣщена въ «Библиотекѣ для чтенія», весной 1837 года ¹⁾. Еленѣ Андреевнѣ въ то время было всего 23 года. Но уже въ этомъ первомъ произведеніи ясны ея взгляды на жизнь, ея идеалы.

Сюжетъ повѣсти — неудачный бракъ и горько осмѣянная женская любовь въ ея лучшихъ проявленіяхъ. Неудовлетворенная въ бракѣ героиня уходитъ въ мечты, создаетъ идеаль изъ любимаго поэта, произведеніями котораго зачитывается, но котораго никогда не видала. Случай ихъ сталкиваетъ. Какъ и Татьяна Пушкина, она не въ силахъ взять счастье, которое должно быть построено на несчастьи другаго: несчастьи мужа. Увлеченіе, впрочемъ, длится не долго; «идеаль» быстро превращается въ пустаго, низко стоящаго нравственно человѣка. И разбитая она видитъ, что жизнь совсѣмъ не то; что дѣйствительность можетъ удовлетворить только того, кто не предъявляетъ ей высокихъ требованій. Какъ же быть ей, одаренной неизмѣримою способностью любить, чувствовать, какой-же исходъ дать чувству?... «Ея любовью долженъ быть Спаситель, ея цѣлью—небеса». Этотъ отвѣтъ очень напоминаетъ рѣшеніе Лизы въ Дворянскомъ гнѣздѣ, которой героиня «Идеала» не уступаетъ по своей нравственной высотѣ...

Но главное значеніе повѣсти Зенеиды Р—вой не въ сюжетѣ. Бѣлинскій совершенно справедливо сказалъ: «Сюжетъ для г-жи Гань имѣетъ значеніе опернаго либретто, на которое она потомъ пишетъ музыку своихъ ощущеній и мыслей» ²⁾. Всѣ отступленія, которыми переполнены ея произведенія, и есть та «музыка», гдѣ высказывается ея высокая взглядъ на достоинство жизни, человѣка, гдѣ вырываются крики отчаянія на положеніе женщины, стоящей хоть сколько-нибудь выше толпы.

Не смотря на свою еще крайнюю молодость, Е. А. Гань успѣла уже много испытать и перестрадать, какъ женщина, успѣла много пере-думать. Какъ человѣкъ хорошо образованный, развитой—она усматри-

¹⁾ Томъ XXI.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. 6, стр. 96.

васть причину бездѣтельности, пустоты существованія женщины въ отсутствіи солиднаго образованія, основательныхъ знаній, и этимъ самымъ опережаетъ своихъ современниковъ. Она еще въ 1830-хъ годахъ поднимаетъ и рѣшаетъ «женскій вопросъ» въ томъ смыслѣ, какъ понимала и стремилась къ его разрѣшенію лучшая часть русскаго общества 1860-хъ и 1870-хъ годовъ. Потому съ нея, съ ея повѣстей надо вести исторію «женскаго вопроса». Зенеида Р—ва должна занять мѣсто во главѣ этого направленія нашей литературы. Въ этомъ ея существеннѣйшее отличіе отъ ея великой современницы, проповѣдницы свободы женскаго чувства—Жоржъ Зандъ, съ которою сравнивали ее по многообъщавшему въ будущемъ таланту и по горячности, искренности женскаго чувства. Съ Жоржъ Зандъ она сходилась во взглядѣ на великое значеніе жизни сердца для женщины; но единственной законной для этого формой считала бракъ, который, по ея же признанію въ повѣсти «Идеаль», даетъ для развитой женщины только страданіе. «Бракъ! о, здѣсь, въ этой лоттерей, говоритъ она въ одномъ изъ отступленій, тысяча вѣроятностей противъ одной, что женщина съ необыкновенной душой соединитъ судьбу свою съ самымъ обыкновеннымъ и пошлымъ существомъ другаго пола! Одно ярмо свяжетъ неповоротливаго чухонскаго быка, который кормится и чувствуетъ сухой соломой, съ благородной, пылкой, воздушной арабской жеребицей, которой, по выраженію восточнаго поэта, «для пищи достаточно вѣтру, для питья воды миража», и они должны вмѣстѣ тащить несродный плугъ по вязкой почвѣ жизни»¹⁾).

Гдѣ-же выходъ изъ такого положенія? Выхода нѣтъ,—рѣшаетъ Зенеида Р—ва...

Но несомнѣнно это рѣшеніе личное, а не отвѣтъ на важный общественный вопросъ, какимъ онъ является и въ настоящее время, когда образованіе женщины и самые женскіе курсы какъ бы становятся помѣхой на дорогѣ къ личному счастью женщины. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется многимъ. Но если взглянуть попристальнѣй, поглубже, то увидимъ, что вся суть трагизма настоящаго положенія женщины лежитъ въ переходномъ моментѣ отъ стараго къ новому, какой переживаетъ она въ настоящее время. Она, выбившаяся изъ наторенной колеи прошлаго, спутавшая вслѣдствіе этого обычный іерархическій строй семейной жизни, не сумѣла еще приспособить себя по новому къ окружающему и окружающее къ себѣ. Такой процессъ требуетъ времени и обходится, какъ и всякіе общественные перевороты, не безъ жертвъ. Надо думать и надѣяться, что пройдутъ

¹⁾ Повѣсть «Идеаль».

одно, два тяжелых десятилѣтія, подростеть новое поколѣніе, воспитанное новыми матерями,—и женщины, выжившія ихъ, устоявшія въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ и сохранившія въ себѣ хорошія стороны женской натуры—найдутъ и желанное счастье.

VII.

Ободренная удачею, похвалами, надеждами, увѣреніями Сеньковского, Елена Андреевна, до сихъ поръ считавшая себя «ниже глубѣйшаго изъ прапорщиковъ артиллеріи» ¹⁾, теперь увѣровала въ свой талантъ, и бодрая, веселая, съ тысячами плановъ выѣхала изъ Астрахани на Кавказъ, вмѣстѣ съ родными, въ маѣ 1837 года. Дорога шла черезъ калмыцкіе улусы, представляла тысячи затрудненій; случалось, вмѣсто лошадей, приходилось тащиться на верблюдахъ, останавливаться на ночлегъ въ калмыцкихъ кибиткахъ. Все было ново и интересно для молодой писательницы, и она съ любопытствомъ вглядывалась въ формы жизни кочевниковъ и по дорогѣ набирала матерьялъ для второй повѣсти «Утбалла». Но по возвращеніи съ Кавказа написала сперва «Воспоминанія Желѣзноводска», которыя черзурь отзываются вымысломъ. Авторъ не счелъ достойнымъ печатать ихъ при жизни, они явились только послѣ его смерти въ общемъ собраніи сочиненій! ²⁾. Потому вторымъ произведеніемъ Зенеиды Р—вой надо считать упомянутую повѣсть «Утбалла». Она напечатана въ 1838 году ³⁾. Основная тема ея—беззавѣтная любовь женщины, безпредѣльная готовность за минуту счастья съ дорогимъ человѣкомъ отдать всю жизнь, подвергнуться самымъ тягчайшимъ страданіямъ; для мужчины же любовь—только маленькій эпизодъ, случайность, которая быстро переживается и такъ же скоро забывается.

Хотя повѣсть и отдаетъ нѣсколько сочинительствомъ, за которое И. С. Тургеневъ справедливо порицаетъ Зенеиду Р—ву, но она прекрасно знакомитъ съ нравами и жизнью калмыковъ. Здѣсь описываются ихъ жилища, игры, забавы, порядки, общественное устройство и даже наказанія, причемъ все приведено кстати, умѣло, интересно. Рядомъ съ этимъ задѣвается важный социальный вопросъ о положеніи въ обществѣ незаконнаго ребенка. Героиня повѣсти—незаконная

¹⁾ Письмо № 8.

²⁾ Томъ третій.

³⁾ „Библ. для Чт.“, т. XXVI.

дочь калмычки и богатаго русскаго купца. Общество, строгое къ вѣшнему благоприличію, казнить Утбаллу своимъ презрѣніемъ за незаконность рожденія. Зенеида Р—ва выступаетъ въ защиту Утбаллы, называетъ общество «предубѣжденнымъ», такъ какъ рожденіе не есть вина ребенка.

Въ Утбаллѣ выводится уже значительно больше лицъ, нежели въ первой повѣсти; завязка естественнѣй, характеръ героини яснѣй и развертывается съ извѣстною постепенностью, которой не доставало въ «Идеалѣ». Здѣсь встрѣчаются уже такія прекрасныя сравненія, описанія, въ особенности степеней, верховой скачки, которыми героиня, попавши изъ цивилизованнаго общества къ калмыкамъ, хочетъ заглушить тоску и однообразіе существованія, — описанія жгучія, горячія, напоминающія отступленія въ «Мертвыхъ Душахъ», которыя, какъ припомнимъ, въ это время еще не выходили въ свѣтъ. Вотъ хоть бы описаніе скачки: «Дыханіе занималось въ груди, двойнымъ потокомъ мчалась вся окрестность по обѣ ея стороны, небо и земля кружились, въ ушахъ звенѣло, память, мысль—все утопало въ этомъ хаосѣ, и она неслась, пока силы не ослабѣютъ, быстрота коня не истощится и самъ онъ не упадетъ на землю».

А какъ хорошо, напр., то мѣсто, гдѣ героиня бессильно простираетъ руки къ Волгѣ, обращаясь къ ея волнамъ съ мольбою: «Волга бурлить, чернѣть, вихрь крутитъ прибрежный песокъ, вздымаетъ его столбами. Веселыя пѣсни переходятъ въ вопли страха, а нерѣдко и въ смертныя стоны». Утбалла всегда съ дикою радостью встрѣчала эти грозы: грудь ея свободно дышала разряженнымъ воздухомъ, и взоры жадно любовались на грозный мятежъ волнъ, когда онѣ давятъ и разбиваютъ одна другую острыми хребтами. Душа ея рвалась вслѣдъ за ними: Счастливыя волны! Вы катитесь мимо веселыхъ городовъ и цвѣтущихъ селъ!.. Волны, скажите ему, что Утбалла здѣсь!.. здѣсь!.. что она ждетъ его!.. что она уже одичала, солнце сожгло ея кожу, вѣтеръ разнесъ по пустынѣ ея розы, мозоли покрыли ея руки, но она все также любитъ его!.. О, любить, любить!.. и молить объ одномъ только, чтобы онъ протянулъ къ ней руку, которую бы могла она поцѣловать—его руку и больше ничего!»¹⁾

Если бы мѣстами не устарѣлыя формы языка, не слишкомъ сентиментальный тонъ, который несомнѣнно происходитъ отъ необычайной мягкости и чувствительности автора, — повѣсть и въ настоящее время могла бы читаться съ напряженнымъ вниманіемъ. Французы до сихъ поръ не перестаютъ читать произведенія Зенеиды Р—вой.

¹⁾ Стр. 184.

Они знают ее под именем m-me Нанн. Еще недавно вышел въ Парижѣ новый переводъ повѣсти Утбалла, а также и слѣдующей за ней: «Джелалединъ». Обѣ помѣщены рядомъ съ французскимъ переводомъ повѣстей Пушкина въ сборникѣ, названномъ: «Les Perce-neige», nouvelles du nord ¹⁾. Впрочемъ, «Утбалла» переведена не только на французскій, но и на нѣмецкій языкъ ²⁾.

Елена Андреевна хотя и тщательно скрывала свое имя,—правда, не столько изъ скромности, сколько изъ боязни навлечь еще больше негодованія провинціального общества,—но въ литературѣ ³⁾ и въ столичныхъ кружкахъ поднялись догадки о томъ, кто скрывается подъ именемъ Зенеиды Р—вой. Слѣдующая повѣсть «Джелалединъ», вышедшая въ этомъ же году ⁴⁾, еще больше подстрекнула любопытство. По изображенію крымской природы съ ея утесами, съ ея развалинами башенъ, по изображенію восточныхъ людей-татаръ, изъ которыхъ происходитъ главный герой,—повѣсть хоть и напоминаетъ Марлинскаго, но далеко превосходить его искренностью, правдивостью и силою чувства. Попробуйте почитать теперь его Амалать-Бака, вы непременно бросите на второй же страницѣ: такъ все тамъ приторно-сентиментально, фальшиво, «потеряно всякое чувство дѣйствительности». У г-жи Гань восточное происхожденіе героя сказывается не въ одномъ его татарскомъ имени, а во всемъ характерѣ, въ его восточной страсти, которая растетъ и развертывается съ каждой страницей; его близость къ природѣ, къ конкретнымъ представленіямъ чувствуется даже въ живописности самаго языка, въ особенностяхъ его рѣчи. По взгляду на цивилизованныхъ людей герой напоминаетъ нѣсколько Алеко Пушкина. «Слыхалъ я,—говоритъ онъ,— что въ образованной Европѣ смѣются и плачутъ, рѣжутъ и сыплютъ благодареніями—все для другихъ изъ боязни суда ближняго. Я, дикарь, не знаю вашихъ обычаевъ: мой судъ въ душѣ моей! Пусть цѣлый міръ дождитъ на меня камнями, я не измѣнюсь въ лицѣ, если только собственная совѣсть не броситъ въ меня камень съ надписью моего имени...». Въ параллель легкомысленной русской дѣвушкѣ, измѣнившей Джелаледину, рисуется образъ татарки Эмины, представляющей олицетвореніе чуднопѣтической женской любви,—любви молчаливой, ничего не требующей,

¹⁾ Traduites par Xavier Marmier de l'académie française. Paris. 1883.

²⁾ Schatz des Auslandes, München, «Russlands Novellendichter. Uebertragen von Wilhelm Wolfsohn. Leipzig. 1848. Разборъ послѣдней книжки, сдѣланный Beising'омъ, помѣщенъ въ Blätter für litterarische Unterhaltung. 1852 г., № 46. Здѣсь же сообщаются и біографическія данныя объ Еленѣ Гань.

³⁾ Москвитянинъ, 1844 г., № 2.

⁴⁾ Библ. д. т., Чт. XXX.

жаждущей только счастья для милаго до забвенія себя. Эмина отчасти напоминает черкешенку Лермонтова, героинь восточных поэмъ Пушкина и своею граціозностью—гетевскую Миньону, не переставая въ то-же время быть оригинально-изящнымъ созданіемъ, дающимъ отдыхъ читателю. Но и здѣсь, по нѣкоторымъ избитымъ литературнымъ приѣмамъ, какъ, напр., введеніе въ повѣсть подруги героини, чтобы дать послѣдней возможность выливать свои чувства,—подруги, не представляющей собою не только лица, но даже и силуэта,—видно, что авторъ трудно справляется съ вышнимъ построеніемъ произведенія, у него еще нѣтъ даже дѣленія на главы.

Всѣ названныя три повѣсти имѣютъ много общаго. Во всѣхъ одна тема—любовь и желаніе автора показать какъ глубоко, безгранично можетъ любить женщина! Только женщина въ цивилизованномъ обществѣ съ такою силою любитъ созданную ею самою мечту; другое дѣло женщина востока! Ея идеалъ осуществляется въ самой жизни; да къ тому-же—любовь для нея выше всего на свѣтѣ; ей отдаетъ она всю себя; это цѣль ея жизни; она не связана ни приличіями, ни свычаями, которыя подавляютъ въ цивилизованной средѣ моменты сильныхъ страстей. И Эмина, «невинная какъ взоръ младенца, прекрасная, какъ само счастье», не боится обнимать колѣна любимаго человѣка, даже тогда, когда онъ сталъ убійцей; не боится сметать листья съ его трупа, которые падаютъ ему на голову, не боится отгонять отъ него, теперь всѣми отверженнаго,—отгонять ворона, «который съ крикомъ спускается къ своей добычѣ»¹⁾.

VIII.

Какъ ни хорошо было у родныхъ, все-же пришлось вернуться къ мужу и опять таскаться за батареей съ мѣста на мѣсто. Опять походная квартира со всѣми неудобствами бивуачной жизни: безъ комфорта, безъ роднаго уюта. У Елены Андреевны нѣтъ даже отдѣльной комнаты, гдѣ бы она могла свободно предаваться творчеству. Каленкоровая занавѣска одна отдѣляетъ ея крошечный уголокъ съ письменнымъ столомъ отъ дѣтской, гдѣ безпрестанно слышенъ крикъ, шумъ... то и дѣло приходится отрываться отъ пера. Работать возможно только по ночамъ.

¹⁾ 194 стр.

Но вот — случай приходит на помощь, — онъ уже столько разъ помогалъ Еленѣ Андреевнѣ въ критическія минуты жизни. Во время странствованій за батареей Е. А. Гань встрѣтила въ Полтавѣ молоденькую гувернантку А. Х. Кюльвейнъ, которая влюбилась въ нее до обожанія и упросила Елену Андреевну взять ее къ себѣ, отказавшись предварительно отъ всякаго вознагражденія. Со вступленіемъ въ домъ Кюльвейнъ Еленѣ Андреевнѣ стало много удобіе. Молоденькая дѣвушка взяла на себя по отношенію къ дѣтямъ не только должность гувернантки, но и швей, и няньки: она ходила съ ними гулять, читала, шила, вязала. Но Антонія Кюльвейнъ получила институтское воспитаніе, и знанія ея были не велики; изъ языковъ знала только нѣмецкій и французскій. Елена же Андреевна считала необходимою принадлежностью хорошаго воспитанія — знаніе англійскаго языка, и потому стала подумывать взять въ домъ англичанку. Только какъ найдешь ее въ залустьѣ? Кто пойдетъ на бивуачную жизнь? Что касается денегъ, ихъ теперь возможно заработать: написала повѣсть — и готовы 1,500 руб. ¹⁾. Писательство съ этихъ поръ дѣлается для Елены Андреевны источникомъ заработка. «Ты принимаешь мои занятія — пишешь она сестрѣ — за цѣль, тогда какъ они не что болѣе, какъ средство моей жизни. Пусть дадутъ мнѣ 1,000 рублей за вспаханную десятину земли, — я примусь за плугъ такъ же, какъ и за перо» ²⁾.

Она понимала всю необходимость хорошаго, основательнаго образованія и ради заработка на учителей и гувернантокъ — работала очень много. Здоровье отъ усиленныхъ занятій, разумѣется, не цвѣло. И въ 1839 году доктора послали ее въ Одессу пить воды. Поѣхала всей семьей, рассчитывая подыскать тамъ и англичанку.

Съ появленіемъ трехъ первыхъ повѣстей имя Елены Андреевны все больше возбуждало интересъ въ публикѣ, и люди, близко стоявшіе къ литературѣ, разумѣется, узнали кто скрывается подъ псевдонимомъ Зененды Р—вой. Потому въ Одессѣ къ ней стали являться съ визитомъ совсѣмъ незнакомые, въ особенности литераторы, желая засвидѣтельствовать молодому женскому таланту свое почтеніе. Явился Княжевичъ, Бенедиктовъ, Надеждинъ...

Бенедиктовъ былъ въ то время въ большой модѣ; его стихами зачитывались; отъ нихъ приходилъ въ восторгъ Жуковскій, — потому его вниманіе должно было льстить молодой писательницѣ. Въ первую минуту она была поражена внѣшнимъ безобразіемъ поэта: «не

¹⁾ За повѣсть „Медальонъ“ она получила 1,500 руб. (№ 8).

²⁾ Тамъ же.

вообразить ничего каррикатурище» — говорит она ¹⁾. Но она рада его знакомству, рада возможности поговорить съ человѣкомъ одной профессіи, поговорить на понятномъ другъ для друга языкѣ. «О чемъ мы не переговорили! восклицаетъ она послѣ перваго свиданія съ Бенедиктовымъ. Много, много мы разсуждали! Онъ мнѣ разсказывалъ, что молодой поэтъ Степановъ прекрасно рисуетъ и всю комнату свою убралъ каррикатурами на литераторовъ. Напримѣръ, Гречъ стоитъ на толстыхъ томахъ своей грамматики въ плащѣ и протягиваетъ руку Сеньковскому; въ то-же время приподнимаетъ другою рукою плащъ, подпускаетъ къ нему Полеваго, который кусаетъ за икру Жозивьку; Булгаринъ сложилъ руки на брюхѣ и спрашиваетъ: «сіе вамъ причиняетъ боль?» А Сеньковский, морщась отъ боли и обороняясь отъ Полеваго, тѣмъ не менѣе кричитъ: «это причиняетъ боль—ради Христа — это» ²⁾, и т. д.

Во время этихъ бесѣдъ, разумѣется, не обошлось безъ тысячи пріятныхъ словъ насчетъ таланта молодой писательницы, насчетъ ея произведеній. Бенедиктовъ просилъ принять свои сочиненія, которыя бы напомнили ей объ его существованіи: «это будетъ пріятнѣйшая изъ наградъ за мои труды», прибавилъ онъ. И дѣйствительно, на другой день передъ отъѣздомъ на пароходъ, занесъ оба тома своихъ стихотвореній вмѣстѣ со стихами, озаглавленными: «Къ Е. А. Ганъ при посылкѣ изданія», гдѣ, послѣ нѣсколькихъ куплетовъ элегическаго содержанія о печальной судьбѣ своей, авторъ проситъ принять вылившіяся въ стихахъ его мечты и слезы,

„Гдѣ предъ поэзіей волшебной вашей прозы,
Блѣднѣя, гаснетъ каждый стихъ“ ³⁾.

«Каковъ комплиментеръ!» восклицаетъ Елена Андреевна. Но для того, кто знакомъ съ произведеніями Зенеды Р—вой, въ этихъ словахъ нѣтъ комплимента. Дѣйствительно, передъ музыкой ея описаній, сравненій и лирическихъ отступленій, переполненныхъ блескомъ глубокаго, искренняго чувства,—что значать блѣдныя, жиденькія, плаксивыя стихи Бенедиктова! они теперь читаются съ величайшимъ трудомъ.

Такое лестное вниманіе при ея положеніи, когда въ окружающемъ она встрѣчала только равнодушныхъ собесѣдниковъ или же—еще чаще—недоброжелательства,—такое вниманіе ей было не только пріятно, но и полезно.

¹⁾ Письмо отъ 27 іюня 1839 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Это стихотвореніе до сихъ поръ не напечатано; оно хранится у дочери Зенеды Р—вой, В. П. Желиховской.

«Недоброжелательства слишкомъ пришибаютъ меня», прибавляетъ она въ этомъ же письмѣ, и какъ человѣкъ необычайно искренній, прямо признается: «j'ai besoin d'un pareil encouragement de temps en temps» ¹⁾.

Въ этотъ же прїездъ въ Одессу ей пришлось отыскать и англичанку. Должно быть и по наружности она была женщина чрезвычайно располагающая, необычайно симпатичная, влекущая съ перваго взгляда,—иначе трудно объяснить страстное настойчивое желаніе англичанки такъ же, какъ и Кюльвейнъ, послѣ перваго же свиданія, остаться въ домѣ m-me Нанн. Англичанка согласилась «переносить всѣ невзгоды путешествія и хоть на вѣкъ» остаться у нея.

Но Елена Андреевна нѣсколько смущена — понравится-ли отцу, матери, что беретъ въ домъ вторую гувернантку. Съ мужемъ насчетъ этого она не церемонится, даже не совѣтуется: въ воспитаніи дѣтей—его дѣло сторона; воспитаніе всецѣло лежитъ на ней одной, не смотря на постоянныя литературныя занятія. И вотъ, чтобы предупредить возраженіе родныхъ и вызвать на одобреніе, она пишетъ: «Eh bien, très chère maman et surtout papa, vous me gronderez un peu pour avoir engagé cette anglaise auprès de mes enfants, donc je vous previens»... Затѣмъ слѣдуютъ доводы, почему нельзя поручить воспитаніе Кюльвейнъ. Что же касается англичанки, то она совершенно отвѣчаетъ желаніямъ Елены Андреевны—она дѣвушка серьезная, безъ претензій, особенно ей правится въ ней: «cette piété sans bigotterie, juste milieu entre le fanatisme religieux des catholiques et l'indifférence des russes — en un mot c'était toujours mon désir le plus ardent de confier l'éducation de mes enfants à une anglaise». Кромѣ того, присутствіе въ домѣ англичанки можетъ быть полезно и для нея самой: «car je veux étudier fondamentalement la langue anglaise» ²⁾, прибавляетъ она. Съ тѣхъ поръ, какъ услышала о признаніи въ себѣ литературнаго таланта, съ тѣхъ поръ расширеніе знаній, образованія стало для нея настоятельной задачей: «мнѣ надобно много работать, много трудиться, чтобъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ провозглашаютъ меня люди умные, но льстивые» ³⁾.

Но не со стороны отца и матери ее ждалъ протестъ. Она встрѣтила его со стороны сестры.

Екатерина Андреевна не сочувствовала, чтобы нравственное воспитаніе дѣтей хорошая мать поручала постороннему человѣку. Хотя

¹⁾ Письмо отъ 27 іюня 1839 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Письмо отъ 29 іюня 1839 г.

возраженія сестры были чисто теоретическія, но въ основѣ ихъ лежалъ благородный принципъ, который вполне раздѣляла и Елена Андреевна, и потому протестъ сестры сильно затронулъ ее. Въ отвѣтъ она написала большое письмо, гдѣ высказываетъ много задушевнаго насчетъ религіи, воспитанія и своего характера. Основа нравственнаго воспитанія — говорить она — есть религія. «Еслибы эта женщина понимала религію, изучила ее не памятью, а сердцемъ, не лучше-ли бы стократно передала она ее дитяти, нежели я?» Елена Андреевна признается, что въ ней мало той вѣры, которая такъ нужна, такъ необходима въ жизни женщины. «Она прошла — эта пора животнаго прозябанья, я вѣрую, мнѣ нужно вѣрить, — о да! нужно, нужно! — Но это потребность измученной души, моя молитва теперь слезы, раскаяніе, призывъ помощи и опоры, сомнѣніе — дойдетъ-ли молитва моя до Господа. И ты хочешь, чтобы эти тревожные порывы, это непроизвольное стремленіе однихъ чувствъ я перелила въ душу моей дочери? Нѣтъ, другъ мой, эта молитва чаще жжетъ, нежели улаживаетъ, не такая нужна для сердца невиннаго, только начинающаго жить. Есть чудесная вѣра, свѣтлая, яркая, понятная... въ той вѣрѣ разумъ и понятіе идутъ рука объ руку съ чувствомъ; тамъ душа любить то, чему учить память, тамъ все бытіе проникается этою свѣтлою вѣрою, ни одинъ вопросъ сомнѣнія не возникаетъ въ душѣ, никакое горе, ни радость не могутъ заставить забыть о ней ¹⁾»...

Читая это и другія послѣдующія письма, кажется, будто читаешь одно изъ лирическихъ отступленій ея повѣстей. Всѣ письма съ 1839 г. пишутся нервами, въ нихъ звучатъ слезы сердца много думающей, чувствующей и требующей отъ себя и отъ жизни женщины. Она слишкомъ серьезно смотритъ на жизнь вообще, а на задачу воспитанія, на обязанности матери въ особенности, и прямо признаетъ себя неспособною къ роли воспитательницы. «Я не способна къ занятіямъ съ дѣтьми, съ ними надо имѣть характеръ спокойный, ровный, не мой»...

Дѣйствительно, она съ каждымъ годомъ дѣлается все нервнѣй, чаще впадаетъ въ истерики, нерѣдко всю ночь напролетъ проводитъ безъ сна и болѣетъ не одной душой, а и тѣломъ.

¹⁾ Письмо отъ 10 сентября 1839 г.

IX.

Надъ слѣдующею повѣстью «Медальонъ», которая появилась въ 1839 г. ¹⁾, Елена Андр. работала всего двѣ недѣли ²⁾. Правда, она бралась за перо, когда въ головѣ уже былъ готовъ общій планъ. «Идеи, образы какъ будто сами сходили къ ней толпою и просились наружу; рука не успѣвала слѣдить за фантазіей. Когда изображала сцены, гдѣ дѣйствовали сильныя страсти, лицо ея измѣнялось, пульсъ бился сильнѣй, въ изнеможеніи бросала она перо и ждала пока стихнетъ волненіе...» ³⁾. Но слѣды спѣшной работы все-таки отразились на повѣсти. Она названа «Записки одной больной на теплыхъ водахъ», а между тѣмъ въ изложеніи вовсе не видать, чтобы это были «Записки»; притомъ главная повѣсть, гдѣ изображается легкомысленное отношеніе князя Юрьевича къ любви 17-лѣтней дѣвушки, помѣщена внутри другой, которая служить ей чѣмъ-то въ родѣ рамки.... Впрочемъ, всѣ недостатки выполненія искупаются искренностью чувства, горячностью, нервностью, съ какою авторъ высказываетъ свои взгляды и убѣжденія. Талантъ его яркій, сильный, бьетъ ключемъ чуть не въ каждой строкѣ его оригинальныхъ, богатыхъ сравненій ⁴⁾, которыми

¹⁾ Библ. д. Чт., т. XXXIV.

²⁾ Письмо изъ Одессы, 1839 г.

³⁾ «Отеч. Зап.» 1842 г., т. XXIII.

⁴⁾ Сравненіе женской души съ листьями альбома и др.

«Мнѣ кажется, что я вижу альбомъ въ свѣтломъ атласномъ переплетѣ, котораго всѣ страницы такъ бѣлы и чисты, какъ снѣжинка, не коснувшаяся еще земли. Онѣ готовыя принять безъ разбора всякую тѣнь краски, всякую черту карандаша; смотря на нихъ, невольно рождается дума: чѣмъ расцвѣтятся эти страницы? Какіе слѣды набросить на нихъ жизнь? Сперва всѣ впечатлѣнія вѣшной жизни оставляютъ по себѣ одни очерки—неопредѣленные, нераскрашенные, будто набросанные еще нетвердою рукою. Далѣе черты становятся яснѣе, отдѣляются красками, цвѣта ложатся ярче и пестрѣе; но все еще эти краски—пастель, разноцвѣтная пыль, которую можно изгладить однимъ дуновеніемъ и замѣнить какою угодно тѣнью. Время летитъ быстро, перелистывая книгу жизни. И вотъ между розовыми и бѣлыми цвѣтами вамъ попадаютъ слѣды полной кисти. Сначала они едва мелькаютъ, слегка набросанные на пестрыхъ страницахъ, потомъ встрѣчаются чаще и чаще—и, наконецъ, вы не найдете радужной полосы, которая не сливалась бы съ траурною тѣнью. Самая сущность краски измѣняется постепенно,—это уже не пыль, покорная дуновенію, одинъ цвѣтъ можно еще покрыть другимъ, но первый слой остается неизгладимымъ на грунтѣ. Еще нѣсколько страницъ

переполнена повѣсть и которыя обѣщаютъ въ будущемъ талантъ изъ ряда вонъ.

«Медальонъ» былъ встрѣченъ публикой съ большимъ интересомъ. «Москвитянинъ» называетъ эту повѣсть «одной изъ лучшихъ...»¹⁾. Похвалы шли со всѣхъ сторонъ.

Но успѣхъ мало радуетъ Елену Андреевну, — она все не такъ здорова, докторъ запретилъ заниматься. Сидѣтъ безъ дѣла въ за-холустьѣ, гдѣ нѣтъ ни одного человѣка, исключая только что пріѣхавшаго молодого доктора В. Н. Бензенгра²⁾, съ кѣмъ бы можно было дѣлить время,—сидѣтъ безъ всякихъ впечатлѣній—нѣтъ силъ. И она ѣдетъ съ дѣтьми и съ обѣими гувернантками опять къ роднымъ, которые въ это время жили уже въ Саратовѣ, гдѣ А. М. Фадѣевъ служилъ сперва управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, а потомъ исполняющимъ должность гражданскаго губернатора.

Въ этотъ пріѣздъ Е. А. Ганъ прожила у родныхъ года полтора; здѣсь у нея родился сынъ Леонидъ³⁾, котораго, по слабости здоровья, кормить сама уже не могла; здѣсь, не смотря на болѣзнь, написала и «Судъ Свѣта», и «Судъ Божій».

Въ повѣсти «Судъ Свѣта», напечатанной въ 1840 году⁴⁾, какъ

и тоненькіе листы замѣняются пергаменомъ: здѣсь жизнь обозначается уже не кистью, а врѣзывается глубокими чертами, которыя не прежде изглядятся, какъ развѣ когда самый пергамень истлѣетъ. Дальше не заглядывайте въ альбомъ, онъ введетъ васъ въ грустные размышленія, нагонитъ бессонницу; тамъ вы не увидите розовыхъ гирляндъ на волшебной головѣ пэри, которая, тоскуя по недоступномъ ей блаженствѣ, смотреть съ презрѣніемъ на землю и рвется мыслью къ небесамъ. Тамъ начинается исторія тревожныхъ, страстей, тѣмъ сильнѣйшихъ, что весь пламень ихъ сдвленъ въ тѣсныхъ предѣлахъ страны, что онѣ бушуютъ, пожираютъ одна другую, нерѣдко испепеляютъ самыя страницы въ то время, какъ переплетъ остается все тѣмъ же и ни одною морщинкою не измѣняетъ снаружи того, что происходитъ внутри. Счастливъ альбомъ, котораго послѣдніе листки представляютъ только тусклую, однообразную тѣнь и слабое отраженіе первоначальныхъ блестящихъ цвѣтовъ; но сколько такихъ, въ которыхъ увидите слѣды заблужденій, слезъ, невообразимыхъ утратъ, жгучаго раскаянія или однѣ печальныя развалины основанія, на которомъ создавали себѣ заранѣе жизнь, украшенную всѣми вымыслами воображенія, всѣмъ счастьемъ, о которомъ, какъ о философскомъ камнѣ, всѣ говорятъ, всѣ хлопчутъ, хотъ никогда еще никто его не находитъ» (Медальонъ, 98—99 стр.).

¹⁾ 1842 г. № 2.

²⁾ Извѣстный въ настоящее время дѣятельный членъ многихъ московскихъ ученыхъ обществъ.

³⁾ Умеръ 27 окт. 1885 г. въ Ставрополѣ, гдѣ служилъ мировымъ судьей; а впоследствии присяжнымъ повѣреннымъ.

⁴⁾ Библ. д. Чт., т. XXXVIII.

и въ «Идеалѣ», очень много личнаго. Здѣсь изображается и скучная бивуачная жизнь, которую велъ авторъ, и сплетни провинціального общества, которыми осыпали молодую писательницу дамы «просто пріятная» и «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ». И здѣсь, какъ въ «Медальонѣ», двѣ повѣсти: послѣдняя изложена въ письмѣ, которое героиня оставляетъ послѣ своей смерти. Это письмо есть исповѣдь самого автора; оно писано не чернилами, а слезами, писано какъ бы съ самую реальную, физическую болью.

Въ первый разъ съ такою рѣшительностью указываетъ авторъ на необходимость для женщины жизни чувства, замѣнить которую жизнь ума для нея не въ силахъ. «Умъ можетъ наполнить существованіе мужчины: онъ болѣе живетъ жизнью внѣшнею и свѣтъ, который разливають вокругъ себя его умственные способности, можетъ отразиться въ немъ славою, богатствомъ, уваженіемъ, даже благословеніемъ людей. Умъ женщины, какъ огонекъ далекаго маяка, блещетъ, но не разсвѣваетъ окружающаго мрака: и если жизнь обвѣваетъ ее холодомъ, то не головѣ отогрѣтъ ея сердце».

По рѣшительному тону всей повѣсти, и въ особенности по независимому взгляду на свѣтъ, на его сужденіе, ясенъ дѣлается несомнѣнный ростъ автора. «Судъ свѣта,—говоритъ героиня въ своемъ письмѣ,—теперь тяготѣетъ на насъ обоихъ: меня, слабую женщину, онъ сокрушить, какъ ломкую тростинку; васъ, о! васъ, сильнаго мужчину, созданнаго бороться со свѣтомъ, съ рокомъ и со страстями людей, онъ не только оправдаетъ, но даже возвеличитъ, потому что члены этого страшнаго трибунала все люди малодушные. Съ позорной плахи, на которую онъ положилъ голову мою, когда уже роковое желѣзо смерти занесено надъ моей невинной шеей,—я еще взываю къ вамъ послѣдними словами устъ моихъ: «Не бойтесь его!.. онъ рабъ сильнаго и губитъ только слабыхъ»¹⁾.

Еленѣ Андреевнѣ въ это время было 26 лѣтъ. Этотъ преждевременный ростъ несомнѣнно долженъ быть купленъ дорогою цѣною, не даромъ авторъ въ такіе молодые годы высказываетъ полное отчаяніе въ личномъ счастьи. Отчаянный крикъ героини въ ея предсмертномъ письмѣ о сознаніи жизни безъ «завтра», о томъ, что она лишена единственнаго счастья женщины, счастья сердца — этотъ крикъ идетъ прямо изъ груди автора,—недаромъ онъ и героиню называлъ Зенеидою.

«Что мнѣ умъ и талантъ. Первый дается случаемъ, второй пріобрѣтается терпѣніемъ—ихъ можетъ всякій имѣть. Но сердце мое—мнѣ одной дано! Въ немъ скрыты были сокровища чувствъ, рай дружбы

¹⁾ 99—100 стр.

и любви, и его никто не видѣлъ, не замѣчалъ, никто не хотѣлъ признать, ни опѣнить: что-же мнѣ въ поклонахъ, въ прятныхъ улыбкахъ безъ сочувствія?..» ¹⁾).

Слѣдующая повѣсть «Судъ Божій» отзывается подражаніемъ Онѣгину и сочинительствомъ, потому на ней можно не останавливаться. Говорятъ, авторъ не судья своимъ произведеніямъ. Если такъ, то Зенеида Р—ва представляетъ исключеніе: все, что она не находила достойнымъ печати при жизни—упомянутыя выше «Воспоминанія Желѣзноводска», «Номерованная ложа» ²⁾), «Судъ Божій» ³⁾ и даже большой романъ въ двухъ частяхъ «Любинька» ⁴⁾), который кѣмъ-то былъ впоследствии передѣланъ въ театральную пьесу и давался на театрѣ,—все, что появилось послѣ смерти, далеко уступаетъ тому, что самъ авторъ призналъ годнымъ къ печати. Въ сейчасъ названныхъ произведеніяхъ не звучатъ задушевные ноты автора, нѣтъ его обычнаго огня, нѣтъ того, что захватываетъ читателя,—въ нихъ нѣтъ «музыки чувствъ и мыслей», составляющихъ главное обаяніе произведеній Зенеиды Р—вой, обаяніе, которое не можетъ никогда утратиться, такъ какъ въ основѣ его вѣчная правда чувства.

Х.

Наступила весна 1841 года. Батарея мужа изъ польскихъ губерній двинулась въ Малороссію, и П. А. Ганъ сталъ усиленно просить жену вернуться, такъ какъ климатъ Малороссіи не могъ быть вреденъ для ея здоровья. Какъ ни тяжело было Еленѣ Андреевнѣ разстаться съ родными, она уступила просьбѣ—и вернулась. Но теперь она избѣгаетъ всякихъ знакомствъ, всякихъ встрѣчъ, большую часть времени проводить у письменнаго стола.

Въ этотъ годъ въ Библиотекѣ для Чтенія появляется лучшая изъ всѣхъ ея повѣстей: «Теофанія Аббиаджіо» ⁵⁾). Она прекрасна и по обрисовкѣ характеровъ, и по художественному выполненію многихъ сценъ, и по цѣльности всего произведенія, наконецъ, по важности затрогиваемыхъ авторомъ соціально-экономическихъ вопросовъ. Эта повѣсть стѣбитъ, чтобы на ней остановиться подробно.

¹⁾ 93 стр.

²⁾ Или иначе: «Ложа въ Одесскомъ театрѣ»—появилась послѣ смерти Ганъ въ «Дагерротипѣ» 1842 года.

³⁾ Напечатанъ въ общемъ собраніи сочиненій.

⁴⁾ «Отеч. Зап.» 1843 г.

⁵⁾ Томъ XLIV.

Здѣсь прекрасно и вполне художественно изображены два женскихъ характера—Теофанія и ея свѣтской подруги Ольги. Последняя въ лѣта ранней юности влюбилась въ итальянца Долинья, который привязался къ ней со всѣмъ пыломъ южной страсти. Но она, опутанная свѣтской пустотой, привычками, не нашла въ себѣ твердости, чтобы устоять отъ соблазна блеска и богатства, которое открывалось ей бракомъ съ богатымъ старымъ княземъ. Она измѣнила Долинья и вышла за князя. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ. Долинья, разочаровавшийся въ силѣ женской привязанности, отказался навсегда отъ возможности личнаго счастья, рѣшилъ исполнить завѣтъ отца жениться на Теофаніи, дочери друга отца, которому нѣкогда Аббиаджіо оказалъ величайшее одолженіе деньгами—спасъ его честь. Теперь, когда самъ Аббиаджіо изъ богатаго негоціанта обратился въ нищаго, Долинья пріѣхалъ въ Одессу, чтобы предложить его дочери свою руку и большое состояніе, полученное по смерти отца.

Послѣ взаимныхъ свиданій съ женихомъ, Теофанія приняла предложеніе, которое спасало родныхъ отъ непривычной бѣдности. Свадьба, по разнымъ обстоятельствамъ, была на нѣкоторое время отложена. Теофанія все сильнѣй и сильнѣй привязывалась къ жениху, который былъ съ ней хотя и ласковъ, и внимателенъ, но въ немъ не было того, чего-бы она хотѣла... въ немъ не было любви.

Незадолго до свадьбы въ Одессу пріѣхала Ольга. Теперь она — богатая, скучающая вдова. Она не прочь встрѣтиться съ Долинья; но онъ явно избѣгаетъ ее... Это возбуждаетъ въ Теофаніи сомнѣніе, тревогу,—Теофанія рѣшаетъ быть на-сторожѣ... И оказывается—она не ошиблась: въ одну теплую лунную ночь она сама собственными ушами слышитъ, какъ Ольга въ аллеѣ парка объясняется съ Долинья. Она слышитъ ихъ взаимныя признанія. Здѣсь узнаетъ, что Долинья до сихъ поръ вѣренъ первой любви, а къ ней, Теофаніи, влечетъ его только долгъ, въ особенности теперь, когда онъ увѣренъ, что и Ольга его по прежнему любитъ. Страшныя, мучительныя минуты переживаетъ Теофанія. Что ей дѣлать?! Отказать Долинья? а что будетъ тогда съ матерью, отцемъ? Впереди ужасающая бѣдность! Да и какъ отказать? Обвинить Долинья, открыть всѣмъ его тайну?.. Ни за что! Онъ слишкомъ ей дорогъ. Какъ же быть? Развѣ она въ силахъ будетъ висѣть гирей на шеѣ любимаго человѣка, для котораго она только долгъ? Ни за что, ни за что!! Да и не можетъ она стать помѣхой на дорогѣ къ его счастью. Она глубоко любитъ его, любитъ теперь еще больше прежняго за глубину его чувства, хотя бы и къ кокетливой Ольгѣ; за его честность, благородство,

которыя не позволяют ему измѣнить чувству долга, отказаться от нея—нелюбимой—ради обожаемой женщины, случай съ которой такъ поздно свель его...

Изображеніе трагическаго состоянія души Теофаніи, когда она, исходя слезами, всю ночь провела на колѣняхъ передъ образомъ, ища въ молитвѣ опоры, выхода, разрѣшенія борьбы, изображеніе выполнено прекрасно; драматическое положеніе съ этого момента сильно напрягается и съ каждой слѣдующей страницей растетъ все сильнѣй и сильнѣй, такъ что невольно страшно становится за автора—хватить ли силъ? Но страхъ оказывается напрасенъ: вниманіе и интересъ не перестаютъ расти, и образъ Теофаніи въ своей скромной преданности, въ самоотверженіи вырастаетъ въ высоко-нравственную поэтическую личность, а картина ея появленія на утесѣ морскаго берега, откуда она смотритъ на отплывающій корабль, который увозитъ въ Неаполь, увозитъ навсегда любимаго человѣка, котораго она сама своими собственными руками оттолкнула ради его счастья, оттолкнула въ объятія соперницы,—эта картина достойна кисти великаго мастера,—она, словно вѣнокъ, вѣнчаетъ всю повѣсть. Здѣсь бы слѣдовало и кончить. Но авторъ отдалъ дань обычаю времени: онъ приводитъ эпилогъ, гдѣ рассказываетъ, что Долинъи не нашель счастья съ Ольгой; что одинъ знакомый, встрѣтивъ его въ Петербургѣ, возмutilъ его покой рассказомъ о Теофаніи и о томъ, что его, только его! любила она все время. Эпилогъ значительно ослабляетъ силу поэтическаго паэоса и трагизма, который авторъ заставляетъ испытывать читателя, введя Теофаню на утесъ.

Въ созданіи такого высоко самоотверженнаго образа женской любви высказывается не только несомнѣнно большой талантъ Зенеиды Р—вой, но и ея высокій нравственный идеаль, ея высокая душа. Не даромъ говорится: «жизнь поэта—его творенія». Ни къ кому эти слова не примѣняются въ такой полнотѣ, какъ къ женщинамъ-писательницамъ. Онѣ въ своихъ произведеніяхъ, въ своихъ героиняхъ отражаютъ себя самихъ несравненно больше, чѣмъ мужчины-писатели, для которыхъ жизнь и проводимые въ созданіяхъ идеалы, случается, не имѣють между собой ничего общаго. Въ произведеніяхъ женщины за буквами, строками видна она сама со всѣми отгѣнками ея тайныхъ думъ, помысловъ, радостей, сбывшихся и несбывшихся надеждъ. При чтеніи Теофаніи Аббиджю, не зная ничего о жизни Зенеиды Р—вой, невольно рисуется ея высокій нравственный образъ; жизнь, избивши ее своими бурями, дала ей понять такъ много, что не злоба охватила ея чистую душу при видѣ дурнаго въ жизни, а кроткое всепрощеніе,

безпредѣльная, свѣтлая, неземная любовь... Вотъ какъ предлагаетъ она отнестись къ Ольгѣ, вырвавшей у Теофаніи своимъ кокетствомъ любимаго человѣка:

- «Elle est coquette!
- C'est qu'elle est belle.
- «Mais elle est égoïste!
- Eh! qui ne l'est pas?

Таковъ эпиграфъ, выставленный къ повѣсти «Теофанія Аббѣджю», гдѣ каждая строка дышетъ чувствомъ, искренностью, огнемъ, который въ предшествующихъ произведеніяхъ видѣлся только въ сравненіяхъ, описаніяхъ, лирическихъ отступленіяхъ. Рядомъ съ «любовью», составляющей главный мотивъ всѣхъ произведеній Зенеиды Р—вой, здѣсь выступаютъ и тѣ новые вопросы, разработкой которыхъ занималась прогрессивная литература,—выступаетъ вопросъ о значеніи и вліяніи въ человѣческой жизни богатства, бѣдности, труда, праздности и непропорціональности распредѣленія того и другаго.

Героиня названной повѣсти хотя и воспитана въ довольствѣ, но, благодаря превратностямъ судьбы, принуждена день и ночь трудиться, чтобы заработать пропитаніе себѣ и старикамъ родителямъ. Трудъ оплачивается мало, неустанная работа не даетъ даже увѣренности на завтра, и Теофанія, взглядывая мимоходомъ въ окна богатыхъ людей, гдѣ они, расфранченные въ перья и брилліанты, наслаждаются роскошью жизни, невольно спрашиваетъ себя: «Что-же сдѣлали они—эти люди? Чѣмъ заслужили они эти преимущества? Чѣмъ оправдаютъ ихъ? За что имъ все дано, въ то время, какъ другіе скитаются паріями, отверженцами отъ всѣхъ игръ и радостей, не пользуются даже крохами отъ пресыщенія счастливыхъ», между тѣмъ какъ на этихъ отверженцахъ лежитъ вся работа, весь трудъ? Бѣдная улица съ низенькими деревянными домиками, вросшими до половины въ землю, откуда непрестанно раздастся неприятный звукъ молота, звукъ, говорящій о непрерывномъ, черномъ, тяжеломъ трудѣ—вотъ чѣмъ представляется эта улица Еленѣ Андреевнѣ въ общей жизненной машинѣ: «Это черное крыльцо великолѣпнаго зданія, нижній этажъ паровой машины, гдѣ видны только угли, грязь, закопченныя колеса и страшныя лица угольщиковъ. Тамъ живутъ двигатели дѣятельности цѣлаго города, но невидимые, забытыя всѣми». А неподалеку отъ этой улицы бѣдноты взлетаетъ фейерверкъ, разсыпается тысячами разноцвѣтныхъ огней и гаснетъ безслѣдно. Смотри на этотъ огненный калейдоскопъ, Елена Андреевна вспоминаетъ, что «во ста шагахъ разстоянія цѣлое семейство готовится къ голодной смерти на сырой землѣ, и ни одна искорка

не обратилась въ небесную манну, чтобы упасть спасеньемъ на ихъ головы».

Вотъ надъ какими вопросами начинаетъ задумываться молодой авторъ, живя въ глуши, вдали отъ свѣта, въ то время, какъ гр. Ростопчина отъ увлеченія албанскимъ костюмомъ переходитъ къ проповѣди о необходимости для женщины стараться «нравиться» и къ изображенію разочарованныхъ героинь... Елена Андреевна не сочувствовала модному въ то время «разочарованію»; она видѣла въ немъ слѣдствіе праздности. «Разочарованіе, безотчетная грусть были незнакомы Теофаніи. До нихъ ли ей было, до этихъ ли думъ, питомцевъ праздности и беззаботнаго сердца».

Повѣсть «Теофанія Аббиаджіо», помимо ея эстетическихъ достоинствъ, явилась тѣмъ апогеемъ умственнаго, нравственнаго и художественнаго роста, какого могъ достигнуть авторъ въ своей короткой жизни. И неудивительно, что послѣ ея появленія оба лучшіе, толстые журнала того времени: «Отечественныя Записки» и «Москвитянинъ», радушно отворили автору двери и наперерывъ настоятельно приглашали къ себѣ.

Елена Андреевна давно тяготилась отношеніями съ Сеньковскимъ, который безцеремонно обращался съ ея повѣстями: случалось, при дѣлывалъ отъ себя окончаніе, вставлялъ сцены ¹⁾, а о мелкихъ поправкахъ нечего и говорить. Естественно, что предложеніе Краевскаго она приняла охотно, только затрудняется что послать? У нея готова первая часть повѣсти: «Напрасный даръ» и упомянутый выше романъ «Любинька».

Докторъ В. Н. Бензенгръ ²⁾—ея единственный собесѣдникъ въ литературныхъ дѣлахъ—совѣтуетъ не посылать «Любиньку». Да и сама она того же мнѣнія: «въ ней слогъ, мысли, происшествія все хуже и гораздо слабѣе, чѣмъ въ другихъ повѣстяхъ—что-жъ могутъ подумать и сказать? Что я набрасывала кое-что, а отдѣлывалъ Сеньковский? Нѣтъ, Любиньки первой ни за что не пошлю, тѣмъ болѣе, что «Напрасный даръ» мнѣ удастся... Эта повѣсть совсѣмъ въ особомъ родѣ, не уступитъ «Теофаніи», развѣ тѣмъ только, что ея многіе не поймутъ» ³⁾.

¹⁾ Въ «Идеалѣ» напр., вставлена сцена, какъ поэтъ Анатолій является домой пьяный, бьетъ слугу и т. д.

²⁾ Г. Бензенгръ—по его личному свидѣтельству—до настоящаго времени сохранилъ самое лучшее воспоминаніе объ Еленѣ Андреевнѣ.

³⁾ Письмо отъ 18-го ноября 1841 г.

И Елена Андреевна оказалась права въ своемъ предположеніи «Напрасный даръ», появившійся въ 1842 году въ «Отечественныхъ Запискахъ», представляющій изъ себя съ начала до конца какъ бы лирическое произведеніе, гдѣ сама проза претворяется въ музыку, а героиня Апята, съ своей пылкой фантазіей, чуднымъ творческимъ даромъ и трагической судьбой, напоминаетъ феноменъ 1820-хъ годовъ—Елизавету Кульманъ, только, разумѣется, значительно опoэтизированной, —имѣлъ несравненно меньше успѣха, чѣмъ слабенькій, растянутый романъ «Любинька».

XI.

Вторая часть «Напраснаго дара», не имѣющая съ первой ничего общаго, кромѣ внѣшней связи, — подвигалась медленно. Авторъ хворалъ не на шутку. Еще въ ноябрѣ 1841 года Елена Андреевна писала роднымъ: «какъ просижу часовъ пять, то въ груди тяжело или въ боку колетъ». Она чувствуетъ сильную слабость, малѣйшая простуда — и у нея дѣлается воспаление въ боку, безпрестанно приходится прибѣгать то къ мушкамъ, то къ горчишникамъ. «Вотъ недѣлю — пишеть она въ томъ же письмѣ — слабость такая, что ни стоять, ни ходить одна не могу, такъ ноги и подкашиваются, да и на груди иногда бываетъ очень тяжело».

Ужъ гдѣ при такомъ положеніи писать? Доктора настаиваютъ на полнѣйшемъ покоѣ, на лучшемъ питаніи. Да гдѣ взять лучшаго? никакой порядочной провизіи въ захолустномъ мѣстечкѣ не достанешь. А душевный «спокой»? — его найти еще труднѣй. Ее беспокоить будущность дѣтей, — если, какъ-ей кажется, ей скоро придется умереть. Вопросъ воспитанія не даетъ покоя: ей такъ хотѣлось бы дать имъ хорошее «фундаментальное» образованіе, но «средствъ, кромѣ пера, нѣтъ никакихъ»¹⁾; а гувернантки для старшей дочери уже не годятся: она ихъ быстро перерастаетъ. И Елена Андреевна начинаетъ склоняться къ мысли отдать старшую дочь въ Одесскій институтъ, — хотя институтское воспитаніе идетъ въ разрѣзъ съ ея основными убѣжденіями, но изъ двухъ золъ все же это было бы менѣе худшее. И мысль о собственномъ нездоровьи мучаетъ ее, именно съ этой

¹⁾ Письмо отъ 18 го ноября 1841 г.

сторовы. Такъ дотягиваетъ она до весны 1842 года. Доктора настаиваютъ на необходимости ѣхать на югъ. И совсѣмъ больная она ѣдетъ въ Одессу съ дѣтьми, гувернантками и докторомъ В. Н. Бензенгромъ.

Не смотря на всѣ заботы и старанія славившагося въ то время въ Одессѣ доктора Гэнò ¹⁾,—ей съ каждымъ днемъ становилось хуже, въ особенности отъ кровопусканій, въ которыя сильно вѣровала тогдашняя медицина. Ей нѣсколько разъ пускали кровь уже по приѣздѣ въ Одессу. Послѣ каждаго кровопусканія съ ней дѣлались обмороки. И безъ того слабая — она еще болѣе истощалась и подвигалась къ могилѣ. Она боялась, что не дождется приѣзда родныхъ, которыхъ ждала въ Одессу — и стала писать прощальное письмо. По словамъ дочери—г-жи Желиховской, въ этомъ письмѣ она горячо благодарила родныхъ за все и умоляла мать—не оставить малютокъ.

Но вотъ 7 мая приѣзжаютъ, наконецъ, и давно жданные друзья. Съ ихъ приѣздомъ ей стало лучше; бывали дни, когда она чувствовала себя совсѣмъ хорошо, и стала поговаривать о новой повѣсти, которая сложилась у нея за послѣдніе дни и которую она хотѣла назвать «Цвѣточница» ²⁾. Но въ 20-хъ числахъ іюня она впала въ безнадежное состояніе: съ ней сдѣлался сильный обморокъ, послѣ котораго она уже окончательно слегла и не вставала. 24 іюня 1842 г., вмѣсто нея, на постели лежалъ трупъ; а черезъ три дня на Одесскомъ кладбищѣ выросла новая могила, которую украсили бѣлой мраморной колонной, теперь посѣрѣвшей отъ времени, съ двумя надписями, взятыми изъ послѣдняго произведенія Зенеиды Р—вой «Напрасный даръ» ³⁾:

„Сила души убила жизнь...”

„Она превращала въ пѣсни слезы и вздохи свои“...

Согласно просьбѣ покойной, Елена Павловна Фадѣева всѣхъ дѣтей ея взяла къ себѣ и принялась воспитывать, какъ нѣкогда воспитывала самое Елену Андреевну.

Въ слѣдующемъ 1843 году вышло полное собраніе ея сочиненій, куда вошли и упомянутыя выше, до тѣхъ поръ не бывшія въ печати, повѣсти. Это былъ второй памятникъ Зенеидѣ Р—вой, памятникъ болѣ прочный, менѣе подверженный порчѣ времени. Эпитафія къ нему начертана Бѣлинскимъ. Ею, какъ вполне искреннимъ, душевнымъ и вѣрнымъ отзывомъ, закончу свой очеркъ:

¹⁾ Сообщено В. Н. Бензенгромъ.

²⁾ „От. Зап.“ 1842 г., т. XXIII.

³⁾ Вторая часть „Напраснаго дара“ появилась въ „От. Зап.“ (1842 г., т. XXV), уже послѣ смерти автора.

«Миръ праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силою собственныхъ ощущений! Миръ праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатыхъ даровъ своей возвышенной природы. Благодаримъ тебя за краткую жизнь твою, не даромъ и не втунѣ цвѣла она пышнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ глубокихъ чувствъ и высокихъ мыслей... Въ этомъ цвѣтѣ твоя душа, и не будетъ ей смерти, и будетъ жива она для всякаго, кто захочетъ насладиться ея ароматомъ» ¹⁾).

Е. С. Некрасова.

---

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, 7-я ч., стр. 193—194.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И МОСКОВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

на обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ

13-го мая 1833 года.

Читая въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г. письма цесаревича Александра Николаевича къ его воспитателю, К. К. Мердеру, и встрѣтивши въ одномъ изъ нихъ (письмо № IX, отъ 13-го мая 1833 г.) упоминаніе объ обѣдѣ, въ тотъ день бывшемъ въ Зимнемъ дворцѣ, я вспомнила, что въ моихъ бумагахъ, доставшихся мнѣ отъ дѣда моего, Дмитрія Сергѣевича Баркова, имѣется описаніе сего обѣда; онъ былъ данъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ московскому купечеству.

Сынъ Ивана Назаровича Рыбникова, составителя печатаемаго ниже разсказа, былъ женатъ на моей теткѣ, Аннѣ Никифоровнѣ Барковой, дочери Никифора Сергѣевича. Вернувшись изъ Петербурга, Рыбниковъ не замедлил поѣхать со всѣми своими родственниками, не жившими въ то время въ Москвѣ, впечатлѣніемъ, вынесеннымъ московскимъ купечествомъ отъ обѣда въ присутствіи царской семьи, и „событіе“, такъ называлъ Рыбниковъ обѣдъ 13-го мая 1833 г. и бесѣду, которою почтилъ его императоръ Николай, было переписано и разослано въ спискахъ въ средѣ купечества.

„Событіе“ помѣщаю на страницахъ многоуважаемой „Русской Старины“ какъ такой разсказъ, который характеризуетъ императора Николая и его отношеніе къ купечеству вообще и русской промышленности и торговлѣ въ особенности.

Надежда Федоровна Ржовская.

Пронскъ, Большое Село.
4-го апрѣля 1886 г.

Въ С.-Петербургѣ, въ бытность мою, Рыбникова, 13-го мая 1833 г., е. и. в. всемилостивѣйшій государь императоръ Николай Павловичъ, по случаю выставки російскихъ произведеній, изволилъ назначить въ Зимнемъ дворцѣ царскій обѣденный столъ на 500 кувертовъ, къ которому были приглашены по билетамъ, по высочайшему, повелѣнію въ три часа, а какъ всѣ собрались въ концертную залу, гдѣ стояла водка и закуска, то желающіе пили водку и закусывали; потомъ къ столу были первые прошены московскіе фабриканты, за ними с.-петербургскіе заводчики изъ дворянскаго сословія и изъ иностранцевъ, потомъ всѣ высшіе чины: предсѣдатель государственнаго совѣта, его свѣтл. Кочубей, министры, генераль-адъютанты, посланники дворовъ и всѣ военныя и статскія первоклассныя особы, члены мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ и комитета выставки и с.-петербургское первыхъ двухъ гильдій купчество; всѣмъ были назначены свои мѣста, а что болѣе удивило—по назначенію самого императора, въ томъ столѣ, гдѣ самъ государь съ государыней и весь императорскій дворъ намѣрены кушать, назначены восемь персонъ сидѣть за тѣмъ-же столомъ, а именно: по лѣвую руку императора: 1) мануфактуръ-совѣтникъ, суконный фабрикантъ, Иванъ Назаровъ Рыбниковъ, 2) мануфактуръ-совѣтникъ Гаврила Никитинъ Урусовъ, 3) мануфактуръ-совѣтникъ Павелъ Назаровъ Рагожинъ, 4) с.-петербургскій градскій глава Кукушкинъ, 5) мануфактуръ-совѣтникъ Иванъ Михайловъ Кандрашовъ, 6) московскій первой гильдіи купецъ, суконный фабрикантъ, Илья Семеновъ Бабкинъ, 7) с.-петербургскій первой гильдіи купецъ, мануфактуръ-совѣтникъ, сахарный заводчикъ и кавалеръ, Проконій Ивановичъ Пономаревъ, 8) заводчикъ химическихъ произведеній, московскій первой гильдіи купецъ и членъ коммерческаго банка Василій Логиновичъ Лепешкинъ.

Пришла та минута, шествовали въ ту георгиевскую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Государь и императрица рядомъ ручка съ ручкою; за ними наслѣдникъ престола, цесаревичъ, великій князь Александръ Николаевичъ, а за нимъ великія княжны, рядомъ, Марія и Ольга Николаевны, а за ними великій князь, е. и. выс.—во Михаилъ Павловичъ.

И какъ скоро императоръ и императрица изволили подойти къ двери, то всѣ ихъ величеству присутствующіе кланялись, на что самъ императоръ и императрица изволили кланяться, и потомъ обошлись столъ до половины и поперегъ стола изволилъ сѣсть государь императоръ противъ самой двери, откуда изволили взойти, а напротивъ его изволила сѣсть государыня императрица; тожь въ половинѣ стола у самаго входа двери, откуда изволили шествовать, по правую руку е. и. в. сидѣлъ великій князь цесаревичъ наслѣдникъ престола,

а подлѣ его великія княжны старшая и младшая рядомъ, и возлѣ ихъ величествъ статсъ-дама Кочубей, по лѣвую (сторону) руку государыни императрицы изволилъ сидѣть вел. кн. Михаилъ Павловичъ, возлѣ е. выс.—ва двѣ фрейлины государыни императрицы, а возлѣ ихъ предсѣдатель государственнаго совѣта, е. свѣтл. Викторъ Павловичъ Кочубей, и такъ далѣе по классамъ и всѣ чины по старшинству.

Возлѣ государя императора по правую руку сидѣлъ министръ финансовъ гр. Егоръ Францовичъ Канкринъ, возлѣ него иностранные министры, посланники дворовъ и такъ далѣе, а по лѣвую, рядомъ съ императоромъ, сидѣлъ помянутый фабрикантъ мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ Рыбниковъ, съ которымъ е. и. в. изволилъ во весь столъ кушавши разговаривать, и священныя е. и. в. слова остались незабвенными у всеподданнѣйшаго и въ потомствѣ его, Рыбникова.

Еще два стола были поставлены къ помянутому первому столу и обозначали литеру покой, за которыми сидѣли: по правой сторонѣ въ одномъ столѣ московскіе фабриканты и заводчики, тожъ и с.-петербургскія и многія особы изъ дворянъ, имѣющія фабрики и заводы. Въ другомъ столѣ, по лѣвую сторону, с.-петербургскіе купцы первой и второй гильдіи и первоклассныя чины, всѣ тѣ, кои были приглашены по билетамъ, военные и статскіе.

Билетъ былъ въ слѣдующихъ словахъ напечатанъ: «Къ назначенному по случаю выставки отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній обѣденному столу, по высочайшему повелѣнію, приглашаетесь вы пожаловать въ Зимній е. и. в. дворецъ сего 13-го мая, въ субботу, въ 3 часа пополудни».

Е. и. в. всемилостивѣйшій государь Николай Павловичъ, во время стола, изволилъ говорить со мною, Рыбниковымъ.

Сперва государь императоръ изволилъ сказать:

— «Кажется, мануфактура наша скорыми шагами идетъ впередъ, я очень радъ».

Имѣлъ счастье Рыбниковъ отвѣчать:

— Всемилостивѣйшій государь! мы въ Москвѣ были въ великомъ уныніи и страхѣ.

— «Отчего?»

— У насъ разнеслись слухи, в. и. в., яко-бы на всѣ мануфактурныя товары пошлина уменьшится и многіе артикулы вовсе дозволятся везти безъ пошлины.

— «Это неправда, но, напротивъ, увѣряю васъ, что тарифъ вновь будетъ разсмотрѣнъ, и на нѣкоторыя статьи пошлина надбавится, а нѣкоторыя мануфактурныя издѣлія и вовсе будутъ запрещены».

— Государь, это единственная будетъ польза для отечества и всѣхъ сословій въ государствѣ в. и. в.

— «Выставкой я очень доволенъ, нашелъ всѣ издѣлія и прочія вещи слишкомъ хороши».

— Государь, я отъ всѣхъ фабрикантовъ всеподданнѣйше благодарю в. и. в.

— «Московскіе фабриканты достойны вниманія по своимъ издѣліямъ; что Кожевниковъ и его фабрика?»

— Въ большомъ разстройствѣ, в. и. в., теперь всѣмъ его имѣніемъ распоряжается конкурсъ.

— «Можетъ-ли фабрика его когда-либо поправиться?»

— Въ скоромъ времени ожидать нельзя, в. и. в.

— «Жаль, что такъ случилось, а фабрика была знаменитая; онъ самъ виноватъ; а ваша фабрика идетъ хорошо?»

— Слава Богу, в. и. в.

— «Что, на Кяхту вы много продали?»

— До девяти тысячъ штукъ, в. и. в.

— «Отчего въ Москвѣ тонкими сукнами въ сбытѣ затрудняются и слышалъ?»

— Полагаю потому, в. и. в., что въ Москвѣ и ея округѣ, въ теченіи трехъ лѣтъ, до двухъ сотъ фабрикъ вновь развели и умножилось количество, а покупатели все тѣ-же, да къ тому-жъ и изъ Польши везутъ очень много тонкихъ суконъ, поелику пошлина взимается почти ничтожная, въ сравненіи по тарифу изъ прочихъ мѣстъ наложенной.

— «Тамъ фабрики почти всѣ раззорены, нельзя-же ихъ съ прочими сравнить, ибо они наши подданные; имъ и такъ почти равныхъ суконъ почти вовсе везти нельзя.—Что, Рагожинъ женатъ или нѣтъ?»

— Женатъ, в. и. в.

— «Кто возлѣ головы сидитъ?»

— Шелковыхъ издѣлій фабрикантъ Кондрашовъ, в. и. в.

— «А кто возлѣ Кондрашова?»

— Товарищъ мой, Бабкинъ, в. и. в.

— «Давно-ли вы товарищи съ нимъ?»

— Двадцать три года, в. и. в.

— «Были вы въ технологическомъ институтѣ?»

— Былъ, в. и. в.

— «Это заведеніе въ самомъ младенчествѣ».

— Впослѣдствіи времени это заведеніе должно пользу принести, в. и. в., только иностранныхъ мастеровъ и механиковъ должно чаще

перемѣнять и выписывать черезъ каждыя три года; извѣстно, что въ Англіи и Франціи успѣшнѣе механика идетъ, нежели гдѣ-либо.

— «Это правда; но Москва становится мануфактурный городъ, какъ Манчестеръ, и, кажется, вовсе забыли несчастный двѣнадцатый годъ».

— Еще есть, в. и. в., нѣкоторые и помнятъ, а особенно тѣ, которые получили въ ссуду деньги, выстроились, а платить нечѣмъ; теперь ихъ преслѣдуютъ. Виновать, государь, простите!

Что-то поговоря съ министромъ по французски, оборотаясь ко мнѣ сказать рзвоилил:

— «Я князю Голицыну далъ на волю его, съ кого взыскать, ежели можно, а кто не можетъ, того простить, даже и взысканныя деньги назначилъ тамъ-же употребить; что, биржа въ Москвѣ строится?»

— Нѣтъ еще, в. и. в., а дѣлаются на матеріалы подряды.

— «Я люблю Москву, она примѣрная столица; что въ ней всегда тихо, и желалъ-бы, чтобы и всѣ съ нея брали примѣръ».

— У насъ хозяинъ Москвы, кн. Голицынъ, хорошій вельможа, в. и. в.

— «Да. Почему Титова здѣсь нѣтъ и Куманина?»

— Титовъ, в. и. в., становится старъ, слабъ здоровьемъ, а Куманинъ съ семействомъ уѣхалъ на богомолье въ Кіевъ и Воронежъ.

— «Вы не были въ Кронштадтѣ? вамъ всѣмъ московскимъ фабрикантамъ надо побывать: увидите, какъ тамъ славно все обстроено и приведено въ порядокъ».

— Непремѣнно исполнимъ приказаніе в. и. в.

— «Вамъ, господа, не премѣнно должно стараться выдержать соперничество въ мануфактурѣ съ иностранцами и чтобы сбытъ былъ вашихъ издѣлій не въ одной только Россіи, а и на прочихъ рынкахъ».

— Точно стараться надо, в. и. в., но еще потребно на это немало времени, ибо иностранцы столѣтіями насъ опередили.

— «Почему наши російскіе негоціанты неохотно приступаютъ къ строенію кораблей и имѣтъ обширную торговлю и сношеніе со всѣми государствами?»

— На это потребны, в. и. в., большіе капиталы, а у насъ не у многихъ они есть.

— «Можно бы на акціяхъ или компаніями».

— На первый случай, в. и. в., и то было-бы хорошо, ежели бы отъ нашего кучества въ иностранныхъ торговыхъ городахъ были открыты торговые дома, а тогда по времени и корабли сдѣлались-бы необходимыми.

— «Это правда, на первый разъ начать хотя открытіемъ домовъ; вотъ у насъ Закавказскій край имѣетъ обильнѣйшія всякаго рода

произрастенія, множество разныхъ красокъ и виноградовъ, даже можно бы соперничать въ винѣ и съ Франціей, но, къ сожалѣнію, все еще молчитъ въ забвеніи».

— Къ намъ въ отдѣленіе мануфактурнаго совѣта генераль Завелевскій (?) сообщалъ в. и. в. проектъ, чтобы тамъ начать составить компани на акціяхъ, улучшить плантаціи и даже открыть складочное мѣсто, содѣйствовать торговлѣ съ Персіей, но отложено до слѣдующаго засѣданія, а Завелевскій, кажется, дѣйствуетъ по порученію министра гр. Канкринна.

— «Это весьма нужно (и нѣсколько словъ по французски графу Егору Францовичу Канкринусказалъ); я вамъ мѣшаю кушать, кушайте».

Сложъ руки ладонями вмѣстѣ и прижавъ къ сердцу, я сказалъ:

— В. и. в., какъ мы счастливы, что удостоились за однимъ столомъ кушать съ батюшкой царемъ и матушкой государынею.

— «Вы того стоите».

— В. и. в., потомки наши должны благословлять въ сердцахъ своихъ незабвенно сіе событіе, и въ исторіи останется навсегда безсмертнымъ.

— «Дѣти ваши здоровы?»

— Покорно благодарю, в. и. в., меньшей сынъ виноватъ передъ в. в., дѣтей у него и теперь еще нѣтъ, а в. и. в. ему на московской выставкѣ сказать изволили, что надѣетесь «у него будутъ дѣти». Ежели в. и. в. случится, у перваго младенца осчастливьте быть воспріемникомъ.

— «Изволь, изволь, изволь; не скажу вамъ, что я въ семь году пріѣду въ Москву на шесть мѣсяцевъ, а на три непременно».

— Въ прошломъ году е. и. выс—во Михаилъ Павловичъ изволили обозрѣвать у меня фабрику и были въ домѣ; в. и. в. во время бытности въ Москвѣ осчастливьте пожаловать ко мнѣ на фабрику.

— «Изволь, непременно буду у васъ; вы будете на Макарьевской ярмаркѣ?»

— Буду, в. и. в.

— «И мнѣ желается побывать; какъ она начинается и когда оканчивается?»

— Съ 25 іюля, в. и. в., и кончается 28 и 29 августа, почти до 1 сентября.

— «Я подь конецъ самой хотя на одинъ день постараюсь быть; что у васъ коммерческій судъ открытъ? вы довольны имъ?»

— Открытія не было, в. и. в., а предсѣдатель и товарищъ избраны, равно и члены отъ купечества; полагаю очень скоро къ сему приступать.

Какъ скоро стали подавать хлѣбное, всемилостивѣйшій государь всталъ, тожъ и государыня, наслѣдникъ престола и великія княжны и всѣ присутствующіе.

Государь: «здоровье московскихъ фабрикантовъ и всей мануфактурной промышленности».

Фабриканты были предварены, тотчасъ не садясь благодарили всемилостивѣйшаго государя, императрицу, наслѣдника престола, великаго князя Михаила Павловича, великихъ князей и всѣхъ присутствующихъ низкими поклонами; въ продолженіе стола подавали фрукты, варенья, мороженое и кофе. По окончаніи стола государь и государыня и всѣ вышли въ концертную залу. Государь и государыня изволили остановиться по срединѣ зала, а какъ фабриканты московскіе и с.-петербургскіе и прочіе съ купечествомъ с.-петербургскимъ стояли вѣдомъ въ полукружій, то всемилостивѣйшій государь изволили почти къ каждому фабриканту подходить и министръ гр. Канкринъ каждого представлялъ и всякаго по фамиліи называлъ. Государыня всѣхъ привѣтствовала, со многими изволила разговаривать, что она знаетъ его издѣлія, видѣла на выставкѣ и нѣкоторыя хвалила, а Кондрашеву, указавъ на свое бѣлое шелковое платье, изволила сказать:

— Это ваша матерія.

Потомъ подойдя ко мнѣ, Рыбникову, всемилостивѣйшая изволила мнѣ поручить:

— Когда пріѣдете въ Москву, кланяйтесь отъ меня князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну и Татьянѣ Васильевнѣ.

И такъ всѣхъ обойти изволила и стала опять посреди залы, куда вѣроятно съ позволенія привели вел. кн. Константина Николаевича и принесли вел. кн. Николая Николаевича; потомъ самъ государь императоръ изволилъ, также какъ и императрица, всѣхъ обойти и министръ гр. Канкринъ тоже всѣхъ по фамиліи называлъ и представлялъ; государь со многими фабрикантами и купцами изволилъ разговаривать; обойдя всѣхъ, государь взялъ вел. кн. Константина Николаевича за головушку и наклонялъ оную ему низко, говоря:

— «Кланяйся, кланяйся ниже»; потомъ ему сказать изволилъ: «ты, адмиралъ, но полѣзай на мачту самъ».

Государь сталъ прямо и сказать изволилъ: «на мачту!»

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ сталъ хвататься за государевы руки, за пуговицы мундира и петли и потомъ за плечо и влѣзъ на плечо государя, сѣсть изволилъ лицомъ къ лицу государя на самый эпюлетъ; тогда его государь поцѣловалъ и сказать изволилъ всѣмъ присутствующимъ:

— «Это адмиралъ исправный», потомъ сказать изволили: «ну, адмиралъ, тѣмъ же маршемъ съ мачты долой».

Потомъ государь беретъ на руки вел. кн. Николая Николаевича и извоить говорить: «вотъ, къ сожалѣнію, весьма былъ боленъ, почти шесть мѣсяцевъ, однако, теперь прошло».

Онъ даетъ вел. кн. Николаю на руки къ нянюшкѣ, и начали государь и государыня раскланиваться и всѣ имъ тоже кланялись.

Они извоили выйти изъ этой залы въ комнату въ боку, въ которую стеклянныя двери, и въ той комнатѣ государь всѣхъ великихъ князей и княженъ кого потреплеть по щечкѣ, кого поцѣлуетъ, а мы всѣ сквозь двери стеклянныя все кланялись; только когда къ намъ становился лицомъ и государыня къ нему подходила, государь съ нею нѣсколько усмѣхался, и мы, насладясь лицезрѣніемъ благословенной четы, государю и государынѣ поклонясь нѣсколько разъ, пошли изъ дворца, и сказалъ я, Рыбниковъ: «слава Тебѣ, Боже, и тебѣ царю-батюшкѣ многолѣтствовать».

Иванъ Назаровичъ Рыбниковъ,
мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ.

Сообщила Н. О. Ржовская.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА

1863—1864 гг.

II ¹⁾.

И вотъ я въ плѣну; меня везутъ въ штабъ русскаго отряда, въ имѣнни Ляды; тамъ, развязавъ, представляютъ въ канцелярію; записавъ мою фамилію и спросивъ крестьянъ гдѣ меня поймали, ко мнѣ обратился съ вопросомъ какой-то офицеръ: «какъ зовутъ вашего начальника?»

— Собѣкъ, отвѣчалъ я, зная, что это его псевдонимъ.

— Гмъ! Собѣкъ. А не вѣрише-ли Лясковскій?

— Я не сталъ возражать, ибо ничего объ этомъ не зналъ, и только здѣсь узналъ настоящую фамилію моего начальника.

Меня вывели во дворъ, гдѣ на соломѣ, подъ карауломъ 40 человекъ солдатъ, спало 12 человекъ моихъ товарищей,—мнѣ подали кулъ соломы, которая показалась мнѣ мягче пуху лебяжьего, и чашку солдатскихъ теплыхъ щей, вкуснѣе которыхъ я въ жизни никогда ничего не ѣдалъ. Насытившись вдоволь, я уснулъ такимъ безмятежнымъ богатырскимъ сномъ, что, проснувшись на другой день къ полудню, я отъ души благодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ вкусить такую роскошь; никакой тревоги, никакой боязни, никакого страха я не чувствовалъ; мягко, покойно, «какъ у Бога за пазухой». А когда на другой день насъ помѣстили въ пустомъ амбарѣ, гдѣ ни дождь, ни сырость намъ не надоѣдали, то я окончательно думалъ, что попалъ въ рай. Начались рассказы товарищей кто и какъ попался, гдѣ и кѣмъ взятъ, при какихъ обстоятельствахъ. Оказалось, что всякій изъ товарищей такъ геройски велъ себя,—что мнѣ стало стыдно за себя,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, августъ, стр. 421—446.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1886 г., томъ LI, сентябрь.

и, рассказывая про свой арестъ, я старался подкрашивать, какъ умѣлъ, свой рассказъ.

Насъ продержали дней съ пять въ имѣніи Ляды, прибавляя къ намъ ежедневно когонибудь изъ нашего «отдѣла», и набравъ такимъ образомъ человѣкъ до 25 — отправили на подводахъ въ г. Игумень подъ сильнымъ конвоемъ и съ триумфомъ. Солдаты пѣли дордогою свои солдатскія пѣсни, мы же на ночлегѣ затыгивали свои революціонныя, и намъ было очень весело. На всякомъ привалѣ или ночлегѣ намъ приносили массу явствъ и питій, и намъ приходилось только сожалѣть, что мы не попались подъ арестъ раньше.

Переночевавъ въ гор. Игумени, къ намъ присоединили еще нѣсколько человѣкъ «инсургентовъ», какъ величали тогда насъ, пока не переименовали въ мятежниковъ, и отправили дальше въ гор. Минскъ такимъ же путемъ.

Въ Минскѣ насъ размѣстили по пустымъ кельямъ бывшего монастыря Бернардинокъ, гдѣ помѣщалась и комиссія. Началось слѣдствіе. Насъ поочередно освидѣтельствовалъ докторъ, затѣмъ всякаго особо потребовали въ комиссію, гдѣ на листѣ бумаги, раздѣленной вдоль пополамъ, писались комиссіею на лѣвой сторонѣ запросы, а на правой мы должны были писать отвѣты на нихъ. Написавъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ, отвѣты на все запросы, я сильно задумался надъ однимъ: «чего хотѣлъ достигнуть путемъ мятежа?» Въ самомъ дѣлѣ, чего же я хотѣлъ достигнуть? Вотъ вопросъ, который никогда не приходилъ мнѣ въ голову раньше, и что мнѣ сказать? Сказать не знаю — сочтутъ пожалуй за дурака, за мальчика, а мнѣ такъ хотѣлось казаться «мужемъ», и я сталъ придумывать что-то похитрѣе — и написалъ какую-то глупость.

Послѣ допросовъ, потянулись дни, недѣли и мѣсяцы одиночнаго заключенія, начинала одолевать скука, тоска, и состояніе становилось чуть-ли не хуже, чѣмъ во время похода; измѣрялъ я шагами свою келью въ длину и въ ширину, пробуравилъ стѣну для сообщенія съ сосѣдями, лѣпилъ разныя фигурки изъ хлѣба, и все-таки еще такъ много оставалось свободнаго времени, что положительно его некуда было дѣвать. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда переведутъ меня въ общую. Наконецъ, потребовали меня въ комиссію, — слава Богу, должно быть въ общую, подумалъ я и обрадовался. Но въ комиссію меня ожидалъ сюрпризъ: въ залѣ я встрѣтилъ одного знакомаго повстанца по имени Александръ, — по фамиліи у насъ не называли и потому фамиліи его я не помню; что онъ былъ лакей помѣщика Свенторжецкаго объ этомъ я зналъ раньше, но это не мѣшало мнѣ питать къ нему особое уваженіе за его веселый нравъ, смѣлость и ухарство

(такъ, напримѣръ, во время стычки подъ деревней Юревичи, онъ стоялъ не за деревомъ или пнемъ, какъ большинство изъ насъ, а на открытомъ мѣстѣ, на лѣвомъ флангѣ, и всячески старался прикрыть собою начальника). Я не мало удивился, когда предсѣдатель слѣдственной комисси, обратясь къ нему, спросилъ: «этотъ»?—и указалъ на меня.

Да!—послышался глухой отвѣтъ,—но при этомъ я замѣтилъ, что Александръ былъ ужасно чѣмъ-то смущенъ и испуганъ.

Мнѣ подали листъ бумаги, на которомъ я вычиталъ запросъ въ такомъ родѣ: «Александръ Н... показалъ, что Владиславъ Б.....скій повѣсилъ въ деревнѣ Богушевичи священника Конопасевича» и пр., и пр.

Въ то время, когда все это происходило, я былъ еще очень ревностнымъ католикомъ, читалъ чуть-ли не по 70 молитвъ всякій день, а раньше — исповѣдывался и причащался каждый мѣсяцъ и мечталъ не разъ о мученической смерти, чтобы сразу безъ всякихъ хлопотъ попасть въ рай. А тутъ, какая прелесть открывалась передо мною! — невинное обвиненіе и затѣмъ мученическая смерть, а тамъ одинъ моментъ, одинъ мигъ только,—и я въ раю!... Сообразивъ все это, я не очень-то желалъ объясняться, но, подумавъ, «вѣдь это будетъ самоубійство, — грѣхъ», и чтобы Богъ не имѣлъ права упрекнуть меня въ этомъ, я рассказалъ или, вѣрнѣе сказать, написалъ гдѣ былъ въ то время, когда вѣшали священника, и что дѣлалъ, умолчавъ, конечно, о томъ, что мы тамъ были съ Л....скимъ, ибо выдавать товарищей, по моему кодексу, было тоже грѣшно, хотя онъ и чиновникъ акцизный, бывшій все время у меня подъ арестомъ, могли быть единственными свидѣтелями въ мою пользу. Моему объясненію, кажется, не повѣрили, по крайней мѣрѣ въ комиссію больше не требовали, а я и радъ былъ тому; насъ вскорѣ отправили въ полевой судъ, гдѣ я встрѣтился съ Тельшевскимъ и Александромъ; послѣдній, увидя меня, бросился ко мнѣ со слезами, извиняясь за свою оплошность. «Ей Богу», говорилъ онъ, «я думалъ васъ убили въ послѣдней стычкѣ на болотномъ острову, поэтому и хотѣлъ свалить всю вину на покойника, но какъ увидалъ васъ въ комиссіи... Господи!.. я до того потерялся, что и не зналъ чтò сказать. Ну да я поправилъ дѣло,—на другой же день, какъ только одумался, я самъ попросился въ комиссію и сказалъ, что показалъ на васъ ложно — сознался во всемъ—чего ужъ тутъ, разъ помирать», и онъ махнулъ рукой.

Жалко мнѣ стало малаго; я сталъ его ободрять, но самъ чувствовалъ, что это мнѣ не удавалось. Насъ было пять человекъ, и всѣ мы чувствовали себя какъ бы обреченными на смерть; уныніе какое-то видѣлось на всѣхъ лицахъ, только Александръ сохранилъ до послѣдней минуты свой веселый нравъ, да я философствовалъ втихомолку

надъ суетой суетъ и заносился въ своей фантазій высоко, высоко ко всѣмъ святымъ, прямо въ рай, и думалъ себѣ: «вотъ ужь погодите вы,—когда причислятъ меня къ лику святыхъ, тогда узнаете меня».

Въ полевои судѣ продѣлали церемонію представленія судей, спросили насъ, всякаго отдѣльно, не имѣемъ-ли мы чего добавить или убавить—и затѣмъ въ полъ-часа наша участь была рѣшена. Изъ леваго суда насъ отправили въ тюремный замокъ, гдѣ мы были встрѣчены торжественно товарищами. Разспросамъ, рассказамъ, казалось, не будетъ конца, всякій тянулъ насъ къ себѣ, угощалъ чѣмъ только могъ, явилось даже вино,—продуктъ самый дорогой въ тюремномъ замкѣ.

Боже мой! какъ тутъ весело, подумалъ я,—свободно, цѣлый день можно было ходить изъ камеры въ камеру, позволялось даже гулять по двору и разъ въ недѣлю ходить въ баню. А какія «облавы» ¹⁾ мы устраивали по ночамъ,—просто уму непостижимо, все острое начальство съ ума сводили. Былъ у насъ одинъ товарищъ, который великолѣпно умѣлъ подражать звуку охотничьяго рожка, свернуть какъ-то кулакъ въ трубку, приставить ко рту, и какъ начать наигрывать—ну просто охотничій рогъ въ дали, да и только; другой—артистически подражалъ лаю собакъ, употребляя для этого ротъ и обѣ ладони, и то сжимая, то расширяя ихъ около рта, изображалъ разные голоса собачьи до того натурально, что можно было различить лай гончей собаки и дворняшки, шпица и маленькой комнатной собачки. И вотъ вечеромъ, послѣ повѣрки, когда всѣ камеры позапрутъ и намъ надоѣстъ балагурить или играть въ шахматы, мы начнемъ для разнообразія школьничать: одинъ шутникъ открываетъ окошечко въ дверяхъ камеры и крикнетъ во всю глотку «гопъ-гопъ!», какъ обыкновенно кричатъ на охотѣ; въ другой камерѣ сейчасъ открывается окошечко, и другой—подражая загонщикамъ, оретъ: «гал-тю! гал-тю! пильнуй!»; въ третьемъ слышно: «тяфъ! тяфъ!»—лай гончей собаки; къ ней присоединяется еще голосъ другой собаки, и обѣ дружно преслѣдуютъ звѣря, настигаютъ, слышно какъ гонять уже на глазъ, наконецъ, берутъ на приступъ; въ это время кто нибудь хлопнетъ въ приготовленную заранѣе хлопушку, подражая ружейному выстрѣлу, и затѣмъ рожекъ охотничій оглашаетъ воздухъ, возвѣщая побѣду.

Но что дѣлалось съ начальствомъ, когда мы въ первый разъ изобразили такую «облаву», трудно описать: часовой кричитъ «ефрейтора», ефрейторъ, услыхавъ пальбу, бѣжитъ испуганный къ офицеру,

¹⁾ Охота на крупнаго звѣря съ загонщиками.

потребовали смотрителя и нагрянули, и давай обыскивать—пока намъ не надобѣло школьничать, и мы имъ объяснили въ чемъ дѣло.

Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, я до того обрадовался такой веселой, свободной жизни, что не понималъ изъ-за чего это товарищи иногда шумять? Какъ будто можно было желать еще чегонибудь больше? Я положительно не успѣлъ соскучиться, жизнь общая не успѣла еще мнѣ опротивѣть, не чувствовалось еще надобности побывать иногда хоть одинъ часокъ самимъ съ собою. Я былъ беззаботенъ, веселъ и счастливъ,—какъ только можетъ быть счастливъ мальчикъ, получившій новую игрушку.

Вскорѣ нашему рѣшенію пришла и конфирмація г. Муравьева; четверо изъ насъ: Тельшевскій, Окуличъ и два лакея Свенторжецкаго, Александръ и Яковъ—были казнены, въ томъ же селѣ Богусевичи, гдѣ былъ повѣшенъ священникъ Конопасевичъ, а я—на 20 лѣтъ въ каторжныя работы. Многимъ казалось такое рѣшеніе хуже смерти, но я въ то время объ этомъ не думалъ,—могъ ли я тогда сомнѣваться въ томъ, что Богъ не сошлетъ цѣлый сонмъ своихъ Ангеловъ для нашего спасенія? А если не сошлетъ—значитъ такъ Богу угодно. Я вспомнилъ еще разъ «Иова», и съ вѣрою въ сердцѣ, съ чистою со-вѣстью, отправился въ каторгу.

Мы вышли изъ Минска, въ мартѣ 1864 г., пѣшкомъ, этапнымъ порядкомъ. Насъ не брили, въ кандалы не заковывали и мнѣ представлялось множество случаевъ бѣжать, но я ни разу не подумалъ воспользоваться ими. Въ первый разъ я увидалъ этапы въ своей губерніи, до сихъ поръ я и не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи; низенькіе, крошечные, въ одну избу съ сѣнями, они ни чѣмъ не отличались отъ прочихъ крестьянскихъ хатъ. Въ такой хатѣ помѣщались мы 9 человѣкъ политическихъ арестантовъ и 12 человѣкъ конвойныхъ, очень добродушныхъ старичковъ, которымъ и въ голову не приходила возможность побѣга,—«вѣдь бумага были у нихъ».

Мы пришли благополучно въ г. Вильно. Подвигаясь медленно къ тюремному замку, я увидалъ на тротуарѣ одной улицы разгуливающего товарища Л...скаго; онъ узналъ меня, остановился, пошелъ дальше, затѣмъ воротился и, проходя близко меня, шепнулъ: «я буду завтра». Но напрасно я на другой день ждалъ его,—онъ не пришелъ... и хорошо можетъ быть сдѣлалъ,—къ чему же подвергать себя опасности изъ-за одной пріятной минутой.

Въ замкѣ намъ удалось помѣститься въ самой лучшей камерѣ, во флигелѣ, гдѣ сравнительно воздухъ былъ чище и тѣснота меньше, все же оставалось хоть аршинъ свободного мѣста для прохода, а въ другихъ камерахъ и этого не было, приходилось буквально шагать

черезъ товарищей. Мы застали самое разнообразное общество,—тутъ были помѣщики, официалисты, студенты, мастеровые, крестьяне и несовершеннолѣтніе гимназисты, жмудяки, литовцы, бѣлорусы и поляки.

Первое впечатлѣніе, вынесенное мною, было очень пріятное; я былъ очарованъ обществомъ, все это жило какъ бы одной семьей, дѣлясь съ ближнимъ чуть ли не послѣднимъ кускомъ. Но увы!—мнѣ скоро пришлось разочароваться. До сихъ поръ я смотрѣлъ на повстанцевъ какъ на что-то отборное, лучшее, какъ бы на украшеніе нашей молодежи; всякій повстанецъ мнѣ представлялся самымъ благороднымъ, и грязи подъ эту личиною я не допускалъ: я понималъ еще измѣну, которую всѣ презирали и которую я въ душѣ прощалъ очень охотно, ибо зналъ какъ много приходилось претерпѣвать въ мятежѣ и самъ былъ не далекъ отъ дезертированія,—счастіе мое, что меня не пытали, не били ни розгами, ни нагайками, какъ это водилось во многихъ мѣстахъ, но попробуй они со мной этого средства, и я не ручаюсь за то, что не высказалъ бы не только всего, что зналъ, но и чего не зналъ... и былъ бы измѣнникъ... Но воровства, грабежа, обирания своего собрата... я никому не могъ простить, и считалъ это преступленіе хуже измѣны.

Въ Вильно всякій день привозили и увозили массу мятежниковъ. Многіе патріоты, особенно патріотки, раззорялись на подааніе для всякой новоприбывшей партіи; приносились чай, сахаръ, бѣлье, одежда разная и деньги... Передавалось все это, почему-то, секретно, можетъ быть потому, что многіе боялись открыто помогать мятежникамъ ¹⁾, или же потому, что не знали дѣйствительныхъ нуждъ нашей братіи. Въ нашей камерѣ мы застали двухъ братьевъ С—скихъ, съ отцомъ, помѣщикомъ изъ польскихъ губерній, очень милыхъ личностей, изящно одѣтыхъ. Они просидѣли въ Вильнѣ слишкомъ два мѣсяца, постоянно ходили на свиданія, приобрѣли довѣріе патріотокъ, и всякій день получали отъ нихъ нужныя вещи и деньги для раздачи нуждающимся въ партіи. Роль эта пришлась имъ по вкусу, они экипировались, набили три чемодана тонкимъ, патріотическимъ, бѣльемъ и дорогой одеждой, а карманы—русскими кредитными билетами, предназначенными для нуждающихся въ партіи, и уѣхали на мѣсто ссылки, когда пошли слухи объ ихъ неблагонадежности въ передаваніи того и другаго нуждающимся. Впрочемъ, къ чести повстанцевъ, надо сказать, что такихъ эксплуататоровъ патріотическихъ чувствъ было очень немного.

Вскорѣ насъ отправили изъ Вильны, въ вагонахъ, дальше; въ

---

¹⁾ Одна дѣвушка Яцyno, которая чаще всѣхъ приносила подааніе, была въ послѣдствіи сослана въ Томскъ, за сочувствіе мятежникамъ.

Петербургѣ продержали на вокзалѣ часа три четыре; множество посѣтителей приходило посмотреть на насъ, между ними былъ и нашъ начальникъ Лясковскій; онъ всю зиму почти просидѣлъ въ лѣсу, недалеко отъ Игуменя, въ ямѣ, куда ему приносили разъ въ недѣлю пищу, и откуда онъ не смѣлъ вылѣзть ни подъ какимъ видомъ, если не желалъ быть пойманнымъ; теперь онъ былъ уже на пути за границу и пришелъ взглянуть еще разъ на повстанцевъ.

Вечеромъ повезли насъ дальше; на одной станціи Николаевской дороги поѣздъ ночью остановился, и мы пошли пошляться по вокзалу, я даже забрался куда-то въ садъ или паркъ и чуть не прозѣваль поѣздъ, — который двинулся было уже въ путь, но на мои жалобные вопли машинистъ смилостивился и задержалъ локомотивъ; я розыскалъ своихъ товарищей и больше уже не вылѣзалъ изъ вагона до самой Москвы. Въ Москвѣ насъ построили въ колонну, окружили конвойными и повели на Колымажный дворъ. Дорогой мы чуть было не потеряли одного товарища: Завевскій былъ одѣтъ въ пальто и съ цилиндромъ на головѣ, онъ какъ-то вышелъ за линію конвойныхъ на тротуаръ купить что-то у разнощика, но пока расплачивался, да пересчитывалъ сдачу, мы были уже далеко; догнавъ насъ бѣгомъ, онъ хотѣлъ протиснуться къ намъ, но конвойные его не пускаютъ, — это принудило его идти позади партіи до самаго Колымажнаго двора, гдѣ, объяснивъ офицеру свое несчастье, былъ, наконецъ, впущенъ во дворъ.

Черезъ двѣ недѣли насъ опять повели такимъ же порядкомъ къ вокзалу; тутъ насъ долго держали. Приѣзжали купцы и купчихи, въ соболяхъ и овчинахъ, въ бархатахъ и простыхъ чуйкахъ, и стали подавать намъ копѣйки, гривенники и рубли. Произошло маленькое недоразумѣніе: мы удивлялись, не понимая, что сіе значить, и не хотѣли принимать подаванія, — купцы же удивлялись, что мы не беремъ, и нѣкоторые оскорблялись. Мы не могли рѣшить единодушно что дѣлать, — одни принимали подаваніе, другіе нѣтъ. Мы въ своемъ кружкѣ рѣшили, чтобы не оскорблять купцовъ и ихъ добрыхъ побужденій, принимать — и отдавать бѣднымъ семействамъ; такимъ путемъ, мы въ шестеромъ собрали и передали одному полѣшукъ крестьянину съ женой и тремя ребятишками до двухъ сотъ рублей.

Наконецъ, показалась машина съ вагонами, насъ опять усадили и повезли въ Нижній, гдѣ, по случаю вѣсновки, партіи не отправлялись, а потому какъ замокъ, такъ и пересыльная были биткомъ набиты нашими. Недѣли черезъ двѣ стали отправлять партіи, но мы не захотѣли идти пѣшкомъ и остались еще на двѣ недѣли, — насъ уговаривали, стращали, но намъ кто-то сказалъ, что есть такой законъ, что всѣмъ пересыльнымъ изъ привилегированнаго сословія полагается

подвода одна на двоихъ и кормовыхъ по 15 копѣекъ въ сутки, а не по 10, какъ намъ хотѣли дать, а потому мы твердо держались своего— и насъ не отправляли,—а пока что будетъ, развлекались пѣснями, музыкой на гребняхъ, стаканахъ и т. п. Иногда ходили въ городъ, по восьми и по двѣнадцати человѣкъ, съ однимъ конвойнымъ безъ ружья,— оставимъ его гдѣ нибудь въ условленномъ мѣстѣ дожидаться насъ, а сами разбредемся по городу куда кто желаетъ, шляемся по улицамъ, по валамъ крѣпостнымъ, заходили иногда и въ костель, и въ гостиницы, а къ назначенному часу соберемся все въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы оставили конвойнаго—и назадъ. И все обстояло благополучно! Никто не убѣжалъ, никто не потерялся.

Наконецъ, мы дождались, что намъ дали подводы и 15 коп. кормовыхъ, и мы отправились дальше, этапнымъ порядкомъ. На первомъ полуэтапѣ команды со слѣдующаго этапа еще не было, и мы простояли тутъ дня три или четыре, а такъ какъ на полуэтапѣ было ужасно тѣсно, то офицеръ, конвоировавшій насъ, отпустилъ человѣкъ 30 въ деревню на квартиры, безъ всякаго конвоя, взявъ съ насъ только честное слово, что все будетъ благополучно,—и все было благополучно.

Но чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ больше насъ начинали сбѣснять: то количество подводъ уменьшать, то не позволять на этапномъ дворѣ ночевать (по причинѣ ужасной тѣсноты мы ночевали большею частью на дворѣ), начались ссоры съ конвойными, брань, а иногда доходило и до драки. До гор. Казани мы постоянно выходили побѣдителями, въ Казани же, сверхъ этапной команды, къ намъ приставили еще 30 человѣкъ изъ мѣстнаго гарнизона для сопровожденія до гор. Малмыжа, по случаю буйнаго поведенія партіи, и на полуэтапѣ, передъ самымъ Малмыжемъ, гдѣ сошлись команды съ обоихъ этаповъ, — да еще 30 чел. изъ Казани, силу которой мы не въ состояніи были преодолѣть, насъ таки порядкомъ поколотили.

Кстати упомяну тутъ о томъ, какъ проводили мы время въ дорогѣ.

Передвиженіе этапнымъ порядкомъ шло медленно, однообразно,—сегодняшній день похожъ на вчерашній, а завтра навѣрно будетъ то-же самое, что сегодня. На полуэтапѣ — ночлегъ, а на этапѣ — дневка и т. д., и т. д. Если кто видѣлъ картинку «этапная партія на привалѣ», тотъ будетъ имѣть совершенно вѣрное понятіе и о нашей партіи, да и вообще о всякой этапной партіи. Впереди идутъ «кандальные», т. е. гражданскіе преступники, осужденные въ каторгу и потому закозанные въ кандалы; у нихъ у всѣхъ кандалы подтянуты высоко къ икрамъ, подложены «подкандальники» въ родѣ голенища изъ толстой кожи, цѣпь посерединѣ схвачена веревочкой и прикрѣплена къ поясу, — такъ имъ удобнѣе ходить; они идутъ тяжело, про-

изводя ритмическій лязг цѣпами; въ переднихъ рядахъ у нихъ староста, имѣющій громадное вліяніе въ партіи; за кандалными идутъ поселенцы и бродяги, въ наручныхъ или безъ оныхъ, смотря по обстоятельствамъ, и женщины; далѣе подводы съ больными и привлегированными гражданскими, а затѣмъ—длинной вереницей тянутся подводы съ политическими преступниками; подводы съ вещами гражданскихъ арестантовъ заканчиваютъ шествіе; по обѣимъ сторонамъ идутъ конвойные. Вотъ партія приближается къ этапу, начинается суета, давка, всякому желательно протиснуться первому, чтобы захватить поудобнѣе мѣстечко на нарахъ, поближе къ окну, къ свѣту, подалее отъ дверей. Кто успѣлъ протиснуться первымъ, захватывалъ два или три мѣста и для товарищей; для этого достаточно было протянуть хоть шарфикъ въ ширину наръ, и никто не смѣлъ тутъ помѣшаться,—право захвата и первенство соблюдалось строго. Кому не хватало мѣста на нарахъ, тотъ помѣщался подъ нарами, а если и тамъ не оказывалось мѣста, то остальные размѣщались въ корридорѣ или же на дворѣ. Размѣстившись кое-какъ, мы сейчасъ же направлялись къ цѣлому ряду торговыхъ съ разнымъ съѣстнымъ, какъ-то: хлѣбъ, булки, молоко, сметана, творогъ, студень, щи и т. п. Закупивъ такихъ предметовъ по мѣрѣ возможности, всякій удалялся въ свой уголь и съѣдалъ купленное, что и называлось обѣдомъ, послѣ чего, кто имѣлъ самоваръ, или подобіе онаго, тотъ хлопоталъ какъ бы его вскипятить, что было дѣломъ далеко нелегкимъ и что служило поводомъ къ ссорѣ съ карауломъ—изъ-за углей,—кончалась же ссора по большей части тѣмъ, что мы покупали угли или кипятокъ. Впрочемъ, чаепитіемъ занимались далеко не всѣ, —только богатые позволяли себѣ такую роскошь. Послѣ обѣда и чая начинается оживленіе нашего маленькаго общества, тамъ и сямъ группируются кружки, выступаютъ на сцену повѣствователи, краснобай, балагуры, — слышны рассказы о геройскихъ подвигахъ, эпизоды изъ разныхъ битвъ, стычекъ или же сальные и разные забавные анекдоты. Кой-гдѣ нѣкоторые знакомятся съ иглой и ниткой. Два противника, усѣвшись на нарахъ, задумались надъ доской, уставленной шахматными фигурами изъ хлѣба; ихъ окружаютъ тоже игроки и слѣдятъ за ходомъ игры, дѣлая свои замѣчанія послѣ всякаго хода.

— Вотъ ужъ не понимаю для чего вы пошли конемъ, а не ферзею, восклицаетъ нетерпѣливый зритель, — тогда бы вы открыли до рогу слону, а вывели бы слона, у васъ ладья была бы въ дѣйствиіи

— Агаде! — заступается другой зритель, если бы онъ вывелъ ферзь, тогда бы пѣшка королевскаго слона пошла черезъ два поля

подъ защиту вотъ этой пѣшки, и ферзь его должна отступить, — потеря темпа! — Comprenez-vous? — А иначе слонъ станетъ сюда подъ защиту коня и — шахъ королю и ферзи!

— Да что это ей-Богу!... сколько разъ васъ просилъ, господа, не указывать! — обижается одинъ изъ игроковъ.

— Не безпокойтесь, я и самъ вижу... возражаетъ другой, — вижу, вижу, ви-и-жу!... бормочетъ онъ про себя, взявъ фигурку и соображая куды бы ее поставить, и вытянувъ губы какъ бы желая свиснуть, сдѣлалъ гримасу носомъ и поставилъ фигурку на прежнее мѣсто.

— А! — нельзя, нельзя этого! — «*rière touchée — rière jouée*» — уговоръ лучше денегъ. Взялись за фигуру, — ею и играйте...

— Три!...

— Держу!...

— Четыре!...

— Держу!...

— Безъ ату!...

— Пасъ!... Слышно на другомъ концѣ наръ, гдѣ счастливые обладатели засаленныхъ картъ разыгрываютъ, по $\frac{1}{20}$ копѣйки, преферансъ. Дальше — еще видѣется кучка, играютъ въ свои козыри; около этихъ кучекъ непремѣнно двѣ кучки зрителей и зѣвакъ, всякій считаетъ своимъ непремѣннѣйшимъ долгомъ указать кому нибудь, посовѣтовать, — игроки просятъ не совѣтовать. Въ камерѣ носится какой-то неопредѣленный гулъ, какой навѣрно былъ во время столпотворенія вавилонскаго, — голоса смѣшиваются, ничего съ разу не различишь, какъ будто въ громадномъ котлѣ что-то закипаетъ. А сквозь шумъ и гамъ слышится голосъ какого-то веселаго запѣвалы:

„Идзіемъ собѣ этапэмъ! этапэмъ!

А за нами съ чарапэмъ, съ чарапэмъ,

Козакъ!“.

— Да ну тебя къ чорту съ этапомъ! — Надоѣлъ!

— Спой, Ясю, лучше папѣжа!

— Нѣтъ, господа! — Давайте лучше хоромъ. «Згаслы для насъ»... Начинаютъ спорить пѣсенники.... А подъ нарами, между тѣмъ, пищать гдѣ-то жалобно флейта, сквозь шумъ слышны ея отрывистыя высокія нотки, да чей-то голосъ, подтягивающій — «бо у насъ иначе! — иначе!»....

— Эль-а, ла, бѣ-энь-дѣ-зѣтъ, бѣндзь, — Лабендзь. Преодолѣваетъ азбуку какой-то бородатый дѣтина, усѣвшись на нарахъ, поближе къ окошечку.

— Зѣтъ, а не зѣтъ — поправляетъ его безъусый товарищъ, и дѣ-

тина покорно выслушиваетъ наставленія мальчугана, чувствуя, что грамотность — тоже сила!

Дальше кто лежа, кто сидя трудятся надъ Олендорфомъ или Боклемъ и Маколеемъ. Одинъ малограмотный приставакъ все къ одному студенту дать ему книжку почитать, но такъ какъ у насъ не было ни романовъ, ни повѣстей, а все учебники, то студентъ и сунулъ ему «Логариемы.» Долго грамотѣй вертѣлъ эту книжку и такъ, и сякъ, но замѣтивъ, что надъ нимъ трунить, бросаетъ книгу, говоря, что онъ по русски плохо читаетъ, и идетъ посмотрѣть нѣтъ-ли гдѣ щели въ заборѣ.

Вечеромъ выходимъ всѣ во дворъ, для необходимой повѣрки, послѣ чего гражданскихъ запирали на замокъ, насъ же — смотря по обстоятельствамъ, иногда запирали, иногда нѣтъ,—это вполнѣ зависѣло отъ этапныхъ командировъ.

Послѣ повѣрки, кто желалъ молиться, собирались въ камеру, гдѣ помѣщался «ксендзъ», и затягивали хоромъ вечернюю молитву «Dzięci się końcu, noc nastaje»...

Такъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы,—промелькнули этапы за этапами, и въ концѣ лѣта мы были въ Тюмени. Насъ помѣстили въ какомъ-то пустомъ казенномъ зданіи и даже не приставили караула; нѣкоторые помѣстились въ замкѣ, но выходили свободно безъ конвоя. Тутъ насъ продержали дней десять, дожидались парохода, а въ это время мы шлялись по берегу рѣки, безъ всякой опредѣленной цѣли, купались иногда, ходили въ городъ, но очень рѣдко, впрочемъ, ибо въ городѣ бывали въ то время частые пожары и слухи носились будто поджигаютъ поляки, такъ, чтобы не дать повода къ лишнимъ толкамъ, мы избѣгали безцѣльнаго шлянія по городу.

Какъ-то разъ, неподалеку отъ нашего помѣщенія, загорѣлся, средь бѣла дня, постоянный дворъ. Мы было бросились тушить.

— «Стойте! стойте! панове, кричите намъ староста, увидятъ насъ на пожарѣ, скажутъ, что мы нарочно подожгли,—надо спросить прежде начальство, будетъ-ли имъ это угодно». И староста отправился къ начальству съ предложеніемъ нашихъ услугъ.

— Чего тамъ еще спрашивать, пока онъ проходитъ взадъ и впередъ, мы тѣмъ временемъ все потушимъ, а то будетъ труднѣе послѣ, разсуждаетъ кто-то изъ насъ, — а какъ легко теперь потушить, смотрите, стоитъ только разобрать вонъ тотъ заборъ, да свалить крышу съ навѣса, чтобы разобщить съ домомъ, а то ей же ей!—все ухнетъ. И вѣдь какой громадный дворъ и весь подъ крышей, а сухое дранье теперь что?—Какъ порохъ!

Староста скоро вернулся съ разрѣшеніемъ тушить, если желаемъ.

Мы тотчасъ же бросились на пожаръ съ такимъ одушевленіемъ и принялись за работу такъ энергично, что, не имѣя ни машинъ, ни топоровъ, ни крючьевъ, буквально голыми руками, потушили весь пожаръ въ продолженіе какихъ нибудь полтора часа; мгновенно разобрали крышу со двора, и вынесли по одной драничкѣ вонъ; навѣсы и заплоты, уже горѣвшіе, было труднѣе разобрать, но, упершись шестью и навалившись 50 человекъ на крышу навѣса, мы ее свалили на другую сторону, и тамъ по одиночкѣ каждую тесничку, каждую рѣшетину за таптывали ногами и заливали водой, ковшикомъ изъ ведра, ибо иной посуды въ домѣ не оказалось. Однимъ словомъ, домъ отстояли; все несчастіе кончилось тѣмъ, что сгорѣла одна баня, которую отставать не было возможности. Во все это время ни одинъ изъ жителей города Тюмени не оказалъ ни малѣйшаго желанія принять участіе въ тушеніи пожара, хотя много было зрителей и зѣвакъ. Всѣ они разсуждали, галдѣли, иные удивлялись нашей смѣлости и охотѣ лѣзть, чортъ знаетъ изъ-за чего, въ огонь. Но когда пожаръ былъ потушенъ, всѣ согласились съ тѣмъ, что окончилось очень счастливо.

— Да! — Богъ спасъ! — Митрей Авдеечъ, — говорилъ какой-то толстякъ другому, такому же почтенному въ толпѣ, — а то если бы огонь расходился!... й-й-й-й! — и! да тутъ бы весь фарталь слизнуло какъ языкомъ.

— Слизнуло бы—слизнуло!—Пуплій Ивановичъ,—что и говорить, подтверждалъ другой,—загорнись только Митрофановъ домъ—и всему фарталу бы не устоять.

Мы оставили толпу зѣвакъ, разсуждающую надъ пожарищемъ, и отправились на рѣчку купаться; оказались почти у всѣхъ болѣе или менѣе—обжоги на рукахъ, у троихъ бороды, усы и брови были опалены, а у одного—проломлена голова, но не опасно. Передъ отплытіемъ изъ гор. Тюмени благодарные жители прислали намъ нѣсколько десятковъ рублей, которые мы порѣшили принять и закупить на нихъ лекарствъ, ибо были у насъ больные, были и свои доктора, — а лекарствъ не было.

Мы отплыли изъ Тюмени съ послѣднимъ рейсомъ на пароходѣ «Работникъ» Паклевскаго-Козелья, съ двумя баржами на буксирѣ.

Въ Тобольскѣ насъ всѣхъ провѣрили, перемѣрили, описали всѣ примѣты, и прибавивъ еще по нѣсколько десятковъ человекъ на всякую баржу — отправили въ Томскъ.

Плаваніе оказалось далеко не такъ привлекательнымъ, какъ казалось съ начала; внутри баржъ тѣснота ужасная, воздухъ убійственный, вентиляція плохая, — прогулка же по палубѣ была почти невозможна для не имѣющихъ теплой одежды, такъ какъ осенніе

вѣтры и дождь пронизывали насквозь. Но выпадали на наше счастье иногда и теплые деньки; мы высыпали на палубу какъ тараканы и сновали вдоль и поперекъ баржи такъ, что пройти невозможно было, а если случалось, что въ такіе дни пароходъ останавливался для нагрузки дровъ, мы выбѣгали на берегъ расправить свои члены, подышать свѣжимъ воздухомъ или просто полежать, — поваляться на сухой травѣ.

Въ одинъ такой прекрасный день мы вышли на берегъ и ходили и бѣгали по лугу, удивляясь такой высокой и обильной травѣ, что человѣкъ могъ свободно спрятаться въ ней, а лугу этому, кажется, конца краю не было. Одинъ жмудякъ, увидавъ въ дали копы сѣна, добрался до нихъ и улегся на мягкой душистой постели; думая про Нѣманъ и ковенскія долины, упоенный запахомъ сѣна, убаюканный тихимъ вѣтеркомъ, онъ такъ сладко заснулъ, что не слышалъ ни голоса старосты, съзывавшаго всѣхъ на мѣста, ни пароходнаго свистка — и, увы! — когда проснулся, было уже поздно! — парохода и слѣдъ простылъ, а кругомъ степь необозримая. Зимой уже его привели въ Томскъ какъ бродягу, сужденнаго за побѣгъ.

Это былъ, кажется, единственный случай побѣга въ нашей партіи.

Случилось у насъ одно еще болѣе печальное происшествіе. Не доплавая Оби, староста и четверо товарищей отправились въ лодкѣ съ парохода на вторую баржу; вдругъ пароходъ почему-то убавилъ ходу, баржа же, въ силу инерціи, плыветъ еще съ одинаковой быстротой, отчего буксиръ ослабъ и погрузился въ воду; лодка съ пятью товарищами, желавшими переплыть черезъ буксиръ, наплываетъ на это мѣсто какъ разъ въ ту минуту, когда пароходъ, прибавивъ ходу, сильно двинулся впередъ, отъ чего натянутый буксиръ поднимаетъ и опрокидываетъ лодку, а налетѣвшая баржа прикрываетъ собою пятерыхъ товарищей, — и ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ спастись.

Но бѣда никогда не приходитъ одна. Не даромъ говорятъ, что «одна бѣда — не бѣда, двѣ бѣды — полбѣды, а три бѣды — настоящая бѣда». А съ нами случилось четыре бѣды: мы потеряли пятерыхъ товарищей, въ томъ числѣ старосту, имѣвшаго съ собою общественныя деньги (Паклевскій-Козелль, получивъ отъ казны, за перевозку и за продовольствіе насъ на пароходѣ, деньги, — сдѣлалъ намъ снисхожденіе и часть кормовыхъ денегъ возвратилъ намъ, и эти деньги, кажется были тогда у старосты), но что всего хуже — со старостой были и наши статейные списки. Все это плавало теперь гдѣ-то глубоко на двѣ Иртыша. Четвертая же бѣда грозиле всѣхъ, — это былъ тифъ, разившійся на обѣихъ баржахъ. Не было дня, чтобы мы кого-нибудь не схоронили. На баржахъ и на пароходѣ, на палубѣ, были каюты,

которыя теперь были превращены въ больницы. Около ста человѣкъ лежало въ тифѣ, а вскорѣ и меня снесли къ нимъ-же. Когда и какъ мы приплыли въ Томскъ, гдѣ и какъ размѣстились—я ничего не помню; когда же я открылъ глаза и сталъ кое-что соображать, то увидѣлъ себя въ небольшой комнаткѣ, окруженнымъ двадцатью койками, такъ тѣсно составленными, что больные могли свободно перекатываться съ одной койки на другую, и если они этого не дѣлали, то только потому, что не въ состояніи были сами перевернуться съ бока на бокъ. По угламъ и около печки, гдѣ было немного свободнаго мѣста, лежало человѣкъ десять больныхъ на полу; по серединѣ палаты былъ узенькій проходъ, въ концѣ котораго стояла скамейка, покрытая чѣмъ-то траурнымъ, а на ней лежалъ покойникъ, въ изголовьи его горѣли двѣ восковыя свѣчки, а на полу, рядомъ съ покойникомъ, металась въ страшномъ бреду женщина. Комната эта принадлежала къ больницѣ томскихъ арестантскихъ ротъ. Какимъ чудомъ въ этой больницѣ болѣе половины больныхъ осталось въ живыхъ—это трудно угадать, ибо всё условія были противъ того. Но почему я остался живъ, то навѣрное могу сказать, что этимъ обязанъ я своимъ товарищамъ, особенно Мечиславу Демидовичу, брату того раненаго гимназиста, котораго я напоилъ водой на болотномъ островѣ. Еще на баржѣ, во время моей болѣзни, пока я не потерялъ сознанія, я помню, онъ за мной ухаживалъ,—и теперь, прійдя въ сознаніе, опять встрѣчаю его перерабатывающимъ меня, поднимающимъ или же приносящимъ разные крѣпительные бульоны и супы, а и иногда и шоколадъ съ французской булкой, что, послѣ тифа, когда является волчій аппетитъ и больничной порціи далеко недостаточно, было для меня необходимо,—нужно лекарство во время самой болѣзни.

Иногда посѣщалъ насъ и докторъ, но отъ этого намъ нисколько не было легче,—онъ прописывалъ лекарства, дѣлалъ распоряженія кой-какія фельдшеру, но какъ только докторъ уходилъ,—фельдшеръ передавалъ всё эти распоряженія сторожу больничному, изъ арестантовъ, и самъ больше къ намъ не заглядывалъ, до слѣдующаго дня, такъ что всё мы зависѣли отъ милости сторожа, который наводилъ на насъ ужасъ; онъ хвастался, что зарѣзалъ собственноручно семнадцать человѣкъ, три раза былъ осужденъ въ каторжныя работы, послѣдній разъ судился за бродяжничество и приговоренъ въ арестантскія роты на шесть лѣтъ; теперь онъ досиживалъ послѣдній годъ, считался въ разрядѣ исправляющихся самымъ благонадежнымъ, вслѣдствіе чего ходилъ безъ конвоя въ городъ и никогда не возвращался отъ туда съ пустыми руками, всегда находилъ что нибудь плохо положеннымъ и считалъ своею священною обязанностью стянуть.

Какъ-то разъ, послѣ болѣзни, я отправился съ нимъ въ городъ. Въ гостинномъ ряду, я зашелъ въ какую-то лавченку купить разной мелочи; сторожъ мой тоже спросилъ что-то ему показать; въ это время приказчика этой лавки окликнулъ кто-то съ улицы. «Сичасъ», отвѣчаетъ приказчикъ, и, предоставивъ намъ нѣсколько коробокъ съ требуемою нами мелочью, попросилъ насъ выбрать, а самъ удалился. Мы остались вдвоемъ,—въ лавкѣ положительно больше никого не было. Зная поползновеніе своего сторожа къ чужой собственности, я крайне былъ недоволенъ такою довѣрчивостью приказчика: ну что какъ поймають его тутъ съ какою-нибудь краденою вещью, подумалъ я,—вѣдь это скандалъ: его навѣрно приказчикъ счелъ за политическаго, на немъ была такая же «бурка», какъ и на мнѣ, а такихъ никто кромѣ насъ не носилъ,—и вотъ скажутъ поляки—воры!... Какой стыдъ-то. Смотрителю неприятность за его довѣріе къ намъ!... Однимъ словомъ, тысячу неприятныхъ послѣдствій промелькнуло у меня въ головѣ, и я проклиналъ такую опрометчивую довѣрчивость приказчика; дождавшись его, я рассчитался и скорѣе безъ памяти домой.

— Ну что, много ты набралъ? спрашиваю я его послѣ.

— Чаво!

— Ну да въ лавкѣ, когда приказчикъ насъ оставилъ однихъ.

— Нисколько даже.

Я не повѣрилъ.

— Даю вамъ честное арестантское слово.

— Что же ты такъ прозѣваль? допрашивалъ я, вѣдь ты же самъ хвастался, что никогда спуска ни кому не даешь, и что все то, что плохо лежитъ—считаешь своею собственностью, или въ лавкѣ такъ хорошо все лежало, что нечего было взять?

— Эвона што! Такъ вы думаете я прозѣваль? Да будь я только въ своей арестантской курткѣ, посмотрѣли бы сколько наворовалъ.

— Неужели въ курткѣ удобнѣе прятать? удивился я.

— Не въ томъ дѣло, панъ; когда я иду въ арестантской курткѣ, всякій видитъ, что я арестантъ, значить воръ, ну и прячетъ все лучше и смотреть въ оба,—тогда-то меня вотъ такъ и подмываетъ утащить у него изъ-подъ носа. А то зашли мы съ вами какъ добрые люди, да и приказчикъ вдругъ довѣрилъ чуть ли не всю лавку,—подыметса-ли тутъ совѣсть взять?

И въ такомъ черствомъ сердцѣ оказалась божественная искорка, когда къ нему отнесли по человѣчески!

Въ Томскѣ мы пробыли четыре мѣсяца, много приходило и уходило партій, а про насъ словно забыли; наконецъ, мы стали проситься въ отправку, соскучившись на одномъ мѣстѣ, но оказалось, что на-

шихъ списковъ статейныхъ нѣтъ, и никто не знаетъ навѣрно, кто мы, сколько насъ, куда слѣдуемъ и по какому дѣлу сосланы. Словомъ, мы принуждены были составить сами свои статейные списки, разспрашивая каждого лично: кто онъ, куда и за что сужденъ и гдѣ ¹⁾; по этимъ спискамъ наводили справки, а пока что, намъ повѣрили на слово, что мы дѣйствительно «каторжные», и 3-го января 1865 г. насъ отправили на подводахъ, около 30 чел., дальше.

Подводы намъ полагались обыкновенныя, какъ для арестантовъ изъ привилегированнаго званія, одноконная на двухъ; но, по случаю-ли Рождественскихъ праздниковъ, или это ужъ въ обычаѣ у сибиряковъ, намъ запрягали всегда пару,—рѣдко когда запрягутъ одну лошадь, и это считалось какъ-бы конфузомъ для ямщика. Жители Томской губерніи любятъ быструю ѣзду,—я думаю ни одинъ курьеръ въ Россіи европейской не ѣдилъ такъ скоро, какъ мы ѣхали, хотя и не настаивали на этомъ и на водку ямщикамъ не давали, но у нихъ было между собою какое-то соревнованіе, просто изъ-за славы своихъ бѣгунцовъ гнали ихъ не на животь, а на смерть; не рѣдко случалось, что пристяжная падала набѣгу, загнанная, какъ говорится; ямщикъ снималъ съ нея сейчасъ хомутъ и на коренникѣ гналъ, что есть духу, дальше.

Въ одной деревнѣ, это было недалеко отъ Томска, когда мы ѣхали еще всѣ вмѣстѣ ²⁾, вся партія уже усѣлась и уѣхала, а мой товарищъ все еще возился со своимъ имуществомъ; ямщикъ, стоя на розвальняхъ, удерживалъ пару равшихся коней, упрасивая насъ скорѣе садиться.

— Да тебя въ шею кто гонить что-ли? сердился мой товарищъ, не умѣвшій справиться съ сундукомъ, который у него никакъ не устанавливался.

— Ахъ, панъ! панъ! пожалуйста, скорѣе, ты вѣдь знашь, они почитай верстъ пять удуютъ тѣмъ временемъ.

— А чортъ съ ними! пускай дуютъ хоть десять.

— Нѣтъ, панъ,—пошто такъ, намъ вѣдь до слѣдующаго станка надо ихъ всѣхъ обогнать.

Только успѣли мы усѣсться кое-какъ, какъ лошади рванули съ

¹⁾ Составился довольно вѣрный списокъ, очень немногіе воспользовались этой безалаберщиной томской экспедиціи о ссыльныхъ, и замѣнили себѣ каторгу поселеніемъ; нѣсколько человекъ приняли другую фамилію (умершихъ), но немногимъ сошло это съ рукъ, большей части пришлось пострадать за это впоследствии.

²⁾ Впоследствии мы ѣхали не вмѣстѣ, такъ что одни выѣзжали со станціи въ 8 час., другіе въ 12, а кто пожелалъ, то и на другой день.

мѣста съ такой силой, что мы, не приготовленные къ этому, сразу очутились въ сугробѣ. Отгѣхавъ съ версту, ямщикъ хватился—нѣтъ сѣдоковъ, онъ скорѣе назадъ къ намъ и чуть не плачетъ.—«Ахъ ты, Господи!—да эдакъ на пятнадцатой верстѣ ихъ не нагонишь». Товарищъ мой ругаетъ ямщика, но тотъ объ одномъ только хлопочетъ, чтобы мы скорѣе сѣли, да покрѣпче держались. Мы усѣлись теперь спиной къ лошадямъ, упираясь ногами въ поперечину отводовъ. Ямщикъ гиннулъ на лошадей, и тѣ понеслись какъ бѣшенныя, только пыль отъ взрываемаго копытами снѣга носилась вихремъ около саней, засыпая насъ съ головы до ногъ и мѣшая намъ смотрѣть въ даль. Не доѣзжая версты десять до станціи, нашъ ямщикъ догналъ партію и сталъ обгонять всякую подводу. Началась бѣшенная скачка. Ямщики гикали, свистали, гнали, не жалѣя ни снасти, ни своихъ бѣгунцовъ, которые вытягивались во всю свою конскую мочъ, чуть чуть не касаясь брюхомъ земли; отъ такой ѣзды въ ушахъ свиститъ, духъ захватываетъ и сердце замираетъ. Нашъ ямщикъ, чтобы обогнать всѣ четырнадцать подводъ, пустилъ свою пару цѣликомъ рядомъ съ торной дорогой; мой товарищъ, все время ворчавшій и при всякомъ ухабѣ ругавшій ямщика за такую дьявольскую скачку, теперь умолкъ заинтересованный бѣгомъ,—мы видѣли, какъ замѣтно подаемся впередъ, вотъ догнали заднюю подводу, еще мигъ—и мы сравнялись; «гей! соколы, забыли, какъ прежде хозяина возили», кричитъ ямщикъ на задней подводѣ, и лошади его рванули съ такою силою, что мы еле еле удержались на одной съ ними линіи; «грабятъ!» гаркнулъ вдругъ нашъ ямщикъ—и въ одну секунду мы на цѣлый аршинъ были впереди. «Ура!» крикнулъ я своему ямщику.—«Ишь, хѣшій!» проворчалъ задній ямщикъ. Въ одну минуту мы сравнялись со слѣдующей подводой, а еще черезъ минуту и эту обогнали и такъ до самой передней. Каждый оставшійся назади ямщикъ посылалъ нашему какой-нибудь эпитетъ, въ родѣ того: «ахъ ты, чортъ эдакій!», «ишь изва!», «экіе дьяволы». Но передній ямщикъ долго не поддавался, мы ужъ думали, что слава бѣгунцовъ нашего ямщика затмится, тѣмъ болѣе, что станція уже была въ виду, и стали помогать своему возницѣ, махая руками и гикая, какъ умѣли, но ямщикъ крикнулъ намъ: «не трошь, панъ», лицо его горѣло какъ въ огнѣ, глаза искрились, онъ все свое вниманіе обратилъ на дорогу и, улучивъ удобную минуту, гаркнулъ свое магическое «грабятъ!» и, когда лошади его выскочили на сажень впередъ, онъ круто повернулъ ихъ на дорогу и, завладѣвъ передомъ, крикнулъ ямщикамъ, ругнувъ ихъ предварительно крѣпкимъ словомъ—«что не вамъ видно передомъ править».

Въ концѣ января мы были въ Красноярскѣ, гдѣ, простоявъ три

или четыре дня въ пересыльной тюрьмѣ, которая въ то время вовсе не была похожа на пересыльную тюрьму, насъ точно такимъ же порядкомъ отправили дальше. Тутъ я воспользовался предложеніемъ двухъ помѣщиковъ, ѣхавшихъ въ каторжную работу въ своей собственной кошевѣ, чтобы ѣхать съ ними вмѣстѣ, что для меня было большой находкой, ибо, не имѣя теплаго тулупа, чтобы закрывать колѣни, я положительно простудился, а въ кошевѣ между двумя дохами я сидѣлъ какъ около печи. Мы ѣхали до самаго Иркутска какъ купцы на тройкѣ, въ дохахъ, въ собственной кошевѣ и безъ всякаго конвоя, т. е. можетъ быть онъ и былъ, и надо предполагать, что навѣрное былъ, но только я его нигдѣ не встрѣчалъ,—уѣдемъ иногда станціи за три, за четыре впередъ, и буде попадется квартира удобная и привѣтливая хозяйки, отдыхаемъ три, четыре дня, а на предпоследней станціи дождались всѣхъ, и вмѣстѣ въѣхали въ Иркутскъ.

Въ Иркутскѣ замокъ и пересыльная были биткомъ набиты, кромѣ того, двухъ-этажное зданіе, гдѣ раньше помѣщалась казенная палата, было перестроено наскоро и все заполнено политическими; насъ помѣстили въ эту казенную палату, гдѣ мы, буквально, лежали какъ селедки и большую часть дня проводили на дворѣ, такъ какъ въ камерахъ трудно было повернуться.

Мы очень обрадовались, когда насъ назначили въ отправку, тѣмъ болѣе, что ходили слухи, будто это послѣдняя партія, отправляемая въ Нерчинскіе заводы, остальныхъ же, за невѣніемъ помѣщеній въ заводахъ, оставлять на этой сторонѣ Байкала.

Изъ Иркутска насъ отправили этапнымъ порядкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. съ конвойными, съ офицеромъ и ночлегами на этапахъ, хотя ѣхали всѣ на подводахъ. До Лиственничной соблюдался еще кое-какъ порядокъ, но тутъ офицеръ смѣнился, конвойные тоже, новыя лица, новые порядки и все пошло по прежнему.

Въ концѣ марта мы переѣзжали черезъ Байкалъ; доѣхавъ по половинѣ, гдѣ была устроена гостинница или что-то въ родѣ этого, мы сдѣлали привалъ и, отдохнувъ немножко и обогрѣвшись, поплелись дальше.

Отъѣхавъ верстъ пять, лошадь нашего ямщика стала приставать; насъ обгоняютъ задніе ямщики, катятъ себѣ впередъ, а мы еле-еле движемся; ямщикъ, чтобы облегчить подводу, пересаживается къ товарищу, а мой товарищъ, смекнувъ, что дѣло плохо, перешолъ тоже на другую подводу, и черезъ четверть часа я остался одинъ одише-шенекъ позади всей партіи, которая отъѣхала уже съ версту впередъ меня. «И первые да будутъ послѣдними»... подумалъ я, вспомнивъ какъ въ Томской губерніи мы обогнали всю партію,—эхъ, кабы теперь тѣхъ лошадей!...

Наконецъ, лошаденка окончательно стала, никакое нуканье, ни гиканье, кажется, не въ состояніи было вывести ее изъ той апатіи, въ какой она находилась; я пробовалъ помогать ей тащить почти пустые сани, развязывалъ супонь, поправлялъ черезсѣдельникъ — ничего не помогало, — лошадь стояла и плакала, — положительно плакала, — нижняя губа отвисла, носъ сморщился, а изъ глазъ текла слеза, — и какими жалобными глазами она взглянула на меня — какъ будто хотѣла высказать мнѣ все свое горе, жалобу на массу трудовъ и лишеній, плохой кормъ, и морозы, и вьюги... я понялъ ее и окончательно согласился съ ея требованіями — отдохнуть; бросилъ возжи и присѣлъ на саняхъ, раздумывая, какъ ничтожны всѣ блага міра, если ихъ нельзя имѣть во время нужды. Солнце давно закатилось, сумерки сгущаются, поднимается бурянь, сбивая съ горныхъ вершинъ снѣжную пыль, катить ее по гладкой поверхности Байкала, пронизывая до костей запоздалаго путника, — это предвѣстники, первые гонцы бурана, — а тамъ вонъ вдали виднѣется цѣлое облако снѣжной пыли, словно тучи спускаются все ниже и ниже, пока не разсыплется вся эта масса по обширной ледяной поверхности и начнетъ носить ее нелегкая съ одного конца моря въ другой, кружась въ адскомъ вихрѣ, или разстилаясь по всей поверхности Байкала, нанося въ одномъ мѣстѣ цѣлые сугробы снѣгу, а въ другомъ сдувая все до тла.

Я прилежъ на саняхъ, обернувшись спиной къ вѣтру, и сталъ терпѣливо выжидать чѣмъ все это кончится, но конца, кажется, не предвидѣлось, — я продрогъ и сталъ вѣрить въ возможность замерзнуть среди Байкала, и когда же? Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда у насъ цвѣтутъ деревья, въ самомъ началѣ весны. Я вскочилъ на ноги, сталъ стучать сапогами въ ледъ, махать руками, однимъ словомъ двигаться, чтобы кое-какъ согрѣться, и замѣтивъ, что лошадь повернула голову, схватилъ ее за поводъ и попробовалъ тащить впередъ; къ счастью, лошадь повиновалась и мы тихонько, шагъ за шагомъ, поплелись на блестящій вдали огонекъ, — но какъ далеко еще было до огонька!... Я только къ полночи дотащился къ Посольску.

Дорогой мы узнали навѣрное отъ одного сообщительнаго офицера, что мы ѣдемъ не въ Нерчинскіе заводы, а въ Сивакову деревню, отстоящую отъ гор. Читы въ 20 верстахъ. Значить, скоро будемъ на мѣстѣ, подумалъ я, и обрадовался. Хотя радоваться, что скоро будешь въ каторгѣ, нечего, и многимъ покажется это неестественнымъ, но что дѣлать, — я все-таки радовался, не думая тогда о томъ повѣрить-ли этому кто или нѣтъ. Но надо принять во вниманіе то обстоятельство, что я былъ въ дорогѣ круглый годъ, слѣдовательно, цѣлый годъ не зналъ покоя. Какъ иногда ни было хорошо на какой нибудь дневкѣ или

ночлегѣ, но одно сознание, что это только дневка, а завтра опять впередъ, въ даль неизвѣстную,—это одно отравляло иногда и хорошія минуты. Иногда бы отдохнулъ, а тутъ говорятъ иди, и какъ вѣчный жидъ не имѣешь своего уголка на свѣтѣ, не знаешь себя покоя и приходишь иногда къ тому убѣжденію, что ты лишній на свѣтѣ. Принявъ все это во вниманіе, можетъ покажется кому не такъ страннымъ, что я обрадовался и каторгѣ.

Но до Сиваковой было еще версть пятьсотъ. Мы скоро прибыли въ Верхнеудинскъ и чрезъ два или три дня отправились дальше. Потянулись безконечныя бурятскія степи. Мы съ любопытствомъ присматривались къ бурятамъ; всё они казались намъ такъ похожими одинъ на другаго, что трудно было отличить ихъ другъ отъ друга, чисто монгольскій типъ: носъ сплюснутый, глаза узенькія и косыя, скулы сильно выдавшіяся, все лицо какъ бы вдавленное; но очень хитрый народъ. Разговорившись однажды съ однимъ бурятомъ, знающимъ мало-мальски по русски, мы спросили, между прочимъ, какими мы имъ кажемся; подумавъ немножко, онъ сказалъ, что мы ему не нравимся вовсе: народъ не красивый, морды все длинныя, какъ собачьи, и похожи одинъ на другаго.

На бурятскихъ степяхъ пришлось ночевать на этапахъ, ибо въ бурятскихъ юртахъ не было возможности просидѣть хотя одинъ часъ не привыкшему къ дыму. Везли насъ большею частью на двуколкахъ,—отвратительный первобытный экипажъ, чуть-ли не съ восьмигранными колесами, что при скорой ѣздѣ, какую любятъ буряты, было невыносимо. Поэтому всякій изъ насъ торопился на станцію, чтобы захватить себя поудобнѣе подводу, тарантасъ или хотя русскую телѣгу,—лишь бы не бурятскую двуколку. Съ полустанка начиналась адская гонка, какъ бывало въ Томской губерніи; восьмигранныя колеса двуколокъ подпрыгивали высоко, подбрасывая насъ и поднимая пѣлый столбъ пыли ¹⁾, которая залѣзала намъ въ уши, носъ, глаза и забивалась въ платье, такъ что мы выглядѣли какъ трубочисты. На станкахъ мы всегда находили готовыя подводы, пригнанныя иногда за тридцать верстъ и дожидаящихся по пѣлымъ недѣлямъ; какимъ тяжелымъ бременемъ эта обывательская гоньба ложилась на крестьянъ и бурятовъ, можно судить по тому, что дальніе буряты платили крестьянамъ иногда по пяти рублей за очередь, а крестьяне, всякій на перебой, упрашивали насъ ѣхать съ ними, боясь остаться безъ сѣдковъ, особенно когда подводъ было больше, чѣмъ насъ, слѣдовательно,

¹⁾ Забайкалье мѣстность гористая, вода скатывается быстро, поэтому въ началѣ апрѣля тамъ уже бываетъ совершенно сухо.

оставшіеся ямщики безъ сѣдоковъ должны были еще дожидаться цѣлую недѣлю слѣдующей партіи, чтобы отбыть повинность.

На одномъ станкѣ крестьянинъ, чтобы соблазнить насъ ѣхать съ нимъ, обѣщаль свозить насъ къ себѣ на квартиру и истопить баню. Мы отправились. Но дорогой видимъ онъ насъ повезъ не по той дорогѣ, по которой тянулся телеграфъ, слѣдовательно, не по тракту.

— Ты куда же насъ везешь? — спрашиваемъ его.

— А къ себѣ, на фатеру.

— Да вѣдь это дорога не трактовая.

— Ничаво, пань,—не сумлѣвайтесь, у насъ ставвали ваши паны, наша деревня немножко въ сторонѣ, отъ станка версть двадцать, да намъ не придется и заѣзжать на этапъ, мы вамъ завтра истопимъ баню, вы отдохнете денька два—три, а тамъ запрежемъ пару въ тарантасъ, и живо догонимъ партію.

Соблазнъ былъ великъ, и мы согласились на предложеніе крестьянина; раскаяваться намъ не пришлось, мы великолѣпно отдохнули, вымылись въ банѣ, но гостить денька два, какъ упрашивалъ радушный хозяинъ, не согласились. На слѣдующій же день мы нагнали партію, а черезъ два или три дня еще мы были на цѣлую станцію впереди партіи. Намъ осталось только двадцать версть до Сиваковой, а тутъ приходилось цѣлый день ждать.

Что-то тамъ будетъ?—Что это за Сивакова такая?—Какая такая каторга? Все думалось мнѣ, — а время такъ медленно тянется. Мы ждали, ждали, наконецъ, махнули рукой и отправились въ Сивакову, не дождавшись партіи.

Сивакова—маленькая деревенька, даже не на тракту, расположена у подошвы незначительной горы надъ Ключикомъ, впадающимъ въ р. Ингоду, протекающую ниже Сиваковой. На правомъ берегу Ингоды, на обширной равнинѣ, тянулись, вдоль берега, строящіяся баржи, громадныя клѣтки строеваго лѣса, уложенныя въ три и четыре яруса, а дальше — виднѣлись разныя постройки: лѣсопильная машина—громадное деревянное зданіе съ паровой трубой, выглядѣла заводомъ; кругомъ ея расположились кузни, сарай, пейхгаузы, еще дальше виднѣлись чистенькія постройки — домъ начальника сплава, смотрителя, ротнаго командира, а тамъ чернѣлись казармы и землянки,—а затѣмъ громаднй четыреугольный кусокъ площади, обнесенный заборомъ, у котораго тамъ и сямъ мелькали штыки часовыхъ, наводилъ на мысль, что тамъ помѣщаются политическіе каторжники.

Такъ это-то каторга и есть? — подумалъ я.

Мы подѣхали къ воротамъ ограды. У воротъ была деревянная изба, называемая караулкой, оттуда вышелъ унтеръ и спросилъ насъ кого

надо. Мы ему объяснили, что мы сами тоже каторжные, прѣхали впередъ партіи, и просили впустить часъ въ ограду. Унтеръ-офицеръ на это не согласился и намъ приходилось дожидаться партіи за оградой. Незавидное положеніе, ужъ лучше было дождаться партіи на станціи, подумалъ я, и раскаявался, что поторопился.

Но со мной былъ товарищъ, богатый помѣщикъ М—вичъ, знакомый съ графомъ Ч—скимъ, со старостою и со всею каторжною знатью; переговоривъ со старостою, онъ ободрилъ меня, что насъ скоро впустить. И дѣйствительно, староста поручился за насъ, что мы дѣйствительно каторжные, что завтра прибудеть партія и представлять наши списки, а теперь просилъ унтеръ-офицера впустить насъ.

Унтеръ, дѣлая только для старосты снисхожденіе, согласился отворить намъ ворота.

«Вотъ что значить протекція», подумалъ я, и вошелъ въ ограду.

В. Л. Баратынскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ

1867—1868 гг.

Изъ записокъ очевидца.

VI ¹⁾.

Ново-Архангельскъ въ 1868 г.—Крѣпость и комендантъ ея.—Магазины и товары.—Приходъ кругосвѣтнаго судна.—Водка по положенію и значеніе водки въ Аляскѣ.—Колоніальныя марки.—Картежная игра.—Продовольствіе жителей.—Мясной праздникъ доктора.—Больница.—Столованіе у губернатора.—Зависимость края отъ антиподъ.—Американскій флагъ.

Въ 1868 году Ново-Архангельскъ, на островѣ Ситхѣ, имѣлъ только одну полуверстную, немощеную улицу, по сторонамъ которой ютились одно и двухэтажные деревянные домики. Освѣщенія въ городѣ не было, и въ осенніе и зимніе вечера и ночи обыватели ходили съ фонарями, а не имѣвшіе ихъ довольствовались натуральными,—которые иногда подставляли себѣ, спотыкаясь или наталкиваясь на препятствія; впрочемъ, всякому обывателю мѣстоположеніе было настолько извѣстно, что люди и впотьмахъ могли пробираться куда желали. Каменныхъ сооружений вовсе не было, если не считать естественныхъ камней, на которыхъ зиждились эти не то сараи, не то хижины; только пять, шесть двухэтажныхъ деревянныхъ домовъ имѣли претензію на какія-то заурядно-провинціальныя, полуказенныя зданія. Это

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 549—560; т. L, июнь, стр. 593—598.

были: ново-архангельская контора російско-американской компании, гдѣ помѣщалось и общее колоніальное училище, затѣмъ клубъ, соборъ въ честь Михаила Архангела, архіерейскій домъ съ духовнымъ правленіемъ, больница, казарма женатыхъ рабочихъ, да надъ всей этой трухой, на естественной скалѣ, въ десяти саженьяхъ надъ уровнемъ океана, шумно бившагося въ подножіе скалъ непривѣтливаго берега, высился домъ главнаго правителя колоній, хотя и болѣе обширный, чѣмъ другіе, но не имѣвшій претензій на болѣе изящную конструкцію и удобства, за исключеніемъ развѣ живописнаго вида на раскинувшееся вверху селеніе и окружающую дикую природу и Тихій океанъ, не всегда, однако, въ этихъ широтахъ оправдывающій свое названіе—Тихаго.

Крѣпость, служившая обороной городу, состояла изъ деревяннаго частокола и земляной насыпи, съ деревянной настилкой, на которой грозно стояли восемь пушекъ, времянъ императора Павла I-го, изъ которыхъ въ торжественные дни дѣлались салюты и которыми русскіе внушали, вокругъ порта жившимъ, независимымъ колошамъ къ себѣ уваженіе, не смотря на то, что нѣкоторыя орудія лѣтъ по десяти были съ трещинами, а тутъ же сложенные чугуныя ядра давно внѣдрились въ землю, поросли травой, проржавѣли и представляли собой скорѣе естественныя минеральныя залежи, чѣмъ снаряды для нанесенія смерти непріятелю; за одно, и комендантомъ крѣпости состоялъ бомбандиръ Липатовъ, какъ называли его въ городѣ, простой отставной фейерверкеръ артиллерійскаго вѣдомства, 60-ти лѣтній старикъ, который исполнялъ должность коменданта за 700 руб. ассигнаціями въ годъ жалованья, исполняя при этомъ также должность экзекутора, въ прямомъ смыслѣ слова, въ школѣ мальчиковъ, а иногда и дѣвочекъ, если требовалось наказать кого либо розгами. Зданія, гдѣ мирно проживали обыватели Ново-Архангельска, были однопэтажные дома въ три, четыре комнаты, да еще обширные сараи, называвшіеся магазинами; это былъ главный городъ русскихъ колоній въ Америкѣ.

Въ компанейскихъ магазинахъ хранился разный хламъ, подъ названіемъ товаровъ, который доставлялся ежегодно въ колоніи на кругосвѣтныхъ судахъ, по требовательной вѣдомости ново-архангельской конторы, утвержденной главнымъ правителемъ. вмѣсто затребованнаго верѣдко доставлялось совершенно иное: вмѣсто са-

погъ, муки, патоки, сахару, гвоздей, инструментовъ, табаку, спирта, рому, вина, водки, пороху, желѣза и т. д., привозился бархатъ, кауасъ, шелковые чулки, ботинки, укусъ и т. п., иной разъ вовсе ненужные предметы, не имѣвшіе сбыта въ колоніяхъ. Все залежалое, не имѣвшее сбыта на рынкахъ Москвы, Петербурга, Гамбурга, Лондона, скупалось агентами компаниі, хотя, можетъ быть, и дорого ¹⁾, но во всякомъ случаѣ съ вѣрой, что въ русскихъ колоніяхъ все пригодится, ибо тамъ покупать люду было негдѣ болѣе, какъ въ магазинахъ компаниі. Если, напр., кому либо не хватить высокиихъ сапогъ, то онъ волей не волей удовольствуется женскими башмаками, чернаго товара, на большую ногу, чтобы не ходить въ торбасахъ ²⁾ или на натуральной подошвѣ. На весь привозимый товаръ, въ колоніяхъ, накладывался расходъ по доставкѣ, дѣлалась разцѣнка — и товаръ пускался въ обращеніе.

Приходъ ежегоднаго кругосвѣтнаго судна изъ Россіи для Ново-Архангельска былъ такимъ событіемъ, что весь городъ принималъ въ немъ участіе. Весь муравейникъ волновался — и было отчего: во-первыхъ, на этихъ судахъ пріѣзжали новые люди, на смѣну отслужившихъ свои контракты и не пожелавшихъ оставаться долѣе, затѣмъ появлялись новые товары и приносились устныя вѣсти изъ далекой Россіи; привозились газеты ³⁾ и письма, а главное — новая водка, ромъ и вино.

Водку и ромъ жители въ колоніяхъ получали по положенію, за наличныя деньги. Почетнымъ полагалось по четыре ведра въ

¹⁾ При таковыхъ обстоятельствахъ товары можно было скупать очень выгодно, но злоупотребленія при поставкахъ и подрядахъ дѣлали то, что въ колоніи товары прибывали уже по черезъ чуръ высокой цѣнѣ.

²⁾ Обувь изъ мѣстной кожи.

³⁾ Свѣдѣнія изъ цивилизованнаго міра жители получали изъ газетъ и писемъ, попадавшихъ въ Ситху на случайныхъ судахъ изъ С. Франциско; но и главное правленіе не оставляло служащихъ въ колоніяхъ безъ чтенія, и на кругосвѣтныхъ судахъ высылало какъ письма, такъ и газеты за истекшій годъ, который, пробывъ еще съ годъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, все-таки благополучно доплывали въ Ситху. Также въ Ново-Архангельскѣ существовала библіотека, съ 300 томами разныхъ книгъ, между которыми можно было найти и народный лечебникъ московскаго изданія 1830 г., и печатные отчеты компаниі, и исторію кораблекрушеній, и даже Сѣверную Пчелу Булгарина, — но ничего дѣйствительно для чтенія.

мѣсяць и болѣе, полупочетнымъ по два, валовымъ или рабочимъ по ведру и менѣе. Если кому не хватало положенія, то чтобы пополнить недостатокъ, нужно было испрашивать разрѣшеніе правителя ново-архангельской конторы, который считался главнымъ хозяиномъ магазиновъ и отъ усмотрѣнія котораго зависѣло удовлетворить или отказать просителю. Положеніе или, точнѣе, мѣсячная порція водки для почетныхъ было достаточное, а посему и пьянство между интеллигенціей Ново-Архангельска было изрядное; впрочемъ, что-же было и дѣлать этой интеллигенціи на нѣсколькихъ квадратныхъ саженьяхъ? Матросы, солдаты, рабочіе и проч. не пользовались такимъ положеніемъ, какъ почетные, и были поставлены въ болѣе тѣсныя рамки относительно полученія водки, а потому стоимость ея какъ въ Ново-Архангельскѣ, такъ и тѣмъ болѣе въ прочихъ отдѣлахъ колоній, была несоразмѣрно высокою. Изъ компанейскихъ магазиновъ водка и ромъ отпускались по 3 руб. 50 коп. ассигнац. за бутылку и получившій свое положеніе, но не пившій ея, могъ всегда помѣстить ее между обывателями за 10 руб. ассигн., но такое барышничество считалось низкимъ ремесломъ и преслѣдовалось самими обывателями, хотя и бывали случаи, что даже нѣкоторые почетныя лица потихоньку занимались этимъ. Рабочіе, за исключеніемъ немногихъ, преимущественно семейныхъ, во избѣжаніе пьянства, водки на выносъ или, какъ говорилось, на отливъ не получали и могли ежедневно за 25 коп. ассигн. выпивать у дверей такъ называемаго ромоваго магазина, изъ общей ядовы ¹⁾, по хорошей чаркѣ водки или рому. Случалось, что непьющій рабочій, чтобы не потерять своего положенія, держа водку во рту, быстро бѣжалъ въ казарму, гдѣ выпустивъ изо рта содержимое, въ теченіи нѣсколькихъ дней накапливалъ цѣлую бутылку, которую впоследствии сбывалъ по 10 руб. ассигн. любившимъ выпить товарищамъ, либо алеутамъ и дикимъ колошамъ; впрочемъ, такія ничего непьющія лица составляли рѣдкое исключеніе. Бутылка водки имѣла въ колоніяхъ большое значеніе. За нее можно было приобрѣсть отъ колошей цѣлаго ямана ²⁾, соорудить у мѣстнаго портнаго пару платья и у сапожника сапоги, заказать столяру столъ, шкафъ и т. п.;

¹⁾ Кадва, чанъ или просто ведро и при этомъ жестяная мѣра—чарка.

²⁾ Родъ диваго оленя.

М. В.

а равно получить дня на три, во временное пользование, жену какого-либо рабочаго; такова была въ Ситхѣ нравственность, и это не считалось предосудительнымъ: женщинъ было слишкомъ недостаточно для населенія.

Вообще положеніе женатыхъ людей было неособенно завидное въ семейномъ и нравственномъ отношеніи, но какъ сами мужья, такъ и общество не придавали этому обстоятельству особаго значенія, и кучка русскихъ людей обитала въ Ново-Архангельскѣ болѣе по ветхозавѣтному. Даже деньги были кожанья, выдѣлываемыя изъ мѣстнаго лавтака ¹⁾, въ С.-Петербургѣ, гдѣ американская компанія, придавъ лавтаку извѣстный цвѣтъ, форму, а равно и штемпель свой, такими деньгами снабжала свои колоніи; деньги эти назывались колоніальными марками ²⁾. 25-ти, 10-ти, 5-ти и 1-но рублевья марки были окрашены въ сѣрый, красный, синій и желтые цвѣта и имѣли форму прямоугольника, уменьшающагося въ величинѣ, сообразно стоимости; на этомъ прямоугольникѣ стоялъ штемпель россійско-американской компаніи и была обозначена стоимость марки. Полтинники, четвертаки и гривенники были тоже кожаные и желтаго цвѣта, со штемпелемъ и надлежащею надписью, но только у полтинниковъ прямоугольники были со срѣзанными верхними углами, у четвертаковъ всѣ четыре угла были срѣзаны, а гривенники, какъ и рублевья марки, только менѣ ихъ, были четырехугольные, съ пробитыми на углахъ дырами. Поддѣлокъ опасаться было нечего: за незначительностью населенія, быть, жизнь, общественное положеніе, дѣятельность и средства каждаго хорошо были извѣстны всякому, а посему, если кожаные полтинники, четвертаки и гривенники, будучи вытянуты, замуслены, если и попадали иногда въ кассу ново-архангельской конторы, а большею частью въ ромовый магазинъ, въ уплату за водку, въ видѣ рублевыхъ, то этому не придавалось уголовнаго характера и виновные даже не разыскивались. Деньги въ русскихъ колоніяхъ, на с.-з. берегахъ Америки, не имѣли того міроваго значенія, какое онѣ имѣютъ въ цивилизованномъ мірѣ; ихъ вполне замѣняли: кредитъ и водка; да и что можно было дѣлать съ кожаными деньгами, когда на нихъ, иной разъ, невозможно было пріобрѣсти въ ком-

¹⁾ Кожа вообще лаконогихъ животныхъ.

²⁾ Кромѣ марокъ рос.-амер. комп. другихъ денежныхъ знаковъ не было.
М. В.

панейскихъ магазинахъ не только предметовъ удобства и роскоши, но даже и самаго необходимаго, а посему причитающееся жалованье оставалось кредитомъ, или эти марки проигрывались, пропивались или уходили на тѣ потребности, которыя залеживались въ сараяхъ компаніи; только люди дальновидные, надѣявшіеся навѣрняка прожить лѣтъ съ 10 на бѣломъ свѣтѣ и возвратиться на родину, не выбирали своего содержанія изъ новоархангельской конторы и при окончаніи, по контракту службы, получая полный расчетъ за все время своего пребыванія въ колоніяхъ, уѣзжали съ нѣкоторымъ обезпеченіемъ на будущее. Таковыхъ людей оказывалось немного. Они большею частью или умирали, или, возвратившись изъ колоній, быстро спускали долгими лишеніями накопленные деньги, получивъ возможность употреблять ихъ по своему усмотрѣнію; даже изъ всѣхъ бывшихъ главныхъ правителей колоній, получавшихъ тридцати пяти тысячное жалованье и четыре тысячи рублей на представительство (на ассигнаціи), ни одинъ не возвратился, что называется, капиталистомъ. Картежная игра хотя и была развита въ Ново-Архангельскѣ, но игроки были люди свои, и записные изъ нихъ, играя напролетъ цѣлую ночь, больше тѣшились тѣмъ, что иной разъ проигрывалась живая свинья, которая въ теченіи ночи нѣсколько разъ переносилась изъ одного дома въ другой, къ не малому удовольствію игравшихъ, пока, наконецъ, оставшись за кѣмъ либо окончательно, спустя нѣсколько дней закалывалась, изжаривалась и пропивалась на вечеринкѣ у выигравшаго.

Живность имѣла въ колоніяхъ высокую цѣнность. Пастбищъ въ Ново-Архангельскѣ не было и весь рогатый скотъ, если не считать, конечно, счастливыхъ мужей, состоялъ изъ шести коровъ и быка, принадлежавшихъ компаніи и двумъ колониальнымъ гражданамъ; были еще двѣ лошади, возившія изъ рѣчки воду для обывателей, даже свиньи и куры были на перечетѣ. Жители питались яманиной, лѣсною дичью, рыбою, морскими раками, консервами, печеньями, но преимущественно рыбою, которой имѣлось весьма много и которая почти ничего не стоила ¹⁾.

Особенно употреблялась палтусина и чевыча ²⁾, рыба очень

¹⁾ Она отпускалась изъ рыбнаго балагана отъ компаніи даромъ или иногда, когда ее бывало мало, за весьма ничтожную цѣну.

²⁾ Палтусина—большая рыба, породы камбола. Чевыча—красная рыба, родъ лососей.

вкусная и имѣвшая свойства не приѣдаться. Рыба эта приготавлилась въ разныхъ видахъ, т. е. жареная, соленая, сушеная, вареная, вяленая, въ котлетахъ и т. д. Мясо считалось рѣдкостью и появлялось только тогда, когда компанейское судно изъ С. Франциско прихватить съ собой быка, котораго немедленно по прибытіи убивали, и мясо, конечно, за деньги, дѣлили между обывателями, при чемъ львиную долю получалъ главный правитель колоній, его помощникъ, правитель конторы, и затѣмъ мясо, соразмѣрно, дѣлилось между другими почетными въ городѣ лицами и прочими обывателями. Такое розговѣнье мясомъ случалось изрѣдка и было праздникомъ для жителей, а въ особенности для языковъ женскаго персонала въ семейныхъ домахъ, гдѣ хозяйки съ завистью относились къ тѣмъ домамъ, которые получили наибольшую противъ ихъ порцію, справедливо говоря, что онѣ могутъ съѣсть мяса не менѣе губернаторши, и т. д.

Однажды такой мясной праздникъ, сверхъ штата, устроилъ городу докторъ Тиллингъ ¹⁾, завѣдывавшій ново-архангельской больницей.

Тиллингъ считался въ Ново-Архангельскѣ хорошимъ человекомъ и докторомъ, былъ уже пожилой, съ дерптскимъ университетскимъ образованіемъ, приѣхавшій на службу въ колоніи вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ на родинѣ. Онъ прибылъ на службу на кругосвѣтномъ суднѣ съ незаконной сожительницей, ребенкомъ, двумя собаками и скрипкой. Поселившись въ Ново-Архангельскѣ, онъ жилъ особнякомъ, не сближаясь безъ нужды съ обществомъ, гдѣ, преимущественно въ семейныхъ домахъ, плохо третировали его спутницу, которая, въ свою очередь, держала себя съ достоинствомъ и вела жизнь безупречную, посвящая себя исключительно ребенку и семейному быту. Самъ докторъ Тиллингъ былъ привязанъ къ семьѣ своей, занимаясь, кромѣ своихъ обязанностей, ботаникой, минералогіей и вообще естественными науками, но... къ сожалѣнію, поклонялся Бахусу и исповѣдывался ему наединѣ. Это обстоятельство дѣлало его иногда страннымъ. Однажды, разводя въ палисадникѣ, передъ больницей, интересовавшія его растенія, въ одинъ день онъ усмотрѣлъ, что принадлежавшій компаніи быкъ, забредя по недосмотру въ палисадникъ, попортилъ его труды и заботы. Бу-

¹⁾ Нынѣ уже умершій въ С. Франциско.

лучи возмущенъ этимъ обстоятельствомъ, докторъ, на другой день, при утреннемъ рапортѣ главному правителю о состояніи больныхъ, заявилъ, что если быка не уберутъ куда нибудь, то онъ убьетъ его. Губернаторъ, зная его странности, конечно, посмѣялся надъ этимъ и тѣмъ дѣло-бы кончилось, какъ вдругъ, нѣсколько дней спустя, этотъ злополучный единственный быкъ Ново-Архангельска опять посѣтилъ палисадникъ и изъ окна, напавъ, былъ убитъ, собственноручно, изъ ружья, докторомъ.

Князь Максатовъ, какъ губернаторъ, долженъ былъ наказать его поступокъ, и вотъ въ ново-архангельскую контору писаремъ былъ принесенъ «приказъ» ¹⁾, въ которомъ доктору Тиллингу дѣлался выговоръ, а ново-архангельской конторѣ предлагалось дебетовать счетъ доктора Тиллинга суммой, какой числился быкъ по инвентарю компаніи. Когда, по обыкновенію, мясо было раздѣлено между обывателями, при чемъ, конечно, и Тиллингомъ была получена своя порція, возникъ вопросъ, куда отнести деньги за вырученное отъ обывателей мясо, такъ какъ компанія уже получила свое денежное вознагражденіе въ счетъ Тиллинга. Главный правитель, забывъ объ этихъ мелочахъ, спустилъ въ контору, какъ выражались въ городѣ (губернаторъ жилъ въ домѣ, стоявшемъ на 10 сажень выше уровня моря, отсюда всѣ исходящія его распоряженія принято было называть: «спущенными»), новый приказъ, въ которомъ предлагалъ конторѣ кредитовать счетъ того-же Тиллинга суммой, вырученной за проданное мясо, не усмотрѣвъ того обстоятельства, что стоимость проданнаго обывателямъ мяса въ два раза превышала стоимость живаго быка, по инвентарю компаніи, которой счетъ доктора Тиллинга былъ дебетованъ, вслѣдствіе чего Тиллингъ получилъ, нѣкоторымъ образомъ, награду за учиненное убійство и устроенный имъ мясной праздникъ для жителей Ново-Архангельска; но поправлять промахъ было-бы несвоевременно.

Деревянный двухэтажный домъ, носившій громкое названіе, въ отчетахъ компаніи, «больницы въ русскихъ колоніяхъ», собственно говоря, вмѣщала въ себѣ только двѣ, для больныхъ, комнаты, на 20 кроватей, комнату для аптеки, небольшую квар-

¹⁾ Всѣ приказы, по порту, главнаго правителя колоній разносились для прочтенія обывателямъ въ квартирамъ особымъ служителемъ, который назывался „обходнымъ“.

тиру доктора, чуланъ служителя; остальное помѣщеніе было занято для квартиръ другими служащими, кромѣ фельдшера, не имѣвшими отношенія къ медицинскому вѣдомству. Въ больницѣ пациентовъ было мало, преимущественно креолы или случайно зашибленные рабочіе, да и тѣхъ лечить было нечѣмъ: въ аптекѣ, кромѣ засохшаго пластыря, чаю, бинтовъ, свиного сала, камфоры, ромашки, лакрицы, магнезій, скипидару и горчицы, врядъ ли нашлись-бы какіе-либо медикаменты, если въ число ихъ не включать пауковъ и мухъ, поселившихся въ стеклянномъ шкафу, также мирно жившихъ и умиравшихъ тамъ вмѣстѣ съ пациентами приснопамятной больницы.

Кромѣ доктора Тиллинга, въ Ново-Архангельскѣ проживалъ еще докторъ морскаго вѣдомства, вообще для обывателей и на случай смерти одного изъ нихъ, дабы колоніи, или точнѣе Ново-Архангельскъ, не остались совсѣмъ безъ доктора; сей послѣдній получалъ 7,000 руб. ассигн. жалованья, комнату въ клубѣ, прислугу, отопленіе ¹⁾ и столъ, который обязательно предлагался ему отъ главнаго правителя колоній, какъ офицеру флота.

Всѣ лица военнаго званія, начиная съ оберъ-офицера ²⁾, а равно правитель конторы и секретарь главнаго правителя обязательно столовались у губернатора даромъ и составляли его, такъ сказать, штабъ или приближенныхъ; прочія-же почетныя лица приглашались къ столу по очереди, разъ въ недѣлю и рѣже, смотря по тому, кто губернатору или, скорѣе, губернаторшѣ болѣе нравился. На обѣдахъ военные должны были быть въ эполетахъ, прочія приглашенныя лица во фракахъ, хотябы и допотопной конструкціи.

Русскіе люди, даже на скалахъ Америки, внесли этикетъ и формалистику; даже сараи Ново-Архангельска, носившіе названія магазиновъ: ромоваго, запаснаго, торговаго, пушнаго, колоченскаго, расходнаго и т. д., вели дѣла свои по двойной бухгалтеріи.

Если, напр., кусокъ миткалю или бочка сахара тутъ-же рядомъ переходила изъ одного сарая въ другой, то контора, по полученіи отъ приказчиковъ счетовъ, неминуемо счетъ одного магазина дебетовала, а счетъ другаго кредитовала и при отчетѣ

¹⁾ Квартира и отопленіе были даровыя для всѣхъ обывателей.

²⁾ Штабъ- и оберъ-офицеровъ служило 9 человекъ. М. В.

тахъ, хотя и однажды въ годъ, но все таки доводила до свѣдѣнія главнаго правленія въ С.-Петербургъ. Это изъ Аляски-то!

А то еще лучше. Дѣлаетъ главное правленіе изъ Петербурга приказаніе ново-архангельской конторѣ опросить крестьянина такого-то, желаетъ-ли онъ помогать своей матери, живущей въ Россіи, въ такой-то губерніи, уѣзда, волости и деревни? «Подъ высочайшимъ его императорскаго величества покровительствомъ россійско-американской компаніи ново-архангельская контора доноситъ правленію, что такой-то крестьянинъ дѣйствительно находится въ колоніяхъ и что она, т. е. контора, свое временно, при отходѣ весной судна на Курильскія острова, сдѣлаетъ надлежащее по сему предмету распоряженіе, такъ какъ означенное лицо находится тамъ и на такомъ-то островѣ». Въ заключеніе, черезъ годъ и болѣе контора доноситъ, что такой-то крестьянинъ давно уже умеръ, о чемъ контора доносила главному правленію при отчетахъ, приложенныхъ въ донесеніи своемъ отъ такого-то числа и года за № такимъ-то.

Вотъ ужъ, по истинѣ, дѣлать было нечего, какъ только разводить руками на то удобство, какое представляла высшая власть, т. е. главное правленіе, управлявшая колоніями въ с.-з. Америкѣ изъ С.-Петербурга. Это еще сравнительно мелочь. Между тѣмъ дѣла приснопамятной компаніи, не смотря на правительственныя субсидіи, привилегіи и гарантіи, не могли имѣть успѣха и акціонеры въ послѣднее время вовсе не получали дивиденда, русское же правительство приплачивало, имѣя въ виду поддержать россійско-американскую компанію только въ силу историческихъ соображеній. И вотъ, во время этихъ предписаній, приказаній, указаній, отношеній, предложеній, донесеній, поясненій, надъ домомъ главнаго правителя развился флагъ республики Соединенныхъ Штатовъ — и русская жизнь рухнула, а дикая первобытная природа съ дикими, еще находившимися въ младенествѣ, племенами такъ и просилась къ жизни, предлагая взамѣнъ ея открытыя сокровища земли и моря, до которыхъ не прикасался еще человѣческій умъ и знаніе.

М. И. Вавиловъ.

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА КИПЛІАНИ

съ 1820 г.

20¹⁾.

Крѣпостное право въ Грузіи.—Сенаторъ баронъ Ганъ.—Распоряженіе совѣта главнаго управленія.—Протесты.—Кн. Алд. Герс. Чавчавадзе и кн. Дм. Оом. Орбеліани.—Отмѣна распоряженія совѣта.—Докладъ о крѣпостномъ правѣ.—Признаніе его существованія.—Приступъ къ реформѣ.—Личныя объясненія предъ новымъ намѣстникомъ.—Одобреніе его.—Обрядъ представленія мнѣнія дворянства.—Вторичное объясненіе.—Мнѣніе 536 дворянъ противъ 16.—Ложное мнѣніе объ этомъ мнѣніи.

Въ началѣ XVII-го урока я обѣщаль привести разсказъ относительно затронутаго съ 1840-хъ годовъ вопроса о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи.

Догматическая сторона этого дѣла настолько обширна и многосложна, что она можетъ быть достаточно уяснена только подробнымъ историческимъ ея изложеніемъ, и этому надобно будетъ посвятить цѣлую отдѣльную статью, а здѣсь я могу воснуться обрядовой стороны дѣла, но настолько подробно, чтобъ привести отсюда все, что входитъ въ составъ моей школы духа.

Первый officialный приступъ къ вопросу о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи былъ сдѣланъ барономъ Ганомъ въ 1840 году. Сидѣлъ онъ въ Тифлисѣ около 4-хъ лѣтъ, на правахъ ревизующаго сенатора, надъ своею финансовою системою; но простая

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 517—538; т. L, май, стр. 267—286; т. LI, июль, стр. 55—80; августъ, стр. 447—465.

мысль Н. П. Безака разсѣяла ее, какъ беспочвенное картонное сооруженіе. Баронъ Ганъ нашелъ въ такъ-называемомъ кодексѣ царя Вахтанга, въ отдѣлѣ армянскихъ законовъ, одну статью, которая гласить, что „человѣкъ самъ по себѣ свободенъ, но крѣпость владѣльцу земли, пока пользуется ею“.

Эврика!

„Ясно, стало быть, что здѣсь крѣпостнаго права никогда не существовало и что оно создано первыми русскими чиновниками, которые въ здѣшнихъ сословныхъ отношеніяхъ находили то же самое, что видѣли они во внутреннихъ губерніяхъ Россіи!“

Съ развитіемъ этого воззрѣнія дѣло было внесено въ 1841 г. въ образовавшійся года за два передъ тѣмъ, взамѣнъ общаго собранія верховнаго грузинскаго правительства, совѣтъ главнаго управленія.

За отсутствіемъ генерала Головина, который въ Дагестанѣ, именно въ Салатавіи, бралъ тогда штурмомъ Хубарскія высоты и сел. Чиркеи, въ совѣтѣ предсѣдательствовалъ самъ баронъ Ганъ; а бывшіе тогда члены совѣта, и между ними въ особенности Журавлевъ и Легкобытовъ, люди передовые, но никогда не оглядывавшіеся назадъ въ своихъ служебныхъ стремленіяхъ, вполне поддержали счастливую мысль барона Гана и журналомъ совѣта зачеркнули и совсѣмъ было похоронили крѣпостное право: установленію, совершавшему тогда крѣпостные акты, т. е. грузинской экспедиціи суда и расправы, дано было по секрету предписаніе — впредь до новаго распоряженія не совершать никакихъ актовъ на крестьянъ.

Не существовало и тогда такого мѣшеа, въ которомъ бы можно было утаить подобное шило и, конечно, секретъ обнаружился тотчасъ же.

Трудно сказать, послужило ли бы это здѣсь такою же искрою, какая зажгла въ то же самое время Гурію предписаннымъ отъ той же коллегіальной власти введеніемъ тамъ картофельныхъ посѣвовъ и требованіемъ денежныхъ податей; но здѣсь оказались два лица, которыхъ, правда, никто не благодарилъ за это, но которымъ, тѣмъ не менѣе, правительство обязано мирнымъ исходомъ дѣла.

Генераль-лейтенантъ князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе, единственный тогда изъ грузинъ членъ совѣта, имѣлъ му-

жество протестовать противъ его постановленія и разъяснить историческое и догматическое значеніе книгъ Вахтангова кодекса, что привело и Гана, и его сторонниковъ въ удручающему сознанію, что сдѣлали они промахъ.

Но промахъ обыкновенно легче сдѣлать, чѣмъ устранить.

А пока раздумывали, какъ тутъ вывернуться и надлежащія приличія сохранить, другое лицо, тифлисскій губернский предводитель дворянства, князь Димитрій Ѳомичъ Орбелиани, довелъ о секретномъ распоряженіи совѣта, за отсутствіемъ главноуправляющаго, прямо до министра внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что если распоряженіе это не будетъ немедленно отмѣнено, то невозможно ручаться за спокойствіе края.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что было-бы, напримѣръ, если-бъ повѣлно было нынѣшнимъ нотаріальнымъ учрежденіямъ не совершать нивакихъ актовъ на недвижимыя имѣнія?

Это было-бы, положимъ, вполне странно; но вѣдь кричали же во Франціи: „la propriété est le vol“ ¹⁾. Произшелъ-бы сумбуръ въ общественныхъ отправленіяхъ.

Въ министерствѣ, конечно, трезво взглянули на дѣло, и тотчасъ послѣдовало распоряженіе отмѣнить это Гановское veto.

Генералъ Головинъ, не успѣвъ докончить своего подвига въ Салатавіи, послѣшно возвратился въ Тифлисъ и выразилъ здѣсь свое неудовольствіе, что помимо него сдѣлано было сношеніе съ министерствомъ; но въ душѣ былъ, конечно, вполне доволенъ, что ему оставалось повозиться только съ гурійскимъ возмущеніемъ.

Дѣло, однако жъ, этимъ не могло кончиться; нельзя было не продолжать, по крайней мѣрѣ хоть изъ-подъ руки, изслѣдованій, которыя-бъ привели къ рациональному разрѣшенію вопроса, и изслѣдованія эти, производившіяся все по секрету, дошли, въ 1849 году, до рассмотрѣнія совѣта въ другомъ уже его составѣ.

Въ немъ засѣдали тогда люди опытные въ дѣлахъ, образованные, вполне благонамѣренные и не чуждые гуманныхъ увлеченій. Таковы были: Фадѣевъ, отецъ умершаго въ 1884 году въ Одессѣ военнаго генерала - писателя, Дюкруази, Десимонъ, Семеновъ, баронъ Николаи, Коцебу и единственный изъ грузинъ

¹⁾ Собственность — кража.

князь Георгій Мухранскій; но онъ избѣгалъ, вѣроятно, обвиненія въ непотизмѣ, и въ силу этого чувства держался нѣсколько въ сторонѣ отъ чисто мѣстныхъ интересовъ.

За то изъ грузинъ были: предсѣдатель совѣта князь Василій Осиповичъ Бебутовъ и правитель дѣлъ, азъ грѣшный, на долю котораго выпало составить подробный докладъ изъ свѣдѣній, собранныхъ уѣздными начальниками, или извлеченныхъ изъ архивныхъ дѣлъ и изъ мѣстныхъ законовъ.

Не признаю я за собою ни малѣйшей способности утверждать, что у человѣка, приступающаго къ какой-бы то ни было работѣ, не было впереди хоть смутно видимой цѣли этой работы. Не способенъ я, поѣтому, утверждать и то, что докладчикъ не имѣлъ предвзятой идеи, руководящей его работою.

Точно также крайне для меня сомнительно, что какая-нибудь идея могла быть основательно отнесена въ категоріи тѣхъ явленій въ природѣ, которыя иные изъ мыслителей причисляютъ въ предметамъ самозарождающимся.

Поѣтому не скажу, что сама собою зародилась и та мысль, которая не оставляла меня въ теченіи всей моей надъ этимъ дѣломъ работы; явилась она вотъ изъ какихъ соображеній:

„Противуестественная рабская зависимость человѣка отъ человѣка существовала вездѣ; но въ обществахъ и государствахъ, считающихся передовыми, въ однихъ она устранена мирно, въ другихъ, какъ въ Германіи, напр., и недавно въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—смыта рѣками крови. Кровь же человѣческая льется, обыкновенно, тамъ, гдѣ болѣе или менѣе невыносимо оскорбляется чувство справедливости или чувство исторической правды.

„Необходимость отмѣны крѣпостнаго права предчувствуется уже и здѣсь передовыми людьми и скоро наступитъ время, когда надобно будетъ отмѣнить его; но весь вопросъ въ томъ, какъ отмѣнить, легальнымъ или не легальнымъ способомъ? Легальность вообще чрезвычайно важна именно тѣмъ, что она не раздражаетъ, а умиротворяетъ страсти.

„А чтобъ легальнымъ путемъ отмѣнить что-либо существующее, надобно прежде всего констатировать, что оно существуетъ; иначе дѣло вѣдь будетъ похоже на бой съ вѣтренными мельницами.

„До сихъ поръ пытались увѣрить всѣхъ, что въ Грузіи не

было крѣпостнаго права. Но это неправда. Надобно, стало быть, доказать, если будетъ возможно, что оно было. Тогда не будетъ никакихъ поводовъ къ раздраженіямъ и собственники получатъ возможность спокойно обсудить надвигающееся требованіе времени и достойно къ нему приготовиться“.

Вотъ изъ этого сдѣвленія мыслей и зародилась та предвзятость, съ которою пришлось приступить къ объемистой тетради моего доклада.

Сдѣлалось не только возможнымъ доказать существованіе въ Грузіи съ древнихъ временъ крѣпостнаго права,—но и оказалось невозможнымъ привести что-либо противъ этого существованія.

Самое право выражалось, правда, не въ той формѣ, какъ въ Россіи, и не тѣмъ взаимнымъ ожесточеніемъ сословій, какъ тамъ, но что право купли-продажи и иного законнаго приобрѣтенія крестьянъ было присуще исторической жизни народа, это до того ясно истекало изъ всѣхъ собранныхъ данныхъ, что люди, стремившіеся впередъ, остались моимъ докладомъ недовольны, но противъ окончательныхъ его выводовъ не нашлось ни одного голоса ни въ уѣздныхъ коммисіяхъ, въ которыхъ онъ, вопреки служебной іерархіи, былъ подвергнутъ предварительному разсмотрѣнію, ни, затѣмъ, въ совѣтъ главнаго управленія.

Такъ установилось признаніе крѣпостнаго права существовавшимъ въ Грузіи и *de jure*, и *de facto* по крайней мѣрѣ съ X столѣтія нашего лѣтосчисленія.

Стало, между тѣмъ, приближаться время, когда надобно было смѣло уже взглянуть въ глаза предстоящей реформѣ,—и надобно сказать здѣсь прямо, что нигдѣ еще, сколько мнѣ извѣстно, не глядѣли такъ смѣло и честно на это событіе, какъ взглянуло на него въ 1862 году грузинское дворянство.

Правда, выказали они тогда одинъ странный, не поддающийся объясненію, капризь, что ни за что не соглашались, и такъ-таки не согласились, на выдѣленіе изъ среды себя, по примѣру внутреннихъ губерній Россіи, комитета для разработки этого дѣла; но во всемъ многочисленномъ грузинскомъ дворянствѣ не нашлось ни одного лица, которое заступилось бы хотя единымъ словомъ собственно противъ отмены крѣпостнаго права.

Много и горячо говорили только объ условіяхъ прекращенія этого права.

Чрезвычайное губернское собраніе дворянства засѣдало въ

Тифлисъ въ теченіи 6 дней и 30 апрѣля 1862 г. выработало слѣдующія основанія:

1. Крестьянамъ даровать свободу; взаимнѣ ихъ личныхъ повинностей, просить себѣ вознагражденія. 2. Всѣ занимаемыя крестьянами земли и угодья оставить въ ихъ пользованіи съ условіемъ отбыванія обычной земельной повинности. 3. Дѣйствию этого обычая опредѣлить срокъ, — по истеченіи котораго перейти въ добровольнымъ соглашеніямъ.

Опредѣленіе это постановлено большинствомъ 135 голосовъ противъ 4-хъ. Эти четыре, не высказавшіе никакого мнѣнія, но и не подписавшіе опредѣленія, — были: губернской предводитель дворянства князь Александръ Давидовичъ Орбеліани, исправлявшій должность отсутствовавшаго намѣстника генераль-адъютантъ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, генераль-лейтенантъ князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій и свиты генераль-маіоръ князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе.

Разработку означенныхъ основаній и составленіе за тѣмъ проекта положенія дворянство возложило на меня, съ тѣмъ, чтобъ я довлѣдь свой и проектъ представилъ дворянству же въ уѣздныхъ его собраніяхъ и чтобъ поступилъ далѣе, какъ будетъ тѣми собраніями указано.

На разработку этихъ основаній и собранныхъ по нимъ отъ самихъ землевладѣльцевъ свѣдѣній употреблено было времени цѣлый годъ, потому, главнѣйшимъ образомъ, что въ маѣ мнѣ пришлось отказаться отъ этого порученія, но въ сентябрѣ приняться за него снова по настоятельному требованію дворянства Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ.

Между тѣмъ, въ началѣ 1863 года, когда разработка подробностей дѣла была уже почти окончена, прибылъ въ Тифлисъ новый намѣстникъ.

Дня черезъ три я получилъ требованіе представиться; былъ принятъ благосклонно и удостоился подробныхъ разспросовъ какъ о томъ, въ какомъ положеніи въ тотъ моментъ находилось порученное мнѣ дворянствомъ дѣло, — такъ и о томъ, по какимъ именно причинамъ и какимъ образомъ прервалась въ іюнѣ 1862 г. моя служба.

Выслушавъ и по тому, и по другому дѣлу мои объясненія, намѣстникъ высказалъ съ своей стороны одобреніе принятымъ

по крестьянской реформѣ основаніямъ,—и отпустилъ продолжать работу, сказавъ: „очень радъ, что познакомился съ вами“.

Это было въ мартѣ 1863 года. Здѣсь я долженъ вставить одинъ, косвенно относящійся къ дѣлу, небольшой эпизодъ.

Директоръ департамента государственныхъ имуществъ Главнаго Управленія Ю. Э. Витте прислалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія:

„Сердечно поздравляю васъ, Д. И.! Ко мнѣ случайно попалъ докладъ о васъ — д-та общихъ дѣлъ; намѣстникъ собственно ручно написалъ на немъ: впредь до назначенія на соотвѣтствующую должность, производить вамъ содержаніе члена совѣта“.

Значить, намѣстникъ остался доволенъ моими объясненіями.

Ободренный этимъ извѣстіемъ, я окончилъ мою работу и въ концѣ апрѣля началъ читать докладъ дворянству по уѣздамъ.

Сигнахское и Телавское собранія посвятили этому дѣлу по одному засѣданію, 27 и 30 апрѣля, Горійское — четыре засѣданія, 11, 13, 15 и 17 мая, и Тифлисское съ Душетскимъ—три, 18, 20 и 26 того же мая.

Изъ всѣхъ дворянъ, присутствовавшихъ въ этихъ засѣданіяхъ, докладъ одобрили и проектъ положенія подписали 536 человекъ; не подписали 16. А какъ въ этомъ ничтожномъ меньшинствѣ оказались и тѣ четверо крупныхъ лицъ, которые не подписали и опредѣленія 30-го апрѣля, то подписавшее большинство постановило: докладъ и проектъ положенія представить начальству отъ дворянства, но не чрезъ губернскаго предводителя такъ какъ онъ отстранился отъ большинства, а посредствомъ особой отъ уѣздной депутаціи, совмѣстно съ докладчикомъ-соавителемъ проекта, на что и испросить предварительное разрѣшеніе.

Но въ разрѣшеніи этомъ было отказано.

А между тѣмъ важность дѣла не терпѣла замедленій и губернаторъ требовалъ ускорить дѣломъ. Не смотря на личное объясненіе, что я не уполномоченъ представить дѣло безъ депутатовъ и ни въ какомъ случаѣ не могу передать его губернскому предводителю,—губернаторъ настаивалъ, чтобъ дѣло было представлено въ установленномъ порядкѣ.

Въ это время сообщили о пожалованіи мнѣ 1428 р. пенсіи и права на мундиръ члена совѣта. Я не просилъ ни того, ни другаго; но въ этомъ, послѣ приведенной выше поздравительной

записки, было для меня разочарованіе, тѣмъ большее, что не только никто изъ товарищей моихъ не получалъ менѣе 2,500 р. пенсіи, но даже и занимавшій послѣ меня должность правителя дѣлъ совѣта получилъ 2,000 р. пенсіи и 2,000 десятинъ земли...

Къ 20 главѣ.

Особое извлеченіе изъ доклада, рассмотрѣннаго и одобреннаго большинствомъ 536 лицъ противъ 16,—въ собраніяхъ дворянства Тифлисской губерніи въ апрѣлѣ и маѣ 1863 года.

„...Такъ заканчиваются всѣ наши мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ и объ улучшеніи ихъ быта. Остается затѣмъ предметъ чрезвычайной для насъ важности, требующій самаго внимательнаго рассмотрѣнія. По первому пункту нашего постановленія 30-го апрѣля 1862 г. намъ приходится просить денегъ!!... Прежде всего, позвольте представить вамъ, мм. гг., высказанныя объ этомъ мнѣнія 296 лицъ изъ васъ“:

Приводится восемь группъ этихъ мнѣній. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе докладчика:

„Хотя всѣ эти причины доложилъ я вамъ чрезвычайно бѣгло и съ чрезвычайною скромностью, опасаясь, съ одной стороны, вашего утомленія отъ продолжительности моего доклада, а съ другой—упрека въ малѣйшемъ преувеличеніи; но надобно сознаться, что и это бѣглое исчисленіе нанесло достаточно густой мракъ на наше настоящее,—и въ особенности на наше будущее; надобно сознаться, что положеніе наше оказывается положеніемъ дѣйствительно затруднительнымъ; въ настоящее время, когда мы пользуемся еще всѣми обычными нашими средствами, когда капиталъ нашъ, заключающійся въ доходахъ съ крестьянъ, состоитъ еще нетронутымъ, капиталъ слѣшкомъ въ 42½ милліона рублей (ибо, какъ мы выше приводили, каждый крестьянскій дымъ даетъ намъ ежегодно, по средней сложности, по 148 р. 38 к. доходовъ первой категоріи, т. е. не по землѣ, а по личной зависимости, капитализируя же этотъ доходъ, посредствомъ увеличенія въ 16²/₃ разъ, получаемъ на дымъ 2,473 р., а на 17,208 дымовъ—означенное выраженіе нашего капитала въ 42½ слѣшкомъ милліона).

„Каково же будетъ наше положеніе, когда мы не будемъ имѣть уже вовсе ни этого капитала, ни % % съ него, такъ какъ, освобождая крестьянъ, мы слагаемъ съ нихъ всѣ эти доходы и слѣдовательно улучшенію быта ихъ жертвуемъ нашимъ наследственнымъ вѣковымъ достояніемъ въ 42½ милліона? Останемся, безъ малѣйшаго сомнѣнія, въ чрезвычайной крайности.

„Что же иное, если не эта крайность, могло заставить насъ высказать просьбу объ одновременномъ содѣйствіи намъ, коиъ принадлежитъ имя первѣйшихъ и состоятельнѣйшихъ изъ грузинъ; сознаемся, гг., скажемъ открыто, что прискорбно намъ, больно для чувствъ нашихъ, тяжело для вѣковаго нашего званія, что, даруя крестьянамъ нашимъ свободу, пятнаемъ это святое дѣло просьбою о денежномъ содѣйствіи; но положеніе наше—въ точномъ смыслѣ слова—крайне затруднительно, и чего не выразишь бы языкъ нашъ никогда иначе, какъ въ дѣйствительной крайности, то побуж-

даетъ намъ высказать естественный долгъ нашъ—обращаться въ нашей нуждѣ непосредственно къ нашему государю императору.

„По законамъ его императорскаго величества (X т. 2 ч. ст. 794 п 1 ч. ст. 594), въ замѣнъ повинностей, теряемыхъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ зависимости владѣльца, выдается сему послѣднему по 100 р. съ души мужскаго пола и по 50 р. съ души женскаго пола, отдѣльно показанной по ревизіи.

„Рѣшеніемъ правительствующаго сената, 7-го августа 1862 г., дворянамъ селенія Теджолы Шораланскаго уѣзда, Кутаисской губерніи: Джабелидзе, Мхеидзе, Кавтарадзе и Чумбуридзе, въ замѣнъ повинностей съ освобожденныхъ отъ ихъ зависимости крестьянъ, выдано по 100 р. съ души, съ сохраненіемъ за означенными дворянами правъ собственности на земли и съ тѣмъ, чтобы крестьяне въ настоящее время платили помѣщикамъ за пользованіе эгими землями и угодіями по обычаю края, а съ освобожденіемъ всѣхъ вообще крестьянъ подчинились бы тѣмъ правиламъ, какія будутъ установлены въ то время относительно платежа за земли крестьянами бывшимъ ихъ помѣщикамъ.

„На такомъ же основаніи указомъ правит. сената 21-го іюля 1858 г. рѣшено дѣло о крестьянахъ и земляхъ помѣщика Соколова въ томъ же уѣздѣ, т. е. за крестьянъ выдано наследникамъ Соколова по 100 р. съ души муж. пола, и по 50 р. съ души женск. пола, съ оставленіемъ всѣхъ земель во владѣніи означенныхъ наследниковъ; хотя относительно этого размѣра вознагражденія за повинности и нельзя сказать, что крестьянскія повинности въ Кутаисской губерніи, гдѣ онѣ отбываются по обычаю не иначе, какъ въ установленномъ съ давнихъ временъ и получившемъ характеръ неизмѣняемости въ размѣрѣ, не могутъ идти въ сравненіе съ крестьянскими повинностями въ Грузіи, гдѣ онѣ постоянно взымались по усмотрѣнію помѣщика и по состоянію крестьянъ и гдѣ никакое въ этомъ отношеніи ограниченіе помѣщичьей власти никогда не имѣло мѣсто.

„Если по этимъ примѣрамъ и намъ будетъ выдано по 100 р. съ муж. души, то съ дыма придется не болѣе 400 р.; слѣдовательно, единовременная эта поддержка наша можетъ равняться не болѣе, какъ двухъ или трехлѣтнему обычному нашему доходу съ крестьянъ, т. е. двухъ или трехлѣтнимъ процентомъ съ капитала, приносимаго нами въ жертву улучшенію быта крестьянъ.

„Предпосылая себѣ эти примѣры и этотъ расчетъ, предадимъ участь нашу въ сердце царя, пребывающее въ рудѣ Божьей!“

Въ заключеніе приводится мотивированное ходатайство, чтобы вознагражденіе, какое будетъ намъ назначено, не было обращено на крестьянъ.

21.

Моя кандидатура въ губернскіе предводители. — Противодѣйствіе князя Гр. Дм. Орбеліани, князя Ив. Конст. Мухранскаго и съ ними 33-хъ другихъ. — Избирательныхъ шаровъ 273, неизбирательныхъ—4. — Мои общанія.

Крузенштернъ уклонился отъ участія въ крестьянской реформѣ и она приостановилась до пріѣзда барона А. П. Николаи, новаго начальника главнаго управленія.

Между тѣмъ наступилъ конецъ 1863 года, когда дворянство должно было приступить къ производству новыхъ выборовъ.

Предводитель дворянства Горійскаго уѣзда, въ которомъ я числился по наибольшей части моего ценза, вызвалъ меня во имя настоятельныхъ нуждъ дворянства, изъ Зугдидъ, гдѣ я находился по дѣламъ Мингрельской опеки, въ Тифлисъ. .

Здѣсь я засталъ всѣхъ дворянъ въ оживленной агитаціи.

Предводитель объявилъ мнѣ, что огромное большинство съѣхавшихся дворянъ выставляютъ мою кандидатуру въ губернскіе предводители; но сильно возстаютъ противъ этого представители двухъ аристократическихъ домовъ, которые только и давали до сихъ поръ кандидатовъ въ это званіе; а именно—князья Багратионы-Мухранскіе и Орбеліани.

— Выставлять кандидатуру, помимо всѣхъ князей, дворянина простаго, не титулованнаго—не возможно, никогда этого не бывало,—говорили они; надобно помѣшать этому во что бы то ни стало.

На одномъ изъ совѣщаній, происшедшихъ у генераль-адъютанта князя Гр. Дмитр. Орбеліани, человѣка настолько мягкаго сердцемъ, насколько онъ считался безукоризненно честнымъ по душѣ, было рѣшено пригласить къ нему Кипіани и просто-напросто сказать ему, чтобъ онъ не смѣлъ баллотироваться. Но другой генераль-адъютантъ, князь Лев. Ив. Меликовъ, не менѣе, конечно, честный, но гораздо болѣе крѣпкій духомъ, замѣтилъ: а если онъ не послушается, тогда какъ?

— Тогда мы употребимъ все наше вліяніе, сказали Гр. Дм. Орбеліани и Ив. Мухранскій, чтобъ помѣшать его выбору ¹⁾.

¹⁾ Оба они были увѣрены въ могущество своего вліянія; первый—потому что года два исправлялъ должность намѣстника, а другой самъ говорилъ не разъ о своей популярности.

Все это, съ различными варіаціями, передали мнѣ въ самый день моего пріѣзда въ Тифлисъ и до того стали дергать за струну самолюбія, и безъ того сильно затронутаго гнѣвомъ за добросовѣстную работу и уклоненіемъ этихъ самыхъ аристократовъ отъ желаній громаднаго большинства, что я рѣшилъ и теперь подчиниться волѣ этого большинства, хотя и никогда не имѣлъ до того времени ни малѣйшихъ видовъ на званіе губернскаго предводителя дворянства.

Губернское собраніе открылось въ началѣ февраля 1864 г.

До того я былъ приглашенъ однажды къ одному изъ представителей мѣстной власти въ Тифлисъ и тотъ уговаривалъ меня, совершенно частнымъ, впрочемъ, образомъ, отказаться отъ баллотировки; но, мнѣ кажется, я убѣдилъ его, что дворянинъ, свободный отъ коронной службы, не имѣетъ права уклоняться отъ службы своему обществу, если оно этого требуетъ, и что поѣтому я не въ правѣ отказаться отъ баллотировки.

Въ нѣкоторыхъ домахъ, какъ мнѣ говорилъ тогда Мих. Таріел. Лорисъ-Меликовъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней только и было рѣчи, что о тревогѣ, которую испытываютъ отъ предстоящихъ выборовъ высшіе грузинскіе аристократы, такъ какъ, въ случаѣ ихъ неудачи, власть увидить, что сила не въ нихъ.

Наступили выборы.

Бѣда крылась въ томъ, что на сторонѣ большинства была вся законность.

По закону, баллотировать въ губернскіе предводители требовалось: прежде всего—лице, занимающее это мѣсто; но это лице находилось въ Парижѣ и не было отъ него въ виду никакого заявленія; затѣмъ — слѣдовало баллотировать всѣхъ бывшихъ губернскихъ предводителей; но никого изъ нихъ не было въ живыхъ, а затѣмъ — надобно было баллотировать почетнаго попечителя гимназіи.

Предсѣдательствовавшій въ собраніи—тифлисскій уѣздный предводитель дворянства, высказавъ это требованіе закона, заявилъ, что баллотировкѣ подлежить Д. И. Кипіани, какъ почетный попечитель гимназіи.

Тутъ князь Ив. Конст. Багратіонъ-Мухранскій подаетъ ему бумагу и проситъ прочесть ее собранію.

Князь Заалъ Баратовъ читаетъ разрѣшеніе высшаго началь-

ства „баллотировать, въ случаѣ желанія, на должность губернскаго предводителя состоящаго при немъ генералъ-лейтенанта князя Ревозо Андроникова“.

Глубокое впечатлѣніе.

Среди полнѣйшаго безмолвія встаетъ сигнахскій уѣздный предводитель дворянства, князь Соломонъ Ив. Андрониковъ, и какъ родной братъ только что названнаго отсутствующаго кандидата, заявляетъ собранію отъ его имени, что онъ баллотироваться не желаетъ.

Впечатлѣніе поразительное.

Тогда становится предъ первымъ рядомъ собранія князь Гр. Дм. и держитъ, съ совѣмъ не привычнымъ ему волненіемъ и раздраженіемъ, такую рѣчь—что избраніе въ предводители не почетнаго князя, а простаго дворянина—оскорбительно для всего общества; а избраніе Кипіани въ особенности будетъ оскорбительно потому, что онъ выгнанъ изъ службы!

— Знаемъ, знаемъ!—кричатъ со всѣхъ сторонъ.

Но слово выгнанъ дѣйствительно выгнало у меня вонъ терпѣніе, и я отвѣтилъ на это публичное оскорбленіе слѣдующими словами:

„Мнѣ чрезвычайно прискорбно выступать противъ князя Григорія Дмитриевича, которому всегда принадлежало мое глубокое уваженіе; но предъ собраніемъ я долженъ разъяснить фактъ: въ прошломъ году онъ, исправляя должность намѣстника и исполняя приказаніе князя Барятинскаго, представилъ меня къ увольненію и послѣдовало повелѣніе объ увольненіи согласно желанію. Я не просилъ этого увольненія; но не просилъ также ни пенсіи, ни мундира: а мнѣ пожаловано и то, и другое; выгоняемымъ ни того, ни другаго не дается“.

— Знаемъ, знаемъ! желаемъ Кипіани безъ шаровъ, безъ шаровъ!!

Когда шумъ затихъ, я началъ снова:

„Вы всѣ увѣрены, я думаю, что быть предводителемъ вашимъ у меня и въ мысляхъ никогда не было“.

„Причинъ уклоненія отъ этого званія много у меня: оно весьма лестно, но и сопряженныя съ нимъ обязанности весьма трудны“.

„Я не могу ни сказать, чтобъ не понималъ этого, ни скрыть

отъ васъ моего опасенія, что не въ состояніи буду выполнить эти обязанности“.

„Но однажды я высказалъ передъ вами, что если общество возлагаетъ службу на кого-либо изъ членовъ своихъ, никто не долженъ отказываться отъ этого, въ особенности кто свободенъ отъ иной, болѣе полезной, службы“.

„А слову, однажды высказанному, я вѣренъ, и потому, если дворянство требуетъ моей службы, ни по совѣсти, ни по закону не могу отказываться“.

„Прошу только одного, чтобъ и въ настоящемъ случаѣ не было никакого уклоненія отъ законовъ и чтобъ желаніе ваше выразилось шарами“.

Затѣмъ предсѣдательствовавшій объявилъ, что въ губернскіе предводители баллотируется нынѣшній почетный попечитель гимназіи Дим. Ив. Кишіани.

Князь Гр. Дм. Орбелиани объявляетъ, что онъ не приметъ участія въ этой баллотировкѣ и отходить въ сторону. За нимъ слѣдуютъ генералы: князь Ив. Конст. Багратіонъ-Мухранскій, князь Георг. Роман. Эрнстовъ, князь Ив. Шаликовъ, Мих. Гавр. Казбець, Алдр. Дмитр. Сагиновъ и съ ними еще двадцать девять человекъ, которые и образуютъ особо выдѣлившуюся изъ собранія группу.

Предсѣдатель провозглашаетъ, что непринимающіе участія въ настоящей баллотировкѣ будутъ считаться отсутствующими и въ это засѣданіе никто изъ нихъ не будетъ имѣть шара.

Затѣмъ началась баллотировка, продолжалась въ безусловномъ порядкѣ и дала въ результатѣ: избирательныхъ шаровъ 273, не избирательныхъ 4.

Такимъ же порядкомъ совершилось избраніе и втораго кандидата, получившаго нѣсколько шаровъ болѣе избирательныхъ, чѣмъ не избирательныхъ.

По заключеніи баллотировки мнѣ пришлось еще разъ обратиться къ моимъ избирателямъ. Привожу и здѣсь точныя слова этого обращенія, по грузински:

„Мои чувства извѣстны вамъ всѣмъ. Объ этомъ говорить здѣсь—нѣтъ надобности. Но надобно, чтобъ знали о нихъ и и другіе, и съ этою цѣлью прошу позволенія сказать нѣсколько словъ по русски:“

„Вы сдѣлали, гг., сегодня трудный, чрезвычайный шагъ въ вашей общественной жизни: вашими шагами вы сбили, сбросили въ область прошедшаго тяготѣвшія надъ нами предубѣжденія. Вы удостоили меня высокой чести стоять во главѣ вашей, во главѣ дворянства грузинскаго, древнѣйшаго въ мѣрѣ. Надобно, чтобъ и въ будущемъ не водворялось между нами никакихъ недоразумѣній. Права и обязанности предводителя дворянства опредѣлены: предъ правительствомъ онъ представитель своего сословія и ходатай въ его интересахъ; предъ сословіемъ — онъ исполнитель предначертаній правительства. Подробности для того и другаго рода дѣятельности указываются законами. Относительно законовъ вы знаете, гг., что въ уваженіи къ нимъ и къ устанавливаемому ими порядку я не допускаю себѣ никакого послабленія,—въ этомъ, кажется, и состоитъ вся моя заслуга предъ вами. Съ своей стороны я знаю, что и вы никогда не потребуете отъ меня этого послабленія; иначе вы не выбрали бы меня“.

„Но, кромѣ правилъ писанныхъ, каждый изъ насъ подчиняется и внушеніямъ собственной совѣсти. Вотъ объ этомъ и хочу сказать нѣсколько словъ“.

„Преданность наша государю императору и высочайшему его престолу безусловна. По совѣсти и по мѣрѣ силъ и средствъ моихъ я буду вѣрнымъ служителемъ этого чувства; говорю прямо, что не понимаю никакихъ интересовъ внѣ этого правила, внѣ—такъ сказать—прирожденнаго намъ сознанія нашего долга и нашего достоинства: дворянское достоинство заключается въ безупречной службѣ престолу“.

„Въ этомъ духѣ вы можете и ожидать, и требовать отъ меня полной неусыпности на пути вашего правильнаго и законнаго движенія впередъ. Затѣмъ благодарю за честь: она до того велика, что я, какъ вамъ извѣстно, никогда и не мечталъ о ней и, повѣрьте, буду умѣть цѣнить ее во всякомъ случаѣ“.

Такъ закончились 15 февраля 1864 года выборы на трехлѣтіе 1864—1866 г. Но князь Гр. Дм. слегъ въ постель и пролежалъ полтора мѣсяца. Высочайшее утвержденіе воспослѣдовало въ началѣ апрѣля. Я былъ удостоенъ тогда приѣма у намѣстника, приѣма чрезвычайно лестнаго.

22.

Крестьянская реформа въ Грузіи.—Вопросъ о наградахъ.

Крестьянская реформа совершилась въ бытность уже мою предводителемъ дворянства.

Торжественное объявленіе реформы, но совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ представляло дворянство, происходило 8-го ноября 1864 года.

Утромъ въ этотъ день я получилъ знамя Анны первой степени съ короною; но получилъ не какъ особый дѣятель по этой реформѣ, и не какъ представитель дворянства, показавшаго и въ этомъ дѣлѣ полное сознание своего высокаго достоинства,—а собственно какъ членъ центральнаго крестьянскаго комитета въ Тифлисѣ.

Передъ самымъ началомъ торжества подходитъ ко мнѣ графъ Михаилъ Таріеловичъ, тогда еще только генераль-лейтенантъ, и передаетъ мнѣ глубокое сожалѣніе NN., что изъ всего состава комитета мнѣ дали наименьшую награду. А виною этому то, что я подалъ тамъ особое мнѣніе.

— Я очень признателенъ за соболѣзнованіе. Но что до награды собственно, то я не уклонился бы отъ подачи моего мнѣнія даже и въ томъ случаѣ, если-бъ зналъ,—что отберутъ всѣ награды, которыя я имѣлъ уже. Правда для меня выше всего! Это ему хорошо извѣстно.

Въ одинъ и тотъ же день объявленіе реформы совершилось и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ губерніи. Ожидали безпорядковъ; но не было и не могло быть никакихъ безпорядковъ.

И до сихъ поръ еще насъ не понимаютъ.

Но отсутствіе безпорядковъ не исключаетъ возможности недоумѣній и вопросовъ.

— Почему на членовъ комитета посыпались награды, а изъ дворянъ, подготовившихъ и разработавшихъ дѣло, никто не удостоенъ?

— Члены комитета—чиновники; они изъ-за наградъ вообще и работаютъ; а мы трудились потому, что само то дѣло святое и, конечно, никто изъ насъ и не думалъ тогда ни о какой наградѣ.

Объясненія въ этомъ родѣ успокоивали всѣхъ. Но черезъ годъ эти объясненія утратили всякій смыслъ.

Совершилась реформа и въ Имеретіи (Кутаисской губерніи).

А за то, что тамошнее дворянство послѣдовало доблестному примѣру грузинскаго дворянства,—тамъ, вслѣдъ за новыми наградами членовъ комитета, посыпались щедрыя награды на всѣхъ предводителей и на другихъ лицъ, принимавшихъ какое-либо участіе въ работѣ,—кому кресты, кому чины, кому переводъ въ гвардію.

Стали тогда со всѣхъ сторонъ осаждать меня вопросами: какъ, что, почему?..

Рѣшился я обратиться къ чиновнымъ лицамъ за разъясненіями.

8 ноября 1866 года посыпались награды и тифлисскому дворянству, но черезъ два года по совершеніи дѣла.

Дим. Ив. Кипіани.

4-го марта 1884 г.

ДМИТРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ ГНУСИНЪ,

печныхъ дѣлъ мастеръ.

Дмитрій Емельяновичъ Гнусинъ принадлежитъ къ талантливымъ самородкамъ; это печникъ по профессіи, по страсти, неутомимый труженникъ и остроумный изобрѣтатель въ области своей специальности. „Русская Старина“ особенно дорожитъ сказаніями о жизни и трудахъ такихъ самородковъ въ многомиллионной семьѣ русскаго народа, такъ какъ жизнь именно этихъ подвижниковъ труда особенно поучительна. По нашей просьбѣ г. Гнусинъ разсказалъ свою жизнь Н. А. Б—й, которая и записала этотъ разсказъ. Сыну нашего самоучки печника, Д. Гнусину—принадлежитъ сочиненіе „Матеріалы для описанія русскихъ портовъ и исторія ихъ сооруженія. Вып. I. Очаковскій каналъ. Спб. 1886 г. Съ планомъ“. Ред.

I.

Я родился въ 1826 году, въ Ярославской губерніи, въ селѣ Городицѣ, на самой Волгѣ. Наша семья была большая: кромѣ отца и матери, насъ четырехъ сыновей и моихъ двухъ сестеръ, съ нами жилъ постоянно дѣдъ и незамужняя тетка. Недостатка мы не знали, у насъ былъ свой каменный домъ, который существуетъ и понынѣ. Мой отецъ былъ, какъ и дѣдъ, подрядчикъ и печныхъ дѣлъ мастеръ и получалъ порядочную прибыль въ Москвѣ, гдѣ жилъ постоянно и откуда посылалъ даже своихъ рабочихъ въ окрестныя помѣстья и другіе города. Къ намъ въ село онъ пріѣзжалъ разъ въ году, зимой, недѣли на двѣ или на три; остальное время мы его не видѣли. Въ нашемъ домѣ была большая строгость: какъ только начнетъ садиться солнце, и взрослые, и малые должны были находиться на лицѣ; насъ, дѣтей, наказывалъ дѣдъ за каждую провинность, такъ что тетка,

жалѣя насъ, многое скрывала отъ него. Дѣдъ былъ человѣкъ крѣпкій, крѣпче моего отца; онъ дожилъ до 90 лѣтъ, и хотя у насъ были свои лошади, но онъ обыкновенно хаживалъ пѣшкомъ въ Ярославль, верстъ за сорокъ. Онъ никогда не спрашивалъ у моего отца отчета о получаемой прибыли, а что тотъ посылалъ—расходовалъ какъ хотѣлъ, и былъ полнымъ хозяиномъ въ домѣ. Всѣ его слушались, мы жили мирно, и даже между нами, дѣтьми, никогда не бывало ссоръ. Мать недолго жила съ нами, такъ какъ, узнавъ о болѣзни отца, уѣхала въ Москву, откуда больше не возвращалась, а мы, дѣти, остались на попеченіи дѣда и тетки.

Грамотѣ начала обучать меня старшая сестра по церковному, когда мнѣ было всего четыре года, и, чтобы я учился прилежнѣе, приманивала меня лакомствами. Одно время вмѣстѣ со мной училась вторая сестра, и какъ была постарше, то сожалала скорѣе. Разъ сижу за книгой, сестра уже кончила ученіе, а я ни съ мѣста, ничего не понимаю: должно быть малъ былъ. Приходитъ отецъ, который въ это время былъ дома, и спрашиваетъ: „что съ тобой“? Я говорю, что „ничего не понимаю“. Онъ ободрилъ меня, немного помогъ и мнѣ сразу стало все ясно, и съ этихъ поръ ученіе легко давалось мнѣ. Также было со мною и потомъ въ жизни при затруднительныхъ случаяхъ: мысль являлась какъ-то сразу и мнѣ становилось все понятно. У сестры я учился недолго, меня отдали къ священнику, который былъ нашимъ духовникомъ; отецъ выбралъ его потому, что онъ былъ хорошій человѣкъ и ученіе своего старшаго брата, который былъ вторымъ священникомъ въ этомъ же приходѣ. Священникъ училъ меня вмѣстѣ съ своими сыновьями, которыхъ готовилъ въ семинарію. Перенималъ я все очень быстро, но многому, конечно, научиться не могъ, особенно лѣтомъ — жара, мухи, такъ и тянетъ къ водѣ; матушка попадая отпустить насъ минутъ на пять съ запретомъ ходить къ рѣкѣ, а мы пропадемъ часа три на берегу.

Скоро отецъ потребовалъ меня въ Москву, такъ что я доучивался по зимамъ, когда пріѣзжалъ въ село вмѣстѣ съ отцомъ, но оставался здѣсь долѣе его, иногда нѣсколько недѣль. Учился я также, между прочимъ, урывками, у священника латинскому и греческому языку, но, конечно, втайнѣ отъ отца.

Въ Москвѣ я подружился съ сыномъ священника нашей

приходской церкви Малаго Вознесенія (близъ Кремля), жившимъ по сосѣдству съ нами, хорошо воспитаннымъ мальчигомъ, и его общество было очень полезно для меня. Когда мнѣ пошелъ десятый годъ, отецъ началъ меня учить печному мастерству, и хотя самъ былъ приписанъ къ купечеству, но не хотѣлъ меня пустить въ торговлю, а требовалъ, чтобы я сперва обучился его мастерству, говоря: „торговый человекъ—глиняная посуда, а мастеровой—мѣдная“.

Сначала мнѣ было очень трудно; отецъ приставилъ меня къ самой черной работѣ, спрашивалъ съ меня больше, чѣмъ съ другихъ, и мало того, что я долженъ былъ носить на себѣ глину и кирпичъ, люди садутъ обѣдать или за завтракъ, а меня пошлютъ на другой конецъ Москвы съ какимъ нибудь дѣломъ.

Отецъ поручилъ меня одному мастеру Василию, у котораго я долженъ былъ учиться работать; онъ былъ очень строгъ, колотилъ за неисправность, бранилъ всякими словами, а жаловаться отцу я не смѣлъ, мнѣ бы за это была вторая ругань. Наконецъ, мнѣ стала не подъ силу тяжелая работа, я сильно заболѣлъ, а когда сталъ выздоравливать, холода наступили и работа на зиму прекратилась.

II.

На слѣдующій годъ отецъ потребовалъ, чтобы я продолжалъ ученіе, и при новой бывшей у него постройкѣ приказалъ мнѣ ломать старую печку. Я заплакалъ: думаю, что пользы въ такой работѣ, какое это ученіе, и сказалъ о своей обидѣ матери, такъ какъ отцу лично не смѣлъ говорить.

Мать настояла, чтобы онъ поручилъ мнѣ складывать новую печку съ маленькимъ братомъ моимъ, котораго также привезли въ Москву. Работа шла у меня необыкновенно быстро, а когда пришлось дѣлать обороты, то отецъ сказалъ, что придетъ и разложить самъ, а мнѣ не хотѣлось этого допустить, гордость страдала. Когда отецъ пришелъ, чтобы разложить обороты, и, взойдя на лѣса, увидѣлъ, что работа сдѣлана, то удивился и спросилъ: кто раскладывалъ? Я отвѣчалъ, что „самъ разложилъ обо-

роты съ братомъ“, чему онъ никакъ не вѣрилъ и переспросилъ всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ и десятника. Они всѣ отвѣтили, что „мы“, и лицо отца повеселѣло,—такъ остался доволенъ.

Послѣ этого мы стали складывать всякія печки, и только разъ я промахнулся и сдѣлалъ ошибку, которую пришлось исправить; но это была моя первая и послѣдняя ошибка въ печномъ дѣлѣ, которая осталась для меня памятной на всю жизнь. Вскорѣ я вызвался сдѣлать духовую печь, пробный камень печнаго дѣла, и успѣшно окончилъ ее, чѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе нашихъ печниковъ, которые смотрѣли на меня, какъ на мальчишку, между тѣмъ какъ немногіе изъ нихъ были годны на эту работу. Дѣйствительно, мнѣ было тогда всего тринадцать лѣтъ, но я уже былъ мастеромъ и отецъ поручилъ мнѣ надсматривать за работами; подъ моимъ надзоромъ было человѣкъ сорокъ печниковъ. Смотрѣлъ я за производствомъ работъ очень внимательно; увижу сейчасъ всякую неисправность или неточность, велю все разломать и дѣлать заново. Если бывало кто либо изъ печниковъ заупрямится или не захочетъ слушаться, то отецъ, по моей жалобѣ, распорядился по своему, и дѣлалось то, что я приказалъ. Разъ, при кладкѣ печей, въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ, я сильно заболѣлъ и вся работа пріостановилась; отецъ просилъ меня непременно бывать на постройкѣ, такъ что мнѣ даже приносили сюда постель. Но я скоро поднялся на ноги, не терпѣлось мнѣ лежать; волненіе подбѣйствовало лучше лекарствъ. Такъ случалось не разъ и впослѣдствіи.

Все лѣто дважды въ день, за обѣдомъ и ужиномъ, когда мы только и видѣлись съ отцомъ, я долженъ былъ отдавать ему подробный отчетъ въ работахъ. Воскресенье и въ праздники, по возвращеніи отъ обѣдни, отецъ заставлялъ меня сводить счеты и дѣлать смѣты на предполагаемыя и произведенныя работы, и, такимъ образомъ, держалъ меня при себѣ до 8 часовъ вечера. Затѣмъ осенью, по окончаніи дѣла, я обязанъ былъ освидѣтельствовать въ каждомъ повомъ домѣ сложенныя нами печи и вѣлѣть протопить ихъ при себѣ, въ чемъ почти всегда бывалъ прежде обманъ, потому что рабочіе, боясь отца, скрывали истину, говорили, что печь хороша, когда того не было на дѣлѣ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи печникъ Ѳеодоръ, который сорокъ лѣтъ прожилъ у насъ и былъ очень лѣнивъ. Разъ

изъ-за его недосмотра мнѣ пришлось въ 30° морозу влѣзать на крышу гостинницы Шевалдышева и помогать ему въ исправленіи трубы; затѣмъ онъ надѣлалъ переполоху въ Большомъ театрѣ, бросивъ горячую рогожу у печи подъ сценой, отчего пошелъ сильный дымъ во время представленія. Печи въ обоихъ театрахъ были нашей работы, какъ почти во всѣхъ строившихся тогда общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ, равно и во многихъ аристократическихъ домахъ.

Первое изобрѣтеніе было сдѣлано мною случайно, во время постройки большого кремлевскаго дворца, и, если не ошибаюсь, въ началѣ 1845 г. Сидѣли мы съ отцомъ за утреннимъ чаемъ; онъ сказалъ къ чему-то въ разговорѣ, что „хорошо бы намъ было сдѣлать печку, которую бы можно было на столѣ ставить“. Я тутъ же отвѣтилъ, что „сдѣлаю ее“. Отецъ сказалъ на это: „послѣ, когда время будетъ, а теперь ступай во дворецъ“.

Напившись чаю, отецъ ушелъ, я прибравъ комнату, заперъ ее на ключъ, сбѣгалъ на работы посмотреть, что дѣлаютъ печники, и опять бѣгомъ домой, досталъ глины и весь нужный матеріалъ и принялся складывать печку на подножной скамейкѣ. При этомъ я старался какъ можно скорѣе докончить ее до прихода отца. Когда печь была готова, я затопилъ ее и отправился во дворецъ. Къ обѣду я подоспѣлъ въ одно время съ отцомъ и подалъ ему ключъ. Онъ отперъ дверь и, увидя посреди комнаты печь, очень удивился и спросилъ: „это что?“ Я отвѣтилъ, что „сдѣлалъ такую печь, о которой онъ говорилъ утромъ“. Отецъ мой былъ видимо доволенъ и я зналъ, что онъ вообще гордится мною, но по своему обыкновенію не сказалъ мнѣ ни одного слова въ похвалу, а на этотъ разъ тѣмъ болѣе, что я самовольно отлучился отъ работы во дворцѣ. Моя маленькая печка хорошо нагрѣвала комнату и вполне замѣнила голландскую печь, которую мы совсѣмъ перестали топить и которая требовала 15 коп. въ сутки, по тогдашней стоимости дровъ, между тѣмъ какъ на мою печку шло всего на 1½ к. древеснаго угля. Но, разумѣется, она дымилась и бывалъ угаръ, такъ какъ была сдѣлана наскоро и не имѣла выходной трубы, а отецъ не позволялъ ее дѣлать ни въ какомъ случаѣ, и даже однажды, разсердившись, велѣлъ совсѣмъ разломать мою печь нашимъ рабочимъ. Но я не допустилъ ихъ до этого, чтобы не узнали моего

секрета, и самъ разломалъ печь, а имъ велѣлъ вынести мусоръ. Такимъ образомъ, при отцѣ я не могъ больше производить никакихъ опытовъ, тѣмъ болѣе, что онъ все слабѣлъ и, наконецъ, окончательно сдалъ мнѣ работы во дворцѣ, говоря, что мнѣ придется сдавать ихъ, такъ какъ онъ не доживетъ до освященія дворца.

Осенью 1847 года я женился, а меньше, нежели черезъ годъ, 6 сентября 1848, умеръ отецъ, и я двадцати двухъ лѣтъ остался полнымъ хозяиномъ. Отца я похоронилъ съ возможною пышностью; однихъ гостей было человѣкъ 400 и въ томъ числѣ много архитекторовъ; но съ ними мнѣ неудобно было толковать о моихъ планахъ на самыхъ похоронахъ; къ тому же я былъ очень огорченъ смертью отца. На сороковой день я устроилъ богатыя поминки, архитекторовъ пригласилъ особо и тутъ показалъ имъ сдѣланную мною образцовую переносную печь и чертежъ. Они одобрили мое изобрѣтеніе и посоветовали испросить привилегію у „Департамента мануфактуры и внутренней торговли“, какъ онъ тогда назывался. Чертежъ хотя и былъ сдѣланъ мною, но недостаточно отчетливо по вѣщности и мнѣ его исправилъ профессоръ архитектуры Э. Э. Рихтеръ. Прошеніе на привилегію было тогда-же послано.

III.

Между тѣмъ, во дворцѣ шла у меня усиленная работа, потому что въ мартѣ 1849 года ожидали приѣзда государя Николая Павловича, по случаю освященія дворца. Нужно было сразу привести въ порядокъ все сдѣланное съ 1844 года и пустить въ ходъ печи какъ во всемъ дворцѣ, такъ и въ кухнѣ. Прежде всего приѣхала дворцовая кухня, человѣкъ пятьдесятъ; къ счастью, мнѣ удалось съ ними поладить; они меня слушали относительно печей и ихъ топки, и исполняли то, что я приказывалъ. Но такъ какъ, не смотря на многократныя представленія моего отца, не было разрѣшено сдѣлать вытяжныя трубы для очищенія изъ кухни воздуха, то при готовкѣ кушанья пошелъ чадъ на парадной лѣстницѣ и въ залахъ. Президентъ дворцовой конторы, баронъ Боде, дня за два до приѣзда государя Николая Павловича,

пошелъ осматривать дворець и, услыхавъ чадъ, велѣлъ мнѣ сказать, „чтобы этого не было, и что въ противномъ случаѣ онъ меня повѣситъ“. Я отвѣчалъ, что „въ „такомъ случаѣ пришлось бы повѣситъ моего покойнаго отца на владбищѣ, хотя онъ также не виноватъ, потому что предупреждалъ, что такъ будетъ безъ вытяжныхъ трубъ“. Не знаю, передалъ ли Трубниковъ мой отвѣтъ президенту. Однако, мнѣ удалось устранить чадъ, устройвъ наскоро искусственную вентиляцію, такъ что нѣсколько часовъ спустя воздухъ совсѣмъ очистился. Но, по прїѣздѣ государя, кухня стала топиться такъ усердно, что по сажени въ сутки сжигали на плиту. Понятно, что при такой усиленной топкѣ простѣнныя дворца настолько навалились надъ кухней во Владимірской залѣ, что стѣна треснула и загорѣлась закладная рама. Въ это время я былъ въ лавкахъ съ молодой женой, видѣлъ какъ проскакала въ Кремль пожарная команда городской части, но спокойный за безопасность отъ огня моихъ печей, не торопясь окончивъ покупки, проводилъ домой жену и отправился черезъ Никольскія ворота въ Кремль, больше изъ любопытства. Тутъ меня встрѣтилъ братъ жены съ бранью и, не зная технической части, сказалъ, что „боровиѣ лопнулъ“. Я зналъ, что этого не можетъ быть, и не двигался съ мѣста, тѣмъ болѣе, что рассчиталъ по мѣсту, гдѣ были пожарные, что горить не отъ моихъ печей, а отъ трубъ, заложенныхъ при возведеніи стѣнъ; потомъ пошелъ въ чертежную. Отсюда меня немедленно отправили во Владимірскую залу, на мѣсто пожара, гдѣ я засталъ гг. архитекторовъ, Тона и Рихтера, которые настолько растерялись, что обратились ко мнѣ за совѣтомъ: „что нужно дѣлать?“ Я осмотрѣлъ стѣну и примыкавшую къ ней лѣстницу и сказалъ, что, по моему мнѣнію, необходимо отодвинуть лѣстницу и вырубить закладную раму. Старикъ Тонъ самъ взялся за топоръ и приступилъ немедленно къ работѣ. Пожаръ прекратился, призвали рабочихъ, все было сразу задѣлано и приняло прежній видъ. Вскорѣ и государь Николай Павловичъ прибылъ на мѣсто, осмотрѣлъ все, и обратясь къ намъ (насъ было трое: Рихтеръ, казенный десятникъ и я), спросилъ: „Нѣтъ больше опасности?“ и, выслушавъ отвѣтъ, что „нѣтъ“, сказалъ:

— Никто не виноватъ, я самъ! Слышалъ дня три, четыре назадъ запахъ гари и не обратилъ вниманія“.

Послѣ этого архитекторъ Рихтеръ отдалъ мнѣ приказъ, чтобы я неотлучно находился при дворцѣ, во все время пребыванія государя въ Москвѣ, и совѣтовалъ мнѣ не робѣть, въ случаѣ встрѣчи съ его величествомъ. На другой день загорѣлось отъ кухни въ маломъ кремлевскомъ дворцѣ, государь разгнѣвался и сказалъ окружающимъ: „Что вы меня съечь хотите!“ и тутъ же отдалъ приказъ оберъ-полиціймейстеру осмотрѣть всѣ зданія въ Кремлѣ: нѣтъ ли гдѣ какой опасности въ раздѣлкахъ отъ печей и дымовыхъ трубъ? Оберъ-полиціймейстеръ обратился къ Рихтеру съ приказаніемъ высочайшей воли, потребовать планы кремлевскихъ зданій и при этомъ архитектора для указанія въ натурѣ мѣстности. Рихтеръ отвѣтилъ, что никого не можетъ дать и некому поручить планы, и, указывая на меня, добавилъ: „Вотъ онъ все знаетъ и все уважаетъ!“ Но я объяснилъ оберъ-полиціймейстеру, что такой осмотръ требуетъ ломки стѣнъ въ раздѣлкахъ, потому что иначе онъ не можетъ лично убѣдиться въ безопасности зданій отъ огня, а что подобную ломку нельзя было произвести въ данное время, въ виду того, что всѣ жилища зданія въ Кремлѣ были заняты высшими особами. Такимъ образомъ, пришлось покориться необходимости. Не знаю, было ли объ этомъ тогда доложено государю или нѣтъ ¹⁾).

Въ томъ же 1849 году, осенью, получена была привиллегія на изобрѣтенныя мною „переносныя печи“.

Я тотчасъ же принялся за ихъ производство и сталъ продавать разнымъ лицамъ въ Москвѣ и иногороднымъ. Мои переносныя печи вошли въ такую моду, что я едва успѣвалъ дѣлать ихъ. Весною 1853 года я выставилъ одну такую печь на мануфактурной московской выставкѣ. Много народу смотрѣло мою печь, множество всякихъ лицъ обращалось ко мнѣ съ разными вопросами, но всѣхъ внимательнѣе осматривалъ печь архитекторъ М. Ю. Левенстамъ. Онъ началъ меня спрашивать, какъ она дѣлается и какъ топится. Я отвѣтилъ, что на выставкѣ не время и не мѣсто распространяться объ этомъ, и что прошу его къ себѣ на домъ, и далъ ему свой адресъ. Онъ явился ко мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, осмотрѣлъ готовыя печи, которыхъ было много, и кафельныхъ, и простыхъ, и при этомъ

¹⁾ См. ниже, стр. 650—651, перечень документовъ къ разсказу Д. Е. Гнусина.

осыпалъ меня вопросами относительно герметическихъ дверецъ, выписанныхъ мною изъ-за границы, которая тогда была новостью у насъ. Я, ничего не подозрѣвая, далъ простодушно всѣ указанія и даже объяснилъ различные способы примѣненія герметическихъ дверецъ. Послѣ того Левенстамъ нѣсколько разъ являлся въ мою мастерскую, выбирая время, когда зналъ навѣрное, что меня нѣтъ дома, разспрашивалъ мою жену и подробно осматривалъ печи. Я не придавалъ этому никакого значенія, такъ какъ, имѣя привиллегію, былъ спокоенъ, тѣмъ болѣе, что такое любопытство въ архитекторѣ считалъ вполне понятнымъ, а съ другой стороны имѣлъ въ виду, что мое дѣло зависѣло отъ гг. архитекторовъ, какъ зависить и до сихъ поръ: черезъ нихъ могу имѣть работу или же остаться совсѣмъ безъ работы.

Въ это время я былъ сильно занятъ приготовленіемъ печей для почтовыхъ вагоновъ Николаевской желѣзной дороги, что такъ же было новостью, потому что такого отопленія не было тогда, ни у насъ, ни даже, кажется, за границей. До этого у насъ въ почтовыхъ вагонахъ ставили спиртовыя лампы, а въ царскихъ—мѣдные ящики съ горячей водой. Конечно, прежде, чѣмъ я получилъ этотъ заказъ, снарядили комиссію, которая потребовала отъ меня множество всякихъ формальностей и подачи различныхъ бумагъ, что съ непривычки, въ то время, было для меня немалымъ затрудненіемъ. Наконецъ, дали разрѣшеніе; я поставилъ свои печи въ почтовыхъ вагонахъ и сталъ часто ѣздить съ ними взадъ и впередъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, какъ для наблюденія за печами, такъ и для того, чтобы приучить почтовыхъ сторожей къ топкѣ. Помню, разъ ѣхавши изъ Петербурга, на одной изъ станціи подъ Москвою, подошли къ стоявшему поѣзду какіе-то люди, повидимому, купцы. Одинъ изъ нихъ, увидя мою печь въ вагонѣ, сказалъ: „Нужно было-бы повѣсить того, кто это придумалъ: у другаго въ почтовомъ вагонѣ все состояніе!“ Онъ намекалъ, что отъ печи можетъ загорѣться въ вагонѣ.

Но, къ счастью, не всѣ раздѣляли это мнѣніе, и мнѣ тогда же разрѣшено было поставить мои переносныя печи сначала въ императорскихъ вагонахъ, затѣмъ въ вагонахъ 1-го класса и такъ называемыхъ семейныхъ (2). Тутъ мнѣ пришлось каждый день ѣздить въ Петербургъ и обратно. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я имѣлъ счастье въ первый разъ увидѣть его импера-

торское высочество принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Онъ ѣхалъ въ Москву, и хотя я былъ посланъ спеціально сопровождать его, но оставался въ почтовомъ вагонѣ и только на станціяхъ входилъ въ вагонъ, въ которомъ находился принцъ, и смотрѣлъ за печью. До Вишеры все было благополучно; я успокоился и легъ спать. Меня неожиданно разбудили въ Гнуловѣ и призвали къ его высочеству. Сбросивъ съ себя калоши и шубы, я послѣшилъ явиться на зовъ. Дѣйствительно, отъ сильнаго нагрѣванія, отъ печи былъ запахъ, для уничтоженія котораго потребовался песокъ. Но такъ какъ дѣло было зимой, то прошло нѣкоторое время, пока доставленъ былъ песокъ. Я испросилъ дозволеніе остаться, тѣмъ болѣе, что его высочество выразилъ опасеніе, что будетъ угаръ. Принцъ не только изъявилъ согласіе, но приказалъ мнѣ сѣсть противъ него и, сразу замѣтивъ, что я безъ шубы и калошъ, далъ мнѣ свой пледъ укрыться. Послѣ того онъ сталъ подробно спрашивать объ устройствѣ моихъ переносныхъ печей, о прежнихъ работахъ въ кремлевскомъ дворцѣ и какія усовершенствованія можно сдѣлать въ амосовскихъ печахъ. Я объяснилъ. Принцъ внимательно выслушалъ меня и милостиво простился со мной, а на возвратномъ пути, когда я встрѣтилъ его высочество въ Балаговѣ, онъ приказалъ мнѣ осмотрѣть печи въ его собственномъ дворцѣ въ Петербургѣ, что и было исполнено мною. Но такъ какъ принцъ Ольденбургскій вообще остался доволенъ мною, то недѣли двѣ спустя послѣ его проѣзда меня отправили съ его императорскимъ высочествомъ, въ то время государемъ наслѣдникомъ, Александромъ Николаевичемъ, который отправлялся въ Тосну на охоту, и затѣмъ стали уже постоянно назначать со всѣми императорскими поѣздами.

Изъ этихъ путешествій мнѣ особенно осталось памятнымъ одно изъ нихъ, а именно 1-го января 1855 года, когда великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, временно прибывшіе въ Петербургъ, по случаю опасной болѣзни императрицы Александры Феодоровны, снова должны были отправиться въ Севастополь и въ послѣдній разъ простились со своимъ августѣйшимъ родителемъ. Прощаніе было на платформѣ петербургскаго вокзала Николаевской желѣзной дороги; тутъ меня особенно поразилъ величественный ростъ императора Николая Павловича: онъ былъ почти головой выше своихъ сыновей. Вы-

ѣхали мы изъ Петербурга въ 12 часовъ ночи, потому что тогда былъ понедѣльникъ, а государь Николай Павловичъ не любилъ выѣздовъ въ этотъ день. Когда поѣздъ тронулся, я вошелъ въ вагонъ ихъ высочества и спросилъ: сколько градусовъ имъ угодно имѣть тепла? Одинъ изъ свиты засмѣялся и замѣтилъ, что вѣрно у меня въ карманѣ резервуаръ тепла, если я дѣлаю такой вопросъ, а великій князь Николай Николаевичъ спросилъ своего брата, сидѣвшаго около градусника: сколько градусовъ? Оказалось, что 14°, и они сказали, что больше тепла не нужно. Я вышелъ. Въ Балаговѣ, гдѣ ихъ высочества пили чай, ихъ встрѣтилъ начальникъ Николаевской дороги, инженеръ-генераль-маіоръ Крафтъ, который зналъ меня лично и былъ расположенъ ко мнѣ. Едва выѣхали мы изъ Балагова, какъ онъ меня послалъ въ вагонъ въ ихъ высочествамъ для объясненій относительно печей. Они замѣтили мнѣ, что холодно, и велѣли прибавить тепла. Я спросилъ: на сколько градусовъ? и тогда они пожелали знать, какимъ способомъ я могу прибавить градусы, что я и показалъ имъ тутъ же въ дѣйствительности. Послѣ того ихъ высочества спрашивали: „кто я и что?“ и одинъ изъ великихъ князей замѣтилъ, что „печи въ вагонахъ Николаевской желѣзной дороги—нѣмецкое изобрѣтеніе“.

Я позволилъ себѣ замѣтить, что „печи въ вагонахъ моего собственнаго изобрѣтенія, что я никогда не бывалъ за границей, не знаю иностранныхъ языковъ, и что слова мои можетъ подтвердить начальникъ Николаевской желѣзной дороги, находившійся при ней съ начала ея устройства“.

Генераль-маіоръ Крафтъ сказалъ на это, что „иностранцы сами должны у г. Гнусина учиться и экзаменъ держать“.

2-го ноября 1849 года я имѣлъ счастье сопровождать изъ Москвы его императорское величество государя Александра Николаевича.

Въ это собственно время, когда я большею частью проживалъ въ Петербургѣ, мнѣ написали изъ Москвы, что архитекторъ Левенстамъ сдѣлалъ публикацію о своихъ „хозяйственно-экономическихкихъ печахъ“ и уже поставилъ ихъ въ двухъ мѣстахъ, между тѣмъ, сообразно подробностямъ, сообщавшимся въ письмѣ, онѣ были не что иное, какъ изобрѣтенныя мною „переносныя печи“.

Я поспѣшилъ въ Москву и убѣдился окончательно въ про-

дѣлѣ со мною. Пришлось подать прошеніе въ судъ, но при тогдашнихъ порядкахъ дѣло затянулось съ самаго начала и продолжалось нѣсколько лѣтъ, безъ всякихъ результатовъ. Между тѣмъ печки Левенстама были для меня большимъ подрывомъ, потому что онъ, какъ архитекторъ, былъ извѣстенъ въ Москвѣ.

Не повезло мнѣ и съ другой стороны.

Такъ, на Варшавской дорогѣ мнѣ была обѣщана ставка печей во всѣхъ вагонахъ, въ чемъ съ меня взята была даже подписка; но дѣло это не состоялось, потому что дорога перешла въ „Главное общество желѣзныхъ дорогъ“. Въ то же время, по причинѣ разныхъ недоразумѣній и пререканій, я лишился обѣщаннаго подряда на печки въ вагонахъ втораго и третьяго класса Николаевской желѣзной дороги.

IV.

Такииъ образомъ, къ концу 1850 года, я очутился въ плохомъ положеніи. Рушились всѣ мои надежды, да и кромѣ того, благодаря частымъ и продолжительнымъ отлучкамъ въ Петербургъ, порвались почти всѣ мои дѣловыя связи.

Я пришелъ въ отчаяніе и спрашивалъ себя: неужели голова моя стала такъ пуста, что ничего новаго не придумаетъ?

Разъ утромъ отправился я въ сенатъ по старому процессу отца, начатому еще въ 1844 году. Оказалось, что я пришелъ слишкомъ рано, и, отъ нечего дѣлать, отправился по близости пить чай въ Чижовскій трактиръ.

Тутъ я сталъ думать о томъ, почему полы въ вагонахъ остаются холодными, при моихъ печахъ, когда это можно было бы устранить. При этомъ у меня въ головѣ явилось новое изобрѣтеніе, и я сразу придумалъ свои „паро-пневматическія печи“.

Вернувшись домой, сталъ я готовить нужный для нихъ матеріалъ и принялся дѣлать ихъ безъ чертежа. Помню, что это было въ четвергъ на масляницѣ; у насъ были гости и звали подъ Новинское. Мнѣ было не до того, я остался дома и окончилъ свою печь въ два часа. Послѣ того я сдѣлалъ всѣ нужные чертежи и вмѣстѣ съ прошеніемъ о привилегіи представилъ,

черезъ московскій почтамтъ, на высочайшее имя его императорскаго величества.

Черезъ годъ я получилъ привилегію и приступилъ къ устройству моихъ новыхъ „паро-пневматическихъ печей“, сперва у себя на новой квартирѣ (въ которую мы переѣхали незадолго передъ тѣмъ), чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онѣ представляютъ такую экономію топлива и возможно ли при нихъ достигнуть, по желанію, надлежащей влажности, чего не давали другія печи. Объ экономіи топлива я не сомнѣвался, но мнѣ, главнымъ образомъ, хотѣлось удостовѣриться относительно влажности, и мой опытъ оказался вполне успѣшнымъ, потому что цвѣты, почти погибшіе и стоявшіе безъ листьевъ отъ сухости воздуха на новой квартирѣ, сразу ожили при топкѣ новой печи. Для бѣльшей вѣрности я довелъ теплоту воздуха до 36° по Цельсію и увидѣлъ, что съ увеличеніемъ теплоты соразмѣрно увеличивается и влажность воздуха. Но при этомъ я самъ едва не задохся отъ жары, потъ полилъ съ меня градомъ; чтобы освѣжиться, я вышелъ погулять, и вполчаса, не смотря на хорошую погоду и весеннее солнце, настолько простудился, что заболѣлъ горячкою.

Убѣдившись въ достоинствѣ моихъ „паро-пневматическихъ“ печей, я тотчасъ по выздоровленіи отъ болѣзни принялся за дѣланіе ихъ. Мой первый заказъ былъ въ домѣ тогдашняго московскаго генераль-губернатора Тучкова и, такъ какъ получились удовлетворительные результаты, то въ слѣдующемъ 1864 году московская распорядительная дума поручила мнѣ устройство печей моей системы въ Хамовническихъ казармахъ. Здѣсь мои шесть паро-пневматическихъ печей, давая тепло отъ 14—16° по Реомюру, замѣнили семнадцать печей прежняго устройства и три камина, что составило значительную экономію топлива. Такъ, прежде въ зиму, съ 1-го октября по 1-е мая, расходовалось около 108 сажень швырковыхъ дровъ, а теперь съ моими печами пошло всего 14 саж. 1 арш. 4 верш., на что мнѣ было выдано свидѣтельство, которое хранится у меня до сихъ поръ вмѣстѣ съ разными другими документами (3). Но у меня вышло недоразумѣніе съ казарменнымъ смотрителемъ, и онъ, чтобы досадить мнѣ и доказать негодность моихъ печей, заставилъ казенныхъ печниковъ насыпать въ обороты нѣкоторыхъ печей мусора, отъ чего, конечно, онѣ начали дымиться. При этомъ смо-

тритель, въ убѣжденіи, что его продѣла не откроется, подалъ въ распорядительную думу рапортъ о негодности печей, и дума послала мнѣ объ этомъ заявленіе черезъ Тверскую часть. Тогда я съ своей стороны черезъ ту-же Тверскую часть просилъ думу о назначеніи комиссіи для освидѣтельствованія печей, и тутъ нѣкоторыя изъ нихъ были найдены наполненными мусоромъ. Спросили печниковъ и они сознались, что сдѣлали это по приказанію смотрителя. Меня, конечно, оправдали. Однако, подобные случаи не разъ повторялись со мной впослѣдствіи при казенныхъ постройкахъ.

Послѣ этого, помимо разныхъ частныхъ построекъ, мнѣ поручена была ставка моихъ „паро-пневматическихъ“ печей въ 3-й московской, въ то время реальной, гимназій (4), въ церкви Спаса на Пескахъ на Петровкѣ (5), въ пещерѣ Николаевской Бирлюковской пустыни (6) и, наконецъ, въ домѣ „Синодальныхъ пѣвчихъ“, гдѣ моихъ пять печей замѣнили двадцать прежнихъ, такъ что вмѣсто 120 сажень дровъ теперь пошло всего 20^{1/2}, за что, согласно контракту, мнѣ была выдана награда въ 300 рублей (7).

Въ томъ-же 1867 году, на основаніи полученныхъ удовлетворительныхъ результатовъ и, между прочимъ, опытовъ, произведенныхъ въ частной квартирѣ врача К. Нагеля (8), я рѣшился подать на высочайшее имя прошеніе о введеніи моихъ паро-пневматическихъ печей въ другихъ казенныхъ учрежденіяхъ. Это прошеніе, какъ я узналъ еще въ Москвѣ, было передано на разсмотрѣніе медицинскаго департамента, но объ его дальнѣйшей участи я остался въ полной неизвѣстности. Между тѣмъ я получилъ отвѣтъ изъ IV-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи на мою другую просьбу, поданную его высочеству принцу Ольденбургскому, о введеніи моихъ печей въ зданіяхъ учреждений императрицы Маріи. Въ полученномъ отвѣтѣ, при отношеніи IV отдѣленія, отъ 5-го августа 1865 г., было сказано, что моя просьба можетъ быть удовлетворена только „по произведеніи мною опытовъ при спеціальныхъ людяхъ“ (9).

Все это заставило меня пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ я тотчасъ явился въ принцу Ольденбургскому, который въ видѣ опыта предложилъ мнѣ устройство одной печи въ своемъ дворцѣ. Результаты были получены удовлетворительные, равно и въ нѣкоторыхъ

частныхъ домахъ, гдѣ мною были устроены „паро-пневматическія“ печи, что и дало мнѣ смѣлость подать прошеніе на имя его императорскаго высочества Николая Николаевича Старшаго о введеніи печей моей системы въ зданіяхъ военнаго министерства.

Въ томъ-же 1870 году, на основаніи моей просьбы, я получилъ небольшой заказъ въ юнкерскомъ пѣхотномъ училищѣ на Петербургской сторонѣ, затѣмъ въ одномъ казенномъ зданіи въ Измайловскомъ полку на Дровяной улицѣ, которое, если не ошибаюсь, предназначалось для обмундировальной. Но почему-то относительно этихъ устроенныхъ мною печей не было произведено при мнѣ никакихъ опытовъ, не смотря на приказъ главнаго инженернаго управленія, означенный въ бумагѣ, съ котораго мнѣ была послана копія. Затѣмъ все дѣло прекратилось по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ (10).

Въ маѣ 1871 года вышелъ циркуляръ принца Ольденбургскаго (11), по которому я получилъ одновременно заказы въ Еватерининскомъ институтѣ (12) и въ с.-петербургскомъ Воспитательномъ домѣ, съ отвѣтственностью на три года (13). Между тѣмъ, еще не приступая къ работамъ по этимъ двумъ заказамъ, сдѣлано было мною третье совершенно новое изобрѣтеніе, а именно „паро-вентиляціонныя“ печи. Онѣ отличались отъ моихъ прежнихъ „паро-пневматическихъ“ печей большею прочностью, были несравненно лучше въ гигиеническомъ отношеніи и представляли еще бѣольшую экономію топлива, которая вмѣсто 75 процентовъ могла быть доведена до 92-хъ процентовъ.

Я немедленно подалъ просьбу въ Департаментъ мануфактуры и торговли о выдачѣ мнѣ привилегіи. Но въ виду того обстоятельства, что контрактъ съ правленіемъ Воспитательнаго дома былъ заключенъ на устройство въ лазаретѣ грудныхъ дѣтей, а равно и въ церкви „паро-пневматическихъ“ печей, а я не получилъ еще привилегіи на мое новое изобрѣтеніе, относительно котораго даже не было сдѣлано ни одного опыта, то я обратился за разрѣшеніемъ къ архитектору Воспитательнаго дома г. Потбеку, и, съ его согласія, сталъ прямо ставить печи моей новой паро-вентиляціонной системы. Результаты были настолько блестящіе, что по провѣркѣ ежедневныхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ теченіи двухъ зимъ, нашли возможнымъ выдать мнѣ залогъ черезъ полтора года, а не три, какъ было связано въ кон-

трактѣ. При этомъ вмѣсто обязательныхъ для меня 50% экономіи топлива оказалось около 90%.

Одновременно съ этимъ мною были окончены работы въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ вмѣсто прежнихъ духовыхъ печей, дававшихъ мало тепла, поставлены были двѣ печи моей конструкции для отопленія залы собранія и части парадной лѣстницы, причемъ оказалось болѣе 80% экономіи топлива, при температурѣ отъ 14 до 16 градусовъ.

Тогда-же въ газетѣ „Голосъ“ (№ 40, 1873 г.) появилась статья, въ которой указано было на достигнутую громадную экономію дровъ, сравнительно съ прежними годами, какъ въ Воспитательномъ домѣ, такъ и въ Екатерининскомъ институтѣ. Между прочимъ, въ статьѣ была сдѣлана ссылка на свидѣтельство (14) извѣстнаго архитектора (Тона). По этому поводу началась газетная полемика, продолжавшаяся, сколько помнится, два—три мѣсяца.

Въ 1873 году я получилъ долго ожидаемую привилегію на мое послѣднее изобрѣтеніе и, пользуясь своимъ правомъ, взялъ новый подрядъ отъ Воспитательнаго дома на устройство „паровентилационныхъ“ печей. При этомъ, будучи глубоко убѣжденъ въ ихъ прочности, принялъ на себя отвѣтственность за нихъ на десять лѣтъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые техники упорно утверждали, что мои печи не простоятъ болѣе двухъ лѣтъ и не можетъ быть таковой выгоды, хотя документы, доказывающіе противное, у меня до сихъ поръ на лицо. По этому подряду мною было заключено три отдѣльныхъ контракта (15), въ которыхъ было сказано, что изъ числа денегъ, слѣдуемыхъ мнѣ за устройство печей въ Воспитательномъ домѣ, первую половину я получаю во время производства работъ, вторую—по испытаніи печей въ зимнее время, т. е. если онѣ окажутся вполне соответствующими своему назначенію, а что, въ противномъ случаѣ, правленіе Воспитательнаго дома вторую половину денегъ оставляетъ за собой.

Десятилѣтнюю отвѣтственность по упомянутымъ тремъ контрактамъ съ Воспитательнымъ домомъ я взялъ на себя безъ всякаго вознагражденія, имѣя въ виду полученное мною еще въ 1865 извѣщеніе изъ IV отдѣленія, что, если я желаю, чтобы вѣдомство императрицы Маріи приняло мое изобрѣтеніе въ сво-

ихъ заведеніяхъ, то я долженъ доказать пользу онаго на опытѣ при спеціальныхъ людяхъ (16). То-же было, кромѣ того, повторено мнѣ на словахъ, въ 1872 году, почетнымъ опекуномъ Шторхомъ, передъ заключеніемъ моего перваго контракта съ Воспитательнымъ домомъ. Поэтому я имѣлъ основаніе разсчитывать, что по произведеніи надлежащихъ опытовъ надъ печами моей новой системы, устроенныхъ при разныхъ обстоятельствахъ, я буду вполне обеспеченъ относительно дальнѣйшихъ работъ. Дѣйствительно, полученный мною заказъ какъ по первому, такъ и слѣдующимъ контрактамъ Воспитательнаго дома представлялъ достаточно разнообразіа. Такъ, напр., въ лазаретѣ грудныхъ дѣтей четыре печи нагрѣвали девять палатъ лазарета и выстроенную надъ ними церковь, — слѣдовательно два этажа; въ приносномъ отдѣленіи девять палатъ въ одномъ этажѣ, а въ учительской семинаріи шесть печей, устроенныхъ въ нижнемъ этажѣ, нагрѣвали слѣдующіе надъ ними второй и третій этажи. Но и при такомъ разнообразіи условій вездѣ получены были удовлетворительные результаты, и экономія дровъ, выдаваемыхъ мнѣ ежегодно подъ росписку, передъ началомъ топки, оказалась приблизительно одинаковою, какъ это можно было видѣть изъ опытовъ первыхъ трехъ лѣтъ ¹⁾).

Въ виду этихъ трехлѣтнихъ опытовъ, достаточно показавшихъ достоинство моихъ печей, я рѣшился, 12-го мая 1875 года, подать докладную записку почетному опекуну Спб. Воспитательнаго дома, Николаю Андреевичу Шторху (нынѣ покойному), съ приложеніемъ сравнительной таблицы вычисленій экономіи, составленной изъ памятной записки Воспитательнаго дома отъ 23-го декабря 1873 года, изъ которой было видно, что при устройствѣ печей моей системы, во всемъ зданіи Воспитательнаго дома и въ зданіи Опекунскаго совѣта, отопленіе обошлось бы всего около 13,000 руб. ежегодно ²⁾).

¹⁾ Въ общемъ для Воспитательнаго дома вмѣсто 56 голландскихъ печей, 3 духовыхъ и 13 каминовъ мною было устроено 17 паро-вентиляціонныхъ печей, что составило экономію въ 1,476¹/₂ саж. дровъ ежегодно, а именно на прежнія печи расходовалось въ теченіи семи зимнихъ мѣсяцевъ 1,631 саж., а на мои печи потребовалось всего 154¹/₂ саж. Д. Г.

²⁾ Въ ежегодно издаваемой смѣтѣ расходовъ по учрежденіямъ императрицы Маріи (за 1878 г.) показанъ, наприм., расходъ на отопленіе только этихъ двухъ зданій, а именно Воспитательнаго дома и Опекунскаго совѣта,

Въ этой же докладной запискѣ Н. А. Шторху, говоря о печахъ различныхъ системъ, я позволилъ себѣ упомянуть о неудобствѣ и дороговизнѣ водянаго отопленія, но не считалъ умѣстнымъ распространяться о немъ, чтобы не приняли это за личность. Однако, не далѣе какъ въ 1886 году, слѣдовательно десять лѣтъ спустя, я встрѣтилъ въ одной изъ столичныхъ газетъ неопровержимое доказательство, что въ послѣднее время мое мнѣніе относительно водянаго отопленія раздѣляютъ и техники. Такъ, въ числѣ различныхъ подробностей, сообщаемыхъ упомянутой газетой о новомъ зданіи Столичнаго Мироваго Съѣзда, говорится: что „отопленіе и вентиляція зданія производиться будутъ духовыми печами, потому что водяное отопленіе оказалось слишкомъ дорогимъ“¹⁾.

Въ концѣ 1875 года, а именно 28-го ноября, мною было получено объявленіе отъ правленія с.-петербургскаго Воспитательнаго дома, что я могу „во всякое время получить удостовѣреніе, что устроенныя мною печи признаны въ экономическомъ отношеніи дѣйствительно полезными“, но что для изслѣдованія печей съ гигиенической стороны „будетъ назначена особенная коммисія“ (16), что и было сдѣлано. Въ началѣ слѣдующаго 1876 года коммисія приступила къ дѣйствіямъ, но, въ сожалѣнію, о полученныхъ результатахъ мнѣ не было ничего сообщено. Между тѣмъ десятилѣтній контрактъ съ Воспитательнымъ домомъ и данное мною безвозмездное обязательство лично наблюдать въ теченіи этого срока за устроенными мною печами оказались крайне неудобными, такъ какъ привязывали меня къ мѣсту и лишали возможности принять на себя какой-либо иногородный заказъ. Такъ, напримѣръ, я долженъ былъ отказаться отъ предстоявшихъ мнѣ подрядовъ въ Полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (17), отъ Екатеринославской губернской земской управы (18) и отъ Елизаветградскаго земства (19). Что же касается дальнѣйшихъ болѣе

27,707 руб., слѣдовательно на нихъ однихъ получилось бы приблизительно 14,000 руб. экономіи въ годъ, что составило бы въ теченіи 10 лѣтъ 140,000 руб. Изъ этого видно, какую бы огромную экономію могло бы составить для государства, какъ въ денежномъ отношеніи, такъ и со стороны сбереженія лѣсовъ, распространеніе упомянутыхъ печей новаго устройства въ нашихъ многочисленныхъ казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ. Д. Г.

¹⁾ См. „Петербургская Газета“, 19-го февраля 1886 года, № 49.

или менѣе значительныхъ печныхъ работъ въ самомъ Петербургѣ, то дѣло не заладилось, въ виду стеченія неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ, какъ-то: наступленія послѣдней русско-турецкой войны, кончины его высочества принца Ольденбургскаго и почетнаго опекуна Воспитательнаго дома Н. А. Шторха, съ неизбѣжной при этомъ перемѣной начальственныхъ лицъ, не знавшихъ ни меня лично, ни моихъ работъ. Со мною случился рядъ неудачъ.

Въ 1876 году не состоялся заказъ на устройство печей въ въ архивѣ государственнаго контроля; затѣмъ мнѣ было отказано въ моемъ предложеніи устроить печи въ спб. 5-й гимназіи, безъ приведенія причинъ (20). Наконецъ, въ 1879 году, мнѣ предстояло получить подрядъ отъ военнаго министерства на передѣлку всѣхъ печей въ Николаевскомъ госпиталѣ, но такъ какъ при этомъ потребовалось отъ меня предъявленіе „детальныхъ чертежей вентиляціонныхъ аппаратовъ“, то я, напуганный случаемъ съ Левенстамомъ, не рѣшился на это, хотя, быть можетъ, безъ всякаго съ моей стороны основанія (21). Такимъ образомъ и здѣсь дѣло разстроилось.

Срокъ по послѣднему изъ трехъ десятилѣтнихъ контрактовъ, заключенныхъ мною съ Воспитательнымъ домомъ, окончился въ 1884 году и мнѣ былъ выданъ сполна залогъ, равно были въ свое время получены мною всѣ слѣдующія мнѣ деньги по двумъ остальнымъ контрактамъ, такъ какъ устроенныя мною печи найдены „вполнѣ соответствующими своему назначенію“. Въ противномъ случаѣ, какъ упомянуто выше, я лишился бы, помимо залога, половины слѣдующихъ мнѣ денегъ за устройство печей по тремъ десяти-лѣтнимъ контрактамъ съ Воспитательнымъ домомъ.....

Д. Е. Гнусинъ.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ этому сказанію считаемъ не лишнимъ замѣтить, что нашъ самородокъ изобрѣтатель, въ концѣ концовъ, не нашлъ ничего,—это совершенный бѣднякъ. Будь на его мѣстѣ нѣмецъ или вообще нвоземецъ—тотъ нашлъ бы сотни тысячъ рублей, жилъ бы въ палатахъ и игралъ бы роль въ русскомъ обществѣ. Все, что успѣлъ сдѣлать Дмитрій Емельяновичъ, это — озаботиться объ отличномъ образованіи своихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ сынъ пользуется большою извѣстностью какъ инженеръ и одинъ изъ строителей Николаевскаго порта.

Р е д.

Перечень документовъ къ разсказу Д. Е. Гнусина ¹⁾

1849—1879 гг.

1) Свидѣтельство о выдачѣ медали Д. Е. Гнусину за исполненіе печныхъ работъ при постройкѣ московскаго кремлевскаго дворца, отъ 19 іюля 1849 г., за № 14.

2) Свидѣтельство о поставкѣ восемнадцати мѣдныхъ „переносныхъ“ печей для вагоновъ императорскихъ, 1-го класса и семейныхъ, выданное Д. Е. Гнусину за подписью генералъ-маіора Крафта, 21 іюня 1854 года, изъ управленія с.-п.-м. желѣзной дороги за № 5,938. Въ этомъ свидѣтельствѣ сказано, что печи по испытаніи въ продолженіи зимы „по малому своему объему, незначительному количеству топлива, постоянной температурѣ въ вагонахъ безъ чада и непріятнаго запаха, найдены вполне соответствующими своему назначенію“.

3) Свидѣтельство, выданное московскою распорядительною думою 9 августа 1865 г. за № 13,156, о поставкѣ шести „паро-пневматическихъ“ печей системы Гнусина въ Хамовническихъ казармахъ, съ показаніемъ отличныхъ результатовъ, полученныхъ въ теченіи семи зимнихъ мѣсяцевъ.

4) Свидѣтельство московской 3-й гимназіи, выданное декабря 21 дня 1865 года за № 993, о томъ, что вновь устроенная Гнусинымъ привилегированная паро-пневматическая печь, нагревая пространство около 120 сажень, требуетъ всего среднимъ числомъ около 1 саж. дровъ въ мѣсяць.

---

¹⁾ Эти документы читаны нами и возвращены обратно Дмитрію Емельяновичу Гнусину.

5) Свидѣтельство, выданное Д. Е. Гнусину въ маѣ 1866 г., объ устройствѣ въ церкви Спаса на Пескахъ паро-пневматической печи, которая, нагревая пространство въ 150 куб. саж., при соблюденіи тепла отъ 12° до 15°, потребовала, вмѣсто прежнихъ 30 саж., около 8 саж. въ зиму.

6) Свидѣтельство, выданное игуменомъ Николаевской Бирлюковской пустыни, отъ 2 мая 1867 года, въ удостовѣреніе удовлетворительныхъ результатовъ, полученныхъ отъ устроенной Д. Е. Гнусинымъ изобрѣтенной имъ печи въ пещерной церкви, при слѣдующей экономіи топлива: вмѣсто прежнихъ 30 саж. дровъ— всего 5 саж.

7) Два свидѣтельства московской синодальной конторы, выданныя 24-го января 1867 года, за № 164, и апрѣля 30 того-же года за № 623, въ удостовѣреніе результатовъ, оказавшихся на опытѣ при устройствѣ изобрѣтенныхъ Д. Е. Гнусинымъ печей, въ домѣ синодальныхъ пѣвчихъ, съ приложеніемъ заключеннаго при этомъ контракта.

8) Свидѣтельство, выданное врачомъ при московскомъ попечительномъ о бѣдныхъ комитетѣ К. Нагелемъ, отъ 15 января 1867 года, въ томъ, что устроенная въ его квартирѣ (въ домѣ кн. Воронцова) паро-пневматическая печь, отапливая три большихъ залы и корридоръ, всего около 60 куб. саж., требуетъ не болѣе $\frac{3}{4}$ саж. дровъ въ мѣсяцъ, при соблюденіи постоянной температуры въ 14° и весьма легкою, не сухою и здоровою воздухомъ.

9) Отношеніе IV отдѣленія собственной его величества канцеляріи, отъ 5 августа 1865 года за № 4,113, въ которомъ г. исправляющій должность главноуправляющаго, за отъѣздомъ его высочества принца Ольденбургскаго изъ Петербурга, баронъ Фридрихъ приказалъ объявить Д. Е. Гнусину, что „если онъ желаетъ, чтобы вѣдомство императрицы Маріи приняло его изобрѣтеніе въ своихъ заведеніяхъ, то долженъ доказать пользу онаго на опытѣ при специальныхъ людяхъ“.

10) Копія, выданная изъ главнаго инженернаго управленія военнаго министерства Д. Е. Гнусину съ бумаги, посланной начальнику инженеровъ петербургскаго военнаго округа, отъ 11 января 1871 г. за № 331, въ томъ, что инженерный комитетъ, вслѣдствіе записки своего члена, военнаго инженера генераль-маіора Богдановскаго, и отзыва другаго члена, д. с. совѣтника Гримма, журналомъ 7 минувшаго декабря, положилъ: „для болѣе обширныхъ опытовъ надъ печами Гнусина устроить ихъ при разныхъ обстоятельствахъ и особенно въ большихъ комнатахъ и экзерциргаузахъ и о результатахъ опытовъ довести до свѣдѣнія инженернаго комитета“. О такомъ заключеніи въ

означенной бумагѣ сообщалось начальнику инженеровъ петербургскаго округа „для зависящаго распоряженія къ исполненію съ тѣмъ, чтобы печи Гнусина были устроены вмѣсто печей, пришедшихъ въ совершенную ветхость и потому требующихъ передѣлки вновь“.

Прим. При этомъ генераль-маіоромъ Богдановскимъ подана была въ комитетъ таблица лично произведенныхъ имъ наблюденій надъ паро-пневматическою печью системы Гнусина, устроенною въ видѣ опыта, въ маѣ 1869 г., въ собственномъ кабинетѣ ген.-маіора Богдановскаго.

11) Печатный циркуляръ его высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, отъ 18 мая 1871 г. за № 3,078, о введеніи паро-пневматическихъ печей системы Д. Е. Гнусина въ учрежденіяхъ императрицы Маріи.

12) Контрактъ хозяйственнаго управленія с.-петербургскаго училища ордена св. Екатерины съ Д. Е. Гнусинимъ на устройство двухъ печей его собственной конструкторской съ ручательствомъ на три года „за прочность, удобство, достаточную теплоту“, при употребленіи для топки сихъ печей, съ 1-го октября по 1-е мая каждаго года, отъ 60 до 70 саж. (меньше прежняго на 250 саж., стоящихъ, по тогдашней стоимости дровъ, болѣе 700 р.). Сюда-же относятся слѣдующіе документы: а) Рапортъ архитектора Мерца, отъ 3 февраля 1873 года за № 31.—б) Копія съ рапорта смотрителя училища Бауера за № 41, отъ 14 февраля 1873 года.—в) Подлинное свидѣтельство отъ совѣта училища св. Екатерины, мая 29 дня 1873 года за № 632, о количествѣ сожженныхъ дровъ, согласно съ контрактомъ.—г) Копія съ отношеніями совѣта училища св. Екатерины, отъ 24 августа 1873 г. № 1,263, о томъ, что печи системы Гнусина „оказались вполне удовлетворительными“. При этомъ показаны въ цифрахъ полученные результаты.

13) Контрактъ, заключенный правленіемъ императорскаго Воспитательнаго дома, по утвержденію почетнаго опекуна статсъ-секретаря Шторка, отъ 30 апрѣля 1872 года, съ Д. Е. Гнусинимъ, на устройство четырехъ печей его системы въ лазаретѣ грудныхъ дѣтей „съ каминными для вентиляціи, особенными шкафами для просушки бѣлья и проводомъ въ церковь жаровыхъ каналовъ“, съ ручательствомъ на три года. Сюда-же относятся слѣдующіе документы: а) Копія съ отзыва правленія петербургскаго Воспитательнаго дома, отъ 6 марта 1873 года, на запросъ начальства московскаго Воспитательнаго дома объ удовлетворительныхъ результатахъ печей системы Гнусина, и б) о

тому же подлинное свидѣтельство правленія с.-петербургскаго Воспитательнаго дома, выданное Д. Е. Гнусину 5 мая 1873 г. за № 3,304.

14) Подлинное свидѣтельство архитектора, тайнаго совѣтника К. Тона, отъ 29 января 1873 г., о достоинствѣ печей системы Д. Е. Гнусина какъ въ отношеніи тепла и влажности воздуха, такъ и весьма значительной экономіи въ употребленіи топлива, а именно 85⁰/₀.

15) Два контракта, заключенныхъ на десять лѣтъ правленіемъ с.-петербургскаго Воспитательнаго дома съ Д. Е. Гнусинимъ, въ 1873 г., на устройство печей парадной лѣстницы отдѣленія грудныхъ дѣтей и въ томъ же 1873 году на устройство печей въ девяти палатахъ приноснаго отдѣленія. (При нихъ копія съ памятной записки с.-петербургскаго Воспитательнаго дома, сообщенной начальству московскаго Воспитательнаго дома, отъ 23 декабря 1873 года за № 10, съ замѣткой о каминахъ). Третій и послѣдній контрактъ заключенный правленіемъ с.-петербургскаго Воспитательнаго дома съ Д. Е. Гнусинимъ на устройство шести печей его системы въ учительской семинаріи и женскомъ училищѣ, заключенный 8-го іюня 1874 года, съ ручательствомъ на десять лѣтъ.

16) Объявленіе отъ правленія петербургскаго Воспитательнаго дома, отъ 28 ноября 1875 года за № 8,326, о томъ, что Д. Е. Гнусинъ можетъ „во всякое время получить удостовѣреніе, что устроенныя имъ печи признаны въ экономическомъ отношеніи дѣйствительно полезными, но что для изслѣдованія печей въ гигиеническомъ отношеніи будетъ назначена особенная коммисія“.

17) Два отношенія совѣта полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ къ Д. Е. Гнусину, отъ 20 декабря 1871 года за № 1,352 и отъ 21 октября 1874 г. за № 1,498.

18) Два отношенія екатеринославской губернской земской управы къ Д. Е. Гнусину объ устройствѣ печей его системы въ мѣстныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, отъ 25 іюня 1875 года за № 2,536 и отъ августа 20 того-же года за № 3,316.

19) Изъ Елизаветграда Д. Е. Гнусину стношеніе комисіи по постройкѣ зданія земскаго высшаго реальнаго училища, отъ 22 марта 1873 года за № 212, а также телеграмма отъ земства изъ Елизаветграда Д. Е. Гнусину 1878 года о ставкѣ 24 печей въ новой гимназіи.

20) Отказъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 8 октября 1878

года за № 10,714 на устройство печей системы Гнусина въ с.-петербургской 5-й гимназіи.

21) Отношеніе петербургскаго военнаго округа 1-й с.-петербургской инженерной дистанціи, отъ 6 февраля 1879 года за № 199, о предъявленіи Д. Е. Гнусинымъ „детальныхъ чертежей вентиляціонныхъ аппаратовъ“ съ расчетомъ, на которомъ онъ считаетъ возможнымъ согрѣвать въ теченіи семи мѣсяцевъ комнатною температурою 10,000 куб. саж., употребляя всего 500 евадр. саж. дровъ.

Н. А. В.

ПЛЕВНЕНСКОЕ СИДѢНІЕ

1877 г.

III¹⁾.

Начало полного обложенія Плевны 12-го октября: занятіе Софійскаго и Плевно-Ловченскаго шоссе, взятіе Горнаго Дубняка.—Сдача Телиша 16-го октября.—Извѣтіе съ 19-го октября изъ-подъ начальства генераль-адъютанта Тотлебена войскъ, дѣйствующихъ на лѣвомъ берегу р. Види.—Очищеніе турками Дольнаго Дубняка 20-го октября.—Записка Тотлебена, доложенная императору Александру 22-го октября.—Высочайшій смотръ гвардіи 23-го октября, на лѣвомъ берегу р. Види.—Болѣзнь Тотлебена.—Занятіе 28-го октября генераломъ Скобелевымъ перваго крыжа Зеленыхъ горь.—Переименованіе 3-го ноября западнаго отряда въ „отрядъ отложенія Плевны“, съ подчиненіемъ его вновь, въ полномъ составѣ, генераль-адъютанту Тотлебену.—Молебень 7-го ноября, по случаю взятія крѣпости Карса.—Распоряженія Тотлебена по 27-е ноября; мѣры, принятія по случаю прорыва Османпаша.—Послѣдній объѣздъ Тотлебеномъ Плевненской линіи обложенія съ 21-го по 25-е ноября.—Георгіевскій праздникъ подъ Плевною, 26-го ноября.

Съ семи часовъ утра 12-го октября, во время предполагавшагося занятія войсками гвардіи Софійскаго шоссе, открыто было бомбардированіе Плевненскаго укрѣпленнаго лагеря. Буря залповъ гремѣла цѣлый день съ небольшими перерывами надъ турецкою позиціею. Всего было выпущено съ артиллерійской боевой линіи, во время произведенной 12-го октября демонстраціи, 3,156 снарядовъ²⁾. Непріятель отвѣчалъ весьма рѣдкими выстрѣлами и обнаружилъ до 30 орудій. Одновременно съ артиллерійскою демонстраціею, предпринятою для отвлеченія вниманія непріятели, отрядъ генерала Зотова долженъ былъ утвердиться на Плевно-Ловченскомъ шоссе и занять Рыжую гору; од-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, июль, стр. 213—242.

²⁾ Изъ нихъ приходится на 24-хъ фунт. пушки 387, на 9-ти фунт. 2,352 и на 4-хъ фунт. 417 снарядовъ.

новременно съ этими дѣйствіями, всѣ войска 9-го корпуса были выставлены на позиціи въ полной готовности къ бою. Румынскія войска также участвовали въ демонстраціи 12-го числа, поддерживая ее артиллерійскимъ огнемъ и войсками, сосредоточенными на позиціи.

Занятіе Плевно-Ловченскаго шоссе и укрѣпленіе Рыжей горы совершились безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля, который не сдѣлалъ здѣсь ни одного выстрѣла. На лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, въ сторонѣ р. Вида, три баталіона л.-гв. Волынскаго полка съ шестью орудіями также заняли безъ боя высоты надъ д. Трینیной и начали окапываться.

Тотлебенъ, въ день 12-го октября, объѣхалъ новую линію обложенія на протяженіи между Тученицкимъ и Картужавенскимъ оврагами; турки безмолвствовали здѣсь и даже Кришинскій редутъ не посылалъ ему обычнаго привѣтствія, когда онъ выѣзжалъ впередъ для обзоренія непріятельской позиціи.

Демонстраціи, произведенныя 12-го октября вокругъ Плевны по указаніямъ Тотлебена, достигли вполнѣ предполагаемой цѣли; Османъ-паша, въ ожиданіи новаго штурма, не выслалъ на Софійское шоссе войскъ противъ генерала Гурко. Турки по этому поводу пишутъ: «хотя командующій арміею (Османъ-паша) и предвидѣлъ опасность, неизбежно угрожающую войскамъ, находившимся у Горняго-Дубняка, но такъ какъ, съ одной стороны, въ это время непріятель производилъ непрестанную убійственную бомбардировку нашего лагеря, а съ другой, съ усиленіемъ Трининскихъ высотъ, имъ былъ захваченъ нашъ путь отступленія, то поддержать войска у Горняго-Дубняка высылкою подкрѣпленій изъ Плевны было немислимо» ¹⁾.

Цѣлый день Тотлебенъ находился въ невѣдѣніи чѣмъ кончилось предпріятіе генераль-адъютанта Гурко противъ Горняго-Дубняка ²⁾!

¹⁾ Таль-атъ: „Описаніе военныхъ дѣйствій подъ Плевною въ войну 1877 года“.

²⁾ Къ вечеру 12-го октября, Тотлебенъ далъ генералу Зотову слѣдующее предписаніе:

„Съ цѣлю задержанія непріятельскихъ резервовъ у Плевны, продолжать завтра, 13-го октября, начатую сегодня демонстрацію на Плевно-Ловченскомъ шоссе, для сего: 1) На занятой сегодня позиціи сставить бригаду 30-й и одну бригаду 16-й пѣхотной дивизіи. 2) Другую бригаду 16-й дивизіи съ двумя батареями расположить съ утра и до сумерокъ на позиціи, которую занимали сегодня л.-гв. Литовскій и Австрійскій полки. 3) Дѣятельно продолжать и окончить постройку начатыхъ сего числа укрѣпленій. 4) Три полка 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставить въ Ралиево, приказавъ быть въ совершенной готовности къ выступленію, по первому востребованію, для поддержанія войскъ, дѣйствующихъ на Плевно-Ловченскомъ шоссе или за Видомъ“.

Только въ ночь на 13-е октября получено донесеніе, что послѣ десяти часового упорнаго и кровопролитнаго боя укрѣпленная турецкая позиція у Горняго-Дубняка взята; уцѣлѣвшій послѣ дѣла гарнизонъ съ пашею ¹⁾ взяты въ плѣнъ. Предпринятая же одновременно съ этимъ дѣломъ атака Телиша не увѣнчалась успѣхомъ и была отбита турками съ большимъ для насъ урономъ. Потери наши оказались весьма великими и доходили, по первымъ свѣдѣніямъ, до 3,500 человекъ. Вслѣдствіе этого и въ виду предстоявшей необходимости овладѣть еще Телишемъ, генераль-адъютантъ Гурко просилъ о назначеніи ему немедленно подкрѣпленія въ составѣ не менѣе одного полка.

Тотлебенъ поспѣшилъ предоставить въ распоряженіе генераль-адъютанта Гурко 1-ю бригаду 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями. Это оказалось какъ нельзя болѣе кстати, потому что утромъ получена въ Тученицѣ слѣдующая телеграмма отъ начальника войскъ гвардіи изъ Медована: «Потеря въ офицерахъ оказалась гораздо существеннѣе, чѣмъ я предполагалъ вчера, вслѣдствіе этого организація въ полкахъ 2-й гвардейской дивизіи, во 2-й бригадѣ 1-й гвардейской дивизіи, а также въ гвардейской стрѣлковой бригадѣ, сильно распатана, а потому прошу прислать не полкъ, а бригаду».

На это донесеніе генераль-адъютантъ Гурко получилъ отъ начальника штаба князя Имеретинскаго отвѣтъ: «генераль-адъютантъ Тотлебенъ предоставляетъ вообще всю 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею въ распоряженіе вашего пр—ва» ²⁾.

Страшныя потери, сопровождавшія взятіе Горняго-Дубняка, произвели на Тотлебена весьма тягостное впечатлѣніе, и окончательно сдѣлали его рѣшительнымъ противникомъ всякихъ дальнѣйшихъ штурмовъ; онъ сталъ обнаруживать еще болѣе большую осмотрительность и сдержанность въ своихъ распоряженіяхъ. Однако, послѣ занятія Горняго-Дубняка, предположеніе объ утвержденіи гвардіи на Софійскомъ шоссе было исполнено только на половину, пока Телишъ оставался во власти турокъ. Для довершенія обложенія Шлевны съ западной стороны, предстояло овладѣть еще этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ. Тотлебенъ склонялся къ мысли принудить Телишъ къ сдачѣ при содѣйствіи одного артиллерійскаго огня, избѣгая кровопролитія, сопряженнаго съ штурмомъ, чтобы сохранить войска для болѣе важныхъ операцій. Къ ве-

¹⁾ Ахметъ-Хивзи-паша.

²⁾ Первой бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями приказано было выступить утромъ 13-го октября изъ Ралиево въ Чириково, гдѣ ожидать приказаній генерала Гурко. Въ то же время Прусскій полкъ съ двумя батареями долженъ былъ выступить изъ Ралиево въ Медованъ.

личайшему удовольствію онъ встрѣтилъ выраженіе тѣхъ же мыслей въ донесеніи генераль-адъютанта Гурко, написанномъ на другой день послѣ Горне-Дубнякского дѣла ¹⁾).

«Осмотрѣвъ позицію, занятую турками у Телиша, сказано въ рапортѣ генерала Гурко, я нашелъ, что она укрѣплена весьма сильно и во всякомъ случаѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ взятая нами позиція у Горняго-Дубняка. Атаковать эту позицію и брать ее штурмомъ я не рѣшаюсь, потому что даже удачная атака позиціи будетъ стоить громадныхъ потерь. Съ другой стороны, не взять Телиша почти невозможно. Пока эта позиція въ рукахъ турокъ, положеніе моего отряда весьма тяжелое, такъ какъ я имѣю и съ фронта, и съ тыла, въ весьма близкомъ разстояніи, около 6-ти верстъ, заняты непріятелемъ сильно укрѣпленныя позиціи у Дольняго-Дубняка и у Телиша».

«Поэтому я полагалъ бы взять Телишъ почти артиллерійскою атакою. По показаніямъ плѣнныхъ, взятыхъ у Горняго-Дубняка, нашъ артиллерійскій огонь, направленный въ укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ, былъ такъ силенъ, что если бы онъ продолжался еще часа два, то они должны были бы положить оружіе, не дожидаясь штурма. Дѣйствительно, потеря турокъ отъ артиллерійскаго огня, какъ оказалось по осмотрѣ труповъ, была громадна. Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что если мы окружимъ позицію у Телиша съ трехъ сторонъ, выставивъ по одной бригадѣ съ 16-ю орудіями съ каждой, и затѣмъ будемъ обстрѣливать позицію въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, то непріятель не выдержитъ и положитъ оружіе. Такимъ образомъ, я нахожу, что для взятія Телиша необходимо ввести въ дѣло три бригады пѣхоты съ 48-ю орудіями 9-ти фунтоваго калибра и съ достаточнымъ числомъ кавалеріи съ конною артиллеріею».

«У меня въ настоящее время, за исключеніемъ Медованскаго отряда, пять бригадъ. Если я отдаю на операціи противъ Телиша три бригады, то противъ Плевны у меня останется только двѣ. Если во время операціи противъ Телиша Османъ-паша произведетъ вылазку противъ позиціи у Горняго-Дубняка, то можно опасаться, что не отразимъ его атаки».

Вслѣдствіе этого генераль-адъютантъ Гурко признавалъ отдѣленіе трехъ бригадъ для взятія Телиша — дѣломъ рискованнымъ и просилъ подкрѣпить въ возможно скорѣйшее время одной пѣхотной бригадой.

---

¹⁾ Рапортъ на имя генераль-адъютанта Тотлебена отъ 13-го октября 1877 г. № 26.

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ отправилъ, 14-го октября, слѣдующее предписание.

«Вполнѣ раздѣляю соображенія вашего пр—ва, изложенныя въ рапортѣ отъ 13-го октября, относительно необходимости овладѣнія Телишемъ, и при этомъ преимущественно артиллерійскою атакою, избѣгая по возможности штурма. Относительно усиленія ввѣреннаго вамъ отряда одною пѣхотною бригадою, я, тотчасъ же по полученіи извѣстія о послѣдствіяхъ боя 12-го октября на Софійскомъ шоссе, отправилъ 13-го октября, въ 9 часовъ утра, въ распоряженіе ваше, въ д. Чириково, 1-ю бригаду 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями, а Прусскій полкъ съ двумя батареями въ Медованъ... Слѣдовательно ваше пр—во располагаете въ настоящее время для овладѣнія Телишемъ, кромѣ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, еще 1-ю бригадою 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями и, въ случаѣ надобности, можете, оставивъ, по прежнему, въ Медованѣ одинъ полкъ и одну батарею, притянуть къ себѣ оттуда еще одинъ полкъ съ двумя батареями».

14-го октября генераль-адъютантъ Гурко довелъ до свѣдѣнія Тотлебена, что атака Телиша будетъ предпринята 16-го октября рано утромъ ¹⁾. Для того же, чтобы Османъ-паша, услыхавъ канонаду, не вышелъ изъ Плевны, въ то время, когда часть отряда будетъ занята атакою телишской позиціи, генераль Гурко находилъ весьма желательнымъ усиленною бомбардировкою Плевны со всѣхъ батарей удержать армію Османа отъ наступленія противъ нашей позиціи у Горняго Дубняка ²⁾. Атака Телиша должна была сопровождаться усиленною кавалерійскою демонстраціею противъ Дольняго Дубняка и противъ турецкихъ позицій у Червенобреча и Радомирцы. Что касается самаго производства атаки противъ Телиша, то ее предполагалось, согласно прежде сдѣланному заявленію, вести исключительно при помощи одной артиллеріи съ разстоянія не болѣе 800 саж. для 9-ти фунт. батарей и 700 саж. для 4-хъ фунт. батарей; назначено было выпустить по 100 снарядовъ на орудіе, всего 7,200 снарядовъ.

На основаніи этихъ свѣдѣній о предстоящей 16-го октября атаки Телиша, генераль-адъютантъ Тотлебенъ отдалъ, наканунѣ вечеромъ, слѣдующія приказанія командирамъ 4-го и 9-го армейскихъ корпу-

¹⁾ Рапортъ генераль-маіора Нагловскаго (начальника штаба генераль-адъютанта Гурко) князю Имеретинскому отъ 14-го октября 1877 г.

²⁾ Относительно дѣйствій съ артиллерійскою боевой линіи, съ 13-го по 16-е октября, замѣтимъ здѣсь, что 13-го октября выпущено 1,275 снарядовъ, 14-го октября—1302 снарядовъ и 15-го октября—626 снарядовъ.

совъ и начальнику вновь образованнаго на Плевно-Ловченскомъ шоссе отряда, генералу Скобелеву ¹⁾):

1) Всѣмъ батареямъ, за исключеніемъ расположенныхъ на Плевно-Ловченскомъ шоссе, открыть 16-го октября, съ 8-ми часовъ утра и до 3-хъ часовъ пополудни, сильный огонь по дѣлямъ, которыя будутъ указаны завѣдующимъ боевою артиллерійскою линіею. Произвести въ

¹⁾ 14-го октября, по приказанію генералъ-адъютанта Тотлебена, начальник штаба князь Имеретинскій сообщилъ командирамъ 9-го и 4-го армейскихъ корпусовъ и 16-й пѣхотной дивизіи нижеслѣдующее:

„По показаніямъ, заслуживающимъ довѣрія, въ настоящее время въ Плевнѣ находится слѣдующее число войскъ: 69 таборовъ различнаго состава, по среднимъ числомъ около 700 человекъ въ таборѣ; кавалеріи три полка, около 500 человекъ въ каждомъ, и отъ 100 до 200 черкесовъ; всего около 55,000, изъ коихъ одна треть низама, одна треть редифа и одна треть мустахфиза. Изъ всѣхъ этихъ войскъ ничего не было выслано на Софійскую дорогу и всѣ они сосредоточены у Плевны. Продовольствія очень мало и всякую минуту можно ожидать предпріятія со стороны непріятеля, почему необходимо принять всевозможныя мѣры предосторожности и быть постоянно готовымъ къ дѣйствію, продолжая усиливать наши оборонительныя средства укрѣпленіемъ занятыхъ позицій. Для сего помощникъ начальника отряда приказалъ: 1) для встрѣчи непріятеля на Плевно-Ловченскомъ шоссе образовать особый отрядъ изъ 16-й пѣхотной дивизіи, бригады 30-й пѣхотной дивизіи, трехъ баталіоновъ 3-й стрѣлковой бригады и трехъ батарей 2-й артиллерійской бригады подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева; 2) въ случаѣ передвиженія 16-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею для содѣйствія отрядамъ нашимъ на Софійскомъ шоссе или у Медована, усилить плевно-ловченскій отрядъ бригадою 5-й пѣхотной дивизіи, по назначенію командира 9-го корпуса, для чего означенную бригаду (безъ артиллеріи) переводить ежедневно утромъ и до сумерекъ къ Велико-Княжеской горѣ, на пересѣченіе дорогъ изъ Пелишата въ Плевно и изъ Тученицы въ Гривиду, и быть въ постоянной готовности къ движенію по первому востребованію; 3) генералъ-лейтенанту Зотову командовать всѣми войсками отъ лѣваго фланга 9-го корпуса до Тученицкаго оврага; въ случаѣ-же ухода 16-й пѣхотной дивизіи съ Плевно-Ловченскаго шоссе, подъ начальство ген.-лейтен. Зотова поступить и остальнымъ частямъ плевно-ловченскаго отряда, вмѣстѣ съ бригадою 5-й пѣхотной дивизіи; при этомъ ближайшее распоряженіе войсками на позиціи отъ лѣваго фланга 9-го корпуса до Тученицкаго оврага поручить генералъ-маіору Шнитникову“.

Отсюда слѣдуетъ, что въ 4-мъ корпусѣ по занимаемой имъ позиціи оставалось только: 2-я пѣхотная дивизія (12-го октября составъ ея простирался только до 4,000 человекъ. Полки были двухъ-баталіонные), 2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи, 12-й стрѣлковый баталіонъ изъ 3-й стрѣлковой бригады (9-й, 10-й и 11-й стрѣлковые баталіоны этой бригады находились у Скобелева), три батареи 30-й артиллерійской бригады и три батареи 2-й артиллерійской бригады.

означенный промежуток времени от 20-ти до 30-ти выстрѣловъ изъ орудій.

2) Войскамъ 9-го армейскаго корпуса и находящимся лѣвѣе ихъ до Тученицкаго оврага быть 16-го октября съ утра и до сумерекъ въ совершенной готовности къ дѣйствію.

3) Отряду генераль-лейтенанта Скобелева демонстрировать къ Плевно-Ловченскому шоссе.

14-го октября государь императоръ прибылъ въ Порадимъ и 15-го числа поѣхалъ въ Боготъ, гдѣ съ 12-го октября помѣщалась главная квартира его высочества главнокомандующаго и сосредоточивались госпитали. Послѣ завтрака состоялось въ присутствіи государя совѣщаніе, на которомъ присутствовали главнокомандующій, князь Карлъ Румынскій, генераль-адъютанты Непокойчицкій и Тотлебенъ и князь Имеретинскій. Генераль-адъютантъ Тотлебенъ доложилъ совѣту свои соображенія относительно предпочтенія, отдаваемого имъ системѣ тѣснаго обложенія Плевны, т. е. блокадѣ, предъ всякими другими способами. Его величеству благоугодно было утвердить такой планъ дѣйствій. Относительно же предстоящей на другой день атаки Теляши государь императоръ изволилъ выразиться такъ: «атака должна быть артиллерійская, отнюдь не допуская увлеченій». Тотлебенъ немедленно сообщилъ генераль-адъютанту Гурко высочайшую волю ¹⁾.

---

¹⁾ Тотлебенъ начальнику всей кавалеріи и гвардіи западнаго отряда 15-го октября 1877 года.

„Для овладѣнія Плевною, а главное для уничтоженія сопротивленія арміи Османа-паши, приходится выбрать одно изъ двухъ средствъ: или штурмъ непріятельскихъ укрѣпленій, или блокаду. До сихъ поръ былъ нѣсколько разъ испробованъ первый способъ, и, не смотря на огромныя потери, мы непріятели не одолѣли. Въ настоящее время противникъ укрѣпился еще лучше прежняго и новые штурмы съ нашей стороны повлекли-бы за собою громадныя потери, безъ всякаго вѣроятія въ успѣхъ. Поэтому, а именно теперь, когда мы имѣемъ достаточно войскъ для того, чтобы замкнуть непріятели въ Плевнѣ со всѣхъ сторонъ и не допускать къ нему продовольствія и боевыхъ припасовъ, и слѣдовательно можемъ заставить непріятели сдаться, не прибѣгая къ штурму и не допуская большихъ жертвъ съ нашей стороны—необходимо ограничиться почти исключительно блокадою его. Кромѣ того непріятели, доведенный нашею тѣсною блокадою до крайности, вѣроятно попытается, и притомъ всѣми силами, прорвать нашу блокадную линію и къ этому времени мы должны быть въ состояніи встрѣтить его какъ слѣдуетъ и для сего сохранить наши силы. Въ виду этихъ соображеній, я призналъ необходимымъ предпочесть систему тѣснаго обложенія Плевны, т. е. блокады оной, предъ всякими другими способами, и, по докладу моему о семъ Государю Императору, Его Величеству благо-

Затѣмъ Его Величество направился къ раненымъ. Едва пронеслось между ранеными извѣстіе объ ожидающемъ ихъ счастіи, какъ, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, произошло что-то такое, чего не въ состояніи описать никакое перо. Въмѣсто господствующаго въ госпиталяхъ унылаго молчанія, прерываемаго страдальческими стопами, все вдругъ зашевелилось, всѣ радостно заговорили, всѣ лица просіяли, со всѣхъ сторонъ послышались возгласы умиленія и восторга; всѣ хотѣли бѣжать на встрѣчу обожаемому «батюшкѣ-царю»; даже трудно раненые пытались встать, не внимая просьбамъ и настояніямъ сестеръ милосердія. Государь шелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, ожидая встрѣтить общую картину страданій и горя. Его Величество былъ отрадно изумленъ и успокоенъ, увидѣвъ, что одного присутствія его было достаточно, чтобы изгладить у самыхъ удрученныхъ страдальцевъ всякій слѣдъ ихъ физическихъ мученій и нравственныхъ тревоженій: воодушевленная, восторженная толпа, съ перевязанными головами, подвязанными руками, многіе на костыляхъ, но всѣ съ сіяющими лицами и сверкающими глазами, мгновенно окружили государя. У всѣхъ текли слезы умиленія, всѣ цѣловали его одежду, всѣ благословляли священное имя Царя-Освободителя! ¹⁾

16-го октября, въ день атаки Телиша, батареи боевой артиллерійской линіи производили, съ 8 часовъ утра и до 3-хъ часовъ пополудни, усиленную стрѣльбу по городу и турецкимъ укрѣпленіямъ, осадными и полевыми орудіями. Всего въ этотъ день было выпущено 3,505 снарядовъ ²⁾. Непріятель съ своей позиціи отвѣчалъ на нашъ огонь бѣльшимъ числомъ выстрѣловъ, чѣмъ обыкновенно, выпустивъ въ этотъ день до 100 снарядовъ. Артиллерійскую демонстрацію 16-го числа поддерживали также румынскія батареи изъ 60 орудій.

Войска 9-го корпуса и расположенныя лѣвѣе ихъ, до Тученицкаго оврага, части 4-го корпуса оставались съ утра и до сумерекъ въ совершенной готовности къ бою.

угодно было утвердить такой планъ дѣйствій. Согласно сему, одобряя исполнѣ изложенныя въ рапортѣ начальника штаба ввѣренныхъ вамъ войскъ, отъ 14-го октября № 27, предположенія ваши объ атакѣ Телиша исключительнo артиллерійскимъ огнемъ, я долженъ сообщить вамъ для свѣдѣнія и руководства, что Государь Императоръ изволилъ, по предмету атаки Телиша, выразиться такъ: атака должна быть артиллерійская, отнюдь не допуская увлеченій“.

¹⁾ Чичаговъ. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году.

²⁾ Изъ нихъ приходится на 24-хъ-фунтовыя пушки 541 снарядъ, на 9-тифунт. пушки 2,103 снаряда и на 4-хъ-фунтовыя пушки 861 снарядъ.

Въ тотъ же день, съ цѣлю отвлеченія вниманія турокъ отъ Софійскаго шоссе, отрядъ генерала Скобелева на Плевно-Ловченскомъ шоссе произвелъ въ полдень съ Рыжей горы демонстрацію. Она состояла изъ выказыванія сбора войскъ и стрѣльбы залпами изъ всѣхъ орудій занятой нами здѣсь укрѣпленной позиціи и движенія впередъ казачей сотни на первый гребень Зеленыхъ горъ. Послѣ завязавшейся перестрѣлки, гребень былъ очищенъ турками и казаки продержались на немъ около двадцати минутъ; затѣмъ приказано начать отступление. Потери въ людяхъ не было.

16-го октября государь императоръ рано утромъ выѣхалъ изъ Порадима на позицію подъ Плевну. Его величество посѣтилъ люнетъ Калужскаго полка, названный вполсѣдствіи Императорскимъ и находившійся къ юго-западу отъ Радешева. Выйдя на передовую батарею, избранную для этой цѣли Тотлебенемъ, откуда открывался видъ на городъ Плевну и на турецкую позицію, государь слѣдилъ за демонстраціею генерала Скобелева на Зеленыхъ горахъ.

Уѣзжая, государь сказалъ Тотлебену: «La patience seule peut en venir à bout».

Дѣйствія генералъ-адъютанта Гурко противъ Телиша увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Гарнизонъ его, подъ начальствомъ Измаила-Хакипаши, въ составѣ 3,000 человекъ, сдался военно-плѣннымъ послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардировки.

Такимъ образомъ, 16-го октября довершено обложеніе Плевны ¹⁾ Съ этого дня паденіе турецкаго укрѣпленнаго лагеря было поставлено въ зависимость отъ количества находившагося тамъ продовольствія. Теперь оставалось только принять всѣ возможныя мѣры, чтобы воспрепятствовать Осману-пашѣ прорваться чрезъ линію нашего обложенія, такъ какъ задача наша заключалась не только въ томъ, чтобы овладѣть Плевной, но и захватить въ плѣнъ находившуюся здѣсь турецкую армію. На этомъ основаніи Тотлебенъ отправилъ, 17-го октября, генералъ-адъютанту Гурко предписаніе слѣдующаго содержания:

«Съ занятіемъ Горняго Дубняка и Телиша сообщеніе войскъ Османа-паши съ Софіею прервано; по прибытіи же 3-й гренадерской дивизіи на Видинскую дорогу, задача полнаго обложенія Плевны будетъ окончательно достигнута. При такомъ положеніи дѣлъ, арміи Османа-паши останется прибѣгнуть къ одному изъ двухъ средствъ: пробиться чрезъ наши линіи или выжидать помощи извнѣ, чему мы можемъ

¹⁾ Въ сочиненіи Таль-аъ, по поводу блокады, сказано: „въ намъ не было возможности проникнуть не только человекѣмъ, но даже птицѣ“.

воспрепятствовать загражденіемъ путей къ Плевнѣ, усиливая на нихъ оборонительныя средства наши, и прерваніемъ всѣхъ способовъ сно- ситься съ непріятельскими войсками внѣ Плевны. Въ виду изложен- наго, прошу ваше превосходительство обратить особенное вниманіе: 1) на возможное усиленіе фортификаціонныхъ работъ на позиціи между Телишемъ и Дольнимъ Дубнякомъ, приспособивъ ее къ самой упорной оборонѣ противъ возможнаго наступленія какъ со стороны Софіи, такъ и со стороны Плевны; 2) на самое бдительное отправ- леніе кавалеріею аванпостной службы, съ тѣмъ, чтобы ни одинъ че- ловѣкъ не имѣлъ возможности пробраться незамѣченнымъ въ Плевну, ни изъ Плевны».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тотлебенъ предписалъ командиру 4-го корпуса, чтобы ввѣренныя ему войска дѣятельно занялись укрѣпленіемъ своихъ позицій ¹⁾, нарядая для этой цѣли ежедневно по 1,000 человекъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и болѣе; что-же касается войскъ, рас- положенныхъ въ укрѣпленіяхъ, то имъ приказано самимъ озаботиться усиленіемъ своихъ укрѣпленій.

На Тринскихъ высотахъ также приступлено къ возведенію укрѣп- леній, причемъ обращено было особенное вниманіе на обезпеченіе праваго фланга.

Послѣ паденія Телиша, Тотлебену предстояло рѣшить еще одинъ весьма важный вопросъ, чтобы упрочить окончательно положеніе облегающихъ Плевну войскъ на лѣвомъ берегу Вида; оставалось намъ еще занять Дольній Дубнякъ. Дѣйствительно, и по взятіи Телиша, линія обложенія за р. Видомъ не могла быть протянута безъ владѣнія Дольнимъ Дубнякомъ, такъ какъ эта деревня составляетъ узелъ дорогъ, по которымъ необходимо двигались бы наши полки для вза- имной поддержки, въ случаѣ попытки турокъ къ прорыву. Если даже принимать въ соображеніе возможный случай выхода войскъ изъ Плевны на поддержку атакованному гарнизону Дольняго Дубняка, то и тогда казалось болѣе выгоднымъ вызвать бой въ опредѣленное время, по нашему желанію, когда мы сосредоточили подъ Плевной до 100,000 штыковъ, чѣмъ ждать, когда того захочетъ Османъ-паша.

Послѣдующія событія доказали, что, владѣя не только Дольнимъ Дубнякомъ, но и ближайшею къ Видскому мосту мѣстностью, мы не могли въ моментъ прорыва сосредоточить здѣсь болѣе 35,000 чело- вѣкъ; поэтому легко себѣ представить, что если Османъ-паша, подъ

¹⁾ Относительно укрѣпленія позиціи 4-го корпуса Тотлебенъ передалъ лично свои указанія начальнику инженеровъ западнаго отряда, генералу Рейтлингеру, и командиру 4-го сапернаго баталіону, полковнику Кобелеву.

прикрытіемъ Дольняго Дубняка, скрытно съумѣлъ бы подготовить прорывъ, то могъ бы разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ едва-ли встрѣтилъ бы болѣе 25,000 штыковъ. Притомъ Дольній Дубнякъ, какъ укрѣпленный пунктъ, находящійся въ семи верстахъ отъ моста чрезъ рѣку Видь, необычайно удлинялъ нашу цѣпь передовыхъ постовъ и могъ настолько ослаблять наблюденіе за непріятелемъ, что облегчалъ ему неожиданную для насъ подготовку атаки.

Тотлебенъ колебался нѣкоторое время относительно рѣшенія немедленно атаковать Дольній Дубнякъ, и сказалъ даже 19 октября: «завтра я ѣду въ Медованъ и надѣюсь, что генераль-адъютантъ Гурко послушаетъ моего совѣта и не станетъ брать Дольній Дубнякъ» ¹⁾.

Османъ-паша не замедлилъ, однако, вывести Тотлебена изъ затруднительнаго положенія и непріятнаго недоумѣнія; убѣдившись въ занятіи нами Горняго Дубняка и опасаясь, что Телишъ постигла та-же участь, турецкій главнокомандующій отозвалъ гарнизонъ Дольняго Дубняка въ Плевну ²⁾. Въ десять часовъ вечера 19 октября, отрядъ вмѣстѣ съ жителями, въ глубокой тишинѣ, скрытно выступилъ изъ Дольняго Дубняка къ Плевнѣ. Только утромъ 20 числа наши разѣзды донесли, что Дольній Дубнякъ и всѣ его укрѣпленія совершенно покинуты турками. Такимъ образомъ, послѣдній изъ укрѣпленныхъ пунктовъ на Софійскомъ шоссе достался намъ въ руки безъ выстрѣла.

Когда въ Константинополѣ узнали о прочномъ утвержденіи нашемъ на Софійскомъ шоссе и сдачѣ Горняго Дубняка и Телиша, военный

¹⁾ Рукописная записка очевидца: „Описаніе военныхъ дѣйствій подъ Плевною, съ 30-го августа по день сдачи турокъ“.

²⁾ Таль-атъ въ сочиненіи своемъ говоритъ: „19-го октября, къ расположенной у моста сторожевой цѣпи нашей подошло четыре нижнихъ чина при офицерѣ (оказавшихся чинами нашей арміи), которые, по приближеніи ихъ къ цѣпи, были остановлены, опрошены и затѣмъ отправлены въ главную квартиру, гдѣ имъ сдѣланъ былъ обстоятельный допросъ, изъ котораго оказалось, что означенные люди принадлежали къ составу занимавшихъ Горній Дубнякъ и Телишъ отрядовъ Ахмеда-Хивзи-паши и Хави-паши, что пункты эти, послѣ упорной ихъ обороны, заняты русскими, а занимавшія ихъ войска взяты въ плѣнъ и что командующій русскимъ отрядомъ генераль Гурко отправилъ этихъ чиновъ изъ числа плѣнныхъ для сообщенія о случившемся Осману-пашѣ. Печальная вѣсть о плѣненіи нашихъ отрядовъ быстро разнеслась по всей арміи и поразила всѣ войска неописаннымъ горемъ“.

18-го октября изъ Плевны бѣжалъ священникъ, который показалъ, что впечатлѣніе, произведенное на войска и жителей взятіемъ Горняго Дубняка, очень велико; съ 20-го октября не только транспорты, но и никакихъ свѣдѣній не получалось болѣе въ Плевнѣ извнѣ. Извѣстіе это оказалось впоследствии вполнѣ справедливымъ.

совѣтъ, принявъ во вниманіе, что дальнѣйшіе подвозы въ Плевну невозможны, пока не будетъ снова открыта дорога въ этотъ городъ, рѣшилъ, 17 октября, послать какимъ нибудь образомъ, и притомъ немедленно, приказаніе Осману-пашѣ о томъ, чтобы, во избѣжаніе сдачи отъ голода, удерживаться до послѣдней крайности ¹⁾; затѣмъ, взявъ съ собою полевую артиллерію и предавъ пламени городъ и тѣ запасы, которые не могутъ быть увезены, отступить съ войсками и съ населеніемъ въ Орханіе или въ другой пунктъ по его усмотрѣнію. Хотя совѣтъ и остановился на рѣшеніи объ отступленіи Османа-паши, но въ день его принятія, 17 октября, Плевна была уже такъ тѣсно обложена, что Османъ-паша не имѣлъ возможности отступить. Выше упомянуто было, что въ концѣ сентября Османъ-паша заявлялъ о своемъ желаніи отступить въ Орханіе и къ Луковницѣ, но въ то время совѣтъ призналъ удаленіе его изъ Плевны невозможнымъ и рѣшилъ удерживать воздвигнутый здѣсь укрѣпленный лагерь ²⁾. Такимъ образомъ гибель арміи Османа-паши была безвозвратно рѣшена упорствомъ константинопольскаго правительства.

«Въ виду всѣхъ постигшихъ насъ неудачъ и доносившихся дурныхъ слуховъ съ прочихъ театровъ военныхъ дѣйствій, пишетъ турецкій маіоръ Таль-ать, въ своемъ описаніи военныхъ дѣйствій подъ Плевною, неволью зарождался вопросъ: когда же наступитъ конецъ Плевны? Но нѣтъ, конецъ ея еще не пришелъ. До сихъ поръ наша западная армія, съ самаго дня ея формированія, т. е. въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, постоянно во всѣхъ дѣлахъ выказывала блестящую храбрость и воинскія доблести, прославившія ее на всю вселенную; между тѣмъ какъ изъ Константинополя насъ не мало обнадеживали высылкою подкрѣпленій и жизненныхъ припасовъ, однако, мы не дождались ихъ, такъ какъ все намъ измѣнилось».

Турецкая плевненская армія, дѣйствительно, не дождалась помощи со стороны столь щедрой на обѣщанія Блистательной Порты. 17 октября генералъ-адъютантъ Гурко доносилъ помощнику начальника западнаго отряда, что, по послѣднимъ полученнымъ имъ донесеніямъ, между Луковцами и Орханіе находится около 15 турецкихъ таборовъ. «Хотя

¹⁾ Въ докладѣ военнаго совѣта сказано: „если-бы даже у насъ и были готовыя войска для возвращенія потеряннаго и мы отправили-бы ихъ въ Орханіе, то прибыть туда они могли-бы лишь спустя значительное время. Между тѣмъ Османъ-паша отъ 5-ти до 10-ти дней тому назадъ сообщилъ, что въ Плевнѣ провіанта достаточно на недѣлю, а количество провіанта, который былъ послѣ того отправленъ и который могъ прибыть въ Плевну, хотя и неизвѣстно, но не можетъ быть значительно“.

²⁾ Сборникъ турецкихъ документовъ о послѣдней войнѣ.

я нахожусь въ полномъ убѣжденіи, говорить въ своемъ рапортѣ генералъ Гурко, что послѣ дѣлъ подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ мнѣ не предстоитъ никакой опасности со стороны Орханіа, тѣмъ не менѣе было бы очень полезно прогнать всѣ эти мелкіе турецкіе отряды или совершенно ихъ уничтожить... Я вполне убѣжденъ, что достигнуть уничтоженія этихъ отрядовъ послѣ страха, нагнаннаго на нихъ поражениями при Горнемъ Дубнякѣ и Телишѣ, весьма легко... Если бы я не былъ занятъ возведеніемъ укрѣпленій къ сторонѣ Плевны и не имѣлъ бы главною задачею удерживать армию Османа, я двинулъ бы по дорогѣ въ Орханіа баталіоновъ десять и три батареи и очистилъ бы всю дорогу. Но главная моя задача мѣшаетъ мнѣ это исполнить. Поэтому не признаете-ли, ваше высокопревосходительство, полезнымъ двинуть довольно сильный отрядъ изъ Ловчи, черезъ турецкій Изворъ на Яблоницу. Занятіе этого пункта нашею пѣхотою съ артиллеріею повлечетъ за собою полное очищеніе Плевно-Ловченскаго шоссе. Всѣ отряды, находящіеся на этомъ шоссе, или сдадутся въ плѣнъ, или разбѣгутся. Мнѣ кажется, что движеніе подобнаго отряда къ Яблоницѣ было бы самою радикальною мѣрою и весь районъ къ сѣверу отъ Балканскаго хребта былъ бы совершенно очищенъ отъ турецкихъ войскъ. При этомъ считаю долгомъ донести, что, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, турецкіе отряды собираются къ Луковцамъ; слѣдовательно, занятіе Яблоницы, по моему мнѣнію, слѣдуетъ считать операціею не трудною“.

По полученіи этого рапорта, Тотлебенъ призналъ несомнѣнно полезнымъ имѣть вблизи Софійскаго шоссе самостоятельный отрядъ; принимая же во вниманіе вліяніе важныхъ успѣховъ, достигнутыхъ нами подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ, благодаря которымъ нельзя ожидать рѣшительныхъ дѣйствій со стороны турокъ противъ Сельви или Ловчи, онъ приказалъ генералу Карцову: 1) направить одну бригаду 3-й пѣхотной дивизіи съ соотвѣтствующею кавалеріею и съ такимъ числомъ батарей, какое возможно по состоянію дороги въ Турскій Изворъ. Отряду этому назначалось дѣйствовать противъ Яблоницы, Луковицы или куда будетъ признано удобнѣе, соображаясь съ обстоятельствами; 2) отъ отряда въ Ловчѣ выдѣлать одну или двѣ роты, съ частію кавалеріи въ Тетевень; 3) занять Сельви однимъ или двумя баталіонами 3-й пѣхотной дивизіи, имѣя остальные войска этой дивизіи въ Ловчѣ.

Это распоряженіе генералъ-адъютанта Тотлебена еще не успѣло быть приведено въ исполненіе, какъ получено было донесеніе генерала Гурко отъ 18 октября, по которому страхъ, въ которомъ находятся турки, вслѣдствіе погрома, нанесеннаго имъ при Горнемъ Дуб-

някъ, отозвался на укрѣпленной позиціи въ Радомирцѣ. Шефкетъ-паша съ 12-ю таборами бѣжалъ при видѣ конно-гренадерскаго разѣзда, находившагося подъ начальствомъ прапорщика Бекмана. Двинувшись къ Луковцу, прапорщикъ Бекманъ увидѣлъ турецкій обозъ, послѣшно выходявшій двумя колоннами, затѣмъ остальные всадники и пѣхоту въ числѣ двухъ баталіоновъ. Все это бросилось къ Орханію. Спустившись съ горъ, конно-гренадеры завязали перестрѣлку съ пѣхотою, защищавшею мостъ чрезъ р. Панегу; турки послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ бѣжали и мостъ занятъ нашими войсками. «Эта паника, говорить ген. Гурко, по моему мнѣнію, даетъ полное право придти къ заключенію, что движеніе сильнаго пѣхотнаго отряда изъ Ловчи къ Яблоницѣ увѣнчается легкимъ успѣхомъ. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ воспользоваться этимъ состояніемъ турокъ, и быстрымъ наступленіемъ на Яблоницу очистить отъ турокъ весь сѣверный склонъ Балканскихъ горъ и тѣмъ обезпечить какъ Ловчу, такъ и Софійское шоссе. Дней черезъ десять подобное состояніе турокъ пройдетъ и операція на Яблоницу уже гораздо будетъ труднѣе. Шефкетъ же паша, получивъ новыя подкрѣпленія, будетъ опять тревожить какъ мой тылъ, такъ и Ловчу. Прошу ваше высокопревосходительство увѣдомить меня, будетъ-ли предпринята эта операція или нѣтъ? При этомъ доношу, что далѣе Радомирца я свою пѣхоту пока не высылаю».

Тотлебенъ едва успѣлъ получить это донесеніе, какъ положеніе дѣлъ въ западномъ отрядѣ радикально измѣнилось и генералу Гурко не пришлось уже болѣе обращаться къ нему за приказаніями. Разсмотримъ теперь, въ чемъ заключается внутренній переворотъ, внезапно совершившійся въ западномъ отрядѣ?

По мѣрѣ стѣсненія внѣшняго врага въ предѣлахъ плевненскаго укрѣпленнаго лагеря, для Тотлебена настала необходимость разрѣшить другую, не менѣе трудную, задачу: отстоять принятую имъ систему дѣйствія и свое служебное положеніе какъ полноправнаго распорядителя войсками, облежавшими Плевну. Въ дѣлѣ этой внутренней борьбы, какъ и слѣдовало ожидать, наступленіе открылъ Скобелевъ. Не вдаваясь въ комментаріи и подробности, остановимся на перепискѣ, вызванной приказаніемъ, отданнымъ Скобелевымъ генералу Лошкареву, помимо генералъ-адъютанта Тотлебена.

17-го октября Тотлебенъ получилъ отъ генерала Лошкарева конію съ отзывомъ къ нему отъ генерала Скобелева:

„Начальнику 9-й кавалерійской дивизіи, генералъ-маіору Лошкареву, 16 октября 1877 года, № 3,708.

Имѣю честь извѣстить ваше превосходительство, что, по личному приказанію его высочества главнокомандующаго, ввѣренныя вамъ вой-

ска должны поддерживать связь между командуемым мною отрядомъ и 2-ю бригадою 3-й гвардейской дивизіи генераль-маіора Бремзена, расположенною въ Медованѣ.

Въ виду занятія 3-й стрѣлковой бригадой д. Лучинъ-Долъ и авангардомъ генерала Бремзена высотъ впереди д. Трина, весьма желательно занятіе кавалерійскою частью д. Картужавень.

Прошу увѣдомленія вашимъ превосходительствомъ о направленіи линіи передовыхъ кавалерійскихъ постовъ отъ вѣрренныхъ вамъ войскъ, о расположеніи главныхъ карауловъ и резервовъ. Равно прошу о всемъ замѣченномъ со стороны непріятеля не оставлять меня своевременнымъ увѣдомленіемъ. Начальникъ отряда, генераль Скобелевъ».

По полученіи этой бумаги, Тотлебенъ обратился, 17 октября, къ командиру отрядомъ, расположеннымъ на Плевно-Ловченскомъ шоссе, съ слѣдующимъ предписаніемъ.

„Генераль-маіоръ Лошкаревъ представилъ мнѣ копію съ отзыва вашего превосходительства отъ 16 сего октября за № 3,708, коимъ вы сообщаете ему полученное лично приказаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго относительно поддержанія войсками 9-й кавалерійской дивизіи связи между бригадою генераль-маіора Бремзена и вѣрреннымъ вамъ отрядомъ. Признавая въ означенномъ ваше распоряженіе противнымъ порядку службы, предписываю на будущее время, въ случаѣ полученія лично приказаній главнокомандующаго или начальника штаба, немедленно о томъ доносить мнѣ.

Генераль-адъютантъ Тотлебенъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Тотлебенъ отправилъ въ тотъ же день, 17 октября, начальнику главнаго штаба, генераль-адъютанту Непокойчицкому, нижеслѣдующее письмо:

„Милостивый государь, Артуръ Адамовичъ. Генераль-маіоръ Лошкаревъ представилъ мнѣ отзывъ генераль-лейтенанта Скобелева, передающій ему личное приказаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго, касающееся подчиненной генералу Лошкареву кавалеріи; независимо сего, я сегодня извѣстился, что генераль-адъютантъ Гурко получилъ непосредственное приказаніе не выпускать изъ Плевны никого изъ жителей. Принимая во вниманіе, что приказанія, отдаваемые главнокомандующимъ, минуя меня, непосредственно войскамъ западнаго отряда, подрываютъ мой авторитетъ, какъ начальника этихъ войскъ, противны порядку службы и неминуемо поведутъ къ недоразумѣніямъ, послѣдствія которыхъ могутъ имѣть гибельное вліяніе на успѣхъ дѣла, я нахожусь вынужденнымъ просить ваше высокопревосходительство доложить объ этомъ главнокомандующему

и просить его высочество, чтобы всё приказанія его войскамъ западнаго отряда или начальникамъ были передаваемы не иначе, какъ черезъ меня, такъ какъ въ противномъ случаѣ я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за успѣхъ дѣла, мнѣ ввѣреннаго. Примите“ и проч.

Окончательная развязка не заставила себя долго ждать, и вскорѣ послѣдовало коренное преобразование состава и цѣли назначенія западнаго отряда.

19-го октября генераль-адъютантъ Тотлебенъ получилъ отъ его высочества главнокомандующаго письмо слѣдующаго содержанія (№ 1,399):

„Эдуардъ Ивановичъ. Съ выдвигеніемъ гвардіи на Софійское шоссе, со взятіемъ Горняго Дубняка и Телиша, съ выдвигеніемъ гвардейской кавалеріи за Телишъ, по направленію къ Орханію, съ расширеніемъ вслѣдствіе этого круга дѣйствій ловчинско-сельвинскаго отряда, не только въ связи съ дѣйствіями войскъ, занимающихъ балканскіе проходы, наконецъ, съ прибытіемъ 3-й гренадерской дивизіи — дѣйствія этихъ частей принимаютъ все болѣе и болѣе оперативный характеръ, въ особенности въ виду получаемыхъ свѣдѣній о различныхъ движеніяхъ турецкихъ отрядовъ войскъ какъ со стороны Софіи, такъ и со стороны Видина.

Вслѣдствіе этого, съ прибытіемъ моимъ къ войскамъ западнаго отряда, я признаю необходимымъ лично руководить всѣми могущими явиться на западномъ театрѣ операціями, съ тѣмъ, чтобы различными распоряженіями по этимъ операціямъ, часто мелочными, не отвлекать вниманія вашего высокопревосходительства отъ главной серьезной и многотрудной задачи непроницаемаго для противника обложенія плевенскаго укрѣпленнаго лагеря, при исполненіи которой ваше славное искусство и опытность незамѣнимы.

Съ этою цѣлью я призналъ необходимымъ, на время моего здѣсь присутствія, всё войска, дѣйствующія на западномъ театрѣ войны, раздѣлить на три слѣдующія группы:

- 1) Отрядъ, непосредственно облегающій Плевно.
- 2) Отрядъ, дѣйствующій на лѣвомъ берегу р. Вида.
- 3) Отрядъ сельви-ловчинскій.

Первый отрядъ долженъ состоять изъ войскъ, составившихъ непосредственно западный отрядъ, а именно: войска румынской арміи, 4-й и 9-й корпуса, и изъ войскъ, къ нимъ прикомандированныхъ.

Отряду этому состоять подъ главнымъ начальствомъ князя Карла Румынскаго и подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ вашего высокопревосходительства, какъ его помощника.

Второй отрядъ оставить подъ начальствомъ генераль-адъютанта

Гурко и состоятъ по прежнему изъ войскъ, дѣйствующихъ на лѣвомъ берегу р. Вида; кромѣ того, генералу же Гурко подчинить отрядъ генерала Бремзена и кавалерію генерала Лощкарева.

По всѣмъ оперативнымъ дѣйствіямъ отрядъ этотъ будетъ получать приказанія отъ меня лично и чрезъ полевой штабъ арміи.

Всѣ установленныя вами мѣры для тѣсной связи между войсками генерала Гурко и войсками непосредственнаго обложенія Плевно, которыя даны войскамъ 16-й пѣхотной дивизіи о движеніи ихъ на случай надобности поддержать войска генерала Гурко, а равно распоряженія о порядкѣ замѣны ихъ, на ловчинскомъ шоссе, частью войскъ 9-го армейскаго корпуса—должны оставаться въ своей силѣ.

Третій отрядъ долженъ состоять изъ 3-й пѣхотной дивизіи и войскъ, къ ней прикомандированныхъ, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Карцева, и получать приказанія отъ меня лично чрезъ полевой штабъ арміи.

О всѣхъ означенныхъ распоряженіяхъ будетъ вмѣстѣ съ симъ сообщено генераламъ Гурко и Карцеву.

Для успѣшности всѣхъ распоряженій по тыловой части отрядовъ генерала Гурко и Карцева прошу ваше высокопревосходительство приказать сообщить полевому штабу о мѣстѣ расположенія и о всѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя вами установлены къ обезпеченію войскъ различными видами довольствія.

Въ заключеніе сообщаю вамъ, что о всѣхъ распоряженіяхъ, которыя будутъ сдѣланы по отрядамъ генераловъ Гурко и Карцева, вы будете постоянно увѣдомляемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, о всѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя вы признаете нужнымъ сдѣлать въ отрядѣ обложенія, прошу мнѣ доносить. Николай“.

Тотлебенъ, къ счастью, не упалъ духомъ отъ постигшихъ его временно невзгодъ; онъ занялся въ это время составленіемъ записки для главнокомандующаго, въ которой онъ развивалъ мысль, что въ 30 дней Сулейманъ-паша весьма легко можетъ перевести часть войскъ изъ восточнаго четырехъ-угольника турецкихъ крѣпостей къ Софіи, и затѣмъ съ ними идти на помощь окруженной въ Плевнѣ арміи Осман-паша. «Никогда не слѣдуетъ пренебрегать врагомъ, пишетъ Тотлебенъ, и обольщать себя пріятными надеждами. Предусмотрительность—мать мудрости; она не вредитъ ни въ какомъ случаѣ».

Въ виду возможности подобнаго образа дѣйствій со стороны турокъ, Тотлебенъ находилъ необходимымъ образовать особый самостоятельный отрядъ для дѣйствія въ полѣ противъ тѣхъ турецкихъ войскъ, которыя могли бы придти на помощь войскамъ Осман-паша, обложеннымъ въ Плевнѣ. Въ дневникѣ Тотлебена, по поводу

этихъ мыслей, встрѣчается, 19 октября, слѣдующая замѣтка, которая послужила матеріаломъ для составленія болѣе подробной записки ¹⁾, которая будетъ приведена нами ниже:

„1) Плевна окружена на правомъ берегу Вида сильно вооруженною артиллерійскою позиціею; 2) Телишь и Горній Дубнякъ укрѣпляются на Софійскомъ шоссе, по которому выходъ непріятелю прегражденъ. Тамъ находятся 1-я, 2-я и одна бригада 3-й гвардейской пѣхотныхъ дивизій, а одна бригада послѣдней въ Медованѣ. Кромѣ того, двѣ легкія гвардейскія кавалерійскія дивизіи; 3) Этрополь занятъ десятью баталіонами румынъ, туда подходит 3-я гвардейская дивизія, всего 22 баталіона и болѣе 60 орудій; 4) между Этрополемъ, Дольнимъ и Горнимъ Дубнякомъ расположена наша армейская кавалерія и казаки. Такимъ образомъ выходъ Османа-паши безъ помощи извнѣ невозможенъ.

«До настоящаго времени турки вездѣ противопоставляли намъ превосходныя силы. Мы вездѣ дѣйствовали оборонительно, едва держались на Шипкѣ и отступали отъ Лома къ Янтрѣ. Прибытіе нашего гвардейскаго корпуса дало возможность имѣть перевѣсъ въ силахъ подъ Плевною. При этомъ, однакоже, непріятель сохранилъ числительное превосходство въ своей восточной арміи. Армія эта, не будучи нисколько угрожаема арміею Цесаревича, которая принуждена была дѣйствовать лишь оборонительно, отступила къ Разграду и къ Шумлѣ, какъ говорятъ, для занятія зимнихъ квартиръ. Очевидно, что исходъ кампаніи 1877 года долженъ рѣшиться въ Плевнѣ. Если Османъ-паша вынужденъ будетъ сдаться съ 50,000 войскомъ, то кампанія нами выиграна, а турками потеряна. Если бы мы были въ положеніи турокъ, то, конечно бы, употребили всѣ усилія, чтобы выручить Османа-пашу. Непріятель, безъ сомнѣнія, поступитъ не иначе, тѣмъ болѣе, что онъ на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій не имѣетъ никакого вѣроятія въ рѣшительномъ успѣхѣ надъ нами, а съ меньшими силами, при помощи сильныхъ укрѣпленныхъ позицій въ Разградѣ, Шумлѣ и на Шипкѣ, можетъ остановить наше наступленіе. Есть поводъ предположить, что въ Плевнѣ имѣется продовольствіе, по крайней мѣрѣ, еще на одинъ мѣсяць. Кукуруза на обширныхъ поляхъ въ районѣ плевненскихъ укрѣпленій еще не снята и 26 мельницъ въ постоянной работѣ.

«Полагаю, что непріятель сосредоточитъ въ Софіи сильный самостоятельный отрядъ, чтобы выручить Османа-пашу въ Плевнѣ. Говорятъ, что у турокъ нѣтъ болѣе войскъ. Подобное предположеніе не-

---

¹⁾ Французскій переводъ этой записки былъ препровожденъ Тотлебеномъ. 20-го октября, князю Карлу Румынскому.

основательно. Въ 26 дней турки могутъ изъ Шумлы передвинуть часть своихъ войскъ къ Плевнѣ, пользуясь при этомъ желѣзною дорогою отъ Ямболя къ Татарь-Базарджику. Если это движеніе уже началось десять дней тому назадъ, т. е. послѣ отступленія восточной турецкой арміи, то въ 16 дней“.

20-го октября его высочество главнокомандующій выѣхалъ рано утромъ изъ Богота въ Медованъ, и оттуда отправился для осмотра позицій, занятыхъ нами на лѣвомъ берегу р. Вида. Тотлебенъ и князь Имеретинскій сопровождали его высочество во время этой поѣздки. Въ Медованѣ получено было отъ генераль-адъютанта Гурко радостное извѣстіе о добровольномъ очищеніи турками Дольняго Дубняка.

«Великій князь съ штабомъ и со мною проѣхалъ свободно до Дольняго Петрополя, пишетъ Тотлебенъ въ своемъ дневникѣ, и съ кургана близъ румынскихъ батарей наблюдалъ за стрѣльбою. Отсюда ясно было видно расположеніе лагерей, за восточною укрѣпленною позиціею Плевны, равно какъ турецкія укрѣпленія и войска на Опопеккой горѣ. Къ вечеру возвратились въ Медованъ». Великій князь продолжалъ путь въ Боготъ, Тотлебенъ ночевалъ въ Медованѣ и на слѣдующее утро, передъ выѣздомъ въ Тученицу, осмотрѣлъ подъ неприятельскимъ огнемъ позицію 2-й бригады 3-й гвардейской дивизіи на Тринскихъ высотахъ.

22-го октября императоръ Александръ посѣтилъ Боготъ и завтракалъ у великаго князя. Здѣсь Тотлебенъ доложилъ государю свою записку о необходимости заблаговременнаго образованія отдѣльнаго самостоятельнаго отряда для дѣйствія въ полѣ противъ тѣхъ турецкихъ войскъ, которыя могли бы придти на помощь неприятельской арміи, обложенной въ Плевнѣ. Познакомимъ здѣсь читателей съ содержаніемъ этой записки:

«Положеніе наше подъ Плевною, въ настоящее время, пишетъ Тотлебенъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) съ восточной и южной стороны Плевны мы занимаемъ сильно укрѣпленныя позиціи, вооруженныя многочисленною артиллеріею, 2) расположеніе гвардіи на Софійскомъ шоссе отрѣзываетъ неприятелю путь сообщенія къ югу и, наконецъ, 3) занятіе обоихъ Петрополей 3-ю гренадерскою дивизіею и румынами затрудняетъ движеніе турокъ къ Видину.

«На восточномъ и южномъ фронтахъ мы имѣемъ до 40,000 штыковъ, кромѣ румынъ, за р. Видомъ до 55,000, всего около 95,000 штыковъ. Этихъ войскъ, при условіи сильнаго укрѣпленія занимаемыхъ ими позицій, достаточно для отраженія противника, въ случаѣ попытки его прорваться изъ Плевны сквозь нашу линію обложенія.

«Сколько времени неприятель можетъ продержаться въ Плевнѣ—

находится въ полной зависимости отъ количества имѣющихся у него запасовъ продовольствія. Хотя изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о состояніи этихъ запасовъ и можно заключить, что они имѣются въ ограниченномъ количествѣ, но тѣмъ не менѣе положительныхъ данныхъ на это нѣтъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ настоящее положеніе арміи Османа-паши, если только она будетъ предоставлена самой себѣ, можетъ быть признано безвыходнымъ. Но предоставитъ ли ее непріятель своей судьбѣ и останется ли равнодушнымъ зрителемъ ея неизбежной гибели? Въ этомъ, какъ кажется, позволительно усумниться, принимая во вниманіе, съ одной стороны, общую численность войскъ, какими непріятель располагаетъ на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой—общее положеніе дѣлъ и взаимное расположеніе борющихся армій на этомъ театрѣ войны. И дѣйствительно, ни со стороны Шипки, ни со стороны линіи Янтры, наши войска, ограничивающіяся до сихъ поръ строго оборонительными дѣйствіями, нигдѣ не угрожали непріятелю наступленіемъ. Время расположиться на зимнихъ квартирахъ еще не настало, а между тѣмъ армія Сулеймана-паши отступила къ Разграду и Шумлѣ. Чѣмъ объяснить такое странное, такъ сказать, безпричинное отступление? Не слѣдуетъ-ли въ немъ видѣть замысла Сулеймана двинуть часть своихъ силъ вдоль и по ту сторону Балкановъ, на выручку плевенской безпомощной арміи?...

«Разстояніе между Шумлою и Плевною слѣдующее: отъ Шумлы до Ямболи—90 верстъ; отъ Ямболи до Татарь-Базарджика 210 верстъ (желѣзною дорогою); отъ Татарь-Базарджика до Софіи 180 верстъ обыкновеннаго и 210 верстъ желѣзнаго пути. Отъ Софіи же представляются два пути: одинъ до Яблонцы—70 верстъ; другой чрезъ Врапу—170 верстъ до Плевны.

«Такимъ образомъ, непріятель, слѣдуя отъ Шумлы однимъ путемъ, употребитъ 16 дней на обыкновенный и 10 дней на желѣзно-дорожный маршъ; двигаясь другимъ путемъ, пройдетъ 25 дней по обыкновеннымъ и 10 дней по желѣзнымъ дорогамъ.

«Если допустить, что движеніе это предпринято десять дней тому назадъ (когда началось отступленіе турокъ предъ отрядомъ наследника Цесаревича), то можно ожидать, что чрезъ шестнадцать и самое позднее чрезъ двадцать пять дней турецкія войска появятся въ окрестностяхъ Плевны. Силу ихъ можно опредѣлить, примѣрно, въ 30 или 40 человекъ, а мѣстами выхода ихъ авангардовъ намѣтить д. Яблонцу или нижнее теченіе Искера.

«Изъ предшествовавшаго перечисленія войскъ, блокирующихъ плевненскій лагерь, видно, что численность ихъ достаточна только для фактической тѣсной блокады; для того-же, чтобы парализовать

всякія и, по мнѣнію моему, весьма вѣроятныя попытки со стороны турокъ придти на выручку Османа-паши, необходимо: 1) заблаговременно составить соображеніе объ образованіи особаго операціоннаго отряда, независимо облегающихъ Плевну войскъ; сдѣлать всѣ предварительные расчеты для передвиженія этого отряда, въ случаѣ нужды, къ Плевнѣ или гдѣ понадобится, и снабженія его продовольствіемъ и боевыми запасами. 2) Неупустительно слѣдить за всѣми передвиженіями арміи Сулеймана-паши, для своевременнаго направленія упомянутаго выше операціоннаго отряда, куда понадобится.

«Мѣры эти представляются тѣмъ болѣе безотлагательно необходимыми, что преслѣдуемая нами цѣль подъ Плевною должна состоять въ полномъ торжествѣ надъ неприятелемъ, которое одно можетъ имѣть рѣшительное влияние на успѣшный исходъ войны».

Опасенія Тотлебена, къ счастью, не оправдались, и турки въ 1877 году выказали себя такими же несостоятельными распорядителями, какъ и въ войну 1828—1829 годовъ. Рассказываютъ, что на вопросъ, предложенный еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ графу Мольтке, можетъ ли, по его мнѣнію, Османъ-паша рассчитывать на своевременную помощь Мехмедъ-али-паши и Сулеймана-паши,—фельдмаршалъ, столь близко знакомый съ нравами востока и съ турецкою военною организаціею, отвѣтилъ:

— „Не могу припомнить изъ военной исторіи, чтобы когда-нибудь турецкій военачальникъ пришелъ во-время на помощь къ товарищу, находящемуся въ опасномъ положеніи“.

Какъ бы въ подтвержденіе заключенія, сдѣланнаго Тотлебеню въ вышеприведенной запискѣ, въ штабъ получено было, 27-го октября, извѣстіе, что по занятіи Яблоницы, Оссикова и Тетевеня, высланные впередъ кавалерійскіе разѣзды доставили свѣдѣнія, что въ Орханіэ прибылъ паша и остановилъ бѣгство и панику среди турецкихъ войскъ, что этотъ паша есть Сулейманъ, что въ Этрополѣ 5,000 войскъ, а въ Орханіэ—20,000, что турки готовятся къ наступленію, а болгары бѣгутъ съ Балкановъ. Однако, тревога, возбужденная въ штабѣ, по полученіи этого извѣстія, не подтвердилась послѣдующими донесеніями. Турки и не думали приводить въ исполненіе что-либо въ родѣ Тотлебенскаго плана, войска наши продолжали безостановочно подвигаться впередъ и заняли съ бою Врацу, Правецъ и Этрополь.

Но возвратимся къ событіямъ 22-го октября.

Государь въ Боготѣ сообщилъ главнокомандующему о своемъ намѣреніи посѣтить Медованъ 23-го октября, для личнаго осмотра завидскихъ позицій и гвардейскихъ войскъ. Великій князь тотчасъ уѣхалъ въ Медованъ, чтобы все приготовить къ пріѣзду императора.

На другой день, рано утромъ, Тотлебенъ, съ княземъ Имеретинскимъ, также отправился въ Медованъ для встрѣчи государя.

Во время смотра у Дольняго Дубняка Тотлебенъ снова сдѣлался жертвою роковой случайности, которая его обыкновенно преслѣдовала въ обыденной жизни; когда онъ находился вѣ въ выстрѣловъ непріятеля, лошадь проскакавшаго мимо него офицера лягнула, ударивъ его копытомъ въ правую ногу. Боль была настолько сильна, что Тотлебену сдѣлалось дурно. Хотя ударъ не сопровождался поврежденіемъ кости, но тѣмъ не менѣе, по возвращеніи на другой день въ Тученицу, Тотлебенъ въ продолженіе недѣли не могъ выходить изъ комнаты, съ трудомъ передвигаясь на костыляхъ ¹⁾. Наканунѣ отъѣзда въ Медованъ, вечеромъ, 22-го октября, Тотлебенъ отдалъ слѣдующія приказанія.

Начальнику отряда на Плевно-Ловченскомъ шоссе, генералу Скобелеву: „для противодѣйствія артиллерійскому огню съ редута на Зеленой горѣ и съ ближайшаго кряжа Зеленыхъ горъ, въ ночь съ 23-го на 24-е октября занять высоту, прилегающую непосредственно къ д. Брестовець съ сѣверо-западной стороны, укрѣпиться на ней и, построивъ батарею на 24 орудія 9-ти-фунтоваго калибра, открыть съ ранняго утра огонь залпами противъ Кришинскаго редута и укрѣпленій“.

Въ слѣдующую затѣмъ ночь предполагалось устроить на Рыжей горѣ ложементы двухъ стрѣлковыхъ ротъ для дѣйствія противъ турецкихъ ложементовъ на Зеленой горѣ ²⁾, приспособивъ также здѣсь траншею для дѣйствія изъ картечницъ и крѣпостныхъ ружей. Для поддержанія этихъ дѣйствій, батареи, расположенныя на правой сторонѣ Тученицкаго оврага, должны были съ ранняго утра 24-го и 25-го октября открыть сильный артиллерійскій огонь. Скобелевъ особенно хлопоталъ о занятіи брестовецкой горы, какъ пункта, за которымъ можно идти

¹⁾ Въ дневникѣ Тотлебена подъ 23-мъ октябремъ записано: «осмотръ войскъ гвардіи около Дольняго Дубняка. Молебень. Ушибъ ноги отъ гусарской лошади, которая лягнула и ударила подковою въ правую ногу ниже колѣна. Не въ состояніи наступить на ногу. Всеобщее нервное раздраженіе. Ночь спалъ дурно. Завтракалъ у государя. Пироговъ осматрѣлъ ногу и даль средства».

²⁾ Тотлебенъ поручилъ Скобелеву сформировать, по его усмотрѣнію, подвижной стрѣлковый отрядъ, назначивъ въ составъ его двѣ стрѣлковыя роты, батарею изъ восьми картечницъ и особую команду, вооруженную крѣпостными ружьями. Отрядъ этотъ употреблять для дѣйствія по непріятельскимъ ложементамъ, гдѣ въ томъ наиболѣе встрѣтится надобность; отрядъ этотъ ввѣрить отличному по своей храбрости и распорядительности офицеру. Князь Имеретинскій генералу Скобелеву 22-го октября 1877 года, № 410.

ближайшею дорогою на помощь войскамъ 3-й гвардейской дивизіи, выдвинувшейся на Тринскихъ высотахъ.

Всѣ предположенія Тотлебена были въ точности исполнены и не встрѣтили сопротивленія со стороны турокъ. Но на этомъ дѣло не остановилось; Скобелевъ, убѣдившись, что Тотлебена нельзя склонить на четвертый штурмъ, принялъ другую систему дѣйствій; рѣчь шла уже не о штурмѣ, но о постепенномъ занятіи мѣстности впереди линіи обложія; между тѣмъ, въ сущности, постепенное занятіе можно разсматривать какъ штурмъ, многократно повторяемый и удесятиряющій потери! Сначала эта тактика сторонниковъ активныхъ дѣйствій увѣнчалась успѣхомъ, и распоряженія Тотлебена начали представлять, въ концѣ октября мѣсяца, какъ бы нѣкоторое уклоненіе отъ установленной программы тѣсной блокады Плевны. Дѣйствительно, вечеромъ, 28-го октября, генераль-адъютантъ Тотлебенъ разрѣшилъ Скобелеву занять первый гребень Зеленыхъ горъ ¹⁾).

Съ шести часовъ вечера, въ туманный, пасмурный день, 28-го октября, раздалась неумолкаемая сильнѣйшая ружейная перестрѣлка со стороны Зеленыхъ горъ; казалось, будто пули постоянно выбрасываются какою-то машиною. Тотлебенъ на костыляхъ выбрался изъ дома и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ этимъ зловѣщимъ звукамъ, доносившимся къ нему съ поразительною ясностію. Только болѣзнь удержала его на мѣстѣ, а то онъ поскакалъ бы къ Брестовцу. Наконецъ, въ первомъ часу ночи, въ Тученицѣ получено первое донесеніе отъ полковника генеральнаго штаба Тихменева, написанное въ Брестовцѣ въ 10^{1/2} часовъ вечера: «первый гребень Зеленой горы занятъ и на немъ окапываются, а впереди, на второмъ краѣ Зеленыхъ горъ, передняя турецкая траншея занята 75 охотниками, которымъ приказано держаться, во что бы то ни стало, для того, чтобы подалеже держать турокъ отъ окапывающихся на Зеленой горѣ. Въ то время, какъ пишу это въ квартирѣ генерала Скобелева, вдругъ раздались выстрѣлы по всей линіи и я объясняю себѣ это тѣмъ, что турки производятъ контръ-атаку по всей линіи. Генералъ Скобелевъ тотчасъ поскакалъ къ траншеямъ».

---

¹⁾ Маіоръ Галь-атъ говоритъ: „28-го октября надъ Плевной стояла въ высшей степени туманная и пасмурная погода, вслѣдствіе чего мы были увѣрены, что непріятель воспользуется ею для того, чтобы атаковать наши укрѣпленія или же еще болѣе придвинуть свои войска къ нашему лагерю. Войска наши находились въ полной готовности для воспрепятствованія непріятелю въ его дѣйствіяхъ. До заката солнца непріятель не предпринималъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, чѣмъ наши войска воспользовались для исправленія разрушенныхъ батареями противника нашихъ укрѣпленій».

Затѣмъ, утромъ, 29-го октября, Тотлебенъ получилъ донесеніе генерала Скобелева, написанное въ 8^{1/4} часовъ: «Согласно диспозиціи, первый кряжъ Зеленыхъ горъ, вчера, въ седьмомъ часу пополудни, занятъ съ бою. Атаковала 3-я рота 9-го стрѣлковаго баталіона капитана Домбровскаго и команда охотниковъ съ подпоручикомъ Тарасенковымъ. Стрѣлки, молодецки наступая, ворвались въ передовые турецкіе ложементы, зашли въ нихъ и тѣмъ дали возможность полковнику Мельницкому разбить укрѣпленія подъ жестокимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Работали владимірцы съ обычнымъ имъ молодецествомъ; сбитый съ перваго гребня непріятель, около 11 часовъ вечера, атаковалъ полковника Мельницкаго, но былъ отброшенъ передовыми стрѣлковыми частями, залпами 2-го баталіона Владимірскаго полка, не успѣвъ нарушить самоотверженнаго упорства работавшихъ траншею частей. Подошедшіе къ утру резервы обезпечили наше положеніе на Зеленой горѣ; траншеи были окончены. Въ пять часовъ утра непріятель вновь возобновилъ нападеніе, но былъ отбитъ ружейнымъ огнемъ изъ траншей, повидимому, съ большими потерями. Въ занятыхъ нами позиціяхъ отстояться есть полная надежда. Перестрѣлка продолжается и слѣдуетъ ожидать новыхъ попытокъ непріятели къ атакѣ новыхъ позицій нашихъ. Придвинулъ къ Рыжей горѣ суздальцевъ и казанцевъ съ артиллеріей. Войска вели себя молодцами. Потери еще не приведены въ извѣстность, но такъ какъ непріятель, повидимому, переходитъ въ наступленіе, то говорить о нихъ слишкомъ рано. Во главѣ своей храброй роты палъ шт.-кап. Домбровскій. Въ виду занимаемой непріятелемъ позиціи отъ насъ въ 300 шагахъ, стрѣлба артиллеріи съ фланга принесетъ пользу днемъ».

Днемъ, 29-го октября, на позиціи у Скобелева все было спокойно и намъ удалось окончательно утвердиться на первомъ кряжѣ Зеленыхъ горъ. Послѣ этого успѣха Скобелевъ пріободрился; онъ находилъ, что каждому начальнику отряда слѣдуетъ предоставить большую свободу дѣйствій, и на этомъ основаніи разрѣшить ему занять Кришинскіе редуты. Но, къ счастью, Тотлебенъ спохватился во-время и устоялъ противъ всѣхъ дальнѣйшихъ маневровъ, пущенныхъ въ ходъ Скобелевымъ съ цѣлью втравить начальство арміи въ четвертый штурмъ, при помощи туманныхъ представлений о постепенномъ занятіи мѣстности. 31-го октября генераль-адъютантъ Тотлебенъ отдалъ на имя начальника отряда на Плевно-Ловченскомъ шоссе предписаніе, которое въ конецъ разрушило расплѣтшія были надежды Скобелева. Предписаніе гласило слѣдующее: „Положеніе командуемаго вашимъ превосходительствомъ отряда на Зеленыхъ горахъ въ настоящее время таково, что всякое дальнѣйшее движеніе еще болѣе впередъ я при-

знаю невыгоднымъ, въ томъ вниманіи, что потери были бы слишкомъ велики и несоразмѣрны съ общею цѣлью нашихъ дѣйствій подъ Плевною; кромѣ того, занятіе отрядомъ позиціи еще болѣе передовой, нежели нынѣшняя, было-бы при настоящей силѣ отряда слишкомъ рискованнымъ. Поэтому предписываю вамъ остановиться на занимаемой вами, въ настоящее время, позиціи (гора впереди Врестовца, ближайшая къ деревнѣ, и первый кряжъ Зеленыхъ горъ), обративъ все ваше вниманіе на укрѣпленіе ея наилучшимъ образомъ»¹⁾.

Итакъ, приостановивъ дальнѣйшія скобелевскія наступательныя предпріятія, Тотлебенъ рѣшился отнынѣ поддерживать во всей чистотѣ идею блокады; его стало даже беспокоить смѣлое выдвигеніе по Софійскому шоссе войскъ генераль-адъютанта Гурко, которое признавалъ несоотвѣтствующимъ силѣ его отряда. По мнѣнію Тотлебена, генераль Гурко долженъ былъ составить съ гвардіею лишь сильный виѣшній резервъ отряда обложенія съ западной стороны, высылая въ этомъ направленіи сильныя разѣзды, и, въ случаѣ приближенія непріятели на помощь къ Осману по дорогамъ изъ Софіи—Телишъ или Софіи—Верковацъ—Враца, идти на встрѣчу и разбить его въ полѣ. «Между тѣмъ, пишетъ Тотлебенъ въ дневникѣ, онъ слишкомъ далеко зашелъ къ Софіи и оставилъ дороги чрезъ Врацу и Верковецъ безъ прикрытія пѣхоты. Это опасное отступленіе отъ общаго плана дѣйствій, который мною составленъ».

Императоръ Александръ посѣтилъ, 31-го октября, въ Тученицѣ больнаго генераль-адъютанта Тотлебена. Въ разговорѣ Эдуардъ Ивановичъ воспользовался случаемъ, чтобы убѣдить государя въ необходимости остановить наступленіе генерала Гурко. Вторично Тотлебенъ настаивалъ на приведеніи въ исполненіе этой мѣры, при посѣщеніи Порадима 17-го ноября. Тогда получено было извѣстіе о неудачномъ дѣлѣ за Искеромъ, по дорогѣ изъ Врацы, въ которомъ 1½ эскадрона л.-гв. драгунскаго полка изрублены были турками и нами потеряны при отступленіи два орудія. Эта частная неудача окончательно вселила въ Тотлебенѣ увѣренность, что дѣйствія генерала Гурко не соотвѣтствуютъ силѣ его отряда. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этой неудачи, опасенія Тотлебена были приняты во вниманіе, и 18-го ноября высочайше повелѣно генералу Гурко не подвигаться болѣе впередъ; но въ это время обстоятельства измѣнились; турки успѣли очистить безъ боя Орханію, въ которомъ туркофильскія газеты пророчили намъ новую Плевну, только въ десять разъ сильнѣе! Для Турціи неумолимый рокъ готовилъ отнынѣ рядъ неслыханныхъ пораженій,

¹⁾ См. въ приложеніяхъ выдержки изъ дневника генераль-адъютанта Тотлебена, за время съ 25-го октября до сдачи крѣпости Рущукъ.

наперекоръ разсчетахъ обыкновенной стратегіи, и день окончательнаго торжества Россіи былъ уже близокъ.

Но возвратимся назадъ, къ 31-му октября, какъ къ многозначительному дню въ исторіи блокады Плевны; независимо отъ вышеприведеннаго предписанія Тотлебена на имя начальника отряда на Плевно-Ловченскомъ шоссе, генерала Скобелева, 31-го числа послѣдовало еще не менѣе важное распоряженіе со стороны его высочества главнокомандующаго относительно войскъ, сосредоточенныхъ подъ Плевною.

Великій князь, въ сопровожденіи генераль-адъютанта Непокойчицкаго, навѣстилъ въ этотъ день Тотлебена въ Тученицѣ; его высочество объявилъ ему радостную вѣсть, что войска, облегающія Плевну, поступаютъ, по прежнему, въ полномъ составѣ въ распоряженіе помощника начальника западнаго отряда. Такимъ образомъ, ненормальный порядокъ дѣлъ, установившійся подъ Плевной, съ 19-го октября, наконецъ, прекратился. Тотлебенъ пишетъ по этому случаю: „Раздѣленіе командованія между великимъ княземъ, имѣвшимъ подъ своимъ начальствомъ войска къ западу отъ Плевны, и мною, блокирующимъ Плевну съ восточной стороны, оказалось непрактичнымъ. Вслѣдствіе этого я вновь получилъ начальство надъ всѣми войсками подъ Плевной».

Генераль-адъютантъ Гурко долженъ былъ продолжать дѣйствовать самостоятельно къ юго-западу отъ Плевны, а въ блокирующемъ отрядѣ: 1-ю и 2-ю гвардейскія пѣхотныя дивизіи предполагалось замѣнить подошедшими въ это время къ отряду обложенія 2-ю и 3-ю гренадерскими дивизіями.

Это новое распредѣленіе войскъ было окончательно обсуждено 2-го ноября въ Медованѣ, въ присутствіи его высочества главнокомандующаго, лицъ его штаба, генераль-адъютанта Тотлебена, князя Имеретинскаго, генераль-адъютанта Гурко и генераловъ Каталя (начальника 3-й гвардейской дивизіи) и Ганецкаго (командира гренадерскаго корпуса).

Съ этого дня западный отрядъ переименованъ въ отрядъ обложенія Плевны и состоялъ, по день сдачи арміи Османа-паши, изъ слѣдующихъ частей: румынской арміи, 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 4-го армейскаго корпуса ¹⁾, 9-го армейскаго корпуса ²⁾, 4-й и 9-й кавалерійскихъ дивизій, 3-й стрѣлковой и 2-й саперной бригадъ. Численность этого отряда простиралась до 120,000 человекъ, при 510 орудіяхъ.

¹⁾ 2-я, 16-я и 30-я пѣхотныя дивизіи.

²⁾ 5-я и 31-я пѣхотныя дивизіи.

Тотлебенъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли ¹⁾: «1) воспрепятствовать Осману-пашѣ прорваться и принудить его посредствомъ голода къ сдачѣ въ плѣнъ со всѣмъ гарнизономъ; 2) сберечь и усилить плевненскій отрядъ, чтобы пріобрѣсти возможность, по паденіи Плевны, подкрѣпить сильными резервами прочіе отряды, дабы они могли изъ оборонительнаго положенія перейти къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, во всѣ наши войны съ Турціей османлысы на первыхъ порахъ причиняли намъ задержки и даже неудачи, занимая стратегическіе пункты и обороняя свои крѣпости и укрѣпленные лагери съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ, которое никогда не было напередъ оцѣняемо съ надлежащею предусмотрительностью».

Одною изъ первыхъ заботъ Тотлебена, послѣ образованія отряда обложенія Плевны, состояло въ томъ, чтобы привести въ фортификаціонномъ отношеніи блокадную линію, на всемъ ея протяженіи, въ надлежащій видъ. Съ этою цѣлью назначены были въ распоряженіе генерала Ганецкаго—военный инженеръ-полковникъ Мазюкевичъ, а генерала Каталя—военный инженеръ-подполковникъ Старынкевичъ. Начертаніе, данное этимъ укрѣпленіямъ, исполнено было согласно непосредственнымъ указаніямъ, полученнымъ исполнителями отъ генераль-адъютанта Тотлебена.

Къ 20-му ноября всѣ проектированны Тотлебенемъ укрѣпленія по линіи обложенія были исполнѣ окончены; батареи сданы въ вѣдѣніе командировъ ихъ, а прочія укрѣпленія и траншеи въ вѣдѣніе полковъ.

Для затрудненія продовольствованія обложенной турецкой арміи Тотлебенъ задумалъ пріостановить, въ концѣ октября, дѣйствіе плевненскихъ мельницъ. По его указаніямъ построены были плотины на Гривицкомъ и Тученицкихъ ручьяхъ, которыя исполнѣ достигли намѣченной цѣли. Таль-атъ по этому поводу рассказываетъ слѣдующее: «къ 10-му ноября запасъ пшеничной муки сталъ подходить къ концу; кукуруза же хотя и имѣлась у насъ, но въ зернѣ, такъ какъ заблаговременно не была обращена въ муку, а между тѣмъ плотины находившихся у Плевны семи мельницъ были разрушены противникомъ и вода отъ нихъ отведена въ другую сторону, вслѣдствіе чего онѣ всѣ оставались въ бездѣйствіи. На этомъ основаніи, послѣ 10-го ноября продовольствіе въ нашей арміи было еще болѣе сокращено—до $\frac{1}{2}$ положенной дачи провіанта, т. е. каждому солдату выдавался въ день одинъ литръ хлѣба; сверхъ того на каждыя въ арміи выдавалось въ день по

¹⁾ Письмо генераль-адъютанта Тотлебена бельгійскому генералу Бриальмону, изъ Брестовца, отъ 6-го (18-го) января 1878 года.

одному кочню кукурузы, которые нижніе чины, собираясь по взводно, варили вмѣстѣ и тѣмъ поддерживали себя въ продолженіе довольно значительнаго времени».

Съ прибытіемъ 5-го телеграфнаго парка можно было расширить телеграфное сообщеніе отряда обложенія. Тотлебенъ приказалъ окончательно учредить станціи въ слѣдующихъ пунктахъ блокадной линіи, а именно: въ Гривицѣ, Радивевѣ, Тученицѣ, Боготѣ, Брестовцѣ, Триницѣ, Дольнемъ Дубнякѣ и Горнемъ Нетрополѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ занятія нашими войсками района въ направленіи къ Орханію и Софіи, продолжали вести телеграфную линію отъ Дольняго Дубняка по Софійскому шоссе, учредивъ станціи въ Чириково и Луковицѣ.

Обращено было также вниманіе на частыя поврежденія телеграфной линіи ¹⁾. Тотлебенъ предписалъ командирамъ корпусовъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ установить, въ тылу вѣреннаго имъ участка обложенія, самый строгій надзоръ съ помощью разъѣздовъ и вообще принять всѣ возможныя мѣры для сохраненія телеграфныхъ сообщеній отрядовъ.

Другое не менѣе важное мѣропріятіе, принятое Тотлебеномъ немедленно послѣ приказа главнокомандующаго, послѣдовавшаго 3-го ноября, заключалось въ раздѣленіи позицій вокругъ Плевны на шесть участковъ; для обороны каждаго участка назначено было число войскъ, соответствовавшее его протяженію и относительной важности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тотлебеномъ заранѣе намѣчены были всѣмъ начальникамъ участковъ возможные случаи прорыва и соответственное стягиваніе войскъ къ угрожаемому пункту.

Окончательное распредѣленіе войскъ по участкамъ выразилось слѣдующимъ образомъ:

Первый участокъ, простирался отъ праваго берега р. Вида съ позиціи у Биволара (Сусурлю) до Гривицкаго редута; его занимали

¹⁾ Напр., 5-го ноября на линіи Тученица—Радіево оказалась порча злоумышленная. Оборванная проволока лежала кусками, скатанная въ кустахъ. Часть шестовъ была поломана, а нѣкоторые изъ нихъ были вогнуты изолаторами въ землю, на разстояніи около версты. Исправленіе продолжалось 17 часовъ.

6-го ноября произошла тревога въ обозѣ гвардейскаго корпуса въ Радмирцѣ, распространившаяся до Чирикова. Кто-то подстрѣлилъ барана; болгары закричали „турки“—бросились бѣжать въ увѣренности нападенія со стороны непріятеля. Вслѣдствіе этого вольнонаемные транспорты въ Телишѣ также обратились въ бѣгство, побросали повозки и совершенно испортили телеграфную линію на двѣ версты. Къ утру удалось возстановить прекратившееся телеграфное сообщеніе съ Луковцами.

румынскія войска подъ начальствомъ командующаго дѣйствующимъ румынскимъ корпусомъ, генерала Черната.

Второй участокъ, отъ Гривицкаго до Галицкаго редута, подъ начальствомъ командира 9-го корпуса, генераль-лейтенанта барона Криденера: 31-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и 2-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя батареями.

Третій участокъ, отъ Галицкаго редута до Тученицкаго оврага, подъ начальствомъ командира 4-го корпуса, генераль-лейтенанта Зотова: 2-я пѣхотная дивизія съ 30-ю артиллерійскою бригадою и 12-й стрѣлковый баталіонъ.

Четвертый участокъ, отъ Тученицкаго до Картужавенскаго оврага, подъ командою начальника 16-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Скобелева: 16-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, 30-я пѣхотная дивизія со 2-й артиллерійскою бригадою, 9-й, 10-й и 11-й стрѣлковые баталіоны и 9-й казачій полкъ. Расширеніе участка генерала Скобелева до Картужавенскаго оврага послѣдовало 13-го ноября. Тотлебенъ приказалъ два баталіона 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ батареею, занимавшіе редуты Старынкевича и Мирковича, смѣнить двумя баталіонами изъ отряда генерала Скобелева; названные же два редута включить въ четвертый участокъ позиціи. Такимъ образомъ, хотя къ четвертому участку окончательно присоединена 30-я пѣхотная дивизія въ полномъ составѣ, но чтобы не подать генералу Скобелеву повода къ особеннымъ затѣямъ въ виду числительнаго усиленія подчиненныхъ ему войскъ, протяженіе четвертаго участка было расширено ¹⁾. Что же касается генерала Зотова, то онъ очутился въ довольно оригинальномъ положеніи. Новое распредѣленіе войскъ по участкамъ отряда обложенья привело къ той ненормальной обстановкѣ, что окончательно въ рукахъ командира 4-го корпуса оставалась только одна пѣхотная дивизія при одномъ стрѣлковомъ баталіонѣ; по существу дѣла, настоящимъ корпуснымъ командиромъ слѣдуетъ признать генерала Скобелева, подъ названіемъ начальника отряда на Плевно-Ловченскомъ шоссе.

Пятый участокъ, отъ Картужавенскаго оврага до праваго берега р. Вида у д. Тринины, подъ командою начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Каталя: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, два эскадрона л.-гв. казачьяго Его Величества полка и № 10-й донская казачья батарея.

Шестой участокъ, по лѣвому берегу р. Вида, включая на пра-

---

¹⁾ По случаю этого распоряженія, Скобелевъ, 15-го ноября, переѣхалъ со штабомъ изъ д. Брестовець въ д. Учинъ-Доль.

вомъ берегу рѣки позицію у Биволара (Сусурлю) подъ начальствомъ командира гренадерскаго корпуса, генераль-лейтенанта Ганецкаго: 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи, 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями, 4-я румынская дивизія съ ея артиллерією, 9-й Казанскій драгунскій, 9-й Бугскій уланскій, 9-й Киевскій гусарскій и Донской № 4-го полки, 7-я конно-артиллерійская батарея, донская № 2-го батарея и полкъ каларашей.

Относительно вооруженія боевой артиллерійской линіи на протяженіи между Гривицей и Тученицкимъ оврагомъ, замѣтимъ здѣсь, что къ 26-му ноября въ 32-хъ батареяхъ и укрѣпленіяхъ было постепенно выставлено до 163-хъ орудій. Въ этомъ числѣ находились орудія слѣдующихъ калибровъ:

24-хъ фунт. пушекъ (изъ нихъ 4 стальныхъ, 29 мѣдныхъ длинныхъ и 8 короткихъ)	41.
6-ти дюйм. мортирь	4.
9-ти фунт. пушекъ	74.
4-хъ фунт. пушекъ	44.

Итого . . . 163 орудія ¹⁾.

6-го ноября въ главной квартирѣ получено было радостное извѣстіе о взятіи штурмомъ крѣпости Карса. Государю императору угодно было повелѣть, чтобы на слѣдующій день во всѣхъ отдѣльныхъ отрядахъ и корпусахъ, находящихся за Дунаемъ, въ виду турецкихъ позицій, было отслужено благодарственное молебствіе, во время котораго, при возглашеніи многолѣтія российскому воинству и вѣчной памяти убиеннымъ, вся артиллерія должна салютовать боевыми залпами по непріятельскимъ позиціямъ.

Подъ Плевной молебень имѣлъ мѣсто въ высочайшемъ присутствіи, 7-го ноября въ 12 часовъ, у Императорскаго редута, откуда государь, въ случаѣ приѣзда на позицію, постоянно наблюдалъ за турецкимъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Вокругъ аналоя выстроились бригада пѣхоты, терскій эскадронъ и лейбъ-казачій конвой главнокомандующаго. Погода стояла прекрасная; яркое солнце освѣщало картину военнаго торжества, и казалось, что наступила вновь весна. Когда пѣвчіе запѣли: «Тебѣ Бога хвалимъ» грянулъ первый салютаціонный залпъ со всѣхъ батарей по Плевнѣ. По окончаніи молебствія, государь обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью, въ которой возвѣ-

---

¹⁾ Съ 29-го сентября по 26-е ноября включительно выпущено было изъ орудій боевой артиллерійской линіи 53,633 снаряда.

стиль имъ о взятіи Карса, и пожелалъ имъ скорѣйшаго и столь же побѣдоноснаго окончанія съ Плевной. Отвѣтное «ура» было подхвачено сосѣдними войсками и далеко прогремѣло по линіи обложенія. «Давно уже привыкшіе видѣть лицо государя постоянно серьезнымъ и глубоко озабоченнымъ не встрѣчали такой свѣтлой и довольной улыбки, какая сіяла на немъ въ этотъ день, въ эти минуты»¹⁾.

Военный праздникъ продолжался до глубокой ночи. Весь день на русско-румынскихъ позиціяхъ гремѣла музыка и раздавались пѣсни, а когда наступилъ вечеръ, вся наша боевая линія озарилась блескомъ своеобразной иллюминаціи: запылали ряды костровъ и смоляныя бочки, кое-гдѣ свѣтились гирлянды изъ самодѣльныхъ фонарей, взвивались ракеты, мѣстами сожигался фейерверкъ. Въ заключеніе праздника въ скобелевской передовой траншеѣ на Зеленыхъ горахъ поднять былъ освѣщенный щитъ съ турецкою надписью, которая извѣщала защитниковъ Плевны, что «Карсъ взятъ». Со стороны турокъ послѣдовалъ сильнѣйшій ружейный огонь, неприятельскіе выстрѣлы направились преимущественно въ транспарантъ, который совершенно изрѣшело пулями.

Когда извѣстіе о паденіи Карса распространилось среди плевненскаго гарнизона, свидѣтели этихъ событій сознаютъ, что войска замѣтно были нравственно потрясены. Дѣйствительно, туркамъ въ это время не жилось весело въ Плевнѣ; немолкаемое бомбардированіе причиняло имъ, какъ это впоследствии оказалось—безграничное горе²⁾. Но тѣмъ не менѣе наши противники не думали сдаваться, къ тому же во главѣ турецкой арміи оказался генераль, отнюдь не принадлежавшій къ базеновской школѣ. Еще 31-го октября главнокомандующій отправилъ черезъ парламентаря Осману-пашѣ письмо, въ которомъ его высочество извѣщаль турецкаго гази, что всѣ пути его отступленія окончательно преграждены нашею гвардіею и гренадерами, а потому, во избѣжаніе напраснаго пролитія крови, въ которомъ ему придется дать отвѣтъ передъ Богомъ и народомъ, предлагалъ обложенной арміи положить оружіе. Со стороны Осмава-паши послѣдовалъ на другой день отвѣтъ, въ которомъ онъ отклонялъ сдѣланныя ему предложенія. «Я еще не выполнилъ всѣхъ условій, требуемыхъ военною честью для возможности сдачи, писалъ Османъ, и не могу покрыть позоромъ имя оттоманскаго народа, а потому предпочитаю лучше принести въ жертву нашу жизнь на пользу народа и въ защиту правды, и съ величайшею радостью и счастьемъ готовъ скорѣе

¹⁾ Чичаговъ: „Дневникъ“.

²⁾ Таль-атъ: „Описаніе“.

пролить кровь, чѣмъ позорно сложить оружіе. Что же касается, до отвѣтственности моей передъ Богомъ, то таковая пусть падеть на тѣхъ, которые причинили настоящую войну».

Паденіе Карса не осталось безъ вліянія на положеніе дѣлъ подѣ Плевною; наши побѣды въ Азій снова выдвинули вопросъ о штурмѣ укрѣпленнаго лагеря Османа-паши. Атака турецкой позиціи казалась многимъ единственнымъ средствомъ, могущимъ вывести насъ изъ выжидательнаго положенія, на которое временно осуждены были наши войска на Балканскомъ полуостровѣ; хотѣли покопчить, во что бы то ни стало, съ пассивной блокадой. «Но я воспротивился этому, пишетъ Тотлебенъ, со всей энергіей, внушенной мнѣ моими убѣжденіями (moi, je m'y opposai avec toute l'énergie inspirée par mes convictions)» ¹⁾. Четвертой Плевны не будетъ, сказалъ Тотлебенъ императору Александру, принявъ начальство надъ войсками подѣ Плевной, и защитникъ Севастополя сдержалъ слово, данное государю. «До сихъ поръ все шло по зрѣло обдуманному плану, писалъ тогда Тотлебенъ; теперь же хотятъ дѣйствовать быстрее, чѣмъ возможно. Мы должны спокойно выжидать результатовъ обложенія. Я употребляю всѣ усилія, чтобы тормозить». Къ счастью, тормазъ оказался настолько устойчивымъ, что сторонникамъ штурма не удалось опять поставить исходъ войны на почву случайности. Туркамъ дано было необходимое время спокойно съѣсть послѣдній сухарь; а затѣмъ Осману-пашѣ оставалось только обратиться къ прорыву, какъ послѣднему средству, чтобы съ честью сложить оружіе.

12-го ноября Тотлебенъ предпринялъ осмотръ позиціи, занятой 3-ю пѣхотною гвардейскою пѣхотною дивизіею и гренадерами. Результатомъ этой поѣздки явилось распоряженіе о переводѣ на лѣвый берегъ р. Вида двухъ полковъ 5-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями, подчинивъ ихъ генералу Ганецкому. Затѣмъ Тотлебенъ предписалъ общій резервъ изъ частей гренадерскаго корпуса въ составѣ шести полковъ съ восемью батареями, которымъ расположиться совокупно у Горняго Петрополя. Резерву этому приказано быть постоянно въ полной готовности къ немедленному выступленію для поддержки, въ случаѣ надобности какъ праваго, такъ и лѣваго фланга позиціи, занятой войсками гренадерскаго корпуса.

Распоряженія эти оказались какъ нельзя болѣе цѣлесообразными, такъ какъ 17-го ноября Тотлебенъ получилъ отъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго записку слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Письмо Тотлебена генералу Бріальмону отъ (6-го января) 1878 года.

«Графъ Шуваловъ телеграфируетъ изъ Лондона 15-го (27-го) ноября: Correspondant du Times télégraphie de Péra que conseil de guerre a décidé évacuation de Plewno; qu'on tache de transmettre à Osman-Pacha ordre immédiatement de percer nos lignes».

По приказанію главнокомандующаго, это распоряженіе было тотчасъ сообщено частнымъ начальникамъ обложенія Плевны.

Въ виду ожидаемаго со стороны Османа-паши выхода изъ плевненскаго укрѣпленнаго лагеря, Тотлебенъ занялся составленіемъ подробныхъ диспозицій сосредоточенія войскъ на различныхъ путяхъ на случай наступленія со стороны турокъ; при этомъ онъ имѣлъ въ виду сосредоточить возможно большее число войскъ—отъ 40 до 60-ти батальоновъ—на каждомъ пунктѣ, который избранъ будетъ непріателемъ для атаки. Начальникамъ участковъ линіи обложенія предписано было приступить къ тщательному изслѣдованію дорогъ и къ составленію предположеній для движенія резервовъ въ разнообразныхъ случаяхъ прорыва. Чтобы отстранить возможные недоразумѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣстѣ убѣдиться насколько можетъ быть практически осуществлено сосредоточеніе войскъ, Тотлебенъ выѣхалъ, 21-го ноября, изъ Тученицы для окончательнаго объѣзда позицій вокругъ Плевны. 22-го ноября произведенъ маневръ въ 3-й гренадерской дивизіи, а въ слѣдующіе затѣмъ дни—въ гренадерскомъ корпусѣ и у румынъ. Во время этихъ маневровъ, артиллерія и войска занимали предназначенныя имъ позиціи, резервы придвигались, какъ будто непріатель приступилъ къ атакѣ въ предположенномъ направленіи.

Такимъ образомъ, всѣ части войскъ могли ознакомиться съ мѣстностью и съ предстоявшею имъ задачею; каждый могущій провойти случай былъ заранѣе предусмотрѣнъ. 25-го ноября, Тотлебенъ возвратился въ Тученицу.

Въ это время главная квартира была нѣсколько встревожена извѣстіемъ о пораженіи, понесенномъ нашими войсками подъ Еленой. Тотлебенъ, однако, не смутился и посмотрѣлъ на эту неудачу, какъ на совершенно второстепенное происшествіе; когда-же подъ вліяніемъ первой тревоги возникло предположеніе объ уменьшеніи войскъ отряда обложенія, онъ воспротивился принятію подобнаго распоряженія самымъ рѣшительнымъ образомъ, говоря, что это значило бы дѣлать то, чего непріатель добивается. Рѣшеніе вопроса объ участи кампаніи на Балканскомъ полуостровѣ должно было послѣдовать, по прежнему, въ Плевнѣ; только послѣ паденія этого роковаго для насъ города и плѣненія арміи Османа-паши, дѣйствующая армія могла пріобрѣсти, наконецъ, полную свободу дѣйствій для окончанія войны однимъ рѣшительнымъ ударомъ.....

Въ субботу, 26-го ноября, въ отрядѣ обложенія Плевны праздновался георгіевскій праздникъ. Молебень и церковный парадъ происходилъ у императорскаго люнета, въ присутствіи генераль-адъютанта Тотлебена.

Впослѣдствіи оказалось, что въ этотъ день турки едва не разстроили наше военное празднество. Они готовились уже къ выступленію изъ Плевны и первоначально намѣревались начать прорывъ 26-го ноября; но за неокончаніемъ всѣхъ необходимыхъ приготовленій, Османъ-паша отложилъ предположенное наступленіе до 28-го ноября.

Къ этому времени къ намъ не успѣли еще проникнуть положительныя свѣдѣнія относительно намѣреній непріятеля, хотя въ концѣ ноября мѣсяца въ отрядѣ обложенія поднимались уже неоднократныя тревоги по случаю ожидаемой со стороны турокъ атаки ¹⁾. Томительное напряженіе увеличивалось съ каждымъ днемъ; несомнѣнно было, что желанная развязка, наконецъ, приближалась.

Н. Е. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Напр., 23-го ноября, во время послѣдняго объѣзда Тотлебена линіи обложенія, къ румынамъ явились два турецкіе офицера и заявили имъ, что ночью слѣдуетъ наступленіе турокъ противъ нашего праваго фланга и къ сторонѣ Софійскаго шоссе. Всѣ начальники участковъ обложенія Плевны были тотчасъ предупреждены о томъ телеграммами; но часть спустя, пришлось сообщить тѣмъ же начальникамъ, что извѣстіе, переданное турецкими офицерами, требуетъ еще подтвержденія.

Не было недостатка и въ сенсаціонныхъ извѣстіяхъ. Такъ, напр., 18-го ноября, перебѣжчикъ турокъ сдѣлалъ слѣдующее показаніе: три дня тому назадъ, Османъ-паша поѣхалъ утромъ, въ сопровожденіи пяти чловѣкъ, къ мосту на р. Видѣ, и съ тѣхъ поръ его никто не видѣлъ, равно какъ и сопровождавшихъ его лицъ! За отсутствіемъ Османа-паши командованіе принялъ Садыкъ-паша.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

Очеркъ его жизни и списокъ его трудовъ.

[Изъ „Словаря русскихъ врачей“. Спб. 1886 г.]

Ниже прилагаемый краткій очеркъ жизни Н. И. Пирогова и по возможности полный списокъ его работъ, съ одной стороны, служить дополненіемъ всего помѣщенного уже въ «Русской Старинѣ» о Николаѣ Ивановичѣ, а съ другой—есть образчикъ біографій, собранныхъ мною въ книгѣ «Русскіе врачи писатели» (Спб., 1886 г., въ 8 д. л.). Трудъ этотъ давній, начатый еще въ молодости, когда еще во многое вѣрилось, когда думалось, что сословіе врачей, не имѣющее своей исторіи, не сословіе. Исторія медицины въ Россіи хоть какая нибудь да есть, а сборника работъ того, кто дѣлалъ эту самую исторію, т. е. врачебной литературы русской (нѣмецкой было два, кромѣ Рихтера и Бакмейстера), не напечатано.

До извѣстнаго срока литература была мною собрана для изданія Общества русскихъ врачей въ Москвѣ еще въ 1860-хъ годахъ. На этомъ остановиться теперь, конечно, нельзя, поэтому собраніе продолжено до 1881 года, но, во избѣжаніе ломки и затяжки, эта часть работы, снабженная біографіями, и вышла въ свѣтъ въ 1886-мъ году I-мъ выпускомъ. Въ немъ болѣе 1,800 лицъ и около 25 листовъ. Отъ вниманія моихъ почтенныхъ собратовъ врачей къ этому первому выпуску будетъ зависѣть скорость появленія слѣдующихъ.

Прошу сотоварищей, кому дорога русская наука, доставлять мнѣ поправки и дополненія къ моему труду «Русскіе врачи писатели», особенно за раннее время, чтобы можно было ихъ внести во второй же выпускъ этого труда.

Спб. Невскій пр.,
49, кв. 74.

Левъ Ѳ. Змѣевъ,
докторъ медицины.

Пироговъ, Николай Ивановичъ, (13 ноября 1810, † 23 ноября 1881), почет. членъ Спб. об. рус. вр., чл. Парижс. мед. акад., почет. чл. Вѣнск. ун., тайн. с., сынъ Моск. чиновника изъ дворянъ, въ Мос. унив., изъ части. пансіона Кряжева, вступилъ 824 своекоштнымъ, кончилъ лѣкаремъ I отд. (24 мая) 25 июня 828 и тотчасъ поступилъ въ Дерптскій профессорск. институтъ, гдѣ кончилъ снова курсъ и получилъ въ Дерптс. ун. степ. Д. М. и Хир. Защитивъ 31 августа 832 года диссер., утвержденъ 30 ноября 1832 (вступилъ въ службу 24 мая 1831); затѣмъ 4 мая 833 посланъ за границу на каз. счетъ. По возвращеніи и по прочтеніи пробной публичн. лекціи въ Спб. академіи наукъ 9 дек. 835, назначенъ 4 марта 836 экс. орд. проф. и директоромъ Дерптск. хирург. факульт. клиники; 837 орд. тамъ проф.; получилъ мал. зол. мед. за разборъ на Демидовск. прем. 837; 839 въ Парижѣ полгода былъ на казенн. счетъ; 841 перевод. орд. проф., въ С. М. Х. А., госпитальной хирургичес. клиники и паталогич. анатоміи, кромѣ того главнымъ врачомъ хирург. отдѣл. 2-го Спб. военносух. госп., вице-директ. инструмент. завода, членомъ комитета при м. н. пр., для преобразования медицинской учебн. части. Въ 847 посланъ снова за границу, вернувшись откуда ѣздилъ на Кавказъ для показанія употребленія хлороформа по Высоч. повел., и за взятіе укрѣпленія «Салты» д. с. с.; 848 консультантомъ лѣчебнаго заведенія для лицъ благород. зв.; въ 854—55 извѣстно его участіе въ оборонѣ Севастополя; 856 уволенъ изъ военного вѣдомства. Затѣмъ былъ попечителемъ Одесскаго учебн. округа; а 858—61 тоже Киевскаго; послѣ чего состоялъ при м. нар. пр. до смерти. Ѣздилъ во франко-прусскую войну, посланъ обществомъ краснаго креста въ послѣднюю восточную войну. 26 мая 881 отпраздновалъ въ Москвѣ 50 лѣтній юбилей своей службы. Умеръ въ дер. Вишняки Подольск. губ., de ulcera oris cancroso serpiginosi, собственная діагноза.

Съ фр. Либри. О пламени (предохранительная сѣтка Деви). Изъ Biblioth. univers. Т. 36, стр. 173.—Вѣс. Ювс. 829, № 1, 39—54.

Анатомо-паталогическое описаніе бедренно-паховой части относительно грыжъ, появляющихся въ семъ мѣстѣ. Вѣс. Ювс. 829, II, № 5, стр. 68.

Num vinctura aortae abdominalis in aneurismate inguinali adhibitu facile ac tutum sit remedium? Diss. D. M. Dorp. Liv. 1832, 8°, 72. Печатано на счетъ унив.—Съ рисункомъ 4°.

Перевязка брюшной аорты. Отрывокъ изъ соч. Н. Пирогова. Вѣс. Ювс. 1832, I, 114—54.—Почти переводъ предъидущаго, какъ равно и слѣдующее:

Über die Möglichkeit Unterbindung d. Aorta abdominalis. Gräfe

u. Walth. Jour. d. Chir. Bd. 27, 1838, St. I. 122—46 и St. II, 241—50 съ рисун. Т. V, F. 1 и 2.— Extr. Sachs med. Alman. 1840, Abth. II, 148.—Schm. Jahr. Ber. Bd. 26, 1840, Juni (Art. 26), 325 v. Kneschke.

О пластическихъ операціяхъ вообще и о ринопластикѣ въ особености. Пробная лекція, читанная 9 декабря 1835 въ Спб. акад. наукъ. В. Мд. Ж. 836, ч. 28, II, 3—37.

Über die Vorurtheile des Publikums gegen die Chirurgie. Rede in Dorp. Univ. 20 Novemb. 1836 gehalten. Dor. Liv. 1836, 8°.

Annalen der chirurgischen Abtheilung des Klinikums der Kais. Univ. zu Dorpat. Годъ 1-й съ апр. 1836 по апр. 1837, 384 съ 5 лт., и Годъ 2-й 22, 272 съ 5 лт. Dorp. Liv. 1837—39, 4°, изд. Klug.—Содержаніе:

Годъ I: 1) Kopfverletzungen, стр. 4; Rücken-gratsverletzungen—27; 3) Halswunden—30; 4) Knieverletzungen—33; 5) Complizirten Fracturen—55; 6) Knochenbrüchen und Verrenkungen—73; 7) Vermischte Verletzungen—97; 8) Entzündungen—105; 9) Verbrennungen—130; 10) Suppurative Entzündungen, Abscese, Fisteln—133; 11) Syphilitische Geschwüre—190; 12) Fussgeschwüre—217; 13) Knochengeschwüre—234; 14) Sponylarthrocace und Coxarthrocace—239; 15) Brand 266—292; 16) Afterproducte—292; 17) Vermischte Fälle—363, а въ концѣ Tabellar. Übersicht der behandelten Augenkrankheiten (88 Fall).

Годъ II: 1) Phlebitis traumatica, стр. 1; 2) Tödtlichen Panaritium—11; 3) Hiebwunde des Fussrückens und der Tarsalknochens—18; 4) Entartung der Axillardrüsen—21; 5) Fractura metacarpi complicata—26; 6) Eiterhöhle am Oberschenkel—49; 7) Arthropoyosis externa des Knies—53; 8) Fissura des Basis cranii—58; 9) Knochenbrüche—68; 10) Veraltete Luxationen—87; 11) Gelenkschwamm—90; 12) Rheumatische Gelenkschwamm—93; 13) Caries der tibia—100; 14) Necrose der tibia—103; 15) Entzündung des Ellenbogen—gelenks mit Tripper—105; 16) Spondylarthrocace mit Tuberkelstoff—107; 17) Coxarthrocace—111; 18) Necrose der fibula—114; 19) Bemerkungen—120; 20) Entartung einer tiefen Halsdrüse—149; 21) Skrophelstoff in beiden Hoden den Saamenleitern etc.—151; 22) Strumöse Entartung d. Halsdrüse—156; 23) Zwei Falle—177; 24) Nasenpolyp—180; 25) Aneurisma inguinale—189; 26) Urinfisteln—222; 27) Radicalcur d. Leistenbrüche nach Meyer—232; 28) Radicalcur eines Nabelbruch nach Bonnet—234; 29) Prolapsus ani—236; 30) Rhinoplastik des Nasenrückens—249; 31) Auf Vivisectionen gestützte Bemerk. üb. Phlebitis—260—272.

Подобныя авалы выходили—Эрдмана въ Дерптѣ же, Франка въ Вильнѣ, Ванцетти въ Харьковѣ и всѣ они были на латинскомъ.

Recens.: Zeitschr. f. Med. 1838 Sept. 16—51 (I годъ v. Sadler); 102—4 (exarticul. metacarpi 4 и 5); 104—7 (Spondylarthr); 1840 Febr. 218—57 (II годъ v. Sadler же); 273 (правила при extirpatio опухолей); 274—5 (Aneurisma Nabel); 275—77 (collateral. Kreislauf); 277—80 (правила при перевязыв. art. iliac. inter.) 200—82 (органич. болѣзни колѣнн. сочлен.). Revue medic. 1838 сентябрь 402—4 (годъ 1, ligat. art. carotis, haemorrhag. consecut. morte).—Sachs Jahrb. d. Leist. d. Heilk. 1839, ч. II, 248, 255, 265.—Md. Argos Bd. 2, 1840. Н. 2, 632—35 (v. Krüger-Hansen).—Sachs med. Alman. f. 1841, 265 и 277.

Въ 1837 за разборъ (золотая медаль малая) на Демидовскую премію.

Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosarum. Dorp. Liv. 1837—38, 4°, Т. I, 4 тетради 23, IV, 27—127. Изданіе Kluge.—Э-о текстъ, а къ нему атласъ:

Anatomia chir. tr. art. nec non fasc. fibros. auctore N. Pirogoff et Schlater sec. naturam delineavit. Dorp. Liv. (Leipzig Michelsen et Hinrichs) 1838 fol. maxima 51 табл. — У Мих. тетрадка по 4, а у Гинр. по 3 талера.

Одновременно и даже ранѣе кончено: Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Fascien. Т. I, Hf. 4. mit 35 v. Schlater lithogr. Tafeln. Dorp. 1837—38, 4°, 3 талера тетр. на веленовой бумагѣ.

Recens.: Zeitsch. f. Med. Bd. V, 1837 Jul. 402 (Fasc. 1) и Bd. XII, 1839 Hf. 3 Novem. 400 (Fns. 1—3).

Тожъ Planches anatomiques 1) Arteriae 1—4, 21, 24—26, 36—50. Pirogoff Dorpat; Т. Kluge, (1838) grand f°, mêlés de quelques in 4°.—Быль ли французскій текстъ къ этому атласу—не знаю.

За это сочиненіе авторъ получилъ $\frac{1}{2}$ Демидовской преміи. См. присуж. Демид. нагр. 1840. А за поднесеніе бриліантовый перстень.

Тожъ (2-е) новое изданіе, безъ переѣмны, по нѣмецки въ Дерптѣ тип. Lindfors. 1840, 4° изд. Kluge, а латинское съ нѣмецкимъ въ Ревелѣ у Эггерса 1841, 8°, 4, 5, VIII, 132.—Атласъ тамъ же 1838, $\frac{1}{2}$ ° imp. fol., 50 листовъ текста и 51 лит. на веленовой бум., 20 талеровъ.—Разб. Ж. Мн. Нр. Пр. 32, III, 65 (1843).—Библи. М. Z. R. 1845, 48.

Тожъ 3-мъ изданіемъ можно считать русскій переводъ, такъ какъ онъ исправленъ и пополненъ авторомъ. Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ съ подробнымъ описаніемъ положенія и способовъ перевязки ихъ.—Перев. съ нѣм. Я. Блейхманомъ. Спб. 1854, 8°, VIII, 296.—Разб. В. Мд. Ж. 54. ч. 64, II, VI, 13—15.

Тожъ (4-е) изданіе Chirurgische An. d. Arterienst. u. Fas. neubear-

beitet v. J. Szymanowsky, mit. 50 Abh. v. Schlator, Dorp. Lithogr. v. Schmidel. Leipz. u. Heidelb. 1860, 8°.—А русскій переводъ: Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій. Н. И. Пирогова, вновь обработана Юл. Шимановскимъ. Лейпцигъ 1861, 8°.—Разб. В. Мд. Ж. 1862, ч. 84, IV, V, 49—51.

Тождь (5-е) изданіе Н. Цылова. Хир. ан. арт. ств. и фасцій. Переводъ съ нѣм. С. Коломина. Спб. 1881, 8°. Вып. I и II съ табл. Разб. Мысль 881, № 9, сентябрь, 347—348.

Über die Durchschneidung der Achillessehne, als operativorthopädisches Heilmittel v. N. Pirogoff. Dorp. 1840. 4° 75 u 7 Taf. изд. Эггерса въ Ригѣ (у Клуга на коммисіи).—Rec. Zeitsch. f. Medicin. Bd. 16, 1840, Hf. 4, April 441—51 (v. Günther).—От. Зап. 16, VI, 23.

О перерѣзываніи Ахиллесовой жилы и о пластическомъ процессѣ, употребляемомъ природою для сращенія концовъ перерѣзанной жилы. Сообщение Пирогова въ Общ. рус. врачей въ Спб. 2 мая 1841 года. Др. Здр. 841, 29.—От. Зап. 16, VI, 23.

Eine Bruchstück aus Pirogoff's Klinik.—Въ Medicinisch-kritische Miscellen v. B. C. Krüger-Hansen, Güstrow, 1843, 8°.

Angewandte Anatomie des menschlichen Körpers mit Abbildungen. Descriptiv-physiologische und chirurgische Anatomie. N. Pirogoff 4°.

Тождь. Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла (Анатомія описательно-физиологическая и хирургическая). Изд. Ольхина. Спб. 1843—44, 8°, тип. Края и 1845, 8°, тип. Праца (12 тетрадей). 4 н. 168.—Атласъ, Спб., литогр. Поля. ф^o 34 табл. въ 3 частяхъ. Съ черн. рисунк. 30 р., а съ раскраш. 54 р.—Разб. Дубовицкаго. Зап. Дуб. 843, 4, I, 98;—Рец. Бб. чт. 58, VI, 20—29 и 63, V, 37—82;—Крит. разб. Ж. М. Нр. Пр. 39 (843), XI, 199—201 и 42, III, 69.—Кр. раз. Маякъ 844, т. X, кн. 19, гл. IV, 43—44;—Современникъ ч. 31, 218;—Разб. От. Зап. 28 (843), № 6, VI, 51 и 45 (845), № 3, VI, 19;—Рец. Сѣв. Пч. 843 № 112.—За это соч. присуждена полная Демидов. премія, но выдана половина до окончанія изданія. См. 13 присужд. Демид. нагр. 1844 разборъ Брандта 21—26 и Бера 53—65, по нѣмецки.

Тождь. Planches de chirurgie aux quelles sont ajoutées encore quelques unes d'un autre ouvrage 62—98 (Спб. Пуб. Биб.). s. l. s. a. s. n. f.

Анатомическія изображенія человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей (съ атласомъ въ 6 табл.). Спб. тип. Края 1846, ф^o 2 н. 14 стр. изд. мед. деп. м. вн. д.

Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія орга-

новъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей, съ полнымъ объясненіемъ рисунковъ. Спб. 1850, 4^о, тип. Трея. Съ атласомъ Petropoli Pars. 1, 2, 3, 4. 1852, ф^о IV. Изд. мед. деп. м. вн. д.—Крит. разб. Москвитян. 1850, № 13, кн. I, 97—99. А. П.

Изъ наблюденій надъ острой и хронической водянкой влажной оболочки яичка. Зап. Дуб. 1846, 4, I, 71.

Neue Methode der Einführung der Aether-Dämpfe zum Behufe d. chirurg. Operationen.—Bull. phys. mathem. d. l'acad. d. SPbg., т. VI, 97—99.

Recherches pratiques et physiologiques sur l'etherisation. SPbg, typ. Francs, 1847, 8^о, 109.—Разб. В. Мд. Ж. 847, ч. 49, II, 244—67.

Versuche mit der Einathmung von verdunstendem Schweifeläther, in Petro-Paul. Hosp. zu StPtb. von Consult. d. Chir. Prof. Pirogoff 27 Feb. 1843. Drei Fall. M. Z. R. 847 (№ 15), 103.

Анатомическія и фізіологическія изслѣдованія объ этеризациі. Зап. Дуб., 1847, 2, I, 1.—Отг. Наблюденіе надъ дѣйствіемъ эфирныхъ паровъ какъ болеутолительнаго средства въ хирургическихъ операціяхъ. Спб. 1847, 8^о 74 и таб.

Тожъ въ Бб. чт. 847, ч. 83, 1—29, 103—45, Практ. и фізіологич. наблюденія надъ дѣйствіемъ эфира на животный организмъ.—Разб. М. Вр. Ж. 847, 227.

Ученныя дѣйствія Пирогова. Письмо его къ директ. департ. объ этеризациі В. Мд. Ж. ч. 49, II, 353—363.

Отчетъ о хирургическихъ пособіяхъ, оказанныхъ раненымъ во время осады и занятія укрѣпленія Самты. В. Мд. Ж. 1847, ч. 50, I, 1—51.

Rapport medical d'un voyage au Caucase contenant la statistique comparative des amputations, des recherches experimentaires sur les blessures d'arme à feu, ainsi que l'exposition détaillée des résultats de l'anesthesiation, obtenus sur le champ de bataille et dans différents hôpitaux de Russie. SPbg. 1849, 4^о XXXVI, 206 impr. Journ. de StPtbg. Avec. 4 tabl. in fol.—Rec.: Schmidt Jah. Buch. 1850, ч. 67, 116—125. Zeiss.

Тожъ по русски. Отчетъ о путешествіи по Кавказу. Зап. Дуб. 848, 3, I, 152—210; 4, I, 1—76; 849, 1, I, 1—36 (табл.); 2, I, 1—28 и 37—60 (табл.); 3, I, 1—92.—Тожъ Отг. Отч. о пут. по Кавк. содер. пол. статист. и пр. Спб. 1849, 8^о, 254, 60 табл. и 4 таб. рис. fol. Рец. Ж. Мн. Нр. Пр. 65, VII, 22.—От. Зап. 850, ч. 72; VI, 76.—«Ученныя дѣйствія д-ра Пирогова на Кавказѣ» Финс. Вѣст. 847, ч. 22, окт., смѣсь, 88—85.

Объ успѣхахъ хирургіи въ теченіи послѣдняго пятилѣтія. Зап. Дуб. 1849, 4, I, 1—28.

О проявленіи при постели больного различныхъ болѣзненныхъ процессовъ подъ одну форму и одного процесса подъ разными формами и въ особенности о явленіяхъ болѣзни, извѣстной подъ именемъ Пeus. Зап. Дуб. 1849, 4, I, 28—55.

Anatomie pathologique du Cholera morbus. SPbg. 1849, avec un Atlas XVI tables coloriés, fol., typ. Jour. d. SPbg.—Разб. Schm. Jhr. B. 852, ч. 73, стр. 359—378 (Rud. Virchow), ч. 76, 152, 362, ч. 79, стр. 36, 90, 226.

Тожд по русски, атласъ fol. imp. съ объяснительнымъ текстомъ. Спб., т. Края, 1849, 2 н. XVI табл.

Паталогическая анатомія азіатской холеры. В. Мд. Ж. 850 изъ наблюденій эпидемій, господствов. въ Россіи въ 1848 году, ч. 55, II, 1—62 и ч. 56, I, 1—128 съ табл. и кн. II, 85—164.—Отт., Спб., т. Трея, 1850, 8°, VIII, 272, а атласъ fol. 1849.—Рец. Ж. М. Нр. Пр., ч. 71, III, 2.—«Случайное извѣстіе о трудахъ Пирогова» От. Зап. ч. 60, VIII, 150. Это изъ Спб. Вѣд. письмо Маркузена о холерѣ по Пироговской книгѣ «О холерѣ».

За это сочиненіе полная Демид. премія. См. 20 присуж. Демид. нагр. 1850. Разб. Саломона 41—132 и Бера, 132—139.—Отт. С. 1851, 8°.—Тожд Др. Здр. 1851, 24.

Клиническія лекціи профес. Пирогова, собранныя и изданныя его слушателями. Спб. 1850, 8°, безъ обозначенія литографіи.

Тожд, Анатонопаталогическая лекція. Сообщена Минкевичемъ. Др. Здр. 1852, 20.

Тожд, О фимозѣ. Сообщ. Чертороева, Тж. 1851, 7.

Тожд, О парафимозѣ, имъ же. Тж. 11.

Тожд, О паховомъ бубонѣ. Имъ же. Тж. 29 и 30.

Тожд, О бугорчаткѣ яичка. Тж. 1852, 9 и 12.

Тожд, О нарывахъ подвздошной впадины. Тж. 1, 2.

Тожд, Перевязка art. iliac. communis. Сообщ. Дземѣшкевичъ. Тж. 2.

Тожд, О большихъ операціяхъ вообще. Тж. 44—48,

а всё 8 составили оттисками:

Клиническія лекціи проф. Н. И. Пирогова, читанныя имъ въ госпитально-хирургической клиникѣ С. М. Х. А., изданныя его слушателями. Вып. I, Спб., т. Трея, 1852, 4°, 3 н. 4, 6, 3, 10, 13, 15, 6, 24.

Для вып. II готовилось:

Клиническая лекція Н. И. Пирогова, Статистика травматическихъ поврежденій. Сообщ. Минкевичъ. Др. Здр. 1853, 13.

Тожъ, О болѣзняхъ колѣннаго сустава. Др. Здр. 1854, 12, 24, 25, 40, 41, 42; 1855, 5, 6, 7, 17, 18 (всѣ въ прилож.).

Тожъ, Бедроплюсневая ампутація. Сообщ. Дземѣшкевичъ. Тж. 1855, 12.

Тожъ, Ракъ нижней губы. Тж. 34, 35.

Тожъ, Полипозные наросты носовой полости. Тж. 1856, 19—24 прилож.

(Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis, illustrata) 2 v. N. Pirogoff. St. Ptbg. (Leipzig. Fleischer) 1851—54, f^o, и

Продолженіе того же... illustrata, auctore Nicolao Pirogoff. Petro-poli 1852—859. (Перв. 2 fasci 1852, а fasc. 1—4 1859, 8°), f^o, туг. Trey. 2 vol. Другое заглавіе: Топографическая анатомія съ атласомъ 224 рисунковъ.—Все изданіе. Pars. 1, 2, 3, 4. 224 листа f^o и 4 cahiers 8° текста, объясняющаго рисунки.—Разб. В. Мд. Ж. 1854, ч. 63, VI, 2:—Рус. Слово 1860, № 11.—Совр. Мд. 1860, 150.—Schm. Jah. В. 1861 ч. 109, 245—53, N. Meissner.—За это сочиненіе выдана полная Демидовская премія. См. 29 присуж. Демид. нагр. Разборъ К. Бера 1859, 35—47.—Отг. С. 1860, 8, 12.—Тожъ по вѣм. М. Z. R. 1860, 331—335.

Анатомія разрѣзовъ. От. Зап., т. 128, I, 1860, II, 391—406. Это сжатый очеркъ, какъ дѣлалось и что добыто предыдущимъ трудомъ, подписанный Н. Пироговъ.

Klinische Chirurgie. Eine Sammlung von Monographien über die wichtigsten Gegenstände der plastischen Chirurgie. Leipzig 1854, 8°, (Breitkopf und Härtel).—Библи. М. Z. R. 1854, 56.—Содерж.:

I-tes Heftes mit einem lithog. Tafel.

Osteoplastische Verlängerung der Unterschenkelknochen bei der Exarticulation des Fusses—стр. 1—21.—Тожъ по русски В. Мд. Ж. 1854, ч. 63, 2, II, 83—100.

Betrachtungen über die Schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie, durch Beobachtungen und Krank, heilsgeschichten erläutert, стр. 22—111.—Тожъ по русски В. Мд. Ж. 1854, ч. 64, 1, 1, 1—66.

II-tes Heftes mit 6 lithogr. Tafeln.

Der Gypskleberverband bei einfachen und complicirten Knochenbrüchen und in seiner Anwendung beim Transport verwundeter auf dem Schlachtfelde, стр. 1—44.—Rec. M. Z. R. 854, 154 Prosector Schultze и Antikritik v. E. Pelikan, ib. 180.—Тожъ по русски, Спб. 1854, б. 8°, 48 и 9 л. рисун.

III-tes Heftes:

Statistischer Bericht über alle meine in Verlauf eines Jahres Septem. 1852 bis Septem. 1853 in Hospitälern, Kliniken und in der Privatpraxis vorgenommenen oder beobachteten Operationsfälle, стр. 1—82.—Тожд по русски, В. Мд. Ж. 854, ч. 63, I, II, 21—82.—Отг. Спб. 1854, 8°, 62, тип. Трѣя.

Замѣчательные хирургическіе (3) случая изъ клиники проф. Н. И. Пирогова. В. Мд. Ж. 854, ч. 64, 2, II, 17—30 (tumor lymphaticus, ruptura perineæ и ракъ нижней губы). Сообщ. Блейхманъ.

Вопросы жизни. Отрывки изъ забытыхъ бумагъ, появившихся на свѣтъ по поводу статей въ Морск. Сборн. о воспитаніи. — Ж. Мн. Нр. Пр. 1856, № 9 и Морск. Сборн. 1856 № 9, оттуда отг. Спб. 1856, 8°.

Die Gemeinschaft der Schwestern zur Kreuzerhöhung zur Pflege der verwundeten und kranken. Berlin. 1856, 8°. Тожд по-русски: Историческій обзоръ дѣятельности крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія въ госпит. Крыма и Херсонской губ. съ декабря 1854 по 1 дек. 1855, Морской Сборн. 1857. Извлеч. В. Мд. Ж. 1857, ч. 69, I, 32—36.—Отг. Спб., 1857, 8°.

Новоселье лицея. Рѣчь на торжественномъ актѣ лицея, 1 сентября 1857. Одесса 1857, 8°.

Рѣчь Н. И. Пирогова на обѣдѣ, данномъ ему Одесскимъ ученымъ сословіемъ. Одесс. Вѣст. 1858, № 99.

Собраніе литературныхъ статей. Одесса. 1858, 8°.

Быть казаться. Одесс. Вѣст. 1858. Отг. Одесса 1858, 8°.

Одесская Талмудъ-Тора. Одесса 1858, 8°.

Нужно ли съчь дѣтей, и оъчь въ присутствіи дѣтей? Одесс. Вѣстн. 1858. Отг. s. l. s. a. 16°.

Чего мы желаемъ? Одесса 1859, 8°.

Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова, вышедшихъ въ его управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ (1858—1861). Съ портретомъ Н. И. П.—Кіевъ, 1861, 8°. Рец. Моск. Вѣд. 1858, № 133;—Бб. Чт. 1859, ч. 153, № 2;—Соврем. 1859, № 2;—Отеч. Зап. 1861, ч. 136, № 6, 137—142, Письмо изъ Кіева Е. Судовщикова «Пироговъ и Современникъ»; Ж. М. Нр. Пр. 1861, ч. 113, III, 105;—Время 1862, № 4;—Спб. Вѣд. 1862, № 2;—Жур. Учитель, т. IV, № 11 и 12, 1864.—Домаш. бес. 1864, № 5—16 и 22—26: «Пироговъ какъ педагогъ».

Изд. 2-е, или перепечатка: Вопросы жизни. — По поводу статей «о воспитаніи» (изъ собран. литер.-педаг. статей, Кіевъ, 1860). Врач. Вѣд. 1881, 2309—2320. Разб. Ж. Мн. Нр. Пр., ч. 91, II, 339, К. Д. Ушинскаго.

Письма Н. И. Пирогова въ нѣмец. и франц. медицинскихъ журналахъ, содержащія описаніе раненой ноги Гарибальди.

Замѣчанія на проектъ общаго устава русск. университетовъ. См. Замѣчанія на проектъ etc. ч. I. Спб. 1861.—Тождь Спб. Вѣд. 1862, № 75 и 76.—Замѣчанія на замѣчанія Н. И. Пирогова: 1) Бунге, кievск. профес.—См. Замѣч. на пр. Спб. 1862, ч. II, 131;—2) Тождь русскаго профес. Тж. 140;—3) Окт. Мильчевскаго. Тж. 146;—4) И. Л. Лаврова. Тж. 152;—5) Добротворскаго. Тж. 443 и 6) Г. Цункъ. Тж. 454.

Дополненіе къ замѣчаніямъ на проектъ общаго устава русскихъ университетовъ. Спб. 1863, 8°.

Извлеченіе изъ разныхъ педагогическихъ статей. Б. о. м. и. г. с. I. s. a. (1863).

Извлеченіе изъ письма изъ Гейдельберга. Спб. 1863, 8°.

По поводу занятій русскихъ ученыхъ за границей. Голось 1863 г. № 281—84.—Отт. С. 1863, 8°.

Изъ Гейдельберга. Голось 1863 № 317—20. Отт. С. 1863, 8°, тип. Краевскаго.

Изъ Гейдельберга. Голось 1864, № 25 и 26. Отт. С. 1864, 8°.

Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie. Leipz. 1864, 8°, 2 ч.

Тождь по русски, Начала общей военно-полевой хирургіи, взятыя изъ наблюдений военно-госпитальной практики, и воспоминаній о Крымской войнѣ и Кавказской экспедиціи. Дрезденъ. 1865—66, 8°, ч. I, IX, 443; ч. II, 629, XXXII. Изданіе В. Мед. Жур.

Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ, въ 1870 году. Спб. 1871, 8°, 150. Тождь по нѣм. пер. Н. Иванова. Leipzig, 1871, 8°.—Мд. Вѣст. 1870, 38: «Поездка Н. И. Пирогова на театръ войны».

Предисловіе къ соч. I. В. Бертенсона: «Барачные лазареты въ военное и мирное время». Спб. 1871, I—XX стр.

Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Спб. 1879, 8°, ч. I, 407 и ч. II, 392. Изданіе Общ. попеч. о больныхъ и раненыхъ воинахъ.—Рец. Мд. Обзор. 879, № 9, 368 и № 11—659 Р. Кулишера;—Отголос. 1879, № 25;—Русс. Вѣст. 1879 № 11;—Русс. Инв. 1879 № 130;—Хозяйст. Строит. 1880, № 6.

Письмо 13 янв. 1881, о днѣ своего юбилея (лѣкарскій прошель, докторскій 1882, а службы 24 мая). «Русс. Стар.» 1881 г.

Мысли Н. И. Пирогова, о постройкѣ госпиталей Св. Мд. 1879, 67, 83, 93.

Мнѣніе о борьбѣ съ дифтеритомъ въ Полтавской губерніи. Жур. распорядител. комисіи по прекращенію эпидеміи дифтерита въ Полтавской губ. 21 января 1881. Полтава 1881 8°.

Рѣчь на торж. юбилей 24 мая 1881 Н. И. Пир. въ Моск. унив., говоренная М. 1881, 8°, 6 стр.

— «Вопросы жизни, дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что можетъ быть когда нибудь прочтеть и кто другой». «Рус. Старина» 1884, ч. 43, 457—502; ч. 44, 1—52, 223—274, 445—496; 1885, ч. 45, 54, 259—310, 481—526. Отт. Спб. 1884—85, 8°.—Поправки Струве и Рудницкаго, «Рус. Стар.» 1885, ч. 45, 758.

О Н. И. Пироговѣ читай:

Call. XXXI, 568.—Старч. 224.—Березинъ, 80.

Обѣдъ, данный Н. И. Пирогову ученымъ сословіемъ въ Одессѣ. Жур. для восп. 1858, IV, 234—39.—Тождь Одесс. Вѣст. 1858, № 95.

Кіевъ: Статья А. Лѣскова. Рус. Рѣчь 861, 32, 33.—По поводу замѣтки Драгоманова о Пироговѣ. Тж. 154.—Харьк. губ. Вѣд. 1861, № 52 приб.—Прощаніе Бердичевского общества съ Н. И. Пироговымъ 16 апрѣля 1861, Кіевск. Телегр. 1861 № 31. Отт. Кіевъ 1861, 8°.—Тождь Н. Горнбергъ, Разсвѣтъ 1861 № 52.—Тождь Русс. Инв. 1861, № 123.—Прощаніе Кіевского учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, Кіевск. Телегр. 1861, № 29.—Тождь Моск. Вѣд. 1861, № 103 и 111 и Соврем. Лѣт. Рус. Вѣст. 1861, № 19 и 20.—Тождь Наше Время 1861, № 17 и 18.—Тождь Основа 1861, № 6, 108—133.—Тождь Рус. Педагог. Вѣст. 1861, № 5 и 6.—Тождь Спб. Вѣд. 1861, № 101 и 102.—Тождь Сѣв. Почта 1861, № 96 и 97.—Тождь Время 1861, № 6, 59—67.—Отъ дождя да въ воду. П—бова (Добролюбова), по поводу прощанія, Современн. 1861, № 8, 363—392.

Задача, предложенная Н. И. Пироговымъ, письмо въ редакцію Моск. Вѣд. 1861, № 236.—О полученіи Н. И. П. въ день 50 лѣтія Вѣнскаго унив. почетнаго диплома. Мд. Вѣст. 865, 36.—Н. И. Пироговъ. Голось 868 № 66 и 100.—Т. I. соч. Н. Добролюбова, изданіе 2-е, Спб. 1871, 8°.—Иллюстр. Недѣля 1874, № 12.—Недѣля 1875, 41.—Н. И. Пироговъ, Нива 1875, 41.—Краткій обзоръ дѣятельности Н. И. Пирогова въ Румыніи и Болгаріи въ нынѣшнюю войну, с. с. Шкляревича. Пр. Спб. Рус. Вр. 877—78, 173.—И выводы Н. И. П. Тж. 164.—Адресъ Н. И. Пирогову отъ Спб. общества русскихъ врачей. Пр. Спб. Рус. Вр. 1878—79, 178 и Отвѣтная телеграмма изъ Винницы.—Краткая біографія по поводу 50-лѣтн. юбилея. Мд. Вѣст. 1878, 51, 52.—Н. И. Пироговъ и его профессорская, ученая и обще-

ственная дѣятельность 1831—1881. I. В. Бертенсонъ. Рус. Стар. 1881, III, т. 30, 603—51 съ портретомъ и спискомъ его работъ.—Замѣтки къ биографіи. Алр. Люд.—ъ Коляновскій. Рус. Стар. 883, т. 40, 515.—Указатель сочиненій Н. И. Пирогова. М. 1883, 8°, 18, П. Шереметевскій. Изд. Моск. Общ. рус. вр.—Н. П. Розанова, Выписки изъ метр. книгъ о рожденіи Н. И. П. Рус. Стар. 1881, ч. 31, 498.—Н. И. П.—въ въ с. Вишнѣ въ 1881 г. Рус. Стар. 1884, т. 44, 218.

Юбилей: Подписка къ юбилею. Мд. Вѣст. 879, 22.—Время поступленія на службу Н. И. П. Мд. Вѣст. 880, 14 и Врачъ 880, 14.—А. Мд. Вѣст. 881, 18, извѣстіе, что юбилей будетъ 24 мая.—Jubiläum Nicolai Joanide de Pirogoff die 24 Maji anno 1881. Gr. Ch. de Walther. Petropoli 1881.—Николай Ив. Пироговъ въ моск. университетѣ 1824—1828, справка изъ документовъ университет. архива. Н. Тихонравовъ М. 1881, 4°, 12.—Праздн. 50-лѣтн. юбилея Н. И. П. Моск. Вѣд. 881, № 144, 26 мая, со спискомъ соч.—Рѣчи въ казанскомъ университетѣ 24 мая 1881 на юбилей Н. И. Пирогова. Казань 1881, 8°.—Юб. Н. И. П. Истор. Вѣст. 881 № 7.—Тождь Рус. Стар. 1881, IX, 221.—Тождь Семейн. Вечера 881, VIII, 223—238.—Тождь Педаг. Вѣст. 881, № 6—7, стр. 47—48.—Протоколь торжествен. засѣд. общества Одескихъ врачей для чествованія юб. Н. И. Пирогова 24 мая 1881 8°.—Тождь Порядокъ 881.—Рѣчь въ день юбилея Н. И. П., сказанная въ засѣд. общ. ярославскихъ врачей. Н. В. Пирожковъ. Яросл. 1881. 16.

Смерть Н. И. Пирогова. Мысль 1881, № 12.—Памяти Н. И. Пирогова. I. В. Бертенсона. Рус. Стар. 1882 т. 36, 647—675 ноть редакціи. Тж. 675—76.—Письмо Шклярскаго: ходъ болѣзни Н. И. Пирогова. Врачъ 1882—Тамъ же 883, Опухоль Н. И. Пирогова.—Памяти Пирогова (вмѣсто некролога) Вѣст. Евр. 1882, I, 402—8.—Рѣчь Склифасовскаго въ память Н. И. Пирогова, говоренная 12 января 1882 въ торжествен. собраніи Моск. унив. М. 1882, 8°.—Календарі.—Рѣчь д—ра Шкляревскаго на похоронахъ 23 января 1882.

Портреты: Бюстъ Пирогова, работы Рѣпина, купленный Пироговскимъ въ Спб. хирургич. обществомъ.—Портретъ при Собр. педагогич. статей. Кіевъ 1860.—Портретная галл. Мюнстера, Спб. 1869, 8°, т. II.—Всемир. Иллуст. 873, 209, биографія съ портретомъ.—Современные дѣятели Россіи, сборникъ Любинова, Спб. 1876, 8° т. II, портретъ и ст. Н. Зинченко.—Портретная галлерей съ биограф. и факсимиле. Изд. фотографа Шапиро. Спб. 1881, 1го тах. Май, бюгр. Н. И. Пир. на рус. и франц. языкахъ, 2 листа.—Въ хирургич. музеѣ С. М. Х. А.—При статьяхъ I. В. Бертенсона въ «Русской Старинѣ» два портрета и при отд. оттискѣ «Зиписокъ Н. И. Пирогова».—Въ собраніи Л. О. Змѣева лубочное изданіе.

Ein Beitrag zu der von Pirogoff modificirten Methode der Exarticulation des Fusses nach Syme. Von D-r Zander in Eschweile, bei Aachen. Virch. Arch. т. VIII (1854) 2 и 3, 211.—Modification der Pirogoffschen Osteoplastik... Изв. Schim. JB. 861, ч. 109, 212 стр.—De pedis extremi apud hominem secundum ex. pr. Pirogoff metodum amputandi operatione. Diss. Ptrp. 1853, 8°. Образцова.—Объ остеопластической операциі Н. И. Пирогова (оцѣнка). Пробная лекціа Яновича-Чайнскаго, 3 мая 875. Мд. Вѣст. 876, 22—26.—Тождь Дитль. Wien, Med. Wochenschr. 877, 16 и Мд. Вѣст. 877, 20.—Рѣчи: 1) С. Боткина 23, XI, 1883 въ засѣданіи въ память Н. И. Пирогова. Пр. Спб. Рус. Вр. 883—84, 39.—2) Н. П. Ивановскаго, объ эпителиальномъ ражѣ и развѣдающей язвѣ. По поводу опухоли Н. И. П. Тж. 40.—3) С. П. Коломина, о значеніи Н. И. Пирогова въ военной хирургіи. Тж. 44.—4) О наказаніяхъ въ семьѣ и ихъ вліяніи на развитіе типа ребенка. Лесгафтъ (обѣщавшій біографію Пирогова). Тж. 47.—5) По поводу хирургической статистики. В. П. Поповъ. Тж. 57.—Торжественное засѣданіе соединенныхъ обществъ хирург—го Пироговскаго и Спб. практическихъ врачей, 23 ноября 1882 г. въ залѣ городской думы. Чит. 1) I. В. Бертенсонъ, Памяти Н. И. Пирогова; 2) Воспомин. о Н. И. Пироговѣ Каде и 3) Ландцертъ, Дѣятельность Н. И. Пирогова по основанію анатомич. института при Спб. М. Х. А. (послед. см. Мд. Вѣст. 1882, 40).—Объявленіе объ этомъ собраніи Мд. Вѣст. 1882 г., 46.

Л. О. Змѣевъ.

Павелъ Александровичъ Вестужевъ,

род. 1806 г., † 1846 г.

Въ 1843 году я вышелъ изъ корпуса въ 16-ю артиллерійскую бригаду во 2-ю батареиную батарею, стоявшую Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, въ Гавриловскомъ посадѣ. Въ числѣ помѣщиковъ близъ посада одинъ изъ ближайшихъ, въ 5—6 верстахъ, въ с. Гончаровѣ, былъ Павелъ Александровичъ Вестужевъ. Женатъ онъ былъ на Екатеринѣ Евграфовнѣ Трегубовой. Всѣ офицеры батареи были знакомы съ Павломъ Александровичемъ.

Я по пріѣздѣ тоже познакомился съ нимъ и это знакомство намъ, молодымъ еще людямъ, было самое пріятное: хозяинъ—бывшій артиллерійскій офицеръ—былъ человекъ любезный, весьма умный и отличный рассказчикъ; у него была прекрасная бібліотека русская и французская, множество книгъ историческихъ, которыхъ мы, безъ знакомства съ П. А., не имѣли бы возможности прочесть; отъ него мы пользовались всѣми тогдашними русскими журналами и вновь выходившими книгами, по всѣмъ отраслямъ знаній и беллетристики. Куда дѣвалась эта громадная и отлично подобранная бібліотека мнѣ неизвѣстно.

Павелъ Александровичъ Вестужевъ, въ то время, когда я его зналъ, былъ человекъ больной, очень рѣдко выѣзжалъ изъ дому и то только почти исключительно въ Гавриловъ посадъ, къ кому-либо изъ насъ офицеровъ. Мы его очень любили и уважали, онъ намъ платилъ тѣмъ же. Болѣзнь его была тяжелая и рѣдкій день онъ пользовался сноснымъ здоровьемъ; у него былъ ракъ въ желудкѣ, послѣдствіе желтой лихорадки, полученной имъ въ Сухумъ-Кале, куда онъ былъ сосланъ послѣ 14 декабря за фамилію свою, не бывъ ни въ чемъ участникомъ, какъ говорилъ намъ. Но то время, когда онъ чувствовалъ себя лучше, былъ постоянно веселъ; лечилъ его молодой тогда докторъ, жившій въ 20 верстахъ отъ него, въ селѣ Симѣ, Юрьевскаго уѣзда, Августинъ Игнатьевичъ Яновскій. Павелъ Александровичъ никогда сумасшедшимъ не былъ и умеръ отъ вышеназванной болѣзни. Мы всѣ были на его похоронахъ. Умеръ онъ въ совершенной памяти.

Пишу это въ опроверженіе того, что въ біографіи его брата, Михаила Александровича, помѣщенной въ книгѣ „Русскіе дѣятели“, изданной редакціею „Русской Старины“, сказано, что Павелъ Александровичъ умеръ въ сумасшествіи.

В. Шумиловъ.

1886 года, апрѣля 10-го дня.

Г. Владиміръ.

Примѣчаніе. Изъ пяти братьевъ Вестужевыхъ—Николай, Александра, Михаила, Петра и Павла, столь извѣстныхъ въ 1820—1830 годахъ по своему образованію, прекраснымъ нравственнымъ качествамъ и по злосчастной ихъ судьбѣ, умеръ въ сумасшествіи не пятый братъ—Павелъ, а четвертый—Петръ († 1840 г.), почему вышесприведенная поправка совершенно вѣрна. Ред.

КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.

Судьба Болгаріи, созданной усиліями и жертвами русскаго народа, живо интересуеть наше общество.

На страницахъ нашего журнала и въ столбцахъ газетъ весьма часто появляются свѣдѣнія, относящіяся до всѣхъ сторонъ существованія юнаго соплеменнаго намъ народа.

Историческіе журналы не оставляютъ и съ своей стороны, время отъ времени, представлять вниманію читателей матеріалы для уясненія всего хода событій въ этомъ княжествѣ. Такъ еще недавно мы прочли обстоятельный очеркъ П. А. Матвѣева „Болгарія и Румелия“, составляющій обзоръ самыхъ послѣднихъ событій въ Болгаріи, 1879—1883 гг.

Года два уже имѣя въ собраніи своихъ матеріаловъ новыя, до сихъ поръ не изданныя, данныя, къ этому же предмету относящіяся и состоящія, между прочими, изъ записки одного изъ достойнѣйшихъ русскихъ государственныхныхъ дѣятелей въ Болгаріи, ред. „Русской Старини“ долгомъ своимъ считаетъ подѣлиться этимъ весьма интереснымъ документомъ съ своими читателями, въ видѣ необходимой исторической справки: эти матеріалы служатъ къ установленію болѣе правильныхъ взглядовъ на главнѣйшіе вопросы въ политическомъ бытіи юнаго государства и разъясняютъ какія цѣли преслѣдуютъ тѣ болгары, въ рукахъ которыхъ судьба соплеменнаго намъ народа.

Строки эти были написаны, когда вдругъ 9-го августа 1886 г.—Александръ Баттенбергскій подписалъ отреченіе отъ болгарской короны.

Такимъ образомъ и онъ, и его политикъ, столь враждебные по отношенію къ благодѣтельницамъ Болгаріи—Россіи, отошли въ область исторіи; тѣмъ необходимѣе представить наши новыя данныя для освѣщенія личности этого князя.

Ред.

I.

Еще до объявленія войны Турціи, въ 1876 году, въ Петербургѣ, увѣренные въ побѣдѣ были озабочены тѣмъ, кто можетъ занять будущій престолъ Болгаріи. По извѣстной нашей скромности, мы не только не пытались въ принципѣ установить, что этотъ престолъ можетъ быть занятъ членомъ русскаго императорскаго дома, но безъ колебанія рѣшили, что онъ, подобно румынскому престолу, будетъ предоставленъ князю германскаго происхожденія.

Выборъ кандидата былъ сдѣланъ весьма просто. Князь Александръ Баттенбергскій—племянникъ покойной императрицы; онъ служилъ въ прусскихъ войскахъ, слѣдовательно, Германія желала его; его отецъ, принцъ Александръ Гессенскій, служилъ до 1866 г. въ австрійской арміи и имѣлъ самыя тѣсныя связи съ австрійскимъ габсбургскимъ домомъ—слѣдовательно, Австрія была за предположеннаго кандидата.

Въ Петербургѣ полагали, что юноша князь, получивъ изъ рукъ Россіи престолъ, поведетъ себя добродушно, т. е. будетъ Россіи послушенъ.

Лѣтомъ 1879 г. принцъ Александръ Баттенбергскій возсѣлъ на болгарскій престолъ. Дабы не отдавать нѣмецкому принцу Болгарію въ вотчинное управленіе, въ княжествѣ введена была конституція. Уже черезъ годъ начали появляться признаки, что молодой князь не намѣренъ ограничиваться опредѣленною ему ролью. Ему сдѣлано было изъ Россіи внушеніе. Засимъ обнаружилось, что онъ склоняется на сторону Австріи и Германіи. Это извѣстіе, къ сожалѣнію, было принято въ Петербургѣ съ недоувѣріемъ. Между тѣмъ русскіе, оставленные въ Болгаріи, почувствовали, что положеніе ихъ фальшивое. Началось изгнаніе русскихъ изъ княжества. Весною 1881 года, тотчасъ же послѣ смерти Освободителя болгаръ, князь самовольно и слѣдуя внушенію своего отца, который получалъ указанія изъ Вѣны и Берлина, совершилъ переворотъ и заставилъ болгаръ дать ему на семь лѣтъ чрезвычайныя полномочія. Переворотъ совершенъ русскими, коихъ князь увѣрилъ лично и письменно, что дѣлается это по указанію Его Величества. Этимъ переворотомъ

князь Александр I достигалъ двухъ цѣлей: 1) получилъ неограниченную власть, 2) возбудилъ болгаръ противъ русскихъ.

Россия, избавившая болгаръ отъ тяжелаго турецкаго ига, отдавала ихъ въ рабство нѣмецкому князю. У болгаръ явилось сомнѣнiе въ устойчивости политики Россiи, и многiе изъ нихъ стали обращаться къ западу.

Переворотъ есть дѣло Австрiи и Германiи. Австрiя дѣйствовала почти явно; Германiя соблюдала самую строгую тайну. Замѣчательно, что Россiя не знала о готовившемся переворотѣ. Между тѣмъ нынѣ имѣются указанiя, самыя несомнѣнныя, что о немъ знали западно-европейскiе дворы. Знали даже въ Лондонѣ. Заговоръ былъ начатъ въ концѣ 1879 г., т. е. спустя нѣсколько мѣсяцевъ по образованiи княжества. У князя разомъ появилось нѣсколько агентовъ, о коихъ, конечно, не знала Россiя и которые дѣйствовали противъ русскаго влiянiя въ Болгарiи. Однимъ изъ таковыхъ агентовъ былъ Фарлей, англичанинъ родомъ. Вотъ, между прочимъ, что писалъ ему баронъ Хоггеръ (Hogguer) (секретарь князя), отъ 8-го (20-го) декабря 1879 г. изъ Софiи:

[Перев. съ франц.]. «Потрудитесь засвидѣтельствовать, что державы были противъ всякаго радикальнаго министерства, и что агенты, бывшiе въ Софiи, совершенно ясно дали понять это; а равно, что по берлинскому трактату было создано новое государство лишь съ цѣлью установить и упрочить миръ на Балканскомъ полуостровѣ, а отнюдь не для того, чтобы создать этимъ новый очагъ вѣчныхъ смуть ¹⁾; наконецъ, что радикальный образъ правленiя неизбежно привелъ бы къ анархiи, которая вызвала бы, въ свою очередь, вооруженное вмѣшательство Австрiи и Россiи. Въ дополненiе къ различнымъ статьямъ ²⁾, которыя вы будете еще печатать въ журналахъ, помѣстите вполне заслуженный похвальный отзывъ о юномъ монархѣ Болгарiи, распространите о богатствѣ и преимуществахъ этой страны при хорошемъ управленiи и о природныхъ качествахъ болгарскаго народа, которымъ нужно только управлять съ умомъ и съ величайшею твердостью. Наставляйте въ особенности во всѣхъ статьяхъ на необходимости расширить и увеличить власть и права болгарскаго князя и принять репрессивныя мѣры противъ злоупотребленiй прессы, а въ особенности

¹⁾ Въ то время въ Болгарiи было совершенно спокойно. Одинъ князь былъ безпокоенъ, ему скорѣе хотѣлось умалить авторитетъ Россiи.

²⁾ Фарлей и другiе агенты, коимъ даны были денiги, обязаны были печатать въ газетахъ статьи о Болгарiи.

на томъ, что слѣдуетъ предоставить представителямъ администраціи большую власть надъ ихъ подчиненными».

Князь скрывалъ отъ Россіи свой заговоръ и, заручившись соглашеніемъ средней Европы, произвелъ переворотъ, опираясь на русскихъ. На упрекъ болгаръ князь холодно отвѣчалъ, что то была воля Россіи. Престижъ русскихъ былъ поколебленъ, чего собственно и добивался правитель Болгаріи. Въ Петербургѣ удивились перевороту, что и было высказано князю.

Спокойная до переворота Болгарія стала неспокойною послѣ переворота. Внутри княжества водворился хаосъ и князь болгарскій раннею весною 1882 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ поддержать его. Какъ ловкій человекъ, онъ принесъ оправданіе и его искренности повѣрили. Министромъ-президентомъ и внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ генералъ Соболевъ, военнымъ — генералъ баронъ Каульбарсъ. Князь потребовалъ, чтобы генералы ѣхали немедленно и своимъ появленіемъ въ Болгаріи вновь водворили его поколебленный авторитетъ. Замѣчательно, что съ появленіемъ русскихъ генераловъ въ Болгаріи вновь водворилось спокойствіе. Митинги и другія шумныя собранія прекратились. Явилось довѣріе къ положенію дѣлъ. Къ этому времени болгары узнали, что переворотъ 1881 г. сдѣланъ былъ не по почину Россіи, а по внушенію съ запада. Въ іюнѣ 1882 г. образовалось строго консервативное министерство. Мысль о привлеченіи къ дѣлу внутренняго управленія русскаго генерала была подана князю руководителями консервативной партіи, кои полагали стать настоящими правителями Болгаріи. Князь подбодрился и рѣшился воспользоваться присутствіемъ русскихъ для проведенія желѣзнодорожнаго дѣла, о чемъ усиленно хлопоталъ его отецъ, ведшій переговоры съ вѣнскими банкирами. Тотчасъ-же послѣ сформированія новаго министерства, князь заявилъ Соболеву и Каульбарсу, что главныя ихъ обязанности заключаются въ поддержаніи консервативной партіи и его чрезвычайныхъ полномочій и въ постройкѣ необходимой для княжества желѣзнодорожной сѣти.

— «Если для успѣшнаго разрѣшенія главныхъ финансовыхъ вопросовъ, сказалъ князь Соболеву,—потребуется авторитетъ народнаго собранія, то надо созвать его; но я требую, чтобы составъ его былъ таковъ, при коемъ депутаты вотировали бы какъ рота солдатъ. Если для сего нужно будетъ назначить депутатами отставныхъ унтеръ-офицеровъ, то я ничего не буду имѣть противъ этого, лишь бы народное собраніе дѣлало то, что ему будетъ приказано».

Мысли князя были высказаны вполне ясно, а главная суть дѣла заключалась въ разрѣшеніи желѣзно-дорожнаго вопроса. Такимъ обра-

зомъ финансовый вопросъ становился на первомъ планѣ и предстояло изыскать средства и постараться исполнить постройку дорогъ такъ, чтобы не впутать страну въ долги. Этою именно цѣлью и задался генераль Соболевъ. Генераль Каульбарсъ продолжалъ организацію болгарской арміи.

II.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ оказалось, что вожаки консервативной партіи, личные друзья князя, сторонники Австріи и враги Россіи, имѣютъ уже готовый планъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Генераль Соболевъ дѣйствовалъ крайне осторожно и не высказывался. Осенью 1882 г. вожаки консерваторовъ, гг. Начовичъ, Грековъ, Стоиловъ, Хаджіеновъ, Вулковичъ и другіе, повидимому, убѣдились, что Соболевъ и Каульбарсъ очутились вполне въ ихъ рукахъ. Они рѣшились раскрыть до нѣкоторой степени свои карты и выступили съ требованіемъ о назначеніи по министерству публичныхъ работъ такихъ суммъ, которыя сразу могли бы упрочить благосостояніе ихъ партіи. Въ то время Стоиловъ былъ директоромъ политическаго кабинета князя, а Хаджіеновъ кметомъ Софіи и главнымъ подрядчикомъ городскихъ и государственныхъ работъ. Задумано было устройство строительнаго общества, къ которому, какъ они полагали, должна была перейти постройка желѣзныхъ дорогъ. Словомъ, эксплуататоры проявили крупный аппетитъ и увѣрены были въ успѣхѣ...

Въ октябрѣ 1882 г. министры представили бюджеты — въ нихъ-то и обнаружались ихъ козыри. Бюджетъ вызвалъ большіе дебаты. Клика консерваторовъ-эксплоататоровъ была поражена упорствомъ генерала Соболева, но не уступала, опираясь на чрезвычайныя полномочія князя. Она вынудила Соболева ранѣ окончательнаго составленія общаго по княжеству бюджета обратиться за указаніями князя; Соболевъ надѣялся, что, въ виду серьезныхъ доводовъ, князь умѣритъ излишнее рвеніе министровъ къ расходованію государственныхъ суммъ.

Въ письмѣ своемъ къ князю, который въ то время со Стоиловымъ находился въ Русукѣ, Соболевъ, имѣя оружіе въ рукахъ, въ первый разъ высказалъ открыто свой взглядъ на сущность взятыхъ въ 1881 г. чрезвычайныхъ полномочій.

Вотъ это письмо:

[Перев. съ франц.]. «Ваше высочество, правительство вашего выс—ва, въ непрестанномъ попеченіи своемъ о благосостояніи и развитіи

страны, должно, конечно, обращать особенное вниманіе на обезпеченіе самыхъ насущныхъ потребностей правительственнаго организма, а, слѣдовательно, оно обязано наблюдать за тѣмъ, чтобы расходы государства соответствовали, самымъ строжайшимъ образомъ, его доходамъ.

Такъ какъ бюджетъ нынѣшняго года не соответствуетъ самому первому требованію политическаго существованія государства, то правительство вашего выс—ва было вынуждено обратить на непредвидѣнные расходы тѣ суммы, которыя остались въ экономіи отъ разныхъ статей, намѣченныхъ въ бюджетѣ, или требовать открытія экстраординарнаго кредита.

Подобный образъ дѣйствій, нарушая первыя требованія нормальнаго и правильно уравновѣшеннаго бюджета, дѣлаетъ весьма затруднительнымъ даже самое обсужденіе бюджета органами, учрежденными ad hoc.

Во избѣжаніе этого двойкаго неудобства, я обратился въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года къ гг. министрамъ съ просьбою приступить немедленно къ обстоятельному разсмотрѣнію бюджета на 1883 годъ.

Вырабатывая этотъ бюджетъ, гг. министры должны были, по моей просьбѣ, разграничить расходы неизбѣжныя отъ такихъ, которые должны производиться лишь въ зависимости отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго состоянія финансовъ; кромѣ того, имъ было предложено имѣть въ виду, что даже при выработкѣ бюджета неизбѣжныхъ расходовъ слѣдуетъ соблюдать самую строгую экономію, избѣгая роскоши и всякаго расхода, который отяготилъ бы казну безъ пользы.

На этой недѣлѣ гг. министры доставили мнѣ проекты, выработанные въ ихъ министерствахъ.

Не имѣвъ еще времени разсмотрѣть эти бюджеты во всей подробности, я считаю, тѣмъ не менѣе, долгомъ обратить вниманіе вашего выс—ва на общіе итоги, которые я имѣю честь представить при семъ на разсмотрѣніе вашего выс—ва; къ сожалѣнію, итоги эти далеко не утѣшительны.

Бюджетъ на 1883 годъ.

Приходъ:

Министерство финансовъ	26.244,000	франковъ.
„ юстиціи	848,500	„
„ народнаго просвѣщенія	303,280	„
„ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій	34,000	„
Почта и телеграфы	1.085,000	„
	<hr/>	
Итого	28.514,780	„

Расходъ.	на 1883 г.	въ 1882 г.
Высшее правительство	950,000 фр.	1.025,760 фр.
Государственный совѣтъ	297,882 "	274,240 "
Совѣтъ министровъ	14,400 "	14,400 "
Министерство финансовъ	3.369,439 "	2.603,847 "
" внутреннихъ дѣлъ (вмѣстѣ съ медицинскою частью)	3.229,586 "	2.524,232 "
" юстиціи	2.205,376 "	1.896,120 "
" народнаго просвѣщенія	2.052,911 "	1.463,568 "
" путей сообщеній	8.334,712 "	2.326,000 "
" военное	14.600,518 "	12.927,199 "
" иностр. дѣлъ и исповѣданій	982,190 "	583,597 "
Почта и телеграфы	1.710,632 "	1.783,743 "
Итого	37.747,666 "	27.422,636 "

Такимъ образомъ вышеприведенныя цифры предвѣщаютъ на 1883 г. весьма значительный дефицитъ въ 9.232,886 франковъ.

Цифра эта можетъ быть нѣсколько уменьшена тѣмъ доходомъ, который будетъ полученъ отъ чеканки новой монеты и отъ налога на мусульманъ взаимно воинской повинности; тѣмъ не менѣе остается дефицитъ въ 8.000,000 фр., который придется пополнить (если расходы, намѣченные въ бюджетѣ, будутъ признаны необходимыми) при помощи внутренняго или вѣшняго займа.

Не скрою отъ вашего выс—ва, что перспектива, представляемая вышеприведенными цифрами, внушаетъ, по моему мнѣнію, необходимость серьезно обсудить настоящее положеніе дѣлъ, ибо намѣченный бюджетъ является лишь результатомъ тѣхъ финансовыхъ мѣръ, которыя были испробованы въ прошломъ году, не принимая во вниманіе дѣйствительныхъ средствъ юнаго княжества.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что необходимо положить конецъ подобной системѣ финансовъ. Желая организовать управленіе государствомъ на прочномъ основаніи и содѣйствовать благосостоянію своихъ подданныхъ, ваше выс—во приняли въ Систовѣ изъ рукъ представителей народа чрезвычайныя полномочія; пользуясь ими, ваше выс—во не допустите, конечно, чтобы подобная опасность угрожала самой существенной части внутренняго управленія страны.

Сверхъ того, ваше выс—во соблаговолили выразить непремѣнное желаніе, чтобы въ 1883 году была начата постройка тѣхъ изъ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя необходимы исключительно въ интересахъ Болгаріи.

Я имѣлъ уже честь представить на обсужденіе вашего выс—ва тѣ данныя, на основаніи которыхъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, при-

ступитъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Считаю долгомъ еще разъ высказать вашему выс—ву, что было бы желательно начать эту постройку, не прибѣгая къ займу, который неизбѣжно поставилъ бы юную Болгарію въ весьма затруднительное финансовое положеніе.

По этой причинѣ и такъ какъ я намѣренъ приступить на-дняхъ въ совѣтѣ министровъ къ всестороннему обсужденію бюджета на 1883 годъ, я имѣю честь просить ваше выс—во, чтобы вы приказали приступить, не стѣсняясь цифрами вышеприведеннаго бюджета, къ составленію новаго бюджета, въ коемъ доходъ превысилъ бы расходъ, не нарушая ни малѣйшимъ образомъ нынѣшній государственный механизмъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего выс—ва всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга С. Соболевъ».

Генералъ Соболевъ предвидѣлъ, безъ сомнѣнія, что князь будетъ крайне недоволенъ этимъ письмомъ и особенно тѣмъ, что въ письмѣ выражено было намѣреніе совратить предположенные на 1883 г. расходы. Генералу, сдѣлавшему первый рѣшительный шагъ въ видахъ выясненія истинныхъ намѣреній «консерваторовъ», было весьма важно знать мнѣніе главы княжества о бюджетѣ. Всеобщее, почти гласное, обвиненіе болгаръ въ эксплуататорскихъ цѣляхъ, возведенное на князя и его сподвижниковъ, хотя и имѣло основаніе, но Соболеву казалось, что князя увлекаютъ, хорошо зная его любовь къ деньгамъ и роскоши, и что князь въ крайнемъ случаѣ станетъ на сторону интересовъ Болгаріи и не допуститъ ограбить княжество также беззастѣнчиво, какъ были ограблены почти на его глазахъ Сербія и Румынія. У генераловъ Соболева и Каульбарса въ то время была еще надежда отдѣлать князя отъ опасной клики такъ называемыхъ болгарскихъ консерваторовъ.

Къ крайнему удивленію министра-президента, 29 октября 1882 г., имъ была получена слѣдующая телеграмма изъ Руѣука, подписанная Стойловымъ:

«Негово височество ви благодари за доклада ви по бюджети за идущата година. Господарѣтѣ се удиви на несъразмерността между приходита и расходите и изрази на министра на финансіѣтѣ надеждата и желанието да види приходите на княжество-то увеличени и поставлени на една порационална основе».

[По русски]. „Его височество благодаритъ васъ за вашъ докладъ о бюджетѣ на будущій годъ. Господарь удивился несоразмѣрности между доходами и расходами и выразилъ министру финансовъ надежду и желаніе видѣть доходы княжества увеличенными и поставленными на рациональную основу“.

Вопросъ поставленъ неожиданно. Не уменьшеніе излишнихъ расходовъ, а увеличеніе доходовъ—вотъ что было поставлено цѣлью. На увеличеніе податей болгарскіе министры, ожидавшіе скорого созыва народнаго собранія, не были склонны, и генералъ Соболевъ взялъ на свою отвѣтственность составить новый бюджетъ, изъ коего были исключены всѣ излишніе расходы и въ коемъ было нѣкоторое, весьма впрочемъ незначительное, превышеніе доходовъ надъ расходами.

III.

Въ декабрѣ 1882 въ Софію было созвано народное собраніе, депутаты коего были выбраны по новому, обнародованному въ августѣ, закону о выборахъ. Собраніе было составлено изъ приверженцевъ вожаковъ консервативной партіи. Оно всецѣло было въ рукахъ триумвирата Начовича-Грекова-Стоилова.

Народное собраніе, руководимое триумвиратомъ, въ лицѣ нѣсколькихъ клеветовъ сего послѣдняго, начало систематическое нападеніе на все русское. Русскіе министры, русскіе офицеры, служившіе въ войскахъ, русскіе инженеры, русскіе купцы—подверглись нападкамъ. Однако, съ теченіемъ времени, таковыя ослабли, и въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1883 года болгарскіе министры, почувявъ свою силу, рѣшились во что бы то ни стало провести вопросъ желѣзно-дорожный. Для сего имъ необходимо было пріобрѣсть чѣмъ бы то ни было сочувствіе въ странѣ, и они согласились между собою упразднить въ княжествѣ драгунскій корпусъ, обыкновенно называвшійся жандармеріей. Князь Александръ I-й былъ рѣшительно противъ этого упраздненія; онъ требовалъ отъ министровъ, чтобы они поддержали существованіе жандармеріи, какъ строевой части. Министры обѣщали исполнить это требованіе.

Должно замѣтить, что жандармерія была создана въ видѣ особаго драгунскаго корпуса послѣ государственнаго переворота 1-го іюля 1881 года. Во главѣ этой вооруженной полици, какъ всегда дѣлалъ князь при принятіи какой либо репрессивной мѣры, были поставлены исключительно русскіе офицеры. Жандармерія возбуждала въ княжествѣ крайнее неудовольствіе, ибо въ сущности служила цѣлямъ консервативной клики и, исполняя ея приказанія, самымъ беззащитнымъ образомъ тѣснила всѣхъ, кто почему либо былъ не согласенъ съ этою кликою. Русскіе офицеры были поставлены въ унижительное положеніе исполнять приказанія болгарскаго министерства, истинныя

цѣли коего были отъ нихъ скрываемы. Однако, съ прѣзда въ Болгарію генераловъ Соболева и Каульбарса, драгуны начали замѣтно покидать усвоенныя ими было привычки и были случаи, когда они не только не притѣсняли народную партію, но выгораживали членовъ сей послѣдней отъ происковъ консерваторовъ. Такъ что орудіе, созданное этими послѣдними, постепенно обращалось противъ нихъ самихъ и они предвидѣли, что если русскіе генералы останутся еще годъ во главѣ правленія княжества, то драгуны обратятся въ полицію, которая будетъ охранять населеніе, а не притѣснять его. Какъ-бы то ни было, болгары были недовольны драгунами и народное собраніе, руководимое Начовичемъ, Грековымъ и Стойловымъ, выразило твердое намѣреніе упразднить ихъ. Князь протестовалъ и горько жаловался на своихъ друзей. Генералы Соболевъ и Каульбарсъ стали на сторону князя Александра I-го и заявили народному собранію, что съ драгунъ будутъ сняты полицейскія обязанности и они могутъ быть сведены въ части войскъ и могутъ усилить собой столь необходимую для княжества кавалерію. Взамѣнъ же ихъ будетъ создана особая полиція, уставъ коей долженъ быть выработанъ министерствомъ и рассмотрѣнъ народнымъ собраніемъ. Князь былъ очень доволенъ такою постановкою вопроса и требовалъ отъ министерства, чтобы оно въ этомъ смыслѣ разрѣшило дѣло. Но вожаки консервативной клики не шли на этотъ компромисъ и умоляли князя сдѣлать такъ, какъ они того хотѣли. Князь, къ крайнему ихъ удивленію, на этотъ разъ не поддался имъ, и они заявили ему, что пойдутъ противъ него.

Это былъ любопытный моментъ въ политической жизни молодаго княжества. Никогда и ни въ чемъ князь до того не расходился съ Начовичемъ, Грековымъ и Стойловымъ. Это знала вся страна и объ этомъ жалѣли всѣ честные болгары. Упорство князя въ высшей степени озлило его недавнихъ горячихъ друзей: въ немъ они усмотрѣли возраставшее, крайне для нихъ опасное, вліяніе генераловъ Соболева и Каульбарса.

Но и они были упорны. Народное собраніе добивалось полного упраздненія драгунскаго корпуса. Генераль Соболевъ заявилъ собранію, что воля князя заключается въ сохраненіи драгунъ, какъ войска. Депутаты обидѣлись и принесли жалобу князю; этотъ послѣдній сказалъ генералу: «Vous avez froissé la chambre». Каульбарсъ горячо отстаивалъ драгунъ какъ строевую кавалерію; но собраніе отказало въ кредитѣ и упраздненіе ихъ стало неизбѣжнымъ. Князь и русскіе генералы потерпѣли поражение. Начовичъ, Грековъ и Стойловъ ликовали и не имѣли самообладанія скрыть это ликованіе...

Генераль Соболевъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы еще разъ заявить князю о томъ, что взятыя имъ въ 1881 г. «чрезвычайныя полномочія», на основаніи коихъ собственно и существовало III обыкновенное народное собраніе, не достигаютъ цѣли и что полномочія эти всецѣло перешли въ руки триумvirата. Это обидѣло князя и онъ, выразивъ желаніе настоять на своемъ, просилъ содѣйствія генераловъ. Генералы дали слово.

На слѣдующій день, окончивъ сессію, народное собраніе было закрыто. Противники стали лицомъ къ лицу.

Князь объявилъ, что не утвердить бюджета, выработаннаго собраніемъ, до тѣхъ поръ, пока министерство, не выходя изъ общей цифры расходовъ, не изыщетъ средствъ на содержаніе драгунъ, какъ кавалеріи.

Г-да Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ, лишившіеся услугъ покорнаго имъ народнаго собранія, не унывали, ибо имѣли другую лазейку, ими же устроенную послѣ переворота 1881 г. Къ ихъ услугамъ былъ державный совѣтъ, исключительно почти составленный изъ лицъ, имъ угодныхъ. Рѣшено было внести вопросъ на разсмотрѣніе этого совѣта. Предстояло любопытное зрѣлище. Генералы Соболевъ и Каульбарсъ были на сторонѣ князя и были возмущены тѣмъ, что ихъ коллеги-министры, кричавшіе о своей преданности своему государю, ни въ грошъ не ставили сего послѣдняго, когда онъ не хотѣлъ сдѣлать того, чего они домогались. Генералы предоставили своимъ коллегамъ обдѣлать все дѣло въ державномъ совѣтѣ, заранѣе увѣренные, что совѣтъ отброситъ вопросъ.

Такъ и случилось. Державный совѣтъ постановилъ такъ, какъ то хотѣли Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ, и эти послѣдніе съ злорадствомъ заявляли всякому, кто хотѣлъ ихъ слушать, что дѣло управленія княжествомъ переходитъ въ ихъ руки, что народное собраніе и державный совѣтъ стоятъ за нихъ и что будто поэтому и народъ за нихъ. Это, дѣйствительно, былъ крайне любопытный моментъ политической жизни болгаръ. Побѣдители, казалось, въ эту минуту смотрѣли на князя Александра I-го нѣсколько свысока, а генерала Соболева и Каульбарса считали уже павшими.

У нихъ была удивительная логика. Они торжествовали крупную побѣду, забывъ, что даже на войнѣ, на этомъ кровавомъ побоищѣ, побѣдителя легче всего можно разбить тотчасъ же послѣ одержанной имъ побѣды. Они забыли объ упорствѣ и сознаниіи долга.

Генераль Соболевъ заявилъ князю, что престижъ его высочества не допускаетъ подобнаго положенія дѣлъ; вмѣстѣ съ Каульбарсомъ они дали обѣщаніе возстановить положеніе дѣла согласно выраженной княземъ

воли. Князь, совершенно смущенный въ эту минуту, горячо благодарилъ русскихъ генераловъ. Не даромъ онъ выпросилъ въ Петербургѣ генераловъ для поддержанія его авторитета; но онъ не могъ допустить мысли, что власть его могла быть поколеблена его закадычными друзьями.

22-го февраля 1883 г. князь прислалъ генералу Соболеву слѣдующее собственноручное письмо:

[Перев. съ франц.]. «Любезный министр-президентъ, прошу васъ созвать завтра утромъ совѣтъ министровъ и сообщить ему, что «я считаю сохраненіе жандармеріи, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ нынѣ, необходимымъ для страны и сохраняю ее, основываясь на моихъ полномочіяхъ. Я согласенъ лишь на то, чтобы были распущены пѣшіе жандармы. Такъ какъ въ бюджетѣ, представленномъ на мое разсмотрѣніе, совѣтомъ министровъ не ассигновано кредита на содержаніе корпуса драгунъ, то я повелѣваю моему совѣту министровъ собраться немедленно для составленія формы указа, коимъ мой военный министръ потребуетъ, чтобы государственный совѣтъ ассигновалъ ему, суммы, необходимыя на содержаніе драгунъ. Число конныхъ драгунъ не должно быть менѣе 900—1000.

«Меня удивляетъ въ этомъ случаѣ тотъ фактъ, что министерство представило на мое утвержденіе бюджетъ, находящійся въ прямомъ противорѣчій съ моими повелѣніями, которыя были совершенно ясно изложены и внесены въ протоколы тѣхъ засѣданій совѣта министровъ, которыя происходили подъ моимъ предсѣдательствомъ. Въ то же время я повелѣваю моему правительству принять своевременно надлежащія мѣры къ тому, чтобы палата въ будущей сессіи вотировала кредитъ, необходимый для содержанія жандармеріи. Александръ».

При этомъ рескриптѣ была приложена слѣдующая записка на имя генерала Соболева:

[Перев. съ франц.]. «Любезный генералъ, сейчасъ былъ у меня Михайловскій ¹⁾; я весьма недоволенъ докладомъ государственнаго совѣта; въ немъ есть даже глупости и ложь. Посылаю вамъ при семъ официальное письмо, въ которомъ я дѣлаю замѣчаніе министрамъ, но такъ какъ оно направлено противъ болгарскихъ министровъ (ибо вы и Каульбарсъ собственно заявили въ палатѣ мой взглядъ по этому поводу), то я прошу васъ не обижаться этимъ и доставить мнѣ удовольствіе высказать, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ не совсѣмъ честно. Если хотите, я со-

¹⁾ Предсѣдательствовавшій въ державномъ совѣтѣ.

гласенъ измѣнить выраженія, лишь бы смыслъ остался тотъ же. Завтра въ совѣтѣ министровъ нужно будетъ взять требуемыя суммы со всѣхъ министерствъ, а не съ одного только военнаго. Я совсѣмъ боленъ. Вашъ искренній другъ Александръ».

Надо было видѣть злобу Начовича, Грекова и Стоилова, когда на слѣдующій день въ совѣтѣ министровъ на квартирѣ генер. Соболева былъ прочтенъ рескриптъ князя. Поведеніе этихъ господъ въ этомъ засѣданіи совѣта было и неприлично, и очень комично.

Вотъ въ общихъ чертахъ характеристика этого засѣданія, подчерпнутая изъ самаго достовѣрнаго источника.

По окончаніи чтенія рескрипта Начовичъ съ злобою произнесъ: «я подаю въ отставку». Грековъ сѣлъ на стулъ и совершенно блѣдный, съ свойственною ему дерзостью, сказалъ: «ну что же—и я подаю; пусть безъ насъ работаютъ». Стоиловъ молчалъ.

Минута была любопытная. Въ рукахъ генер. Соболева былъ вопросъ объ удаленіи изъ министерства этихъ трехъ интригановъ, чего генераль искренно желалъ. Но съ другой стороны, если бы генераль на это рѣшился, то ему пришлось исполнить одно изъ двухъ: или упразднить всѣ министерства и стать единственнымъ министромъ, на чемъ настаивалъ князь, или взять новыхъ министровъ, выборъ коихъ есть дѣло непосильно трудное.

Упраздненіе министерствъ привело бы къ диктатурѣ Россіи и было-бы принято новымъ государственнымъ переворотомъ, чего въ сущности желалъ князь, дабы еще болѣе возбудить болгаръ противъ русскихъ. Въ виду этихъ соображеній генераль Соболевъ не поддавался своему внутреннему голосу и рѣшился испробовать заставить министровъ исполнить требованія князя, въ основаніи своемъ весьма законное.

— «Вопросъ объ отставкахъ, замѣтилъ генераль, отдѣльное дѣло. Пока отставка не принята, ваша обязанность исполнить волю вашего государя».

Словъ этихъ было достатотно, чтобы охладить первую злость Начовича, Грекова и Стоилова. Дорожа своею властью и имѣя возможность жить въ довольствѣ, они вовсе не расположены были выходить въ отставку. Генераль Соболевъ не желалъ новаго кризиса. Въ Болгаріи въ то время господствовало небывалое спокойствіе, сессія народнаго собранія прошла весьма благополучно, князь Александръ I 15 апрѣля собирался ѣхать въ Константинополь, Афины, Черногорію и Россію, дунайскій вопросъ лишь разрѣшался—словомъ, обстоятельства обязывали генерала быть крайне осторожнымъ.

Начались пренія. Соболевъ и Каульбарсъ на сей разъ не по-

жалѣли консервативный триумвиратъ и высказали ему много горькихъ истинъ; Соболевъ заявилъ имъ, что имѣеть полную возможность отнять у нихъ ихъ силу и обратить ихъ въ то самое, во что они обратили своихъ политическихъ соперниковъ.

— «И у меня, сказалъ генераль, найдется сила, чтобы исполнить то, что будетъ необходимо въ видахъ продолженія спокойствія въ Болгаріи».

Генераль Каульбарсъ рѣзко имъ замѣтилъ о ихъ неправдивомъ образѣ дѣйствій. Для нихъ не оказалось выхода и они подписали журналъ и составили форму указа объ ассигнованіи необходимыхъ денежныхъ средствъ на содержаніе драгунъ. Когда все это было сдѣлано и когда генераль Соболевъ объявилъ имъ, что отставки ихъ теперь не принимаются, они повеселѣли, и Грековъ, отойдя въ сторону, съ Стоиловымъ пропѣли въ полъ-голоса слѣдующій стихъ извѣстной оперетки: «*très jolie, peu polie, possédant un gros magot*».

— «Вы считаете меня вашимъ врагомъ, замѣтилъ между прочимъ имъ Соболевъ. Я хорошо знаю, что вы меня не любите. Но со временемъ вы, господа, сознаете, что если вы держались у власти такъ относительно долго, то было это благодаря тому, что я этого хотѣлъ, и вы вспомните тогда, что въ сущности я васъ поддерживалъ».

— Совершенно вѣрно это!—сказалъ Стоиловъ, самый закадычный другъ князя.

— «Вы глубоко ошибаетесь, вновь замѣтилъ Соболевъ, если полагаете, что спокойствіе Болгаріи случайное. Вы сознаете, что не малое влияніе на это спокойствіе оказало присутствіе среди васъ двухъ русскихъ генераловъ, коимъ довѣряетъ императорское правительство».

— Это мы сознаемъ,—отвѣтилъ Грековъ.

Нужно замѣтить, что въ составѣ министерства въ то время находился Теохаровъ (мин. нар. просв.), лицо безусловно честное, хорошо понимающее истинные интересы Болгаріи, какъ славянскаго княжества, созданнаго жертвами Россіи.

Очевидно стало, что побѣдители оказались побѣжденными. Почувствовавъ твердость и упорство, они были счастливы удержать за собою мѣста.

Но это были не такіе люди, чтобы сознать свое истинное положеніе. Временная ихъ ссора съ княземъ по драгунскому вопросу не разрывала ихъ союза съ княземъ, основаннаго на болѣе капитальныхъ интересахъ. Князь былъ очень счастливъ, что дѣло уладилось, ибо въ этихъ людяхъ онъ видѣлъ вѣрныхъ сотоварищей по приведенію въ исполненіе двухъ главныхъ своихъ цѣлей: 1) изгнаніе

русскаго вліянія изъ страны и 2) овладѣніе желѣзно-дорожнымъ вопросомъ. Есть русская пословица: «милые бранятся—только тѣшатся». Такъ и здѣсь. Князь обидѣлся, что его унизили, его пріятели не въ мѣру погорячились и не хотѣли уступить. Князь, опираясь на русскіихъ, далъ имъ нахлобучку, и они пошли на сдѣлку, оставаясь вѣрными союзниками по главнымъ вопросамъ.

На слѣдующій день генераль Соболевъ и Каульбарсъ направились въ державный совѣтъ и, предъявивъ предсѣдательствовавшему совѣта указъ, предложили немедленное разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла. Вечеромъ того же дня Соболевъ послалъ князю слѣдующій докладъ:

[Перев. съ франц.]. «Честь имѣю донести в. выс—ву, что государственный совѣтъ въ присутствіи моемъ и генерала Каульбарса рѣшилъ ассигновать, согласно повелѣнію в. выс—ва, необходимыя суммы на содержаніе драгунъ въ 1883 году».

Возвративъ этотъ докладъ Соболеву, князь сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись:

[Перев. съ франц.]. «Благодарю за столь быстрое рѣшеніе этого дѣла; завтра утромъ я утвержду бюджетъ. Вашъ Александръ».

IV.

Одно дѣло было улажено, другое началось, и по странному совпаденію обстоятельствъ — въ тотъ же день, именно 24-го февраля 1883 г., министръ исповѣданій Стоиловъ зашелъ къ ген. Соболеву и показалъ предложеніе болгарскаго экзарха Іосифа. Въ бумагѣ значилось, что постановленіемъ болгарскаго синода, отъ 10 декабря 1877 года, софійскій митрополитъ Мелетій былъ лишенъ софійской епархіи, что Мелетій ослушался приказанія и экзархъ за это постановилъ сослать его въ г. Вратцу съ воспрещеніемъ священнодѣйствовать въ теченіи шести мѣсяцевъ.

Генер. Соболевъ, зная хорошо это дѣло, возбужденное еще во время войны 1877—1878 гг., зная, что еще недавно экзархъ Іосифъ пріѣзжалъ изъ Константинополя и въ Софіи пользовался гостепримствомъ Мелетія, какъ-бы совершенно игнорируя постановленіе синода 10 декабря 1877 г., спросилъ Стоилова, чтò въ сущности означаетъ бумага экзарха?

— «Это рѣшеніе,—отвѣтилъ Стоиловъ,—обязательно для насъ».

Надо его исполнить. Но такъ какъ во Вратцу, въ виду того, что тамъ заточенъ Драганъ Цанковъ, Мелетію быть неудобно, то самое лучшее, если его отправить въ монастырь Рильскій».

Желая обсудить это дѣло спокойно, генер. Соболевъ предложилъ Стоилову обождать и предварительно объявить митрополиту Мелетію, какъ это полагалось по существовавшему закону, рѣшеніе экзарха. Но генер. Стоиловъ, по совѣщаніи съ Начовичемъ и Грековымъ, рѣшили не слушаться этого приказанія, и ночью сдѣлали самое возмутительное насиліе надъ митрополитомъ.

Предварительно описанія этого дѣла, повлекшаго за собою министерскій кризисъ, необходимо сдѣлать маленькое къ нему предисловіе. Сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ.

Во время войны 1877 г. въ Константинополѣ, между прочими, проживали два болгарскіе митрополита: руцукскій—Григорій и софійскій — Мелетій. Григорій развѣзжалъ по столицѣ на турецкомъ конѣ и богатомъ сѣдлѣ съ чисто азіатскою пышностью, въ то время, какъ другіе болгарскіе епископы, и въ числѣ ихъ Мелетій, проливали слезы о своей родинѣ, терзаемой турками. Мелетій, воспитанникъ русской духовной академіи, не вынесъ своего унижительнаго положенія и бѣжалъ въ русскую армію, въ станъ главнокомандующаго. Съ побѣдоносными русскими войсками онъ вступилъ въ г. Софію и спокойно, по праву, занялъ свое епископское мѣсто.

Руцукскій митрополитъ Григорій поступилъ иначе. 11-го іюня 1877 г., т. е. за нѣсколько дней до переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, онъ опубликовалъ слѣдующее пасторское посланіе къ своей паствѣ ¹⁾:

[Перев. съ франц.]. «Милосердый Господь, правящій судьбами народовъ и царствъ, упрочилъ славу и могущество Оттоманской имперіи, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ ея существованія, ко благу, спокойствію и благоденствію тѣхъ народовъ, кои находятся подъ сѣнью ея благодѣтельнаго правленія.

«Желая испытать силу и глубину нашей любви къ Нему, всемило-

---

¹⁾ Посланіе было напечатано на болгарскомъ языкѣ. Когда побѣда окончательно перешла на сторону русскихъ, Григорій, боясь за свою власть, всѣми средствами отбиралъ у населенія экземпляры этого удивительнаго документа. Однако, экземпляра два сохранились еще въ Руцукѣ. Настоящая копія взята изъ константинопольскаго журнала „La Turquie“, отъ 11 іюня 1877 г. Посланіе напечатано на 1-й страницѣ и озаглавлено такъ: „Lettre pastorale adressée par l'archeveque bulgare de Roustchouk, Mgr. Grégoire, au clergé et aux ouailles de son diocèse“.

стивый Господь часто посылаетъ своимъ избраннымъ испытанія. Оттоманская имперія не впервые уже подвергается подобнаго рода испытаніямъ, но она всегда выходила изъ нихъ побѣдительницей, полная новыхъ силъ для дальнѣйшаго своего развитія, для упроченія своей славы и своего могущества.

«Между тѣмъ какъ е. и. в. султанъ Абдуль-Гамидь-ханъ, нашъ всемилостивѣйшій монархъ и отецъ (да продлитъ Господь его жизнь и да упрочитъ Онъ могущество его имперіи), употребляетъ всѣ старанія къ тому, чтобы водворить принципы равенства и братской любви и обезпечить спокойствіе, счастье и благоденствіе всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія и національности, имперіи угрожаетъ непріятель, который, подъ личиною великодушія, старается уничтожить эти благія и великодушныя начинанія, надѣясь достигнуть такимъ образомъ своихъ разрушительныхъ цѣлей, направленныхъ противъ Оттоманской имперіи и ея подданныхъ.

«Но Господь не допуститъ нынѣ, какъ и всегда, чтобы справедливость была поправа и чтобы восторжествовали столь пагубные замыслы. Правительство е. и. в. выйдетъ изъ этого затруднительнаго положенія еще болѣе сильнымъ, ко славѣ Оттоманской имперіи и къ благоденствію и радости ея подданныхъ. Чтобы достигнуть этого результата, мы всѣ должны сплотиться вокругъ престола е. в., проникнутые чувствами любви и преданности къ нему и готовые на всевозможныя жертвы.

«На болгарскомъ народѣ лежитъ, по преимуществу, эта священная обязанность, ибо монархи Оттоманской имперіи, по своей справедливости и по своему благоволенію къ болгарамъ, всегда исполняли всѣ ихъ законныя требованія.

«Итакъ, возлюбленныя дѣти наши во Христѣ, мы призываемъ васъ доказать на дѣлѣ любовь и преданность, которыя вы питаете къ нашему монарху; прежде всего, какъ христіане и покорныя дѣти православной церкви, вы должны возносить къ милосердому Богу горячія молитвы о здравіи и долгодѣтіи е. и. в. султана Абдуль-Гамидь-хана, во вторыхъ, мы призываемъ васъ молиться въ домахъ вашихъ и въ церквахъ о томъ, чтобы Господь даровалъ силы и побѣду храброму и доблестному оттоманскому воинству, дабы, отразивъ нападеніе враговъ, оно водворило миръ и спокойствіе на прочныхъ началахъ.

«Такъ какъ враги имперіи и ея подданныхъ употребятъ, безъ сомнѣнія, всѣ усилія къ тому, чтобы нарушить спокойствіе болгаръ и возбудить распри и отчужденіе между нами и нашими мусульманскими соотечественниками, съ цѣлью поколебать, такимъ образомъ, благоволеніе къ намъ императора, то мы убѣдительно совѣтуемъ вамъ

отклонять всё внушенія людей злонамѣренныхъ, не слушать ихъ льстивыхъ и зловредныхъ совѣтовъ, а равно не довѣрять всёмъ слухамъ, распространяемымъ съ цѣлью внушить вамъ страхъ предъ событіями, которыя должны совершиться неминуемо, и поколебать вашу увѣренность въ томъ, что вы пользуетесь полнѣйшею безопасностью. Имѣйте полное довѣріе къ правительству, которое никогда не отказывало и, не смотря на теперешнее затруднительное положеніе дѣлъ, никогда не откажетъ принять самыя строгія мѣры къ тому, чтобы обезпечить вашу жизнь, ваше имущество и честь вашу.

«Любите другъ друга, живите въ мирѣ и согласіи съ вашими мусульманскими сосѣдями, ибо они намъ также братья, сыны одной съ нами родины. Какъ вѣрные подданные султана, радѣя о славѣ и спокойствіи нашей общей родины, будьте готовы на всякую жертву, чтобы упрочить эту славу и спокойствіе имперіи. Слѣдуя этимъ совѣтамъ, мы будемъ достойные сыны отечества и государства и дадимъ императорскому правительству возможность съ честью и славою выйти изъ теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и упрочить на всемъ протяженіи имперіи миръ и тишину, столь необходимые для развитія и благоденствія его подданныхъ.

«Да услышитъ Господь мои молитвы и да сохранитъ Онъ султана и его имперію».

Послѣ войны 1877—1878 гг. Григорій водворился въ Русчукъ, а Мелетій въ Софіи.

Приговоръ болгарскаго синода относительно Мелетія остался неисполненнымъ. При русской окупаціи, о возобновленіи этого крайне несправедливаго дѣла, устроеннаго подъ давленіемъ константинопольскаго правительства, не могло быть и рѣчи. Самъ экзархъ болгарскій, повидимому, забылъ о немъ и въ бытность свою въ Софіи жилъ у митрополита Мелетія и выказалъ ему ласки; но не забыли этого дѣла русчукскій митрополитъ Григорій и вожаки консервативной партіи. Мелетію угрожали. Во время переворота 1881 г. Мелетій, обманутый тѣмъ, что будто русское правительство стоитъ за переворотъ, дѣятельно помогъ князю и его кликѣ. Но какъ только стало извѣстно, что переворотъ былъ исполненъ вовсе не по желанію Россіи, а съ тою цѣлью, чтобы передать Болгарію всецѣло въ руки эксплуататоровъ, отдѣлить болгаръ отъ русскихъ и приблизить ихъ къ Австріи, митрополитъ Мелетій, прекрасно знавшій свою паству и любимый ею, началъ разъяснять своимъ приближеннымъ, весьма впрочемъ осторожно, всю опасность новаго положенія дѣлъ. Тогда-то и выступилъ на сцену митрополитъ Григорій, домогавшійся поселиться въ Софіи. При личныхъ настояніяхъ князя забытое дѣло было возобновлено.

Къ сожалѣнiю, экзархъ Iосифъ, человекъ безъ всякаго самостоятельнаго характера, зараженъ былъ, какъ и многіе изъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, страстью къ матеріальному благосостоянiю, а это послѣднее зависѣло отъ князя. Изъ Софіи ежегодно препровождалась въ Константинополь, къ экзарху, весьма крупная сумма денегъ, иногда до 300,000 фр., предназначавшаяся на школьное дѣло македонскихъ болгаръ. Отъ экзарха зависѣло распредѣленіе этихъ суммъ. Угроза лишить его этой матеріальной силы дѣлала его въ отношеніи князя совершенно покорнымъ. Какъ бы ни было, но Iосифъ, быть можетъ скрѣпя сердце, выкопалъ изъ архива постановленіе ¹⁾ синода 1877 г. и препроводилъ его къ Стоилову, бывшему министромъ исповѣданій, на исполненіе.

Клика торжествовала, ибо имѣла случай нанести русскимъ самое дерзкое оскорбленіе въ такое время, когда еще русскія могилы, разсыпанныя по Болгаріи, на которыхъ служилъ Мелетій панихиды, не успѣли придти еще въ совершенное разрушеніе. Этими дѣломъ хотѣли нанести ударъ генералу Соболеву и вынудить его удалиться изъ княжества. Отъ Соболева дѣло скрывалось самымъ тщательнымъ образомъ, ему заявили лишь тогда, когда все было облажено. Но хитрость не всегда удается.

Началась борьба и страсти разгорались. Замѣчательно, что эта борьба происходила въ самомъ высшемъ слоѣ правящаго класса. Въ Болгаріи господствовалъ полный порядокъ. Князю, любящему всякія выгоды для его дѣлей безпокойства, не сидѣлось спокойно и онъ крайне былъ радъ ссорѣ русскихъ министровъ съ болгарскими. Онъ разжигалъ эту борьбу увѣренный въ успѣхъ...

Стоиловъ не послушался приказанія министра-президента, и въ ночь съ 24 на 25-е февраля 1883 г. приказалъ схватить митрополита Мелетія и отправить его съ жандармами въ ссылку, въ Рильскій монастырь. Такъ это и было сдѣлано. Въ то же время княжеское бюро по дѣламъ печати распорядилось разослать телеграммы, въ коихъ дѣло было выставлено такъ, какъ будто инициатива всего этого возмутительнаго насилія принадлежала Соболеву. Князь полагалъ произвести этимъ впечатлѣніе на русское правительство и, какъ выражался въ Софіи завѣдывающій этимъ бюро бывший русскій телеграфистъ Головинъ, надѣялся, что Соболева немедленно отзовутъ. Надежда эта, къ сожалѣнiю, была небезосновательна, ибо многіе русскіе дѣя-

---

¹⁾ По этому дѣлу отъ князя ѣздилъ въ Константинополь министръ Вулковичъ, ярый туркофилъ и ненавистникъ Россіи. Этотъ Вулковичъ былъ прогнанъ Соболевымъ изъ министерства въ концѣ 1882 г.

тели въ Болгаріи потерпѣли крушеніе, благодаря подобнымъ про-дѣлкамъ пресловутаго бюро.

Мелетія схватили, не давъ ему опомниться и не предоставивъ возможности устроить хотя на-скоро свои дѣла. Ген. Соболевъ былъ возмущенъ этою наглостью, этимъ поруганіемъ надъ саномъ митрополита. Онъ приказалъ вернуть Мелетія съ дороги и послалъ для сего своего секретаря Щеглова и русскаго прокурора Осетрова. Какъ только это распоряженіе стало извѣстно кликѣ, она командировала къ генералу Соболеву временно пребывавшаго въ Софіи русскаго митрополита Григорія, какъ намѣстника экзарха въ Болгаріи, для рѣшительныхъ объясненій.

Митрополитъ Григорій явился къ Соболеву и между ними произошла слѣдующая сцена, свѣдѣнія о коей мы почерпаемъ изъ самаго достовѣрнаго документальнаго источника.

Григорій, не скрывая своей злобы, въ кабинетъ генерала вошелъ молча. Соболевъ предложилъ ему стулъ и папиросу.

— «Что прикажете, ваше высокопреосвященство?» спросилъ его генераль.

— Я слыхалъ, что ваше превосходительство изволили распорядиться о возвращеніи митрополита Мелетія въ Софію, произнесъ онъ.

— «Распорядился, послалъ телеграмму».

— Но это противузаконно; онъ сосланъ по суду синода!

— «Я это знаю», сказалъ генераль.

— И судъ безапелляціонный. Апелляцію можно подавать только Господу Богу — произнесъ торжественно Григорій.

— «Я думаю, что это не такъ!»

— Прочтите законы!

— «Читалъ, и по законамъ его высокопреосвященству Мелетію должны были дать возможность оправдаться!»

Григорій кипѣлъ злобою — это выражалось во всей его маленькой фигурѣ. Пейсики, очень похожіе на еврейскіе, дрожали на его головѣ.

— «Мы, кажется, другъ друга не понимаемъ, ваше высокопреосвященство, замѣтилъ Соболевъ. Я вовсе не расположенъ вмѣшиваться въ сущность рѣшенія синода; на это я не имѣю права. Я дозволилъ митрополиту Мелетію вернуться только на нѣсколько дней, чтобы онъ могъ устроить свои дѣла».

— Я прошу васъ не вмѣшиваться въ дѣла церковныя, произнесъ съ авторитетомъ Григорій. Этого я, какъ намѣстникъ экзарха, не могу допустить.

— «Распоряженія своего я не могу отмѣнить», сказала холодно генераль.

— Прошу сдѣлать это какъ милость для меня, мягко сказалъ Григорій.

— «Не могу, ибо съ Мелетіемъ поступали жестоко!»

— Съ нимъ поступили справедливо!

— «Извините,—замѣтилъ Соболевъ, но я не знаю государства, гдѣ митрополитовъ ссылають съ жандармами».

— А я знаю!—воскликнулъ Григорій, привскочивъ и какъ бы обрадовавшись.

— «Я не знаю».

— Это Россія!—почти вскричалъ Григорій.

— «Я очень жалѣю,—сказала вѣжливо Соболевъ, вставая,—что не могу исполнить вашего желанія».

— Въ такомъ случаѣ я обращаюсь къ синоду,—отвѣтилъ Григорій.

Таковъ рушукскій митрополитъ Григорій, противникъ русскихъ, сторонникъ враждебной намъ политики.

Какая разница между митрополитомъ Мелетіемъ и митрополитомъ Григоріемъ. Первый спѣшитъ на помощь своимъ болгарамъ и становится въ ряды русской арміи; второй, увѣренный въ успѣхѣ турецкаго оружія и, какъ это нынѣ исполнѣ уже выяснилось, домогавшійся стать экзархомъ Болгаріи, шлетъ проклятіе русскимъ войскамъ и выхваляетъ милостивое управленіе турокъ. Но Григорій не могъ простить нравственнаго торжества Мелетія и своего глубокаго униженія, мстилъ ему по прошествіи шести лѣтъ и находилъ себѣ въ томъ единомышленниковъ въ лицѣ князя и его ближайшихъ сподвижниковъ. Эксплоататоры молодого болгарскаго княжества въ лицѣ митрополита Григорія нашли готоваго себѣ пособника.

Князь, домогавшійся обезсиленія болгаръ, дабы легче ими править, дѣлалъ весьма серьезныя усилія для распространенія между ними лютеранскаго и католическаго исповѣданій. На это имѣются неопровержимыя данныя. Параллельно съ этимъ онъ старался внести раздоръ въ православную церковь. И въ первомъ и особенно во второмъ онъ много успѣвалъ. Изъ четырехъ митрополитовъ болгарскаго княжества двое стоятъ на сторонѣ народной партіи и Россіи. Изъ этихъ двухъ Мелетій былъ сосланъ, а другой митрополитъ Нафанаилъ — старикъ, спокойно проживающій въ Ловчѣ. Митрополиты рушукскій Григорій и варненскій Симеонъ, воспитанникъ греческой духовной академіи, недоброжелатель Россіи, суть приближенные и любимые княземъ. Епископъ тырновскій Климентъ,

воспитанникъ русской духовной академіи, человекъ умный, искренно приверженный къ родинѣ и Россіи, ненавидимъ княземъ.

Въ исторіи о высылкѣ Мелетія князь велъ себя, какъ это онъ всегда дѣлалъ, двулично. Отдавъ письменное приказаніе Стоилову схватить Мелетія и выпроводить его съ жандармами, онъ письменно увѣрилъ генер. Соболева, что не понимаетъ насилія надъ митрополитомъ.

Кончилось, однако, тѣмъ, что князь долженъ былъ разстаться съ своимъ любимцемъ, Стоиловымъ.

Стоиловъ былъ уволенъ въ отставку, а вслѣдъ за нимъ уволены Начовичъ и Грековъ.

3-го марта 1883 г. было сформировано, подъ предсѣдательствомъ генерала Соболева, новое министерство.

V.

Кризисъ 3 марта 1883 года имѣлъ самое рѣшительное вліяніе на положеніе Болгаріи. Власть перешла въ русскія руки.

Для болѣе подробной характеристикки этого кризиса приводимъ записку павшихъ министровъ, Начовича, Грекова и Стоилова, данную князю 22 марта 1883 г., и замѣтки на эту записку генерала Л. Н. Соболева, сдѣланныя въ Софіи 18-го апрѣля 1883 года.

[Перев. съ франц.]. «Ваше высочество, положеніе дѣлъ со времени послѣдняго кризиса ¹⁾, ищутъ бывшіе министры, и серьезная опасность

---

¹⁾ Министерскій кризисъ, кончившійся образованіемъ 3-го марта новаго министерства, начался съ половины февраля 1883 г., ибо народное собраніе, подъ вліяніемъ Начовича, Грекова и Стоилова, упразднило, вопреки желанія князя, драгунскій корпусъ. Князь былъ внѣ себя и поручилъ мнѣ дѣло. Вопросъ былъ внесенъ въ державный совѣтъ, который рѣшилъ его противъ воли князя. Оказывалось въ дѣйствительности, что не князь государь Болгаріи, а править сею послѣднею триумвиратъ. Лица, составившія триумвиратъ, покланялись князю въ вѣрности, получили отъ сего послѣдняго право назначить персоналъ правительства; державный совѣтъ, верховный кассационный судъ, окружныя (губернскія) управленія и проч. были составлены изъ клеветовъ Начовича, Грекова и Стоилова. Этими же тремя людьми князь ввѣрилъ выборъ депутатовъ народнаго собранія. Въ концѣ сессіи III обыкновеннаго народнаго собранія, въ половинѣ февраля, триумвиратъ, почувствовавъ подъ собою почву, сталъ открыто противъ князя въ драгунскомъ вопросѣ. На сторонѣ триумвирата открыто стоялъ Григорій, митрополитъ

угрожающая власти в. выс—ва, а слѣдовательно безопасности и будущности нашей родины, налагаетъ на насъ обязанность сдѣлать послѣднюю попытку къ тому, чтобы разъяснить в. выс—ву всю важность настоящаго положенія дѣлъ. Спокойствіе, господствующее, повидимому, въ настоящее время въ странѣ, не болѣе, какъ кажущееся; не смотря на это мнимое затишье, къ сѣверу и къ югу отъ Балканъ происходитъ чрезвычайное броженіе умовъ; всѣ жители Болгаріи, къ какой бы партіи

рушукскій. На его сторону перешелъ и Симеонъ, варненскій митрополитъ, председатель III общенароднаго собранія. Князь объявилъ мнѣ, что требуетъ отъ меня и барона Каульбарса помощи. Въ запискѣ, которую мнѣ князь прислалъ по поводу постановленія державнаго совѣта о драгунахъ, его высочество, между прочимъ, писалъ: „Michallovsky vient de me quitter, je suis très peu satisfait du doclad du conseil d'état, il contient même des bêtises et des mensonges“. Князь прислалъ мнѣ рескриптъ, конимъ объявилъ замѣчаніе министрамъ (23 февраля). Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ взбѣсился и заявили мнѣ ихъ отставку. Я уговорилъ ихъ остаться. 24-го февр. я и Каульбарсъ отправились въ засѣданіе державнаго совѣта, который, выслушавъ наши доводы, измѣнилъ свое рѣшеніе и сохранилъ драгунскій корпусъ, какъ кавалерію. Увѣдомленный о семъ, князь написалъ мнѣ: „Merci pour la solution si prompte de cette affaire“. 25-го февраля съ насиліемъ самымъ грубымъ былъ взятъ изъ-за обѣденнаго стола митрополитъ софійскій Мелетій и выпровожденъ подъ конвоемъ въ Рильскій монастырь. Рѣшеніе болгарскаго синода не было предварительно объявлено Мелетію. Высылкою распорядился Стоиловъ, вопреки моему приказанію. На слѣдующій день я и Каульбарсъ заявили князю, что не хотимъ быть въ министерствѣ, въ коемъ состоитъ Стоиловъ. 28-го февраля князь сказалъ, что онъ принялъ отставку Стоилова и что, вѣроятно, Начовичъ и Грековъ тоже уйдутъ. Считая увольненіе этихъ двухъ послѣднихъ пока преждевременнымъ, я просилъ ихъ остаться, но они ушли, и 3-го марта мною обновленъ составъ кабинета. Увольненіе Начовича, Грекова и Стоилова произвело большую радость въ странѣ; даже князь не ожидалъ: радость мѣстами перешла въ восторгъ. Посыпались поздравительныя телеграммы, посланы депутаціи, лично благодарившія князя за перемѣны. Представители народной партіи, именовавшіе себя либералами, отъ неожиданной для нихъ радости не знали что предпринять и рѣшились слѣпо вѣрить мнѣ и исполнять мои совѣты. Я совѣтовалъ имъ сохранять полное спокойствіе и выжидать развитія событій, „которые, замѣтилъ я, будутъ въ пользу установленія въ странѣ законнаго порядка, нарушеннаго 1-го іюля 1881 г.“. Я предвидѣлъ, что главари партіи „эксплоатаціи Болгаріи“, называвшіе себя консерваторами, начнутъ политическую интригу, и я ожидалъ, что они себя скомпрометируютъ.

Интриги бывшаго триумвирата, дѣйствительно, начались горячо, но не встрѣтили въ Болгаріи сочувствія. Тогда они перенесены были за границу. Интрига внесена была въ дипломатическій корпусъ и князь жаловался на меня. Я получалъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о ежедневныхъ ночныхъ совѣщаніяхъ князя съ Начовичемъ, Грековымъ, Стоиловымъ, Григоріемъ и Симеономъ.

Д. С.

они ни принадлежали, не спокойны на счетъ завтрашняго дня и всё, какъ намъ извѣстно изъ нашей переписки, ожидаютъ въ будущемъ еще большихъ бѣдствій. Причины, вслѣдствіе которыхъ генералы потребовали удаленія изъ кабинета тѣхъ болгаръ, которые пользовались довѣріемъ в. выс—ва и палаты, до того ничтожны, что остается предположить, что подъ этими мнимыми причинами руководители кризиса скрываютъ какую нибудь цѣль, которую имъ неудобно выяснить ¹⁾).

¹⁾ Князь и его любимцы злились на меня за мой проектъ желѣзныхъ дорогъ. Эта клика своею цѣлью ставила выдачу концессій. Я былъ противъ концессіи и не скрывалъ сего. Мой проектъ, одобренный княземъ на словахъ, на дѣлѣ вызвалъ съ его стороны интригу. Онъ жаловался въ Петербургъ, но его жалоба не была принята. Въ концѣ декабря 1882 г. дѣло я внесъ въ министерскій совѣтъ. Въ запискѣ, подписанной мною и Каульбарсомъ, выражена мысль объ экономической постройкѣ дорогъ, на наличныя средства княжества, безъ внѣшняго займа. Первою поставлена линія отъ Софіи до Систово, русско-болгарская линія, 275 километровъ длиною, по цѣнѣ за всю постройку 42.000,000 франковъ. Сумма эта имѣлась. Именно: 15.000,000 фр. было свободно въ резервномъ фондѣ. Въ бюджетные годы по бюджету было бы взято изъ доходовъ 21.000,000 фр.; засимъ русское правительство обѣщало дать рельсы и часть подвижнаго состава. Въ бюджетахъ княжества ежегодно оставалось отъ 5 до 6 милліоновъ, которые до 1882 г. шли значительную частью на прихоти (дворцы, займы князя, переворотъ 1881 г. и т. п.). Для линіи международной, въ коей заинтересована Австрія, требовалось 18.000,000 фр., которая дала бы Австрія за 5⁰/₆, т. е. это вышло бы 900,000 фр. ежегодной уплаты. Засимъ предложены были постепенныя постройки линій:

- 1) Телишъ—Ловча—Сельви—Гырново—Шумла;
- 2) Софія—Кюстендилъ;
- 3) Систово—Рущукъ.

Вся предложенная линія была длиною въ 869 километровъ. Она обошлась бы въ 138.000,000 фр. Сверхъ сего предложено для центральной софійской станціи 1.000,000 фр. и на пристани Рущука и Систово—1.000,000 фр. Итого всего 140.000,000 фр. Постройку сихъ послѣднихъ линій предложено было производить постепенно изъ суммъ бюджета, не прибѣгая къ займамъ, Оставался важный вопросъ о Варно-Рущукской желѣзной дорогѣ. Дорогу эту можно было купить за 30 или 35 милліоновъ фр. или, не покупая, уплачивать гарантіи въ годъ по 3¹/₂ милліонъ фр. По прочтеніи записки и разъясненіи подробностей и вопроса о Варно-Рущукской желѣзной дор. Начовичъ, Грековъ и Вулковичъ озлобились. Стоилова еще тогда не было въ министерствѣ. Повелась дѣятельная интрига. Хаджіеновъ, другъ князя, главный подрядчикъ и кметъ Софіи, пустилъ въ ходъ все, на что былъ способенъ. Дѣло проваливалось. Надо было его обставить такъ, чтобы въ принципѣ оно было принято. Дѣло обсуждалось особо въ кабинетѣ князя; меня туда не приглашали. Высчитывали тамъ будущіе барыши и оттуда исходила оппозиція: Мы съ Каульбарсомъ рѣшили уступить и согласились вмѣсто 42.000,000 фр. проставить

На основаніи этого факта люди, смотряще на дѣло болѣе спокойно, полагають, что генералы хотять ввести въ странѣ управление по образцу русскаго, съ должностными лицами, воспитанными въ русскихъ традиціяхъ, и намѣрены приступить къ постройкѣ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ, не испросивъ разрѣшенія палаты и употребивъ на это запасный фондъ, находящійся въ настоящее время въ общественной кассѣ; пессимисты же дошли до того, что стали утверждать будто генералы хотять обратить Болгарію въ русскую провинцію ¹⁾ или, по меньшей мѣрѣ, думаютъ удалить в. выс.—во съ болгарскаго престола.

Не имѣя положительныхъ доказательствъ того, что генералы стремятся къ осуществленію какой либо изъ вышеуказанныхъ нами цѣлей, достаточно того, что они стараются захватить въ свои руки всѣ отрасли управленія, что всѣ вооруженныя силы страны находятся въ ихъ рукахъ и что поведеніе ихъ во время послѣдняго кризиса не можетъ быть объяснено удовлетворительнымъ образомъ, и это даетъ намъ право оградить себя отъ всякой случайности, принявъ необходимыя мѣры, пока время еще не ушло.

По нашему убѣжденію въ этомъ случаѣ со стороны в. выс.—ва заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее обстоятельство ²⁾. Ваше

для линіи Софія—Систово 50.000,000 фр., имѣя въ виду, что истинная сумма выяснится послѣ окончательнаго составленія проекта.

Такимъ образомъ, по этому плану болгарское княжество могло выстроить съѣзъ желѣзныхъ дорогъ, не входя въ большіе долги и оставаясь хозяиномъ сѣти.

Д. Соболевъ.

¹⁾ Это неправда. Никто не думалъ, что Россія хочетъ изъ Болгаріи сдѣлать свою провинцію. Неоднократно я разъяснял, что Россія хочетъ полной самостоятельности Болгаріи, въ виду чего хлопочетъ о развитіи вооруженныхъ силъ княжества; Россія желала-бы, чтобы княжество само докончило объединеніе болгаръ, безъ прямой ея помощи, но съ ея на то предварительнаго согласія. Это и понимали всѣ, но Начовичу, Грекову и Стоилову нужна была неправда какъ аргументъ. 28-го февраля, когда князь принялъ отставку Стоилова, Грековъ имѣлъ горячій съ княземъ разговоръ. Онъ заявилъ ему, что они (триумвиратъ) будутъ противъ желѣзнодорожнаго вопроса, что они становятся открыто противъ Соболева и Каульбарса, что въ три недѣли подымутъ всю страну противъ насъ. На замѣчаніе князя, что это будетъ направлено противъ него, Грековъ съ дерзостью заявилъ, что его высочество рискуеть стать въ такое положеніе, что его пребываніе въ Болгаріи станетъ невозможнымъ. Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней Грековъ заявилъ князю, что въ концѣ концовъ онъ будетъ вынужденъ обратиться къ нему, Грекову, и его друзьямъ, но что онъ, Грековъ, согласится быть вновь министромъ лишь тогда, когда его, князя, не будетъ болѣе въ Болгаріи.

Д. Соболевъ.

²⁾ Въ этомъ отношеніи опасность была полная и неотвратимая. Она происходила не отъ меня и Каульбарса. Источникъ ея лежалъ гораздо глубже.

выс—во въ прокламаціи отъ 27 апрѣля 1881 г. обратились къ народу, требуя особыхъ полномочій на семь лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы организовать внутренній бытъ Болгарин, пришедшій въ упадокъ вслѣдствіе демагогическаго управленія народныхъ собраній, въ которыя члены избирались прямой подачей голосовъ, и для того, чтобы поднять кредитъ страны въ глазахъ всего цивилизованнаго міра ⁴⁾).

Молодой, почти юноша, князь, въ союзѣ съ неопытными въ политикѣ людьми, вздумалъ въ началѣ 1881 г. сдѣлать государственный переворотъ, отнять свободу у болгаръ, произвелъ сумятицу въ княжествѣ, взялъ чрезвычайныя полномочія, ничѣмъ въ точности не регулированныя. Триумфировать самъ хотѣлъ воспользоваться этими полномочіями, обративъ князя въ свое орудіе. Князь не сумѣлъ отвратить сей опасности, попросилъ помощи у русскихъ генераловъ, получилъ эту помощь и тотчасъ же началъ противъ нихъ, генераловъ, интриговать. Народная партія держала себя съ достоинствомъ и вѣрила, что русское правительство, узнавъ черезъ посредство посланныхъ въ Болгарію своихъ генераловъ обманъ, въ который было введено въ 1881 г., вновь возвратитъ Болгарин то, за что пролито было такъ много русской крови.

Л. Соболевъ.

⁴⁾ Непонятна фраза „relever le credit du pays aux yeux du monde civilisé“. Отнимать, какъ это было сдѣлано въ 1881 г., спокойную жизнь у болгаръ, основанную на дарованномъ законѣ,—это значитъ приобрѣтать и поднимать кредитъ въ Европѣ? Не для сего вовсе взяты чрезвычайныя полномочія! Они взяты, чтобы было легче эксплуатировать Болгарію, благо она богата. Князь болгарскій, очевидно, не оцѣнилъ и не понялъ тѣхъ обязательствъ, которыя налагались на него фактомъ выбора его въ князья государства, созданнаго жертвами русскаго народа. Онъ стѣснялся своимъ положеніемъ; онъ хотѣлъ создать себѣ какое либо самостоятельное право. Онъ стѣснялся тырновскою конституціею; она связывала ему руки. Положеніе его ему казалось унижительнымъ, а главное—невыгоднымъ. Переворотомъ 1881 г. онъ разрывалъ нравственную связь съ Россіею и сближался съ Австріею и Германіею, которыя видѣли въ немъ проводника германизаціи южныхъ славянъ. Онъ опирался на слабую партію болгаръ, но сумѣлъ ввести въ заблужденіе народъ, заявивъ, что за переворотъ стоитъ Россія. Слѣдуя совѣтамъ Австріи, онъ рѣшился пустить глубокіе корни въ княжествѣ и образовать партію болгаръ, преданную исключительно его династіи. Избравъ кучку энергическихъ и умныхъ болгаръ, воспитанниковъ запада и нерасположенныхъ къ Россіи, онъ далъ имъ мѣста, на которыхъ можно было приобрѣсти состояніе, давъ выгодные подряды. Вожаки этой новой партіи роздали второстепенные подряды и мѣста своимъ друзьямъ и родственникамъ. Образовалась группа людей, числомъ до 200 человекъ, рѣшившаяся слушаться указаніямаъ наиболѣе вліятельныхъ изъ клкии личностей. Группу составили бывшіе торговцы г. Вѣны (Начовичъ, Анневъ, Михайловъ и др.), румынскіе эмигранты (Грековъ, Хаджіеновъ и др.), бывшіе горячіе приверженцы Турціи Вулковичъ, Михайловскій, Цагевъ, митрополитъ Григорій и др.) и чарбоджин. Въ составѣ этой группы не было ни одного лица, приверженнаго Россіи. Группа эта окрестила себя названіемъ консервативной партіи, имѣя въ

Развѣ настоящее положеніе дѣлъ можетъ обезпечить прочную организацію страны?

Возможно ли сказать, что кредитъ Болгаріи въ глазахъ цивилизованнаго міра подымется отъ того, что неограниченная власть въ странѣ перешла въ руки иностранцевъ?! Мы ставимъ лишь вопросы, находя совершенно лишнимъ отвѣчать на нихъ.

Требованіе в. выс. —ва, предъявленное народу 27-го апрѣля 1881 г., можетъ быть оправдано лишь тѣми результатами, которые будутъ

виду, что за одну эту кличку ее будто поддержитъ русское правительство. Въ 1881 г. она, дѣйствительно, обманула наше правительство. За то общественное мнѣніе Россіи съ того времени стало рѣшительно на сторону народной партіи болгаръ. Какъ только господство стало на сторонѣ консерваторовъ, началось огульное гоненіе на лицъ противной партіи. Аресты и ссылки легли въ основаніе правительственной системы. Началось расхищеніе казеннаго имущества... Составленъ былъ планъ вторичнаго гешефта—выдачи желѣзно-дорожной концессіи. Князь и его новое правительство тѣсно сблизились съ представителями Австріи и Германіи, заискивали въ Турціи и обращались къ Россіи за поддержкою лишь въ трудныя минуты. По расчету консерваторовъ, Россія дала очень много Болгаріи и большаго не дастъ, и они явно склонились на сторону Австріи, которой былъ расчетъ поддерживать эксплуататорскіе инстинкты князя и его друзей. Искусственно созданное правительственное большинство не было въ состояніи исполнить того, чего домогалось. Оно оказалось слабо и хотя было не безъ таланта, но было трусливо. Трусливость эта и была замѣчена вожаками народной партіи, которые и вознамѣрились симъ воспользоваться. Они громко заявили, что не признаютъ законности чрезвычайныхъ полномочій и начали систематическую агитацію въ народѣ. Раннею весною 1882 г. положеніе сдѣлалось критическимъ; князь и его приверженцы потеряли голову. И вотъ въ общемъ собраніи консервативной партіи было постановлено просить русское правительство дать Болгаріи министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго. Князь покатилъ въ Петербургъ и въ началѣ мая 1882 г. получилъ меня и Каульбарса. Новое министерство, президентомъ коего былъ сдѣланъ я, начало свою дѣятельность въ Софіи въ концѣ іюня. Вожаки консерваторовъ полагали, что я и Каульбарсъ будемъ принуждены держаться дѣлей ихъ партіи, ибо держаться направленія противной имъ народной партіи, по ихъ мнѣнію, было для насъ опасно. Ознакомившись съ дѣлами княжества и убѣдившись, что въ Болгаріи существуетъ двѣ партіи: эксплуататоровъ и народная, мы рѣшили вывести на свѣжую воду обѣ партіи. Мы довели первую партію до того, что вожаки ея забылись; народная же партія довѣрилась намъ. Вотъ почему въ прошломъ мартѣ (1883 г.) власть дѣйствительно перешла въ руки „русскихъ генераловъ“. Само собою разумѣется, у насъ и въ мысляхъ не было обращать княжество въ русскую провинцію. Мы намѣревались передать власть въ руки народной партіи, понимавшей необходимость идти вмѣстѣ съ Россіей, а не оставлять ее въ рукахъ партіи, желавшей обратитъ Болгарію, подобно Сербіи, въ провинцію Австріи.

Л. Соболевъ.

прямымъ послѣдствіемъ полномочій, данныхъ в. выс—ву. Съ другой стороны, несомнѣнно, что общественное мнѣніе будетъ противъ этихъ полномочій, если факты покажутъ, что, именно, благодаря имъ, управление страной перешло въ руки двухъ иностранныхъ генераловъ, которые ведутъ дѣла въ духѣ совершенно противномъ интересамъ Болгаріи.

Кромѣ того слѣдуетъ взять во вниманіе какое неудовольствіе ¹⁾ будетъ вызвано оскорбленнымъ національнымъ самолюбіемъ. Всякій болгаринъ, въ которомъ развито чувство національной чести и стремленія къ независимости, будетъ оскорбленъ тѣмъ, что управление страной ввѣрено иностранцамъ. Это чувство присуще даже націямъ менѣе цивилизованнымъ и всякій народъ предпочитаетъ дурное управленіе своихъ хорошему управленію иноземцевъ, навязанному ему силою.

Подобное положеніе дѣлъ угрожаетъ также весьма серьезнымъ

¹⁾ Я согласенъ съ тою мыслью, что управленіе страной своими пріятіемъ управленія ею иностранцами. Но въ данномъ случаѣ для Болгаріи вопросъ долженъ быть поставленъ нѣсколько яснѣе. Учредительное народное собраніе постановило, что назначеніе на службу русскихъ, участвовавшихъ въ освобожденіи болгаръ, должно быть приравнено къ назначенію болгаръ. По тырновской конституціи назначеніе иностранцевъ (и русскихъ, не участвовавшихъ въ освобожденіи) должно быть обусловлено для каждаго отдѣльнаго случая разрѣшеніемъ народнаго собранія. Я и Каульбарсъ были участниками войны 1877—1878 гг.; мнѣ даже довелось съ княземъ Черкасскимъ положить первыя основы для самостоятельной администраціи Болгаріи. Все же это правда, что болгарамъ не выгодно было отдавать все управленіе въ руки двухъ русскихъ генераловъ. Но тутъ не мѣшаетъ замѣтить и другую правду Народъ положительно радъ присутствію въ княжеской администраціи русскихъ начальниковъ, ограждающихъ ихъ отъ вымогательства болгарскихъ чиновниковъ, бывшихъ торговцевъ и эмигрантовъ. Турецкое населеніе (500,000 душъ на 2,000,000) умоляетъ о русскомъ управленіи—ихъ и то болгары раззоряютъ. Аргументъ записки въ общемъ вѣренъ, но кто же былъ виноватъ, что такъ все случилось? Виноваты кругомъ составители записки и ихъ единомышленники. Да при томъ составители записки менѣе всѣхъ другихъ имѣли право жаловаться на положеніе этого дѣла, ибо хотя они и болгары родомъ, кромѣ Грекова, но патриотизмъ ихъ сомнительный. Начовичъ, торговецъ Вѣны, долго проживавшій въ Австріи, явился въ Болгарію съ русскими войсками въ 1877 г. Онъ женатъ на католичкѣ и свою дочь воспитываетъ въ католической школѣ г. Софіи. Грековъ до войны никогда въ Болгаріи не былъ и проживалъ въ Румыніи; происхожденія онъ еврейскаго, что ясно видно по его лицу; болгары оспаривали въ народномъ собраніи его права и не хотѣли принимать въ болгарское подданство. Стояловъ до войны не былъ въ Болгаріи; воспитывался въ Константинополѣ, въ протестантской школѣ Robert Colledge, по наклонностямъ протестантъ и горячо поддерживаетъ протестантскія церкви и школы.

Л. Соболевъ.

образомъ дальнѣйшему существованію полномочій и можно опасаться, что въ общественномъ мнѣніи произойдетъ поворотъ ¹⁾, вслѣдствіе котораго народъ настойчиво станетъ требовать возврата къ прежнему образу правленія ранѣе срока, назначеннаго большимъ собраніемъ, происходившимъ въ Систовѣ.

Эти опасенія можно считать тѣмъ болѣе основательными, что въ странѣ существуетъ партія ²⁾, которая не признаетъ формальнымъ образомъ полномочій, конми облечено в. выс—во, и всегда была защитницею того единственнаго образа правленія, которое можетъ скорѣе и вѣрнѣе всего привести Болгарію къ цѣли ея политическаго существованія, т. е. къ конституціонно либеральному образу правленія.

Не воспользуется ли эта партія ³⁾ настоящимъ положеніемъ дѣлъ чтобы провести свою программу и завоевать общественное мнѣніе въ пользу того принципа, который она защищаетъ? Благодаря настоящему положенію дѣлъ и тому обстоятельству, что генералы должны опираться на либеральную партію, почва какъ нельзя болѣе подготавливается для торжества этой партіи.

Если же общественное мнѣніе будетъ на сторонѣ либерально конституціонной партіи, то очевидно, что она возвратится ⁴⁾ совершенно естественно къ прежней конституціи и страна очутится снова въ томъ же положеніи, въ какомъ она была до 1 іюля (1881 г.).

Допустивъ даже, что вожаки либеральной партіи нашли бы выгоднымъ допустить пересмотръ конституціи, не подлежитъ сомнѣнію, что вслѣд—

¹⁾ Это опасеніе вѣрное.

²⁾ Существуетъ партія и притомъ сильная,—это интеллигенція, добивающаяся восстановленія конституціи. Но партія эта ничего бы не добилась, если бы противная ей партія, консервативная, стояла бы честно у руля управленія. Свобода не была совершенно подавлена переворотомъ 1-го іюля 1881 года. Манифестъ, изданный княземъ въ то-же 1-е іюля, возвращалъ какъ бы народу всѣ главныя его права. Но этотъ манифестъ былъ мертвою буквою и болгары видѣли, что все дѣло клонится къ эксплуатаціи. Тутъ большое недоразумѣніе. Князь болѣе, чѣмъ равнодушенъ къ болгарамъ—это извѣстно. Взявши полномочія, онъ хлопоталъ о своей власти. Консерваторы рѣшились поддерживать полномочія изъ личныхъ своекорыстныхъ выгодъ. Представители народной партіи хотѣли восстановленія законнаго порядка, ибо въ этомъ порядкѣ видѣли возможность охранить самобытность болгаръ. Они-то и суть настоящіе консерваторы. Князь клонилъ въ сторону Австріи—консерваторы его поддерживали. Противная же имъ партія хотѣла, чтобы Болгарія была для болгаръ.

³⁾ Непремѣнно воспользуется и ей помогутъ сами консерваторы, да, пожалуй, и самъ князь.

⁴⁾ Безъ всякаго сомнѣнія.

Л. Соболевъ (1883 г.).

ствіе этого пересмотра права ¹⁾ в. выс—ва будутъ еще болѣе ограничены и власть в. выс—ва уменьшится, ибо несомнѣнно, что общественное мнѣніе, подъ влияніемъ событій послѣдняго времени, будетъ склонно принять всякое предложеніе, клонящееся къ ограниченію правъ монарха.

Въ такомъ случаѣ положеніе в. выс—ва сдѣлается положительно невыносимымъ, такъ какъ вамъ придется ограничиться скромною ²⁾ ролью монарха, который царствуетъ, но не управляетъ.

На это возражаютъ ³⁾, что теперешнее положеніе дѣлъ продлится всего мѣсяца три или четыре и что по прошествіи этого срока полномочія в. выс—ва будутъ восстановлены тѣми лицами, которыя до сихъ поръ поддерживали подобный образъ правленія; но подобное возраженіе нельзя считать серьезнымъ ⁴⁾, ибо въ политикѣ то, что не сдѣлано въ данную минуту, зачастую не можетъ быть выполнено не только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но даже черезъ нѣсколько дней ⁵⁾; именно таково наше положеніе при теперешнихъ обстоятельствахъ. Наши противники не станутъ терять времени, въ особенности въ отсутствіи в. выс.—ва; они употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобы нанести пораженіе той партіи, которая поддерживала программу в. выс—ва. Впрочемъ, не предугадывая заранѣе того, что генералы могутъ сдѣлать современемъ, мы имѣемъ уже теперь достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ, что они дѣятельно стараются создать ⁶⁾ всевоз-

¹⁾ Это опасеніе серьезное, но думается, что представители народной партіи будутъ благоразумны. Оставляя князя княземъ, они, однако, должны ограничить права администраціи по расходованію суммъ и избавить молодое княжество отъ финансоваго кризиса. Князь не долженъ вмѣшиваться въ финансовыя дѣла; онъ долженъ довольствоваться своимъ содержаніемъ. Князь самъ говорилъ мнѣ, что короли должны обезпечивать себя, что Карлъ румынскій и Миланъ сербскій обезпечили свою будущность. Отецъ князя, принцъ Александръ Гессенскій, имѣлъ неосторожность жаловаться болгарамъ, что сынъ его бѣденъ, тогда какъ другіе принцы имѣютъ помѣстья, дворцы, капиталы.

²⁾ Это было бы очень хорошо, ибо князь, какъ германецъ, не расположенъ къ славянамъ; онъ врядъ ли можетъ сдѣлать что-либо хорошее для Болгаріи.

³⁾ Эта фраза указываетъ на то, что записка эта есть результатъ разговора составителей ея съ княземъ. Значитъ князь общалъ все измѣнить черезъ 4 мѣсяца, т. е. по возвращеніи изъ Москвы.

⁴⁾ Конечно, не серьезно, ибо я уже предупредилъ Петербургъ о сути дѣла.

⁵⁾ Это неосновательно вообще. Но въ данномъ случаѣ вѣрно и доказываетъ ничтожество Начовича, Грекова и Стоилова.

⁶⁾ Это невѣрно. Я и Каульбарсъ желали правильнаго развитія княжества и удаленія изъ администраціи лицъ непригодныхъ—вотъ и все.

возможны препятствія на тотъ случай, если бы в. выс—во рѣшились вновь призвать къ управленію тѣхъ людей, которые устранены генералами и пожелали бы возвратиться къ той программѣ, которая не одобрена ими.

Вотъ доказательства:

Два члена кассационнаго департамента (лица, состоящія на службѣ съ самаго начала войны) получили отставку ¹⁾.

При министерствѣ юстиціи учреждена коммиссія для пересмотра законовъ, обнародованныхъ до послѣдняго времени. Многія должностныя лица уволены отъ занимаемыхъ ими должностей, примѣромъ можетъ служить увольненіе подпрефекта г. Габрова ²⁾. Составленъ новый списокъ лицъ, которыхъ предполагается уволить въ отставку какъ по гражданскому, такъ и по военному вѣдомству, и онъ будетъ въ непродолжительномъ времени представленъ на утвержденіе в. выс—ва. Составъ муниципальных и окружныхъ совѣтовъ имѣетъ большое значеніе для успѣшнаго проведенія программы полномочій; эти-то совѣты, по новому избирательному закону, должны играть первую роль при выборахъ въ учредительное собраніе. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что сдѣланы распоряженія ³⁾ и приняты мѣры къ тому, чтобы выборы были сдѣланы въ пользу либеральной партіи.

Какую же надежду можемъ мы ⁴⁾ питать на успѣхъ выборовъ, которые будутъ произведены въ отсутствіи в. выс—ва, когда наши противники пустятъ въ ходъ всѣ средства, которыми они могутъ располагать пользуясь безконтрольною властью, не говоря уже о системѣ запугиванія ⁵⁾, которая при безцеремонности, съ какою дѣйствовало

¹⁾ Это удаленіе было сдѣлано на точномъ основаніи законовъ.

²⁾ Изъ всей администраціи, принадлежавшей къ клѣтѣ Начовича, Грекова и Стоилова, смѣненъ всего одинъ. Лучше бы объ этомъ гг. эксплуататоры умолчали. Болгары удивлялись моей умѣренности. По ихъ понятіямъ, внутреннимъ имъ самимъ княземъ, съ переменной системы должны всѣ чиновники, не сочувствующіе новому направленію, быть удалены. Мнѣ же хотѣлось отстранить служащихъ отъ политическихъ происковъ, что отчасти и удалось, и я заставилъ клеветовъ павшихъ министровъ исполнять законы и не вмѣшиваться въ политическія дѣла.

³⁾ Это явная выдумка. Я далъ слово, что не буду вмѣшиваться въ выборы и запретилъ губернаторамъ и околийскимъ начальникамъ нарушать существующій выборный законъ.

⁴⁾ Точно Болгарія отдана въ вотчинное право гг. Начовичу, Грекову и Стоилову. Л. Соболевъ (1883 г.).

⁵⁾ Удалить гг. Вуловича и Стоилова изъ министерства, когда они оказались негодными, не означаетъ, что мое управленіе было управленіемъ террора. Стоиловъ смѣщенъ за безпримѣрное насилие надъ митрополитомъ, со-

до сихъ поръ министерство внутреннихъ дѣлъ, превзойдетъ, вѣроятно, все то, что странѣ приходилось переживать въ подобныхъ случаяхъ. В. выс—ву слѣдуетъ еще взять во вниманіе то обстоятельство, что муниципальные совѣты будутъ избраны на три года, а департаментскіе на шесть лѣтъ, и что по окончаніи выборовъ, должностныя лица, избранныя въ эти совѣты, будутъ пользоваться своими полномочіями до истеченія семилѣтняго срока ¹⁾. О томъ, чтобы распустить эти совѣты, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ выборы будутъ произведены на основаніи закона, обнародованнаго въ силу полномочій, данныхъ в. выс—ву; поэтому распустить эти совѣты значило бы разрушить дѣло своихъ рукъ.

Такимъ образомъ ²⁾ генералы расчитываютъ незамѣтно натолкнуть

вершенное имъ по рѣшенію консервативной партіи. Эта клика хотѣла пренебречь мною и показать противной партіи, что она приобрѣла достаточную силу для приведенія въ исполненіе всѣхъ ея желаній. Князь письменно разрѣшилъ Стоилову насиліе; но когда фактъ произошегъ, онъ показалъ видъ, что возмущенъ имъ: онъ просто испугался и хотѣлъ вывернуться. Стоиловымъ пришлось пожертвовать.

¹⁾ Система, придуманная кликой для овладѣнія Болгаріею, была гениальна. Была обдумана всякая мелочь и составленъ родъ заговора. Законъ о выборахъ былъ составленъ ловко. Примѣненіе закона было глубоко обдумано. Законъ былъ въ рукахъ лицъ, составлявшихъ консервативную клику. Выборный законъ былъ составленъ при содѣйствіи Себастьяни, француза, участвовавшаго въ знаменитомъ наполеоновскомъ переворотѣ 2-го декабря. Сей французъ судился внослѣдствіи за мошенничество. Законъ составленъ былъ окончательнѣе въ концѣ іюля 1882 г. Я прибылъ въ Варну, откуда собирался ѣхать на нѣсколько дней, чтобы привезти семейство. Въ Варнѣ, гдѣ былъ князь, меня умоляли подписать законъ. Требовалась подпись русскаго генерала. Я его подписалъ, ибо онъ еще самъ по себѣ, при честномъ его примѣненіи, не могъ нанести большаго ущерба народу. Въ законѣ были и хорошія стороны. Но я заявилъ, что буду требовать соблюденія закона. Однако, при выборахъ осенью 1882 года въ депутаты III-го обыкновеннаго народнаго собранія, я былъ не въ силахъ исполнить своего обѣщанія—и въ этомъ я вижу самый крупный промахъ, сдѣланный мною въ Болгаріи. За то, ознакомясь хорошо съ главными партіями княжества и лицами, я твердо заявилъ, что въ выборы городскихъ и окружныхъ совѣтовъ не допущу незаконнаго вмѣшательства: пусть страна свободно выскажетъ кому она довѣряетъ. Если побѣдитъ княжеская партія, то я сложу свое оружіе.

Л. Соболевъ (1883 г.).

²⁾ Замѣчательная вещь. Консерваторы боялись, что въ совѣты эти, хотя они будутъ выбраны на основаніи ими же составленнаго закона, попадутъ лица противной имъ партіи. Эта же послѣдняя партія отвергала законъ. Я же былъ убѣжденъ, что какой бы хитрый законъ ни былъ придуманъ княземъ и его партіею, если только въ выборы не будетъ вмѣшано насиліе, выбраны будутъ тѣ, за коихъ будетъ стоять дѣйствительное большинство. Вотъ

в. выс—во на такой путь, котораго вамъ слѣдуетъ избѣгать во что бы то ни стало и съ котораго вамъ будетъ уже невозможно свернуть, если вы на него вступите.

Консервативная партія¹⁾ была всегда готова поддержать в. выс—во, въ особенности въ тѣ минуты, когда власти вашей угрожала опасность со стороны нашихъ противниковъ; всѣ наши усилія клонились постоянно къ тому, чтобы упрочить власть в. выс—ва, но по какому-то необъяснимому роковому стеченію обстоятельствъ, всякій разъ²⁾, когда власть бывала въ рукахъ этой партіи и когда она принималась за столь трудное дѣло—внутренней организаціи страны, власть эта въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ ускользала изъ ея рукъ, и лица, замѣнявшія представителей этой партіи, задавались цѣлью разрушить все то, что успѣвали создать ихъ предшественники.

Эти кризисы, происходившіе приблизительно при одинаковыхъ обстоятельствахъ и имѣвшіе одинакія фазы развитія, становились съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе серьезными и поставили, наконецъ, консервативную партію въ такое положеніе, при которомъ она могла весьма легко распасться. Дѣйствительно, большинство людей, дѣйствовавшихъ съ нами за одно, могутъ покинуть насъ³⁾, по-

почему я не былъ безусловно противъ самаго закона и всѣмъ совѣтовалъ идти на выборы. Вотъ почему консерваторамъ мало тѣхъ гарантій, которыя находились въ законахъ—имъ нужно было сверхъ сего насиліе. Такъ ничтожна эта партія и такъ ошибочно князь выбралъ себя друзей.

¹⁾ Партія эта оказалась неспособною возбудить къ себѣ довѣріе общества, ибо преслѣдовала свои личныя, денежныя счеты. Да при томъ она домогалась безусловнаго господства и шла даже противъ самаго князя, какъ это было въ драгунскомъ и другихъ вопросахъ, когда князь съ нею не соглашался.

²⁾ Значить, обвиненія, возведенныя на меня, условны, и подлежатъ оспариванію даже съ точки зрѣнія самихъ консерваторовъ. Кто же виноватъ въ постоянныхъ колебаніяхъ политики? По моему виноватъ самъ князь.

³⁾ Дѣйствительно, многіе изъ приверженцевъ личной партіи князя переходили въ партію народную, ибо для большинства было очевидно, что государственный переворотъ 1881 г. былъ сдѣланъ не для блага Болгаріи. Со времени переворота Восточная Румелія разомъ отшатнулась отъ князя. Переворотомъ были крайне довольны Австрія и Турція. О Германіи и говорить нечего. Необдуманнѣйшимъ переворотомъ нанесенъ былъ болгарамъ еще болѣе вредъ: Россія отвернулась отъ болгарскаго правительства и о князѣ русскіе, за исключеніемъ незнавшихъ сути дѣла, отзывались крайне рѣзко. За то князь встрѣтилъ сильное сочувствіе въ средней Европѣ. Устроенное консерваторами въ октябрѣ прошлаго (1882) года свиданіе князя съ Миланомъ въ Руцукѣ было грубою ошибкою, ибо всѣ поняли, что Миланъ пріѣзжалъ посланцемъ отъ Австріи.

Д. Соболевъ (1883 г.).

терявъ вѣру въ своихъ вожаковъ, которые вели ихъ постоянно отъ неудачи къ неудачѣ; тогда нашимъ противникамъ будетъ легко привлечь на свою сторону почти всѣхъ нашихъ приверженцевъ, указавъ имъ на плохой успѣхъ той политики, которой мы придерживались.

Положеніе консервативной партіи затруднительно еще въ другомъ отношеніи; осуществленіе программы в. выс—ва при помощи данныхъ вамъ полномочій послужило бы не только къ оправданію ¹⁾, но и къ славѣ консервативной партіи; если же система полномочій потерпитъ фiasco, благодаря тому образу дѣйствій русскихъ генераловъ, то чѣмъ же будемъ мы въ состояніи оправдать нашу собственную политику?

Мы не говоримъ о томъ, какимъ образомъ мы оправдаемся передъ нашей совѣстью ²⁾; она не можетъ ни въ чемъ упрекнуть насъ, ибо мы искренно убѣждены въ томъ, что Болгарія не могла избѣгнуть бѣдствій, если бы управленіе ея было основано на конституціи, данной въ Тырновѣ; но когда приходится оправдывать свой образъ дѣйствій передъ общественнымъ мнѣніемъ, то въ этомъ случаѣ могутъ служить оправданіемъ лишь результаты, которые явятся слѣдствіемъ нашей политики.

Слѣдующее обстоятельство заслуживаетъ также особеннаго вниманія в. выс—ва:

Болѣе продолжительное пребываніе генераловъ въ Болгаріи угрожаетъ ³⁾ существованію дружественныхъ отношеній между Россіей и Болгаріей.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно предполагать, что признательность болгаръ къ Россіи настолько велика, что они готовы перенести все ⁴⁾, лишь

¹⁾ Эти разсужденія были уже неумѣстны, ибо для составителей записки должно было быть ясно, что дѣло ихъ потеряно было безвозвратно. Все шло къ тому, чтобы скорѣе залечить рану 1-го іюля 1881 г. Никакого оправданія отъ нихъ не требовалось, требовалось лишь сознаніе въ необдуманной политикѣ.

²⁾ То-то и дѣло, что совѣсть была не чиста у господъ составителей записки. Хотѣли они распорядиться безцеремонно и потерпѣли неудачу. Никакихъ результатовъ никто отъ нихъ не требовалъ.

³⁾ Это очень серьезныя соображенія. Опасность была очевидна, но не для болгаръ или Болгаріи, а для господъ консерваторовъ и даже для князя лично. Мы къ тому времени уже успѣли выяснитъ русскому правительству чтѣ такое консерваторы болгарскіе. Л. Соболевъ (1883 г.).

⁴⁾ Это взглядъ князя и консерваторовъ. Россія, кажется, всегда показывала свое безкорыстіе относительно христіанъ Турціи. Безграничное это безкорыстіе было всегда выгодно жителямъ Балканскаго полуострова. Россія приобрѣла значеніе великой державы освободительницы. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что завязывались лишь однѣ нравственныя связи. Эти

бы ихъ не заподозрили въ отсутствіи этого чувства, которое само по себѣ весьма похвально, но за то и крайне стѣснительно, такъ какъ оно прямо противоположно эгоизму—врожденному какъ отдѣльнымъ людямъ, такъ и цѣлымъ націямъ.

Мы вполне сознаемъ, что разладъ между нами и Россіей былъ бы бѣдствіемъ, прежде всего, для насъ самихъ, ибо помимо узъ родства

связи, при господствѣ неблагодарности въ политикѣ, порывался легко. Надлежало сдѣлать нѣсколько матеріальныхъ узелковъ. Такъ, мы должны были бы у Греціи (т. е. у Турціи) взять маленькій островокъ въ Архипелагѣ, у Румыніи (опять таки у Турціи) — устья Дуная, у Болгаріи (опять таки у Турціи)—Бургасъ. Этимъ мы не обидѣли бы ни Грецію, ни Румынію, ни Болгарію. Но мы бы имѣли на Балканскомъ полуостровѣ матеріальные узелки, прочно затянутые. Какъ извѣстно, Болгарія и Восточная Румелия должны Россіи 50.000,000 фр. за оккупацию 1878—1879 гг. Долга этого онѣ не платили. Князь увѣрялъ, что покойный императоръ Александръ II подарилъ эти деньги ему, князю, и поручилъ взыскать ихъ съ болгаръ. Его высочество, какъ онъ мнѣ это говорилъ, крайне жаждетъ, что императоръ не успѣлъ оставить ему письменнаго документа на право получить часть, приходящуюся на долю Болгарскаго княжества. Русское министерство не знало таковой воли своего монарха и ожидаю, когда Болгарія вспомнитъ о долгѣ. Чтобы напомнить о долгѣ, русское правительство заявило болгарскому, что прощаетъ проценты по долгу. Князь и его министры смолчали. Убѣдившись, что княжество богато, что милліоны тратятся по пустому, я рѣшился поднять сей вопросъ. Гг. Начовичъ, Грековъ, Стоиловъ и К° сдѣлали кислая мины, когда узнали чего я хочу. Такъ какъ дѣло это я началъ на свой страхъ, болгарамъ я объявилъ, что Россія, по всей вѣроятности, взявши деньги, употребить ихъ немедленно на Болгарію же, и, между прочимъ, беретса уплачивать русскимъ офицерамъ добавочное жалованье (разницу противъ болгарскихъ офицеровъ). Такъ какъ это добавочное содержаніе служило источникомъ зависти со стороны офицеровъ-болгаръ, а гг. консерваторамъ, домогавшимся вмѣстѣ съ княземъ о возбужденіи ненависти болгаръ къ русскимъ, не хотѣлось ослабить эту зависть, то гг. Начовичъ, Грековъ и особенно Стоиловъ отвергли сію комбинацію. Но я заявилъ имъ, что добьюсь своего требованія и выразилъ убѣжденіе, что народное собраніе утвердитъ конвенцію объ уплатѣ долга. Грековъ особенно озлился, когда я ему смѣясь сказалъ, что въ число 25.000,000 фр., должныхъ княжествомъ Россіи, могутъ пойти немедленно 18.000,000 фр., находящихся въ резервномъ фондѣ. Этотъ фондъ состоялъ изъ 14.000,000 фр., оставленныхъ русскими войсками при окончаніи оккупации, и 4.000,000 фр. остаются отъ бюджетовъ княжества. Фондъ этотъ долженъ бы былъ нынѣ возрасти до 28.000,000 фр., но его ограбили гг. консерваторы... Если будетъ заключена конвенція согласно моему предложенію, то Россія будетъ, въ теченіи 12½ лѣтъ, получать отъ Болгаріи по 2.000,000 фр. въ годъ. Это будетъ сила въ рукахъ русскаго правительства. Это будетъ матеріальный узелокъ, который на 12½ лѣтъ соединитъ до извѣстной степени взаимные интересы Россіи и Болгаріи. А потомъ будетъ очередь за Восточною Румелиєю. Когда Румелия сольется съ Бол-

и религіи, связывающихъ насъ съ Россіей, вслѣдствіе которыхъ мы въ правѣ ожидать съ ея стороны весьма дѣятельной поддержки, восточная политика великой державы какъ нельзя болѣе согласуется съ нашими интересами.

Впрочемъ, надобно сознаться, что и для е. и. вел., покровителя Болгаріи, было бы весьма чувствительной потерей ¹⁾, если бы наша

гаріею, русское правительство предъявить новое требованіе на 25.000,000 фр., такъ что въ сущности это правительство будетъ располагать, въ теченіи 24 лѣтъ, ежегодно по 2.000,000 фр. Это будетъ матеріальная сила въ его рукахъ. Силою этою можно воспользоваться съ цѣлю укрѣпить связь Болгаріи съ Россіей. Можно будетъ учредить въ Софіи хорошія высшія школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, и подготовить цѣлое поколѣніе въ русскомъ или, вѣрнѣе, въ общеславянскомъ духѣ. Можно развить русское и болгарское пароходство по Дунаю и ослабить германизацию на берегахъ сей рѣки. Можно, наконецъ, на эти потребности затратить всего 15.000,000 фр., а остальные 35.000,000 фр. употребить на сооруженіе флота на Черномъ морѣ, словомъ—на созданіе могущества близъ Босфора. Добавочное жалованье русскимъ офицерамъ придется платить не долго, ибо черезъ 5 лѣтъ ихъ не будетъ уже въ Болгаріи.

Д. Соболевъ.

¹⁾ Это глубокое заблужденіе со стороны гг. консерваторовъ. Россія не потребуетъ для себя помощи со стороны Болгаріи и если болгары отшатнутся отъ Россіи, то сія послѣдняя пожалѣетъ самихъ болгаръ. Сербія отшатнулась отъ Россіи, русскіе глубоко жалѣютъ сербскій народъ, которымъ управляетъ недалновидный, трусливый Миланъ и его личная партія. Миланъ получилъ, благодаря Австріи, 8.000,000 фр., за концессию желѣзныхъ дорогъ; но своимъ поведеніемъ онъ пошатнулъ свой тронъ; въ Сербіи готовится революція и можно ожидать скорѣй возстанія. Если первое возстаніе будетъ подавлено, то будетъ второе. Если Австрія поможетъ Милану, то или Миланъ лишится престола, или Сербское королевство будетъ включено въ австрійскую федерацію. Только тогда сербская интеллигенція пойметъ, какъ опасно было отклоняться отъ Россіи. Сербы мнѣ говорили, что Россія сама толкнула ихъ къ Австріи, что графъ Шуваловъ на берлинскомъ конгрессѣ будто послалъ Ристича къ графу Андраши. Этого я не оспариваю. Это выражало, быть можетъ, нѣкоторое презрѣніе русскаго государственнаго чловека къ Сербіи; но развѣ на этомъ можно основывать политику. Развѣ болгарскіе дѣятели могутъ вести дѣло къ охлажденію болгаръ къ Россіи только потому, что имъ кажется, что генералы Соболевъ и Каульбарсъ отнеслись презрительно къ вожакамъ консервативной партіи. Не могу не сознаться, что гг. Начовичъ, Грековъ, Стоиловъ, Вулковичъ, Хаджіеновъ и митрополитъ Григорій возбудили во мнѣ презрѣніе къ нимъ. Готовъ даже сознаться, что я выказалъ имъ это презрѣніе, хотя держалъ себя съ ними очень сдержанно. Но развѣ можно на этомъ строить политику? Развѣ эти господа не видѣли, что бѣольшая часть страны была на моей сторонѣ и ко мнѣ ходили сотни болгаръ за совѣтомъ; никогда никому я не отказывалъ въ приемѣ и у меня въ рукахъ находятся документы съ тысячами подписей, вполне одобряющихъ мой образъ дѣйствій.

Фактъ охлажденія между Россіей и Болгаріею существовалъ, но при-

страна стала относиться недоброжелательно къ дѣйствіямъ Россіи и если бы между этими двумя народами было посѣяно сѣмя раздора и несогласія вслѣдствіе явнаго пренебреженія къ болгарамъ со стороны представителей Россіи и такихъ поступковъ съ ихъ стороны, которые могутъ внушить сильныя опасенія касательно будущности нашей страны.

Мы не отрицаемъ того, что всякій мыслящій болгаринъ сознаетъ, что нашъ національный идеалъ не можетъ быть достигнутъ безъ помощи и энергичнаго содѣйствія Россіи, но развѣ не можетъ случиться такъ, что болгары, видя опасность, угрожающую намъ въ настоящее время, будутъ стараться отдѣлаться отъ слишкомъ большаго вліянія Россіи для того, чтобы избѣгнуть опасности, грозящей странѣ въ настоящую минуту? ¹⁾.

Намъ могутъ возразить на это, что опасность эта воображаемая и что слѣдовательно въ этихъ опасеніяхъ нѣтъ ничего серьезнаго. Положимъ это такъ, но нельзя отрицать, что вопросъ этотъ составляетъ теперь предметъ толковъ повсюду, въ Софіи и въ провинціи, и что многіе не находятъ ниаго объясненія поведенію обоихъ генераловъ. Судя по всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ ими, можно предполагать, что они желаютъ удержать власть въ своихъ рукахъ весьма продолжительное время; какимъ же образомъ рассчитываютъ они достигнуть этого, зная навѣрное, что палата будетъ противъ нихъ ²⁾.

чиною сего охлажденія были не русскіе генералы, а сами составители сей записки, позволившіе себѣ въ 1881 г. поступить такъ безцеремонно съ болгарами, изъ-за которыхъ русскіе положили массу своего народа. Я положилъ себѣ твердою задачею возстановить довѣріе Россіи къ болгарамъ и вывести на свѣжую воду мнимыхъ консерваторовъ.

¹⁾ Опасность, и самая серьезная, дѣйствительно существовала, но отнюдь не для болгаръ или Болгарскаго княжества, а для князя и его клики. Отвратить эту опасность было уже поздно и, конечно, гг. составители сей записки не были въ силахъ этого сдѣлать. Опасность могла бы миновать лишь тогда, если бы князь отрелся отъ своихъ друзей и оперся бы на народъ.

²⁾ Это правда. III обыкновенное народное собраніе было и останется настроеннымъ противъ меня, ибо большинство депутатовъ были сторонники павшихъ 3-го марта 1883 г. министровъ. Но я сумѣлъ же удержать народное собраніе въ теченіи двухъ мѣсяцевъ сессіи отъ неловкаго шага. При томъ я убѣжденъ, что предстоящіе дополнительные выборы ослабятъ враждебное мнѣ большинство, и такъ какъ 14 человекъ въ собраніи были уже на моей сторонѣ, то весьма вѣроятно, что изъ полнаго числа депутатовъ (56) послѣ дополнительныхъ выборовъ большинство, пожалуй, окажется за меня. Но дѣло въ томъ, что можно распустить собраніе и созвать новое по старому закону. Тогда бы обстоятельства совершенно измѣнились бы.

Л. Соболевъ (1883 г.).

Очевидно, генералы не могутъ разсчитывать на поддержку со стороны палаты для того, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ; если же они удержатъ ее вопреки желанію народа, то это будетъ равносильно форменному присоединенію Болгаріи къ Россіи.

Оставивъ эти предположенія, вытекающія совершенно логично изъ совершающихся фактовъ, и допустивъ, что этимъ генераламъ придется пробывать въ Болгаріи лишь самый короткій срокъ, ихъ присутствіе здѣсь является тѣмъ не менѣе, какъ мы уже сказали, слишкомъ опаснымъ для существованія дружественныхъ отношеній между Россіей и Болгаріей, поэтому немисливо допустить дальнѣйшее пребываніе ихъ въ нашей странѣ. Всякій болгаринъ, имѣющій съ ними сношеніе, возмущается тѣмъ, что два иностранца, находясь въ его родной странѣ, осмѣливаются относиться съ презрѣніемъ ¹⁾ ко всему, что онъ по своему па-

---

¹⁾ Это невѣрно. Еступивъ на политическую карьеру, я рѣшился быть крайне сдержаннымъ. Сдержанность эта, переходившая иногда, быть можетъ, въ холодность, могла смущать тѣхъ, кто ко мнѣ относился. Сколько могу припомнить, раза три я совершенно не могъ себя сдержать: 1) При обсужденіи вопроса о продажѣ англичанамъ Варно-Русскаго желѣзной дороги, эксплуатація коей принадлежала Гиршу, министръ Вулковичъ горячо оспаривалъ интересъ компаніи и Гирша и ни за что не соглашался на уменьшеніе 44.000,000 фр., которые требовалъ делегатъ компаніи англійскій еврей Мозель. Я стоялъ на суммѣ 30.000,000 или 35.000,000 фр., считая съ процентами. Вулковичъ, поддержанный Начовичемъ осторожно и Грековымъ—горячо, очень озлился. Я зналъ, что эти господа, въ компаніи съ Стоиловымъ, заключили съ делегатомъ денежную конвенцію и заранѣе распредѣлили барыши. Я замѣтилъ: „лучше не торопиться съ покупкою дороги“, а такъ какъ дѣло съ делегатомъ у нихъ было окончено и только требовалось согласіе мое и Каульбарса, то предложеніе мое было встрѣчено со злобою. Грековъ загорячился, Вулковичъ бросилъ на столъ проектъ договора. Это меня озлило и я замѣтилъ Вулковичу: „вы хлопчете точно уполномоченный Гирша“. Я ожидалъ дѣлой буря. Но Вулковичъ притихъ и отвѣтилъ: „попытаюсь переговорить вновь“. Непосредственную покупку дороги я отвергалъ и совѣтовалъ согласиться на конференцію въ Константинополѣ. Это было въ концѣ сентября 1882 г. Черезъ тѣ недѣли въ Русуѣ князь мнѣ сказалъ, что принцъ Уэльскій рекомендовалъ ему Мозеля и просилъ о скорѣйшей испушкѣ дороги. Мозель ко мнѣ явился и съ несождаемою для меня дерзостью заявилъ мнѣ удивленіе, что я не согласился на дѣло покупки дороги, когда далъ ему слово Грековъ, что дѣло окончено. „Вы наносите этимъ мнѣ оскорбленіе!“ сказалъ Мозель. Я просилъ объяснить, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ устройствѣ этого дѣла онъ видитъ начало своей карьеры. „Вы становитесь мнѣ поперегъ дороги“, произнесъ онъ. Я разсмѣялся и отвѣтилъ: „Болгарія должна, слѣдовательно, заплатить лишніе 9.000,000 фр., чтобы дать возможность начать вамъ вашу карьеру. Это дорого!“ Мозель смягчился и умолялъ меня не разрывать съ нимъ дѣла. „За одну надежду, что переговоры не бу-

триотизму считает великимъ и священнымъ. Явное предпочтеніе всему русскому и исходящему изъ Россіи, назначеніе русскихъ на такія должности, которыя превосходно могли бы быть заняты болгарами, посылка нашихъ молодыхъ офицеровъ въ Россію, наводненіе страны новыми русскими офицерами, которыхъ привозятъ ежедневно—вотъ причины, усиливающія ежеминутно неудовольствіе противъ русскихъ. Презрѣніе, съ какимъ они относятся къ болгарамъ, до того возмутительно, что всѣ лица, имѣющія съ ними столкновеніе, ненавидятъ ихъ и эта ненависть легко можетъ перейти на всю націю, представителями которой они являются въ Болгаріи¹⁾. Еще прискорбнѣе то об-

дуть прервалъ, я готовъ сейчасъ подписать чекъ въ десять тысячъ фунтовъ“, сказалъ онъ. Я попросилъ его удалиться и посоветовалъ уѣхать со-всѣмъ изъ Болгаріи.

2) Принимая тырновскихъ депутатовъ народнаго собранія (Цагевъ, Бобчевъ, Буровъ, Хаджи-Ателовъ), въ присутствіи Щеглова и Агуры, яступилъ въ споръ съ Цагевымъ (до образованія княжества все время служилъ докторомъ, подобно Вулковичу, въ турецкой арміи) и упрекалъ консерваторовъ въ ненависти къ русскимъ. Я говорилъ очень горячо цѣлыхъ два часа. Желчь накипѣла у меня и я былъ безъ удержу. Бобчевъ и Агура плакали.

3) Въ октябрѣ прошлаго (1882) года въ Тырновѣ я увлекся совершенно въ виду той по истинѣ колоссальной демонстраціи, которая была мнѣ устроена. Въ оваціи приняли участіе болѣе 5,000 человекъ. Меня закидали цвѣтами. Произносили рѣчи. Играла музыка. Я увлекся. Я живо помнилъ Тырново 1877 года; встрѣтилъ массу знакомыхъ и на Марьиномъ полѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла моя палатка во время войны, развилъ свои мысли о будущей Болгаріи. „Да живей санъ-стефанская Болгарія!“ „Да живей свободный самостоятельный болгарскій народъ!“ „Да живей князь—олицетвореніе этой свободы!“ „Да живей законный порядокъ, за который великая Россія положила столько жертвъ!“ Это послѣднее восклицаніе вызвало цѣлую бурю и толпа неистово кричала: „Да живей нашата конституція, тырновската конституція!“

Вотъ эти три факта я ясно помню. Въ нихъ, дѣйствительно, я выразилъ презрѣніе, но не къ Болгаріи и не къ болгарамъ, а къ той кучкѣ безсовѣстныхъ людей, которые 1-го іюля 1881 г. отняли у болгаръ свободу ради своекорыстныхъ личныхъ цѣлей. Засимъ, въ разговорахъ съ Начовичемъ, Грековымъ, Стоиловымъ и нѣкоторыми другими я дѣлалъ иногда рѣзкія замѣчанія, особенно въ теченіи сессіи народнаго собранія, когда нервы были страшно возбуждены. Но замѣчанія мои касались сихъ господъ, а отнюдь не болгаръ вообще. Каульбарсъ за то высказывалъ такую теплоту относительно болгаръ, что меня это иногда поражало. Съ войсками онъ обходился съ большою добротью, съ населеніемъ тоже. Достаточно прочесть рѣчь, блистательно произнесенную Каульбарсомъ въ народномъ собраніи, въ ночь съ 12-го на 13-е февраля 1883 года, чтобы видѣть всю неправду, которую силъ доказать составители записки.

Л. Соболевъ.

¹⁾ Ни я, ни Каульбарсъ не можемъ сказать, что мы дѣйствовали безъ ошибокъ. Что князя насъ ненавидѣла—это весьма понятно. Удивляюсь

стоятельство, что эти русскіе говорятъ всѣмъ и каждому, будто они дѣйствуютъ такъ по волѣ императора Россіи и русскаго правительства.

Намъ кажется, что при подобныхъ обстоятельствахъ, для сохраненія дружественныхъ отношеній, существовавшихъ до сей поры между этими двумя родственными народами, в. выс—во обязаны принять энергичныя мѣры къ устраненію причинъ, могущихъ вызвать реакцію противъ русскихъ, которая произойдетъ неизбежно и должна случиться гораздо скорѣе, нежели это было бы желательно въ интересахъ Болгаріи, такъ какъ для насъ чрезвычайно важно сохранить расположе- ніе и покровительство Россіи.

Устранивъ главную причину, которая неминуемо вызоветъ реакцію противъ русскихъ и Россіи, в. выс—во окажете этимъ важную услугу не только своей странѣ, но и самой Россіи, выяснивъ правительству е. в. какъ опасно дѣйствовать въ духѣ той политики, которой придерживаются почти всѣ официальные и неофициальные представители русскаго правительства ¹⁾ въ Болгаріи и которая доведена до крайнихъ предѣловъ тѣми двумя русскими генералами, которые держатъ въ настоящую минуту въ своихъ рукахъ судьбу Болгаріи.

Мы вполнѣ понимаемъ какъ щекотливъ вопросъ, затронутый нами въ настоящую минуту, но, говоря съ монархомъ, къ которому мы питаемъ безграничную преданность, мы считаемъ долгомъ почтительнѣйше высказать наше мнѣніе съ полною откровенностью.

Переходя, наконецъ ²⁾, къ тѣмъ явленіямъ, которыя неразлучны съ

одному, для чего составители записки говорятъ, что ненависть ихъ клики къ намъ легко можетъ быть перенесена на всю русскую націю. Вѣдь эта клика и безъ того ненавидитъ русскихъ и Россію, ненавидитъ чуть ли не болѣе, чѣмъ самъ князь Александръ I. Благо, что клика эта немногочисленна.

¹⁾ Это выходитъ за предѣлы всякаго приличія. Это осужденіе всей политики Россіи, которая положила свою душу за Болгарію. И это взглядъ—самого князя. Хотя неблагодарность обыденное чувство въ политикѣ, но такого цинизма нельзя было ожидать даже отъ гг. Начовича, Грекова и Стоилова. Вѣдь эти господа въ ножки кланялись Хитрову, умоляя его поддержать ихъ и князя въ періодъ выборовъ въ великое народное систовское собраніе. Вѣдь Хитрово именемъ русскаго императора спасъ князя и его клику отъ гибели. Но Россія великая держава и трудно было рассчитывать, что она дозволитъ себя безнаказанно долго обманывать. Сами консерваторы хлопотали о назначеніи русскаго министра внутреннихъ дѣлъ—пусть поймутъ же они, что ни Россію, ни русскими нельзя шутить безгранично.

²⁾ Въ дѣлѣ изгнанія митрополита Мелетія и послѣдовавшемъ за нимъ министерскомъ кризисѣ князь Александръ I дѣйствовалъ не искренно. Новое министерство было составлено 3-го марта 1883 года, и хотя князь изъявилъ согласіе на предложенныхъ кандидатовъ, но съ перваго же дня образованія
Л. С. (1883 г.).

новымъ образомъ правленія, принятымъ послѣ нашей отставки, мы должны, прежде всего, обратить вниманіе на то обстоятельство, что управленіе всѣми министерствами, исключая министерствъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго, ввѣрено такимъ лицамъ, которыя не имѣютъ даже права лично являться съ докладомъ къ в. выс—ву и подаютъ свои отчеты предсѣдателю кабинета министровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что генералъ Соболевъ заступаетъ до нѣкоторой степени мѣсто в. выс—ва и что ему будетъ легко утаить отъ васъ любой отзывъ кого либо изъ должностныхъ лицъ, который онъ не пожелаетъ довести до вашего свѣдѣнія ¹⁾; для этого ему стоитъ только не докладывать в. выс—ву полученное имъ донесеніе.

сего министерства стала въ прямую къ нему оппозицію. Онъ послалъ агентовъ въ европейскія столицы. Выдалъ субсидію румелійскимъ газетамъ, приказалъ подкупить нѣкоторыя газеты Европы, между прочимъ одну русскую, для чего командировалъ въ Петербургъ Головина, и далъ обѣщаніе партіи, враждебной Россіи, удалить изъ Болгаріи меня и Каульбарса, и вновь призвать въ министерство Начовича, Грекова и Стоилова. Но для сего послѣдняго князь требовалъ отъ консерваторовъ терпѣнія. Ему нужно было съѣздить въ Москву. Замѣчательно то, что одновременно съ веденіемъ переговоровъ по этому дѣлу, его высочество относился ко мнѣ съ особенною любезностью и предлагалъ мнѣ упразднить должности министровъ и министерскій совѣтъ и остаться единственнымъ министромъ княжества, подобно тому, какъ это существуетъ въ его отечествѣ, въ Дармштадтѣ. Князь, очевидно, хотѣлъ сдѣлать еще одно крупное нарушеніе основныхъ законовъ княжества. Быть можетъ, шагомъ этимъ онъ хотѣлъ раздражить болгаръ противъ меня и подать новый поводъ Европѣ кричать объ обращеніи Болгаріи въ русскую провинцію, а себя выставить жертвой русской политики. Въ виду этихъ соображеній, я рѣшительно отказался отъ предложенной мнѣ чести, и тогда князь заявилъ мнѣ, что назначить болгаръ управляющими министерствами, и чтобы сіи управляющіе докладывали дѣла не ему, князю, а мнѣ, а я уже докладывалъ бы его высочеству. Вотъ происхожденіе этой комбинаціи. Она (эта комбинація) въ сущности была выгодна для гг. составителей записки, ибо явно указывала на то, что князь не былъ расположенъ окончательно остановиться на лицахъ, мною избранныхъ въ новое министерство (Хилковъ, Теохаровъ, Бурмовъ, Кириакъ Цанковъ и Агура). Къ сему надо добавить то обстоятельство, что въ началѣ апрѣля 1883 г. князь собирался уѣхать за границу, гдѣ хотѣлъ пробыть болѣе трехъ мѣсяцевъ. За время отсутствія князя регентами княжества вначалѣ долженъ былъ быть я, а засимъ Каульбарсъ, такъ что въ сущности управляющіе министерствами и безъ того становились докладчиками не князя, а русскихъ генераловъ. При томъ князь хотѣлъ передъ поѣздкою за границу отдохнуть отъ тѣхъ безпокойствъ и непріятностей, которыя онъ испытывалъ съ осени 1882 г., благодаря гг. вожакъ консерваторовъ и себѣ лично.

Д. Соболевъ.

¹⁾ Уступая требованію князя, я всячески старался поддерживать обыкновенный порядокъ. Каульбарсъ, конечно, самъ докладывалъ дѣла лично князю.

Такое положеніе весьма оригинально и, можно сказать, даже единственное въ исторіи народовъ; надобно сознаться, что оно придумано какъ нельзя лучше въ интересахъ ¹⁾ генерала президента и, напротивъ того, весьма невыгодно и опасно для болгаръ и ихъ правителя.

Въ переживаемый нами моментъ въ особенности в. выс.—ву необходимо видѣть какъ можно болѣе людей, чтобы ознакомиться съ различными мнѣніями, ходящими въ странѣ, и знать въ чемъ именно заключаются желанія мѣстныхъ жителей и иностранцевъ, поселяющихся у насъ. Между тѣмъ, благодаря ловко придуманной системѣ управленія, в. выс.—во не будете даже видѣть тѣхъ лицъ ²⁾, которымъ ввѣрены различныя отрасли управленія государства.

Страна утомлена временнымъ правительствомъ, которое, повидимому намѣрено утвердиться у насъ на болѣе продолжительное время; отзывы, доходящіе до насъ изъ-за границы, свидѣтельствуютъ единогласно, что страна успокоилась, въ особенности послѣ закрытія собранія, на счетъ того, что дѣла идутъ хорошо, и всѣ надѣялись, что подобное положеніе дѣлъ упрочится на нѣкоторое время. Перемѣна, происшедшая нынѣ, снова поколебала зародившуюся было надежду на лучшую будущность для нашей страны, и всѣ съ недоумѣніемъ задаютъ себѣ вопросъ: какое временное правительство могло бы замѣнить собою существующее временное управленіе страной? ³⁾.

По желѣзно-дорожному дѣлу докладывалъ князю всегда Хилковъ. По дѣламъ внѣшнихъ сношеній я всегда посылалъ къ князю Кириака Цанкова. Бурмовъ также часто ходилъ къ князю. Лишь Теохаровъ и Агура рѣдко ходили.

¹⁾ Это соображеніе, какъ только что было объяснено, не имѣло серьезнаго значенія.

²⁾ Въ половинѣ марта 1883 г. князь сказалъ мнѣ, что у него болитъ печень и онъ чувствуетъ себя нехорошо, хотя и совершенно спокоенъ, вида, что я овладѣлъ дѣлами. Я зналъ, что князь придаетъ преувеличенное значеніе прессѣ и любитъ слушать всякій вздоръ отъ лицъ, его посѣщавшихъ—и я посоветовалъ князю недѣли на три бросить читать газеты и принимать поменьше людей, которые склонны видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. Л. Соболевъ.

³⁾ Страна, дѣйствительно, устала отъ неопредѣленности и неровности внутренней политики. Еслибы князь твердо взялъ въ руки управленіе княжествомъ и доказалъ бы на дѣлѣ, что единственная цѣль его политики есть польза Болгаріи, то народъ примирился бы съ новымъ своимъ положеніемъ. Болгарамъ нуженъ человекъ съ желѣзною волею; они умѣютъ повиноваться и повинуются хорошо; но князь Александръ I, при всемъ его умѣ и ловкости, не обладаетъ волею, да притомъ клика, его окружающая, обнаруживла хищническія наклонности. Князь выказывалъ неограниченную любезность Хаджіенову, строителю балканскаго шоссе, а всѣ хорошо знали, что сей Хаджіеновъ, при содѣйствіи составителей выше помѣщенной записки, грабилъ болгарскую казну и дѣйствовалъ на основаніи мошеннически составленныхъ условій, подписанныхъ Начовичемъ.

Замѣчаніе о томъ, что сессія III обыкновеннаго народнаго собранія

Говоря о современном положеніи дѣлъ и желая быть правдивыми, мы должны сознаться, что столь частыя перемѣны, ни чѣмъ достаточно не мотивируемыя, наносятъ, къ сожалѣнію, весьма чувствительный ударъ обаянію в. выс—ва и тому довѣрію, которое всегда питалъ народъ къ своему возлюбленному монарху. Поэтому со стороны в. выс—ва было бы необходимо принять энергичныя мѣры ¹⁾ къ тому, чтобы какъ

произвела успокоивающее впечатлѣніе на страну, справедливо, хотя вожаки народной партіи отвергали законность собранія. Замѣчательно, что собраніе это, хотя и составленное изъ членовъ княжеской партіи, сдѣлало нѣсколько постановленій, шедшихъ въ разрѣзъ съ волею князя. Князь былъ раздраженъ, а гг. составители сей записки почувствовали свою силу. Достаточно припомнить разрѣшеніе драгунскаго вопроса, чтобы понять, что само это консервативное собраніе не склонно дѣлать все то, что князь желаетъ, хотя оно было руководимо личными приверженцами князя. Исторія съ русскимъ инженеромъ Копытинимъ, другомъ князя, поднятая вожаками консервативной партіи, вывела изъ себя его высочество. Исключеніе изъ бюджета квартирныхъ денегъ, которыя были даны софійскимъ чиновникамъ въ силу чрезвычайныхъ полномочій и по совѣту триумвирата, и даны съ дѣлью привязать этихъ чиновниковъ къ князю, вновь раздражило сего послѣдняго. Народное собраніе заявило, что обидѣлось на меня за то, что я громко высказалъ, что воля князя состоитъ въ томъ, чтобы драгунскій корпусъ, какъ строевая часть, былъ сохраненъ. Ярые консерваторы, ненавистники парламентскаго образа правленія, заявили, однако, что ни въ одномъ изъ европейскихъ парламентовъ министры будто не связываютъ воли народа предварительнымъ провозглашеніемъ воли государя, что я поступилъ рѣзко и что этимъ обидѣлъ народное собраніе. Князь Александръ I передалъ мнѣ эту жалобу депутатовъ, а я доложилъ его высочеству, что онъ самъ настаивалъ на томъ, чтобы я это заявилъ. Вотъ подобныя факты и были опасны, ибо никто не зналъ, что именно происходитъ. На ряду съ чрезвычайными полномочіями князя, съ коими онъ совершенно не умѣлъ управиться, существовалъ парламентъ, который знать ничего не хотѣлъ, кромѣ своей воли, и котораго не способенъ былъ удержать князь, не имѣя на то ни смѣлости, ни характера. Къ чему же были надобны чрезвычайныя полномочія?

Л. Соболевъ (1883 г.).

¹⁾ Самая разумная мѣра заключалась бы въ распущеніи III обыкновеннаго народнаго собранія и созывѣ новаго собранія на основаніи тырновской конституціи. Мѣра эта была необходима, ибо оказалось, что князь не въ силахъ былъ держать въ своихъ рукахъ данныя ему на семь лѣтъ чрезвычайныя полномочія. Эти полномочія чуть были не перехвачены гг. Начовичемъ, Грековымъ и Стоиловымъ. Съ уходомъ этихъ трехъ лицъ изъ кабинета, полномочіе естественно переходило ко мнѣ, но я вовсе не былъ намѣренъ компрометировать Россію въ глазахъ болгаръ, ибо Россія вовсе не желала обратитъ Болгарію въ русскую область, и мысль объ упраздненіи бесполезныхъ полномочій и возстановленіе законнаго порядка вещей сама собою напращивалась. Болгарія должна быть для болгаръ. Лишь во внѣшней политикѣ

можно скорѣе измѣнить теперешнее положеніе дѣлъ; тогда страна увидѣла бы, что ея довѣріе оправдано, что благоденствіе и преуспѣваніе народа, искренно преданнаго в. выс—ву, составляютъ предметъ вашихъ постоянныхъ заботъ, и что если для защиты народныхъ интересовъ нужно будетъ принять какія нибудь мѣры, которыя были бы даже сопряжены съ опасностью для в. выс—ва, то вы будете всегда готовы исполнить свой долгъ и преодолѣть всякую опасность для благополучія вашихъ подданныхъ.

Высказавъ такимъ образомъ наше мнѣніе, мы считаемъ еще долгомъ указать какія мѣры должны быть приняты, по нашему мнѣнію, для того, чтобы устранить опасность, грозящую странѣ, не оскорбляя ничѣмъ е. и. в. и русское правительство ¹⁾. (Мы считаемъ это возможнымъ, ибо нельзя допустить, что Россія отшатнется отъ насъ только потому, что два русскіе генерала недовольны болгарами) ²⁾.

Самое цѣлесообразное средство ³⁾ къ тому, чтобы разрѣшить тепе-

---

она должна слѣдовать указаніямъ русской политики и для осуществленія своего политическаго идеала должна терпѣливо ждать слова Россіи. Но князь и его влики не хотятъ слушаться Россіи и стараются отъ нея отдѣлаться. Они стараются сбить съ толку и народную партію. Какъ-то рѣчь зашла у меня о Македоніи. Болгары (въ числѣ ихъ помню Сукнарова) сказали, что было бы желательно, чтобы скорѣе осуществилась санъ-стефанская Болгарія. „Потерпите, замѣтилъ я; исторія народовъ не въ три дня дѣлается. Еще нѣмцы не соединили во едино всѣ козенныя германскія провинціи и Россія еще не имѣетъ Червонной Руси. Сербы далеко еще отъ объединенія. Вы еще должны съ Румелиєю слиться“. — „Это скоро произойдетъ“, — отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ собесѣдниковъ. „Не знаю когда, замѣтилъ я, но ранѣе того, пока Россія не сочтетъ этого возможнымъ, не слѣдуетъ объ этомъ особенно хлопотать“. Сукнаровъ вполнѣ согласился съ моею мыслью. „Вотъ что, сказалъ я, мой отецъ получилъ георгіевскій крестъ за Варну, въ войну 1828—1829 гг., я получилъ Георгій за Шипку 1877 г., сынъ же мой, если я его буду имѣть, можетъ получать Георгій за Македонію“. Нетерпѣливые болгары не выдержали. „Вы получите Георгій на шею за Македонію!“ воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

¹⁾ Обмануть русское правительство и Россію врядъ ли удастся на сей разъ.

²⁾ Дѣло было вовсе не въ русскіхъ генералахъ, а въ томъ, что дѣйствія князя и его влики уже успѣли возбудить серьезное подозрѣніе въ русскомъ правительствѣ.

Д. Соболевъ (1883 г.).

³⁾ Еслибы князь предложилъ мнѣ эту мѣру, я посоветовалъ бы ему распустить III-е обыкновенное народное собраніе и созвать новое собраніе согласно тырновской конституціи. Если бы князь на мое требованіе не согласился, я бы уступилъ ему и согласился на созывъ на 2-ю сессію III-го об. нар. собранія, но настоялъ бы на производствѣ дополнительныхъ выборовъ. На это послѣднее князь бы не могъ не согласиться, но гг. Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ были бы противъ сей мѣры и у нихъ съ княземъ вышло

решнй кризисъ безъ особенныхъ волненй, было бы созвать націо-нальное собраніе подъ какимъ нибудь предлогомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, или, идя прямо къ дѣлу, объявить, что собраніе созвано для того, чтобы узнать мнѣніе представителей націи по поводу настоящаго кризиса.

Намъ было бы желательно, чтобы в. выс—во рѣшились именно

бы новое разногласіе. По причинамъ, которыя князь скрывалъ отъ этихъ господъ и которыя были связаны съ разрѣшеніемъ вопроса объ уплатѣ Болгаріею долга за окупацію, его высочество хотѣлъ сохранить меня въ то время министромъ во что бы то ни стало. Онъ имѣлъ на это личный весьма важный для него интересъ. Его лучшіе друзья, болгары, не знали въ чемъ дѣло и потому мѣра созванія народнаго собранія, предложенная консерваторами, была непрактична.

Если бы были произведены дополнительные выборы, то я бы поспорилъ съ моими противниками. Я бы самъ поставилъ вопросъ ребромъ, и депутаты уступили бы. Еще недавно народное собраніе, подстрекаемое Начовичемъ и Грековымъ, не пожелало уступить мнѣ, не взирая на всѣ мои доводы, въ вопросѣ о верховномъ медицинскомъ совѣтѣ и аптечныхъ складахъ. Постановленіе было сдѣлано противъ меня, хотя многіе сознавали пользу моихъ предложеній. Я заявилъ собранію, что послѣ этого я не министръ Болгаріи, и вышелъ изъ залы. Засѣданіе было немедленно прервано и депутаты упростили меня войти въ залу и тотчасъ же единогласно постановили согласно моего требованія. Въ случаѣ, если-бы дополнительные выборы были въ пользу консерваторовъ, чего, впрочемъ, сами консерваторы не могли ожидать, я бы употребилъ нѣкоторыя мѣры, чтобы распустить собраніе. Я бы не дѣлалъ никакого насилія, но ослабилъ бы охрану собранія, которая была учреждена мною по настоятельному ходатайству составителей этой записки. Вопросъ этотъ крайне любопытенъ—и вотъ какъ онъ былъ разрѣшенъ. 29-го ноября прошлаго (1882) года, вечеромъ, у князя Александра I былъ министерскій совѣтъ. Обсуждался вопросъ, гдѣ будетъ созвано народное собраніе, депутаты коего только что были избраны. На совѣтѣ былъ и Стоиловъ, директоръ политическаго кабинета князя (онъ еще не былъ тогда министромъ). Стоиловъ замѣтилъ, что въ Софіи будетъ опасно созывать народное собраніе, потому что депутаты изъ консерваторовъ могутъ стать умѣренными либералами, ибо въ Софіи такой воздухъ. Начовичъ и Грековъ заявили, что лучшимъ мѣстомъ былъ бы Рушукъ. Я замѣтилъ, что и въ Рушукъ могутъ повалять представители народной партіи, на что Начовичъ сказалъ, что оттуда ихъ легче будетъ выгнать. „Что же можетъ произойти здѣсь въ Софіи? замѣтилъ Грековъ.—Соберется толпа въ 2,000 человекъ; явится передъ народнымъ собраніемъ и сдѣлаетъ демонстрацію. Депутаты могутъ испугаться и народное собраніе ускользнетъ изъ рукъ правительства“. Князь, только что размѣстившійся удобно въ новомъ, роскошно отдѣланномъ, большомъ дворцѣ, стоялъ за то, чтобы собраніе созвать въ Софію. Я былъ на его сторонѣ и заявилъ, что княжество существуетъ всего 4-й годъ и народныя собранія были созываемы въ Тырновѣ, Софіи и Спстовѣ, теперь избираютъ мѣстомъ Рушукъ, а на слѣдующій годъ предложить созвать во Вратцѣ или

на эту послѣднюю мѣру, такъ какъ она увеличила бы популярность в. выс—ва какъ въ Болгаріи, такъ и за границей.

Немедленнымъ созваніемъ національнаго собранія в. выс—во стаете во главѣ національнаго движенія и, выйдя такимъ образомъ изъ положенія весьма затруднительнаго и крайне непріятнаго для васъ самихъ, вы предупредите въ то же время желанія болгарскаго народа, который, какъ бы то ни было, сильно беспокоится о своей будущности.

Въ случаѣ, если бы генералы не были согласны на созваніе національнаго собранія, то это было бы для нихъ весьма удобнымъ предложомъ подать въ отставку, а в. выс—ву принять ее.

Правадіи или, пожалуй, на необитаемомъ островѣ. Каульбарсъ и Теохаровъ были моего мнѣнія и было постановлено, что собраніе будетъ создано въ Софіи. Грековъ и К° были очень злы. Князь при нихъ мнѣ сказалъ, что надѣется, что я приму всѣ мѣры къ огражденію народнаго собранія. Я, разумѣется, заявилъ, что ручаюсь за безопасность собранія и личную безопасность депутатовъ. Охрана народнаго собранія была устроена мною со вниманіемъ. Большинство депутатовъ было помѣщено въ большой гостинницѣ Кисакова; по заявленію Хаджіенова, половину расходовъ на помѣщеніе принялъ на себя городъ. Градоначальнику Карновичу даны мною самыя обстоятельныя инструкціи. Помѣщеніе для засѣданій было устроено въ новомъ зданіи гимназій, на самомъ краю города. Независимо этихъ мѣръ, чисто внѣшнихъ, мною приняты были другія болѣе существенныя мѣры, заключившіяся въ томъ, что я пригласилъ представителей народной партіи быть спокойными и выжидать событій, являющихся, какъ я замѣтилъ, на сторону истинныхъ интересовъ страны. Многие изъ этихъ представителей меня горько упрекали за то, что я далъ возможность консервативной партіи, партіи грабежа, открыто торжествовать, но я отвѣтилъ, что торжествуютъ не эксплуататоры, а принципъ болгарскаго народнаго представительства. Я исполнилъ то, что обѣщалъ. Сессія прошла благополучно и когда я какъ-то замѣтилъ Грекову, что опасенія его были ошибочны, сей господинъ улынулся и смолчалъ. Очевидно, онъ не понялъ меня. Такъ вотъ если бы въ прошломъ мартѣ было создано экстренно вновь то же III обыкновен. народное собраніе и если-бы оно было построено исключительно въ сторону желаній Начовича, Грекова и Стоилова, людей, которыхъ ненавидятъ почти всѣ болгары, я бы отмѣнилъ нѣкоторыя мѣры охраны, предоставивъ тѣмъ софійскимъ обывателямъ высказать свое мнѣніе относительно настоящаго народнаго собранія. И тогда не только 2,000, но 10,000 человѣкъ явились бы къ собранію и депутаты были бы опозорены и принуждены были бы сложить съ себя полномочія и удалиться во свояси. Явились бы толпой изъ провинціи безъ моего зова и намека. Вотъ чего не понимали гг. Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ. Я далъ возможность собранію просуществовать два мѣсяца. Безъ моей непосредственной поддержки оно было бы разогнано, ибо въ дѣйствительности оно состояло въ большинствѣ изъ клеветовъ Начовича и К°, наглыхъ эксплуататоровъ и грабителей. Эти господа въ сущности относились съ презрѣніемъ къ народному собранію, считая депутатовъ своими покорными слугами. Я гораздо болѣе уважалъ ихъ, чѣмъ они.

Л. Соболевъ.

Поступивъ такимъ образомъ, в. выс—во удовлетворите всѣхъ болгаръ и въ то же время будете правы передъ императоромъ ¹⁾ и общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи. Если вы, въ качествѣ монарха, желаете въ столь затруднительную минуту узнать мнѣніе представителей народа, а два иностранца вздумаютъ противиться вашему непреклонному желанію, то неужели вы не будете въ правѣ оставить ихъ заявленіе безъ вниманія и принять ихъ отставку ²⁾, когда у нихъ хва-

¹⁾ Дѣло въ томъ, что прямой расчетъ князя Александра I было сохранить до поры до времени меня и Каульбарса. Князь хотѣлъ насъ отстранить отъ Болгаріи, но при этомъ боялся разгнѣвать русское правительство. Онъ хотѣлъ, чтобы само русское правительство отозвало насъ, убѣдившись, по его докладу, въ нашей негодности. Онъ не хотѣлъ, чтобы мы ушли просто, какъ обмененно уходить,—онъ былъ гораздо тоньше и холоднѣе составителей записки: его цѣль состояла въ томъ, чтобы воспользоваться мною въ Москвѣ для успѣха того его личнаго дѣла, которое было извѣстно только ему, да мнѣ, очернить за симъ меня, выставивъ, какъ это дѣлалъ со многими русскими, лицомъ неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи и выпросивъ вмѣсто меня новое русское лицо, такого генерала, который шелъ бы за нимъ и его кинкой безъ разсужденій и былъ бы слѣпымъ исполнителемъ ихъ воли. Все это я созналъ вполнѣ опредѣленно послѣ кризиса 3-го марта 1883 г. и рѣшился во что бы то ни стало не даромъ уйти изъ Болгаріи: не дѣломъ моего неуспѣха князь избавится отъ меня; я рѣшился выигривъ изъ дѣла съ честью и показать князю, что интрига не всегда ведетъ къ добру.

Л. Соболевъ.

²⁾ Въ разговорѣ князя съ павшими, 3 марта 1883 г., министрами его высочество заявилъ имъ, что русское правительство разсердится, если онъ, князь, уволитъ меня и Каульбарса. Но князь притворялся и обманывалъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ вовсе не хотѣлъ нашего улобненія до его возвращенія изъ заграницы. Ему это было не выгодно во всѣхъ отношеніяхъ и, главное, въ денежномъ, и онъ просто смѣялся въ лицо своимъ друзьямъ. Вслѣдствіе разговора ех-министровъ съ княземъ вожакамъ консерваторовъ былъ разосланъ слѣдующій манифестъ: „министерскій кризисъ вамъ уже извѣстенъ. Генералы для отстраненія Стоилова поступили точно также, какъ въ дѣлѣ устраниенія Вулковича, т. е. подали свои отставки, и его высочество принужденъ былъ пожертвовать самымъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ и слугою. Вслѣдствіе этого Грековъ и Начовичъ тоже ушли изъ министерства, хотя князь и Соболевъ предлагали имъ оставаться и впредь министрами. Предложеніе его высочества было искренно и онъ глубоко скорбитъ о произошедшемъ кризисѣ, но, въ виду нетерпимаго образа дѣйствій генераловъ, Грековъ и Начовичъ не могли остаться ни одного часа болѣе въ министерствѣ. Князь поручилъ Начовичу и Грекову объявить во всеобщее свѣдѣніе, что онъ, князь, не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ обѣщавъ русскому царю держать генераловъ по меньшей мѣрѣ два года, и что онъ, князь, боится, что если приметъ отставки генераловъ, чтобы его величество не разсердилось на него и Болгарію. Его высочество самъ видитъ, что образъ дѣйствій генераловъ нетерпимъ и что они дѣлаютъ много зла странѣ, что они суть причина неосуществленія всѣхъ трудовъ, положенныхъ

титъ смѣлости подать ее единственно съ цѣлью помѣшати исполненію вашей царственной воли въ этомъ случаѣ?

Если генералы захотятъ воспротивиться созванію палаты, то положеніе ихъ сдѣлается еще болѣе затруднительнымъ вслѣдствіе того, что сами они въ послѣднюю сессію собранія представили своему правительству нѣсколько отчетовъ, въ коихъ они разсыпались въ похвалахъ патріотизму и уму депутатовъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи ¹⁾.

въ послѣднее время въ дѣлѣ организаціи правосудія, финансовъ, администраціи, церковнаго управленія и проч., но что князь не знаетъ какъ теперь быть; необходимо самому ему ѣхать и говорить съ царемъ, такъ какъ письмомъ нельзя объяснить всего его величеству. Князь не скрываетъ, что генералы суть единственная причина неисполненія программы 1 іюля (1881), но что онъ убѣжденъ, что генералы не вернутся болѣе къ власти послѣ коронаціи царя, когда князь можетъ освѣтить его величество относительно грубости и безтактности генераловъ. Что же должны наши пріатели дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Пріатели наши въ Софіи встрѣтили этотъ кризисъ съ радостью, ибо понимаютъ, что онъ временный и что посредствомъ его многія дѣла поправятся, а главное, что пребываніе дальнѣйшее генераловъ станетъ невозможнымъ. Для подрѣпленія партіи и обезсиленія противниковъ будетъ хорошо, если будутъ препровождены павшими министрамъ заявленія о сочувствіи, а его высочеству сожалѣніе о томъ, затѣмъ онъ избавился отъ единственныхъ вѣрныхъ своихъ слугъ, и выраженіе надежды, что князь постарается еще отстранить этотъ кризисъ. Копія съ этихъ заявленій пусть будутъ препровождены въ „Болгарскій Гласъ“. За всѣмъ симъ кроется, какъ видно, вопросъ желѣзно-дорожный, Гиндбургъ и Струве. Это ото дня въ день становится очевиднѣе. Просимъ отвѣта“.

Выходитъ, что консерваторы составляли заговоръ противъ существующаго правительства. Знаменитый сей циркуляръ не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія. На страницахъ „Болгарскаго Гласа“ появилось три заявленія о сочувствіи павшимъ министрамъ. Одно отъ евреевъ, проживающихъ въ Галацѣ. За то на мое имя присланы сотни заявленій, усѣянные подписями; ко мнѣ и къ князю явились депутаціи изъ провинцій благодарить за отстраненіе отъ дѣлъ гг. Начовича, Грекова и Стоилова. Страна была противъ нихъ—это ясно видѣлъ князь! Что же тутъ могло сдѣлать народное собраніе, если бы даже его и создали? Л. Соболевъ.

¹⁾ Дѣйствительно я доносилъ русскому правительству о патріотизмѣ III общенароднаго народнаго собранія. Въ этомъ патріотизмѣ я ничуть не сомнѣвался. Я гораздо болѣе уважалъ депутатовъ народнаго собранія, чѣмъ гг. Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ. Я былъ убѣренъ, что народное это собраніе станетъ даже противъ князя, если его высочество, руководимый злою волею, позволитъ себѣ сдѣлать что либо очевидное противъ Болгаріи. Не нужно забывать, что князь не принадлежитъ ни къ болгарской народности, ни къ православной церкви. Онъ чужеземецъ. Большинство депутатовъ III общенароднаго собранія, безъ сомнѣнія, были на сторонѣ павшихъ министровъ. Но тайныя эксплуататорскія цѣли сихъ послѣднихъ знали не многіе. Знали ихъ Анневъ, Цагевъ, быть можетъ Мариновъ и Шивачевъ. Прочіе вѣрили въ честность своихъ вожаковъ. Что вышло бы, если бы я заявилъ, что благодаря Начовичу и К^о изъ резервнаго фонда взято незаконно болѣе 5.000,000

Къ этому намъ остается прибавить, что в. выс—ву слѣдовало бы воспользоваться всякимъ случаемъ и принять отставку генераловъ, лишь только они подадутъ ее.

Если в. выс—во рѣшится созвать народное собраніе, то было бы весьма кстати написать объ этомъ императору, изложивъ ему положеніе дѣлъ'); это письмо слѣдовало бы отправить или съ митроп. Гри-

фр. и что всего потрачено напрасно до 10.000,000 фр.? Всеконечно, тогда большинство бы высказалось противъ эксплуататорскаго образа правленія. Да, я вѣрилъ въ патріотизмъ народнаго собранія. Л. Соболевъ.

1) Настоятельное требованіе гг. Начовича, Грекова и Стоилова созвать народное собраніе черезъ мѣсяцъ по окончаніи имъ двухмѣсячной сессіи, въ сущности говоря, не имѣло никакого смысла и было болѣе, чѣмъ наивно. Народное собраніе, засѣдавшее съ 10 дек. прошлаго 1882 г. по 13 февр. сего 1883 г., не высказало ни мнѣ, ни моему товарищу ни одного порицанія. Въ началѣ оно было пожелало задѣть меня, но это были незначительныя и не смѣлыя всплывшія отдѣльныхъ необузданныхъ личностей, каковы турецкій докторъ Цагевъ, бывшій трактирный лакей Шивачевъ и Анневъ, прогнанный мною съ должности губернатора и попавшійся за время русской оккупаци въ ограбленіи систовской общественной кассы. Засимъ все успокоилось и дѣло пошло и окончилось весьма удовлетворительно. Что же собственно было спрашивать у народнаго собранія въ мартѣ? Одобряетъ ли оно или нѣтъ увольненіе въ отставку гг. подписавшихъ эту удивительную записку? Но во первыхъ, я бы отвѣтилъ, что никто не увольнялъ гг. Начовича и Грекова, что я даже просилъ ихъ пока остаться въ министерствѣ, а во вторыхъ, что Стоиловъ сдѣлалъ наглое насиліе надъ митрополитомъ, вопреки моему приказанію. Я бы могъ показать собственноручную записку князя, осуждавшего даже мысль о насиліи, а Стоиловъ былъ бы вынужденъ скрыть записку князя, которую сей послѣдній писалъ отъ меня въ тайнѣ и которою санкціонировалось насиліе. Конечно, поднялась бы исторія о томъ, какъ былъ уволенъ изъ министерства Вулковичъ; но я былъ бы очень радъ выясненію сего дѣла; тогда можно было бы сорвать маску съ консервативной клики и всѣ бы увидѣли, что митрополитъ Григорій, которому хотѣли предоставить счастье представить письмо государю императору, былъ главною причиною рущукскаго событія, за которое слетѣлъ Вулковичъ и въ которомъ консерваторы вели себя въ высшей степени неприлично, и глава народной партіи, Драганъ Цанковъ, неправильно сосланный въ заточеніе, велъ себя съ достоинствомъ. Кризисъ-бы не кончился, а только бы начался и консерваторы должны были бы уступить свое мѣсто противной партіи, а князю Александру I пришлось бы горько раскаяться въ необдуманномъ переворотѣ 1 іюля 1881 г. и сознать, что онъ еще молодъ, неопытенъ и неспособенъ управлять даже такимъ спокойнымъ народомъ, каковымъ въ дѣйствительности есть народъ болгарскій. Трудолюбивый, честный, послушный и трезвый болгарскій народъ достоинъ лучшаго управителя.

Вышеприведенную записку, на которую я сдѣлалъ замѣчанія, оконченыя 18-го апрѣля 1883 года, передалъ мнѣ князь Александръ I на прочтеніе 22-го марта. Онъ просилъ не придавать ее гласности до поры до времени. Въ тотъ же день, снявъ съ нея вмѣстѣ съ Каульбарсомъ копію, я возвратилъ ее его высочеству. Подана она была бывшими министрами, вѣроятно,

горьемъ или съ какимъ нибудь инымъ лицомъ. Было бы недурно подготовить также почву въ Константинополѣ. Такимъ образомъ кризисъ разрѣшится благополучно и дѣла пойдутъ своимъ порядкомъ до отъѣзда в. выс—ва; тогда путешествіе ваше не представитъ болѣе никакой опасности, но даже будетъ полезно для окончательнаго устройства нашихъ дѣлъ.

Честь имѣемъ быть в. выс—ва всеижайшіе и всепокорнѣйшіе слуги и вѣрноподданные Д. Грековъ, Г. Начовичъ, С. Стойловъ.

въ половинѣ марта (на запискѣ не было проставлено число). 22-го марта, почти въ ту минуту, когда я возвратилъ ее князю, Грзковъ приходилъ къ его высочеству узнать что же онъ, князь, намѣренъ предпринять.

Я рѣшительно недоумѣвалъ для чего собственно князь хотѣлъ меня познакомиться съ этой запиской? Хотѣлъ ли онъ мнѣ тѣмъ показать свое довѣріе? Онъ собирался въ Москву на священное коронованіе и требуетъ, чтобы и я ѣхалъ; онъ намѣревается воспользоваться мною для успѣха одного дѣла, лично его касающагося. Но для успѣха сего дѣла не зачѣмъ было знакомить меня съ произведеніемъ гг. Начовича, Грекова и Стойлова, не выдерживающимъ строгой критики. При всемъ томъ, что князь Александръ I человѣкъ очень тонкій, хитрый и умный, онъ часто попадаетъ и дѣлаетъ непростительныя промахи. Не вѣра почти никому, съ кѣмъ сталкивается его судьба, онъ своимъ поведеніемъ во всѣхъ возбуждаетъ къ себѣ недоувѣріе и подозрѣніе. Онъ все дѣлаетъ, чтобы унижить русское имя въ Болгаріи. Онъ увѣряетъ, что переворотъ 1 іюля 1881 г. сдѣланъ имъ по приказанію, полученному изъ Петербурга, и онъ скрылъ отъ болгаръ то, что сей переворотъ не былъ одобренъ русскимъ правительствомъ. Вступивъ въ предварительную сдѣлку по желѣзно-дорожному вопросу, онъ увѣрялъ, что русское правительство и самъ покойный императоръ Александръ II, освободитель Болгаріи, требовалъ о скорѣйшемъ проведеніи желѣзной дороги черезъ Балканы и будто совѣтовалъ для этого употребить Гинцбурга и К°. Телеграммы въ Бозѣ починшаго императора, вызванныя непрестанными хлопотами самого князя Александра I, показывались вліятельнымъ болгарамъ, при чемъ внушалось, что волю монарха, даровавшаго свободу болгарамъ, должно исполнить, хотя бы это стоило большихъ финансовыхъ жертвъ для болгаръ. Русское имя эксплуатировалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и болгары, наконецъ, были склонны думать, что русскіе дѣйствительно питаютъ относительно нихъ какіе-то не совсѣмъ ясныя и быть можетъ для нихъ даже опасныя планы. Увѣренность болгаръ въ этомъ, если бы можно ее легко внушить имъ, была бы очень выгодна для князя Александра I-го—этимъ онъ бы отдалилъ симпатію болгаръ къ русскимъ и, укрѣпивъ свое личное положеніе, могъ бы легче ввести Болгарію въ сферу австро-германскаго вліянія, къ чему онъ явно стремился. Въ первые два года своего правленія князь чувствовалъ потребность опираться на Россію. Съ 1 іюля 1881 г. онъ уже отклоняется отъ Россіи и сближается по указаніямъ германской дипломатіи съ Австріей и отчасти съ Турціею. Нынѣ онъ имѣетъ подъ собою почву; въ его распоряженіи находится партія болгаръ, ненавистниковъ Россіи, и онъ началъ уже открыто выступать.

18-го апрѣля 1883 г.

Д. Н. Соболевъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1886 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ. Составилъ Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства при Еватеринѣ II. Перев. съ нѣм. изд. 1809 г., съ предисловіемъ и примѣч., В. Б.	1—20
Дмитрій Волковъ (1). — Брессанъ (4) — Князь Григ. Григ. Орловъ (6).	
II. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и перваго морскаго министра. Гл. III. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	247—270; 487—518
III. Воспоминанія Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, записанныя Александромъ Петровичемъ Бѣляевымъ (декабристъ) въ 1883 г.	519—552
IV. Нѣмецъ и французъ въ запискахъ своихъ о Россіи въ 1839 г. Перев. и сообщ. Н. К. Шильдеръ	21—54
V. Императоръ Николай и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ 1840 г. Изъ записокъ ген. Ѳедора Яковлевича Мирковича	305—334
VI. Московскій университетъ въ воспоминаніяхъ А. Н. Аванасьева, 1843—1849 г. Сообщ. Е. Аммонъ.	357—394
VII. Воспоминанія М. И. Венюкова, 1850—1856 гг.	81—104

	стр.
VIII. Послѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867—1868 гг.	
Изъ записокъ очевидца, М. И. Вавилова . . .	605—614
IX. Гавріилъ Якимовичъ Ломакинъ. Автобіографическія записки съ примѣч. В. В. Стасова. (Окончаніе).	467—485
X. Записки Дмитрія Ивановича Кипіани, съ 1820 г. (Окончаніе)	55—80; 447—466; 615—630
XI. Къ новѣйшей исторіи Болгаріи: первый князь болгарскій, 1881—1883 гг.	703—752

Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

I. По вопросу объ учрежденіи лоттерей. Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II, 1771 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. . .	271—276
II. Къ родословію графовъ Сиверсовъ. Сообщ. гр. Е. Сиверсъ	466
III. Императоръ Николай Павловичъ. Эпизодъ изъ его жизни. Сообщ. Ѳ. Д. Рудаковъ.	105—108
IV. Императоръ Николай и московское купечество на обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ 13-го мая 1833 г. Сообщ. Н. Ѳ. Ржовская.	575—582
V. Александръ Ивановичъ Казарскій, † 16-го іюня 1833 г. Сообщ. Ел. Фаренникова	203—208
VI. Кавказъ и его военачальники: Н. Н. Муравьевъ, кн. А. И. Барятинскій и гр. Н. И. Евдокимовъ, 1854—1864 гг. Очеркъ. Сост. И. С. Кравцовъ. (Окончаніе) . . .	109—150
VII. Послѣдняя польская смута. Эпизоды усмиренія мятежа 1863 г. Сообщ. А. Вязмитиновъ.	401—420
VIII. Послѣдняя польская смута 1863 г. Рассказъ участника, В. Л. Баратынскаго.	421—446; 583—604
IX. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій, по матеріаламъ, собраннымъ ред. «Русской Старины», 1782—1867 гг. Гл. XII—XIV	277—304
X. Филаретъ, митрополитъ московскій. Къ его жизнеописанію. Сообщ. I. В. Лохвицкій	304
XI. Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, род. 25-го апрѣля 1793 г., † 21-го февраля 1886 г. Очеркъ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ	151—170
XII. Павелъ Александровичъ Бестужевъ. Сообщ. В. Шумиловъ	702

СТР.

- XIII. Плевненское сѣдѣніе 1877 года. Очеркъ. ген.-маіора Н. К. Шильдера . . . . . 213—242, 655—688
- XIV. Дмитрій Емельяновичъ Гнусинъ, печныхъ дѣлъ мастеръ. Очеркъ. Состав. Н. А. Бѣлозерская . . . . . 631—654
-
- XV. Замятки и поправки. Сообщ. А. Сергѣевъ и К. Рудницкій 244, 486
-

Исторія русской литературы.

- I. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.
Стихотвореніе его, 1831 г. Сообщ. от. Мартыновъ. 355—356
- II. Николай Михайловичъ Языковъ.
Стихотвореніе его, 1831 г. . . . . 171—172
- III. Елена Андреевна Ганъ (Зенеида Р—ва), 1814—1842 гг.
Біогр. очеркъ. Состав. Е. С. Некрасова. 335—354; 553—574
- IV. Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ.
Программа Историческаго Сборника, составленная въ 1855 г. профессоромъ моск. унив. П. Н. Кудрявцевымъ. Сообщ. П. П. Копосовъ . . . . . 395—400
- V. Николай Александровичъ Добролюбовъ. Посланіе въ стихахъ къ С. Галахову. Сообщ. А. С. Галаховъ . 209—212
- VI. Николай Ивановичъ Пироговъ.
Очеркъ его жизни и списокъ его трудовъ (Изъ «Словаря русскихъ врачей», Спб., 1886 г.) Сообщ. Л. Ѳ. Змѣевъ. 639—701
- VII. Андрей Ивановичъ Подолинскій.
1. Змѣй, киевская быль, 1827 г. . . . . 173—194
2. Письма его, 1884 г. . . . . 195—202
- VIII. Александръ Николаевичъ Островскій.
Некрологъ его . . . . . 245—246
- IX. Признаніе въ любви армейскаго офицера въ 1840 гг.
Стихотвореніе. . . . . 243—244
-

Портреты и гравюры.

- I. Портретъ Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, гравировалъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 1).

II. Портретъ Гавріила Якимовича Ломакина, гравироваль
В. В. Матѣ.

(См. стр. 247).

III. Портретъ Ад. П. Берже, гравюра на мѣди, Ф. А. Мѣрвина.

(См. стр. 487).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки. Собр. И. С. Ремезовъ, съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ. Слб., 1886 г. (На обертѣ VII-й книги „Русской Старины“ изд. 1886 г.).
2. Очеркъ города Вологды по писцовой книгѣ 1627 года. Историческое изслѣдованіе А. Е. Мерцалова. Вологда, 1885 г. (Оттискъ изъ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1885 г.). (Тамъ-же).
3. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVIII стол., собран. въ разныхъ архивахъ и редактр. Д. И. Багалѣемъ. Изд. ист.-филол. общ., сост. при Имп. харьк. унив. Харьковъ, 1886 г. 358 стр. (Тамъ-же).
4. Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Т. II. Рига. 1886 г. Вып. IV. (Тамъ-же).
5. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, томъ X, 1853—1878 гг. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Слб. 1886 г. (На обертѣ VIII-й книги „Русской Старины“ изд. 1886 г.).
6. Протоколы засѣданій Археографической комиссіи 1835—1870 гг. Вып. I. Слб. 1885 г. 636 стр. (Тамъ-же).
7. Матеріалы для исторіи Воронежскаго края. (Тамъ-же).
8. Историческіе матеріалы. Изъ архива кievскаго губернскаго правленія. Вып. X. Сост. Ал. Андреевскій. К. 1886 г. 244 стр. (Тамъ-же).
9. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. XLVI и L. Стр. 728+558. Слб. 1885—86. (На обертѣ IX-й книги „Русской Старины“ изд. 1886 г.).
10. О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода. I. П. Сепигова. Слб. 1886, стр. 125. (Тамъ-же).
11. Ежегодникъ Владимирскаго губернскаго статистич. комитета. Т. V, изд. подъ ред. А. В. Алъбицкаго. В. 1885. 104 стр. (столбц.) in 4°, съ приложен. таблицъ. (Тамъ-же).
12. Н. Лихачевъ. Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочиненія. (Библиографическая замѣтка). Казань. 1886 г. 82 стр. (Тамъ-же).
13. Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Воронежскимъ губ. статистич. комитетомъ. Т. I. Воронежъ. 1886. 753 стр. (Тамъ-же).
14. Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ. Слб. 1886. 6. 8 д. 490+IX стр. (Тамъ-же).

убада, съ рисунк. Статьи эти принадлежатъ мѣстнымъ изслѣдователямъ: Н. Г. Добрыниану, Н. С. Стромиллову, А. Боброву, И. А. Голышову. В. И.

Н. Лихачевъ: Григорій Николаевичъ Городчаниновъ (1771—1852) и его сочиненія. — Библиографическая записка. — Казань, 1886 г. 8 д. 82 стр.

Городчаниновъ одинъ изъ профессоровъ казанскаго университета, по кафедрѣ ординарнаго «яраснорѣчя», писатель плодовитый, но ярый поклонникъ Пушкина, искренній угодникъ обскуранта Магницкаго — не признавалъ никакихъ реформъ въ языкѣ; переживъ эпоху Пушкина, Жуковского, Гоголя, — онъ считалъ еще Карамзина опаснымъ и неумѣстнымъ новаторомъ. Для чего понадобилась библиографія трудовъ этого пѣнты во вкусѣ первой половины XVIII вѣка — сказать трудно. Но трудъ, употребленный для составленія «библиографической записки» о сочиненіяхъ Городчанинова — великъ и добросовѣстенъ; все указанія сдѣланы чрезвычайно точно и должно пожелать, дабы г. Н. Лихачевъ употребилъ свои силы на библиограф. изслѣдованія о писателяхъ и ученыхъ, имѣющихъ действительное значеніе.

Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія города Воронежа (1686—1886). Изд. Воронеж. губ. статистич. комитетомъ. — Воронежъ. 1886 г., въ 8 д., 753 стр., съ прилож. портретовъ и рисунковъ (литограф.). Томъ I.

Провинціальная русско-историческая литература съ каждымъ годомъ обогащается новыми и нерѣдко весьма цѣнными вкладками. Настоящій сборникъ достойно влѣчаетъ собою довольно длинный рядъ изданій матеріаловъ для исторіи Воронежскаго края; здѣсь соединены весьма обстоятельно обработанныя очерки нѣсколькихъ мѣстныхъ писателей въ области исторіи и этнографіи края. Особенно хороши статьи — Л. В. Вейяберга (секретаря статистич. комитета) — Городъ Воронежъ, историч. очеркъ; — Матеріалы для исторіи города; — Воронежская почта; — Воронежскій край въ санитарномъ отношеніи. — Любопытно также собраніе служебныхъ бумагъ Антона Веневитинаова и списки лѣсамъ, отведеннымъ при Петрѣ I на строеніе Во-

ронезскаго флота, сообщенныя М. А. Веневитиновымъ. Укажемъ также на статью: Н. А. Цопова: Очеркъ земледѣлія и мѣжеванія въ Воронежской губерніи; Ф. А. Щербиня: Четвертое земледѣліе въ Воронежской губерніи; С. Н. Придкина: Очеркъ говора села Сергѣевки, Воронеж. губ.; Н. В. Воскресенскаго: О Кудоярѣ разбойникѣ и владонскателяхъ, и другія.

Во вѣншемъ отношеніи — изданіе все еще довольно среднее: приесть, по крайней мѣрѣ часть его, требуетъ обновленія, — литограф. снимки — аляповаты. Вообще «Воронез. Статистич. Комитету» слѣдовало бы взять въ образецъ — во вѣншемъ отношеніи — превосходно изданную А. П. Сапунновымъ книгу «Витебская Старина».

Собраніе мѣній и отзывовъ митр. Филарета по дѣламъ православной церкви на Востоцѣ. Спб. 1886. 6. 8 д., 490 + IX стр. Ц. 2 р.

Настоящій томъ монументальнаго, въ высшей степени важнаго, изданія святѣйшаго синода есть памятникъ заботъ святаго Филарета о благосостояніи церкви константинопольской. Миръ ея былъ нарушенъ въ концѣ 1850-хъ гг. преобразованіями въ устройствѣ ея іерархіи и весьма памятною греко-болгарскою церковною распріею. Въ предисловіи къ этому драгоценному сборнику читатель найдетъ весьма обстоятельный очеркъ тѣхъ событій, которыхъ касаются мѣнія и отзывы митроп. Филарета, собранные въ настоящемъ изданіи. Въ концѣ книги помѣщены бумаги Филарета, касающіяся нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, за время съ 15 мая 1859 г. по 23 октября 1866 г. Здѣсь, какъ справедливо указано въ предисловіи, особливаго вниманія заслуживаютъ записки митрополита: «О возобновленіи купола Іерусалимскаго храма», замѣчанія на проектъ управленія богоугодными заведеніями въ Палестинѣ и рядъ статей о неурядиствахъ въ нашей духовной іерусалимской миссіи. Необходимо замѣтить, что текстъ «Мѣній и отзывовъ Филарета» и въ этомъ томѣ, какъ и въ прочихъ четырехъ книгахъ этого прекраснаго изданія, обставленъ пояснительными примѣчаніями и сопровождается весьма подробнымъ алфавитнымъ указателемъ.

М. С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитнія, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (54 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (40 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

ОКТАБРЬ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ	1	VII. Письма князя А. И. Барятинскаго къ гр. И. И. Евдокимову. Сообщ. графиня А. А. Евдокимова	181
II. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и перваго морскаго министра. Гл. VI. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	25	VIII. Последняя польская смута. 1863 г. Рассказъ В. Л. Барятинскаго	185
III. Записки Александра Михайловича Тургенева. Гл. XXXI—XL	45	IX. Плевненское сѣдѣніе, 1877 г. Очеркъ Н. К. Шильдера	211
IV. Эразмъ Ивановичъ Стоговъ, его посмертныя записки. Сообщ. Т. Э. Звучицкая	77	X. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: Максимцевъ и Скрыпальевъ (210). — Оадей Дубовцевъ (225). — Кн. Щербатовъ, 1802 г. (228). — Бар. А. Боде, его стихотворенія: «Смерть» и «Кого ужь пѣтъ!» (229 и 231). — «Единство», шутка гр. А. Толстаго (233). — Собраніе портретовъ декабрист. (234) — М. С. Щенкина (230). — Поправки и замѣтки (232, 234, 236 и 237).	
V. Николай Васильевичъ Гоголь въ его письмахъ къ М. С. Щенкину. Сообщ. Н. С. Тихонравовъ	129	XI. Библиографическій листокъ.	
VI. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Часть III. Гл. II—IV. 149	149		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ гр. И. И. Евдокимова, гравир. Г. Н. Грачевъ. — II. Портретъ Эразма Ивановича Стогова, гравир. Г. Н. Грачевъ. — III. Памятникъ гр. И. И. Евдокимову, гравир. Г. Н. Грачевъ.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.
Семнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить за одинъ руб. — Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе), сорокъ гравюръ, исполненныхъ лучшими русск. художниками. (Осталось не много экземпляровъ).

Напечатана и разсылается новая книга: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова (второе изданіе), цѣна шесть руб. Подписчики «Русской Старины» могутъ получить эту книгу (до 1-го дек. 1886 г.) за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1886 г.

Присоединение Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія. Н. Дубровинъ. Т. I, 1775—1777 гг. 862 стр.; т. II, 1778 г., 924 стр. Ц. 7 р.

Въ разныхъ историческихъ изданіяхъ (особенно Читаніяхъ московск. общ. истор.) отъ времени до времени появлялись матеріалы по настоящему вопросу, занимающему, какъ известно, видное мѣсто въ дипломатической и политической исторіи царств. Екаторины II.; но съ изданіемъ Академіею Наукъ настоящаго систематическаго сборника документовъ исторія ея царствованія приобретаетъ новый богатый источникъ данныхъ, трудолюбиво и тщательно приведенныхъ въ порядокъ неутомимымъ изыскателемъ матеріаловъ по исторіи Россіи XVIII и начала XIX стол., хранящихся въ нашихъ архивахъ. Изданные два тома только начало предпринятаго обширнаго изданія. Къ каждому тому приложенъ указатель именъ; во къ послѣднему тому, кромѣ того, общіи библиографическій указатель и сводъ всего, что относится до присоединенія Крыма къ Россіи.

Замѣтимъ кстати, что надняхъ появилась, изданная также Академіею Наукъ, рецензія г. Дубровина на сочиненіе г. Петрушевскаго о Суворовѣ, сопровождаемая дополнительными матеріалами, картою и библиографическимъ указателемъ матеріаловъ и сочиненій о Суворовѣ (Спб. 1886. Ц. 1 р. 50 к.).

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издан. братств. св. митр. Петра, подъ ред. Н. Субботина. Т. VII. М. 1885. XXX+433. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій томъ занятъ сочиненіями раскольническаго писателя, инока Аврамія, изданными по рукописному сборнику Синодальной библіотеки и рукописей библіотеки Глудова. Изданіе сопровождается библиографическими указаніями редактора. Въ составѣ его входятъ слѣдующія статьи: «Христіано-опасный щить вѣры», «Книга, глаголемая челобитная», «Вопросъ и отвѣтъ старца Аврамія», «Посланіе отца Аврамія и страдалца за вѣру къ цѣлому богомольцу», «Объ антихристовой прелести». Въ ряду многочисленныхъ ссылокъ на церковные авторитеты видно, какимъ громаднымъ значеніемъ пользовался у защит-

никовъ старины Максимъ Грекъ (96, 230—232, 303, 329, 331, 380, 397 и мн. д.); съ такимъ же характеромъ представляются и опредѣленія Стоглава, какъ соборнаго дѣянія, обязательнаго въ церковной практикѣ (329). Весьма характерно обращеніе автора «Челобитной» къ ц. Алексѣю Михайловичу: «Послушай, Михайловичъ, о новыхъ служебникахъ, иже при Никонѣ богоотступникѣ» и т. д. Въ тѣхъ же произведеніяхъ мы находимъ рядъ мѣстъ, подтверждающихъ, какъ глубоко пала уже въ мѣвѣи русскихъ греки, задолго еще до реформы Петра В., а этимъ самымъ ясно намѣчается и поворотъ отъ старыхъ учителей къ новымъ. «Лучше, государь, писать свѣ, старымъ грекамъ вѣрять, а не нынѣшнимъ плутамъ, турскимъ святителямъ, которые мнятъ вѣру и продаютъ на золотѣ, и на серебѣ, и на соборѣ сибирскіе» (324—325; ср. стр. 70, 97, 99, 396). Хотя настоящія произведенія имѣютъ преимущественно полемико-богословскій характеръ, но въ нихъ историкъ можетъ найти интересныя бытовныя черты, не мало данныхъ о патр. Никонѣ и т. п.

Вѣстникъ археологій и исторіи, издав. Археологическимъ Институтомъ. Вып. I—V. 1885—86. Спб. Ц. 5 р.

Обращаемъ вниманіе на это изданіе, къ сожалѣнію оставшееся почти незамѣченнымъ въ нашей печати. Какъ видно, оно должно было замѣнить «Археологическій Сборникъ» Института и предпринято было подъ ред. покойнаго Н. В. Калачова, на средства почетнаго члена М. В. Глукова. При этомъ предполагалось издавать его повременнымъ (6 вып. въ годъ). Самое изданіе должно служить органомъ для бавжайшаго ознакомленія съ дѣятельностью архивныхъ комиссій и занятіями Института, посвященными спеціальному изученію архивнаго матеріала и древности. Такимъ образомъ, въ вышедѣанныхъ пяти выпускахъ напечатаны матеріалы объ учрежденіи означенныхъ комиссій и отчеты о дѣятельности орловской, тамбовской, тверской и рязанской комиссій; объ устройствѣ историческаго архива при харьковскомъ университетѣ; свѣдѣнія о монетахъ и древностяхъ, пожертвованныхъ музею института; описанія монастырей (Успенскаго женскаго въ г. Александровѣ Владим.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 ГОДА.

1886 г.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

ВЪ 1864 г.

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ ¹⁾).

LXVI. ИВАНЪ ОРЛОВЪ II.

Иванъ Григорьевичъ Орловъ, старшій братъ князя, воспитывался вмѣстѣ съ нимъ и Алексѣемъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ гвардію унтеръ-офицеромъ и въ этомъ званіи много содѣйствовалъ перевороту, которымъ Орловы составили свое счастье. Когда возмущеніе было счастливо исполнено, онъ вышелъ въ отставку. Онъ никогда не хотѣлъ занимать никакого мѣста ни при дворѣ, ни въ арміи. Онъ принялъ только графское достоинство, значительныя имѣнія и ежегодную пенсію въ 20,000 рублей ²⁾, которая была обезпечена каждому изъ главныхъ дѣятелей въ заговорѣ Екатерины II. Изъ всѣхъ братьевъ онъ пользовался наибольшимъ вѣсомъ у своего брата князя. Императрица знала это и потому вызвала его въ 1772 г. въ Петербургъ и послала въ Гатчину и въ Царское Село, чтобы сдѣлать «избранника въ отставку» болѣе сговорчивымъ; но на этотъ разъ краснорѣчіе Ивана оказалось тщетнымъ. Григорій упрямо стоялъ на своемъ мнѣніи, пока самъ, наконецъ, не сдался.

Графъ Иванъ Орловъ жилъ еще въ 1794 году; но мы полагаемъ, что онъ умеръ до начала царствованія Павла I, потому что этотъ государь, вѣроятно, силою привлекъ бы его ко двору, подобно его брату Алексѣю, по случаю торжественнаго погребенія Петра III.

Примѣч. переводчика. Иванъ Григорьевичъ Орловъ, 1732—1791. Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 13, 53, 62, 208; XIV, 443); Письмо Екатерины II (Сборникъ, I, 111); Сочин. Державина, изд. Грота, IX, 709; Письма И. Г. Орлова (Воронцовъ, XXVII, 8); Лонгиновъ, Запѣтка (Архивъ, 1863, 457). [См. прим. подъ № 65].

В. В.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, июль, стр. 1—20.

²⁾ Извѣстія объ этихъ пенсіяхъ за революцію весьма различны, но большинство мнѣній сходится въ томъ, что онѣ достигали 20,000 рублей. Самые незначительныя помощники получали по 2,000 рублей ежегодно.

ЛХVII. АЛЕКСѢЙ ОРЛОВЪ III.

Дорогіе монументы въ царскосельскомъ саду представляются только воспоминаніемъ павшаго величія. Бѣльшая часть высокнхъ государственныхъ мужей, въ честь которыхъ они воздвннуты, пережили свое значеніе и, вмѣстѣ съ нимъ, шаткую милость государыни, которая ставила эти памятники въ припадкѣ слабости, даже иногда страха (?), или изъ склонности къ тщеславію и расточительности, такъ что ихъ можно назвать монументами ея собственныхъ страстей. Взглядъ на эти монументы даетъ богатый матеріалъ для размышленія. Чувствуешь серьезную печаль о павшемъ земномъ величіи, мимолетное существованіе котораго обязано единственно людямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ радостью понимаешь блаженное успокоеніе, даруемое сознаніемъ превосходства собственнаго духа и сердца, не нуждающагося ни въ какихъ тлѣнныхъ памятникахъ изъ мѣди и камня, но благотворительностію своихъ дѣяній воздвигающаго себѣ прочныя монументы, которые не могутъ быть разрушены никакою человѣческою рукою, какъ ни была бы она властна, и даже противостоятъ всеразрушающему времени.

Алексѣй, третій изъ братьевъ Орловыхъ, получилъ одинаковое воспитаніе съ обоими старшими братьями и сталъ потомъ также унтеръ-офицеромъ въ гвардіи. Онъ оказывалъ полное согласіе съ мнѣніями всѣхъ своихъ братьевъ, но, кажется, имѣлъ все-таки бѣльшее пристрастіе къ Григорію, чѣмъ къ другимъ. Впрочемъ, онъ раздѣлялъ съ братьями всѣ ихъ юношескіе дебоши, изъ которыхъ одинъ отпечаталъ на его лицѣ знакъ, оставшійся навсегда. Въ домѣ виноторговца Юберкампа ¹⁾, въ Большой Милліонной улицѣ, въ Петербургѣ, Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, бывшій тогда только сержантомъ гвардіи, затѣялъ серьезную ссору съ простымъ лейбъ-кампанцемъ Сваневичемъ ²⁾. Орловъ хотѣлъ уже удалиться, но былъ имъ преслѣдуемъ,

¹⁾ Этотъ прекрасный домъ, въ которомъ нѣкогда былъ почтамтъ, принадлежалъ въ 1790-хъ годахъ виноторговцу Сиверсу.

²⁾ Шванвичъ, позже вронштадтскій комендантъ. Щербатовъ, 677; Ка-
рабановъ, IV, 388, прим. В. В.

настигнуть на улицѣ и избить. Ударъ пришелся по лѣвой сторонѣ рта. Раненый Алексѣй былъ тотчасъ же отнесенъ къ знаменитому врачу Каавъ-Бергаве ¹⁾ и тамъ перевязанъ. Когда онъ вылечился, все еще оставался рубецъ, отчего онъ и получилъ прозваніе Орловъ со шрамомъ (le Balafre).

Въ революцію 1762 г. онъ былъ, быть можетъ, самый дѣятельный изъ братьевъ и своими усиліями содѣйствовалъ переходу гвардіи на сторону Екатерины. Когда, въ ночь передъ рѣшительнымъ днемъ, заговорщики распредѣлили между собою роли, какія каждый изъ нихъ долженъ былъ взять на себя при возмущеніи на слѣдующее утро, Алексѣю Орлову было поручено ѣхать вмѣстѣ съ Бибиковымъ ²⁾, сержантомъ гвардіи, въ Петергофъ и взять императрицу, которая находилась тамъ съ нѣсколькими лицами. Они это исполнили. Княгиня Дашкова, уже давно приготовившая для императрицы телѣжку и крестьянскую лошадь, не вдалекѣ отъ Петергофа, дала Орлову записочку къ императрицѣ, чтобъ убѣдить ее, что отсылка обоихъ сержантовъ состоялась по общему соглашенію всѣхъ заговорщиковъ. Съ быстротою молніи поскакали Орловъ и Бибиковъ въ Петергофъ и скоро прибыли туда. Алексѣй не зналъ петергофскаго дворца, но Григорій, хорошо знавшій внутреннее расположеніе комнатъ, хорошо научилъ его, и братъ хорошо усвоилъ урокъ. Никѣмъ не остановленный, Орловъ разбудилъ Екатерину и, не упоминая о письмѣ Дашковой, сказалъ ей просто:

— «Поспѣшите, нельзя терять ни минуты. Въ Петербургѣ все готово».

Какъ стрѣла выскочилъ онъ изъ комнаты, добылъ карету и, прежде чѣмъ Екатерина, обуреваемая различными ощущеніями, могла до нѣкоторой степени собраться съ духомъ и одѣться, Алексѣй былъ уже опять въ комнатѣ и крикнулъ ей:

— «Вотъ ваша карета—садитесь».

Императрица сѣла; рядомъ съ нею сѣла ея камерфрау Екатерина Ивановна Череговская; на запятки сталъ ея слуга Шкуринъ;

¹⁾ Германъ Каавъ, лейбъ-медикъ великаго князя Петра, былъ племянникъ всемірно извѣстнаго Бергаве, фамилію котораго онъ принялъ. Каавъ-Бергаве жилъ въ домѣ графа Шереметева въ Милліонной улицѣ.

²⁾ Бибиковъ—быть можетъ, тотъ, который въ послѣдующіе годы жилъ съ великимъ княземъ Павломъ. Онъ поэтому былъ жертвою ненависти Потемкина, котораго Бибиковъ въ своихъ письмахъ къ Александру Кураину, вышнему послу въ Вѣнѣ и тогдашнему другу наслѣдника, всегда называлъ le Vogne и о которомъ писалъ много дурнаго. Быть можетъ также, что это тотъ генералъ, который былъ посланъ противъ Пугачева.

Орловъ былъ кучеромъ. Бибиковъ ѣхалъ верхомъ. Какъ ни мало соотвѣтствовало это положенію дѣла и весьма понятной боязливости путниковъ, все таки, какъ мы увидимъ, это маленькое путешествіе прошло очень весело. Императрица и ея камерфрау, обѣ, второпяхъ, забыли надѣть весьма существенныя принадлежности дамскаго туалета, что дало поводъ (имъ самимъ) къ смѣху. Лошади Орлова были слабы. Когда они на дорогѣ встрѣтили крестьянина съ возомъ сѣна, у котораго была добрая лошадка, Алексѣй предложилъ ему обмѣнять ее на одну изъ своихъ. Крестьянинъ отказался. Орловъ вступилъ въ драку съ нимъ, осилилъ его, выпрягъ его хорошую лошадь и оставилъ ему свою дрянную. Когда путники приблизились къ столицѣ, они встрѣтили саксонца Неймана, котораго посѣщали многіе молодые люди и въ томъ числѣ Орловы. Нейманъ, увидя своего друга Алексѣя, закричалъ ему дружески по русски:

— «Эй, Алексѣй Григорьевичъ, къмъ это ты навьючилъ экипажъ?»

— «Знай помалчивай», отвѣчалъ Орловъ, «завтра все узнаешь».

Такимъ образомъ прибыли они въ казармы Измайловскаго полка, ближайшія по пути. Возстаніе началось тотчасъ-же. Послѣ того, какъ поддержка всей гвардіи была обезпечена, императрица, въ той же каретѣ, отправилась въ Казанскій соборъ. Прежде еще, чѣмъ поѣздъ тронулся, Алексѣй, увлеченный промелькнувшимъ добрымъ побужденіемъ, подошелъ къ императрицѣ и сталъ шептаться съ нею. Онъ условился съ нею, что передъ церковью провозгласитъ ее не императрицей-регентшей, какъ было въ планѣ заговорщиковъ, особенно же обергофмейстера Панина, но самодержицею Россіи: она, однако, должна была обѣщать ему взять себѣ въ помощники, по достиженіи совершеннолѣтія, великаго князя Павла... Екатерина обѣщала.

Орловъ вскочилъ на лошадь, поскакалъ впередъ и, едва императрица приблизилась къ церкви, провозгласилъ ее монархиней Россіи.

Алексѣй былъ щедро вознагражденъ за свои старанія. Изъ всѣхъ Орловыхъ, онъ получилъ наиболѣе, послѣ Григорія, и почетныхъ должностей, и богатствъ. Онъ имѣлъ случай пользоваться этими богатствами. Въ это время дворъ Екатерины былъ болѣе роскошнымъ и шумнымъ, чѣмъ когда либо. Орловы прославляли его своею красотою, увлекательною веселостію и изысканнымъ обращеніемъ. Орловы, съ успѣхомъ вступавшіе въ состязаніе со всѣми рубаками и превосходившіе ихъ даже въ такъ называемыхъ русскими кулачныхъ бояхъ, легко одерживали побѣды и въ рыцарскихъ упражненіяхъ. Въ то время въ Петербургѣ устроился знаменитый карусель. Григорій вель римскій кадрилъ, Алексѣй—турецкій. Ихъ костюмъ превзошелъ все, что только

можно себя представить, а их ловкость и сила соответствовали ожиданію, внушавшемуся ихъ величественнымъ видомъ. Изъ всѣхъ рыцарей, Григорій и Алексѣй были самые искусные. Они одержали рѣшительную побѣду, которая была сомнительна только между ними обоими. Алексѣй былъ настолько уменъ, что предоставилъ ее брату. Оба брата заказали свои портреты, во весь ростъ, верхомъ, въ карусельныхъ костюмахъ, и эти прекрасныя картины видны еще и теперь въ императорскомъ Эрмитажѣ, рядомъ съ картиною Екатерины II, на которой она изображена верхомъ на лошади, въ формѣ гвардейскаго пѣхотинца, какъ была въ день восшествія на престоль.

Но Алексѣй Орловъ не находилъ удовольствія своему честолюбію въ блестящемъ и извѣженномъ придворномъ кружкѣ. Въ это именно время первая турецкая война представляла случай стяжать себя славу. Орловъ былъ генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ императрицы, поручикъ кавалергардовъ, полковникъ Преображенскаго полка и кавалеръ тогдашнихъ русскихъ орденовъ. При такомъ выдающемся положеніи онъ не желалъ занимать подчиненную роль. Равнымъ образомъ, ему нельзя было поручить никакого командованія надъ сухопутными арміями, которыя были ввѣрены старѣйшимъ и опытѣйшимъ полководцамъ. Онъ сдѣлалъ или, скорѣе, только представилъ императрицѣ операціонный планъ для флота, который долженъ крейсировать въ Архипелагѣ и дѣлать завоеванія въ тамошнихъ турецкихъ владѣніяхъ. Планъ льстилъ славолюбію императрицы, поэтому понравился и былъ принятъ. Алексѣй Орловъ былъ назначенъ генералиссимусомъ или генераль-адмираломъ всего русскаго флота въ Архипелагѣ. Въ 1771 г. Орловъ появился на короткое время въ Петербургѣ и представилъ дальнѣйшіе проекты. Онъ получилъ тогда подписанное императрицей полномочіе, которымъ ему предоставлялась полнѣйшая власть предпринимать со ввѣреннымъ ему флотомъ все, какія ему заблагоразсудится, дѣйствія, не опасаясь никакой когда либо отвѣтственности. Никогда ни прежде, ни послѣ не выдавалось такого безграничнаго и законнаго полномочія. Вся эта экспедиція представляла европейскимъ берегамъ зрѣлище какого-то пышнаго театральнаго спектакля. Это сравненіе справедливо и въ другомъ отношеніи. Эта экспедиція была дорога и безцѣльна. Уже въ 1772 году она стоила болѣе 20 милліоновъ рублей. Эта экспедиція сдѣлала незначительныя завоеванія, которыя, къ тому же, были возвращены по заключеніи мира, и имѣли для побѣжденныхъ самыя злосчастныя послѣдствія. Однимъ изъ величайшихъ подвиговъ Орлова было сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, за что онъ получилъ прозваніе Чесменскаго. Алексѣй заказалъ

знаменитому живописцу Гэкерту ¹⁾ представить это страшное и величественное событіе въ четырехъ картинахъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, и въ четыре послѣдовательные момента. Чтобъ дать возможность художнику представить себѣ во очію это страшное событіе, генералиссимусъ (конечно, съ безразсудствомъ) взорвалъ на воздухъ, близъ Ливорно, старое военное судно. Остальное же было дополнено рассказами или предоставлено художественной фантазіи живописца. Эти прекрасныя картины висятъ еще и теперь въ аудіенц-залѣ въ Петергофѣ и были выгравированы на мѣди англійскимъ художникомъ.

Тамъ же, въ Ливорно, Алексѣй Орловъ обманулъ беспомощную и ужъ, конечно, безвредную дочь Елизаветы (самозванку) и увезъ ее умирать въ Россію ²⁾.

Но прежде еще, чѣмъ все это произошло, и когда Орловъ находился еще при флотѣ, Григорій потерялъ мѣсто избранника. Императрица, опасавшаяся того и другаго, послала къ Алексѣю курьера, сообщила ему объ удаленіи его брата отъ двора и присоединила обычныя въ подобныхъ случаяхъ завѣренія и любезности. Этотъ шагъ казался, однако, императрицѣ недостаточнымъ для ея спокойствія. Она страшилась предприимчиваго духа Алексѣя Орлова, которому легко могло придти на мысль поддержать неподатливый характеръ своего брата. Она послала, поэтому, втораго курьера къ генераль-адмиралу, приказывая ему ни въ какомъ случаѣ не покидать флота. Но такъ какъ и это казалось недостаточнымъ, то графу Броуну ³⁾, генераль-губернатору Лифляндіи, данъ былъ строжайшій приказъ наблюдать за всѣми путешественниками, прибывающими въ Ригу, и если въ числѣ ихъ окажется Алексѣй Орловъ, то не пропускать его.

Когда Орловъ, вѣскольکو лѣтъ спустя, явился, наконецъ, въ Петербургъ, онъ нашелъ здѣсь большія перемѣны, которыя, однако, не имѣли дурнаго вліянія на его судьбу. Напротивъ, императрица, вѣроятно изъ осторожности, дѣлала всевозможное, чтобъ показать ему, что она желаетъ, по крайней мѣрѣ, по виду оставаться его другомъ. Всѣ искусства должны были соревновать въ прославленіи и увѣковѣченіи его побѣды. Въ театрѣ давались представленія въ его похвалу. Образы

---

¹⁾ Филиппъ Гекертъ, родомъ бранденбуржець, былъ величайшимъ ландшафтнымъ живописцемъ своего времени; онъ умеръ Римѣ, въ 1807 году.

²⁾ См. послѣднее примѣч. подъ № 62.

В. В.

³⁾ Графъ Броунъ, родомъ англичанинъ, еще при Петрѣ I вступилъ въ русскую военную службу и умеръ въ 1790-хъ годахъ, въ Ригѣ, будучи генераль-губернаторомъ Лифляндіи и генераль-аншефомъ.

Петра I, Екатерины II и Алексѣя Орлова—странное сопоставленіе—смѣнялись одинъ другимъ и хоры величали въ хвалебныхъ гимнахъ подвиги побѣдителя турокъ. Въ честь его были вычеканены медали съ изображеніемъ его въ костюмѣ бога войны. Въ Царскомъ Селѣ его память прославили однимъ изъ прекраснѣйшихъ и дорогихъ памятниковъ. Огромный кусокъ мрамора, обдѣланный въ форму монумента, возвышается на глыбѣ гранита. Небольшой императорскій загородный дворецъ, до настоящаго времени называвшійся Кикерикекесино (Лягушечье гнѣздо), былъ названъ Чесмою и обращенъ во дворецъ или въ домъ капитула военнаго ордена св. Георгія. Въ главной залѣ стоитъ большой и великолѣпный письменный столъ изъ бронзы и эмали. Посрединѣ—колонна, украшенная военными доспѣхами. Около нихъ три щита. На двухъ нарисованы прелестные ландшафты Чесмы; на третьемъ изображена императрица на тронѣ и графъ Алексѣй Орловъ, колѣнопреклоненный, принимаетъ большую ленту военнаго ордена, — настолько рѣдкое отличіе ¹⁾, что до сихъ поръ никогда болѣе четырехъ кавалеровъ не носили этой ленты. Но самымъ существеннымъ изъ всего были тѣ несмѣтные богатства, которыя получилъ Орловъ.

Все это, однако, не могло уже болѣе привязывать его ко двору, гдѣ, съ уходомъ брата Григорія, съ нимъ обходились хотя, повидимому, и отлично, но не съ прежнею сердечностью. Для него было невыносимо своевольное всемогущество Потемкина. Такъ какъ онъ былъ очень богатъ и могъ жить роскошно и совершенно независимо, то и просилъ объ отставкѣ. Онъ получилъ ее послѣ нѣкотораго удерживанія, бывшаго результатомъ скорѣе вѣжливости, чѣмъ серьезнаго желанія удержать его на службѣ, и отправился въ Москву. Тогда онъ былъ генераль-аншефомъ. Когда умеръ его братъ, князь, императрица отдала графу Алексѣю тотъ свой портретъ, который носилъ Григорій—знакъ отличія, бывший только у Потемкина.

Лѣтомъ 1791 года графъ Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и присутствовалъ въ Петергофѣ на празднествахъ въ день восшествія на

---

¹⁾ Въ годъ смерти Екатерины II, основательницы ордена, большую ленту носили: генераль-аншефъ Орловъ-Чесменскій, фельдмаршалъ Суворовъ-Рымникскій, адмиралъ Чичаговъ и фельдмаршалъ Репнинъ. Павелъ I никогда не носилъ ея: онъ не получилъ ее, будучи великимъ княземъ, а ставъ императоромъ не хотѣлъ носить. Онъ и не раздавалъ ея, но взамѣнъ того орденъ св. Анны сдѣлалъ военнымъ орденомъ. Орденъ св. Георгія имѣетъ бѣлый крестъ. Кавалеры ордена раздѣляются на четыре степени и носятъ орденъ на лентѣ изъ трехъ оранжевыхъ и четырехъ черныхъ полосъ.

престоль. Видѣть Орлова на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло это знаменательное событіе, видѣть въ тотъ именно день, когда чествуется воспоминаніе объ этомъ событіи, и видѣть окруженнымъ многими соучастниками, было зрѣлищемъ весьма оригинальнымъ и поучительнымъ для психологовъ, но не мало неутѣшительнымъ для друзей человечества. Видно было, что прошлое сдѣлало его угрюмымъ, а настоящее—недовольнымъ. Быть можетъ, онъ говорилъ самъ себѣ, что если-бы онъ въ 1762 году поступилъ болѣе сообразно съ своимъ долгомъ, положеніе Россіи въ 1791 году могло бы быть лучше (?!), и что если-бы онъ остался въ то время вѣренъ своему государю, онъ теперь хотя и не былъ бы въ такой блестящей матерьяльной обстановкѣ, но зато не испытывалъ бы угрызений совѣсти и разлада въ своемъ сердцѣ.

Вѣроятно, болѣе вслѣдствіе досады, чѣмъ доброжелательства, Орловъ очень свободно говорилъ тогда съ императрицей, и напомнилъ ей объ ея обѣщаніи принять въ соправители великаго князя Павла по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Неизвѣстно, что она отвѣчала ему, но послѣдствія показали, что она не обратила никакого вниманія на это напоминаніе.

Алексѣй поѣхалъ обратно въ Москву и, пока жила Екатерина, никогда уже не прѣзжалъ въ Петербургъ. Но вскорѣ по ея кончинѣ обязанъ былъ посѣтить Петербургъ, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ прежде.

Павель I вступилъ на престоль и (доказательство, что онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, исторію Петра III) тотчасъ же вызвалъ графа Алексѣя Орлова въ Петербургъ. Легко себѣ представить съ какимъ судорожнымъ чувствомъ онъ ѣхалъ изъ Москвы, прибылъ въ Петербургъ и отправился на аудіенцію. Аудіенція происходила при закрытыхъ дверяхъ; слышенъ былъ только горячій разговоръ. Нѣкоторые утверждаютъ, что слышали отъ другихъ, будто графъ вышелъ изъ комнаты императора прихрамывая. Это, однако, не доказано и не можетъ намекать на дурное обращеніе. Павель I никогда не могъ бы забыться до такой степени, ни Орловъ—стерпѣть такое обращеніе. Быть можетъ, Алексѣй страдалъ подагрой и уже прихрамывая вошелъ въ комнату, такъ какъ извѣстно, что его видѣли прихрамывающимъ при погребеніи Петра III. Какъ бы то ни было, но его еще ожидала болѣе ужасная месть. При торжественномъ принятіи праха Петра III изъ Александроневскаго монастыря и перенесеніи изъ монастыря въ императорскій Зимній дворецъ и изъ дворца въ крѣ-

постъ ¹⁾, графъ Алексѣй долженъ былъ идти передъ гробомъ и нести императорскую корону. Не нужно быть очень чувствительнымъ, чтобъ содрогнуться, живо представивъ себѣ настроеніе, въ которомъ долженъ былъ находиться Орловъ. Одинъ изъ первыхъ чиновъ при императорскомъ дворѣ, уже въ глубокой старости и въ болѣзненномъ состояніи, онъ долженъ былъ сдѣлать пѣшкомъ трудный переходъ болѣе, чѣмъ въ три четверти часа, и на всемъ этомъ пути быть предметомъ любопытства, язвительныхъ улыбокъ и утонченной мести! Для него, конечно, не могло служить успокоеніемъ то обстоятельство, что его сопровождалъ князь Барятинскій ²⁾ (участникъ событій 1762 г.), также несшій теперь регалии.

Послѣ погребенія императорской четы, Петра III и Екатерины II, Орловъ долженъ былъ немедленно уѣхать, что онъ охотно исполнилъ, но не могъ оставаться въ Москвѣ, когда новый монархъ прибылъ туда для коронаціи. Съ трудомъ получилъ онъ разрѣшеніе ѣхать за границу и отправился въ Дрезденъ. Онъ хотѣлъ купить себѣ помѣстье въ Саксоніи, но мудрое саксонское правительство постаралось отклонить его отъ этого намѣренія, не желая ссориться съ тогдашнимъ русскимъ дворомъ, крайне чувствительнымъ къ малѣйшимъ оскорбленіямъ.

По смерти Павла I, Алексѣй Орловъ возвратился въ Россію и умеръ въ Москвѣ, въ 1808 году. Въ газетахъ было напечатано: восьмидесятилѣтній сержантъ, тридцать лѣтъ служившій въ домѣ графа Орлова и спасшій ему однажды жизнь, былъ въ числѣ провожавшихъ тѣло графа Орлова, помогаль опустить гробъ въ могилу и тутъ же мгновенно умеръ.

Извѣстны высокія должности, которыя занималъ Алексѣй Орловъ; было замѣчено, что онъ характеромъ весьма походилъ на своего брата Григорія, но былъ умнѣе его.

¹⁾ О вторичномъ погребеніи императора Петра III (Архивъ, 1871, 2066); Разказы вн. М. С. Голицына, № 33 (Архивъ, 1869, 644); Воспоминаніе Лубяновскаго (Архивъ, 1872, 150); Де-Сангленъ („Русская Старина“, 1875, XII, 483). В. В.

²⁾ Въ послѣдніе годы жизни Екатерины II князь Барятинскій былъ обер-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Послѣ провожанія, какъ и Алексѣй Орловъ, трупъ Петра III, Павелъ I сослалъ Барятинскаго на житье въ его помѣстье. Гдѣ онъ въ настоящее время (1808 г.) и живъ-ли, мы не знаемъ. По милости Екатерины II, онъ былъ очень богатъ. Его жена была урожденная княжна Хованская; его дочь, прекрасную и даровитую княгиню Долгорукую, мы видѣли въ Германіи.

По слухамъ, графъ Алексѣй Орловъ оставилъ пять миліоновъ рублей деньгами и 32,000 крестьянъ. Какъ ни былъ онъ богатъ, но мы все-таки полагаемъ, что эти цифры преувеличены. По нимъ онъ долженъ бы имѣть 400,000 руб. дохода,—чего онъ, конечно, не имѣлъ.

Графъ Алексѣй Орловъ былъ женатъ, но мы не знаемъ на комъ. Онъ имѣлъ дочь, которая десяти лѣтъ была уже придворною дамою императрицы Екатерины II. Она была еще незамужнею въ Дрезденѣ съ своимъ отцомъ. У Орлова былъ еще незаконнорожденный сынъ, котораго онъ усыновилъ. Мы не знаемъ имя матери, сыну же отецъ далъ свое прозваніе—Чесменскій. Это былъ чрезвычайно красивый мужчина. Въ концѣ 1780-хъ годовъ всѣ говорили, что онъ сдѣлался бы избранникомъ императрицы, но что Потемкинъ, зная высокомѣріе его отца, затруднился предоставить ему важное и прибыльное мѣсто. Чесменскій былъ тогда офицеромъ конной гвардіи. По смерти Екатерины II онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Онъ былъ женатъ.

Примѣчаніе. переводчика. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, 1735—1807. П. С. З., № 11599, 14284; А. Г. С., I, ч. 1, 233, 286, 357, 360, 363, 383; Рескрипты и письма Екатерины II (Сборникъ, I, 1); Указъ объ отставкѣ (Сборникъ I, 167); Донесенія гр. А. Г. Орлова (Морск. Сборн. 1853, IX, 475; Бесѣда, 1859, VI, 69); Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 11, 16, 23); Письма гр. А. Г. Орлова (Архивъ, 1873, 0468; 1876, II, 5, 1878; III, 436; 1880, III, 229); Воронцовъ, XXI, 430; XVII, 11; „Русск. Стар.“, 1873, VIII, 708; 1877, XX, 577; Сборникъ, I, 47, 66; X, 413; Соловьевъ, XXVIII, 38, 126, 132, 135); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 84, 38 69, 70, 77, 98, 119, 141, 144, 153, 173, 191, 293, 300; XXIII, 41, 95, 110; XXVII, 43, 52, 124, 459, 512, 454; XLII, 479, 480; Архивъ, 1863, 448); Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 290, 302, 386, 461; XIX, 168, 312, 460, 471, 509; XXXVII, 235, 413, 420, 435, 474); Храповицкій, 10, 82; Порошинъ, 251; Rulhière, 371, 418; Болотовъ, II, 275, 282, 1055; Влже-Лебрень, 189, 304; Де-Сангленъ („Русск. Стар.“, 1882, XXXVI, 447); Державинъ, 431, 458; Коксъ, XVIII, 318; Хвостовъ, 593; Masson, 100; Russie, 204, 205, 209, 217, 230, 240, 241, 244, 245, 268, 297, 301, 302, 314, 327, 331; Castera, I, 233, 277, 403; II, 14, 23, 27, 29, 30, 31, 142, 151, 251, 280; Воронцовъ, VII, 653, 655; VIII, 172; IX, 323; XX, 484; XXI, 70; гр. А. Г. Орловъ (Библиограф. записки II, 139, 181, 182, 576; III, 514, 519; Архивъ, 1864, 198, 1870, 965); Первая мысль о морейской экспедиціи (Кашинревъ, I, 139); Рачинскій, въ биографіи Орлова-Чесменскаго (Архивъ, 1876, II, 270); Запѣтки Давыдова („Русск. Стар.“, 1871, III, 789); Бантышъ-К., Словарь, IV, 40; Списки, 114, 215; Карабановъ-Долгоруковъ, 184. 200; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 309; Ист.-стат. описаніе петерб. епархіи,

VI, 89; Кропотовъ, Жизнь гр. Орлова-Чесменскаго, Спб. 1827; Ушаковъ, Жизнь гр. А. Г. Орлова, Москва, 1832; Елагинъ, Жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской, Спб., 1843; Сочин. Державина, изд. Грота, I, 769, IX, 708; Hermann, V, 284, 303, 557, 558, 569, 616, 671, 699, 701, 707; VII, 104, 356; Соловьевъ, XVIII, 14, 38, 235; Russica, I, 776. [См. примѣч. подъ № 65].

В. В.

LXVIII. ФЕДОРЪ ОРЛОВЪ IV.

Злоупотребленіе, дѣлавшее избранниковъ въ царствованіе Екатерины II особенно (неудобными) для государства, заключалось въ томъ, что каждый изъ нихъ тащилъ за собою массу другихъ. Мало того, что избранникъ, не имѣвшій ни малѣйшихъ заслугъ предъ государствомъ, получалъ отъ самой императрицы, не напоминая ей даже объ этомъ, немѣтныя богатства, но она часто раздавала даже отдаленнѣйшимъ родственникамъ не только доходныя мѣста и прибыльныя занятія, нѣтъ — высокія званія, ордена, крупныя жалованья, земли и денежныя подарки.

Федоръ былъ четвертымъ изъ Орловыхъ. Какъ и они, онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго братья вышли вскорѣ по его поступленію. Затѣмъ онъ имѣлъ ту-же участь и поступилъ въ гвардію. Здѣсь онъ служилъ одновременно съ ними. Не сдѣлавъ ничего особеннаго, онъ все же пользовался плодами усилій трехъ старшихъ братьевъ на пользу императрицы. Черезъ нихъ онъ быстро повысился на военной службѣ и самъ прославился во многихъ дѣлахъ первой турецкой войны. Онъ былъ награжденъ за это многими почетными должностями. Онъ сопровождалъ своего брата Алексѣя въ экспедицію въ Архипелагъ и подъ его высшимъ командованіемъ исполнялъ важныя порученія. Такъ, между прочимъ, онъ выигралъ важное морское сраженіе близъ Морен. За это онъ получилъ награды, льстившія его честолюбію и приносившія ему большія выгоды. Въ царскосельскомъ саду видна еще колонна сѣраго мрамора съ корабельнымъ носомъ изъ бѣлаго мрамора, которая должна напоминать потомству о его морскомъ подвигѣ.

Въ сентябрѣ 1772 года пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Онъ услышалъ о перемѣнѣ въ отношеніяхъ императрицы къ его брату Григорію

и не пошелъ ко двору. Наконецъ, по требованію Екатерины, онъ отправился во дворецъ, но держалъ себя, насколько могъ, подальше.

По удаленіи князя Орлова съ его мѣста и по возвращеніи его ко двору, въ январѣ 1773 года, стали замѣчать, что императрица очень печальна, озабочена. Тогда ничѣмъ не могли объяснить себѣ этого, но, наконецъ, узнали, что это происходитъ отъ того, что Федоръ вполнѣ свободно высказалъ ей всю правду. Утверждали будто онъ разъяснилъ ей, что, удаливъ его брата, она осталась безъ приверженцевъ и находится въ рукахъ ея собственныхъ враговъ.

Послѣ этого онъ недолго оставался въ Петербургѣ. Потемкинъ, спугнувшій всѣхъ Орловыхъ, прогналъ и этого. Федоръ переѣхалъ въ Москву и постоянно оставался тамъ, пока не умеръ въ концѣ 1790-хъ годовъ, будучи генераль-аншефомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ, кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго и большаго креста военнаго ордена св. Георгія.

Изъ всѣхъ Орловыхъ Федоръ былъ самый умный, тонкій, наиболѣе свѣдущій, но, быть можетъ, и наиболѣе злой. Его храбрость презирала всякое сопротивленіе.

Примѣч. переводчика. Федоръ Григорьевичъ Орловъ, 1741 — 1796. А. Г. С., I, ч. 1, 367, 377; Указы Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 243); Комисія Уложенія (Сборникъ, IV, 53, 59, 69); Письма гр. Ф. Г. Орлова (Сборникъ, X, 416, 424); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 340 XXIII, 317; Архивъ, 1872, 875); Воронцовъ, V, 237; IX, 356; XIV, 478; Дипломатич. документы (Сборникъ, XXXVII, 235, 421, 635); Храповицкій, 10, 53, 549; Державинъ, 709; Бантышъ К., Словарь, IV, 47; Списки, 217; Карабановъ-Долгоруковъ, 186; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 310; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 709; Соловьевъ, XXVIII, 136. [См. прим. подъ № 65].

В. В.

LXIX. ВЛАДИМИРЪ ОРЛОВЪ V.

Владимиръ, младшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ, воспитывался три года въ Лейпцигѣ. Такъ какъ братья его были уже тогда въ милости, то легко понять, что на воспитаніе тратилось много, не обращая вниманія на то—учится ли молодой человѣкъ или нѣтъ.

Когда, въ 1765 г., онъ возвратился въ Россію, государыня назначила его директоромъ академіи наукъ, по примѣру императрицы Елизаветы, давшей подобное же мѣсто брату своего избранника—какъ будто прожить за границей нѣсколько лѣтъ достаточно, чтобы получить столь важное мѣсто! Тогда же графъ Владимиръ былъ назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Впрочемъ, болѣе высокаго сана онъ не домогался и не получилъ.

Не смотря на то, что у него не было столько случаевъ, какъ у его братьевъ, получить богатства, все же его ежегодный доходъ достигалъ 130,000 рублей. Если принять эту сумму за достовѣрную, то разсчесть, по которому всѣ пять братьевъ Орловыхъ стоили русской имперіи 17 милліоновъ рублей, окажется весьма малымъ.

Въ концѣ 1790-хъ годовъ онъ жилъ въ Москвѣ, куда переѣхалъ вслѣдъ за удаленіемъ отъ двора его брата Григорія. Вѣроятно, онъ и повнѣ (1809 г.) живетъ въ Москвѣ.

По своему характеру, Владимиръ обладалъ большою твердостью и добросердечіемъ. Онъ никогда не имѣлъ случая выказать свои таланты.

Владимиръ Орловъ былъ женатъ. Его жена, родомъ изъ Лифляндіи, изъ старой дворянской фамиліи, имени которой мы не знаемъ ¹⁾, подарила ему много дѣтей. Одна изъ его дочерей вышла за чрезвычайно образованнаго и достойнаго мужа — графа Панина, бывшаго посломъ въ Берлинѣ и потомъ вице-канцлеромъ.

Примѣч. переводчика. Владимиръ Григорьевичъ Орловъ, 1743—1831. П. С. З., № 18,898; Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 11; XLIII, 373); Письма В. Г. Орлова (Воронцовъ, XXVII, 10); Castera, II, 280; Воронцовъ, XIV, 511; Певарскій, Ист. акад. наукъ, I, VI, XXIII, 291, 552, 553, 581, 632, 668; Кобеко, Екатерина II и Руссо (Истор. Вѣстн., 1883, XII, 605); Гр. В. Г. Орловъ (Библиогр. Зап., II, 539); Гр. Орловъ-Давыдовъ, Биографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова, 2 т., Спб. 1878; Herrman, V, 284. [См. примѣч. подъ № 65].

В. В.

¹⁾ Графиня Елизавета Ивановна Орлова, рожд. Штакельбергъ. В. В.

LXX. ОРЛОВЪ VI.

Орловъ, родственникъ этихъ пяти братьевъ, былъ счастьемъ своихъ родственниковъ вытянутъ изъ грязи тѣмъ, что во время революціи 1762 года исполнялъ неважныя порученія и роль безъ значенія.

Онъ не былъ возведенъ въ графское достоинство, но, мало по малу, получилъ богатства и значительныя мѣста при дворѣ.

Въ 1795 г. онъ вышелъ въ отставку, но жилъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ былъ обергофмаршалъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны.

Этотъ Орловъ не получилъ никакого образованія и былъ такъ невѣжественъ, что говорилъ только по-русски.

Странно, что, по довольно вѣрнымъ извѣстіямъ (въ 1801 г. въ Спб.) также находился Орловъ. Говорили, будто это былъ генералъ. Впрочемъ, мы не знаемъ, насколько онъ былъ въ родствѣ съ этими Орловыми.

Прим. переводчика. Григорій Никитовичъ Орловъ. Письма Завадовскаго (Воронцовъ, XII, 98).

LXXI. ПАСЕКЪ.

Пасекъ, русскій, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, вступилъ въ военную службу и выслужился, болѣе по протекціи, нежели по заслугамъ; въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ.

Орловы знали его дерзкую отвагу и поэтому сообщили ему тайну заговора противъ Петра III. Какъ только онъ узналъ этотъ проектъ, онъ предался ему съ такимъ энтузіазмомъ, который былъ бы достоинъ одного изъ славнѣйшихъ предпріятій. Онъ хотѣлъ стать главнымъ рычагомъ революціи; но, будучи человѣкомъ ограниченнымъ, мало содѣйствовалъ выработкѣ плана этого предпріятія. Остальные же участники, умѣвшіе цѣнить его безумную отвагу, тѣмъ болѣе рассчитывали на него при исполненіи плана. Императрица познакомилась съ нимъ у Орлова и могла только похвалить его рвеніе въ ея пользу.

Съ воодушевленіемъ, доходившемъ до безумія, онъ бросился къ ногамъ государыни и просилъ только объ одномъ — дозволить ему доказать публично, на глазахъ всего народа и во главѣ всей гвардіи, свою преданность. Она, какъ легко понять, отказала ему; но его бѣшеное стремленіе быть полезнымъ императрицѣ не успокоилось на этомъ. На собственный страхъ онъ искалъ случая отличиться, но случай не представлялся. Но именно Пассекомъ былъ ускоренъ взрывъ революціи. Онъ говорилъ (въ экстазѣ) о «событіи», которое должно вскорѣ послѣдовать, и о томъ усердіи, которое онъ хочетъ показать при этомъ на службѣ императрицы. Простой гвардейскій солдатъ услышалъ это, и, не будучи въ числѣ заговорщиковъ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ отомстить Пассеку, который за нѣсколько дней до того наказалъ его. Онъ отправился въ полковую канцелярію и донесъ на этого офицера, какъ на участника заговора противъ императора. 8-го іюля н. с. 1762 г., вечеромъ, въ 9 часовъ, Пассекъ былъ арестованъ и монархъ, находившійся въ Ораніенбаумѣ, извѣщенъ объ этомъ происшествіи особымъ курьеромъ. Петръ III отложилъ слѣдствіе до послѣпраздниковъ, которые должны были происходить въ Петергофѣ. Его избавили отъ этого труда. Заговорщики узнали объ арестѣ Пассека и о поводахъ къ нему. Счастье поддержало смѣлость и отвагу. Поторопнлись начать революцію въ слѣдующее же утро. Императрица, проѣзжая мимо тюрьмы, въ которой сидѣлъ Пассекъ, приказала освободить его. Онъ не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію и лишь съ трудомъ уговорили его послѣдовать за толпою. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, выказывавшій такое необузданное желаніе повредить императору, когда онъ былъ на свободѣ и государемъ, теперь не соглашался на подобное дѣло, когда не могъ опасаться ни сопротивленія, ни дурныхъ послѣдствій. Это обстоятельство, доказывающее, какъ намъ думается, что Пассекъ былъ злодѣй скорѣе по безумной отвагѣ, чѣмъ по кровожадности, могъ бы правильнѣе объяснить психологъ.

Пассекъ остался вѣренъ своему характеру и своей привязанности къ Орлову. Мы знаемъ, что однажды была рѣчь о бракосочетаніи императрицы съ Григоріемъ и что Панинъ противился этому проекту. Узнавъ объ этомъ, Пассекъ тотчасъ вызвался убить Панина. Орловъ, не желавшій пятнать себя кровью, не согласился на это и Панинъ остался живъ.

Легко понять, что по окончаніи революціи Пассекъ получилъ значительныя награды. Какъ и всѣ, принимавшіе ближайшее участіе, онъ получилъ почетныя должности, подарки и пенсію. Сверхъ того, пока Орловы были въ милости, онъ пользовался при дворѣ большимъ по-

четомъ. Но по мѣрѣ того, какъ падало вліяніе братьевъ Орловыхъ, и кругъ дѣятельности Пассека становился все незначительнѣе. Потемкинъ презиралъ его и громко говорилъ, что онъ однажды побилъ за карточной игрой въ Могилевѣ мѣстнаго генераль-губернатора Пассека. Хотя и не доказано, дѣйствительно ли это случилось, но все-же крайне нехорошо, когда человѣкъ столь высокаго сана стоять въ общественномъ мнѣніи такъ низко, что на его счетъ могутъ измышляться подобныя обвиненія. Терпѣливое поведеніе Пассека при этомъ проишествіи выказало бы опять необыкновенную черту человѣческаго сердца, которую могли бы объяснить только опытные знатоки человѣческаго сердца. Какъ могъ Пассекъ, безумно отважный человѣкъ, какого можно только себѣ представить, перенести столь поворное обхожденіе, не отомстивъ тотчасъ же кровью?

По смерти Екатерины, онъ потерялъ свое генераль-губернаторство, лучшее въ имперіи. Пассекъ жилъ еще въ 1799 г., былъ генерал-аншефъ и кавалеръ важнѣйшихъ русскіихъ орденовъ.

Послѣ всего, что мы знаемъ, нѣтъ надобности говорить о его характерѣ. Военныхъ способностей онъ, конечно, не имѣлъ; по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ не доказалъ ихъ, какъ и свою личную храбрость. На его лицѣ лежала печать коварства и ограниченности.

Пассекъ имѣлъ дочь ¹⁾, которая была фрейлиной императрицы.

Прим. переводчика. Петръ Богдановичъ Пассекъ, 1730—1804. А. Г. С. I, ч. I, 918; ч. 2, 15, 11, 727; Спб. Вѣдомости 1762 г., № 80; Мѣсяцесловъ на 1786, 187; Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 11); Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039, № 27); Письма Пассека („Рус. Стар.“, 1882 XXXIII, 189); Письма Екатерины II („Рус. Стар.“, 1871, III, 478; 1875, XIV, 448, 452); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 108, 109, 112, 114, 116, 134; XXVII, 196, 254; XXII, 479); Воронцовъ, V, 195; VI, 190; VIII, 112; XIII, 257, 315; XIV, 449; XXI, 69; Фонъ-Визинъ, 1866, 285; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 449, 499; XXIX, 514); Дипломат. документы (Сборникъ, XVIII, 466); Храповицкій, 22, 413; Castera, I, 231, 295, 313; Порошинъ, 560; Rulhière, IV, 366; Автобіографія Василя Пассека (Архивъ, 1863, 629); Записки Михаловскаго (Россия, 1880, IV, 679, 680); Russie, 205, 212, 213; Энгельгардтъ, 19, 24, 25, 26; Державинъ, 430, 660; Masson, 286; Пикарь, XXIII, 48; Добрынинъ, IV, 103, 108, 109, 116, 139, 148, 200, 208, 221; Болотовъ, I, 873, 877; Карабановъ, IV, 391; Д., Пассекъ („Рус. Стар.“, XXII, 330); Б антышъ-К., Словарь, IV, 128; Спски, 128, 230; М. И. Семевскій, 271; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 712; Василій Пассекъ (Архивъ, 1866, 628); Корсаковъ, Сторонники воядерія Екатерины II (Истор. Вѣстн., 1884, XV, 254); Соловьевъ, XXV, 109, Сайтовъ, 101.

В. В.

¹⁾ Варвара Петровна Пассекъ, отъ перваго брака ея отца съ баронессой Натальей Исаевной Шафировой, род. 1761 г., ум. 1787.

В. В.

LXXII. ШКУРИНЪ.

Во время императрицы Елизаветы Шкуринъ былъ придворнымъ истопникомъ. Счастливая наружность приобрѣла ему милость великой княгини Екатерины. Шкуринъ сталъ ея прислужникомъ, а когда Петръ III взомель на престолъ, Екатерина сдѣлала Шкурина своимъ камердинеромъ.

(Въ апрѣлѣ 1762 года), Шкуринъ поджогъ свой деревянный домъ, въ отдаленной части города, (чтобъ оказать большую услугу своей поведительницѣ).

Шкуринъ постоянно выказывалъ большую преданность своей государынѣ и никогда не покидалъ ее. Въ ночь передъ днемъ революціи 1762 года, онъ, какъ слуга, ѣхалъ съ Екатериной изъ Петергофа въ Петербургъ.

Какъ всѣ, сдѣлавшіе что-либо при этомъ событіи, Шкуринъ, послѣ счастливаго окончанія переворота, получилъ почетныя должности и богатства. Большая щедрость императрицы относительно Шкурина казалась подозрительною избраннику Орлову и онъ хотѣлъ удалить его, но это ему не удалось.

(Шкуринъ былъ пѣстуномъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, который провелъ у него свое дѣтство). Шкуринъ сталъ, наконецъ, тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и директоръ императорскаго гардероба.

Онъ умеръ въ началѣ 1780-хъ годовъ.

Оставленныя имъ двѣ дочери были фрейлинами. Одна изъ нихъ была фрейлиною еще въ 1799 году ¹⁾. Другая, содѣйствовавшая (въ слабости) графа Мамонова, должна была оставить дворъ ²⁾, вслѣдъ за удаленіемъ графа Мамонова.

¹⁾ Наталья Васильевна Шкурина. Письма А. А. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 495, 496). В. Б.

²⁾ Марья Васильевна Шкурина, въ схимѣ Павла. Бумаги Екатерины II, (Сборникъ, XI, II, 34); Храповицкій, 306, 308, 337. В. В.

Примѣч. переводчика. Василій Григорьевичъ Шкуриѣ, † 1782. Указы Петра I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 5); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 115, 121, 122, 130, 133, 178, 301; XLII, 480); Записка Штелина (Соч. Державина, изд. Грота, IX, 288); Дипломат. документы (Сборникъ, XIX, 300); Письма Екатерины II („Русск. Стар.“, 1876, XVII, 37); Catherine, 140, 170, 316, 317, 322; Гарновскій, XVI, 404; Russie, 266; Пикарь, XXII, 57; Карабановъ, IV, 386, 388; Отправка купеческихъ дѣтей въ Англію („Русск. Стар.“, 1875, XIII, 438); Фарфоровый заводъ полковн. Шкурина (Сборникъ, I, 359); Воспитатель гр. Бобринскаго (Архивъ, 1870, 1775); Лонгиновъ, Первые пособники Екатерины II (Архивъ, 1870, 968); Лонгиновъ, Пособники Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 347); Сантовъ, 152; Воронцовъ, XII, 98. В. В.

ЛХХІІІ. ГРИГОРІЙ ТЕПЛОВЪ.

Григорій Тепловъ былъ сынъ истопника въ Александро-невскомъ монастырѣ. Такъ какъ у него не было фамиліи, то архіерей или архіепископъ назвалъ его Тепловымъ, что должно было всегда напоминать ему его происхожденіе отъ отца, разливавшаго тепло по зданію.

Молодой Тепловъ изучилъ нѣкоторыя науки въ монастырѣ и обучался потомъ на средства архіерея за границей, гдѣ съ успѣхомъ занимался, между прочимъ, ботаникой, преуспѣвая также и въ другихъ наукахъ.

По возвращеніи въ Россію, онъ, какъ искусный человѣкъ, обратилъ на себя вниманіе, особенно же министра Волинскаго ¹⁾, что уже говорить въ пользу Теплова, такъ какъ знаменитый государственный человѣкъ никогда не покровительствовалъ невѣжеству. Въ видѣ отдохновенія отъ важныхъ дѣлъ, Тепловъ трудился вмѣстѣ съ этимъ министромъ надъ составленіемъ, по архивнымъ извѣстіямъ, родословной таблицы, которою подтверждалось извѣстное мнѣніе, что домъ Волинскихъ родственъ дому Рюрика, древнѣйшему владѣтельному

---

¹⁾ Волинскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи, но имѣлъ несчастіе стать врагомъ Бирона. Упомянутая ниже таблица дала Бирону поводъ обвинять Волинскаго въ притязаніи на русскій престолъ. Предлогъ былъ негѣпъ. Только такой человѣкъ, какъ Биронъ, могъ осмѣлиться такъ грубо надругаться надъ общественнымъ мнѣніемъ и за вымышленный проступокъ наказывать также строго, какъ за государственное преступленіе. Волинскій сложилъ голову на эшафотѣ.

дому въ Россіи. Эта таблица составила несчастіе Волинскаго, которое отзывалось нѣкоторое время и на Тепловѣ.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ былъ сдѣланъ управителемъ дѣлами графа Кирилла Разумовскаго, у котораго онъ съ тѣхъ поръ всѣмъ завѣдывалъ.

По смерти этой государыни, которая незадолго до того назначила Теплова камергеромъ, онъ присталъ къ приверженцамъ императрицы Екатерины, и въ кругу своего вѣдѣнія постоянно высказывался противъ Петра III. Императоръ, узнавъ о козняхъ Теплова, позвалъ его, ударилъ палкою и сказалъ:

— Ступай, я прощаю тебѣ, но исправься.

Онъ не сдѣлалъ этого. По его совѣту, Кириллъ Разумовскій перешелъ на сторону императрицы и употребилъ свое вліяніе, какъ командиръ гвардейскаго полка, противъ Петра III. При взрывѣ революціи, которою Екатерина II взошла на престолъ, Тепловъ составилъ распространенный по этому случаю манифестъ.

Убийство бывшаго императора Ивана Антоновича ¹⁾, который со смерти Петра III сидѣлъ въ строго охраняемой и возбуждающей ужасъ тюрьмѣ, въ Шлиссельбургѣ, было дѣломъ Теплова. Этотъ несчастный принцъ, существованія котораго не настолько опасалась даже боязливая Елисавета, чтобъ приказать убить его, казался страшнымъ (Орловымъ). Затрудненіе заключалось лишь въ томъ, чтобъ приличнымъ образомъ отдѣлаться отъ него. Обратились къ Теплову, злокозненность котораго была извѣстна, и онъ, дѣйствительно, придумалъ проектъ, вполне удавшийся. Согласно проекту, отыскали пѣхотнаго офицера, которому обѣщали большія награды, если онъ возбудитъ смуту въ полку принца Ивана. Этого офицера звали Мировичъ; онъ былъ внукъ челоувѣка, бывшаго рьянымъ сторонникомъ извѣстнаго казакскаго гетмана Мазепы ²⁾ и Карла XII, и противникомъ Петра I. Въ то время его родители потеряли все свое состояніе. Теперь молодому Василию Миро-

¹⁾ Императоръ Іоаннъ Антоновичъ („Русская Старина“, 1879, XXIV, 497; XXV, 291, 493); Записка канцлера кн. Кочубея о кончинѣ принца Іоанна Антоновича („Чтенія“, 1860, III, 149); М. И. Семевскій, Іоаннъ VI Антоновичъ („Отечеств. Зап.“, 1866, VII, 530); Куниевъ, Дѣти Анны Леопольдовны („Русская Старина“, 1873, VII, 67); Гранцевъ, Русскій дворъ въ Горсенсѣ („Русская Старина“ 1874, X, 132); Гротъ, Дѣти Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ („Русская Старина“, 1875, XII, 760). В. В.

²⁾ Мазепа, родомъ полякъ, случайно прибылъ въ Украйну и своимъ умомъ, познаніями и храбростью приобрѣлъ такую партію среди казаковъ,

вичу (Орловы) общали еще болѣе, чѣмъ имѣли его родители, если онъ рѣшится на смуту. Миновичъ былъ челоѣкъ недалекоидный, любившій поживиться. Все было условлено и подготовлено къ желательному концу. Офицерамъ, содержавшимъ караулъ въ самомъ казематѣ, заранѣе было приказано, при малѣйшемъ шумѣ внѣ каземата, немедленно убить узника. Миновичъ, находясь на караулѣ въ крѣпости, возбудилъ смуту, шумъ достигъ до каземата, офицеры исполнили приказаніе и Иванъ — окончилъ свою печальную жизнь. Добровольно сдавшійся Миновичъ былъ арестованъ и преданъ суду. Во время производства слѣдствія онъ только улыбался, убѣжденный, что онъ не только не будетъ наказанъ, но, напротивъ, получитъ большія награды. Его палачи, изъ опасенія, что онъ выдастъ ихъ, имѣли жестокость не раскрывать его заблужденія. Миновичъ все улыбался, даже когда его вели на лобное мѣсто и прочли приговоръ; онъ улыбался еще и тогда, когда, вмѣсто прощенія, сѣкира отрубила его голову. Лишь послѣ смерти (!) онъ убѣдился въ своей ошибкѣ... ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Теплоу получилъ занятія совѣтъмъ нного рода. Императрица, какъ говорятъ, пожелала научить наслѣдника государственнымъ дѣламъ. Но какое же ученіе досталось великому князю! Это было поручено Теплоу. Онъ принялся за дѣло съ утонченной злобой. Вмѣсто того, чтобъ преподать великому князю основательныя познанія въ государственномъ хозяйствѣ и политикѣ, онъ преподнесъ ему связки тяжёбныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ сенатѣ. Это возбудило въ цесаревичѣ отвращеніе. Онъ не хотѣлъ уже слышать о государственныхъ дѣлахъ и, такимъ образомъ, цѣль была достигнута. Павелъ ничему отъ Теплова не научился и получилъ отвращеніе къ дѣламъ такого рода.

Теплоу умеръ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ.

Нѣтъ надобности прибавлять еще что-либо о способностяхъ и ха-

---

что Петръ I долженъ былъ назначить его гетманомъ Малороссіи, бывшей подъ защитой Россіи. Мазепа не былъ ему благодаренъ за это. Въ тогдашнихъ смутахъ онъ принялъ сторону Карла XII и польскихъ бунтовщиковъ противъ Петра I и Фридриха Августа I.

¹⁾ П. С. З. № 12241; Порошинъ, 14, 50; Державинъ, 416; Энгельгардтъ, 192, 193; Russie, 236; Шаховской, 243; Büsching, VI, 527; Hergmann, V, 649; Записка Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко о Миновичѣ (Архивъ, 1863, 470); Гр. Д. Н. Блудовъ, Заговоръ и казнь Миновича (Ковалевскій, Гр. Блудовъ и его время. Слб. 1866, 222). Едва-ли надо говорить, что Гельвигъ въ разсказѣ о Миновичѣ повторяетъ лишь слухъ, ни на чемъ не основанный и выдуманый врагами Орловыхъ.

В. В.

рактёръ этого человѣка. Сказаннаго довольно, чтобъ оцѣнить пригодность его способностей и вредность его характера.

Его сынъ ¹⁾, всѣми уважаемый человѣкъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Анны. Онъ живетъ, удалившись отъ дѣлъ, въ Москвѣ, на доходы съ большаго состоянія, унаслѣдованнаго имъ отъ отца. Знаменитый математикъ и филологъ, Иоганъ Яковъ Эбертъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ профессоромъ въ Витенбергѣ, человѣкъ прекрасныхъ принциповъ, былъ его воспитателемъ въ Россіи, его гувернеромъ въ нѣмецкихъ университетахъ и провожатымъ въ путешествіяхъ.

Примѣч. переводчика. Григорій Николаевичъ Тепловъ, 1720—1779, П. С. З. № 11867, 12868, 11241, 13150, 18048, 18116; А. Г. С., I, ч. 2, 12, 409, 674; Бумаги елизаветинскаго царствованія (Осмнадц. вѣкъ, IV, 92); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 116, 133, 319; X, 42, 327, 328; XII, 114; XXVII, 169, 235; XLII, 303); Коммисія Уложения (Сборникъ, IV, 11); Доклады Теплова (Сборникъ, X, 326, 329, 364); Записки Теплова: о прошеніи Мировича (Каширевъ, I, 307); о батуринскомъ университетѣ (Архивъ, 1863, II, 67); Письма Теплова (Осмнадц. вѣкъ, III, 226, 239; Сборникъ, VII, 313, 319, 397; Архивъ, 1869, 216; Соловьевъ, XXV, 153, 155); Гр. Тепловъ, Званія, касающіяся до философіи, Спб., 1762; Его же Наставленіе смыу, Спб., 1768; Catherine, 250, 278; Шаховской, 244, 251; Порошинъ, 249, 260, 346, 444, 533; Castera, I, 275, 295, 366; Rulhière, IV, 418; Russie, 253; Воронцовъ, IV, 230, 395, 445; VII, 101, 622, 654; XIII, 187, 197; Письма в. к. Петра Θεодоровича (Архивъ, 1866, 582); Фонъ-Физинъ, Чистосердечное признаніе, Спб., 1866, 548; Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 12, 33; XVIII, 249, 266, 462, 467; XXII, 94); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 253, 263); Житіе Ушакова (Осмнадц. вѣкъ, II, 297, 359); Тайная канцеларія при Елизаветѣ („Русск. Ст.“, 1875, XII, 533); Отправка купеч. дѣтей въ Англію („Русск. Ст.“, 1876, XVII, 2); Планъ публичной бібліотеки въ Спб. (Библиогр. Зап., III, 79); Карабановъ, V, 134, 135; Торговля въ Средиземномъ морѣ (Архивъ, 1870, 541); Соловьевъ, Севать при Екатеринѣ (Россія, 1875, I, 29); Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039, № 8); Максимовичъ, Г. Н. Тепловъ и его записка о неподавахъ Малороссіи (Бесѣда, 1857, IV, 61); Государственныя учрежденія Екатерины II (Сборникъ, II, 275); Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоно-

¹⁾ Василій Григорьевичъ Тепловъ. Его переводы выдерживали нѣсколько изданій: Лесажева Жилблаза—8 изд.; комическаго романа изъ Скандинавіи—2 изд.; изъ Рафа о Кирѣ младшемъ и отступленіи 10,000 грековъ и французской грамматики Ресто—4 изд. В. В.

сова, 134, 269; Пекарскій, Исторія акад. наукъ, I, 25, 42, 48, 50, 62, 141, 261, 267, 338, 351, 353, 359, 444, 462, 465, 666, 675; Проектъ богословскаго факультета (Вѣстн. Европы, 1873, VI, 313); Вейдемейръ, Двор., I, 28; Лонгиновъ, Записка о Теплово (Архивъ, 1863, 428); Соч. Державина, изд. Грота, IX, 738; Бантышъ-К., Словарь, V, 133; Списки, 224, 304; Евгений, II, 205; Reimers, I, 80; Heggmann, V, 303; Соловьевъ, XXIII, 49; XXV, 102, 114, 121; XXVI, 6, 11, 17; XXIX, 125; Сантовъ, 130. В. В.

ЛХХІV. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

Даже самый закоренѣлый злодѣй рѣдко можетъ заставить навсегда замолчать внутренняго, неподкупнаго судію своихъ поступковъ. Удовлетвореніе скупости, гордости, сладострастія или другихъ чувственныхъ страстей, которое сдѣлало его преступникомъ, теряетъ, наконецъ, для него свою прелесть. Его любимыя ощущенія притупляются. Онъ чувствуетъ только угрызенія своей совѣсти.

Энгельгардтъ ¹⁾, сынъ нѣмецкаго врача, родился въ Петербургѣ. Онъ слѣдовалъ своей склонности и сталъ солдатомъ. Отецъ рано записалъ его въ одинъ изъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, и молодой человѣкъ, въ 1761 г., сталъ гвардейскимъ сержантомъ. Это обстоятельство привело его къ знакомству съ братьями Орловыми. Отъ этой первой связи Энгельгардтъ, по своей склонности къ неправильной и безнравственной жизни, дошелъ скоро до второй, и сталъ ежедневнымъ сотоварищемъ Орловыхъ. Орловы вмѣстѣ съ другими ²⁾ трудились, въ началѣ 1762 года, надъ планомъ возстанія, который вскорѣ былъ приведенъ въ исполненіе. Какъ ни было для нихъ важно усилить свою банду предприимчивыми сочленами, они все таки усумнились повѣрить Энгельгардту свое предпріятіе. Они, вѣроятно, сомнѣвались въ твердости его характера и думали, что, ради своей личной карьеры, онъ не задумается измѣнить и пожертвовать ими. Сверхъ

¹⁾ Энгельгардтъ не былъ въ родствѣ ни съ дворянскою фамиліею Энгельгардтовъ въ Лифляндіи, ни съ старонѣмецкимъ родомъ Энгельгардтовъ, который давно уже поселился въ Россіи и изъ котораго происходилъ зять князя Потемкина.

²⁾ Было бы слишкомъ пространно и неумѣстно говорить о всѣхъ лицахъ, трудившихся надъ проектомъ и выполненіемъ революціи.

того, они могли замѣтить его посредственный умъ, который не могъ быть существенно полезенъ при составленіи подобнаго плана. Нити этой позорной ткани должны были быть сучены съ такою тонкостью, на которую Энгельгардтъ никоимъ образомъ не былъ способенъ. Между тѣмъ Орловы не могли отрицать его весьма пригодной отваги. Какъ только все было готово и возстаніе должно было начаться, Энгельгардтъ безъ большаго труда былъ вовлеченъ въ интересы (Орловыхъ) и оказалъ существенныя услуги.

... До настоящаго времени участіе въ революціи 1762 г. Энгельгардта было почти неизвѣстно; но оно настолько достовѣрно, что не можетъ быть оспариваемо, другіе всѣ извѣстны, только о немъ умалчивалось, между тѣмъ какъ его (участіе въ событіяхъ 1762 г.) даетъ во всякомъ случаѣ право спасти его имя отъ забвенія.

Карьера Энгельгардта была сдѣлана. Онъ получалъ подарки по всякому случаю и повышался отъ одной почетной должности къ другой. Между тѣмъ онъ рѣдко являлся при дворѣ, который не звалъ его и не замѣчалъ его отсутствія.

Онъ умеръ генераль-лейтенантомъ и Выборгскимъ губернаторомъ въ 1770-хъ, если не ошибаемся, или въ началѣ 1780-хъ годовъ.

Каковъ былъ характеръ этого человѣка, легко себѣ представить. Онъ не имѣлъ ни нравственныхъ принциповъ, ни просвѣщеннаго ума. По своему нраву, онъ былъ грубъ и низокъ. Какъ ни былъ, впрочемъ, Энгельгардтъ отвратителенъ, онъ все же не могъ оставаться хладнокровнымъ при воспоминаніи (о революціи 1762 г.), въ которой онъ принималъ существенное участіе. Въ немъ часто замѣчали явные слѣды отчаянія.

Мы не знаемъ, былъ-ли Энгельгардтъ когда либо женатъ и оставилъ-ли онъ дѣтей. Но онъ имѣлъ родственниковъ, которые оказали важныя услуги государству и обществу.

Изъ этого неполнаго очерка видно, что нѣтъ точныхъ извѣстій о жизни этого человѣка; но по тому, что о немъ извѣстно, объ этомъ и не сожалѣешь. Подробное изложеніе его исторіи увеличило бы негодованіе писателя и читателя.

Къ книгѣ Гельбига: „Русскіе избранники“.

Имѣніе Ленневардъ въ Лифляндіи.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г., на стр. 46, въ выносѣ третьей Гельбигъ замѣчаетъ: „Ленневардъ принадлежалъ нѣкогда фонъ-Вольфеншильду.—Мы не знаемъ кому теперь принадлежитъ это имѣніе“.

Изъ очерка исторіи имѣній Лифляндской губерніи, часть II, составленнаго господиномъ фонъ Штринъ, 1885 г., видно, что Ленневарденъ находится въ Рижскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Ленневарденъ. Это имѣніе было подарено королямъ Густавомъ-Адольфомъ 21-го іюня 1631 года въ Штетинѣ рижскому вазначю (Münzmeister) и фактору Гейнриху Вольфъ, который въ 1646 г., подъ названіемъ Вольфеншильдъ, былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Послѣ него имѣніе перешло его сыну, полковнику шведской службы Гейнриху Вольфеншильду, отъ котораго въ 1694 г. оно перешло его сыну, шведскому капитану, Бенедикту Вольфеншильду, а отъ сего послѣдняго къ ландрату Гейнриху Вольфеншильду.

По духовному завѣщанію, отъ 20-го марта 1770 г., съ добавленіями, отъ 11-го апрѣля, 11-го мая и 14-го іюня 1770 г., Ленневарденъ досталось ротмистру Гейнриху фонъ-Анрепъ, сыну сестры Вольфеншильда, Гедвиги Маргареты, которая была замужемъ за поручикомъ Гаспаромъ фонъ-Анрепъ. Ленневарденъ принадлежалъ затѣмъ разнымъ лицамъ, и съ 1-го іюня 1864 г. принадлежитъ Карлу Бернгарду фонъ-Вульфъ.

NB. Въ интересной книгѣ Вл. О. Михневича: „Любимцы“ (хроника одного историческаго семейства), Петербургъ, 1885 г., о Скаронскихъ, стр. 45 и 46, подробно сказано объ освобожденіи отъ помѣщичьей власти Христинны и Фридриха, живущихъ въ деревнѣ Кегему, на землѣ, принадлежащей г-ну маіору Вольфеншильду.

Z.

ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

ГЛАВА VI ¹⁾.

Характеристика моего отца.—Намѣреніе Екатерины II отправить экспедицію къ сѣверному полюсу.—Свѣдѣнія изъ Сибири, полученныя при императрицѣ Елисаветѣ.—Реляція губернатора Чичерина въ 1764 г.—Указъ Екатерины II 4-го мая 1764 г. о сформированіи секретной экспедиціи къ сѣверному полюсу, безъ опредѣленія пѣли.—Участіе Ломоносова и инструкціи адмиралтействъ - коллегіи.—Постройка судовъ Ямесомъ.—Указы императрицы, подготовка экспедиціи.—Графъ И. Г. Чернышевъ.—Письма къ нему Ломоносова.—Инструкція Ломоносова.—Составъ экспедиціи и дѣйствія ея.—Возвращеніе экспедиціи въ Архангельскъ.—Рапортъ моего отца и заключенія коллегіи.—Письмо гр. Чернышева къ моему отцу.—Неоцѣненный подвигъ экспедиціи.—Повѣдка В. Я. Чичагова въ Петербургъ и оправданіе.

Прежде нежели начать разсказъ о второй половинѣ моего дѣтства, я, по требованію порядка моихъ идей и расположенія духа, присообщу къ моей жизни—жизнь моего отца, за все время, въ теченіи котораго я имѣлъ счастье видѣть его въ живыхъ. Независимо отъ его памяти, столь для меня драгоценной, это придастъ, надѣюсь, интересъ моему разсказу.

Жизнь отца моего была, такъ сказать, неразлучна съ моею въ теченіе сорока лѣтъ: я не только почти постоянно жилъ съ нимъ, но имѣлъ счастье и служить подъ его начальствомъ, до

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, іюнь, стр. 463—488; т. LI, августъ, стр. 247 — 270; сентябрь, стр. 487 — 518. Эта и послѣдующія главы Записокъ Чичагова не были напечатаны.

30-ти лѣтъ. Такимъ образомъ я имѣлъ передъ глазами прекраснѣйшій образецъ добродѣтелей гражданскихъ, чувствъ благороднѣйшихъ, твердости и независимости характера, столь рѣдкихъ въ нѣкоторыхъ странахъ, и могу сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Наставникъ съ юныхъ лѣтъ отъ зла меня хранилъ
И дѣлать низости во вѣки не училъ ¹⁾!

Императрица Екатерина, первая изъ русскихъ государей, возимѣла намѣреніе отправить экспедицію къ сѣверному полюсу. Еще въ царствованіе императрицы Елисаветы получались свѣдѣнія изъ Сибири объ открытіи купцами неизвѣстныхъ земель, а въ 1764 году сибирскій губернаторъ Чичеринъ даже прислалъ въ Петербургъ драгунскаго полка прапорщика фонъ-Фирстенберха съ реляціей (отъ 11 февраля 1764 г.) о приобрѣтеніи невѣдомыхъ мѣстъ. Въ ней говорилось, что русское купечество, сочиня компанію, отправило повѣренныхъ и работниковъ въ Камчатку, гдѣ построили ботъ на свой счетъ (своимъ коштомъ) и назвали его св. Уліаномъ, въ честь святаго, празднованіе котораго пришлось въ день спуска бота на воду. При 42-хъ человекѣхъ, этотъ ботъ отправился къ востоку, по направленію къ Командорскимъ островамъ, извѣстнымъ по описанію капитана Беринга, и находился въ плаваніи до прошедшаго 1763 года, до августа мѣсяца, такъ что его уже считали пропавшимъ. По возвращеніи, экспедиція объяснила, что послѣ четырехъ-лѣтняго плаванія она открыла неизвѣстные острова, названныя ею Уналакша и Умнакъ (вольный переводъ мѣстныхъ именъ), и еще ближайшія къ нимъ; на нѣкоторыхъ она была для забранія воды, а прочимъ составила реестръ и сочинила карту, основываясь на показаніяхъ жителей. Команда св. Уліана была вооружена пятью ружьями, съ которыми она атаковала жителей острова, враждебно ее встрѣтившихъ, при чемъ 28 человекъ взяли въ плѣнъ и вытребовали дань (ясаць). А чтобы и впредь приведенные въ подданство островитяне не отложились, они взяли заложникомъ (аманатомъ) сына одного изъ лучшихъ жителей, котораго и привезли съ собою. Будучи на тѣхъ двухъ островахъ

¹⁾ Le maitre qui prit soin d'instruire ma jeunesse,
Ne m'a jamais appris à faire une bassesse.

они получили въ добычу не малое число разныхъ звѣрей, которыми представили реестръ. Десятая часть ихъ была вычтена въ казну по закону. Сверхъ того, экспедиція добыла 1,063 черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, 10 лоскутовъ разныхъ добротъ, но не смотря на приказаніе иркутскаго генераль-маіора и кавалера Вульфа, торгующее вупечество оцѣнить не отважилось ихъ приобрѣтеніе, такъ какъ въ томъ числѣ нашлись шкуры звѣрей, не бывалыхъ въ Сибири.

Изъ тѣхъ компанейщиковъ купцы: тобольскій—Илья Снигиревъ, волошскій—Иванъ Буренинъ, томскій—Семень Шергинъ, отправлены въ С.-Петербургъ. Изъ бывшихъ въ поискахъ 42-хъ человѣкъ, не возвратились три, изъ которыхъ одинъ при атакѣ острова убитъ, другой умеръ, а третій утонулъ. Изъ чего примѣчено, что тамъ мѣсто и воздухъ очень здоровые.

Сочиненная, по примѣчаніямъ правителя ботомъ, работника Петра Шишкина, карта всеподданнѣйше поднесена вмѣстѣ съ реляцію.

„Благословеніемъ Божиимъ“, далѣе пишетъ Денисъ Чичеринъ, „сей до нынѣ скрытый талантъ подданныхъ в. и. в. выходитъ на театр, чрезъ самыхъ простыхъ и неученыхъ людей“. Поэтому Чичеринъ доносить, что имъ велѣно въ будущее лѣто къ отправляющейся для промысловъ компаніи придать морскихъ служителей, чтобы они были пассажирами, ни въ чемъ промышленникамъ не препятствовали, вели вѣрный и основательный журналъ, и просить учредить особую комиссію, для отправки этой экспедиціи. Вся компанія выражаетъ просьбу пожаловать въ комиссію шкипера Андрея Юрлова, находящагося въ Охотскѣ. Губернаторъ Чичеринъ оканчиваетъ донесеніе словами: „Я, послѣдній рабъ в. и. в., приѣмлю дерзновеніе приобрѣтеніемъ неизвѣстныхъ мѣстъ и новымъ промысломъ, упавая къ стопамъ в. и. в., принести всеподданнѣйшее и рабское поздравленіе, и подвергнуть меня и подателя сей (реляціи) прапорщика фонъ-Фирстенберга высокоmaterному в. и. в. милосердію“.

На основаніи этой реляціи императрица Екатерина послала, 4 мая 1764 г., секретный указъ адмиралтействъ-коллегіи, которымъ повелѣвалось все исполнить по представленію губернатора Чичерина, немедленно отправить туда, сколько надобно, офицеровъ, штурмановъ, „поруча надъ оными команду старшему, ко-

того знаніе въ морской наукѣ и прилежаніе къ оной извѣстно было“. Далѣе въ указѣ говорилось: „Мы не тоѣмо онаго отправляющагося офицера, но и всю его команду императорскою нашею милостію обнадеживаемъ, повелѣвая вамъ ихъ при отправленіи къ полученію чина представить, каковой-же они, по счастливомъ возвращеніи въ отечество, паки получить имѣютъ; съ приобщеніемъ притомъ вѣчнаго пенсіона, противъ получаемаго по чину въ ономъ пути жалованья, не зависящаго отъ впредь положеннаго по чину олада. А какъ не могутъ они, въ такомъ отдаленіи будучи, смотрѣніе имѣть за своею собственною экономіею, то сверхъ того повелѣваемъ имъ производить во все время пребыванія въ оной, считая со дня отправленія, по возвращеніе, двойное по оладу жалованье, которое, по разсужденію коллегіи, и впередъ года на два дать можно. Всю сію экспедицію адмиралтейской коллегіи въ особливое попеченіе поручая, повелѣваемъ съ оными частую переписку имѣть; и не только по временамъ наставленіями, но и снабженіемъ всѣмъ для такого пути надобнымъ, то есть инструментами и картами, удовольствоваться. И производить оное предпріятіе секретнымъ образомъ, не объявляя до времени сей нашъ указъ и сенату, ввѣряя для производства тоѣмо оберъ-секретарю и одному изъ людей, который бы переписывать могъ“.

Чтобы скрыть истинную цѣль экспедиціи, императрица повелѣла въ официальныхъ бумагахъ именовать предпринимаемые поиски: „возобновленіемъ на Шпицъ-Бергенѣ прежде бывшаго китоловаго промысла“. Затѣмъ особымъ указомъ государыня ассигновала двадцать тысячъ рублей на расходы и препоручила Ломоносову, славному ученому, въ то же время единственному великому поэту, когда либо въ Россіи бывшему, а также и лучшему физіку, составить инструкцію для этой экспедиціи. Императрицѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы экспедиція началась тѣмъ же лѣтомъ и потому адмиралтействъ-коллегія горячо принялась за работу. Въ засѣданіи 14-го мая коллегія рѣшила по возможности скорѣе завести на Шпицбергенѣ избы для зимовья, vybrать удобныя суда и, если нѣтъ тамъ казенныхъ, то купить ихъ у промышленниковъ и, наконецъ, единогласно выбрала флота капитанъ-лейтенанта Бабаева для командованія однимъ изъ бо-

товъ, какъ способнаго моряка ¹⁾). Бабаева не было въ то время въ Петербургъ и потому за нимъ послали нарочнаго курьера. Остальныхъ командировъ, и въ томъ числѣ одного главнаго, коллегія рѣшила избрать въ слѣдующемъ засѣданіи. 17-го мая коллегія выработала подробнѣйшую инструкцію для командира архангелогородскаго порта, по которой должны были приступить къ исправленію имѣющихся судовъ, постройкѣ на Шпицбергенѣ избъ и перевозкѣ провіанта. Точность инструкціи была доведена до смѣшнаго; коллегія даже рассчитала, сидя въ теплой адмиралтейской залѣ, сколько пудовъ и четвертей понадобится — перцу, соли, меду, уксусу, свѣтиленъ и лампадъ, для отправляющейся команды на Шпицбергенѣ ²⁾).

Когда всѣ распоряженія были сдѣланы, то коллегія начала бояться, чтобы экспедиція не запоздала и не встрѣтились-бы затрудненія, а вслѣдствіе того первый же поискъ не окончился бы полной неудачей, которая казалась имъ совершеннымъ позоромъ.

Вице-президентъ, графъ И. Г. Чернышевъ, съ такою боязнью говорилъ объ экспедиціи, что императрица стала также сомнѣваться въ возможности удачныхъ поисковъ этимъ лѣтомъ, и 28-го мая написала секретный указъ коллегіи: „Будѣ волею коллегіи разсудить что способнее, и более успѣху ожидать можно, отъ начатія северной кампаніи предбудущаго году, то на оное и Я согласна“.

Въ концѣ мая мѣсяца коллегія опомнилась; имѣющіяся суда въ Архангельскѣ были построены для перевоза припасовъ и потому, сколько бы ихъ ни исправляли, они не могли оказаться способными для экспедиціи. Тогда было поручено мастеру Ямесу составить чертежи; въ засѣданіи 2-го іюня ихъ одобрили и коллегія рѣшила отправить въ Архангельскъ самого Ямеса для постройки этихъ судовъ ³⁾). Чертежи послали впередъ съ курье-

¹⁾ Въ этомъ засѣданіи былъ Ломоносовъ и ему, по секрету, сообщили всѣ указы императрицы и что ему поручено руководить отправкой экспедиціи и снабженіемъ ея научными свѣдѣніями (см. конію коллежскаго опредѣленія 14 мая 1764 г. въ морскомъ архивѣ).

²⁾ Подлинное опредѣленіе хранится въ Москвѣ въ архивѣ мин. иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ См. коллежское опредѣленіе 2-го іюня 1764 г. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

ромъ, повелѣвъ въ кратчайшій срокъ приготовить лѣса для закладки.

Не смотря на всеобщую суету и поспѣшность, графу Чернышеву не сидѣлось спокойно; онъ жаждалъ поскорѣе ознаменовать свое пребываніе какимъ либо открытіемъ и, какъ ребенокъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата поисковъ; гонцы еженедѣльно скакали въ Архангельскъ и онъ выпрашивалъ у императрицы указы ¹⁾, которые-бы заставили архангельскаго губернатора спѣшить съ исполненіемъ требованій коллегіи. 23-го іюня архангельскій губернаторъ Головцынъ вручилъ инструкціи командирамъ судовъ, которыя отправлялись на Шпицбергенъ съ избами и провіантомъ. Главными изъ нихъ были лейтенанты Немтиновъ и Еропкинъ.

27-го іюня адмиралтействъ-коллегія сдѣлала окончательныя распоряженія: главнымъ командиромъ экспедиціи назначила капитана 1-го ранга Василя Чичагова, а на другія два судна— второго ранга Никифора Панова и капитанъ-лейтенанта Василя Бабаева. Всѣхъ ихъ, на основаніи высочайшаго указа, повысили однимъ чиномъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы уѣхали они еще въ прежнемъ чинѣ, а будущею весною, когда сядутъ въ Колѣ на суда, Василій Чичаговъ себя и другихъ объявили произведенными. Это распоряженіе было сдѣлано въ виду того, чтобы никто не зналъ о ихъ производствѣ и тайна экспедиціи не нарушилась. Въ коллежскомъ опредѣленіи 27 іюня 1764 года говорилось:

„Ея имп. величество жалуеть, для ободренія, при самомъ отправленіи, повышеніемъ чина; потомъ, когда ихъ тѣченіемъ достигнутъ благополучно до назначеннаго мѣста, то могутъ сами себя объявить высочайшимъ именованіемъ—повышенными другимъ рангомъ, а послѣ возвращенія изъ онаго похода, по рассмотрѣнію ихъ

---

¹⁾ Изъ числа упомянутыхъ указовъ, мы нашли, въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, одинъ—Указъ губернатору Головцыну: „Всеимпостиѣйше повелѣли мы нашей адмиралтейской коллегіи возобновить китоловой промыселъ на Шпиц-Бергенъ. А какъ по многимъ къ тому приготовленіямъ надобно можетъ быть будетъ отъ Архангельской губерніи вспоможеніе, того для оное вамъ по ея требованію чинить со всякою возможною скоростью повелѣваемъ. Екатерина. С.-Петербургъ, іюня 10 дня 1764 г.“

усердія, и третѣмъ рангомъ награждены быть имѣють. Во время сего пути всѣмъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ ея имп. величество опредѣляетъ, по ихъ чинамъ, двойное жалованье, а наемнымъ людямъ двойную плату противъ обыкновенной, которое и года на два впередъ выдать можно“.

Кромѣ этихъ трехъ командировъ, при экспедиціи были офицеры: лейтенанты Петръ Борноволокъ, Федоръ Озеровъ и Петръ Поярковъ. Послѣднихъ при отправленіи произвели въ капитанъ-лейтенанты. Далѣе въ опредѣленіи значилось: „Однако къ городу Архангельску послать ихъ нынѣ тѣми чинами, которые изъ нихъ Чичагову, какъ себѣ, такъ и прочимъ, объявить будущей весною, какъ сядутъ въ Колѣ для походу на суда, о чемъ ему дать особый указъ и на пакетѣ надписать, чтобъ оный тогда и распечатать“.

Посмотримъ теперь какъ была подготовлена экспедиція моего отца. Лейтенантъ Немтиновъ на пинкѣ „Слонъ“ съ пятью наемными судами отправился, 6-го іюля, на Шпицбергенъ. 5-го августа онъ прибылъ въ Кловбайскую губу, пробираясь между льдовъ; при этомъ пинкѣ проломило съ лѣвой стороны. Гавани были полны льда и лишь въ одну южную имъ удалось войти 7-го августа, гдѣ и стали на якорь. 8-го числа начали выгружать избы и строить ихъ; работа продолжалась день и ночь; жили они среди бѣлыхъ медвѣдей. 21-го августа Немтиновъ отправился въ обратный путь, но бури и вѣтры отбили отъ него остальные суда и онъ одинъ вернулся домой. Какъ Немтиновъ, такъ и вся его команда ослабли до таковой степени, что ихъ пришлось всѣхъ смѣнить для поправленія здоровья. О четырехъ судахъ, сопровождавшихъ Немтинова, не было и слуху; предполагали, что они погибли во льдахъ ¹⁾. Ломоносовъ заботился о морскихъ инструментахъ, необходимыхъ для столь трудной экспедиціи, и составлялъ инструкцію, что видно изъ писемъ его къ гр. Чернышеву ²⁾. Такъ, 22 октября 1764 г., онъ писалъ: „Извѣстные в. с. штурманы, отъ команды вашей посланные въ академію, не могутъ начать прямо своего ученія, пока не будутъ

¹⁾ См. рапортъ архангельской городской конторы надъ портомъ 2 октября 1764 г.—въ коллегію (москов. арх. м. иностр. дѣлъ). Л. Ч.

²⁾ Въ бытность мою морскимъ министромъ я нашелъ эти письма Ломоносова въ морскомъ архивѣ. П. Ч.

имѣть Гадлеевыхъ квадрантовъ, которые мы отъ вашей команды ожидаемъ. И ради того всепокорно прошу достать ихъ какъ можно скорѣе, и чтобы не утратить времени. Сего предпріятія надобность требуетъ всевозможнаго изысканія новѣйшихъ извѣстій, которыя прежде отправленія далѣе изъ Колы получить и въ пользу употребить можно, при послѣдней въ сѣверъ посылаемой инструкціи.

1) Возвратившіеся со Шпицбергена офицеры или другіе смысленные люди могутъ здѣсь показать какія нибудь тамошнія новыя обстоятельства, къ нашему лучшему наставленію. 2) Команда подполковника Плениснера, или купеческіе промышленные люди, обращавшіеся около Чукотскаго носу, много объяснить въ состояніи дѣло наше. Въ 1763 г. открылъ онъ близъ сѣверныхъ береговъ Чукотскаго носу пять острововъ новыхъ, Медвѣжьими названные, и сверхъ того матерую землю, съ лѣсомъ стоячимъ, и послать хотѣлъ вторично изыскивать далѣе. Уповательно, что конечно есть много новостей, кои еще до весны получить, кажется, можно. 3) Купецъ Снигиревъ съ товарищемъ хотя и сказывали, яко они о незахожденіи солнца на Умнаѣ не слышали отъ своихъ промышленниковъ, съ чего и положенія онаго острова на карту внесено; однако оное можетъ до четырехъ сотъ верстъ къ Чукотскому носу быть ближе, ежели незахожденіе солнца бываетъ дѣйствительно. Итакъ, весьма бы полезно было достать, изъ промышленниковъ, бывшихъ на Умнаѣ, хотя одного человѣка, для лучшаго свѣдѣнія, какъ о семъ, такъ и о прочемъ, кои, можетъ быть, найдутся въ Иркутскѣ, въ Якутскѣ и Охотскѣ. О двухъ послѣднихъ статьяхъ отдаю и препоручаю разсуждать в. с. стоитъ ли труда посылать въ Сибирь курьеровъ. А для первой надобности разсуждаю, чтобы послать для того указъ къ Архангельскому городу. Во всемъ семъ полагаясь на ваше попеченіе, между тѣмъ доношу, что мнѣ за болѣзнію не можно засвидѣтельствовать самоличнаго вамъ почитанія, съ которымъ непремѣнно пребываю“, и т. д.

26 октября 1764 г.— „Хотя и потеряется нѣсколько времени на дѣланіе здѣсь Гадлеевыхъ квадрантовъ, однако, уповаю, что мои прибавленія или направленія много къ лучшему служить будутъ. Между тѣмъ, отысканной вашимъ сіятельствомъ квадрантъ пожалуйте ко мнѣ пришлите; а я между тѣмъ имѣю честь прислать одну трубу, сдѣланную для экспедиціи, воихъ

слѣдуетъ еще двѣ; да въ дѣлѣ еще три особливья, для сумрачнаго времени, кои черезъ мѣсяцъ поспѣютъ. Что же до нашего выѣзду падлежитъ, то я еще весьма слабъ и до прямого закрытія рѣчной влажности на воздухъ выйти не смѣю“.

Въ краткихъ словахъ инструкція заключала въ себѣ слѣдующія указанія ¹⁾: изъ Кола предписывалось отправиться въ море, держа курсъ на Шпицбергенъ, гдѣ остановиться на западномъ берегу въ Клокбайской губѣ; затѣмъ, призвать въ помощь Господа Бога, выйти въ открытое море къ западу, румбъ или два склонясь къ сѣверу, и такъ плавать далѣе, пока достигнуть Гренландскаго берега. Если же прежде земли покажутся льды, то идти отъ нихъ въ отдаленіи, держась назначеннаго пути. Ежедневно вести журналы и совѣтоваться между собою; держаться вмѣстѣ. Каждые два часа, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, выходить на верхъ мачты съ подзорною трубою и осматривать кругомъ. Ночью давать другъ другъ сигналы. Для признанія близости земель, взять съ собою на каждое судно по нѣсколько вороновъ и другихъ птицъ, ибо когда животное увидитъ землю, полетитъ въ ту сторону, а не видя земли и уставши—возвратятся на корабль. Другая примѣта — чайки; если онѣ летятъ съ рыбою во рту,—значитъ несутъ кормъ — птенцамъ, живущимъ на землѣ. Далѣе Ломоносовъ перечисляетъ еще примѣты, могущія служить признакомъ близости земли, какъ-то: быстрота теченія, сходство приливовъ съ луною, разная солоность воды, приращеніе стужи или теплоты, мелкота моря, вѣтеръ, если онъ не производитъ волнъ, плавающіе по водѣ лѣса. Достигнувъ сѣвернаго берега Америки или Гренландіи, предписывалось выѣхать на малыхъ судахъ для осмотра гаваней и земли, брать высоту полюса и долготу, по исчисленію курса, оставлять знаки своего пребыванія, т. е. столбы съ надписями именъ и времени, на всѣхъ островахъ и берегахъ, не выходить безъ оружія тамъ, гдѣ есть люди;

¹⁾ Любопытная, въ отношеніи историческомъ, эта инструкція замѣчательна еще и тѣмъ, что она была послѣднимъ ученымъ трудомъ Ломоносова, написаннымъ ровно за мѣсяцъ до его кончины. Онъ умеръ 4 апрѣля 1766 г. и составляя свою инструкцію уже больной предсмертнымъ недугомъ. Она была отпечатана Соколовымъ въ его небольшой брошюрѣ: „Ломоносовъ и экспедиція Чичагова“, 12^о, Спб., 1854 г., которая нынѣ уже большая библиографическая рѣдкость.

наконецъ, если встрѣтятся великіе льды, то не оставлять надежды и „дожидать пока льды отдѣлятся или уничтожатся и дадутъ дорогу“. Когда примѣтять, что крайъ Сѣверной Америки простирается близко къ полюсу, то далѣе 85° не идти, въ особенности осенью. Если берегъ станетъ заворачивать влѣво, удаляясь отъ полюса, то не идти къ полудню далѣе 78° , т. е. 12° отъ полюса, пока не пройдутъ Баффинскаго моря, которое простирается по долготѣ къ западу около 285° , считая отъ острова Ферро. Минувъ означенную долготу, можно смѣло отдаляться отъ полюса. Если встрѣтятся островъ или земля, выйти на берегъ, отслужить молебень съ водосвятиемъ о здравіи императрицы и при пальбѣ и радостныхъ восклицаніяхъ объявить общанную высочайшую милость и наименовать по приличности островъ; затѣмъ сложить изъ камней высокій маякъ, на немъ утвердить деревянный крестъ, учинить обсервацію и снять виды и планы. На крестѣ вырѣзать надписи судовъ и командировъ. Въ случаѣ, если положеніе береговъ не допуститъ въ полдень до 66° , но будутъ они сѣвернѣе, то простирается далѣе къ западу до 230° , и стараться идти къ зюнду, къ полярному кругу и далѣе искать отпавленныхъ имъ на встрѣчу капитана 2 ранга Креницына или камчатскихъ промышленниковъ. Если льды не пропустятъ идти на зимовку, то суда должны замѣнить дома; если судно будетъ повреждено, то другимъ отъ него не отдаляться; людямъ стараться двигаться тѣлесно, промышляя птицъ и звѣрей; обороняясь отъ цынги—употреблять сосновыя шишки, звѣриную и птичью кровь въ видѣ питья. А главное—терпѣть, не падать духомъ и утѣшать другъ друга! Въ случаѣ бунта солдатъ—судить ихъ военнымъ судомъ и казнить виновныхъ; ропшущихъ держать въ желѣзахъ. Во время стоянокъ записывать состояніе воздуха, время помраченія солнца и луны, глубину и теченіе моря, склоненіе и наклоненіе компаса, видъ береговъ и острововъ; съ примѣчательныхъ мѣстъ брать воду въ бутылки; записывать какіе будутъ видны птицы, звѣри, рыбы, раковины и привезти ихъ съ собою; минералы и камни не забыть тоже; гдѣ найдутся жители, описывать видъ, нравы, поступки, платье, жилище и пищу. Если будетъ много больныхъ, такъ что тремя судами не управиться, то перейти на два или одинъ, а лишнія сжечь или утопить.

Картина, нарисованная Ломоносовымъ въ инструкціи, могла ужаснуть всякаго, менѣе свѣдующаго его въ то время, но это были намеки на слабыя свѣдѣнія, добытыя имъ изъ фантастическихъ разсказовъ жителей Архангельска. Онъ писалъ наставленіе и самъ мечталъ, рисуя въ воображеніи и льды, и стужи; и камни, и земли и многое еще, чего вовсе не существуетъ и и не могло быть вблизи полюса. Научныя свѣдѣнія до того были отрывочны и не ясны, что инструкція сдѣлалась бесполезнымъ документомъ въ рукахъ мореплавателя у береговъ Гренландіи. Въ самомъ дѣлѣ, выясняла-ли она сколько нибудь—гдѣ можно добиться проходу въ Сѣверное море? Морскіе совѣты Ломоносова были непримѣнимы на практикѣ, что болѣе, чѣмъ естественно; на примѣръ, могъ-ли деревянный боть или пинкъ, застигнутый великой стужей, зимовать среди льдовъ, а команда жить въ немъ, какъ въ домѣ. Раньше, чѣмъ терпѣть, не падать духомъ и утѣшать другъ друга, людямъ пришлось бы погибнуть; Ледовитое море—не озеро, которое затягиваетъ ледяною корою, не причиняющею большаго вреда предметамъ, плавающимъ на поверхности. Отъ всѣхъ нашихъ экспедиціонныхъ судовъ остались бы щепки! Отбросивъ болѣе двухъ третей изъ всего, что говорилось въ инструкціи Ломоносова, все таки остается нѣсколько полезныхъ свѣдѣній, не касающихся общаго плана, а это уже много и знаменательно для того времени.

5-го марта 1765 года адмиралтействъ-коллегія послала моему отцу указъ съ особымъ конвертомъ, въ которомъ лежали всевозможныя инструкціи. Въ указѣ отъ 4-го марта предписывалось, какъ только суда будутъ готовы въ походу, при первомъ способномъ времени выйти съ ними изъ рѣвки, противъ острова Килдюина, и, собравъ всѣхъ командировъ и офицеровъ, распечатать прилагаемый пакетъ, въ которомъ найдутъ они три инструкціи. Одну изъ нихъ прочесть вслухъ и изъ сего не должно заключить, что, раздавъ двѣ остальные Панову и Бабаеву, они не считали себя въ точной командѣ капитана Чичагова, „ибо тѣ инструкціи порознь даются, для сего во первыхъ, въ случаѣ разлученія могли поступать и знать что кому повелѣвается, во вторыхъ, если бы была только одна, надобно бы было съ нея снять копию, но на то время иногда не будетъ“. Кромѣ инструкціи Ломоносова и коллежскихъ опредѣленій въ конвертѣ оказа-

лись еще записки: прибавленіе о сѣверномъ мореплаваніи на востокъ по Сибирскому океану и наставленіе мореплавателямъ. Послѣднее было даже комично; такъ, въ немъ говорилось: „прежде вступленія въ походъ на море, плаватель долженъ размыслить, откуда онъ поплыветъ, куда, по какому морю плаваніе продолжать будетъ и на какомъ кораблѣ и о прочемъ всемъ подобномъ; ежели велятъ ему то море описать или по послѣдней мѣрѣ повѣрить карту, которая на морѣ прежними плавателями описана и сочинена, во всѣхъ ли она обстоятельствахъ сочинена справедливо“. Далѣе говорилось о томъ, что долженъ думать плаватель въ самомъ морѣ, и т. д. ¹⁾. Всѣ эти инструкціи могли только спутать лицъ, ѣдущихъ съ экспедиціей, и доказывали, что фантазія засѣдающихъ въ коллегіи черезчуръ обширна и далека отъ дѣйствительности. Науки и искусства были тогда еще настолько отсталыми противу нынѣшнихъ, что эскадру не могли снабдить ни хронометромъ, ни другими инструментами, вошедшими въ употребленіе, для подобныхъ случаевъ, впоследствии. Квадрантъ Галлея и нѣсколько карманныхъ часовъ, изъ лучшихъ, какіе только могли найти, составляли собраніе инструментовъ. Ни естествоиспытателя, ни художника не было прикомандировано къ экспедиціи, которой цѣль заключалась, впрочемъ, въ возможномъ приближеніи къ сѣверному полюсу, съ направленіемъ, послѣ того, къ востоку для открытія прохода въ Камчатское море и съ возвращеніемъ въ Архангельскъ.

Всѣ три корвета были построены съ двойною обшивкою. Первое, названное „Чичаговъ“, имѣло длины 90 футь, а два другіе „Пановъ“ и „Бабаевъ“—72 фута. Провіанту было взято на 6 мѣсяцевъ. Экипажи состояли на первомъ—изъ 74 человекъ, на остальныхъ по 48. Орудій имѣлось на „Чичаговъ“—16, а на „Пановъ“ и „Бабаевъ“—по 10-ти.

Столь небольшая эскадра, по изготовленіи, отплыла изъ гавани Колы 9-го мая 1765 года. Капитанъ Чичаговъ твердо помнилъ слова высочайшаго указа: „начать оный путь отъ города Архангельскаго до западныхъ береговъ острова Большаго Шпиц-

---

¹⁾ Это наставленіе принадлежит перу Алексѣя Ивановича Кагаева; наполнено примѣчаніями и очень велико. Д. Ч.

бергена, откуда идти въ открытое море, въ вѣсть, склоняясь къ норду, до ближнихъ береговъ Гренландскихъ, которыхъ достигнувъ простираться, подлѣ онаго на правую руку, въ западно-сѣверному мысу Сѣверной Америки, пока удобность времени и обстоятельства допустить“.

Эти путешествія, какъ и всѣ ему подобныя, подвергали экипажи чрезмѣрнымъ трудностямъ, лишеніямъ и опасностямъ. Они первоначально направились къ сѣверу. По мѣрѣ удаленія, холодъ становился рѣзче, но, по счастію, въ то же время вѣтры и бури сдѣлались рѣже и слабѣе; воздухъ, сгущенный морозомъ, не такъ-то легко уступалъ колебаніямъ атмосферическаго равновѣсія. Взамѣну того туманы, изморозь, гололедица попеременно одолювали пловцевъ. Дѣйствія влажности, отвердѣвшей на парусахъ отъ мороза, бывали иногда таковы, что матросы, забирая рифы или подбирая паруса, обламывали себѣ ногти и кровь текла у нихъ изъ пальцевъ. Затѣмъ являлась опасность отъ столкновеній съ плавучими ледяными горами, часто ихъ окружавшими и грозившими ихъ раздавить.

Существуетъ много предположеній о формаціи и свойствахъ этихъ льдовъ, покрывающихъ (полярныя) моря. Они попадаютъ двухъ родовъ. Одни, какъ полагаютъ, были оторваны отъ материка и унесены въ океанъ, подобно лавинамъ, падающимъ съ Альпійскихъ горъ. Этотъ ледъ, по своему составу, похожъ на альпійскіе ледники. Такъ какъ ихъ удѣльный вѣсъ на одну пятнадцатую ниже льда прѣсноводнаго, а послѣдній лишь на одну десятую легче льда соляной воды, то изъ этого слѣдуетъ, что лишь десятая доля этихъ ледяныхъ массъ появляется надъ морскою поверхностію. Другой родъ льда, равнымъ образомъ встрѣчаемый въ полярныхъ водахъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое количество соли и замерзаніе его происходитъ при пяти градусахъ Реомюра ниже нуля; толщиною своего рѣдка превосходитъ пять или шесть футовъ. Иногда встрѣчаются эти плавучія глыбы, нагроможденные одна на другую напоромъ вѣтровъ; но приближаясь къ полюсу, достигаютъ до необозримаго поля этого льда, повидимому твердаго и образующаго неодолимую преграду мореплавателямъ, пытающимся приблизиться къ полюсу. Можно было, однако-же, замѣтить, что этотъ ледъ, повидимому постоян-

ный, изъ году въ годъ перемѣняетъ положеніе и очертаніе и дозволяетъ болѣе или менѣе приближаться къ полюсу. Когда наши путешественники встрѣчали эти горы изо льда перваго рода, они пользовались промежутками, которые образовались между горами; но когда послѣднія сближались другъ съ другомъ, ихъ оттаскивали на буксирѣ шлюпками, чтобы отдалить отъ кораблей и расчистить проходъ. Для этой работы спускали человѣка на край льдины, онъ вонзалъ багоръ, держа его за верхній конецъ, къ которому привязывалъ завозной канатъ, а послѣдній протягивали на шлюпку, которая силою весель отводила льдину съ пути плаванія корабля. Но эта работа въ возвышенныхъ широтахъ была почти непрерывная и жестоко утомляла экипажи. Къ довершенію безпокойства, имъ угрожало приближеніе плавучихъ льдовъ, всякаго рода и всякихъ величинъ, гонимыхъ вѣтромъ между льдами сплошными, такъ что сквозь эти льды нельзя было рассмотреть никакого выхода, чтобы избѣжать смерти.

Въ первый разъ, когда наши были въ такомъ затруднительномъ положеніи, несомнѣнно, что безъ присутствія духа начальника экспедиціи, малая эскадра, притиснутая къ сплошному льду, могла конечно быть разбита льдами плавучими. Въ этой крайности было лишь одно средство къ спасенію, по счастію явившееся какъ нельзя болѣе кстати. Лишь только опасность была замѣчена, какъ начальникъ приказалъ и въ то же время подалъ примѣръ приблизиться, сколь возможно, къ неподвижному льду и употребить часть экипажа съ каждаго корабля со всѣми орудіями, какія только было возможно собрать, на то, чтобы прорубить во льду родъ бассейновъ, могущихъ вмѣстить каждый изъ трехъ кораблей. Едва эта работа была окончена, какъ плавучіе льды стремительно ринулись на сплошной ледъ, но корабли остались неприкосновенны, каждый въ своей проруби, и тѣмъ избѣгли возможнаго крушенія. Они оставались въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, покуда не перемѣнился вѣтеръ, нагнавшій плавучія льдины, и не увлекъ ихъ обратно, чѣмъ далъ возможность кораблямъ выйти изъ гаваней, ими устроенныхъ (гаваней, можно сказать, превосходныхъ), и продолжать свой путь. Затѣмъ, не взирая на всѣ ихъ усилія, чтобы расчистить себѣ дорогу къ полюсу, они могли достигнуть лишь до 80° 22' сѣверной широты, и послѣ тщетныхъ попытокъ проникнуть по на-

правленію къ сѣверо-востоку и къ востоку, какъ то было предписано въ данныхъ имъ инструкціяхъ, они были принуждены, къ концѣ августа, отказаться отъ своего предпріятія и возвратиться въ Архангельскъ.

Начальникъ экспедиціи подалъ рапортъ въ адмиралтействъ-коллегію о неудовлетворительномъ результатѣ своихъ попытокъ ¹⁾. Отецъ мой навлекъ на себя упреки, по влиянію нѣкоторыхъ членовъ, недоброжелательныхъ ему, въ особенности вслѣдствіе уязвленного тщеславія вице-президента коллегіи графа Чернышева, которому непомѣрно желательно было, чтобы его управление ознаменовалось какимъ либо великимъ открытіемъ.

Разсмотрѣвъ рапортъ моего отца, адмиралтействъ-коллегія написала опредѣленіе (1765 г. сентября 12-го дня), въ которомъ говорилось, что ея императорское величество всемилостивѣйше ашпробуетъ путешествіе его и труды, приписывая неисполненіе ея намѣренія великимъ трудностямъ, но адмиралтейская коллегія, что до нея касается, войдя въ подробнѣйшее разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ и ихъ послѣдствій, находитъ: 1) что было сдѣлано недостаточное количество попытокъ къ достиженію цѣли; 2) попытки были слишкомъ кратковременны; 3) на основаніи ихъ нельзя категорично и рѣшительно заявлять, что цѣль недостижима; 4) что первымъ пунктомъ инструкціи предписывалось: начавъ плаваніе отъ Клокбайской губы, простираться въ открытое море къ западу, румбъ или два склоняясь къ сѣверу, пока достигнуть гренландскихъ береговъ, а подлѣ ихъ уже вправо плыть къ сѣверу; но что ихъ плаваніе въ маломъ отдаленіи отъ Шпицбергена предпріяно было прямо къ сѣверу до 80°; 5) что поэтому коллегія полагаетъ, если идти прямо къ западу (въ случаѣ льды мѣшаютъ, склоняясь нѣсколько къ югу), то можно достигнуть Гренландіи и тогда уже, въ виду береговъ, подниматься къ сѣверу „до самой невозможности“; 6) что подавшись къ югу, встрѣтили-бы какъ льдовъ, такъ и другихъ препятствій меньше, и если нельзя было совершенно достигнуть желаннаго успѣха, то, по крайней мѣрѣ,

---

¹⁾ Этотъ рапортъ, отъ 22 августа 1765 г., съ надписью „по секрету“, найденъ нами въ московск. арх. м. иностр. дѣлъ и заключаетъ въ себѣ полное путешествіе экспедиціи на сѣверный полюсъ.

не безъ вѣроятія открыли-бы новыя и невѣдомыя берега Гренландіи; 7) что къ берегамъ Гренландіи даже не старались приблизиться и это нельзя не счесть за весьма важную вину. Предписаніе о посылкѣ малыхъ судовъ для осмотра береговъ и торовщиковъ по льдамъ осталось безъ дѣйствія; 8) что самое ихъ плаваніе было весьма короткое, изъ чего заключаютъ, что для столь важнаго намѣренія у него не было довольно терпѣнія, ни нужной въ такихъ чрезвычайныхъ предпріятіяхъ бодрости духа; 9) что онъ могъ бы остаться въ морѣ подольше; 10) опаснаго поврежденія судовъ не видно; 11) иностранныя промышленники тамъ встрѣчаются и даже остаются жить въ тѣхъ мѣстахъ; 12) изнеможенія людей и больныхъ не видно, да и быть не могло при краткомъ плаваніи; 13) что въ прошломъ году унтеръ-лейтенантъ Ярыгинъ держался на своемъ изворѣ въ 78^о до 14-го сентября, при чемъ въ рапортахъ его не упоминается о великомъ количествѣ льда; 14) не принято было во вниманіе, что иногда нѣсколько позже можетъ быть меньше льдовъ, какъ это оказалось при путешествіи Ярыгина; 15) судя по кратковременному плаванію, можно заключить, что чрезмѣрное опасеніе нечаяннаго бѣдствія побудило ихъ къ скорому возвращенію, между тѣмъ имѣлось вблизи убѣжище съ одной стороны въ Шпицбергенѣ, съ другой—въ Норвегіи, Лапландіи, и, наконецъ, если крайность пришла, и въ Гренландіи; 16) что тамошнее море не только въ сентябрѣ, но въ октябрѣ и вообще никогда совсѣмъ не замерзаетъ, а потому, дождавшись и сентября мѣсяца, времени было достаточно для возвращенія. Въ заключеніе коллегія предписывала моему отцу немедленно пріѣхать въ Петербургъ, захватить съ собою всѣ журналы, карты и примѣчанія, но оговорила: „буде же и способнѣе, къ лучшему успѣху въ продолженіи сего намѣренія, отъ нихъ самихъ признано будетъ и обстоятельства дозволятъ, чтобъ зимовать на Шпицбергенѣ, каковаго отъ нихъ предпріятія коллегія, по извѣстному ихъ усердію, и ожидаетъ, въ таковомъ случаѣ отдается на ихъ благоизобрѣтеніе. Тогда-же Чичагову сюда не ѣхать“.

Такимъ образомъ графъ Чернышевъ съ узавленнымъ самолюбіемъ дошелъ до того, что требовалъ, чтобы мой отецъ снова покинулъ Архангельскъ и зимовалъ съ эскадрою на Шпицбергенѣ.

При совершенномъ непониманіи дѣла, collegія, желавшая управлять экспедиціею и быть разумнѣе и опытнѣе, даже при томъ условіи, когда почти всѣ члены ея далѣе Ревеля по морю не ѣздили, обвинила моего отца въ трусости, боязливости, въ нетерпѣннѣи, а потому предлагала ему опровергнуть подозрѣнія зимовкою на ледяныхъ скалахъ, вмѣстѣ съ бѣлыми медвѣдями. По мнѣнію collegіи не было препятствующихъ обстоятельствъ для зимовки экспедиціи на Шпицбергенѣ; вотъ до чего она дошла съ своимъ необразованіемъ и недоувѣрчивостью!

Вице-президентъ адмиралтействъ-collegіи, графъ Чернышевъ, тогда-же написалъ моему отцу:

„Государь мой Василій Яковлевичъ! Съ какою прискорбностію читалъ я присланной отъ васъ, мой государь, рапортъ въ collegію, о неожиданномъ вашемъ возвращеніи къ городу, того описать, конечно, не въ состояніи. Что узнать вы, однако-жъ, можете, ежели вспомните участіе, которое я имѣлъ въ вашемъ отправленіи, и сожалѣніе мое о вашемъ отсутствіи, чему вы сами, бывъ свидѣтели, засвидѣтельствовать можете. Оставалось одно мнѣ то въ утѣшеніе, что таковой жребій палъ по собственному желанію на людей, которые не токмо благоразуміемъ и знаніемъ своимъ, но и безпредѣльною ревностію соотвѣтствуютъ важности поручаемой экспедиціи, предпріятой къ славлѣ государствованія нашей всемилостивѣйшей императрицы и россійскаго флота, сопряженной съ славою и пользою отечества. И хотя, по любви моей къ вамъ, обрадованъ я много былъ полученіемъ отъ васъ извѣстія, но, правду сказать, не изъ того мѣста я его ожидалъ; а думалъ, что буде и дѣйствительно вамъ невозможно путь сей продолжить до желаемого мѣста, то хотя, по послѣдней мѣрѣ, приобрѣтетъ Россія сколько ибудь чести и славы открытіемъ по сіе число неизвѣстныхъ какихъ береговъ или острововъ. Но все оное было какъ во снѣ; ибо не токмо и того мы не получили, но ниже было цѣлію приуготовленной и великихъ денегъ стоящей экспедиціи, такъ далеко, или по послѣдней мѣрѣ, столь долгое время въ Сѣверномъ морѣ, чтобъ о непреодолимости сего прохода не токмо Европу, отворенными глазами смотрящую, но ниже самихъ себя увѣрить можно было.

Не причтите, мой государь, сію откровенность моего мнѣнія къ оказанію неудовольствія; но припащите къ искренности моего къ вамъ почтенія и любви, которое нудитъ меня открыть свои мысли. Возможно ли удержаться и вамъ не сказать, что прискорбность моя много болѣе умножилась, увидя васъ самихъ увѣренныхъ о невозможности сего прохода, какъ-то вы, кажется, въ концѣ вашего рапорта знать дать хотите. Сего, однако-жъ, мы не токмо не ожидали, но изъ обстоятельствъ усмотрѣть не можемъ.

Сверхъ того вы знали, мой государь, какое распоряженіе здѣсь сдѣлано было, еще въ ваше пребываніе, для случая принужденнаго вашего возвращенія въ первую кампанію, чтобъ то было не токмо не къ городу, ни ниже въ Колу, а на Шпицбергенъ, то есть въ Клокбайскую пристань, гдѣ хотя и

не очень хорошее, однако-жъ, нарочитое зимовье построено и провiантомъ пренаполнено ¹⁾. Пускай половинное число онаго отъ худой подкладки и пропало, но нынѣшнимъ лѣтомъ перевезенной такому поврежденію не могъ бытъ подверженъ, о чемъ вы при отравленіи отсюда увѣрены были. И буде бы оттуда, сюда хотя не нынѣшнею осенью, но будущемо весною, чрезъ нарочно присланное къ намъ судно дали знать о чаемой вами невозможности, тогда-бъ мы можетъ быть изыскали какой нибудь способъ прикрыть падающій на россійскихъ мореплавателей неизбѣжный стыдъ, о малотерпѣливости ихъ бытія въ неизвѣстныхъ водахъ, и приказали вамъ — или въ здѣшніе порты возвратиться, или какой нибудь другой вояжъ сдѣлать, дабы тѣмъ неудачливое предпріятіе прикрыть, и тѣмъ избавиться отъ насмѣшки, которая неминуемо послѣдовать должна. Въ утверженіе чего позвольте сказать, что рѣдко случай найтись можетъ, гдѣ бы извѣстную всѣмъ пословицу употребить было можно, какъ нынѣ: синица море зажигала, море не зажгла, а славы много надѣлала.

Паки повторяю истинность увѣренія моего, что все сіе къ вамъ пишу не отъ уменьшенія моея къ вамъ любви и почтенія, которое всегда къ вамъ имѣть буду. Заслуживаете вы то, конечно, отъ всѣхъ, кто васъ знаетъ удовольствіе имѣть, и не такъ бы чувствительна мнѣ была вся оная первая неудача, буде бы не показалось мнѣ, какъ то я выше сказалъ, что вы сами объ успѣхѣхъ отчаяваться уже начинаете, какого заключенія, кажется, изъ столь малаго опыта, сдѣлать еще невозможно, а особливо вамъ, котораго мнѣ столь благородная твердость извѣстна, и котораго-то съ такимъ непоколебимымъ и геройскимъ духомъ предпринимали, и не имѣвъ еще время сдѣлать то, что мы отъ терпѣливости вашей ожидали и безсумнительно ожидаемъ; а такое заключеніе дѣлать починаемъ, увѣрены будучи, что вы хотя и возвратились, но отъ невозможности предпринятаго окончить въ нынѣшнюю кампанію, а что все исправя и приуготовясь, въ будущую, конечно, сдѣлать не преминете, и какъ время еще тому довольно, того для таковая послѣдовава коллежская и резолюція. Ваше же здѣсь бытіе, не токмо много къ тому способствовать можетъ, но и увѣрить васъ о нелицемѣрномъ моемъ почтеніи и любви, съ которою навсегда пребуду*, и т. д.

13 сентября 1765 года.

Вотъ какъ оцѣнили подвигъ моего отца, всей экспедиціи и по истинѣ можно сказать: сытый—голоднаго и замерзшаго не понялъ. Благоразумною распорядительностію онъ спасъ суда отъ явной гибели, примѣрною заботливостію сохранилъ жизни людей, при этомъ проникъ къ сѣверному полюсу по невѣдомому пути и не такъ, какъ сказочные казаки или заблудившіеся въ

¹⁾ Мы видѣли изъ рапорта В. Я. Чичагова, что онъ даже не могъ войти въ эту губу и въ какомъ видѣ онъ нашелъ тамъ постройки и провiантъ.

фантазіи промышленники, которые, останавливаясь на Шпицбергенѣ или Медвѣжьихъ островахъ, доносили о небывалыхъ открытіяхъ и добычахъ, и что-же было наградой ему за всѣ страданія, лишенія и жертвы?—заключеніе коллегіи и оскорбительное, хотя подслащенное, письмо графа Чернышева, желавшаго затронуть самолюбіе человѣка, сотворившаго геройскій подвигъ. Его упрекнули даже за то, что онъ осмѣлился явиться въ Архангельскѣ; не только подобный городъ, но и Кола — признавалась слишкомъ роскошнымъ мѣстопребываніемъ. Одна Клокбайская пристать и сгнившая губа среди снѣжной степи — считалась достойною обогрѣть начальника экспедиціи и застывшихъ, окровавленныхъ его сподвижниковъ. У солдатъ изъ-подъ ногтей сочилась кровь. Этими славными мореплавателями стыдилась російская коллегія, боявшаяся Европы, которая, по ихъ понятіямъ, смотрѣла на нихъ „съ отворенными глазами“. Это вѣрно: Европа, узнавшая впоследствии объ экспедиціи моего отца и недовольствѣ коллегіи, смотрѣла на послѣднюю большими глазами ¹⁾). Не легко было перенести эти упреки моему отцу, и онъ обидѣлся не такъ за себя, какъ за своихъ товарищей и подчиненныхъ. Получивъ привазаніе ѣхать въ Петербургъ, онъ со свойственною ему благородною твердостью, непоколебимымъ и геройскимъ духомъ (въ чемъ согласенъ и графъ Чернышевъ) полетѣлъ въ столицу, чтобы защитить правоту свою и разбить нападки членовъ коллегіи на поведеніе всей эскадры. Онъ отдалъ во всемъ подробный отчетъ и разубѣдилъ ихъ въ понятіи о Сѣверномъ морѣ. Между прочимъ, присутствовавшіе въ засѣданіи позволили себѣ дѣлать ему замѣчанія, заимствованныя изъ показаній этого собранія. „Такъ какъ вы встрѣтили“, говорили ему—„непреодолимыхъ препятствія, по направленію къ сѣверо-востоку и къ востоку, то должны были переимѣнить путь и направиться къ сѣверо-западу, къ Гренландіи, гдѣ могли надѣяться сдѣлать открытія“. На это отецъ мой отвѣчалъ, что ему и въ голову не могло придти взять направленіе столь противу-

---

¹⁾ Доказательствомъ, что экспедиція В. Я. Чичагова совершила подвигъ, неоцѣненный тогчасъ, вслѣдствіе недостаточной образованности его современниковъ, служитъ то, что путь его означенъ на картахъ всего свѣта и также на русской, изданной гидрографическимъ департаментомъ въ 1841 году. Л. Ч.

положное тому, которому слѣдовать было ему приказано, такъ какъ въ инструкціяхъ ему было предписано простирать свои поиски къ сторонѣ полюса и на востокъ, къ Берингову проливу, а вовсе не къ западу. Тогда коллегія поручила одному изъ своихъ членовъ, адмиралу Нагаеву ¹⁾, рассмотреть журналъ экспедиціи, и были принуждены, по рапорту этого адмирала, отдать справедливость начальнику, капитанамъ и признать дарованія, мужество и усердіе, съ которыми они исполнили свои обязанности.

Однако-же, подъ предлогомъ, что одной, подобнаго рода, попытки недостаточно для удостовѣренія, что ни въ какое другое время и ни въ какомъ иномъ случаѣ невозможно было-бы получить болшихъ результатовъ, на него возложили совершить въ слѣдующемъ 1766 году второе путешествіе, съ тою-же цѣлію и снабдивъ тѣми же инструкціями ²⁾.

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

---

¹⁾ Алексѣй Ивановичъ (р. 1704, +1780), знаменитый гидрографъ.

²⁾ Не смотря на всѣ доводы В. Я. Чичагова оставить эскадру зимовать въ Архангельскѣ, гдѣ люди могли быть лучше помѣщены, суда снабжены провіантомъ и т. д., графъ Чернышевъ настоялъ на своемъ прежнемъ распоряженіи, т. е. приказалъ зимовать всѣмъ въ пустынной и дикой Колѣ. Эскадра, тотчасъ по отбытіи начальника въ Петербургъ, оставила Архангельскъ, о чемъ и рапортовалъ командиръ надъ портомъ въ коллегію 9-го октября 1765 года (московск. архивъ): „три судна, именуемыя Чичаговъ, Пановъ и Бабаевъ, да 2 адмиралтейскіе большой препорціи палубные бота, по удовольствію морскою провизіею и сухопутнымъ на зимнее время провіантомъ, подъ командою капитана Бабаева, сего октября 5-го числа въ путь свой отправились, а 8 числа по полученнымъ въ контору надъ портомъ отъ онаго капитана Бабаева и со обстоющей при здѣшнемъ портѣ дальней брайтвахты рапортамъ показано: объявленныя три судна и два бота, 6 числа пополуночи въ 10-мъ часу, мимо брайтвахты прошли, которые, дошедъ за прямую запротивностію вѣтра, легли на якоря; а 7 числа пополуночи въ 7-мъ часу, снявшись съ якорей, при вѣтрѣ ZO прошли чрезъ баръ, а въ 10-мъ часу и въ повелѣнной путь отправились благополучно. А флота господинъ капитанъ Чичаговъ отбылъ въ Санктъ-Петербургъ.

Л. Ч.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ,

род. 1772 г., † 1863 г.

Помѣщая на стр. „Русской Старины“ еще нѣсколько главъ изъ обширныхъ записокъ Александра Михайловича Тургенева, считаемъ вполне уместнымъ привести здѣсь замѣтку къ его биографіи,—замѣтку, весьма обязательно сообщенную М. И. Городецкимъ. Вотъ она:

Въ биографическомъ очеркѣ объ Александрѣ Михайловичѣ Тургеневѣ, предпосланномъ къ весьма интереснымъ Запискамъ его („Русская Старина“, т. XLVII, стр. 367—373), сдѣлано довольно подробное обзорѣніе его служебной дѣятельности.

Пополненіемъ этого матеріала могутъ служить слѣдующія свѣдѣнія, которыя почерпнуты мною, съ надлежащаго разрѣшенія, изъ дѣлъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1820-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ медицинскомъ вѣдомствѣ царили безпорядки и злоупотребленія. Занимавшій въ то время постъ министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ А. А. Закревскій, озабоченный избраніемъ лица, которое сумѣло бы привести медицинскую часть въ соотвѣтственныя условія, остановилъ свой выборъ на А. М. Тургеневѣ, уже выказавшемъ свою энергію и неподкупность при искорененіи безпорядковъ въ Тобольской губерніи, которою онъ управлялъ въ теченіи пяти лѣтъ (1823—1828 г.г.). Претерпѣвшій гоненія отъ генераль-губернатора западной Сибири Капцевича и восстановленный въ своихъ служебныхъ правахъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Тургеневъ былъ тогда только что назначенъ казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но, не успѣвъ еще вступить въ эту должность, получилъ предложеніе министра Закревскаго принять должность директора медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ архивномъ дѣлѣ сохранился всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 декабря 1828 г.; въ этомъ докладѣ генераль-адъютантъ Закревскій представлялъ императору Николаю слѣдующія свои предложенія:

....„Зная, что медицинскій департаментъ слѣдуетъ вѣрить человѣку, который при отличныхъ способностяхъ былъ бы твердъ въ честности противу искушенной беззаконной корысти, не легко проникаемой въ аптекарскихъ сче-

такъ, я обратился съ приглашеніемъ моимъ къ давно извѣстному мнѣ съ наилучшей стороны статскому совѣтнику Тургеневу, который въ минувшее лѣто назначенъ въ казанскіе гражданскіе губернаторы, и который, по привлеченію ему нездоровью, не отправился еще отсюда. Онъ на принятіе директорской должности согласился.... И если на опредѣленіе Тургенева въ директоры медицинскаго департамента послѣдуетъ всемілостивѣйшее соизволеніе, то осмѣливаюсь всенижайше ходатайствовать о сохраненіи ему, по недостаточному его состоянію, тѣхъ окладовъ, составляющихъ 9.000 рублей, каковыя онъ получалъ, будучи прежде тобольскимъ губернаторомъ, и каковыя присвоены ему при назначеніи его въ Казань. По званію директора департамента онъ будетъ имѣть 6.000 р., а 3.000 руб. можно производить ему сверхъ того изъ суммъ, остающихся отъ некомплекта медицинскихъ чиновниковъ по губервіямъ, пока онъ въ сей должности будетъ находиться“.

Докладъ этотъ былъ утвержденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, а 27 декабря 1828 г. состоялись высочайшіе указы: правительствующему сенату о бытіи казанскому губернатору, статскому совѣтнику Тургеневу, директоромъ медицинскаго департамента, и министру внутреннихъ дѣлъ о производствѣ Тургеневу добавочнаго содержанія по 3.000 руб. въ годъ.

До того времени медицинскимъ департаментомъ временно управлялъ, съ 10 августа 1825 г., начальникъ отдѣленія, д. с. с. Юсифъ Коржевскій. 31-го декабря 1828 г. министръ предложилъ Коржевскому сдать департаментъ Тургеневу, а послѣднему далъ слѣдующее предложеніе:

....„принять на законномъ основаніи департаментъ и дѣла комитетовъ, въ конхъ онъ (Коржевскій) былъ предсѣдателемъ, какъ-то: о построеніи школы на Аптекарскомъ острову и устройствѣ инструментальнаго завода и Императорскаго ботаническаго сада. Сверхъ сего вы получите отъ него, соотвѣтственно предписанію, вмѣстѣ съ симъ мною ему данному, подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ заведеній, находящихся здѣсь при медицинскомъ департаментѣ и на Аптекарскомъ острову, и о томъ, въ какомъ положеніи все состоящее нынѣ подъ управленіемъ его сдано вамъ будетъ, въ подробности донесете мнѣ за общимъ вашимъ подписаніемъ“.

Было ли подано такое донесеніе за общимъ подписомъ сдававшаго и принимавшаго медицинскій департаментъ или нѣтъ—слѣдовъ въ архивныхъ дѣлахъ не найдено; положеніе же, въ которомъ Тургеневъ засталъ медицинскую часть, описано въ упомянутомъ выше биографическомъ очеркѣ.

Въ январѣ 1830 г. Тургеневъ (въ то время уже дѣйствительный статскій совѣтникъ) подалъ министру внутреннихъ дѣлъ рапортъ о невозможности исполненія обязанности директора медицинскаго департамента. Къ сожалѣнію, дѣла съ этимъ интереснымъ рапортомъ, равно какъ и дѣла объ увольненіи Тургенева отъ службы съ назначеніемъ пенсіи, въ архивѣ не сохранились“.

М. Г.

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

[ЕРМОЛАФІЯ] ¹⁾.

Безбородко.—Гр. П. А. Румянцевъ.—Завадовскій.—Судиенко и Какушкинъ.—Лиза—воспитанница театральной школы.—Актеръ Савдуновъ.—Екатерина II.—Полковникъ-дворобродъ Мѣдковъ.—Библиотекаръ Лужковъ.—Марія Савишна Перевусихина.—Судъ и оправданіе Сандунова.

XXXI ²⁾.

Безбородко, — Александръ Андреевичъ, — въ царствованіе Екатерины возведенъ въ графское достоинство. Императоръ Павелъ I скроилъ изъ Безбородко перваго пожалованнаго князя Россійской имперіи съ титуломъ свѣтлости.

Происхожденіе Безбородко—изъ Малороссіи; предки его, какъ и всѣ малороссіяне, назывались казаками, потому что они всѣ были люди военные.

Населеніе Малороссіи составилось изъ остатковъ разныхъ племенъ народовъ, обитавшихъ въ этой странѣ, впослѣдствіи разными случаями смѣшавшихся, соединившихся и составившихъ народъ, націю, называемую малороссіянами.

---

¹⁾ Вас. Андр. Жуковскій—ближайшій другъ А. М. Тургенева—называлъ сего послѣдняго—я въ письмахъ, и въ разговорахъ—Ермолафомъ; вотъ почему А. М. Тургеневъ назвалъ свои записки, безъ сомнѣнья писанныя отчасти и для Жуковскаго, Ермолафіей. Эта и всѣ послѣдующія главы печатаются съ подлинной рукописи А. М. Тургенева. Ред.

²⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., томъ XLVII, стр. 365—390; т. XLVIII, стр. 55—82, 247—282, 473—486; изд. 1886, томъ XLIX, январь, стр. 39—62.

Съ самаго своего начала Малороссія составляла военную республику; у малороссіянъ никогда не существовало разрядовъ, раздѣленій въ народѣ, не было родовъ привилегированныхъ, у нихъ не было ни дворянства, ни купечества, каждый малороссъ былъ дворянинъ, купецъ, земледѣлецъ, равенъ одинъ другому, располагалъ собою по собственному произволу, и вся его обязанность состояла быть во всегдашней готовности на защиту владѣемыхъ земель и собственной независимости.

Права свои и образъ правленія малороссіане удержали даже по соединеніи своемъ съ Россією.

Малороссія не была завоевана, но соединилась съ Великороссією добровольно.

Первое нарушеніе правъ и образа правленія Малороссіи послѣдовало въ царствованіе императрицы Елизаветы; она возвела фаворита своего, бывшаго при дворѣ пѣвчимъ Алексѣя Разума— въ фельдмаршалы и гетманы Малороссіи.

Съ этого времени возникло въ Малороссіи дворянство, но народъ былъ совершенно свободенъ, не носилъ на челѣ своемъ печати рабства и платилъ подати съ дымовъ, а не съ душъ, переходилъ съ одного мѣста на другое по собственной волѣ, согласно съ его выгодною и удобностію.

Екатерина повергла Малороссію въ рабство, повелѣвъ произвести въ Малороссіи перепись народную и ревизію и тѣхъ, которые будутъ при переписи найдены на жительствѣ на земляхъ, кому-бы то ни было принадлежащихъ, записать за владѣльцами въ крѣпость; обитавшіе на земляхъ, такъ называемыхъ казенныхъ, оставлены казаками, составляли изъ себя полки и содержали ихъ своимъ иждивеніемъ.

Пугливый императоръ Павелъ, понимая въ званіи казака бунтовщика, уничтожилъ малороссійскихъ казаковъ, и они поступили въ составъ казенныхъ крестьянъ.

Дѣдъ или отецъ Безбородко былъ войсковымъ писаремъ; должность эта была значительная, но не наследственная, не доставлявшая потомству ни титула, ни правъ.

Въ Малороссіи личныя достоинства: способности, храбрость на полѣ битвы доставляли безпрепятственно каждому возможность приобрести уваженіе, начальство и довѣріе. Гетманъ Брюховецкій былъ прежде слугою гетмана Хмельницкаго и былъ избранъ на его мѣсто.

Это происшествіе случилось въ царствованіе царя Алексѣя. Нынѣ (1831 г.) титулолюбивые малороссіане, выкарабкавшіеся въ дворянство, стыдятся того, что они были народомъ вольнымъ, что они всѣ имѣли равное право безъ исключенія приобрѣтати уваженіе, почести и начальство, стараются доказывать, что званіе войсковаго писаря въ Малороссіи равняется званію государственнаго канцлера въ Россіи, и что и у нихъ было дворянство.

Въ семилѣтнюю еще войну съ Пруссіей при Елизаветѣ, въ первую турецкую войну въ царствованіе Екатерины II малороссійскіе казацкіе полковники подчинялись армейскимъ прапорщикамъ; казацкихъ полковниковъ наказывали плетми и палками.

Князь Потемкинъ былъ первый, который утвердилъ чины въ казацкомъ войскѣ наравнѣ съ чинами арміи.

XXXII.

Въ первую турецкую войну въ царствованіе Екатерины II потомокъ войсковаго писаря, Александръ Андреевичъ Безбородко, поступилъ въ канцелярію фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго писаремъ.

Задунайскій, не такъ какъ нынѣ (1831 г.) гг. начальствующіе, зналъ всѣхъ и cadaго въ своей канцеляріи и cadaго капитана во ввѣренномъ ему войскѣ. Геніальному Румянцеву не много потребно было времени узнать геніальнаго Безбородко.

Быть можетъ уродливая голова, широкое обрюзглое лицо, толстыя, отвислыя губы Безбородко обратили при первой встрѣчѣ съ нимъ Румянцева вниманіе.

Это предположеніе можно даже утвердить, что смѣшная, уродливая наружность Безбородко произвела въ фельдмаршалѣ съ перваго взгляда любопытство узнать, кто былъ этотъ квазимодо.

Задунайскій, поговоривъ съ Безбородко, рассказывалъ тотъ день за обѣдомъ, что онъ нашелъ въ своей канцеляріи брилліантъ, но только подъ грубою корою; съ этого времени началъ призывать къ себѣ Безбородко чаще, дѣлалъ ему порученія, и въ не-

продолжительномъ времени Безбородко былъ у него безсмѣннымъ экспедиторомъ.

У Задунайскаго правителей канцеляріи не существовало, были экспедиторы, которые ему докладывали дѣла, производству ихъ вѣренныя, а дѣлымъ управлялъ онъ самъ и резолюцій секретари для него не заготовляли; часто случалось, фельдмаршалъ четверымъ, пятерымъ экспедиторамъ диктовалъ вдругъ, по разнымъ и важнымъ предметамъ, предписанія и подписывалъ ихъ безъ поправки или перемѣны.

Екатерина, по занятіи войсками Молдавіи и Валахіи, придумала легчайшее средство, безъ оскорбленія личнаго, къ уничтоженію укоренившагося господства въ Молдавіи бояръ и къ умноженію числа приверженцевъ себѣ; она облекла Задунайскаго властію по благоусмотрѣнію его, за оказанныя Россійской державѣ услуги, жаловать молдаванъ въ капитаны.

Армейскій чинъ прапорщика даетъ, получившему это званіе, права дворянства въ Россіи: толпа богатыхъ молдаванъ, не пользовавшихся никакими правами и зависѣвшихъ совершенно, по турецкому обычаю, отъ произвола, прихоти не только самого господаря Молдавіи, но и каждаго бояра, жадно пожелала получить чины капитанскіе. Желаніе это было основано на существенныхъ выгодахъ, — получившаго чинъ капитанскій оно ограждало отъ палочныхъ ударовъ и всякаго рода истязаній во время пребыванія россійской арміи въ Молдавіи и обезпечивало его личность на будущее время въ Молдавіи.

Самъ господарь и еще менѣе бояре не осмѣливались оскорблять по произволу молдавана, получившаго чинъ россійской службы капитана, страшились, чтобы не прогнѣвать такимъ дѣйствіемъ императрицу или главноначальствующаго войскомъ. Выданный молдаванину отъ фельдмаршала патентъ на чинъ капитанскій хранилъ и спасалъ его отъ всякаго притязанія и злополучія, какъ громовой отводъ спасаетъ отъ задушенія разразившагося электрическаго матеріала.

Задунайскій содѣйствовалъ видамъ его повелительницы, однако же, выдавалъ патенты на чины капитанскіе съ большою разборчивостью и не легко было удостоиться полученія диплома.

Производство дѣлъ о пожалованіи въ капитаны фельдмаршалъ поручилъ Безбородко.

Княжества молдавское и валахійское, стенавшія подъ игомъ прихотливой деспотической власти, привыкли къ рабству безотвѣтному и презрительному; господарь ползалъ, вращаясь въ прахъ у порога гарема султанскаго, искавъ покровительства у любимца султанова—евнуха, и когда успѣвалъ вымолить себѣ, чтобы голова осталась на туловищѣ его, тогда, возвратясь владычествовать въ мнимыя владѣнія свои, поступалъ по примѣру высокаго повелителя своего, дѣлалъ въ Молдавіи и Валахіи, что тотъ дѣлалъ въ Константинополѣ.

Безбородко былъ бѣденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что покажется неимовѣрнымъ, былъ расточителенъ, преданъ сладострастію, женщинъ любилъ до изступленія, и кто бы повѣрилъ, увидѣвъ Безбородко, что онъ съ наружностью уродливаго квазимода хотѣлъ нравиться прекраснымъ женщинамъ и даже увѣрялъ себя въ томъ, что онѣ его любятъ.

Во времена экспедиторства своего, его свѣтлость впослѣдствіи, конечно, не на паркетѣ, не въ бель-этажѣ искала любезныхъ и благосклонныхъ дамъ, но и въ нижнемъ жильѣ красавица соглашалась выслушивать его объясненія съ помощью могущественнѣйшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ средствъ, а у Безбородко въ то время существовалъ большой недостатокъ въ этомъ средствѣ.

Что дѣлать? Неодолимое желаніе нравиться милымъ дѣвушкамъ и молодушкамъ заставило его уклониться отъ прямого пути и онъ кинулся на проселочной дорогѣ искать пособій.

Ввѣренное ему производство дѣлъ о сотвореніи капитановъ показалось источникомъ обильнымъ къ утоленію жажды его.

Великій умъ, быстрое соображеніе, память, всѣхъ удивлявшая, въ преклонныхъ даже лѣтахъ его, увѣрили, что онъ схитритъ и укроетъ дѣйствія свои отъ прозорливости фельдмаршала.

Александръ Андреевичъ Безбородко началъ сотворять капитановъ дюжинами; наконецъ, капитаны російской службы въ Молдавіи до того расплодились, что уже видѣли капитановъ на запяткахъ, на козлахъ каретъ, поварами, пекарями и т. п.

Не извиненіемъ послужить можетъ Безбородко, но правду сказать должно, не малая часть господъ капитановъ были обязаны благородствомъ и преимуществами званія благосклонности благовѣрныхъ своихъ супруговъ.

То-ли было во времена канцлерства его свѣтлости князя Безбородко! Какія громадныя услуги оказывалъ онъ супругу за благосклонность сожительницы его и искусство ее поиграть вечеръ съ нимъ, свѣтлѣйшимъ канцлеромъ, въ маріажъ—любимая игра князя Безбородко.

Онъ если не каждый день, то, по крайней мѣрѣ, пять разъ въ теченіе недѣли ходилъ въ Мѣщанскую улицу въ С.-Петербургѣ, извѣстную въ тогдашнее время пріютомъ благосклонныхъ дамъ....

XXXIII.

Однажды Безбородко, забавляясь съ собесѣдницею, былъ встревоженъ, оскорбленъ и принужденъ оставить пресловутое поприще по настоянію, угрозамъ, неожиданно прибывшаго къ дамѣ гостя—гвардіи Преображенскаго полка сержанта Дурново или Дурасова.

Сержантъ, увидѣвъ Безбородко, котораго не зналъ и котораго онъ, по скромной одеждѣ, почелъ мѣщаниномъ, безъ всякаго предварительнаго съ нимъ объясненія, громко спросилъ его:

— „Ты какъ смѣлъ сюда забраться? Сю-жъ минуточку вонъ, а коли вздумаешь, такъ я тебѣ посвойски утру сальное твое рыло!“

Безбородко, какъ дипломатъ, а не воинъ, разсудилъ за благо увлнуться отъ предстоящей битвы и, поклонясь господину сержанту, сказалъ вѣжливо:

— „Да помилуйте, государь мой, да за что же начинать препиранія, извольте благополучно оставаться; я явился сюда по добровольному согласію и благосклонности хозяйки“.

Сержантъ, обратясь къ барышнѣ, сказалъ: „не стыдно-ли тебѣ, Аксюша, ну добро бы былъ молодець, а то сальная, съ отвислыми губами рожа, и ты не побрезговала!“

Барышня дрожала отъ страха и безмолствовала. Сержантъ къ Безбородко.

— „Что-жъ ты стоишь, чучело, разсчитивъ брылья, тебѣ сказано вонъ, а не то я тебя по морскому за бортъ“, — указывая на окно.

Пришествіе было лѣтомъ; окно стояло отвореннымъ....

Безбородко смевнулъ, что корабль, на которомъ онъ былъ, о четырехъ палубахъ и каюта барышни была подъ верхнею, корабль же стоялъ на мели.

Отвѣсивъ во всю спину канцелярскій поклонъ сержанту и Ксеніи Егоровнѣ, оставилъ ихъ.

Спустясь по лѣстницѣ, Безбородко узналъ отъ Гавриловны—кухарки барышниной, кто былъ витязь, согнавшій его съ поля.

Какъ скоро Безбородко ушелъ, Ксенія Егоровна зарыдала: „ахъ! что ты надѣлалъ! что теперь будетъ съ нами обоими! говорила Ксенія. Да знаешь-ли ты кого потревожилъ! Вѣдь это не купецъ гостинодворскій, не управитель боярскій, это—самъ Безбородко! Вотъ обоихъ насъ злодѣй Шишковскій засѣчетъ не на животь, а на смерть!“

Холодомъ обдало сержанта и зубъ о зубъ началъ стучать.

Однако же, что дѣлать, слово не воробей, вылетѣло, не поймашь; подумали, погоревали сначала, а потомъ сказали: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ....

На другой день сержантъ, возвратясь къ себѣ на квартиру, едва устоялъ на ногахъ, какъ слуга увѣдомилъ его, что самъ фельдфебель три раза приходилъ,—приказано васъ немедленно представить маіору.

— „Ну, думалъ сержантъ, приготовляйся къ раздѣлкѣ дворянская спина. Шишковскій искуснѣ всякаго гравера вырѣжетъ на тебѣ гербы преузорочные, хорошо коли живъ останешься послѣ ласки Степана Ивановича (Шишковскаго), а то и поваяться не успѣешь“.

Однако же одѣлся по формѣ, пошелъ на ротный дворъ, а оттуда пошелъ съ нимъ фельдфебель къ маіору. Пришли, доложили; маіоръ изволилъ кушать.

Ту же минуту приказано сержанту войти въ столовую.

Маіоръ и всѣ сидѣвшіе за столомъ встали; маіоръ вынулъ изъ кармана конвертъ, надѣлъ очки, развернулъ бумагу и началъ читать вслухъ.

„Сержантъ NN жалуется въ прапорщики лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка“.

Прочитавши указъ, маіоръ сказалъ бывшему и еще дрожавшему сержанту:

„Поздравляю васъ съ милостію. . .“ и всѣ начали сержанта осыпать поздравленіями.

Маіоръ закричалъ слугѣ: „подать стулъ“—а новаго прапорщика просилъ сѣсть и вмѣстѣ съ ними кушать.

Всѣ ломали себѣ головы догадками, какъ, черезъ кого получилъ онъ эту милость. . . .

Это приключеніе не отвадило Безбородко ни отъ посѣщенія благосклонныхъ барышень, ни отъ забавы въ маріажъ; но князь изволилъ съ того времени входить даже и въ однопалубные корабли всегда въ сопровожденіи присныхъ своихъ, гг. Судіенко (забылъ его имя) и Василя Петровича Какушкина.

Оба—Судіенко и Какушкинъ были въ чинахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, были кавалеры разныхъ орденовъ, а что лучше чиновъ и орденовъ—оба набогатились.

Какушкинъ все благопріобрѣтенное, правда, пропилъ, проигралъ въ марьяжъ, онъ былъ незлобивый израиль!

Послѣ Судіенко остался сынъ, котораго лѣтъ десять съ роду или болѣе Петръ Голицынъ съ своею бандою ежегодно обыгрываетъ тысячъ на двѣсти рублей въ карты (1834 г.).

Судіенко всегда платилъ безъ хлопотъ, безъ обязательствъ, не поморщившись! Какъ хорошо, что папенька его былъ служникъ канцлера Безбородко. . . .

XXXIV.

Слухомъ земля полнится—говорить старинная пословица; дошли слухи и до фельдмаршала Румянцева о дюжинномъ сотвореніи капитановъ; а случай подтвердилъ дошедшіе слухи.

Въ Яссахъ была главная квартира фельдмаршала; всякій день Румянцевъ выходилъ изъ дому, безъ сопровожденія свиты своей, рано утромъ, и бродилъ по всему городу; захаживалъ на квартиры къ солдатамъ, офицерамъ, чиновникамъ, посѣщалъ не ожиданно военную больницу; ничто не ускользало отъ его взора и любопытства, расхаживалъ по улицамъ и переулкамъ въ Яссахъ, набрелъ фельдмаршалъ на ссору двухъ молдаванъ, дерущихся съ остервенѣніемъ; кровь лила изъ ратоборцевъ, скопилась толпа народа, и никто не дерзалъ остановить дерущихся.

Фельдмаршалъ, котораго всѣ знали, приказалъ, и въ минуту бой прекратился.

Румянцевъ спросилъ сражавшихся, за что они съ такою яростью увѣчили другъ друга?

Изъ отвѣтовъ узналъ онъ, что дѣло завязалось за попреки и укоризны другъ друга въ приобрѣтеніи капитанскаго чина.

— „Какъ капитанскаго чина?“ спросилъ ихъ фельдмаршалъ. Въ отвѣтъ каждый изъ дравшихся вытащилъ изъ кармана патентъ на чинъ капитанскій, самимъ фельдмаршаломъ подписанный.

— „А, батюшка, сказалъ Румянцевъ (онъ всегда прибавлялъ въ разговорахъ „батюшка“) видно это плуть Безбородко проказить,“ приказалъ ратоборцевъ взять подъ стражу, а самъ отправился въ канцелярію свою.

Приходъ фельдмаршала въ канцелярію никого не удивилъ; его привыкли видѣть неожиданно посѣщающаго свою канцелярію; всѣ встали съ мѣстъ своихъ, поклонились, и каждый занялся своимъ дѣломъ.

Фельдмаршалъ пробрался прямо къ столу, у котораго занимался Безбородко, и подошедъ къ мѣсту, началъ Александра Андреевича карать тростью, приговаривая: „а что, батюшка— вотъ, вотъ вамъ капитаны!“

Безбородко, увертываясь отъ ударовъ и спѣша уйти, отвѣчалъ фельдмаршалу:

— Да, уже помилуйте, ваше сіятельство, погрѣшеніе сіе произошло отъ столкновенія обстоятельствъ въ минуты забвенія и, и...

— Да уже, батюшка, вотъ вамъ и столкновеніе, и забвеніе, все уже вмѣстѣ, разбирайте, батюшка, куда толкаете, и не бывайте.

Безбородко, уклоняясь отъ ударовъ и выбѣгая изъ канцеляріи, отвѣчалъ фельдмаршалу:

— „Да помилуйте же, ваше сіятельство, да будьте же благонадежны, впредь уже не буду творить капитановъ“.

XXXV.

По заключеніи съ Оттоманскою Портою мира, послѣ знаменитаго сраженія при Кагулѣ, гдѣ Румянцевъ съ 18 тысячами войска побилъ на голову 180 тысячную турецкую армію подъ начальствомъ верховнаго визира, — фельдмаршалъ прибылъ въ С.-Петербургъ и въ Царскомъ селѣ имѣлъ счастье представить всемиловѣйшей государынѣ матушкѣ Евкатеринѣ II двухъ полковниковъ, во все время войны при немъ находившихся: Петра Васильевича Завадовскаго и Александра Андреевича Безбородко.

Прекрасная наружность Завадовскаго отворила ему дверь въ избранное общество, а Безбородко былъ отправленъ къ вице-канцлеру, гр. Остерману, для употребленія на службѣ соотвѣственно его способностямъ.

Завадовскій въ чертогахъ утопалъ въ роскоши, удовольствіяхъ, всѣ знатные вельможи, вся челядь покланяется ему, ползаетъ передъ нимъ.

Завадовскій съ улыбкой и презрѣніемъ смотритъ на гнусныхъ ласкателей. И кто могъ поравняться съ нимъ!

Безбородко былъ помѣщенъ въ канцеляріи вице-канцлера по заграничной экспедиціи. Онъ спустился въ подвалы, гдѣ помѣщался архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и въ продолженіе восьми мѣсяцевъ перечиталъ всѣ трактаты и сношенія, какіе существовали; но этого недостаточно; прочитывая ихъ, онъ, одаренный счастливѣйшею памятью, содержаніе ихъ сохранилъ въ памяти своей до того, что безъ малѣйшаго затрудненія могъ отвѣчать на всякій сдѣланный ему вопросъ, къ которому бы ни принадлежалъ онъ времени; указывалъ номеръ дѣла, число, листъ, на которомъ было написано, словомъ на всякій вопросъ отвѣчалъ.

Завадовскій былъ тонкаго пронизательнаго ума, добродушный, кроткаго нрава, онъ не могъ преодолѣть въ себѣ свойственной всѣмъ малороссіянамъ склонности къ лѣни, ознакомиться съ увертками придворныхъ, изучить пустословіе, т. е. говорить безъ толку, связи, основанія, даже не зная что, да только говорить.

Поступъ и рѣчь его, всегда плавныя, величавыя въ самыхъ даже обыкновенныхъ разговорахъ, всегда огражденные приличіемъ, благопристойностію, не понравились вельможамъ; однако же онъ стоялъ за себя, превосходно выполнялъ возложенныя на него обязанности.

Занятіями его были довольны. Тѣмъ не менѣе, Завадовскій вспомнилъ пословицу: „хороша ложечка доколь не охлебается— а потомъ подъ лавкой навалается“, началъ жаловаться на сильную боль, чувствуемую въ груди, сталъ задумываться, притворяться—малороссіане великіе искусники, и, въ уваженіе разстроеннаго имъ на службѣ здоровья,—былъ всемилостивѣйше (уволенъ) отъ занимаемой имъ должности съ награжденіемъ чиновъ, орденовъ, возведеніемъ въ графское достоинство, пожалованіемъ многихъ тысячъ душъ крестьянъ въ вѣрность, уволенъ для опредѣленія въ другіе дѣламъ, и былъ назначенъ главнымъ директоромъ заемнаго банка.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій остался до самой кончины императрицы пріятнымъ ея собесѣдникомъ, пользовался ея довѣренностью, какъ старый ея другъ; государыня любила всегда видѣть его при дворѣ, дружески пеняла ему, если онъ замедлялъ показываться. Благоразумно поступилъ—и въ пору уклонился.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій былъ сочинителемъ тѣхъ манифестовъ Екатерины II, которыми она даровала разныя права и преимущества дворянству и купечеству.

Хотя всѣ дарованныя права и преимущества, словомъ и обѣщаніемъ Екатерины утвержденныя, въ сущности никакихъ правъ никому не усвоили (?).

Обращаюсь къ манифестамъ и прочимъ узаконеніямъ, Екатериною изданнымъ, чтобы обнаружить, какія гибельныя были для народа отъ того послѣдствія, вмѣсто изрѣченныхъ, обѣщанныхъ милостей, покровительства, равенства передъ закономъ и судомъ.

Уничтоженъ тайный, розыскной приказъ и пытки словомъ, а на дѣлѣ осталось все по прежнему.

Вмѣсто розыскаго приказа учреждена тайная канцелярія, гдѣ Степанъ Ивановичъ Шишковскій пыталъ, мучилъ и тиранилъ не менѣе прежняго.

Правда, съ тѣхъ, которые послѣ наказанія оставались живы,

Шипковскій бралъ подписки въ томъ, что они во всю жизнь никому и ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ говорить о случившемся съ ними. Наказанный былъ обязанъ подтвердить подписку присягою и обѣщать, если проговорится, подвергнуть себя безотвѣтному вновь наказанію.

Городскіе полиціймейстеры, въ Петербургѣ генераль-полиціймейстеръ Чичеринъ, въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеры Татищевъ и Суворовъ, всегда имѣли въ каретахъ своихъ по нѣскольку десятковъ плетей, называемыхъ подлипибами, съ желѣзными наконечниками, и сѣкали на улицахъ изъ обывателей, какъ говорится, встрѣчнаго и поперечнаго, какъ имъ заблаго-разсудилось.

Что же значилъ въ XVIII вѣкѣ изрѣченный законъ: безъ суда никто да не накажется.

Манифестомъ 1787 или 1786 года, не упомяну твердо, въ подтвержденіе дворянской грамоты: „тогда были владѣльцы и собственники однодворяне“ сказано, что владѣлецъ имѣетъ полное и неоспоримое право дѣлать на земляхъ ему принадлежащихъ все, что заблагоразсудить. Все найденное имъ въ землѣ, въ водахъ его владѣнія принадлежитъ ему неотъемлемо. Но какъ скоро у кого изъ владѣльцевъ въ землѣ, имъ принадлежащей, оказывались драгоцѣнные металлы: серебро и золото, тогда заводъ и эти земли отбирали въ казну подъ предлогомъ, что частный человекъ не можетъ чеканить монеты,—право это принадлежитъ казнѣ.

Владѣльцы заводовъ въ Пермской губерніи: Демидовы, Твердышевы, Яковлевы-Собакины, Походяшины, Турчаниновы, всѣ добывали золото тайкомъ и отъ того являлись великими богачами.

О добываніи золота на ихъ заводахъ была тысяча доносовъ отъ ихъ прикащиковъ и работниковъ, потому что донощикъ, если доносъ справедливъ, получалъ свободу. Но это было дьявольское обольщеніе несчастнымъ.

Богатые владѣльцы заводовъ и вмѣсто ихъ повелители, всегда посредствомъ того же добытаго золота, уничтожали и доносы, и доносчиковъ, то есть ихъ доносы всегда оказывались ложными и тысячи доносившихъ засѣчены внудомъ и померли въ тюрьмахъ.

Одно слово Благословеннаго императора Александра I разрушило всѣ тиранскія распоряженія, даровало право не на словахъ, а на дѣлѣ добывать золото въ землѣ, кому угодно, и мы видимъ ежегодно по нѣсколько сотъ пудовъ вырываютъ изъ земли золота.

Съ объявленія этого мудраго узаконенія императора Александра I вырыто золота на цѣну болѣе, нежели на 250 миліоновъ рублей.

Демидовы, Яковлевы, Расторгуевы и прочіе, если бы захотѣли усилить разработку золотыхъ песковъ, каждый изъ нихъ у себя могъ бы добыть въ 10 разъ болѣе количества золота въ годъ такого, какое они нынѣ (1834 г.) въ годъ получаютъ.

XXXVI.

Но куда я зашелъ? Рѣчь идетъ о Безбородко.

Скоро императрица узнала объ отличныхъ способностяхъ, обширномъ и проницательномъ умѣ Александра Андреевича, и скоро онъ изъ канцеляріи вице-канцлера былъ перемѣщенъ въ кабинетъ ея величества съ возложеніемъ на него должности до-владчика.

Ежедневное съ 7 часовъ утра до 1 по полдень занятіе Безбородко дѣлами въ кабинетѣ государыни подъ ея глазами доставило случай Екатеринѣ узнать ближе, можно сказать, узнать Безбородко совершенно; слѣдствіемъ этого была полная ея Александру Андреевичу довѣренность.

Острота ума, отвѣты его на запросы Екатерины, всегда готовые безъ запинанія, всегда вѣрные, требованные по дѣламъ служенія, и мнѣнія графа Безбородко были всегда основательные, всегда сообразные, приспособленные съ хитрыми ея замыслами, и государыня была отъ Безбородко въ восхищеніи.

Александръ Андреевичъ твердо, незыблемо стоялъ на паркетѣ дворцовомъ, и всѣ навѣты ненависти и зависти были для Безбородко мимо ходящія облачка, а не громовыя тучи; иногда прыснувъ неожиданно, они перепутывали вѣтви цвѣтовъ, но при

появленіи солнца все приходило въ свой порядокъ и все оставалось по прежнему на своемъ мѣстѣ.

Такъ и всѣ наговоры Екатерины во вредъ Безбородко уничтожались при первомъ съ нимъ свиданіи государыни.

Въ театральной школѣ, состоявшей подъ начальствомъ тогдашнихъ вельможъ Соймонова, вн. Юсупова, выросла дѣвочка Лизанька—извѣстная потомъ красотою своею, искусствомъ игры и прелестнымъ пѣніемъ—актриса Елизавета Степановна, по мужѣ Сандунова.

Екатерина весьма любила Лизаньку, заботилась о воспитаніи и образованіи ея; было приказано камердинеру посылать каждый день къ директорамъ узнать о здоровьѣ и поведеніи и успѣхахъ Лизаньки и докладывать ея величеству.

Мы знаемъ уже, что Александръ Андреевичъ въ Яссахъ, въ званіи экспедитора въ канцеляріи фельдмаршала Румянцева, со всѣмъ обширнымъ и проницательнымъ умомъ своимъ и при томъ съ пустыми карманами, не могъ преодолѣть сильнаго влеченія къ прекрасному полу и увѣрялъ себя въ томъ, что онъ могъ нравиться.

Какъ же было ему возможно устоять противъ восхитительнаго влеченія въ настоящемъ его положеніи?

Александръ Андреевичъ былъ уже высокій государственный сановникъ, возведенный въ графское достоинство, украшенный орденами російскими и царей чужеземныхъ.

Болѣе 50 тысячъ душъ крестьянъ пожаловано государынею ему въ крѣпость и сверхъ этого императоръ тогда нѣмецкій, король прусскій и парламентъ англійскій были его влѣнтами, слили ему золотые досванцы, чаши и блюда серебряныя, камни драгоценныя и пр., и пр.

Должно, рассказывая былое, быть безпристрастну и каждому событію отдавать полную справедливость.

Было время въ царствованіе Екатерины, когда Безбородко былъ ея министромъ, что императоръ римскій (германскій) ничего не позволялъ себѣ начинать въ политикѣ безъ согласія и дозволенія на то Екатерины; Фридерикъ II испрашивалъ соизволенія у сестры своей Екатерины II на продажу 15-ти тысячъ старыхъ, заржавленныхъ и къ употребленію негодныхъ ру-

жей полякамъ, а кабинетъ сентъ-жемскій не смѣлъ, безъ дозволенія Екатерины, вооружить военнаго флюгера и выстрѣлить изъ пушки гдѣ либо на морѣ!—Блистательная эпоха славы русской!

Она, т. е. слава, была поколеблена въ послѣдующее время Павла Петровича.

Внукъ Екатерины, Александръ I, въ 1814 году не только возстановилъ славу Россіи, но вознесъ ее несказанно выше; онъ сдѣлался диктаторомъ Европы и не что иное, какъ христіанское смиреніе, убѣдило Благословеннаго не воспользоваться силою и могуществомъ.

Александръ Андреевичъ страстно влюбился въ Лизаньку, увѣрялъ себя, что онъ ей нравится, а если бы, чего онъ никакъ не хотѣлъ предположить, и не нравится, то знатность его, богатство, деньги и рабская готовность гг. директоровъ театра содѣйствовать и помогать всѣми зависящими со стороны ихъ средствами пылающему вождельнію его сіятельства обѣщали скорую и незатруднительную побѣду.

Но графу Безбородко содѣйствовавшіе ему Соймоновъ и кн. Юсуповъ пришли въ изступленіе, увидѣвъ всѣ свои приступы Лизанькою съ стоическою твердостью отвергнутыми.

Безбородко прислалъ Лизанькѣ 80 тысячъ асс.; она взяла ихъ и бинула въ каминъ. 80 тыс. государственныхъ векселей сгорѣло, не вымѣнивъ собою и одного даже поцѣлуга.

Обратились къ гоненію, притѣсненіямъ, оскорбленіямъ, приносили жалобы на Лизаньку, что она упрямится, своевольничаетъ, не слушаетъ, не уважаетъ начальства, не хочетъ учить и не выучиваетъ роль. Государыня, выслушавъ всѣ на Лизаньку навѣты, отвѣчала доносчикамъ:

— „Гг., въ вашихъ словахъ есть много несправедливаго. Вы говорите, Лизанька не учитъ, не выучиваетъ назначенныхъ ей ролей, а вижу и слышу на театрѣ въ Эрмитажѣ нѣкто изъ актеровъ такъ хорошо не знаетъ роли своей, какъ Лизанька! Что это значить? Развѣ она потому въ глазахъ вашихъ виновата, что я ее люблю?“

Соймоновъ и Юсуповъ едва устояли на ногахъ отъ рѣчей царскихъ, не знали, что доложить на это государынѣ, вляпались,

гнулись, молчали съ вытянутыми лицами, въ то-же мгновение замышляли, какъ бы изыскать случай мстить бѣдной дѣвушкѣ и погубить ее.

Это было непреложное правило въ XVIII вѣкѣ всѣхъ придворныхъ — гнать и губить всѣхъ тѣхъ, которые содѣлались при дворѣ извѣстными не по ихъ ходатайству и покровительству, но собственно лично своими дарованіями и уму.

Лизанька была влюблена въ актера Силу Николаевича Сандунова, который всегда игралъ въ оперѣ Сомагага (серьзная вещь) роль испанца Тита.

Лизанька и Сила превосходно играли въ этой пьесѣ и первая, когда пѣла: „перестаньте (ль) льститься ложно и мыслить такъ безбожно, что деньгами возможно въ любовь къ себѣ склонить“, всегда обращалась къ сторонѣ кресель, гдѣ сидѣлъ Безбородко.

Узнали о любви Сандунова; а когда онъ сталъ просить дозволенія у директоръ жениться на Лизанькѣ, ему было рѣшительно отказано, и полагая причиною несогласія Лизаньки принять любовное предложеніе графа Александра Андреевича Безбородко въ присутствіи любезнаго ей Силы Сандунова, по взаимному съ графомъ согласію, придумали удалить Сандунова изъ Петербурга и тѣмъ достигнуть желаемой цѣли.

Директорамъ, Соймонову и кн. Юсупову, не трудно было найти причины къ обвиненію бѣднаго актера; нашли не одну, а множество и послали за наказаніе въ Херсонъ на службу въ лазаретные служителя или писаря.

Однако же, это было сдѣлано, но безъ вѣдома государыни. Сегодня бы въ ночь повезли Силу въ Херсонъ, а государыня изволила приказать на другой день представить „Сомагага“ въ Эрмитажѣ. Въ 6 часовъ пополудни началась пьеса.

Государыня, замѣтивъ, что Лизанька печальна, изволила спросить: „здорова-ли Лиза?“ Увидѣвъ, что роль испанца Тита играетъ другой актеръ, а не Сандуновъ, изволила спросить: „а гдѣ Сила?“

Государынѣ отвѣчали — сдѣлался нездоровъ.

Пьеса шла своимъ порядкомъ, и когда Лизанька была должна пѣть въ пьесѣ: „милость сердца королева, не имѣй на насъ ты

гнѣва, что мы рушимъ твой покой, насъ обидѣлъ баринъ злой“, она встала на колѣни лицомъ къ императрицѣ и, выхвативъ изъ-за корсета просьбу, подала ее государынѣ.

Екатерина вспыхнула отъ гнѣва, приказала взять и подать ей прошеніе Лизаньки, поднялась съ креселъ и пошла во внутренніе покои; при выходѣ изъ залы приостановилась и, шедшему немного сзади ея, дежурному генераль-адъютанту, графу Ивану Петровичу Салтыкову, изволила сказать:

— „Графъ, вамъ поручаю Лизаньку, чтобы никто не смѣлъ ей слова укорительнаго сказать и волоскомъ до нея дотронуться“.

По возвращеніи въ кабинетъ, государыня прочитала два или три раза прошеніе Лизаньки, въ которомъ были изложены во всей подробности всѣ дѣйствія графа Безбородко, Соймонова, кн. Юсупова и, наконецъ, что Сила не боленъ, но совершенно здоровъ, а за то, что просилъ дозволенія у директоровъ вступить съ нею въ законное супружество, его везуть теперь подъ стражею въ Херсонъ, въ ссылку, на всегдашнее по смерть тамъ житье.

Государыня, прочитавъ послѣднія слова прошенія, закричала: Ѳедоръ! (камердинеръ ея, Секретаревъ). Ѳедоръ вошелъ. „Итальянца сюда!“ [Францъ Ивановичъ Чинати — любимый ея кабинетъ-курьеръ, ѣзжалъ быстро, какъ птица летаетъ].

Явился итальянецъ (Чинати).

Государыня, отдавая ему лоскутокъ бумажки, на которомъ было написано собственною ея величества рукою: „дѣлать безъ преколловія, что курьеръ скажетъ“, изволила ему приказать донять на бѣлорусской дорогѣ Силу Сандунова, котораго везуть въ Херсонъ,—взять его и, какъ можно скорѣе, возвратиться съ нимъ въ Петербургъ и прямо представить къ ней. „Если бы стали тебѣ противиться не отдавать его, онъ посланъ подъ карауломъ, покажи письмо это“, показывая на отдаваемый листокъ бумаги.

Происшествіе это сдѣлало большое движеніе при дворѣ и въ городѣ; приверженцы Безбородко и наиболѣе земляки его малороссы, которыхъ онъ цѣлыми табунами изъ Малороссіи выписывалъ и преимущественно опредѣлялъ ихъ къ разнымъ должностямъ, ходили повѣсы головы; собесѣдники его: Какушкинъ три дня вина въ ротъ не бралъ, Судіенко вычитывалъ акафисты....

Говорили, толковали, предузнавали, предсказывали, что будет, что должно быть съ Безбородко, съ директорами — и никто ничего не зналъ.

Государыня, отправивъ курьера за Сандуновымъ, не изволила не только что-либо сказать Безбородко и директорамъ, да и не требовала ихъ къ себѣ. Но Безбородко и гг. театральные директора трусили.

Безбородко, съ ближнимъ своимъ объясняясь, говорилъ:

— „Да ужъ будьте снисходительны, возможно ли было предвидѣть такое упорство, небывалое и неслыханное даже у свѣтлѣйшихъ княженъ, какое оказалось въ бѣдной воспитанницѣ театральной школы! Это особенное столкновеніе неприятныхъ обстоятельствъ, надлежитъ укрѣпиться терпѣніемъ“.

Итальянецъ настигъ Силу въ 300 верстахъ отъ Петербурга, взялъ его изъ-подъ стражи и черезъ двое сутокъ представилъ государынѣ.

Императрица изволила приказать привести Лизаньку, а дежурному генераль-адъютанту графу Салтыкову быть отцемъ посаженнымъ, повести Силу и Лизаньку въ придворную церковь и велѣть священнику ихъ обвѣнчать.

На другой день приказано явиться Безбородко съ дождемъ.

Александръ Андреевичъ вошелъ въ обыкновенно назначенный ему часъ въ кабинетъ ея величества. Государыня приняла безъ малѣйшаго знака неудовольствія, благосклонно выслушала докладъ, разсуждала о дѣлахъ, а потомъ разговаривала о разныхъ предметахъ, шутила, какъ будто никакого происшествія не случилось и какъ-бы она ничего не знала и не слышала.

Марія Савишна Перекусихина злоствовала на Безбородко за кого-то изъ своихъ протеже, которому онъ не далъ мѣста въ петербургскомъ почтамтѣ.

Вертясь вокругъ государыни въ уборной комнатѣ, ворчала, какъ іюньская муха жужжить безъ умолка, что „Безбородко нечестивый соблазнитель, что его бы стараго въ монастырь посадить, да попоститься заставить, что стыдъ забылъ, страха Божія въ немъ нѣтъ“, и тому подобныя присказки.

Государыня долго слушала ворчанье любимой своей и вѣрной служанки и, наконецъ, сказала ей:

— „Марья Савишна, подумай, какъ мнѣ наказывать Безбородко за это? Что про меня скажутъ? Велика бѣда, что первый министръ приволокнулся за театральной дѣвочкой? Если бы и успѣлъ, что же бы отъ этого государство пострадало? Прошу болѣе мнѣ не помянать прошедшаго“.

Малороссіяне по врожденному характеру склонны къ злоупотребленію, мщенію и способны на то, чтобы выжидать нѣсколько лѣтъ случая, не пропустить его, воспользоваться имъ и, такъ сказать, исподволь наслаждаться мстительностью, томленіемъ ненавидимаго ими человѣка.

Нельзя сказать о Безбородко, чтобы соврожденная склонность къ мщенію въ немъ господствовала, однако же, струя національнаго характера въ немъ отсвѣчивалась.

Силу Сандунова обставили лазутчиками, слѣдили его каждый шагъ, ловили каждое его слово, подставляя къ нему людей, умѣющихъ скоро ознакомливаться, приобрѣтая дружбу, довѣріе, и, наконецъ, быть злодѣями и предателями новаго своего друга.

Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что подосланные люди къ Силѣ войти съ нимъ въ близкое знакомство и пріязнь были приверженцы или искатели милостей графа Безбородко.

Мѣсяцевъ шесть послѣ женитьбы Сандунова, въ бесѣдѣ почтенныхъ людей, гдѣ находился Сила Николаевичъ, завели съ нимъ споръ и, мало-по-малу разгорячая его возраженіями, заставили его сказать, что онъ „самъ благородный, какъ и всѣ благородные“.

Въ бесѣдѣ былъ уже нарочито приготовленъ блюститель исполненія предписаннаго законами и вмѣстѣ строгій ревнитель присяги.

Услышавъ произнесенныя слова Сандуновымъ, что онъ благородный, всталъ съ мѣста своего и, обратясь къ бывшимъ въ комнатѣ, просилъ ихъ съ стоическимъ равнодушіемъ прислушать и засвидѣтельствовать, что Сандуновъ присвоилъ себѣ не принадлежащее ему титуло благородства и потому есть самозванецъ, за что подлежитъ быть преданъ уголовному суду.

Въ это время, какъ нелицемѣрный исполнитель присяги говорилъ вышесказанное, вошелъ частный приставъ полиціи и, по долгу званія своего, узнавъ о причинѣ пререканій, счелъ обязанностью должности своей взять Сандунова въ подохраненіе подъ стражу,

взялъ и представилъ на другой день при рапортѣ къ начальству, которое немедленно, съ прописаніемъ криминальнаго Сандунова преступленія, препроводило его для поступленія съ нимъ по законамъ въ уголовную палату; палата того же числа и утра отправила Силу Николаевича въ городскую тюрьму для содержанія его тамъ, какъ преступника, до постановленія о немъ по суду приговора.

Не прошло еще однихъ сутокъ, Сандуновъ изъ пріятельской бесѣды былъ уже перемѣщенъ на жительство въ тюрьму, преданъ суду и находился въ бесѣдѣ преступниковъ закона, готовящихся получить торговую казнь, т. е. быть высѣченными бнудомъ.

Можно ли дать вѣру, что случившееся съ Сандуновымъ было обыкновенное, простое, неподдѣланное событіе! Нѣтъ, это было предначертаніе Александра Андреевича Безбородко, порученное къ приведенію въ исполненіе его приверженцами.

XXXVII.

Полевоикъ Мѣдковъ (не помню имени и отчества) находился при Эрмитажѣ. Всѣ драгоцѣнныя сокровища, собранныя въ этомъ домѣ, были ввѣрены г-ну Мѣдкову. Честнѣйшее его правило безкорыстіе, правдолюбіе и твердый, основательный умъ доставили ему полную довѣренность Екатерины. Она была непоколебимо и въ томъ увѣрена, что Мѣдковъ ее не обманетъ, и сія-то высочайшая довѣренность возложила на него тяжелую обязанность выполнять повелѣніе императрицы, узнавать, что въ обществѣ случается, не обижаютъ ли вельможи имъ подчиненныхъ, не притѣсняютъ ли правители народа, словомъ, Мѣдковъ былъ обязанъ сообщать свѣдѣнія и небоязненно, даже если бы это относилось и до людей, бывшихъ въ случаѣ; пересказывать просто, безъ присовокупленія собственнаго сужденія и разсужденія, безъ одобренія одного, порицанія другаго, но какъ то случилось и до свѣдѣнія его дошло.

Государыня называла Мѣдкова двороводомъ.

По утрамъ, почти каждый день, въ разные неопредѣленные часы Екатерина ходила въ Эрмитажъ и библиотеку; въ Эрмитажѣ всходила на антресоль разсматривать камни и любоваться эстампами.

Въ это время, пока она смотрѣла на камни, рылась въ эстампахъ, Мѣдковъ рассказывалъ ей, какъ протодіаконъ сугубую эктенію, всѣ дошедшія до него свѣдѣнія; они на антресоляхъ бывали всегда съ глазу на глазъ, безъ свидѣтеля; нерѣдко государыня останавливала рассказчика, что ей угодно было знать подробнѣе и задержать въ памяти, говоря: „это прошу повторить“, и Мѣдковъ снова начиналъ рассказъ событія.

Съ антреселей заходила Екатерина всегда въ библиотеку, гдѣ встрѣчалась съ библиотекаремъ своимъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ Лужковымъ, котораго государыня уважала, даже, можно сказать, боялась, но нельзя подумать, чтобы любила.

XXXVIII.

Лужковъ былъ въ полномъ смыслѣ слова строгій, стоическій философъ; говорилъ безбоязненно правду, говорилъ прямо безъ оборотъ, какъ что онъ по внутреннему убѣжденію и собственному обсужденію понималъ. Бесѣда съ Лужковымъ начиналась всегда на дружеской ногѣ; когда государыня входила въ комнату, гдѣ онъ занимался, сидя за столомъ, выписками, Екатерина привѣтствовала его:

— „Здравствуй, Иванъ Ѳедоровичъ“, и садилась въ кресло по другую сторону стола противъ Лужкова. Начинался разговоръ тихій, плавный, потомъ мало по малу бесѣдовавшіе разгорячались въ преніяхъ, прерѣвали другъ друга, кончалось обыкновенно не ссорой, но жаркимъ споромъ, громкимъ голосомъ, и Екатерина вставала съ креселъ не сердитая, но, однако жъ, недовольная и нерѣдко слышала, что императрица, выходя изъ библиотеки, говорила Лужкову:

— „Ты, Иванъ Ѳедоровичъ, всегда споришь и упрямъ, какъ осель“.

Лужковъ, поднявшись съ кресель, отвѣчалъ:

— „Упрямъ да правъ!“

Онъ никогда не трогался съ мѣста своего, чтобы отворить двери государынѣ.

Нѣтъ! императрица какъ только и обращалась къ нему спиною, чтобы идти изъ комнаты, Лужковъ опускался спокойно въ кресло, ворчалъ сквозь зубы послѣднія рѣчи, разговоры и споры ихъ, и принимался продолжать прерванную посѣщеніемъ государыни работу свою.

Вотъ два разсказа о Лужковѣ:

Екатерина написала оперу „Федуль съ дѣтьми“ и съ самодовольствіемъ пришла въ бібліотеку показать сочиненіе свое Лужкову, съ ласкою и убѣжденіемъ просила его прочесть пьесу при ней же и сказать, не обинуясь, свое мнѣніе.

Лужковъ началъ читать. Екатерина не спускала глазъ съ него. Лужковъ, читая, сатирически улыбался, иногда подергивало лицо у него, и, дочитавъ оперу, подаль ея черезъ столъ государынѣ, не сказавъ ни слова. Екатерина, замѣтившая уже ироническія озлобленіе и кривленіе лица, и уже кипѣвшая неудовольствіемъ, ожидая хулы, спросила:

— Что жъ скажешь, Иванъ Ѳедоровичъ?

„Да что же сказать, государыня, хорошо!“

Съ этимъ сказаннымъ хорошо лицо Лужкова никакъ не сообразовалось и показывало мину насмѣшливаго сожалѣнія.

Екатерина прочла въ лицѣ Лужкова приговоръ сочиненію своему и съ жаромъ сказала ему:

— Да ты, г-нъ философъ, насмѣхайся, сколько хочешь, и кривлай себѣ рожу, а посмотри какъ пьеса принята будетъ публикою!

Лужковъ, сидя на своихъ креслахъ, преравнодушно отвѣчалъ государынѣ:

„Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, будетъ хорошо принята, потому Екатерина писала эту пьесу“.

Другой разсказъ.

Государыня получила съ нарочнымъ курьеромъ изъ Вѣны извѣстіе и подробное описаніе казни Людовика XVI въ Парижѣ.

Едва успѣла она прочесть полученныя бумаги, не посылая еще за Безбородко, съ конвертомъ въ руцѣ изволила скорыми

шагами пойти въ библіотеку, гдѣ Иванъ Ѳедоровичъ по обыкновенію корпѣлъ надъ фоліантами съ 6 часовъ утра.

Государыня вошла въ библіотеку встревоженная, съ разстроеннымъ лицомъ, кусая себѣ губы, и, занявъ свои кресла и подавая конвертъ Лужкову, сказала:

— Прочти-ка, Иванъ Ѳедоровичъ, какое ужасное злодѣяніе совершили въ Парижѣ!

Лужковъ развернулъ конвертъ, прочиталъ бумаги и, отдавая ихъ Екатеринѣ, сказалъ:

„Я ничего въ этомъ не нахожу удивительнаго“.

— Какъ, возразила Екатерина, ничего?

„Да, ваше величество, нечему удивляться, всѣ отрубили голову — одному. Вотъ, напротивъ, это удивительно, что одинъ всѣмъ рубить головы, и люди шеи протягиваютъ, это достойно удивленія“.

Екатерина, разсердясь, вскочила съ кресель, двинула столъ съ такою силою, что было свалила Лужкова съ ногъ, и вышла изъ библіотеки.

Иванъ Ѳедоровичъ остался преспокойно продолжать свои занятія, какъ будто ничего не было и какъ бы онъ не видѣлся съ Екатериною.

Двѣ недѣли императрица не приходила въ библіотеку.

Не менѣе достопамятенъ разговоръ Лужкова съ императоромъ Павломъ I, пожалованіе его въ коллежскіе совѣтники и отставка съ пенсіономъ.

На третій день самодержавія своего императоръ Павелъ зашелъ въ библіотеку. Онъ лично и коротко зналъ Лужкова.

— „Здравствуй, Иванъ Ѳедоровичъ, хочешь-ли мнѣ служить?“

„Государь, если служба моя угодна вашему величеству, готовъ служить вамъ, государь“.

— „Да вѣдь ты знаешь, Иванъ Ѳедоровичъ, я горячъ, вспыльчивъ, мы не уживемся“.

„Государь, я васъ не боюсь“.

Съ оглашеніемъ этихъ словъ очи Павла засверкали, уста начали отдувать, трость повертывалась въ его длани, и онъ гнѣвно спросилъ Лужкова:

— „Какъ, ты меня не боишься?“

„Да, государь, не бояться, а любить государя должно; я люблю

вась, какъ должно любить вѣрноподданному государя своего. Вы вспльчивы, ваше величество, но должны быть справедливы. Такъ чего же мнѣ бояться вась!“

Эта рѣчь Лужкова остановила гнѣвъ Павла и онъ милостиво сказалъ Ивану Ѳедоровичу:

— „Я знаю, ты добрый человекъ, я уважаю тебя, но мы не уживемся; проси у меня что хочешь, все дамъ тебѣ, а жить вмѣстѣ намъ нельзя“.

„Когда такъ угодно вашему величеству, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить пропитанія, у меня ничего нѣтъ и мнѣ некуда голову преклонить“.

— „Я даю тебѣ полное твое жалованье 1200 руб., жалую тебя въ коллежскіе совѣтники (Иванъ Ѳедоровичъ 25 лѣтъ или болѣе при Екатеринѣ все былъ титулярнымъ совѣтникомъ) и велю для тебя купить или выстроить домъ“.

„Государь, вашему величеству угодно всемилостивѣйше облагодѣтельствовать меня: повелите, государь, дать мнѣ на Охтѣ близъ кладбища клочекъ земли и на ней поставить для житья домъ въ двѣ или три комнаты“.

Павелъ тутъ же изволилъ приказать дать Лужкову на Охтѣ подлѣ кладбища 200 кв. саж. земли и выстроить для житья домъ, какой захочетъ самъ Лужковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ жилъ на Охтѣ въ построенномъ для него домикѣ до 1811 или 1812 года. Занятія его были: каждый день слушалъ въ храмѣ Божіемъ утреннюю литургію; возвратившись изъ храма домой, пилъ чай и потомъ занимался часа три письмомъ. Обѣдать приносили ему изъ харчевни. Въ послѣднее время онъ рылъ на кладбищѣ для бѣдныхъ покойниковъ безвозмездно могилы; при немъ жили два отставные солдата, которыхъ онъ содержалъ. Неизвѣстно, кому послѣ него досталось то, что онъ писалъ повседневно. Если написанное Лужковымъ утратилось,— потеря эта весьма важна для лѣтописи нашей.

XXXIX.

Дворобродъ Мѣдковъ поразсказалъ императрицѣ всѣ кляузы и притѣсненія, сдѣланныя Сандуну.

Государыня выписала указъ наказа, даннаго ею для составленія новаго уложенія, въ которомъ сказано: „не тотъ одинъ, благородень, кто по праву рожденія называется благороднымъ, но каждый гражданинъ, благородно поступающій, есть благородень“, и приказала Мѣдкову пробраться въ тюрьму и отдать написанное ею Силѣ Сандуну, съ тѣмъ, чтобы онъ, когда будутъ его въ уголовной палатѣ спрашивать, какъ онъ смѣлъ называть себя благороднымъ, будучи не дворяниномъ и не имѣя офицерскаго чина, отвѣчалъ бы при допросѣ по написанному и сослался на изданный ею наказъ. Дворобродъ исполнилъ повелѣніе государыни, и Сила, ожидая въ тюрьмѣ позыва къ допросу въ палату, не боялся уже никого и ничего въ мірѣ.

Екатерина сама управляла С.-Петербургскою губерніею въ качествѣ генераль-губернатора.

Губернаторъ докладывалъ ей о всѣхъ распоряженіяхъ и на-рядахъ губернскаго правленія; губернской прокуроръ каждую пятницу лично подносилъ государынѣ вѣдомость о дѣлахъ, о подсудимыхъ и содержавшихся въ тюрьмѣ.

Въ каждую пятницу государыня оставляла прокурора у себя обѣдать.

Оберъ-полиціймейстеръ каждое утро, въ 8 часовъ, доносилъ непосредственно государынѣ о всѣхъ случившихся происшествіяхъ.

Екатерина, отправивъ двороброда въ тюрьму къ Сандуну, начала прочитывать поданныя прокуроромъ въ послѣднюю пятницу вѣдомости о подсудимыхъ и содержавшихся, и, къ великой досадѣ, увидѣла, что она не виновата: не пропустила, читая прежде вѣдомость дѣла Сандунова,—его въ вѣдомости не было.

Тотчасъ потребованъ прокуроръ, и что было ему въ кабинетѣ императрицы, то осталось неизвѣстнымъ, но всѣ знали,

что послѣ аудіенціи ея величества г-нъ губернской прокуроръ былъ шесть недѣль отчаянно болѣнь горячкою и все въ бреду твердилъ: „помилуй, матушка государыня, помилуй, я человѣкъ маленькій, пропаль-бы, не послушавъ“.

Само-собою разумѣется, что дѣло о Силѣ Сандуновѣ было на другой же день по полученіи прокуроромъ наставленія рѣшено.

Сила оправданъ, признанъ вовсе невиннымъ, а въ понесенномъ имъ напрасномъ оскорбленіи предоставлено ему съ причинившимъ ему обиду вѣдаться судомъ, буде того пожелаетъ.

Ему же при открытыхъ дверяхъ полного присутствія объявлено, что заключеніе въ тюрьму невиннаго не есть поношеніе, что сіе есть только сохраненіе его лица.

Прошло два или три мѣсяца послѣ приключенія съ Сандуновымъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Царское село императрица изволила потребовать къ себѣ Силу и Лизаньку Сандуновыхъ.

Когда они были представлены государынѣ, при бытіи тутъ многихъ царедворцевъ, государыня изволила говорить имъ слѣдующее:

— „Я васъ люблю; вы меня всегда искусствомъ игры своей забавляли, благодарю васъ; я васъ отпускаю съ придворнаго моего театра, мнѣ жаль васъ, да, думаю, при моихъ занятіяхъ мнѣ не убережъ васъ: я просмотрю, до меня не дойдетъ, и вы пострадаете, погибнете, тогда будетъ уже поздно спасать васъ; я приказала выдать вамъ изъ кабинета 10,000 руб. и обратить получаемое жалованье вамъ въ пенсіонъ. Прощайте, Богъ съ вами, будьте счастливы, вамъ въ Москвѣ будутъ рады“.

XL.

Въ одной изъ послѣдующихъ тетрадей собственноручныхъ записокъ А. М. Тургенева находится варьянтъ его разсказа о Безбородко и Сандуновой. Помѣщаемъ его въ приложеніи къ болѣе подробному изложенію этого эпизода.

Ред.

Елизавета Степановна, славная въ свое время актриса на російскомъ театрѣ, была еще воспитанницею въ театральной школѣ. Прекрасный голосъ, восхитительное пѣніе, искусная игра на театрѣ и пригожее лицо доставили Елизаветѣ Степановнѣ счастье быть извѣстною и любимцею Екатерины.

Государыня повелѣла особенно пецись объ образованіи ея. Всякій день докладывали императрицѣ объ успѣхахъ и здоровьи Елизаветы Степановны.

Всякій разъ, когда на эрмитажномъ театрѣ Елизавета Степановна играла, Екатерина, по окончаніи пьесы, призывала къ себѣ Лизаньку, мило стиво говорила съ нею, цѣловала ее въ лобъ и никогда не отпускала безъ подарка. Уродливый, съ огромною головою, сладострастный Безбородко, первый министръ Екатерины, преслѣдовалъ Елизавету Степановну, какъ сатири нимфу. Всѣ начальствовавшіе при театрѣ старались всячески вельможѣ содѣйствовать въ успѣхѣ и ничто не могло преклонить молодую дѣвушку удовлетворить желаніямъ Безбородко. Удивлялся Безбородко; не менѣе его дивился главный начальникъ театра, Соймоновъ, твердости Елизаветы Степановны, и когда она привезенная ей Безбородко 80 тысячъ руб. ассигнаціями, въ присутствіи его и Соймонова, бросила въ каминъ, въ которомъ представительная монета превратилась въ пепель, Соймоновъ и Безбородко остолбенѣли; думали—не второй-ли Іосифъ явился на лицѣ земли! Но скоро они, послѣ сожженія 80 тыс., дознали, что Елизавета Степановна страстно влюблена въ актера, Силу Николаевича Сандунова, и расположена просить у государыни дозволенія вступить съ Сандуновымъ въ бракъ.

Тотъ же день, какъ Безбородко и Соймоновъ открыли тайну, Силу Сандунова посадили въ кибитку и послали въ Херсонъ къ вице-адмиралу Мордвинову для употребленія Сандунова на службу и строжайшаго за нимъ надзора. Тотъ же день положено было Елизавету Степановну перевести въ домъ Безбородко, но тотъ же вечеръ Екатерина изволила назначить представленіе на Эрмитажномъ театрѣ оперы—„Рѣдкая вещь“,—въ которой Сандуновъ игралъ роль испанца Тита, а Елизавета Степановна—Читы.

Екатерина знала и любила Сандунова, онъ былъ славный актеръ. Увидавши на сценѣ другаго Тита, спросила:

— А гдѣ Сила?

Соймоновъ доложилъ ея величеству:

— Отчаянно боленъ горячкою.

— Жаль, пошлите къ нему Роджерсона моего.

Повелѣніе потревожило Безбородко и Соймонова. Куда послать Роджерсона? Курьеръ мчалъ Сандунова въ телѣгѣ, какъ на крыльяхъ птицы. Въ соумышленіе преклонить Роджерсона, заставить его солгать (годдамъ) предъ государыней они не надѣялись. Пока оба царедворца ломали себѣ голову, какой-бы дать оборотъ проказѣ своей, пьеса шла, и въ аріи, когда предъ королевой крестьяне и крестьянки поютъ, принося ей жалобу: „Милосердіе, королева, не имѣй на насъ ты гнѣва, что мы рушимъ твой покой, насъ обидѣлъ баринъ злой“, Елизавета Степановна, упавъ на колѣни, протянула руку съ бумагою къ императрицѣ. Государыня огорчилась, привазала стоявшему за ея креслами камердинеру, Фѣодору Ермолаевичу Секретареву:

— Фѣодоръ, возьми прошеніе, подай мнѣ, а Лизаньку отведи ко мнѣ въ кабинетъ.

И вставъ съ мѣста своего, не дождавшись окончанія пьесы, пошла въ кабинетъ свой, не подавши руки фавориту Зубову! Всѣ перепугались.

Въ кабинетѣ Лизанька, упавъ предъ государыней на колѣни, рыдала, рассказала всѣ происшествія, и какъ отъ любовницы ни таили, куда сосланъ страстно любимый ею Сила, она знала и доложила государынѣ, что Сила Сандуновъ здоровъ и что его мчатъ въ Херсонъ. Государыня въ ту же минуту изволила сказать: «итальянца ко мнѣ» (Чинати, первый кабинетъ-курьеръ, любимый государынею).

Предсталъ Францъ Ивановичъ.

Императрица изволила рассказать куда и по какой дорогѣ повезли Сандунова и повелѣла, чтобъ онъ догналъ его непременно, не допуская до Херсона, и представилъ прямо къ ней въ кабинетъ.

За 475 верстъ отъ Петербурга, въ 50 верстахъ отъ Витебска, настигъ Чинати курьера, везшаго Силу въ ссылку, взялъ его и повезъ въ Петербургъ. Черезъ двое сутокъ, или два раза 24 часа, курьеръ, итальянецъ Чинати, представилъ Силу Сандунова въ кабинетъ ея величества. Лизанька, приведенная съ театра Секретаревымъ въ кабинетъ государыни, по выслушаніи чистосердечнаго рассказа всѣхъ обстоятельствъ, была отдана императрицею на руки Маріи Савишнѣ Перекусихиной и жила у нея въ комнатахъ во дворцѣ. Екатерина до того не была увѣренною въ исполненіи повелѣній, ею изреченныхъ, что единственнымъ средствомъ почла къ спасенію Лизаньки отъ преслѣдованія и насилія вельможъ дать ей убѣжище подъ однимъ съ собою кровомъ.

Позвали дежурнаго генераль-адъютанта, графа Ивана Петровича Салтыкова; Марья Савишна привела Лизаньку; государыня повелѣла, сказавъ Салтыкову:

— Графъ, отведите (указывая на Силу и Лизаньку) обоихъ въ придворную церковь и въ присутствіи вашемъ велите ихъ обвѣнчать. Лизанька, тебѣ тысяча червонцевъ на приданое, получишь отъ Федора (камердинера Секретарева).

Безбородко злился, но дѣлать было нечего. Перекусихина, передавшаяся на сторону Зубова и Маркова, заботившихся о удаленіи Безбородко, жужжала, какъ июльская муха, Екатеринѣ о поступкѣ Безбородко. Будучи съ государынею свободна въ разговорахъ, она осмѣлилась какъ бы съ упрекомъ говорить государынѣ:

— Матушка государыня и не пожурила стараго чорта, Безбородко.

Государыня въ отвѣтъ на упрекъ Перекусихиной изволила сказать:

— Э, перестань, Марья Савишна, надоѣла. Безбородко министръ, кѣмъ я замѣню его? Князя (Потемкина) другаго у меня нѣтъ, кто исполнить повелѣнія мои?

Мучившійся Безбородко желаніемъ удовлетворить хотѣнію своему, искавшій отмстить Сандунову, исхитившему у него изъ рукъ Лизаньку, подослалъ своихъ клеветовъ; съ Сандуновымъ завели ссору и Сила предъ полиціей назвалъ себя благороднымъ.

За ложный поступокъ самозванства, законнымъ порядкомъ передали Сандунова уголовному суду и заключили въ тюрьму.

Каждую пятницу губернской прокуроръ, въ 12 часу пополудни, былъ обязанъ являться въ уборной комнатѣ къ императрицѣ, когда ея величеству причесывали волосы, и докладывать вѣдомость о содержавшихся колодникахъ, объяснять кто за какое преступленіе былъ подъ судомъ и давно ли началось дѣло.

Дошла очередь до Сандунова. Государыня, разспросивъ со всею подробностію о происшествіи, изволила спросить прокурора:

— Дѣло еще въ уѣздномъ судѣ?

Въ уголовной палатѣ, ваше величество, отвѣчалъ прокуроръ.

— Скоренько, скоренько, г. прокуроръ, рѣшили участь челоуѣка въ три дня!

Прокуроръ по пятницамъ всегда обѣдалъ у государыни. Императрица еушала въ часъ, а въ эту пятницу сѣли за столомъ въ 2 часа. По окончаніи уборки волосъ, государыня, вмѣсто одѣванья, изволила сѣсть за бюро, прискакала въ данномъ наказѣ ею комисіи о составленіи законовъ параграфъ, въ которомъ сказано:

— „Не тотъ благороденъ въ обществѣ, кто родился отъ благороднаго, но каждый гражданинъ, ведя себя благородно въ обществѣ, имѣетъ право называть себя благороднымъ“.

Выписала и послала въ тюрьму съ гоф-фурьеромъ къ Сандунову, приказавъ, чтобы Сандуновъ при допросахъ его въ палатѣ о томъ, какъ онъ смѣлъ назвать себя благороднымъ, сослался на этотъ параграфъ наказа.

Прокуроръ былъ очевидецъ сего. Палата на другой день приговореннаго въ уѣздномъ судѣ Сандунова къ ссылке нашла невиннымъ, отъ суда и наказанія освободила его. Но Екатерина, призвавъ къ себѣ Сандуновыхъ, изволила сказать имъ:

— „Я вижу, на васъ напали; мнѣ васъ здѣсь не отстоять, васъ погубить, я и не свѣдаю и тогда будетъ уже поздно, когда что случится. Увольняю васъ отъ театра съ полною пенсію. Поѣзжайте въ Москву, играйте тамъ на театрѣ, вы оба одарены превосходными талантами, и въ Москвѣ будете цѣлѣ!“

А. М. Тургеневъ.

1827—1831.

ЭРАЗМЪ ИВАНОВИЧЪ СТОГОВЪ,

его посмертныя записки,

род. 24-го февр. 1797 г., † 17-го сентября 1880 г.

Тѣ изъ читателей „Русской Старины“, которые знакомы съ этимъ изданіемъ съ первыхъ лѣтъ его выхода въ свѣтъ, конечно, помнятъ бойкіе, живые рассказы Э. И. Стогова. Питомецъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, эпохи первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія (1807—1813 гг.), Стоговъ—въ званіи морскаго офицера, вслѣдствіе требованій службы попалъ въ Камчатку, затѣмъ былъ въ Иркутскѣ; видѣлъ въ Сибири не мало замѣчательныхъ людей и событій—и ярко очертилъ какъ ихъ, такъ и вообще нравы сибиряковъ въ своихъ рассказахъ: „Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ, 1819 г.“, „Рус. Стар.“ 1878 г., т. XXIII, стр. 499—530; „Ссылно-каторжные въ Восточной Сибири“, 1820—1830 гг., „Рус. Стар.“ 1878 г., т. XXII, стр. 301—316, 616—632; „Бунтъ Иркутскаго архіепископа Иринея“, изд. 1878 г., т. XXIII, стр. 99—118. Въ 1834—1839 годахъ, мы видимъ Э. И. Стогова въ корпусѣ жандармовъ, штабъ-офицеромъ въ Симбирскѣ. То было время, когда въ корпусъ жандармовъ принимали весьма развитыхъ, смѣшленныхъ и образованныхъ офицеровъ: то было око царское за губернской администраціею и преслѣдователи всякаго злоупотребленія, впоследствии корпусъ жандармовъ получилъ нѣсколько другой характеръ. Въ рассказахъ о сибирской жизни Стоговъ ярко очертилъ тогдашнюю провинціальную жизнь, борьбу партій и вообще всю прелесть русско-дворянскаго и чиновничьяго быта вдали отъ столицъ. См. „Русск. Стар.“ изд. 1878 г., т. XXIII, стр. 631—704.

Въ 1840-хъ годахъ Стоговъ былъ правителемъ канцеляріи генераль-губернатора юго-западной Россіи—Д. Г. Бибикова; съ 1850-хъ годовъ Эразмъ Ивановичъ оставилъ службу и поселившись въ своей деревнѣ, въ Летичевскомъ уѣздѣ, Ролынской губерніи, всецѣло посвятилъ себя воспитанію дѣтей и внуковъ.

Въ 1878 году Э. И. Стоговъ прислалъ намъ первую свою статью и затѣмъ сдѣлался нашимъ усерднымъ сотрудникомъ. Интересны его длинныя къ намъ

письма; и письма, и статьи—писаны карандашомъ, превосходнымъ, мелкимъ⁹ но четкимъ почеркомъ, безъ малѣйшей помарки—и это на восьмомъ десяткѣ жизни! Онъ такъ былъ еще бодръ и половъ энергій, что кончина его въ 1880 г. была для насъ совершенною неожиданностью.

Послѣ кончины Э. И. Стогова, одна изъ его дочерей, Ія Эразмовна Змунчила, весьма обязательно прислала тетрадь посмертныхъ записокъ, приготовленныхъ Э. И. для „Русской Старины“. Вмѣстѣ съ симъ и, по нашей же просьбѣ., І. Э. сообщила разсказъ о его кончинѣ. Этотъ разсказъ, помѣщаемый нами послѣ Записокъ Стогова, могъ бы служить прекраснымъ дополненіемъ къ сказанію одного изъ нашихъ писателей о томъ, какъ умираютъ русскіе люди.

Ред.

I.

Почтенный ред. „Русск. Старины“ неоднократно изъявлялъ желаніе, чтобы я написалъ подробно о моей жизни все, что сохранила моя память; это называется, кажется, автобіографія; я долго не соглашался, мое убѣжденіе было, что жизнеописаніе принадлежитъ людямъ почему нибудь славнымъ, гениальнымъ и, по крайней мѣрѣ, возвысившимся надъ среднимъ уровнемъ народа: такіа жизнеописанія служатъ поученіемъ читателямъ.

Я былъ и есть человекъ толпы, моя жизнь прошла по теченію, не выдѣляясь изъ 80 милліоновъ, но, конечно, долгая жизнь не могла пройти безъ борьбы съ препятствіями, безъ счастья, несчастія. Все это было, но такъ мелко, такъ незамѣтно, какъ въ любой изъ жизни 80 милліоновъ. Чтобы исполнить хотя частью желаніе ред. „Русск. Стар.“, я счелъ достаточнымъ, въ моихъ простодушныхъ и искреннихъ разсказахъ, помѣстить періоды моей службы. Такъ, вспоминая о жизни Сперанскаго въ Иркутскѣ, я коснулся причинъ рѣшимости моей ѣхать въ Камчатку. Вспоминая объ Иринеѣ, я разсказалъ о невольномъ занятіи должности начальника адмиралтейства въ Сибири. Вспоминая о службѣ моей въ Симбирскѣ, я объяснилъ причину желанія моего перейти изъ флота и удачу поступленія въ корпусъ жандармовъ. Закачивая службу въ Симбирскѣ, я кратко упомянулъ о невольномъ поступленіи моемъ на службу въ Кіевъ, гдѣ и окончилась моя почти сорокалѣтняя служба. Мнѣ каза-

лось слишкомъ довольно для публики о такой скромной жизни...

... Но вотъ и портретъ мой предъ читателями „Русской Старины», а потому, волею-неволею, приличіе требуетъ сказать безъ утайки—кто я такой. Ужъ если вы, уважаемый Михаилъ Ивановичъ, по праву редактора и издателя журнала, заставляете меня высказываться, то я имѣю право оговориться: въ разное время я велъ записки для памяти, были и рисунки замѣчательныхъ мѣстъ; однѣ записки зачитались, другія исчезли съ многими переѣздами, рисунки украли въ Якутскѣ, слѣдовательно рассказъ мой есть воспроизведеніе памяти; что будетъ искренно и только правда, за это отвѣчаю, а что не будетъ послѣдовательности, будутъ пропуски, на томъ не взыщите, портретъ мой будетъ моимъ оправданіемъ,—въ такой старой головѣ отвердѣвшій мозгъ не легко поддается впечатлѣніямъ воспоминаія давно прошедшаго.

II.

Въ одной изъ статей, прочтенной мною въ журналѣ,—толкуется о гр. Растопчиной, рассказывается о надѣлавшемъ будто-бы шумъ, когда была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» баллада «Старый баронъ». Я тогда былъ въ Кіевѣ. Эта баллада была написана на насильственное завладѣніе Россіею Польши. Постоянно имѣя дѣла о продѣлкахъ поляковъ здѣсь и въ заграничной печати (Бибииковъ всѣ заграничныя газеты получалъ безъ цензуры), я, конечно, понялъ эту балладу. Въ Кіевъ очень часто пріѣзжали изъ Питера генералы, флигель-адъютанты и высшіе чины правленія, все это являлось къ Бибиикову и каждый рассказывалъ

дворцовыя и другія интимныя новости. Вотъ что я припомню объ этой балладѣ.

Въ Питерѣ не поняли тайнаго смысла баллады; говорятъ, первый обратилъ вниманіе и понялъ государь Николай Павловичъ—вѣроятно кто нибудь прислужился. Тогда шефъ жандармовъ былъ добрякъ гр. А. Ѳ. Орловъ. Государь спросилъ Орлова, указывая на «Сѣверную Пчелу»:

— Читалъ ты это?

— „Когда мнѣ заниматься этими глупостями“.

— Ну такъ я прочту тебѣ, слушай: „Старый баронъ — это я, невѣста—это Польша“. Государь прочелъ всю балладу, смыслъ былъ ясенъ, приказалъ хорошенько проучить того, кто напечаталъ и кто сочинилъ. Баллада была безъ подписи; литературнымъ отдѣломъ „Пчелы“ завѣдывалъ Булгаринъ. Рассказывали, когда Орловъ позвалъ Булгарина и указалъ ему на стихи, Булгаринъ притворился не понявшимъ (а можетъ быть, оно такъ и было), но когда Орловъ прочиталъ и разъяснилъ, Булгаринъ, какъ полякъ—страшно струсилъ, въ оправданіе приносилъ срочную газетную работу, и нѣсколько разъ плачевнымъ голосомъ повторилъ: „мы школьники“!

Добрякъ Орловъ притворился гнѣвнымъ: „такъ ты школьникъ?“ — хватилъ его за ухо и поставилъ у печки на колѣни, самъ сѣлъ писать и продержалъ Булгарина на колѣняхъ болѣе часа, но, простивъ, сказалъ: „помни, школьникамъ бываетъ и другаго рода наказаніе“.

Когда государь спросилъ Орлова и тотъ рассказалъ подробно сцену съ Булгаринымъ, государь много смѣялся и сказалъ Орлову: „ты (чудакъ) не старѣешься“.

Эта исторія сдѣлалась извѣстна, тогда всѣ искали № „Пчелы“, всѣ списывали и баллада пошла по рукамъ, какъ запрещенный плодъ. Гр. Растопчиной дано было внушеніе.

Въ Кіевѣ я многое зналъ, чего не могъ бы знать въ Питерѣ. Слова вышихъ лицъ памятны мнѣ.

Клейнмихель ѣхалъ въ Питеръ, а государь въ Варшаву; прощаясь, государь при мнѣ сказалъ Клейнмихелю: „кланяйся нашимъ, увидѣвши своихъ“. Ну, однако, извините, разболтался—дѣло стариковское, говорить не съ кѣмъ, кругомъ поляки ¹⁾); многое забывается и забылось,—отвелъ душу.

III.

Биографы, автобіографы начинаютъ свой рассказъ о происхожденіи своихъ фамилій, своихъ предковъ, роются въ исторіи; мнѣ, въ счастію, не придется трудиться въ этой бесплодной работѣ, мнѣ не пришлось и пожить на своей родинѣ. Все, что я знаю, мнѣ извѣстно изъ рассказовъ отца моего. Документовъ фамиліальныхъ я не видалъ, да едва-ли они и сохранились,—бѣднымъ людямъ не до исторіи. Отецъ мой слышалъ отъ своего отца, тотъ отъ своего и такъ далѣе.

Отецъ мой передавалъ мнѣ, что, по преданію, наши предки выселены изъ Новгорода Іоанномъ Грознымъ; это основательно подтвердилъ мнѣ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, служившій городничимъ въ 1830-хъ годахъ въ Иркутскѣ; онъ говорилъ мнѣ, что онъ самъ читалъ въ своихъ фамиліальныхъ запискахъ, между многими фамиліями, подвергнувшимися остракизму изъ Новгорода, вмѣстѣ съ Муравьевыми, упоминаются и Стоговы; Муравьевы близко насъ живутъ. Въ тогдашнихъ московскихъ пустошахъ дана намъ мѣстность Золотилово, гдѣ и до сихъ поръ рождаются Стоговы; Золотилово, Московской губерніи, Можайскаго уѣзда, отъ Можайска 25 верстъ, по Смоленской дорогѣ.

Преданіе говорить, что Стоговы въ Новгородѣ были богаты, дѣдъ мой, Дмитрій Дементьевичъ, владѣлъ селеніемъ на Бѣлоозерѣ, вмѣсто оброка ежегодно получалъ рыбу, что помнить хорошо мой отецъ, но въ одинъ годъ рыбы не привезли, а пріѣхалъ староста и доложилъ, что пріѣхалъ другой помѣщикъ и потребовалъ оброкъ; дѣдушка махнулъ рукой, тѣмъ дѣло и кончилось.

¹⁾ Писано въ Лeticевскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи въ 1880 г.

Дѣдушка служилъ; знаю, что былъ военный; изъ всей службы его мнѣ извѣстно, что онъ препровождалъ въ Охотскъ какаго-то важнаго преступника и что онъ ѣздилъ на лосахъ, вѣроятно на оленяхъ. Я дѣда не помню, но весь околodoreъ зналъ, что онъ былъ колдунъ.

Отецъ разсказалъ мнѣ два случая: черезъ Золотилово идетъ дорога на Ельну, куда и мы прихожане. Ъхала дворянская свадьба; дѣдушку забыли позвать; подѣхала свадьба съ поѣзжаными въ околицѣ, лошади на дыбы и не пошли—худая примѣта; другія, третьи сани, лошади нейдутъ въ ворота околицы, тогда вспомнили о своей ошибкѣ, что не пригласили Дмитрія Дементьевича, къ нему—дѣдушка спитъ; просили, кланялись въ ноги, но извѣстно—колдуны скоро не прощали. Наконецъ, дѣдушка простилъ, взялъ лопату и метлу, да неизбѣжный ковшиегъ воды съ углемъ, легъ въ воротахъ, заставилъ всѣхъ читать молитву, а самъ сталъ сражаться съ нечистымъ; разгребъ снѣгъ, размель метлой, обошелъ поѣздъ по солнцу, опрыскалъ водою и провелъ первыя сани—поѣздъ проѣхалъ. Какъ ни звали дѣда на свадьбу—не поѣхалъ.

„Какъ-же, батюшка, наколдовалъ дѣдушка?“

— Если, братецъ ты мой, пересыпать дорогу порошкомъ толченой печени медвѣдя, то лошадь черезъ дорогу не пойдетъ.

Другъ дѣда пріѣхалъ изъ Вятки, гостилъ двѣ недѣли; тогда всякій помѣщикъ гналъ свою водку, была не купленная. Дѣдъ упрашивалъ погостить еще два дня, другъ не соглашался; отворяютъ конюшню, чтобы запрягать лошадей, коренная лежитъ безъ движенія. Другъ догадался, что это штука дѣда, согласился гостить два дня. Дѣдъ заперся въ конюшнѣ, всѣ слышали, какъ онъ съ кѣмъ-то бранился и слышали стукъ, борьбу. Дѣдъ отворилъ конюшню и коренной конь здоровъ и веселъ.

„Какъ же это, батюшка?“

— А если, братецъ ты мой, сдѣлаешь изъ воска шарикъ съ орѣхъ, да въ средину закатать языкъ змѣи и положить шарикъ въ ухо лошади, то она упадетъ и скорѣе умретъ, чѣмъ сдѣлается движеніе; вынуть изъ уха шарикъ—лошадь веселѣе прежняго.

Разъ отецъ съ моимъ дѣдомъ шли по слободѣ Колоцкаго монастыря (версты двѣ отъ Золотилова); въ одномъ домѣ была

крестьянская свадьба, дѣдъ съ отцомъ присѣли на заваленкѣ, дѣдъ сказалъ: „надобно, чтобы они подрались“, и дѣйствительно, послѣ ссоры и ругани, мужики вышли изъ избы и на улицѣ пошли на кулаки.

„Какъ же это, батюшка?“

— Этого, братецъ ты мой, я не долженъ объяснять тебѣ.

„Почему же, батюшка?“

— Грѣхъ дѣлать зло людямъ.

Я дѣда не помню, но отецъ рассказывалъ, какой молодецъ былъ мой дѣдъ.

Разъ привели цыгане дикую лошадь, никто и подойти не могъ; дѣдъ при гостяхъ подошелъ, быстро прыгнулъ, лошадь била и унесла; черезъ два часа дѣдъ пріѣхалъ на лошади шагомъ, а ему было подъ 70 лѣтъ, при этомъ дѣдушка съ укоризною сказалъ бабушкѣ: „ни одного въ меня не кинули“. Тогда это была острота; отецъ говорилъ, что гости много хотали.

Отецъ показывалъ мнѣ мѣсто съ краю Москвы, гдѣ дѣдъ пускалъ свою лошадь на траву; онъ часто ѣздилъ въ Москву верхомъ (120 верстъ).

„Лошадь не украли?“

— Тогда, братецъ, не воровали лошадей.

Сохранилась расходная записка о поѣздкѣ въ Москву съ бабушкою за годовымъ запасомъ; платили дорогою на постояломъ: за ночлегъ полшку, за ужинъ себѣ—деньгу, за людей деньгу, запаса въ Москвѣ на десять рублей.

IV.

У дѣдушки было три сына: Михаилъ, Иванъ и Федоръ; были дочери — не знаю. Сыновья служили въ арміи; мой отецъ, Иванъ, былъ безсмѣннымъ ординарцемъ Суворова, который за молодость звалъ его—Мильга; у Потемкина былъ при его кончинѣ. Прослуживъ 18 лѣтъ, вышелъ въ отставку подпоручикомъ; медалей у него было много: и осьмиугольная, и круглая, и эллипсомъ. Рассказывалъ отецъ много. Дисциплина тогда была строгая; ѣздивши съ Потемкинымъ въ каретѣ, долженъ былъ стоять

на вытяжку во весь путь. Отецъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что къ нему не приставала чума, а поэтому онъ часто былъ начальникомъ чумныхъ лазаретовъ.

— Я, братецъ мой, ѣлъ съ ними, спалъ на ихъ кроватяхъ.

— „Какъ же вы, батюшка, не боялись?“

— А молитва, братецъ, отъ всего сохранить, бывало всѣ въ дегтю, а я не пачкался.

— „Батюшка, при васъ брали Одессъ?“

— Эхъ, братецъ, какой Одессъ, мы брали Хаджи-бей. Мы съ Дерibasомъ тихо подошли передъ зарей, такъ тихо, что колеса у пушекъ были обмотаны соломой, тесаки обмотаны паклей. Пришли и стоимъ, никто и шепотомъ не говорилъ. Только стало всходить солнце, смотримъ крѣпость тихо поднялась на воздухъ, покачалась, покачалась, да и развалилась на двое. Послѣ мы и строили Одессъ.

Мой отецъ очень любилъ рассказывать о старинѣ. Пѣваль онъ приняты тогда въ арміи припѣвы, наприимѣръ: большой припѣвъ при огражденіи лагеря рогатками, расходись спать по палаткамъ и много припѣвовъ. Зачѣмъ я не записалъ?—Не думалъ, что „Русская Старина“ потребуеъ моихъ воспоминаній. Помнилъ отецъ мой весь артикулъ того времени. Разъ, развеселившись, отецъ захотѣлъ показать мнѣ кой-что изъ артикула. Я скомандовалъ налево кругомъ.

— „Не такъ, братецъ, направо кругомъ, — ружье къ ногѣ, ружье передъ себя, перемѣни руки, правую ногу впередъ, ногу на мѣсто, лѣвую ногу впередъ“ — всякое движеніе съ приговоромъ.

Чтобы сдѣлать направо кругомъ—я насчиталъ до 18-ти темповъ, настоящей танецъ; вмѣсто маршъ, командовалось ступай. Что за удивительный народъ былъ тогда! Отецъ рассказывалъ, что они съ Суворовымъ зимою формировались въ Полтавѣ, имъ много привели рекрутъ, отецъ имѣлъ капральство. Былъ отданъ приказъ—девятерыхъ забей, а десятого влучи.

— „Ко мнѣ въ капральство попали два изъ духовнаго званія; здоровяки, молодые, они всегда держали нагнувши голову такъ, что бороною касались груди; что я ни дѣлалъ и какъ ни наказывалъ — не помогало. Я сдѣлалъ заостренные лучинки, и каждому по двѣ лучинки однимъ концомъ уперъ въ грудь, а острыми концами подставилъ по сторонамъ бороды. Что же ты думаешь, лучинныя накололи тѣло, а бороды уперлись въ грудь“!

— Батюшка, вы видѣли какъ кончался Потемкинъ?

— „Я, братецъ, стоялъ въ ногахъ“.

— Не помните-ли, что онъ говорилъ?

— „Онъ сказалъ: докторъ, спаси меня, я полцарства дамъ тебѣ! (что это — пародія Шекспира?), докторъ поднесъ ему образъ и сказалъ: „вотъ твое спасеніе“. Потемкинъ вѣриво прижалъ образъ и скончался“.

Четыре раза гостивши у меня въ Кіевѣ, много рассказывалъ отецъ; рассказы весьма любопытные для современниковъ, но не записалъ,—жалѣю.

Старшій братъ отца, Михаилъ, былъ капитаномъ, отецъ называлъ его мудрымъ, онъ управлялъ всѣмъ полкомъ. Поле стоялъ въ Варшавѣ; Михаилъ влюбился въ польку, женился, черезъ недѣлю жена ушла; Михаилъ нашелъ ее въ публичномъ домѣ, сошелъ съума, и въ тихомъ, молчаливомъ сумашествіи долго жилъ у моего отца.

Меньшій, Федоръ, вышелъ тоже подпоручикомъ въ отставку; холостой, захотѣлъ отдѣлиться, а такъ какъ Золотилово состояло изъ 30 душъ, то въ уваженіе того, что Михаилъ жилъ у отца, Федоръ взялъ 10 душъ и пустышь Соловьево.

Михаила я хорошо помню; онъ былъ выше моего отца, говорятъ, необыкновенно силенъ, всегда молчалъ, любилъ очень мою мать; бывало вспыльчивый мой отецъ расшумится, Михаилъ, молча, одной рукой вытолкнетъ отца за дверь и дверь на крючекъ—все молча. Я не видалъ его улыбки. Отецъ уважалъ его какъ старшаго брата. Отецъ рассказывалъ мнѣ, когда я родился, Михаилъ цѣлые часы носилъ меня и гладилъ. Разъ въ сумерки топились печи въ Золотиловѣ, дядя Михаилъ носилъ меня по залѣ, въ комнатѣ никого не было, случайно входитъ Никита и видитъ—Михаилъ поднесъ меня къ печки, полной жару, гладитъ меня, называетъ зайчика и хотѣлъ изжарить. Никита бросился, схватилъ меня и сказалъ:

— „Михаилъ Дмитріевичъ, что вы, сударь, опомнитесь!“

Дядя отдалъ меня, взялся за голову и началъ молча ходить, что онъ дѣлалъ постоянно. Въ Можайскъ его не брали.

„Батюшка, какъ вы познакомились съ моею матушкою?“

— „Зачѣмъ, братецъ, знакомиться: покойный батюшка приказалъ: Иванъ, поѣзжай въ Рузу къ Максиму Кузьмичу Ломову,

у него одна дочь, Прасковья, ты на ней женись, я уже все сладилъ и прїѣзжай съ женой. Очень не хотѣлось мнѣ жениться. Я дорогой нарочно не мылся, выпачкался, нарочно разорвалъ брюки на колѣнахъ, разорвалъ локти куртука — думалъ откажутъ, ничто не помогло, съиграли свадьбу и я вернулся съ женою“.

„Почему же вы не сказали своему отцу, что вы не желаете жениться?“

— „Какъ можно, братецъ, сказать отцу? Божія заповѣди — чти отца твоего—тогда всѣ жили по заповѣдямъ, скажи-ка я—угодилъ бы на конюшню!“

V..

Я родился въ 1797 году, февраля 24 дня, въ Золотилѳъ; я первый сынъ. У отца моего былъ слуга Никита, онъ былъ неразлученъ съ отцомъ всю его службу; это былъ преданный, честный и трезвый человѣкъ; въ одинъ часъ со мною, у Никиты родился сынъ Иванъ и былъ назначенъ мнѣ въ слуги.

Я себя помню необыкновенно рано, хорошо помню старую мою няню, а болѣе еще помню затенутый за поясъ сарафана крашенинный синій съ бѣлыми точками платокъ; когда няня брала платокъ, то я уползалъ подъ софу, подъ столъ, такъ боялся я этого платка, и не мудрено—бывало няня утретъ мнѣ носъ жесткимъ платкомъ, то мало, что выступаютъ слезы изъ глазъ, но долго летаютъ искры кругомъ.

Мать рассказывала мнѣ, что я родился въ голодный годъ, жить было очень трудно, у ней не было молока, но она была руководѣльница, дѣлала изъ разноцвѣтной бумаги, сплетая въ узелки, корзинки, коробочки, посылала продавать и покупала для меня молоко.

Мать моя, Прасковья Максимовна, считалась первой красавицей по уѣзду; помню ея живой румянецъ, прелестную улыбку, русые длинные волосы, всегда улыбающіеся темно-сѣрые глаза, тихій, прїятный голосъ; она считалась неподражаемой хозяйкой, была цивилизованной между подругами сосѣдками, потому что умѣла писать. Обѣ бабушки мои были не грамотны; на во-

прось мой отцу: какъ же это дворянки, помѣщицы, а не знали грамотѣ?

— „А на что, братецъ, женщинѣ грамота, ея дѣло угождать мужу, родить, кормить и нянчить дѣтей, да смотрѣть въ домѣ за порядкомъ и хозяйствомъ, для этого грамота не нужна! Женщинѣ нужна грамота, чтобы писать любовныя письма! Прежде дѣвушка грамотница не нашла бы себѣ жениха, всѣ обѣгали бы ее, и ни я, ни отецъ мой не знали, что твоя мать грамотница, а то не быть бы ей моею женою“.

Мать моя, секретно отъ всѣхъ домашнихъ, пряталась на чердакъ и копировала съ печатныхъ страницъ, что и можно видѣть изъ сохранившагося у меня единственнаго письма ея ко мнѣ 1820 г., послалъ бы въ редакцію „Русской Старины“,—да жаль разстаться, только одно и сохранилось у меня письмо моей матери, писанное ко мнѣ въ Охотскъ. Мать моя какъ говорила, такъ и писала, она не могла различить *б* отъ *н*, *г* отъ *к*, *ж* отъ *ш*. Мать моя была—сама доброта, скромная, тихая, любима всѣми; я только и помню однѣ ея ласки, любилъ я ее до обоготворенія и молюсь за упокой ея души. Отецъ мой былъ другаго характера, онъ былъ до конца жизни суворовскій сослуживецъ, ростомъ 2 аршина 7 вершковъ, сложенія сухощаваго, мускулистый и замѣчательно силенъ и необыкновенно переносливъ въ физическихъ трудахъ; до конца жизни держался прямо; вспыльчивъ, въ домѣ и даже между близкими родными — властитель; мнѣ говорили, что онъ никогда не сказалъ лжи. Старшимъ по службѣ, богатымъ по состоянію не только не влянаясь, унижаясь, но былъ крайне подозрителенъ, какъ говорится—былъ щекотливъ, малѣйшее чванство осаживалъ, не смотря на лицо. Я много слышалъ о прямотѣ и гордости отца; чтобы не забыть, расскажу характерный случай, который и подтвердилъ мнѣ отецъ.

Въ Можайскѣ отецъ мой служилъ судьей по выборамъ. Вздумалъ объѣхать Московскую губернію главнокомандующій Москвы князь Голицынъ, извѣстный баричъ, пропитанный парижскимъ воспитаніемъ; посѣтилъ со свитою можайскій уѣздный судъ; конечно, онъ не ревизовалъ дѣлъ; обратясь къ моему отцу, спросилъ: „отчего видить мало служащихъ“, отецъ отвѣчалъ, что канцелярскіе приходятъ на службу по очереди;

„для чего такъ?“ Для того, что у двоихъ одни сапоги, да и у многихъ одинъ сюртукъ на двухъ.

„Какая жѣ тому причина?“

„Жалованья три рубля въ мѣсяць, трудно одѣваться“. Отцу показалось, что князь внимательно смотритъ на судейское про-
суженное кресло, которое, вѣроятно, стоитъ тутъ съ учрежденія
суда; гордому отцу подумалось, не подозрѣваетъ ли князь въ
обычныхъ взяткахъ судью, отецъ не выдержалъ:

— „Вы, князь, внимательно смотрите на мое кресло, я при-
глашаю васъ сѣсть и увѣряю не замараетесь, князь: на этомъ
креслѣ я сижу!“

Князь, конечно, былъ удивленъ, слыша непривычный для
него языкъ.

— „Для чего вы мнѣ это говорите?“

— А для того, чтобы сказать, что есть честные люди и на
креслѣ судьи! Еще прошу, можете сѣсть и не замараетесь.

Князь скоро ушелъ, думая, что отецъ мой сумасшедшій, но
послѣ узналъ, что съ нимъ говорилъ честнѣйшій, хотя и бѣд-
ный человекъ. Послѣ князь судѣ и канцеляріи прислалъ де-
нежное награжденіе.

Отецъ мой не очень любилъ читать гражданскую печать, но
зато въ церковныхъ книгахъ былъ великій знатокъ. Онъ писалъ
Императоръ, Иванъ, писмо, писанъ, число и проч.; своей орфогра-
фіи былъ постоянно вѣренъ, былъ очень богомоленъ и строго
соблюдалъ посты. Хорошо помню, какъ пріѣзжалъ къ намъ игу-
менъ Колоцкого монастыря упрашивать отца, помочь отправить
всенощную по уставу Теодору Тиррону,—кажется, бываетъ по-
стомъ. Помню, какъ отецъ съ книгою переходилъ съ влироса
на влиросъ и звонкимъ теноромъ что то читалъ и влиросы под-
хватывали; отецъ во всю службу командовалъ въ церкви и его
слушались.

VI.

Меня тянетъ къ воспоминаніямъ моего младенчества, которое не интересно, какъ и вся моя жизнь, но для меня младенчество имѣеть такой же интересъ, какъ и вся моя жизнь.

Верстахъ въ пяти отъ Золотилова есть село Праслово, тамъ жилъ богатый помѣщикъ Борисъ Карловичъ Бланкъ, отецъ извѣстнаго писателя экономиста Петра Бланка. Отецъ мой былъ коротко знакомъ. Въ лѣтній день отецъ съ матерью собрались сходить пѣшкомъ въ Праслово. Отецъ пошелъ впередъ, мать не могла, видно, разстаться съ первенцомъ, взяла меня съ собою; когда догнали отца, онъ сердился на мать, зачѣмъ взяла меня, что я устану, а онъ не понесетъ. Прошли съ версту, я сѣлъ и говорю: усталъ; кажется, мать была беременна, отцу жаль было мою мать; какъ теперь гляжу на орѣховые кусты, между которыми шла тропинка; отецъ вырѣзалъ орѣшину, очистилъ голову и говорить:

— „Эразмъ, какого я дамъ тебѣ коня, только смотри, чтобы онъ не спибу тебя, ты крѣпко его держи, ну-ка садись верхомъ, я посмотрю, умѣешь-ли ты ѣздить“, и далъ мнѣ прутикъ погонять. Я только сѣлъ верхомъ, какъ лошадь понесла меня, отецъ какъ ни кричалъ: держи, держи! я не могъ удержать и добѣжалъ до Праслова гораздо прежде родителей.

Въ 1833 г. рассказывалъ я отцу этотъ случай; отецъ удивился, какъ я могу помнить, и, вспоминая подробности, усердно смѣялся. Еще воспоминаніе изумило отца:

Мы жили въ Можайскѣ, я рассказалъ отцу, какъ умерла няня и какъ ее соборовали. Отецъ сказалъ:

— „Ты, братецъ, помнить этого не можешь“, но когда я рассказалъ отцу подробно расположеніе нашей квартиры и того амбара, гдѣ соборовали, и какъ дьяконъ гадалъ по евангелію будетъ ли жива, а на вопросъ протопопа тихо отвѣчалъ — нѣтъ, рассказалъ всѣ подробности церемоніи, хотя и до сего времени не случалось видѣть соборованія, отецъ изумлялся, слушая меня; уже кончалась служба, приходитъ горничная Анюта и говорить: „няня уже умерла, я видѣла, что душенька ея пролѣзла по углу черной кошмой“, няня дѣйствительно тихо скончалась, но на

меня такъ подѣйствовала увѣренность, что душа должна отдѣлиться въ какомъ нибудь видимомъ образѣ, что я только въ гардемаринахъ освободился отъ этой увѣренности,—такъ впечатлительно младенчество.

Вѣроятно, я былъ шалунъ; отецъ, кажется, съ трехъ лѣтъ наказывалъ меня розгами и не сважу чтобы рѣдко; я ужасно боялся отца, только ласка матери уменьшала мое горе.

Когда мнѣ было года четыре, дѣдушка Максимъ Кузьмичъ Ломовъ приказалъ прислать меня къ нему въ Рузу; я былъ единственный внукъ; дѣдушка былъ небогатый помѣщикъ Ружскаго уѣзда; говорили, что уже полстолѣтія былъ вазначеемъ въ Ружѣ. Дѣдушка былъ огромнаго роста, брюнетъ съ черными густыми волнистыми волосами; говорили ему было около 80 лѣтъ, былъ прямой, весьма здоровый, безъ очковъ. Бабушка Настасья Ивановна была средняго женскаго роста, толстая, но подвижная и крѣпкая старушка. У нихъ былъ сынъ Гаврила и моя мать. У дѣдушки было два дома на соборной площади, оба дома стояли глаголемъ, въ одномъ жили дѣдушка съ бабушкой, а въ другомъ помѣщались присутственныя мѣста Рузы; былъ еще флигель въ переулкѣ, тамъ жилъ какой-то чиновникъ, женатый на дальной родственницѣ дѣдушки. Такого счастливаго житья, какъ мое у дѣдушки, и вообразить нельзя. Бабушка покупала росписные муравленные кувшинчики и бывало насыпетъ далеко неполный кувшинчикъ сухаго гороха, нальетъ воды и съ вечера поставить въ печурку, а по утру оказывается горохъ выше кувшинчика; я приходилъ въ изумленіе и съ восторгомъ ѣлъ горохъ; послѣ обѣда пряничные коньки, пѣтушки и человѣчки, да все съ золотомъ; любилъ я полузамерзшее молоко — все мнѣ давала горячая любовь бабушки. Изъ большой прихожей, отгороженная перегородкой комната была моей спальней, бабушка сама меня укладывала спать, читаетъ молитвы и цѣлуетъ и оближетъ мнѣ глаза; придетъ дѣдушка, сядетъ на кровать и не уйдетъ, пока не усну. Помню, спрашиваю дѣдушку, какъ онъ знаетъ, когда я усну, онъ отвѣчалъ—„знаю“, когда я спросилъ: „дѣдушка, сплю я или нѣтъ“, дѣдушка отвѣчалъ: „не спишь“,—должно быть я невеликъ былъ.

По утру приходитъ родственница изъ флигелька, падаетъ въ ноги дѣдушкѣ и проситъ заступиться, что она несчастлива;

на вопросъ дѣдушки, какое несчастье, она, заливаясь слезами, говоритъ, что вотъ уже нѣсколько дней дѣлаетъ все на зло мужу, бранила его, а онъ и пальцемъ ее не тронулъ, точно она ему чужая,—какая же это любовь! Долго высказывала свое горе; дѣдушка нашель поступки мужа дурными и бабушка подтвердила, какая же это любовь, что мужъ и не поучить свою жену. Отпустилъ дѣдушка просительницу съ утѣшеніемъ, что онъ поправить это дѣло; послѣ обѣда, по призыву, явился виновный мужъ; это былъ мужчина лѣтъ 30-ти, прилично одѣтый, высочій, стройный. Не помню всего, что говорилъ дѣдушка, сначала тихо, потомъ гнѣвался, виновный просилъ прощенія и болѣе молчалъ, дѣдушка, закончивъ, сказалъ: „чтобы я болѣе о такихъ безобразіяхъ не слыхалъ, не то смотри у меня, ты знаешь какъ я учу!“

Дѣло было къ вечеру, уже зажгали огни, мы съ Иваномъ (я забылъ сказать, что и ровесникъ мой, лакей, былъ со мною), побѣжали черезъ садъ, одно окно флигеля выходило въ садъ; мы на заваленку, отдули замерзшее стекло, и видѣли и даже слышали, какъ жена грубила и бранила мужа; онъ взялъ со стѣны полотенце, свилъ жгутъ такъ вѣршко, что онъ стоялъ въ рукѣ, схватилъ жену за косу, бросилъ на полъ и преусердно билъ жгутомъ; она извивалась подъ ударами жгута и все продолжала бранить; онъ билъ ее долго, она затихала, просила прощенія, подползла, цѣловала ноги, руки, онъ еще привривнулъ и погрозилъ жгутомъ, она стояла покорно и безмолвно; кончилось тѣмъ, что онъ обнялъ и поцѣловались; разговора мы не слышали. На другой день утромъ явилась битая, такая веселая, кланялась въ ноги дѣдушкѣ и бабушкѣ, цѣловала руки и благодарила.

Припоминая этотъ случай отцу въ Кіевѣ, я спросилъ его, неужели супружеская любовь прежде выражалась побоями?

— „А какъ же иначе! Подумай, отъ кого тебѣ тяжелѣе неприятность, отъ человѣка тебѣ близкаго или отъ посторонняго?“

— Конечно отъ близкаго.

— „На неприятность отъ посторонняго я и вниманія не обращаю, а огорченіе отъ близкаго хватается за сердце; а кто же можетъ быть ближе жены? Если я не обращаю вниманія на ослушаніе или грубыя слова жены, значитъ меня не трогаютъ ея неприличные поступки, значитъ я имѣю въ ней чувства какъ въ чу-

жому человѣку. Мы жили по писанію: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ. Жена повинуется своему мужу, а мужъ да любить свою жену. Есть русская пословица—люби жену какъ душу, а бей ее—какъ шубу. Мужъ голова въ домѣ, ему повинуются всѣ, тогда только и порядокъ. Такъ, братецъ, жили наши дѣды, такъ жили и мы, и были счастливы“.

Не помню, долго ли я жилъ у дѣдушки съ бабушкой, думаю болѣе года, счастливые не считаютъ время. Дѣдушка былъ постоянно сербезень, бабушка ласкова, привѣтлива ко всѣмъ. У дѣдушки не было часовъ, онъ считалъ грѣхомъ имѣть часы, говорилъ: что же я буду повѣрять Бога, что-ли? Но за то хорошо помню особенную способность дѣдушки: во всякое время дня и ночи онъ вѣрно говорилъ который часъ, это и мой отецъ подтвердилъ; разбудить дѣдушку ночью и на вопросъ—онъ отвѣчаетъ безъ ошибки который часъ.

Зимой свазали, что пріѣхалъ мой отецъ; я страшно испугался, увѣренъ былъ, что отецъ пріѣхалъ высѣчь меня. Во время общей суматохи, я забрался въ кухню и спрятался подъ печку, нашелъ тамъ воробъ и заставилъ себя. Схватились меня, вли-чуть, я слышу, а слезы такъ и льются; сбились всѣ съ ногъ, искали долго, во всемъ домѣ тревога, не помню кто и какъ нашелъ меня подъ печкой, обрадовались, дѣдушка съ бабушкой ласкаютъ меня, а я горько плачу, на вопросъ о чемъ, я признался, что отецъ будетъ меня сѣчь. Тутъ только объяснилось, что отецъ часто меня сѣкъ. Дѣдушка строго спросилъ отца:

„Иванъ, правду говоритъ Эразмъ?“

Отецъ отвѣчалъ: правда,—шалунъ, неслухъ, не поворить теперь, что изъ него будетъ!

У дѣдушки отъ зала была отгорожена узенькая его спальня; дѣдушка гнѣвно сказалъ: Иванъ, поди-ка сюда, двери на врючекъ; я съ бабушкой былъ въ залѣ и слышалъ, какъ дѣдушка сердито говорилъ: „да ты сума сошелъ! ты дуракъ“; что еще было не помню; потомъ ясно были слышны удары; я видалъ эту плеть изъ толстаго ремня, сколько ударовъ получилъ отецъ я не знаю, но слышалъ, какъ онъ просилъ прощенія. Далеки эти времена отъ насъ! Не правда-ли—какъ это странно и даже невѣроятно теперь?! Но я расскажу, можетъ быть, еще страннѣе и невѣроятнѣе о своемъ дѣйстви въ 1833 г.

Отец гостилъ дня три или четыре, съ нимъ были ласковы и отецъ былъ какъ дома. Любовь дѣдушки ко мнѣ простиралась до того, что онъ поручилъ мнѣ продавать гербовую бумагу, которая хранилась подъ кроватью дѣдушки; купившій мужикъ давалъ мнѣ грошикъ, который я и отдавалъ прятать бабушкѣ; какъ видите, я признаюсь, что бралъ взятки, но примите и другое мое искреннее и честное признаніе, что кромѣ этого, можетъ быть безсознательнаго, взяточничества, я до сей минуты взятокъ не бралъ. Помню разъ, когда приходили человѣкъ 20 за бумагой и дѣдушка узналъ, то сказалъ, „надобно бы, чтобы они поправили плетень около бани“.

Я говорилъ, что у дѣдушки былъ сынъ, Гаврило Максимовичъ; онъ служилъ въ уѣздномъ судѣ, ему было лѣтъ 20, ростомъ съ дѣдушку, прездоровенный, но голосъ былъ тонкій. Заговорили о свадьбѣ моего дяди, онъ ѣздилъ въ Москву за покупками, о которыхъ я ничего не знаю, но знаю, что онъ привезъ новость для всей Рузы—это невиданные тогда смазные сапоги, о нихъ говорили очень много, а мнѣ памяты вотъ почему. Я былъ назначенъ шаферомъ. Вечеромъ было человѣка четыре гостей, вѣроятно сослуживцевъ дяди; сидѣли около небольшого стола, я залѣзъ подъ столъ и, вѣроятно, лизнулъ глянецъ на сапогахъ, которые были до колѣнъ, и, находя сладкимъ, вѣрно преусердно лизалъ, а когда шаферъ вылѣзъ изъ-подъ стола, то я оказался негромъ. Бабушка сначала испугалась, а, узнавъ, увела меня умывать. Этотъ случай много доставилъ смѣха; при этомъ дядя рассказалъ, какъ сапожникъ научилъ его дѣлать ваксу, надобно варить воскъ, сахаръ и сажу (какъ это помнится).

Привезли невѣсту; какъ я хорошо ее помню—высокая, стройная, круглолицая, съ живымъ румянцемъ, крошечку ряба, голосъ мягкій, какъ будто сиповатый, но пріятный, глаза сѣро-голубые, волосы русые, была очень нарядна, убрана разноцвѣтными лентами, походка степенная, важная, смѣялась очень охотно; Елена Яковлевна, фамиліи не знаю, помѣщица Можайскаго уѣзда, у ней было 6 душъ. Видалъ ли ее прежде дядя — не знаю, думаю—нѣтъ. Еще за недѣлю, какъ только рѣшили быть свадьбѣ, меня перевели въ спальню бабушки, а мою комнату приготовляли для молодыхъ; сколько я помню, заботились, чтобы не под-

шутить ктонибудь и не наколдовалъ бы въ комнатѣ: извѣстно, что рѣдкая свадьба проходила безъ колдовства, безъ порчи. Послѣ меня спала въ моей комнатѣ няня Гаврилы Максимовича; днемъ комната постоянно была заперта на замокъ; кромѣ няни входила утромъ и вечеромъ бабушка, крестила на всѣ стороны и шептала, вообще очень оберегали комнату.

Была зима, въ сумеркахъ долго благословляли, все съ земными поклонами. Соборъ былъ противъ дома, но всѣ поѣхали въ саняхъ, а впереди съ образомъ; церковь была полнешенька. Вѣнчаніе было по чину, я замѣтилъ и рассказалъ бабушкѣ, что дядя цѣловалъ Олену въ церкви, а дома не цѣловалъ. Домой я опять впереди съ образомъ, опять земные поклоны, съ хлѣбомъ солью, съ образами. Гостей было немного, только семейные родственники; рано поужинали. Говорили, чтобы молодые ужинали въ вѣнцахъ, но дѣдушка не позволилъ; гости проводили молодыхъ до дверей комнаты, а въ комнату за молодыми вошли только дѣдушка съ бабушкой и я, вѣроятно по праву шафера; я внесъ все тотъ же образъ; дѣдушка сидѣлъ молча и весьма серьезно смотрѣлъ за порядкомъ, бабушка шептала молитвы. Когда надобно было дядѣ снимать сапоги, дѣдушка сказалъ: „сядь на кровать“, молодая стала на колѣни, сняла у мужа сапоги и чулки; дѣдушка сказалъ мнѣ: „подай“, я подалъ молодой плетку, но уже цивилизація проникла и въ Рузу: плетка была сплетена изъ красныхъ и бѣлыхъ ленточекъ, да и ручка была обшита шелковой матеріей. Молодая серьезно приняла плетку и покорно подала мужу, тотъ взялъ какъ должное и плетку положилъ подъ подушку; дѣдушка благословилъ, далъ поцѣловать руку и ушелъ; бабушка дождалась какъ легла молодая, крестила ихъ и комнату, благословила, дала поцѣловать руку и увела меня; бабушка заперла дверь на замокъ и крѣпко наказывала нянѣ спать снаружи поперегъ дверей, а что услышать—читать: „да воскреснетъ Богъ“.

По утру поднимали молодыхъ бабушка съ родственницами, меня тутъ не было. Вышли молодые распренаряженные, особенно тетя, и въ шелку, и въ лентахъ; произвели молодые поклоненіе и получили отъ всѣхъ цѣлованіе. Въ прихожей собрались сѣнныя дѣвушки. Дѣдушкѣ подали ставанъ воды, онъ поцѣловалъ молодую и весело выпилъ до капли, дѣвушки зацѣли

плясовую; дѣдушка взялъ бабушку за руку и начали плясать русскую, дѣдушка бойко притопывалъ и ходилъ молодцомъ, бабушка плыла лебедью, дѣдушка подлеталъ, бабушка отмахивалась, у бабушки былъ платокъ въ рукахъ,—какъ красиво она имъ помахивала, и то призывала, то отгоняла дѣдушку; долго продолжалась пляска, наконецъ, дѣдушка пошелъ въ присядку какъ юноша, побѣдилъ бабушку и горячо старики поцѣловались; я слышалъ, какъ родственницы говорили, что теперь и молодые не пройдутъ такъ, какъ Настасья Ивановна прошла правымъ бокомъ; вспоминая бойкость дѣдушки, сознаю, я не могъ бы совершить такого подвига. Утренніе танцы тѣмъ и кончились. Гости приходили и пріѣзжали, столъ накрытъ былъ во всю залу. Тогда обѣдали рано. Молодые сидѣли въ головѣ стола, я даже помню кушанья: студень, заливная рыба, поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной, разварная рыба, ветчина съ кореньями, щи, къ нимъ пирогъ съ кашей, кашица, пирогъ съ курицею, лапша, пирожки съ говядиной, уха, пирогъ съ морковью, три или четыре каши, языки, мозги съ телячьими ножками и головкою, жаркія: гуси, телятина, баранина, утки и жареная рыба, къ жаркому солёные огурцы, разные кисели, сладкіе пироги, пирожки, оладьи съ медомъ, изъ сладкаго тѣста какія-то ленты, розаны, можетъ быть и еще что было. Послѣ каждаго кушанья мужчины пили по стаканчику водки, было и вино въ бутылкахъ, но его никто не пилъ; дамы пили медъ. То и дѣло заставляли молодыхъ цѣловаться. Припоминая, изумляюсь тогдашнему гомерическому аппетиту: сидѣли за столомъ, думаю, часа 3 или 4, и все-то ѣли и все-то пили. Я и теперь много ѣмъ, даже на удивленіе моей дочери, но я чувствую и сознаю себя младенцемъ передъ героями на свадебномъ обѣдѣ; едва довѣряю своей памяти, припоминая, сколько каждый выпилъ водки, но все было чинно, не шумно, прилично; помню, къ концу обѣда сосѣди между собою много цѣловались; встали изъ за стола всѣ тверды на ногахъ, пьяныхъ не было. Молодая во весь обѣдъ краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, а дядя глядѣлъ побѣдителемъ; барыни и отъ меда зарумянились и повеселѣли. Тогда чаю и кофе не пили.

Послѣ обѣда запряженные сани стояли у крыльца; молодые сѣли въ рогожный закрытый возокъ, какъ въ карету, съ ними

старшая тетка; меня бабушка украсила, на шапку повязала красную длинную ленту и на лѣвый рукавъ выше локтя красный бантъ; меня посадили на козлы, по лѣвую сторону меня стоялъ порядочный мѣшокъ съ мелкими серебряными деньгами, думаю это были копѣечки и пятачки, по правую—двѣ стопы маленькихъ влѣтчатыхъ сложенныхъ четверо платковъ. Мы ѣхали на тройкѣ, лошади тоже были украшены, помню золотую красивую дугу, дѣдушка одинъ въ пошевняхъ сзади. Всѣ гости размѣстились по санямъ.

Помню, былъ ясный, тихій и не холодный день; поѣхали шагомъ; народу, мнѣ казалось, несчетная тьма, должно быть вся Руза стояла по обѣ стороны дороги; моя обязанность была бросать въ народъ серебряныя деньги и платки такимъ порядкомъ: горстку денегъ направо, то платокъ налево, другой разъ, куда бросилъ деньги, туда платокъ. Народъ ликовалъ, кланялся, снимая шапки. Временемъ останавливались, тогда всѣ: купцы, чиновники, мѣщане подходили къ дѣдушкѣ, поздравляли и цѣловали у него руку. Такъ мы проѣхали по всѣмъ улицамъ Рузы и уже въ сумерки возвратились домой. Платки я всѣ разбросалъ, а денегъ осталось немного въ мѣшкѣ. Кромѣ гостей обѣдающихъ, пришли еще гости, вѣроятно дѣдушка приглашалъ дорогою. Разумѣется, бабушка цѣловала меня и называла умникомъ, дала мнѣ полныя руки сладкаго со стола, накрытаго въ углу залы,—чего-чего тутъ не было: разное варенье, пряники, орѣхи, миндаль, розжи, изюмъ, леденцы—это привезъ дядя изъ Москвы, моченые яблоки, брусника, большой столъ весь былъ уставленъ; на столѣ горѣли восковыя свѣчи, а на подоконникахъ много горѣло сальныхъ свѣчъ. Прихожая была полна прислугою, дѣвушекъ было болѣе, чѣмъ утромъ. Сначала пропѣли поздравительную пѣсню, поминали имена дяди и тетки; потомъ плясовую; дѣдушка съ бабушкой не танцевали, а пошли парами молодые русскую; дядя отлично танцевалъ, всѣ хвалили, тетка, разодѣтая, стройная, съ веселыми глазами, тоже удостоилась общей похвалы; дядя танцевалъ и трепака, и казака, а какъ пошелъ въ присядку, только мелькалъ, нѣкоторые изъ гостей даже вскрикивали отъ восторга; молодые открыли балъ, помню всѣ танцы кончались поцѣлуями. Долго смѣнялись пары, кажется всѣ переплясали, потомъ составили кругъ, помнится, всѣ гости,

взявшись за руки, ходили кругомъ, потомъ парами вертѣлись; этотъ танецъ и другіе не подлежатъ описанію, потому что они были выше моего понятія; до полночи я, сидя, уснулъ, бабушка унесла меня къ себѣ на кровать; говорили, что балъ продолжался далеко за полночь, кончился ужинъ на разсвѣтъ. Я поздно проснулся и удивлялся, что весь домъ спалъ. Вотъ первая свадьба, видѣнная мною въ жизни.

Какъ я ни былъ малъ, но Рузу хорошо помню, могъ бы указать и теперь гдѣ стояли дома дѣдушки; лѣтомъ съ Иваномъ мы переходили какой-то ручеекъ, на косогорѣ росли рѣдкія березы, подъ березами норы; говорятъ, въ эти норы жители прятали свое имущество отъ набѣговъ Литвы; я нашелъ тамъ двѣ серебряныя копѣечки съ дырочками, которыя сохранились у меня и до сего часа. Вотъ только и памяти о Рузѣ, да глубокое и горячее чувство воспоминанія о нѣжныхъ ласкахъ дѣдушки и бабушки.

Не хочу скрыть—когда я писалъ эти строки, такъ живо припомнилась мнѣ незабвенная любовь этихъ отживающихъ стариковъ, что у меня не одинъ десятокъ капнулъ слезъ, но такихъ сладкихъ слезъ, какихъ бы я желалъ и вамъ, читатель!

Еще помню, мнѣ очень нравился запахъ божьяго дерева, растущаго по оградѣ собора; я нюхалъ часто, но не сорвалъ листочка—это грѣхъ, потому что церковное.

Мать моя сосвучилась обо мнѣ, писала и просила прислать меня; горько я плакалъ, прощаясь съ дѣдушкой и бабушкой, плакали и старики. Напутственный молебенъ, благословеній, поцѣлуевъ—безъ счета; бабушка рыдала и говорила, что болѣе не увидитъ меня; мучительны были для меня эти минуты, я плакалъ неутѣшно; надавали мнѣ подарковъ, благословили образами, на дорогу бабушка дала полный мѣшокъ сладкаго, о печеномъ и жареномъ я не говорю—много. Кучеръ и лакей получили много привазаній; уже я сидѣлъ въ телѣгѣ, отъѣхали, бабушка выбѣжала, остановила, еще плакала, крестила и цѣловала.

Судьба не привела мнѣ увидѣть дѣдушку, бабушку, дядю; изъ всѣхъ рузскихъ родныхъ я видѣлъ тетку Олену Яковлевну; въ 1847 году она пріѣзжала въ Кіевъ на богомолье; старуха весьма бодрая, даже не переѣвилась, годы наложили свою печать, но такъ немного, что я безъ труда видѣлъ въ ней мо-

лодую, разубающую мужа и подающую ему плетку въ знакъ покорности и послушанія. Много мы вспоминали старины; когда я напомнилъ ей о разуваньи мужа и о плеткѣ, старуха покраснѣла, поцѣловала меня, а у самой слезы на глазахъ; очень удивлялась, какъ я могу такъ ясно помнить подробности, что я тогда былъ малолѣтка; старуха не могла наговориться о томъ счастливомъ времени, — „теперь все не то, нѣтъ тѣхъ чувствъ родства, нѣтъ той безавѣтной дружбы, нѣтъ и веселья прежняго“.

Я соглашался съ теткой и увѣрялъ, что съ бѣльшею нашею старостію еще будетъ хуже, скучнѣе.

Дѣдъ мой умеръ съ горя, когда узналъ, что Наполеонъ взялъ Москву; бабушка и мѣсяца не прожила послѣ дѣда. У тетки съ дядей были сынъ и дочь, были еще дѣти, да умерли; жили они согласно, въ довольствѣ; дядя простудился, заболѣлъ горячкою и умеръ, „а какой былъ здоровякъ!“ Тетка утерла слезы, мы не наговорились о старинѣ, а тетка всякій разъ выпивала чашекъ 20 чаю въ привуску и увѣряла, что такого чая нельзя купить и въ Москвѣ.

VII.

Изъ Рузы насъ съ Иваномъ перевезли въ Можайскъ; мой отецъ былъ тогда солянымъ приставомъ. О нѣжныхъ ласкахъ матери я не говорю; я пріѣхалъ отъ ея родителей, она хотѣла все знать, но я едва-ли могъ удовлетворить ея любопытству; отецъ далъ мнѣ поцѣловать руку.

Казенный магазинъ для продажи соли былъ каменный, у самага шлагбаума на Московской заставѣ; часто я бѣгалъ къ отцу, онъ давалъ мнѣ мѣшечекъ съ солью фунта въ два, вѣроятно это образцы, по которымъ принималась соль; мѣшечки я относилъ къ матери. За заставой, по лѣвую сторону почтовой дороги, было владбище съ длинными шестью и ихъ было много; тутъ хоронились колдуны и эти колья забивались колдунамъ въ спину, чтобы не вставали; это владбище считалось страшнымъ по ночамъ, рассказовъ о немъ ходило много.

Разъ вечеромъ у насъ были гости, заговорили о страшныхъ случаяхъ на владбищѣ волдуновъ; о женщинахъ говорить нечего, но даже мужчины находили страшнымъ сходить на это владбище; одинъ отецъ мой находилъ, что съ молитвою ничего нѣтъ опаснаго; отца подзадорили и суворовскій сослуживецъ взялъ палку и палку—и пошелъ; мать моя очень плакала, плакали и дамы; возвратился отецъ и принесъ срѣзанную щепку отъ шеста; отецъ гордо смотрѣлъ побѣдителемъ, и всѣ удивлялись его смѣлости.

Въ Можайскѣ былъ тогда городничимъ Василій Ивановичъ панъ Поняровскій, совершенный брюнетъ, первый щеголь, первый острякъ, кудравые черные свои волосы постоянно зачесывалъ рукою съ затылка; онъ одинъ ходилъ въ круглой шляпѣ. Мать моя любила играть въ бостонъ, конечно, безъ денегъ; около ея тетрадка съ расчетомъ платежа за игру; постоянный партнеръ былъ панъ Поняровскій; онъ всегда острялъ, помню его одну остроу: „раль-раль-раль храбрый я капраль, раль-раль-раль чортъ бы меня взялъ“. Всѣ смѣются.

Исправникъ Дмитрій Петровичъ Кобылинъ, большой охотникъ съ собаками, давалъ мнѣ заячьи лапки, а красавица его жена Пелагея Ивановна давала мнѣ много пряниковъ и леденцовъ; у нихъ не было дѣтей; меня очень ласкали; Кобылины были богаты и это были аристократы Можайска.

Близко Можайска есть монастырь, называется Лужецкій; говорили, что въ этомъ монастырѣ іеромонахъ Константинъ—изъ полковниковъ, человекъ весьма ученый, хорошо знаетъ французскій языкъ; не знаю какъ устроилъ отецъ, но помѣстилъ меня съ Иваномъ въ монастырь; намъ отвели келью во второмъ этажѣ; никто о насъ не заботился, никто не училъ; обѣдали мы въ трапезѣ съ монахами; послѣ обѣда монахи собирались въ такъ называемую бесѣдную, комната съ нарами; въ намъ въ келью входили не иначе, когда мы отвѣтимъ аминь. Лѣтомъ мы бѣгали по садамъ монастырскимъ, а зимой свели дружбу съ мальчишками въ слободѣ; тутъ мы поучались, смотря съ заваленокъ на оргіи монаховъ у вдовъ солдатокъ, видѣли, кромѣ разврата, много кощунства. Не буду описывать ни оргій, ни кощунства—непріятно вспоминать. Въ бесѣдной только я и слышалъ укорины, интриги противъ казначея, пересуды объ

игуменѣ, зависть и злоба были господствующіе разговоры. Болѣе года я жилъ въ монастырѣ и вынесъ познанія: *la fourchette et le couteau*. Не знаю, зналъ ли болѣе отецъ Константинъ. Если-бъ зналъ мой отецъ какое вредное вліяніе сдѣлалъ онъ на впечатлительный отъ природы мой характеръ, то, конечно, не помышлялъ бы въ монастырь, — дурное впечатлѣніе осталось на всю жизнь въ монашеской жизни.

VIII.

Переѣхали мы въ Золотилово. Въ одну изъ побывокъ въ Прасловѣ туда пріѣхалъ изъ Петербурга лейтенантъ Иванъ Петровичъ Бунинъ.

Борисъ Карлычъ Бланъ былъ женатъ на Аннѣ Григорьевнѣ; мать ея Варвара Петровна была рожденная Бунина и старшая родная сестра Ивана Петровича; она жила постоянно при дочери. Бунинъ былъ извѣстенъ во всемъ Петербургѣ, какъ весельчакъ, балагуръ, музыкантъ, танцоръ, острякъ; о немъ будеть рѣчь послѣ; онъ былъ адъютантомъ извѣстнаго адмирала Ханькова. Пріѣздъ его въ Праслово — была эпоха. Большаго роста, статный мужчина, мундиръ съ золотомъ, короткія бѣлыя штаны, шелковые чулки, башмаки съ золотыми пряжками, шпага съ блестящимъ темлякомъ — я глаза проглядѣлъ; когда отецъ подвелъ къ нему, онъ спросилъ, куда думаютъ отдать меня?

Отецъ скромно отвѣчалъ, что онъ не богатъ, не знаетъ что и дѣлать со мною.

Бунинъ взялъ меня за ухо, посмотрѣлъ на руку и сказалъ: „отдайте въ морской корпусъ, тѣмъ болѣе, что его и уваживать не будетъ, а объ опредѣленіи я устрою“.

Не знаю примѣтъ, но Бунинъ отгадалъ: меня ни одного раза не укачало въ морѣ.

Съ этой минуты было рѣшено, что я буду морякомъ.

У Бланка не было дѣтей; Анна Григорьевна и Варвара Петровна пожелали, чтобы я пожилъ у нихъ; отецъ и мать съ благодарностію согласились; я, конечно, былъ радъ, потому что избавлялся отъ домашнихъ розогъ.

Меня помѣстили на антресоляхъ, тамъ было двѣ комнаты, въ одной жилъ я, а въ другой — князь Петръ Ивановичъ (кажется такъ) Шаликовъ. Это былъ молодой человекъ, сухой сложеніемъ, темный брюнетъ, съ большимъ носомъ (теперь называлъ бы его — некрасивый армянинъ); должно быть онъ былъ кончившій студентъ; чѣмъ занимался Шаликовъ и занимался ли — я никогда не видалъ, кажется, онъ только гулялъ.

Борисъ Карловичъ Бланкъ, говорили, былъ архитекторъ, другіе говорили — сынъ архитектора; онъ былъ очень богатъ (говоря сравнительно съ моею роднею); кромѣ Праслова, у него были имѣнія въ Смоленской и Тамбовской губерніяхъ — болѣе не помню. Бланкъ былъ лѣтъ за 40, довольно полный; супруга его, Анна Григорьевна, молодая дама очень нѣжнаго сложенія и хорошенькая; мать ея, Варвара Петровна, еще не старая старушка, маленькаго роста, мнѣ казалось, любила наряжаться; я износилъ нѣсколько шелковыхъ чулокъ ея; помню ея туфельки безъ задниковъ съ каблучками: при всякомъ движеніи ноги ея, каблучки хлопали, отдѣляясь отъ ноги. Въ домѣ былъ отличный порядокъ, чистота мною невиданная, всегда тихо, никто не привазывалъ, а все дѣлалось. Все семейство говорило по французски, также говорилъ и Шаликовъ.

Болѣе всего памятенъ мнѣ большой садъ, разбитъ геометрически вѣрно дорожками, обсаженными березками, стриженными какъ одна; дорожки тверды, должно быть шоссированы и всегда чисты, садъ заглядѣнье! Помню, много мы собирали грибовъ въ саду. Въ честь Ивана Петровича Бунина была иллюминація; послѣ этихъ иллюминацій я очень много видѣлъ, это была главная и любимая забава Бланка. Иллюминаціи были всегда разнообразны. Сколько могу теперь сообразить, устраивались абрисы храмовъ, триумфальныя ворота, абрисы разныхъ зданій, всѣ зданія освѣщались шкालиками и плошками, — я бы назвалъ теперь архитектурными чертежами. Къ каждой иллюминаціи, къ каждому зданію, памятнику, кн. Шаликовъ обязанъ былъ писать стихи. Живя въ этомъ превосходномъ семействѣ, я видѣлъ только ласку и милую доброту.

Не умѣю объяснить себѣ какъ случилось, что я заговорилъ по французски, хотя меня никто и ничему не училъ. Болѣе всѣхъ обращала на меня вниманія Варвара Петровна, она тре-

бовала отъ меня опрятности. Бланкъ много проводилъ времени въ библіотекѣ; заходя туда, я видалъ его—то за книгой, то за чертежами; онъ такъ былъ добръ, что ни разу не выгналъ меня. Разъ, помню, я засталъ въ библіотекѣ сына священника, кончившаго ученіе; Бланкъ экзаменовалъ его и при мнѣ спросилъ: „тупой уголь, острый уголь?“ (самому удивительно, какъ могла сохранить память непонятныя слова). Семинаристъ не умѣлъ отвѣчать, Бланкъ съ неудовольствіемъ сказалъ: „не знаю чему васъ учать!“

Въ Праслово гости пріѣзжали не часто, но люди богатые и почему нибудь значительные болѣе занимались разговорами, что, конечно, было не по моей части, хотя я постоянно присутствовалъ въ гостиной. Одинъ разъ пріѣхалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ съ дочерью, двѣцею лѣтъ 16-ти, она воспиталась или жила въ Петербургѣ; было и еще нѣсколько семействъ гостей, былъ и мой отецъ одинъ. Бланкъ съ графомъ и другими мужчинами были въ другой комнатѣ; отецъ сидѣлъ въ гостиной близъ стола; шалуны научили графиню тронуть пальцемъ въ средину спины отца. Молоденькая шалунья только тронула, какъ отецъ вскрикнетъ нечеловѣческимъ голосомъ, вскочилъ и, опаматовавшись, серьезно, не торопясь, взялъ графиню за ухо и хорошо выдралъ съ приговоромъ: „молода, сударыня, видно не учили тебя уважать старшихъ!“

Страшный крикъ отца, крикъ и плачь графини вызвали всѣхъ мужчинъ изъ другой комнаты, и какова же картина: графъ Мусинъ-Пушкинъ видитъ, что незнакомый мужчина только что отодралъ за ухо его сіятельную дочь.

Графъ, видно, вполне былъ свѣтскій, можетъ быть, человѣкъ придворный; узнавъ въ чемъ дѣло, ни слова не сказалъ отцу и кончилъ ласковымъ замѣчаніемъ дочери.

Дѣло въ томъ, что отецъ мой, будучи совершенно здоровымъ, не могъ переносить прикосновенія къ кости спиннаго хребта, такъ было до конца жизни. Если во время сна онъ самъ какъ нибудь нечаянно дотронется чѣмъ нибудь твердымъ или жесткимъ до спиннаго хребта, закричитъ на весь домъ и всочить съ кровати. Я спрашивалъ отца, что онъ чувствуетъ, когда дотронутся до спинной кости, онъ отвѣчалъ: „не знаю, братецъ, я теряю память“.

— Что же вам больно или щекотно?

— „Не знаю, через минуту я ничего не чувствую“.

— Батюшка, я помню какъ вы выдрали графиню за ухо, вѣдь это неприлично.

— „А по вашему прилично, что дѣвчонка, у которой и молоко на губахъ не обсохло, дурачится и не уважаетъ старшихъ? а что она дочь графа—эка невидаль, графъ такой же дворянинъ!“

Одинъ разъ я бѣгалъ въ саду и, добѣжавъ до пруда, съ ужасомъ увидѣлъ, что князь душитъ прехорошенькую горничную Машу; я началъ кричать во весь голосъ, князь вскочилъ и толкнулъ меня въ прудъ; не знаю, глубока ли былъ прудъ, прибѣжалъ близко бывший лакей, вытащилъ меня. Объ этомъ происшествіи не было говорено ни слова, но Маши я въ домѣ не видалъ; говорили, что она въ скотной избѣ. Шаликовъ и прежде не говорилъ со мною, а послѣ этого и подавно. Какъ я ни былъ малъ, но понималъ, что на князѣ платье было очень старо и изношено. Разъ я слышалъ, какъ лакеи говорили между собою: „хорошъ князь, у него и куста нѣтъ своего“. Конечно, у меня составилось мнѣніе, что каждый князь долженъ имѣть свои кусты.

Не знаю точно, но думаю, что у Бланка я жилъ года три, мнѣ было хорошо, но у дѣдушки было лучше, что-то недоставало, должно быть незамѣнимой беззавѣтной любви! Видно и у дѣтей есть это инстинктивное чувство.

IX.

Отецъ въ Можайскѣ казначеемъ; меня взяли въ Можайскъ и посылали въ народную школу; ходили мы въ школу вмѣстѣ съ Иваномъ; школа была тамъ, гдѣ соборъ—на горѣ.

На этой горѣ есть озеро, о которомъ много ходитъ рассказъ въ народѣ; говорятъ, нѣтъ на срединѣ дна и называютъ окномъ; будто не прибываетъ и не убываетъ вода; говорятъ, давно выплыла смоленая доска и проч. Въ соборѣ есть чудотворная каменная статуя Николая чудотворца, въ большой ростъ человѣка; она сдѣлана гладко, а бы теперъ сказалъ изъ мелко-

зернистаго плотнаго талька; взглядъ весьма суровъ и овладѣ лица не русскій, не славянскій, въ лѣвой рукѣ держитъ серебряную церковь, а въ правой, кажется, мечъ. Народъ чрезвычайно уважаетъ эту святыню; статуя стоитъ близъ южныхъ дверей. Говорятъ, Петръ Великій опредѣлилъ сумму на неугасимую лампаду.

Весьма довольно досталось мнѣ розогъ за эту школу; какъ усердно сѣлъ меня отецъ—я хотя одинъ случай расскажу.

Были мы съ отцомъ въ соборѣ и оба приобщались; при выходѣ съ выносомъ чаши должно сдѣлать земной поклонъ, мальчишка завѣвался, отецъ въ экстазѣ такъ бросилъ меня на полъ, что у меня хорошая была шишка отъ чугунаго пола. Пришли домой; отецъ былъ въ синемъ фракѣ съ гладкими золотыми пуговицами; платокъ такъ крѣпко повязывалъ на шею узломъ назадъ, что былъ красенъ. Помню, такой довольный послѣ причастія, сѣлъ на софу, кожанная подушка софы была набита пухомъ, такъ что сѣсть на одномъ концѣ софы—другой конецъ поднимается горой; отецъ подозвалъ меня и ласково спросилъ:

— „Эразмъ, а какое читали Евангеліе?“

Я былъ мальчикъ наметанный, бойко отвѣчалъ: „Рѣче Господь къ своимъ ученикамъ....“

— „Что же далѣе?“

Я не зналъ, отецъ вспылилъ, взялъ меня за грудь куртки, поднялъ и сказалъ: „если-бъ я зналъ, что ты родился такимъ дуракомъ, я бы въ колыбели задушилъ тебя — розогъ!“ Василиса со слезами брала меня за ручки къ себѣ на плечи и отецъ своими руками сѣлъ длинной розгой, кряхтя при всякомъ ударѣ, и хорошо высѣкъ.

Хорошо, что отецъ не спросилъ меня (когда я служилъ штаб-офицеромъ) въ Кіевѣ какое читали Евангеліе,—быть бы мнѣ сѣщеннымъ.

Въ школѣ ничему не учили; учитель часто приходилъ къ концу класса и нѣкоторымъ давалъ отмѣтки на азбукахъ, отмѣтка: посредственно—розги. Въ школѣ шумъ, гамъ, драка; учила меня болѣе мать и я выучился читать; писалъ, кажется, всѣ буквы. Бѣгали мы въ школу съ Иваномъ. Памятно мнѣ одно обстоятельство.

Панъ Поняровскій вздумалъ ровнять главную улицу Можайска; улица вся была вскопана; бѣгая и шая, я разбилъ одинъ комъ земли и нашелъ серебряную копѣечку; мы съ Ивановъ, разбивая комья, нашли пять копѣекъ и всё съ дырочками. Послѣ старые люди по преданію говорили, что до нашествія Литвы на этомъ мѣстѣ былъ гостинный дворъ, который сожгли.

Когда мы съ матерью живали въ деревнѣ, меня то и дѣло родные брали къ себѣ гостить; сколько я помню, всё женщины были мнѣ тетки, а ихъ было много, но всё были бѣдныя помѣщицы; это я теперъ знаю, а тогда я видѣлъ только ласки и родную любовь. Подолѣе я гостилъ у Василя Васильевича Лопухина; онъ былъ крестнымъ моимъ отцомъ, считался не изъ бѣдныхъ, у него было душъ 40; старикъ съ утра до вечера разбиралъ и собиралъ серебряные часы, болѣе ничего не дѣлалъ. Старикъ любилъ выпить, вечеромъ подопеть, ложится на кровать и тоненькимъ голоскомъ, звонкимъ и высокимъ альтомъ поетъ: „во саду ли во садоцкѣ хорошо пташки пѣли, хорошо воспѣвали“ и проч., тогда въ домѣ всё знали, чтѣ это значить; старика не беспокоили и онъ никого не беспокоилъ, пѣлъ всегда одну и ту-же пѣсню и съ пѣсней засыпалъ.

У него была одна только дочь Авдотья Васильевна, дѣвица лѣтъ за 20, красивая, румяная, кровь съ молокомъ; она была завѣтнымъ другомъ моей матери. Эта тетка имѣла особенность: у ней ежедневно шла кровь изъ носа; если ей подать небольшую посуду для крови, то у ней идетъ кровь часы, а если большой тазъ, то кончалось нѣсколькими каплями. Она спала въ большой комнатѣ съ дверью на балконъ и въ садъ, тетка устроила мою кровать въ своей комнатѣ. Случалось мнѣ не одинъ разъ видѣть ночью, какъ тетка тихо выходила въ садъ, дверей не затворяла и я слышалъ, съ кѣмъ то она шепталась. Въ этой деревнѣ я видѣлъ, когда посылали дѣвоѣ рвать крыжовникъ, то тетка наблюдала, чтобы всё, не переставая, пѣли пѣсни. Кажется, мать объясняла мнѣ, что это для того, чтобы дѣвки не ѣли ягодъ.

Въ 1833 г. тетка Авдотья Васильевна, вдова, старуха веселая,—я болѣе всѣхъ тетокъ любилъ ее, какъ друга матери моей,—я самымъ невиннымъ образомъ рассказалъ, какъ по ночамъ тетка вставала и шепталась въ саду. Старая тетка покраснѣла,

зажимала мнѣ ротъ, повторяя: „врешь, врешь, экіе скверные эти мальчишки, гдѣ и не ждешь, тамъ они и подсмотрятъ“.

Живя въ Золотиловѣ, я съ отцомъ часто бывалъ въ Федоровскомъ, не помню сколько верстъ, но помню за р. Калочей; тамъ жилъ помѣщикъ Гаврило Осиповичъ Бѣлаго, онъ былъ двоюродный братъ отцу; Бѣлаго былъ изъ богатыхъ (по нашему); мать Бѣлаго, Татьяна Семеновна, была крестной моей матерью; Бѣлаго былъ женатъ на Озеровой, ее называли весьма ученой; говорятъ, она знала еврейскій языкъ, но была препротивная, смуглая, длинная, худая, съ большимъ носомъ; всѣ не любили ее, да и она была горда, не улыбалась, со всѣми холодна, молчалива, болѣе сидѣла въ своей комнатѣ. Тогда дѣтей у нихъ не было, послѣ былъ одинъ сынъ, весьма недавно умеръ. Самъ Бѣлаго, должно быть, былъ образованный, а можетъ и ученый человѣкъ; я заключаю изъ того, что у него часто собирались и гостили мартинисты; помню Осипа Алексѣевича Поздѣева, это отецъ знаменитаго въ Москвѣ Алексѣя Осиповича; Гамалея, еще человѣка три, которыхъ забылъ. Отецъ зналъ, что они масоны; воображаю, какой товарищъ имъ былъ отецъ! Не взирая ни на что, они были очень ласковы къ отцу и разговоръ былъ у нихъ отцу по плечу. Помню одинъ случай. Почему-то отцу вздумалось доказать мое повиновеніе и терпѣніе: приказавъ мнѣ молчать, взялъ за мизинецъ лѣвой руки, сжалъ около ногтя такъ, что у меня изъ-за ногтя пошла кровь; я молчалъ и смотрѣлъ ему въ глаза; отца уговаривали, онъ не слушалъ, но вошла Татьяна Семеновна, оттолкнула отца, меня увела и перевязала палецъ. Въ Кіевѣ, но когда я разговаривалъ о нихъ съ отцомъ, онъ продолжалъ называть ихъ масонами.

— „Они, братецъ, не любили меня, я мѣшалъ сношеніямъ ихъ съ сатаною“.

„Чѣмъ же, батюшка, вы мѣшали имъ?“

— „Какъ замѣчу, братецъ, что они усядутся около столика, да развернуть свои тайныя книги и начнутъ шептаться, я про себя прочитаю молитву,—имъ и ничего не удастся и разойдутся. А то, братецъ, бывали случаи, какъ замѣчу, что они точатъ ножи, не взирая на погоду, тихонько выйду, да и давай Богъ ноги домой,—опасные, братецъ, были люди!“

Воображаю, какъ забавляло этихъ умныхъ людей.

Мы жили въ Золотиловѣ, когда отецъ не служилъ и въ Можайскѣ, когда отецъ занималъ должность по выборамъ. Когда отецъ живалъ въ Золотиловѣ, часто къ нему приходили казенные крестьяне — судиться. Придутъ, кланяются, просятъ разсудить и говорятъ: какъ скажешь, такъ и будетъ. Отецъ никогда не отказывалъ, разберетъ не по законамъ, а по совѣсти, непременно убѣдитъ и примиритъ.

Просители никогда не приходили съ пустыми руками—полотенце, чашку меду, большой пряникъ, простой хлѣбъ. Отецъ никогда не отказывалъ—всегда принималъ какъ должное.

— Батюшка, я помню, какъ вы судили, но зачѣмъ же вы брали подарки?

„Чтобы не оскорбить,—это древній обычай, чтобъ судью не утруждать съ пустыми руками; что въ народѣ утвердилось изъ вѣка, того нарушать не должно, вотъ если-бъ я взялъ въ уѣздномъ судѣ—это было бы грѣшно и позорно для чести“.

Когда я возвратился изъ Камчатки, у отца не было замка ни на одномъ амбарѣ,—„не воруютъ у васъ, батюшка?“

„Не случалось, братецъ, Богъ хранить“.

Въ народѣ говорили сосѣди: „тотъ пойдетъ воровать къ Ивану Дмитріевичу, кому жизнь наскучила“, и говорятъ, былъ случай, укравшій мѣшокъ овса не дошелъ до дома, умеръ на дорогѣ.

Я ничего не сказалъ о меньшомъ братѣ отца, дядѣ Федорѣ Дмитріевичѣ. Онъ долго былъ холостымъ, очень часто бывалъ у насъ, очень почиталъ отца и еще болѣе уважалъ и любилъ мою мать; я былъ баловнемъ его; бывало отецъ высѣчетъ, плачу, придетъ дядя, начнетъ представлять какъ пьяные мужики валяются, расхожусь и забуду о розгахъ.

Какъ старшіе два брата были серьезны, такъ меньшой былъ веселонравенъ.

Разъ отецъ при родныхъ, обратясь къ дядѣ, сказалъ: „а помнишь, Федоръ, какъ мы съ братомъ Михаиломъ отпороли тебя въ Одессѣ?“

— Еще-бы не помнить!

Всѣ три брата были офицерами; Федоръ повадился играть въ карты и знаться съ худыми людьми, братья и высѣбли его; съ тѣхъ поръ дядя не бралъ картъ въ руки.

X.

Такъ время шло и дошло, что я долженъ былъ подписать просьбу объ опредѣленіи меня въ морской корпусъ; помню, я подписывалъ по карандашу, прежде учился по карандашу на простой бумагѣ, а потомъ уже на гербовой; говорили, что на всякій случай въ метрическомъ свидѣтельствѣ мнѣ убавлено два года.

На святкахъ посылали меня съ Василисой слушать подъ окнами у купца Жаркова; отецъ говорилъ сыну: „нечего медлить, послѣ праздника отправляйся въ дорогу“.

Пришли—и какъ сказали матушкѣ, она цѣловала меня и очень плакала, это значило, что я поѣду. Въ Праслово приѣхала Анна Петровна Бунина и обѣщала отвезти меня въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отецъ привезъ меня въ Москву къ назначенному числу.

Сборы были долги, одѣли меня въ сѣренькій полусюртучекъ, заячью шубу, теплые сапоги. Пока собирали, мать не осушала глазъ; послѣ напутственнаго молебна мать обняла меня, да такъ и замерла,—все твердила, что она больше не увидитъ меня; предчувствіе не обмануло мать: я больше не видалъ ея. Я хорошо помню, что я не плакалъ, думаю потому, что уѣзжалъ отъ розогъ. Сдѣлаю послѣднее замѣчаніе о жизни въ домѣ родителей: пока я былъ дома, много родилось дѣтей и всѣ умирали, а какъ уѣхалъ всѣ стали жить; мать въ беременности ушиблась, родила и умерла семнадцатымъ ребенкомъ.

Отецъ самъ повезъ меня въ Москву; остановились у родныхъ, были у Осипа Алексѣевича Поздѣева; онъ, узнавъ, что я поступаю въ морской корпусъ, обѣщалъ написать къ сыну Алексѣю Осиповичу, который былъ лейтенантомъ и корпуснымъ офицеромъ. Отецъ мой низко кланялся и просилъ, чтобы меня строго наказывали. Не помню я, по какому случаю отецъ водилъ меня на колокольню Ивана Великаго; послѣ отецъ рассказывалъ, что я лѣзъ за перилы и хотѣлъ спрыгнуть, отецъ едва успѣлъ схватить меня за брюки,—вѣроятно закружилась моя голова на такой высотѣ. Видѣлъ коловоль, пушку. Ходили по церквамъ. Пришло время отправляться.

Въ рогожную повозку уложили меня съ теткой Анной Петровной Буниной; отецъ сѣлъ съ ямщикомъ; по выѣздѣ за заставу остановились, отецъ благословилъ меня, но я помню болѣе всего его длинный палецъ (такъ мнѣ казалось), которымъ онъ грозилъ мнѣ и призывалъ: „прилежно учиться, а не то онъ самъ прійдетъ, чтобы я это помнилъ!“

Грозный палецъ и обѣщаніе прійхать были послѣднія слова отца ко мнѣ и надолго. Мы поѣхали.

Анна Петровна Бунина была дѣвица и хорошенькая; она называлась десятая муза, едва ли не первая дѣвица-поэтъ. Въ высшемъ кругу Питера была какъ своя, часто являлась ко двору; я это говорю къ тому, что такая особа ѣздила тысячи верстъ безъ дѣвушки, безъ лакея.

Въ Твери мы остановились; тетка одѣлась нарядно и поѣхала во дворецъ къ великой княгинѣ; долго тамъ была, а на другой день мы поѣхали. Великая княгиня ожидала герцога Георга изъ Новгорода и поручила теткѣ при встрѣчѣ отдать большой конвертъ. Мы встрѣтили герцога на дорогѣ, замахали, закричали; повозка герцога остановилась, тетка приказала мнѣ отнести пакетъ. Подаль я конвертъ герцогу, онъ сдѣлалъ мнѣ привѣтъ рукою, улыбнулся и приказалъ много благодарить. Все сошло благополучно, герцогъ уѣхалъ, а я, должно быть, завязъ въ снѣгу, запутался въ шубѣ и растянулся; насилу я выбрался на дорогу. Герцогъ показался мнѣ высокимъ брюнетомъ съ большимъ носомъ. Повозка зеленая съ кожанымъ верхомъ, на тройкѣ лошадей; съ нимъ сидѣлъ молодой и на козлахъ человѣкъ.

Не доѣзжая Петербурга, не знаю, гдѣ остановились; тетка опять наряжалась и уѣхала.

Приходилъ кто-то престранно наряженный, и меня съ повозкой отвезли во дворецъ. Въ нижнемъ этажѣ огромныя и высокія двѣ комнаты, какихъ я не видывалъ; окна чуть не до пола; хотя день былъ весенній, солнечный, но еще хорошая зимняя дорога, а два окна были отворены; окна были въ садъ, я влѣзъ на подоконникъ, гдѣ я свободно могъ спать, свѣсилъ ноги за окно и болталъ ногами, какъ всѣ деревенскіе мальчишки; смотрю, по чисто песчаной дорожкѣ идутъ двѣ женщины, одна толстая, а другая маленькая худенькая, послѣдняя была моя

тетка, а съ нею шла вдовствующая императрица. Подойдя, оставились и что-то говорили.

Государыня достала конфетъ изъ ридикюля и подала теткѣ; эти конфеты были пожалованы мнѣ; меня набормили какіе-то господа; помню, я очень присмирѣлъ; тетку я увидѣлъ вечеромъ; ночью мы уѣхали. Только дорогой тетка сказала, что гуляла съ ней императрица и дала мнѣ конфетъ.

Въ Петербургъ мы приѣхали въ квартиру тетки; на третій день приѣхалъ Иванъ Петровичъ Бунинъ и увезъ меня къ себѣ. Онъ былъ адъютантомъ адмирала Петра Ивановича Ханькова.

Адмиралъ съ семействомъ жилъ въ нижнемъ этажѣ у Аларчина моста, а дядя жилъ во дворѣ въ верхнемъ этажѣ. Я цѣлыя дни проводилъ въ семействѣ адмирала, которое состояло изъ супруги, Еватерины Петровны, и дочери, уже взрослой, Анны Петровны, и двухъ сыновей пажей, Пьера и Жана. Самъ адмиралъ былъ въ параличѣ и лечился электрической машиной. Адмиралъ былъ очень ласковъ ко мнѣ. Электрическая машина очень памятна мнѣ: шалуны Пьеръ и Жанъ дали мнѣ въ ротъ серебряную ложку, а какъ я получилъ въ зубы электрической ударъ, я такъ испугался, что какъ дикій волчонокъ закусилъ ложечку и бросился бѣжать по всѣмъ комнатамъ; въ дверяхъ встрѣтилась мнѣ дочь адмирала; я головой такъ ударилъ ее въ животъ, что она упала; я перескочилъ черезъ нее и не помню, какъ меня поймали и успокоили.

Анна Петровна Ханькова послѣ была графиня Мелина мы, какъ старыя знакомые, въ 1840-хъ годахъ, въ Кіевѣ много вспоминали старины и этотъ случай много доставилъ намъ смѣха.

Хотя не касается собственно до меня, но мнѣ очень хочется припомнить и разсказать, что я слышалъ объ адмиралѣ Ханьковѣ.

Петръ Ивановичъ Ханьковъ долго былъ главнымъ командиромъ Кронштадта. Анекдотовъ пропасть о немъ, но какъ о добрейшемъ человѣкѣ, да, впрочемъ, въ старомъ флотѣ и не было недобрыхъ адмираловъ,—весь флотъ одной семьи изъ корпуса. Ханьковъ ежедневно вставалъ очень рано, обходилъ рынокъ, осматривалъ продающуюся провизію, повѣрялъ цѣны, покупалъ связку кренделей и у повивальной бабушки пилъ кофе; дома дожидалась его на завтракъ яичница.

Разъ приходитъ мичманъ съ рапортомъ; долго ждалъ, соблазнился яичницей, съѣлъ и ушелъ. Ханыковъ, не найдя яичницы и узнавъ, что съѣлъ мичманъ, не сказалъ ни слова, но приказалъ звать мичмана къ главному командиру кушать яичницу каждое утро; мичманъ приходилъ, ѣлъ и уходилъ. Такъ продолжалось полтора мѣсяца. Наступили холода, дожди; на призывъ мичманъ отвѣчалъ, что сегодня не пойдетъ; являются ружейные и подъ карауломъ привели мичмана къ главному командиру. Ханыковъ имѣлъ привычку целовать пальцемъ правой руки промежду сложивныхъ пальцевъ, въ кулакъ лѣвой руки, и при этомъ относился ко всѣмъ: душенька. И въ этомъ случаѣ Ханыковъ сказалъ мичману:

— „Душенька, душенька, какъ же ты смѣлъ ослушаться, вѣдь тебя звали къ главному командиру“, посадилъ его подъ арестъ въ Кроншлотъ и настолько дней, сколько онъ съѣлъ яичницъ.

Къ Ханыкову часто пріѣзжалъ государь Александръ Павловичъ и обѣдалъ.

Тогда очень строго былъ запрещенъ привозъ спиртныхъ напитковъ и портера. Говорятъ, государь очень любилъ портеръ. За обѣдомъ Ханыковъ подзываетъ камердинера и говоритъ: „какъ мы были послѣдній разъ въ Англии, то должно быть осталась одна бутылка, тамъ въ углу съ лѣвой стороны, поищи и принеси“. Одно и то-же приказаніе повторялось во всякій пріѣздъ государя.

Однажды государь за столомъ подозвалъ камердинера и слово въ слово скопировалъ Ханыкова, бутылка явилась, (какъ будто главному командиру можетъ быть запретъ). Государь съ удовольствіемъ пилъ и спрашивалъ: „это послѣдняя бутылка“?

Ханыковъ заботливо отвѣчалъ— „надобно поискать“.

Ханыковъ былъ флагманомъ во время сраженія съ англичанами; за потерю корабля „Всеволодъ“ онъ былъ преданъ суду. Флотъ оправдывалъ Ханыкова; онъ приказалъ кораблю, бывшему на вѣтрѣ, подать помощь „Всеволоду“, но капитанъ струсился и не пошелъ; у Ханыкова были враги (и у такого добряка были враги); судъ приговорилъ Ханыкова разжаловать въ матросы. Государь приказалъ разжаловать Ханыкова на 12 часовъ, но приказа не объявлять ему.

Ханыковъ велъ очень правильную жизнь, онъ въ извѣстный часъ утра и извѣстное время прогуливался по бульвару. Ханьковъ, выходя изъ дому, былъ встрѣченъ врагомъ своимъ, который спросилъ Ханькова, почему онъ не въ матроскомъ платьѣ, и показаль ему приказъ. Ханьковъ вернулся домой, приказаль обрѣзать полы сюртука и въ курткѣ все-таки сдѣлаль свою обычную прогулку, но, возвратясь домой, получилъ ударъ паралича.

Бунинъ послѣ рассказываль мнѣ, что Ханьковъ вѣрилъ въ черные или несчастные дни.

Однажды государь вспомнилъ, что Ханьковъ давно не получаль награды; случился тутъ Нарышкинъ и сказалъ: „встати, государь, сегодня у Ханькова черный день, хорошо разувѣрить его красной лентой“.

Ханьковъ сидѣль за обѣдомъ, какъ фельдъегерь поднесъ ему конвертъ. Ханьковъ распечаталь, выпала на тарелку красная лента; старикъ горько заплакаль и сказалъ: „за многимъ ты пришла ко мнѣ, за многимъ!“ и со слезами вышелъ изъ за стола. Какъ не сказать: по вѣрѣ вашей и дается вамъ.

ХІ.

Бунинъ утромъ привезъ меня въ корпусъ къ Алексѣю Осиповичу Поздѣеву; онъ приказаль отвести меня во вторую роту, въ первую камору; этой каморой завѣдываль Поздѣевъ. Кадеты всѣ были въ классахъ. Помню окно около печки, у котораго я стояль; вдругъ шумъ, крикъ по галлерей, вбѣгаютъ разнаго возраста дѣти; кто прыгаетъ на одной ножкѣ, всѣ говорятъ и, пробѣгая болѣе ста человекъ мимо меня, всякій назваль—новичекъ. У меня зарябило въ глазахъ. Окружили меня, всякій хотѣль знать мою фамилію; привели кадета подъ ростъ мнѣ, который дразнилъ и толкаль меня; мнѣ совѣтывали не спускать; я оттолкнуль его; тогда заговорили, что мы должны подраться; для этого отвели насъ въ умывалку, составили около насъ кругъ фамилія кадета была Слизовъ. Онъ первый ударилъ меня, насъ, то его, то меня подзадаривали; я ловко схватилъ его и, недолго боровшись, повалиль Слизова, нѣсколько разъ ударилъ и хотѣль

встать, какъ всѣ заговорили, чтобы я билъ до тѣхъ поръ, пока не скажетъ покоренъ. Я еще нѣсколько разъ ударилъ. Слизовъ молчить, мнѣ кричать, бей! Наконецъ, Слизовъ сказалъ—покоренъ. Если-бы послѣ слова покоренъ я ударилъ бы Слизова, то это было бы безчестно для меня,—таковы законы кадетъ. Я вышелъ побѣдителемъ: эту драку можно назвать крещеніемъ для новичка.

Не помню, вспоминалъ ли я тогда, но теперь увѣренъ, что ловкости въ дракѣ я много былъ обязанъ мальчишкамъ въ монастырской слободѣ и дракамъ въ можайской школѣ.

На другой день одѣли меня во все казенное, дали росписаніе классовъ на недѣлю.

Въ корпусѣ вставали въ 6 часовъ, становились во фронтъ по каморамъ, дежурный офицеръ осматривалъ каждаго, для этого мы показывали руки и ладони: не чисты руки, длинны ногти, нѣтъ пуговицы на мундирѣ — оставляли безъ булки; наказаніе было жестоко,—булки горячія, пшеничныя, вѣроятно на полный фунтъ, булки такъ были вкусны, что теперь нѣтъ уже ничего такого вкуснаго. Послѣ осмотра офицера во фронтѣ раздавалъ булки дежурный по ротѣ гардемаринъ.

Въ 8 часовъ въ классы; каждый классъ продолжался два часа и мы переходили въ другой классъ. Въ 12 часовъ—шашашъ, въ каморы. Съ минуты вставанія, всѣ наши передвиженія были подчинены колоколу. Въ половинѣ перваго во фронтъ и такъ шли въ залъ. Весь корпусъ помѣщался въ залѣ; залъ такъ былъ великъ, что еще столько же кадетъ помѣстилось бы; говорили, что такой длины и ширины, безъ свода и колоннъ, другаго такого зала въ Петербургѣ тогда не было. Я еще учился архитектурѣ у старенькаго маленькаго старичка въ парикѣ—Суркова, строителя этого дивнаго зала; оно было въ два этажа, очень свѣтлое, съ арматурами по стѣнамъ; съ потолка висѣли, въ родѣ колоколовъ въ ростъ человѣка, гладкаго бѣлаго хрустала (люстры) съ подсвѣчниками внутри, помнится по четыре подсвѣчника въ каждомъ, а у задней стѣны, по длинѣ, стоялъ трехъ-мачтовый корабль подъ парусами, мачты почти до потолка. Залъ этотъ былъ гордость морскаго корпуса. Столы накрывались на 20 человѣкъ, на каждый десятокъ — старшій гардемаринъ раздавалъ кушанье; кормили насъ превосходно: хлѣбъ великолѣпный, пор-

ціи большія и можно было попросить; щи или каша съ кускомъ говядины, жарвое—говядина и гречневая каша съ масломъ, въ праздники и пирожное, аладыи съ медомъ и проч., квасъ отличный, какого послѣ не случалось пить; для кваса массивныя серебряныя вызолоченныя внутри большія стопы; отъ обѣда выходили фронтомъ.

Въ два часа въ классы, опять по два часа въ классѣ, слѣдовательно, сидѣли въ классахъ 8 часовъ въ день, кромѣ субботы; послѣ обѣда—танцъ-классъ.

Выходили изъ классовъ въ 6 часовъ; въ половинѣ 8-го ужинъ—два блюда, супъ или щи съ говядиной и гречневая каша съ масломъ; послѣ, по выходѣ изъ класса, вечеромъ, давали по такой же булѣ, какъ утромъ.

Бѣлье перемѣняли по два раза въ недѣлю; кровати были желѣзныя, два тюфяка, внизу соломенный, а сверху волосяной, и двѣ подушки; одѣяла сначала были толстыя бумажныя, а потомъ шерстяныя фланелевыя, съ верхней простыней.

Въ моей каморѣ былъ старшимъ гардемаринномъ Бартенева. Былъ обычай, что каждый втораго или третьаго года гардемаринъ (гардемаринны до выпуска учились три года), изъ числа маленькихъ кадетъ, имѣлъ въ родѣ чиновника или адъютанта; меня взялъ Бартенева; я исполнялъ всѣ его приказанія, сходить за книгой, позвать кого, за то Бартенева не давалъ меня въ обиду сильнѣйшимъ кадетамъ. Этотъ обычай былъ общій, каждый кадетъ въ свою очередь былъ въ должности ординарца и послѣ, сдѣлавшись гардемаринномъ—имѣлъ ординарцевъ.

Этотъ обычай теперь покажется унижительнымъ и я даже читалъ въ одной статьѣ, гдѣ говорится объ этомъ обычаѣ съ презрѣніемъ, но я думаю—это близоруко; въ томъ нѣтъ униженія, что принято всѣмъ обществомъ; этотъ обычай, напротивъ, новичка приучалъ къ повиновенію; это чувство послушанія съ мягкихъ ногтей сроднялось съ ребенкомъ, и я увѣренъ, та удивительная дисциплина стараго флота, если шла легко, если повиновеніе старшему и исполненіе долга было какъ бы врожденно офицеру флота, то это природнялось отъ помянутаго мною обычая въ корпусѣ.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ вспоминаю о благотѣльномъ учрежденіи морскаго корпуса. Не знаю современныхъ учрежде-

ній, но, какъ всё старики, думаю, теперь ничего нѣтъ подобнаго. Обращаясь къ своей юности, воображаю себя въ настоящее время. Сынъ старой дворянской фамиліи, служилаго рода, но сынъ хотя честнѣйшаго, но бѣднаго отца, не имѣющаго средствъ удѣлить десяти рублей на науку для сына,—что бы со мной было въ настоящее время? Тогда бѣднаго дворянина не отличали отъ дворянина богатаго и сынъ бѣднаго дворянина заботами правительства дѣлался полезнымъ слугою отечеству и государю; теперь, гдѣ живу, я знаю много лакеевъ, кучеровъ, имѣющихъ право на родовое дворянство, и это даже не странно. Вотъ если-бъ теперь увидать не въ почетѣ дѣтей Горвица, Варшавскаго — это было бы очень странно! Другое время, другія мысли.

Меня приняли въ морской корпусъ безъ экзамена, я умѣлъ только кое-какъ читать; въ шесть лѣтъ меня выучили, сдѣлали офицеромъ и я совершенно честно прослужилъ, сколько умѣлъ усердно, почти 40 лѣтъ, и тѣмъ, по силамъ моимъ, заплатилъ правительству за 6 лѣтъ хлопотъ обо мнѣ. Теперь внуки мои, чтобы кончить науки въ среднемъ учебномъ заведеніи, каждый стоитъ родителямъ до 6 тысячъ рублей, да если два года не перешелъ по экзамену въ высшій классъ, то отпускаютъ на подножный кормъ, вотъ вамъ и готовый комунистъ! Прекрасная вещь теперь „аттестатъ зрѣлости“; меня радуетъ этотъ современный прогрессъ, хотя немного и оскорбляетъ мысль, что въ нашъ вѣкъ не было зрѣлыхъ. Ну, да мы старики привыкли къ оскорбленіямъ, вонъ (журналъ)—„Яхта“ называетъ старый морской корпусъ—„Карцовщина“, сдѣлалъ адмирала Петра Кондратьевича Карцова нарицательнымъ позорнымъ именемъ! Я изъ послѣднихъ кадетъ директора корпуса Карцова; я не знаю, долго ли Карцовъ былъ директоромъ, но большая часть стараго флота офицеровъ—воспитанники Карцова. Я бы спросилъ оскорбителя корпуса унизительнымъ названіемъ „Карцовщины“—какіе флотскіе офицеры заслужили уваженіе и довѣріе флотскому мундиру за границу и въ Россіи? Все Карцовщина! Я не отвергаю, современные носящіе морской мундиръ достойно поддержали общее мнѣніе о честномъ мундирѣ флота, но создала Карцовщина! Не отвергаю и того, что современные офицеры флота—ученѣ Карцовщины, но, господа, не гордитесь, не вы ученѣ, ученѣ

современная наука! Какъ вы теперь знаете науку, такъ и мы знали науку своего времени. Ваши наслѣдники будущихъ поколѣній будутъ ученѣ васъ, прогрессъ науки идетъ неустанно впередъ. Если вы, господинъ, оуждающій старый флотъ, морякъ, то да будетъ вамъ стыдно!

Я, остатокъ стараго флота, слѣжу за реформами во флотѣ, вижу кой-что не нравящееся мнѣ, но не позволю себѣ выразиться необдуманно и дерзко, какъ вы, остро—Карцовщина!

Съ уничтоженіемъ стараго морскаго корпуса, я видѣлъ будущій недостатокъ офицеровъ во флотѣ, что и оправдалось; необходимость заставила приблизиться къ старому порядку. Полезныя реформы дѣлать не такъ легко, какъ кажется реформистамъ, которые считаютъ важнымъ, перемѣнивъ названіе вещи, что создали новую вещь; на примѣръ, вся Россія привыкла посылать по почтѣ „страховыя письма“ и это названіе „страховое“ было усвоено и понятно всему народу, но вдругъ произошла глубокая реформа — приказано называть „заказное письмо“. Въ строгомъ смыслѣ русскаго понятія, это новое слово не выражаетъ полного своего значенія, русскій человѣкъ привыкъ заказывать мастеровому карету, сапоги и проч. Заказывать письмо почтѣ не выражаетъ понятія о себѣ. Почта не сочиняетъ писемъ, хотя ей и заказываютъ. Но есть такіе умы, которые считаютъ славнымъ и новымъ изобрѣтеніемъ, перемѣняя имя вещи, хотя вещь остается та-же; но стоитъ ли оуждать подобныя реформы! надписывая на конвертѣ „заказное“, дозволяется улыбнуться.

Начиная съ Петра Кондратьевича Карцова, я могу назвать всѣхъ корпусныхъ офицеровъ и имена ихъ вспоминаю съ благоговѣніемъ, эти люди занимали должности по призванію. Видалъ я виды въ долгой своей жизни, но не могу безъ полного удивленія и благоговѣнія вспомнить объ этихъ безукоризненныхъ труженикахъ, обрѣкшихъ себя на неустанное воспитаніе вѣранныхъ имъ дѣтей.

Начальникъ роты былъ штабъ-офицеръ; онъ былъ попечитель всего хозяйства въ ротѣ; въ каждой ротѣ было четыре, пять оберъ-офицеровъ—лейтенанты, это были блюстители нравственнаго порядка; они дежурили по роту, у каждаго въ завѣ-

дываніи была камора, отъ 20 до 30 человѣкъ; дежурные наблюдали за порядкомъ въ классахъ, въ залѣ.

Учебная часть вполне зависѣла отъ инспектора и учителей.

Директора Петра Кондратьевича Карцова мы рѣдко видѣли: онъ былъ раненъ въ обѣ ноги, ходилъ не безъ труда.

У меня былъ честный офицеръ Алексѣй Осиповичъ Поздѣвъ; учился я прилежно, помнилъ грозный палецъ отца и обѣщаніе его пріѣхать, если буду лѣниться.

Внѣ классовъ и въ праздники дозволялось намъ играть во всѣ возможныя игры безъ помѣхи, даже поощряли насъ къ физическому движенію, на примѣръ, зимой, намъ дѣлали ледяные катки для катанья на конькахъ, лѣтомъ мы не сходили со двора, разнообразныя игры въ мячъ, въ разбойники, всѣ игры по преданію. Парадный дворъ принадлежалъ второй и пятой ротамъ; бывало кадеты двухъ ротъ на дворѣ, кто во что гораздъ, шумъ, крикъ, бѣготня; случалось, что Петръ Кондратьевичъ, выѣзжая куда нибудь, бывало явится подъ воротами, любитъ на шалости кадетъ и громкимъ басомъ крикнетъ: „о-го-го! громовы дѣтки! хорошо, хорошо!“

Мы не боялись нашего директора, не переставали играть; сколько помню, любили его, что выражалось тѣмъ, что моя память не сохранила ему никакого прозвища и почти не упоминалось его имя, тогда какъ всѣмъ безъ исключенія спуску не было: каждый имѣлъ прозвище, характеризующее его. Кадетъ морскаго корпуса отличался отъ кадетъ другихъ корпусовъ видомъ полного здоровья и большимъ животомъ: насъ не стягивали, мы еще тогда ружья не знали, а кормили превосходно.

Учебный курсъ раздѣлялся на кадетскій и гардемаринскій. Кадетскій курсъ въ математикѣ оканчивался сферической тригонометріей, частью алгебры; науки: географія, исторія всеобщая и русская сокращенно; иностранный языкъ, одинъ изъ новѣйшихъ, только читать; русскій языкъ — правильно писать по диктовкѣ, но не строго. Инспекторомъ былъ Маркъ Филипповичъ Горбовенко; на кадетскіе классы онъ рѣдко обращалъ вниманіе, онъ весь отдавался гардемаринскому курсу, и какъ доставало его неусыпнаго, изумительно ретиваго усердія! Не понятливый кадетъ, лѣнивый могъ оставаться кадетомъ лѣтъ шесть, но все таки дѣлался гардемаринкомъ.

Я кадетскій курсъ кончилъ въ три года; не помню, по какому случаю, передъ экзаменомъ, былъ инспекторомъ, вмѣсто Горковенко, Крузенштернъ; весь корпусъ возненавидѣлъ его, ему было прозвище—слѣпой колбасникъ, трюмная крыса и проч., ему показывали фиги, строили гримасы. Крузенштернъ тогда былъ на верху своей славы, какъ кругосвѣтный плаватель, но видно въ массѣ кадетъ было больше инстинкта, чѣмъ поклоненія славѣ. Если не забуду, то въ своемъ мѣстѣ расскажу съ осязательными доказательствами, что Крузенштернъ былъ безхарактернѣйшій, это былъ нѣмецъ, умѣющій ловко написать провѣтъ, но не исполнить. Горько бы кончилось его кругосвѣтное плаваніе, еслибъ не распорядился всѣмъ Макаръ Ратмановъ, но объ этомъ послѣ.

Математическій кадетскій курсъ я кончилъ въ классѣ Лоскутова; со мною въ классѣ былъ однокамерникъ Дешаплетъ; онъ былъ очень способный, но лѣниво учился; мы были очень дружны. Андриша Дешаплетъ, боясь не выдержать экзаменъ, упросилъ меня не экзаменоваться; я хотя былъ изъ первыхъ по классу, но для друга согласился; сѣли мы на отдѣльный столъ и объявили, что экзаменоваться не хотимъ. Крузенштернъ, обходя классы и увидавъ насъ отдѣльно сидѣвшихъ, на вопросъ, Лоскутовъ доложилъ, что мы отказываемся отъ экзамена; Крузенштернъ, узнавъ, что мы по знанію можемъ экзаменоваться, подошелъ къ намъ и долго уговаривалъ, чтобы мы экзаменовались; мы, отказываясь, отвѣчали даже грубо, особенно Дешаплетъ. Слѣпой колбасникъ ушелъ отъ насъ ни съ чѣмъ.

Дежурнымъ былъ Поздѣвъ; проходя по классамъ, увидавъ насъ отдѣльно, узнавъ отъ Лоскутова, подошелъ къ намъ; помню гнѣвное лицо его, помню задрожавшія его губы, онъ тихо сказалъ: „придите въ дежурную!“

Въ дежурной насъ отлично высѣлъ Алексѣй Осиповичъ, дурь наша улетучилась, мы экзаменовались и оба попали въ гардемарины.

Экзаменовали въ гардемарины учителя гардемаринскихъ классовъ весьма подробно, потомъ офицеры,—кадетъ по пяти—только изъ математики. Какъ я говорилъ, кадетомъ можно было пробыть неопредѣленное число годовъ, а попавши въ гардемарины, курсъ наукъ рассчитанъ былъ на три года; попавши въ гардемарины отъ каждаго изъ насъ зависѣло быть адмираломъ.

XII.

Я, торжествующій гардемаринъ, написалъ въ родителямъ моему высокому званію. Въ Петербургъ ѣхалъ дядя Павелъ Саватвичъ Шахматовъ. Отцу не вѣрилось, чтобы я такъ скоро получилъ чинъ; ему казалось, что я солгалъ; онъ упросилъ Шахматова узнать въ корпусѣ и если я солгалъ, то отпоррротъ! а если правда, то посылаетъ мнѣ рубль. Получилъ я рубль, а о замѣчательномъ дядѣ расскажу на досугѣ.

Меня брали „за корпусъ“ то дядя, то тетва — Бунины. У Буниныхъ были родные племянники: Петръ, Николай, Михаилъ, Александръ и Василій Николаевичи Семеновы.

Петръ служилъ послѣ въ Варшавѣ; онъ пописывалъ стихи, и была извѣстна въ свое время и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ особенно любима комедія „Жидовская корчма“, въ которой очень эффектно и забавно пѣлъ жидовъ „спію пану писню, спію и станцюю — Ладзарду, шиндоркраверъ мицерби, шине мине канцеръ ми“ и проч. Не понимаю, какъ это припомнилось!

Николай, Михаилъ Семеновы—офицерами въ Измайловскомъ полку.

Александръ Семеновъ нарисовалъ самъ свой портретъ, прислалъ, и былъ убитъ подъ Бородинымъ. Василій былъ мнѣ ровесникъ, воспитывался въ лицей и куда былъ умнѣе и развитѣе меня. Тогда появилась новая метода, отвѣчать на вопросъ не по книгѣ, какъ мы заучивали, а своими словами. Въ лицей была уже принята эта система. Я полюбопытствовалъ и просилъ Васю объяснить мнѣ; онъ взялъ книгу, далъ мнѣ прочитатъ страницу и потребовалъ разсказать своими словами; помню, я и начать не могъ, онъ разсказалъ. Три урока—и я попалъ на ладъ.

Памятный мнѣ классъ у Гребенщикова. Маркъ Филипповичъ Горковенко спрашиваетъ изъ навигаціи и требуетъ отвѣчать своими словами, а не по книгѣ; никто не отвѣчалъ; я успѣлъ прочитатъ и бойко отвѣчалъ своими словами; Горковенко, этотъ святой труженикъ, въ восторгѣ,—я первый угодилъ ему.

Этот случай высоко поставил меня въ классѣ. Помню, Подушкинъ всѣмъ не зналъ урока, и теперь удивляюсь, какъ могло такъ сильно огорчать благороднаго Горковенко: онъ искренно былъ огорченъ незнаніемъ Подушкина; помню даже слова Горковенко:

— „Ужь ты, болванъ Подушкинъ, негодай, подь, подь, посмотри на лѣстницу къ директору, тамъ увидишь ямки на каменныхъ ступенькахъ, эти ямки сдѣлалъ твой отецъ головою, кланяясь, чтобы тебя приняли въ корпусъ, а ты уже, скотина, не учишься!“ и проч., а ко мнѣ ласково: „ужь батюшка Эразмъ ¹⁾), спасибо, иди на свое мѣсто“.

Досталась брань всѣмъ лучше меня учившимся.

Въ классѣ я сидѣлъ на дальнемъ концѣ стола отъ классной доски, по правую сторону меня сидѣлъ Савинъ, по лѣвую Лутковскій, а противъ меня Кумбакинъ и Сновидовъ. Эти четверо были не изъ бойкихъ, были поручены мнѣ, говоря по нынѣшнему — какъ репетитору. Я въ одномъ изъ моихъ воспоминаній сказалъ, что хожу точно по кладбищу, и точно, о комъ не вспомню — покойникъ. На сей разъ радостно вспоминаю о моемъ бывшемъ ученикѣ и миломъ товарицѣ Петрѣ Степановичѣ Лутковскомъ; только одного и знаю живымъ; онъ вице-адмиралъ, съ честью состоитъ (1879 г.) въ совѣтѣ адмиралтейства. Припомните, ваше пр—во, гардемаринскій классъ Гребенщикова, котораго почему-то мы звали Федрио-Санго; припомнивъ, вы не можете забыть Эразма Стогова; есть и еще случай, почему я вамъ памятенъ, но поскромничаю,—про молчу.

Память у меня была хорошая; бывало, учитель покажетъ на классной доскѣ формулу, я тутъ же показываю четыремъ моимъ товарищамъ. Петръ Степановичъ имѣлъ способности, но полѣнчивался, а трое очень трудно понимали, приходилось не по одному разу толковать имъ; это сдѣлало то, что я не имѣлъ нужды учить, твердо заучивалъ, показывая и толкуя нѣсколько разъ.

Забылъ важный эпизодъ корпуса, прошу извинить, давненько было! Отъ Наполеона нашъ корпусъ посадили (въ 1812 г.) на

¹⁾ По особенности имени, меня всѣ звали по имени, а не по фамиліи.

корабли и перевезли въ Свеаборгъ. Боже мой, сколько было гордой радости, что мы на корабляхъ и въ морѣ.

Въ Свеаборгѣ насъ помѣстили въ такъ называемый дворецъ; вмѣсто кроватей, намъ дали офицерскія койки; въ Свеаборгѣ мы не учились. Въ комнатѣ, гдѣ я спалъ, была одна койка, на которую кто ляжетъ спать, тотъ заболѣваетъ горячкѣю, такъ было съ тремя кадетами; я былъ смѣлый шалунъ, самонадѣянно легъ спать въ эту койку и опомнился — въ лазаретѣ. Послѣ меня койку сожгли. Говорятъ, я дней 7 бредилъ, но вотъ странность, я и теперь подробно могу рассказать весь бредъ свой послѣдовательно.

Выписали меня въ Рождество, насъ кормили отлично, а въ Рождество дали намъ по жареному рябчику; я должно быть былъ еще слабъ, но всегда жадеиъ, какъ и теперь: я объѣлся и заболѣлъ другой горячкѣю, и опять помню свой бредъ.

Превосходный докторъ, нашъ общій любимецъ Василій Кириловичъ Жуковъ, въ понятіи нашемъ былъ герой. Большой черный мужчина, еще молодой, бывало фельдшера пьяницу Басарчина, съ одной оплеухи, заставитъ два раза перекувырнуться; разъ докторъ приподнялъ колоколь, вѣроятно, пудовъ 6—7; физическая сила всѣхъ мальчишекъ приводитъ въ восторгъ. Еще чѣмъ Жуковъ покорилъ насъ. Разъ на улицѣ ночью онъ упалъ и сломалъ себѣ ногу на половинѣ ниже колѣна; ему перевязали, кость срослась, но оказался кусокъ косточки высунулся, а докторъ ходилъ въ шелковыхъ чулкахъ; это безобразіе такъ не понравилось ему, что этотъ могучій силачъ положилъ ногу между стульевъ и кулакомъ сломалъ свою ногу вновь, самъ перевязалъ и кость срослась правильно. Чтобы не забыть, въ 1840-хъ годахъ, въ Кіевѣ, въ канцеляріи, докладываютъ мнѣ: изъ Житомира инспекторъ врачебной управы Жуковъ, — входитъ, я встрѣчаю его.

— Здравствуйте, Василій Кириловичъ!

Старикъ деньми ветхій, но еще видѣнъ остатокъ мощнаго человѣка, сильно былъ изумленъ, какъ я его знаю, и еще болѣе изумился, когда я благодарилъ его за избавленіе меня отъ двухъ горячекъ въ Свеаборгѣ. Много мы вспоминали старины, напомнилъ я ему, какъ онъ самъ вторично сломалъ ногу, старикъ, вздохнувъ, сказалъ: „молодость—глупость!“ Старикъ пришелъ

просить помощи, запутали его въ пустомъ дѣлѣ. За двѣ горячки я распуталъ его дѣло и старикъ уѣхалъ счастливый.

Кстати, при такомъ множествѣ кадетъ-дѣтей, умершихъ въ корпусѣ при Жуковѣ не было; пріѣзжалъ въ лазаретъ раза два въ недѣлю лейбъ-медикъ докторъ Лейтонъ, какъ консултантъ, пройдетъ по лазарету и уѣдетъ. Въмѣсто любимца нашего Жукова явился докторъ—сынъ Лейтона, воспитанный въ Англии, очень молодой, худо говоритъ по русски. Весьма скоро сынъ Лейтона двумъ горячечнымъ обрилъ головы и поставилъ на головы мушки, кадеты умерли. Говорили, что Карцовъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что въ сына Лейтона пустилъ табуретомъ и болѣе его не видали.

Изъ Свеаборга насъ перевезли берегомъ — должно быть въ мартѣ или въ концѣ февраля 1813 г.

Итакъ, я гардемаринъ 1813 года, мая 13 дня; съ этого дня считается моя служба государю и государству. Этотъ день открываетъ мнѣ дорогу въ адмиралы, какъ бывшему уважаемому мною милому товарищу однокашнику Петру Степановичу Лутьевскому. Но плыва по теченію моря житейскаго, разныя струи его приносятъ къ разнымъ гаванямъ. Много насъ было полныхъ силъ и надеждъ, но гдѣ всѣ? Знаю только одного Петра Степановича, онъ моложе меня и еще несетъ паруса, дай Богъ попутнаго вѣтра и долгаго, долгаго плаванія на пользу службы государю и отечеству. Я 28 лѣтъ какъ бросилъ уже якорь, разрушилъ свой житейскій корабль, сначала принялся за плугъ, и тотъ недавно оставилъ. Въ тишинѣ, довольствѣ любуясь внуками, устроилъ свою жизнь безъ заботъ, безъ желаній и безъ надеждъ, пока донесетъ струя до послѣдней общей гавани. Оживляю въ воспоминаніяхъ за три четверти столѣтія.

Гардемаринъ дѣлаетъ три плаванія въ морѣ, исполняя обязанность матроса и по очереди офицера.

Сколько радости, гордаго довольства отъ чувства самобытности, когда я надѣлъ парусинную блузу! Какъ я старался перепачкаться смолою, вооружая фрегатъ „Милый“, который стоялъ на Невѣ у набережной корпуса; на этомъ фрегатѣ я и дѣлалъ первую морскую кампанію; исполненіе должности матроса послѣ мнѣ очень пригодилось: будучи командиромъ, я не затруднялся

научить команду до малѣйшей подробности. Я былъ назначенъ марсовымъ, безъ труда завоевалъ мѣсто на марсарен; воображаю, сколько было зависти у товарищей, когда я во время качки бѣжалъ по реѣ крѣпить штыкъ-болтъ. Славное было время! Кормили насъ прекрасно, довольно часто купались, на шалости офицеры смотрѣли снисходительно, дозволялось все, что развивало мускульную систему и укрѣпляло нервы—влѣзть по одному фордону, спуститься внизъ головой съ быстротою падающаго камня—все дозволялось.

Забылъ сказать историческую вещь.

Фрегатъ „Милый“ вооруженъ въ июнѣ. Я стоялъ на вахтѣ и записалъ въ журналъ: „въ два часа пополудни, противъ теченія по Невѣ, прошелъ стимъ-ботъ (тогда не называли пароходъ) Берда, на которомъ прослѣдовала государыня императрица; экипажъ фрегата стоялъ на борту безъ шапокъ“. Помнится, это было въ 1814 году.

Пожалуй забуду, никто не знаетъ, какъ родилось и получило гражданство—слово „пароходъ“. Мнѣ рассказывалъ въ Камчаткѣ Петръ Ивановичъ Рикордъ:

— „Захожу я въ Гречу, онъ составляетъ торопливо статью для „Сѣверной Пчелы“, задумался и говоритъ съ досадою: только возмись за перо, безъ иностранныхъ словъ не обойдешься, ну что такое для русскаго человѣка выражаетъ — Стимъ-ботъ? досадно, а пишешь! Я ходя по комнатѣ, не думавши, сказалъ: а почему бы не назвать—пароходъ? Гречь былъ очень радъ, повторилъ нѣсколько разъ, пароходъ, пароходъ—прекрасно! и перекрестилъ тутъ же—стимъ-ботъ въ пароходъ“.

Второй походъ гардемариномъ я дѣлалъ на бригѣ „Симеонъ и Анна“. Произошла реформа; третій годъ, послѣдній моего гардемаринства, насъ размѣстили по кораблямъ крейсирующей эскадры; я попалъ на корабль „Святославъ“, капитанъ корабля Терновскій. Теорія дать намъ случай имѣть болѣе практики на военныхъ корабляхъ была хороша, но на практикѣ—не оправдалась. На корпусныхъ судахъ во весь походъ мы продолжали учиться, дѣлали счисленіе, были вахтенными лейтенантами по очереди, брали пеленги и проч. Корпусные офицеры продолжали классы на практикѣ. На корабляхъ насъ ласкали, отлично кор-

мили и никто нами не занимался; были мы росписаны по вахтамъ, но не требовалось исполненія. Можетъ быть, одинъ я воспользовался практикою. Я былъ въ вахтѣ тогда знаменитаго во флотѣ лейтенанта Александра Павловича Авинова, его звали — первый лейтенантъ. Я почтительно просилъ его научить меня управленію кораблемъ; этотъ превосходный человѣкъ ласково приказалъ мнѣ стоять около себя и, при всякомъ маневрѣ, объяснялъ моменты движенія парусовъ, скоро поручилъ мнѣ руль и я командовалъ; это принесло мнѣ большую пользу въ послѣдствіи; онъ почему-то звалъ меня маіоромъ.

1879—1880 гг.

Эразмъ Стоговъ.

Послѣдніе дни жизни Эразма Ивановича Стогова.

Письмо его дочери къ ред. „Русской Старины“.

12 марта 1881 г. Снитовка.

«Главная черта характера моего отца была необыкновенная сила воли, твердость. Онъ 35 лѣтъ курилъ сигары, лѣтъ 10 тому назадъ нашель, что это ему вредно, и больше не курилъ. Всю жизнь свою онъ очень любилъ преферансъ; однажды, замѣтивъ, что партнеры играютъ съ нимъ не для собственнаго удовольствія, а изъ любезности, онъ навсегда пересталъ играть. Онъ могъ терпѣть голодь, жажду, холодъ, для него, кажется, не существовало выраженіе «не могу».

Цѣлые дни отецъ проводилъ въ своей комнатѣ, до обѣда читалъ, а послѣ обѣда—писалъ, «чтобы не заснуть». Много счастливыхъ минутъ доставила ему «Русская Старина»; писать для нея было ему наслажденіемъ.

Вы, Мих. Ивановичъ, могли замѣтить изъ его писемъ, какъ отецъ слѣдилъ за всѣми современными вопросами и какъ живо всѣмъ интересовался, хотя и не всему сочувствовалъ. Идеаломъ всей его жизни былъ покойный Николай I-й; онъ ставилъ его на недосыгаемую высоту и поклонялся ему усердно и пламенно.

Отецъ всегда былъ въ хорошемъ расположеніи духа, говорилъ, шутилъ и смѣялся очень охотно. Со всѣми посторонними, безъ различія званія, положенія и состоянія—онъ былъ всегда внимателенъ, любезенъ и привѣтливъ. Молился онъ всегда долго и усердно, но духовенства не жаловалъ.

Здоровьемъ пользовался завиднымъ: не испыталъ въ жизни своей головной боли, не горбился, не кашлялъ, какъ другіе старики, а кушалъ какъ юноша. Лицо и руки у него были бѣлыя, гладкія и безъ морщинъ, а глаза блестящіе и живые, какъ у молодого. Никогда не пилъ ни капли вина, водки, пива, если же приходилось кушать ему вино въ пирожномъ, жаловался на непріятное ощущеніе: «въ вис-

кахъ стучитъ, лицо горитъ». Это отвращеніе отъ вина наслѣдственное, то же было у покойнаго дѣда, жившаго очень долго, то же и у моего сына и у меня.

Съ дѣтьми своими отецъ былъ всегда очень строгъ и требователенъ, но такъ любилъ насъ, что не отдалъ ни одной изъ дочерей въ институтъ, куда имѣлъ право помѣстить на казенный счетъ всѣхъ. Роскошь и развлеченіе преслѣдовалъ строго, но дѣти были всегда веселы, хотя круглый годъ носили ситцевыя платья, учились цѣлые дни и чужихъ дѣтей видѣли только во время уроковъ танцевъ. Всѣ дочери вѣрили, что онѣ бѣдны. За то, выйдя замужъ, получивъ свободу и право пользоваться удовольствіями, жизнь казалась раемъ земнымъ, вкусы же остались у всѣхъ очень умѣренные, къ роскоши не пріучились. Когда дочери выросли, онъ сдѣлался самымъ снисходительнымъ другомъ ихъ, къ внукамъ же былъ безконечно добръ и ласковъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1874 г., отецъ выдалъ замужъ послѣднюю дочь и далъ намъ дарственную на свои имѣнія (около 4,000 десятинъ) съ тѣмъ, чтобы мы (я съ мужемъ) жили съ нимъ. Такъ жили мы мирно, счастливо, до конца августа 1880-го года; отецъ былъ веселъ и здоровъ, побаливала у него лѣвая нога, но онъ не обращалъ на это вниманія.

22-го августа уѣзжалъ послѣ каникулъ мой сынъ въ Кіевъ; это былъ большой любимецъ дѣдушки, который въ немъ души не чаялъ.

Прощавшись съ дѣдушкой, мальчикъ вышелъ отъ него весь заплаканный, растроганный: «Я никогда не думалъ, что дѣдушка такъ любить меня! Какъ онъ плакалъ, добрый дѣдушка!»

Послѣ отъѣзда любимаго внука, отецъ сталъ грустить, чего прежде съ нимъ никогда не было, сталъ жаловаться на недостатокъ аппетита и, наконецъ, не приказалъ себѣ вовсе подавать обѣда. Мы думали, что отецъ испортилъ себѣ желудокъ, но онъ долго не кушалъ, принималъ свои пилюли, которыми лѣчился много лѣтъ, а аппетитъ все не возвращался.

30-го августа 1880 г. онъ скушалъ кусочекъ пирога за здоровье именинника, а потомъ ужъ крошки въ ротъ не взялъ до конца, т. е. до 17-го сентября 1880 г. По утрамъ онъ пилъ свою чашку кофе и этимъ былъ сытъ на цѣлый день. Не смотря на такую діету, отецъ чувствовалъ себя бодрымъ и продолжалъ свои занятія, по прежнему.

4-го сентября 1880 г. я подала ему его кофе и, когда спросила о здоровьи, онъ мнѣ сказалъ:

— «Знаешь ли, Юша, это вѣдь у меня не испорченность желудка,

это смерть приходит! Я замѣтилъ сегодня, что у меня на желудкѣ онѣмѣла кожа, вѣроятно то же произошло и внутри, а это—смерть».

Говорилъ это бѣдный отецъ съ такою ясностью, съ такимъ поразительнымъ спокойствіемъ, точно не о немъ рѣчь идетъ! Видя мои слезы: «не плачь, Юша, о чемъ плакать? Ты видишь, я говорю безъ отчаянія, безъ горечи, пожилъ долго и счастливо, благодарю Господа и безъ ропота пойду, когда Онъ призываетъ меня!»

Мнѣ больно было видѣть его спокойствіе и покорность волѣ Божіей, я знала, какъ онъ страстно любилъ жизнь!

Послѣ долгихъ утѣшеній мнѣ и безконечно ласковыхъ, нѣжныхъ словъ, отецъ всталъ со своего кресла, научилъ меня отпирать секретный замокъ своего денежнаго ящика, «а то ломать придется», другой ключъ отдалъ мнѣ, «а то забудешь отъ чего онъ, некого спросить будетъ!» Все это съ полнымъ спокойствіемъ, ни разу голосъ не дрогнулъ. О докторѣ отецъ и слышать не хотѣлъ: «Не поможетъ онъ мнѣ, отъ смерти нѣтъ лѣкарства!» Едва выпросила позволеніе пригласить врача, для моего спокойствія.

Лекарства онъ всѣ принималъ безропотно, но ни минуты не сомнѣвался въ ихъ бесполезности.

11 сентября 1880 г. хотѣлъ перейти отъ кресла къ кровати и не могъ, сказалъ: «ножки отказались служить», и опять-таки со спокойной улыбкой, безъ испуга, безъ огорченія. Съ этого дня я не отходила отъ дорогаго больнаго, ночи проводила въ его креслѣ. Спалъ онъ тихо и спокойно, какъ дитя. Проснувшись, всякій разъ улыбался мнѣ самой счастливой улыбкой. На всѣ вопросы мои отвѣчалъ: «слава Богу, ничего не болитъ». И такъ ни жалобы, ни стона до конца.

Одна изъ сестеръ моихъ гостила тогда у меня, другихъ двухъ я вызвала телеграфами; онъ имъ былъ ужасно радъ, но о близкой кончинѣ своей не говорилъ имъ ни слова,—вѣрно не хотѣлъ заранѣе огорчать ихъ.

14-го сентября 1880 г. нашъ бѣдный больной сталъ забываться, спрашивалъ гдѣ мы живемъ? Не могъ вспомнить названія нашего уѣзднаго города. Но и тутъ онъ говорилъ только о своихъ дочеряхъ, молился объ ихъ счастіи. Со мной былъ все время такъ ласковъ, такъ нѣженъ, что я и теперь не могу безъ слезъ вспомнить объ этомъ!

16 сентября исповѣдался и приобщился съ радостью и благоговѣніемъ; тутъ онъ совершенно пришелъ въ себя. Опять ласково уговаривалъ меня не плакать, не горевать о немъ, просилъ похоронить его рядомъ съ матерью (покойною давно) около церкви, просилъ поставить памятникъ и рѣшетку, такіе, какъ у матери.

Ночь послѣ этого отецъ провелъ не совсѣмъ покойно. Нѣсколько разъ просыпался, просилъ помочь ему посидѣть. Подниму моего голубчика, посидитъ, прислонившись ко мнѣ, поблагодарить и просить опять положить его. Къ утру заснулъ тихо, спокойно и крѣпко.

Всѣ въ домѣ встали, приходили на ципочкахъ узнать о здоровьи больного,—онъ не просыпался.

Въ два часа пріѣхалъ докторъ изъ Кіева и сказалъ, что отецъ уже не проснется, хотя дыханіе его было ровно и спокойно, а пульсъ, по словамъ доктора, сильный, какъ у здороваго.

Докторъ предложилъ мнѣ оживить отца на нѣсколько часовъ, но я пожалѣла его, не дала мучить. Не смотря на увѣщаніе доктора, я продолжала сидѣть около отца, онъ продолжалъ также спокойно спать.

17-го сентября, около 6 часовъ вечера, сталъ дышать рѣже, тише, тише, потомъ—совсѣмъ пересталъ.

Вотъ все, что я могла рассказать вамъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, о послѣднихъ дняхъ вашего сотрудника и почитателя.

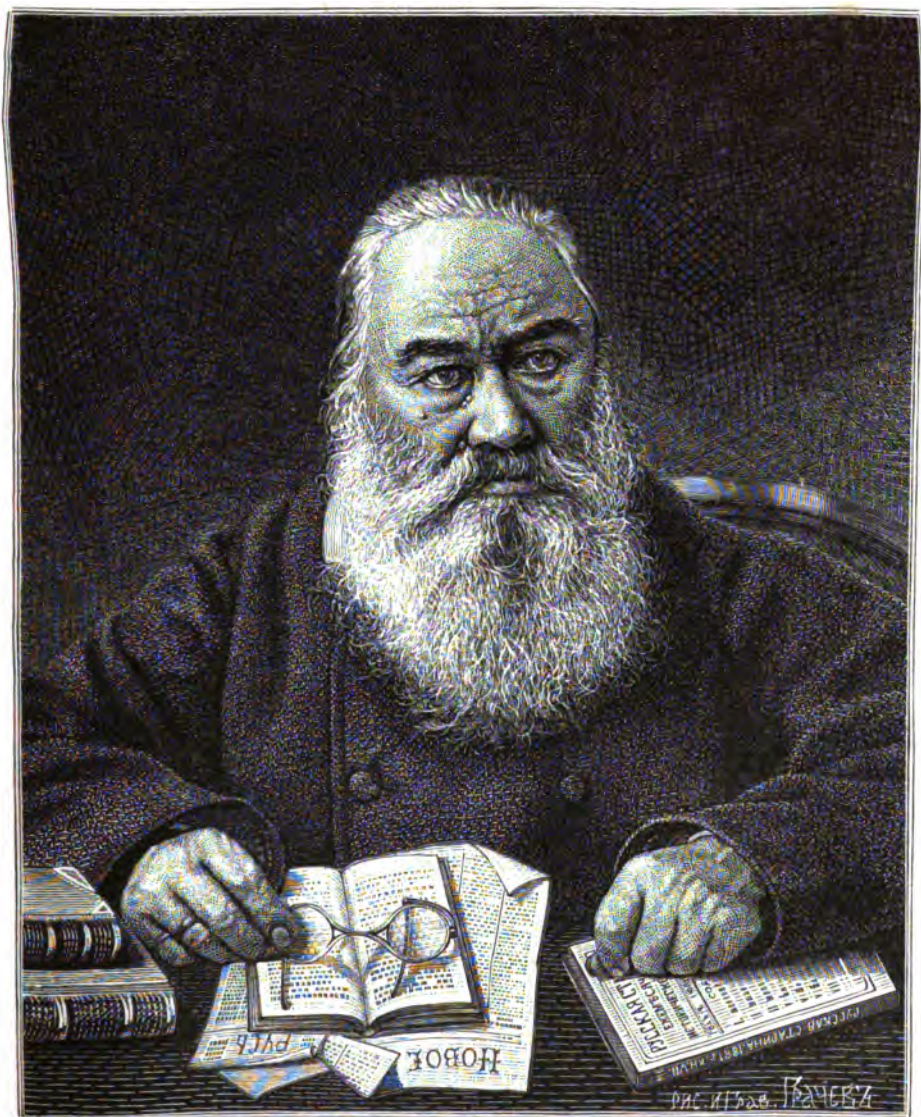
Скончался мой отецъ, Э. И. Стоговъ, на 83-мъ году своей жизни.

Г. Э. Змунчила,
рожденная Стогова.

ЭРАЗМЪ ИВАНОВИЧЪ СТОГОВЪ.

† 17 СЕНТЯВРЯ 1880 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 8 АПРЕЛЯ 1882 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЪЗМЪГЪ.

Digitized by Google

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ его письмахъ къ М. С. Щепкину.

Письма эти были уже напечатаны въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя“, изданныхъ г. Кулишемъ, но съ пропусками болѣе или менѣе значительными, съ сокрытіемъ фамилій подъ различными буквами и съ нѣкоторыми ошибками. Здѣсь эти письма печатаются безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій съ оригиналовъ, переданныхъ въ мое распоряженіе М. В. Лентовскимъ. Въ приложеніи помѣщаемъ письмо Щепкина къ Гоголю, которое до сихъ поръ не было издано вполнѣ.

Н. Тихонравовъ.

I ¹⁾.

1836. Спб. Апрѣля 29.

Наконецъ, пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва-ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ происходитъ. Явленіе точно очень замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ, наконецъ, рѣшаются изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ «Ревизора». Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ къ лѣнивцу 1-й гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, Погодину, чтобы онъ увѣдомилъ васъ. Хотѣлъ даже послать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственно-гласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя, я знаю, чрезвычайно трудно послѣ искоренить. Но, познакомившись съ здѣшнею театральною дирекціею, я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ,

---

¹⁾ Ср. Сочиненія и письма Гоголя изд. Кулиша, V, 253—255.

въ силѣ удержать и поѣздку въ Москву, и попытку хлопотать о чемъ либо. Къ довершенію, наконецъ, возможнѣйшихъ мнѣ пакостей здѣшняя дирекція, то есть директоръ Гедеоновъ, вздумалъ, какъ слышу я, отдать главныя роли другимъ персонажамъ послѣ четырехъ представленій ея, будучи подвинутъ какою-то мелочною личною ненавистью къ нѣкоторымъ главнымъ актерамъ въ моей пьесѣ, какъ-то: къ Сосницкому и Дюру.—Мочи нѣтъ. Дѣлайте, что хотите съ моею пьесой, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла также, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ. Полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы ¹⁾ противъ меня. Бранять и ходить на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значить быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человекъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ чтонибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ болѣе и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любить, между тѣмъ, братскою любовью ²⁾. (Прощайте) ³⁾. Комедию мою, читанную мною вамъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Женитьба», я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на чтонибудь путное ⁴⁾. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ здѣсь и въ Москвѣ, что, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, (о ней) ⁵⁾ вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу. Самъ же черезъ мѣсяца полтора, если не раньше, ѣду за границу и потому совѣтую вамъ, если (вамъ) ⁶⁾ имѣется ко мнѣ надобность, не медлить вашимъ отвѣтомъ и меньше предаваться общей нашей пріятельницѣ лѣни.

Прощайте. Отъ души обнимаю васъ и прошу не забывать вашего стараго земляка, много, много любящаго васъ Гоголя.

¹⁾ Въ подлинникѣ: „литературы“.

²⁾ Прежде было написано: „который любить между тѣмъ (ихъ сердце съ) братскою любовью“.

³⁾ Зачеркнуто.

⁴⁾ Въ оригиналѣ: „путнее“.

⁵⁾ Зачеркнуто.

⁶⁾ Зачеркнуто.

Раздайте прилагаемые при семь экземпляры по принадлежности. Неподписанный экземпляр отдайте по усмотрѣнію, кому разсудите ¹⁾.

II ²⁾.

1836. Мая 10. Спб.

Я забылъ вамъ, дорогой Михайль Семеновичъ, сообщить кое-какія замѣчанія предварительныя о «Ревизорѣ». Во первыхъ, вы должны непременно изъ дружбы ко мнѣ взять на себя все дѣло постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ. Но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, должны взять роль городничаго, иначе она безъ васъ пропадетъ. Есть еще труднѣй роль во всей піесѣ — роль Хлестакова. Я не знаю, выберете-ли вы для нея артиста. Боже сохрани, если ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсь театральныхъ. Онъ просто глупъ, болтаетъ ³⁾, потому только что видитъ, что его расположены слушать; вретъ, потому что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина. Вертлявъ онъ тогда только, когда подѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается ⁴⁾, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть фраза или рѣченіе, есть экспромтъ совершенно неожиданный и потому должно выражаться отрывисто. Не должно упустить изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-по-малу разбирать. Но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выразиться еще неожиданныѣе и, чѣмъ далѣе, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здѣсь была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ. Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ: многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ-ли бы могъ быть слишкомъ быть (sic!) полезнымъ. За то по возвратѣ изъ-за границы я намѣренъ основаться у васъ въ Москвѣ... Съ здѣшнимъ климатомъ я совершенно въ раздорѣ. За границей пробуду до весны, а весною къ вамъ.

¹⁾ Последняя фраза приписана съ боку письма.

²⁾ Ср. Озачиненія и письма Гоголя, V, 256—257.

³⁾ Написано вмѣсто зачеркнутаго: „вретъ“.

⁴⁾ Вмѣсто зачеркнутаго: „Когда завирается“.

Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ. Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте ему, какъ сдѣлани(ое) ¹⁾ мною. Да еще: не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны ²⁾. Это ихъ одѣлъ Храповицкій. Я мало входилъ въ эти мелочи и приказалъ напечатать по театральному. Тотъ, который имѣеть свѣтлые волоса, долженъ быть въ темномъ фракѣ, а брюнетъ, т. е. Бобчинскій, долженъ быть въ свѣтломъ. Нижнее обѣимъ — темные брюки. Вообще, чтобы не было форсирован... ³⁾. Но брюшки у обѣихъ должны быть непремѣнно и притомъ остренькія, какъ у беременныхъ женщинъ.

Покаместъ прощайте. Пишите. Еще успѣете. Ёду не раньше ⁴⁾ 30 мая или даже, можетъ, первыхъ іюня. Н. Гоголь.

Кланяйтесь всѣмъ вашимъ отраслямъ домашнимъ, моимъ землячкамъ и землякамъ.

III ⁵⁾.

Мая 15-го. С. Петербургъ.

Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой уже рѣшенъ. Знаю, что вы всѣ приняли бы меня съ любовью. Мое благодарное сердце чувствуетъ это. Но не хочу и я тоже съ своей стороны показаться ⁶⁾ вамъ скучнымъ и не раздѣляющимъ вашего драгоценнаго для меня участія ⁷⁾. Лучше я съ гордостью понесу въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы моей родины и берегу ее, какъ святыню, въ чужой землѣ. Притомъ, если бы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ. Во первыхъ, потому что охладѣлъ къ ней; во вторыхъ, потому что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики.

¹⁾ Въ этомъ словѣ послѣднія двѣ буквы не написаны.

²⁾ Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: „напис“.

³⁾ Слово не дописано.

⁴⁾ За этимъ словомъ зачеркнуто: „послѣ“.

⁵⁾ Это письмо безъ означенія гола. Въ изданіи Сочиненій и писемъ Гоголя (V, 259—260) справедливо отнесено Кулишемъ къ 1836 году.

⁶⁾ Послѣ этого слова зачеркнуто „не вопіи“.

⁷⁾ Сначала было написано: „ваше драгоценное для меня участіе“.

Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно ¹⁾, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже лучше, нежели если ²⁾ бы я самъ былъ (вмѣстѣ съ вами) ³⁾. Я получилъ письмо отъ Серг. Тим. Аксакова тремя днями послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, со вложеніемъ письма къ Загоскину. Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгодно для васъ тѣмъ ⁴⁾, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противурѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то пусть остается такъ, какъ порѣшено. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Сер. Т. и скажите ему (при первомъ случаѣ) ⁵⁾, что я умѣю понимать его радужное ко мнѣ расположеніе.

Прощайте. Да любить васъ Богъ и поможетъ вамъ въ вашихъ распоряженіяхъ, а я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною пьесу. Зимой въ Швейцаріи буду писать ее, а весною причаю съ нею прямо въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать. Прощайте еще разъ! Цѣлую васъ нѣсколько разъ. Любите всегда также вашего Гоголя.

Мнѣ кажется, что вы сдѣлали бы лучше, если-бы пьесу оставили къ осени или зимѣ.

Всѣ остающіяся двѣ недѣли до моего отъѣзда я погруженъ въ хлопоты по случаю моего отъѣзда и это одна изъ главныхъ причинъ что не могу исполнить ваше желаніе ѣхать въ Москву ⁶⁾.

---

¹⁾ Слова: „поймете все, какъ должно“, написаны сверху строки въ замѣнъ зачеркнутыхъ: „также понимаете“.

²⁾ Передъ этимъ словомъ стоитъ зачеркнутое „когда“.

³⁾ Заключенное въ скобки зачеркнуто.

⁴⁾ Слово „тѣмъ“ написано сверху зачеркнутого „потому“.

⁵⁾ Заключенное въ скобки зачеркнуто.

⁶⁾ Эта приписка сдѣлана Гоголемъ съ боку первой страницы письма.

IV.

Рязь. Ноябрь 28 ¹⁾).

Здравствуйте, Михаль ²⁾ Семенович! Послѣ надлежащаго лобзанья поведемъ вотъ какую рѣчь: вы уже имѣете «Женитьбу». Не довольно ли этого на одинъ спектакль? Я говорю это въ разсужденіи того, что мнѣ хочется, чтобы вамъ что-нибудь осталось на будущій разъ; а впрочемъ, вы распоряжайтесь ³⁾, какъ вамъ лучше. Вы тутъ полный господинъ. Всѣ драматическіе отрывки и сцены, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ Сочиненій ⁴⁾ (ихъ числомъ пять), всѣ исключительно принадлежать вамъ. Объ этомъ я уже написалъ къ издателю моихъ Сочиненій Прокоповичу и просилъ Плетнева объявить Гедеонову. А вамъ прилагаю нарочно при семъ письмецо, которое вы бы могли показать всякому, кто вздумаетъ оспаривать ваше право ⁵⁾. Только послѣдняя пѣса «Театральный разъѣздъ» остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сценѣ. Сосницкому вы напишите, что, вслѣдствіе прежняго моего желанья, «Женитьба» идетъ вамъ обоимъ, но съ тѣмъ только, чтобы въ одинъ день былъ бенефисъ обоихъ васъ. А между тѣмъ займитесь сурьезно постановкою «Ревизора». Жювакини за похвальное поведеніе можно будетъ уступить который нибудь изъ драматическихъ кусочковъ. Впрочемъ, объ этомъ ⁶⁾ всемъ вы потолкуйте прежде съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ и поступите, какъ найдете приличнымъ. Для успѣшнаго произведенія ⁷⁾ нѣмой сцены, въ концѣ «Ревизора» одинъ изъ актеровъ долженъ скомандовать невидимо для зрителя. Это долженъ сдѣлать жандармъ, произнеся по окончаніи рѣчи тотъ самый звукъ, который

¹⁾ Годъ этого письма означенъ на почтовомъ штемпелѣ: „Direzione di Roma 1 Dec. 42“. Число 28-е ноября выставлено Гоголемъ по новому стилю. На послѣдней страницѣ почтового листка написать адресъ: Moscou, Russie. Михайлу Семеновичу Щепкину. Въ Москвѣ. Близъ Каретнаго ряду. Въ приходѣ Спаса на Пѣскахъ, въ собственномъ домѣ, что на монастырѣ“.

²⁾ Такъ пишетъ Гоголь имя Михайлъ (по выговору) въ этомъ и слѣдующихъ письмахъ и въ недавнемъ Заключеніи Развязки Ревизора (Ср. Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 288).

³⁾ Послѣ этого слова зачеркнуто: „совершенно“.

⁴⁾ Здѣсь разумѣется первое изданіе Сочиненій Николая Гоголя, напечатанное въ четырехъ томахъ, въ Петербургѣ, въ 1842 году.

⁵⁾ Это „письмецо“ напечатано вслѣдъ за этимъ подъ № V.

⁶⁾ Въ подлинникѣ: „это“.

⁷⁾ Въ оригиналѣ переправлено изъ „произведенія“.

издается женщинами—натурально, не открывая рта, попросту икнуть. Это будетъ сигналъ для всѣхъ. «Женитьбу», я думаю, вы уже знаете какъ повести, потому что, слава Богу, человѣкъ вы не холостой. А Живокини, который будетъ женить васъ, вы можете внушить все, что слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что вы слышали меня, читавшаго эту роль ¹⁾. Да вотъ: исправьте одну ошибку въ словахъ Кочкарева, гдѣ говорить онъ о плеваніи. Значится такъ, какъ будто бы ему плевали въ лицо. Это ²⁾ ошибка, происшедшая отъ нерасторопности писца, перепутавшаго строки и пропустившаго. Монологъ долженъ начаться вотъ какъ:

—«Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ нѣсколько разъ плевали. Ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собою мужчина, румянецъ во всю щеку. Егозилъ онъ и надоѣдалъ до тѣхъ поръ своему начальнику, покажѣсть тотъ не вынесъ и плюнулъ ему въ самое лицо» и т. д.

Напишите Сосницкому, что я очень просилъ его, чтобы онъ пріискалъ хорошаго жениха, потому что эта роль хотя не такъ, повидимому, значительна, какъ Кочкарева, но требуетъ таланта ³⁾; и скажите ему, что мнѣ бы очень желалось, чтобы вы сыграли вмѣстѣ въ этой пьесѣ: онъ Кочкарева, а вы—Подколесина. Тогда будетъ славный спектакль. Вы же, я полагаю, вѣрно будете зимою въ Петербургѣ.

Прощайте, обнимаю васъ. Сейчасъ вслѣдъ за этимъ письмомъ отправляю письмо къ Сергѣю Тимофѣевичу. Вѣроятно, вы ихъ получите въ одно время.

Мнѣ кажется, что я вамъ совѣтовалъ вмѣстѣ съ «Женитьбою» дать «Утро дѣловаго человѣка». А впрочемъ, распоряжайтесь по своему.

V ⁴⁾.

Михайло Семеновичъ! Пишу къ вамъ это письмо нарочно для того, чтобы оно служило документомъ въ томъ, что всѣ мои драматическіе сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ Сочиненій, принадлежать вамъ и вы можете давать ихъ, по усмотрѣнію

¹⁾ Сперва было написано: „піэсу“.

²⁾ Затѣмъ зачеркнуто: „непрост“ (непростительная?).

³⁾ Передъ этимъ словомъ зачеркнуто „актера“.

⁴⁾ Это письмо занимаетъ одну первую страницу почтоваго листа; на немъ нѣтъ ни особаго адреса, ни имени и фамиліи лица, къ которому оно написано. „Письмецо“ послано было, какъ приложение, вмѣстѣ съ предшествующимъ (IV) письмомъ, и потому помѣщается нами послѣ него (Ср. Сочиненія и письма Гоголя, V, 501—502).

вашему, въ свои бенефисы. Относительно же комедии «Женитьба» вы устройте по взаимному соглашенію съ Сосницкимъ, такимъ образомъ, чтобы она шла въ одинъ и тотъ же день въ бенефисы вамъ обоимъ на петербургскомъ и московскомъ театрахъ. Н. Гоголь.

Римъ. Ноября 26-го. 1842 года.

VI ¹⁾.

Только что получилъ ваше письмо, Михалъ Семеновичъ, писанное вами отъ 24-го октября. Отвѣчать мнѣ на него теперь нечего, потому что (вы) ²⁾ уже знаете мои распоряженія; три дни тому назадъ я отправилъ къ вамъ письмо ³⁾, которое вы уже, безъ сомнѣнія, получили. Не стыдно ли вамъ быть такъ неблагоразумну: вы хотите все повѣсить на одномъ гвоздѣ, прося на пристяжку къ «Женитьбѣ» новую, какъ вы называете, комедію «Игроки». Во первыхъ, она не новая, потому что писана давно; во-вторыхъ, не комедія, а просто комическая сцена, а въ третьихъ, для васъ даже тамъ нѣтъ роли. И кто васъ толкаетъ непремѣнно наполнить бенефисъ моими пѣсами? Какъ не подумать хотя скольконибудь о будущемъ, которое сидитъ у васъ почти на самомъ носу, напримѣръ, хоть бы о спектаклѣ вашемъ по случаю исполненія вамъ двадцатилѣтней службы. Развѣ вы не чувствуете, что теперь вамъ стоитъ одинъ только какой-нибудь клочекъ мой дать въ свой бенефисъ, да пристегнуть двѣ-три самыя изношенные пѣсы, и театръ уже будетъ набить биткомъ? Понимаете ли вы это? Понимаете ли вы, что имя мое въ модѣ, что я сдѣлался теперь моднымъ человѣкомъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ меня не сгонитъ съ моднаго поприща какойнибудь Боско, Тальони, а можетъ быть, и новая нѣмецкая опера съ машинами и нѣмецкими пѣвцами. Помните себѣ хорошенько, что ужъ отъ меня больше ничего не дождетесь: я не могу и не буду писать ничего для театра. Итакъ, распорядитесь поумнѣе; это я вамъ очень совѣтую. Возьмите на первый разъ изъ моихъ только «Женитьбу» и «Утро дѣловаго человѣка». А на другой разъ у васъ останется вотъ что: «Тяжба», въ которой вы

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, V, 504—506.

²⁾ Это слово пропущено: вмѣсто него въ оригиналѣ зачеркнуто: „дв“.

³⁾ Гоголь разумѣетъ письмо отъ 28-го ноября, напечатанное здѣсь подъ № IV. Настоящее письмо имѣетъ почтовый штемпель: Direzione di Roma. 3 dec. 42.

должны играть роль тяжущагося ¹⁾, «Игроки» и «Лакейская», гдѣ вамъ предстоитъ Дворецкій, — роль хотя и маленькая, но которой вы ²⁾ можете дать большее значеніе. Все это вы можете перемежевать другими пьесами, которыя вамъ Богъ пошлетъ. Старайтесь только, чтобы пьесы мои не слѣдовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежуткомъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь инымъ. Вотъ какъ я думаю и какъ бы, мнѣ казалось, надлежало поступить сообразно съ благоразуміемъ; а впрочемъ, ваша воля. За письмо ваше все-таки васъ много благодарю, потому что оно письмо отъ васъ. А на театральную дирекцію не сѣгуйте, она дѣло свое хорошо дѣлаетъ: Москву подчивали уже всякимъ добромъ, почему-жъ не поподчивать ее нѣмецкими пѣвцами? Что же до того, что вамъ де нѣтъ работы, это стыдно вамъ говорить. Развѣ вы позабыли, что есть старыя заигранныя, заброшенныя пьесы? Развѣ вы позабыли, что для актера нѣтъ старой роли, что онъ новъ вѣчно. Теперь то именно, въ минуту, когда горько душѣ, теперь то вы и должны показать въ лице свѣту, что такое актеръ. Переберите-ка въ памяти вашей старый репертуаръ, да взгляните свѣжими и нынѣшними очами, собравши въ душу всю силу оскорбленнаго достоинства. Заманить же публику на старыя пьесы вамъ теперь легко, у васъ есть приманка, именно мои клочки. Смѣшно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекція все-таки правится публикою, а публикою править актеръ. Вы помните, что публика почти то-же, что застѣнчивая и неопытная кошка, которая до тѣхъ поръ, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою въ соусъ и покажѣсть этотъ соусъ не вымазаль ей и носъ и губъ ³⁾, она до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть соуса, какихъ ни читай ей наставленій. Смѣшно думать, чтобы нельзя было, наконецъ, заставить ее войти глубже въ искусство комическаго актера, искусство такое сильное и такъ ярко говорящее всѣмъ въ очи. Вамъ предстоитъ долгъ заставить, чтобы не для автора пьесы и не для пьесы, а для актера-автора ѣздили въ театръ.

Вы спрашиваете въ письмѣ о костюмахъ, но вѣдь клочки мои не изъ среднихъ-же вѣковъ. Одѣньте ихъ прилично, сообразно и чтобы ничего не было карикатурнаго—вотъ и все! Но объ этомъ въ сто-

---

¹⁾ Помните, что онъ нѣсколько похожъ на охотника, атукающаго на зайца, что при разсказѣ дѣла его мечетъ изъ угла въ уголъ, потому что дѣло слишкомъ близко къ его рубашкѣ или тѣлу.

(Эта выноска приписана Гоголемъ съ лѣваго боку второй страницы письма). Н. Т.

²⁾ Въ подлинникѣ описка: „мы“.

³⁾ Переправлено изъ „губы“.

рону! ¹⁾ Позаботьтесь больше всего о хорошей постановкѣ «Ревизора»! Слышите-ли, я говорю вамъ это очень сурьезно! У васъ, съ позволенья вашего, ни въ комъ ни на копѣйку нѣтъ чутья! Да если-бы Живокіни былъ крошку поумнѣй, онъ бы у меня вымолилъ въ бенефисъ себѣ «Ревизора» и ничего бы другаго вмѣстѣ съ нимъ не давалъ, а объявилъ бы только, что будетъ «Ревизоръ» въ новомъ видѣ, совершенно передѣланный, съ перемѣнами, прибавленіями, новыми сценами, а роль Хлестакова будетъ играть самъ бенефициантъ. Да у него биткомъ бы набилось наро.. ²⁾ въ театрѣ.

Вотъ же я вамъ говорю, и вы вспомните потомъ мое слово, что на возобновленнаго «Ревизора» гораздо будутъ ѣздить больше, чѣмъ на прежняго. И зарубите еще одно мое слово, что въ этомъ году, именно въ нынѣшнюю зиму, гораздо болѣе разнюхаютъ и почувствуютъ значеніе истиннаго комическаго актера. Еще вотъ вамъ слово: вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь. Вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много, который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалаъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было. Вы теперь можете царствовать въ вашей роли, тогда какъ прежде вы все еще какъ-то метались. Если вы этого не слышите и не замѣчаете сами, то повѣрьте же сколько нибудь мнѣ, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь въ этомъ толкъ. И еще вотъ вамъ слово: благодарите Бога за всякія препятствія. Они необыкновенному человѣку необходимы: «вотъ тебѣ бревно подъ ноги, прыгай! А не то подумаютъ, что у тебя куринный шагъ и не могутъ вовсе растопыриваться ноги!» Увидите, что для васъ настанетъ еще такое время, когда будутъ ѣздить въ театрѣ для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесеннаго вами, и когда будутъ взвѣшивать это слово. Итакъ, съ Богомъ за дѣло! Прощайте и будьте здоровы! Обнимаю васъ.

За репетиціями хорошо смотрите и все-таки что-нибудь напишите мнѣ о томъ, что первое окажется у васъ на сердцѣ.

(На четвертой страницѣ этого письма, отправленнаго безъ особаго конверта, слѣдующій адресъ: «Moscou, Russie, Михаилу Семеновичу

¹⁾ Сначала было написано: „довод“.

²⁾ Слѣдуетъ читать: „народу“. Конецъ слова оторванъ: онъ пришелся на мѣстѣ печати.

Щепкину. Въ Москвѣ. Въ приходѣ Спаса на Пѣскахъ близъ Каретнаго ряду. Въ собст. домѣ, на монастырѣ».

Письма четвертое, пятое и шестое писаны на одинаковой бумагѣ, голубоватаго цвѣта).

VII ¹⁾.

Михалъ Семеновичъ! Вотъ въ чемъ дѣло: вы должны взять въ свой бенефисъ «Ревизора» въ его полномъ видѣ, т. е. слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперъ. Для этого вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить личнымъ присутствіемъ ускореніе цензурнаго разрѣшенія. Не знаю, кто театральный цензоръ. Если тотъ самый Геденовъ, который былъ въ Римѣ съ графомъ Васильевымъ и съ которымъ я тамъ познакомился, то попросите его отъ моего имени крѣпко. Во всякомъ случаѣ обратитесь по этому дѣлу къ Плетневу и гр. М. Ю. Вельгорскому, которымъ все объясните и которыхъ участие можетъ оказаться нужнымъ. (Во всякомъ случаѣ) ²⁾ скажите какъ имъ, такъ и себѣ самому, чтобы это дѣло до самого представленія не разглашалось и оставалось бы втайнѣ между вами. Хлестакова долженъ играть Живокини. Дайте непремѣнно отъ себя мотивъ другимъ актерамъ, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами сыграть передъ ними нѣкоторыя роли. Обратите особенное вниманіе на послѣднюю сцену. Нужно непремѣнно, чтобы она вышла картинной ³⁾ и даже потрясающей. Городничій долженъ быть совершенно потерявшимся и вовсе не смѣшнымъ. Жена и дочь въ полномъ испугѣ ⁴⁾ должны обратить глаза на его одного. У зрителя училищъ должны трястись колѣни

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, VI, стр. 275—278. Подлинникъ этого письма не находится въ числѣ писемъ Гоголя, переданныхъ мнѣ М. В. Лентовскимъ. Письмо это отправлено было Гоголемъ изъ Страсбурга при письмѣ на имя Шевырева, отъ 24-го окт. 1846 года. Ср. Сочиненія и письма Гоголя, VI, 274.

²⁾ Слова, заключенныя въ скобки, зачеркнуты.

³⁾ Въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя“, изданныхъ П. А. Кулишемъ (VI, 275), напечатано: картинной, несогласно съ автографомъ письма, въ которомъ очень ясно написано: картинной.

⁴⁾ Слово „испугъ“ написано сверху строки въ замѣнъ зачеркнутого первоначальнаго „страхъ“.

(какъ въ лихорадкѣ) ¹⁾ сильно, у Земленика также. Судья, какъ уже извѣстно, съ присяжкой; почтмейстеръ, какъ уже извѣстно (тоже) ²⁾, съ вопросительнымъ знакомъ къ зрителямъ. Вобчинскій и Добчинскій должны спрашивать глазами другъ у друга объясненія этому всему. На лицахъ дамъ-гостей ядовитая усмѣшка, кромѣ одной жены ³⁾ Лукунчика, которая должна быть вся—испугъ: блѣдна, какъ смерть, и ротъ открытъ. Минуту или минуты двѣ непремѣнно должна продолжаться эта нѣмая сцена, такъ чтобы Коробкиня, соскучившись, успѣлъ попотчивать Растаковского табакомъ, а ктонибудь изъ гостей даже довольно громко сморкнуть въ платокъ. Что же касается до прилагаемой при семь «Развязки Ревизора», которая должна слѣдовать тотъ же часъ послѣ «Ревизора», то вы, прежде чѣмъ давать ее разучать актерамъ, вчитайтесь хорошенько въ нее сами, войдите въ значеніе и въ крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ какъ бы вамъ пришлось всѣ эти роли сыграть самому; и когда войдутъ они вамъ въ голову всѣ, соберите актеровъ и прочитайте имъ, и прочитайте не одинъ разъ,—прочитайте раза три, четыре, или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольку строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинѣ; потому что это—споръ, и споръ живой, а не правоученіе. Горячиться не долженъ никто, кромѣ развѣ Семена Семеновича; но слова произносить долженъ всякъ нѣсколько погромче, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, потому что это споръ. Николай Николаичъ долженъ быть даже отчасти крикливъ, Петръ Петровичъ съ нѣкоторымъ заливомъ. Вообще было бы хорошо, если бы каждый изъ актеровъ держался сверхъ того еще какогонибудь ему извѣстнаго типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Онъ долженъ скопировать того, котораго онъ зналъ (какъ) ⁴⁾ говорящаго лучше всѣхъ по русски. Хорошо бы, если-бы онъ могъ нѣсколько придерживаться Американца Толстаго. Николаю Николаевичу должно, за неимѣніемъ другаго, придерживать (sic!) Николая Филипповича Пав. ⁵⁾, потому что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ, притомъ въ него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взялъ съ Николая

¹⁾ Слова, заключенныя въ скобки, зачеркнуты Гоголемъ.

²⁾ Слово „тоже“ зачеркнуто.

³⁾ Прежде было написано: „кромѣ охотницы“, потомъ послѣднее слово зачеркнуто.

⁴⁾ Слово „какъ“ зачеркнуто.

⁵⁾ Фамилія Н. Ф. Павлова не дописана Гоголемъ.

Михалов. Заг. 1). Вамъ-же вотъ замѣчаніе. Старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣй, какъ бы вы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ расчувствоваться. Вы расхныкаетесь и выйдетъ у васъ просто чортъ знаетъ что. Лучше старайтесь такъ произнести слова, хотя самыя близкія къ вашему собственному состоянію душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать: впечатлѣніе будетъ отъ этого нѣсколько разъ сильнѣй. Старайтесь заблаговременно, во время чтенія своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простымъ, но понимающимъ языкомъ, почти такъ, какъ начальникъ артели говорить своимъ работникамъ, когда выговариваетъ имъ или попрекаетъ въ томъ, въ чемъ дѣйствительно они провиновались 2). Вашъ большой порокъ въ томъ, что вы не умѣете выговорить твердо всякого слова; отъ этого вы неполный владѣлецъ собою въ своей роли. Въ Городничемъ вы лучше всѣхъ вашихъ другихъ ролей, именно потому, что 3) почувствовали потребность 4) говорить выразительнѣй. Будьте же и здѣсь и въ «Развязкѣ Ревизора» тѣмъ-же Городничимъ. Берегите себя отъ сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у васъ само собою, за нимъ не бѣгайте; бѣгайте за тѣмъ, какъ бы стать властелиномъ себя. Обо всемъ этомъ не сказывайте никому въ Москвѣ, кромѣ Шевырева по тѣхъ поръ, покуда не возвратитесь изъ Петербурга. У васъ языкъ немножко длинноватъ: вы его на этотъ разъ поукоротите. Если-жъ онъ начнетъ слишкомъ почесываться, то вы придите въ другой разъ къ Шевыреву и расскажите ему вновь, какъ бы вы рассказывали свѣжему и совсѣмъ другому человѣку. «Развязку» нужно будетъ переписать, потому что кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ, которому отдастъ Плетневъ, ибо «Ревизоръ» долженъ напечататься отдѣльно съ «Развязкой», ко дню представленія, и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы при вашемъ вызовѣ, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что «не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цѣли, сей же часъ по выходѣ изъ театра купить «Ревизора» въ театральной же лавкѣ»; а кто

1) Фамилія Загоскина въ подлинникѣ не дописана; въ имени и отчествѣ Гоголь сшибся: Загоскина звали Михаилъ Николаевичъ.

2) Сначала (смыло написано: „виноваты“, потомъ это слово зачеркнуто и замѣнено словомъ „провиноватились“.

3) Слово „что“ въ подлинникѣ пропущено.

4) Слова „почувствовали потребность“ приписаны сверху строки въ замятъ: ачеркнутаго „заставлены“.

раззохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ для большей вѣрности; а вы эти деньги потомъ препроводите къ Шевыреву, но объ этомъ рѣчь еще впереди. Довольно съ васъ покамѣсть этого. И такъ, благословясь, поѣзжайте съ Богомъ въ Петербургъ. Венефисъ вашъ будетъ блистателенъ; не глядите на то, что пѣса заиграна и стара. Будетъ къ этому времени такое обстоятельство, что всѣ пожелаютъ вновь увидать «Ревизора», даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ давался прежде. Сборъ вашъ будетъ съ верхомъ полонъ (объ этомъ не заботьтесь) ¹⁾. Поговорите съ Сосницкимъ, чтобы увидать, можно ли то-же самое сдѣлать и въ Петербургъ, сколько возможно, такимъ образомъ, какъ (и) ²⁾ въ Москвѣ. Прежде его испытайте: онъ немножко упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Скажите ему, что это стыдно и не въ христіанскомъ духѣ имѣть такое гордое мнѣніе въ своей безошибочности и что онъ первый, еслибы только захотѣлъ истинно постараться о томъ, чтобы послѣдняя сцена вышла такъ, какъ ей слѣдуетъ быть, она бы сдѣлалась чистая натура. Не примѣтилъ бы зритель никакой искусственности и принялъ бы ее какъ за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русскаго человѣка нѣтъ невозможнаго дѣла, что нѣтъ даже на языкѣ его и слова «нѣтъ», если онъ только прежде выучился говорить всякимъ собственнымъ страстишкамъ: «нѣтъ».

Письмо это дайте прочесть Шевыреву также, какъ и самую «Развязку Ревизора», и о полученіи всего этого увѣдомьте меня тотъ же часъ, адресуя въ Неаполь *poste restante*. Весь вашъ Г.

VIII ³⁾.

Пишу къ вамъ еще нѣсколько строкъ ⁴⁾, Михалъ Семеновчъ. Если вы совершенно сошлись и условились съ Сосницкимъ относительно постановки «Ревизора» въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Сосницкому, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что

¹⁾ Поставленное въ скобкахъ зачеркнуто въ письмѣ.

²⁾ Слово „и“ зачеркнуто.

³⁾ Это письмо, напечатанное уже въ Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя (VI, 278—279), было послано изъ Нидцы. Время отправленія опредѣляется письмомъ Гоголя къ Сосницкому отъ 2-го ноября 1846 года, которое вложено было въ одинъ конвертъ съ настоящимъ письмомъ къ Щепкину. Ср. третью выноску къ настоящему письму.

⁴⁾ Въ дополненіе къ предшествующему письму о постановкѣ Ревизора,

нибудь нужное и для собственнаго соображенія ¹⁾). По дѣлу хлопочите живо и никакъ не пропускайте бывать у всѣхъ, у кого слѣдуетъ. У графа Вьельгорскаго Михалъ Юрьевъ ²⁾ побывайте, какъ я вамъ уже говорилъ. Повидайтесь также съ меньшей дочерью его, графиней Анной Михаловной. Скажите ей, что я непременно приказалъ вамъ къ ней явиться и расскажите ей обо всемъ относительно постановки «Ревизора»; скажите ваши мысли о «Развязкѣ» и вообще обо всемъ по этой части, равно какъ и о ходѣ дѣла. Она будетъ хлопотать о многомъ лучше мужчинъ. На ней, между прочимъ, лежитъ одна изъ главныхъ обязанностей, по поводу раздачи суммъ для бѣдныхъ, а потому все это дѣло ей близко и вы можете съ ней разговориться откровенно обо всемъ. Она умна. Многое пойметъ и на многое подвинетъ другихъ. А ко мнѣ не позабудьте написать въ Неаполь изъ Петербурга хоть нѣсколько строкъ, чтобъ я зналъ, какъ расправлялись вы, молодцомъ или, къ вѣчному стыду, бабою, отъ чего Богъ да сохранить васъ. Сосницкому также скажите, чтобы написалъ ко мнѣ.

Затѣмъ обнимаю васъ N. Г.

(Письмо занимаетъ одну страницу полулиста почтовой бумаги. На второй страницѣ: «Михаилу Семеновичу Щепкину»).

IX.

Декабря 16. Неаполь.

Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, Михалъ Семеновичъ, что «Ревизора» съ «Развязкой» слѣдуетъ отложить до вашего бенефиса въ будущемъ 1848 году ³⁾). На это есть множество причинъ, часть которыхъ, вѣроятно, вы и сами проникаете. Во всякомъ случаѣ я этому радъ. Кромѣ того, что дѣло будетъ непонято публикою нашей въ надлежащемъ смыслѣ, оно выдетъ просто дрянью отъ дурной постановки пьесы и плохой игры нашихъ актеровъ. «Ревизора» нужно будетъ дать такъ, какъ слѣдуетъ, (скольконибудь сообразно тому,

---

которое было послано черезъ Шевырева въ Страсбургъ, 24-го октября (Сочиненія и письма 1846 года Гоголя, VI, 274).

¹⁾ Это письмо напечатано въ „Русской Старинѣ“, 1872 г., кн. X, стр. 441—444.

²⁾ Оба слова не дописаны въ оригиналѣ.

³⁾ Кулишъ, справедливо отнесши это письмо къ 1846 году, замѣчаетъ: «Эта цифра (1848) противорѣчитъ году, выставленному мною въ скобкахъ»

чего требуетъ, по крайней мѣрѣ, авторъ его); а для этого нужно будетъ время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно всѣ роли, слышали цѣлое всей пьесы и нѣсколько разъ прочитали бы самую пьесу актерамъ, чтобы они такимъ образомъ ¹⁾ невольно заучили настоящій смыслъ всякой фразы, который, какъ вы сами знаете, вдругъ можетъ измѣниться отъ одного ударенія, перемѣщеннаго на другое мѣсто, или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочелъ вамъ самому «Ревизора», а вы бы прочли потомъ актерамъ. Бывши въ Москвѣ, я не могъ читать вамъ «Ревизора». Я не былъ въ надлежащемъ расположеніи духа, а потому не могъ даже съумѣть дать почувствовать другимъ, какъ онъ долженъ быть сыгранъ. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, можетъ быть, мнѣ удастся такъ устроить, что вамъ можно ²⁾ будетъ приѣхать лѣтомъ ко мнѣ, (потому что) ³⁾ мнѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя заглянуть въ Россію раньше окончанія работы, которую нужно кончить. Можетъ быть, вамъ также будетъ тогда сподручно взять съ собою ⁴⁾ и какого нибудь товарища, болѣе другихъ толковаго въ дѣлѣ. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободного времени и вводите хотя понемногу второстепенныхъ актеровъ въ надлежащее существо ролей, въ благородный вѣрный тактъ разговора, понимаете ли, чтобы не слышался фальшивый звукъ. Пусть изъ нихъ никто не отгѣняетъ своей роли и не кладетъ на нее красокъ и колорита, но пусть услышитъ общечеловѣческое ея выраженіе и удержитъ общечеловѣческое благородство рѣчи. Словомъ, изгнать вовсе каррикутуру и ввести ихъ въ понятіе, что нужно не представлять, а передавать,—передавать прежде мысли, позабывши (самую) ⁵⁾ странность и особенность человѣка. Краски положить не трудно; дать цвѣтъ роли можно и потомъ; для этого довольно встрѣтиться съ первымъ чудакомъ и умѣть передразнить его; но почувствовать существо дѣла, для котораго призвано дѣйствующее лицо, трудно, и безъ васъ

сверху письма (1846); но письмо дѣйствительно писано въ концѣ 1846 года⁴⁾. Сочиненія и письма Гоголя, VI, 313. Въ объясненіе первой фразы того письма приводимъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ Шевыреву отъ 8-го декабря 1846 г.: «Ревизора» нужно отложить, какъ игру, такъ и печатаніе. То и другое возмѣтитъ мѣсто ко времени бенефиса Шенкина въ слѣдующемъ году». Сочиненія и письма Гоголя, VI, 308.

¹⁾ Слова «такимъ образомъ» написаны сверху зачеркнутыхъ «какъ бы».

²⁾ Слово «можно» передѣлано изъ «нужно».

³⁾ Заключенное въ скобки зачеркнуто.

⁴⁾ Послѣ этого зачеркнуто слово: «также».

⁵⁾ Слово «самую» зачеркнуто.

никто самъ по себѣ изъ нихъ ¹⁾ этого не почувствуетъ. Итакъ, сдѣлайте имъ близкимъ ваше собственное ощущение и вы сдѣлаете этимъ истинно доблестный подвигъ въ честь искусства. А между тѣмъ напишите мнѣ (если книга моя Выбран. мѣста изъ переписки уже вышла и въ вашихъ рукахъ) ваше мнѣніе о статьѣ моей: «О театрѣ и одностороннемъ взглядѣ на театръ», не скрывая ничего и не церемонясь ни въ чемъ, равнымъ образомъ какъ и обо всей книгѣ вообще. Что ни есть въ душѣ, все несите и выгружайте въ наружу. Адресуйте въ Неаполь въ Poste restante.

(Это письмо безъ подписи Гоголя. На четвертой страницѣ почтового листка, сложенного въ форму конверта, надпись: «Михаилу Семеновичу Щепкину». Оно отправлено было Н. М. Языкову. Ср. Сочиненія и письма Гоголя, VI, 312—313).

X ²⁾.

Письмо ваше, добрый Микхаль Семеновичъ, такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что если бы я и точно хотѣлъ отнять у васъ Городничаго, Бобчинскаго и прочихъ героевъ, съ которыми, (какъ) ³⁾ вы говорите, сжились, какъ съ родными по крови, то и тогда бы возвратилъ вамъ вновь ихъ всѣхъ, можетъ быть, даже и съ наддачей лишняго друга. Но дѣло въ томъ, что вы, кажется, не такъ поняли послѣднее письмо мое. Прочитать «Ревизора» я именно хотѣлъ за тѣмъ, чтобы Бобчинскій сдѣлался еще больше Бобчинскимъ, Хлестаковъ—Хлестаковымъ, и словомъ, всякъ—тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть. Передѣлку же я разумѣлъ только въ отношеніи къ пѣсѣ, заключающей «Ревизора». Понимаете ли это? Въ этой пѣсѣ я ⁴⁾ такъ неловко управился, что зритель непременно долженъ вывести заключеніе,

¹⁾ Слово „нихъ“ написано сверху вмѣсто зачеркнутого „актеровъ“.

²⁾ Въ Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя (VI, 327—328) письмо это помѣщено г. Кулишомъ между письмомъ Гоголя къ Языкову, отъ 20-го января 1847 года, и письмомъ къ Шевыреву, также отъ 20-го января того-же года. Письмо, однако, написано не ранѣе конца мая по старому стилю, потому что представляетъ отвѣтъ на письмо къ Гоголю М. С. Щепкина отъ 22-го мая 1847 г. (См. Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 189). На четвертой страницѣ письма, сложенного въ форму конверта, подпись: Михаилу Семеновичу Щепкину“; адреса нѣтъ.

³⁾ Слово „какъ“ приписано сверху строки и потомъ зачеркнуто.

⁴⁾ Сначала было написано: „Я въ ней“.

что ¹⁾ я изъ (всего) ²⁾ «Ревизора» хочу сдѣлать аллегорію. У меня не то въ виду: «Ревизоръ» Ревизоромъ, а примѣненіе къ самому себѣ есть непремѣнная вещь, которую долженъ сдѣлать всякъ зритель, изъ всего, даже и не Ревизора, но которое приличнѣй ему сдѣлать (по) ³⁾ поводу «Ревизора». Вотъ что слѣдовало было доказать по поводу словъ: «развѣ ⁴⁾ у меня рожа крива?» Теперь осталось все при своемъ. И овцы цѣлы, и волки сыты: аллегорія аллегор(іей) ⁵⁾, а «Ревизоръ» Ревизоромъ. Странно, однако-жъ, что свиданье наше не удалось. Разъ въ жизни пришла мнѣ охота прочесть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора»; чувствовалъ, что прочесть бы дѣйствительно хорошо, и не удалось. Видно, Богъ не велитъ мнѣ заниматься театромъ. Одно замѣчанье на счетъ Городничаго примите (sic!) къ свѣдѣнію. Начало перваго акта нѣсколько у васъ холодно. Не позабудьте также: у Городничаго есть нѣкоторое ироническое выраженье въ минуты самой досады, какъ, напримѣръ, въ словахъ: «Такъ ужъ, видно, нужно. До сихъ поръ подбирались къ другимъ городамъ, теперь пришла очередь и къ нашему». Во второмъ актѣ, въ разговорѣ съ Хлестаковымъ слѣдуетъ гораздо больше игры въ лицѣ. Тутъ есть совершенно различныя выраженья сарказма. Впрочемъ, это ошутительнѣй (будетъ тогда, когда Ревизоръ будетъ играть) ⁶⁾ по послѣднему изданію, напечатанному въ собраніи Сочиненій. Очень радъ, что вы занялись ревностно писаніемъ вашихъ записокъ. Начать въ ваши годы писать (свой) ⁷⁾ записки, это значитъ жить вновь. Вы непремѣнно помолодѣете и силами, и духомъ, а чрезъ то приведете себя въ возможность прожить лишній десятокъ лѣтъ.

Обнимаю васъ. Прощайте. Н. Г.

¹⁾ „Что“ написано сверху строки вмѣсто зачеркнутого „будто“.

²⁾ Слово «всего» зачеркнуто.

³⁾ Слово „по“ пропущено.

⁴⁾ Передъ словомъ „развѣ“ зачеркнуто: „у меня.. да“.

⁵⁾ Въ подлинникѣ недописано: „аллегор.“.

⁶⁾ Заключенное въ скобки зачеркнуто.

⁷⁾ Слово: „свой“ зачеркнуто.

Письмо М. С. Щепкина къ Н. В. Гоголю.

Милостивый государь, Николай Васильевич! Письмо и Ревизора нѣсколько экземпляровъ получилъ и по назначенію всѣ роздалъ, кромѣ Кирѣвскаго, который въ деревнѣ, и потому я отдалъ его экземпляръ С. П. Шевыреву для доставленія. Благодарю васъ отъ души за «Ревизора» — не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ. Давно уже я не чувствовалъ такой радости; ибо, къ несчастію, мои всѣ радости сосредоточены въ одной сценѣ. Знаю, что это почти сумасшествіе, но что-жъ дѣлать? Я, право, не виноватъ. Порядочные люди смѣются надо мной и почитаютъ глупостію, но я за усовершенствованіе этой глупости отдалъ бы остатокъ моей жизни. Ну, все это въ сторону, а теперь просто о «Ревизорѣ». Не грѣхъ-ли вамъ оставлять его на произволь судьбы — и гдѣ же? въ Москвѣ, которая такъ радушно ждетъ васъ, такъ отъ души смѣется въ «Горѣ отъ ума»? И вы оставите ее отъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя доставилъ вамъ Ревизоръ? Во первыхъ, на театрѣ такихъ непріятностей не можетъ быть, ибо М. Н. Загоскинъ, благодаря васъ за экземпляръ, сказалъ, что будетъ писать къ вамъ, и поручилъ еще мнѣ увѣдомить васъ, что для него весьма пріятно бы было, если бы вы пріѣхали, дабы онъ могъ совершенно съ вашимъ желаніемъ сдѣлать все, что нужно для постановки пьесы. Со стороны же публики, чѣмъ болѣе будутъ на васъ злиться, тѣмъ болѣе я буду радоваться, ибо это будетъ значить, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о комедіи, и вы достигли своей цѣли. Вы сами лучше всѣхъ знаете, что ваша пьеса болѣе всякой другой требуетъ, чтобы вы прочли ее нашему начальству и дѣйствующимъ. Вы это знаете и не хотите пріѣхать. Богъ съ вами! Пусть она вамъ надоѣла, но вы должны это сдѣлать для комедіи; вы должны это сдѣлать по совѣсти; вы должны это сдѣлать для Москвы, для людей, васъ любящихъ и принимающихъ живое участіе въ «Ревизорѣ». Однимъ словомъ, вы твердо знаете, что вы намъ нужны, и не хотите пріѣхать. Воля ваша, это эгоизмъ. Простите меня, что я такъ вольно выра-

жаюсь, но здѣсь дѣло идетъ о комедіи, и потому я не могу быть хладнокровнымъ. Видите, я даже не лѣнивъ теперь. Вы, пожалуй, не ставьте ее у насъ; только прочтите два раза, а тамъ... Ну, полно, я вамъ надоѣлъ. Спасибо вамъ за подарокъ пѣсы для бенефиса. Вѣрьте, что такое одолженіе никогда не выйдетъ изъ моей старой головы, въ которой теперь одно желаніе видѣть васъ, зацаловать. Чтобы это исполнить, я привелъ бы всю Москву въ движеніе. Прощайте. Простите, что оканчиваю безъ чиновъ. Вашъ М. Щепкинъ.

Прилагаю письмо Погодина.

Если вы рѣшитесь ѣхать къ намъ, то скорѣе, ибо недѣли черезъ три, а можетъ быть и ранѣе, она будетъ готова. Къ ней пишутъ новую декорацію.

Сообщ. Н. С. Тихонравовъ.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ.

Часть III.

глава II ¹⁾.

Рѣшившись издать переданныя мнѣ Николаемъ Платоновичемъ О*** письма, писанныя къ нему Александромъ Ивановичемъ Г***, за два послѣдніе года его жизни, я нашла всего удобнѣе помѣстить ихъ въ моихъ воспоминаніяхъ «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Желая привести въ болѣе послѣдовательный порядокъ эти письма и нѣсколько освѣтить еще мало извѣстную жизнь и кончину этого литературнаго дѣятеля и близкаго мнѣ человѣка, я обратилась къ Натальѣ Алексѣевнѣ О***, рожденной Тучковой, супругѣ покойнаго Николая Платоновича О***, которая съ 1856 года, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, прожила за границей въ семействѣ Г*** до его кончины. Я просила ее сообщить мнѣ, что она найдетъ возможнымъ быть изданнымъ, какъ изъ семейной жизни Александра Ивановича, такъ и о его отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ.

Наталья Алексѣевна отвѣтила мнѣ тепло и сердечно и доставила въ мое распоряженіе много интересныхъ писемъ Г***, его жены и Н. П. О***. Кромѣ писемъ, она прислала мнѣ дневники и нѣкоторыя свѣдѣнія о семействѣ своего почтеннаго родителя, Алексѣя Алексѣевича Тучкова.

---

¹⁾ Первые двѣ части и начало III-й „Воспоминаній Т. П. Пассекъ“, нашей маститой и уважаемой писательницы, помѣщены въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII, XIX и XX; изд. 1878 г., томы XXI и XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV и изд. 1886 г., т. XLIX.

На одно изъ моихъ писемъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ, въ которомъ я просила ее прислать мнѣ какіе у нея имѣются стихи Огарева, она отвѣчала:

«Милая Татьяна Петровна! Посылаю вамъ стихи и ноты Огарева; хорошо бы ихъ издать; это дастъ понятіе о разнообразіи и стремленіяхъ его богатой натуры.

Сверхъ своего поэтическаго таланта, онъ любилъ и зналъ хорошо музыку, прекрасно игралъ на фортепіано и фантазировалъ такъ увлекательно, что мы по цѣлымъ ночамъ заслушивались его игры.

Исполняя желаніе ваше, сообщаю вамъ о жизни нашей и Александра по переѣздѣ изъ Англи въ Швейцарію.

Мы всѣ оставили Лондонъ въ 1864 году и переѣхали въ Женеву. Черезъ годъ перемѣстили туда и типографію.

«Колоколъ» годъ не издавался,—его плохо разбирали.

Устроившись въ Женевѣ, Александръ, спустя немного времени, сталъ постоянно путешествовать, отыскивая, гдѣ бы поселиться болѣе по душѣ. Съ Огаревымъ непрерывно переписывался и часто прѣзжалъ въ Женеву. Швейцарію и Германію онъ не любилъ; Бельгію и Голландію посѣтилъ изъ любопытства; въ Виши лечился минеральными водами; въ Италію ѣздилъ видѣться со своими дѣтьми, которыя тамъ находились одно время; жилъ въ Ниццѣ, жилъ въ Парижѣ, въ Лионѣ,—иногда одинъ, иногда съ семействомъ. Въ январѣ 1870 года А. И. Г*** кончилъ жизнь въ Парижѣ.

Послѣднее, что онъ написалъ, была телеграмма къ Огареву, въ день своей кончины.

Не знаю, сьумѣю ли вамъ выразить, что было со мною при чтеніи вашихъ записокъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Я не могла отъ нихъ оторваться, читала дни и ночи и, утомленная, какъ-то свѣтло засыпала. Мнѣ вѣяло близостью къ нимъ.

Всѣ милые образы носились передо мною, то дѣтьми, то юношами. И Натали ¹⁾, которую я такъ горячо полюбила, во время нашей жизни за границей. Никогда не встрѣчала я такой симпатичной женщины.

Какъ хорошо вы сдѣлали, что писали о нихъ, и какъ просто, изящны картины деревенской жизни. Яковлевы такъ хорошо очерчены, что я какъ будто вижу ихъ всѣхъ.

Это дополненіе къ его запискамъ.

Странно, онъ хотѣлъ, чтобы я писала о Натали, вотъ и пришлось говорить о ней у васъ, которая знала ее съ ея дѣтства.

Александръ находилъ у меня о ней поэтическое представленіе.

¹⁾ Жена А. И. Г--на.

Жаль, я не знала, что вы печатаете письма, я бы давно прислала вамъ нѣкоторыя изъ ея писемъ.

Я пришлю вамъ все, что имѣю, и можете печатать или не печатать, какъ сами найдете, что надобно и что возможно.

Я дѣлаю это по чувству любви моей къ Натали и по долгу, безъ малѣйшаго самолюбія, съ полнымъ смиреніемъ.

Вы хотѣли, чтобы я объяснила вамъ многое о людяхъ близкихъ вамъ и мнѣ, и передала бы вамъ мою печальную жизнь. Какъ ни тяжело—исполняю ваше желаніе и посылаю вамъ небольшой очеркъ нашего семейства и нашего сближенія и жизни вмѣстѣ съ семействомъ Герцена въ Римѣ и Парижѣ.

Семейство Тучковыхъ ¹⁾.

Когда Александръ Ивановичъ Герценъ пріѣзжалъ въ послѣдній разъ въ Васильевское, передъ вступленіемъ его въ университетъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1829 года, говоритъ Наталья Алексѣевна, родилось то роковое дитя, которое впоследствии должно было надѣлать столько горя ему, его другу и себѣ. Дитя это было радостно встрѣчено всей семьей, это была я—меньшая дочь Алексѣя Алексѣевича Тучкова. Меня назвали, въ честь матери, Натальей.

Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ былъ воспитанъ въ школѣ колонновожатыхъ старика Муравьева. Тамъ онъ сблизился съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, больше всѣхъ съ кн. Евгеніемъ Оболенскимъ и съ двумя братьями Муравьевыми-Апостолами.

И теперь помнить что за способные люди выходили изъ этого высшаго въ то время образовательнаго заведенія и съ какимъ благороднымъ образомъ мыслей.

Въ 1826 году, отецъ мой, А. А. Тучковъ, былъ арестованъ въ Москвѣ, но такъ какъ онъ не принималъ участія въ петербургскомъ возмущеніи, то, просидѣвши подъ арестомъ три мѣсяца, былъ освобожденъ. Продолжать службу онъ находилъ невозможнымъ, не смотря на огорченіе своего отца о томъ, что его умный Алексѣй изъ всѣхъ Тучковыхъ не будетъ генераломъ.

Онъ такъ и остался до конца жизни поручикомъ генеральнаго штаба. Вскорѣ онъ изъявилъ желаніе заняться хозяйствомъ въ ихъ

---

¹⁾ Составлено по письмамъ и запискамъ Натальи Алексѣевны Огаревой, урожденной Тучковой. Т. Пассежъ.

пензенскомъ имѣніи,—туда все семейство и переселилось. До женитьбы А. А. родители посылали его путешествовать за границу, находя, что жениться ему еще слишкомъ рано, и, быть можетъ, немного необдуманно. Вернувшись изъ чужихъ краевъ, онъ все-таки скоро женился.

Дружба Тучкова съ несчастными друзьями молодости не охладѣла отъ разлуки. Она отразилась даже на дѣтяхъ его. Когда мы съ сестрой въ дѣтствѣ и молодости встрѣчались съ уцѣлѣвшими и возвратившимися декабристами, то они добродушно, радостно жали намъ руки и говорили съ свѣтлой улыбкой: это дѣти Алексѣя Алексѣевича. И мы, дѣти, чувствовали, что насъ любятъ, что нами интересуются, и намъ, деревенскимъ дикаркамъ, было хорошо и легко съ ними.

Однажды, ѣхавши въ Москву, мы всей семьей заѣхали къ одному возвращенному полковнику N. Его имѣніе Высокое находилось въ шести верстахъ отъ Тулы; тамъ собралось нѣсколько возвращенныхъ, по случаю празднованія дня рожденія хозяина дома. Его добрая, милая жена радушно принимала друзей мужа. Домъ ихъ былъ какъ дворецъ—въ немъ легко было запутаться, кругомъ великолѣпный паркъ, который, по случаю праздника, былъ иллюминированъ; много наѣхало гостей изъ города, много простаго народа толпилось въ паркѣ; хозяинъ добродушно посылалъ всѣмъ угощеніе.

Поздно вечеромъ, когда все утихло, онъ сѣлъ къ роялю и игралъ, а жена его пѣла, большею частью, по французски, романсы, сочиненные въ далекомъ изгнаніи. Мы прожили три чудные дня въ Высокомъ. Эти дни навсегда остались въ нашей памяти.

Въ деревнѣ отецъ построилъ сахарный заводъ, занимался имъ со страстью, дѣлалъ всѣ примѣненія, видѣнныя имъ за границей.

Кромѣ того, онъ служилъ по выборамъ предводителемъ дворянства. Съ сосѣдями онъ не могъ сблизиться; по своему умственному развитію онъ стоялъ далеко ихъ выше. Въ пятнадцати верстахъ отъ Яхонтова у него былъ другъ молодости, большой оригиналъ, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ, полковникъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Это былъ высокій, красивый брюнетъ, умный, горячій, до крайности рѣзкій. Москва 1830-хъ годовъ его помнить. Сосѣди его положительно боялись. Онъ былъ въ молодости близокъ съ Пушкинымъ. Въ 1825 году, по счастью, Корсаковъ находился въ Италиі. По возвращеніи изъ Италиі, онъ поселился въ своемъ пензенскомъ имѣніи и видѣлся только съ отцомъ. Еще бывали у насъ Иванъ Павловичъ Галаховъ, о которомъ Александръ говоритъ въ своихъ Запискахъ, да Николай Платоновичъ Огаревъ, другъ А. И. Г***, — и позже Алексѣй Дмитриевичъ Желтухинъ. Хотя всѣ трое были моложе

отца, но очень любили его и находили большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ.

Отецъ нашъ былъ очень добръ, но чрезвычайно горячъ, — власть портить. Когда онъ сердился на кого-нибудь, люди посылали въ кабинетъ его насъ ¹⁾. Какъ только онъ, бывало, завидитъ дѣтей, гнѣвъ его мгновенно остывалъ, онъ шелъ къ намъ, цѣловалъ намъ руки (всегда имѣлъ эту привычку), а виновному говорилъ: «ступай» — и все забыто.

Скромная съ виду дѣятельность его была полна преданности Россіи и народу. Но не смотря на то, что онъ старался защищать слабыхъ только силою законовъ, — это не нравилось, и на него часто дѣлали доносы. Одно безкорыстіе отца мѣшало врагамъ погубить его — и заставило отступить. Хорошая память о немъ сохранилась въ народѣ и до настоящаго времени.

Въ концѣ 1849 года, я, возвращаясь съ Огаревымъ изъ Крыма и проѣзжая по Симбирской или Тамбовской губерніи, — не помню, — разговаривалась съ однимъ крестьяниномъ о рекрутскомъ наборѣ. Дѣло было осенью.

— У насъ бѣда, отвѣчалъ онъ, — да, впрочемъ, вездѣ одно и то же, только вотъ тамъ, — и онъ указалъ по направленію къ Пензенской губерніи, — и есть одинъ человѣкъ, который жалѣетъ крестьянина.

Мы взглянули другъ на друга.

— Какъ его зовутъ? спросила я съ замираніемъ сердца.

— Тучковъ, отвѣчалъ онъ.

Онъ служилъ народу искренно — не тщеславясь, и память о немъ сохранилась въ народѣ.

Бываютъ и въ настоящее время проявленія трогательной, простой любви къ нему.

Такъ, въ недавнемъ времени, ѣхала я разъ на яровой посѣвѣ; лошади, привязанная сзади экипажа, рвалась, надо было купить овса. Мнѣ указали крестьянина, который продавалъ овесъ. Я поздоровалась съ нимъ.

— Откуда будете?

— Изъ Долгорукова.

Онъ быстро взялъ ведро и принесъ овса.

— Сколько съ меня? спросила я.

— Ничего.

---

¹⁾ У А. А. Тучкова было двѣ дочери, старшая — Елена Алексѣевна, меньшая — Наталья. Старшая была замужемъ за Н. М. Сатинимъ, меньшая за Н. П. Огаревымъ. Была еще дочь, умершая въ дѣтствѣ. Т. Пасеевъ.

— Какъ ничего, развѣ такъ можно?

— Да вѣдь вы изъ Долгорукова, вы должно быть дочка Алексѣя Алексѣевича?

— Да.

— Ну, онъ мнѣ побольше дѣлалъ добра, чѣмъ это, царство ему свое.

Насилу я уговорила его взять что нибудь дѣтямъ на пряники.

Онъ вертѣлъ нерѣшительно серебро и говорилъ про себя:

— Съ дочки Алексѣя Алексѣевича не надо бы.

Эти слова вызвали радостную улыбку на моемъ грустномъ лицѣ.

глава III.

Въ Италіи.

Страна, омытая темно-синнимъ моремъ,
покрытая темно-синнимъ небомъ. А. Г.

Последними днями нашей жизни въ Римѣ заключается часть воспоминаній, начавшихся съ дѣтскаго пробужденія мысли, съ отроческаго пробужденія на Воробьевыхъ горахъ. А. Г.

Въ 1847 году мы собрались ѣхать за границу.

Когда былъ рѣшенъ нашъ отъѣздъ, Огаревъ далъ мнѣ съ сестрой записочку къ женѣ Герцена, — Натальѣ Александровнѣ, чтобы мы скорѣе съ нею сошлись, не теряя времени на церемонные визиты. Мы были рады ѣхать, не смотря на то, что намъ жаль было оставить деревню, старую няню и Огарева, который любилъ насъ, какъ дѣтей своего друга. Огаревъ проводилъ у насъ по нѣскольку дней, бродилъ съ нами, дѣтьми, по лѣсамъ, вечеромъ по селу; тамъ сидели мы на бревна, слушали пѣсни и любовались на хороводы. Огаревъ смотрѣлъ на насъ обѣихъ почти какъ на дѣтей, съ добродушной улыбкой, и всегда былъ готовъ исполнять наши желанія.

Мы берегли данную намъ Огаревымъ маленькую запечатанную записочку. Если бы она была и не запечатана—и тогда мы не смѣли бы ее открыть, не смотря на то, что насъ очень занимало ея содержаніе.

Заграницей мы побывали въ Генуѣ, въ Ниццѣ, и вездѣ узнавали, что Герцены были и уѣхали. Наконецъ, мы нашли ихъ въ Римѣ. Вечеромъ, въ день пріѣзда,—мы уже были у нихъ, и такъ дружески

съ ними сблизилсь, что все время пребыванія нашего въ Итали были неразлучны.

— «Послѣдними днями нашей жизни въ Римѣ, говоритъ А. И. Герценъ, вспоминая объ этомъ времени, заключилась свѣтлая часть моихъ воспоминаній, начавшаяся съ дѣтскаго пробужденія мысли на Воробьевыхъ горахъ.

Измученный Парижемъ 1847 года, я было ранѣ раскрылъ глаза, но снова увлекаемый событіями, кипѣвшими возлѣ меня,—устремился въ жизнь.... Италия «пробуждалась» на моихъ глазахъ.

О Римѣ! какъ я люблю возвращаться къ твоимъ обманамъ, какъ охотно перебираю я, день за день, время, въ которое я былъ пьянъ тобою.

.... Темная ночь. Корсо покрыто народомъ, кое-гдѣ факелы. Въ Парижѣ уже съ мѣсяць провозглашена республика. Новости пришли изъ Милана—тамъ дерутся, народъ требуетъ войны; носится слухъ, что Карлъ-Альбертъ идетъ съ войскомъ. Говоръ недовольной толпы похожъ на перемежающійся ревъ волны, которая то переливается съ шумомъ, то точно тихо переводить духъ.

Толпы строятся, онѣ идутъ къ пѣмонтскому послу узнать объявлена ли война.

— Въ ряды, въ ряды съ нами! кричатъ десятки голосовъ.

— Мы иностранцы.

— Тѣмъ лучше, Santo Dio, вы наши гости.

Пошли и мы.

— Впередъ гостей, впередъ дамъ, впередъ la donna forestiere!

И толпа съ страстнымъ крикомъ одобренія разступилась. Чичероваккіо и съ нимъ молодой римлянинъ, поэтъ народныхъ пѣсенъ, продираются со знаменемъ, трибунъ жметъ руки дамамъ и становится съ ними во главѣ десяти, двѣнадцати тысячъ человекъ, и все двинулось въ томъ величавомъ, стройномъ порядкѣ, который свойственъ только одному римскому народу.

Передовые вошли въ палатцо. Черезъ нѣсколько минутъ двери балкона растворились. Появился посоль, онъ успокоилъ народъ и подтвердилъ вѣсть о войнѣ; слова его приняты были съ изступленною радостью. Чичероваккіо былъ на балконѣ, сильно освѣщенный факелами и канделябрами, а возлѣ него, освѣщенный знаменемъ Итали, четыре русскія женщины,—не странно ли? Я какъ теперь ихъ вижу на этой каменной трибунѣ и внизу колыхающійся безчисленный народъ, мѣшавшій съ криками войны и проклятіями лезуитамъ громкое:

— Evviva la donna forestiere!

И будто все это было?»

— «Никогда я не видала такой симпатичной женщины, какъ Наталья Александровна, продолжаетъ Наталья Алексѣевна Огарева, прекрасный открытый лобъ, задумчивые, глубокіе, темно-синіе глаза, темныя, густыя брови, что-то спокойное, нѣсколько гордое въ движеніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ много женственности, нѣжности, мягкости,— иногда по ея лицу проходила тѣнь грусти— влослѣдствіи я поняла, что было виною этого.

Съ тѣхъ поръ стала она близка мнѣ и навсегда.

Семья Александра Ивановича въ то время состояла изъ его матери, затѣмъ Марьи Ѳедоровны Коршъ, Марьи Касперовны Эрнтъ и дѣтей Герцена. Намъ жилось съ ними въ Италіи прекрасно. Мы вмѣстѣ осматривали въ Римѣ галереи, разныя достопримѣчательности и пр., только иногда, къ изумленію всѣхъ, въ это время меня съ Натали (такъ звали всѣ жену Герцена) заставляли гдѣ нибудь однѣхъ у окна, любующимися превосходными видами или просто горячо бесѣдующими. Я не могла насмотрѣться на Натали; мнѣ все въ ней казалось привлекательно; не могла наговориться съ ней; но что писалъ ей о насъ Огаревъ,—я не знала и не спрашивала,—узнала это я случайно.

Разъ въ храмѣ Петра и Павла встрѣтилась я съ Марьей Ѳедоровной, которая оперлась на мою руку, и, отойдя отъ остальныхъ, сказала мнѣ тихо:

— *M-me Natalie*, какъ горячо Огаревъ о васъ писалъ Натальѣ Александровнѣ, особенно о васъ. Ужъ не влюбленъ-ли?

Я въ смущеніи молчала.

— А вы? Онъ такой славный!

Я чувствовала, что краснѣю подъ ея взглядомъ отъ неожиданности, какъ будто и отъ радости,—и ничего не отвѣтила ей. Марья Ѳедоровна выручила меня, продолжая разговоръ сама.

Наталья же Александровна никогда даже и не намекала на эту записку, но она полюбила меня глубоко. Съ Огаревымъ она была очень дружна.

Если вечеръ проходилъ, а мы не являлись, Наталья Александровна писала мнѣ или посылала за нами Александра. Мы были неразлучны. Спустя нѣкоторое время мы и Герцены поѣхали вмѣстѣ въ Неаполь. Отель нашъ находился на Кіаѣ, прямо противъ Везувія. Когда я и Натали вышли на балкончикъ (въ каждой комнатѣ маленький балкончикъ) и взглянули на море и Везувій—воскличаніе восторга вырвалось у насъ обѣихъ.

— Нѣтъ! говорила я, это слишкомъ, это какой-то торжественный

праздникъ природы, какое-то ликование! Сюда должны прѣзжать счастливые,—несчастливымъ здѣсь будетъ еще тяжело.

Дорогой, туда и обратно, Натали и я ѣхали въ неудобномъ дилижансѣ, въ купе; съ нами былъ маленькій Саша, сынъ Герцена. Хорошо намъ было сидѣть однѣмъ; когда бывало, послѣ дружескаго разговора, Натали заснетъ на моемъ плечѣ—я не смѣла двинуться съ своею драгоценною ношею. Натали впоследствии вспоминала объ этомъ времени въ своихъ письмахъ ко мнѣ. На станціяхъ Александръ подходилъ къ окну нашего купе и улыбался юной любви моей къ его женѣ.

Въ Неаполѣ Александръ постоянно ходилъ за *table d'hôte* подъ руку со мной, поэтому меня принимали за его жену, а Натали за гувернантку Саши. Это насъ очень забавляло.

Я удивлялась, что большая часть нашихъ знакомыхъ считали Натали холодною; я находила, что это была самая страстная, горячая натура въ кроткой изящной оболочкѣ. Эта женщина—сама поэзія, говорила я о ней, какъ тонко она все чувствуетъ и какъ вѣрно понимаетъ все художественное, изящное. Изъ поэтовъ Натали любила больше всѣхъ Лермонтова и Кольцова; ихъ сочиненія всегда лежали у нея на столѣ; въ письмахъ своихъ она часто упоминала ихъ. Даже наканунѣ кончины ея, когда хотѣли увести изъ ея комнаты дѣтей, чтобы онѣ не тревожили ее, — она сказала: «пусть у гробоваго входа младая жизнь играетъ».

Я глубоко любила Натали и Александра, и была въ восторгѣ отъ ихъ взаимной привязанности; мнѣ и въ голову не могло придти, что и ихъ союзъ на время принесетъ имъ много горя ¹⁾. Но передъ концомъ союзъ ихъ снова заблестѣлъ и еще ярче прежняго, какъ солнце передъ закатомъ.

Они были счастливы, насколько возможно человѣку быть счастливымъ.

Разъ Александръ, во время продолжительной болѣзни жены, легкомысленно увлекся служившей у нихъ горничной дѣвушкой, но вскорѣ встревожился этимъ и тотчасъ же отдалилъ ее. Это повело къ большимъ семейнымъ несчастіямъ.

Раздраженная, отдаленная дѣвушка отомстила ему на всю его жизнь. Собравшись говѣть, она пришла просить прощенья у Натали Александровны, упала ей въ ноги и все высказала. Натали жила въ полной увѣренности въ него. Здоровье ея этимъ было сильно потрясено. Она не могла опомниться долгіе годы; ей казалось, что палецъ не онъ одинъ, но пали они оба, что идеальный союзъ ихъ разбился въ дребезги. Упрекать, дѣлать сцены—было не въ ея натурѣ; она

¹⁾ Дневникъ А. И. Герцена.

молча уходила въ себя и плакала въ его отсутствіи. Александръ не могъ понять такой долгой грусти; онъ любилъ ее—страдалъ, огорчался и раздражался.

Къ Натали почти никто не относился равнодушно; ее или любили, или ненавидѣли, вѣрнѣе—ей завидовали.

Она вернулась къ нему, со всей своей безпредѣльной любовью, но грусть не оставляла ее до гроба. Это видно на ея послѣдней фотографіи; это видно въ строкахъ, написанныхъ ею ко мнѣ, говорить Наталья Алексѣевна Огарева.

ГЛАВА IV.

Во Франціи и въ Россіи.

Мы первые уѣхали изъ Италіи въ Парижъ. Тамъ мы застали П. В. Анненкова и И. С. Тургенева. Оба они были очень милы и внимательны съ нами. Они показывали намъ Парижъ и забавлялись нашимъ изумленіемъ европейской жизни на улицахъ.

Изъ гостинницы мы переѣхали въ Елисейскія поля, заняли тамъ третій этажъ, въ домѣ Фензи, а первый этажъ просилъ взять для него Александръ. Во второмъ этажѣ жила какая-то семья англичанъ. Наконецъ, пріѣхали и Герцены. Встрѣча была самая радостная. Натали заняла комнату подъ нашей комнатой. Мы провели на веревочкѣ маленькій колокольчикъ изъ своихъ оконъ въ окно комнаты Натали. Она позвонитъ, мы бѣжимъ къ окну. Намъ ее надобно—мы дернемъ веревочку,—она покажетъ свою головку въ окнѣ. Что за жизнь была,—прелесть! Мы только спали врозь.

Однако, англичанкамъ, въ добавокъ пожилымъ, не совсѣмъ нравились наши русскія затѣи и отецъ нашъ частенько былъ на ихъ сторонѣ.

— Надо жить, но и другихъ не стѣснять, говорилъ онъ со своей кроткой улыбкой.

Въ сущности онъ одинъ былъ между нами европеецъ.

Разъ Натали чуть не разошлась со мной.

Мы узнали, что въ предмѣстьѣ св. Антонія строятъ баррикады. Герцень, отецъ нашъ и Са..... собрались и пошли туда. Мнѣ очень хотѣлось идти съ ними, но они благоразумно отклонили эту честь. Раздраженная ихъ безучастіемъ, я вошла къ Натали и звала ее съ собой, но та не рѣшалась оставить дѣтей.

— Еще не знаю, что съ Александромъ будетъ, да сама уйду,— а дѣти?... ты, кажется, о нихъ никогда не думаешь.

Я замолчала, но думала про себя: «да развѣ мало дѣтей въ Парижѣ. Если-бы всѣ родители такъ думали, всѣ бы сидѣли дома сложа руки». Улучивъ минуту, я осторожно вышла одна на улицу. Сердце сильно билось,—вдругъ меня догоняетъ Саша и говоритъ:

— И я съ тобой, Наташа.

— Нѣтъ, милый, сегодня не могу тебя взять,—нѣтъ, иди домой, мама будетъ беспокоиться о тебѣ,—въ Парижѣ стрѣляютъ—баррикады.

Я уговорила его вернуться и пошла одна. Улицы пусты, на Ван-домской площади стрѣляли,—я перешла площадь съ страшнымъ волненіемъ, исполненнымъ восторга и чувства долга. Во всѣхъ переулкахъ стояли часовые—дальше меня не пустили, и я должна была идти домой.

Часовъ въ пять Александръ и отецъ вернулись; они хотѣли зайти за Анненковымъ и Тургеневымъ, но ихъ не пропустили. Анненковъ и Тургеневъ три дня не выходили изъ своихъ квартиръ, и только посылали записки Александру, но записки ихъ съ трудомъ, и то не всѣ, доходили.

Всѣ были встревожены моимъ долгимъ отсутствіемъ и хотѣли идти отыскивать меня, но вскорѣ я сама появилась, красная отъ волненія и палящаго солнца. Всѣ напали на меня, больше всѣхъ Натали. Она уложила меня въ постель, увѣряла, что у меня жаръ, сѣла въ ногахъ и читала мнѣ долгую проповѣдь, какъ не хорошо быть эгоисткой и легкомысленной. Лице ея выражало такой гнѣвъ, какого я у нея никогда не видала.

Возвратясь изъ Италіи, Александръ наткнулся на 15-е мая, потомъ осадное положеніе Парижа и іюньскіе дни.

25-го или 26-го іюня всю ночь слышалась канонада. Къ утру она умолкла, только по временамъ трещала ружейная перестрѣлка и раздавался барабанъ. Улицы были пусты, по обѣимъ сторонамъ стояла муниципальная гвардія. На Place de la Concorde былъ отрядъ мобили.

Александръ и Анненковъ отправились къ Мадлень. По пути ихъ остановилъ кордонъ національной гвардіи, пошарили въ карманахъ, спросили куда идутъ и пропустили. Слѣдующій кордонъ за Мадлень отказалъ въ пропускѣ. Они возвратились къ первому, тамъ тоже ихъ остановили.

— Да вѣдь вы видѣли, что мы тутъ шли?

— Не пропускать! крикнулъ офицеръ.

— Что вы, шутите что ли съ нами? сказалъ Александръ.

— Нечего толковать, отвѣтилъ офицеръ, берите ихъ.

Ихъ отвели во временную полицію. Тамъ старичекъ въ очкахъ и черномъ платьѣ, разспросивъ ихъ въ чемъ дѣло, сказалъ:

— То-то, господа, видите, что значить неосторожность. Зачѣмъ въ такое время выходить со двора,—умы раздражены, кровь льется. Можете отправиться домой, только не мимо кордона. Я вамъ дамъ проводника, онъ васъ выведетъ въ Елисейскія поля.

«Не хорошо было въ Парижѣ, не хорошо было и у насъ, говорить объ этомъ времени въ своихъ запискахъ Александръ. Мы слишкомъ много видѣли, слишкомъ пострадали. Тишина и подавленность, наступившія послѣ ужасовъ, дали назрѣть всему тяжелому, запавшему въ душу».

Спусти мѣсяць, вечеромъ 26-го іюня, послышались правильные залпы съ небольшими разстановками и барабаннымъ боемъ.

Это разстрѣливали.

До осени Герцены были окружены своими. Анненковъ и Тургеневъ приходили къ нимъ каждый день. Но все глядѣло вдаль, всѣ собирались ѣхать.

— Зачѣмъ не уѣхалъ и я, говорилъ впослѣдствіи Александръ, многое было бы спасено.

Наканувъ отъѣзда Тучковыхъ и Марьи Ѳедоровны Коршъ у Герцена собралось человекъ три, четыре близкихъ знакомыхъ.

Путешественникамъ надо было быть на желѣзной дорогѣ въ семь часовъ утра. Ложиться спать не стоило труда. Лучше хотѣлось провести вмѣстѣ послѣдніе часы. Сначала все шло живо, но мало по малу заволокло темное облако, разговоръ не клеился, сдѣлалось всѣмъ не по себѣ, налитое вино выдыхалось, шутки не веселили. Стало разсвѣтать. Кто-то отдернулъ занавѣсъ, липа освѣтились синеватымъ, блѣднымъ свѣтомъ.

— «Я задыхался отъ грусти, вспоминая объ этомъ времени, говорилъ Александръ: жена моя сидѣла на небольшомъ диванѣ, передъ нею на колѣнахъ, скрывая лицо на ея груди, стояла младшая дочь Тучкова — «*consuela di sua alma*», такъ она звала ее. *Consuela* любила страстно мою жену и ѣхала грустно въ глушь деревенской жизни. Сестра ея печально стояла возлѣ. Въ двухъ шагахъ отъ нихъ мрачно сидѣла Марья Ѳедоровна.

Она знала жизнь и свыклась съ превратностью судьбы. Въ глазахъ ея было просто: «прощайте», а сквозь слезы молодыхъ дѣвшекъ пррссвѣчивало: «до свиданья».

«Мы проводили ихъ на желѣзную дорогу, писалъ Александръ, и молча возвратились домой. Моя жена проплакала о своей *Consuela*

всю дорогу. Дома она прилегла, а я сталъ читать газеты. Читалъ и то, и другое, и фельетонъ, и смѣсь, — взглянулъ на часы, еще нѣтъ двѣнадцати... Вотъ такъ день! Я пошелъ къ Анненкову: онъ тоже уѣзжалъ надняхъ, и мы отправились съ нимъ гулять. Я пригласилъ Анненкова къ намъ обѣдать. Вечеръ былъ безсвязенъ, глушь.

— Итакъ, рѣшено, спросилъ Александръ Анненкова, вы ѣдете въ концѣ недѣли?

— Рѣшено.

— Жутко будетъ вамъ въ Россіи.

— Мнѣ ѣхать необходимо. Въ Петербургѣ останусь недолго, уѣду въ деревню. Вѣдь и здѣсь не Богъ знаетъ что. Какъ бы вамъ не пришлось раскаиваться, что остаетесь.

Тогда я могъ еще возвратиться, корабли были не сожжены...

И опять потянулось время... день за день... сѣрое, скучное... мелькали люди, сближались на день, проходили мимо, исчезали, гибли. Къ зимѣ стали являться изгнанники другихъ странъ.

Я чувствовалъ, какъ всё они ошибаются, но мнѣ нравились эти ошибки.

Я старался быть непослѣдовательнымъ, боролся съ собой и жилъ въ какомъ-то тревожномъ раздраженіи. Время это осталось у меня въ памяти какъ чадный, угарный день.

Я шатался отъ тоски туда, сюда, искалъ разсѣянья, — въ книгахъ, въ шуткѣ, въ домашнемъ отшельничествѣ, въ людяхъ — и во всемъ чего-то недоставало: смѣхъ не веселилъ, тяжело пьянило вино, музыка рѣзала по сердцу, бесѣда оканчивалась мрачнымъ молчаніемъ.

Что же все это — шутка?

Шутка — что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали».

Въ это время холера свирѣпствовала въ Парижѣ; тяжелый воздухъ, безсолнечный жаръ наводили тоску.

Тургеневъ собирался ѣхать изъ Парижа, срокъ квартиры его оканчивался; онъ пришелъ переночевать у Герцена. Послѣ обѣда Тургеневъ жаловался на духоту и пошелъ выкупаться. Возвратившись, онъ почувствовалъ себя еще хуже, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и легъ спать. Ночью онъ разбудилъ Герцена и сказалъ:

— Я пропащій человекъ, у меня холера.

У него, дѣйствительно, была тошнота и спазмы, но, по счастью, онъ отдѣлался десятью днями болѣзни. Когда занемогъ Тургеневъ, Александръ отправилъ жену и дѣтей въ Ville d'Avray, гдѣ жила его мать съ меньшимъ внукомъ Колей и съ Марьей Касперовной Рейхель;

Александръ остался съ нимъ одинъ. Стало Тургеневу лучше, Александръ переѣхалъ къ нимъ въ Ville d'Avray.

Когда въ 1847 году Александръ уѣхалъ въ Италію изъ Парижа, у него еще не было образовано ни литературныхъ, ни политическихъ кружковъ.

Предполагали издавать журналъ; журналъ не удался, и Александръ все болѣе и болѣе сталъ удаляться въ небольшой кружокъ знакомыхъ. Кружокъ этотъ началъ пополняться появленіемъ новыхъ эмигрантовъ.

«Утративши вѣру въ слова, въ знаменіе, видя, что все рвется, — писалъ въ это время Александръ, я хотѣлъ спастись, начать новую жизнь, отойти съ двумя, тремя въ сторону, бѣжать, скрыться отъ лишнихъ, и я надменно поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи: *Omnia mea mecum porto*. Съ *fra da me* моя лодка должна была разбиться—и разбилась.

Правда, я уцѣлѣлъ, но безъ всего.

А та сторона, охваченная темно-синимъ моремъ, покрытая темно-синимъ небомъ, одна осталась свѣтлой полоской, по ту сторону кладбища».

По отѣздѣ Тучковыхъ изъ Парижа, съ 1848 и 1849 года, Наталья Александровна Герценъ до конца своей жизни ¹⁾ постоянно переписывалась съ страстно любимой ею *Consuel'ой* и съ Огаревымъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ и между ними письма и приписки Александра къ Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой, впоследствии Огаревой, и къ Огареву.

Когда Тучковы были за границей, Н. П. Огаревъ иногда переписывался съ ними; чаще всего онъ писалъ меньшей дочери Алексѣя Алексѣевича — Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ ней, между прочимъ, было сказано: . . . . «Теперь вы видѣли такъ много произведеній искусства, великолѣпныхъ мѣстностей, столько движеній въ человѣческомъ обществѣ, что, надѣюсь, примете участіе въ жизни общественной и въ челоѣчествѣ; создадите себѣ дѣятельность, которая заставитъ васъ жить дѣйствительною жизнью.

Мелочамъ не поддавайтесь, — поддадитесь — онѣ поглотятъ.

Я не могу видѣть хладнокровно, какъ ваше юное существованіе вмѣсто того, чтобы естественно развиваться, порою сбивается фальшивую грустью.

¹⁾ Н. А. Герценъ скончалась въ 1852 году въ Ниццѣ.

Надѣюсь, путешествіе расположить васъ къ реальнымъ занятіямъ, какъ и должно быть въ ваши годы.

Вы знаете мою дружбу къ вамъ и не захотите оставить меня безъ извѣстій о васъ.

Разскажите мнѣ, какъ вы нашли Наталью Александровну.

Прощайте, пишите мнѣ, какъ вамъ захочется. Н. О—въ».

Когда Тучковы возвратились въ свое пензенское имѣніе, село Долгоруково, Яхонтово то-жъ, Огаревъ сталъ попрежнему часто бывать у нихъ, а уѣзжая въ свое имѣніе, переписывался съ меньшою дочерью Тучкова—Натальей Алексѣвной. Тонъ ихъ переписки, мало-по-малу, изъ дружескаго перешелъ въ страстный, а дружеская привязанность—во взаимную любовь.

Любовь эта у Огарева продолжалась до конца его жизни.

Герцены постоянно переписывались изъ-за границы съ Огаревымъ и съ Натальей Алексѣвной.

Изъ этихъ писемъ видна глубокая привязанность Натальи Александровны Герцень къ юной Тучковой и участіе Герценыхъ въ ея любви и Огарева.

Наталья Ал. Герцень — Н. А. Тучковой.

Парижъ, 1848 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя узнала, вопросъ о твоей жизни сталъ для меня наравнѣ съ самыми близкими, съ самыми необходимыми для меня вопросами. Рѣдкій день, я даже не знаю, бывало-ли это, бывало-ли, чтобъ я засыпала и просыпалась, не думая тревожно о тебѣ.

Чувство, которымъ проникнута моя любовь къ дѣтямъ, проникнуло любовь мою къ тебѣ и сдѣлалось необходимымъ элементомъ моей жизни, вѣроятно до конца ея. Встрѣча съ тобой внесла столько прекрасныхъ чувствъ въ душу.

..... Если это нервный припадокъ, то онъ такъ долго продолжается, что я принимаю его за нормальное состояніе; тысячу разъ повторяю, что твое явленіе, чувство, возбужденное тобою во мнѣ, — дали мнѣ много наслажденій. Часто, среди самаго тяжелаго состоянія, воспоминанія о тебѣ успокаиваютъ, возвращаютъ силы, и я съ новой энергіей принимаюсь жить. За то часто, точно холодная рука, сжимаетъ душу вопросъ: что я дала ей, что для нея сдѣлала? Я даю тебѣ себя, но что же я? Разумѣется, лучше, чѣмъ ничего,—я бы хотѣла дать тебѣ самое тебя. Въ тебѣ такая бездна жизни, но какое произвольное самоуничтоженіе! Это страшно больно ставить во мнѣ

верхъ дномъ все. Столько жизни, души... и все это бросается. Въ тебѣ эта черта раздражаетъ мнѣ душу. Это пройдетъ, да, пройдетъ, многое пройдетъ, все пройдетъ.

Оскорбительно предоставлять жизни сдѣлать изъ себя, что она захочетъ или что ей случится; я бы хотѣла сдѣлать изъ жизни твоей, что ты хочешь.

«Кому больше дано, съ того болѣе взыщется», вникни въ глубочайшій смыслъ этихъ словъ Христа. Наконецъ, какъ человѣкъ, ты не имѣешь права уничтожать себя, оттого, что окружающіе не удовлетворяютъ тебя. Что тебѣ до нихъ, развѣ ты не ты? Помогни имъ сочувствіемъ, снисхожденіемъ, если болѣе не чѣмъ, а бросать себя подъ ноги.... Но, довольно, дай руку, у меня слишкомъ много вѣры въ тебя, много любви.

Не знаю, отдамъ-ли я это письмо. Страшная потребность была написать то, что написала;—зачѣмъ?

А зачѣмъ солнце свѣтитъ, зачѣмъ дождь идетъ, зачѣмъ птица летитъ въ ту, а не въ другую сторону, да, зачѣмъ, зачѣмъ? Да зачѣмъ жизнь? Вотъ отвѣтъ. Твоя Natalie».

Александръ Ивановичъ Г*** — дочерямъ А. А. Тучкова.

1848 г.

«Вы спрашиваете записочку о книгахъ; ее составить нелегко; вы перечли большую часть книгъ, а потому вамъ придется зады твердить; тѣмъ не менѣе для полноты изученія жизни совѣтую заглянуть въ комедіи Бомарше; еще рекомендую вамъ *Manon Lescaut*, романы Жоржъ-Зандъ. Читайте безпреставно Гёте, иногда Шиллера, читайте по выбору Вольтера и Дидро и больше ничего французскаго не читайте. Читайте Шекспира и Байрона. Если понравятся переводы съ древнихъ, займитесь исторіей; подробное изученіе какого нибудь одного періода болѣе знакомить со всей исторіей, нежели безъ толку сколоченные. Огаревъ можетъ указатъ такія монографіи. Очень рекомендую теперь заняться паденіемъ Рима; тутъ есть премилая книга *Les Césars de Champagne*; даже Низара *Décadence*—вамъ не будетъ скучно. А если будетъ, то возьмите что нибудь по части естественныхъ наукъ *Milne Edwards'a* или геологію Лейля. Потомъ опять за исторію. А прогроз, для паденія Рима необходимо потомъ ознакомиться съ двумя, тремя святыми отцами, на примѣръ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Августинъ, Оригенъ — есть французскій переводъ.

Вотъ вамъ на двадцать лѣтъ чтенія, потомъ, т. е. въ 1868 г., я напишу другую записочку. Книги, мною назначенныя, серьезныя, да вѣдь и время серьезное. А. Герценъ».

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучковой.

21-го декабря 1848 г. Парижъ.

Consuela di mi alma, мое милое дитя, мой другъ, *Natalie*, я это говорю такъ отъ души, и со всею силою, со всею полнотою, со всею страстью, да, я люблю тебя ужасно! Твои письма дѣлаютъ для меня яснѣ мою любовь къ тебѣ; я ими счастлива, счастлива, если-бъ ты и не такъ меня любила. Въ Италіи было мое возрожденіе. Какъ хорошо было это время, какъ бы я хотѣла снова пережить его. Хотѣла бы солнца, жары, чтобъ кругомъ были горы и даль, и море было бы... и обняла бы тебя крѣпко и унеслась бы съ тобою далеко и носилась бы долго, долго, а потомъ возвратилась бы домой—и дома мнѣ хорошо бы было. Я въ бреду, *Natalie*, и пишу тебѣ мой бредъ; ты сидѣла бы возлѣ моей постели, если-бъ была здѣсь со мною. Я утомлена физически и морально.

Тата была больна; въ болѣзни ея была минута опасная; ты понимаешь, что для меня должна была быть эта минута. Теперь она выздоровѣла, только еще капризничаетъ, Саша занемогъ — у нихъ интересы такъ разны, отъ этого ужасно трудно мнѣ одной удовлетворить ихъ обоимъ вмѣстѣ, и при всемъ желаніи сдѣлать это, при всей любви, твердости, я не всегда достигаю, что меня утомляетъ страшнымъ образомъ. Помощи искренней изъ любви нѣтъ, а она-то только и могла бы дать отдыхъ; помощь изъ долга утомляетъ еще болѣе. Мнѣ надоѣли китайскія тѣни; я не знаю зачѣмъ и кого я вижу, знаю только, что слишкомъ много вижу людей, все хорошіе люди, и иногда, мнѣ кажется, я была бы съ ними съ удовольствіемъ, а слишкомъ часто жизнь похожа на капель весною: капъ, капъ, капъ, капъ, Наташа—и весь день эта забота, я не могу сосредоточиться ни на одну минуту, рассѣяна такъ, что мнѣ иногда становится страшно больно; приходитъ вечеръ, дѣти укладываются, ну, кажется, отдохну,—нѣтъ, пошли бродить хорошіе люди, и отъ этого пуще тяжело, что хорошіе люди. Не чувствую, будто дымъ кругомъ бродитъ, глаза ѣсть, дышать тяжело, а уйдуть—ничего не остается. Настаетъ завтра—все то-же... Никому другому я бы этого не сказала, примуть за жалобу, подумаютъ «недовольна жизнью»... Ты понимаешь, что это минутное негодованье, усталъ; струя свѣжаго воздуха—и я воскресаю и

переживаю цѣлую вѣчность въ одно мгновеніе, и все кажется такъ ничтожно передъ тѣмъ, чѣмъ я живу. Всѣ республики, революціи, все въ этомъ родѣ—мнѣ кажется чулочнымъ вязаньемъ; то-же дѣйствіе производятъ на меня, ну, Кавеньякъ, Наполеонъ, тамъ еще не знаю кто—это спицы, на которыхъ навязаны маленькія, маломалѣйшія петли, и вяжутся, и вяжутся... нитки тонкія, гнилыя, тамъ порвется, здѣсь порвется, всѣ ахаютъ, кричатъ, бросаются поднимать, а петли рвутся и распускаются больше; узелъ на узлѣ—да какой грязный чулокъ-то! какъ скучно смотрѣть на все это, и какъ скучно слушать.—Журналовъ въ руки не беру, развѣ только «Эпоха», и чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли Spini на концѣ—это мнѣ кажется самое умное и интересное. Много я наговорила тебѣ о себѣ, давно ни съ кѣмъ такъ не говорилось, да и долго не будетъ говорить; я не считаю себя лучше другихъ, вѣрь мнѣ, а всѣ меня не такъ понимаютъ, да и дѣла никому нѣтъ понять такъ, ну, а ты—ну, ты сама знаешь, чтó ты. Я немного хочу, нѣсколько часовъ въ день себѣ, себѣ, т. е. чтобъ я могла другому ихъ отдать, какъ я хочу,—остальное время я готова слушать, пожалуй. Перечитаю твое письмо. Зачѣмъ ты говоришь, что вы не можете писать—все, все, все непремѣнно!

И зачѣмъ ты тамъ, а не здѣсь—иногда такъ надобно видѣть тебя. Мы бы жили просто, безъ особенной нѣжности, безъ жертвъ. Твоя Natalie».

Вечеръ.

«Вотъ и помѣха! Я была одна дома, думала вечеръ провести съ тобой; моя Conzuela. Пернатскій отнялъ его у меня,—устала, ложусь спать. Хотѣлось бы увидѣть тебя во снѣ, болѣе чѣмъ на яву. Да, я хотѣла бы, чтобъ ты тутъ была, а я уснула бы возлѣ тебя.

Четвертый или пятый разъ принимаюсь за этотъ листокъ. Докторъ былъ и сказалъ, что Тата можетъ прогуляться; не болѣе десяти минутъ она была на воздухѣ,—возвращается домой—у нея опять лихорадка, и я опять сижу у ея постели.

Вотъ и жизнь,—если-бъ все говорить, что проходить въ головѣ. Мнѣ иногда такъ страшно становится, глядя на своихъ дѣтей. Что за смѣлость, что за дерзость сдѣлать новое существо, заставить его жить—и не имѣть ничего лично для того, чтобъ сдѣлать жизнь его счастливой. Иногда я кажусь себѣ преступницей: легче отнять жизнь, нежели дать. Мой взглядъ упрощается все болѣе и болѣе,—вскорѣ послѣ рожденія Саши я желала, чтобъ онъ былъ великій человекъ, позже, чтобъ онъ былъ тѣмъ другимъ... Тата меня позвала, ей сдѣлалось очень дурно.

Нѣсколько дней спустя, Наталья Ал. Герценъ писала Н. А. Тучковой: «У Таты была тифозная горячка и воспаленіе въ животѣ, — докторъ прѣзжалъ два раза въ день, и въ одинъ день 4 раза; она была въ очень опасномъ положеніи. Александръ, попеременно маменька, Марья Касп... и Елиза горничная сидѣли со мной надъ нею день и ночь. Я смотрѣла на нее и мнѣ было такъ тяжело, такъ невыносимо, Natalie, что я бы десять разъ умерла за нее, — теперь она выздоравливаетъ. Въ продолженіе этого времени Саша былъ нездоровъ. Я устала отъ жизни, рукѣ тяжело держать перо. Что-жъ я тебѣ скажу еще — мнѣ хотѣлось въ это страшное время, чтобъ ты была тутъ. Я хотѣла сказать тогда, что теперь я ничего не хочу сдѣлать изъ дѣтей, лишь бы имъ жилось весело и хорошо — остальное все пустяки, все пустяки.

Пиши мнѣ о себѣ все, все, даже какъ встрѣтили вашу старую няню, ужъ не говорю объ Огаревѣ; о немъ по листу, по пѣлому листу!...

Ходите ли вы попрежнему гулять въ дремучіе лѣса и пьете-ли чай до поздней ночи, какъ бывало? Да что вы мало пишете мнѣ и о томъ, какъ кто показался изъ нашихъ; показался говорю я оттого, что узнать нельзя было въ такое короткое время. Какъ вы нашли вашихъ мужичковъ, здоровы-ли они? и что школа? Какъ иногда хочется васъ видѣть, такъ иногда надобно — ну да, хочется, это-то и значить надобно; до сихъ поръ я не могу привыкнуть къ тому, что вы не со мною. Natalie».

Въ маѣ 1848 года Тата (дочь А. И. Г***) заболѣла тифозной горячкой. Докторъ Райе почти ничего не дѣлалъ, ждалъ, слѣдилъ за болѣзью и не слишкомъ обнадеживалъ. Видъ ребенка былъ страшень, ждали съ часу на часъ что умереть.

Натали дни и ночи не отходила отъ больной. Разъ ночью показалось Натали, что Тата не дышетъ. Она лишилась чувствъ, И. С. Тургеневъ побѣжалъ въ аптеку за нашатырнымъ спиртомъ. Когда Натали пришла въ себя, тотчасъ спросила, что Тата? — «Кажется, открыла глаза», сказала горничная Луиза, — Александръ посмотрѣлъ на Тату. Онъ назвалъ ее по имени, она раскрыла глаза и улыбулась.

Съ этой минуты она стала поправляться.

Кто держалъ на рукахъ соннаго младенца и чувствовалъ, какъ онъ холодѣлъ, кто слышалъ его стоны, кто видѣлъ розовый гробикъ и бѣленькое платице съ кружевами, говорилъ Александръ, тотъ при каждой дѣтской болѣзни будетъ думать — отчего же не быть и другому гробику, вотъ, на этомъ столѣ?

«Несчастіе плохая школа», — справедливо замѣчаетъ Александръ.

Человѣкъ, испытанный страданьемъ, боится снова перечувствовать рядъ шемящихъ мученій, рядъ замираній сердца. На другое утро этой же ночи онъ вышелъ пройтись; на дворѣ было холодно.

Въ ранній часъ этого дня толпы народа покрывали бульвары, мальчишки продавали бюллетени, съ крикомъ; слишкомъ пять миллионовъ голосовъ клали Францію къ ногамъ Людовика Наполеона.

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучковой.

Утро.

«Выйду въ садъ, посмотрю на ваши окна, хочется закрыть: *Natalie! Hélène!* Посмотрю, посмотрю—и голову опущу и, сложа руки, пойду по дорожкѣ, и покажется мнѣ все такъ глупо и смѣшно и слезы навертываются.

Spini пишетъ: *Quanto m'ha attristato l'udire il ritorno di m-elle Natali in Rossia, primo per quel caro angelo, poi per lei...* Онъ убить всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ Италіи.

Объ общемъ ничего особеннаго новаго и яркаго нельзя сказать. Старое зданіе приближается больше и больше къ разрушенію, — искусственныя подпорки долго не поддержать его, камни подняты вокругъ; иные совсѣмъ превратились въ пески, сыплются... Не только жить, даже участвовать въ зданіи новаго не удастся. *Natalie*».

«...Друзья, да зачѣмъ же васъ нѣтъ со мной. Все ждала отсылать это письмо, пока у насъ не успокоится, и я хоть сколько нибудь приду въ себя—но, кажется, этого я не дожусь долго,—а мнѣ хочется, чтобъ мое письмо пришло къ тебѣ къ новому году,—это пустяки, но мнѣ хочется. Наташѣ лучше, но выздоровленіе будетъ продолжительно. Саша все не очень здоровъ,—зима уничтожила все, что склеило лѣто. У него новый знакомый его лѣтъ, сынъ Листа, но они выдаются рѣдко. Листъ въ пансіонѣ. Я тебѣ пишу о немъ, потому что ты любишь его, и нельзя не любить, кто его коротко знаетъ,—благородная натура.

Трудно жить, *Natalie!*

Тургеневъ тебѣ кланяется, онъ у насъ всякій день; мы съ нимъ познакомились больше, я привыкла къ нему—талантъ его развивается все больше и больше. Онъ тебя помнитъ и любитъ; комедія его скоро будетъ напечатана. М-ше Влардо живетъ здѣсь. Горасъ съ семействомъ тебѣ кланяется. Я начну опять скоро писать тебѣ. Мнѣ жаль, что я не могу написать Еленѣ много; прочти ей или Расскажи все почему. Мы должны быть вмѣстѣ непремѣнно. Какъ я хотѣла бы быть въ деревнѣ и чтобъ было солнце и тепло—и ты была бы тутъ, а вдали Везувій—устала я, Тата.

Обнимаю, прижимаю тебя крѣпко. Пиши мнѣ все подробно — и скажи мой привѣтъ m-me P.

Милый мой пажъ, моя Consuela, пріѣзжайте ко мнѣ, пріѣзжайте домой.

Ваша, ваша, тысячу разъ ваша Natalie».

Н. П. Огаревъ — Н. А. Тучиковой.

Утро 7-го декабря.

«Я получилъ ваше письмо. Благодарю, благодарю, милый другъ. Въ этомъ письмѣ столько дружбы (я думаю, почти столько же, сколько во мнѣ къ вамъ, если можно мѣрить чувство)—оно было для меня благотворно.

Что мы сдѣлали шагъ къ дружбѣ—я въ этомъ не сомнѣваюся. Зачѣмъ вы думаете, что я надъ этимъ улыбнусь? Я это понялъ, когда мы ѣхали къ Корсакову и еще больше съ тѣхъ поръ, какъ васъ не вижу. Во мнѣ растетъ необходимость васъ видѣть. Стало быть, наша дружба должна, дѣйствительно, сдѣлаться неразрывной. Я писалъ Герценамъ, что желалъ бы ихъ видѣть, чтобы около меня были вы, они и Грановскій; для моего личнаго счастья этого довольно.

Вы жалѣете прошедшій годъ?—годъ юности, говорите вы, гдѣ вы были счастливы, не разсуждая; а я такъ не жалѣю прошедшій годъ; я васъ лучше люблю нынѣшній годъ, потому что вы теперь не ребенокъ; а такъ какъ я много старше васъ, то между нами устанавливается болѣе равенства,—теперь вы развили въ себѣ тѣ симпатичные элементы, которые привязывали меня къ вамъ, ребенку, котораго я былъ почти наставницей ¹⁾.

Теперь вы не ребенокъ и я васъ люблю въ нынѣшнемъ году лучше. То, что я чувствую къ вамъ, мнѣ слишкомъ дорого, чтобы я жалѣлъ прошедшее».

Акишино. Утро 8-го декабря.

«Видѣлъ васъ во снѣ. Не помню хорошенько что и какъ, но чувствовалъ во снѣ, что мнѣ везетъ счастье. Другъ мой, съ развитіемъ нашей дружбы для меня наступила эпоха новая. Не смѣйтесь. Такое чувство личнаго счастья было мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Я началъ вѣрить въ мою звѣзду, если можно выразиться такимъ словомъ. Вѣрю въ счастье, а боюсь, чтобы что нибудь внезапное не раз-

¹⁾ Онѣ звали шутя Огарева m-lle Nicolas.

рушило его, не то чтобъ разрушило, а помѣшало нѣкоторое время спокойно чувствовать все наслажденіе симпатіи. Скажу больше: я увѣренъ, что придетъ время, когда захотятъ разлучить насъ. Тогда надо будетъ много мужества, много рѣшимости. Вѣрю, у насъ достанетъ силъ, не хотѣлось бы; дайте вздохнуть отрадно. Говорятъ, у меня нѣтъ характера, это еще увидимъ».

Акишино. Вечеръ.

«Вчера я вамъ послалъ письмо, огромное, съ письмомъ Наташи Герценъ и разными ненужными книгами. вмѣстѣ съ тѣмъ письмо для отсылки вашему отцу въ Пензу.

Я не удовлетворился письмомъ Герцена и, вспомнивъ данное мнѣ право, прочелъ письмо Наташи. Пожалуйста, не дѣлайте недовольнаго лица. Ну, простите меня, простите. Я не выдержалъ,—вспомните, что вы и они для меня — все. Я не читалъ только ваше. Мнѣ кажется, я имѣю на то право, потому что люблю васъ, какъ Наташа васъ любитъ,—нѣтъ, больше. Я не знаю, сколько я васъ люблю—это невыразимо. Какъ я благодаренъ Наташѣ за письмо къ вамъ, и письмо, и она мнѣ такъ симпатичны—ну, какъ вы сами. Зачѣмъ у насъ, т. е. у Наташи, у васъ и у меня жажда свободы совпадаетъ съ желаньемъ уединенія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, и хорошіе люди мѣшаютъ жить? Вѣдь это жалко, другъ мой, жалко. Да зачѣмъ же хорошіе люди этого не понимаютъ? Вѣдь если бы мы съ вами жили вмѣстѣ, такъ просто иной разъ я сказалъ бы: «*Consuela*, хочу остаться одинъ»,—вамъ показалось бы это просто и нисколько неоскорбительно. А хорошіе люди косо посмотрятъ, какъ имъ это скажешь. Два ряда людей, говорилъ нѣкогда Гофманъ: *Gute Leute und schlechte Musikanten, und schlechte Leute, aber gute Musikanten*. Мы *schlechte Leute*, мы ни съ кѣмъ, кромѣ насъ, не уживемся. А музыкальнаго въ насъ много, право, много. Хотѣлъ сказать много, а сказалъ мало! Усталъ! Четвертый часъ, все тихо, но эта тишина всегда меня тревожитъ. Люди поступаютъ иногда какъ беззубыя собаченки,—не ждешь, а все того и гляди укусятъ. Прощайте до завтра, дайте ручку».

«Боже мой, *m-lle Consuela*, только проснулся и сталъ писать вамъ quasi германскую диссертацию, которая вѣдь собственно была назначена для Г. и, вѣроятно, надоѣла вамъ. Вы еще полны письмомъ Наташи, ея любовью къ вамъ. Я думаю, вамъ въ эту минуту хорошо! Сторона чувства сильнѣй захватываетъ человѣка, чѣмъ метафизика.

Довольно вашей симпатіи къ Наташѣ, чтобъ жить было хорошо и умереть бы не хотѣлось! У меня больше, чѣмъ когда нибудь, ожили мечты, что будущая осень застанетъ насъ четверыхъ въ Акишинѣ ¹⁾. Мнѣ хотѣлось бы, хотя на нѣсколько дней, этой полноты отношеній и любви. Можетъ въ жизни лучшей минуты не будетъ, развѣ на баррикадѣ. Не забудьте, что если намъ суждено погибнуть на баррикадѣ, то я съ вами а duo хочу погибнуть, т. е. хотѣлъ бы... Да! въ минуту смерти я хотѣлъ бы полной жизни! До свиданья! будетъ писать! Что я въ самомъ дѣлѣ не работаю. Сейчасъ примусь за дѣло. А сегодня будетъ письмо отъ васъ! Мнѣ на васъ посмотрѣть хочется.

Перечелъ ваше письмо, благодарю за страничку, писанную 1-го января. Мнѣ хорошо, когда вамъ безъ меня грустно. Знать, что вамъ безъ меня грустно — для меня счастье! а вы сомнѣваетесь, что оживили меня? Это не гордое чувство того, что будто бы: «je vous ai fait du bién»; я ожилъ, чувствуя, что вы меня любите. Мнѣ необходимо, чтобъ вы меня много любили. Если-бъ было не такъ, я, не смотря ни на какія хозяйственные дѣла, уѣхалъ бы чортъ знаетъ куда, уѣхалъ бы убитый горемъ, и не надо бы мнѣ въ жизни ничего. А теперь я живу и чувствую, что мнѣ хорошо и тепло на свѣтѣ и жить хочется, и я счастливъ. Намъ надо разлучаться какъ можно рѣже и не долго. Будь моя воля,—я никогда бы съ вами не разстался. Чего я въ день не передумаю? Иной разъ я съ вами у Г., другой разъ я васъ спасаю отъ всѣхъ и мы живемъ вдвоемъ, не знаю гдѣ, въ какой странѣ, но такъ хорошо. Чувствуешь, что глупо грезить, а оторваться невозможно.

Вечеромъ я сѣлъ къ фортепяно, думалъ о васъ и о музыкѣ (пусть это будетъ нераздѣльно) и мысль моя уносила въ другой міръ. Я не игралъ, но облокотился на фортепяно и закрылъ глаза, мнѣ представилась весна и лѣсъ. Я вспомнилъ мысль, которая давно вертѣлась у меня въ головѣ. Лирическая поэма. Содержаніе вотъ какое. Съ разсвѣтомъ я иду въ лѣсъ. Все начинается мало по малу пробуждаться. Солнце, листья, цвѣты, покрытые росой, птицы, насѣкомья. И я иду среди этого пробуждающагося міра. Кругомъ картины, звуки. Полдень, жарко. Я отдыхаю въ тѣни. Сквозь деревья видно синее небо, взоръ тонетъ въ немъ, а кругомъ звуки, мельчайшіе голоса, лѣсная тишь. Потомъ буря. Буря въ лѣсу, это что-то величавое. А потомъ тишина, позднее солнце и аромать. Я выхожу изъ лѣса въ лунную ночь. Путь оконченъ. Видна деревня. Все тихо, торжественно, пустынно.

¹⁾ Деревня Н. П. Огарева.

Давно вожусь съ этою мыслью. Думалъ сдѣлать въ стихахъ, потомъ symphonie для музыки. Подумалъ о Іоаннисѣ,—и сказалъ: нѣтъ! Почувствовала свое безсиліе. Не думайте, что я отказался отъ искусства, отдаваясь наукѣ, нѣтъ! талантъ исчезъ. Поэму эту я переживу въ дѣйствительности лѣтомъ, и ничего не напишу. Вѣдь жить тоже oeuvre d'art! А между тѣмъ для того, чтобъ быть музыкантомъ, отдавъ бы всю жизнь, прожитую безъ васъ. Теперь же ни клочка изъ жизни не отдамъ».

Акишино.

«Сегодня прочелъ комедію Тургенева. Сколько наблюдательности, таланта, граціи. Я убѣжденъ въ будущности этого человѣка. Онъ создастъ что-нибудь важное для Руси. А какъ онъ васъ любитъ! Кончилъ первую часть романа Некрасова. Тамъ послѣдняя сцена прощанье Каютина съ Полинькой. Это изъ сердца и изъ жизни вырвано! просто, живо!

До сихъ поръ я, со всѣмъ запасомъ любви, не умѣлъ любить ни одной женщины. Любилъ часто, недолго... Одну любилъ долго, но тутъ виной удивительная изящность, красота. Симпатіи между нами ни на грошъ, кромѣ ея дружбы ко мнѣ—можетъ изъ благодарности. Все это прошло, къ счастью! А скажите въ самомъ дѣлѣ, вы ко мнѣ имѣете столько дружбы, что и я и Наташа для васъ смѣшпваются въ одно лице? *Mlle Consuela! si je pouvais me divorcer d'avec ma femme, il faudrait nous marier; votre père aurait été tranquille et vous auriez été complètement libre.* Объ этомъ можно подумать, вы будете свободны, счастливы... А я... это все равно! Безъ всякихъ пожертвованій, я буду счастливъ вашимъ счастьемъ.

Вашъ отецъ писалъ мнѣ грустное письмо, тѣмъ грустнѣе, что онъ старался быть не грустнымъ. Я чувствую, что я его люблю. Но зачѣмъ же внутреннее сознаніе своего человѣческаго достоинства заставляетъ приходитъ къ заключенью, что сколько бы тяжело ни было,—примиряющихъ тенденцій мало. *Il faut battre en brèche ou combattre à mort.* Я понимаю, какъ St. Just возводилъ на эшафотъ лучшихъ друзей, а между тѣмъ сердце надрывалось. Попробуйте его успокоить нѣкоторое время. А потомъ я серьезно возьмусь за прежнее предложеніе. Дайте мнѣ сѣсть противъ васъ въ моей лабораторіи. Дайте мнѣ вашу руку, дайте сказать, что люблю васъ безмѣрно»..

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучновой.

17-го сентября 1848 года. Парижъ.

«Я и дѣти всѣ здоровы. Мы живемъ на той же квартирѣ, можетъ перейдемъ въ тѣ комнаты, гдѣ вы жили. Съ недѣлю тому назадъ мы собрались совсѣмъ въ Италію и... и остались. Анненковъ давно уѣхалъ; онъ не привезетъ вамъ портретовъ, а привезетъ ихъ вамъ Селивановъ. Тургеневъ все время жилъ на дачѣ,—пріѣзжалъ въ Парижъ на минутку и сейчасъ занемогалъ. Недавно онъ былъ здѣсь,—мы видѣлись съ нимъ въ театрѣ и какъ-то теплѣе, чѣмъ прежде. Я передала ему все, что ты поручила, Natalie; онъ сказалъ, что часто вспоминаетъ тебя, что яркими красками описалъ тебя тамъ, гдѣ онъ находится. Онъ говоритъ, что ему весело и хорошо.

Эмма васъ помнить и много любить; мы видимся довольно часто и всегда говоримъ о васъ. Зачѣмъ же вы не прислали вашего письма къ ней? Мало женщинъ, съ которыми мнѣ такъ хорошо, какъ съ ней; она похожа на свѣжую, ключевую воду, бьетъ безъ пѣны, но энергично. Георгъ бываетъ часто у Наташи; они питаютъ другъ къ другу болѣе, чѣмъ дружбу».

(Приписка А. И. Герцена). «Дайте вашу руку и вы, и вы, мы много помнимъ васъ, потому что много любимъ. Мы мало пишемъ—оттого, что хочется писать очень много. Здѣсь такая скука и тоска, что, я думаю, скоро люди будутъ топиться въ Севѣ. А. Герценъ».

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучновой.

6-го февраля 1849 г., полдень.

«Сейчасъ получила ваше письмо, отъ 2-го февраля. Я держу перо въ рукахъ и думаю о васъ, и льются слезы, и хочеть грудь разорваться, такъ тѣсно въ ней тому, что въ ней. Дѣти смотрятъ на меня съ удивленіемъ и спрашиваютъ: «что съ тобой, мама?»

Мое здоровье такъ плохо, что я не могу рѣшительно ѣхать къ вамъ, пріѣзжайте вы непременно. Неужели это правда? А? и мы вмѣстѣ пойдемъ, помнишь по темной аллеѣ, Natalie, гдѣ намъ предлагали пять франковъ, глупость. Плачу и смѣюсь, ну, что вы сдѣлали со мной?

Александръ все сдѣлаеть, что только можетъ, т. е. Александръ п я, но ты знай, Огаревъ ¹⁾, что Марья Львовна послѣднее время вела

¹⁾ Около этого времени Н. П. Огаревъ хлопоталъ о разводѣ съ женой, которая давно оставила его и жила въ Парижѣ съ извѣстнымъ художникомъ

себя невыразимымъ образомъ отвратительно: трезваго часа не было; Александръ ей замѣтилъ это, за что она разсердилась и возненавидѣла его и меня, перестала къ намъ ходить, и стала насъ поносить, это погибшее и не милое созданье. Пока прощайте, Огаревъ и Наташа. Ваша Natalie».

А. И. Герценъ — Н. П. Огареву.

10-го іюня. Парижъ.

«Я думаю для полнаго воспитанія моего скептицизма только недоставало этого мора, и еще разъ Франція отличилась.

Помнишь холеру въ Москвѣ въ 1831 г., сколько было благородныхъ усилій, сколько мѣръ, временныя больницы, люди, шедшіе добровольно въ смотрители, и пр. Здѣсь правительство не сдѣлало ничего, общество ничего, болѣзнь продолжалась два мѣсяца, — вдругъ жары неслыханныя (въ тѣни 30, 32°) и Парижъ покрылся трупами. Ни мѣстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ—трупы лежать въ домахъ два, три дня.

Мы переѣхали, наконецъ, на нѣсколько дней въ «Ville d'Avray». У меня на квартирѣ въ Парижѣ Ив. Сер. Тургеневъ занемогъ холерою, чуть не умеръ, однако, отходился; ахъ, братъ, Огаревъ, какъ сохнетъ умъ и сердце и какъ жирнѣетъ тѣло отъ всего этого. Миѣ иногда кажется только бы увидаться съ вами,—а тамъ—будто не все равно, все глупо, все безвыходно, все безумно.

Ты воображаешь, что я по вкусу, а не по необходимости всякій разъ обращаюсь къ древнему Риму, въ эпоху его разложенія,—нѣтъ, сходство такъ велико, что вмѣсто цѣлыхъ диссертаций стоитъ намекнуть на какое-нибудь имя, событіе того времени—и мысль не только ясна, но конкретна. Такъ пришло миѣ теперь въ голову положеніе философовъ въ III столѣтіи; у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на водворяемый.

Я давно какъ-то писалъ о нихъ и заключилъ тѣмъ: «Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе — съ язычествомъ у нихъ не было ничего общаго, кромѣ образа жизни, христіанство было недоступно ихъ свѣтской мудрости. Земля исчезала подъ ихъ ногами—и они утѣшались только мыслью, что они правы, участіе къ нимъ стыло—имъ оставалось гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ и ихъ; они

Вор бьевымъ. Изъ писемъ Герценовыхъ видно, что какъ Александръ Ивановичъ, такъ и Натали въ Парижѣ видѣлись съ его женой, старались уладить разводъ, но успѣха не было. Повліяемому неправильной образъ жизни разрушилъ здоровье Марья Львовны (жены Огарева) и она вскорѣ умерла, а Огаревъ женился на Н. А. Тучковой.

Т. П.

умѣли умирать не накупаясь (?) на смерть и безъ притязанія спасти міръ или прославиться; они гибли безучастно къ себѣ; они умѣли пощаженные смертью заворачиваться въ тогу и молча досматривать, что станеть съ Римомъ. Одно благо оставалось этимъ иностранцамъ своего времени — утѣшительное сознаніе, что они, понявъ свою истину — остались вѣрными ей, не испугались ея. Ибо истина страшна. Спокойная совѣсть и два, три друга, за неизмѣнимъ одного, который стоилъ бы троихъ (это комплиментъ тебѣ), хорошее бургонское, (а ргорос, я избобрѣлъ и ввелъ въ употребленіе пить огромное количество Nuit или Томаръ отъ холеры и очень удачно); вчера у меня Ник. Ив. Сазоновъ укралъ бутылку цѣлюю, а здѣсь достать нельзя, я даже разсердился. Кстати, займись его дѣлами, я вообще въ послѣднее время гораздо довольнѣе имъ.

Твое письмо въ три строки, разумѣется, давно получилъ; какъ не стыдно, что ты не написалъ ни строки потомъ о твоёмъ дѣлѣ.

Кстати, напиши непременно прислать микроскопъ, мы торопили, торопили мастера.

Natalie, дайте вашу руку или, лучше, просто позвольте васъ поцѣловать. А. Герценъ».

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучковой.

Ville d'Avray. 12-го іюня 1849 года.

«Давно не писала тебѣ, моя Natalie, писать не хочется и недостаточно, думаю о тебѣ много, люблю тебя еще больше. Иначе быть не можетъ, ты одна изъ лучшихъ живыхъ нитей бытія моего. Сплети нѣсколько шелковинокъ и потомъ выдерни одну изъ нихъ и ты увидишь, что стало бы со мною, если-бъ тебя, т. е. мою любовь къ тебѣ, отнять у меня».

Суббота.

«Мнѣ помѣшали; я расположилась было хорошо побесѣдовать съ тобой. Я живу теперь à la Robinson — маленькій домикъ, состоящій изъ одной маленькой комнаты, въ нее ведетъ лѣсенка, сплетенная изъ вѣтвей древесныхъ, кругомъ цвѣты, а у входа три тополя, достигающіе неба, стерегутъ меня отъ зноя, солнца и отъ холода людей. Не шутя, другъ, я никогда не жила такъ свободно и иной разъ сама хожу за водой. Чтобъ дала я за то, чтобъ ты пробыла теперь со мной 24 часа. Я бы дала за эти 24 часа—жизнь, болѣе нельзя дать. Твоя Natalie».

А. И. Герценъ — Н. П. Огареву.

Суббота.

«Любезный другъ, я начинаю рѣшительно убѣждаться, что Марья Львовна безумная, т. е. не *rag manière de dire*, а въ самомъ дѣлѣ. Она обругала m-me Георгъ, она даже тебя не пощадила, о ней и говорить нечего. Но что всего замѣчательнѣе, она кое-что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется, что Авд. Яковл. пописываетъ не одни романы. Впрочемъ, Марья Львовна при томъ такъ лжетъ, что не знаешь чему вѣрить. Я постараюсь всемѣрно, чтобъ она не вступила въ переписку съ тобой, но удастся ли—не знаю. Какъ глубоко жаль, что ты не послушался меня—я чувствовалъ, что много дурнаго выйдетъ изъ этого опыта;—по сію минуту не вижу границы на чемъ она остановится, эта грязная машина d'un saugefou; она говоритъ, что разочтется за всѣ прошлыя горести etc., etc. Прощай. Тяжело, грустно. Какой-то чадъ, всѣ люди свихнулись. К. Круповъ (Искандеръ)».

«Сократъ слабъ и безхарактеренъ. Я тебѣ ставлю въ обязанность тотчасъ отвѣчать; я только твоего отвѣта буду здѣсь ждать; къ 1-му мая я его долженъ получить. А. Герценъ».

18-го апрѣля.

«Я старѣюсь не по днямъ, а по часамъ — прожить бы съ вами, порадоваться на васъ — и вдаль, вдаль, въ глушь. Намъ необходимъ вашъ отвѣтъ, что, и какъ, и когда, и куда. Сію минуту пишите. А. Герценъ».

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучковой.

«Вы должны знать, какъ я провела день, въ который получила ваше письмо. Оно меня не удивило (я удивляюсь, что вы такъ долго не присылали этого письма), не удивило, а потрясло ужасно; день былъ чудесный, я одѣлась, надѣла бѣлыя, чистыя перчатки, не могла дожидаться другихъ, пошла гулять, накупила цвѣтовъ, отнесла ихъ Эммѣ; мнѣ хотѣлось весь свѣтъ усыпать цвѣтами, взяла съ собой Георга и пошла съ нимъ по *Champs Élysées*. Это единственные люди, съ которыми я не могла не подѣлиться тѣмъ, что происходило во мнѣ. Александръ пошелъ было хлопотать по вашему дѣлу. Эмма въ постели, у нея родилась дочь Ада—ну, такъ вотъ и пошли мы съ Георгомъ, веселые, какъ дѣти, дѣлали тысячу плановъ, шли, шли и пришли въ погребокъ и выпили съ нимъ съ радости бутылочку. Я смотрю на все съ гордостью,—республика и публика мнѣ кажутся вздоромъ, — у меня почти нѣтъ желаній, хотѣлось бы погулять съ вами въ хорошенькомъ мѣстѣ только. Твоя Natalie».

А. И. Герценъ — Н. П. Огареву.

«Теперь о дѣлѣ ¹⁾ Огаревъ. Никакой нѣтъ надежды, рѣшительно нѣтъ, что-нибудь сдѣлать *auprès de m-me*. Мозгъ ея разстроенъ окончательно, неудовлетворенное самолюбие принимаетъ различныя формы, иногда весьма благородныя, наивныя даже, но остается все самолюбіемъ, къ тому же ни минуты трезвой, она кричитъ о своей любви къ тебѣ, но не сдѣлаетъ ради нея ничего. Мнѣ больно писать тебѣ это, но не время нѣжничать, надо, чтобъ ты зналъ то, что есть, для того, чтобъ знати, какъ дѣйствовать. Если можно повредить въ этомъ дѣлѣ—такъ она можетъ повредить, это не излишняя недовѣрчивость къ ней; можетъ послѣ, когда ужъ и не нужно будетъ, она будетъ упрекать, зачѣмъ не обратились къ ней прямо, но ужъ это будетъ послѣ, а теперь, мнѣ кажется, что и трогать ее не надо. Повторяю, теперь она насъ ненавидитъ. Напиши же теперь, что ты хочешь, чтобъ мы попробовали, — тогда попробуемъ, а прежде не рѣшусь, боюсь повредить. Да ты ужасно глупо пишешь: «ѣдемъ въ Петербургъ». Когда? кто? зачѣмъ? и пр., можно бы подѣльнѣе написать; знаю, что не хочется, а зачѣмъ же друзья, какъ не затѣмъ, чтобъ дѣлать иногда то, что не хочется. Ну, пора, несу письмо на почту. Обнимаю васъ. Живите и наслаждайтесь. Последнее-то лишнее,—живите, этого довольно. А. Г.»

Наталья Ал. Герценъ — Н. А. Тучковой.

«Видишь, какъ это случилось (если интересуешь, прочти, а если нѣтъ — пропусти). Я прѣѣхала съ визитомъ къ Луизѣ Ивановнѣ, которая нанимаетъ здѣсь чудеснѣйшій паркъ; воздухъ, трава, природа,—словомъ, все противоположное тому, что въ Парижѣ, очаровало меня такъ, что я не могла воротиться въ него, взяла эту комнатку, переночевала и живу въ ней; ко всѣмъ прелестямъ приятное разстояніе отъ родственниковъ, которое не мѣшаетъ, однако, отправлять (?) у нихъ, обѣдъ и пр.

Со мной Саша и Наташа; Александръ переѣхалъ къ намъ. А Monte Mario, Natalie, французы заняли..... О Spini ни слуху, ни духу. Холера здѣсь свирѣпствуетъ; жена Рейхеля прѣѣхала къ Луизѣ Ивановнѣ въ гости, занемогла у нея и черезъ недѣлю умерла въ страшныхъ мученіяхъ. Тургеневъ собирался въ Пиринеи; передъ

¹⁾ Дѣло идетъ о разводѣ Н. П. Огарева съ его первой женой.

отъѣздомъ переѣхалъ къ намъ и занемогъ, но теперь вѣ всякой опасности и почти выздоровѣлъ; къ сожалѣнью, ни ты, ни холера не сблизили насъ; остальные всѣ, слава Богу, живы и здоровы и кланяться не приказали.

Чувствую себя свѣжо, ярко и юно, мой другъ; не знаю, чтобъ особенно чего недоставало для полноты моего существованья; для удобства многого недостаетъ, тысячу разъ удобнѣе было бы мнѣ склонить голову на твое плечо—какъ помнишь въ ту ночь въ неудобномъ дилижансѣ? чѣмъ утонуть въ пуху; тысячу разъ удобнѣе было бы, если бъ вообще перестроилось многое на свѣтѣ, и было бы удобнѣе, моя Cousueta, посмотреть въ твои глаза, вмѣсто того, чтобъ скрипѣть перомъ на бумагѣ. До сихъ поръ я не называла Огарева, это отъ того, что когда я говорю съ тобой, такъ думаю, что и съ нимъ. Такъ дайте же обнять васъ обоихъ крѣпко, крѣпко. А отчего же вы не напишите намъ ни слова такъ долго. Это не хорошо.

Не могу не передать тебѣ пріятное чувство, которое я испытала вчера: была ужасная гроза, дождь лилъ, какъ изъ ведра, Александръ былъ въ Парижѣ, дѣти шагахъ въ ста, одна Наташа спала въ моей комнатѣ; ну кто спитъ, тотъ тоже не ближе ста шаговъ отъ насъ, и такъ я была совершенно одна; это не часто случается мнѣ; это было безконечно пріятно. Я сидѣла долго, долго у открытаго окна; когда я одна—я ничего не боюсь. Я какъ-то дышала полнѣе и шире отъ того, что ни милое, ни постылое прикосновеніе не мѣшало мнѣ. Изъ этого не значить, что милая помѣха непріятна, никогда, совсѣмъ нѣтъ!

Обними за меня *Hélène*, прижми покрѣпче къ груди. Твоя *Natalie*».

Апрѣль 1849 г.

«Какъ я жалѣю, что мы не послушались нашего инстинкта, а твоей настойчивости, другъ; тяжелый день; Георгъ былъ—опять отказъ. Онъ оставилъ письмо и сейчасъ же получилъ отвѣтъ. Фу! Мнѣ не только было больно и тяжело за васъ, но я была страшнымъ образомъ оскорблена за человѣка. Нельзя предположить возможности подобной жестокости, низости и безумія—словомъ, вчера у нея была Эмма,—но къ чему подробности. Маска спала и эгоизмъ, одинъ жгучій, страшный эгоизмъ, явился во всей формѣ своей. Не только осторожно, но быстро, какъ можно быстрѣе, надо дѣйствовать. Вѣрь мнѣ и слушайся непременно, непременно. Мнѣ грустно, больно и страшно Мщеніе найдетъ вездѣ дорогу и средство повредить. Слышишь ты это? Все послѣднее время я находилась подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями. Въ Москву, скорѣй домой, и мы отдохнемъ. А въ той аллеѣ, гдѣ мы гуляли съ тобой, *Natalie*, будемъ бояться преслѣдованій пяти

франковъ. Когда мы ѣздили вдвоемъ въ кабріолетѣ и насъ подвезли къ погребку, помнишь, кучеръ принялъ одну изъ насъ за молодаго человѣка.

Пишите, ради вашей любви, и пишите. Natalie».

Изъ Парижа Герцены переѣхали въ Ниццу. Въ 1850 году ихъ поразило глубокое семейное несчастье. Мать Александра, возвращаясь изъ Парижа съ меньшимъ сыномъ его, Колей, черезъ Марсель, потонула вмѣстѣ съ ребенкомъ и его гувернеромъ въ Средиземномъ морѣ. Это такъ поразило Наталью Александровну, что послѣ этого ея, уже разстроенное, здоровье не поправлялось болѣе. Въ 1852 году у нея родился слабый ребенокъ и вскорѣ умеръ. У Натальи Александровны послѣ родовъ открылась сильная чахотка, которая свела ее въ гробъ, весной въ 1852 году.

Вотъ что писала о ея кончинѣ, спустя одиннадцать лѣтъ, старшая дочь ея, также Наталья Александровна, которую въ семьѣ звали Татой, къ Н. А. Огаревой въ Россію.

Н. А. Герцень (дочь) — Н. А. Огаревой.

Италія.

«Уже одиннадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мамаша скончалась. Боже мой, какъ время летитъ! Однако, я довольно ясно помню послѣднее время—особенно послѣдній день. Я тебѣ, кажется, уже нѣсколько разъ рассказывала все, что помню,—но позволь еще разъ припомнить и написать, чтобы у меня въ памяти тоже яснѣе осталось; помню, что встала я очень рано и, какъ обыкновенно, выбѣжала въ садъ. Мало по малу я стала замѣчать, что всѣ очень печальны; у Маши, m-me Енгельсонъ, m-me Тесье, у горничныхъ были заплаканы глаза; онѣ собирали цвѣты, вносили ихъ въ мамашину комнату, а въ послѣднее время мнѣ говорили, что цвѣты ей вредны, я тоже взяла нѣсколько цвѣтовъ и хотѣла войти, но меня не пустили,—это меня поразило; я воротилась въ садъ, не зная что думать, но предчувствуя что-то; тутъ папа позвалъ меня изъ окна. Я вошла къ нему — и помню, какъ будто бы вчера случилось,—онъ сѣлъ на диванъ, обнялъ меня, въ лобъ поцѣловалъ и такимъ голосомъ сталъ говорить — что слышно было, какъ онъ старается задержать слезы,—я уже раньше отгадала въ чемъ дѣло—онъ сказалъ: «Тата, мой дружокъ, ты не знаешь—мамаша умерла». У меня все кружилось въ головѣ и что-то давило грудь. Маша меня позвала на верхъ, къ постели; только тутъ я какъ будто поняла, видя, что мамаша не двигается, на меня не смотритъ, не ласкается — и зарыдала. Послѣ этого все становится смутнѣе;

только какъ сквозь сонъ помню, что приходили многіе знакомые, откуда не знаю, т. е. крестьянки, многихъ я никогда не видывала,—помню, что разъ вечеромъ нѣсколько вошло вмѣстѣ,—я была одна въ комнатѣ, въ нишѣ,—одна молоденькая крестьянка хотѣла поднять вуаль съ лица мамашинаго, старая ее остановила и сказала: «ничего не тронь». Онѣ всѣ поцѣловали у нея руку и ушли.

На другой день я опять была въ комнатѣ мамы; мнѣ сказали послѣдній разъ поцѣловать мамашу и брата маленькаго.—Въ это время я увидѣла въ другой комнатѣ дѣвочку, одѣтую въ черное платье. Ей сказали войти и тоже поцѣловать маму, но она съ какимъ-то страхомъ взглянула и сказала, что не хочетъ; ей потомъ сдѣлали подарокъ, два пистолетика крошечныхъ; кажется, это была дочь Гарибальди, если не ошибаюсь; два человѣка вошли за гробомъ—и меня увели. Тата» (Н. А. Герценъ, дочь).

На этомъ прекращаются имѣющаяся у меня переписка Натальи Александровны Герценъ (жены) и къ ней относящіяся письма.

Я помѣстила эти нѣсколько писемъ изъ имѣющейся у меня переписки семействъ А. И. Герцена и Огаревыхъ для большей ясности ихъ характера и взаимныхъ ихъ дружескихъ отношеній.

Т. П. Пассекъ.

Письма князя А. И. Вярятцскаго къ Н. И. Евдокимову.

I.

30-го декабря 1856 года.

«М. г. Николай Ивановичъ, приношу в. п. искреннюю и чувствительную мою благодарность за окончаніе перваго періода прекрасной вашей экспедиці, — успѣхъ чрезвычайный, и тѣмъ болѣе для меня пріятный, что опытными распоряженіями вашими сбережено такъ много крови. Теперь на ближайшее усмотрѣніе ваше передаю мысль, о которой прошу откровенно высказать мнѣ ваше мнѣніе. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ отвѣта».

II.

26-го января 1858 года.

«Вы меня сколько обрадовали, столько и удивили, почтениѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ. Обрадовали занятіемъ Аргунскаго ущелья, потому что всѣмъ и каждому на Кавказѣ извѣстно, какое съ этимъ словомъ связано прошедшее и будущее. Удивили — неимоვნю малою потерею людей. Попытки туда до сихъ поръ всѣ были неудачны и кровопролитны. Душевно васъ благодарю и вмѣстѣ съ тѣмъ отправляю сегодня-же курьера къ государю императору со всеподданнѣйшею просьбою оцѣнить вашъ подвигъ. Его величество въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ отъ 14-го января изъявляетъ особенное свое удовольствіе за первый періодъ вашихъ дѣйствій и жалуется вашему отряду по рублю серебр. на человѣка. Я же съ своей стороны обнимаю васъ дружески, почтениѣйшій Николай Иваповичъ, и желаю вамъ счастья и успѣха въ нынѣшнемъ году, будучи увѣренъ впередъ, что съ умѣніемъ и опытностью вашими вы окажете вновь основательныя услуги, которыя приближать паденіе Шамиля. Ожидая съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ вашихъ извѣстій и военныхъ предположеній, касательно

новыхъ вашихъ завоеваній—прошу принять увѣреніе искренней моей благодарности и чувствъ полнаго уваженія къ блистательнымъ вашимъ заслугамъ».

III

26-го января 1859 года.

«Вы не перестаете радовать меня на каждомъ шагу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Занятіе Таузана, а вѣроятно уже и Алистанджи, открыли вамъ непреложныя соображенія, съ которыми я не только вполне соглашаюсь, но которымъ я съ радостью сочувствую и вижу въ нихъ самыя положительныя залогомъ къ осуществленію нашей надежды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что все вновь предположенное можетъ только осуществиться съ занятіемъ Веденя и съ устройствомъ отъ нашей линіи туда хорошаго колеснаго сообщенія. Вотъ задача, которую слѣдуетъ рѣшить до начала апрѣля нынѣшняго года, покуда лѣса не одѣнутся листомъ. Само собою разумѣется, что я не вижу надобности давать вамъ къ исполненію этого предпріятія указанія: ваша опытность служить мнѣ лучшимъ ручательствомъ во всякомъ родѣ успѣха, но я предлагаю вамъ, ежели для исполненія моего желанія вамъ недостаетъ какихъ либо средствъ, то просите, чего вамъ нужно, и я поспѣшу исполнить вашу просьбу. Настала та минута для васъ, почтеннѣйшій и многоуважаемый Николай Ивановичъ, когда однимъ ударомъ вы дорѣшите великій вопросъ умиротворенія Чечни, и съ тѣмъ вмѣстѣ положите начало покоренія Дагестана.

Возвышая ваше имя, вы вмѣстѣ съ тѣмъ дадите мнѣ утѣшительный для моего сердца случай утвердить въ мысляхъ великаго Государя нашего то высокое понятіе, которое я имѣю о васъ.

Въ ожиданіи скорого отвѣта, обнимаю васъ дружески и со всею теплотою сердечнаго моего расположенія къ вамъ, благословляю васъ на грядущія ваши побѣды и посылаю въ распоряженіе ваше 50 Георгіевскихъ крестовъ, которыми вы, по усмотрѣнію и на мѣстѣ, награждаете сотрудниковъ вашихъ, когда совершаютъ они ожидаемый мною подвигъ, а вождя ихъ награждать достойно царь».

IV.

13-го февраля 1859 года.

«Опять спѣшу благодарить васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за ваши успѣшныя дѣйствія. Да благословить васъ Господь въ славномъ предпріятіи вашемъ. День и ночь буду ждать извѣстій, и мысленно, постоянно во снѣ и на яву, нахожусь съ вами.»

Разрѣшаю вамъ наградить храбрыхъ солдатъ за прошедшія дѣла высланными вамъ 50-ю крестами.

Посылаю сегодня еще сто крестовъ, въ запасъ для раздачи по предстоящимъ вашимъ подвигамъ.

Обнимаю васъ дружески».

V.

7-го апрѣля 1859 года.

«Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ.»

Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ и ваше имя въ устахъ каждаго. Великій день для меня былъ вчерашній, когда графъ Ферзенъ объявилъ мнѣ о взятіи Веденя. Онъ ѣдетъ сегодня съ донесеніемъ къ Государю Императору, благоусмотрѣнію и щедротамъ котораго я повергаю достойно наградить вождя и славнаго его отряда. Сегодня на разводѣ, послѣ большаго молебствія въ соборѣ, войска кричали: «Ура!» генералу Евдокимову и чеченскому отряду». Посылаю вамъ еще 200 знаковъ отличія для храбрыхъ воиновъ вашихъ. Полковникъ N передастъ вамъ мое воззваніе къ войскамъ лѣваго крыла. Поблагодарите ихъ еще сердечно за меня. Обнимаю васъ дружески».

Вотъ и упоминаемое въ приведенномъ письмѣ воззваніе:

«Войскамъ лѣваго крыла. Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдой. Неодолимыя доселѣ преграды пали, Ведень взятъ и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ великаго государя. Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его».

VI.

23-го апрѣля 1859 года.

«Какъ радостно для меня, любезнѣйшій графъ Николай Ивановичъ, называть васъ титуломъ, всемилостивѣйше пожалованнымъ милостью царскою за услуги ваши. Не хочу лишать фельдъегеря, привезшаго вамъ рескриптъ и Георгіевскій крестъ,—вручить ихъ вамъ лично; но вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю къ вамъ сына родной сестры моей, чтобы васъ сердечно поздравить отъ меня. Оня вручить вамъ и милостивыя слова государя къ войскамъ, вспомошествовавшимъ въ великомъ подвигѣ вашемъ»...

Воззваніе князя А. И. Барятинскаго къ кавказскимъ войскамъ.

«Кавказскія войска! Возвѣщаю вамъ новую радость: Государь Императоръ, въ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ ко мнѣ, благодарить васъ за взятіе Веденя. Передаю вамъ собственныя выраженія его величества:

«Скажи моимъ кавказскимъ молодцамъ, что они лучшаго подарка не могли сдѣлать на день моего рожденія; что я ими горжусь за новый подвигъ, которымъ они себя ознаменовали въ самыхъ нѣдрахъ нашихъ враговъ».

Примите, храбрыя войска, мое сердечное поздравленіе».

Приказъ князя А. И. Барятинскаго по войскамъ.

26-го августа 1859 года.

«Шамиль взятъ — поздравляю кавказскую армію».

Воззваніе князя А. И. Барятинскаго къ войскамъ лѣваго фланга послѣ взятія Веденя.

«Слава генералу Евдокимову! Слава ему, неусыпными трудами, распоряженіями и подвигами приблизившему часъ паденія Шамиля! Слава главнокомандующему, сумѣвшему выбрать достойнаго исполнителя задачи, сумѣвшему достойно цѣнить достойнаго, сумѣвшему славное дѣло довести до славнаго конца!»

Сообщ. копіи съ подлинниковъ графиня А. А. Евдокимова.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА

1863—1864 гг.

III ¹⁾.

Сиваковская ограда занимала пространства около половины квадратной версты; въ ней помѣщались двѣ громаднѣйшія казармы, изъ коихъ одна была двухъ-этажная, и масса землянокъ, въ которыхъ ютились товарищи, имѣвшіе средства заплатить за нихъ. Землянки, конечно, были собственностью каторги и за нихъ, собственно говоря, платить бы и не слѣдовало, но дѣло въ томъ, что рабочіе, соорудившіе землянки раньше для себя, могли лишить ихъ всѣхъ атрибутовъ человѣческаго жилья, т. е. повынимать окна, двери, заслонки и т. п., вотъ за это-то право обладанія частями зданія товарищи и платили, получая при этомъ и все зданіе въ придачу, и размѣщались человѣка по 3—4, смотря по величинѣ землянки. Впослѣдствіи, когда клопы и другія насѣкомыя, вмѣстѣ съ испорченнымъ воздухомъ и тягостью совмѣстной жизни, начали надоедать обитавшимъ въ казармахъ, многіе стали строить себѣ землянки, а даже и деревянные настоящіе домики, на что начальство отпускало очень охотно матеріаль, а опустѣвшія казармы пополнялись все новыми и новыми партіями.

Въ концѣ концовъ, въ сиваковской оградѣ образовался городъ, — небольшой, но съ густымъ, сравнительно, населеніемъ (насъ было около 1,000 человѣкъ), съ улицами, которыя носили названія: «Новый Свять», «Краковскіе преждемѣсціе» и т. п., съ колбаснымъ заведеніемъ, кафе-рестораномъ, гдѣ всякій могъ выпить за копѣйку два стакана чаю, а прибавивъ еще копѣйку, становился обладателемъ и куска сахара;

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, августъ, стр. 421 — 446; сентябрь, стр. 583 — 604.

появилась лавчонка съ разною мелочью, биллиардъ, сооруженный на собственныя средства, кегли, словомъ все, что необходимо для городской жизни. Всѣ эти учрежденія создавались не на коммунальныя средства, а капиталами отдѣльныхъ личностей, которыя приобрѣтали отъ этого сносный барышъ.

Покуда судъ да дѣло — жизнь была вольготная, индивидуальная: всякъ жилъ, какъ ему вздумалось, — дѣлалъ, что ему угодно; начальство ни во что не вмѣшивалось и работъ не только «каторжныхъ» — никакихъ не было, да и не предвидѣлось; для сношенія съ начальствомъ былъ выбранъ староста, а для продовольственной части — хозяинъ ¹⁾: на обязанности перваго было — охранять наши права предъ имѣющими власть, сноситься съ начальствомъ, хлопотать о разныхъ улучшеніяхъ, словомъ быть представителемъ всего общества; второй долженъ былъ вести расчеты съ подрядчиками вообще и съ нами по-особо, и не оставлять насъ безъ пищи, что было не такъ-то легко, почему въ должность эту выбирался человекъ, какъ говорится, «дока», опытный, — а для болѣе удобнаго расчета съ нами, все общество было раздѣлено на группы, десяткі или камеры, и представитель каждой федераціи снабжалъ своихъ членовъ всѣмъ необходимымъ, получая таковое отъ хозяина. Ремесленники и мастеровые, составляющіе среди насъ значительный процентъ, скоро принялись за свои спеціальности, благодаря чему появились сапожныя, портняжныя, столярныя и т. п. мастерскія; въ большинствѣ случаевъ, конечно, заказы получались отъ нашей же братьи; многіе и не знавшіе ремесль принялись теперь усердно за пихъ; иные стали пополнять, по имѣвшимся скуднымъ источникамъ, научные пробѣлы, другіе же, плюнувъ на все, проводили время въ «dolce far niente», или за биллиардомъ, кеглями и шахматами, вообще всѣ вышеупомянутыя вещи никогда не оставались свободными отъ играющихъ, начиная съ утра и до поздней ночи. Городъ, словомъ, былъ какъ слѣдуетъ, со всѣми элементами городского населенія!

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, бывший староста попросилъ отставку; нужно было выбирать новаго человека, что оказалось очень труднымъ. Какъ найти такую личность, которая удовлетворяла бы требованіямъ: красныхъ, бѣлыхъ и умѣренныхъ? Какъ подыскать человека, обладающаго способностью мирить непримиримое, дѣлать такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы, т. е. чтобы и начальство было довольно, и наши интересы не страдали? Мы были въ такомъ же положеніи, какъ любой парламентъ конституціонной державы

¹⁾ Артельщикъ. Но мы называли „Gospodarz“, что слово въ слово значитъ хозяинъ.

передъ выборами, и хорошо понимали, что намъ,—чтобы миновать Сциллу и Харибду, нуженъ человѣкъ на этомъ посту опытный, способный, пользующійся довѣріемъ всѣхъ товарищей, умѣющій все мирить и при томъ не теряющій своего достоинства передъ начальствомъ; если принять при этомъ во вниманіе то, что всякая партія желала имѣть старосту изъ среды своей, то вы согласитесь, что задача эта была не изъ легкихъ. Но выбирать было необходимо: каждая камера, группа или десятокъ выставили своихъ кандидатовъ, при чемъ «голоса» разсматривались въ совѣтѣ представителями отъ этихъ же федераций; когда кандидаты были избраны, тогда въ ходъ пошла общая баллотировка, и получившій больше половины всѣхъ голосовъ былъ избранъ старостою.

Покуда не было никакихъ намековъ на каторгу, какъ привыкли ее понимать, мы жили полусвободно въ импровизированномъ городкѣ, не доставало только свободы, нельзя было разгуливаться по окрестностямъ, это былъ городъ въ осадномъ положеніи, или, еще вѣрнѣе сравненіе—выдерживающій карантинъ. Пройдетъ срокъ карантина—и мы свободны.

Я постараюсь начертить хотя слабую картину каторжной жизни въ Сиваково.

На дворѣ чудное лѣтнее утро. Солнце только что выкатилось на горизонтъ большимъ краснымъ шаромъ, его частичка еще скрывается гдѣ-то за темно-синимъ лѣсомъ, а лучи уже блеснули сквозь щели забора, еще минута, и въ ограду полились, черезъ заборъ, косые золотистые лучи, одинъ изъ нихъ заглянулъ, сквозь отворенное окно, и въ нашу камеру, скользнулъ по стѣнкѣ, по нарамъ и спустился на полъ, освѣщая широкую полосу мелкой пыли, плавающей и переливающейся на яркомъ солнышкѣ. Въ камерѣ, не смотря на отворенное окно, духота нестерпимая, въ воздухѣ носится какой-то специфическій казарменный запахъ парнаго тѣла, ножнаго пота и прѣлыхъ опучъ; на нарахъ лежатъ разметавшись товарищи,—двое или трое, изъ мастеровыхъ, уже сидятъ за работой и подтруниваютъ полупешотомъ надъ спящими.

— Берегись, пане Яне,—отодвинься, а то панъ Игнацы втянетъ носомъ какъ муху,—ишь какъ храпить! трунить портной.

— Пускай его спать,—онъ и то вчера усталъ бѣдняжка, вѣдь другой давно бы отказался, а онъ все молчитъ, да работаетъ какъ волъ, а за какое спасибо? возражаетъ сапожникъ, немилосердно вколачивая шпильки въ подошву.

Одинъ изъ спящихъ поближе къ сапожнику началъ переворачиваться съ боку на бокъ, ворча сердито подъ носъ и посылая къ чорту всѣхъ сапожниковъ—въ особенности своего сосѣда.

— А кто пану не велѣлъ ложиться пораньше спать,—огрызается сапожникъ, вы вчера вертѣлись тутъ до полуночи, какъ въ толчеѣ, а же васъ къ чорту не посылалъ.

— Да вертитесь вы себѣ хоть всю ночь, только ради Бога не стучите такъ, когда всѣ спятъ, вѣдь это чистая бѣда, ей Богу... стукъ... стукъ... стукъ!... Какъ сумасшедшій... Ажъ мозги болятъ.

— Такъ вы бы шли лучше въ больницу, если такъ слабы мозгами, а то видишь, панъ, для меня неудобно работать ночью,—надо свѣчи покупать, а теперъ я пользуюсь даровымъ освѣщеніемъ.

— Тише, панове! кричить второй проснувшійся, черти какіе, постоянно разбужаютъ своимъ крикомъ, перебили сонъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Пся крѣвы! Этихъ сапожниковъ надо бы въ отдѣльную камеру помѣстить, — изъ-за нихъ постоянно шумъ, — проворчалъ еще кто-то.

— «Долой сапожниковъ!» крикнулъ кто-то съ наръ, приподнявъ голову, и юркнулъ подъ одѣяло,—испугавшись своей храбрости.

— Попробуй,—отозвался сапожникъ, узнавъ по голосу съ кѣмъ имѣть дѣло,— я такое же имѣю право на мѣсто, какъ и ты, я сражался за «отчизну», а не бѣгалъ—какъ вашъ братъ....

— Тише, панове! тише! какъ вамъ не стыдно поднимать всегда шумъ изъ-за пустяковъ, начинаетъ проповѣдывать какой-то старичокъ, давно проснувшійся отъ шума; вѣдь онъ, панове, дѣломъ занимается, не зря стучитъ, а мастеровому человѣку надо пораньше встать, сами знаете.... Насъ «москали» сослали въ каторгу,—да!—а въ чемъ она заключается?.. Работъ, какъ видите, никакихъ,—но мы сами создаемъ себѣ каторгу,—постоянной ссорой изъ-за пустяковъ,—неуступчивостью, неснисходительностью другъ къ другу! Другой лба не перекрестить, вставъ отъ сна, а всѣхъ чертей помянетъ....

— «Ну!... пошла писать!» «Завелъ пѣсню!»... ворчитъ про себя молодежь.

За сапожника заступаются его товарищи, мастеровые, ободренные рѣчами старичка. «Да и что въ самомъ дѣлѣ за срамъ,—всю ночь шумять, галдятъ,—а день настанетъ,—не смѣй ихъ разбудить, ходи на ципочкахъ,—что за баре такіе? Мы здѣсь всѣ равны!»

— «Долой баръ!» крикнулъ кто-то съ наръ, приподнявъ голову, и юркнулъ опять подъ одѣяло.

Шумъ усиливается, слышенъ говоръ нѣсколькихъ голосовъ, не разберешь,—ссорятся или шутятъ. На нарахъ полусидя, полулежа, обращается второй проснувшійся къ первому.

— И вообразите себѣ, на самомъ интересномъ мѣстѣ: вижу это я,

будто мы стоим обозомъ недалеко Бѣлгорая, начальникъ насъ не пускаетъ въ «мястечко», а мнѣ очень хотѣлось тамъ быть; вдругъ вижу—я въ Бѣлгораѣ,—знакомая улица, бѣленькій домикъ, на дворѣ палисадничекъ,—вообразите, еще теперь слышу запахъ цвѣтущей сирени. Какая-то «паненка» отворяетъ двери, и... тутъ этихъ чертей подняло!...—разбудили.

— Панове! не зѣвайте, «господаржъ» (артельщикъ) ушелъ за мясомъ, говорить кто-то изъ другой камеры,—сегодня мяса мало, будетъ вамъ постъ, какъ опоздаете.

— Пане Игнацы! а пане Игнацы! вставайте скорѣе, «господаржъ» уже ушелъ,—да смотрите же, не прозѣвайте и сегодня, какъ вчера, а то опять достанутся намъ жилы, да кости,—будить старичекъ своего товарища, который былъ у насъ камеральнымъ, а вмѣстѣ со старикомъ составлялъ отдѣльную артель.

Въ камерѣ начинаютъ шевелиться; кто встаетъ, кто одѣвается, одинъ молодецъ храпить во всю ивановскую, не обращая вниманія ни на какой стукъ и шумъ. Дежурный торопится подмести камеру, чтобы скорѣе съ плечъ лишнее бремя. Кто-то ворчить, что онъ ужасно пылить, другой ругается за то, что ужъ больно налил воды на полъ,—цѣлая лужа!—иной говорить, ни къ кому собственно не обращаясь: ну и мететь? Какъ будто метлы въ рукахъ никогда не держаль.

— Да, ласковый пане! не держаль, возражаетъ дежурный, а вотъ вы, я вижу, имѣли дѣло съ метлой частенько,—выучите меня пожалуйста.

Ближайшіе сосѣди вмѣшавшагося не въ свое—раскохотались,—а тотъ ступевался. Наконецъ, процедура подметанія кончилась, всѣ почти на ногахъ, привезли мясо; наступаетъ самая трудная задача для пана Игнацего.

Мясо артельщикъ получалъ отъ подрядчика гуртомъ, и выдавалъ его сейчасъ же камеральнымъ цѣлыми четвертями,—а тѣ привозили четверти въ ограду и въ присутствіи всей честной компаніи дѣлили ее на столько частей, сколько состояло артелей въ камерѣ,—а въ камерѣ бывало по 7 и 10 артелей, т. е. по 3, по 4 человекъ въ артели, а иной не хотѣлъ никакой компаніи, самъ одинъ составлялъ артель и подавай ему фунтъ или два мяса, сколько онъ пожелаетъ—и надо было рубить четверть на 7 или 10 кусковъ, да такъ, чтобы во всякомъ кускѣ ровно было столько, сколько желала какая артель, и мясо было бы одинаковаго достоинства, т. е. и жиру, и мякоти, и костей всего въ пропорцію. Да тутъ самый опытный мясникъ не въ силахъ былъ бы удовлетворить всѣхъ,—но когда возьмется за это дѣло вовсе не мясникъ, и не опытный, даже не умѣющій владѣть топоромъ,—не

только не удовлетворитъ никого, а еще сдѣлаетъ дефицитъ на 3—4 фунта; тутъ на пана Игнацего сыплются со всѣхъ сторонъ упреки,—какъ на Макара шишки. Одинъ обижается, что ему дали слишкомъ много костей, другой—что мякоть безъ жира, третій ворчитъ, что ему не довѣсили четверть фунта.

Панъ Игнацы все терпѣливо переносятъ, удовлетворяя всѣхъ, елико было возможно,—получалъ для себя самый послѣдній кусокъ, и не достающее отъ развѣшиванія мясо принималъ въ свой счетъ, и, въ концѣ концовъ, получалъ выговоръ отъ своего сотоварища, что опять прозѣвалъ хорошее мясо.

— Эхъ, пане Игнацы! пане Игнацы! Не умѣете вы жить, какъ я вижу, причитываетъ поучительнымъ тономъ старичекъ,—и что съ вами будетъ, когда выйдете на волю? пропадете! ей Богу пропадете, потому—въ васъ нѣтъ житейской практики....

Панъ Игнацы, большею частью, отмалчивался.

Теперь начинается приготовленіе обѣда. Одинъ изъ всякаго кружка (артели) принимается за это искусство, всякій день поочередно. Работа кипитъ во всѣхъ углахъ,—тутъ чистятъ котелки, тамъ полощатъ мясо, въ иномъ рубятъ котлеты. Печка желѣзная, имѣющаяся во всякой камерѣ, скоро покрывается сплошь котелками различнаго калибра; одинъ опоздалъ со своимъ котелкомъ, на печкѣ положительно негдѣ спичкой ткнуть, но онъ хочетъ умудриться, посредствомъ раздвиганія котелковъ въ обѣ стороны, сдѣлать мѣсто своему,—при этой операціи одинъ изъ котелковъ опрокидывается, и все содержимое льется на раскаленную печку. Паръ, дымъ, угаръ наполняютъ камеру и, не смотря на отворенныя окна, плаваютъ синимъ облакомъ подъ потолкомъ. На виновника сыплются со всѣхъ сторонъ упреки, брань, крикъ,—тотъ старается отшучиваться, но это ему не удается, въ виду всеобщаго ожесточенія.

— Тише, панове! тише! Какъ вамъ не стыдно поднимать всегда такой шумъ изъ-за пустяковъ, кричить старичекъ, ну что же такое случилось?—розлилъ!—пролилъ! Эка важность, подумаешь, есть изъ-за чего галдѣть.—Не нарочно вѣдь....

Но голосъ старичка теряется въ такомъ хаосѣ, его не слышно,—шумъ усиливается,—противники ожесточаются. Шутка-ли! нужно мѣсто для одного котелка—а его нѣтъ,—виновникъ, опрокинувшій котелокъ, отстаиваетъ свои права, а что котелокъ опрокинулся, въ томъ виноватъ тотъ, кто такъ плохо его поставилъ; хозяинъ же котла стоялъ на томъ, что онъ раньше занялъ мѣсто на печкѣ, и въ силу первенства захвата долженъ пользоваться мѣстомъ первый. Словомъ, борьба за существованіе въ полномъ разгарѣ, и чѣмъ бы она кончилась—не-

извѣстно, ибо панъ Игнацы нѣсколькими словами примирилъ враговъ: снявъ съ печки свой котель, онъ сказалъ: «кому надо мѣсто, вотъ оно, мнѣ ѣсть еще неохота, я сварю послѣ».

— Эхъ, пане Игнацы! пане Игнацы! И помните же вы мое слово... слышно сквозь шумъ правоученіе старичка.

Наконецъ, дѣло съ котелками улеглось, угаръ и дымъ понемногу исчезаютъ, сердца самыхъ ожесточенныхъ борцовъ за существованіе смягчились, коль скоро причина борьбы исчезла. Начинаютъ острить по поводу случившагося казуса и дѣло, передъ тѣмъ такъ серьезное, теперь кажется такъ ничтожнымъ, что сами спорящіе начинаютъ подтрунивать—особенно надъ паномъ Игнацымъ, что такъ легко, безъ боя, такъ сказать, отдалъ позицію.

Обѣдъ поспѣлъ. Кто-то ухитрился зажарить въ котелкѣ кусокъ мяса, но такъ какъ другой посуды у него не было, то онъ остался безъ супа.—«Панове! Кто желаетъ со мною въ компанію, предлагаетъ обладатель жаркого,—требуется супъ или борщъ и у насъ будутъ два блюда!» Находятся компаніоны и обѣдаютъ на славу.

Но не подумайте, что съ обѣдомъ возня у печки кончилась и мы будемъ избавлены отъ дыма, угара и шума... Ничуть не бывало! Одинъ только что снялъ съ печки свои котелки и обѣдаетъ,—другой сейчасъ же приставляетъ варить. Одни обѣдаютъ въ 11 часовъ, другіе въ 2,—третіе въ 4. Однимъ словомъ, возня около печи весь день не прекращается, то утюги калятъ, то воду грѣютъ,—а кто-то завелъ даже вузницу около печки,—положить на горячіе угли кусокъ подпика, раскалить до бѣла и затѣмъ жарить его сапожнымъ молоткомъ на обухѣ, силясь придать этому кусочку форму какого-то инструмента, а если углей не хватитъ, валить въ печку два, три полѣна, благо дрова не покупные. А въ камерѣ между тѣмъ жара нестерпимая; привычные мастера сидятъ себѣ въ однѣхъ рубахахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, острятъ за работой, рассказываютъ другъ другу разныя побасенки; а кому дѣлать нечего, и этихъ было большинство, отправляются на свѣжій воздухъ, кто заходитъ къ знакомымъ въ землянки побалагурить, кто въ кафе-ресторанъ или билліардную, остальные такъ шляются, безъ цѣли, по импровизированнымъ улицамъ Сиваковской ограды, то въ одиночку, то парами или цѣлыми группами; слышны говоръ, смѣхъ, шутки, остроты и разныя замѣчанія. А сколько типовъ? Сколько характеровъ? Какое богатое поле для наблюдателя? Вѣкъ бы, кажись, изжилъ, не встрѣтись съ такой разношерстной, разнохарактерной массой,—ищи ихъ тамъ по бѣлу свѣту, собирай въ одиночку, а здѣсь всѣ въ кучкѣ. И какихъ, какихъ то тутъ нѣтъ? Добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, самоотверженныхъ и эгоистовъ,

и смѣшныхъ, и пошлыхъ, и напыщенныхъ... и всякихъ, всякихъ, что и не перечестъ.

Спасаясь отъ жары, угара и шума казарменнаго, выхожу и я на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. За казармой (одно-этажной), на восточной сторонѣ ограды, тянутся, разбросанныя въ безпорядкѣ, землянки, принадлежащія разнымъ лицамъ болѣе или менѣе состоятельнымъ. Около землянки «ксендза каноника» собралась группа 5—6 человѣкъ; въ этой группѣ двѣ личности сразу привлекаютъ вниманіе всякаго свѣжаго человѣка, одинъ изъ нихъ юноша съ женскимъ лицомъ, одѣтъ щегольски въ малороссійскій костюмъ: свитку изъ бронзоваго сукна, съ краснымъ шелковымъ подкладомъ въ рукавахъ, широкіе шаровары, сапожки съ отворотами, въ бѣлой рубашкѣ съ узенькимъ воротничкомъ, болтается громадный бантъ изъ красной шелковой ленты, на головѣ высокая шляпа; все на немъ чисто, аккуратно, самъ онъ такъ скромнень, что поневолѣ думаешь: не женщина ли это переодѣтая, его и назвали въ шутку «красной дѣвицей». Рядомъ съ нимъ стоитъ здоровенный дѣтина лѣтъ 24, въ холщевой арестантской рубахѣ, тѣсной, короткой и, кажется, отъ сотворенія своего, ни разу не стиранной, въ такихъ же портахъ, въ чиркахъ на босу ногу—конечно, безъ шапки. Онъ кажется щеголяетъ тѣмъ, что похожъ на настоящаго жигана; вся его мощная фигура дышетъ цинизмомъ. Какой контрастъ между этими двумя личностями! Однако, какъ много между ними общаго. Оба они щеголи; первый имѣлъ средства и щеголялъ чистотой,—второй, не имѣя ихъ—щеголялъ неглижерствомъ; какъ одинъ, такъ и другой пересаливали, первый въ скромности, второй—въ цинизмѣ. Если жиганъ сказалъ про кого: «я бы повѣсилъ его какъ собаку», то можно быть увѣреннымъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, и нельзя ручаться, что онъ не отдастъ ему послѣдній кусокъ въ голодную минуту.

Дальше видѣется ярко-красная фланелевая рубашка а-ля Гаррибальди, прикрывающая довольно тучное тѣло мужчины лѣтъ 40, съ краснымъ, вульгарнымъ, лоснящимся лицомъ, на груди болтается массивная золотая цѣпочка, поясъ широкій, лакированный, поддерживаетъ порядочное брюшко, брюки яркаго цвѣта прятались въ сапожки съ лакированными отворотами. Вся фигура здоровая, упитанная до того, что противно смотрѣть голодному. За что сослали въ каторгу это животное?—я не знаю, но вѣрно Царство Польское много выиграло, избавившись отъ такого пошляка. Прокутивъ въ Польшѣ громадное имѣніе, онъ привезъ съ собою оставшіяся нѣсколько тысячъ, которыхъ не успѣлъ спустить дорогою, и теперь всѣми силами старался блеснуть своимъ безобразіемъ: покупалъ и истреблялъ громадное количество

вина, устраивалъ непрерывные кутежи, съ обязательствомъ не спать трое сутокъ,—а буде кто уснетъ, съ того ведро водки, и кутежъ опять, и т. д., и т. д.

Прискорбно и обидно вспоминать такіе факты, тѣмъ болѣе, что въ Сиваково существовалъ свой судъ, который за малую кражу какимъ-то бѣднякомъ присудилъ сего послѣдняго къ 15 ударамъ розгами и исключенію изъ сиваковского общества, а безобразія богатымъ помѣщикомъ совершались безнаказанно.

Какъ? розгами? тѣлесному наказанію? — удивится читатель, и это среди людей, дравшихся за свободу?—но что же дѣлать, фактъ совершился, скрыть нельзя. А «изъ пѣсни слова не выкинешь». Я передаю свои воспоминанія,—вспомнилъ и этотъ фактъ, ну и записалъ, не разбирая каковъ онъ самъ по себѣ.

Но вотъ вышелъ и самъ хозяинъ землянки, ксендзъ - каноникъ; онъ замѣчательнъ тѣмъ, что, во-первыхъ—каноникъ, во-вторыхъ—носилъ шелковый подрясникъ и рясу изъ очень тонкаго сукна, а въ третьихъ—имѣлъ перстень съ дорогимъ солитеромъ, и носилъ его на мизинцѣ правой руки, которою онъ такъ удачно жестикулировалъ во время разговоровъ, что перстень сыпалъ тысячу искръ, и не было возможности не замѣтить его на пальцѣ ксендза-каноника. А прочимъ ничѣмъ онъ не былъ замѣчательнъ. За землянкой ксендза-каноника виднѣлись такія же: профессора-натуралиста Дыбовскаго, Чекаловскаго, Парве, помѣщика Миткевича и инженера Корзуна, адвоката Мошинскаго и столько иныхъ, что нѣтъ возможности ихъ всѣхъ припомнить.

Передъ одной изъ нихъ пылаетъ костеръ, надъ которымъ виситъ на козлахъ котелокъ, и самъ «господаржъ» (артельщикъ) изощрается въ кулинарномъ искусствѣ. Это другой панъ Игнацы. Онъ съ самаго утра трудился для общественнаго блага, безъ всякаго возмездія, безъ всякой корыстной цѣли, не только не требуя простаго спасибо, но еще перенося тысячу мелкихъ неприятностей. Съ нимъ живетъ бывший староста, человѣкъ въ высшей степени гуманный, честный и прямой. Къ костру приближается прилично одѣтый молодой человѣкъ, съ бараньей физиономіей, примазанной головой, на видъ, кажись, идиотъ. Но какъ наружность иногда обманчива бываетъ. Этотъ молодой человѣкъ проявилъ такую смекалку, что никому и въ носъ не бросилось. Мы удивлялись въ Иркутскѣ, зачѣмъ онъ накупалъ такую массу: сахару, табаку, мыла, нитокъ, пуговокъ и прочихъ мелочныхъ принадлежностей, но когда въ Сиваковой ощутилась потребность во всемъ этомъ и молодой человѣкъ, открывъ лавочку, сталъ торговать, получая изрядный барышъ, мы поняли, что онъ пойдетъ высоко. И теперь, когда я пишу эти строки, навѣрно этотъ человѣкъ ворочаетъ громадными ка-

питалями, гдѣ бы онъ ни былъ, ибо имѣлъ всѣ необходимые задатки на то, чтобы быть хорошимъ купцомъ,—все для себя, ничего для другихъ, и хорошо зналъ цѣну деньгамъ.

Обойдя рядъ землянокъ, я повернулъ на улицу и пошелъ вдоль всей ограды; встрѣтись съ двумя знакомыми, острившими, отъ нечего дѣлать, надъ своей же братіей, я присоединился къ нимъ, чтобы послушать, отъ нечего же дѣлать, ихъ болтовню. Народу снова было множество, какъ будто въ настоящемъ городѣ; всякій совершалъ обыденную послѣбѣденную прогулку и всякому почти доставалось отъ злыхъ зоиловъ. Нашлявшись вдоволь и убѣдившись, что зоилы тоже совершаютъ обыкновенное послѣбѣденное чесаніе зубовъ языкомъ, я отправляюсь въ свою камеру.

Настаетъ время чаепитія. Печка въ камерѣ опять заставлена котелками, хотя не такъ густо, какъ утромъ, ибо многіе имѣли кой-какіе самоваришки, слѣдовательно не всѣ грѣли воду въ котелкахъ, но все-таки печка трещитъ раскаленная и въ камерѣ жара невыносимая. Нѣкоторые «чаютъ», обливаясь жаркимъ потомъ; къ пану Игнацу кто-то пришелъ съ сосѣдней камеры просить одолжить ему самоварчикъ,—когда будетъ свободенъ.

— «Какъ? съ другой камеры!»,—отзывается кто-то съ другаго угла,—«не давайте, пане Игнацы, не давайте,—лучше намъ одолжите, своимъ,—вѣдь вы нашъ камеральный!»

— Можете и вы взять послѣ,—отвѣчаетъ панъ Игнацы, только прежде панъ N напьется чаю,—онъ первый просилъ.

— А что, пане Котовскій, не сыграть ли намъ въ шахматы? предлагаетъ одинъ любитель другому.

— Извольте, соглашается вызванный, только на интересъ.

— А на какой?

— Да хотя бы на кусокъ сахара къ чаю.

— Гмъ!—можно,—если дадите ферзя впередъ.

— Ogo!-go!—слишкомъ много будетъ,—дамъ вамъ коня и туру.

Вызвавшій соглашается и начинается игра; сосѣди, заинтересованные игрой, слѣдятъ издали; къ нимъ присоединяются еще другіе товарищи и около игроковъ образуется порядочная кучка.

Наконецъ, и чай отпили; настаетъ вечеръ, солнышко все клонится и клонится къ западу; пространства ему осталось пройти не больше, что въ ширину ограды; оно устало за день и, обрадовавшись скорому отдыху, умѣрило свой жаръ; съ рѣки подулъ свѣжій вѣтерокъ. Это самое пріятное время дня и потому всѣ спѣшатъ воспользоваться оставшимися двумя, тремя часами — и высыпали на импровизированный сиваковскій бульваръ. Группы пестрѣютъ, движутся, перемѣняются,

словно въ калейдоскопѣ; не успѣешь присмотрѣться къ какомунибудь интересному субъекту, какъ попадаются на глаза новыя и новыя все лица.

Чу! что я слышу? не сонъ ли то, — въ оградѣ гдѣ-то слышны звуки фортепіано. Прибавляю шагъ, стремлюсь въ ту сторону, откуда слышна музыка.... изъ окна маленькаго деревяннаго домика льются звуки чудной симфоніи.

Музыка! въ каторгѣ музыка!... Кто же въ состояніи понять, какое отрадное чувство рождаетъ она въ наболѣвшихъ сердцахъ заключенныхъ!... Сколько пріятныхъ минутъ она мнѣ напоминаетъ, сколько думъ наводитъ! Сердце трепещетъ, какъ бы почувя что-то родное. Ни то тоска, ни то радость наполняютъ душу. А глаза полны слезъ... Ахъ, какъ я желалъ бы, въ эту минуту, куданибудь скрыться, чтобы хотя одинъ часъ остаться самимъ съ собою, — забытья, потонуть въ морѣ думъ и мечтаній, и полетѣлъ бы я на крыльяхъ своей фантазіи далеко, далеко! туда! гдѣ слышалъ когда-то такіе же чудные звуки и эту же самую симфонію.... а какой упоительный весенній вечеръ былъ тогда!... и тысячу сладкихъ минутъ толпятся въ воспоминаніи, — и столько разнородныхъ чувствъ волнуютъ грудь; что-то нѣжно, очень нѣжно сжимаетъ сердце, оно какъ будто и больно, и отрадно..

А народъ между тѣмъ снуетъ взадъ и впередъ какъ на толкучкѣ; они, кажется, смотрять на меня, — ужъ не замѣтили-ли слезъ на моихъ глазахъ? Вотъ, подумаютъ, баба! мальчишка! какой стыдъ... Куда же мнѣ укрыться отъ нихъ... Увы! нѣтъ такого мѣста, куда ни сунься — вездѣ народъ, — все новыя и новыя лица.

Между домиками, обращенными задомъ къ оградѣ, и оградой есть свободный промежутокъ, тамъ снуютъ въ одиночку задумчивыя товарищи, навѣрно ищущіе тоже уединенія. Нѣкоторые смотрять сквозь щелку забора. Чего они смотрять? Что они хотятъ тамъ увидѣть, чего не видно бы было изъ оконъ казармы? Волшебная сила какая-то влечетъ ихъ машинально къ щелкѣ, желаніе взглянуть на свѣтъ Божій за оградой, — такъ ли тамъ солнышко свѣтитъ какъ здѣсь, такъ ли все вѣтеръ играетъ съ травкой... и я машинально нагнулся къ забору и украдкой согналъ слезу, дрожащую на рѣсницахъ. А за оградой ничего особеннаго не увидѣлъ, только солнышко спустилось еще ниже и чуть не коснулось верхушки лѣса.

Не пойти ли мнѣ въ камеру, — теперь всѣ прогуливаются и казармы, навѣрно, пустыя.

Въ камерѣ, дѣйствительно, пусто; одинъ мастеровой трудится надъ отдѣлкой сапога; онъ такъ занятъ, такъ углубился въ свою работу, что не обращаетъ ни на что вниманія. А какой чудный вечеръ! Какъ

часто, бывало, я въ такіе вечера дома выйду въ садъ съ флейтой и польются у меня звуки «дана ой дана!», а эхо относить голось куда-то далеко, далеко. И, вспоминая бывое время, я беру флейту и затягиваю «Niemasz bo rady dla duszy kozaszej» (нѣтъ совѣта для души казака).

Откуда явились сейчасъ любители! — одинъ подходитъ и садится возлѣ меня на нарахъ, другой, стоя, подхватываетъ фальшивымъ голосомъ «bo u nas inaszej, inaszej» (ибо у насъ иначе, иначе).

И тутъ неудача! и тутъ помѣшали! — Съигравъ кое-какъ двѣ, три строфы, я бросаю флейту. Любители просятъ съиграть еще.

— Съиграй, панъ, еще что-нибудь, веселенькое. Вы такъ хорошо играете, а какъ хорошо слушать флейту лѣтнимъ вечеркомъ. И что это вы такъ рѣдко играете, и т. п.

Польщенный такой просьбою, я не въ силахъ отказаться, но мнѣ чего-то стыдно, чего-то неловко, на сердцѣ — слезы, въ душѣ тоска. И я играю веселую пѣсенку съ плачемъ: «Jak nie mam być wesoły, zgineję mi dwa woły...» (Какъ мнѣ не веселиться, потерявъ пару воловъ). Куда бы мнѣ скрыться, думаю себѣ между тѣмъ. Въ камерѣ нашей было что-то въ родѣ хоръ, подъ самымъ потолкомъ, — Богъ знаетъ, для какой цѣли построены. Мы устроили тамъ школу для желающихъ, но вечеромъ и ночью было тамъ пусто, и вотъ, бросивъ музыку, я отправляюсь туда. Но увь! и тутъ опоздалъ, — здѣсь сидѣлъ пригорюнившись какой-то горемыка; упершись локтями въ столъ, онъ обхватилъ обѣими ладонями щеки и сидѣлъ неподвижно, словно каменный, вперивъ куда-то свой взоръ... Онъ не шелохнулся даже, когда я взошелъ, — такъ углубился въ свои мечты, что и не замѣтилъ меня. Я сошелъ тихонько внизъ и отправился опять на улицу.

Зорю давно уже проиграли на гауптвахтѣ, солнце давно скрылось подъ горой и на дворѣ сумерки, а около кеглей еще порядочная кучка игроковъ; тутъ слышны смѣхъ, остроты, словомъ, веселы какъ на свободѣ. Увлечшись игрою, другой забылъ на время про тюрьму, про каторгу, и хотя одинъ часъ былъ свободенъ. Но время летитъ одинаково въ каторгѣ, какъ и на свободѣ; сумерки постепенно сгущаются и незамѣтно переходятъ въ ночь; на дворѣ даже холодно стало и всѣ потянулись къ своимъ жилищамъ.

Въ камерѣ сапожникъ уже давно храпитъ, не обращая вниманія на шумъ и громкій хохотъ своего сосѣда, рассказывающаго что-то другому и хохочущаго надъ своимъ собственнымъ рассказомъ, находя его почему-то достойнымъ смѣха.

— Чего онъ хохочетъ? спрашиваетъ одинъ слушатель другаго.

— А видите-ли, какъ бы это вамъ сказать? Есть три сорта весе-

лыхъ анекдотовъ: 1-й, когда всѣ слушатели смѣются, кромѣ самого рассказчика, 2-й, когда и слушатели, и рассказчикъ смѣются, и 3-й, когда слушатели не смѣются, только самъ рассказчикъ. И все это зависитъ не столько отъ содержанія анекдота, сколько отъ умѣнья передавать.

Съ другой стороны сапожника трое усѣлись на нарахъ по ту-репки, имѣя въ серединѣ табуретку, на которой они доканчиваютъ вчерашнюю пульку преферанса. Около нихъ нѣсколько любопытныхъ зѣвакъ заглядываютъ игрокамъ въ карты и рѣшаютъ напередъ ихъ судьбу, т. е. будетъ ли безъ одной или при своихъ. Дальше сгруппировалась порядочная кучка около какого-то балагура изъ другихъ камеръ,—всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ, боясь проронить хоть одно слово изъ интереснаго рассказа. По временамъ, слышится въ этой кучкѣ дружный взрывъ хохота... Въ другомъ углу, два заклятые врага, одинъ изъ отряда Лянгевича, другой—Мирославскаго, возобновили чуть ли не въ сотый разъ споръ о томъ, кто дѣльнѣе—Лянгевичъ или Мирославскій. Конечно, всякій стоялъ за своего начальника и утверждалъ, что виною всему обстоятельства: если бы не то-то, да вотъ то-то было бы, все иначе пошло.... споръ походилъ на ссору, противники, казалось, вцѣпляются другъ другу въ бороды. Кой-кто хлопочетъ надъ постелью, иной уже лежитъ и перекидывается словцами съ сосѣдомъ. Въ камерѣ дымъ отъ папиросъ плаваетъ густымъ облакомъ, духота невыносимая, въ воздухѣ носится какой-то гулъ смѣшанныхъ голосовъ, отрывистыхъ фразъ, смѣху и брани,—вдругъ громкій хохотъ покроетъ на минуту весь шумъ,—и опять гудить, кипить какъ лава, клокочущая въ вулканѣ, а сквозь шумъ и гамъ доносятся иногда болѣе громкія слова: Лянгевичъ, Крукъ, семь безъ козырей, Мирославскій, пасъ, пся кровь... и все это смѣшивается въ какой-то адскій хаосъ, отъ котораго непривычная голова пойдетъ кругомъ.

Но всему бываетъ конецъ; нѣкоторые изъ зрителей и слушателей начинаютъ позѣвывать, а затѣмъ, порѣшивъ, что лучше пойти спать, отправляются всякъ въ свою камеру и заваливаются на постель; балагуръ тоже ушелъ; кучка слушателей разошлась; пулька преферанса окончена благополучно и игроки сводятъ счеты,—занимается заря; съ прогулки возвращается спавшій до полудня богатырскимъ сномъ юноша. Онъ очень остроумно избѣгалъ тяжести совмѣстной жизни: день почти проспять, а ночью гуляеть по оградѣ и будто самъ одинъ. Наконецъ, послѣдняя свѣча тушится и въ камерѣ водворяется не надолго тишина, нарушаемая только храпѣніемъ.

Вотъ вѣрное представленіе того впечатлѣнія, какое вынесъ бы

всякій, пробывшій сутки въ Сиваковской казармѣ. Конечно, жившіе въ землянкахъ были избавлены отъ многихъ неудобствъ. Нѣкоторые вели совершенно иную жизнь; такъ, на примѣръ, профессоръ Дыбовскій былъ занятъ съ утра до вечера своими книгами — классификаціей разныхъ насѣкомыхъ, птицъ и звѣрей, собираніемъ рѣдкостныхъ растеній, для чего ему не воспрещалось ходить на экскурсію — и каторги для него не существовало. Онъ даже очень радъ былъ случаю познакомиться ближе съ сибирской фауной и флорой. Но это исключеніе и я не берусь описывать какъ жили товарищи въ землянкахъ, я тамъ не жилъ, — а въ общемъ набросанная мною картина вѣрна.

Такъ тянулись дни за днями, проходили недѣли и мѣсяцы. Скука и тоска иногда одолѣвали при всемъ стараніи забыться въ физическомъ трудѣ или умственномъ занятіи; однообразіе скучное, до безконечности, начинало надоѣдать, и мы рады были иногда сплетни какойнибудь или пуфу, пущенному нарочно какимънибудь скучающимъ, потѣхи ради, все же разнообразіе на часъ. И когда мы узнали, что пріѣхалъ ксендзь изъ г. Нерчинска, что будетъ служить «мессу», будетъ исповѣдывать насъ, — то-то мы обрадовались. Очистивъ самый большой домикъ, мы устроили въ немъ алтарь, прибрали его мало мальски, чтобы походить немножко на костелъ, и ждали съ нетерпѣніемъ мессы. Мнѣ все казалось почему-то, что этотъ ксендзь непременно долженъ походить на ксендза Робака, изъ поэмъ Мицкевича, — навѣрно привезетъ намъ массу новостей, политическихъ извѣстій..... Но увидавъ его гладкое расплывшееся лицо, лоснящееся отъ удовольствія и жиру, я долженъ былъ разочароваться.

Но прочь предубѣжденія! Каковъ ни на есть ксендзь, все же таки онъ апостоль вѣры христіанской, намѣстникъ самого Христа... Идемъ въ домъ молитвы.

Началась месса; изъ-за сотни головъ ничего не видно, но звонъ маленькаго колокольчика увѣдомляетъ насъ о ходѣ мессы.... вотъ звонять 9 разъ — это «sanctus», второй звонокъ — «Elevatio», наконецъ, и Agnus — совершенно какъ въ костелѣ! Когда же послѣ мессы, изъ сотни набожныхъ грудей полились звуки хорошо знакомаго гимна — я закрываю глаза и мысляю переносусь на родину, въ хорошо знакомый мнѣ костелъ... Боже! какъ давно я не былъ въ костелѣ! Какъ давно я не слышалъ такого торжественнаго пѣнія!... Я стараюсь подхватить ноту, чтобы слить свой голосъ съ хоромъ, но голосъ что-то дрожить... обрывается..... Я не могу пѣть этого гимна — я не чувствую въ себѣ той вѣры, съ какою пѣлъ его когда-то, — но его тонъ, звуки мнѣ такъ пріятны, такъ отрадны, такъ много, много мнѣ на-

поминають.... я чувствую, что слезы наполняют мои вѣки,—стараюсь сдерживать ихъ, чтобы не выдать своихъ чувствъ. Одна предательская слезинка выкатилась, задрожала на рѣсницахъ и упала. Господи, теперь бы мнѣ укромный уголокъ, я бы зарыдалъ какъ ребенокъ, далъ бы волю своимъ чувствамъ и половину горя выплакалъ со слезами. Но тутъ, на глазахъ столькихъ зрителей—никогда! Я моргаю чаще рѣсницами, вынимаю платокъ, чтобы вытереть потъ на лбу, — при этомъ мнѣ удалось высушить немножко мокрые глаза, — и бѣгу вонъ изъ дома молитвы.

Дня черезъ три—четыре ксендзъ уѣхалъ и у насъ потянулись опять дни за днями, однообразные, скучные.

Какъ-то разъ намъ объявили, что потребуютъ надняхъ 60 человекъ на казенныя работы. Поднялся шумъ, гамъ, началось волненіе; одни стояли на томъ, что на работы слѣдуетъ ходить, что противъ воды плыть не резонно, и что работы будутъ не трудныя, наконецъ, въ гигиеническомъ отношеніи онѣ крайне для насъ полезны. Другіе кричали, что, напротивъ, на работы вовсе не слѣдуетъ ходить, что нечего этимъ баловать начальство,—оно сегодня потребовало 60 человекъ, а завтра потребуетъ 160,—а когда убѣдятся, что мы покорные телята, то и всѣхъ насъ впрягутъ и будутъ на насъ ѣздить и т. п. Однимъ словомъ, что хотя бы пришлось употребить силу, а надо поставить на своемъ. Однако, когда время пришло, требовавшіеся 60 человекъ охотно вышли въ застѣнный міръ, чтобы полюбопытствовать, что это за штука «каторжныя работы?»

Вотъ мы и «на работахъ»; насъ раздѣлили на три кучки: однимъ дали поперечныя пилы и заставили рѣзать аршинныя чурки, по 6 штукъ на пару, за урокъ; другимъ всучили топоры и предложили колоть чурки и вытесать по 20 наглей для баржъ, по образцу; третьи, наконецъ, получили напаріи и должны были пробуровать въ баржѣ каждый по 20 дыръ за урокъ. Увы! скоро начальство отказало намъ въ работѣ: мы быстро испортили баржу, переломали пилы и одни лишь (колушки) нагли вышли полусносно. Увидѣвъ результаты нашихъ трудовъ, начальство придумало очень ловкую штуку, результаты отъ которой вышли повстинѣ величественные: намъ объявили, что всякій, выработавшій болѣе одного урока, за каждый лишній урокъ получить по 20 коп.; благодаря этому обстоятельству, мы быстро научились владѣть орудіями и работа закипѣла: ни одна артель рабочихъ, напримѣръ, не могла такъ искусно конопатить баржъ, какъ дѣлали это мы; многіе изъ насъ стали дѣлать по 3—4 урока въ день, такъ что начальство должно было вдвое, а потомъ и въ три раза увеличить уроки: не сдѣлай этого, оно было бы въ накладѣ и не маломъ: работа

такъ и горѣла, всё съ радостью ходили на нее, и заставлятъ ходить на работы никто никого и не думалъ, всегда были охотники.

Такъ проводили мы время въ Сиваковой, когда намъ объявили, что требуется 30 человѣкъ въ Читѣ—«починять мостовыя»; я записался въ число желающихъ и скоро очутился въ Читѣ, гдѣ жизнь была несравненно лучше, чѣмъ въ Сиваковой. Мы помѣстились въ «полупаркѣ», и сходявъ два—три раза на работы, прекратили ихъ, вслѣдствіе какихъ-то соображеній начальства, благодаря чему всякъ занялся своимъ мастерствомъ и жилъ довольно сносно; начальство относилось къ намъ прекрасно, въ благодарность за что и мы употребляли всё усилія не дѣлать ему неприятностей, сдерживая горячія головы отъ какихъ бы то ни было скандаловъ, и самое большое—если иногда кто-нибудь провелъ одну ночь въ «полупарка», и то такъ тихонько, что мы и сами не знали.

Въ Читѣ началась жизнь совсѣмъ иная; помѣщеніе мы имѣли чистое, свѣтлое, двѣ камеры общія, но очень просторныя для насъ, и три комнатки малевькія на 3—4 человѣка. Впослѣдствіи, когда къ намъ прислали еще партію, очистили для насъ еще одну половину полупарка, гдѣ раньше помѣщались семейные артиллеристы. Эта громадная комната раздѣлена была досчатыми переборками во всю длину пополамъ, и затѣмъ одна половина еще въ поперекъ на 8 или 9 каморокъ; съ одной изъ такихъ каморокъ удалось помѣститься и мнѣ съ товарищемъ. Слава Богу! теперь я на половину избавился отъ многихъ неудобствъ совместной жизни,—правда, въ каморкахъ было немного тѣсно, двоимъ; установивъ двѣ кровати, столъ и два ящика, оставалось узенькое пространство, ни больше, ни меньше, какъ чтобы пройти одному человѣку отъ двери къ столу, но за то у насъ была свободная другая половина комнаты, гдѣ мы могли гулять и расправлять одеревенѣлыя отъ сидѣнія члены. Столъ мы устроили общій, и у насъ оставалось много свободного времени, которое мы употребляли преимущественно на разныя ремесла.

Но не смотря на такія удобства, не смотря на довольно свободную жизнь, тюрьма,—нравственный гнетъ, здѣсь болѣе ощущались, нежели въ Сиваково. Здѣсь мы часто ходили въ городъ съ конвойнымъ, слѣдовательно, осязательно чувствовали надъ собою надзоръ. Въ Сиваково же, кто не желалъ видѣть за собою стражи со штыкомъ, могъ цѣлый годъ ее не видѣть, слѣдовало только не выходить за границу своего государства; въ оградѣ можно было весь день ходить, словно въ городѣ, не встрѣчаясь ни съ часовымъ, ни съ конвойнымъ; тутъ

все было свое: нравы, обычаи, языкъ, свобода (только въ оградѣ), можно было говорить всякій вздоръ, никто не доносилъ и не арестовывалъ,—можно было пѣть всякія революціонныя пѣсни,—и ничего! даже досадно иногда было, что никого это не задѣваетъ, и многіе пѣть совершенно перестали.

Въ Читѣ же не то; явилась необходимая потребность сношеній съ городомъ, съ властями,—пойдешь иногда въ лавку купить фунтъ свѣчей и непременно за тобой хранитель со штыкомъ, чтобы напомнить тебѣ, что ты, мошь, каторжный. Жители давали намъ много работы и хорошо платили; приходилось изъ-за этого подчиняться чужимъ вкусамъ, чужимъ требованіямъ, сталкиваться съ иными нравами, обычаями, и незамѣтно привыкать ко всему чужому, теряя и сглаживая все свое. Теперь мнѣ легче объясняться на русскомъ языкѣ, нежели на польскомъ; нѣкоторые польскіе обычаи мнѣ кажутся даже смѣшны, какъ раньше казались смѣшны русскіе,—но къ этому я перешелъ незамѣтно въ теченіи 20-ти лѣтъ, а началось это въ Читѣ. Въ Сиваково были споры, доходившіе до ссоры иногда изъ-за идеи, изъ-за принципа большею частью. Тутъ же изъ-за принципа никогда не спорили, а изъ-за копѣйки ссорились. Всякъ жилъ для себя, углубившись въ производство сапогъ, картузовъ, и знать не хотѣлъ объ остальной братии. Была въ Читѣ музыка изъ 9-ти человѣкъ, но и она не вызвала ни одной божественной искорки въ сердцахъ братии. Да и сама музыка наша не имѣла этой искры, она имѣла характеръ профессіи; мы ходили со своей музыкой въ городское собраніе, играли по цѣлымъ ночамъ, получая изрядные куши — и въ каждой нашей ноткѣ слышна была—не поэзія,—а «пожалуйте копѣчку» — и изъ-за копѣчныхъ расчетовъ, наконецъ, разошлись и музыканты.

Черезъ годъ послѣ нашего пребыванія въ работахъ, намъ былъ объявленъ высочайшій манифестъ, сокращающій наши сроки на половину; многіе, конечно, обрадовались этому и вышли на поселеніе, другіе приуныли, потому что надѣялись на полное освобожденіе; одни говорили, что только путемъ помилованій мы можемъ избавиться отъ каторги и Сибири вообще, иные, напротивъ, утверждали, что нужно употреблять силу; что если сами мы не освободимся, то насъ тутъ заморятъ; но такъ какъ поклонниками послѣднихъ взглядовъ была незначительная группа самыхъ красныхъ, то слова остались словами и на практикѣ матеріальная сила не привелась въ исполненіе.

Началось передвиженіе: одни уходили на поселеніе, другіе отправлялись въ Нерчинскіе заводы и рудники; «полупаркъ» въ Читѣ былъ очищенъ, а насъ перевели въ Домну, 18 верстъ за Сиваковой, въ маленькій деревянный острогъ, расположенный среди открытой

степи. Скука страшная охватила насъ послѣ жизни въ Сиваковой, и особенно въ Читѣ: сидишь цѣлый день въ оградѣ или въ камерѣ и просто съ ума отъ тоски сходишь; выйти некуда, да и предлога сначала не было, покуда мы не узнали, что въ степи растетъ полевой чеснокъ (мангыръ), употребляемый окрестными жителями, какъ противуцынготное средство; не долго думая, мы тотчасъ всѣ заболѣли цынгой и выхлопотали дозволеніе путешествовать по степи за чеснокомъ по 10 человѣкъ вмѣстѣ и по два раза въ день; но и это не разгоняло тоску, такъ что мы очень обрадовались, услыхавъ, что Домна упраздняется и насъ переводятъ въ Сивакову. Но и эта послѣдняя скоро разочаровала насъ: общественной жизни—никакой, всякъ думалъ о самомъ себѣ, развивалось какое-то болѣзненное озлобленіе и эгоизмъ.

Осенью 1866 года я, въ числѣ охотниковъ (около 30 человѣкъ), отправился въ Нерчинскіе заводы; осень была чудная и мы, не слѣша, сопровождаемые 2—3 конвойными, наслаждались восхитительною природою Забайкалья, дѣлая по одному, много по два станка въ сутки и останавливаясь на квартирахъ, гдѣ всегда встрѣчали самый радужный пріемъ и необыкновенное довѣріе, которое мы всегда старались оправдать. Впрочемъ, вѣтъ, не всегда! Былъ одинъ случай, о которомъ я и до сихъ поръ вспоминаю съ душевнымъ прискорбіемъ, и который расскажу ради безпристрастія и еще потому, что финалъ его разыгрывался при мнѣ. Дѣло вышло такого сорта: между Александровскимъ заводомъ и Кадайнскимъ рудникомъ, въ какой-то деревушкѣ, остановились на квартирѣ двое политическихъ. Хозяинъ, поздно возвратясь, сказалъ женѣ, вынимая пачку кредитныхъ билетовъ изъ-за пазухи, что онъ продалъ коня и завтра намѣренъ уплатить подати,—затѣмъ, положивъ деньги за икону, отправился спать; каково же было его удивленіе, когда на другой день онъ не нашелъ денегъ за иконою,—напрасны были всѣ поиски, предположенія, подозрѣнія—деньги какъ въ воду канули. Но на политическихъ, ночевавшихъ тутъ, никто и не подумалъ, они уѣхали преспокойно дальше.

Однако, деньги взялъ одинъ изъ нихъ, О....чь. Это математически доказалъ ѣхавшій съ нимъ Н...скій, записывая тщательно всѣ расходы и приходъ О....ча, и, зная сколько у него было денегъ до сего времени, не трудно было узнать истину. Но вотъ финалъ, который довелось мнѣ слышать собственными ушами.

Послѣ высочайшаго манифеста, когда многіе изъ Кадаи выходили на поселеніе, староста обратился къ товарищамъ со слѣдующею рѣчью: «Господа! вамъ извѣстно, что тамъ-то, въ такое-то время у

крестьянина пропало 30 рублей денег; изъ достовѣрныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, что это дѣло одного изъ нашихъ—суди его Богъ! товарищи; но мы должны вознаградить крестьянина; я думаю, всѣ вы съ этимъ согласны: дайте же, кто сколько можетъ, не порицая не счастливаго, который, несомнѣнно, давно раскаивается въ своемъ поступкѣ».

Деньги сейчасъ же были собраны и вручены на обратномъ пути хозяину.

Возвращаюсь къ разсказу.

Передневавъ въ г. Нерчинскѣ и перемѣнивъ конвойныхъ, мы отправились въ Александровскій заводъ, гдѣ спустя 2—3 дня насъ отправили съ новыми конвойными въ Кадайнскій рудникъ.

Кадая — большая деревня съ 3 — 4 улицами и достаточнымъ количествомъ переулковъ, расположена у подошвы горы при незначительной рѣчонкѣ; вотъ въ концѣ-то этой деревни были построены: два острога (одинъ каменный, другой деревянный), казарма для солдатъ, а на небольшой горѣ видѣлась шахта съ подъемнымъ колесомъ и лѣстницей; немного ниже—былъ расположенъ сарай, въ которомъ разбивали молотками на мелкіе куски руду; кругомъ сарая видѣлись кучи битой руды; у самой рѣчки, по другую сторону деревни, была устроена штольня — капитальное сооруженіе: тунель въ ростъ человѣка—отъ рудника къ рѣчкѣ—для стока воды.

Въ Кадайнскомъ острогѣ мы размѣстились въ двухъ камерахъ и почти половина изъ насъ занялась различнаго рода ремеслами, при чемъ всѣ издѣлія шли, большею частью, въ большой Нерчинскій заводъ, кромѣ сапожныхъ и портняжныхъ, которыя расходились на мѣстѣ; другая половина, не занимавшаяся ремеслами, не знала что дѣлать: шлялись изъ камеры въ камеру, болтали, если находились слушатели, или, наконецъ, нѣкоторые читали, писали... Зимнее время вообще тянулось медленно и невообразимо скучно, особенно для неимѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, хотя можно было ходить съ конвойными въ деревню, гдѣ, конечно, за деньги, было не мало развлеченій, но такъ какъ подобныя развлеченія обходились дорого, то подавляющее большинство довольствовалось хожденіемъ изъ одной тюрьмы въ другую и болтовнею.

Но вотъ наступила весна; солнышко ярко засвѣтило на небѣ и неустанно работало, разрушая ледяные оковы: потекли ручейки, зашумѣла рѣка, зазеленѣли травы, воздухъ сдѣлался чистый, прозрачный; ахъ, весна! весна! гдѣ то мѣсто, въ которомъ ты не облегчила бы страданій, не сняла съ души тяжелый гнетъ однообразныхъ зим-

нихъ впечатлѣній! И мы воспріяли душевно и тѣлесно; съ наслажденіемъ, бывало, высыпаемъ, какъ тараканы, на дворъ или на улицу, за ограду и тамъ, по деревенскому обычаю, усаживаемся на завалинкахъ, бревнахъ и весело тараторимъ о разныхъ пустякахъ; настоящій же праздникъ наступилъ тогда, когда насъ засидѣвшихся, поблѣднѣвшихъ начали отправлять на работы: выйдешь на просторъ, въ полѣ, залѣзешь на гору—преlestь—умирать не надо! Работали мы очень мало, хотя, на видъ, всегда урокъ былъ конченъ и сдать полную мѣрою, но на самомъ дѣлѣ мы ничего почти не дѣлали, а больше любовались природою, лазили по горамъ или скрывались отъ палящихъ лучей солнца въ тѣни сарая.

Но что же это за каторга? думалъ я: въ концѣ-концовъ такъ-таки «настоящей каторги» и не увидишь? Великое дѣло молодость! вмѣсто того, чтобы пришибить меня, 20-ти-лѣтняго юношу, благодаря ей, этой молодости, я стремился дальше и дальше, я хотѣлъ испытать «настоящую» каторгу, чтобы все, все видѣть собственными глазами. «Настоящая же» каторга, по слухамъ, была въ Александровскомъ заводѣ, куда я теперь и стремился всею душою: не побывать въ Александровскомъ заводѣ, рассуждалъ я, значитъ—быть въ Римѣ и не видѣть папы. Что долго думать? Скоро я фиктивно заболѣлъ и былъ перевезенъ въ больницу Александровскаго завода, откуда попалъ, наконецъ, и въ тюрьму № 1. Какое счастье!

Въ Александровскомъ сереброплавильномъ заводѣ было четыре тюрьмы. Самая большая, вмѣщавшая 250 человекъ, была передѣлана изъ дома управляющаго, гдѣ жилъ владыка рабочихъ, когда заводъ былъ въ ходу; вторая была передѣлана изъ каменнаго зданія, гдѣ прежде помѣщалась контора, третья—изъ полиціи и четвертая—изъ казармъ, благодаря чему тюрьмы эти и носили старинныя названія: контора, полиція, казармы, и только домъ управляющаго назывался № 1-й. Тюрьмы эти вмѣщали до 600 человекъ политическихъ и государственныхъ преступниковъ, кромѣ того, двое государственныхъ—Крассовскій и Ч...скій жили на вольныхъ квартирахъ, но послѣ бѣгства Крассовскаго и Ч...скаго перевели съ вольныхъ квартиръ въ контору, т. е. въ тюрьму № 2-й, всѣ же остальные государственные помѣщались въ № 3 (въ полиціи).

Но не смотря на то, что въ Александровскомъ заводѣ было сосредоточено все начальство: комендантъ, плацъ-маіоръ, плацъ-адъютантъ, смотритель тюрьмы, интендантскіе чины, писаря и пр., и пр., не смотря на это, повторяю, и здѣсь «настоящей», какъ привыкъ я понимать, каторги не было, такъ какъ не было никакихъ и работъ; хотя выгоняли насъ, иногда, работать, но очень рѣдко, да и то

было переливаніе изъ пустаго въ порожнее: вся каторга заключалась въ сидѣніи подъ замкомъ, что въ связи съ общежитіемъ, кажутся, невыносимѣе самыхъ наикаторжнѣйшихъ работъ. Представьте себѣ постоянный, вседѣствующій нравственный гнетъ: чуть глаза откроешь утромъ, взглянешь на свѣтъ въ окнѣ—первое, что бросается въ глаза, это рѣшетка желѣзная, выйдешь на дворъ прогуляться—непремѣнно наткнешься на заборъ или ворота на замкѣ, за которыми стоитъ часовая, выйдешь въ деревню—за тобой стража со штыкомъ: «туда, панъ, не ходи! сюда, господинъ панъ, не приказано! тутъ—не велѣно!» А въ тюрьмѣ?... Это отсутствіе возможности хотя на секунду быть съ самимъ собою, хотя одинъ день не видѣть прѣвшившихъ фізіономій, одну минуту быть полнымъ господиномъ своего я; крайность—одиночное заключеніе, крайность убійственная, но совмѣстная жизнь хуже одиночнаго заключенія; что же касается работъ, то отсутствіе ихъ на чистомъ воздухѣ, внѣ тюрьмы, не только не облегчаетъ положеніе каторжника, а увеличиваетъ страданія. Въ трудѣ, только въ трудѣ возможно забыть, хотя на время, горе, безотрадное положеніе заключеннаго.

Въ Александровскомъ заводѣ я засталъ строго-организованное общество, имѣвшее различныя учрежденія; во-первыхъ, была касса, составившаяся изъ добровольныхъ пожертвованій, которая впоследствии разрослась до довольно крупныхъ размѣровъ, благодаря: а) процентамъ, взимаемымъ въ пользу кассы изъ денегъ, присылаемыхъ кому бы то ни было съ родины; б) $\frac{0}{100}$ изъ заработной платы; в) $\frac{0}{100}$ изъ кормовыхъ денегъ, и д) $\frac{0}{100}$ на товаръ, такъ какъ послѣдній покупался оптомъ и продавался нѣсколько дороже въ розничной продажѣ.

Во-вторыхъ, общество давало поддержку всякому, кто могъ или желалъ развить въ обширныхъ размѣрахъ свою специальность: мыловареніе, свѣчное производство, выдѣлку кожъ и т. п.

Въ третьихъ, общая столовая, распорядители которой прилагали всѣ усилія, чтобы улучшить, по мѣрѣ возможности, пищу, стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно экономнѣе вести дѣло.

Для выполненія всѣхъ упомянутыхъ обязанностей существовали: староста, артельщикъ и депутаты отъ камеръ, при чемъ въ экстренныхъ случаяхъ созывалось общее собраніе для разрѣшенія вопросовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ нашей жизни; кромѣ того, общія собранія созывались ежемѣсячно, чтобы: 1) производить контроль надъ дѣйствіями представителей; 2) составлять отчетъ; 3) выбрать и опредѣлить на работы не имѣвшихъ средствъ товарищей; 4) опредѣлять норму заработной платы, и 5) $\frac{0}{100}$ взноса въ кассу.

Благодаря такой энергіи, такому благоразумію и гуманности общества, въ кассѣ у насъ хранилось болѣе двухъ тысячъ рублей, уже не говоря о томъ, какую громадную нравственную пользу принесла подобная организація. Кто же могъ бы ожидать, что учредители организаціи жестоко поплатятся впоследствии за свою гуманность: при повальномъ обыскѣ, послѣ Кругобайкальскаго дѣла, нашли проектъ «организаціи общества» на вышеприведенныхъ началахъ, сочли это противузаконнымъ, и двое лучшихъ изъ людей были сосланы за это въ Якутскую область, гдѣ одинъ изъ нихъ, докторъ Д — къ, не выдержалъ климата, а другой, О — о, чуть ли и нынѣ не тамъ.

Еще одно удовольствіе встрѣтилъ я въ Александровскомъ заводѣ, это недурной оркестръ, — составленный не для заработковъ, а для собственнаго удовольствія. Сколько трудовъ, — какую энергію нужно было, чтобы изъ ничего составить довольно порядочный оркестръ — трудно себѣ представить. Кромѣ одной скрипки у капельмейстера Сѣмашко ничего не было, и никто изъ товарищей никогда не игралъ ни на какомъ инструментѣ; но родилась мысль составить оркестръ, явились желающіе — и закипѣла работа! Въ теченіи одного года было сдѣлано собственными руками шесть скрипокъ, альтъ, двѣ виолончели, бассъ и кларнетъ; но это еще не самая трудная работа, — нужно было научить каждаго музыканта, затѣмъ расписать ноты и сыгратъся, и все это втихомолку, тайкомъ, чтобы начальство не узнало; но когда дѣло было приведено къ концу, всѣ вышли на крыльцо и ударили въ смычки!... Это была послѣдняя ставка, либо заберутъ инструменты и тогда — прощай вся надежда, либо пройдетъ благополучно и — можно будетъ играть, не скрываясь; но все обошлось благополучно, инструментовъ не отобрали, и съ тѣхъ поръ всякъ игралъ по цѣлымъ днямъ, не прятаясь.

Кромѣ музыки, шахматы и карты были обыкновеннымъ развлеченіемъ; вообще во всѣхъ заводахъ и мѣстахъ заключенія — средства для развлеченія были одни и тѣ же, и жизнь текла одинаково скучно, тоскливо, съ малымъ измѣненіемъ.

Остается мнѣ еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ проводили мы время въ Александровскомъ заводѣ; хотя это и будетъ повтореніемъ вышесказаннаго, но я нахожу маленькую разницу, и эту разницу хочу описать.

Въ Сиваково всякій жилъ самъ по себѣ, — не было общества правильно организованнаго, не было общихъ интересовъ — общаго стола, всякій хлопоталъ для себя, и сами себѣ создавали массу непріятностей, отравляя и такъ нерадостныя минуты; тутъ же мы были из-

бавлены отъ всѣхъ этихъ дрягъ,—никто не спорилъ изъ-за мѣста на печкѣ, потому что никому не было ни малѣйшей надобности въ немъ, общій столъ уничтожалъ всѣ эти недоразумѣнія, а общественная лавка и всѣ работы, получаемыя извнѣ обществомъ и правильно распредѣляемыя между нуждающимися товарищамъ, не допускали частной спекуляціи и барышничества; эгоизмъ не могъ развиваться, ибо всякій, заботясь о себѣ, заботился этимъ самымъ и обо всѣхъ, такъ, на примѣръ: хорошій мыловарь, не имѣя средствъ въ Сиваковой, долженъ былъ бы сидѣть со своимъ знаніемъ сложа руки и не принося никому ни малѣйшей пользы, или же, имѣя средства, скоро бы обогащался, эксплуатируя трудъ нуждающейся братъи. Въ Александровскомъ же заводѣ подобный мыловарь, не имѣя средствъ, обращался къ обществу и оно ему давало все нужное для производства мыла, платя ему мѣсячную плату за трудъ; но всю пользу отъ мыла оставляло себѣ; если же мыловарь былъ бы со средствами и пожелалъ открыть самъ мыловареніе, то общество ему этого не дозволило бы, и баста. Словомъ, тутъ всѣ были равны, и жизнь текла ровнѣе, спокойнѣе.

Вставъ въ 6—7 часовъ, дежурный подметалъ камеру, наставлялъ самоваръ, топилъ печку и, справившись съ этой работой, приготавливалъ чай для остальной братъи. Начиналось чаепитье, послѣ чего всякій принимается за свою работу; кой-гдѣ вырѣзываютъ, изъ персиковога корня, разныя замысловатыя штучки; портные, сапожники, токаря и столяры—трудятся надъ исполненіемъ заказовъ, въ камерѣ музыкальной хаосъ! 12 человекъ играютъ всякій свое, остальные—терпѣливо переносятъ всякіе диссонансы и дисгармонію, зная, что вечеромъ эти же 12 человекъ награждать ихъ божественной мелодіей; иные выходятъ во дворъ совершать обычную утреннюю прогулку; кто-то развелъ на дворѣ крошечную грядку, прикрылъ ее стекломъ, насадилъ разныхъ сѣмянъ и хлопочетъ съ утра до вечера, радуясь всякому свѣже-развернувшемуся листку; въ другомъ углу двора колбасникъ хлопочетъ надъ устройствомъ коптильни; одинъ птицеловъ приманиваетъ въ свои сѣти голубковъ, сидящихъ на крышѣ; иной ходитъ взадъ впередъ по двору, заложивъ руки за спину; тамъ свѣчи льютъ, въ другомъ мѣстѣ мыло студятъ въ формахъ деревянныхъ, за флигелемъ въ углу скоблятъ кожи дубленыя,—словомъ, работа кипитъ вездѣ. На кухнѣ поспѣваетъ супъ; поваръ разрѣзаетъ мясо на порціи, появляются нетерпѣливые съ вопросомъ: «скоро-ли обядъ?»—Наконецъ, обядъ готовъ, поваръ объявляетъ громогласно—«обядъ!» и всѣ направляются съ мисками, съ чашками, въ поварскую, получаютъ кто двѣ, кто три порціи, дѣлятся на группы по 2 по 3 человека и обѣдаютъ. Послѣ обѣда кто прилежъ вздремнуть, кто опять за работу, а иные, отъ нечего дѣлать, припи-

маются за шахматы, поставивъ призъ—дежурство, подметать камеру или наставлять самоваръ, или же усаживаются за столъ, хотя и не зеленый, но все-таки съ картами. Настаетъ вечеръ; послѣ чая въ музыкальной камерѣ начинаютъ сыгрываться музыканты, разучиваютъ новую піесу; отдѣльно всякій очень хорошо играетъ свою партію, но въ оркестрѣ то тотъ, то другой собьется съ такту—и опять съ начала. Долго терпятъ слушатели, наконецъ, піеса идетъ сносно и въ награду за ихъ терпѣніе начинается повтореніе піесъ давно хорошо разученныхъ, а иногда соло капельмейстера, который игралъ воспитательно.

Такъ промелькнули полтора года въ № 1. Прошли еще два высочайше манифеста,—общество наше разѣхалось, въ Александровскій заводъ нагнали свѣжихъ политическихъ преступниковъ съ круго-байкальскаго дѣла, всѣ они помѣстились въ Александровскомъ заводѣ и Алгачинскомъ рудникѣ, прочіе же рудники: Акатуя, Кадая были закрыты (Зеленту и Кутамара были закрыты еще раньше); меня, какъ осужденнаго за уголовное преступленіе, манифесты послѣдніе не коснулись, и я сталъ терпѣливо высчитывать мѣсяцы и дни, оставшіеся мнѣ досиживать; наконецъ, срокъ прошолъ—и мнѣ объявляютъ свободу!

Свобода!... какое святое слово!... и какъ я далекъ еще отъ нея..... Но я радъ и тому, что скоро не буду видѣть ни желѣзной рѣшетки, ни забора, ни штыка за собой. Насъ отправили 16 человекъ съ тремя конвойными пѣшкомъ, давъ 2 подводы подъ вещи,—но мы не спорили ни изъ-за подводъ, ни изъ-за кормовыхъ; мы такъ были мало требовательны, что согласились бы идти вовсе безъ кормовыхъ. На другомъ ночлегѣ мы преподнесли гривенникъ сельскому писарю, и имѣли 6 подводъ вмѣсто 2-хъ. Теперь мы катили какъ на почтовыхъ, и въ ноябрѣ 1868 года были въ Верхне-Удинскѣ, гдѣ, по случаю бездорожья, мы пробыли до января мѣсяца, т. е. пока не сталъ Байкаль. Мы жили на квартирахъ безъ всякаго стѣсненія, занимались всякій своимъ ремесломъ, которому мы выучились въ каторгѣ, и жили припѣваючи! — А все-таки чего-то не хватало, и нѣтъ, нѣтъ, да и вздохнешь!... Многіе утверждали, что эти вздохи — сожалѣніе о каторгѣ, что въ каторгѣ было лучше, веселѣе.

Таковъ ужъ человекъ, никогда не доволенъ настоящимъ, все прошлое кажется ему лучше; малѣйшая неудача, горе или просто грусть нападетъ въ настоящую минуту,—и летитъ воспоминаніе въ прошлое; тамъ когда-то одна минута была свѣтлая,—и тысячу минутъ тоски и скуки и нравственнаго гнета забыты, минута эта свѣтитъ все ярче;

чѣмъ дальше, тѣмъ кажется свѣтлѣе, и, сравнивая одну эту минуту съ настоящимъ, повторяетъ иной: тогда было лучше.

Отправляя насъ изъ Верхне-Удинска, дали намъ въ провозкатые казака изъ бурятъ, такого нерасторопнаго, что, боясь за свои стайные списки, чтобы онъ ихъ не потерялъ, мы принуждены были взять всѣ казенныя бумаги къ себѣ; на одномъ изъ этаповъ казакъ хотѣлъ передать насъ офицеру, но, не видя никакихъ документовъ, этапный офицеръ отказался отъ насъ, и мы безъ всякихъ провожатыхъ или конвойныхъ пріѣхали въ Иркутскъ и, сдавъ какъ бумаги, такъ и себя полиціймейстеру, были отправлены въ тюремный замокъ.

Опять весна!—опять дорога!—и вотъ гдѣ мнѣ пришлось испытать «настоящую» каторгу; хуже самой настоящей каторги было передвиженіе «обратнымъ» этапнымъ порядкомъ, отъ Иркутска до Красноярска; мы шли пѣшкомъ; послѣ всякихъ двухъ дней похода, два дня отдыхали; сидишь два дня на этапѣ и не знаешь, что дѣлать, куда дѣвать свободное время..... а счастье такъ близко!—такъ возможно!—въ недѣлю бы доѣхалъ на перекладныхъ; но намъ пришлось три мѣсяца тащиться до Красноярска, — три мѣсяца мучительной тоски, томительнаго ожиданія, постоянной возни на этапахъ и полуэтапахъ и вѣчнаго нравственнаго гнета. Куражились надъ нами начальники этаповъ, —унтера, —конвойные даже, —и все приходилось переносить изъ боязни замедленія, хотя на одну недѣлю, окончательнаго освобожденія.

Въ половинѣ іюля 1869 года мы были въ гор. Минусинскѣ, насъ опредѣлили по разнымъ деревнямъ и разогнали по цѣлому округу.

Шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я доселился въ Минусинскомъ округѣ, а впечатлѣнія каторги и этапнаго путешествія живо возобновляются въ моей памяти при малѣйшемъ намежѣ на этапъ, и при видѣ этого строенія или конвоируемой партіи арестантовъ меня пробираетъ дрожь...

В. Л. Варатынскій.

1886 года, іюля 27-го дня,
г. Красноярскъ.

Самсонъ Яковлевъ Макинцевъ и Евстафій Скрыплевъ.

Приводимъ одно изъ многихъ къ намъ писемъ покойнаго А. Д. Берже; письмо это относится до одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ его весьма интересной монографіи, напечатанной въ «Русской Старинѣ» изъ 1876 г., томъ XV, стр. 770—804: «Русскіе бѣглецы въ Персію». Ред.

12-го мая 1879 г.

Посылаю вамъ, глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, портретъ Самсона Яковлева Макинцева—вещь болѣе, чѣмъ рѣдкая. Портретъ этотъ вывезенъ изъ Персіи дочерью Макинцева—Марією Самсоновною Скрыплевою.

Скрыплевъ, сынъ чиновника V класса морскаго вѣдомства въ Николаевѣ, былъ прапорщикомъ Нашебургскаго пѣхотнаго полка и бѣжалъ въ Персію при графѣ Паскевичѣ. Тамъ онъ поступилъ въ батальонъ Самсонъ-хана, женился на его дочери и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ штурмѣ Герата, при чемъ былъ раненъ въ грудь пулею на вылетѣ. Впослѣдствіи Скрыплевъ возвратился въ Россію (см. „Русск. Ст.“, т. XV, стр. 792—793) и былъ зачисленъ сотникомъ въ одинъ изъ линейныхъ казачьихъ полковъ, предвѣднанныхъ къ поселенію на Лабинской линіи.

Къ напечатаннымъ, въ уважаемомъ вашемъ изданіи, свѣдѣніямъ могу сообщить еще слѣдующія:

Евстафій Васильевичъ Скрыплевъ, стоя на персидской границѣ, бѣжалъ изъ полка, предвидя отвѣтственность за растрату казеннаго провіанта. Поступивъ на персидскую службу прямо ротнымъ командиромъ, онъ велъ довольно разгульную жизнь, которую не оставлялъ и послѣ женитьбы, за что и былъ нелюбимъ Самсономъ Яковлевымъ. Тѣмъ не менѣе, тесть его, не желая разставаться съ дочерью, сначала удерживалъ Скрыплева отъ намѣренія возвратиться въ Россію.

Въ 1839 году Скрыплевъ поселился на Лабинской линіи, въ станицѣ Чамлыкской, гдѣ прожилъ все свое состояніе. Онъ былъ гостепрѣимецъ, щедръ и любилъ выпить. Впослѣдствіи ген. Волковъ исходатайствовалъ ему отставку съ чиномъ майора и полнымъ окладомъ пенсіона. Послѣ того Скрыплевъ переселился въ станицу Михайловскую, построилъ себѣ домикъ, въ которомъ и умеръ въ 1860 году. Спустя годъ скончалась его жена, завѣщавъ домъ казаку Воронцову, тоже дезертиру. Въ числѣ доставшихся ему по наслѣдству вещей находился и посылаемый портретъ, приобретенный мною при содѣйствіи І. В. Бентковского, редактора ставропольскаго статистическаго комитета.

У Скрыплева были дѣти, но они умерли прежде него, такъ что отъ него потомства не осталось.

Вчера получилъ отъ профессора Патканова, моего стараго знакомаго письмо, которымъ онъ извѣщаетъ, что передалъ вамъ статью мою: „Присоединеніе Грузіи къ Россіи“. Статья эта, по крайнему моему разумѣнію, восполнитъ одинъ изъ пробѣловъ въ „Русской Старинѣ“, и напечатаніе ея тѣмъ болѣе желательно, что она посвящена одному изъ самыхъ знаменательныхъ фактовъ перваго года царствованія императора Александра.

Теперь хочу кончить не менѣе важную работу: „Выселеніе горцевъ съ Кавказа“.

Крѣпко и дружески жму вашу руку

А. Д. Берже.

ПЛЕВНЕНСКОЕ СИДѢНІЕ

1877 г.

IV ¹⁾

Положеніе турокъ въ Плевнѣ и приготовленія Османа-паши къ прорыву нашей блокадной линіи.—Распоряженія Тотлебена въ виду ожидаемаго наступленія турокъ. — Сраженіе 28-го ноября 1877 г. и сдача арміи Османа-паши въ 48-й день полнаго обложенія плевненскаго укрѣпленнаго лагеря.—Главнѣйшій командующій и генераль-адъютантъ Тотлебенъ на мѣстѣ дѣйствія.—Встрѣча съ Османомъ-пашею въ Плевнѣ.—Молебствіе 29-го ноября.—Высочайшія награды.—Въѣздъ императора Александра въ Плевну.—Царскій завтракъ.—Представленіе Османа-паши государю.—Военный совѣтъ 30-го ноября въ Пораднѣ.—Высочайшій смотръ русско-румынскимъ войскамъ бывшаго отряда обложенія Плевны 2-го декабря.—Новое назначеніе генераль-адъютанта Тотлебена.—Отъѣздъ императора Александра изъ дѣйствующей арміи.

Съ половины ноября надежда плевненскихъ защитниковъ на благополучный исходъ блокады была окончательно потеряна. Продовольствія для турецкой арміи оставалось не болѣе, какъ на 15 дней, и то лишь при условіи выдачи въ такомъ количествѣ, чтобы не умереть съ голоду. Фуражъ къ этому времени также истощился. Смертность среди турокъ, при недостаткѣ въ медикаментахъ, настолько увеличилась, что санитары не успѣвали переносить умершихъ на кладбище и хоронить ихъ. Въ виду безвыходнаго положенія плевненской арміи, Османъ-паша собралъ 19-го ноября военный совѣтъ изъ начальниковъ дивизій и командировъ бригадъ; на предложенный имъ вопросъ: «положить ли оружіе и сдаться русскимъ или же попробовать

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1886 г., т. LI, июль, стр. 213—242; сентябрь, стр. 655—688.

прорваться сквозь линію обложенія?», послѣдовалъ единогласный отвѣтъ, что оттоманская честь требуетъ попытки прорвать блокаду для того, чтобы выйти изъ настоящаго критическаго положенія. Для отступленія плевненской арміи, состоявшей въ то время изъ 40,000 человекъ, при 2,500 больныхъ нижнихъ чинахъ, военный совѣтъ избралъ западное направленіе ¹⁾).

Мусульманскіе жители Плевны, въ числѣ до 200 семействъ, изъявили Осману-пашѣ непремѣнное желаніе раздѣлить участь арміи, при послѣдней отчаянной попыткѣ ея прорвать блокадную линію. Турецкій главнокомандующій не считъ возможнымъ отвергнуть настойчивой просьбы своихъ единовѣрцевъ и дозволилъ имъ слѣдовать вмѣстѣ съ арміею, но позади ея обоза, что не мало затрудняло войска въ день отчаяннаго боя, рѣшившаго ихъ окончательную участь.

Выступленіе арміи предположено было на 26-е ноября.

24-го числа Османъ-паша отправился къ р. Виду для рекогносцировки мѣстности и начатыхъ здѣсь подготовительныхъ работъ; ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, онъ призналъ необходимымъ отложить выступленіе до 28-го ноября.

Въ воскресенье, 27-го ноября, Тотлебенъ послѣ полудня выѣхалъ на артиллерійскую боевую линію впереди Радешева. Турецкія войска, повидимому, покинули свою позицію и мы съ этого дня стрѣляли, по убѣжденію многихъ, по пустымъ укрѣпленіямъ; таково было, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, вынесенное артиллеристами, которое и сообщено помощнику начальника отряда обложенія. Но врага всегда считаютъ болѣе хитрымъ, чѣмъ это оправдывается на дѣлѣ... Тотлебенъ продолжалъ соображать на мѣстѣ постройку разныхъ укрѣпленій во второй линіи, усиленіе передовыхъ, не останавливаясь особенно на мысли, что турки, можетъ быть, уже не стоятъ болѣе передъ нами и Османъ-паша стягиваетъ войска къ западу отъ Плевны для прорыва... Возвратившись въ Тученицу въ сумерки, Тотлебенъ съѣлъ обѣдать, какъ вдругъ стали прибывать въ штабъ отряда обложенія положительныя вѣсти о сосредоточеніи турокъ къ рѣкѣ Виду ²⁾. М. Д. Ско-

¹⁾ Таль-атъ: Описаніе.

²⁾ Приведемъ здѣсь двѣ телеграммы генерала Бѣлогопытова—генералъ-адъютанту Тотлебену, полученныя вечеромъ 27-го ноября въ Тученицѣ.

1) „Пойманный сейчасъ дезертиръ показываетъ, что Османъ-паша въ эту ночь, въ два часа, намѣренъ прорваться на Софійское шоссе. Лошадей въ турецкой арміи нѣтъ. Орудія хотятъ оставить. Съ редута и траншей противъ нашей позиціи турки предполагаютъ отступить въ эту ночь въ Плевно“.

2) „Изъ траншей редута № 33 донесено, что по ту сторону оврага, за-

белевъ лично привелъ перебѣжчиковъ, сообщившихъ свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ прорыву, которыя не позволяли болѣе сомнѣваться въ предстоящемъ выходѣ непріятеля изъ Плевны. Намѣренія турецкаго «гази», направленіе неминуемаго прорыва, все обрисовалось отнынѣ съ полною ясностію распорядителямъ блокады. Въ штабѣ закипѣла работа; телеграфъ работалъ всю ночь и въ различные участки отряда обложенія посыпались приказанія. Никогда, быть можетъ, хорошій составъ штаба, вполне боеваго и замѣчательно неутомимаго, не пришлось болѣе кстати, чѣмъ теперь.

Къ счастью, Тотлебенъ, какъ выше упомянуто, уже заранѣе разобралъ возможные случаи прорыва и на мѣстѣ произвелъ соотвѣтствующее разнымъ комбинаціямъ сосредоточеніе войскъ. Эта репетиція оказалась въ высшей степени полезной мѣрой; вечеромъ, 27-го ноября, оставалось только завести механизмъ, а затѣмъ соотвѣтствующія распоряженія приведены въ исполненіе безъ всякой суеты и торопливости.

Не оставалось сомнѣнія, что турки пойдутъ за Видъ, но, перейдя рѣку, непріятель могъ пройти по тремъ направленіямъ: 1) черезъ Трестеникъ на Никополь, 2) черезъ Горній Нетрополь на Видинъ, 3) черезъ Дольній Дубнякъ на Софію.

Сообразно съ этимъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Генералу Ганецкому послана телеграмма, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, 28-го, утромъ, непріятель всѣми силами ударить на него. 2) 2-й бригадѣ 3-й гвардейской дивизіи приказано раннимъ утромъ перейти берегъ Вида. 3) 1-й бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи перейти на лѣвый берегъ Вида, 2-й бригадѣ той же дивизіи быть готовою къ выступленію по первому приказанію. 4) Генералу Скобелеву приказано съ разсвѣтомъ принять начальство на лѣвомъ берегу Вида надъ бригадою своей дивизіи и надъ гвардейскою бригадою, и если генералъ Ганецкій потребуетъ помощи, немедленно идти въ его распоряженіе. 5) Генералу Чернату приказано направить четыре румынскихъ баталіона и три батареи къ Демиркюю, остальные же войска держать въ сборѣ ¹⁾.

надѣе Ловчинскаго шоссе, замѣчены два двигающихся красныхъ турецкихъ фонаря, но шума нѣтъ. Въ городѣ Плевно много огней и усмотрѣны колонны, двигающіяся къ лѣвому флангу обложенія. Замѣчено также, что обозы стягиваются за Плевно, по направленію къ Софійскому шоссе⁴.

¹⁾ См. въ приложеніяхъ распоряженія генералъ-адъютанта Тотлебена отъ 27-го и 28-го ноября 1877 года по случаю ожидаемаго выхода арміи Османа-паши изъ Плевны.

28-го ноября, съ восьми часовъ утра, въ Тученицѣ слышался къ сторонѣ р. Вида неумолкаемый ружейный огонь и сильная канонада; это былъ бой, завязавшійся между арміею Османа-паши и войсками генерала Ганецкаго.

Въ виду занятія генераломъ Скобелевымъ, къ утру 28-го ноября, оставленныхъ турками большаго и малаго крышинскихъ редутовъ, равно какъ траншей на Зеленой горѣ, Тотлебенъ приказалъ всѣмъ войскамъ на правомъ берегу Вида перейти въ наступленіе, но съ соблюденіемъ должной осторожности ¹⁾.

Въ десятомъ часу утра, въ Тученицу прибылъ его высочество главнокомандующій и въ сопровожденіи Тотлебена отправился по дорогѣ въ Радишево на позицію. У императорскаго редута великій князь сѣлъ на лошадь и, лично принявъ командованіе надъ войсками, двинулся вслѣдъ за ними къ опустѣвшимъ турецкимъ укрѣпленіямъ. Тотлебенъ присоединился къ свитѣ. По дорогѣ къ непріятельскимъ редутамъ въ лощинахъ лежали еще сотни полуистлѣвшихъ труповъ несчастныхъ жертвъ боины 30-го августа. Зрѣлище назидательное... Миновавъ линію турецкихъ траншей и редутовъ, главнокомандующій въѣхалъ въ роковой городъ. Нигдѣ не было видно ни одного турка; все мусульманское населеніе послѣдовало за обозомъ арміи, борющейся въ это время еще далеко за Видомъ. Городъ казался необитаемымъ; лавки были заколочены; повсюду поражали непроходимая грязь и нестерпимый смрадъ. Кое-гдѣ у воротъ показывались братушки, выказывая при видѣ русскихъ чувства сомнительной радости... Бомбардированіе Плевны, повидимому, не оставило слѣдовъ разрушенія. Снаряды плохо разрывались и одинъ перебѣжчикъ былъ правъ, утверждая, что изъ нашихъ неразорвавшихся снарядовъ можно сложить большой домъ; они были разсѣяны сотнями по окрестностямъ Плевны, причиняя не мало затрудненія нашимъ всадникамъ.

Выѣхавъ изъ города, главнокомандующій направился къ Плаза-

¹⁾ Въ два часа 28 минутъ пополудни на 28-е ноября, подполковникъ Куропаткинъ отпустилъ князю Имеретинскому слѣдующую телеграмму:

„Сейчасъ перебѣжчикъ показалъ, что редутъ Крышинскій оставленъ турками; посылаю охотниковъ убѣдиться“.

Въ 9 часовъ утра генералъ Скобелевъ телеграфировалъ:

„Редуты Крышинскій большой и малый заняты нами, равно и траншеи на первомъ гребнѣ. Шнитникову приказано идти впередъ не растягиваясь. Мельницкаго оставляю въ занятыхъ редутахъ. Не перейдутъ ли въ наступленіе по всей линіи, чтобы не дать возможность отброшенному непріятелю снова занять его позицію. Идти ли стрѣлковой бригадѣ? Крышино занять слабо“.

вадскимъ высотамъ. На пути къ рѣкѣ Виду, главнокомандующій былъ обрадованъ появленіемъ ординарца, возвѣстившаго, что Османъ-паша отброшенъ за Видъ и сдается со всею арміею. Раздались восторженные крики «ура» и начались взаимныя лобзанія и поздравленія. Плевненскій кошмаръ кончился, и Россія могла вздохнуть свободнѣе, послѣ долгихъ тревожныхъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, показался Видъ и взорамъ открылось недавнее поле сраженія; на лѣвомъ берегу рѣки стояли наши баталіонныя колонны на другомъ берегу противъ нихъ можно было разглядѣть турецкіе таборы, въ беспорядкѣ перемѣшавшіеся между собою.

Предстояло теперь спуститься съ надвидской крутизны; всѣ спѣшили и повели въ поводу лошадей, слѣдуя по крутому, почти отвѣсному, обрыву. Переплывъ въ бродъ рѣку, великій князь помчался къ войскамъ гренадерскаго корпуса. Раздалось потрясающее, несомкаемое «ура», въ то время какъ полковая музыка играла народный гимнъ. Трудно описать восторгъ, охватившій всѣхъ свидѣтелей этой торжественной незабвенной исторической минуты. Поздравивъ войска съ побѣдой и поблагодаривъ ихъ за труды и геройское мужество, главнокомандующій направился къ толпѣ обезоруженныхъ турецкихъ войскъ...¹⁾ Узнавъ, что Османъ-паша уже покинулъ мѣсто сдачи своей арміи, его высочество поѣхалъ по большому Софійскому шоссе въ Плевну.

На половинѣ пути отъ моста къ городу, великій князь встрѣтился съ коляскою, въ которой находился раненый Османъ-паша, вмѣстѣ съ своимъ докторомъ. Въ это время подѣхалъ также князь Карлъ Румынскій. Великій князь благосклонно протянулъ Осману руку и сказалъ: «Поздравляю васъ съ славной защитой Плевны. Это одно изъ самыхъ знаменитыхъ событій въ военной исторіи». Поддерживаемый врачомъ Хасибъ-беємъ, Османъ привсталъ на одной ногѣ и, опираясь на кузовъ, молча кланялся и благодарилъ обычнымъ па востокѣ

¹⁾ По телеграммѣ начальника штаба гренадерскаго корпуса, генералъ-маіора Манюкина-Невструева, отъ 29-го ноября, наши трофеи заключались въ слѣдующемъ (на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ начальникомъ штаба арміи Османа-паши):

плѣнныхъ пашей	10
штабъ-офицеровъ	128
оберъ-офицеровъ	2,000
нижнихъ чиновъ пѣхоты . . .	40,000
„ „ кавалеріи	1,200

Изъ этого числа убитыхъ и раненыхъ въ послѣднемъ бою свыше 4,000 человекъ.

Орудій 77.

жестомъ. Когда Тотлебенъ, въ свою очередь, привѣтствовалъ плѣннаго «гази», онъ сказалъ ему черезъ переводчика: «Tous les jours ne sont pas des jours heureux. J'ai fait ce que j'ai pu. Je suis heureux d'être blessé». Свита, окружавшая коляску раненаго героя, рукоплескала ему и долгое время раздавались крики: «браво, браво, Османъ-паша».

Уже начинало смеркаться, когда великій князь вторично въѣхалъ въ покоренную Плевну и затѣмъ по Ловчинскому шоссе направился въ Боготъ... У Тученицы Тотлебенъ разстался съ главнокомандующимъ и въ восемь часовъ вечера достигъ, наконецъ, своей главной квартиры, пробывъ цѣлый день на конѣ...

Такимъ образомъ, принятая подъ Плевною система дѣйствій, заключавшаяся въ настойчивомъ поддержаніи полного обложенія, не прибѣгая къ крайне рискованному и всегда кровопролитному штурму турецкихъ укрѣпленій,—привела вполне къ предполагаемой цѣли. Въ результатъ явилось плѣненіе сорока-тысячной лучшей неприятельской арміи и овладѣніе важнымъ стратегическимъ пунктомъ, запиравшимъ главнѣйшіе пути западной Болгаріи. Между тѣмъ наши войска не только сохранились во время обложенія, но укомплектовались, устроились и вполне были готовы, по своей силѣ и духу, къ новымъ подвигамъ во славу русскаго оружія ¹⁾.

На другой день, 29-го ноября, назначено было въ высочайшемъ присутствіи молебствіе, которое должно было совершиться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась ставка Османа-паши.

Въ одиннадцатомъ часу прибылъ государь императоръ. Быстро выйдя изъ коляски и поднявъ надъ головою фуражку, государь, съ сіяющей улыбкой на лицѣ, скорыми шагами приближался къ августѣйшему главнокомандующему. При громкихъ кликахъ войскъ и толпы, сопровождавшей главнокомандующаго съ непокрытыми головами, они сошлись и бросились въ объятія другъ другу. Горячо раздѣлавъ великаго князя, его величество вынулъ изъ рукава пальто футляръ съ орденскими знаками и собственноручно возложилъ на августѣйшаго главнокомандующаго ленту Св. Георгія 1-й степени. Великій князь былъ глубоко растроганъ и принялъ устами къ рукѣ императора.

Затѣмъ государь удостоилъ изъ собственныхъ рукъ раздать награды и другимъ лицамъ.

Генераль-адъютантъ Тотлебенъ не былъ также обойденъ монаршею

---

¹⁾ Рапортъ генераль-адъютанта Тотлебена великому князю главнокомандующему, отъ 28 го декабря 1877 г.

милостью; онъ получилъ Георгія 2-й степени ¹⁾. Государь обнялъ и благодарилъ Эдуарда Ивановича, вручая ему орденскіе знаки.

Во время многолѣтія, въ честь побѣды былъ сдѣланъ салютъ сто однимъ выстрѣломъ и окрестности Плевны въ послѣдній разъ огласились громомъ орудій.

Государь былъ въ восторженномъ настроеніи и даже, казалось, помолодѣлъ. Рѣшая наканунѣ, какія дать награды начальствующимъ лицамъ за ихъ труды и испытанія, его величество невольно подумалъ также и о томъ, сколько страданій выпало и на его долю. «Какъ ты думаешь?—спросилъ императоръ графа А. В. Адлерберга,—это ничего, если я надѣну георгіевскій темлякъ на саблю; кажется, я заслужилъ». Пріѣхавъ на молебень уже съ георгіевскимъ темлякомъ, государь подошелъ послѣ богослуженія къ великому князю Николаю Николаевичу и сказалъ: «Я надѣюсь, что главнокомандующій не будетъ сердиться на меня за то, что я надѣлъ себѣ на шпагу георгіевскій темлякъ, на память о пережитомъ времени». Великій князь со слезами на глазахъ обнялъ государя.

Затѣмъ государь императоръ, во главѣ громадной свиты, верхомъ поѣхалъ въ Плевну. Въ одномъ изъ лучшихъ болгарскихъ домовъ былъ приготовленъ завтракъ. Государь съ особами царской фамиліи, княземъ Карломъ и высшими лицами двора и арміи, имѣлъ столъ во внутреннемъ помѣщеніи, а для остальныхъ лицъ были раскинута большіе столы подъ открытымъ небомъ. Вдругъ весь дворъ огласился привѣтственными восклицаніями: «Браво, Османъ-паша, браво!» — и громадная толпа почтительно разступилась на двѣ стороны, отдавая честь плѣнному герою. Опираясь слѣва на плечо Хасибъ-бея, а справа на корнета л.-гв. казачьяго его величества полка князя Дедашкелани, раненый Османъ шелъ черезъ дворъ для представленія государю.

---

¹⁾ «Милостивый рескриптъ, данный по этому случаю генералъ-адъютанту Тотлебену, онъ, къ величайшему своему огорченію, получилъ уже значительно позже, находясь въ Рущукскомъ отрядѣ. Содержаніе рескрипта слѣдующее:

„28-го ноября сего года Плевна пала и многочисленная армія Осман-паша, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ, сложила оружіе предъ нашими доблестными войсками. Дѣятельное ваше участіе въ этомъ новомъ подвигѣ, доказывающемъ, что геройскія севастопольскія преданія живы въ рядахъ нашей арміи, даетъ вамъ, одному изъ славнѣйшихъ защитниковъ Севастополя, право на особенную нашу признательность, въ ознаменованіе коей всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени, знаки коего, при семъ препровождал, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію“.

Его величество, подойдя къ Осману, обратился къ нему со слѣдующими словами (разговоръ происходилъ при посредствѣ драгомана главнокомандующаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Макѣва):

— «Что васъ побудило прорываться?»

— Какъ солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, я во всякомъ случаѣ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать эту попытку; я не могъ, не имѣлъ права поступить иначе... Попытка не удалась, но мое несчастье смягчается для меня лично тѣмъ, что неудача эта доставила мнѣ счастье быть представленнымъ вашему величеству.

— «Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости, хотя она и была направлена противъ моей арміи».

— В. и. в.,—почтительно склоняясь, отвѣчалъ Османъ,—я исполнилъ лишь мой воинскій долгъ и надѣялся, что тѣмъ самымъ заслужу не только признательность моего отечества, но и милостивое вниманіе вашего величества и уваженіе вашей арміи.

— «Знали-ли вы что-нибудь о взятіи Врацы, Правца, Этрополя, о занятіи нами Орханіе?»

— Государь, я не зналъ ничего. Начиная съ несчастнаго для насъ дѣла при Горнемъ Дубнякѣ, въ теченіи сорока пяти дней, никакая вѣсть извнѣ не проникала въ Плевну.

— «Много ли у васъ оставалось продовольствія?»

— Только на пять дней и наканунѣ моей попытки оно было роздано на руки людямъ.

— «Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости, я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ въ Россіи, гдѣ, надѣюсь, вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству».

Когда Османъ-паша, по окончаніи аудіенціи, вышелъ на дворъ, ему подали стулъ, на которомъ онъ отдохнулъ нѣсколько времени. Толпа офицеровъ почтительно окружила его... Въ это время комендантъ главной квартиры, генераль Штейнъ, вручилъ знаменитому плѣннику его оружіе. Отъ болгаръ ему была подана миртовая вѣтка, въ знакъ того, какъ пишетъ очевидецъ, что «сдавшаяся армія и ея доблестный предводитель отнынѣ находятся не между врагами».

30-го ноября, утромъ, Тотлебенъ отправился въ Порадимъ, гдѣ у государя императора собрался военный совѣтъ для установленія дальнѣйшихъ дѣйствій Дунайской арміи.

Чичаговъ въ Дневникѣ о пребываніи Царя-Освободителя въ дунайской арміи рассказываетъ по поводу этого совѣта слѣдующее: «Что-

же ты хочешь дѣлать?» — спросилъ государь главнокомандующаго, открывая засѣданіе.—То, что никто не ожидаетъ, отвѣтилъ великій князь, и затѣмъ началъ излагать свой планъ о переходѣ Балканъ зимою же».

Дѣйствительно, хотя турки еще занимали Балканы и Софію, Рушукъ не былъ обложенъ, Шумла и Силистрія не тронуты, Сулейманъ едва потерпѣлъ легкую неудачу, но между тѣмъ правыми оказались тѣ лица, которыя послѣ паденія Плевны смотрѣли уже на Софію, какъ на этапъ по дорогѣ въ Адрианополь. Вскорѣ событія начали слѣдовать съ такой быстротой, что расчеты обыкновенной стратегіи оказались несостоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ мѣсяць послѣ сдачи Плевны шибкинская армія находилась въ плѣну, Адрианополь занятъ, Сулейманъ-паша разбитъ и доступъ къ Константинополю открытъ для побѣдоносныхъ русскихъ войскъ.

Тотлебенъ явился защитникомъ болѣе осторожнаго, методическаго образа дѣйствій, но который едва-ли соответствовалъ условіямъ обстановки и затянулъ-бы войну до безконечности, предоставивъ туркамъ полную возможность оправиться отъ плевненскаго разгрома и организовать оборону Балканъ ¹⁾. Еще во время плевненскаго сидѣнія Тотлебенъ неоднократно развивалъ предполагаемый имъ планъ будущихъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ: онъ полагалъ, послѣ сдачи Османа-паши направить главныя силы противъ Рушука и перейти Балканы весною. Осада Рушука составляла вообще излюбленную мысль Тотлебена; взятіе этой крѣпости онъ считалъ залогомъ всякихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ борьбѣ нашей съ Оттоманскою

---

¹⁾ 30-го ноября канцелярія султана отправила Сулейману-пашѣ депешу, въ которой между прочимъ, по поводу плѣненія арміи Османа-паши, сообщались слѣдующія разсужденія:

„По свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня изъ Европы, мѣры, которыя Османъ-паша принялъ для того, чтобы пробиться къ сторонѣ Видина, остались безплодными, и наши войска были вынуждены положить оружіе послѣ кровопролитнаго боя, и Османъ-паша былъ раненъ. Это извѣстіе опечалило и народъ, и правительство, а въ особенности нашего султана. Но сожалѣніе безплодно, а отчаяніе еще вреднѣе. Единственное средство къ нашему спасенію—это сопротивляться упорнѣе прежняго. Непрiятель естественно будетъ пытаться теперь перейти всѣми своими силами Балканы и, стараясь предугадать посредничество державъ и не дать намъ времени усилиться, направится къ Адрианополю и дагѣ. Если, чего не дай Боже, это ему удастся, то зданіе государства и мусульманства будетъ потрясено въ своихъ основахъ“.

портой, признавая въ противномъ случаѣ операціонную линію нашу лишенною всякаго базиса ¹⁾).

Между тѣмъ, если кампанія на Балканскомъ полуостровѣ, какъ признаеть Тотлебенъ въ своихъ Запискахъ, открылась самымъ блестящимъ образомъ и затѣмъ дѣйствительно произошла остановка въ нашихъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ, то истинную причину этой неудачи слѣдуетъ искать не въ отсутствіи будто-бы благоразумнаго плана кампаніи, основаннаго на знаніи военнаго дѣла и на фактахъ военной исторіи ²⁾, но въ недостаточныхъ силахъ, которыя находились въ распоряженіи августѣйшаго главнокомандующаго для осуществленія предположенной цѣли войны, не вдаваясь въ осады крѣпостей... Нужны были плевненскія неудачи, чтобы вяли, наконецъ, настойчивымъ требованіямъ великаго князя, клонившимся къ увеличенію численнаго состава дѣйствующей арміи, о чемъ было неоднократно заявлено, начиная съ 1876 года, когда главная квартира находилась еще въ Кишиневѣ....

По поводу совѣщанія 30-го ноября встрѣчаются любопытныя указанія въ статьѣ: «La guerre russo-turque d'après des documents inédits», помѣщенной въ «Nouvelle Revue» 1880 года. Анонимный авторъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

.... «la parole fut donnée au général Todleben. Celui-ci lut un long mémoire ³⁾ exposant tout un plan dont voici les traits principaux: concentrer toutes les forces russes contre l'armée de Méhemet-Ali ⁴⁾, la

¹⁾ На вопросъ одного нѣмецкаго корреспондента: справедливо ли общее мнѣніе, что паденіе Плевны и плѣненіе лучшей турецкой арміи рѣшили собою участь войны, Тотлебенъ отвѣтилъ: „Не вѣрьте этому: мы не должны пренебрегать должною оцѣнкою силы турокъ. Я съ своей стороны убѣжденъ, что Турція еще въ состояніи оказать намъ продолжительное сопротивленіе. Наши мирныя условія: автономія Болгаріи, уступка части Арменіи и пр., слишкомъ тяжки, чтобы Турція могла принять ихъ теперь же. Въ случаѣ, если бы армія Мехметъ-Али (Софійская) и Сулеймана-паша отступили, то участь кампаніи рѣшится, вѣроятно, въ сраженіи передъ Адрианополемъ. Но Адрианополь сильно укрѣпленъ и настала зима. Хотя обѣ стороны желаютъ мира, но условія, при которыхъ они желаютъ его осуществить, слишкомъ различны. Правильная осада Дунайскихъ крѣпостей потребуетъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ и затѣмъ только окажется возможнымъ насыпать съ успѣхомъ къ Адрианополю“. (Berlinische Zeitung 1877).

²⁾ См. глава восьмая біографическаго очерка графа Тотлебена, стр. 733 и 739.

³⁾ Здѣсь вкралась ошибка; Тотлебенъ не могъ читать длинной записки, по той простой причинѣ, что она никогда не существовала. Болѣе согласнымъ съ истинною будетъ сказать: „Celui-ci exposa tout un plan dont voici les points principaux“.

⁴⁾ Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: арміи Сулеймана-паша.

battre ou la forcer à se réfugier dans le quadrilatère. On ferait ensuite le siège des forteresses, pour n'entreprendre qu'au mois de mai le passage des Balkans».

— «Ce serait précisément combler les vœux des Turcs, répliqua le commandant en chef; là où ils sont le plus à craindre, c'est en effet derrière les murailles de leurs places fortes, et nous irions de gaieté de cœur faire leur jeu! En agissant ainsi, nous sacrifierons nos hommes et notre argent, sans même en recueillir aucun profit; car, d'ici au printemps prochain, les Turcs aurout suffisamment de temps pour mettre les défilés des Balkans en état de défense».

«Après avoir réfuté l'opinion de Todleben, le Grand-Duc fit connaître la sienne. Le plan qu'il proposa était assurément très audacieux, mais n'en fut pas moins exécuté en tous points. Cette campagne extraordinaire, qui aboutit en quelques semaines à la destruction totale de la puissance ottomane, cette marche vertigineuse sur Constantinople, dont la rapidité effrayait les vainqueurs eux-mêmes et faisait le désespoir du télégraphe, elle était tout entière en germe dans le plan soumis au conseil de guerre... Si l'avis du général Todleben l'avait emporté l'armée russe occupée à une guerre de sièges, n'en aurait pas été moins cruellement décimée par la température sibérienne de cet hiver, et combien moindre eussent été les résultats obtenus!»

Въ дневникѣ своемъ Тотлебенъ не занесъ никакихъ подробностей относительно военнаго совѣта 30-го ноября, а ограничился краткой замѣткой: «Послѣ завтрака былъ военный совѣтъ, на которомъ я обратилъ особенное вниманіе на затрудненіе продовольствовать отрядъ генераль-адъютанта Гурко, во время дальнѣйшаго его слѣдованія на Софію и Филиппополь, при длинѣ операціонной линіи до 400 верстъ».

По окончаніи военнаго совѣта стало извѣстно, что государь намѣренъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Желая проститься съ войсками, императоръ Александръ назначилъ, 2-го декабря въ 12 часовъ, общій парадъ на полѣ сраженія 28-го ноября между Дольнимъ Дубнякомъ, Горнимъ Петрополемъ и Видомъ. Здѣсь выстроились полки 9-й кавалерійской дивизіи, 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 2-я и 3-я гренадерская дивизіи и румыны. Войска 9-го корпуса выстроились по Гривницкому шоссе. Парадъ прошелъ безъ церемоніальнаго марша. Государь только объѣхалъ войска и благодарилъ почти каждую часть отдѣльно за всѣ труды и мужество.

По окончаніи смотра, его величество возвратился въ Плевну; въ городѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и 29-го ноября, былъ сервированъ обѣдъ, предложенный государю и всѣмъ присутствовавшимъ вели-

кимъ княземъ главнокомандующимъ. Передъ завтракомъ, государь подозвалъ Тотлебена и объявилъ, что онъ поручаетъ ему восточный (рущукскій) отрядъ вмѣсто цесаревича. Тотлебенъ былъ въ восторгѣ отъ этого новаго знака монаршаго къ нему довѣрія и просилъ разрѣшенія взять съ собою въ рущукскій отрядъ штабъ бывшаго отряда обложенія Плевны, что ему и было всемилостивѣйше разрѣшено.

Утромъ, 3-го декабря 1877 г., императоръ Александръ отбылъ изъ Порадима въ главную квартиру наслѣдника цесаревича, въ Брестовець, и на слѣдующій день направился оттуда, черезъ Бухарестъ, въ свою столицу.

Въ день отъѣзда государя, Тотлебенъ со всѣми офицерами своего штаба отправился въ Порадимъ, къ князю Карлу. Его высочество встрѣтилъ своего бывшаго помощника самымъ привѣтливымъ образомъ и вручилъ ему орденскіе знаки румынской звѣзды 1-й степени, при весьма милостивомъ рескриптѣ ¹⁾. Еще ранѣе, въ самый день взятія Плевны, князь румынскій пожаловалъ Тотлебену золотую медаль за храбрость.

4-го декабря, главнокомандующій потребовалъ къ себѣ въ Боготъ Тотлебена и объявилъ, что онъ и князь Имеретинскій, по приказанію государя, должны отправиться немедленно въ восточный отрядъ. Великій князь сообщилъ генераль-адъютанту Тотлебену свои общія соображенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ восточнаго отряда и просилъ пріѣхать къ нему еще на слѣдующій день, такъ какъ по случаю

---

¹⁾ Содержаніе рескрипта князя Карла Румынскаго на имя генераль-адъютанта Тотлебена было слѣдующее:

Mon cher général.

C'est avec le plus vif regret que je me sépare aujourd'hui de Votre Excellence, en gardant un souvenir ineffaçable des moments difficiles que nous avons traversés ensemble. Grâce à votre prevoiance, toutes nos peines ont été recompensées par un succès complet. Je vous remercie de tout mon coeur pour le concours éclairé que vous m'avez preté pendant tout le temps que j'ai eu le bonheur de vous voir à côté de moi.

En souvenir du temps mémorable où les efforts combinés des armées russe et roumaine ont été couronnés par la belle victoire du 28 Novembre, je vous prie d'accepter la grand croix de mon ordre de l'Etoile de Roumanie avec les glaives, dont je vous ferai parvenir les insignes.

Recevez, mon cher général, l'assurance de ma sincère amitié et de toute mon affection.

Charles.

Poradim. 3 (15) décembre
1877.

отправленія въ Россію Османа-паши, отъѣздъ Эдуарда Ивановича можетъ послѣдовать не ранѣе 6-го декабря.

Передъ велико-княжескимъ обѣдомъ, Тотлебенъ навѣстилъ Османа-пашу, въ сопровожденіи драгомана Макѣва. Раненый муширъ сказалъ Тотлебену, что его взглядъ и настойчивая выдержка рѣшили дѣло въ нашу пользу. Если бы мы рѣшились предпринять четвертый штурмъ, то онъ убѣжденъ, что были-бы отбиты съ огромною потерею. Османъ-паша выразилъ сожалѣніе, что румыны не штурмовали атакованный имъ редутъ: онъ сдѣлалъ все приготовленія, чтобы проучить ихъ. Тотлебенъ любопытствовалъ узнать причину, по которой онъ не отступилъ изъ Плевны къ балканскимъ проходкамъ, когда убѣдился, что къ намъ приближаются сильныя подкрѣпленія, и гвардія находится еще у Чирикова, т. е. въ то время, когда Софійское шоссе еще не было занято русскими войсками, но слѣдовало ожидать, что чрезъ нѣсколько дней путь отступленія будетъ прегражденъ,—Османъ-паша отвѣчалъ, что въ ту пору продовольствіе находилось у него еще въ изобиліи, что преждевременное отступленіе противорѣчило его военной чести и никогда не было бы прощено ему въ Константинополѣ, что онъ былъ бы осужденъ. Въ заключеніе знаменитый пѣвникъ спросилъ Тотлебена, если его вопросъ не будетъ признанъ нескромнымъ, куда онъ теперь поѣдетъ. Тотлебенъ отвѣтилъ: командовать арміею противъ Сулеймана-паши. Османъ-паша замолчалъ. Вообще два недавніе противника разстались самымъ дружескимъ образомъ.

5-го декабря Тотлебенъ отправился съ княземъ Имеретинскимъ въ Боготъ, гдѣ получилъ отъ великаго князя главнокомандующаго письменное предположеніе относительно предстоящихъ дѣйствій войскъ восточнаго отряда.

Вечеромъ Тотлебенъ занялся сборами къ предстоящему отъѣзду, предполагая выѣхать изъ Тученицы утромъ 6-го декабря.

Послѣдніе дни, проведенные Тотлебеномъ въ Плевнѣ, сопровождались для него большими хлопотами и неприятностями. «Я старался, пишетъ Тотлебенъ въ своемъ дневникѣ, распутать всю неурядицу..... относительно отправленія пѣвниковъ..... Мой штабъ не зналъ что дѣлать, послѣ того какъ во время продолжительнаго обложенія все шло спокойно, правильно и систематически».

Тотлебенъ заканчиваетъ свой плевненскій дневникъ слѣдующей замѣткой:

«Итакъ, съ паденіемъ Плевны окончился цѣлый періодъ войны. Плевна подтверждаетъ, что укрѣпленный лагерь, занятый сильнымъ отрядомъ войскъ, не имѣвшихъ неудачъ въ предшествовавшихъ дѣлахъ

и находящихся под начальством энергическаго и способнаго генерала, можетъ оказать непреодолимое сопротивленіе и разстроить противника при его штурмахъ. Но участь обороняющихся войскъ, въ случаѣ достаточныхъ силъ атакующаго для тѣснаго обложенія укрѣпленнаго лагеря, есть только вопросъ времени, т. е. зависитъ отъ количества продовольствія, конечно, при томъ условіи, что обложеніе можетъ быть выдержано до конца. Если идти на штурмъ противъ сильныхъ укрѣпленій съ дальняго разстоянія въ особенности, какъ въ Плевнѣ, то по обширности турецкой позиціи всѣ резервы непременно находятся внѣ выстрѣловъ. Впрочемъ, нѣтъ правилъ безъ исключенія; все зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя на войнѣ весьма разнообразны.

«Если непріятельскія войска послѣ нѣсколькихъ пораженій отступаютъ въ укрѣпленный лагерь, то при рѣшительномъ превосходствѣ нравственной силы штурмъ можетъ быть удаченъ, какъ то доказываетъ штурмъ Карса. Хотя тамъ гарнизонъ составлялъ по числительности четвертую часть гарнизона Плевны, но за то укрѣпленія были болѣе обезпечены отъ штурма».

Н. Е. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ѲАДЕЙ ДУБОВЦОВЪ,

записавшійся на службу дьяволу

въ 1840 г.

О младшемъ писарѣ конторы нарвскаго военнаго госпиталя Ѳадей Дубовцовѣ и рядовомъ полвижной инвалидной № 56 роты, состоящей при означенномъ госпиталѣ, Иванѣ Седѣльниковѣ, сужденныхъ: первый—за написаніе кровью рукописанія на службу дьяволу, а послѣдній—за подбужденіе къ этому Дубовцова [архивъ аудиторіатскаго департамента военнаго министерства, 1840 г., 1-е отд., № 54, на 198 листахъ].

Писарь Дубовцовъ, 24 лѣтъ отъ роду, въ теченіи 8-лѣтней службы вель себя дурно и часто предавался пьянству, за что многократно былъ наказываемъ розгами. Въ половинѣ февраля (числа не помнитъ) 1840 г., находясь въ конторѣ госпиталя вмѣстѣ съ Седѣльниковымъ, онъ расковырялъ себѣ носъ и кровью написалъ на четвертушкѣ бумаги слѣдующее: «1840 г., я, нижеподписавшійся, даю сіе рукописаніе князю агеловъ въ томъ, что хочу служить имъ, а отъ Бога и креста православной вѣры отрекаюсь, никогда быть и вѣровать православной вѣрѣ не буду только съ тѣмъ, чтобы мнѣ служили скольконибудь агеловъ, что я захочу, и чтобы мнѣ повиновались и всѣ слушали. Рабъ твой Ѳадей».

1-го марта, въ 9 часовъ утра, рядовой госпитальной команды Артемій Озеровъ нашель эту записку на дворѣ и представилъ въ контору. Смотритель госпиталя Флигенрингъ препроводилъ ее при рапортѣ нарвскому коменданту, свиты его величества генераль-маіору барону Велію; баронъ Велію отнесся къ командиру гренадерскаго его величества короля прусскаго полка, генераль-маіору Липранди, о назна-

ченіи одного штабъ-офицера и полковаго аудитора для производства слѣдствія, вмѣстѣ съ назначенными со стороны коменданта однимъ оберъ-офицеромъ и смотрителемъ госпиталя.

8-го марта 1840 г. комиссія начала слѣдствіе.

При первомъ допросѣ Дубовцовъ сознался въ написаніи кровью записки, но при этомъ показалъ, что сдѣлалъ это по совѣту Седѣльниковъ; въ подтвержденіе своего оговора онъ разсказалъ комиссіи, что въ февралѣ (числа не помнитъ), когда онъ остался въ конторѣ съ Седѣльниковымъ, послѣдній сказалъ ему, что знаетъ человѣка, который обоимъ имъ можетъ составить счастье, но что прежде нужно выпариться въ банѣ березовымъ вѣникомъ, окатиться холодною водою и если на тѣлѣ останутся три березовые листка, то отнести ихъ къ этому человѣку.

Дубовцовъ этому не повѣрилъ.

Черезъ нѣсколько дней Седѣльниковъ предложилъ ему другое, болѣе вѣрное, средство сдѣлаться счастливымъ; средство это и заключалось въ написаніи кровью записки къ князю агеловъ. На этотъ разъ Дубовцовъ исполнилъ совѣтъ, написалъ кровью записку и спряталъ въ карманъ, а Седѣльниковъ обѣщалъ ему черезъ нѣсколько дней дать наставленіе, какъ поступить съ этой запиской. Дѣйствительно, черезъ два дня Седѣльниковъ далъ Дубовцову письменное наставленіе, которое и найдено было въ карманѣ сюртука этого послѣдняго. Въ наставленіи было написано: «итти въ 12 часовъ ночи въ глухое мѣсто, взять съ собою рукописаніе и крестъ, положить въ пятку, повернуться на ней три раза и говорить: черный богъ! приди ко мнѣ, помоги мнѣ, возьми душу мою и служи мнѣ во всемъ».

Получивъ это наставленіе, Дубовцовъ думалъ исполнить свой замыселъ въ ночь съ 28 на 29 февраля; онъ легъ вечеромъ въ конторѣ и приказалъ, стоявшему у денежнаго сундука, часовому разбудить себя въ 11 часовъ. Часовой разбудилъ. Дубовцовъ вышелъ изъ конторы на дворъ, но въ это самое время запѣли пѣтухи, изъ чего онъ заключилъ, что опоздалъ, а потому вернулся въ контору и снова легъ спать. Какимъ образомъ онъ потерялъ свое рукописаніе — того не знаетъ.

Рядовой Седѣльниковъ отъ всего показаннаго Дубовцовымъ отказался и вся дѣятельность комиссіи направлена была къ его изобличенію. Повальный обыскъ, сдѣланный въ мѣстѣ служенія Седѣльниковъ, равно какъ и запросы въ тульскую губернскую гимназію, въ которой Седѣльниковъ окончилъ два класса, и во 2-й департаментъ московскаго уѣзднаго суда, гдѣ онъ служилъ подканцеляристомъ 7 мѣся-

цевъ и 12 дней,—обнаружили, что Седѣльниковъ въ вѣрѣ твердь, поведенія благочестиваго и у св. причастія бываетъ; также отозвалась о немъ и мать подсудимаго, проживавшая въ Москвѣ. Въ службу вступилъ Седѣльниковъ по найму и полученныя деньги отдалъ матери, чтобы вывести ее изъ крайней нищеты. Это подтвердила и московская казенная палата.

При всемъ томъ, однако, улики, представленныя Дубовцовымъ противъ Седѣльникова, были весьма сильны. Одиннадцать опытныхъ и свѣдущихъ аудиторовъ признали, что наставленіе Дубовцову писано рукою Седѣльникова, а не чьей либо другою, а потому комиссія и оставила его въ сильномъ подозрѣніи въ склоненіи Дубовцова къ этому противозаконному поступку.

Управляющій с.-петербургскою комиссаріятскою комиссіею, полковникъ Княжнинъ, предалъ Дубовцова и Седѣльникова военному суду при с.-петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ, 13 іюня 1840 г.

21-го сентября того же года комиссія военного суда постановила слѣдующую сентенцію:

«Комиссія военного суда находить виновными: писаря Дубовцова — въ намѣреніи отречься отъ Бога и православной вѣры, въ посягательствѣ уже на исполненіе этого преступленія и въ пьянствѣ; а рядоваго Седѣльникова въ склоненіи Дубовцова къ такому преступленію, въ чемъ онъ изобличается письменнымъ наставленіемъ, по коему Дубовцовъ намѣревался учинить отреченіе, и въ пьянствѣ; но какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что означенное преступленіе учинено ими въ первый разъ изъ легкомыслія и болѣе отъ пьянства, то военносудная комиссія приговорила: прогнать ихъ сквозь строй каждаго черезъ пять сотъ человѣкъ по три раза».

Управляющій с.-петербургскою комиссаріятскою комиссіею въ мнѣніи своемъ полагалъ: «Дубовцова лишить унтеръ-офицерскаго званія, обоихъ прогнать сквозь строй черезъ пятьсотъ человѣкъ по одному разу, и какъ неблагонадежныхъ къ комиссаріятской службѣ выписать въ другое вѣдомство».

Генераль кригсъ-комиссаръ, генераль-маіоръ Храпачевъ, въ мнѣніи своемъ полагалъ: «такъ какъ преступленіе Дубовцова обнаруживаетъ отсутствіе разсудка отъ пьянства, а вина Седѣльникова, за несознаніемъ его, недостаточно доказана, то Дубовцова наказать розгами 200 ударовъ и, разжаловавъ въ рядовые, отправить въ арестантскія

роты на одинъ годъ; Седѣльниковъ наказать 100 ударами розогъ и тоже отправить въ арестантскія роты на одинъ годъ».

10-го января 1841 г. генераль-аудиторіатъ рѣшилъ:

1) Писаря Дубовцова за означенное его преступленіе, лишивъ писарскаго званія, наказать розгами 200 ударовъ и отослать къ духовному начальству для поступленія съ нимъ по церковнымъ правиламъ, а потомъ обратить его на службу во фронтъ, по распоряженію инспекторскаго департамента».

2) Сужденіе о рядовомъ Седѣльниковѣ, подозрѣваемомъ въ наущеніи Дубовцова къ отступленію отъ Бога и православной вѣры, за смертью Седѣльникова, оставить.

(Выписано изъ дѣлъ архива аудиторіатскаго департамента военнаго министерства въ 1859 году).

Сообщ. И. Ф. Станевичъ.

Вопросъ о кн. Щербатовѣ.

1802 г.

Въ Biographie modern, Leipzig, 1806, IV, 279, и въ сочиненіи Бюлау: Personnages énigmatiques, I, 364, рассказанъ слѣдующій случай:

14-го (26-го) июня 1802 года происходила дуэль между княземъ Зубовымъ и кавалеромъ Іосифомъ Саксонскимъ, сыномъ принца Ксаверія Саксонскаго отъ морганатическаго брака съ графинею Спичуччи. Секундантомъ князя Зубова былъ князь Щербатовъ. Князь Зубовъ былъ немедленно поставленъ въ невозможность продолжать дуэль (mis hors de combat) и уступилъ свое мѣсто секунданту, который нанесъ кавалеру Саксонскому смертельный ударъ.

Не сказано, что было поводомъ этой дуэли и гдѣ она происходила (по всей вѣроятности, въ Неаполѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Италіи).

Который это князь Щербатовъ? Не князь ли Александръ Θεодоровичъ (у Долгорукова № 121), который 9-го мая 1798 г. произведенъ былъ изъ полковниковъ конной гвардіи въ генераль-маіоры и назначенъ генераль-адъютантомъ императора Павла, а 25-го мая 1800 г. отставленъ отъ службы, снова принятъ въ нее при императорѣ Александрѣ I и умеръ въ званіи штаб-майстера?

Я былъ бы весьма обязанъ тому изъ читателей «Русской Старины», который принялъ бы на себя трудъ разрѣшить этотъ вопросъ.

Е. Л. Р.

СМЕРТЬ.

Страхиться смерти—малодушно,
И смерть отъ насъ не отвратить;
Напротивъ, встрѣтить смерть радушно,
Нашъ духъ предъ смертью оживить.
А что есть смерть?—Конецъ бѣдамъ,
Конецъ причудамъ, тревоженьямъ,
Покой души, предѣлъ грѣхамъ,
И разрѣшенье всѣмъ сомнѣнямъ.
За смертью гробъ, за гробомъ свѣтъ,—
Свѣтъ вѣчный, яркій, благодатный;
Тамъ ждетъ Спасителя объѣтъ,
Объѣтъ для добрыхъ душъ отрадный.
Смерть не страшна тому бываетъ,
Кто съ совѣстью живетъ въ ладу,
Кто ближняго не обижаетъ,
Стремится кто всегда къ добру,
Кто долгъ свой свято исполняетъ,
Какъ христіанинъ, человекъ,
На Бога твердо уповаешь,
И въ ризу правды духъ облеаешь;
Но тотъ страшись лобзанья смерти,
Свою кто совѣсть заглушалъ,
Искалъ кто въ ближнемъ только жертвы,
Невинность злобно притѣснялъ!
Кто облеченъ законной властью,
А воплямъ сирыхъ не внималъ,
И я животною любовью
Всего превыше поставлялъ;
И тотъ, земными это дарами
Съ избыткомъ надѣленъ Творцомъ,
Не тронуть ближняго слезами,

Съ благотвореньемъ незнакомъ;
 Кто эгонстомъ въ полной мѣрѣ
 Провелъ свой вѣкъ безъ добрыхъ дѣлъ;
 Кто не искалъ спасеня въ вѣрѣ,
 О пользѣ общей не радѣлъ.
 Но кто исчислить всѣ проступки,
 Какими грѣшный человѣкъ
 Готовитъ духъ страшиться смерти?
 Во что онъ самъ себя вовлечъ!
 Возмездіе, и злымъ и добрымъ,
 Спаситель Самъ намъ объявилъ;
 Избрать осталось—быть-ли первымъ,
 Или послѣднимъ?—Какъ кто жилъ!
 Пусть будетъ смерть отдохновеньемъ
 Отъ земной, трудной суеты!
 Загробный быть вознагражденьемъ,
 Замѣною истинной мсчты.
 Не будемъ же страшиться смерти
 И Богу душу предадимъ!
 А между тѣмъ дѣянье жизни
 Мы къ сей же цѣли обратимъ!

Баронъ Александръ Воде.

Сообщ. 31-го іюля 1882 г. Ад. П. Берже.

М. С. Щепкинъ.

Въ дополненіе къ разсказу А. Д. Галахова о М. С. Щепкинѣ, позволяю
 себѣ заявить, что М. С. Щепкинъ скончался на моихъ глазахъ въ Ялтѣ, въ
 домѣ, вынѣ занимаемомъ ятинскою прогимназією. Кромѣ меня, присутство-
 вала также вдова бывшаго попечителя виленск. учебн. округа, г-жа Гли-
 беръ. У покойнаго М. С. животъ такъ разбухъ, что мы были вынуждены зака-
 зать новую крышку для гроба.

А. С. Галаховъ.

КОГО УЖЕ НѢТЬ!

Въ часъ тихій, въ часъ уединенья,
Когда одинъ съ собою я,
И погруженный въ размышленья,
Я вспомню прошлое, друзья:
Какъ многихъ здѣсь изъ васъ не стало,
Родныхъ, друзей,—кого ужъ нѣтъ!
Безжалостное смерти жало
Ихъ преселило въ лучшій свѣтъ!
Теряю счетъ!—ужели тлѣнье
Предѣломъ должно быть связей
Люби и дружбы?!—и мгновенье
Разрушить узъ многихъ дней?!
Пусть чувство злости сокрушится
Съ земною жизнью!—но любовь
Предѣловъ гроба не боится:
Любовь и дружба безъ оковъ.
Земной нашъ бытъ—путь переходный
По зыбкамъ жизни къ небесамъ;
Смерть—пристань, или брегъ безводный,
Назначенный на раздыхъ намъ.
За гробомъ духъ освободится
Отъ узъ земныхъ, отъ всѣхъ препонъ;
Прочіи за гробомъ утвердятся
Люби и дружества законъ.
Зачѣмъ тужить мнѣ объ умершихъ,
Когда опять увижу ихъ?
Когда опять друзей воскресшихъ
Въ объятыхъ заключу моихъ?
Когда ручается мнѣ вѣчность
За непрерывный рядъ вѣковъ

Люви и дружбѣ?—Безконечность
 Такою встрѣтить я готовъ
 Путь совершивъ, соединимся
 Опять мы волею Творца;
 Во вѣкъ тогда не разлучимся,
 И будетъ счастье безъ конца.
 Привѣтствую же васъ радушно;
 Явлюсь въ свое я время къ вамъ;
 Повѣрьте, я не равнодушно
 Воспоминаю по часамъ
 То время, что дѣлилъ я съ вами,
 Когда намъ улыбался свѣтъ;
 Когда мѣнялись мы сердцами:
 Тому прошло ужъ много лѣтъ!
 А вы, кого я здѣсь покину,
 Когда отъиду въ лучшей міръ,
 Не плачьте, васъ я не забуду:
 Сойдемся тамъ на общій пиръ.

Баронъ Александръ Бодѣ.

Сообщ. 31 іюля 1882 г. Ад. П. Берже.

Николай Михайловичъ Языковъ

1831.

Въ его стихотвореніи, помѣщенномъ въ „Русск. Стар.“ 1886 г., іюль, стр. 172, второй стихъ напечатанъ ошибочно, читай такъ:

Моей Камени удалой

Альбомъ, въ которомъ вписано было стихотвореніе Н. М. Языковымъ, найденъ былъ въ бумагахъ Петра Васильевича Кирѣевскаго.

С. К.

ЕДИНСТВО.

[шутка].

Эта одна изъ распространенныхъ въ 1868 г. шутокъ принадлежитъ перу, если только не ошибаемся, графа Алексѣя Константиновича Толстаго. Помѣщаемъ ее въ дополненіе къ тѣмъ многочисленнымъ поэтическо-сатирическимъ произведеніямъ, которыя въ разное время представила на своихъ страницахъ „Русская Старина“.

Ред.

Друзья, ура! Въ единство
Сплотись, Святая Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

К*** сказалъ, что тискать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ;
Ихъ надо тискать, тискать
Въ патронъ единый всѣхъ.

Ядро у насъ Славяне,
Но есть и Вотяки,
Болгаре и Армяне
И даже Калмыки,

И есть у насъ Грузины,
Конвой цвѣтъ п честь,
Есть Латыши и Финны
И Шведы тоже есть.

Недавно и Текинцы
Живуть у насъ въ плѣну;
Признаться-ль?.. Есть и нѣмцы,
Но это entre-pous.

Боясь съ К*** драки,
Я на ушко шепну,
Что есть у насъ Поляки,
Но это entre-pous.

И многими другими
Обиленъ нашъ запасъ;
Какъ жаль, что между ними
Арабовъ нѣтъ у насъ.

Тогда-бы князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Въ усерды столь-же смѣломъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ-бы мѣломъ
Ихъ черныя зады.

К*** съ усердьемъ Альбы
Имъ удлинял-бы носъ;
Маркевичъ восклицалъ-бы:
Осанна!! Аксіось!!

Гр. А. Толстой.

1868 г.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ

1831.

Въ стихотвореніи его, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ 1886 г., книга августъ, стр. 356, опущенъ предпоследній стихъ:

И наша общая свобода

и въ томъ же стихотвореніи, на стр. 355, въ одиннадцатомъ стихѣ сверху вкрался пропускъ слова:

..... самодержавья,

М.

Собрание портретовъ декабристовъ.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, какъ замѣчено выше, весьма чтя память своихъ сотоварищей по событіямъ 1820-хъ гг., съ живѣйшимъ интересомъ и настойчивостью собиралъ ихъ портреты. Въ апрѣлѣ 1885 г. эта лекція состояла изъ семидесяти пяти портретовъ, которые, по его отзыву, были всѣ болѣе или менѣе похожи на оригиналы, изъ которыхъ только трое остались въ живыхъ въ настоящее время (А. П. Бѣляевъ. Н. А. Назимовъ и П. Н. Свистановъ). Въ 1885 г. пишущій эти строки доставилъ сердечное удовольствіе Матвѣю Ивановичу, сообщивъ ему два портрета П. И. Пестеля, двѣ фотографіи, съ живописныхъ портретовъ, сохранившихся въ Смоленской деревнѣ сестры покойнаго П. И. Пестеля.

Вотъ перечень портретовъ, составлявшихъ собраніе М. И. Муравьева-Апостола въ 1885 году.

Кондратій Ѳеодоровичъ Рыльевъ. — Петръ Андреевичъ Каховскій. — Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. — Александръ Николаевичъ Муравьевъ. — Никита Михайловичъ Муравьевъ. — Александръ Михайловичъ Муравьевъ. — Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ. — Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ. — Николай Васильевичъ Басаргинъ. — Николай Александровичъ Бестужевъ. — Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. — Александръ Александровичъ Бестужевъ. — Андрей Василевичъ Ентальцевъ. — Иванъ Александровичъ Анненковъ. — Александръ Ивановичъ Мозгалевскій. — Сер. Ивановичъ Кривцевъ. — Андрей Андреевичъ Выстрицкій. — Иванъ Ѳеодоровичъ Шимковъ. — Василій Павловичъ Колесниковъ. — Михаилъ Фотіевичъ Митковъ. — Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ. — Александръ Ивановичъ Вегелинъ. — Веніаминъ Николаевичъ Соловьевъ. — Павелъ Дмитріевичъ Мозганъ. — Алексѣй Ивановичъ Тютчевъ. — Илья Ивановичъ Ивановъ. — Владиміръ Ивановичъ Бечасновъ. — Константинъ Евстафьевичъ Игельстромъ. — Дмитрій Петровичъ Тапиковъ. — Петръ Ивановичъ Борисовъ 2-й. — Николай Ивановичъ Тургеневъ. — Александръ Ивановичъ Якубовичъ. — Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Вадковскій. — Василій Львовичъ Давыдовъ. — Алексѣй Петровичъ Юшневскій. — Александръ Николаевичъ Сутгофъ. — Александръ Семеновичъ Пановъ. — Иванъ Васильевичъ Кирѣевъ. — Михаилъ Сергѣевичъ Лувинъ. — Степанъ Михайловичъ Семеновъ. — Гавріилъ Степановичъ Батенковъ. — Николай Ивановичъ Лореръ. — Осипъ Викторовичъ Поджіо. — Александръ Викторовичъ Поджіо. — Петръ Александровичъ Мухановъ. — Павелъ Васильевичъ Абрамовъ. — Петръ Ивановичъ Фаленбергъ. — Николай Алекс. Загорѣцкій. — Михаилъ Александровичъ Нази-

мовъ (въ 1886 г. живеть во Псковѣ). — Александръ Филипповичъ Фроловъ. — Николай Романовичъ Цебриковъ. — Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ. — Петръ Петровичъ Бѣляевъ. — Александръ Петровичъ Бѣляевъ (живеть въ 1886 г. въ Москвѣ). — Петръ Ѳедоровичъ Громницкій. — Иванъ Ивановичъ Пущинъ. — Иванъ Ивановичъ Горбачевскій. — Выгодовскій. — Рѣпинъ. — Михаилъ Рукевичъ. — Юліанъ Люблинскій. — Павелъ Сергѣевичъ Бобрисевъ Пушкинъ. — Иванъ Семеновичъ Повало-Швейковскій. — Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ. — Александръ Ѳедоровичъ фонъ-дерь-Бригинъ. — Князь Евгений Петровичъ Оболенскій. — Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. — Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій. — Князь Дмитрій Александровичъ Щепинъ-Ростовскій. — Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой. — Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. — Баронъ Василій Карловичъ Тизенгаузенъ. — Баронъ Андрей Евгеньевичъ Розенъ. — Баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ. — Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель.

Поправки и замѣтки.

(Къ июльской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г.).

Страница 18, строка 16, напечатано: судный, слѣдуетъ читать: ссудный.

Стран. 32, стр. 15 снизу. Не передъ дворцомъ, а противу сената и Исакиевского собора.

Стран. 33, стр. 7. Не къ крѣпостной башнѣ, а къ адмиралтейскому шпицу.

Стран. 215, внизу. И ген.-ад. Павелъ Евстафьевичъ Коцебу отозвался передъ началомъ войны на сдѣланный ему свыше вопросъ, что съ вѣличнымъ числомъ возможныхъ или предполагавшихся къ движенію войскъ — войны съ Турціею начинать не должно. Сколько помнится, были противу нея и министръ финансовъ и военный министръ. Последній потому, что въ тотъ моментъ не были еще окончены мѣры преобразовательныя. Ж. Р.

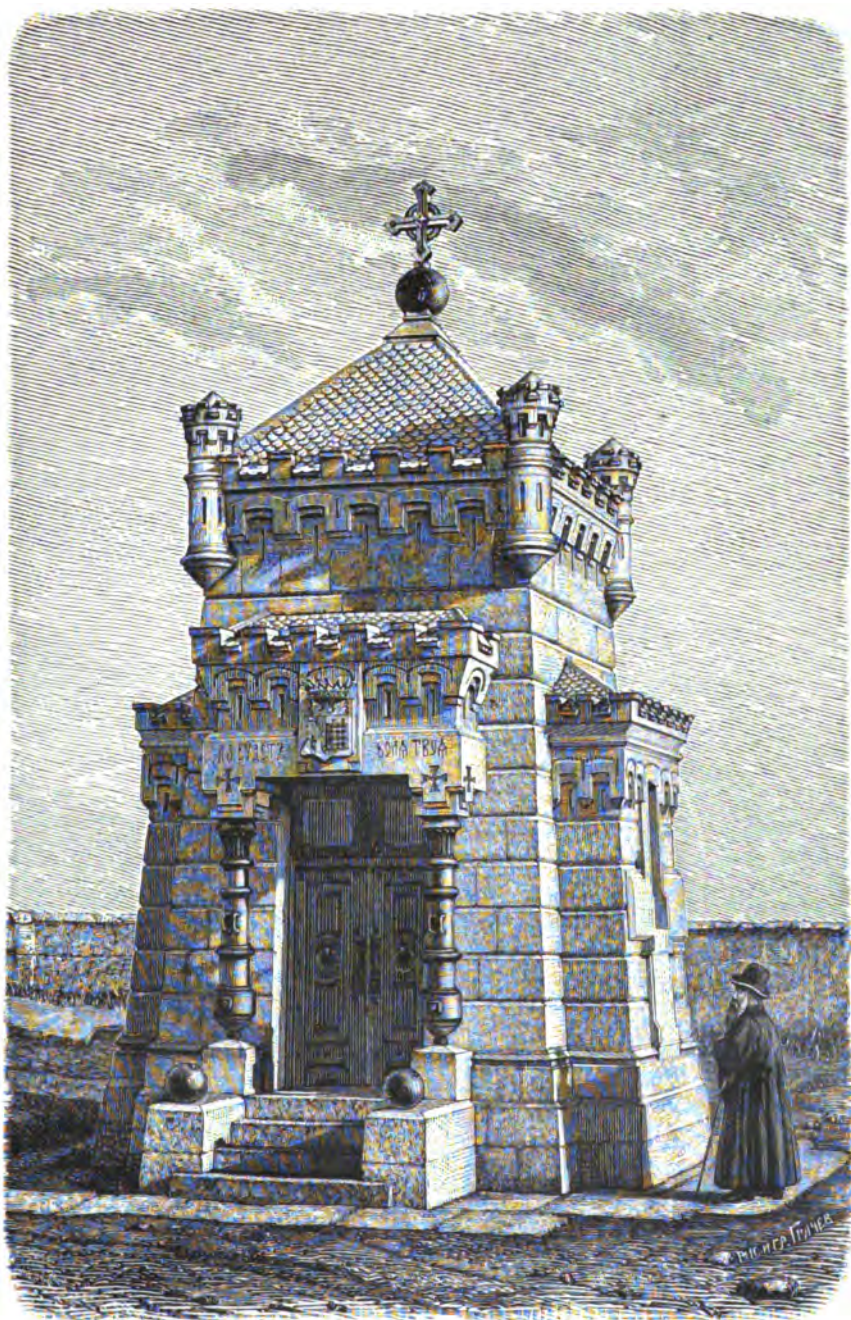
(Къ сентябрьской книгѣ «Русской Старинѣ», изд. 1886 г.).

Стран. 640, строка 6, напечатано: въ Гнуловѣ; слѣдуетъ читать: въ Окуловѣ.

Стран. 641, строка 10 снизу, слѣдуетъ читать, вмѣсто 1849 г., 1856 г., и стран. 642, строка 14, читай, вмѣсто 1850 г., 1859 г. Д. Г.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛЪ
ГРАФА Н. И. ЕВДОКИМОВА ВЪ ПЯТИГОРСКЪ.

Письма цесар. Александра Николаевича къ его воспитателю
К. К. Мердеру.

(„Русская Старина“ изд. 1886 г., т. XLIX, февраль, и т. L, май и июнь).

ПОПРАВКИ.

Томъ.	Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
XLIX.	405	19 снизу	11-го числа	17-го числа
	406	8 снизу	сдѣлалъ для меня (рисунки?)	сдѣлалъ для меня кроки
	407	11 сверху	8-го мая	6-го мая
	408	13 снизу	смотря на это, сердце каждаго русскаго	смотря на это, право, сердце каждая рус- скаго
	—	5 снизу	есть много	есть очень много
	409	10 сверху	Вакселемъ	Весселемъ
	—	3 снизу	привезъ къ намъ	привезъ къ намъ
	410	4 сверху	мы не имѣли	мы не имѣемъ
L.	362	12 снизу	Мы видѣли М. Гакс- фордъ и Поля; у насъ былъ весь вечеръ	Мы видѣли М. Гакс- фордъ, и Поля у насъ былъ весь вечеръ
	363	15 снизу	мы прокатились	мы пріятно проката- лись
	365	1 сверху	и жалко очень	сожалѣю очень
	—	5 снизу	Чечерина	Чичерина
	—	2 снизу	маневръ кончился	маневръ начался
	370	12 снизу	если наши будутъ до- вольны,	если нами будутъ до- вольны,
	534	7 снизу	только что мы успѣ- ли выйти	только что мы успѣ- ли войти

Примѣчаніе. Нѣкоторыя изъ писемъ цесаревича Александра Николаевича мы напечатали по копіямъ, намъ сообщеннымъ, въ которыхъ и усмотрѣны нами же погрѣшности, когда мы получили затѣмъ подлинники. Эти погрѣшности копій здѣсь и исправляются.
Ред.

Л. Л. Романовичъ.

ФОНЕТИКА РУССКАГО И ДРЕВНЕ-ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.

Цѣна **ОДИНЪ** рубль.

Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія допущена для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библиотекъ учительскихъ семинарій.

Продается въ Петербургѣ, Москвѣ и у автора въ Новгородѣ, въ Александровской учительской школѣ. Обращающіеся къ автору за пересылку не платятъ и при требованіи 5 экземпляровъ пользуются уступкой 20%.

Готовится къ печати сочиненіе того-же автора:

СВЯТОРУССКАЯ СТАРИНА ВЪ РОДНЫХЪ ПѢСНОПѢЧЬЯХЪ.

Опытъ исторической христоматіи въ стихотворныхъ образцахъ, съ приложеніями, примѣчаніями и словаремъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЦИНЗЕРЛИНГА

продается книга:

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ СТА ВОСЬМИДЕСЯТИ КНИГЪ,
составляющихъ историческій журналъ

„Русская Старина“

ВЪ ПЕРВЫЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЯ ИЗДАНІЯ:

1870—1884 гг.,

Спб., 8 д., 300 стр., изд. 1885 г., съ гравирован. портретами и снимками
Цѣна ТРИ рубля съ пересылкою.

губ.) и древностей, хранящихся въ нихъ (Древн. Костром. Ипатьевск. мон.); изслѣдованія на основаніи архивныхъ матеріаловъ (о лежечителѣ Мензелинѣ, кн. XVIII в., по документ. архива пермск. губерни. правл.), а также отчеты о вышедшихъ матеріалахъ и описанія ихъ древностей (Древн. каменные орудія, собран. въ Казанск. губ.); о 3-мъ томѣ юридическихъ актовъ, издан. Археогр. комиссіею; о дѣлѣ Шакловитаго, изданномъ ею же; о палеографич. снимкахъ съ актовъ, изданныхъ вилensk. археогр. комиссіею; о финансовыхъ затруденіяхъ Россіи въ нач. XVIII в., по поводу изданія протоколовъ сената; отзвѣвъ о славянорус. палеографіи Срезневскаго и т. п.; наконецъ, почти весь 5-й вып. изданія посвященъ воспоминаніямъ о покойномъ учредителѣ Института—Н. В. Калачовѣ.

Къ изданію приложены портреты, рисунки и снимки съ древностей. Какъ спеціальный органъ архивнаго дѣла, «Вѣстникъ» вполне заслуживаетъ поддержки, а потому желательно, чтобы его дальнѣйшее существованіе было упрочено и обезпечено.

Ростовскій уѣздъ Ярославской губ. Ист. археолог. и статистич. опис., съ рисунками и картой уѣзда. М. 1885. А. А. Титова. 630 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій трудъ не представляетъ строго систематическаго изслѣдованія, а скорѣе можетъ быть названъ собраніемъ матеріаловъ, во многомъ весьма любопытныхъ, не лишникъ для изслѣдователей края, хотя многихъ выписокъ, извлеченныхъ изъ рукописей, нельзя признать вполне историческимъ пригоднымъ источникомъ. Во всякомъ случаѣ, дѣлъ автора — собрать существующую свѣдѣнія о край—заслуживаетъ полнаго одобренія. Помимо существующаго печатнаго матеріала, авторъ воспользовался значительнымъ запасомъ данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей статистическаго комитета, собственной библіотеки, собранія Аргынова, собственныхъ наблюденій и матеріаловъ, сообщенныхъ ему другими лицами. Въ числѣ этихъ матеріаловъ обращаетъ на себя вниманіе ростовскій лѣтописецъ, принадлежавшій Б. В. Хлѣбникову, обильный баснословными данными, но не лишеныя извѣстнаго значенія по взглядамъ на мѣстныя историческія со-

бытія и историческихъ дѣятелей. Матеріалъ распределенъ авторомъ въ топографическомъ порядкѣ, но для удобства пользования имъ приложенъ общій подробный указатель и, кромѣ того, родословная ростовскихъ князей.

В. И.

Историческое свѣдѣніе о Верхне-Курмоярской станицѣ, 1818 г. Евлампіи Кательникова. Подъ редакціею И. П. Попова. Новочеркасскъ, 1886. 8 д., 63 стр.

Очеркъ Кательникова имѣетъ значеніе какъ картина внутренняго быта обитателей Дона въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. Самъ Кательниковъ былъ даровитый писатель началъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1824 г. Евлампій Никифоровичъ Кательниковъ «пострадалъ за сектанство», въ которое онъ впалъ постепенно, начавъ нескаты рѣшенія сложныхъ богословскихъ вопросовъ. Онъ былъ заточенъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и дожилъ до начала 1850-хъ гг.

Брошюра отпечатана весьма чисто, какъ и весь вообще изданія Областнаго войска Донскаго Статистическаго Комитета, съ приложеніемъ нѣсколькихъ рисунковъ. Половина брошюры занимаютъ примѣчанія редактора, изъ которыхъ нѣкоторыя могли бы быть значительно короче.

М. С.

S. Sommier. Un estate in Siberia. Firenze, 1885. 634 p. in gr. 8. Prezzo L. 20. (С. Соммье. Одно лѣто въ Сибири. Флоренція, 1885 г. 634 стр., въ б. 8. д. Ц. 20 лиръ).

Иностранная литература за послѣдніе годы обогатилась нѣсколькими, весьма солидными, сочиненіями о Сибири. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести вышедшее на итальянскомъ языкѣ, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, сочиненіе флорентинскаго ученаго Стефена Соммье. Книга эта, представляя результатъ научнаго путешествія по Сибири, даетъ много цѣннаго матеріала для исторіи, археологіи, географіи и этнографіи края и несомнѣнно заслуживаетъ вниманія всѣхъ лицъ, занимающихся изученіемъ этой обширной, во все еще мало изслѣдованной, нашей восточной окраины. Книга украшена 144 рисунками и 3 картами.

А. Л.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ переслкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (36 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

НОЯБРЬ.

1886 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. VII. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	239	IX. Плавенское сѣдѣніе, 1877 г. Очеркъ П. К. Шильдера (Обонч.)	447
II. Записки Александра Михайловича Тургенева. Гл. XL—XLVIII	259	X. Къ новѣйшей исторіи Болгаріи	475
III. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣльева. (Окончаніе).	285	XI. Францъ Листъ и гр. Мих. Юр. Вьельгорскій въ 1839 г. Сообщ. М. А. Веневитиновъ	485
IV. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Часть III. Гл. V.	311	XII. Къ разсказамъ изъ жизни императора Николая I, 1844—1845 гг. Сообщ. П. Давыдовъ	491
V. Иванъ Петровичъ Келеръ, проф. живописец. Его автобіографія, 1826—1886. (Окончаніе)	333	XIII. Попечитель слѣб. округа Мусинъ-Пушкинъ, 1848 г. Сообщ. П. Ф. Радвиговскій	495
VI. Московское торговое предпріятіе въ Тифлисѣ, 1846—1854 гг. Сообщ. К. Бухъ	379	XIV. Николай Ивановичъ Пироговъ: 1. Посѣщеніе нѣз студентскаго общезанія въ Москвѣ, 1881 г.— 2. Взглядъ его на земскую медицину. Сообщ. Л. В. Малининъ и Д. Д. Смышляевъ.	499 и 505
VII. Воспоминанія врача о М. Д. Споболевѣ, 1880—1881 гг. Сообщ. О. Ф. Рейфельдъеръ	391	XV. Матеріалы, замѣтки и стихи: П. А. Добролюбовъ (473).—Н. А. Некрасовъ (484).—Патріотическія сочиненія въ 1854 г. (508).—Литературныя замѣтки (509).	
VIII. Василій Ивановичъ Водовозовъ: 1. Воспоминанія о немъ В. Р. Щигалева.—2. Посмертныя его стихотворенія	405	XVI. Библиографическій листокъ.	

ПРЕЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Ивана Петровича Иелора, гравир. И. П. Матушинъ.
II. Портретъ Василія Ивановича Водовозова, гравир. на мѣди О. А. Мѣркинъ.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.

Восемнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Напечатаны и высылаются новыя книги: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе), сорокъ гравюръ. Цѣна пять руб.— Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Обрякова (второе изданіе). Цѣна шесть руб. Подписчики «Русской Старины» могутъ получить (до 1-го дек. 1886 г.) первую книгу за одинъ рубль и вторую—за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1886 г.

Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Вел. Наслѣд. Н. И. Кедрова. М. 1886. 244 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ ограничился лишь печатными матеріалами; но весьма подробно знакомить съ вопросами, входящими въ предметъ его темы. Вотъ содержаніе его труда: 1) очеркъ преобразовательной дѣятельности Петра въ области церковной въ связи съ государственными его реформами до учрежденія Синода; 2) церковно-административныя реформы Петра, центральныя и областныя, со времени учрежденія Синода; 3) заботы Петра В. относительно устройства и положенія блага духовенства; 4) мѣры преобразователя относительно образованія духовенства; 5) заботы правительства относительно организациіи монашескаго духовенства. Въ заключеніи авторъ полемизируетъ противъ тѣхъ нерѣдко высказываемыхъ сужденій о первонач. заводателствѣ Петра, въ которыхъ заявляется, что великій Преобразователь Россіи занесъ руку на дѣло, до основанія котораго рука челоуѣка не должна касаться, и что церковь съ его реформой, будучи одѣта въ государственный мундиръ, навсегда взята была въ казну, а духовное вѣдомство стало не болѣе, какъ однимъ изъ бюрократическихкихъ учрежденій.... Такой взглядъ авторъ прямо связываетъ съ излюбленными толками защитниковъ старины современныхъ Петру В., но авторъ не находитъ оправданія указанному взгляду. Глубоко ошибаются тѣ изслѣдователи церковныхъ реформъ, говоритъ онъ, которые видятъ въ нихъ намѣреніе царя подчинить своей власти церковь въ смыслѣ цезарепапизма... Ни Дух. регла., ни какой другой актъ времени Петра В., не даютъ права къ такому заключенію. Далѣе авторъ говоритъ, что созданныя формы церковнаго управленія нисколько не нарушали самобытнаго начала церкви и въ то-же время согласовались съ каноническими формами церковнаго устройства. Несовершенства такого порядка проявились собственно послѣ Петра, «въ смутный періодъ вѣмечнаго владычества на Русь»...

Нельзя не замѣтить, однако, что авторъ Дух. Регламентъ считаетъ цѣликомъ тво-

реніемъ Θεофана Прокоповича. Но извѣстно, что ближайшее знакомство съ церковными актами времени Петра и духовнымъ регламентомъ обнаруживаетъ, что важнѣйшіе изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ непосредственному участію въ нихъ самого Преобразователя, о чемъ было заявлено въ отчетахъ комиссіи по изданію писемъ и бумагъ Петра Вел.

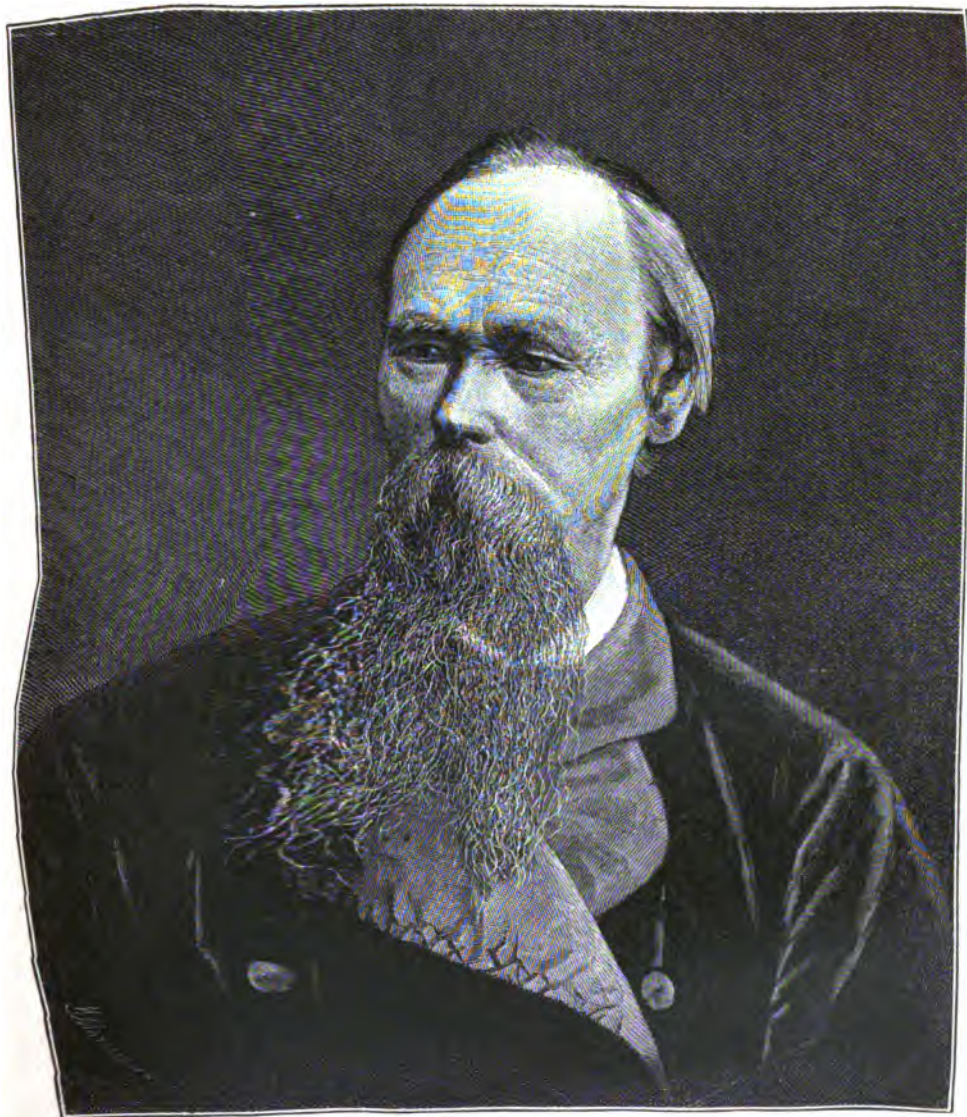
Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до-Могиланскій. С. Голубева. К. 1886. 233+117.

Исторія Кіевской академіи имѣетъ важное значеніе какъ по своему вѣстному положенію—въ исторіи края, такъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ, по тому вліанію, какое она имѣла черезъ своихъ учениковъ въ общей исторіи русской іерархіи и просвѣщенія. Не разъ принимались ея же ученики и за изображеніе судьбы этого учрежденія (іером. Макарій, впоследствии митрополитъ московскій, и извѣстный Аскоченскій), были и другія статьи, посвященные разнымъ вѣдомамъ изъ ея исторіи (Н. П. Петрова, М. А. Максимовича и т. п.); но онѣ отличаются или неизбежно въ прежнее время краткостью, нерѣдко умолчаніемъ существеннаго, но во всякомъ случаѣ страдаютъ неполнотою въ обработкѣ или торжественностію въ ущербъ дѣлу. Авторъ задался и болѣе широкимъ планомъ, и весьма широкою обработкою матеріаловъ. Для своей цѣли онъ изслѣдовалъ архивныя матеріалы въ мѣстныхъ коллекціяхъ, а также въ хранилищахъ Петербурга, Москвы, Галиціи. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ удѣляетъ весьма много мѣста спорнымъ вопросамъ въ первоначальной исторіи академіи и участію въ ея судьбѣ «увидаторки кіевского братскаго монастыря». 3-я глава посвящена характеристикѣ преподаванія въ кіево-братской школѣ, а 4-я—дѣятельности Петра Могила на пользу образованія въ западно-русскомъ краѣ и въ частности въ Кіевѣ, которому посвящена авторомъ и отдѣльная монографія. Въ особомъ отдѣлѣ помѣщено 26 приложеній разнаго содержанія, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ настоящей части труда автора. Пожелаемъ ему поскорѣе довести свой трудъ до конца, чтобы кіевская академія имѣла, наконецъ,

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЕЛЕРЪ,

ПРОФЕССОРЪ ЖИВОПИСИ.

РОД. 24-ГО ФЕВРАЛЯ 1826 Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 АПРѢЛЯ 1886 Г.

ВЫСЕДНИЦА ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

ГЛАВА VII ¹⁾.

Вторая экспедиція моего отца на сѣверный полюсъ.—Профессоръ Эпинусъ и его инструкція.—Дѣйствія экспедиціи и возвращеніе въ Архангельскъ.—Донсеніе и письмо моего отца къ гр. Чернышеву.—Отвѣтъ гр. Чернышева и вызовъ В. Я Чичагова въ Петербургъ.—Оправдательная записка моего отца.—Расформированіе экспедиціонной эскадры.—Адмиралтействъ-коллегія.—Заключительный указъ императрицы.

Слѣдствіемъ предъидущаго была вторая экспедиція къ сѣверному полюсу, результатъ которой былъ неудовлетворительнѣе первой. Еще въ концѣ 1765 года приступили къ поправкѣ корветовъ и постройкѣ новыхъ ботовъ. 8-го ноября капитанъ Бабаевъ вошелъ съ ними въ Екатеринъ-гавань, но два бота съ провіантомъ отбросило шкваломъ къ острову Кюльдеину и одинъ изъ нихъ разбило. Провіантъ почти весь утонулъ, а оставшіяся поможъ и сдѣлался негоднымъ.

По разсмотрѣніи вице-адмираломъ Нашевымъ рапортовъ, журналовъ и картъ, представленныхъ моимъ отцомъ, адмиралтействъ-коллегія собралась на совѣщаніе ²⁾, въ предположеніи, что ей придется обвинять начальника экспедиціи въ нерадѣніи и не-

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. I, іюнь, стр. 463—488; т. LI, августъ, стр. 247—270; сентябрь, стр. 487—518; т. LII, октябрь, стр. 25—44.

²⁾ 16 января 1766 года.

Л. Ч.

желаніи подвергаться опасности, для прославленія царствованія императрицы. Результатомъ этого совѣщанія было опредѣленіе вторичной экспедиціи, и въ журналѣ засѣданія говорилось, что коллегія пришла къ заключенію: „хотя по извѣстнымъ господина Чичагова и другихъ бывшихъ съ нимъ господъ капитановъ ревности и усердію къ достиженію желаемаго намѣренія ничего не оставлено, поколику состояніе времени и встрѣтившіяся препятствія дозволили“, однако, коллегія не согласна съ мнѣніемъ начальника экспедиціи о невозможности открытій у полюса новыхъ земель, такъ какъ, во-первыхъ, изъ похода Немтинова въ 1764 г. на Шпицбергенъ выяснилось, что въ то лѣто не видно было столько льда и онъ свободно входилъ въ Кловбай, вслѣдствіе ли другихъ вѣтровъ, разности теченій, а можетъ быть, и менѣе сильной стужи. Слѣдовательно, можно предположить, что не каждое лѣто бываетъ тамъ одинаковое количество льда. Вторыхъ, успѣхъ столь чрезвычайныхъ предпріятій большею частію зависитъ отъ удачи, что требуетъ неоднократныхъ опытовъ. Далѣе коллегія редактировала свой журналъ, съ намѣреніемъ нѣсколько загладить собственное несправедливое отношеніе къ капитану Чичагову, и говоритъ: инструкція прошлаго года остается въ прежней силѣ „и какъ положенныя въ оной предписанія учинены больше для свѣдѣнія и примѣчанія, нежели для опредѣлительнаго наставленія, каковое во всѣхъ подобныхъ сему дѣлахъ иначе какъ на угадъ дать нельзя, а, впрочемъ, дается тамъ совершенная во всемъ свобода, то и нынѣ то же самое не токмо подтвердить, но власть сію распространить и болѣе, полагаясь во всемъ на извѣстные и уже опытами доказанныя,—ревностное усердіе, благоразуміе, искусство и патріотическій духъ господина Чичагова, чтобы онъ въ предпріятіи семъ поступалъ и въ желаемый путь располагалъ свое плаваніе, какъ время и обстоятельства потребуютъ и дозволятъ, а искусство и неустрашимость духа его наставятъ“. Затѣмъ еще разъ въ концѣ опредѣленія сказано, что все поручается благоразсужденію капитана Чичагова и не только опытъ, но одно намѣреніе и плаваніе экспедиціи близъ полюса доставляетъ уже славу Россіи и цѣлой Европѣ и безсмертитъ его имя, такъ какъ до сихъ поръ попытки всѣхъ иностранныхъ мореплавателей были тщетны и неудачны. Второй экспедиціей онъ, наконецъ, по меньшей мѣрѣ,

увѣрить свѣтъ, что достигнуть желаемой цѣли положительно и совершенно невозможно. По просьбѣ моего отца лейтенантъ Немтиновъ былъ опредѣленъ въ его команду.

Неизвѣстно, какое-бы вліяніе имѣлъ на это рѣшеніе коллегіи Ломоносовъ, умершій вскорѣ по отправленіи первой экспедиціи, но надо предполагать, что присутствіе его въ совѣщаніи облегчило-бы отцу моему получить полное оправданіе. Ломоносовъ былъ единственнымъ ученымъ человѣкомъ въ то время. Его старался замѣнить въ этомъ дѣлѣ профессоръ Эпинусъ, который составилъ для эскадры довольно интересную и ученую записку ¹⁾. Онъ писалъ, что, по его мнѣнію, только тремя путями можно проѣхать изъ Ледовитаго океана въ такъ называемое „тихое море“. Изъ этихъ трехъ, двумя проходами (между Сибирью и Новою землею и между Новою землею и Шпицбергеномъ) покушались неоднократно проѣхать, но безъ успѣха; третій проходъ, между Шпицбергеномъ и Гренландіею, никогда не былъ старательно осмотрѣнъ, кромѣ прошлаго года экспедиціе Чичагова. Но послѣдній не имѣлъ успѣха болѣе первыхъ, такъ какъ непрерывный ледъ, который начинается немного выше 80°, близъ Шпицбергскаго сѣвернаго мыса, и простирается линіею NW до 76-го или 77-го градуса, лишаетъ надежды сыскать путь иными мѣстами. Эпинусъ былъ увѣренъ въ невозможности прохода этимъ путемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) по здравому разсужденію нельзя надѣяться, чтобы ледъ этотъ растаялъ лѣтомъ, хотя-бы жара долго длилась, такъ какъ Чичаговъ рапортуетъ о присутствіи тамъ непрерывныхъ льдовъ, состоящихъ изъ громадныхъ глыбъ и горъ, столь неизмѣримыхъ, что развѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ они растаяли бы въ умѣренномъ климатѣ, 2) непрерывный ледъ доказываетъ неоспоримо, что гренландскій восточный берегъ, который мы знаемъ только до 75 и 76 градуса сѣверной широты, простирается линіею NO за 80 градусъ, параллельно съ новообрѣтеннымъ ледянымъ берегомъ, и слѣдовательно при условіи даже, что ледъ растаетъ лѣтомъ, экспедиція придетъ лишь къ берегамъ Гренлан-

---

¹⁾ Францъ-Марія-Ульрихъ-Теодоръ Эпинусъ (Aepinus), знаменитый въ свое время физико-математикъ, родился въ Ростокѣ въ 1724 г., умеръ въ Дерптѣ въ 1802 г. Л. Ч.

ди. Кромѣ того, присутствіе кораблей ежегодно между Шпицбергеномъ и ледянымъ берегомъ, что подтверждается людьми, ѣздящими ловить китовъ, имѣеть основаніемъ неизмѣнность этого берега, на нѣсколько градусовъ ближе къ намъ, тогда какъ въ Ледовитомъ морѣ каждое лѣто ледъ таетъ и его ломаетъ еще выше 80°. Причина этому можетъ быть одна: вблизи берега находится земля и весьма обширная. Тоже объясняется физическими причинами, т. е. поверхность земли скорѣе и больше расхоложивается, нежели поверхность моря, а тѣмъ болѣе въ гористой странѣ. Поэтому нечего удивляться, что обширныя земли около полюса окружены вѣчными ледяными закраинами и что море, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, никогда не замерзаетъ или каждое лѣто открывается. Все это еще можно доказать примѣрами и есть положительныя данныя къ тому, что восточный берегъ Гренландіи далеко распространяется въ море. Та сторона, которую мы лучше знаемъ, на ближнихъ къ намъ широтахъ, обведена вездѣ съ восточной стороны ледяною закраиною, подобно найденной у ледянаго берега, отъ 62 или 63 до 75 или 76 градуса. Это убѣждаетъ въ предположеніи, что найденный нашими кораблями берегъ есть не что иное, какъ продолженіе гренландской закраины.

Затѣмъ Эпинусъ переходитъ къ слѣдующему заключенію: хотя, говоритъ онъ, обсудивъ эти причины, надобно оставить надежду сыскать проходъ въ западной сторонѣ Шпицбергена, между 80 и 76 градусами, однако, нельзя приходить совсѣмъ въ отчаяніе, такъ какъ за подлинное извѣстно, что въ сѣверной сторонѣ Шпицбергена море, на довольно большое разстояніе, либо никогда не замерзаетъ или каждый годъ открывается и что тамъ бывали люди на 2 градуса ближе къ полюсу, чѣмъ прошлогодняя экспедиція. Напримѣръ, съ полтора вѣка назадъ, промышленники, занимающіеся ловлею китовъ, посѣщали чаще, чѣмъ теперь, этотъ островъ, около котораго во множествѣ водились тогда „морскія чудовища“. Въ нынѣшнія времена киты боятся приближаться къ тому мѣсту, гдѣ за ними стремительно гоняются, и рыбные промышленники ловятъ ихъ теперь далеко отъ береговъ. Писанія свидѣтельствуютъ, что рыболовы ѣздили около сѣверныхъ береговъ Шпицбергена безъ всякаго препятствія. Нѣкто де-Лиль описываетъ въ меморіалахъ королевской ака-

деин наукъ въ 1720 г. одинъ островъ, лежащій въ сѣверной сторонѣ Шпицбергена, слѣдующими словами: „обрѣтеніе въ сѣверной сторонѣ Шпицбергена состоитъ въ Пуршаскомъ мысѣ, лежащемъ подъ 82° , и въ новомъ островѣ Феро — подъ 82° и 25 минутами за 150 миль до полюса“. Разумный ученый Зоргдрагеръ — „за подлинно обнадеживаетъ“, что корабли, отправившіеся неоднократно на китовую ловлю, доходили нѣсколько разъ въ сѣверной сторонѣ Шпицбергена до 82° . Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что гренландскій берегъ мѣняетъ свое положеніе около 80 или 81° въ сѣверной сторонѣ Шпицбергена и что этотъ берегъ идетъ отъ сего мѣста прямѣе къ сѣверу; потому можетъ статься—тамъ найдется проходъ въ Тихое море, который нельзя нигдѣ болѣе искать съ лучшею правдоподобностью. Эти доказательства даютъ счастливую надежду на успѣхъ и въ инструкціи слѣдуетъ написать: „должно стараться идти въ сѣверную сторону Шпицбергена, слѣдовать, сколько можно, подлѣ гренландскаго ледянаго берега, который будетъ по правой сторонѣ; стараться усмотрѣть мысъ Пуршаскій, островъ Феро и слѣдовать онымъ путемъ такъ далеко, сколь обстоятельства къ тому дозволятъ“. „Многіе будутъ опасаться этой экспедиціи“, говорить далѣе Эпинусъ въ своей запискѣ, „и я согласенъ, что человѣкъ, не имѣющій астрономическаго и физическаго знанія, касающагося до сего предмета, почти неминуемо погибеть“. Поэтому Эпинусъ предлагаетъ выписать изъ Лондона часы для измѣренія долготы, работы Гаррисона ¹⁾, вслѣдствіе которыхъ мореплавателю избѣгаетъ необходимости писать журналъ, сбивающій съ толка всѣхъ въ пути.

Такимъ образомъ, наставленный чинами коллегіи и различными учеными, но въ тѣхъ же условіяхъ и безъ астрономическихъ инструментовъ, отправился мой отецъ во вторую экспедицію, въ надеждѣ попытать снова счастье.

19-го мая 1766 года три судна его эскадры вышли изъ Екатеринъ-гавани въ море и 27-го числа прибыли къ Беренъ-Эйланду, гдѣ увидѣли передъ собою ледъ, и потому стали держаться на Шпицбергенъ. Дойдя до ширины $77^{\circ}23'$ и длины $26^{\circ}31'$, къ 30-му

¹⁾ Гаррисонъ-Джонъ (1693 † 1776) — изобрѣтатель морскихъ часовъ.

мая, послѣ всевозможныхъ попытокъ приблизиться къ землѣ, начальникъ экспедиціи приказалъ продолжать плаваніе, склоняясь болѣе къ западу и всегда на виду льдовъ, имѣя ихъ въ правой рукѣ къ сѣверу.

11-го іюня они встрѣтили трехъ-мачтовый галиотъ „Корнелиусъ“, и мой отецъ попросилъ къ себѣ на судно его шкипера, голландца Шивіанса, для допроса. Послѣдній показалъ, что онъ 13 апрѣля вышелъ изъ Амстердама на этомъ галиотѣ, принадлежавшемъ купцу Корнелиусу Готтентоту, для китоловнаго промысла, и приходитъ въ эти мѣста уже въ третій разъ; Гренландіи никогда не видалъ за льдами и выше 77° ширинны не бывалъ. Далѣе онъ рассказалъ, что ему говорили, будто здѣсь каждый годъ бываетъ до 100 и болѣе судовъ; лѣтъ 12 назадъ много пропало голландскихъ судовъ на сѣверномъ концѣ Шпицбергена, которыя затерло льдомъ, и только два спаслись. Почти всякій годъ пропадаетъ по одному и по два корабля; это всегда тѣ удалые, идущіе на сѣверъ Шпицбергена.

Отправившись въ дальнѣйшій путь и когда по счисленію было 21 миля пройденнаго разстоянія на WN по правому компасу, они увидѣли ледъ, неизмѣримой обширности, который, по громадной толщинѣ, надо было признать за прилегающій къ Гренландіи. Будучи 16-го іюня, по счисленію, въ ширинѣ 78,18' и и длинѣ 17°53', начальникъ экспедиціи собралъ совѣтъ и предложилъ рѣшить вопросъ куда и какъ направиться имъ? Капитаны единогласно рѣшили идти къ Шпицбергену, дабы чрезъ то повѣрить въ какомъ они разстояніи отъ берега, такъ какъ, съ 30-го мая по 17 іюня обращаясь постоянно во льдахъ, они могли ошибиться въ счисленіяхъ.

На основаніи этого, двинувшись къ О, они, 18 числа, увидѣли Форландъ, гдѣ и штилевали по 20-е число. Здѣсь была взята обсервація и оказалось, что они находятся въ ширинѣ 78°03'. 20-го іюня начался сильный сѣверный вѣтеръ, воспользовавшись которымъ они направились въ Клокбайскій заливъ. Послѣ большихъ усилій они, окруженные льдомъ, остановились въ пяти верстномъ разстояніи отъ избъ, гдѣ помѣщалась команда.

На другой день начальникъ экспедиціи сошелъ съ корабля и направился по льду къ строеніямъ; лейтенантъ Рындинъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу со слезами на глазахъ и въ по-

трясающихъ картинахъ описалъ свою жизнь въ этой мѣстности и страданія людей. Изъ всей команды остались въ живыхъ только Рындинъ, комисаръ и 5 рядовыхъ; прочіе всѣ померли.

Ежеминутно вспоминался моему отцу въ этой обстановкѣ вице-президентъ адмиралтейской коллегіи, графъ Чернышевъ, и всѣ члены, разсуждавшіе съ такимъ возмутительнымъ спокойствіемъ о возможности или невозможности зимовать въ Клокбаѣ и дѣлавшіе свои предположенія, основываясь на фантази сытаго желудка и мягкаго кресла. Эта школа была пройдена капитаномъ Чичаговымъ съ пользою и потому-то впоследствии, когда ему пришлось командовать, въ шведскую кампанію, всѣмъ русскимъ флотомъ, онъ ограничивался сообщеніемъ Чернышеву результатовъ своихъ распоряженій, никогда не испрашивалъ приказаній его и не признавалъ всей адмиралтейской коллегіи.

Во время пребыванія эскадры въ Клокбаѣ, гдѣ запаслись прѣсной водой и провіантомъ, прибылъ корабль „Санта-Анна“, амстердамскаго купца Іоганнесъ фонъ-Віенбургъ. Капитанъ Чичаговъ опросилъ шкипера Якова Юнге, который показалъ, что онъ вышелъ изъ Амстердама 13 апрѣля для ловли китовъ, но ни одного еще не поймалъ. Гренландію онъ видѣлъ черезъ ледъ въ ширинѣ 75°, десять лѣтъ тому назадъ, и они предполагаютъ, что въ 78° ширинѣ долженъ быть проходъ въ Стардависъ, потому что тамъ былъ убитъ одинъ китъ, въ которомъ найденъ гарпуненъ ¹⁾ подѣ клеймомъ такого шкипера, который промышлялъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; думаютъ, что киты проходятъ подѣ ледъ. Юнге плавалъ въ Сѣверномъ морѣ 22 года, а шкиперомъ служилъ девятый годъ; отецъ его промышлялъ уже 30 лѣтъ и былъ не вдалекѣ отъ Клокбая на другомъ суднѣ; Ему случалось быть въ прежнія времена на 81°, но не выше; слышалъ, что судна находились когда-то на 83° и видѣли землю черезъ ледъ. Далѣе онъ показалъ, что много судовъ гибнутъ здѣсь ежегодно, но людей успѣваютъ спасти другіе корабли. Во все время 22-хъ лѣтняго промысла онъ поймалъ 250 китовъ; склоненіе компаса употребляетъ западное на 2 румба, а когда

---

¹⁾ Гарпунъ—орудіе, употребляемое для ловли китовъ и тюленей, родъ остроги съ широкимъ остриемъ, сверху суживающимся; къ острию придѣланъ крюкъ и трубка съ древкомъ.

капитанъ Чичаговъ ему сказалъ, что имъ сыскано здѣсь склоненіе $1\frac{1}{2}$ румба, то онъ на то согласился.

29-го іюня 1766 г. эскадра вышла въ море при крѣпкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, который продолжался по 6-е іюля и сдрейфоваль ихъ къ зюдь-капу, а по переменѣ вѣтра они стали держать къ западу. Пройдя открытымъ моремъ 36 миль, не выдавъ ни въ какой сторонѣ льда и достигнувъ ширины $77^{\circ}48'$ и длины $18^{\circ}53'$, 8-го іюля они встрѣтили густой и громадной величины ледъ, который простирался отъ NO къ ZW. Повернувъ такъ, чтобы продолжать движеніе въ направленіи параллельномъ этимъ льдамъ и имѣть постоянно ихъ въ виду, эскадра пришла, 16-го іюля, къ сѣверному концу Шпицбергена, въ ширину $79^{\circ}45'$ и длину $27^{\circ}29'$, гдѣ увидѣли до 20-ти промышленныхъ голландскихъ судовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были опрошены и объявили, что они идутъ въ Амстердамъ.

17 и 18 числа капитанъ Чичаговъ лавироваль выше сѣвернаго конца Шпицбергена, между рѣдкимъ льдомъ, ходилъ до ширины $80,30'$ и всегда былъ на виду густаго льда, который въ концѣ концовъ сошелся съ землею Шпицбергена.

19-го іюля у сѣвернаго конца, во время маловѣтрія, эскадра сошлась съ голландскими флейтами. Капитанъ Чичаговъ послалъ на одну изъ нихъ шлюпку для допроса; шкиперъ Янгъ-Фось объявилъ, что онъ здѣсь два мѣсяца ходилъ около льдовъ въ 80° ширинѣ и былъ въ трехъ губахъ на якорѣ; сдѣлалъ въ Сѣверномъ морѣ 23 кампаніи, изъ которыхъ двѣ—швиперомъ; идя изъ Амстердама, увидаль ледъ на 72° ширинѣ; Гренландіи не видѣлъ, а родственники его говорили, будто видѣли въ 74° . На его глазъ льды здѣсь ежегодно умножаются и доказательствомъ того служатъ рассказы, какъ 60 лѣтъ назадъ хаживали почти кругомъ Шпицбергена, а нынѣ ни отъ кого не слышать, чтобы видали Нордъ-Остеръ-Ландъ за льдами.

Въ прошломъ году промышленники видѣли русскую экспедицію капитана Чичагова, у сѣвернаго берега Шпицбергена, когда стояли на якорѣ, въ числѣ 8 судовъ въ губѣ. Они были увѣрены, что экспедиція погибнетъ, такъ какъ сѣверный вѣтеръ относилъ ее ко льдамъ, и опасались русскихъ, принявъ ихъ за разбойниковъ, впервые появившихся въ этихъ странахъ. Въ 1758 г. во льдахъ пропало 15 голландскихъ судовъ у сѣвернаго конца

Шпицбергена, въ нынѣшнемъ году раздавило одно англійское судно; въ 1746 году около 78° ширины пропало 20 судовъ разныхъ націй, вслѣдствіе увлеченія охотниковъ за китами, которыхъ неожиданно появилось большое количество. Хотя они видѣли, что кругомъ ихъ много льда, однако, никто не хотѣлъ оставить своей добычи; между тѣмъ поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, надвинувшій на нихъ льды, и несчастныхъ совершенно раздавило.

Другой шкиперъ Андреасъ Класбей показалъ, что отецъ его 30 лѣтъ промышляетъ, ходилъ на восточную сторону Шпицбергена до 77° ширины, при чемъ составилъ описанія на разныхъ языкахъ, которыя тутъ-же были даны капитану Чичагову, однако, кругомъ Шпицбергена обойти не могъ за льдами. Третій шкиперъ Мооу рассказалъ, что онъ бывалъ для промысла въ проливѣ между Нордъ-Остеръ-Ландъ и Шпицбергеномъ много лѣтъ тому назадъ, приблизительно болѣе 20-ти, а нынѣ къ тѣмъ мѣстамъ не могъ дойти за льдами. О положеніи гренландскаго льда всѣ показывали, что онъ простирается отъ NO къ ZW и напоследокъ сходится съ землею Шпицбергена.

Провѣривъ еще разъ свои собственныя наблюденія и показанія иностранныхъ промышленниковъ, начальникъ экспедиціи собралъ совѣтъ капитановъ для рѣшенія вопроса, есть-ли еще надежда къ дальнѣйшему розыску сѣвернаго прохода. Совѣтъ опредѣлилъ вернуться эскадрѣ въ Архангельскъ и прекратить безплодное плаваніе. 30 іюля они пришли къ Клокбаю, гдѣ увидѣли пинкъ капитана-лейтенанта Немтинова, и вмѣстѣ съ нимъ вошли въ заливъ. Здѣсь стояли на якорѣ до тѣхъ поръ, пока не погрузили годный провіантъ на суда. 7-го августа, захвативъ съ собою лейтенанта Рындина и оставшихся въ живыхъ людей команды, эскадра вышла въ море и 10-го сентября благополучно прибыла въ Архангельскъ.

Первою заботою моего отца было составить донесеніе въ адмиралтействъ-коллегію, и 15-го числа онъ таковое отправилъ съ приложеніемъ слѣдующаго письма къ графу Чернышеву:

„Симъ моимъ покорнѣйшимъ письмомъ имѣю честь вашему сіятельству донести объ обстоятельствахъ моего плаванія, а изъ приложенныхъ при семъ примѣрныхъ картъ усмотрѣть соизволите, какимъ опасностямъ мы были подвержены, особенно при туманахъ, будучи всегда во льдахъ. Однако, благодаря Божеской милости, мы пользовались по большей части тихими и

благополучными вѣтрами, и не только прошаи на виду льда, до самой возможности, но не оставляя ни одной бухты или залива, которые бы не были нами осмотрѣны. Напослѣдокъ убѣдились, что положеніе льда простирается съ сѣвера на востокъ, и ободки сѣверо-западный конецъ Шницбергена, соединяется съ землею. Во все время нашего плаванія какъ Гренландіи, такъ и Пуршаскаго мыса видѣть не могли, хотя и ясныя погоды случались; сверхъ же онаго и по извѣстіямъ отъ голландскихъ шкиперовъ, какъ мнѣ случилось нѣкоторыхъ спрашивать, съ вѣроятностію заключить можно, что сѣверный проходъ невозможенъ, ибо они сказываютъ о положеніи льда во всемъ сходственно съ нашимъ осмотромъ; его начинаютъ видѣть еще отъ 72° ширинны. Нѣкоторые видѣли Гренландію, но лишь въ малыхъ широтахъ; о томъ же, что люди бывали въ 82° и выше, они знаютъ по наслышкѣ. Мнѣ же случалось такихъ шкиперовъ спрашивать, которые по 20 и болѣе кампаній сдѣлали. Китовые промыслы, противъ прежнихъ временъ, нынѣ очень малы, а льды, по ихъ примѣчаніямъ, каждый годъ умножаются. Сколько судовъ каждое лѣто для промыслу бываетъ, кромѣ англійскихъ, при семъ предлагаю вашему сіятельству печатный реестръ, который я выпросилъ у шкипера; онъ прошлогодній. А что мы ихъ мало видѣли, а особливо прошедшую кампанію, это отъ того, что они промышляютъ болѣе между Шницбереномъ и лежащимъ къ Гренландіи льдомъ на отертыомъ морѣ, а наше плаваніе было въ самыхъ льдахъ, такъ что мы видѣли тѣхъ, которые къ намъ приближались. Теперь по краткости времени не могу вашему сіятельству болѣе изъяснить о всѣхъ подробностяхъ“.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ отвѣтилъ моему отцу
30 сентября 1766 г.

„Ваше, государь мой, письмо отъ 15 сего мѣсяца я получилъ, за которое приношу мою благодарность, а притомъ поздравляю васъ съ благополучнымъ приѣздомъ,—желая оное вамъ персонально сдѣлать. Изъ указа, посланнаго при семъ къ вамъ изъ коллегіи, вы увидѣть можете высочайшую ея импер. величества милость и удовольствіе, которое при чтеніи вашего рапорта оказывать всемилостивѣйше изволила, и хотя въ томъ указѣ къ приѣзду вамъ сюда время и не назначено, но какъ оный вашъ сюда приѣздъ весьма нуженъ, для чего пожалуйте постарайтесь какъ можно оное сдѣлать поскорѣе, а притомъ дайте знать: нѣтъ ли изъ бывшихъ у васъ въ командѣ офицеровъ такихъ, которые намѣрены проситься въ отпускъ, и ежели есть, то, отобравъ отъ нихъ челобитныя, сюда пришлите, по которымъ въ коллегіи и резолюція учинена быть имѣетъ. При семъ послать честь имѣю копію съ указа о всемилостивѣйшемъ вамъ и всѣмъ бывшимъ нынѣшнее лѣто въ командѣ вашей пожалованій годоваго жалованья, съ полученіемъ которой высочайшей милости отъ всего моего сердца приношу мое поздравленіе, такъ какъ и господамъ Панову и Бабаеву, коимъ прошу объявить мое къ нимъ почтеніе“¹⁾.

¹⁾ Указа этого не оказалось въ бумагахъ В. Я. Чичагова и мы его нашли въ Московск. архивѣ: «Всемилоствѣйше повелѣваемъ бывшихъ нынѣшняго года въ кампаніи и на островѣ на зимовкѣ, подъ командою флота капитана бригадир-

Мой отецъ слишкомъ хорошо зналъ графа Чернышева, чтобы повѣрить, въ данномъ случаѣ, любезностямъ его письма, и призывъ свой въ Петербургъ на допросъ счелъ за немилость. Иначе для чего могъ попадобиться столь торопливый его прїѣздъ въ Петербургъ?

Императрица, согласно своему величію, наградила экспедицію за понесенные труды и испытанія, но, слишкомъ увѣренная графомъ Чернышевымъ въ возможномъ прославленіи ея царствованія новыми открытіями, была неприятно поражена безрезультатностью плаванія эскадры. Самолюбіе вице-президента коллегіи было оскорблено, и онъ, во чтобы-то ни стало, хотѣлъ доискаться причины столь неудачныхъ, по его понятіямъ, поисковъ капитана Чичагова. Такъ понялъ мой отецъ указъ императрицы и письмо Чернышева. Сдавъ командованіе капитану Бабаеву и приказавъ ему идти съ судами въ Колу, онъ отправился въ столицу.

Здѣсь, съ перваго-же свиданія съ начальствующими лицами, онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній: коллегія и даже императрица остались весьма недовольны имъ. Прошлогднія неприятности вновь возобновились и въ свое оправданіе онъ принужденъ былъ составить слѣдующую записку; огорченный и убитый исходомъ столь трудной и опасной экспедиціи, онъ писалъ:

„Сверхъ журнальной записки, что примѣчено и какія употребляемы были предосторожности въ разсужденіи предпріятія, которое, по намѣренію, клонилось къ общей пользѣ отечества и къ немалой опасности мореплавателей, бывшихъ въ оной экспедиціи, я осмѣлюсь отдаться на разсужденіе всѣхъ морскихъ офицеровъ, которымъ больше мореплаваніе извѣстно, что плыть по неопisanному морю и совсѣмъ въ отмѣнномъ и необитаемомъ климатѣ, имѣвъ краткое и необстоятельное извѣстіе, и только

скаго ранга Чичагова, для оказанія нашей императорской милости и удовольствія, за понесенные ими особливые труды и приложеннаго усерднаго старанія, къ достиженію до повелѣннаго ему предмета, выдать ему, капитану Чичагову, и бывшимъ въ оной «лотилин штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ годовое ихъ окладное жалованье, не исключая изъ того и вдовъ умершихъ служителей и сиротъ (приписано собственноручно Екатериной II), во время онаго плаванія, которымъ также по окладамъ ихъ мужей выдать адмиралтейской коллегіи повелѣвасмъ. Екатерина.»

Д. Ч.

наводящее ужасъ и угрожаемое бѣдствіе, то должно признаться, что какаго-бы кто духу ни былъ, не можетъ имѣть такой непоколебимой твердости, чтобы не безноконлся мыслями, хотя и надобно дать честь такому человѣку, который для пользы отечества презираетъ собственную жизнь; да къ тому когда онъ воображаетъ всѣ могущія случиться опасныя приключенія, которыя въ такомъ предпріятіи предвидѣть всегда можно, и что онъ жертвуетъ своею жизнью, не зная достоверно, получить-ли хотя честь своему имени, или (что чаще случиться можетъ) заслужить вѣчное парѣканіе, и припишется вся неудача его безразсудству и неосторожности, хотя онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ бы виновать и не былъ. Справедливость послѣдняго я опытомъ дозналъ, когда мы прошлаго 765 (1765) года, будучи по счисленію противъ Клокбайскаго залива, на виду обширныхъ льдовъ, и не зная, что оныя, со временемъ, дадутъ свободный путь къ заливу, гдѣ было зимовье, а будучи побуждены желаніемъ видѣть землю, отважась, пошли рѣдкимъ льдомъ (съ тѣмъ намѣреніемъ, что ежели не допустить къ заливу, то тѣмъ же путемъ возвратиться), а черезъ короткое время дошли къ густому и непроходимому льду. Поворотя назадъ и послѣ 19-ти часовъ ходу разными курсами, пробираясь между льдинъ (и то съ благополучнымъ вѣтромъ), такъ были окружены льдами, что вышли въ море съ великою опасностію и ежели-бы на одинъ часъ противный вѣтеръ, а особливо штормъ, то-бы всѣ неминуемо погибли. Когда-же, послѣ долгаго плаванія, удалось войти въ Клокбай открытымъ моремъ, ибо ледъ на то время отнесло, и я простоялъ 8 сутокъ на якорѣ, вдругъ оказался идущій съ моря ледъ и покрылъ весь заливъ; ледъ былъ такъ густъ, что люди на берегъ по оному ходили, и всегда мы ожидали, что суда отъ тѣсноты льда раздавятся. Что касается до людей, то, безъ сомнѣнія, оставалась надежда всѣмъ сойти по льду на берегъ. И когда-бы такое несчастіе постигло, а чрезъ то и порученная мнѣ коммисія въ самомъ-бы своемъ началѣ пресѣклась, въ такомъ случаѣ (хотя употреблены были всѣ предосторожности, въ сходствіе съ морскимъ искусствомъ), однако, нельзя ласкать себя, чтобы по такой неудачѣ заслужить могъ хорошее мнѣніе, а особливо отъ тѣхъ, которые мнѣ эту экспедицію представляли въ другомъ видѣ, какъ господинъ Ломоносовъ (меня обнадеживалъ). Мысли, такими раз-

сужденіями обремененныя, служатъ причиною всегдашняго безпокойства; однако, ревность и усердіе въ службѣ, нѣкоторымъ образомъ, представляютъ надежду къ преодолѣнію трудностей!

„Итакъ, главное мое попеченіе состояло въ томъ, чтобы сыскать способы быть всѣмъ тремъ судамъ неразлучно, дабы во всякое время не лишиться взаимнаго вспомоствованія; а для того назначены были сигналы, чрезъ которые я съ другими командирами (кажется мнѣ) говорить могъ. А что они расположены были съ надлежащею осторожностью, и какую мы отъ того имѣли пользу, опыты доказываютъ, что въ двухлѣтнее плаваніе, по большей части въ туманахъ, снѣгахъ и мрачности, никогда не различались; а это дѣлало не малое ободреніе для всѣхъ, и особливо въ такое время, когда, казалось, опасность близка, какъ-то нерѣдко случалось, будучи во льдахъ; въ такомъ случаѣ одинъ другому подавалъ надежду въ помощи, а будучи тѣмъ подкрѣпляемы, съ лучшимъ успѣхомъ продолжали плаваніе къ надлежащему предмету. Въ сходствіе съ нашимъ учрежденіемъ и промышленныя въ тамошнихъ мѣстахъ суда поступаютъ также и никогда почти не видно было, чтобъ который шкиперъ одинъ плавалъ, а всегда не въ дальнемъ разстояніи имѣеть товарища; и хотя суда ихъ для опасности отъ льдовъ имѣютъ излишнія укрѣпленія, а особливо въ передней части (все обшито досками въ четверо), со всѣмъ тѣмъ не рѣдко пропадаютъ, и почти всякій годъ. Они еще и въ томъ имѣютъ предъ нами преимущество, что суда ихъ безъ всякаго груза, а только одинъ провіантъ и нѣсколько бочекъ съ прѣсною водою; слѣдственно, въ случившемся несчастіи не такъ скоро потонуть могутъ. И есть способъ къ спасенію людей на шлюпкахъ или ялахъ, коихъ на каждомъ суднѣ по 6 и по 8, на которыхъ какъ людей, такъ и довольно провіанта умѣстить можно. Что же касается до нашихъ кораблей, которые построены по способности въ плаванію на открытыхъ моряхъ и для удобнаго номѣщенія, нагружены были желѣзомъ и песчанымъ баластомъ, а всего грузу на каждомъ было около 7,000 пудовъ, кромѣ мачтъ и такелажа, и когда такая тягость, будучи въ скоромъ движеніи, ударится о какую твердость, напримеръ, о льдину, то можетъ-ли (столь сильный ударъ) выдержать слабая обшивка, которая состоитъ изъ двухъ нетолстыхъ досокъ? Конечно, всю ту часть, которую прикоснется, выломить

и тотчасъ, вслѣдствіе груза, потонетъ; а въ такой крайности не остается способу къ избавленію (хотя бы къ тому и время было) за неимѣніемъ при кораблѣ малыхъ судовъ, ибо на каждомъ у насъ было по одной шестивесельной шлюпкѣ и небольшому боту, на которыхъ надобно было умѣстить команду, въ 70 человекъ состоявшую, и нѣсколько провіанта. Можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что тотъ самый ледъ, который былъ причиною несчастія, послужитъ къ спасенію, однако, это безнадежно, да и въ самую тихую погоду рѣдко удастся выбраться на ледъ, потому что всякая льдина водою кругомъ подмыта и имѣетъ не малую покатошь въ глубину, такъ что нельзя пристать съ шлюпкою къ той части, которая надъ поверхностію воды, а приходится сперва удержаться на той отлогости, которая скатомъ пошла внизъ на нѣсколько сажень. Вотъ препятствіе, которое лишаетъ надежды имѣть спасеніе посредствомъ льда. А въ разсужденіи вышеописанныхъ обстоятельствъ, принужденъ былъ, съ крайнимъ и неусыпнымъ прилежаніемъ, имѣть всегдашнюю осторожность, и старались заранѣе узнать приближеніе наше ко льдамъ, и особливо въ пасмурную погоду. Случающіеся почасту туманы подвергали крайней опасности, и бывали такъ густы, что въ самые полдни, на 20 сажень отъ судна, видѣть было нельзя; для того нерѣдко лежали въ дрейфѣ, слухали и примѣчали по шуму, который дѣлается отъ воды по льду, а особливо когда уже въ ближнемъ разстояніи, и чѣмъ болѣе ледъ обширностью, тѣмъ далѣе слышно. Когда случалось лавировать при такомъ вѣтрѣ, который дуетъ черезъ ледъ, а потому вода у онаго стоитъ тихо и шуму не слышно, то уже нельзя было руководиться ничѣмъ подобнымъ. Для такого случая мы нашли способъ къ осторожности, по собственному примѣчанію, который и употребляли съ пользою; а именно, онъ состоялъ въ весьма небольшой догадкѣ—стрѣлять изъ пушки. Если корабль находится на обширной водѣ, то отъ онаго выстрѣла никакого звука не слышно будетъ; когда въ близости берегъ, или ледъ, и при тихомъ вѣтрѣ, то по выстрѣлѣ воздухъ потрясается и ударится о находящуюся вблизи твердость, отъ чего произойдетъ звукъ, по которому можно узнать въ которой сторонѣ и на какой обширности есть ледъ, или берегъ. Судя по этому, мы брали предосторожность. Однако, оныя примѣчанія не всегда надежны, а особливо когда дуетъ

крѣпкій вѣтеръ съ превеликимъ визгомъ; трепещутъ паруса, скрѣпленія въ корпусѣ и мачтахъ, а паче шумъ отъ ударовъ кипящихъ волнъ, въ которыхъ корабль ныряетъ. Въ такомъ случаѣ, не токмо въ отдаленіи, но и на собственномъ кораблѣ, даваемое по командѣ громогласное повелѣніе слышать почти невозможно; тогда остается только подкрѣплять себя надеждою на Бога, имѣть неустрашимость, веселый и отважный видъ, дабы подчиненные не пришли въ отчаяніе. Одновременно надобно быть въ исправной готовности къ удержанію или прибавленію хода корабля, къ повороту на ту или другую сторону, и сдѣланію учрежденнаго на всякое приключеніе сигнала, въ осторожность другимъ судамъ. А все оное зависитъ отъ попеченій командира, къ чему требуется неусыпное прилежаніе, искусство съ осторожностью, дабы въ такомъ внезапномъ случаѣ не сдѣлать какой ошибки и не придти въ конфузю, отчего неминуемо бѣдствіе постигнетъ. Точно такое приключеніе съ нами послѣдовало въ нынѣшнюю кампанію: іюля 18-го, будучи въ ширинѣ 80°, выше сѣвернаго конца Шпицбергена, при крѣпкомъ вѣтрѣ и туманѣ, такъ приблизились ко льду, что уже попали между льдинъ и только успѣли отворотиться и сдѣлать сигналъ другимъ судамъ, а сами еле обошли по вѣтру превеликую льдину и съ опасностью вышли на свободную воду. Всѣ бѣдствія, которыя угрожаютъ плавателямъ въ разсужденіи тамошнихъ обстоятельствъ, не столь ужасны для промышленныхъ судовъ, хотя они ходятъ въ тѣхъ же мѣстахъ, да по неоднократнымъ ихъ плаваніямъ, довольно имъ извѣстнымъ, и всегда наблюдая удобное время къ ихъ промыслу, не имѣя за предметъ какогонибудь назначеннаго мѣста. Они промышляютъ тамъ, гдѣ это имъ удается, не находятъ себя принужденными подвергаться опасностямъ, а особливо въ туманѣ или случившійся штормъ; а всего чаще уходятъ въ заливы на якорь, или держатся на обширной водѣ. Мы, напротивъ того, старались, согласно даннымъ намъ повелѣніямъ, плыть по назначенному пути и преодолевать встрѣчающіяся препятствія, дабы получить успѣхъ въ намѣренномъ предпріятіи. Нами почиталось за нужное не отдаляться отъ настоящаго пункта, гдѣ мы находились, а въ противномъ случаѣ упущено бы было время, которое надлежало употребить въ пользу. Для того часто мы излишне отваживались въ при-

ближеніи ко льдамъ, заходили въ бухты, лежали въ дрейфѣ, между рѣдко посящимия льды, и по болъшей части въ туманѣ. Все это преодолено съ великимъ трудомъ, терпѣніемъ и безпокойствомъ! На послѣдокъ, хотя за непреодолимыми препятствіями не могли достигнуть до желаемаго, по намѣренію мѣста, однако, послѣ многократнаго осмотра, кажется, открылась невозможность, въ чемъ не остается сомнѣнія. Извѣстія, полученныя отъ шкиперовъ, которые плаваніе имѣли въ тѣхъ мѣстахъ лѣтъ по 20-ти и болѣе, подкрѣпляютъ въ вѣроятности и что ледъ отъ гренландскаго берега имѣетъ положеніе во всемъ сходное съ найденнымъ нами въ двухлѣтнее плаваніе. А что видали прежде (какъ сказываютъ) землю къ сѣверу и къ западу (однако, никто на нихъ не бывалъ), чему безъ сомнѣнія повѣрить нельзя, ибо въ ономъ легко сдѣлаться можетъ ошибка плавателя, который ищетъ не землю, а китовъ, и принимаетъ облака за видимую землю, которыя точно оною покажутся, ежели не сдѣлать притомъ довольныхъ примѣчаній. А въ этомъ часто мореплаватели обманываются, такъ какъ и мы въ нынѣшнюю кампанію случилось, будучи въ ширинѣ $78^{\circ}15'$ и длинѣ $18^{\circ}09'$, 16 іюня, когда примѣченныя мною къ западу облака показали землю, и до тѣхъ поръ находился въ сомнѣніи, пока оныя стали расходиться и отдѣлились отъ горизонта.

„Невѣроятнѣе кажется и то, что бывали люди выше 81° къ сѣверу. Но то развѣ не въ нынѣшнемъ вѣкѣ; а нынче, какъ шкипера сказывали, что льды противъ временъ умножились, и никто уже на восточную сторону Шпицбергена не ходитъ, а прежде, лѣтъ 60 назадъ, имѣли тамъ промыслы. Однако, одинъ шкиперъ сказывалъ, что онъ въ нынѣшнее лѣто былъ въ 81° , въ то самое время, когда и мы по близости его находились, да еще сѣвернѣе, а потому и видна его погрѣшность, которая произошла отъ незначительнаго наблюденія, или за неимѣніемъ удобныхъ къ обсерваціи инструментовъ, въ чемъ мы имѣли предъ нимъ преимущество.

„Послѣдній пунктъ нашего мѣста къ сѣверу, іюля 18-го, по исправной обсерваціи былъ въ $80^{\circ}30'$, а потому и заключить можно, что не всѣ извѣстія вѣроятны.

„Что-же касается до разсужденія о находящихся тамъ льдахъ, то надобно, какъ кажется, ежегодно онымъ имѣть приращеніе,

а не уменьшаться; причина тому та, что каждую зиму, во всѣхъ губахъ и проливахъ Шпицбергена, вода замерзаетъ, и какъ оный ледъ не весьма толстъ, то при наступленіи лѣтней теплоты, отъ сырыхъ и влажныхъ погодъ, а больше отъ дождей, слабѣтъ и волненіемъ ломается, а теченіемъ оный выноситъ въ море. Его бываетъ великое множество, а особливо въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, по всему проливу, между Шпицбергеномъ и лежащимъ тѣмъ гренландскаго берега льдомъ; чѣмъ позже, тѣмъ менѣе его становится, а въ исходѣ іюля, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде плавали во льдахъ, совсѣмъ не было видно; можетъ быть, что отъ крѣпкихъ вѣтровъ и волненія оный истребляется. За то плаваютъ льдины, которыя отламываются отъ ледяныхъ горъ (а ихъ великое множество)! Мнѣ случалось видѣть въ Кловбаѣ, отъ двухъ ледяныхъ горъ почасту отваливались превеликія глыбы, которыя на 8 и 9 сажень глубины стояли на землѣ. И можно ли думать, чтобы такія толстыя льдины, отъ небольшой лѣтней теплоты, не только въ одно лѣто, но и во многіе годы уничтожились? Слѣдовательно, оныхъ каждый годъ знатное количество прибываетъ. Прибывающій этотъ ледъ относитъ теченіемъ къ лежащему отъ Гренландіи льду и тамъ удерживается, а потому къ стоячему льду прійти невозможно, а всегда оный окруженъ наносными и громадными льдинами. Чрезъ то весь заливъ дѣлается тѣснѣе и, можетъ быть, со временемъ голландцы лишатся своего промысла. Сверхъ онаго примѣчено, что тамошній воздухъ для необыкновенныхъ людей вреденъ, а особливо въ туманъ; а которые люди къ оному привыкли, такъ какъ голландцы о себѣ сказывали, что они никакимъ принадлежамъ отъ воздуха не подвержены. Это мы и на себѣ испытали; въ первую кампанію многіе чувствовали боль въ головѣ, въ груди тѣсоту и всякое жолотье, а нынѣ не столь много больныхъ было, и можетъ быть, что нѣсколько къ тому привыкли. Особливо мы старались быть въ непрестанномъ движеніи, для чего, въ то время, когда не было корабельныхъ работъ, то выдумывали такія игры, которыя дѣлаютъ большое движеніе, и матросы, узнавъ въ ономъ пользу, всегда рѣзвились до поту. Почасту накуривали въ палубахъ и въ каютахъ порохомъ и можжевельникомъ, такъ что больные хотя и бывали, но понемногу и то временно. Холодность воздуха въ тамошнихъ мѣстахъ, въ отдаленіи отъ береговъ и

льдовъ, умѣренна, а во льдахъ холоднѣе, такъ что среди лѣта веревки обмерзали. Надобно помянуть и о выгодахъ въ тамошнихъ мѣстахъ, которыя плавателямъ приносятъ облегченіе: во первыхъ, что день плаванія продолжается 4 мѣсяца и никогда солнце не заходитъ, хотя оно очень рѣдко видимо. Однако, во время тумана, все-таки остается надежда, что по прочистѣѣ онаго всегда осмотрѣться можно и когда туманъ пронесетъ на короткое время, то является для всѣхъ не малая отрада, чего невозможно въ ночное время. Холодность воздуха, въ особенности во льдахъ, хотя для людей нѣсколько и въ тягость, но на кораблѣ никакая провизія, тако-жь и прѣсная вода не портится. Нами испытано, что свѣжее мясо болѣе мѣсяца употребляется въ пищу, ничѣмъ не вредимо. Ежели-же крайняя нужда будетъ въ водѣ, то изъ льда можно наварить, а, въ недостаткѣ дровъ, и льдомъ утолить жажду“.

Эта записка нисколько не оправдала моего отца въ глазахъ графа Чернышева. Послѣдующія экспедиціи, о которыхъ много говорилось и писалось, вполне доказали въ настоящее время, что мой отецъ былъ во всемъ правъ.

Затѣмъ эскадра моего отца была расформирована указомъ императрицы, въ которомъ не упоминалось о цѣли бывшей экспедиціи; результаты его плаванія и наблюденія остались скрытыми, такъ какъ коллегія стыдилась своей неудачи и считала срамомъ признаться въ сдѣланной попыткѣ. Вся переписка считалась затерянною ¹⁾.

Вообще должны были-бы, повидимому, отчаяваться въ успѣхѣ, въ виду столь великаго множества бесплодныхъ попытокъ, предпринятыхъ славнѣйшими мореплавателями разныхъ странъ, въ водахъ столь неприступныхъ и открытіями скудныхъ.

¹⁾ Расформированіе эскадры В. Я. Чичагова не обошлось безъ приключеній. Такъ, изъ рапорта капитана Бабаева, отъ 22 ноября 1763 г., въ коллегію (Московск. Архивъ), мы видимъ, что, принявъ командованіе отъ В. Я. Чичагова, онъ, 5-го октября, отправился съ судами изъ Архангельска въ Коуу. 2-го ноября ботъ мичмана Василія Пылаева, при входѣ въ Кильдюинъ, вдругъ бросило противнымъ шкваломъ съ снѣгомъ на О, оборвавъ паруса, и разбило въ дребезги. Провіантъ погнибъ, а тяжести нѣкоторыя спасли. Другой ботъ „Лебедь“ тоже отбросило къ острову Торасъ, и сухопутный провіантъ свезли съ него на лодкахъ.

Достаточно было времени, чтобы убѣдиться, что тамъ льды непрерывные; и если-бы даже одинъ разъ подвинулись далѣе, нежели въ другой, или проплыли чрезъ желаемый проходъ, все-же неувѣренность и опасность этого плаванія никогда не могли-бы сдѣлать его столь правильнымъ, чтобы оно принесло пользу торговлѣ. Впрочемъ, развѣ нельзя дѣлать на земномъ шарѣ открытій гораздо болѣе выгодныхъ, любопытныхъ, обещающихъ болѣе вѣроятную удачу, могущихъ удовлетворить любопытство, дать оборотъ капиталамъ и возможность примѣненія къ дѣлу дарованій предприимчивыхъ умовъ.

Чтобы дать еще понятіе объ обширности познаній адмиралтействъ-коллегіи, скажу, что когда знаменитый математикъ Эйлеръ издалъ безсмертный свой трудъ о построеніи кораблей и управленія ими, императрица приказала этой коллегіи рассмотреть его, желая знать ея мнѣніе. Это сочиненіе, хотя и элементарное, оказалось, однако-же, настолько выше понятій судей, которые должны были его рассмотретьъ, что они, не будучи въ состояніи его понять, нашли болѣе удобнымъ объявить его бесполезнымъ для флота. Этого мнѣнія придерживались въ Россіи до той минуты, покуда иностранные ученые не заставили свои правительства оцѣнить по достоинству сочиненія Эйлера. Французскій король первый послалъ награду автору. Императрица Екатерина II, узнавъ объ этомъ, также вознаградила его съ своей стороны, и, хотя драгоцѣнный трудъ, послужившій впоследствии основаніемъ для всѣхъ писателей, занимавшихся этимъ предметомъ, не могъ просвѣтить петербургскихъ судей Эйлера, за то показалъ императрицѣ въ настоящемъ свѣтѣ познанія и компетентность этихъ судей.

Если мой отецъ не успѣлъ разубѣдить графа Чернышева въ его понятіяхъ о Сѣверномъ морѣ, то, помимо вице-президента коллегіи, ему удалось нѣсколько смягчить гнѣвъ и недовольство императрицы. Она выслушала доводы бригадира Чичагова и приказала составить слѣдующій заключительный указъ адмиралтействъ-коллегіи:

„Желая оказать нашу милость и удовольствіе за приложенное стараніе, къ достиженію до повелѣннаго предмета, бывшихъ въ нѣкоторой экспедиціи нашихъ флотскихъ офицеровъ, а именно: капитана бригадирскаго ранга Чичагова, ка-

питана перваго ранга Панова, капитана втораго ранга Бабаева, капитанъ - лейтенантовъ Борноволокочова, Пояркова, лейтенанта Рындина, всемилостивѣйше повелѣваемъ нашей адмиралтейской коллегіи производить имъ вѣчный пенсіонъ, половину оклада того чина, въ которомъ они во время сей экспедиціи находились, не замѣняя то въ получаемое ими нынѣ или впредь окладное по чинамъ ихъ жалованье, ниже воспрепятствовать имъ то должно къ полученію обыкновеннаго, по силѣ адмиралтейскаго регламента, пенсіона, которымъ по числу сдѣланныхъ кампаній, при увольненіи отъ службы, пожалованы бывають; оставляя на попеченіе адмиралтейской коллегіи награжденіе сдѣлать и прочимъ бывшимъ съ ними нижнимъ служителямъ, которые то заслужили, дабы всѣ, видя столь отличные наши милости, усерднымъ и тщательнымъ исполненіемъ въ таковыхъ имъ порученныхъ дѣлахъ, такового-же жребія достойными оказывать себя старались. Екатерина“.

21 декабря 1766 г.

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА.

Князь Г. А. Потемкинъ.—Стрелаловъ.—Зубовы.—Михаилъ Гарновскій.—Герцогиня Кингстонъ.—Фоксъ.—Самбургскій.—Танцовщица Матреша.—Густавъ III объявляетъ войну Россіи.—Встрѣча Гарновскаго съ в. к. Павломъ Петровичемъ.—Арестъ и смерть Гарновскаго.—Его дочери.

XL ¹⁾.

Свѣтлѣйшій князь, изъ смоленскихъ дворянъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ, второй, по восшествіи Екатерины II на царство, человѣкъ, бывшій въ случаѣ, — вполнѣдствіи истинный и единственный другъ Екатерины.

Слава Россіи, слава Екатерины была нераздѣльна со славою Потемкина. Онъ не раздѣлялъ себя съ государствомъ, не зналъ и не хотѣлъ знать, что принадлежитъ князю Потемкину; бралъ во всѣхъ казнохранилищахъ по произволу деньги, не отдавая въ томъ никому никакого отчета.

Генераль-прокуроръ кн. Вяземскій во время, когда князь Григорій Александровичъ Потемкинъ держалъ крѣпость Очаковъ въ осадѣ, дожидался морозовъ, чтобы покрылся льдомъ лиманъ, войско умирало отъ холода, голода и житья въ землянкахъ; князь въ главной квартирѣ своей въ лагерѣ, въ устроенныхъ домахъ изъ досокъ, обитыхъ войлоками, давалъ балы, пиры, жегъ фейерверки; валялся на бархатномъ диванѣ; куртизанилъ съ пле-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLVII, сентябрь, стр. 365—390; т. XLVIII, октябрь, стр. 55—82; ноябрь, стр. 247—282; декабрь, стр. 473—486. Изд. 1886 г., т. XLIX, январь, стр. 39—62; т. LII, октябрь, стр. 47—76.

мянницами своими и урожденною гречанкою, бывшею прачкою въ Константинополь, потомъ польской службы генерала графа Вита женою, потомъ купленною у Вита въ жены себѣ графомъ Потоцкимъ и, наконецъ, видѣвшею у ногъ своихъ обожателями своими: императора Иосифа, короля прусскаго, наслѣдника Фредерика II, Верженя—перваго министра во Франціи въ царствованіе короля-кузнеца Людовика XVI, шведскаго короля Густава; будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, графиня Софія Потоцкая была предметомъ (вниманія) даже Александра Павловича.

Вяземскій, въ отсутствіе кн. Потемкина, испросилъ у государыни высочайшее повелѣніе не выдавать изъ казначействъ никому денегъ, безъ предписанія на то генераль-прокурора.

Потемкину понадобились деньги. Его свѣтлость послалъ нарочныхъ во всѣ ближайшія отъ мѣста пребыванія его предъ Очаковымъ казенныя палаты—взять всѣ деньги, въ которой сколько въ наличности обажется. Кіевская казенная палата, получившая за два или три дня указъ правительствующаго сената съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія не выдавать никому денегъ, безъ предписанія на то генераль-прокурора, дозволила себѣ представить поворнѣйше его свѣтлости съ прописаніемъ особаго повелѣнія, о порядкѣ на выдачу денегъ, и послала съ присланнымъ за деньгами адъютантомъ князя, подполковникомъ Бауромъ, къ его свѣтлости.

Бауру было приказано, по принятіи денегъ, скакать въ Москву, купить глазетовъ, парчей, бархата и проч. Его свѣтлости было угодно нарядить въ драгоценныя ткани куртизанокъ своихъ, въ русскія фѣрези, въ маскарадъ, который его свѣтлость былъ намѣренъ у себя дать.

Когда Бауръ возвратился къ Потемкину безъ денегъ, его свѣтлость, прочитавъ представленіе казенной палаты, взялъ перо и сверху на представленіи написалъ:

— „Дать, дать!!.....“

Повелѣніе сіе князя свѣтлѣйшаго и до нынѣ (1835 г.) хранится въ кіевской казенной палатѣ, вѣроятно для представленія государственному генераль-контролеру.

Дѣйствія князя Потемкина не имѣли предѣловъ, власть и воля его превышали волю и власть каждаго; но со смертію По-

темкина Екатерина перестала (до известной степени) быть самовластною, самодержавною повелительницею Россіи. Одинъ придворный блескъ, ее окружавшій, какъ тѣнь самодержавнаго величества, остался ей въ удѣлъ. Вельможи дѣлали, что хотѣли (??), не страшились отвѣтственности и возмездія, будучи увѣренными, что некому исполнить велѣнія государыни. Потемкина уже не существовало.

XLI.

Благосклонность Екатерины къ князю Потемкину превратилась въ дружбу, какой мало видимъ примѣровъ. Послѣ фавѣра своего, Потемкинъ остался все также могущественъ, какъ и во время первоначальной благосклонности къ нему Екатерины, если еще могущество его болѣе не увеличилось. Всѣ послѣ него генераль-адъютанты императрицы были рекомендуемы ей княземъ Потемкинымъ, исключая Зубова, представленнаго Екатериной въ Царскомъ селѣ на мѣсто графа Мамонова, и секретаря кабинета ея, Стрекалова.

Стрекаловъ привезъ Екатерину въ Царское село утвержденные ею доклады къ подписанію и обратилъ на себя вниманіе государыни.

Потемкинъ былъ недоволенъ возвышеніемъ Стрекалова.

Фавѣръ Стрекалова пробѣжалъ, какъ гонимое вѣтромъ облако; ему были пожалованы три тысячи душъ и онъ былъ уволенъ отъ двора.

Зубова Потемкинъ не жаловалъ. Когда братъ Зубова, Валеріанъ, присланный къ Потемкину съ депешами, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, Валеріанъ, при полученіи отвѣтныхъ бумагъ отъ князя Потемкина, спросилъ его:

— Что прикажете, ваша свѣтлость, доложить словесно ея величеству о здоровьѣ нашемъ?

— Доложи государынѣ, я во всемъ здоровъ, только одинъ зубъ мнѣ ѣстъ мѣшаетъ; приѣду въ Петербургъ, вырву его!

Лучше было бы, когда бы князь не объявлялъ намѣренія своего вырвать зубъ. Князь приѣхалъ въ Петербургъ, и, какъ всѣ

утверждаютъ, ему былъ данъ Зубовымъ медленно умерщвляющій ядъ.

Банкиръ Зюдерландъ, обѣдавшій съ княземъ Потемкинымъ вдвоемъ въ день отъѣзда, умеръ въ Петербургѣ, въ тотъ-же день, тотъ-же часъ и, чувствуя такую же тоску, какъ князь Потемкинъ чувствовалъ, умирая среди степи, ѣхавши изъ Яссы въ Николаевъ.

XLII.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждою минутою въ 1797—1800 гг. гнѣвъ Павла Петровича распространялся шире, какъ изверженная вулканомъ лава быстро пробѣгаетъ пространство, ширѣетъ и все истребляетъ на пути своемъ.

Въ первые 10 или 15 дней владычества его сотни людей, и преимущественно сословія дворянскаго, содѣлались жертвою его неукротимаго гнѣва! Онъ не рубилъ головъ; но заточеніе въ крѣпости, въ смрадномъ удушающемъ подземельѣ, ссылка на житье въ пустыняхъ, вѣчно покрытыхъ снѣгомъ, среди дивихъ звѣроловцевъ — лучше-ли отсѣченія головы? Ахъ! одну минуту ужаса, нѣсколько секундъ страданія, доколѣ еще бьются жилы, дымится кровь на плахѣ и, въ покотившейся головѣ съ помоста, языкъ лепечетъ невнятные, глухіе стоны—должно предпочесть заточенію и ссылке, должно почитать благодареніемъ.

Отецъ налагалъ оковы на сына своего; мать, сестра не смѣли оплакивать участь павшаго въ опалу, и въ то время, какъ фельдъегерь мчалъ въ вибиткѣ скованнаго сына или брата въ крѣпость или ссылку въ степи дикія, родственники были званы на балъ, на веселенія, должны были казаться веселыми....

Достойная и заслуженная кара дворянству русскому, глумившемуся тогда и до сего въ гнусныхъ чувствахъ и желаніяхъ быть деспотами надъ крѣпостными ихъ крестьянами.

Екатерина II невѣдомо по какимъ побужденіямъ, съ удивленію цѣлаго свѣта, даровала дворянству права важныя, раздѣлявшія съ нею власть,— права избирать блюстителей закона, охра-

нителѣй порядка, благоустройства и общественнаго спокойствія изъ среды своей, независимо отъ власти предержажшей. Даровала хартію, представляющую дворянамъ полную и неограниченную свободу дѣйствовать въ отношеніи лично себя и достоянія, какъ имъ заблагоразсудится: служить по произволу въ отечествѣ своемъ или въ другомъ государствѣ; оставить навсегда отечество безъ всякой укоризны и преслѣдованія: жить въ чужой странѣ и получать невозбранно доходы съ своего имѣнія; сказала: „дворянинъ на тѣлѣ да не накажется“, сказала болѣе — мудрое, Божеское изреченіе, сказала: „безъ суда никто да не накажется“. Повелѣла и предоставила право повѣреннымъ дворянства требовать отъ всѣхъ предержажихъ властей яснаго и подробнаго свѣдѣнія въ случаяхъ, когда кѣмъ бы то ни было, по какому то ни было обстоятельству будетъ дворянинъ лишень свободы и будетъ болѣе трехъ дней находиться подъ стражею. Уполномочила, когда дворяне будутъ имѣть надобность въ дополненіи или въ отмѣненіи закона, въ учрежденіи вновь чего либо, слать къ себѣ повѣренныхъ своихъ (депутатовъ).

Дворянство русское ¹⁾, искони въ тинѣ невѣжества грязнувшее, преданное лѣности, пьянству, сладострастію, не умѣло или не хотѣло раздѣлить правъ своихъ съ народомъ (т. е. освободить крестьянъ отъ рабства) — пожелало тогда — увы! и до нынѣ еще (1835 г.) желаетъ сохранить гнусное право быть властелиномъ неограниченнымъ надъ рабами, крѣпостью, какъ цѣпью, скованными, продавать ихъ какъ утварь, какъ домашній скоть. Сіе скарредное, презрительное желаніе дворянъ въ то же время, когда права были имъ дарованы, обезсилило ихъ, можно сказать, разрушило, уничтожило, и права остались — какъ бы только для памяти напечатанными, въ существѣ же безъ силы и дѣйствія. Народъ или крѣпостные рабы, оставшисъ попрежнему подъ игомъ рабства, пребыли попрежнему непримиримыми врагами дворянамъ (1835 г.).

Народъ восхищался, одобрялъ, выхвалялъ всѣ дѣянія, надъ дворянами совершавшіяся въ 1796 — 1800 гг. Въ народѣ при Павлѣ Петровичѣ не шепотомъ — вслухъ говорили относительно дворянъ: „вотъ онъ требуетъ (?) ихъ, варваровъ, отжили они красные дни!“

¹⁾ Говорится о дворянствѣ XVIII-го вѣка.

Не предполагайте, однако, того, что Павелъ Петровичъ ласкалъ, старался привлечь къ себѣ народъ, приобрѣсть любовь его—нѣтъ! Всѣ были, по глаголу писанія, въ равномъ достоинствѣ, и кто ему въ минуты гнѣва его попадался въ глаза или кто, въ несчастію своему, приходилъ на память, того онъ и каралъ.... Въ доказательство неопибочнаго о семъ заключенія расскажу слѣдующее событіе.

Полковникъ Михаилъ Антоновичъ Гарновскій—чудо своего времени: довольно будетъ сказать то, что онъ на восьми или девяти языкахъ, кромѣ природнаго, изъяснялся, какъ бы природный того языка, на которомъ, изъ имъ знаемыхъ, случилось ему разговаривать; писалъ отлично хорошо на всѣхъ. Императрица Екатерина II его любила, уважала, отличала; Гарновскій всегда, во всякое время, имѣлъ право входить безъ доклада въ кабинетъ къ государынѣ.

Князь Потемкинъ—фаворитъ сначала, потомъ истинный другъ, единственный другъ ея—былъ безкорыстнымъ, нелицеприятнымъ другомъ Гарновскаго; чтилъ, уважалъ въ немъ умъ, познанія и отличныя качества души, любилъ его, какъ брата; можетъ быть во всю жизнь свою Потемкинъ любилъ искренно одного только Михаила Антоновича ¹⁾. Гарновскій приходилъ къ Потемкину въ кабинетъ въ халатѣ, сюртукѣ, какъ былъ вставши съ постели, въ то время, когда предъ княземъ, валявшимся небрежно на диванѣ, стояла съ подобострастіемъ толпа—князей, графовъ, вельможъ, царедворцевъ, воиновъ, повертыхъ сѣдинами и лаврами!

Нужно было Гарновскому говорить съ княземъ одному, Потемкинъ приказывалъ предстоявшей толпѣ: „подите вонъ, намъ дѣло есть!“—почтительно кланялась толпа и спѣшила оставить князя съ Гарновскимъ заниматься дѣломъ.

Родственники Потемкина, племянники по женамъ, князя—Долгорукой, Юсуповъ, Голицынъ, графы—Скавронскій и Браницкій и убійца князя Голицына по велѣнію свѣтлѣй-

¹⁾ Обширныя Записки-письма М. А. Гарновскаго о событіяхъ при дворѣ Екатерины II, 1786—1790 гг., напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1876 г., томы XV и XVI. Ред.

шаго—Петръ Ампліевичъ Шепелевъ, поставляли себѣ за большую честь, когда Гарновскій поговорить съ ними, приласкаетъ.

Михаилъ Антоновичъ пріобрѣлъ великое, по выраженію того времени несмѣтное, богатство, но не грабежомъ казны государственной, не дѣлежемъ съ поставщиками и подрядчиками Фалѣевымъ, Струговщиковымъ, жидомъ Ноткинымъ и сотнею другихъ, имъ подобныхъ, какъ то дѣлали племянницы князя Потемкина и преимущественно графиня Браницкая, заставляя дядюшку, съ помощію и содѣйствіемъ правителя канцеляріи Вас. Степан. Попова, подписывать и утверждать подряды; офицеръ Свербѣевъ (Николаевичъ-Яковлевичъ) доставлялъ Браницкой собранцы по условію съ подрядчиковъ, какъ положено было, по рублю или по два съ четверти муки, по два или по три рубля съ рога, то есть за cadaго вола деньги.

Гарновскій былъ посланъ Екатериною въ Лондонъ увезти оттуда знаменитую по происхожденію рода, богатству и красотѣ герцогиню Кингстонъ ¹⁾).

Герцогиня оставила мужа своего, вела съ нимъ процессъ; процессъ въ парламентѣ не то значить, что у насъ въ уголовной палатѣ, правительствующемъ сенатѣ и даже государственномъ совѣтѣ. Развязка дѣла для Кингстонъ была весьма неблагоприятна,—предстояло протянуть шею подъ топоръ палача. Герцогиня искала покровительства императрицы Екатерины. Государыня соизволила на исканія Кингстонъ, по уваженію того, что (защита этой авантюристки) славы ея не повредитъ, самолюбія окружавшихъ ее придворныхъ дамъ не оскорбитъ, ибо тогда, какъ и всегда — (не сумѣть жить) значить быть глупою, не умѣющею жить въ кругу большого свѣта, быть недостойною высокаго, знатнаго, образованнаго общества.

Кингстонъ обладала милліонами; съ водвореніемъ въ Россію она внесетъ съ собою великое богатство. Гдѣ, когда и кто богатому не радъ? — Такого мѣста на свѣтѣ нѣтъ, человѣка отъ сотворенія міра не рождалось.

Гарновскій, какъ выше сказано, отправился въ Лондонъ; кромѣ повелѣнія государыни о Гарновскомъ послу ея въ Лон-

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 79—108, историко-біографическій очеркъ Е. П. Карновича: „Герцогиня Кингстонъ“ Ред.

донѣ, графу Воронцову, императрица снабдила Гарновскаго собственноручнымъ письмомъ къ Фоксу. По прибытіи въ Лондонѣ, Гарновскій явился къ герцогинѣ, былъ у Фокса.

Въ короткое время Кингстонъ не могла быть безъ Гарновскаго, она страстно въ него влюбилась. Гарновскій сдѣлался Фоксу болѣе, нежели хорошей пріятель, и успѣлъ Фокса привлечь совершенно на сторону Россійской державы.

Можетъ быть Екатерина и Россія единственно обязаны дружеской связи Гарновскаго съ Фоксомъ въ томъ, что во время войны со Швеціею, когда министерство англійское готово было и предлагало объявить Россіи войну, послать флотъ въ Балтійское море и соединенно со шведскимъ дѣйствовать противу Россіи, Фоксъ одинъ сему предложенію противился и, наконецъ, въ послѣднемъ засѣданіи парламента, когда должно было рѣшиться—воевать противъ Россіи или нѣтъ, Фоксъ прочиталъ письмо Гарновскаго, въ которомъ Гарновскій писалъ ему, что государыня изволила приказать ему увѣдомить г-на Фокса о томъ, что если англійское правительство объявитъ ей, — всегдашней союзницѣ Англій, войну, то и въ такомъ случаѣ ея величество, уважая взаимныя пользы обѣихъ націй, уважая связи, между двухъ народовъ существующія и временемъ цѣлаго столѣтія освященныя, повелитъ пропустить англійскіе купеческіе корабли съ товарами безпрепятственно, среди двухъ сражающихся флотовъ, во всѣ гавани ея имперіи.

Предложеніе объявить Россіи войну въ парламентѣ было отринуто.

Екатерина повелѣла бюстъ Фокса воздвигнуть въ Эрмитажѣ.

Съ помощію Фокса, съ содѣйствіемъ хитраго, пронырливаго священника при Россійскомъ посольствѣ Самбургскаго, герцогиня Кингстонъ, въ сопровожденіи Гарновскаго, бѣжала на кораблѣ изъ Англій, и тѣмъ только могла спастись отъ смертной казни на эшафотѣ.

По прибытіи Кингстонъ въ Петербургъ, Екатерина приняла ее дружески; (дружба герцогини) съ Гарновскимъ была уже извѣстна въ Петербургѣ.

Гарновскій употребилъ всю власть любовника на то, чтобы герцогиня осталась жить навсегда въ Россіи. Все шло — какъ нельзя лучше желать.

Кингстонъ часъ отъ часу влюблялась болѣе въ Гарновскаго; онъ заставлялъ ее упрочивать навсегда осѣдлость свою въ Россіи; герцогиня купила большое имѣніе въ Лифляндіи, начала строить огромныя палаты въ Петербургѣ ¹⁾, надѣляла Гарновскаго сотнями тысячъ талеровъ, брилліантами, жемчугами и считала себя счастливѣйшею изъ смертныхъ! Но счастье смертныхъ на землѣ подобно облаку тонкихъ утреннихъ паровъ, которое отъ слабаго дуновенія зефира раздробляется и исчезаетъ.

Умнѣйшій, образованный, опытный, дальновидный Гарновскій, другъ Потемкина, удостоенный высокаго благорасположенія и милостей государыни, любимый страстно и облагодѣтельствованный герцогинею Кингстонъ, взглянулъ въ балетъ на прелестную танцовщицу Матрешу—и все забыто.

Герцогиня въ отчаяніи, терзаясь любовною страстію, измѣною любовника, не хотѣла долѣе оставаться въ Россіи, уѣхала во Францію, гдѣ не могла забыть страстно любимаго ею Гарновскаго, черезъ нѣсколько времени умерла,—но передъ выѣздомъ своимъ изъ Россіи все имѣніе недвижимое и движимое, всѣ драгоценныя вещи свои, серебро, словомъ—все укрѣпила Гарновскому.

Государыня на Гарновскаго изволила прогнѣваться....

Гарновскій черезъ три дня послѣ того увезъ танцовщицу, и въ имѣніи князя Потемкина, Островкахъ, за пороховыми заводами, въ 40 верстахъ отъ Петербурга, съ Матрешей обвѣнчался. Объявлена Гарновскому опала, запрещено являться къ государынѣ.

Гнѣвъ Екатерины былъ непреклоненъ. Потемкинъ неоднократно писалъ императрицѣ о прощеніи Гарновскаго, но не получилъ удовлетворенія. Однако же Гарновскому Екатерина дѣлала порученія, чрезъ него посылала письма свои князю Потемкину, принять же его попрежнему не хотѣла ²⁾.

¹⁾ Нынѣ казармы г.-г. Измайловскаго полка.

²⁾ Объ отношеніяхъ М. Гарновскаго ко двору императрицы Екатерины см. въ „Рус. Старинѣ“, въ его Запискахъ, „Р. Ст.“ 1876 г., томы XV и XVI.

XLIII.

Густавъ, король Швеціи, готовился неожиданно, безъ объявленія войны, посѣтить столицу Екатерины, явиться къ ней въ гости съ 50-ю тысячами товарищей, вооруженныхъ птыками.

Въ Петербургѣ никто о намѣреніи не вѣдалъ; дипломаты не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія о преднамѣреніи Густава разрушить связи дружественныя. Посоль нашъ въ Стокгольмѣ, графъ Андрей Кирил. Разумовскій, утопалъ въ сладострастіи и въ объятіяхъ прелестныхъ шведокъ и позабылъ—существуетъ-ли царство русское.

Гарновскій зналъ все и о всемъ.

Князь Потемкинъ, ведя войну противу турокъ, по какому соображенію и съ какимъ намѣреніемъ требовалъ отъ Екатерины послать въ Морею весь Балтійскій флотъ, 25 линейныхъ кораблей, и писалъ Гарновскому, чтобы онъ, какъ повѣренный въ его дѣлахъ въ Петербургѣ, содѣйствовалъ скорѣйшему отправленію флота, грозилъ однимъ, ласкалъ другихъ его именемъ.

Гарновскій отвѣчалъ князю Потемкину лаконически:

„Князь, туча сильная у насъ здѣсь надъ головою! не буду содѣйствовать скорому отправленію флота, но всѣми силами буду тому препятствовать“.

Что препятствовало Гарновскому писать князю подробно о всѣхъ обстоятельствахъ—осталось навсегда для всѣхъ тайною.

Славолюбивая Екатерина горѣла нетерпѣніемъ отправить, какъ наивозможно скорѣе, флотъ въ Морею; гнѣвалась, бранила адмиралтействъ-коллегію, адмирала Чернышева. Наконецъ, флотъ готовъ къ выступленію; но заподраженный хлѣбъ для флота еще не прибылъ и за тѣмъ только нельзя отплыть. Государыня повелѣваетъ скупить весь хлѣбъ, доставленный на баркахъ для вольной продажи, и снабдить флотъ: „намъ подвезутъ хлѣбъ“, говорила государыня.

Отвѣчаютъ императрицѣ, что за три или четыре дня передъ симъ весь хлѣбъ, съ наддачею въ цѣнѣ, скупленъ Гарновскимъ для отправленія за границу.

Екатерина вспыхнула отъ гнѣва. Не успѣла еще изрѣчь по-

велѣнія своего, ея величеству подалъ камердинеръ кувертъ отъ Гарновскаго.

Государыня сорвала печать, быстро пробѣжала написанное, измѣнилась въ лицѣ, побѣлѣла, какъ бумага.

Гарновскій писалъ государынѣ о намѣреніи короля шведскаго, о томъ, что онъ неоднократно посылалъ ея величеству о семь ноты, не знаетъ—изволила-ли ея величество ихъ получить, и что теперь, по вѣрноподданнической преданности его, рѣшился, вопреки высочайшаго ея величества запрещенія, являться ко двору, придти предъ кабинетъ ея по важности происшествія: шведскій король овладѣлъ російскою крѣпостію Нейшлотомъ.

Екатерина, сообщивъ извѣстіе окружавшимъ ее, получила отзывъ, что, вѣроятно, Гарновскій ищетъ средствъ дать благовидный оборотъ предосудительному и преступному дѣйствию своему относительно скупленнаго хлѣба, и что все написанное есть его ухищренная выдумка.

Повелѣно генералъ-адъютанту В. П. Мусину-Пушкину арестовать Гарновскаго и отвезть въ крѣпость.

Событіе не слыханное въ царствованіе Екатерины — полковника арестовать и заключить въ крѣпость.

Сказали по всему городу изъ дома въ домъ, говорили, пересказывали о семъ происшествіи другъ другу шепотомъ, озираясь, чтобы кто не подслушалъ.

Приходило-ли тогда кому либо въ мысли, что чрезъ пять, шесть лѣтъ, т. е. въ 1797—1800 гг., въ томъ же Петербургѣ, въ той же комнатѣ услышитъ онъ не объ одномъ полковникѣ, но о сотняхъ полковниковъ, генераловъ, заключенныхъ въ крѣпости, сосланныхъ въ Сибирь за то, что солдатъ во фронтѣ ошибся въ пріемѣ ружья, поднялъ ногу правую вмѣсто лѣвой, отсталъ топнуть ногой вмѣстѣ съ товарищами.

Вѣроятно, были въ числѣ слушавшихъ извѣстіе о случившемся съ Гарновскимъ таковые, которые были чрезъ шесть лѣтъ послѣ, въ царствованіе Павла, посажены въ крѣпостной казематъ за то, что не успѣли на улицѣ предъ нимъ сбросить съ плечъ шинель или шубу, не проворно вылѣзли изъ кареты или коляски.

Въ 11 часовъ пополудни того же числа, когда государыня изволила уже ложиться почивать, камердинеръ доложилъ ея величе-

ству, что генераль-адъютантъ просить дозволенія быть допущенъ. Екатерина перетревожилась, приказала звать генераль-адъютанта. Вошелъ генераль-адъютантъ и съ нимъ какой-то иностранецъ, который, упавъ на колѣни, подалъ государынѣ небольшое письмо, говоря по французски:

— „Madame, l'ambassadeur de Votre Majesté à Stockholm, comte Rasoumovski“.

Разумовскій, узнавъ о намѣреніи Густава только тогда, какъ король отправился уже съ флотомъ къ Нейшлоту, отправилъ секретно француза камердинера своего, опасаясь послать курьера, что его задержать или еще убьютъ нарочито, чтобы не открылось черезъ увѣдомленіе о печальномъ нападеніи.

Черезъ два часа пришло извѣстіе изъ Кронштадта, черезъ Ораніенбаумъ, о занятіи шведами Нейшлота.

Государыня повелѣла ту-же минуту освободить изъ-подъ ареста Гарновскаго, но никогда не могла простить ему того, что онъ былъ провицательнѣе ея и министровъ ея, что свѣдѣнія Гарновскаго были вѣрнѣе и догадки его нешибочны, — никогда не хотѣла видѣть его.

XLIV.

Гарновскій во время счастья своего, когда былъ облеченъ довѣренностію и осыпанъ милостями государыни, ѣхалъ изъ Петербурга въ Царское село въ то-же время, какъ и великій князь Павелъ Петровичъ изволилъ отправиться изъ Петербурга въ Гатчино.

Требовали-ли того дѣла, чтобы какъ можно скорѣе прибыть въ Царское село, гдѣ изволила императрица тогда жить, или неосторожность и дерзкое удалство кучеровъ Гарновскаго были виною, только карета Гарновскаго, запряженная восемью лошадьми, пронеслась во всю прыть мимо кареты великаго князя и, вѣроятно, его запылила.

По восшествіи на тронъ Павла первое повелѣніе его было: Гарновскаго, коли живъ, въ крѣпость; объявить, если кто имѣетъ на него какія либо требованія, чтобы являлись въ губернское

правленіе, безъ всякихъ письменныхъ доказательствъ на право требованія; губернскому правленію повелѣно было по словеснымъ показаніямъ удовлетворять всѣхъ и каждаго.

Въ три дня все имущество было расхищено.

Сапожникъ показалъ, что Гарновскій ему состоитъ должнымъ за сапоги 80 тыс. рублей. Лифляндское имѣніе, которое укрѣпила Гарновскому герцогиня Кингстонъ, отдане какому-то безсовѣстному дворянину лифляндскому, объявившему въ губернское правленіе, что Кингстонъ была ему должною 300 тыс. талеровъ, а у барона не было и 300 пфениговъ.

Гарновскій съ годъ томился въ крѣпости и былъ освобожденъ для того, чтобы умереть черезъ три мѣсяца. Три малолѣтнія его дочери остались безпріютными сиротами. Въ 1818 году я зналъ ихъ въ Астрахани; онѣ были всѣ три прекрасныя собою, умныя и примѣрнаго поведенія дѣвицы; жили при дядѣ ихъ — братѣ отца—Иванѣ Гарновскомъ, который служилъ въ Астрахани совѣтникомъ въ соляной экспедиціи.

Богъ не оставляетъ сиротъ: двѣ, Александра и Варвара, вышли въ замужество; первая—за г. Ахматова, вторая за совѣтника казенной палаты Шепелева.

Тимофей Ивановичъ Тутолминъ.—Гр. П. А. Румянцевъ.—Г. Р. Державинъ.—Екатерина II.

XLV.

Расскажу о чемъ было забылъ и что мнѣ вдругъ вскочило въ каморку памяти моей.

Тимофей Ивановичъ Тутолминъ, по женѣ своей близкій мнѣ родственникъ — она была изъ роду Вердеревскихъ, Тутолминъ получилъ образованіе свое въ царствованіе Елизаветы, въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ.

Въ первую турецкую войну подъ начальствомъ, при началіи кампаніи, фельдмаршала князя Голицына, а потомъ гр. Румянцева-Задунайскаго, Тутолминъ, прекрасный собою, большого роста мужчина, объ умѣ его узнаемъ въ слѣдующемъ, командовалъ Воронежскимъ гусарскимъ полкомъ, который до того

былъ хорошо выученъ маневрировать, что венгерцы, самую природою предназначенные быть въ семь свѣтѣ гусарами, но не болѣе, любовались, восхищались гусарами Воронежскаго полка.

Фельдмаршалъ гр. Румянцевъ-Задунайскій, великій полководецъ своего времени, но въ отношеніи ученя и щегольства солдатъ великій педантъ, хвастался всегда предъ прїѣзжавшими или присылаемыми къ нему отъ Фридриха прусаками, посылая ихъ смотрѣть ученю Воронежскаго гусарскаго полка. Прусакки восхищались, завидовали, что полкъ славно маневрируетъ; чесали съ зависти себѣ уши, однако-же, и нехотя, но хвалили воронежскихъ гусарь.

Фельдмаршалъ гр. Румянцевъ-Задунайскій любилъ и уважалъ Тутолмина.

Разсказывая быль, говорить должно правду, какъ было: Тимофей Ивановичъ, умѣвшій выучить полкъ, довести его до желаемого совершенства и годности въ дѣло на полѣ битвы, самъ до сраженія былъ не большой охотникъ; полкъ его дрался храбро, отлично; турки узнавали воронежцевъ по желтымъ мантиямъ; бѣжали предъ ними, но полковникъ, да проститъ мнѣ блаженной памяти родственникъ, полковникъ Тутолминъ въ дѣлѣ, въ атакѣ находился всегда не тамъ, гдѣ ему должно было находиться; онъ всегда былъ съ полкомъ, но всегда сзади, а не впереди гусарь своихъ.

Три кампаніи служилъ Тутолминъ, служилъ, можно сказать, отлично; полкъ его во всѣхъ дѣлахъ покрылъ себя славою. Фельдмаршалъ выжидалъ, не привыкнетъ-ли онъ къ бою, не ободрится-ли и, наконецъ, сказалъ, ему:

— „Тимофей Ивановичъ, вы увѣрены сколь много я уважаю васъ, люблю и сколь мнѣ будетъ прискорбно разстаться съ вами. Не огорчайтесь, Тим. Ивановичъ, я говорю вамъ дружески: вы не въ силахъ преодолѣть; вотъ вамъ всеподданнѣйшее письмо мое ея величеству, всемилостивѣйшей государынѣ. Она соизволитъ употребить васъ на поприщѣ службы гражданской; вы будете полезны и, увѣряю васъ, въ непродолжительное время достигнете высокихъ чиновъ и удостоитесь пріобрѣсть высокое довѣріе монархини“.

XLVI.

Тутолминъ, чрезъ четыре, пять лѣтъ, былъ уже архангельскимъ и олонецкимъ генераль-губернаторомъ, кавалеромъ ордена Александра Невскаго и Владиміра 2-й степени и пр., и пр., и пользовался особенною довѣренностію государыни. Императрица пригласила Тутолмина прибыть къ ней въ Петербургъ; въ рескриптѣ своемъ Тутолмину она говорила:

— „Пріѣзжайте, Тимофей Ивановичъ, къ намъ, на словахъ удобнѣе объяснимся, а будемъ писать другъ другу — запишемся“.

Тутолминъ, сверхъ возложенной должности управленія губерніями, имѣлъ отъ государыни устроить въ Олонцѣ чугуноплавительный заводъ и литье на флотъ пушекъ. Славный Гаскони, англичанинъ, былъ переманенъ изъ Англіи и украдкою вывезенъ изъ Лондона. Скоро и неожиданно хорошо заводъ былъ устроенъ; литье пушекъ, хотя изъ чугуна, не только равнялось, но превосходило отливку изъ мѣди пушекъ, отлитыхъ на петербургскомъ пушечномъ литейномъ дворѣ.

Губернаторомъ въ то время при Тутолминѣ былъ извѣстный, геніальный поэтъ нашъ Г. Р. Державинъ; не смѣю и подумать о сужденіи поэтическихъ его достоинствъ,—я невѣжда, знаю только то, что всѣ восхищались, кричали о его „Фелицѣ“, что онъ за пѣснь свою Фелицѣ, или о Фелицѣ, получалъ досканцы съ червонцами, а за оду его „Богъ“ ни одной копѣйки,—извѣстно было всѣмъ тогда и послѣ, что Державинъ былъ великій, славный поэтъ, но дурной начальникъ, сварливый въ дѣлахъ, безтолковый, пристрастный человекъ.

Во время его управленія министерствомъ юстиціи, дѣла рѣшались самонесправедливѣйшимъ образомъ; сѣтовали, жаловались, что къ нему имѣли доступъ чрезъ заднее крыльцо, что супруга его занималась съ секретарями отправленіемъ дѣлъ, а Гавріиль Романовичъ, въ это время умствуя, терялся въ идеалахъ, созерцалъ были съ небылицами, творилъ и разрушалъ міры, видалъ вокругъ себя десятки парящихъ геніевъ и пр., и пр., всего и пересказать не съумѣешь, что поэтамъ подчасъ забирается въ

голову; но кто, по несчастію, имѣлъ тяжебныя дѣла, у кого отнимали имѣніе, кто изъ благосостоянія переходилъ въ скудость и терпѣлъ недостатки, тотъ — въ томъ и сомнѣваться не можес—проклиналъ и пѣвца Фелицы, и всѣхъ его геніевъ, и всѣ его поэтическіе вымыслы.

При отъѣздѣ Тутолмина изъ Олонца, какъ онъ уже отълавливался, въ залѣ его, собравшимся чиновникамъ и гражданамъ на проводы, и былъ готовъ садиться въ карету, — Державинъ подаль Тутолмину преогромный, незапечатанный кувертъ съ надписью: „Всемиловѣйшей государынѣ императрицѣ, въ собственныя руки“.

Тутолминъ, принимая кувертъ, спросилъ Державина:

— Что это такое, Гавріиль Романовичъ?

— Доносъ на ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ Державинъ.

Тутолминъ. Гавріиль Романовичъ! Вы знаете правила почты и то, что доносчики обязаны извѣты свои посылать запечатанными. Слуга! огня, сургучъ, печать! Гавріиль Романовичъ, вы приложите вашу.

Державинъ вынужденъ былъ при всѣхъ запечатать кувертъ и подать его Тутолмину за печатью.

Тутолминъ, принимая кувертъ, отвѣчалъ Державину:

— „Ваше превосходительство, можете быть въ томъ совершенно увѣреннымъ, что доносъ вашъ будетъ представленъ всемиловѣйшей государынѣ императрицѣ. Первою и непреложною поставляю себѣ обязанностію всеподданнѣйше повергнуть къ священнымъ стопамъ ея величества писаніе вашего превосходительства, коль скоро только буду осчастливленъ лицезрѣніа августѣйшей монархини. Прощайте, Гавріиль Романовичъ, но еще повторяю вамъ, какъ начальникъ высочайшею властію поставленный, и прошу васъ, какъ дворянинъ, въ продолженіе отсутствія моего соблюдать тотъ же самый порядокъ въ отправленіи дѣлъ, какой мною введенъ и производится. Въ противномъ случаѣ вы будете подлежать отвѣтственности“.

Обнявъ Державина, Тутолминъ пошелъ усаживаться въ подвезенную къ крыльцу карету.

XLVII.

Въ царствованіе Екатерины всѣ обыкновенія и обряды при дворѣ ея были совершенно противоположны введеннымъ со вступленія на тронъ Павла I....

Пышный, великолѣпный дворъ Екатерины преобразованъ въ огромную кордегардію. Въ царствованіе Екатерины въ чертогахъ царскихъ послѣдній истонникъ старался отличить себя въ разговорахъ словами благопристойными, учтивыми, отборными; высшій кругъ царедворцевъ говорилъ на французскомъ діалектѣ лучшимъ языкомъ Вольтеровъ, Дидеротовъ, Жанъ-Жакъ-Руссо, зналъ наизусть творенія лучшихъ французскихъ авторовъ; трагедіи Расина, Мольеръ были всѣмъ коротко знакомы.

Съ 7-го ноября 1796 года въ чертогахъ сѣверной Семирамиды, вмѣсто разговора, въ эпоху 1797—1800 гг., уже кричали. Въ комнатахъ учреждены были караулы; бряцаніе оружія, топанье ногами носились эхомъ по заламъ и возвѣщательное слово „вонъ“, громко и протяжно часовыми произносимое заблаговременно, чтобы карауль, учрежденный въ другой залъ, имѣлъ достаточно времени стать подъ ружье, пугаль, отъ непривычки, всѣхъ приходящихъ.

Павель повелѣлъ, вмѣсто сигнала къ ружью, какъ то существовало, извѣщать караульныхъ о томъ, что они должны взять ружье, крикомъ: вонъ!

Великая княжна Александра Павловна, переходившая изъ комнатъ своихъ на половину императрицы Маріи Ѳеодоровны, была столь много испугана возвѣщательнымъ крикомъ „вонъ!“, что, повернувшись, побѣжала обратно въ свои комнаты и была нѣсколько дней нездорова отъ испуга.

Равномѣрно и обрядъ принимать прибывшихъ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ при Павлѣ Петровичѣ вовсе перемѣнился.

До 6-го ноября 1796 года пріѣхавшій въ столицу, мѣсто-пробываніе императрицы, генераль-губернаторъ или губернаторъ былъ обязанъ всенепремѣнно, на другой же день по прибытіи, явиться во дворецъ и сказать непосредственно камердинеру государыни, чтобы доложилъ ея величеству о прибытіи его.

Императрица немедленно соизволяла принимать прїѣзжаго, разговаривать съ нимъ иногда весьма долгое время о всемъ относящемся до ввѣренной его управленію части государства и по окончаніи разговора всемилостивѣйше привѣтствовала прибывшаго словами:

— Вы сегодня у меня обѣдайте.

Съ 7 ноября 1796 года введено Павломъ Петровичемъ, что прїѣхавшій въ Петербургъ генераль-губернаторъ или губернаторъ нерѣдко живаль мѣсяцъ, два и три, ожидая дня, когда дозволено будетъ ему представить себя государю, и представленіе бывало не въ кабинетѣ, а въ залѣ, гдѣ всѣхъ представляютъ. Государь, выходя изъ внутреннихъ апартаментовъ, изволилъ обходить въ полукружїи поставленныхъ къ представленію; оберъ-церемоніймейстеръ, слѣдуя съ боку у Павла Петровича, нѣсколько выдавшись впередъ, читаль имена стоявшихъ по порядку, какъ солдаты стоятъ по ранжиру во фронтѣ. Павелъ Петровичъ однимъ, во изъявленіе высочайшаго всемилостивѣйшаго благоволенія, при услышаніи именъ ихъ, соизволялъ улыбаться; услышавъ наименование другихъ, благоволилъ всемилостивѣйше отвращать отъ нихъ высочайшіе взоры свои. Разговора ни съ кѣмъ не велъ...

Относительно дѣлъ, не тоѣмо съ государемъ, да и съ министромъ, съ 1797 года по 1800 г. разговора не существовало.

олте подать докладную записку“ — былъ общій отвѣтъ министровъ на всѣ словесные доклады.

Вѣкъ бюрократїи! Докладная записка не бывала обыкновенно прочтена министромъ (1796—1800 гг.), но препровождалась по принадлежности для соображенія, извлеченія и составленія докладной записки г. министру въ департаментъ. Директоръ департамента, получивъ докладную записку губернатора, или отношеніе генераль-губернатора, поданныя министру, передавалъ ее по принадлежности и раздѣленію предметовъ начальнику отдѣленія. Начальникъ отдѣленія сдавалъ докладную записку начальнику стола. Здѣсь первоначально начиналось прочтеніе и обсужденіе докладной записки или отношенія. И всегда, а не иногда, начальникъ стола, т. е. попытчикъ, зналъ прежде, полнѣе, яснѣе и основательнѣе о чемъ представлено у отдѣленія начальника, директора и министра, который, т. е. министръ, по распредѣленію производства дѣлъ никогда и ни о какомъ дѣлѣ

полнаго, яснаго и основательнаго понятія имѣть не могъ (1796—1800 гг.). Все искусство столоначальника заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать сокращенное изъ записки извлеченіе.

Превосходство начальника отдѣленія состояло въ томъ, чтобы изъ сокращеннаго извлеченія, извлеченнаго столоначальникомъ, извлечь сокращенную эссенцію.

Вся геніальность директора департамента ознаменовывалась тѣмъ, чтобы изъ сокращенной эссенціи вытянуть квинтъ-эссенцію, т. е. описанныя на 20-ти листахъ обстоятельства превратить въ 5—6 строчекъ. Въ семь краткомъ извлеченіи представлялась записка г. министру и отъ него препровождалась къ статсъ-секретарю, для поднесенія на высочайшее благоусмотрѣніе государя (1796—1800 гг.).

Такимъ образомъ Голиафъ превращался въ пигмея, нерѣдко въ таракашу или, лучше сказать, въ постепенныхъ сокращеніяхъ и извлеченіяхъ такъ бывало далеко отойдуть, уклонятся отъ настоящаго существа дѣла, изложеннаго въ докладной запискѣ губернатора или отношеніи генер.-губернатора, что, наконецъ, по утвержденіи высочайшею волею поднесеннаго доклада, не знаютъ какъ его привести въ исполненіе.

Это (въ старину) часто и весьма часто совершалось (1796—1801 гг.).

Въ виду этого губернаторы испрашивали высочайшее соизволеніе всемилостивѣйше дозволить имъ сохранить ношеніе военнаго мундира, оставаясь въ чинѣ гражданскомъ; единственно по тому уваженію, что, будучи облеченнымъ въ хитонъ, или однорядокъ военный, гражданскій губернаторъ, прибывшій въ Петербургъ, имѣлъ право, по военному одѣянію, явиться на вахтъ-парадъ и имѣть счастье быть представленнымъ комендантомъ испросить высокомонаршее соизволеніе на аудіенцію, всеподданнѣйше доложить о чемъ нужно, получить высочайшее соизволеніе и утвержденіе, и нерѣдко (1796—1800 гг.) выходилъ молодецъ изъ кабинета съ декорациею чрезъ плечо, въ то время какъ министръ внутреннихъ дѣлъ едва успѣвалъ узнать о прибытіи его превосходительства въ столицу.

XLVIII.

Тутолминъ прибылъ въ Петербургъ подь вечеръ въ среду.

Въ 6 часовъ утра на другой день, т. е. въ четвергъ, былъ уже во дворцѣ. Камердинеръ доложилъ императрицѣ:

— Олонецкій и архангельскій генераль-губернаторъ Тутолминъ.

Государыня повелѣла, сказавъ: „проси“.

Входитъ Тутолминъ въ кабинетъ, держа огромный паветъ доноса Державина въ рукѣ.

Государыня пожаловала Тутолмину поцѣловать руку и съ видомъ безпокойства изволила спросить его:

— „Это что у васъ, Тимофей Ивановичъ?“ показывая на кувертъ.

— Всемиловѣйшая государыня, гражданскій олонецкій губернаторъ, Державинъ, въ минуту отъѣзда моего изъ Олонца, ввѣрилъ мнѣ всеподданнѣйше имѣть счастье поднести вашему величеству.

— Да что такое?

— Доносъ на меня, государыня.

Императрица, съ видомъ хладнокровнаго негодованія соизволивъ принять кувертъ, сказала:

— Прочту: Садись, Тимофей Ивановичъ.

И начала съ нимъ говорить о губерніяхъ, управленію его ввѣренныхъ.

По долгомъ трехъ-часномъ бесѣдованіи соизволила Тутолмина уволить, безъ повелѣнія явиться въ обѣденному столу.

Тутолминъ откланялся, вышелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, почитая уже себя въ опалѣ, и спѣшилъ уѣхать изъ дворца какъ можно скорѣе, не заходя даже на поклоненіе къ генераль-адъютанту, какъ всѣ то дѣлали...

Въ 10 часовъ вечера является къ Тутолмину гофъ-фурьеръ отъ государыни съ приглашеніемъ явиться завтра къ императрицѣ въ 6-мъ часу утра.

Екатерина, вставши съ постели утромъ, всегда сама разводила въ каминѣ огонь и сама приготовляла себѣ кофе.

Въ 5 часовъ утра, въ пятницу, Тутолминъ стоялъ уже предъ дверью кабинета Еватерины. Черезъ 10 или 15 минутъ камердинеръ, вышедшій отъ императрицы, поклонившись пренизко Тутолмину, съ почтеніемъ доложилъ ему:

— „Государыня императрица изволитъ ожидать васъ, ваше высокопревосходительство“, и отворилъ въ кабинетъ дверь.

Тутолминъ вошелъ; государыня занималась вареніемъ кофе, подкладывая подъ кофейникъ изорванные куски бумаги и, обратясь къ Тутолмину, изволила сказать:

— Тимофей Ивановичъ, садись-ка здѣсь поближе, мнѣ съ тобою кое о чемъ потолковать надобно, ты, вѣдь, не боишься камелька: я чаю, у васъ въ Олонцѣ огонь въ чести,—холодно бываетъ.

Тутолминъ, удивленный столь милостивѣйшимъ привѣтствіемъ, спѣшилъ повиноваться велѣнію монархини, не ожидая быть еще болѣе и милостивѣйше ободреннымъ.

Когда онъ усѣлся, государыня, продолжая подкладывать равныя листы подъ кофейникъ, изволила сказать ему:

— Спасибо тебѣ, Тимофей Ивановичъ, ты мнѣ вчера привезъ прекрасную подтопку, смотри, какъ мой кофе хорошо и скоро варится. Это вчерашній кувертъ.

Тутолминъ вскочилъ съ кресель, хотѣлъ было начать говорить; государыня, протянувъ ему руку, чтобы поцѣловалъ, изволила сказать:

— Садись, садись, Тимофей Ивановичъ, что намъ толковать о глупостяхъ, поговоримъ о дѣлѣ.

Въ это время, во исполненіе высочайшаго ея величества повелѣнія, правительствующій сенатъ занимался составленіемъ правилъ о учрежденіи во всей имперіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Три мѣсяца продолжались въ правительствующемъ жаркія пренія; неоднократно были государынѣ представлены проекты какъ учредить магазейны. Императрица, находя ихъ неполными, цѣли учрежденія неудовлетворительными, съ бытомъ и состояніемъ народа несообразными, изволила, съ замѣчаніями своими, проекты обращать правительствующему сенату, повелѣвая пересмотрѣть ихъ, вновь обдумать, сообразить и тогда ей представить.

Императрица, объяснивъ Тутолмину высочайшее свое намѣ-

рение учредить запасные сельскіе хлѣбные магазины во всей имперіи, соизволила, какъ бы въ шутку, примолвить:

— Тим. Ивановичъ, по праву званія твоего генер.-губернатора, ты присутствуешь въ сенатѣ; прошу тебя, ознакомь себя съ тѣмъ, что мой сенатъ о семъ сочинилъ и, отдохнувъ отъ дороги, заверни къ нимъ, потолкуй,—что-то дѣло у насъ на ладъ нейдетъ.

— Всемиловѣйшая государыня, если вашему величеству будетъ благоугодно мнѣ дозволить сегодня быть въ сенатѣ,—сегодня пятница, общее собраніе.

— Да ты еще не знакомъ съ дѣломъ, сказала государыня.

Тутолминъ. Всемиловѣйшая государыня! Мудрыя изрѣченія вашего величества обильно вразумили меня. Дозвольте, государыня.

— Коли хочешь и можешь,—съ Богомъ! и коли въ собраніи не устанешь, такъ пріѣзжай обѣдать; а коли устанешь, прошу себя не неволить. Ты, во все время твоего пребыванія у насъ—мой гость; обѣдай всегда у меня.

Пожаловала поцѣловать ему свою руку. Тутолминъ откланялся и поспѣшилъ въ сенатъ.

Государыня бесѣдовала съ нимъ съ 6-го часа до 10 часовъ.

Тутолминъ отъ государыни прямо отправился въ сенатъ, гдѣ долго толковали, много кричали, но дѣло на ладъ не шло. Появленіе Тутолмина произвело въ засѣдавшихъ удивленіе; не всѣмъ было еще извѣстно, что онъ прибылъ въ Петербургъ. Тимофей Ивановичъ, раскланявшись съ присутствующими, объявилъ имъ волю государыни о томъ, что ея величеству благоугодно, чтобы онъ принялъ участіе въ совѣщаніяхъ правительствующаго сената касательно постановленія объ учрежденіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Почитавшіе себя знатоками, доками, сенаторы, какъ, на примѣръ, нынѣ (1834 г.) думаютъ о себѣ кн. Гагаринъ, Озеровъ (?), Тучковъ, П..., и еще нѣкоторые, хотя ничего не знаютъ и только кричатъ и, по самолюбію своему, дѣла рѣшаютъ самонесправедливѣйшимъ (?) образомъ, ибо изъ всѣхъ дѣлъ, за спорами ихъ, поступившихъ въ общее собраніе, ни одного дѣла не выдали еще, получившаго рѣшеніе свое, на основаніи данныхъ нынѣшними доками голосовъ, слѣдовательно, господа по пристрастію или отъ

премудрости своей благоволили дичь пороты! Точно такіе же и въ царствованіе Екатерины водились молодцы! Они-то, преимущественно, и выпялили глаза на Тутолмина и, оскорбляясь тѣмъ, что государыня соизволила прислать его, какъ бы для вразумленія, для руководства имъ, готовились, такъ сказать, осмѣять его, поставить въ затрудненіе, довести до того, чтобы онъ не зналъ-что сказать.

Тутолминъ, занявъ мѣсто свое по старшинству и не давъ еще времени присутствовавшимъ, какъ говорится, образумиться, вставъ съ мѣста своего, предложилъ собранію — „не благоугодно ли будетъ выслушать его мнѣніе о томъ, какимъ образомъ предполагать онъ было-бы возможно и удобно учредить запасныя хлѣбныя магазины и какъ мнѣніе его, соотвѣтственно предмету и многихъ совокупныхъ съ онымъ обстоятельствомъ, должно быть пространно, то просить собраніе дозволить ему изложить его письменно“.

Всѣ были согласны и спрашивали Тутолмина, когда же его высокопревосходительство заблагоразсуждаетъ представить мнѣніе свое? что они, соображаясь высочайшей воли государыни императрицы какъ можно скорѣе привесть дѣло сіе къ окончанію, готовы нарочито собраться для выслушанія его мнѣнія.

Тимофей Ивановичъ, оставивъ мѣсто свое и подойдя къ аналою, за которымъ стоялъ протоколистъ, попросилъ собраніе, чтобы приказано было протоколисту писать то, что онъ будетъ говорить.

Приняли — согласились.

Четыре и пять часовъ писалъ протоколистъ подъ диктовку Тутолмина, писалъ не одинъ, а перемѣнилось три или четыре писца; Тимофею Ивановичу семь или восемь стакановъ воды подали; сенаторы, засѣдавшіе, проклинали минуту, въ которую изъявили согласіе выслушать его мнѣніе!—имъ нестерпимо ѣсть хотѣлось, многіе просидѣли жирный заказной обѣдъ, другіе манкировали на биржу, по согласію, пріѣхать устриць ѣсть, иные, ахъ! иные были внѣ себя, забывали благопристойность, говорили и громко говорили много неприятнаго на счетъ Тутолмина,—да какъ было и не говорить, не сѣтовать! онъ былъ (Тутолминъ) причиною, что они обманули любовницъ своихъ, не явились въ часъ, назначенный на мѣстѣ условленномъ, думали, ахъ! что-то намъ будетъ отъ милыхъ и пр., и пр. Въ продолженіе разнород-

ныхъ негодованій полнаго общаго собранія правительствующаго сената, Тутолминъ диктоваль, а протоколисть писалъ, и когда окончилъ и, обращаясь къ собранію, спросилъ: „не благоугодно-ли будетъ приказать прочесть? можетъ быть, нужно будетъ сдѣлать измѣненія, что онъ, по краткости времени на соображеніе, что-либо опустилъ; что, вѣроятно, почтеннѣйшіе члены высшаго правительственнаго государственнаго трибунала (слова Тутолмина) знаютъ многія обстоятельства по опытамъ и мудрому созерцанію, которыя будутъ несомнѣсны и неудобноисполнительны по предположенію его?“

— „Нѣтъ! Нѣтъ!“ всѣ единоустно вымолвили: „хорошо, прекрасно, все удобно, все возможно, переписать и всеподданнѣйше представить на высочайшее благоусмотрѣніе всемилостивѣйшей государыни императрицы“.

Нарышкинъ, вѣрно Л. Алекс., отецъ А. Львов., извѣстный шутникъ, кричалъ во все горло, что его впредь въ общее собраніе и калачемъ не заманятъ! что горшокъ съ грибами молодыми, которые онъ самъ купилъ и особенно самъ съ кухмистеромъ своимъ занимался цѣлое утро, какъ ихъ приготовить, пропалъ для него, можетъ быть, навсегда! „Богъ вѣдаетъ, долголи еще проживу, попадутся ли мнѣ еще въ жизни такіе же молодые грибки! будетъ-ли у меня такой же страстный аппетитъ на грибы, какъ теперъ!“ говорилъ Нарышкинъ и, въ заключеніе, сказалъ, что упадетъ къ священнымъ стопамъ матушки-государыни и будетъ просить, чтобы всемилостивѣйше приказала не присутствовать ему въ сенатѣ, не допустила бы его умереть преждевременно голодною смертію!

Умники-сенаторы или, по крайней мѣрѣ, такъ сами о себѣ думавшіе, соглашались, безъ прочтенія и разсужденія, надиктованное Тутолминымъ представить государынѣ въ чаяніи того, что много встрѣтится противорѣчій въ сочиненіи его проекта, составленнаго, какъ они видѣли и слышали, безъ всякаго къ тому приуготовленія; ласкали себя надеждою, что проектъ Тутолмина, подобно какъ и ихъ проекты, бывшіе императрицѣ представленными, будетъ возвращенъ въ сенатъ на разсмотрѣніе и соображеніе ихъ,—и благовременно уже лавомили себя тѣмъ, что они Тутолмина при семъ благопріятномъ для нихъ случаѣ, какъ говорится, въ доску положить. Сверхъ сего—тайно, не сообщая

другъ другу, содрагаясь внутренно въ самомъ себѣ, не одинъ изъ нихъ кичился самолюбіемъ въ томъ, что самолюбіе ея величества будетъ уколото и что непріятности этой государыня сама виновница.

Государыня садилась за обѣденный столъ обыкновенно въ часъ пополудни. Спросила, передъ выходомъ въ столовую, камердинера: „Туть-ли Тимофей Ивановичъ?“ На отвѣтъ—нѣтъ,—государыня приказала послать курьера узнать здоровъ ли онъ, и изволила сказать: „подождемъ садиться за обѣдъ“.

Черезъ 10 минутъ доложили государынѣ, что Тутолминъ въ сенатѣ, стоитъ у аналоя и диктуеть. „Помоги ему Богъ!“ сказала Екатерина и вышла въ столовую къ обѣду.

Переписали проектъ прямыми литерами полу-уставомъ, — Екатерина любила этотъ почеркъ и другаго не читала или читала неохотно. Въ семь случаѣ все было придумано, чтобы заставить ее прочитатъ сочиненіе Тутолмина, чтобы показатъ ей, что и она въ людяхъ ошибается, какъ и всѣ прочіе люди.

Такъ созерцавшіе не ошиблись: государыня изволила читать и перечитывать проектъ ровно двѣ недѣли одна, не отдавая, не показывая его никому, даже фавориту было неизвѣстно того, что государынѣ благоугодно относительно проекта. Государыня приказала принестъ изъ библіотеки къ себѣ карту всей Имперіи, податъ словарь Чулкова о внутренней въ Россіи торговлѣ, въ которомъ были подробно описаны всѣ ярмарки, торги въ городахъ, селахъ и деревняхъ, съ полнымъ объясненіемъ гдѣ что дѣлается, родится, какъ, куда и въ какое время года произведенію бываетъ сбытъ, показаны разстоянія,—лучшее историческое своего времени сочиненіе, едва ли въ чемъ уступитъ сочиненіямъ сего рода, въ настоящее время (1834 г.) написаннымъ. Чулковъ былъ придворный актеръ, потомъ служилъ въ сенатѣ и былъ оберъ-секретаремъ.

Черезъ двѣ недѣли проектъ Тутолмина былъ отъ государыни присланъ въ полное собраніе правительствующаго сената съ собственноручною ея величества надписью: „Быть по сему“.

Въ тотъ же день, если не ошибаюсь, Тутолмину отъ государыни присланъ былъ орденъ св. Равноапостольнаго Владиміра 1-й степени.

Подумавъ о семь событіи, невольно приходитъ въ мысль:

если-бы нынѣ благоугодно было государю императору (Николаю Павловичу) созвать генераль-губернаторовъ своихъ, какъ-то: петербургскаго — Ессена, московскаго — кн. Голицына, мало-россійскаго — кн. Волконскаго-Рѣпина, бѣлорусскаго — кн. Хованскаго, виленскаго — кн. Долгорукова, волинскаго и подольскаго — Левашева, новороссійскаго — гр. Воронцова, грузинскаго — Розена, оренбургскаго — Перовскаго и высочайше повелѣть имъ написать о чемъ-либо предположеніе, но написать самимъ, безъ посредничества правителей ихъ канцелярій. То-то было бы пресловутое сочиненіе!!!, которое, читая не двѣ недѣли, а шесть мѣсяцевъ, вѣрно не было бы возможно понять о чемъ писано!

Я не упомянулъ о финляндскомъ генераль-губернаторѣ, кн. Меншиковѣ, потому онъ въ состояніи написать самъ дѣльное такъ, какъ между министровъ Блудовъ.

У насъ три фельдмаршала: графъ Витгенштейнъ, графъ Сакенъ, князь-графъ Паскевичъ Эриванскій - Забалканскій и Варшавскій,—и всѣ трое грамоты не знаютъ.

(1834 г.).

А. М. Тургеневъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАВРИСТА А. П. БЪДЛЯЕВА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ СЪ 1803 ГОДА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XV ¹⁾.

Поѣздка въ Петербургъ и возвращеніе.

Въ 1856 году, зимою, мы отправились въ Петербургъ, я съ женой и ея сестрами. Проѣздомъ въ Воронежъ мы остановились у брата Александра, служившаго еще тогда старшимъ адъютантомъ у корпуснаго командира г. Врангеля. У него мы пробыли недѣлю; посѣщали храмъ, гдѣ покоились мощи Св. Митрофанія; были у тетки жены моей, вдовы ихъ дяди, генеральши Арнольди, и все это время было для насъ очень пріятно среди родной семьи и особенно въ обществѣ чудной симпатичной жены брата, Е. А. Изъ Воронежа съ нами поѣхала молодая жена брата ея, К. Ф. Б. Въ Москвѣ мы пробыли болѣе недѣли, взявши особое отдѣленіе въ гостинницѣ Москва. Въ это время по амнистіи, объявленной при коронаціи, многие изъ нашихъ товарищей возвратились въ Москву, съ которыми я увидѣлся послѣ 20-ти лѣтней разлуки. Тутъ были С. П. Трубецкой, Волконскій, Г. С. Батенковъ, — знаменитый и извѣстный по 25-ти лѣтнему одиночному заключенію въ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX, сентябрь, стр. 1—42; декабрь, стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX, январь, стр. 1—26; мартъ, стр. 487—518; апрѣль, стр. 799—838; томъ XXXI, июль, стр. 327—370; томъ XXXII, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 251—286; декабрь, стр. 679—740. Изд. 1884 г., т. XLII, апрѣль, стр. 67—86; май, стр. 303—324. Изд. 1885 г., г. XLV, мартъ, стр. 653—670; т. XLVIII, декабрь, стр. 551—568. Изд. 1886 г., т. XLIX, февраль, стр. 377—393.

казематѣ Петропавловской крѣпости въ Алексѣевскомъ рavelинѣ,—Лореръ, кавказскій офицеръ А. Н. Сутгофъ съ женой, сибирячкой, М. И. Муравьевъ-Апостолъ съ женой, Мих. Мих. Нарышкинъ съ женой своей Ел. Петр., одной изъ благодѣтельныхъ добрыхъ геніевъ въ нашемъ сибирскомъ заключеніи, и П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.

Я не въ силахъ выразить той радости, того сердечнаго наслажденія, которымъ преисполнилось мое сердце, когда всѣ мы собрались на обѣдъ у княгини Потемкиной, сестры С. П. Трубецкаго.

Послѣ 30-ти лѣтъ ссылки, заключенія, видѣть всѣхъ этихъ, уже состарившихся, ветерановъ идеи свободы, привѣтствующихъ пламенною благодарностью Освободителя-Царя, не за свое собственное освобожденіе и возвращеніе правъ, которыми они для нея пожертвовали, а привѣтствовавшихъ сердцемъ начало новаго царствованія, какъ царствованія благодѣтельной свободы народа, закабаленнаго и закрѣпощеннаго историческою и вопіющею неправдою.

Смотря на всѣхъ этихъ возвратившихся изгнанниковъ, невольно возбуждалось любопытство прослѣдить минувшую уже теперь ихъ жизнь, полную скорби, радости, добраго дѣланія, лишеній, и по наружности, положенію безправному, какъ бы уничтоженную, но нравственно высокую и благодѣтельную для многихъ соприкасавшихся къ нимъ. Поэтому-то не было конца разспросамъ всѣхъ тѣхъ, которые видѣли этихъ ветерановъ. Особенно интересную личность представлялъ Г. С. Батенковъ, на головѣ котораго коротко остриженные густые волосы украшались одною просѣдью, и это послѣ 25-ти лѣтняго заключенія въ казематѣ. Да, этотъ день нашего соединенія въ Москвѣ, этотъ крѣпкомъ сердцѣ Россіи, будетъ несомнѣнно памятнымъ для всѣхъ въ немъ участвовавшихъ и до конца дней не изгладится изъ моей памяти. Многихъ недоставало еще тутъ: одни остались въ Сибири по собственному желанію, другіе остались тамъ въ могилѣ, радушно принятыя этой землей изгнанія, которая поглотила въ себѣ много пришлыхъ пороковъ, страстей, преступленій, но рѣдко видѣла людей добра и самоотверженія, какими надѣлило ее 14-е декабря.

Тутъ, въ этотъ памятный для меня день пріѣзда въ Москву, я снова увидѣлся съ другомъ и братомъ нашимъ во Христѣ по вѣрѣ, единомыслію и любви къ Господу, Павломъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, который каждое утро приходилъ ко мнѣ. Мы снова возобновили съ нимъ наши христіанскія бесѣды, передавая другъ другу пережитыя нами во время разлуки ощущенія изъ духовной жизни, еще болѣе утвердившія насъ въ вѣрѣ, стяжанной нами въ казематномъ заключеніи, и еще болѣе возбуждавшія благодарность Господу

и сердечное славословіе за непостижимые пути Его милосердія и Его дивное промышленіе о всѣхъ человѣкахъ и о Его милосердіи къ ищущимъ Его, вѣрующимъ въ Него и твердо уповающимъ на Него. Какъ живительны и отрадны были эти бесѣды и какъ укрѣпили онѣ насъ на продолженіе странствія нашего на этой юдоли скорби, какъ называютъ нашу землю, а для меня тогда еще долинь счастья и радости. Здѣсь же въ Москвѣ мы увидѣли другую изъ нашихъ добрыхъ геніевъ каземата, Нат. Дм. Фонъ-Физину, мужъ которой уже скончался въ имѣніи своемъ подъ Бронницами. Я, по желанію ея, переданному мнѣ Бобріцевымъ-Пушкинымъ, познакомилъ съ нею мою жену и съ Мих. Мих. Нарышкинымъ и его женой Ел. Петр., съ которыми мы видѣлись часто, такъ какъ эту зиму они жили въ Москвѣ.

Недалеко было отъ масляницы, какъ мы поѣхали въ Петербургъ. Ем. Дм. Нарышкинъ былъ такъ добръ и обязателенъ, что самъ взялся прискаты намъ нѣсколько номеровъ въ какой нибудь гостинницѣ, а по масляничному наѣзду могъ сыскать только въ одной противъ Круглаго рынка, гдѣ мы и заняли нѣсколько номеровъ. Насъ было довольно много: жена, двѣ ея сестры и Кл. Фн. Арнольди, жена брата моей жены, который въ это время еще жилъ и служилъ въ Воронежѣ. Здѣсь въ Петербургѣ жилъ дядя жены, безногіи генералъ Ив. Карл. Арнольди, у котораго мы съ братомъ часто бывали еще молодыми офицерами. Онъ требовалъ, чтобы мы у него бывали и обѣдали каждый день, что мы и исполняли въ точности. Жена моя была его родной племянницей. По вечерамъ и за обѣдомъ у него собиралось большое общество, а какъ это были послѣдніе дни масляницы, то каждый вечеръ молодежь усердно танцевала. Сынъ его старшій, Ал. Ив. Арнольди, былъ гусарскимъ полковникомъ, а впоследствии дивизионнымъ генераломъ и героемъ послѣдней турецкой войны. Онъ часто навѣщалъ насъ въ гостинницѣ, а также и сестра его, княгиня Ухтомская.

Въ эту поѣздку я познакомилъ мою жену съ княземъ Вас. Вас. Долгоруковымъ, который обязалъ меня непременно показать ему мою жену, и, увидѣвши ее, нашелъ красавицею. Равнымъ образомъ, мы съ нею посѣтили супругу Ем. Дм., Екат. Ник., урожденную Новосильцеву. Я во всѣ эти дни, кромѣ утреннихъ дѣлъ по имѣніямъ, въ кабинетѣ Ем. Дм., обѣдалъ у него или у князя Вас. Вас., или у дядюшки Арнольди; по вечерамъ бывали въ театрѣ; посѣтили также старушку Мар. Павл. Сумарокову, сестру друга моихъ сестеръ. Такъ что всѣ эти дни пролетѣли мгновенно и я распространился о нихъ потому, что эти дни для жены моей и для семейства были единственными днями, проведенными нами, такъ сказать,

въ вихрѣ, необычномъ намъ, деревенскимъ пустынноикамъ, свѣтской жизни, среди богатства и роскоши. Князь хотѣлъ, чтобы мы познакомились съ его дочерью, М. В. Нарышкиной, матерью юныхъ Нарышкиныхъ, имѣніями которыхъ я управлялъ и которая жила въ одномъ домѣ съ отцемъ, послѣ того какъ по волѣ государя она была взята изъ Бана. Хотя она была еще не въ полномъ сознаніи послѣ ея болѣзни, но приняла насъ очень ласково и помню, что ей, какъ ребенку, понравилось платье моей жены, которое она со вниманіемъ разсматривала. Ми выѣхали изъ Петербурга во вторникъ на первой недѣлѣ поста, я Ал. Ив. Арнольди, а также и шуринъ его, князь Ухтомскій, проводили насъ на желѣзную дорогу.

XVI.

Возвращеніе изъ Петербурга.

Мы ѣхали изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ до Москвы, здѣсь пробыли нѣсколько дней, побывали въ Болшевѣ, гдѣ жили племянницы мои, съ молодымъ мужемъ меньшей; родители же ихъ жили въ саратовскомъ своемъ имѣніи. Изъ Москвы мы опять ѣхали на Воронежъ, гдѣ пробыли у брата дней пять. Сестра жены моей занемогла; мы хотѣли оставить ее, но она, надѣясь оправиться, рѣшилась ѣхать непременно. Санний путь прекращался, наступала распутица и я рѣшился купить четырехъ-мѣстную карету, продаваемую теткой жены моей, генеральшею Арнольди, въ которой мы и доѣхали съ различными приключеніями и остановками для больной, которой стало хуже, то по опаснымъ переѣздамъ рѣчекъ и овраговъ, то за лошадьми, которыхъ иногда не хватало, такъ какъ подъ карету, смотря по дорогѣ, запрягали шесть, а иногда и восемь лошадей. Но, наконецъ, все же мы добрались до своихъ мѣстъ. Тутъ случалось завязать въ зазорахъ, и требовалась помощь изъ деревни. За все это поплатилась больная сестра, которая выдержала сильную горячку.

Въ слѣдующемъ году, братъ по совѣту врачей, долженъ былъ везти жену и 7-ми лѣтняго сына въ Крымъ для морскихъ купаній. Съ ними ѣхала также молодая жена родственника ихъ, г. Ту. Дѣтей своихъ братъ оставилъ у меня въ Падахъ; ихъ было трое: сынъ 9-ти лѣтъ, дочь 5-ти лѣтъ и третій—еще у кормилицы. При старшемъ сынѣ былъ гувернеромъ молодой французъ Муру, перебѣжчикъ въ крымскую войну, впрочемъ, довольно образованный человѣкъ, и гувер-

нантка, о которой можно сказать, какъ о гувернанткѣ, только то, что она была бичемъ для дѣтей, а не воспитательницей, и по возвращеніи родителей ее тотчасъ же и отпустили. Такимъ образомъ семья наша временно увеличилась, а въ слѣдующемъ 1859 году у насъ родился сынъ и наша жизнь стала еще полнѣе. Послѣ крымской войны, братъ жены вышелъ въ отставку и по возвращеніи изъ Крыма, по предложенію Е. Д. Нарышкина, принялъ на себя управленіе его тульскими оброчными имѣніями, а когда въ 1861 году совершилось освобожденіе крестьянъ и случилось маленькое волненіе въ имѣніи князей Четвертинскихъ, то Е. Д. вызвалъ его на управленіе этими имѣніями вмѣсто бывшаго управляющаго, родомъ нѣмца. Братъ жены, подполковникъ въ отставкѣ, былъ молодецъ собой, очень красивъ, высокаго роста, стройный и рѣшительнаго характера человекъ, обладавшій увлекательнымъ даромъ слова, что много помогло ему, и онъ скоро убѣдилъ хохловъ и успокоилъ волненіе. Благороднѣйшихъ и честныхъ правилъ, онъ обладалъ необыкновенною добротою сердца. Если нужно было помочь кому нибудь, онъ ни минуты не задумывался. Такъ однажды, въ бытность его главноуправляющимъ у князей Четвертинскихъ, къ нему ночью прѣѣхалъ конторщикъ гл. конторы и, плача, рассказалъ, что сынъ его, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ другимъ товарищемъ убѣжалъ въ Одессу, чтобы тамъ сѣсть на американскій корабль и бѣжать въ Америку. Братъ такъ былъ тронутъ его горемъ, что ту-же минуту, не смотря на глухую ночь, поѣхалъ къ жандармскому генералу А. В. Воейкову, поднялъ его съ постели и просилъ помочь бѣдному отцу въ возвращеніи сына. А. В. В., добрѣйшей души человекъ, вмѣсто того, чтобы выразить неудовольствіе за такое нарушеніе его сна, сейчасъ послалъ телеграмму по дорогѣ жандармскимъ чинамъ и сынъ былъ возвращенъ. Онъ въ жизни своей много дѣлалъ подобныхъ добрыхъ дѣлъ и я привелъ одно изъ нихъ, которое, по свѣтскимъ нашимъ приличіямъ и вѣжливости, выходитъ изъ ряда. Не всякій бы рѣшился ночью будить важное лицо, хотя и знакомое.

Главное управленіе вотчиной князей Четвертинскихъ въ 6,000 душъ было въ селѣ Руднѣ, Камышинскаго и Аткарскаго уѣздовъ, и въ 70-ти верстахъ отъ Падовъ, и потому наша жизнь стала еще пріятнѣе, такъ какъ мы часто могли посѣщать другъ друга; а взаимная дружба наша была такъ сильна, сердечна, что наши семьи составляли какъ бы одну семью. Такъ какъ изъ этого семейства уже нѣтъ на свѣтѣ ни отца, ни матери, ни старшаго сына, и какъ оно составляло отраду нашей жизни, то я не могу отказать себѣ въ желаніи удѣлить въ моихъ воспоминаніяхъ о минувшемъ, хотя нѣсколько строкъ, этимъ роднымъ по крови и чувствамъ. О братѣ моемъ, отцѣ семейства, я уже

упомянулъ, теперь скажу нѣсколько словъ о женѣ его. Ел. Ал. В., урожденная Броневская, была одна изъ тѣхъ прекрасныхъ, кроткихъ и любящихъ душъ, какія не часто встрѣчаются въ жизни. Прекрасно воспитанная въ родственномъ домѣ Т., съ двоюродной сестрой своей, впоследствии графиней Толстой, женой бывшаго министра почти, она еще въ дѣтствѣ лишилась матери, отецъ же, Ал. Б. Броневскій, занималъ разныя служебныя должности и одно время служилъ при Аракчеевѣ, но немного, такъ какъ былъ самыхъ благородныхъ правилъ и возвышеннаго образа мыслей. Единственная отъ перваго брака дочь ея, о которой я говорю, была очень умна, образована и чрезвычайно пріятна. Она была подвержена иногда меланхоли, но когда была весела, то своимъ остроуміемъ, нѣсколько поэтичнымъ, всѣмъ сообщала свою веселость. По добротѣ сердца, она никому не отказывала изъ требующихъ ея помощи, но всегда скрывала свои добрыя дѣла, которымъ я нечаянно былъ свидѣтелемъ. Рѣдкая мать семейства, самыхъ возвышенныхъ и строгихъ правилъ, она старалась передать все благородное и прекрасное дѣтямъ, которыхъ безмѣрно любила. Она имѣла четырехъ сыновей и двухъ дочерей, изъ коихъ старшая была и есть ея портретъ, который и постараюсь набросить. Прелестная собой, съ правильными чертами лица, съ чудными черными, выразительными глазами, роскошными черными волосами, хотя небольшого роста, но превосходно сложенная, граціозная, живая въ дѣтствѣ, а потомъ серьезная и, надо прибавить, очень умная и мыслящая головка, она была бы красой всякаго семейства, и отецъ ея очень вѣрно назвалъ ея перломъ семейства. Прекрасно воспитанная добродѣтельною матерью, она очень образована и начитанна. Она, ко всему этому, была одарена восхитительнымъ голосомъ, и съ дѣтства еще всегда пѣла, такъ что я называлъ ее нашимъ соловушкомъ. Всѣ вкусы ея съ дѣтства показывали ея нѣжное любящее сердце. Она особенно любила голубей, и отецъ доставалъ ей самыхъ красивыхъ и рѣдкихъ породъ; подъ ея покровительствомъ жили и благоденствовали и песцы, и кролики, и сурки, и она всѣхъ сама кормила; пара канареекъ производили у нея въ клѣткѣ крошечныхъ своихъ птенцовъ, которыми она любовалась. Позже ее отправили въ Москву, гдѣ она училась музыкѣ и пѣнію, сперва у m-me Оноре, а потомъ усовершенствовалась у Галвано. Голосъ ея былъ прекрасно обработанъ и кромѣ искусства, превосходной манеры и вкуса, что не многимъ дается, онъ былъ такъ симпатиченъ, что проникалъ въ самую глубину сердца. Назвавъ ее перломъ семьи, отецъ не ошибся. Дѣтскія ея привязанности къ маленькимъ животнымъ перешли на любовь къ человѣчеству и ко всему прекрасному и возвышенному. Живши въ

деревнѣ, она, по совѣтамъ доктора, лечила больныхъ, сама перевязывала раны и всѣ болящіе шли прямо къ ней, не ожидая доктора; она учила крестьянскихъ дѣтей, что дѣлала и юная сестра ея, по ея примѣру, и жила и живетъ для одного добра, и всякая похвала, отъ кого бы то ни было, ее глубоко огорчаетъ. Она тиха, кротка по правиламъ, хотя очень пылкаго и горячаго характера; я не слыхалъ, чтобы она въ спорахъ, какихъ либо домашнихъ столкновеніяхъ, когда нибудь возвысила голосъ, который, прибавлю, былъ удивительно мелодиченъ. Словомъ, если-бъ она не была моею близкою родной и моимъ другомъ, я бы назвалъ ее идеальною. Она была любимицею моею жены, часто гасчивала у насъ и потому я хорошо зналъ ее; не смотря на то, что она была красавица, замужъ она не вышла, да, я думаю, она и не нашла бы себѣ достойнаго.

Послѣ смерти родителей, она, какъ старшая, стала опекуницей младшаго брата ея, моего крестника; несчастные роды его матери, о чемъ я говорилъ выше, были причиною, что въ дѣтствѣ онъ былъ почти идиотомъ, но какъ она въ дѣтствѣ его была его учительницею, а послѣ родителей воспитательницею и матерью, то Господь благословилъ ея нѣжныя, самоотверженныя попеченія: ребенокъ развивался и теперь уже сталъ юношею въ нормальномъ состояніи.

Старшій сынъ, ея братъ, учился въ Лазаревскомъ институтѣ, потомъ служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку юнкеромъ. Во время смотра начальника округа г. Гильденштуббе, онъ отличился въ гимнастикѣ, и былъ вызванъ имъ, для примѣра другимъ, повторить скачекъ на деревянную лошадь, что было для него смертнымъ приговоромъ. Онъ исполнилъ его, но уже сильно утомленный, послѣ упражненій, — ударился нижнею частью живота и такъ сильно, что у него сдѣлался антоновъ огонь, и онъ умеръ на рукахъ отца, прѣхавшаго навѣстить сына, и въ тотъ самый моментъ, когда послѣ довольно бурной юности онъ такъ измѣнился, что подавалъ надежду быть гордостью семьи.

Двое меньшихъ братьевъ, служившихъ въ военной службѣ, дѣлали турецкую кампанію, потомъ вышли въ отставку и поселились въ деревнѣ. Старшій служить мировымъ судьей по выбору, а младшій, выбранный гласнымъ, тоже готовить себя къ земскому служенію, но въ настоящее время, обладая прекраснымъ голосомъ, избралъ артистическое поприще и вступилъ въ консерваторію. Благородство, честность, безкорыстіе—девизъ ихъ рода. Дѣдъ ихъ, служа предсѣдателемъ уголовной палаты, при какомъ-то дѣлѣ, когда ему въ кабинетѣ подали пакетъ съ нѣсколькими тысячами, пришелъ въ такую ярость,

что выкинулъ въ окно пакетъ и выгналъ въ шею предложившаго. Надо прибавить, что онъ былъ бѣденъ, бѣднымъ оставилъ службу, имѣя девять человѣкъ дѣтей и небольшое имѣніе жены его и моей тещи.

Опекунъ нашихъ Нарышкиныхъ и Четвертинскихъ имѣній, Ем. Дмитріевичъ, каждый годъ посѣщаль эти оба имѣнія; сперва по дорогѣ проѣзжалъ ко мнѣ, а потомъ, вмѣстѣ со мною, въ Рудню, къ брату моему. Этой дорогой надо было проѣзжать его собственное имѣніе, Воронино, которымъ я потомъ завѣдывалъ и гдѣ мы ночевали; потомъ черезъ Елань, знаменитую въ томъ краѣ пшеницей кубанкой. Это была небольшая слобода, гдѣ жило много богатыхъ торговцевъ пшеницей. Случалось, что за нами на другой день выѣзжала жена моя съ сестрами, такъ что въ Руднѣ насъ собиралось довольно много. Вечеромъ приходилъ тамошній вотчинный врачъ г. Сягрить, съ женой и свояченицей, а такъ какъ все это было молодо, то составлялись танцы, въ которыхъ принималъ участіе и дорогой гость нашъ Ем. Дмитріевичъ, открывая ихъ съ женой брата. Музыка состояла изъ рояля, на которомъ играла учительница музыки, хорошая артистка. Это время, когда мы всё собирались въ Руднѣ, оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе, и думаю, что его съ удовольствіемъ раздѣлялъ съ нами и дорогой нашъ гость Емануилъ Дмитріевичъ, который былъ сердечно расположенъ ко мнѣ и брату, а слѣдовательно и къ семействамъ нашимъ, что онъ доказывалъ намъ въ теченіи многихъ лѣтъ, а потому его образъ, его дружба и многое добро никогда не изгладятся изъ нашей памяти.

Въ Руднѣ Е. Д. оставался столько-же, сколько и у меня въ Падахъ—съ недѣлю. Тутъ мы каждый день ѣздили по имѣнію. Тамъ было два винокуренныхъ завода большихъ размѣровъ, тысячъ въ двѣсти ведръ; 25,000 тонкорунныхъ овецъ, размѣщенныхъ по разнымъ овчарнямъ; огромная мельница на р. Медвѣдицѣ; большого размѣра амбары для храненія спирта; такъ, при осматриваніи всего этого, разѣзды наши продолжались все утро до поздняго обѣда, и все это по ужасной жарѣ, то всё мы сильно утомлялись, и вечеръ уже посвящали отдыху и удовольствіямъ.

Когда совершилось освобожденіе крестьянъ съ надѣлами земли, Ем. Дмитр. вызывалъ насъ, съ братомъ главноуправляющаго имѣніями кн. Четверт., въ имѣніе его, Тамб. губ., село Тараксу, для совѣщанія, гдѣ мы всё, совокупно съ нимъ и его гл. упр. Н. В. В., уясняли вопросы о распредѣленіи крестьянскихъ и господскихъ полей, о полюбовныхъ соглашеніяхъ съ ними, относительно ихъ усадебъ и

проч., что все, съ помощью Божіею, во всѣхъ имѣніяхъ, управляемыхъ нами, совершилось благополучно. По окончаніи всего устройства имѣній на новыхъ началахъ, Василій Львовичъ Нарышкинъ, по указанію и согласію попечителя своего, щедро вознаградилъ мои посильные труды, подаривъ мнѣ 30,000 рублей, что обезпечивало меня и мое семейство. Это было сдѣлано имъ такъ неожиданно, что когда я получилъ это письмо, то мы тотчасъ-же собрались ѣхать къ нашимъ роднымъ въ Рудню, чтобы подѣлиться съ ними нашею радостью. Спустя нѣсколько времени, и брата, за успѣшное управленіе имѣніями кн. Четвертинскихъ, также вознаградили такую же суммою и, конечно, по инициативѣ того-же Емануила Дмитриевича, подъ вѣдѣніемъ и главнымъ распорядителемъ котораго были всѣ эти имѣнія, Нарышкинскія, Четвертинскія и Воронцовскія. Но братъ жены моей все-же имѣлъ свое имѣніе, выкупивъ у братьевъ и сестеръ ихъ части, получалъ жалованія 6,000 р., положенное въ имѣніяхъ Четвертинскихъ, а мое жалованье было 3,000 р. и проценты съ заволж. дохода, и я не имѣлъ ничего болѣе, а потому понятно, какое благодѣяніе была для меня та награда и какъ глубоко я благодаренъ Емануилу Дмитриевичу, оцѣнившему мои труды, и Василю Львовичу, вознаградившему меня.

Такъ, въ Падахъ, этомъ счастливомъ для меня уголкѣ міра, упоенные полнымъ счастіемъ, мы прожили 15 лѣтъ. Въ этомъ-же уголкѣ я былъ вознагражденъ такъ, что могъ уже приобрести и свое собственное имѣніе и, по благи Божіей, приобрести честно, не унося укора совѣсти, вопіющей, я увѣренъ, внутри каждаго: вѣдь это состояніе, это богатство твое, эта роскошь накрадена тобой у тѣхъ, которые довѣряли чести твоей! Да будетъ благословенъ Господь, избавившій меня отъ этого укора.

Я раза три-четыре въ годъ ѣздилъ въ заволжское имѣніе, а когда принималъ имѣнія графа Воронцова, то и чаще. Сперва я отправлялся въ Тепловку, саратовскаго уѣзда, затѣмъ ѣхалъ въ Алексѣевку, переѣзжалъ Волгу и черезъ Балановскую пристань въ степь. Обрато возвращался нѣмецкими колоніями и переѣзжалъ Волгу передъ Саратовымъ, не считая ежегодныхъ поѣздокъ съ Емануиломъ Дмитриевичемъ въ Рудню, что для насъ было такимъ удовольствіемъ, которое мы съ нетерпѣніемъ ждали. Жена моя всегда провожала меня до Саратова, гдѣ и ожидала моего возвращенія у брата моего, жившаго въ Саратовѣ агентомъ пароходнаго общества Кавказъ и Меркурій, послѣ разрыва котла на нашемъ пароходѣ Самара. Предпріятіе это, возбужденное мною и братомъ и совершенное имъ однимъ, окончилось блистательно, что показываютъ результаты, имъ полученные.

Пароходъ Самара служилъ нашему товариществу шесть лѣтъ, давалъ ежегодно отъ 10 до 12% дивиденда до самаго конца. Черезъ пять лѣтъ онъ возвратилъ участникамъ весь затраченный капиталъ, такъ что пароходъ окупился, а по разрывѣ котла, когда прежнее товарищество не захотѣло выписывать новаго котла, самъ пароходъ былъ проданъ за $\frac{2}{3}$, какъ помнится, своей стоимости одному астраханскому армянину. Котель лопнулъ въ большую воду, когда пароходъ подходилъ къ г. Вольску, гдѣ берегъ Волги очень высокъ и теченіе чрезвычайно быстро и для движенія парохода съ нагруженной баржей нужно было нести пару больше обыкновеннаго. Братъ мой, капитанъ парохода, проходя на балконъ парохода, замѣтилъ машинисту, голландцу родомъ, что пару уже слишкомъ много, и приказалъ убавить, но только что успѣлъ подняться на балконъ, раздался страшный оглушительный трескъ, котель лопнулъ, паромъ обожгло машиниста, двухъ вочегаровъ и нѣкоторыхъ матросовъ; горящія дрова разбросало, такъ что еще минута и пароходъ бы запылалъ, но, благодаря расторопности, самоотверженію команды, пожаръ былъ предупрежденъ. На пароходѣ ѣхала съ братомъ жена его, съ годовымъ ребенкомъ; она не потерялась, схватила ребенка, бросилась на корму и переѣхала на берегъ, но эта мѣра оказалась напрасною, такъ какъ пароходъ остался цѣлъ, какъ судно, но пока пересталъ быть пароходомъ.

Такъ окончилось наше смѣлое предпріятіе; говорю смѣлое, потому что задумано было и совершено двумя братьями, ничего не имѣвшими для его совершенія и не готовившими себя специально для такого дѣла, хотя когда-то и нѣсколько знакомаго, но въ 20 лѣтъ уже забытаго. Тогда г. Новосильскій предложилъ брату занять мѣсто агента общества въ Саратовѣ. Пустая робость товарищей остановила дѣло, которое при малой еще тогда конкуренціи могло обогатить ихъ. Послѣ этого онъ поселился въ Саратовѣ, гдѣ за успѣшную отправку войскъ, по представленію флигель-адъютанта князя Барятинскаго, ему возвращенъ Владимірскій крестъ 4-й степени, надѣтый на него въ день наводненія въ Петербургѣ, тотчасъ по возвращеніи катера генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, по повелѣнію государя Александра I.

Разсказавъ этотъ эпизодъ, въ память благороднаго брата моего, который скончался въ 1864 году тихою христіанскою кончиною, возвращаюсь къ своей семейной хроникѣ. Емануиль Дмитріевичъ продолжалъ навѣщать Пады и Рудню. Въ этихъ поѣздкахъ нашихъ въ Рудню кн. Четвертинскихъ однажды мы едва не заплатились жизнью, или, по меньшей мѣрѣ, изуродованіемъ нашихъ членовъ. Ѣхать въ Рудню надо черезъ г. Балашовъ; за двѣ или за три версты отъ го-

рода надо спускаться съ высокой горы и потомъ подниматься. Мы ѣхали въ каретѣ четверней и при спускѣ, такъ какъ экипажъ былъ довольно тяжелъ, то случилось, что подшпильники у дышла лопнули и лошади понесли; гора была не прямая, а съ поворотомъ, и карета, по всёмъ вѣроятностямъ, должна была опрокинуться. Мы отлично сознавали эту возможность и, конечно, не были равнодушны. Карета мчалась быстро, выскочить было невозможно и мы только ожидали, казалось, неминуемой гибели, но одинъ Господь знаетъ, какъ это могло быть, что карета не опрокинулась, хотя такъ сильна была центробѣжная сила, что боковыя колеса уже поднялись на воздухъ, но карета не упала и мы остались невредимы, человѣкъ-же Михайло, сидѣвшій на козлахъ, получилъ сильный ударъ въ спину, такъ что, прѣхавши въ Рудню, его положили въ больницу. Тамъ была большая каменная больница, устроенная матерью Ем. Дмитр., Мар. Ант. Нарышкиной, супругой Дмитр. Львовича, отца его. Имѣніе прежде принадлежало ей. Какъ же вѣрующему человѣку не видѣть въ этомъ руку всеблагаго Промысла Божія, прямо и непосредственно спасаго насъ отъ вѣрной смерти или изуродованія. Подобный случай былъ на Кавказѣ съ дивизионнымъ нашимъ генераломъ Галафѣевымъ, по у него карета опрокинулась, разбилась и онъ былъ страшно изуродованъ, такъ что его подвѣшивали какъ-то въ постели, потому что тѣло его не переносило никакого прикосновенія. Итакъ, да будетъ благословенъ Господь, сохранившій насъ невредимыми. Ем. Дмитр., по добротѣ своего сердца, былъ въ отчаяніи, какъ будто по его винѣ я могъ быть убитъ и онъ сдѣлалъ бы вдовою мою жену и сиротой сына, забывая о томъ, что и самъ онъ былъ бы убитъ или изуродованъ и жена его, Екатерина Николаевна, съ которой онъ былъ такъ счастливъ 20 лѣтъ жизни, также могла-бы внезапно стать вдовою.

Въ этотъ именно разъ, послѣ дѣйствительной опасности, прѣздъ нашъ въ Рудню былъ особенно приятенъ; всё, узнавшіе о нашемъ спасеніи, сердечно радовались и всё были въ самомъ приятномъ настроеніи. Тамъ въ этотъ разъ набралось много и потому вечерніе танцы были еще оживленнѣе.

Домъ кн. Четвертинскаго, гдѣ жилъ главноуправляющій, былъ очень обширенъ и комфортабеленъ, хотя можно сказать, что утопалъ въ пескахъ, его окружавшихъ со всёхъ сторонъ. Рудня была родъ слободы, имѣла 3,000 душъ населенія; передъ домомъ была большая площадка, гдѣ каждую недѣлю собирался многолюдный базарь; было много лавокъ, амбаровъ и большихъ домовъ разнаго рода торговыхъ лицъ, тутъ постоянно жившихъ; всё эти дома окружали площадь. Про-

тивъ дома было что-то въ родѣ ресторана, гдѣ по вечерамъ играла музыка и желавшія лица танцовали или плясали. Вообще все это село было постоянно очень оживленное. Огромный деревянный храмъ былъ по праздникамъ всегда биткомъ набитъ молящимися хохлами, хохлушками, не пропускавшими ни одной службы. Но между ними было также много порядочно одѣтыхъ по воображаемой модѣ мѣстныхъ дамъ и дѣвицъ, женъ и дочерей разныхъ купцовъ и прикащиковъ и проч.

Я съ особеннымъ наслажденіемъ всегда вспоминаю эту Рудню, гдѣ всегда жилось такъ отрадно, такъ полно, среди милыхъ, любимыхъ и любящихъ сердець. Здѣсь же впервые раздался голосъ дочери ихъ, пріѣхавшей изъ Москвы по окончаніи ученія. Никогда не забуду этихъ чудныхъ мелодичныхъ звуковъ, этой гармоніи, этого глубокаго чувства въ ея пѣніи, проникавшаго въ сердце и приводившаго въ восторгъ всѣхъ насъ. Она была еще очень молода, ей было 17—18 лѣтъ, потомъ она еще болѣе усовершенствовалась. Въ то время еще изъ благородныхъ семействъ не поступали на сцену, но если-бъ она явилась на ней, то думаю, что была бы знаменитостью. Меньшая ея сестра, впоследствии, когда распустилась, была также прелестна собой, но тогда она была еще ребенкомъ. Въ Руднѣ была знаменитая во всей той мѣстности ярмарка, которая начиналась съ Ивана-постнаго, т. е. въ день усѣкновения главы Іоанна Предтечи. На эту ярмарку собиралось пропасть народа, изъ губернскихъ городовъ пріѣзжали купцы и даже изъ Москвы, и открывали лавки, приводились огромные табуны степныхъ лошадей, пріѣзжали ремонтеры для закупки лошадей, забавляли народъ разные комеданты въ балаганахъ, и все время ярмарки, продолжавшейся двѣ недѣли слишкомъ, было большое оживленіе. Когда старая ярмарка сгорѣла, то братъ выстроилъ новую каменную, вполне соответствующую размѣрамъ ея торговли. Всѣ окрестные владѣльцы-помѣщики пріѣзжали сюда для закупки всего необходимаго для ихъ хозяйствъ и домовъ.

Но за то для пѣшей прогулки надо было довольствоваться однимъ палисадникомъ передъ домомъ, длиннымъ и узкимъ, впрочемъ, съ клумбами цвѣтовъ, обсаженными акаціями. Около же дома былъ сыпучій песокъ, такъ что самое мѣсто было прескучное. За то обитатели дома были не только родные по крови, но еще болѣе по сердцу, по этому и мѣстечко прескучное само собой было очень привлекательно.

Какъ теперь смотрю на милую хозяйку, — иногда задумчивую, иногда веселую, — на счастливаго отца. Съ наслажденіемъ вспоминаю очаровательное пѣніе, — все тутъ давало радость и счастье. На гулянье мы

обыкновенно ѣзжали въ лѣсъ, очень живописный, внутри котораго разстилалось огромное свѣтлое озеро. Это была единственная прогулка, гдѣ дышалось чистѣйшимъ ароматнымъ воздухомъ. По вечерамъ всегда занимались музыкой на роялѣ, подъ аккомпаниментъ гармоніи, на которой игралъ докторъ, а иногда съ виолончелью.

Лѣтомъ съ сыновьями занимался студентъ университета, изъ болгаръ, прекрасный, добрый и скромный молодой человѣкъ, который потомъ былъ у насъ при Сашѣ и жилъ у насъ въ домѣ постоянно, и только ходилъ на лекціи. Это былъ человѣкъ прекраснѣйшей души, кроткій, правдивый, строго нравственный и простосердечный до младенчества. Я вспоминаю о немъ здѣсь по довольно необыкновенной кончинѣ этого молодаго болгарина. Кончивъ курсъ, онъ получилъ мѣсто учителя на своей родинѣ, куда и уѣхалъ, но въ Кіевѣ заболѣлъ и умеръ. Старшій братъ его поѣхалъ къ нему еще при жизни и должно быть чиста и праведна была душа его, что передъ самою кончиною, какъ рассказывалъ онъ, пріобшившись уже Св. Тайнъ, умирающій сказалъ: «говорять, умирать страшно; я же нахожу, что вовсе не страшно». По принятіи уже таинства, онъ подозвалъ брата и спросилъ, — запла- тиль-ли онъ діакону?

Когда Ем. Дмитр. лишился жены, умершей отъ рака въ большихъ страданіяхъ, онъ былъ безутѣшенъ. Его письма въ это время ко мнѣ и брату Александру были полны его скорбью. Когда братъ Ал. поѣхалъ къ нему въ его имѣніе, онъ просилъ его переѣхать изъ Рудни и взять на себя управленіе имѣніемъ, единственнымъ имъ не проданнымъ, состоявшимъ изъ 30 или 40 тысячъ дес. лѣса, и гдѣ самъ онъ жилъ. Это мѣсто называлось Быковая гора, гдѣ у него былъ небольшой домъ и прекрасный садъ, устроенный его женой.

Онъ просилъ его перейти къ нему, не оставляя князей Ч., которыхъ онъ былъ попечителемъ и которыхъ дѣла привелъ въ самое цвѣтущее положеніе, при управленіи брата А., а у нихъ быть главноуправляющимъ поставилъ мѣстнаго управляющаго въ Руднѣ. Мы съ женой были у нихъ, когда онъ возвратился. Передъ самымъ его пріѣздомъ, умеръ у нихъ сынъ Петя, годовою ребенкомъ такой красоты, какую рѣдко можно видѣть: лицо его было ангельское, такъ что ему, казалось, недоставало только крыльевъ, чтобъ присоединиться къ этому небесному сонму, воспѣвающему своего Владыку и Бога. Когда первая скорбь утихла, онъ передалъ женѣ и семейству о желаніи и просьбѣ Ем. Дмитр., и что онъ уже далъ ему слово, видя его одинокое положеніе и его ужасное горе. Итакъ, нужно было приготовляться къ переѣзду, но онъ могъ послѣдовать только когда будетъ

готовъ для нихъ домъ, все устроится, поставитъ мебель, которую написалъ изъ Тамбова, и вообще все нужное. Это было въ юнѣ мѣсяцѣ, когда мы уже продали свое имѣніе П. Н. Бар. и собирались въ Саратовъ, чтобъ плыть на пароходъ въ Нижній, а оттуда по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Москву, и потому ихъ переѣздъ насъ очень радовалъ, такъ какъ они приближались къ Москвѣ, куда и мы переѣзжали.

День освобожденія крестьянъ я излагаю въ слѣдующей главѣ особо, такъ какъ я считаю его особенною милостію Господа, восхотѣвшаго и мнѣ даровать участіе въ великомъ дѣлѣ, въ событіи, которое было мечтой всей нашей жизни.

XVII.

19-е Февраля.

Освобожденіе крестьянъ.

Наступалъ 1861 годъ, незабвенный въ русской исторіи; бродили разные слухи о свободѣ, но никто не зналъ навѣрное какъ и когда это совершится. Еще въ 1855 году, когда я былъ въ Петербургѣ, князь Вас. Вас. Долгоруковъ говорилъ мнѣ, что этотъ вопросъ уже рѣшенъ государемъ, но еще разсматривается въ подробностяхъ совершеніе великаго акта. Думали освободить крестьянъ безъ земли, какъ освободилъ Александръ I эстовъ и латышей Балтійскихъ губерній, но этотъ способъ показалъ, что освобожденные еще болѣе были закабалены помѣщиками, потому рѣшено было освободить съ землей, на что нужно было (?) согласіе помѣщиковъ и ихъ содѣйствіе.

Государь благородно обратился къ ихъ просвѣщенному патриотизму, и не ошибся: избранные по губерніямъ дворянскіе комитеты оправдали довѣріе государя и работа началась. Въ 1860 году я опять былъ въ Петербургѣ и дѣйствительность великаго акта уже не подлежала сомнѣнію. Возвратившись въ Пады, я старался приготовить почву между населеніемъ, которое вѣрило и не вѣрило событію. Вотъ, наконецъ, въ самую распутицу, по непроѣзднымъ почти дорогамъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ удѣльный чиновникъ г. Кондыревъ и объявляетъ о манифестѣ. Я съ горячимъ чувствомъ перекрестился, какъ запо-

вѣдалъ Освободитель, и также горячо, даже со слезами, возблагодарилъ Господа за исполненіе хотя одного изъ нашихъ завѣтныхъ мечтаній всей жизни, не зная еще, что за этимъ послѣдуетъ рядъ преобразованій, по поводу которыхъ еще въ сибирскомъ заключеніи, въ разговорахъ и сужденіяхъ, всѣ почти серьезные люди изъ товарищей говорили: «хотя бы освобождены были крестьяне и былъ бы гласный судъ, то можно бы было пожалѣть, что начали насильственный переворотъ!» А теперъ не только все это совершилось съ высоты престола, но и многимъ изъ декабристовъ досталась завидная доля участвовать въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ и въ земскихъ учрежденіяхъ. Такъ Господь, покаравъ насъ за гордое желаніе быть непризванными освободителями народа мятежомъ и убійствами, все же въ сердцахъ нашихъ видѣлъ дѣйствительную и безкорыстную любовь къ отечеству и самопожертваніе, хотя и преступное, и за это даровалъ намъ еще при жизни увидѣть зарю свободы отчизны...

Вѣсть о чемъ-то чудномъ, о пріѣздѣ чиновника, о сборѣ всѣхъ въ церковь, разнеслась какъ по электрической проволоцѣ, и все, что было дома, собралось въ церковь.

Вотъ манифестъ въ рукахъ священника, около него стоимъ мы съ вѣстникомъ свободы, бурмистръ и члены конторы. Слова манифеста раздались въ храмѣ, всѣ перекрестились, какъ передъ проповѣдью. Мертвая тишина. При словахъ царя: «Русскій народъ, осѣни себя крестнымъ знаменіемъ», всѣ снова перекрестились тѣмъ крѣпкимъ крестомъ, какимъ осѣняетъ себя русскій крестьянинъ въ сильныхъ чувствахъ горя и радости. Дочитанъ манифестъ, та-же мертвая тишина; радостныя лица, на которыхъ видно недоумѣніе, и народъ, какъ-бы отуманенный неожиданно вѣстью, тихо и безмолвно повалилъ изъ церкви. На паперти я остановилъ ихъ и говорю: «поняли-ли вы, братцы, что читалось? Вѣдь это царскій манифестъ, объявляющій вамъ, что отнынѣ вы свободные граждане своей родины, что царь, совѣщавшись со своимъ вѣрнымъ благороднымъ дворянствомъ, съ его согласія и по его просьбѣ освобождаетъ васъ отъ крѣпостной кабалы; такъ возблагодарите же Господа, а доброму царю грянемъ дружно ура!» Вслѣдъ за мной всѣ головы обнажились, грянуло тоекратное громовое ура и пронеслось повсюду и всѣ крестились. Затѣмъ народъ потянулся по домамъ, чтобы разсуждать, толковать: какая это такая свобода, какъ будетъ съ землей и проч., и проч. Экземпляры манифеста съ подробнымъ новымъ Положеніемъ были переданы во всѣ селенія управленіямъ; старостамъ и писарямъ велѣно было 'объяснять крестьянамъ подробности новаго устройства, согласно манифеста. Но не надѣясь

на толковое объясненіе писарей и старость, я разослалъ служащихъ въ конторѣ людей, довольно развитыхъ, по всѣмъ селамъ и деревнямъ, и приказалъ имъ на сходкахъ подробно объяснить все Положеніе, а на другой день съ вѣстникомъ свободы объѣхалъ всю вотчину. Указалъ имъ предложенныя въ манифестѣ три положенія: идти на выкупъ, что совѣтовалъ имъ избрать преимущественно; оставаться на оброкѣ съ опредѣленнымъ надѣломъ, или же получить въ даръ одну четверть надѣла.

Съ этого незабвеннаго дня началось движеніе по всѣмъ селеніямъ.

Я думаю, они забывали о пищѣ, сходились у старость, по домамъ, и этого мало,—изъ однихъ деревень ѣздили въ другія, чтобы совѣщаться на что идти, что выбрать изъ трехъ предложенныхъ положеній.

Приѣхалъ первый посредникъ Ник. Ал. Львовъ, молодой человекъ, замѣчательно красивый собой, принадлежавшій по роду своему и богатству къ высшему кругу общества; онъ былъ внукъ по матери нашего знаменитаго патріота Ник. Сем. Мордвинова. Съ нимъ мы приступили къ выбору старшины въ Падовскую волость по новому положенію, и какъ шаровъ по внезапности не было, то избирали просто голосами, и выбранъ былъ крестьянинъ, весьма зажиточный и уважаемый, Фурсаевъ, староста с. Падовъ. Но какъ въ этомъ выборѣ случились нѣкоторыя недоразумѣнія, да и онъ самъ отказывался, то, по приготовленіи шаровъ, дѣлали перебаллотировку и снова огромное большинство выбрало Фурсаева, и тогда мы съ посредникомъ убѣдили его принять эту честь отъ всего общества волости, и онъ согласился. Сельскихъ старость оставили прежнихъ, кромѣ нѣкоторыхъ. Приступая къ уставнымъ грамотамъ, я объѣхалъ всю вотчину, вездѣ собирая сходы, и выслушивалъ ихъ желанія, которыя выражались вездѣ съ полною готовностью подчиниться новому распредѣленію земель. По оцѣнкѣ земель въ нашей мѣстности, имъ приходилось платить за надѣлъ однимъ рублемъ меньше того, что они платили прежде за 10 десятинъ. Съ ихъ согласія и даже желанія, я назначилъ надѣлъ по близости ихъ селеній, а затѣмъ остальная земля владѣльца отрѣзывалась далѣе. Нѣсколько селъ и деревень пожелали взять назначенныя мною полторы десятины, утвержденныя опекуномъ, вмѣсто одной четверти надѣла, предоставленнаго Положеніемъ, и тотчасъ стали собственниками, никому ничего не платящими, кромѣ податей, а остальные же приняли полный надѣлъ, съ платежемъ оброка. Къ моему крайнему сожалѣнію, Ник. Ал. Львовъ вскорѣ вышелъ, и посредникомъ поступилъ отставной гусарь, при которомъ и введены были уставныя грамоты, начатыя Н. А. Львовымъ. Изъ всей вотчины въ одномъ только обществѣ С. Чичанака явилось несогласіе принимать уставную гра-

моту, не смотря на совокупныя мои и посредника увѣщанія, почему посредникъ и долженъ былъ донести административнымъ властямъ; въ одномъ этомъ обществѣ ввелась грамота властями, при чемъ я уже не присутствовалъ. Такимъ образомъ, совершился этотъ переходъ тихо, мирно, полюбовно, и какъ до этого событія эта вотчина была въ хорошемъ положеніи и всѣ господскія работы дѣлались наймомъ, то все осталось попрежнему, никто не тронулся съ мѣста. Но для собственниковъ с. Падовъ въ уставной грамотѣ я обозначилъ, что въ случаѣ, если-бы владѣлецъ изъявилъ требованіе, то часть села, прилегавшая къ лѣсу и господской усадьбѣ, должна будетъ переселиться, такъ какъ этотъ лѣсъ соединялся съ садомъ, и владѣлецъ, пожелавъ устроить паркъ или расширить садъ, былъ бы стѣсненъ, и въ такомъ случаѣ переселенцамъ обязанъ онъ выдать лѣсъ на постройку и 150 р. на каждый дворъ; все это сдѣлано по ихъ согласію.

Какъ всегда во всѣхъ важныхъ преобразованіяхъ является множество различныхъ взглядовъ на узаконенія и постановленія правительства, такъ и тутъ являлись разныя темныя личности: одні темныя по своимъ намѣреніямъ взбунтовать народъ, а другія заблудшіяся по неразумію, толковавшія каждый по своему, что царь давалъ всю землю, а надѣлы сдѣланы господами. Наконецъ, все перемололось и стала мука, народъ свободенъ, кончились всѣ безобразія чудовищнаго крѣпостн. права. Но благоденствуетъ ли освобожденный народъ какъ бы слѣдовало послѣ великаго акта?

Вотъ уже 25 лѣтъ прошло съ того радостнаго дня, въ который провозглашена была, при радостныхъ кликахъ ура благодѣтельному Царю, свобода русскому народу. Это былъ день праведнаго суда надъ вѣковымъ зломъ, день воздаянія за вѣковыя страданія и день свѣтлой надежды, что съ него начнется и нравственное освобожденіе отъ вѣковаго невѣжества и тьмы, омрачавшихъ нашъ умный, смиренный, кроткій и въ то-же время великій народъ. Но что-же, исполнились-ли желанія, ожиданія наши? Сталъ ли нашъ труженикъ-подвижникъ народъ свободнѣе, богаче, счастливѣе съ этой великой эпохи освобожденія? Обезпеченъ ли онъ въ своихъ нуждахъ, развился ли умственно? Измѣнился ли къ лучшему его домашній, семейный бытъ, его полевое хозяйство, его курныя, хлѣвамъ подобныя, жилища? Освободился ли вполнѣ отъ гнета, въ которомъ стоналъ, припѣваючи даже въ своей неволѣ?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать (пока) отрицательно.

Гдѣ были курныя избы, тамъ онѣ стоятъ и доселѣ, вмѣщая въ

себѣ человѣческія и скотскія семьи. Та-же бѣдность вообще и даже нищета, тѣ же постоянные разрушительные пожары, раззоряющіе безнадежно тысячи семействъ, принужденныхъ прибѣгать къ скудной благотворительности. Распущенность въ самоуправленіи ужасающая, правосудіе волостныхъ судовъ измѣряется ведрами водки, небрежность, хищничество, подкупность избранныхъ начальниковъ и судей, возмутительная грубость расправы. Словомъ, съ глубокою грустью въ сердцѣ приходится сказать, что кромѣ возстановленія священныя человѣческихъ правъ, что, конечно, есть благо, все остается въ прежнемъ видѣ, разумѣется, не безъ пріятныхъ, хотя и рѣдкихъ исключеній.

Что же могло быть причиной, что великій актъ освобожденія не принесъ тѣхъ плодовъ, какихъ всѣ мыслящіе русскіе люди имѣли право ожидать?

На этотъ вопросъ надо сдѣлать безпристрастное, правдивое разсмотрѣніе этихъ причинъ.

Великій актъ освобожденія долженъ былъ войти въ жизнь народа, для этого необходимы были посредники между крестьянами и помѣщиками. Первыми посредниками очень счастливо были выбраны люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Все лучшее въ Россіи по состоянію, образованности, все отмѣченное общественнымъ голосомъ по нравственнымъ качествамъ, все, что было самаго благороднаго, либеральнаго, отозвалось на зовъ государя и стало въ ряды дѣятелей въ святомъ призваніи. Первыя ихъ дѣйствія уже доказали народу, что его участь очутилась въ рукахъ крѣпкихъ, неподкупныхъ, безпристрастныхъ, справедливыхъ въ отношеніи крестьянъ и ихъ бывшихъ господъ, уже вовсе не похожихъ на тѣхъ, съ которыми они прежде имѣли дѣло и отъ кого зависѣла ихъ участь. И вотъ эти первые посредники сразу приобрѣли полное довѣріе народа, его уваженіе и благодарную любовь.

Пишущій эти строки въ это время завѣдывалъ большими имѣніями и близко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило, и можетъ сказать по совѣсти и по убѣжденію, что если бы эти первые дѣятели до конца оставались на своихъ мѣстахъ и до конца продолжали бы свое дѣло, то думаю, что результаты оказались бы не тѣ, какіе оказались теперь. Вліяніе, ими приобрѣтенное, было такъ велико, что каждое ихъ слово, каждое распоряженіе принимались съ полнымъ довѣріемъ и исполнялись съ ревностью и усердіемъ. Повторяю, если-бы большинство посредниковъ оставалось до упраздненія этой должности, то думаю, что и самый бытъ крестьянъ измѣнился бы быстро и благотворно. По ихъ почину могли бы возникнуть въ обществахъ различ-

ныя экономическія мѣры для улучшенія хозяйства, вспомогательныя кассы, сельскія и деревенскія, и другія учрежденія, могшія доставлять дешевый и скорый кредитъ какъ для пострадавшихъ отъ какихъ-либо невзгодъ, такъ и для частной предприимчивости. Они должны были, могли и хотѣли быть руководителями народа во всемъ его быту, такъ какъ были единственными ближайшими начальниками, съ огромными полномочіями, и народъ ни съ кѣмъ, кромѣ своего посредника, не имѣлъ дѣла и ни отъ кого не зависѣлъ, и всѣ административныя дѣйствія относительно освобожденныхъ крестьянъ исполнялись черезъ ихъ посредство.

Но вотъ затѣмъ началось удаленіе этихъ первыхъ и, по истинѣ, благотѣльныхъ посредниковъ, по ихъ ли собственному рѣшенію, вслѣдствіе ли непривычки ихъ къ усиленному труду, такъ какъ большинство ихъ были люди богатые, къ высшему обществу принадлежавшіе. Они ревностно выполняли принятыя на себя обязанности, что требовало большой дѣятельности, частыхъ разъѣздовъ и множества самыхъ сложныхъ дѣлъ; а можетъ быть, вслѣдствіе какихъ либо стѣсненій въ ихъ дѣятельности со стороны высшихъ мѣстныхъ властей,—мнѣ неизвѣстно;—только ряды этихъ первыхъ достойныхъ дѣятелей въ великомъ подвигѣ возрожденія народа стали рѣдѣть, и большую часть ихъ замѣнили новыя. Какъ во всемъ, у насъ на Руси первый пылъ и энергія въ самыхъ лучшихъ начинаніяхъ скоро охладѣваютъ и наступаютъ лѣнь и апатія, полное забвеніе священнаго долга, то и тутъ случилось то же, и все идетъ назадъ. Въ посредники шли уже люди небогатые, жалованіемъ восполнявшіе свои домашніе недостатки; многіе же, искавшіе этихъ должностей не по внутреннему стремленію продолжать великое дѣло обновленія, стали пренебрегать дѣломъ, требовавшимъ постоянной работы и даже жертвы, большею частью вовсе не сближались съ народомъ, чтобы руководить его въ нравственномъ и материальномъ улучшеніи его быта; рѣдко посѣщали свои участки и когда посѣщали, то только волостныя правленія, гдѣ, для проформы, пересмотрятъ волостныя конторскія книги, выслушаютъ просьбы и жалобы крестьянъ, или откладываютъ рѣшеніе, приказывая къ нему явиться за 30 или за 40 верстъ. Въ имѣніи, которымъ я завѣдывалъ, одинъ посредникъ безъ малаго годъ не былъ въ своемъ участкѣ, принявъ на себя роль защитника въ какомъ-то процессѣ въ Тамбовѣ.

Другое явленіе—не вопліѣ удавшееся самоуправленіе или земство, и это не потому, что мы еще не доросли до самоуправления, какъ говорятъ, а потому, что многіе изъ образованнѣйшихъ, независимыхъ по своему положенію и по своему образу мыслей, людей уклоняются отъ этой дѣятельности, вслѣдствіе ли стѣсненія свободы слова, вслѣдствіе

ли власти, данной предсѣдателю закрывать собранія по его усмотрѣнію, не объясняя даже причинъ, вслѣдствіе ли отсутствія гласности и стѣсненій—неизвѣстно. Теперь люди небогатые ищутъ и занимаютъ земскія должности, и многіе изъ нихъ не имѣютъ того образованія, той подготовки въ вопросахъ административныхъ, финансовыхъ и экономическихъ, какая требуется для органовъ самоуправленія, и потому не могутъ такъ ясно обнимать дѣло земскаго благоустройства и принести ту пользу, какую принесли бы люди болѣе образованные и независимые. Безъ сомнѣнія, есть много весьма утѣшительныхъ исключеній, но все же это исключенія. Потому-то и земскія учрежденія, благотѣльные по мысли законодателя, по ограниченію своему, могутъ быть, не выполнили вполнѣ своего назначенія.

Въ чемъ же заключается причина того, что благосостояніе массы нисколько не улучшилось?

Несомнѣнно въ томъ, что о его насущныхъ дѣйствительныхъ нуждахъ, о его внутреннемъ бытѣ и его улучшеніи (земцы) вовсе или очень мало думаютъ. Исполняются формальности, ведется переписка, заведены книги, отчетность,—все есть для глазъ,—посылаются члены управы для наблюденія за дорогами, мостами, перевозами, дѣлаются торги, являются подрядчики, все кажется чинно, въ порядкѣ, а между тѣмъ земскіе мосты уже вызвали остроумную статью въ какомъ-то сатирическомъ журналѣ! И тутъ, конечно, не безъ отрадныхъ исключеній, которыя, впрочемъ, указываютъ на то, что всѣ могли бы быть этими исключеніями. Въ земствахъ есть и статистическія свѣдѣнія о количествѣ крупнаго и мелкаго скота, лошадей и пр., но это только статистика, отсылаемая по назначенію, а сколько между этимъ количествомъ скота и лошадей находится домовъ безлошадныхъ, не имѣющихъ ни коровенки, ни овцы, питающихся подаяніемъ или обращающихъ себя въ работники! Этотъ вопросъ былъ-ли когда возбужденъ, возбужденный вызвалъ-ли разслѣдованія, возбудилъ-ли къ принятію мѣръ для смягченія или исправленія бѣдствій и нищеты? Народный бытъ доселѣ этого не обнаруживаетъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что это задача трудная; тутъ надо средства и средства большія, а ихъ надо же прискаты, создать, осуществить. Потому-то и существуютъ во всемъ образованомъ мірѣ земскія или муниципальныя учрежденія, которыя составляются изъ людей, живущихъ въ этомъ краѣ, знающихъ хорошо свой бытъ, свои нужды, свои болѣзни и ихъ лѣченіе. И имъ-то всего легче указать на то, что требуетъ исправленія, улучшенія или полного преобразования. Каждый возбужденный вопросъ обсуждается тутъ всѣми и если собраніе стоитъ на высотѣ своего призванія, то найдутся

и умы, и знанія, и прищутся средства и орудія—и это необходимое условіе, лишь бы люди эти понимали свое высокое назначеніе, любили свое отечество и дорожили его процвѣтаніемъ и славою, съ ревностью, а не апатично и небрежно проходили свое служеніе, хотя-бы въ одинъ только срокъ, назначенный закономъ. Если-бы такъ было или такъ будетъ, то скоро бы бѣдность и нищета замѣнились бы довольствомъ. Люди, стоящіе во главѣ собраній, а равно и члены ихъ, конечно, лучше и вѣрнѣе знаютъ или придумаютъ главное, какъ помочь нищетѣ народа, при которой и грамотность и даже образованность сдѣлаютъ ее еще болѣе чувствительною.

Какое же заключеніе можно вывести изъ всего выше и правдиво изложеннаго?

Думаю, то, что, для дѣйствительнаго улучшенія быта теперь свободныхъ крестьянъ въ ихъ простотѣ, неразвитости и нищетѣ, необходимы: во-первыхъ, вспомогательныя общественныя или мірскія кассы, а во-вторыхъ, нужна еще честная опека, или излюбленные, ими же избранные,—не посредники, такъ какъ теперь всѣ крѣпостныя отношенія между владѣніями крестьянъ и помѣщиковъ приходятъ къ концу,—а попечители.

При волостныхъ правленіяхъ, невѣжественныхъ и весьма шаткихъ въ нравственномъ отношеніи, гдѣ распоряжаются болѣе писаря, чѣмъ старшины, необходимы надъ ними просвѣщенный, добросовѣстный контроль и руководитель. Для этого, скажутъ, надо много новыхъ дѣятелей, откуда ихъ взять? Отвѣчаю: тотъ же элементъ, изъ котораго выбрались первые посредники, можетъ легко снабдить нужное ихъ число. Къ чести и славѣ нашего русскаго дворянства можно сказать, что огромное большинство его, какъ въ настоящее время, такъ и во время освобожденія, всегда было на сторонѣ добрыхъ и великодушныхъ, а изъ нихъ можетъ быть только тысячная доля составила первыхъ посредниковъ. Изъ живущихъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ, которыхъ я знавалъ, много найдется людей достойныхъ, какихъ укажетъ самъ народъ, будучи съ ними въ безпрестанныхъ сношеніяхъ по землямъ, работамъ и проч. Изъ нихъ-то должны быть избраны попечители. Для ихъ избранія нужно бы было раздѣлить все крестьянское населеніе на участки, число ихъ должно опредѣлять мѣстное земство, а выборы попечителей должны совершаться по опредѣленнымъ земствами участкамъ, какъ выбираютъ старшины. Списки согласныхъ поступить на должность попечителя, составленные земствомъ, представляются выборамъ, и каждый участокъ выбираетъ излюбленнаго. Избранные утверждаются высшею властью. Попечители могутъ быть выбраны изъ всѣхъ сословій, извѣстные народу добрыми и нравственными качествами, умомъ

и образованіемъ, а также и отсутствующіе, прежде извѣстные народу которые вызываются земствомъ. Выбранные попечители обязываются объѣзжать, хотя одинъ разъ въ недѣлю, свои участки по очереди; для того, чтобы знать всё происшествія, дѣла въ участкѣ, ведется въ конторѣ настольный журналъ, куда старшина или староста заноситъ все случившееся въ отсутствие попечителя и требующее его разрѣшенія или указанія. Во время производства крестьянскаго суда попечитель долженъ присутствовать, не вмѣшиваясь въ рѣшеніе, и одно это присутствие удалить всё нынѣшнія безобразія. Проступки, тяжбы, выходяще за предѣлы, закономъ постановленные для сельскихъ судовъ, переходятъ своимъ порядкомъ къ мировымъ судьямъ и далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что съ попечительствомъ уменьшатся въ огромномъ размѣрѣ дѣла мировыхъ и другихъ судовъ, особенно когда попечители приобретутъ довѣріе и любовь народа и представятъ родъ домашняго совѣстнаго суда.

Попечители надзираютъ за всѣми волостными и сельскими сходами; всё мірскія кассы повѣряются ими, какъ равно и отчетныя, шнуровыя книги, и ими скрѣпляются; они же дѣлаютъ распоряженія о сборахъ податей и представленія свои въ казначейство; полицейскія распоряженія и мѣры проходятъ чрезъ нихъ. Имъ же ежегодно подаются подворныя описи крестьянскаго имущества; въ подворныхъ описяхъ должно обозначаться количество всей скотины, чтобы они могли сравнивать состояніе прошлаго года съ наступившимъ; въ случаѣ обѣдненія, они разузнаютъ причины упадка; если эта причина пьянство, разгульная жизнь, то, въ случаѣ недействительности перваго и втораго внушенія, они, чрезъ посредство мірскаго схода, принимаютъ мѣры и назначаютъ временную опеку надъ нимъ до исправленія. Если же упадокъ произошелъ отъ несчастія, онъ отмѣчаетъ его къ полученію пособія изъ вспомогательной кассы за самыя малые проценты. Если пожаръ истребилъ имущество, онъ долженъ получить такую ссуду которая могла бы совершенно возстановить его хозяйство, при этомъ ссуда выдается съ планомъ постройки, гдѣ уже принимаются въ соображеніе улучшенія жилищъ и болѣе удобныя приспособленія для хозяйства, удобство опрятности и наружной красоты. Въ участкахъ могутъ быть такіе хозяева, которые не потребуютъ ни пособій, ни улучшеній въ своихъ домахъ и хозяйствахъ, но и они подвержены пожарамъ, градобітіямъ и падежамъ, причемъ и богатые бѣднѣютъ, то въ вспомогательной кассѣ участвуютъ и они, какъ равно и въ ея поддержаніи. Выдаются вспомогательныя ссуды по ярлыку попечителя со скрѣпой старшины или старосты, которые должны съ выбор-

ными непосредственно отъ общества сдѣлать оцѣнку сгорѣвшаго имущества или павшаго скота. При такомъ порядкѣ выданный ярлыкъ, предъявленный въ земскую вспомогательную кассу, тотчасъ удовлетворяется также быстро, какъ это дѣлается въ банкахъ. При раздѣленіи селеній на небольшіе участки, попечитель легко узнаетъ почти всѣхъ крестьянъ своего участка, ихъ матеріальное, нравственное и религіозное состояніе, можетъ наблюдать даже за ихъ понятіями, за ихъ семейнымъ бытомъ, посѣщая ихъ дома, бесѣдуя съ ними, направляя ко всему доброму и святому. Такъ какъ они будутъ избраны по своимъ добрымъ качествамъ и какъ излюбленные народомъ, такъ сказать, вызваны, созданы народомъ, то ихъ вліяніе будетъ непрежѣнно благотворно, тѣмъ болѣе, что ихъ власти волей высочайшаго закона утверждены; при такомъ порядкѣ быстро и существенно улучшилось бы и нравственное, и матеріальное состояніе народа. Тогда уже невозможно будетъ проскользнуть въ народъ какому нибудь нигилисту или коммунисту, изъ этой безбожной шайки. Попечителю, какъ прежде помѣщику, все извѣстно, и тогда уже не нужно будетъ никакихъ урядниковъ, созданіе которыхъ потребовало и требуетъ огромныхъ суммъ.

Во многихъ европейскихъ городахъ, для уничтоженія нищеты и празднаго попрошайства, устроены благотворительныя общества съ капиталомъ, вносимымъ членами, и добровольными пожертвованіями, какія имѣются и у насъ въ Россіи. Въ европейскихъ городахъ изъ этихъ обществъ избираются попечители, городъ разбивается на участки и каждый попечитель въ своемъ участкѣ долженъ имѣть списокъ и знать лично всѣхъ живущихъ подаяніемъ. Тѣмъ, которые впали въ нищету по какимъ нибудь несчастіямъ и не имѣютъ возможности собственными силами поправиться, общество приходитъ къ такимъ на помощь, содержитъ ихъ и въ то-же время прискиваетъ для нихъ трудъ или мѣсто, пока они не придутъ въ независимое положеніе; увѣчные помѣщаются въ устроенныя богадѣльни, а нищенствующіе по ремеслу передаются полиціи. Нѣчто подобное этому, только въ огромномъ размѣрѣ, предлагается и здѣсь; только тамъ члены благотворительнаго общества вносятъ капиталъ и дѣлаются добровольныя пожертвованія, какъ и въ русскихъ благотворительныхъ обществахъ, но для общественныхъ народныхъ кассъ во всю Россію требуются миліоны, и пріискать эти капиталы, чтобы составить мірскія вспомогательныя кассы, лежитъ всецѣло на обязанности земствъ.

Есть нѣсколько способовъ создать эти необходимые капиталы. Въ удѣльныхъ и многихъ благоустроенныхъ дворянскихъ имѣніяхъ, въ

томъ числѣ и въ тѣхъ, которыми завѣдывалъ я, была устроена мѣрская запашка, вполне удовлетворявшая ихъ насущнымъ потребностямъ; въ удѣльныхъ же имѣніяхъ изъ этой запашки управляющіе получали большое содержаніе. Съ освобожденіемъ крестьянъ эти запашки воспрещены, но по многимъ причинамъ онѣ въ настоящее время и невозможны, какъ по высокимъ цѣнамъ на земли, которыя надо бы было арендовать за ограниченными надѣлами, хотя изъ газетъ было видно, что нѣкоторыя сельскія общества пытались вводить запашки и въ настоящее время.

Другой способъ созданія вспомогательныхъ капиталовъ есть страхование. Если бы земское страхование, теперь очень ограниченное, можно было устроить по образцу частныхъ страхованій, то страховыя средства земствъ могли бы также возрасти до огромнаго размѣра, потому что земства имѣютъ всю возможность довести пожары до минимума. Пожары большею частью случаются лѣтомъ и по неосторожности. Въ благоустроенныхъ имѣніяхъ, къ числу коихъ принадлежало и тѣ, которыми я завѣдывалъ, принимались такія мѣры: обязательной для лѣта выстраивались землянки для приготовленія пищи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ хворосту, и обмазывались густо съ обѣихъ сторонъ глиной, а въ другихъ, гдѣ позволялъ грунтъ, изъ сырцоваго кирпича, приготовляемаго также, какъ кизяки, и въ третьихъ, какъ за Волгой, изъ землянаго кирпича; но за Волгой это—дома, а не землянки, теплыя, сухіе и очень опрятныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Баландѣ, у малороссіянъ, эти землянки были очень красивыя, съ окнами, глинянымъ поломъ и земляной крышей. Какъ приближалось теплое время, отъ управленія запечатывались печи и все домовое хозяйство переходило въ землянки. Только этой предосторожности я приписываю, что въ теченіи 16-ти лѣтъ моего управленія у Нарышкина было всего три пожара; одинъ значительный въ с. Рѣпной-Вершинѣ, гдѣ сгорѣло 15 домовъ и церковь, и это случилось потому только, что не успѣли еще перейти въ землянки, и труба, проведенная въ сѣни и еще не проведенная сквозь крышу, воспламенила соломенную крышу; другіе два были ничтожныя, сгорѣло двѣ избы. При этихъ мѣрахъ лѣтомъ пожаровъ почти вовсе не было, а зимой они не такъ опасны, ибо могутъ закидываться снѣгомъ.

Въ благоустроенныхъ имѣніяхъ былъ всегда строгій ночной караулъ, что, конечно, есть и теперь, но онъ не вездѣ наблюдается строго. Рядомъ два селенія: въ одномъ вы встрѣтите исправный караулъ, въ другомъ не найдете ни одного караульнаго, все это отъ безпечности сельскаго начальства, по невѣжеству не понимающаго

всей важности мірской безопасности. При попечителяхъ же этого быть не можетъ. Сверхъ того, съ мірскими капиталами каждое селеніе будетъ имѣть хорошіе инструменты, а населеніе будетъ приучено умѣло обращаться съ ними.

Въ устроенныхъ имѣніяхъ, какъ было въ тѣхъ, которыми я завѣдывалъ, обязательно у каждой избы всегда, во всякое время, стояла сороковая бочка съ водой, которыя, при первомъ ударѣ набата, привезенныя на мѣсто пожара, тотчасъ могутъ остановить его. Съ попечителями при этихъ мѣрахъ пожары могутъ сократиться до наименьшаго размѣра, страховые капиталы будутъ расти, приращаемые процентами; общества будутъ богаты, а нищета исчезнетъ.

Третій способъ былъ бы самый простой и самый дѣйствительный—это земскія сбереженія, остающіяся отъ бюджетнаго года. Думаю, что если-бы эти сбереженія обращать на вспомогательныя земскія кассы, то этимъ способомъ скорѣе образуются значительныя капиталы, посредствомъ коихъ разстроенныя и крайне обѣднѣвшія семьи будутъ возстановлены. Одно или нѣсколько земствъ уже обратило на это вниманіе и ходатайствовало передъ правительствомъ передавать эти сбереженія земствомъ для образованія сельскихъ вспомогательныхъ кассъ. Учрежденный банкъ, для пособія крестьянскимъ обществамъ покупать земли, вещь благотѣльная, но она дѣйствительно поможетъ одной сторонѣ дѣла, матерьяльной, а нравственная же сторона останется безъ помощи. Земли будетъ больше, но обработка ея безъ просвѣщеннаго руководства попечителей будетъ хуже.

Въ главѣ 1-й части моихъ воспоминаній, посвященной памяти родителей, я упомянулъ, что отецъ мой строго взыскивалъ за дурную работу въ крестьянскомъ быту, нежели въ господскомъ.

Воспоминанія мои о пережитомъ и перечувствованномъ побудили меня довольно долго остановиться на крестьянскомъ быту, потому что 18 лѣтъ моей жизни я посвятилъ моей всегдашней мечтѣ увеличенія благосостоянія нашего великодушнаго крестьянина. Цѣль же этой главы та: не возбудить-ли она къ жизни или не пробудить-ли она отъ сна дремлющія, но въ дѣйствительности великія русскія земскія силы, не придумаютъ ли онѣ какъ создать капиталы для вспомогательныхъ кассъ, безъ которыхъ, повторяю, невозможно благосостояніе народа. Нищій питается милостыней и если-бы ему не подавали, онъ бы умеръ съ голода, такъ и многомилліонный труженикъ народъ не возстанетъ отъ бѣдности безъ вспомогательныхъ мірскихъ кассъ и безъ руководства образованныхъ и добросовѣстныхъ попечителей, хотя бы только на 10 лѣтъ воспитанія. Конечно, и мысль моя пробудить отъ

дремоты наши земскія силы—сочтется за пустую самонадѣянность и притомъ отъ лица, ничего незначащаго и неизвѣстнаго, но если это лицо желаетъ принести свою лепту на алтарь отечества, то люди, безпристрастные и любящіе свое русское отечество, не отнесутся къ ней равнодушно или съ пренебреженіемъ, потому что она порождена желаніемъ добра и 18-тилѣтнимъ опытомъ.

А. П. Вѣляевъ.

февраль 1886 г.
Москва.

КОНЕЦЪ.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ.

Часть III.

глава V ¹⁾.

Въ Англии.

Я остаюсь здѣсь, потому что не знаю,
что изъ себя сдѣлать. Чужая порода людей
вишитъ около меня, объята тяжелымъ
дыханіемъ океана. А. Г.

Камня на камень не осталось отъ прежней
жизни. А. Г.

«Когда на разсвѣтѣ 25-го августа 1854 года я переходилъ по мокрой доскѣ, на англійскій берегъ,—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Александръ,— я былъ далекъ отъ мысли, что пройдутъ годы, прежде чѣмъ я покину мѣловые утесы его.

Я оставилъ Италію ошеломленный, сбитый съ толка рядомъ ударовъ, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ, и не могъ ясно взглянуть на то, что дѣлалъ.

Мѣсяца два продолжались бесполезныя встрѣчи, тяжелые разговоры, я все чего-то ждалъ... Но моя реальная натура долго не могла оставаться въ этомъ призрачномъ мірѣ, я сталъ мало по малу разгля-

---

¹⁾ См. „Русск. Стар“ изд. 1872 г., томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII, XIX и XX; изд. 1878 г., томы XXI и XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV и изд. 1886 г., т. XLIX; т. LII, октябрь, стр. 149—180.

дывать, что зданіе, которое выводилъ, не имѣетъ грунта и непременно рухнетъ.

Совѣсть угрызала меня за святотатственную порчу жизни, за годъ суеты, и я чувствовалъ страшную, невыразимую усталъ. Какъ мнѣ надобна была тогда грудь друга... но кругомъ стлалась больше и больше пустыня, никого близкаго, ни одного человѣка... а можетъ это было и къ лучшему. Я не думалъ прожить въ Лондонѣ больше мѣсяца, но мало по малу сталъ разглядывать, что ѣхать некуда и не зачѣмъ. Такого отшельничества я не могъ найти нигдѣ, какъ въ Лондонѣ. Рѣшившись остаться, я началъ съ того, что нашелъ себѣ домъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ частей города, за Реджентъ-паркомъ, близъ Примозъ-Гиля.

Дѣти оставались въ Парижѣ. Одинъ Саша былъ со мной. Хозяинъ дома, скульпторъ, загромоздилъ мнѣ кабинетъ статуэтками и моделями.

Когда, разобравшись и устроившись, я вошелъ въ эту комнату, сѣлъ въ большія кресла и просидѣлъ часа два въ совершеннѣйшей тишинѣ, никѣмъ не тормозимый, то почувствовалъ себя какъ-то свободнымъ... и съ привѣтомъ смотрѣлъ изъ окна на мрачныя деревья парка, едва сквозившія изъ-за дымчатаго тумана, благодаря ихъ за покой.

По цѣлымъ утрамъ сживалъ я одинъ-одинешенекъ, ничего не дѣлая, даже не читая. Въ этомъ досугѣ разбиралъ я фактъ за фактомъ, всѣ бывшія слова и письма, людей и себя. Ошибки направо, ошибки налево, слабость, шаткость, раздумье, мѣшающее дѣлу, увлечение другими. Внутри совершался переворотъ... Были тяжелыя минуты, и не разъ слеза скатывалась по щекѣ.

Пустота кругомъ укрѣпила меня.

Я становился независимѣе и отвыкалъ отъ людей; не избѣгалъ никого, но лица сдѣлались мнѣ равнодушны. Я увидалъ, что серьезно глубокихъ связей у меня нѣтъ, что я чужой между посторонними, сочувствую больше однимъ, чѣмъ другимъ, но ни съ кѣмъ тѣсно не соединенъ. Оно и прежде такъ было, но я не замѣчалъ этого, увлеченный собственными думами; теперь маскарадъ кончился, домино сняты, вѣнки попадали съ головъ, маски съ лицъ, и я увидѣлъ черты не тѣ, которыя предполагалъ. Я могъ не показывать, что многихъ меньше люблю, т. е. больше знаю, но не чувствовать этого не могъ.

Для такого перелома лондонская жизнь благотворна. Нѣтъ города въ мірѣ, который бы больше отучалъ отъ людей и больше пріучалъ къ одиночеству, какъ Лондонъ.

Его образъ жизни, разстоянія, климатъ, самая масса народонаселенія, въ которыхъ личность пропадаетъ, все это способствуетъ этому,

вмѣстѣ съ отсутствіемъ континентальныхъ развлеченій. Кто умѣетъ жить одинъ, тому нечего бояться лондонской скуки.

Одиноко бродя по Лондону, по его каменнымъ просѣкамъ, по его угарнымъ корридорамъ, не видя иной разъ ни на шагъ впередъ, отъ сплошнаго опаловаго тумана, и толкаясь съ какими-то бѣгущими тѣнями—я много прожилъ.

Обыкновенно вечеромъ, когда мой сынъ ложился спать, я отправлялся гулять и почти никогда ни къ кому не заходилъ,—читалъ газеты, всматривался въ тавернахъ въ незнакомое племя, останавливался на мостахъ черезъ Темзу.

Такого рода переломы, какъ бы быстро ни проходили, не дѣлаются разомъ, особенно въ сорокъ лѣтъ.

Много времени прошло, пока я сладилъ съ новыми мыслями. Я долго ничего не дѣлалъ, и дѣлалъ не то, что хотѣлъ.

Мысль, съ которой я пріѣхалъ въ Лондонъ, была искать суда своихъ. Къ кому же и обращаться за судомъ, за разъясненіемъ истины, за обличеніемъ лжи?

Не тягаться же передъ судомъ намъ чуждыхъ, судящихъ по законамъ, которыхъ мы не признаемъ? Безъ сомнѣнія, можно развѣдаться и самому, но ни мести, ни самоуправство ничего не разъясняютъ, а въ разъясненіи-то—и возстановленіе правды. Иному это дороже мести.

Но для того, чтобы былъ судъ своихъ, надобно имѣть своихъ. Гдѣ-же они были у меня?

Свои у меня были когда-то въ Россіи.

На чужбинѣ я былъ вполне отрѣзанъ отъ нихъ. Мнѣ надобно было завести рѣчь со своими издалека и, во что бы то ни стало, рассказать имъ, что тяжело лежитъ на сердцѣ. Писемъ не пропускаютъ, книги сами пройдутъ; писать нельзя—буду печатать. И я, мало по малу, принялся за «Былое и Думы» и сталъ устраивать русскую типографію въ Лондонѣ.

Въ работѣ было спасенье.

Вольную русскую типографію въ Лондонѣ замѣтили..... Черезъ годъ типографія была въ полномъ ходу.

На литературномъ небѣ взошла «Полярная Звѣзда».

Александръ, отъ времени до времени, переписывался съ Огаревыми, которые жили въ своемъ пензенскомъ имѣніи. Огаревъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и Тальской бумажной фабрикой. Фабрика сгорѣла. По случаю этого пожара Александръ писалъ другу своему слѣдующее письмо и вмѣстѣ съ нимъ послалъ письмо къ

Н. А. Огаревой отъ своей жены, писанное ею въ послѣдніе дни ея жизни.

Александръ—Г. Огареву.

Лондонъ. Послать немедленно.

«А ты, другъ, Боже мой! Зачѣмъ былъ этотъ пожаръ; какъ все глупо! Моя сердечная, страстная дружба,—Воробьевы горы, Кунцево, 1829 годъ съ тобой. Я жду тебя Посылаю ея волосы,—ея, такъ много страдавшей, погибшей за прикосновеніе съ гнуснымъ западомъ. Да еще письмо къ твоей женѣ (посылаю копію), оригиналъ мнѣ слишкомъ дорогъ. Цѣлую тебя и ее. А. Г.»

Наталья Ал. Герценъ—Н. А. Тучковой ¹⁾.

Ницца. 1852 г. 10-го марта.

«Съ недѣлю я отправила къ тебѣ письмо мое и снова необходимая потребность говорить,—говорить съ тобой, другъ мой, моя Наташа. Дойдутъ-ли до тебя мои строки и когда?—можетъ сама отдамъ ихъ тебѣ. Я еще въ постели. Вставать и ходить нѣтъ силъ, а душа такъ жива и такъ полна—не могу молчать. Послѣ страданій, которымъ можетъ ты знаешь мѣру, инныя минуты, полныя блаженства, всѣ вѣрованія юности, дѣтства не только свершились, но прошли сквозь страшныя, невообразимыя испытанія, не утративъ ни свѣжести, ни аромата—расцвѣли съ новымъ блескомъ и силой. Я никогда не была такъ счастлива, какъ теперь.

Александръ разсказалъ когда-то въ маленькомъ фантастическомъ отрывкѣ, какъ онъ, мальчикъ шести лѣтъ, нервный, худой, съ огненными глазами, рѣзвый, вдругъ разъ присмирѣлъ и задумался, глядя на падающую съ неба звѣздочку. Въ это время вошла въ комнату его мать и сказала ему: «а у тебя родилась сестрица ²⁾».

Съ той минуты мы были неразлучны—я въ это вѣрю, я это чувствую; родство съ нимъ спасло меня, съ раннихъ дней не давало мнѣ ни погибнуть, ни заснуть въ душевной, пустой жизни.

Смерть отца бросила меня съ семи лѣтъ въ чужой домъ. Мнѣ казалось, что я попала въ него ошибкой и что вернусь скоро домой,—но гдѣ-же былъ мой домъ? Уѣзжая изъ Петербурга, я видѣла большой сугробъ снѣга на могилѣ моего отца; мать оставляя меня въ Москвѣ, скрылась изъ глазъ моихъ на широкой безконечной дорогѣ.

¹⁾ Предсмертное письмо Н. А. Герценъ къ Н. А. Огаревой.

²⁾ Наталья Александровна Герценъ двоюродная сестра А. И. Герцена.

Послѣ того мнѣ всего отраднѣе было смотрѣть на небо, усыянное звѣздами; я горько плакала и молила Бога взять меня скорѣй.

Перебирая воспоминанія—хотѣлось бы все передать тебѣ, зная, какъ ты хотѣла бы ихъ слышать, но ни силъ, ни терпѣнья на это нѣтъ; теперь я могу остановиться только на тѣхъ, гдѣ является онъ».

Маія 20-го.

«Грусть, страшная грусть—я ее не лелѣю, не предаюсь ей, но и борюсь съ ней нѣтъ болѣе силъ, — утомлена. Гдѣ та точка симпатіи, на которой видишь ясно въ родной душѣ, сознательно, какъ животный магнетизмъ видитъ въ другомъ бессознательно? Или зачѣмъ она такъ мимолетна! Вотъ, вотъ, кажется, достанешь—и снова въ бездну одиночества.

Какъ медленно возвращаются силы. Іюль уже недалеко, перенесу-ли? А мнѣ бы хотѣлось жить для него, для себя,—о дѣтяхъ уже не говорю. Жить для него, чтобы залечить всѣ раны, которыя я ему нанесла, жить для себя, потому что я узнала его любовь какъ никогда, довольна ею, какъ никогда.

Все лихорадка — если проживу — останусь незнакомой дѣтямъ, ужасно мнѣ больно. Любовь мою они знаютъ и не забудутъ ее, но—хоть ты скажи имъ тогда. Самолюбіе мое никогда не переходило круга людей симпатичныхъ, глубоко уважаемыхъ мною,—до свѣта мнѣ дѣлъ не было,—дѣтей моихъ я не только люблю, какъ моихъ дѣтей—натуры мнѣ ихъ симпатичны, я уважаю ихъ, вѣрю въ нихъ, какъ въ будущихъ людей. Какъ нибудь бы наскоро передать тебѣ жизнь мою. Рѣдкія минуты, въ которыя я лучше себя чувствую, нужны мнѣ на другое: то Наташу поучить по русски, то съ Олей поиграть, съ Сашей, съ Александромъ поговорить, придетъ навѣститъ кто нибудь—вотъ я и утомлена совсѣмъ. Жаръ.

Опять совсѣмъ больна—мой бѣдный, бѣдный Александръ! Какъ онъ мучится, когда же я дамъ ему хоть одну свѣтлую минуту».

(Приписка Александра). «Вотъ вамъ, Консуела, какъ она звала васъ, копія съ письма; оно переписано безо всякаго измѣненія, даже подчеркнутыя слова на концѣ, все вѣрно. Я его нашель три дня послѣ ея кончины въ маленькомъ бюро. Прощайте».

Огаревъ съ женой пріѣхалъ прямо въ Лондонъ къ Александру и занялъ съ нимъ одинъ домъ. Александръ былъ радъ имъ безмѣрно, плакалъ, какъ ребенокъ, увидѣвшись съ ними. По инициативѣ Огарева,

они стали издавать «Колоколъ». Огаревъ, вмѣсто предисловія къ Колоколу, написалъ стихотвореніе: «Къ Колоколу».

Черезъ годъ по прїѣздѣ Огаревыхъ въ Лондонъ изъ Россіи, ихъ звали обратно на родину. Огаревъ отвѣчалъ на призывъ въ «Колоколѣ» отказомъ въ формѣ письма.

Они продолжали свои изданія «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ», имѣли успѣхъ. «Колоколу» повредилъ Бакунинъ своими слишкомъ горячими симпатіями Польшѣ.

Въ 1860 году у Натальи Алекс. Огаревой родилась дочь Лиза, а вслѣдъ за нею еще двое дѣтей—близнецы. Въ 1864 году она имѣла несчастіе утратою ихъ обоихъ и такъ была убита потерей этихъ малютокъ, что долго нигдѣ не могла найти себѣ спокойствія и потому часто мѣняла мѣстожительства.

Въ 1857 году Александръ напечаталъ въ «Колоколѣ» письмо къ императору Александру Николаевичу, въ которомъ радостно привѣтствовалъ его со вступленіемъ на престолъ.

Началось новое царствованіе.

Съ новымъ царствованіемъ почувствовалась необходимость коренныхъ реформъ какъ въ обществѣ, такъ и въ высшихъ государственныхъ сферахъ.

Вмѣсто мечтательныхъ стремленій къ свободѣ, сталъ на очереди практической вопросъ «уничтоженія крѣпостнаго права». Александръ въ большихъ и мелкихъ статьяхъ высказывалъ свои взгляды на основныя начала «освобожденія крестьянъ съ землею».

Политическимъ практикомъ, въ точномъ значеніи этого слова, Александръ не былъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ касался политики только съ теоретической точки зрѣнія, и, не смотря на то, что въ нихъ политическія событія играютъ видную роль, всё они чисто литературныя.

Съ выходомъ «Полярной Звѣзды» начинается болѣе опредѣленная политическая дѣятельность Александра. Этому способствовали всё условія того времени и самое положеніе его: на западѣ реакція послѣ июльскихъ дней; въ Россіи—Крымская война; вѣянье чего-то новаго, свѣжаго; въ Лондонѣ его окружило общество изгнанниковъ и политиковъ разныхъ странъ, въ которыхъ революція пала. При такихъ условіяхъ, мало по малу, онъ долженъ былъ перейти на поприще политической пропаганды; но это вышло не изъ его характера и не изъ его склада ума, а изъ положенія самыхъ дѣлъ. Въ то время въ Россіи всё были увлечены государственными реформами: поэты и философы, ученые и промышленники, духовенство и дворяне. Въ Лондонѣ прїѣзжали за лозунгомъ люди всёхъ сословій и чиновъ. Голосъ Александра доходилъ до высшихъ сферъ...

Время отъ Крымской войны до окончанія работъ по дѣлу эмансипаціи было временемъ высшей дѣятельности Александра Г***.

Вліяніе его въ исторіи русской мысли было не только вслѣдствіе того, что онъ опредѣлялъ ясно и мѣтко то, что всѣ чувствовали, думали, чего хотѣла передовая часть общества, что допускало само правительство; но необходимость этихъ улучшеній носилась въ самомъ воздухѣ.

Другъ Александра, Огаревъ, дополнялъ и поддерживалъ его дѣятельность. Кругъ русскихъ выходцевъ постоянно присоединялся къ нимъ и требовалъ работъ. Но у одного лишь Огарева было общее съ идеальнымъ настроеніемъ души Александра.

Въ 1861—1862-хъ годахъ русская типографія въ Лондонѣ приняла другое направленіе. Александръ уже недовольствовался вліяніемъ на общее настроеніе, а сталъ настаивать на положительную программу, какъ бы практическій государственный человѣкъ, и надѣлалъ пропасть ошибокъ. Доказательство, что политикомъ-практикомъ онъ не былъ никогда,—на это у него не хватило бы и силы.

Не довольствуясь ролью публициста, онъ вообразилъ, что одинъ онъ можетъ указать прямой путь Россіи, и сталъ дѣйствовать какъ дѣятель-практикъ. Но чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ прямой цѣли реформъ, тѣмъ болѣе терялъ силу и вліяніе. Когда же, въ 1863 году, вспыхнуло польское возстаніе, тогда вліяніе Александра точно оборвалось, какъ мировое значеніе для славянъ, и онъ имѣлъ злосчастную мысль призывать русскихъ подъ польскія знамена.

Когда же Александръ принялъ еще больше участія въ польскомъ движеніи, тогда въ Россіи лишился всѣхъ своихъ приверженцевъ; журналъ его продолжалъ издаваться, но не имѣлъ и сотой доли прежнихъ читателей, и все, чему онъ приносилъ въ жертву лучшую часть своей жизни, упало. Гдѣ же онъ политикъ-практикъ?

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Россія исполнила свою задачу, а Александръ продолжалъ идти далѣе, не замѣчая, что идетъ одинъ.

Не смотря на всѣ свои ошибки, Александръ былъ цѣльный типъ русскаго человѣка, съ его достоинствами и недостатками. Въ немъ былъ и народный духъ, и художественное чутье, и научное образованіе.

Россію онъ любилъ, смотрѣлъ на нее, какъ на единую свѣжую страну въ Европѣ,—ставилъ ее въ примѣръ западу и старался въ нѣдрахъ ея открыть условія для ея самостоятельной жизни.

Главный же характеръ всего направленія Александра было преслѣдованіе всего того, что, по его мнѣнію, было вредно для Россіи, и всего, что мѣшало ея дальнѣйшему развитію.

Между его дѣятельностью и дѣятельностью тѣхъ, которые, по кончинѣ его, на станкахъ, на которыхъ печатались «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ», печатали свои воззванія къ неграмотному народу и неопытной молодежи,—общаго не было ничего.

Такъ какъ Александръ, не смотря на его значительныя ошибки, былъ русскій, писалъ и работалъ для русскаго общества, то какъ онъ, такъ и труды его, и вообще все, что касается его жизни и трудовъ, не лишено для русскаго какъ интереса, такъ и извѣстнаго значенія ¹⁾.

Имѣя нѣсколько писемъ, писанныхъ Александромъ къ Огареву, въ продолженіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, я рѣшилась помѣстить нѣкоторыя изъ нихъ на страницахъ уважаемаго всеми журнала «Русская Старина», какъ необходимое дополненіе къ моимъ обширнымъ Запискамъ, появляющимся на стр. «Русской Старины» съ 1872 года.

По окончаніи польскаго возстанія, въ 1864 г., Александръ оставилъ Лондонъ и вмѣстѣ съ семействомъ своимъ поселился въ Женевѣ. Туда же онъ перевелъ и свою типографію. Ни во Францію, ни въ Италію, ни въ Бельгію ее не допустили бы.

Въ Женевѣ Александръ жилъ постоянно до 1866 года. Эти два года были для него тяжелыми годами. «Колоколъ» еще выходилъ, но вліяніе его пало; ясно было, что въ Россіи настала новая эпоха и вѣтеръ, прежде ему попутный, сдѣлался противнымъ. Въ Женевѣ, этомъ международномъ центрѣ политической эмиграціи, появились изъ Россіи молодые эмигранты. Александръ съ ними не сходилъ, споры съ ними отравляли ему жизнь, разладъ повторялся въ разныхъ формахъ каждодневно, отъ различія образованія и взглядовъ на вещи.

Въ 1868 году Александръ говорилъ, что русское общество въ немъ больше не нуждается, и рѣшился отказаться отъ дѣятельности публициста.

Но всего лучше обрисовывается онъ и его взгляды въ послѣднихъ письмахъ его къ своему, нынѣ также покойному другу,—Н. П. Огареву.

---

¹⁾ О значеніи литературной и публицистической дѣятельности А. Н. Герцена (Искандера) читатели найдутъ много вполне вѣрныхъ замѣчаній въ обширномъ трудѣ Н. Н. Страхова: „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“. Спб., 1882, статья „Герценъ“, стр. 1—144 и слѣд.

11-го ноября (1866 г.). Понедѣльникъ.

«Изъ письма къ Тхор. ты увидишь, что въ Америкѣ мы одержали викторію и что потери прошлыхъ годовъ могутъ вознаградиться такъ, что доходу въ прибавкѣ будетъ 5,000 фр. ежегодно. (Да въ убавкѣ Virginio и Ohio Stoch). Прошлогодніе дефициты симъ покроятся и свободы движенія больше. Теперь только куплены Un Sl. 6%—1882 (?)—на половину суммы.

Для другой операціи надобно съѣздить въ Парижъ. Постороннимъ объ этомъ не толкуйте,—ни даже Бакунину. Къ тому же на итал. фондахъ будетъ большая потеря.

Я еще не знаю—когда и куда поѣду; вѣроятно, придется съѣздить въ Туринъ, можетъ и въ Флоренцію на недѣлю; тогда я поѣду въ Парижъ—послѣ.

Дома все печально; теперь N. рѣшается ѣхать не въ Россію, а въ Америку. И говоритъ пресерьезно. Есть должно быть что нибудь противъ Сатина (Жемчу. говоритъ, что онъ проигрываетъ кушами въ 5 и 6,000—меня это бѣситъ)! До мая я за все отвѣчаю.

Устрой объявленіе о Колок. въ журналахъ, въ родѣ...

(Далѣе лоскутъ оторванъ).

Я возьму у Rot. 15,000—изъ нихъ ему долгъ 7,000—а остальное на подмазываніе полск.—типогр. нашихъ дѣтскихъ. (?) Стало и тебѣ могу прислать. Иду къ Авендору.

Получилъ ли мою статью русскую? Чернец. получилъ французскую».

15-го апрѣля (1867 г.). Вторникъ. Ницца. 27 Prom. des Anglais.

...«Ты, Огаревъ, во всемъ durch und durch неправъ—даже въ твоемъ униженіи себя. Но оставляя все—я говорю, что ты живешь жизнью своей, что ты вѣчно занятъ (положимъ, апокалипсисомъ, и безъ толку)—и въ минуты протраціи или устали—ищешь силъ и освѣженія не на людяхъ,—а въ винѣ. Да и при этомъ, ты въ 28 лѣтъ—не вынесъ бы 28 дней твою Лансійскую обитель. У тебя, сверхъ того, бездна кротости и снисхожденія. Теперь я спрашиваю, гдѣ же у N. N. хоть одинъ элементъ, годный на борьбу—на борьбу жизни при такой обстановкѣ, да еще изъ-за дѣвочки—выйдутъ ея родители. Все твое разсужденіе о сестрахъ мужа—въ противоположность сестрамъ замужней сестры,—мнѣ кажется цѣлосовѣтательнымъ и тутъ равно можно рѣшать вопросы по + и по—. Но что строй всей ихъ жизни испорченъ вводомъ Гетероченнаго элемента, это ясно. Я тебя также спрошу, гдѣ ты нашель «единодушное простодушіе»? и

находилъ ли его? А соглашеніе *inter pages*—эквиваленція,—какъ ты называешь, при извѣстномъ развитіи есть. *Inter pages*—не значить по происхожденію, даже по состоянію—а значить—имѣть общую историческую базу и что нибудь общее во внутренней жизни. Искалъ ли ты ее серьезно—въ обоихъ случаяхъ твоей жизни, въ 1837 и въ 1850 г. и въ 1857 г.? Когда есть это общее—можетъ выйти трагедія, какъ у меня, а не драка, не перемежающееся обругиваніе,—и не та психическая даль, въ которой ты живешь. Я N. N. говорилъ,—я N. N. писалъ на дняхъ. Затѣмъ съ стѣсненнымъ сердцемъ мою себѣ, какъ Пилать, руки. Бракъ его опасѣе перехода черезъ *Mont Cenis*.

Еще потерянная баталія! И контузія, отъ которой боль будетъ чувствоваться десятки лѣтъ.

На счетъ твоего желанья видѣть всѣхъ я никогда не сомнѣвался и не такъ ставилъ вопросъ. Перечитай—а я перейду къ другому. Что къ концу мая я *Natalie* и Лизу отсюда увезу, это вѣрно. Но надолго ли и легко ли будетъ визитъ или съѣздъ *Camp d'og*—между Женевы и Лозанной—не знаю. Сдѣлаю, что могу. Лучше всего, если-бъ Тхоржевскій нашелъ что нибудь путное въ Иринвейг. (?) *Neuchâtel*, даже *Sorpet*'ѣ. Лозанну боюсь,—и еще въ Вевей ѣдетъ Жемчужниковъ, съ своей чахоткой. Кромѣ Швейцаріи жизнь все же невозможна.

Какъ же ты могъ вообразить, что письмо отъ малоросса? Ничего общаго, ни малороссійскихъ оборотовъ, ни украинскихъ вопросовъ. Петербургъ и Петербургъ. Печатать необходимо—можно оговориться. Если въ самомъ дѣлѣ малороссъ пришлетъ, то я готовъ издать русское прибавленіе 1 Мая одно безъ франц.,—если ты того-жъ мнѣнія. Пожалуй, даже одно это письмо ¹⁾. Онъ общается продолженіе.

Гу....., вѣроятно, въ Женевѣ,—это страшнѣйшая.....—какъ вся банда, находимая тобой милыми юношами—Венерики, Элпидики, Касатики, Ме... Мое непреодолимое отвращеніе оправдывается ежедневно. Прощай. Мечникову передай, что я прошу его о четырехъ листахъ, но что невозможно же впередъ сказать и потому—можно, если нужно, прибавить нѣсколько страницъ—два листа къ 1 іюню, два листа къ 1 іюлю.

8-го іюня (1867 г.), воскресенье. (Лионъ).

«Донскался таки твоего письма въ здѣшнемъ пост.-офисѣ. Штемпель *Généve* былъ на фамиліи, написанной тончайшимъ и мельчайшимъ шрифтомъ.

¹⁾ Но тогда этого будетъ мало—нѣтъ ли чего у тебя?

Но, карѣйшій, фондъ или фонъ дѣла не измѣнился — вотъ въ алѣспряхъ? что ты писалъ: «Итакъ, вы ѣдете во вторникъ. Признаюсь, что предстоящее передвиженіе меня настроиваетъ грустно... тѣмъ паче, что Туцъ безпрестанно спрашиваетъ Юлу... и я не знаю... etc., etc». Если ты забылъ или написалъ сгоряча, то все же оно остается schwarz auf weiss... Я тутъ требую только нелицеприятной и безпощадной правды и самъ ею плачу. Вопросъ такъ выразится:—взглянуть на Лизу, Тату и Natalie, не говоря обо мнѣ, доставить тебѣ п—удовольствие, а съѣздить за городъ и провести мѣсяцъ вдали отъ привычекъ: р—горестей. Ну и надобно себѣ на духу сказать, что $n < r$ или $r < n$? Я смѣло говорю, что $r < n$.¹⁾ Чтобъ сдѣлаться понятнѣе, я даже принялъ исковерканный языкъ Дм. Мат. Перевощикова. Я тебя и спрашиваю—дай мнѣ намекъ какъ пріѣхать съ Лизой и Natalie въ Женеву—не безобразно, или отложимъ всю поѣздку на неопредѣленное время, а я надняхъ пріѣду на двое сутокъ. Всего жалчѣе при этомъ Лиза—она дѣйствительно тебя любить и хочетъ видѣть,—и я не думаю, чтобъ ей можно было въ 9 лѣтъ внести сумбуръ нашей жизни безнаказанно въ голову. Она очень умна и страшно смѣтлива. Вотъ и все.

Чѣмъ больше я смотрю на Лионъ—вотъ городъ, въ которомъ можно жить à l'abri сплетенъ (онъ слишкомъ великъ и занятъ, въ немъ нѣтъ русскихъ), и пріѣзжать изъ него мнѣ очень легко. Оставимъ Prongius до августа или до сентября. Въ антрактѣ мы съѣдимъ (безъ всякой пользы) въ Алзасъ; Тата, вѣроятно, пріѣдетъ къ концу іюня—въ Mülhouse или Colmar. Саша собирается (Юлу (?) тутъ на мѣсто) въ Германію, женившись, и хочетъ заѣхать въ Швейцарію. А proros, Тата мнѣ писала, что ты Сашѣ проповѣдывалъ, что «бракъ вообще несчастіе—а ужъ тамъ все равно—на Терезинѣ или на Акулинѣ жениться». Его остановить было нельзя. Не такой аксіомой можно было подстрекнуть. Коли все равно—why not? Это совершенно противоположно моему воззрѣнію, жениться на ребенкѣ безъ состоянія, безъ развитія, безъ образованія, изъ чуждой среды—показываетъ, что на Акулинѣ жениться лучше, меньше черныхъ шансовъ. Его ждетъ опущеніе, обѣднѣніе, тѣснота и дѣти,—все вещи, легко побѣждаемыя влюбленными, пока длится любовь²⁾. Чтобъ кончить семейныя идилии

¹⁾ Ясно, что если-бъ ты могъ видѣть всѣхъ въ Женевѣ— $r=0$ и n въ maximum'ѣ. А. Г.

²⁾ А. А. Герценъ (сынъ) женился на той птальянкѣ, за счастье съ которой А. И. опасается въ этомъ письмѣ. Отецъ ошибся. А. А. живетъ очень счастливо, жена его прекрасная женщина, милая, умная. Я провела съ ними во Флоренціи нѣсколько дней и радовалась на ихъ счастье, любовалась

Natalie пытается обуздывать себя, и когда все тихо, идетъ жизнь такъ себѣ. Но при малѣйшемъ поводѣ воскресаетъ снова «старая Ева» (?) и всѣ первыя движенія анти-гуманны.

Не мѣшаетъ прислать mise en page франц. «Колокола».

Я подожду еще отъ тебя письма или двухъ и можетъ въ среду (или четвергъ) приѣду—заранѣ пана увѣдомлю. Вообще я изъ Ліона тороплюсь медленно, а потому расчесть присылки mise en page не трудно. Корректуру «Полярной Звѣзды» (о Франціи) могу сдѣлать въ Женевѣ. И затѣмъ прощайте».

Тхор—му. Воскресеѣе.

«А ужъ вы, ясновельможный, и въ воскресенье и часъ назначили... нѣтъ, и я сталъ двигаться медленно. Это одинъ Нефтель у насъ по бурямъ и чудесамъ носится себѣ за океанъ.

Я не на шутку думаю, что въ Ліонѣ можно жить до зимы и имѣть постоянную квартиру. Всѣ условія есть и жизнь не дорога; отсутствие живущихъ туристовъ замѣтно на человѣческомъ обращеніи народа, лавочниковъ. Вотъ кто бы думалъ?

Послѣ обѣда. Сейчасъ получилъ письмо отъ Meysenbüg — она отправляется 12-го въ Крейдцахъ, будетъ съ Ольгой—въ Мюнхѣ и Тиролѣ и осенью черезъ Бреннеръ въ Италию. Тата ѣдетъ съ какими-то англичанами, черезъ Splügen и Baden (нѣтъ-ли порученій Тургеневу?)—въ Baden'ѣ будетъ ждать — назначенія rendez-vous. Сама отправл. въ Берлинъ.

Паки Огареву. Ты видишь, что партія движущихся гораздо богаче столпниковъ байбаковъ (не по болѣзни, а по форлибѣ).

Жду Сазонова панихиду.

Манускриптъ Мейзенбургъ вамъ отдастъ Сомье».

1-го августа (1867 г. ?). Chateau Laufen (возлѣ водопада).

«Хотя ты на меня, вѣроятно, и посердился за прошлое письмо, но дѣлать мнѣ было нечего. Вслѣдъ за тѣмъ оказалось, что у меня съ собой денегъ очень мало, и это не только потому, что путешествие все-же дорого, но и потому, что я послалъ, въ два приѣма, Мейзенбургъ 1,000 fr.—Словомъ, оказалось у меня 400 ф. съ чѣмъ-то,—съ уплатой счетовъ и желѣзной дорогой этого не могло хватить больше, какъ на

нихъ прелестными дѣтьми. У нихъ восемь сыновей и дочь. А. А. отличный семьянинъ, кроткій, умный, занимается естественными науками и читалъ лекціи во Флоренціи въ университетѣ, а нынѣ въ Лозаннѣ. Всецѣло преданъ наукѣ и воспитанію дѣтей.

Т. П. Пасекъ.

8 дней (теперь насъ четверо). Только что я хотѣлъ писать Тхорж., а онъ пишетъ, что ѣдетъ въ Бернъ. Я его задержалъ телеграммой и послалъ ему чекъ въ 1,500 ф. Если тебѣ 500 нужны для М(ечникова?) можешь взять. Мнѣ Тхор. долженъ переслать 1,000 ф. въ Цюрихъ—poste restante. Вѣроятно, во вторникъ или среду утромъ получу 4 или 5—и буду ждать послѣднихъ распоряженій по Prongius. Въ rez de chaussée сомнѣваюсь. Какими судьбами Тхор. успѣлъ тебя свозить кататься, это его Садова.

Водопадъ хорошъ и очень внизу,—вѣроятно, ты его видѣлъ.

Съ Киннелемъ у меня было курьезное столкновение. Онъ явнымъ образомъ самъ въ фальшивомъ положеніи—снова anti-прусакъ и подвліяніемъ поляковъ. Поляки насъ, должно быть, шельмуютъ всѣмъ на свѣтѣ. Онъ меня началъ допрашивать о нашей перемѣнѣ, а самъ ничего не читалъ. Я старался сначала обратить все дѣло въ шутку, но былъ вынужденъ написать ему письмо, котораго копію покажу. Разумѣется, я съ нимъ всѣ сношенія прерву. Но насъ это ждать еще не разъ. Сочувствіе и дружба сдѣлали немного, благодарность—ничего. Поляки и твои женевскіе protégés покажутъ, что можетъ дѣлать зависть и ненависть.

Вѣроятно, поѣдемъ въ S.-Gallen, а можетъ и до озера (Констанскаго). Во всякомъ случаѣ, во вторникъ буду въ Цюрихѣ—и на poste restante.

Лиза очень хочетъ тебя видѣть. Все идетъ такъ себѣ—но и хорошаго не много.

Кельсіева почти дочиталъ и все еще преступленія не нашелъ. Ему надобно новую ссылку, тогда онъ отрезвѣетъ. Ты, кажется мнѣ, просмотрѣлъ хорошую сторону Толстаго романа и преувеличилъ черную сторону Кельсіева—самъ ты или по наговору Мерчинскаго? Онъ Татѣ говорилъ и о Толстомъ, и о Кельсіевѣ?

На оборотѣ: 8 вечера San Gallen.

Приѣхали въ Hôtel du Lion. Прощай».

Пятница (1867 г.?).

«Твои консультаціи и Тхор. рапорты получилъ. Хотя Prongius и дорогъ, но одинъ мѣсяць villegiat'уры куда ни шло. Только во всемъ этомъ нѣтъ салона. Я писалъ Тхор., что за салонъ можно уступить luncheon. Цотолкуй съ нимъ объ ѣдѣ.

Тебѣ рѣшительно нечего прятаться отъ Ал. Ал. (хотя ты его, кажется, напрасно ждешь скоро—я этого не писалъ)—ты безусловно правъ. Да и я боюсь въ немъ только скучной болтовни его и бессон-

ницы. Вопросъ не тутъ, а все таки въ фантази и постоянномъ метаньи изъ одной крайности въ другую N. Я знаю, напр., во всякомъ случаѣ, какъ ты поступишь, даже какъ Тата, а съ N не знаю. Ты поставилъ какую-то схоластику—чье право инициативы, кто спрашиваетъ, кто только отвѣчаетъ,—эта казуистика не идетъ къ канризамъ. На счетъ официальности, N. рѣшительно не знаетъ, чего хочетъ. Если-бъ была сила—надобно passer outre—и деспотически идти и вести своей дорогой. Мое присутствіе рѣшительно полезно для Лизы, при мнѣ они живутъ въ одной атмосферѣ. До какой степени она умна, ты увидишь, только ее надобно разговорить. Одна она глохнетъ. О ней я представлялъ всѣ резоны—не Соловецкій монастырь страшень, а Смольный. На первый случай опять побѣдилъ. Что дальше—и гадать не умѣю.

Запратавши грузинскіе когти, Никол. въ предисловіи къ Черныш. зацѣпилъ насъ и совершенно съ той точки зрѣнія, съ которой Писаревъ въ Базаровѣ (видно, я не ошибся). Тебѣ Богъ попрыскалъ очи такой водой, что ты розы видишь, а шиповъ не можешь видѣть. Замѣть, что какъ истые подлецы, они о насъ не упоминаютъ и бьютъ намеками, отъ которыхъ отпереться легко, а нападать на которые трудно.

Вѣроятно, больше мѣсяца въ Алзасѣ не застрянемъ и къ Іюлю можемъ и пріѣхать. Я тебя приглашаю на мѣсяцъ, съ правомъ уѣхать на другой или третій день.

На счетъ отъѣзда поляка-аристократа не полагайся. Кол. въ Россіи не идетъ, и одна причина и есть для изданія, удержать въ живѣ органъ. Теперь можетъ пошелъ бы ежедневный листъ, такой, какъ предлагалъ Панаевъ (въ Брюсселѣ воскресло «Эхо», подъ именемъ Polyglotte—плохо). Сдѣлаемъ вызовъ печатно, и посмотримъ.

Въ «Голосѣ» много путнаго и рѣзкаго. Читаешь ли ты его хоть изрѣдка? Между новыми книгами въ Петербургѣ вышла: «Радищевъ и его путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Если ты не читалъ статью изъ Смоленска о голодѣ, я пришлю».

Январь (1868 г.?) Четвергъ. (Нипца).

«Наконецъ, явились Отеч. Зап., старый Вѣстникъ (одинъ, а не два, какъ ты пишешь) и письмо.

Раздѣлить Приб. на французскую и русскую часть можно заглавіями, но продавать врознь нельзя—никто не купитъ русской части. Да и когда же придетъ протестъ книгопродавцевъ—когда это будетъ послѣдній листъ? Въ Figaro было нѣсколько строкъ о прекращеніи

«Колокола» и переведень весь анекдотъ о NN. Замѣть, ни одного русскаго голоса—ни даже частнаго. «Колоколъ» умеръ, какъ Клейнмихель, «никѣмъ не оплаканъ», и мы лѣзли изъ шкуры для этой милой св.....

А прогос «Полярной Звѣзды»—можно начать печатать тотчасъ, какъ Георгъ заплатитъ за всю прошлую. А если та не разойдется, мое мнѣніе—вовсе не начинать. Статья моя in Vakounginen кончена, но она можетъ и полежать.

Толкай, совѣтуй, подстрекай Чернецкаго... въ ассоціацію — пусть дѣлаетъ уступки.

Могу себѣ представить, что дѣлается у васъ, когда сухой холодъ здѣшнихъ вечеровъ заставляеть дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Гдѣ-же жить? Неужели четыре, пять мѣсяцевъ зимы въ холодныхъ домахъ должны проводить всю жизнь и искупаются наслажденіемъ неподвижности? Съ Ниццей я прощаюсь—довольно, а куда изъ нея, не знаю.

Сейчасъ получилъ отъ Ротшильда счетъ. Все исправно. Американская продажа покрыла всѣ дефициты. Прощай».

17-го апрѣля 1868 г. Пятница.

«Журналы необыкновенно интересны. Какъ-то пульсъ старушки поднялся и даже «Голосъ» буянить не въ свою голову. Въ немъ двѣ рѣзкія статьи. Далѣе, поручи Тхоржевскому достать *Revue des deux mondes* 1-го апрѣля и прочти статью Мазада о Россіи; не смотри на пошлое, шляхетски «вѣстовое», окончаніе,—статья очень интересна. Мнѣ теперь лафа—все уѣхало или уѣзжаетъ, и въ Casino человекъ пять и сотня журналовъ. Охъ, слѣдовало бы теперь поработать, гдѣ нибудь на виду. Въ Парижѣ, я увидѣлъ, вновь было-бы легко поставить барку по теченью... но... частныя дѣла можетъ больше всего мѣшаютъ всему. Вчера Тата писала Natalie письмо, очень умное, для нея начинается совершеннѣйшее; въ самомъ дѣлѣ, она оглядывается кругомъ и говорить чуть ли не сквозь слезы—«выхода для всѣхъ насъ я не вижу, и потому не дѣлаю ни плановъ, ни проектовъ». Вотъ куда мы привели молодежь нашу. Ей бракъ Саши ¹⁾ непріятенъ, я это чутьемъ флерирую. Она недовольна отношеніемъ Ольги и Мейзенбургъ; она относится N. безъ малѣйшаго чувства ненависти, ее письмо d'ather (?) теплое. Пусть хоть ее спасетъ разумъ—въ немъ-то и выходъ.

У Natalie сильнѣйшій флюсъ. Стало, важныхъ разговоровъ быть не можетъ. Но все то-же. Иногда лишь кажется, что очень было бы хорошо всѣхъ устроить и отпроситься года на два въ Америку одному,

¹⁾ Сынъ Герцена—Ал. Александр.

если нельзя воротиться въ Россію. Война мало-ли какіе пути раскрываетъ. Безъ этихъ двухъ супапъ, право не знаю, что дѣлать; Женева невозможна, Лозанна—глупа, отъ пѣмецкой Швейцаріи Natalie и руками и ногами (я говорю не о шести недѣляхъ свиданія, а потомъ).

Прощай. Погода здѣсь не хороша, съ 9-ти утра до вечера солнце палить ужасно, просто жжетъ,—въ тѣни холодъ, вѣтеръ рѣзкій и вечера совершенно холодные. Это сборъ всѣхъ условій для простуды».

24-го апрѣля 1868 г. Пятница.

«Письмо твое я проштудировалъ; матеріаловъ и на отвѣтъ, и на иное у меня бездна. Начну съ отвѣта. Не жить въ Парижѣ,—а пожить было бы очень недурно, мы получили бы тамъ легко такой вѣсъ, котораго Вырубовъ никогда не получить и который составляетъ мертвый капиталъ для Тургенева. Печатать «Колок.», разумѣется, слѣдуетъ въ Женевѣ. По спорамъ, бывшимъ у Вамб. съ его гостями, я повялъ, что у одной части—*jaclame* (?) посбился, что овладѣть мнѣніемъ двухъ, трехъ журналовъ легко, но лично подталкивая, повторяя. Все вмѣстѣ удвоило бы силу вліянія дома. Я пишу только отчасти. Не занимаясь вовсе французскими дѣлами, какъ мы это дѣлаемъ, каждому жить тамъ можно. Но тебѣ передвигаться не стоитъ. Можетъ я и въ самомъ дѣлѣ поѣду въ Берлинъ и даже въ Вѣну; тебѣ покидать Женеву никакъ не совѣтую. Ты вездѣ останешься слишкомъ одинокъ и безпомощенъ,—да и что же мнѣ Женева, я ее ненавижу за нее самое и за шайку русскихъ негодяевъ (сейчасъ будетъ тебѣ новый примѣръ).

Какъ (пока?) не найти мнѣ мѣста гдѣ жить и гдѣ устроить уголь для Natalie съ Лизой,—внутренняго устройства нѣтъ, а безъ него я парализованъ. Зачѣмъ же мнѣ ѣхать на житье пменно въ тотъ городъ, въ который нельзя по нашимъ сложнымъ обстоятельствамъ. И сверхъ всего, не будетъ ли верхомъ смѣшнаго—мой приѣздъ и твой уѣздъ въ Nion? (Я говорю не о свиданіи на мѣсяцъ, а о постоянной жизни). Можетъ N. въ своемъ *retrospectiv*'номъ гоненіи и права, но тутъ ничего не поправишь. Ты свою жизнь теперь сдѣлалъ официальной; разумѣется, твоя болѣзнь и присутствіе дѣтей, т. е. Генри и Туцы, запутало еще больше или раскрыло всѣмъ, безъ нужды, въ чемъ дѣло. Выхода нѣтъ, будемъ нести, рядомъ съ другими, и этотъ крестъ. Нести его Natalie не поможетъ. Но вызывать на свою голову смѣхъ даже дураковъ—я не могу. Мало-ли что есть кромѣ Женевы отъ Лугано до Страсбурга. Хоть бы *chemin faisant*. Тамъ сдѣлать чело-вѣческую жизнь, одинъ я не могу, а на Natalie не надѣюсь. Ну вотъ

оттого-то (при всем прочем) иной раз и хочется въ Америку, лишь бы года два отдохнуть.

Далѣе, вотъ тебѣ на обсужденіе случай. Съ тѣхъ поръ, какъ я воротился, я не видалъ ни одного русскаго, кромѣ Жемчужникова, имени В. . . мса, не произносилъ и не думалъ о немъ. Мѣсяца три тому назадъ я его встрѣтилъ у Б. . . ва и спросилъ у Б., какъ онъ знакомъ съ нимъ? Далѣе сказалъ, что онъ умираетъ, — сказалъ это и Гу — чъ и др. — и это все чортъ знаетъ когда. Третьяго дня я получилъ отъ этого негодяя ругательное письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что я его компрометирую, рассказывая, что знакомъ съ нимъ, и совѣтуетъ доносить прямо въ III отдѣл.—все это съ свойственнымъ этой сволочи тономъ. Я ему не отвѣчалъ. Если я его встрѣчу и близко, я его изругаю по —. Но вѣдь онъ можетъ написать и второе письмо... Какъ же съ вашей точки Христа Спасителя слѣдуетъ поступить! Вѣрь мнѣ, что до тѣхъ поръ, пока я этихъ господъ разомъ подъ именемъ Базарова или иначе не хлысну въ рыло, они меня не оставятъ въ покоѣ, ихъ зависть душитъ и пьянитъ—jeder Zoll ихъ квинтъ-эссенція русскихъ подлецовъ.

Я не отвѣчаю за то, что ихъ не натравливаетъ какой-нибудь ш — ь.

Журналъ Эл. просто посредственный, — одна статья о Т — евѣ хороша. Цѣна очень дорога. Выходить онъ не будетъ. Можетъ я напишу нѣсколько строкъ для франц. Кол. — Гул. . . . (одинъ изъ худшихъ) говорилъ, что нашъ монополю мѣшаетъ имъ писать, — ну, вотъ, монополю снять, — увидимъ».

«Отъ Ал. Ал. есть письмо, онъ очень жалѣлъ о тебѣ. На годъ долгъ отсроченъ. Опять говорить, что пріѣдетъ въ продолженіе года. Natalie сердится на Сатиныхъ за то, что мало тревожились о тебѣ, не странно ли?»

«Что Фогтъ вретъ о Бакунинѣ? Какой журналъ и гдѣ-же будетъ издаваться, — развѣ въ Элпидовкѣ (Статья о Европѣ можетъ его). А моя статья о Польшѣ провела между нами ту черту, которую я давно хотѣлъ обозначить.

Жду твоего отвѣта.

Ты спрашиваешь о поднятомъ тонѣ газетъ; да читай ты бой съ клерикальной партіей и во Франціи, и въ Австріи, рядомъ съ бряцаніемъ оружія и ирландскими дѣлами. Это не летаргія. Статью о Мазадѣ пошлю завтра. Папу поправляй, урѣзывай (властною рукою).

На это немедленный отвѣтъ».

1-го мая 1868 г. Пятница. (Ницца).

«Саго пію—ты весь «въ обломкѣ древней истины» —какъ называлъ Баратынскій предразсудокъ. Ну какъ можешь ты вообразить, что на официальный запросъ—Бисмаркъ или другой—поставить ловушку. Нельзя же теперь выдумывать исторію Іоанна Гусса или Войнаровскаго. Гдѣ же примѣръ за 50 лѣтъ?»

Не легче ли или не гибель сказать «нельзя». Если бояться несбыточныхъ бѣдъ, то вдвое надобно бояться желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ.

Рѣшено ѣхать 25 мая. Отчего не взглянуть на Альзасъ,—къ тому же Мюльгаузъ отъ Базеля часахъ въ двухъ—стало это у вашихъ у воротъ. Вѣроятно я съѣзжу въ Парижъ—мнѣ все мерещится, что тамъ можно многое сдѣлать для насъ.

А Мерчинскій при всемъ знаніи Мейендорфики—видно дѣло плохо знаетъ. Если бы было просто сумасшествіе, Будбергъ не слетѣлъ бы. А видѣлъ-ли ты, что братъ Мейзенб. будто бы назначенъ посломъ въ Римъ отъ Австріи? Это гнусный клерикалъ».

? Что ты поправилъ или переписалъ твое посмертное письмо?

? И о чемъ ты именно пишешь?—Какая мысль или работа тебя занимаетъ — скажи только предметъ?...

2-го мая 1868 г. Суббота.

«Шестнадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь—въ ста шагахъ—скончалась Natalie¹⁾. Вчера я съ Лизой шелъ недалеко отъ того дома—и теперь только замѣтилъ, что наслѣдникъ умеръ возлѣ. Что за странная случайность. Съ тѣхъ поръ и пошла жизнь неправильно. Вѣра въ нее и въ себя были потрясены»...

«А тухлая грязь своимъ чередомъ. Вчера я встрѣтилъ Вормса одного, пошелъ прямо на него и сказалъ: «зачѣмъ вы пишете мнѣ глупыя и наглыя письма?»

— «Да вы меня компрометтировали и сказали, что знаете меня... и бранили мои стихи, отзываясь обо мнѣ какъ о потухшемъ факелѣ».

— Я этимъ слогомъ не выражаюсь, и до сихъ поръ не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ боялся меня. Я дивлюсь вамъ, у васъ

¹⁾ Наталья Александровна Герценъ, жена А. И. Герцена.

совѣсти нѣтъ—стыдно вамъ, и говорю откровенно—не отвѣчалъ вамъ изъ глубочайшаго презрѣнія.

— «Ну, да что тутъ толковать», и онъ пошелъ, сказавши имя русскаго, который ему говорилъ. Совѣмъ лице неизвѣстное.

Вотъ главное слово въ слово. Вѣроятно, онъ сходитъ на меня опять письмомъ. Аристократъ-ли я, дуракъ-ли я—не знаю—но съ Долгорукимъ (кн. Петръ Влад.) у меня есть общій языкъ, и Долгорукій никогда не оскорблялъ ни меня, ни тебя—такимъ образомъ. А его мы отлучили отъ воды и огня. А эти плащцы не съ Аполлоновыхъ— а съ м... «Современника»—ходятъ подъ какой-то амнистией. Что они меня потащили бы на висѣлицу— въ этомъ я убѣжденъ. Что они еще сдѣлаютъ засаду—это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить ихъ и стать на военную ногу—статьей—или убить на дуэли какуюнибудь дрянь,—тогда если не убьютъ, можно спокойно вѣкъ дожидать.

Здѣсь одинъ изъ юношей—Базаровыхъ—колотитъ свою мать. Они развиваются. К . . . . . и Ч * * *, Г — вы — пьяные и Б — тинскіе — трезвые—всѣ лучше и нравственнѣе этихъ негодяевъ, этого сифилиса нашей революціонной б . . . . . Да, что ты, въ самомъ дѣлѣ, не раскусишь съ 1861 года Тургеневскаго Базарова,—нельзя же всю жизнь на него смотрѣть съ утячей точки зрѣнія, какъ капелька и жукъ. Онъ слабъ, поверхностенъ, дурно задуманъ— но онъ богъ передъ этими свиньями. Иногда подумай и объ этомъ.

Надняхъ забѣжалъ ко мнѣ У— проститься (здороваться не прѣзжалъ), ѣдетъ въ Парижъ, красить волосы и возвращается въ Россію. Плохъ до безконечности.

Итакъ, въ пятницу перенесеніе нетлѣнныхъ — въ rue des petits philosophes. Я Татѣ писалъ уже. Ce n'est pas mal pour la rue d'avoir un grand — et très bien pour Og. d'être si modeste. Вѣрую въ Тхоржевскаго и помощь неустанную и неуспяную. Тотчасъ рапортую. Прощай.

Ѣдемъ на кладбище. Вчера былъ длинный разговоръ—серьезный и не выродившійся въ бойню,—но до результата далеко. Все, все лежитъ въ непониманьи и характерѣ, да еще въ несправедливости желаній, чтобъ всѣ признали свою вину—кромѣ виноватаго.

Лиза ничего, даже и дурныя шалости оставила бы скоро, если-бъ искра таланта или вниманіе была приложена. Она учится хуже (жарко и тяжело), но умна и развязна. Выросла очень».

7-го мая 1868 г. Четвергъ. (Ницца).

«Описывая всякія подробности о квартирѣ, ты забылъ одну довольно важную для переписки—адресъ. Rue des petits philosophes ничего еще не значить. А потому опять адресую Тхоржевскому.

Если тебѣ теперь трудно работать, то для чего же ты работаешь? Есть Мечниковъ — ну и печатать его. Въ будущій № — Якушкинъ (выйдетъ almeno 22 — 23 колонны). Ad Мечникова. Пришли свидѣт. о Саз(оновѣ) просто мнѣ. Что же ты Боткина увидишь или нѣтъ? (ты о его прїѣздѣ какъ-то пишешь таинственно — «другъ Mons. D-г...», это все принадлежитъ къ другой эпохѣ и къ другой ипохондрии—къ той, въ которой можно думать, что Бисмаркъ покроется грязью для — глазъ союзника). Его совѣтъ былъ бы недуренъ.

На счетъ Базарова позабудь ты существованіе Тургенева и отрѣшишься отъ нашихъ популярничаній,—тогда ты поймешь слабую и нагую вѣрность типа. Базаровъ нравственно—выше послѣдующихъ Базарондовъ. Онъ у Тургенева—храбръ, уменъ, не воръ, не доносчикъ, не вонючій клопъ. Ты напрасно стираешь нюансы, и человекъ, который изъ ревности хватилъ въ зубы жену и прогналъ — ничего не похожъ на сына,—который колотитъ мать-старуху и живетъ съ ней, на ея счетъ. Эта защита гнилаго помета—у тебя игра. Оттого-то я и не могу оставить безъ отвѣта. Долгорукій (П. В.) и N***—при страшной наглости, въ душѣ признаютъ за нами кое-что, и это кое-что ставить границы. Тѣ ничего не признаютъ — и *vogelfrey*. Я смотрѣлъ прямо въ глаза Вормсу—я видѣлъ одну злобу, смѣшанную съ вопросомъ—«Ну, а какъ хватить въ зубы?»—Ничего,—ни одного движенія сердца, души. Оттого, что ты этого не понимаешь, — оттого ты не понимаешь, почему ихъ сплетни — страшны и почему я, не скрывая Туца, думаю, что не надобно его ежедневно дѣлать вызывающимъ средствомъ—для негодяевъ.

Долгорукій объявилъ D-г Levier, что онъ ѣздитъ къ нашимъ во Флоренцію не будетъ, ибо Саша визита не заплатилъ.

Вотъ и финаль.

Изъ Россіи письма — и, какъ всегда, все тотчасъ пошло вверхъ дномъ. Все шло мирно—теперь все опять *sur le lapin*. Сатинъ и его жена зовутъ въ Россію Natalie съ Лизой — непременно. Сатинъ, между прочимъ, пишетъ: «пора имъ убѣдиться, что эмиграція теперь потеряла смыслъ». Что это? приглашеніе. . намеки... Далѣе Ал. Ал. на годъ вывернулся. Ел. пишетъ, что она предлагаетъ ему взять его имѣнье и платить ему около 4,000 руб. ренты. Это хорошо. Но мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо относительно Лизы, — если имѣнье

представляет доходу до 12,000 фр.,—то оно достанется все даромъ послѣ смерти Ал. Ал. Сатинымъ. Я замѣтилъ это и навлекъ на себя безконечный гнѣвъ. Что я ошибаюсь или нѣтъ?

Ал. Ал. удивленъ, что N не съ тобой послѣ перелома ноги. Сатинъ пишетъ, что онъ догадывается. Это окончательно привело въ смущеніе. Предлагаетъ оставить ее въ Альзасѣ, при пансіонѣ, туда выпишетъ N, А. А. — требуетъ совершенно оффиціального признанія; — но сколько я не спрашивалъ, что такое — одинъ отвѣтъ: «стало ѣхать въ Россію» ¹⁾). Все это очень не весело — и я торопиться въ Prongius все же не буду. Ёдемъ отсюда 28 — 29. Что Тхоржевскій пріѣдетъ? Мнѣ это не нужно для дѣла, — чисто для него хотѣлось мнѣ сдѣлать удовольствіе. Онъ можетъ пріѣхать хоть 20 — 21 — 22, или совсѣмъ не ѣздить.

Въ даль я не смотрю. Конечно, Тату всѣхъ больше жаль, — да и она, при маленькихъ недостаткахъ, — всѣхъ больше симпатична. Мещерскій положительно увѣжаетъ въ Германію и Россію. Прощай.

Ницца опустѣла и во всей пышности цвѣтовъ, тепла etc. Жаль ее покидать, все же это лучшее мѣсто.

P. S. Видѣлъ-ли ты какъ Бамбергофъ въ Берлинѣ — прусить. Да онъ прямо идетъ въ министры или послы.

О Юмѣ — читаль.

Бога ради не опаздывайте съ Le «Колок». 15 онъ долженъ быть разосланъ.

Передайте — Пап. (sic) Огареву эту записку. Да напишите его адресъ съ N. и вашъ новый.

Mr Levier 50 фр. послать можно».

10-го мая 1868 г. Воскресенье. (Ницца).

«Вчера получилъ рапортъ о торжественномъ шествіи изъ Lamu въ Философьевку. Тхоржевскій пишетъ, что переѣздъ былъ такъ хорошъ, «что Николай Платоновичъ спокойно отдыхалъ маявымъ воздухомъ». Ну и въ добрый, въ архангельскій счастливый часъ.

Черезъ двадцать дней и мы будемъ въ торжественномъ шествіи. Куда и какъ — не знаю. Одно вѣрно, что увижу Стелу-полковника. Ёхать, пожалуй, отсюда и не дурно, — жары начались тяжелыя. Послѣ письма изъ Россіи длинныя бесѣды. N показывала часть отвѣта своего Сатиной, — я имъ ужасно недоволенъ; она представляетъ себя

¹⁾ Ты называешь — „случайно оступиться“ — когда люди, очертя голову, — годы шли по льду. Эта казуистика не дурна.

какими-то мрачными красками, опять мортomanія.....—Я сказалъ, что письмо надобно бросить — и потомъ спросилъ не о Лизѣ, а объ ея отношеніяхъ. «За что же, наконецъ, дѣтямъ ее любить?»... Были порывы и слезы, и ..... ноя заключилъ тѣмъ, «что всѣ будущія бѣдствія падутъ на ея совѣсть, и что она отстранить ихъ только тогда, когда пойметъ, что и прошлыя съ Parkhous'a—всѣ по ея винѣ».

Я полагаю, что Альзасъ въ мѣсяцъ надоѣсть. Но все же въ Prongius поѣду — когда будутъ другія созвѣздія. Можетъ пріѣду прежде одинъ. Тату я не стану торопить.

А proros, Лиза стала купаться въ морѣ. Когда она въ первый разъ пришла, то купальщики очень обрадовались ей и говорятъ: «Voilà que la petite Tata vient déjà!» Они лучше N понимаютъ ихъ отношенія. Довольно.

Напиши о полученіи письма на новой квартирѣ».

Послѣ обѣда.

«Далѣ сказать нечего. Сегодня все тихо, — говорили много. Все перемежающаяся лихорадка. Прощай».

Въ публичномъ саду.

«Письмо твое получилъ на дорогѣ. На душѣ легче, что квартира хороша. Цалую Тхоржевскаго за это. Музыка гремитъ, — толпы гуляющихъ и жаръ.

Слѣдующую страницу отдай Тхоржевскому».

Т. П. Пассекъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЕЛЕРЪ,

профессоръ живописи.

1826—1886.

[Продолженіе].

Изрѣченіе покойнаго Л. А. Сѣрякова ¹⁾, что „трудомъ, терпѣніемъ и энергіей можно достигнуть разъ предположенной цѣли, въ особенности, если эта цѣль—служеніе на поприщѣ художества и искусства“ — всецѣло примѣнимо къ жизни и дѣятельности нашего портретиста-художника профессора И. П. Келера. Въ этомъ не только убѣждаетъ насъ очеркъ его дѣтства и ранней юности, помѣщенный на страницахъ „Русской Старины“ ²⁾, но и дальнѣйшее описаніе его жизни, рассказанной самимъ художникомъ, которое мы теперь предлагаемъ читателямъ. Изъ этого разсказа видно, какъ неудержимая сила таланта, при рѣдкой энергіи и трудолюбіи, заставляетъ И. П. Келера вести неустанную борьбу со всевозможными препятствіями, и борьбу, особенно трудную для человѣка, не признающаго никакихъ компромиссовъ со своею совѣстью.

При этомъ И. П. Келеръ принадлежитъ къ числу немногихъ людей, у которыхъ тяжелыя жизненныя испытанія не заглушили человѣческихъ чувствъ и инстинктовъ. Выйдя изъ бѣдной семьи

---

¹⁾ Нашъ извѣстный академикъ-ксилографъ, см. „Русск. Стар.“ изд. 1875, т. XIV, стр. 515.

²⁾ „Русск. Стар.“ изд. 1882, т. XXXIV, стр. 743—754.

эстонскихъ крестьянъ, онъ не переставалъ относиться къ ней съ полнымъ сочувствіемъ, не забылъ угнетеннаго народа, среди котораго протекли первые годы его жизни. Но раннее удаленіе отъ родины, молодость и забота о собственномъ существованіи не давали ему задумываться надъ тѣмъ, что ему пришлось слышать и видѣть въ дѣтствѣ. Прошло семнадцать лѣтъ со времени перваго пріѣзда И. П. Келера въ Петербургъ, въ 1846 году; онъ успѣлъ окончить свое образованіе въ академіи художествъ, пробылъ болѣе пяти лѣтъ за границей и, когда послѣ этого, снова увидѣлъ свою родину, то все представилось ему въ иномъ освѣщеніи. Его, какъ художника, прежде всего поразила вышній видъ несчастнаго сельскаго населенія, среди котораго онъ нерѣдко встрѣчалъ такіа жалкія забытыя существа, что у него сжималось сердце, глядя на нихъ. Не менѣе ужаснули его рассказы о тѣхъ притѣсненіяхъ, какимъ подвергались его соплеменники отъ бароновъ; ему приходилось слышать отъ очевидцевъ возмутительныя подробности о крестьянскихъ волненіяхъ въ Эстляндіи въ 1858 году и о ревельской экзекуціи шестидесяти хозяевъ-арендаторовъ (о которой будетъ сказано ниже). Все это настолько взволновало И. П. Келера, что у него явилось неотступное желаніе помочь тѣмъ или другимъ способомъ эстонцамъ, хотя въ то-же время его не покидало тяжелое сознаніе своего полного безсилія. Для него наступила новая, уже не личная, борьба въ пользу угнетеннаго баронами народа, противъ котораго были не только порядки, установленныя нѣмцами, но и крѣпко сплоченныя высшія сословія, имѣвшія на своей сторонѣ преимущество насильственно присвоенныхъ правъ, европейскаго образованія, поземельнаго и имущественнаго богатства. Борьба эта была тѣмъ невозможнѣе, что усложнялась другими, связанными съ ней, вопросами: религіознымъ, національнымъ и политическимъ.

На первыхъ-же порахъ своей дѣятельности И. П. Келеръ увидѣлъ передъ собой несокрушимую стѣну устарѣвшихъ предразсудковъ, намѣреннаго и ненамѣреннаго непониманія. Напрасно пытался онъ убѣждать представителей нѣмецкаго дворянства въ необходимости извѣстныхъ уступокъ въ пользу народа; за немногими исключеніями, даже тѣ изъ нихъ, которые соглашались съ нимъ на словахъ, не могли или не думали что-либо проводить на дѣлѣ. Но ни эти, ни другія, болѣе суще-

ственные, препятствія не могли убѣдить И. П. Кёлера въ безплодности дальнѣйшихъ попытокъ. Дѣйствительно, его старанія не прошли безслѣдно, и хотя они принесли до сихъ поръ весьма малые, но тѣмъ не менѣе несомнѣнные результаты. Они, прежде всего, способствовали уясненію того, въ чемъ должны заключаться желанія наиболѣе многочисленной части мѣстнаго населенія прибалтійскихъ губерній. Желанія эти не идутъ далѣе того, чѣмъ пользуются другіе русскіе подданные въ остальной Россіи, какъ, напримѣръ: наслѣдственнаго владѣнія землей, болѣе правильнаго распредѣленія земскихъ и государственныхъ повинностей, участія въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся интересовъ всѣхъ сословій, введенія новаго судопроизводства и пр. Трудно сказать, когда собственно коренное населеніе прибалтійскихъ губерній достигнетъ удовлетворенія своихъ законныхъ требованій, но, во всякомъ случаѣ, имя И. П. Кёлера не даромъ пользуется уваженіемъ между его соплеменниками, и не будетъ забыто ими.

Такимъ образомъ, личность И. П. Кёлера вдвойнѣ заслуживаетъ вниманія и сочувствія русской публики не только какъ талантливаго русскаго художника, достигшаго извѣстности, въ силу своего рѣдкаго трудолюбія и энергіи, но и безусловно честнаго, неутомимаго эстонскаго дѣятеля, никогда не отдѣлявшаго интересовъ своихъ соплеменниковъ отъ обще-русскихъ государственныхъ интересовъ. Это обстоятельство побудило редакцію „Русской Старины“ настойчиво просить И. П. Кёлера о продолженіи его автобіографіи, прерванной на самомъ важномъ моментѣ его жизни, а именно, на времени его перваго приѣзда въ Петербургъ въ 1846 году. Для полноты разсказа, мы сочли не лишнимъ привести въ извлеченіи содержаніе первой, уже напечатанной, части автобіографіи.

I.

Иванъ Петровичъ Келеръ родился 24 февраля 1826 года, на казенной мызѣ, близъ Феллина (Лифляндской губерніи). Краткій біографическій очеркъ, помѣщенный въ іюньской книгѣ „Русской Старины“ 1882 г., даетъ наглядное понятіе о дѣтствѣ и ранней молодости И. П. Келера, начиная съ первыхъ лѣтъ жизни, проведенныхъ среди честной и крайне бѣдной крестьянской семьи, гдѣ, вмѣстѣ съ строгими нравственными понятіями, онъ приобрѣлъ привычку къ труду и умѣнье довольствоваться малыми средствами. На восьмомъ году жизни онъ былъ привезенъ въ Феллинъ и отданъ въ элементарное, затѣмъ, уѣздное училище. Хотя онъ принадлежалъ къ числу прилежныхъ учениковъ, но не понималъ и половины задалбливаемыхъ уроковъ, потому что преподаваніе, какъ во всѣхъ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ Эстляндіи и Лифляндіи, шло исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Въ училищѣ И. П. Келеръ пробылъ три года, но не могъ продолжать дальнѣйшаго образованія, по недостатку средствъ, и былъ отданъ родителями къ управляющему мызой, у котораго занимался письмоводствомъ и бухгалтеріей. Управляющій, замѣтивъ въ немъ проблески способностей къ рисованію, уговорилъ его поступить въ ученіе къ своему брату, „живописцу Фаберу“, который былъ не болѣе, какъ маляръ и лакировщикъ. Это мастерство, весьма далекое отъ живописи, принесло молодому Келеру ту пользу, что онъ познакомился съ употребленіемъ красокъ и набилъ себѣ руку.

Черезъ три года (разсказываетъ И. П. Келеръ въ первой части своей автобіографіи) я сдѣлалъ такіе успѣхи, что хозяинъ поручилъ мнѣ написать декорациі для заѣзжей труппы актеровъ. Это былъ мой первый опытъ въ декоративной живописи, и деревья на кулисахъ были нарисованы довольно своеобразно; листья березъ, обращенныя внизъ, висѣли какъ будто на ниточкахъ. За то пушка, которой предстояло играть видную роль въ драмѣ „Карль XII передъ Рюгеномъ“, была „совсѣмъ какъ настоящая“ и удостоилась похвалы снисходительнаго директора театра. Вслѣдъ затѣмъ мнѣ представился новый слу-

чай выказать свое искусство. Владѣлец Венденскаго замка, графъ Сиверсъ, строилъ въ своемъ паркѣ православную церковь въ русскомъ стилѣ, украшенную живописными орнаментами и изображеніями херувимовъ; но какъ ни старались мѣстные художники уѣзднаго и губернскаго города, головы херувимовъ выходили съ сердитыми лицами. Наконецъ, Фаберъ предложилъ мнѣ приняться за нихъ въ видѣ опыта, и работа вышла настолько удачна, что заслужила одобреніе Сиверса.

Но до сихъ поръ я не имѣлъ никакого понятія о картинахъ, и въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ Кремонѣ (лифляндской Швейцаріи), въ картинной галлерей князей Ливенъ, гдѣ были собраны произведенія старинныхъ художниковъ разныхъ шволъ. Я пришелъ въ полный восторгъ, но въ то-же время видѣнныя мною картины настолько поразили меня, что показались совершенствомъ, недостижимымъ для подражанія. Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвела на меня современная живопись, которую я увидѣлъ случайно, въ квартирѣ Голландера, директора частной гимназіи въ Биркенру. Это были портреты директора и его семейства, писанные Петцольдомъ: я не могъ оторвать отъ нихъ глазъ, и мысль „научиться писать такіе портреты“ стала моею завѣтной мечтой; я рѣшилъ окончательно ѣхать въ Петербургъ. Продавъ пальто и кое-какія вещи, я собралъ настолько денегъ, чтобы заплатить за мѣсто на пароходъ изъ Риги въ Петербургъ, куда прибылъ въ октябрѣ 1846 года, съ 75 копѣйками въ карманѣ.

II.

По приѣздѣ въ Петербургъ, продолжаетъ И. П. Кѣлеръ, я остановился у своего брата, столяра, и, не желая быть ему въ тягость, отправился безъ всякой рекомендаціи къ вывѣсочному мастеру Бегеману. Тотъ не только далъ мнѣ работу, но и рекомендовалъ вывѣсочному живописцу Гѣлицу, который принялъ меня въ свою мастерскую и назначилъ жалованье шесть рублей въ мѣсяць¹⁾. Пребываніе въ мастерской Гѣлица имѣло для меня значеніе

¹⁾ Впослѣдствіи Гѣлицъ получилъ званіе художника и, на ряду съ вывѣсками, занимался писаніемъ декораций для домашнихъ спектаклей.

въ томъ отношеніи, что мнѣ приходилось постоянно снимать съ натуры различные предметы, и это заставило меня освоиться съ перспективой. Я работалъ тѣмъ охотнѣе, что хозяинъ былъ образованнѣе всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось сноситься на родинѣ, и скоро оцѣнилъ мои способности къ живописи. Такимъ образомъ, въ 1848 году, Гѣлицъ безпрепятственно разрѣшилъ мнѣ посѣщать вечерніе классы академіи художествъ въ тѣ дни, когда не было слѣшней работы, хотя, согласно моему желанію, высчитывалъ у меня изъ жалованья 15 к. за вечеръ. Въ то время мастерская Гѣлица находилась на Пантелеймонской, такъ что мнѣ приходилось совершать бѣгомъ неблизкій путь до академіи, чтобы успѣть къ вечернимъ классамъ, которые были между 5—7 часами.

При поступленіи въ академію, я представилъ инспектору Крутову картину, на которой была изображена Галатея, скопированная съ литографіи довольно первобытнымъ способомъ. Тѣмъ не менѣе, опытъ этотъ былъ найденъ удовлетворительнымъ, вслѣдствіе чего меня помѣстили прямо въ „гипсовый“ классъ, минуя „оригинальный“, нынѣ уже не существующій. Я былъ тогда еще настолько слабъ въ рисованіи и такъ часто манкировалъ, что два года просидѣлъ за гипсовой головкой; но это не помѣшало мнѣ перейти вторымъ въ классъ „гипсовыхъ фигуръ“, гдѣ я пробылъ всего одинъ годъ, а въ 1851 г. перешелъ въ слѣдующій, „натурный“, классъ.

При переводѣ въ „натурный“ классъ, каждый изъ учениковъ выбиралъ себѣ профессора въ видѣ руководителя, къ которому онъ могъ обращаться за совѣтомъ во всякое время и даже съ это цѣлью приходитъ къ нему на квартиру. Я сразу выбралъ профессора Маркова, у котораго было больше учениковъ, нежели у всѣхъ остальныхъ профессоровъ вмѣстѣ, такъ какъ онъ считался наиболѣе доступнымъ и даже отчасти гордился своею популярностью. У иныхъ, какъ напр. у Басина, вслѣдствіе его рѣзкости, было только два ученика, у Бруни не больше, и послѣдній даже неохотно бралъ ихъ, вѣроятно, изъ нежеланія тратить на нихъ время. Каждый профессоръ, во время экзаменовъ, стоялъ за своихъ учениковъ, но у Маркова было ихъ слишкомъ много и у него были любимцы: такъ, на примѣръ, я, бу-

дучи ученивомъ Маркова, всегда получалъ первые номера у Басина, котораго едва зналъ въ лицо, и не могъ разсчитывать на нихъ у Маркова ¹⁾).

На ряду съ практическими занятіями живописью ученикамъ академіи читались лекціи. Я два года слушалъ Буяльскаго, который преподавалъ анатомію по скелету и восковымъ анатомическимъ изображеніямъ, не считая нужнымъ пользоваться трупами. Исторію изящныхъ искусствъ читалъ покойный Григоровичъ; онъ былъ извѣстенъ между учениками своей любимой фразой, повторяемой изъ года въ годъ, на которой либо изъ лекцій, но не болѣе одного раза: „Искусство не колбаса—его нельзя дѣлить по кусочкамъ!“ Эту фразу ученики ожидали заранѣе, съ большимъ нетерпѣніемъ, и профессоръ рано или поздно произносилъ ее, и всегда съ одинаковымъ паѳосомъ.

Къ этому времени относятся мои первые попытки въ портретной живописи; я нарисовалъ свой собственный портретъ и портретъ дочери прачки, а та, въ благодарность, сшила мнѣ рубашки. Кромѣ того, я написалъ за 5 руб. портретъ сапожника, затѣмъ кондитера, который далъ за работу 20 руб., что показалось мнѣ тогда весьма высокою платой. По всѣмъ вѣроятіямъ, за этими заказами послѣдовали бы и другіе, но я не хотѣлъ больше брать посторонней работы, которая отвлекала меня отъ академическихъ занятій. По этой-же причинѣ я вышелъ изъ мастерской Гѣлица и поселился на частной квартирѣ, вмѣстѣ съ литографомъ Брезе. Дѣйствительно, занятія въ академіи пошли успѣшнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я вскорѣ очутился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и хотя нерѣдко питался одними колбасами, чаемъ и хлѣбомъ, но въ два года все-таки задолжалъ 200 р. Не считая себя достаточно сильнымъ въ живописи, я не рѣшался хлопотать о пособіи у академическаго начальства, и только послѣ полученія на одномъ актѣ трехъ

---

¹⁾ Впослѣдствіи этотъ порядокъ былъ отмѣненъ при вице-президентѣ вн Гагаринѣ, потому что было найдено, что профессора слишкомъ усердствуютъ о своихъ ученикахъ, хотя нужно замѣтить, что новые порядки представляютъ то неудобство, что ученики въ большинствѣ случаевъ не рѣшаются обращаться къ профессорамъ за совѣтомъ, между тѣмъ, какъ прежде это было ихъ правомъ.

серебряныхъ медалей, обратился къ профессору Маркову съ просьбой о стипендіи.

— Бѣднѣ васъ люди есть, — сухо замѣтилъ мнѣ Марковъ, имъ нужно давать стипендію.

— Но кто-же можетъ быть бѣднѣ меня—возразилъ я,—мнѣ приходится жить въ долгъ!

— Вы хорошо работаете, продолжалъ профессоръ, и можете сами зарабатывать деньги.

— Это я и самъ знаю, отвѣтилъ я, потому что съ тринадцати лѣтъ существую работой; но одно дѣло зарабатывать хлѣбъ, а другое—учиться.

Послѣ этой бесѣды я потерялъ всякую надежду выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Но тутъ во мнѣ принялъ участіе добродушный помощникъ инспектора академіи, г. Фрике, и выхлопоталъ мнѣ стипендію отъ общества поощренія художествъ. Какъ ни мала была эта стипендія, но она была для меня спасеніемъ и дала мнѣ возможность спокойно работать, тѣмъ болѣе, что, сверхъ того, за лучшіе рисунки выдавались преміи въ пять и десять рублей. Обыкновенно рисунки представлялись члену общества Сапожникову, который при этомъ дѣлалъ весьма вѣрныя и поучительныя замѣчанія, хотя былъ только любитель и не имѣлъ званія художника.

Съ этимъ-же Фрике вышелъ довольно курьезный случай. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ этюдномъ классѣ я всегда получалъ первый номеръ, но однажды Фрике, не разобравъ подписей, очень обидѣлся за меня, своего protégé, когда увидѣлъ, что первый номеръ повѣшенъ не на томъ этюдѣ, который считалъ принадлежавшимъ мнѣ, и такъ усердно хлопоталъ у профессоровъ, что тѣ, наконецъ, согласились перевѣсить номеръ. Когда ошибка обнаружилась, Фрике былъ очень огорченъ и напалъ на меня, что я такъ плохо подписываю свою фамилію и что онъ въ первый разъ вздумалъ заступиться за меня и лишилъ черезъ это перваго номера ¹⁾ и десяти-рублевой преміи.

---

¹⁾ Первый номеръ былъ важенъ въ томъ отношеніи, что получившій его могъ выбрать лучшее мѣсто при началѣ занятій, которое и оставалось за нимъ до окончанія этюда.

III.

Въ 1854 году я, въ числѣ другихъ товарищей, работалъ на малую золотую медаль: „Давидъ передъ Сауломъ“ и, противъ ожиданія, не получилъ ея, а затѣмъ узналъ изъ разговора съ ректоромъ академіи Шибуевымъ, что совѣтъ хотѣлъ дать мнѣ медаль за экспрессию. — „Въ такомъ случаѣ, почему-же меня не удостоили этой чести?“ спросилъ я. — „Потому, что вы никого не просили объ этомъ“, возразилъ Шибуевъ. — Отвѣтъ этотъ совсѣмъ озадачилъ меня при моей неопытности: мнѣ и въ голову не приходило, что въ подобныхъ случаяхъ нужна просьба. Но я не рѣшился воспользоваться полученнымъ урокомъ, и опять безъ всякаго ходатайства представилъ свою вторую работу на сюжетъ: „Геркулесъ, выводящій Цербера изъ ада“, которая и была удостоена малою золотою медалью ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ я долженъ былъ на ряду съ другими конкурентами писать на большую золотую медаль картину: „Саулъ передъ Эндорской волшебницей“, хотя заранѣе сомнѣвался въ успѣшномъ окончаніи работы. Къ этому времени десятилѣтнее неотлучное пребываніе въ Петербургѣ, непрерывная усиленная работа въ академіи и всевозможныя матеріальныя лишенія, особенно въ началѣ 1850 годовъ, настолько подорвали мое здоровье, что я иногда цѣлыми днями не въ состояніи былъ приняться за работу или работалъ не болѣе двухъ, трехъ часовъ въ день.

Наступившая весна еще болѣе усилила во мнѣ потребность отдыха, и тѣмъ труднѣе было устоять противъ соблазна, когда

---

¹⁾ Въ это время со мною былъ слѣдующій случай: разъ утромъ въ мою мастерскую вошелъ неожиданно сѣдой, какъ лунь, старикъ и заявилъ, что видѣлъ мои этюды на академической выставкѣ, и они настолько понравились ему, что у него явилось желаніе познакомиться съ художникомъ, который писалъ ихъ. По странному совпаденію, это оказался тотъ самый живописецъ Петцольдъ, портреты котораго, висѣвшіе въ частной гимназіи въ Биркенру, нѣкогда привели меня въ такой восторгъ, что надежда достигнуть такого-же искусства въ живописи едва ли не была главной причиной, побудившей меня отправиться въ Петербургъ и поступить въ академію.

профессоръ живописи Неффе, учитель великой княгини Екате-
рины Михайловны, предложилъ мнѣ переѣхать въ Ораніен-
баумъ, во дворецъ Елены Павловны, чтобы разрисовать тамъ
стѣны одной комнаты à-la Vatto. Сначала я отказался наотрѣзъ,
ссылаясь на необходимость писать картину для получения ме-
дали и на свое разстроенное здоровье. Тогда проф. Неффе пу-
стилъ въ ходъ всѣ доводы, чтобы убѣдить меня: доказывалъ,
что я для того и долженъ ѣхать, чтобы поправить свое здо-
ровье, и при этомъ описывалъ самыми соблазнительными кра-
сками тѣ развлечения, какія ожидаютъ меня въ Ораніенбаумѣ,
въ видѣ верховой ѣзды, пріятныхъ разговоровъ съ фрейлинами
и пр. Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, я изъявилъ со-
гласіе и отправился въ Ораніенбаумъ со своимъ товарищемъ
Фрике (сыномъ помощника инспектора академіи), которому пре-
доставилъ главную работу по разрисовкѣ стѣнъ, а самъ взялъ на
себя однѣ фигуры.

Но вскорѣ оказалось, что пріятная дачная жизнь, обѣщан-
ная заранѣе профессоромъ Неффе, вовсе не соотвѣтствовала дѣй-
ствительности, такъ какъ никто не думалъ обращать на насъ
ни малѣйшаго вниманія. Въмѣсто ожидаемыхъ развлеченій, я
страшно скучалъ и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе
вернуться въ Петербургъ и продолжать начатую картину. Но
работа въ ораніенбаумскомъ дворцѣ подвигалась медленно, и
когда она была окончена, то осталось всего шесть недѣль до
назначеннаго академіей срока подачи работъ на конкурсъ. Тѣмъ
не менѣе, мнѣ удалось во-время представить свою картину въ
совѣтъ, и послѣ перваго-же засѣданія проф. Неффе объявилъ
мнѣ, что если будутъ даны двѣ медали, то я навѣрно получу
одну изъ нихъ. Но я не совсѣмъ довѣрчиво отнесся къ этому
заявленію, такъ какъ, въ виду поспѣшной работы, не могъ до-
статочно отдѣлать своей картины и не рассчитывалъ, чтобы кто-
либо изъ профессоровъ сталъ поддерживать меня.

Дѣйствительно, хотя были выданы четыре медали ¹⁾, но я не
получилъ ни одной изъ нихъ, вслѣдствіе чего лишился возможно-

¹⁾ Получили медали: Е. В. Годунъ, М. Васильевъ, Мартыновъ и
Н. Н. Ге; при этомъ Ге, наиболѣе талантливый изъ нихъ, получилъ только
четвертую медаль, такъ какъ за него было наименьшее число голосовъ.

сти отправиться за границу на казенный счет. Это тѣмъ болѣе огорчило меня, что я чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ чтобы продолжать занятія въ академіи и конкуррировать вторично на большую золотую медаль, что дозволялось въ тѣ времена, такъ что нѣкоторые конкуррировали до четырехъ разъ. Поэтому, когда Марковъ, не понимая настоящей причины моего огорченія, сталъ утѣшать меня надеждой на получение медали въ слѣдующемъ году, то я отвѣтилъ сгоряча, что „если бы мнѣ теперь-же предложили десять медалей, съ обязательствомъ остаться еще годъ въ академіи и конкуррировать вторично, то я отказался бы отъ нихъ; потому что не дожиль бы до окончанія работы“.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось самому позаботиться о пріисканіи средствъ для болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха. Меня, какъ художника, тянуло отправиться за границу, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы я свыкъся съ этою мыслью, работая сперва на малую, а потомъ на большую золотую медаль. Вскорѣ счастливый случай вывелъ меня изъ затрудненій: мнѣ поручили писать портретъ покойнаго государя во весь ростъ. Эту работу я окончилъ весной 1857 года и получилъ за нее 1,200 рублей, изъ которыхъ половину послалъ своимъ роднымъ въ Лифляндію, а 600 рублей оставилъ себѣ на поѣздку за границу. Я былъ безконечно счастливъ и прощался съ знакомыми съ такою сіяющей фізіономіей, что вызвалъ съ ихъ стороны замѣчаніе, что „я какъ будто радуюсь своей разлуцѣ съ ними“. Каждый лишній часъ, проведенный въ Петербургѣ, только усиливалъ мое нетерпѣніе. Не удержалъ меня и заказъ гр. Сиверса „Распятіе“ для Венденской церкви, полученный за годъ передъ тѣмъ, съ задаткомъ въ 200 р. Графъ хотѣлъ было заставить меня исполнить заказъ передъ отъѣздомъ, но, въ виду моего упорнаго отказа и предложенія возвратить задатокъ, согласился, чтобы картина была написана за границей.

IV.

Я объѣхалъ часть Германіи, Голландію, Бельгію и отсюда отправился въ Парижъ. Во всѣхъ городахъ, гдѣ только были картинныя галереи, я считалъ своимъ долгомъ подробно осматривать ихъ; но при сильномъ нравственномъ утомленіи и разстроенномъ здоровьи это было для меня своего рода тяжелой работой. Даже при посѣщеніи лучшихъ изъ нихъ я не испытывалъ и тѣни того восторга, какой нѣкогда испыталъ въ картинной галереѣ князей Ливенъ въ Кремонѣ. Такое-же сравнительно слабое впечатлѣніе произвели на меня картины, видѣнныя мною на всемірной парижской выставкѣ. Ни тогда, ни послѣ не являлось у меня желанія копировать съ казихъ-либо картинъ, такъ какъ я находилъ, что природа самый лучший учитель. Мнѣ казалось, что первой задачей художника должно быть достиженіе наибольшей простоты и правды, безъ утрировки въ сторону крайняго идеализма или реальности, доходящей до грубости или уродливости. Послѣднимъ особенно грѣшатъ русскіе художники, что на всемірной парижской выставкѣ 1857 года особенно неприятно поражало иностранцевъ, которые привыкли требовать поэзіи отъ художественныхъ произведеній, если не въ композиціи, то въ колоритѣ.

Вообще мнѣ вѣжется, что въ нынѣшнее время, при безконечномъ разнообразіи манеръ писанія и подражанія природѣ, доходящемъ до обмана, можно думать, что истинный путь найденъ. Такимъ образомъ стремленіе создать еще какую-то новую школу и погоня за оригинальностью и характерными особенностями становится уже удаленіемъ, а не приближеніемъ къ истинѣ.

Въ Парижѣ я нанялъ себѣ мастерскую, рядомъ съ своимъ товарищемъ Бутковскимъ, и такъ усердно принялся за „Распятіе“, что кончилъ его въ одну зиму и отослалъ къ гр. Сиверсу; затѣмъ написалъ еще нѣсколько этюдовъ и голову астронома Галилея съ одного старика француза. Хотя сравнительно я мало принималъ участія въ публичныхъ увеселеніяхъ, но тѣмъ не менѣе вѣчный шумъ и суета Парижа настолько утомили

меня, что дальнѣйшее пребываніе здѣсь казалось мнѣ невозможнымъ. Съ наступленіемъ весны я отправился на воды въ Глейзь-Веларъ, гдѣ здоровье мое настолько поправилось, что вскорѣ я въ состояніи былъ совершать довольно далекія экскурсіи, а черезъ два мѣсяца поѣхалъ въ Мюнхенъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось присутствовать при празднованіи 700-лѣтняго юбилея города. Дѣйствительно, видѣнное мною торжество превзошло всѣ мои ожиданія и произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я до сихъ поръ помню его до малѣйшихъ подробностей ¹⁾.

Изъ Мюнхена я отправился въ Швейцарію, а оттуда черезъ Миланъ, Геную, Ливорно и Флоренцію въ Римъ, составлявшій конечную цѣль моихъ стремленій. Въ Римѣ, какъ всегда, было много художниковъ различныхъ націй, особенно нѣмцевъ, съ которыми я и сблизился, такъ какъ считалъ ихъ общество болѣе полезнымъ для себя, нежели моихъ прежнихъ товарищей по академіи, которые далеко уступали имъ въ образованіи. Около этого времени у нихъ образовалось общество, названное „Колонна“, отъ Café Colonna, гдѣ собирались члены, составлявшіе сперва небольшой кружокъ, который постепенно увеличился до 20 человекъ. Въ числѣ ихъ, помимо художниковъ, были поэты, филологи, археологи, естествоиспытатели и даже агрономы, что не мало способствовало разнообразію и оживленію происходившихъ сборищъ. Иногда всѣ сообща предпринимали экскурсіи въ окрестности Рима и у нихъ затѣвалась игра „Piastrella“ (камни), въ виду живописныхъ развалинъ или обширной римской Кампаньи, которая вначалѣ поражаетъ своею пустынною, но чѣмъ дальше, тѣмъ становится обаятельнѣе, по красотѣ линий и переливамъ тоновъ. Нерѣдко цѣлые вечера проходили въ бесѣдѣ, всегда разнообразной, и спорахъ, всегда горячихъ; разъ устроилось даже нѣчто въ родѣ состязанія въ остроуміи; составилось двѣ партіи: на одной сторонѣ были художники, на другой ученые

---

¹⁾ Между прочимъ, устроена была грандіозная процессія изъ группъ представителей семи вѣковъ, въ соответствующихъ костюмахъ, въ которыхъ была соблюдена полнѣйшая историческая вѣрность. Вечеромъ былъ данъ банкетъ въ стилѣ XVI-го вѣка; трубачи и герольды объявляли о прибытіи почетныхъ гостей, историческихъ императоровъ и королей, участвовавшихъ въ процессіи. Любопытно было видѣть, какъ настоящій царствовавшій въ то время баварскій король принималъ ихъ, и т. п.

филологи, археологи и проч., и побѣда осталась за художниками. Въ другой вечеръ скульпторъ Кауэръ, отличный каррикатуристъ, къ общему удовольствію нарисовалъ углемъ всѣхъ членовъ общества и развѣсилъ свои каррикатуры кругомъ стѣнъ.

Я велъ въ Римѣ таковой-же образъ жизни, какъ большинство художниковъ: работалъ въ своей мастерской, осматривалъ картинныя галлерей, посѣщалъ развалины и окрестности города. Одною изъ первыхъ работъ моихъ, исполненныхъ вскорѣ по приѣздѣ, былъ „Левъ съ мальчикомъ“, по новеллѣ Гёте, такъ какъ мнѣ хотѣлось воспроизвести типичнаго льва, видѣннаго мною въ звѣринцѣ. Затѣмъ я написалъ нѣсколько мелкихъ вещей и принялся за отдѣлку „Распятія“, начатаго въ Парижѣ, которое служило оригиналомъ для „Распятія“, отосланнаго гр. Сиверсу.

До этого я никогда не занимался акварелью и впервые принялся за нее въ „костюмномъ“ классѣ, гдѣ каждый вечеръ по два часа сидѣли модели въ различныхъ костюмахъ Италіи, за что, включая освѣщеніе, каждый посѣтитель платилъ за входъ около 20 в. на наши деньги. Этотъ „костюмный“ классъ содержался бывшимъ бандитомъ, который добровольно сдался папскому правительству и получалъ отъ него ежемѣсячно небольшую субсидію. Днемъ онъ развѣзжалъ по улицамъ въ качествѣ извозчика, но такъ какъ этотъ заработокъ оказывался недостаточнымъ, то, для увеличенія доходовъ, имъ устроенъ былъ вечерній „костюмный“ классъ. Онъ сталъ совсѣмъ мирнымъ гражданиномъ, но, въ память своей прежней профессіи, ежегодно позировалъ, хотя-бы одинъ вечеръ, въ полномъ костюмѣ бандита, во всемъ вооруженіи, и заставлялъ художниковъ, посѣщавшихъ его мастерскую, изображать себя въ этомъ видѣ.

Я освоился довольно скоро съ акварельною живописью и достигъ такой живости колорита, что нѣкоторые даже спрашивали меня, какими красками я пишу, предполагая, что я употребляю какія-то особенныя краски. Вскорѣ мнѣ пришлось представить свои акварели великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ во время посѣщенія Рима ея высочествомъ. При этомъ, чтобы объяснить недостаточную отдѣлку нѣкоторыхъ изъ нихъ, я счелъ нужнымъ сказать въ свое оправданіе, что писалъ ихъ не болѣе двухъ часовъ, между тѣмъ, какъ на тѣ этюды, которые понравились ея высочеству, мною было употреблено

вдвое больше времени. Великая княгиня улыбнулась на это замѣчаніе и спросила: нѣтъ ли у меня акварелей, написанныхъ въ восемь часовъ?

Затѣмъ ея высочество сказала, что желала-бы рекомендовать, въ качествѣ ученика, кого нибудь изъ русскихъ молодыхъ художниковъ двумъ нѣмецкимъ знаменитостямъ: Корнелиусу и Овербеку, которые въ это время находились въ Римѣ. Я отвѣтилъ на это, что хотя Овербекъ болѣе другихъ приближается къ Рафаэлю, но у него мало жизни въ фигурахъ, а Корнелиусъ только великъ въ композиціи, чего онъ, конечно, не можетъ передать своимъ ученикамъ, и что при этомъ онъ болѣе чѣмъ слабъ въ исполненіи и, въ особенности, въ колоритѣ. Великая княгиня была видимо недовольна моею критикою нѣмецкихъ знаменитостей; она тотчасъ перемѣнила тонъ и своимъ гордымъ величіемъ напомнила мнѣ въ эту минуту, что она дочь императора Николая Павловича. Тѣмъ не менѣе, ея высочество общалась со мною, и дѣйствительно, въ назначенный часъ, явилась въ мою мастерскую. Она сѣла на табуретку передъ мольбертомъ, на которомъ была начатая картина, затѣмъ обратила свое вниманіе на „Распятіе“, уже въ то время тщательно отдѣланное, и отозвалась о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. При этомъ она заботливо спрашивала меня о моихъ занятіяхъ, будущихъ планахъ и средствахъ къ жизни, и когда въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ мнѣ пришлось сознаться въ моихъ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ ¹⁾, ея высочество пожелала узнать: почему я не пошлю „Распятія“ въ петербургскую академію художествъ для полученія золотой медали? Я отвѣтилъ, что писалъ эту картину внѣ условій конкурса и поэтому не осмѣливаюсь представить ее въ совѣтъ академіи ²⁾.

¹⁾ Въ это время я нѣрѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ, и только отчасти былъ выведенъ изъ своего затруднительнаго положенія двухлѣтней стипендіей „Общества поощренія художествъ“ въ 300 р. Полученіемъ послѣдней я былъ обязанъ члену „Общества“ Э. Э. Львову, который, не дожидаясь моей просьбы, воспользовался освобожденіемъ стипендіи, чтобы дать мнѣ возможность продолжать свое образованіе за границей. Кромѣ того онъ предложилъ мнѣ посылать въ „Общество“ всѣ мои небольшія работы, и обѣщавъ немедленно высылать за нихъ деньги, что было въ точности исполнено имъ.

²⁾ Впослѣдствіи эта картина была послана мною изъ Рима въ академію художествъ и я получилъ за нее званіе академика.

Вскорѣ послѣ того я шелъ утромъ, опустивъ голову, по улицѣ Quattro Fontano, занятый своими мыслями, но тутъ услышалъ за собой голосъ великой княгини:

— „Куда вы, любезный?“

Эта неожиданная встрѣча настолько смутила меня, что я съ трудомъ могъ отвѣтить, что иду къ скульптору фонъ-Бокку.

— „Не можете-ли вы сказать мнѣ, гдѣ живетъ Корнелиусъ?“ спросила еще ея высочество.

Хотя я зналъ требуемый адресъ, но въ эту минуту не въ состояннн былъ ничего вспомнить или сообразить, и улыбаясь, бессознательно смотрѣлъ на фрейлину, сидѣвшую въ экипажѣ, рядомъ съ великой княжной, что заставило и ту улыбаться. Наконецъ, я окончательно сконфузился и убѣжалъ, не отвѣтивъ на предложенный мнѣ вопросъ.

V.

Обыкновенно лѣтомъ всѣ художники, не исключая и меня уѣзжали изъ Рима въ горы или совершали экскурсіи по живописнымъ мѣстностямъ Италіи; при этомъ, смотря по времени, каждый писалъ этюды: карандашемъ, акварелью или даже масляными красками.

Наиболѣе продолжительная экскурсія была предпринята мною въ августѣ 1859 года, въ обществѣ скульптора Бокка. Мы опять начали съ Неаполя, посѣтили Искію и островъ Капри, который привелъ насъ въ восторгъ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ и оставилъ въ насъ самое поэтическое воспоминаніе. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколько старыхъ знакомыхъ и, между прочимъ, нѣмецкаго писателя Альмерса и д-ра Гёккеля, который ежедневно, цѣлыми часами, ловилъ въ морской водѣ различныхъ животныхъ и затѣмъ разсматривалъ ихъ подъ микроскопомъ. Обыкновенно въ этой ловлѣ принимала дѣятельное участіе вся остальная компанія. Многіе ходили въ самыхъ невообразимыхъ костюмахъ, въ особенности Альмерсъ, что было вполне возможно, потому что посторонніе посѣтители составляли рѣдкость. Почти изо-дня въ день предпринимались различныя

прогулки пѣшкомъ или въ видѣ катанья въ лодкѣ. Не забыта была и знаменитая Grotta Azzuga, но полученное впечатлѣніе было нарушено появленіемъ нѣсколькихъ челоуѣкъ берлинцевъ съ ихъ неизмѣнной прозой. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что „если-бы знаменитый гротъ находился бы по близости Берлина, то не пришлось бы вѣзжать въ него въ маленькой лодкѣ, согнувъ спину, такъ какъ навѣрно были бы продѣланы просторныя ворота“.

Изъ Капри я проѣхалъ въ Сорренто, гдѣ прожилъ шесть недѣль, занимаясь пейзажною живописью, которая особенно привлекала меня, потому что вмѣстѣ съ изученіемъ природы давала возможность оставаться долго на воздухѣ, что было для меня особенно необходимо. Здоровье мое, попрежнему, было далеко не блестящее; по временамъ я испытывалъ таковой упадокъ силъ, что товарищи были увѣрены, что мнѣ недолго остается жить, а въ Петербургѣ между знакомыми даже пронесся слухъ, что я умеръ. Нравственное мое состояніе было не лучше; мнѣ недоставало прежней энергіи и устойчивости, вслѣдствіе чего я не могъ приняться ни за какую серіозную работу и былъ постоянно недоволенъ собою. Меня все чаще и чаще преслѣдовала мысль, что если такъ будетъ и впредь, то не стоитъ влечить такое жалкое существованіе. При этомъ самое пребываніе въ Италіи начало тяготить меня, потому что, не смотря на множество знакомыхъ, я чувствовалъ себя здѣсь болѣе отчужденнымъ, нежели гдѣ-либо; подъ конецъ, томительное желаніе увидѣть родину настолько овладѣло мною, что я рѣшилъ вернуться въ Россію.

По дорогѣ я осмотрѣлъ наиболѣе замѣчательныя города Италіи: Болонью, Равенну, Верону, Венецію; затѣмъ, проѣзжая черезъ Берлинъ, счелъ своимъ долгомъ посѣтить Корнелиуса. Нѣмецкій художникъ любезно принималъ меня и осыпалъ вопросами о Римѣ, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, но, видя изъ моихъ отвѣтовъ, что я отношусь сочувственно къ Гарибальди, началъ сердиться, такъ какъ самъ былъ сторонникомъ папы, и, подъ конецъ, объявилъ съ паѳосомъ, что „запрещаетъ въ своемъ домѣ говорить такъ о Гарибальди!“ Я невольно засмѣялся, потому что не могъ придать серіознаго значенія подобному заявленію, и просилъ хозяина дома переимѣнить разго-

воръ и показать мнѣ свои послѣднія работы, на что послѣдовало милостивое согласіе.

VI.

Я прибылъ въ Петербургъ 30-го августа 1862 г. и привезъ съ собой множество этюдовъ, а также нѣсколько картинъ: „Итальянка, переходящая черезъ ручей“, „Дѣвушка, черпающая воду“ и пр. Отдохнувъ немного съ дороги, я сдѣлалъ визитъ профессору Маркову, который встрѣтилъ меня словами, что „давно ожидаетъ меня и хочетъ переговорить со мною объ одномъ дѣлѣ“. Оказалось, что Маркову поручено было писать куполь храма Спасителя въ Москвѣ и онъ рѣшилъ пригласить меня себѣ въ помощники какъ своего бывшего ученика; при этомъ предоставлялъ мнѣ на выборъ: получать съ него плату по-мѣсячно или „по-штучно“. Затѣмъ онъ спросилъ: долго-ли я думаю пробывать въ Петербургѣ, есть-ли у меня деньги и работа? Я отвѣтилъ, что не имѣю ни гроша денегъ и пока никакихъ занятій, и поэтому не могу сказать ничего опредѣленнаго о своей будущности; но тѣмъ не менѣе прежде, чѣмъ взять на себя предложенную работу, просилъ бы дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе.

Однако, послѣ этого свиданія прошло довольно много времени и я не могъ ни на что рѣшиться. Мнѣ было извѣстно, что самъ Марковъ не въ состояніи выполнить взятый заказъ безъ посторонней помощи и, заручившись мною, не только обратитъ меня въ чернорабочаго, но еще будетъ постоянно замедлять работу своимъ вмѣшательствомъ. Не сомнѣвался я также и въ томъ, что если работа окажется удачною, то будетъ приписана Маркову, а въ противномъ случаѣ всѣмъ было бы извѣстно, что ее исполнялъ именно я. Но я стѣснялся высказать это своему бывшему наставнику и отълаживалъ объясненіе со дня на день, пока не встрѣтилъ Маркова на улицѣ, и этотъ сердитымъ голосомъ замѣтилъ мнѣ, что „давно ждетъ моего отвѣта!“ Долѣе отдѣлываться молчаніемъ было немислимо и я объяснилъ ему, что „не рѣшаюсь воспользоваться его предложеніемъ изъ

боязни ещё больше разстроить свое слабое здоровье, такъ какъ придется писать въ сыромъ зданіи, и что я возьму на себя работу только въ томъ случаѣ, если по окончаніи ея буду имѣть возможность отдохнуть и нѣкоторое время не брать никакихъ заказовъ“ (т. е. если работа будетъ достаточно вознаграждена). Неизвѣстно, понялъ-ли Марковъ, что хотѣлъ я сказать этимъ, только онъ разгнѣвался и изъявилъ претензію, что такъ долго ждалъ отвѣта. Въ заключеніе онъ спросилъ меня:

— „Чѣмъ намѣрены вы заняться?“

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— „Ну, такъ я знаю, сказалъ Марковъ,—вы будете писать на званіе профессора и не получите его...“¹⁾

Съ этимъ напутствіемъ я отправился домой, предаваясь самымъ печальнымъ размышленіямъ относительно своего затруднительнаго матеріальнаго положенія. Къ счастью, Ѳ. Ѳ. Львовъ, который, попрежнему, принималъ самое искреннее участіе въ моей судьбѣ, позаботился доставить мнѣ мѣсто преподавателя въ высшихъ женскихъ классахъ „Общества поощренія художествъ“, а также въ „гипсовомъ классѣ“, гдѣ, вслѣдствіе смерти медальернаго профессора и до назначенія новаго, временно открылась вакансія. Тогда-же я получилъ приглашеніе давать уроки рисованія (а впослѣдствіи живописи) великой княгинѣ Маріи Александровнѣ, которые продолжались около двѣнадцати лѣтъ, до выхода замужъ ея императорскаго высочества за принца Эдинбургскаго. Государь часто заходилъ во время урока, какъ въ петербургскомъ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Петергофѣ, гдѣ для этюдовъ съ натуры занятія происходили на чистомъ воздухѣ. Его величество съ самымъ живымъ участіемъ слѣдилъ за успѣхами своей единственной, нѣжно любимой дочери, что можно было замѣтить изъ выраженія его лица и всего обращенія съ нею. Послѣ урока, въ большинствѣ случаевъ, они

---

¹⁾ Послѣ этого Марковъ обратился къ художнику Сорокину, который, по слухамъ, потребовалъ отъ него 30 тыс., и такъ какъ цѣна показалась ему чрезмѣрною, то онъ заключилъ условіе съ Макаровымъ. Съ этимъ онъ также почему-то не поладилъ и, наконецъ, пригласилъ себѣ въ помощники третьяго художника, вслѣдствіе чего писаніе купола обошлось ему несравненно дороже той суммы, какую назначилъ Сорокинъ.

удалались одновременно, потому что это былъ часъ, назначенный для ихъ совмѣстной прогулки.

VII.

Лѣтомъ 1863 года я отправился въ Ревель, такъ какъ думалъ заняться мѣстными народными типами. Съ этою цѣлью я сталъ посѣщать рынокъ, гдѣ всегда толпился заѣзжій сельскій людъ, и на первыхъ же порахъ видъ угнетеннаго, забитаго народа произвелъ на меня невыразимо-грустное впечатлѣніе. Видалъ я въ Италіи много нищихъ въ лохмотьяхъ, но они все-таки казались мнѣ людьми и, требуя помощи, съ чувствомъ собственного достоинства протягивали руку; здѣсь-же никто не просилъ милостыни, хотя нищета была очевидная и печать долгаго невысказаннаго горя лежала на лицахъ. Мнѣ не разъ приходили на память слова извѣстнаго писателя г. Меркеля, сказанныя о латышахъ и вполне примѣнимыя къ моимъ соплеменникамъ: „Взгляните имъ въ лицо. Въ искаженныхъ, мрачныхъ чертахъ жестоко усмѣхнется вамъ голодь, безчувствіе, лишенное всякой душевной силы, рабское чувство...“ ¹⁾ Чѣмъ ближе присматривался я къ положенію крестьянъ, тѣмъ болѣе усиливалось чувство глубокаго состраданія, охватившее мою душу, такъ какъ дѣйствительность превосходила все, что могла создать самая дивная фантазія. Не разъ, выйдя за городъ, я плакалъ какъ ребенокъ отъ сознанія своего полнаго безсилія помочь чѣмъ-либо несчастному народу. Особенно поразило меня повѣствованіе одной 64-хъ-лѣтней старухи съ исхудалымъ, помертвѣвшимъ лицомъ, которую я выбралъ моделью для этюда. Она приписывала всѣ свои несчастія пастору, на землѣ котораго жила прежде съ мужемъ и дѣтьми. По ея словамъ, пасторъ своимъ дурнымъ обращеніемъ едва не довелъ до самоубійства ея сына, отнялъ у нихъ усадьбу и скоть, и ея мужъ, лишившись всего, отправился зимой на заработки и замерзъ дорогою.

---

¹⁾ Латыши въ Ливоніи въ исходѣ философскаго столѣтія. Гарлиба Меркеля. Перев. съ нѣм., см. Чт. Ист. п Др. Рос. 1870. Т. I, стр. 1—178.

Не мало другихъ подобныхъ разсказовъ приходило мнѣ слышать тогда, изъ которыхъ я могъ вывести заключеніе, что „церковные господа“, какъ крестьяне называли пасторовъ, не уступали въ притѣсненіяхъ помѣщикамъ.

Еще свѣжо было преданіе о военномъ судѣ надъ виновниками безпорядковъ на мызѣ Махтерсъ, близъ Ревеля. Главнымъ поводомъ къ волненію крестьянъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, было то, что для введенія въ дѣйствіе крестьянскаго устава 1856 года опредѣленъ былъ 10-тилѣтній срокъ, въ теченіи котораго крестьяне должны были, попрежнему, отправлять барщину и платить тѣ-же оброки. Никто не считалъ нужнымъ объяснить имъ, при обнародованіи устава на эстонскомъ языкѣ въ 1858 г., что на томъ же основаніи совершилось ихъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости въ 1816 году, при которомъ установленъ былъ еще болѣе продолжительный срокъ, для переходнаго положенія. Крестьяне видѣли только, что новый уставъ ничѣмъ не облегчитъ ихъ участи, и были убѣждены, что дворяне обманываютъ государя, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, не могъ быть изданъ такой законъ, который будетъ исполняться не ранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ. Въ народѣ начался ропотъ; собирались сходки въ домахъ и корчмахъ, что еще болѣе способствовало возбужденію умовъ, но дворяне и пасторы, по своему высокому мѣру, не обращали на это никакого вниманія, и только тогда, когда недовольство крестьянъ выразилось открытымъ сопротивленіемъ власти, вызваны были войска. Особенно крутыя мѣры были применены къ виновникамъ безпорядковъ на мызѣ Махтерсъ, о которыхъ очевидцы разсказывали слѣдующее:

Едва окончена была расправа съ крестьянами по сосѣдству, какъ въ одно утро къ нимъ на помощь собралось у мызы Махтерсъ до 10,000 крестьянъ, съ разныхъ и даже довольно отдаленныхъ мѣстъ. Сперва все было тихо, и крестьяне спокойно заявляли свои требованія; но когда вслѣдъ затѣмъ принесена была вода, къ несчастью слишкомъ распространенная между эстонцами, начались безчинства: мыза сгорѣла до тла, а ея обитатели спаслись бѣгствомъ. Мѣстная команда была слишкомъ малочисленна для водворенія порядка и поэтому вызванъ былъ отрядъ солдатъ и произведены аресты, за которыми слѣдовалъ военный судъ. Это событіе навело такой страхъ на сосѣднихъ

помѣщиковъ, что они немедленно выѣхали изъ своихъ мызъ, и даже одинъ изъ нихъ, который пользовался общимъ расположеніемъ своихъ арендаторовъ, счелъ нужнымъ также обратиться въ бѣгство, не смотря на всѣ ихъ увѣренія, что ему бояться нечего, такъ какъ они сами готовы защищать его въ случаѣ необходимости.

Мнѣ приходилось также не разъ бесѣдовать съ русскими офицерами, которые съ грустію говорили о томъ, какъ нѣмецкіе чиновники заставляли ихъ производить экзекуціи надъ крестьянами, вслѣдствіе требованія военной помощи со стороны нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. То-же рассказывали мнѣ и сами крестьяне и еще въ болѣе яркихъ краскахъ, когда я былъ наединѣ съ ними. Но всѣхъ возмутительнѣе, по словамъ очевидцевъ, была такъ наз. „ревельская экзекуція“, происходившая въ іюлѣ 1858 года. Здѣсь также главную роль играли несбывшіяся ожиданія, вызванныя крестьянскимъ уставомъ 1856 г. Крестьяне-арендаторы, принадлежавшіе къ помѣстью Анніа, видя, что, не смотря на обнародованіе новаго устава, нѣтъ никакихъ улучшеній въ ихъ бытѣ, рѣшились, послѣ долгихъ совѣщаній, идти въ Ревель къ губернатору за разъясненіями и въ то же время съ жалобами на своего помѣщика. Но передъ этимъ они сочли нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ мѣстному жандармскому полковнику, который сказалъ имъ: „Васъ шестьдесятъ человѣкъ, если вы явитесь всѣ разомъ къ губернатору, то это будетъ имѣть видъ возмущенія; выберите троихъ, а остальные не ходите“. Совѣтъ этотъ былъ выполненъ въ точности; въ Ревель пошли только трое, но тамъ уже было извѣстно, сколько человѣкъ намѣревалось отправиться туда первоначально. Посланные были милостиво приняты и на вопросъ: „развѣ васъ всего трое, а не больше?“—отвѣтили: „насъ много, но тѣ остались дома!“—„Ну, такъ приходите всѣ вмѣстѣ и васъ выслушаютъ“, сказали имъ. Посланные вернулись къ своимъ и передали полученный приказъ. Тогда всѣ шестьдесятъ человѣкъ хозяевъ-арендаторовъ явились въ Ревель, гдѣ они тотчасъ же были окружены военной командой, которая съ барабаннымъ боемъ повела ихъ черезъ Вышгородъ на такъ называемую въ то время „Русскую площадь“, гдѣ уже были заранѣе привезены шпицрутены. Началась экзекуція, отъ которой, по рассказамъ мѣстныхъ жителей,

образовались лужи крови; одинъ крестьянинъ, когда наступила его очередь, хотѣлъ было подложить свой кафтанъ, чтобы не лечь лицомъ въ кровь, но кто-то изъ зрителей выхватилъ у него кафтанъ со словами: „какое еще нужно тебѣ удобство!“...

Хотя городъ Ревель протестовалъ противъ такого зрѣлища, но нашлись люди, которые сочувственно отнеслись къ нему; между прочимъ, пасторъ изъ Кузаль выразился объ экзекуціи, что „это спасительное дѣло“ (das ist eine rettende That). Такого же рода мѣры для усмиренія крестьянъ были одновременно приняты на островѣ Даго.

VIII.

Всѣ эти рассказы до глубины сердца волновали меня; картина ревельской экзекуціи неотступно представлялась моему воображенію и принимала ярвія краски дѣйствительности.

Возможно ли, спрашивалъ я себя, чтобы такъ обращались съ сельскимъ населеніемъ, которое составляетъ силу и богатство края! Я зналъ прошлую исторію моей родины и всѣ перенесенныя ею тяжелыя испытанія и не считалъ это чѣмъ либо исключительнымъ, потому что какіе народы не переносили ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Но я не могъ помириться съ мыслью, что подобныя варварства могли совершаться въ 1858 году, въ то время, когда Царь-Освободитель готовилъ свое великое дѣло освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Мнѣ казалось, что нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что тѣ же безобразныя сцены не могутъ повториться на моей родинѣ въ ближайшемъ будущемъ. Я невольно задавалъ себѣ вопросъ: всегда ли эстонцы будутъ ограничиваться частными вспышками недовольства существующими порядками, такъ какъ по моему глубокому убѣжденію миръ не могъ быть проченъ тамъ, гдѣ не было справедливости, а народная масса вездѣ одинакова въ своихъ проявленіяхъ—дивая и необузданная, когда перейдетъ извѣстные предѣлы. Между тѣмъ прибалтійскіе дворяне и духовенство, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, не сдѣлали ничего, чтобы сбли-

зяться съ кореннымъ населеніемъ и понять его нужды. Они остались гордыми обособленными завоевателями, даже подъ русскимъ господствомъ, и не считали нужнымъ подумать объ удовлетвореніи законныхъ требованій сельскаго кореннаго населенія. Они хотѣли одной покорности, и для достиженія этой цѣли прибѣгали къ помощи военной силы, чѣмъ доказывали только свою полную неспособность смотрѣть на дѣло съ общечеловѣческой точки зрѣнія и добровольно приступить къ реформамъ, которыя согласовались бы съ общимъ направленіемъ новой эпохи. Напрасно время отъ времени раздавались голоса честныхъ людей изъ среды нѣмецкаго дворянства, не зараженныхъ тлѣтворной нравственной атмосферой прибалтійскихъ провинцій, которые говорили въ пользу сельскаго населенія, не только съ гуманной точки зрѣнія, но и въ виду интересовъ своего сословія. Они подвергались неумолимымъ преслѣдованіямъ, равно какъ та же участь постигала лицъ, которыя, подобно обоемъ Меркелямъ, Отто фонъ-Руттенбербу и др., осмѣливались напомнить печатно потомкамъ рыцарей-завоевателей, что пора покончить счеты и загладить старые грѣхи.

Уже, по самой своей профессіи, я былъ искреннимъ поклонникомъ мирнаго прогресса, при которомъ только возможны успѣхи наукъ и искусствъ, и врагъ всякаго насилія и кровопролитія. То и другое казалось мнѣ неизбѣжнымъ въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ, если останутся тѣ-же порядки. Прийдя къ такому заключенію, я уже не въ состояніи былъ остаться празднымъ зрителемъ бѣдъ своей родины и не считалъ, что званіе художника избавляетъ меня отъ обязанностей человѣка и гражданина. Я сталъ усиленно думать о томъ, чтобы принести свою лепту на служеніе соплеменникамъ и привести ихъ къ инымъ лучшимъ условіямъ жизни. Не русскимъ же людямъ, думалъ я, брать на себя починъ въ дѣлѣ, касающемся населенія, чуждаго имъ по языку, религіи и нравамъ! При этомъ мирный путь казался мнѣ единственно полезнымъ и возможнымъ, путь сближенія съ Россіей; я не желалъ насилія противопоставлять насилію. Никто не могъ заподозрить меня въ личныхъ корыстныхъ цѣляхъ, и у меня явилась надежда, что мое мнѣніе будетъ выслушено и совѣты не пропадутъ даромъ.

Во время моихъ экскурсій для сниманія типовъ въ окрест-

ностях Ревеля и на островѣ Даго, я пользовался каждымъ случаемъ, чтобы побесѣдовать съ дворянами-землевладѣльцами о глубоко занимавшемъ меня вопросѣ. Я доказывалъ имъ необходимость исполнить давній, лежащій на нихъ, нравственный долгъ и добровольно отказаться отъ своихъ феодальныхъ отжившихъ правъ, такъ какъ со временемъ коренное население, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, можетъ возвратить себѣ силою то, что нѣкогда было отнято у него силою, а такой исходъ былъ менѣе всего желателенъ. Говорилъ я также не разъ о печальныхъ результатахъ систематической деморализаціи простаго народа, доказывалъ, что крестьяне имѣютъ законное право пріобрѣтать, хотя бы за деньги, землю, нѣкогда принадлежавшую ихъ предкамъ. Въ числѣ другихъ возраженій, какія мнѣ приходилось выслушивать, одинъ помѣщикъ заявилъ между прочимъ, что „все это будетъ со временемъ, только не мѣшали бы имъ самимъ устраивать свои дѣла!“ На это могъ быть единственный отвѣтъ: что имъ нечего было особенно жаловаться на постороннее вмѣшательство и, наоборотъ, они сами слишкомъ часто прибѣгали къ помощи военной силы, что дискредитировало въ глазахъ народа какъ ихъ самихъ, такъ и употребляемое ими средство.

Также неутѣшительно было все то, что приходилось мнѣ слышать во время сеансовъ отъ самихъ крестьянъ, которыхъ я приглашалъ къ себѣ на квартиру для сниманія типовъ, встрѣчалъ на рынкѣ или сталкивался по тому или другому дѣлу. Я не могъ сомнѣваться въ томъ, что ихъ настроеніе далеко не было такъ спокойно, какъ казалось по наружности, послѣ упомянутыхъ мѣръ усмиренія. Они постоянно толковали о милостяхъ, дарованныхъ русскимъ крестьянамъ, по манифесту 19-го февраля 1861 года, и надѣленіи ихъ землею, между тѣмъ какъ они, не имѣя никакой надежды на пріобрѣтеніе земли въ наслѣдственную собственность, должны были оставаться въ прежней кабалѣ у помѣщиковъ. Не смотря на цѣлыя вѣка рабства, у нихъ не было яснаго представленія о томъ, въ чемъ заключаются права дворянъ и какъ велики были эти права. Они были убѣждены, что все зло происходитъ отъ того, что русскій царь не знаетъ, какіе порядки существуютъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, потому что,

въ противномъ случаѣ, сжалился бы надъ несчастными эстонцами и распространилъ бы на нихъ свои милости.

Эта увѣренность мало-по-малу привела ихъ къ мысли послать депутацію къ государю, чтобы довести до свѣдѣнія его личества о печальномъ положеніи мѣстнаго сельскаго населенія. Я узналъ объ этомъ намѣреніи уже по своемъ прибытіи въ Феллинъ, гдѣ увидѣлъ у одного учителя Адамсона (теперь уже умершаго) проектъ прошенія, составленный крестьянами. Внимательно прочитавъ прошеніе, я нашель, что оно написано въ невозможныхъ выраженіяхъ. То-же повторилъ я и крестьянамъ, когда они обратились ко мнѣ за совѣтомъ, такъ какъ многіе изъ нихъ знали меня еще ребенкомъ. Они возразили, что „написали только правду“, но, выслушавъ мои замѣчанія, согласились, хотя съ трудомъ, смягчить свою, такъ называемую, „правду“. Я не рѣшился отговаривать ихъ отъ посылки депутаціи, потому что эстонцы не имѣли другихъ средствъ довести что-либо до свѣдѣнія русскаго правительства, но счель нужнымъ предупредить ихъ, чтобы они не особенно рассчитывали на успѣхъ своего ходатайства и что депутаты могутъ поплатиться за это тюрьмой. Они отвѣтили, что „на все готовы“.

IX.

Я вернулся въ Петербургъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ впечатлѣній, полученныхъ на родинѣ; мысли, нивогда не приходившія мнѣ прежде въ голову, теперь постоянно занимали меня и не давали покою. Даже самый взглядъ мой на искусство получилъ другую окраску:

„Неужели, спрашивалъ я себя, искусство должно служить только художественнымъ цѣлямъ,—почему бы не воспользоваться имъ для воплощенія идеи, какъ наиболѣе нагляднымъ способомъ передачи?“

На этомъ основаніи, въ 1864 году, я началъ картину „Пробужденіе отъ волшебнаго сна“¹⁾, которая должна была служить

¹⁾ Сюжетомъ для картины мною была взята легенда, носившая мѣстный колоритъ: во времена ливонскихъ крестовыхъ походовъ, молодой меченосецъ, искушаемый злымъ духомъ, влюбился въ красавицу язычницу, но всѣ попытки

съ одной стороны аллегорическимъ изображеніемъ печальнаго положенія эстонскихъ крестьянъ вслѣдствіе ихъ безземельнаго освобожденія, а съ другой — могла навести на мысль, что крестьянскій вопросъ здѣсь все еще остается открытымъ.

Картина эта была выставлена въ петербургской академіи художествъ и въ Москвѣ, но она осталась непонятой, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена русская публика всего менѣе интересовалась судьбой сельскаго населенія въ прибалтійскихъ губерніяхъ и даже цѣлымъ краемъ. Мнѣ пришлось, между прочимъ, услышать разъ такое замѣчаніе: „Велика важность! Пусть отнимутъ у насъ остзейскія провинціи, ну и чортъ съ ними“.... Но когда вслѣдъ затѣмъ моя картина „Пробужденіе отъ волшебнаго сна“ была выставлена въ Ригѣ, то она произвела тамъ большую сенсацію: одни отнеслись къ ней сочувственно, другіе пришли въ негодованіе.

Х.

25 сентября 1864 года прибылъ въ Петербургъ уполномоченный и толмачъ вышеупомянутой депутаціи эстонскихъ крестьянъ Лифляндской губерніи (перновскаго, феллинскаго и дерптскаго уѣздовъ), Адамъ Петерсонъ, съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, подписаннымъ 24 мірскими обществами и съ довѣрительнымъ письмомъ гольстфергерофскаго мірскаго общества. Хотя онъ имѣлъ плакатный паспортъ, но, во избѣжаніе возможныхъ пре-

---

привлечь ее къ себѣ остались тщетными. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться въ христіанство, но лишь только освященная вода коснулась ея тѣла, она упала безъ чувствъ, и ее, какъ умершую, похоронили въ церковномъ склепѣ.

По прошествіи столѣтій, одинъ изъ потомковъ рыцаря рѣшился вскрыть давно забытую гробницу. Войдя въ склепъ, вмѣстѣ съ духовникомъ и въ сопровожденіи своей вѣрной собаки, онъ увидѣлъ гробъ, на которомъ покоился скелетъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Въ гробу лежалъ трупъ молодой женщины съ сѣдми волосами, на шеѣ у нея блистало чудной формы ожерелье. Угадывая, что это талисманъ, отъ котораго трупъ остался такъ долго нетлѣннымъ, юнкеръ протянулъ руку, чтобы овладѣть сокровищемъ, но тутъ покойница вдругъ пробудилась отъ долгаго волшебнаго сна, и едва потомокъ меченосца сорвалъ талисманъ, какъ гробъ и охранявшій его скелетъ развалились въ прахъ.

(Эстонская легенда).

слѣдованій со стороны мѣстныхъ властей, отправился въ Петербургъ пѣшкомъ. Затѣмъ мало-по-малу собрались и остальные участники депутаціи.

Государь въ это время находился за границей и депутаціи пришлось ожидать болѣе мѣсяца пріѣзда его величества. Наконецъ, 9 ноября того-же 1864 года, семнадцать депутатовъ ¹⁾ поднесли государю въ Царскомъ селѣ хлѣбъ-соль, которые были милостиво приняты, а прошеніе велѣно было препроводить въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Не считая удобнымъ приводить здѣсь цѣликомъ содержанія пространнаго прошенія эстонскихъ крестьянъ, мы выписываемъ изъ него только 14 заключительныхъ пунктовъ, такъ какъ въ нихъ изложена сущность заявленныхъ ими требованій:

I. Касательно нашего сельско-хозяйственнаго быта.

1) Дабы намъ была предоставлена возможность, наравнѣ съ крестьянами внутреннихъ губерній, пріобрѣтать въ собственность земли, обработанныя нами въ продолженіе столѣтій, по установленіи умѣренной нормы для выкупной и арендной платы, и чтобы эстонскимъ крестьянамъ было предоставлено преимущественно право выкупа до тѣхъ поръ, пока все эстонское крестьянское сословіе не будетъ обезпечено поземельною собственностью наравнѣ съ русскими крестьянами, а лицамъ другихъ сословій не дозволялось бы до того времени продавать или отдавать въ аренду крестьянскія земли или присоединять таковыя къ землямъ господскимъ.

2) Дабы, до установленія нормы для арендной платы, не дозволялось возвышать таковую и отбирать у крестьянъ-хозяевъ ихъ усадьбы.

3) Дабы барщина, составляющая самый пагубный вредъ для крестьянскаго хозяйства, отмѣнена была въ возможно скоромъ времени и во всѣхъ видахъ оной.

4) Дабы по недостатку у крестьянъ лѣса и торфа были присоединены къ крестьянскимъ усадьбамъ лѣса и болота, соотвѣтственно размѣру каждой усадьбы.

II. Касательно нашего общиннаго устройства и судебнаго порядка.

5) Дабы нашимъ крестьянскимъ обществамъ и волостнымъ судамъ дана была необходимая самостоятельность въ отношеніи къ помѣщикамъ.

6) Дабы при предстоящей общей судебной реформѣ, которая въ нашемъ краѣ передана на предварительное обсужденіе мѣстнымъ сословіямъ, крестьянскія

¹⁾ Четверо остались по болѣзни дома, другіе еще раньше вернулись въ Лифляндію.

янское сословіе не оставалось безъ защитниковъ или представителей, независимыхъ отъ мѣстнаго дворянства и выбиаемыхъ или утверждаемыхъ правительствомъ, съ тою цѣлью, чтобы означенною реформою предоставлены были нашимъ крестьянамъ тѣ же права, какія предполагается даровать русскому сельскому сословію.

7) Дабы въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, при письменномъ дѣлопроизводствѣ и въ протоколахъ, употребляемъ былъ нашъ родной эстонскій языкъ и всѣ высочайшіе указы, а равно губернскія вѣдомости печатались бы также на эстонскомъ языкѣ.

8) Дабы эстонскимъ крестьянамъ, наравнѣ съ прочими сословіями, дозволено было, при всѣхъ своихъ жалобахъ о судебныхъ дѣлахъ, дѣйствовать черезъ адвокатовъ (юрисстовъ).

9) Дабы депутаты наши, переводчики, составители прошеній и вообще всѣ лица, оказывающія намъ содѣйствіе при справедливыхъ жалобахъ нашихъ, не были преслѣдуемы, арестованы и наказываемы, и всеижайше просимъ, дабы по безконечной милости и правосудію вашего императорскаго величества таковымъ оказана была защита и дана имъ возможность къ оправданію себя.

10) Дабы употребленіе тѣлеснаго наказанія было бы ограничено и по возможности вовсе отмѣнено.

III. Касательно выбора пасторовъ и устройства сельскихъ школъ.

11) Дабы пасторы не были опредѣляемы въ должность безъ нашего согласія, потому что мы обращаемся къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ единственнымъ ученымъ людямъ между нами и естественнымъ нашимъ защитникамъ по всѣмъ вообще дѣламъ нашимъ.

12) Дабы, для вящшаго преуспѣянія и увеличенія числа нашихъ сельскихъ школъ, заведенія эти приняты были подъ непосредственное вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ желательно, чтобы въ оныхъ преподаваемъ былъ также русскій языкъ, знакомство съ которымъ облегчило бы торговля и другія сношенія съ внутренними губерніями, а рекрутамъ изъ эстовъ—пзученіе военной службы; кромѣ того, оно дало бы намъ возможность искать себѣ работы или мѣста внѣ родины.

13) Не менѣе желательно, чтобы для ближайшаго ознакомленія насъ со всѣмъ совершающимся, какъ вообще въ имперіи, такъ и собственно въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, и для предупрежденія ложныхъ слуховъ и толковъ, тревожащихъ народъ, дозволялось перепечатывать на эстонскомъ языкѣ все то, что цензурою допускается въ печати на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

14) Наконецъ, въ виду затруднительнаго нашего положенія въ томъ отношеніи, что сильному и глѣтельному дворянству мы не можемъ противопоставлять законныхъ защитниковъ, осмѣливаемся всеподданнѣйше просить, чтобы настоящія просьбы наши, для избѣжанія при обсужденіи ихъ всякаго пристрастія, вслѣдствіе сословныхъ или національныхъ интересовъ, переданы были на разсмотрѣніе комиссіи изъ русскихъ сановниковъ, которымъ благоудно будетъ вашему императорскому величеству поручить вообще обсужденіе мѣръ къ улучшенію быта эстонцевъ.

Упова я единственно на Всевышняго и на отеческую милость Августѣйшаго Монарха, беремъ смѣлость съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и искреннѣйшей любовью къ престолу именоваться

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанными:

Подлинное прошеніе подписано 251 лицомъ отъ имени 24 крестьянскихъ обществъ: Пуять, Гросъ-Кэппо, Ней Борнгузенъ, Тигницъ, Керзель, Фрейгофъ, Тайферъ, Вастремойсь, Гельметъ, Феллинъ, Еска, Клейнъ-Кешпо, Вельгета, Гольстферсгофъ, Курресаръ, Ниннгалъ, Торма, Геймталъ, Каркусъ, Керстенгофъ, Ней-Волдома, Сургеферъ, Легова, Лахмусъ, имѣющихъ народонаселенія всего 15,263 души мужскаго пола.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, принявъ депутацію и обѣщавъ, что прошеніе будетъ рассмотрѣно, но при этомъ отдалъ приказъ, чтобы депутаты не уѣзжали изъ Петербурга безъ его разрѣшенія. Это предувѣдомленіе оказалось не лишнимъ, потому что имъ пришлось послѣ того еще нѣсколько разъ являться въ министерство для разныхъ объясненій. Затѣмъ всѣ они были отпущены на родину, кромѣ Адама Петерсона, который былъ неожиданно арестованъ, отвезенъ въ ордонансгаузъ, а по прошествіи нѣсколькихъ дней отправленъ въ Ригу, гдѣ онъ содержался въ заключеніи одиннадцать мѣсяцевъ и былъ выпущенъ на свободу только 5 октября 1865 года, по указу сената, послѣ цѣлаго ряда жалобъ и прошеній.

Такому-же преслѣдованію подвергся его меньшей братъ, Петеръ Петерсонъ, толмачъ слѣдующей депутаціи, которая, 30 ноября 1865 года, представила на высочайшее имя новое прошеніе эстонскихъ крестьянъ, сходное по содержанію съ предыдущимъ. Молодой Петерсонъ, за участіе въ депутаціи, по распоряженію мѣстныхъ властей былъ выключенъ изъ дерптскаго университета, гдѣ онъ числился студентомъ, затѣмъ черезъ нѣкоторое время арестованъ и сосланъ на жительство въ Вятку подъ надзоръ полиціи.

Тѣмъ не менѣе, 15 февраля 1868 года, явилась въ Петербургъ еще одна эстонская депутація, но она, насколько я могу припомнить, была послѣднею въ прошлое царствованіе.....

XI.

Между тѣмъ для меня лично не прошли безнаказанно сношенія съ депутатами, въ числѣ которыхъ у меня было много знакомыхъ, такъ какъ лифляндская полиція зорво слѣдила за ними, во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ.

17 октября 1865 года ко мнѣ на квартиру зашелъ одинъ изъ депутатовъ и, не заставъ дома, оставилъ письмо. Вскорѣ послѣ того я вернулся домой и едва успѣлъ прочесть письмо, какъ явился неизвѣстный, прилично одѣтый человекъ и спросилъ меня по нѣмецки: „не нуженъ ли вамъ слуга?“ Немного погодя, снова раздался звонокъ и другой незнакомецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, опять-таки на нѣмецкомъ языкѣ: „не тутъ ли живетъ докторъ?“, такъ что я, наконецъ, потерялъ терпѣніе, крикнулъ на него и, прогнавъ, заперъ дверь. Я уже начиналъ догадываться въ чемъ дѣло, но, не зная за собой никакой вины, успокоился, тѣмъ болѣе, что слѣдующій день прошелъ благополучно. Но въ ночь съ 18 на 19 октября я былъ внезапно встревоженъ появленіемъ полиціи, въ сопровожденіи господина въ штатскомъ платьѣ, который назвалъ себя Крамеромъ или Крамфомъ изъ Риги, насколько могу припомнить. Отъ меня потребованы были всѣ бумаги и, послѣ тщательнаго пересмотра ихъ, составленъ былъ протоколъ, что ничего подозрительнаго не найдено.

Хотя обыскъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, но все-таки, считая себя оскорбленнымъ, я нашелъ нужнымъ подать прошеніе оберъ-полиціймейстеру, въ которомъ, ссылаясь на статьи устава уголовного судопроизводства, жаловался, что не были соблюдены слѣдующія формальности:

- 1) Мнѣ не было объявлено по какому дѣлу предпринять обыскъ и съ какою именно цѣлью.
- 2) Обыскъ былъ произведенъ безъ понятыхъ.
- 3) Въ составленномъ объ обыскѣ протоколѣ не объяснено причинъ, побудившихъ произвести оный въ ночное время.

При этомъ я счелъ нужнымъ лично подать прошеніе. Меня провели въ приемную, гдѣ генералъ въ военномъ мундирѣ сухо

встрѣтилъ меня и, не принимая бумаги, предложилъ объяснить дѣло на словахъ. Тогда я изложилъ словесно содержаніе прошенія и опять сослался на статьи устава уголовного судопроизводства.

— Если вы такъ хорошо знаете законы, замѣтилъ генераль, то должны знать, что въ этого рода дѣлахъ мы имѣемъ право распорядиться, какъ считаемъ нужнымъ.

— Но я ничѣмъ не заслужилъ такой обиды, возразилъ я, могу потерять уроки во дворцѣ...

— Мало ли учителей оказывается виновными, прервалъ меня генераль, я лягу костями, но не допущу, чтобы повторялись исторіи въ родѣ Каракозовской!...

Я чувствовалъ, какъ вся кровь бросилась мнѣ въ голову отъ такого незаслуженнаго намека, но сохранилъ настолько присутствіе духа, чтобы выйти безъ отвѣта.

Я вернулся домой съ тягостнымъ чувствомъ нанесеннаго мнѣ оскорбленія. У меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что изъ Лифляндіи на меня лично сдѣланъ былъ доносъ и при этомъ доносъ безусловно ложный, потому что я ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя. Хотя я самымъ тщательнымъ образомъ старался анализировать всѣ свои поступки, сказанныя слова и даже руководившіе мною мотивы, но не могъ найти въ нихъ ничего предосудительнаго. Во всѣхъ случаяхъ я дѣйствовалъ настолько-же въ интересахъ своей родины, какъ и въ русскихъ общегосударственныхъ интересахъ, которые, по моему глубокому убѣжденію, неразрывно связаны между собой. Никогда не задавался я мыслью: должны ли востонцы въ далекомъ будущемъ сохранить свою національность? Одно было ясно для меня, что не было никакого разумнаго основанія превратить ихъ въ нѣмцевъ, потому что вѣковыя ненормальныя отношенія навсегда разъединили угнетенныхъ и ихъ притѣснителей. Россіи, какъ мнѣ казалось, слѣдовало бы, ради собственныхъ интересовъ, стремиться въ тому, чтобы коренные жители Прибалтійскаго края, составляющіе наибольшую часть населенія, сохранили свой языкъ и національныя особенности, потому что это усилило бы ихъ связь съ родиной и служило оплотомъ противъ посягательствъ съ запада. Я зналъ, что мои соплеменники не чувствуютъ и не могутъ чувствовать никакой симпатіи къ Германіи, считаютъ

себя вполне солидарными съ Россіей и желаютъ только равноправности съ остальными русскими подданными.

По моему глубокому убѣжденію мнѣ также ни въ какомъ случаѣ не могло быть поставлено въ вину то сочувствіе, съ каковымъ я относился къ вышеупомянутымъ депутаціямъ эстонскихъ крестьянъ. Они не имѣли своихъ законныхъ представителей, черезъ которыхъ могли бы заявлять о своихъ нуждахъ правительству, а дѣйствовать, въ данномъ случаѣ, при помощи нѣмецкихъ властей значило завѣдомо вредить своимъ интересамъ, или же оказывалось совершенно бесполезнымъ. Всѣ прежнія, посланныя этимъ путемъ, прошенія исчезли безслѣдно, и все говорило въ пользу того, что они вовсе не были посланы въ Петербургъ. Такимъ образомъ, эстонцамъ не осталось инаго пути довести до свѣдѣнія русскаго правительства о своемъ отчаянномъ положеніи, какъ личная подача прошенія на высочайшее имя, посредствомъ депутацій изъ выбранныхъ ими довѣренныхъ лицъ. Не менѣе безобидно было и самое содержаніе поданныхъ прошеній, какъ 1864 года, заключавшаго 14 вышеприведенныхъ пунктовъ, такъ и двухъ послѣдующихъ, потому что они касались только уравниванія поземельныхъ отношеній и другихъ, чисто практическихъ цѣлей.

Полная неизвѣстность, относительно результата поданныхъ прошеній, заставляла не разъ крестьянъ обращаться ко мнѣ письменно съ различными вопросами, а подчасъ и съ прежними жалобами на невыносимыя условія ихъ быта. Нѣкоторые съ этой цѣлью даже лично пріѣзжали ко мнѣ. Они были настолько не избалованы сочувствіемъ къ ихъ бѣдамъ, что для нихъ было не малой нравственной поддержкой возможность посоветоваться со мною и услышать отъ меня слово утѣшенія. Я старался успокоить ихъ всѣми доводами, какіе только приходили мнѣ въ голову, совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ и ждать, пока реформы будутъ окончательно проведены въ Россіи. Я увѣрялъ ихъ, что и до нихъ дойдетъ очередь, что не удобно безпокоить правительство въ виду недавно утвержденного „Положенія о земскомъ устройствѣ“ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, 19 февраля 1866 года.

Къ тому-же въ это время была надежда на благополучный исходъ ходатайства передъ русскимъ правительствомъ объ осно-

ваніи 4-хъ - класснаго эстонскаго реального училища, которое могло имѣть большое значеніе для края въ смыслѣ поднятія общаго уровня образованія, среди сельскаго населенія, такъ и подготовки юношей, которые могли бы поступать оттуда въ высшія учебныя заведенія и, между прочимъ, занять современемъ мѣста пасторовъ, судей, врачей и т. д. Тогда было бы устранено одно изъ существенныхъ неудобствъ, неизмѣнно встрѣчаемыхъ въ повседневной жизни эстонцевъ, такъ какъ упомянутыя должностныя лица, при своихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ, могли бы объясняться съ нимъ на родномъ языкѣ, удобопонятномъ для обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, пасторы, врачи, судьи и другія мѣстныя власти, въ большинствѣ случаевъ, неизбѣжно назначались изъ нѣмцевъ, которые или вовсе не знали эстонскаго языка, или очень плохо объяснялись на немъ.

Хотя по числу сельскихъ школъ, равно и преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, Прибалтійскій край, даже въ тѣ времена, не уступалъ остальнымъ русскимъ губерніямъ, а для образованія сельскихъ учителей была учреждена особая учительская семинарія, но этимъ дѣло и ограничивалось. Если эстонскій крестьянинъ хотѣлъ продолжать образованіе своего наиболѣе способнаго сына (воспитаніе остальныхъ по недостатку средствъ обыкновенно ограничивалось сельской школой), то долженъ былъ отдать его въ нѣмецкую школу, такъ какъ иныхъ не существовало въ городахъ. Мальчику, не знавшему подчасъ ни одного нѣмецкаго слова, приходилось сразу приняться за долбленіе всѣхъ предметовъ на чуждомъ ему языкѣ, что въ большинствѣ случаевъ вело къ полному отупѣнію и напрасной тратѣ времени, а также денегъ, съ трудомъ заработанныхъ отцомъ. Весьма немногимъ изъ крестьянскихъ дѣтей удавалось до окончанія гимназическаго образованія, не говоря уже объ университетскомъ, и они, оторванные насильственно отъ родной почвы, неизбѣжно онѣмечивались, становились „kadaka saksad“ (можжевеловыми нѣмцами), какъ ихъ съ презрѣніемъ называютъ эстонцы. Разумѣется, на ряду съ ними были и такіе, которые, получивъ высшее образованіе, относились съ полной симпатіей къ своимъ соплеменникамъ, но это уже было своего рода самоотверженіемъ съ ихъ стороны, потому что имъ не было доступна

ни къ какимъ должностямъ и они подвергались всевозможнымъ неприяностямъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1860 годовъ, явилась мысль основать эстонское реальное училище, гдѣ мальчики, поступаая изъ сельскихъ школъ, могли продолжать обученіе на своемъ родномъ языкѣ и, по окончаніи курса, примѣнять практически приобретенныя ими свѣдѣнія, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ или земскихъ должностныхъ лицъ. При этомъ желающимъ была бы открыта возможность поступать, по выбору, въ нѣмецкія или русскія среднія учебныя заведенія и университеты, такъ какъ въ предполагаемомъ училищѣ нѣмецкій и русскій языки должны были войти въ число учебныхъ предметовъ.

Въ 1864 году я видѣлъ, между прочимъ, у вышеупомянутаго учителя феллинскаго уѣзда, Адамсона, готовый проектъ устава будущаго реальнаго училища, гдѣ всѣ предметы должны были преподаваться на эстонскомъ языкѣ, а нѣмецкій и русскій входили-бы въ кругъ обязательнаго ученія. Согласно этому уставу, курсъ предполагался 4-хъ-лѣтній; помѣщеніе и обученіе были даровыя; но всѣ ученики должны были платить за столъ и имѣть свои книги, равно и одежду. При этомъ рѣшено было назвать училище Александровскимъ, въ память императора Александра I, освободившаго эстонцевъ отъ личной крѣпостной зависимости.

На первыхъ-же порахъ новое училище, существовавшее только въ проектѣ, было встрѣчено недоброжелательствомъ со стороны нѣмцевъ. Мѣстные власти поставили условіемъ, чтобы „училище было евангелическо-лютеранское, находилось бы подъ надзоромъ пасторовъ и, кромѣ того, русскій языкъ могъ быть изучаемъ только практически“. Попечительство должно было состоять изъ предсѣдателя, избраннаго изъ дворянъ, пастора, директора училища и двухъ членовъ крестьянъ.

Естественно, что такія условія не могли быть приняты эстонцами, такъ какъ черезъ это училище было бы отдано въ чужія руки и получились бы результаты, обратные тѣмъ, какихъ желательно было бы достигнуть. Во избѣжаніе этого докторъ Крейцвальдъ обратился къ эстляндскому губернатору Э.... съ просьбой исходатайствовать у правительства разрѣшеніе открыть училище на тѣхъ условіяхъ, какихъ хотѣли учредители. На это

послѣдовалъ короткій отвѣтъ: „У васъ нѣтъ денегъ, на что вамъ разрѣшеніе!“ Нѣкоторое время спустя, Крейцвальдъ снова явился къ губернатору и просилъ его дозволить эстонцамъ сдѣлать объявленіе о сборѣ пожертвованій на училище.

— „У васъ нѣтъ разрѣшенія на открытіе училища, возразилъ Э...., какъ же я могу дозволить сборъ пожертвованій!“

Неудачный исходъ ходатайства передъ мѣстнымъ начальствомъ тогда-же побудилъ учредителей подать прошеніе на высочайшее имя о разрѣшеніи сбора пожертвованій. Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы просить министерство народнаго просвѣщенія о принятіи въ свое вѣдѣніе будущее Александровское училище. Тогда-же учредители обратились ко мнѣ по этому поводу за совѣтомъ; и я сдѣлалъ замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ необходимо будетъ усилить въ программѣ изученіе русскаго языка и дать ему предпочтеніе передъ нѣмецкимъ, потому что иначе врядъ ли можно разсчитывать на успѣхъ. Совѣтъ этотъ былъ принятъ и просьба послана въ министерство, откуда, противъ всякаго ожиданія, получено было разрѣшеніе на открытіе русскаго реальнаго училища. Опять новая тревога: нѣмецкій языкъ былъ бы хотя въ слабой степени понятенъ для нѣкоторыхъ изъ учениковъ, а русскій одинаково недоступенъ для всѣхъ. Объ этомъ тотчасъ-же написали мнѣ, такъ какъ въ это время я былъ въ Петербургѣ, но, по наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что это не болѣе, какъ недоразумѣніе.

Между тѣмъ, 14 августа 1869 года, получено было высочайшее разрѣшеніе на сборъ пожертвованій во всей Россіи для составленія капитала на основаніе Александровскаго училища. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ главный комитетъ въ Дерптѣ, подъ предсѣдательствомъ учителя Гурта (впослѣдствіи пастора), и открыты комитеты въ различныхъ городахъ Россіи и въ остзейскихъ губерніяхъ, а въ томъ числѣ и въ Ригѣ. Кромѣ того, въ бѣльшей части эстонскихъ приходоу стали открываться одни за другими такіе же вспомогательные комитеты для копѣчнаго сбора, который на первыхъ-же порахъ далъ значительную сумму.

XII.

Я зналъ о ходѣ дѣлъ, касающихся Александровскаго училища только по письмамъ, потому что въ это время долженъ былъ неотлучно находиться въ Петербургѣ или его окрестностяхъ для исполненія различныхъ неотлагательныхъ заказовъ. Между прочимъ, мною были тогда написаны: портретъ покойнаго государя, который и теперь виситъ въ конференцъ-залѣ академіи художествъ, портреты великаго князя Михаила Николаевича и его семейства, графа Зубова, барона Фредерикса въ мундирѣ конногвардейскаго полка и въ латахъ, что составило для меня далеко не легкій трудъ, по обилію блестящихъ аксессуаровъ. Затѣмъ мнѣ пришлось писать портретъ князя Горчакова, по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, для чего собрана была по подпискѣ соотвѣтствующая сумма. Но канцлеръ, постоянно занятый дѣлами, долго отказывался отъ портрета, отговариваясь тѣмъ, что это отниметъ у него слишкомъ много времени. Наконецъ, послѣ усиленныхъ просьбъ своихъ друзей, онъ согласился назначить сеансъ въ залѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и съ перваго же раза настолько остался доволенъ начатымъ портретомъ, что уже не дѣлалъ болѣе никакихъ возраженій. При слѣдующихъ сеансахъ онъ готовъ былъ позировать столько часовъ, сколько-бы ни потребовали отъ него, потому что въ это время продолжалъ заниматься дѣлами, слушалъ доклады и принималъ иностранныхъ посланниковъ. Если не было постороннихъ посѣтителей, то канцлеръ дружески бесѣдовалъ со мною, и разъ, когда разговоръ коснулся восточнаго вопроса, замѣтилъ, что „балканскіе славяне слишкомъ мало развиты и что рано хлопотать о нихъ, а современемъ, когда они будутъ больше подготовлены для новыхъ порядковъ, все сдѣлается само собою“....

Личность князя Горчакова настолько заинтересовала меня, что при одномъ сеансѣ я невольно выразилъ ему свое удовольствіе, что мнѣ поручили писать портретъ лица, имѣющаго такое значеніе для Россіи. Князь отвѣтилъ на это съ улыбкой: „Только вы, И. П., и увѣковѣчите меня!“ Вообще канцлеръ, во время

моего случайнаго знакомства съ нимъ, особенно поражалъ меня быстротою отвѣтовъ въ бесѣдѣ съ самыми разнообразными лицами, что свидѣтельствовало объ его замѣчательной находчивости. Но вскорѣ сеансы совсѣмъ прекратились, потому что князь Горчаковъ долженъ былъ ѣхать за границу, и мнѣ пришлось оканчивать работу въ его отсутствіе. Князь былъ настолько доволенъ своимъ портретомъ, что передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ карету, зашелъ въ залу министерства, чтобы еще разъ взглянуть на него.

Осенью 1872 года я поѣхалъ въ Крымъ съ Н. П. Семеновымъ, чтобы посѣтить нашего общаго знакомаго Н. Я. Данилевскаго. На этотъ разъ все время прошло въ различныхъ экскурсіяхъ, и только при слѣдующихъ, почти ежегодныхъ, поѣздкахъ на южный берегъ Крыма я принялся за пейзажную живопись и нарисовалъ: „Видъ Мшатки съ Байдарскими воротами“, „Ай-юри“, „Брошенная мельница“ и другіе этюды.

Осенью 1873 года я проѣхалъ изъ Мшатки въ Ливадію, гдѣ, по порученію англійской королевы Викторіи, знаменитый берлинскій портретистъ Рихтеръ писалъ портретъ нарѣченной невѣсты ея сына, великой княгини Маріи Александровны, для чего была устроена особенная мастерская въ саду. Воспитательница ея императорскаго высочества, графиня Толстая, пригласила меня однажды взглянуть на работу берлинскаго художника и спросила мое мнѣніе относительно сходства, такъ какъ было желательно, чтобы портретъ вышелъ по возможности удачнымъ. Но я ограничился незначительными замѣчаніями и отошелъ въ сторону, потому что Рихтеръ видимо стѣснялся, пока я стоялъ около него.

Когда портретъ былъ оконченъ, Рихтеръ уѣхалъ, довѣривъ мнѣ покрыть его лакомъ. Но я не могъ выполнить этого порученія, потому что нѣкоторыя краски не сохли, а прибѣгнуть къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ, въ видѣ просушки передъ затопленною печью или каминомъ, было рисковано, потому что сдѣланы были намеки, въ которыхъ проглядывала боязнь, что портретъ можетъ быть испорченъ мною. Это и побудило меня отправить послѣдній непокрытымъ, но, разумѣется, при укладкѣ приняты были всѣ мѣры предосторожности.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Рихтера, въ томъ же павильонѣ, гдѣ была устроена его мастерская, я принялся рисовать портретъ

императора Александра II, начатый съ фотографической карточки, для окончанія котораго мнѣ было обѣщано его величествомъ два сеанса. Въ одно утро неожиданно вошелъ Государь и, заставъ меня въ мастерской, изъявилъ готовность теперь же позировать передо мною. Разумѣется, я съ благодарностью воспользовался этимъ предложеніемъ, чтобы подвинуть работу. Сторожъ еще не возвращался, и въ это время никого не было у дверей, кто бы могъ предупредить о присутствіи его величества. Но тутъ неожиданно отворилась дверь; собака, лежавшая у ногъ Государя, бросилась впередъ съ громкимъ лаемъ; на минуту показалось испуганное лицо генерала, послѣ чего дверь снова захлопнулась. Все совершилось такъ быстро, что я даже не могъ разглядѣть, кто былъ непрошенный посѣтитель. Но это нисколько не нарушило сеанса, потому что Государь сидѣлъ неподвижно въ прежнемъ положеніи. Всѣхъ сеансовъ было четыре. Во время одного изъ нихъ, который продолжался около часа, я рѣшился просить его величество не смотрѣть такъ строго, потому что въ такомъ случаѣ портретъ не будетъ соответствовать тому представленію, которое народъ имѣетъ о своемъ милостивомъ монархѣ. Государь улыбнулся, но черезъ минуту лицо его приняло прежнее серьезное выраженіе. При этомъ его величество внимательно слѣдилъ въ зеркалѣ за каждымъ движеніемъ моей кисти и сказалъ, что „находить портретъ настолько похожимъ, что намѣренъ подарить его своей дочери“, но просилъ сдѣлать бѣльшихъ размѣровъ. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось оставить у себя портретъ, который и теперь находится у меня на квартирѣ, и начать новый, оконченный мною съ натуры въ петербургскомъ Зимнемъ дворцѣ.

Вообще, въ 1870-хъ годахъ, мнѣ пришлось достаточно практиковаться въ портретной живописи. Въ числѣ многихъ другихъ, я написалъ портретъ великаго князя Владиміра Александровича, который находится въ конференцъ-залѣ академіи художествъ; портретъ морскаго министра Краббе, Е. И. Ламанскаго во весь ростъ, академика Я. К. Грота и т. д. Кромѣ того, мною были написаны картины: „Вѣрный стражъ“, „Ева“ въ двухъ видахъ, затѣмъ я написалъ *al fresco* Иисуса Христа, въ ревельской *Carlskirche*, что представляетъ едва ли не единственную изъ этого рода работъ, исполненную въ Россіи въ новѣйшее время.

Въ 1881 году мнѣ пришлось опять писать портретъ покойнаго Государя въ подарокъ персидскому шаху, но это былъ послѣдній. Затѣмъ мнѣ заказанъ былъ портретъ нынѣ царствующаго Императора, написанный мною въ Гатчино съ натуры, который послужилъ оригиналомъ для многихъ портретовъ, нарисованныхъ разными художниками. Мнѣ самому пришлось писать съ этого оригинала четыре портрета его величества, а именно: въ гельсингфорскій сенатъ, въ академію художествъ, въ комитетъ министровъ и петербургскую городскую думу, гдѣ онъ находится въ крайне невыгодномъ освѣщеніи съ двухъ сторонъ.

ХІІІ.

19-го іюня того-же 1881 года прибыла въ Петергофъ эстонская депутація, состоявшая изъ восемнадцати человѣкъ, и поднесла ихъ величествамъ поздравительный адресъ по поводу восшествія на престолъ. Въ числѣ другихъ депутатовъ находился и я, въ качествѣ представителя главнаго комитета Александровскаго училища и земледѣльческаго общества въ Дерптѣ; я подводилъ по очереди депутатовъ и называлъ ихъ по именному, и ихъ величества удостоили каждаго изъ нихъ милостивымъ разговоромъ. По прочтеніи поздравительнаго адреса слѣдовали рѣчи и, между прочимъ, мною была произнесена небольшая рѣчь, гдѣ я, упомяну въ о томъ, что „эсты участвовали вмѣстѣ съ другими народами въ основаніи русскаго государства“, выразилъ надежду, что впредь они „опять будутъ преслѣдовать интересы, тождественные съ интересами цѣлой имперіи“ ¹⁾.

Слухи о милостивомъ приѣмѣ, оказанномъ ихъ величествами эстонской депутаціи, тотчасъ-же дошли до сельскаго населенія Эстляндіи и Лифляндіи и возбудили надежду на осуществленіе давнишнихъ ожиданій, а именно, что реформы, проведенныя въ остальныхъ русскихъ губерніяхъ, будутъ распространены и на Прибалтійскій край. Между тѣмъ, со времени введенія Положенія 19 февраля 1866 года, которое въ частностяхъ значительно облегчило участь крестьянъ, дѣло не подвинулось ни на шагъ,

¹⁾ См. подробное описаніе въ „Голосѣ“ 1881 г., № 169.

потому что всё дальнѣйшія мѣры были настолько незначительны, что не могли отразиться на общемъ благосостояніи сельскаго населенія. Время отъ времени все еще повторялись прежніе случаи вопіющихъ злоупотребленій ¹⁾, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе крестьянъ даже ухудшилось, потому что давняя сословная борьба между господами и крестьянами въ послѣднее десятилѣтіе приняла характеръ національной борьбы между нѣмцами и эстонцами. По мѣрѣ того, какъ усиливался нѣмецкій патріотизмъ, у эстонцевъ все болѣе и болѣе пробуждалось сознание своихъ человѣческихъ правъ, вслѣдствіе поднятія ихъ общаго умственнаго уровня, чему не мало способствовало увеличеніе числа сельскихъ школъ съ 1856 года, умноженіе книгъ и періодическихъ изданій на эстонскомъ языкѣ, улучшеніе путей сообщенія и пр. Въ то же время для эстонцевъ становилось все болѣе очевиднымъ, что они только тогда достигнутъ фактическаго признанія своихъ правъ, когда ихъ сравняютъ въ этомъ отношеніи съ остальными русскими подданными. Это побудило ихъ вновь обратиться въ заступничеству русскаго правительства и подать слѣдующую докладную записку, въ которой было изложено какихъ собственно переменъ желаютъ эстонцы:

1) „чтобъ за такъ называемую крестьянскую землю была назначена правительствомъ опредѣленная покупная цѣна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, нельзя ожидать, чтобъ она перешла когда нибудь совершенно въ руки крестьянъ, не смотря на то,

---

¹⁾ Такъ, напр., въ 1881 году одинъ помѣщикъ везенбергскаго уѣзда Эстляндской губерніи, желая сохранить видъ законности, заявилъ крестьянамъ о своемъ намѣреніи прирѣзать къ господской мызѣ часть ихъ арендной земли. Крестьяне отвѣтили, что у нихъ слишкомъ мало земли и что они даже не вправѣ дать свое согласіе на основаніи Устава 1856 года. Затѣмъ они были вызваны въ приходскій судъ, гдѣ ихъ также убѣждали уступить желанію помѣщика. Крестьяне дали тотъ-же отвѣтъ и составили протоколъ. Помѣщикъ, видя ихъ упорство, призвалъ землемѣра и, подъ предлогомъ провѣрки крестьянскихъ участковъ, велѣлъ отмежевать себѣ треть крестьянской арендной земли, что, разумѣется, повело къ возмущенію крестьянъ, когда они узнали объ этомъ. Ихъ усмирили обычнымъ порядкомъ и засадили въ тюрьму. Тогда жены заключенныхъ возмутились въ свою очередь, потребовали возвращенія своихъ мужей, въ виду рабочаго времени, и не дали поставить баронскаго флага на новой межѣ. Землемѣръ ушелъ и вернулся съ управляющимъ мызою, который привелъ съ собой 12 человѣкъ солдатъ. Женщины разогнали силой; при этомъ дѣло не обошлось безъ побоевъ, вслѣдствіе чего, по рассказамъ, одна изъ участницъ „женскаго бунта“ родила преждевременно

что правительство руководилось этимъ намѣреніемъ, отдѣляя ее отъ помѣщичьей земли;

2) „чтобъ заключенные до сихъ поръ крестьянскіе запродажные контракты были пересмотрѣны правительствомъ и, гдѣ нужно, исправлены, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаются совершенно противозаконныя условія. Такъ, на примѣръ, повинности, лежащія на земляхъ помѣщиковъ, перелагаются на крестьянскія; помѣщики оставляютъ за собою нѣкоторыя владѣльческія права на проданную землю, такъ что она оказывается принадлежащею собственно двумъ владѣльцамъ; наложеніемъ нѣкоторыхъ повинностей вводится снова старая барщина;

3) „чтобъ государственныя и земскія повинности, какъ, на примѣръ, дорожная, были разложены на помѣщичьи имѣнія и крестьянскія общества;

4) „чтобъ крестьяне имѣли соотвѣтственное представительство при рѣшеніи вопросовъ, затрагивающихъ интересы всѣхъ сословій, что могло бы быть осуществлено лучше всего посредствомъ введенія земства;

5) „чтобы народныя школы были изъяты изъ вѣдѣнія дворянства и духовенства;

6) „чтобъ церковный патронатъ былъ отмѣненъ и обществамъ былъ предоставленъ выборъ пасторовъ;

7) „чтобъ мировые судьи назначались на первое время отъ правительства, такъ какъ, хотя по закону 28 мая 1880 года дворянство и крестьяне выбираютъ по пяти депутатовъ, избирающихъ мирового судью, въ распоряженіи дворянства было всегда значительное большинство голосовъ, потому что городскіе депутаты, которые будутъ, подобно дворянскимъ, состоятъ изъ нѣмцевъ, присоединять, какъ не трудно предъугадать, свои голоса къ голосамъ дворянъ;

8) „чтобъ одновременно съ введеніемъ новыхъ судовъ были изменены и полицейскія учрежденія и чтобъ полицейскіе чиновники назначались правительствомъ;

9) „чтобъ нынѣшнія прибалтійскія губерніи были раздѣлены только на двѣ, такъ что въ одной официальнымъ языкомъ былъ только эстонскій, а на другой латышскій, и чтобъ поэтому всѣ окончившіе въ дерптскомъ университетѣ курсъ юридическихъ наукъ должны были сдавать экзаменъ и по латышскому или же

эстонскому языку ¹⁾). Тогда въ присутственных мѣстахъ этихъ губерній можно было бы обходиться двумя языками: русскимъ, какъ государственнымъ, и эстонскимъ или латышскимъ, какъ мѣстнымъ ²⁾).

XIV.

Въ 1883 году я написалъ картину „Воздадите убо кесарева кесареви и Божія Богови“ для эстонской депутаціи, которая совмѣстно съ этой картиной поднесла, 24 іюня того-же года, поздравительный адресъ ихъ императорскимъ величествамъ, по случаю коронаванія. Хотя въ этотъ день представлялись 104 различныхъ депутацій, но какъ ни драгоцѣнны были вещи, поднесенныя нѣкоторыми изъ нихъ, скромное приношеніе эстонцевъ было удостоено самымъ милостивымъ вниманіемъ, въ чемъ я могъ убѣдиться лично, такъ какъ присутствовалъ на приѣмѣ.

Это было для меня не малымъ утѣшеніемъ, и на время отвлекло отъ гнетущихъ личныхъ заботъ, которыя я отчасти самъ навлекъ на себя, вслѣдствіе своей чрезмѣрной довѣрчивости. Еще весной 1882 года ко мнѣ явились посланные отъ тридцати челоувѣвъ врымскихъ эстонцевъ, которые двадцать лѣтъ тому назадъ, во избѣжаніе различныхъ невзгодъ на родинѣ, отправились къ Черному морю искать болѣе счастливой судьбы. Посланные просили отъ лица своихъ довѣрителей, чтобы я помогъ имъ купить 6,500 десятинъ земли, чего они не могли сдѣлать на свои средства, не смотря на самыя выгодныя условія продажи. Примѣръ подобной покупки былъ на глазахъ; другая

¹⁾ Дѣленіе на двѣ губерніи было бы желательно въ виду распредѣленія населенія. Эстляндія и сѣверная часть Лифляндіи, населенная эстонцами, могла бы составить одно административное цѣлое, а Курляндія и южная часть Лифляндіи, населенная преимущественно латышами—другое. Между тѣмъ въ настоящее время для лицъ, служащихъ въ Лифляндіи, представляется то неудобство, что имъ необходимо одновременное знакомство эстонскаго и латышскаго языковъ, мало имѣющихъ общаго между собою.

²⁾ Латышская газета „Балтіяс Вестнесіксъ“, сообщая тогда же содержаніе поданной докладной записки, замѣчаетъ, что „у латышей, за малыми исключеніями, тѣ-же желанія, какъ у эстонцевъ“.—См. также „Голосъ“ 1881 года, № 199.

группа крымскихъ эстонцевъ приобрѣла такимъ-же образомъ землю и, благодаря удачному хозяйству, уже успѣла въ нѣсколько лѣтъ покрыть значительную часть долга, на что и они могли надѣяться.

Я не рѣшился отказать посланнымъ. Помимо желанія оказать помощь крымскимъ эстонцамъ, у меня явилась мысль, что приобретенная земля можетъ служить надежнымъ убѣжищемъ для моихъ соплеменниковъ, живущихъ на родинѣ, особенно для сельскихъ учителей, которымъ не рѣдко приходилось за свои убѣжденія терпѣть такія упорныя гоненія отъ нѣмцевъ, что имъ не оставалось инаго исхода, какъ выселеніе. Тѣмъ не менѣе я не далъ окончательнаго отвѣта и, въ маѣ того же года, самъ отправился въ Крымъ, чтобы получить надлежащее понятіе о продаваемой землѣ. Наибольшая часть ея оказалась необработанной, а тамъ, гдѣ росъ хлѣбъ, всходы были даже лучше, нежели въ другихъ мѣстахъ, не смотря на стоявшую засуху. Тогда я внесъ свою долю, одновременно съ другими участниками; остальной долгъ предположено было покрыть постепенно доходами съ приобретенной земли. Но дѣйствительность не соответствовала ожиданіямъ. При совершеніи купчей, вслѣдствіе недоброжелательства нѣкоторыхъ лицъ, не были получены изъ Эстляндіи деньги, обѣщанныя въ заемъ, и пропущено время, что привело къ заключенію тягостныхъ условий. Слѣдовавшій затѣмъ трехлѣтній неурожай, падежъ скота и упадокъ цѣнъ на пшеницу также принесли значительный вредъ дѣлу. Ко всему этому примѣшались личныя неприятели, возникшія между мною и другими участниками купли. Они отнеслись крайне недружелюбно къ своимъ соплеменникамъ, пріѣхавшимъ изъ Эстляндіи, и хотѣли навязать мнѣ всѣ 1,300 десятинъ, оставшихся отъ выдѣла, въ надеждѣ, что я буду платить за эту землю и предоставляю имъ пользоваться ею. Я не считалъ такое требованіе удобнымъ для себя, потому что безъ того взялъ на свою долю самый крупный участокъ. Послѣдній былъ мнѣ въ прямой убытокъ, такъ какъ я не могъ ни продать его, ни иначе распорядиться имъ, вслѣдствіе того, что другіе пайщики не хотѣли, ни подъ какимъ видомъ, выдѣлить мою землю изъ общаго владѣнія, хоть мною это было поставлено имъ въ условіе при совершеніи

купчей. Потомъ оказалось, что главной причиною бывшихъ недоразумѣній было преувеличенное понятіе, какое составилось у нихъ о моемъ богатствѣ, чего я, конечно, не могъ замѣтить своевременно, потому что не допускалъ мысли, чтобы одинъ расчетъ руководилъ людьми, которымъ я искренно хотѣлъ оказать помощь и желалъ только добра.

Также неблагоприятны были доходившіе до меня слухи о другомъ близкомъ для меня дѣлѣ, а именно объ Александровскомъ училищѣ, въ которомъ я принималъ всегда самое живое участіе. Пререканія между главнымъ комитетомъ и вспомогательными начались еще въ концѣ 1870-хъ годовъ, потому что въ первомъ образовалась партія, которая хотѣла отступить отъ главной идеи учредителей и дать дѣлу иное направленіе. Сверхъ того она позволяла себѣ, вопреки уставу, самовольно приглашать новыхъ членовъ безъ выбора и другія противозаконныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого, на общемъ собраніи 1882 года, представители вспомогательныхъ комитетовъ одни за другими поднялись съ своихъ мѣстъ и заявили, что пока главный комитетъ не вернется къ законности, они не довѣрятъ ему собранныхъ ими пожертвованій. Тѣ изъ членовъ главнаго комитета, къ которымъ относились эти слова, должны были поневолѣ исполнить предъявленные требованія, какъ, напр, отказаться отъ присвоеннаго ими права самовольнаго приглашенія новыхъ членовъ, а также увеличить число кассировъ для большаго обезпеченія поступающихъ суммъ, и прочее.

Но черезъ годъ обнаружилось, что упомянутая партія, втайнѣ отъ другихъ членовъ главнаго комитета, выработавъ программу земледѣльческаго училища, представила ее попечителю дерптскаго учебнаго округа. Между тѣмъ, какъ было говорено выше, согласно первоначальному плану учредителей, рѣшено было основать 4-хъ классное реальное училище, проектъ котораго и былъ одобренъ на общемъ собраніи 1882 года. Естественно, что подобное безцеремонное отношеніе къ общественному дѣлу возмутило всѣхъ и повело къ смѣнѣ предсѣдателя главнаго комитета, а это, въ свою очередь, послужило поводомъ для недовольныхъ обвинить въ неблагонадежности вспомогательные комитеты которые вскорѣ послѣ того были закрыты.

Такимъ образомъ сборъ пожертвованій почти превратился и открытіе давно ожидаемаго Александровскаго училища было отложено на неопредѣленное время. Но дѣло оказалось далеко не такимъ безнадежнымъ, какимъ можно было считать его: эстляндскій губернаторъ, князь Шаховской, убѣдившись въ неосновательности взводимаго обвиненія, нашелъ возможнымъ открыть вновь вспомогательные комитеты; то-же было сдѣлано и лифляндскимъ губернаторомъ, за что особенно благодарны имъ эстонцы.

И. П. Келеръ

С.-Петербургъ.
1886 г.

МОСКОВСКОЕ ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ВЪ ТИФЛИСѢ

1846—1854.

Старожилы Петербурга и Москвы, конечно, помнятъ открытіе въ 1840-хъ годахъ на Невскомъ, въ домѣ бывшемъ тогда Энгельгардта (у Казанскаго моста), и на Кузнецкомъ мосту „магазиновъ русскихъ издѣлій“. Магазины эти, которымъ было суждено ознакомить населеніе столицъ съ мануфактурными и другими издѣліями московскихъ фабрикъ, просуществовали недолго и, по прошествіи нѣкотораго времени, одинъ за другимъ закрылись. Широко затѣянное дѣло должно было распространиться и на Закавказье. Тогда, также какъ и теперь, московскіе фабриканты устремляли легковѣрные помыслы на завладѣніе граничными рынками на востокѣ, но безъ той прозорливости и готовности на необходимыя затраты, при отсутствіи которыхъ нельзя ожидать успѣха. Надежды свои они возлагали исключительно на помощь правительства. Желая открыть сбытъ своимъ товарамъ въ Персіи, никому изъ нихъ не приходило въ голову соединенными силами открыть факторіи гдѣ либо на побережьѣ Каспійскаго моря; они задались болѣе скромнымъ намѣреніемъ — учредить склады на территоріи Закавказья.

Исторія этого послѣдняго предпріятія, вполнѣ неудавшагося, не смотря на самое горячее содѣйствіе какъ со стороны министерства финансовъ, такъ въ особенности со стороны кавказскаго намѣстника князя М. С. Воронцова, весьма поучительна теперь, когда московскіе фабриканты, наталкиваемые всѣми благоприятными обстоятельствами къ завладѣнію рынками въ Болгаріи, столько же апатично и рутинно отнеслись къ этому дѣлу¹⁾. При недостаткѣ всякой энергіи и предпримчивости со стороны нашихъ капиталистовъ, даже осуществившееся, по настоянію ихъ, полное прекращеніе движенія транзитомъ ино-

---

¹⁾ См. русско-балканскій торговый вопросъ. А. Н. Мураневича. Москва, 1835 г.

странныхъ товаровъ чрезъ Закавказскій край едва ли принесетъ мануфактуристамъ нашимъ ожидаемую ими пользу.

Печальная исторія описываемаго мною предпріятія за Кавказомъ началась съ того, что 13 декабря 1846 г. министръ финансовъ Вронченко въ письмѣ ¹⁾ кн. Воронцову сообщилъ слѣдующее:

„Въ октябрѣ сего года открытъ въ С.-Петербургѣ магазинъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, по примѣру учрежденнаго въ Москвѣ, который удовлетворяетъ потребностямъ столичныхъ потребителей. Предпріятіе это удостоилось высочайшаго вниманія государя императора, государыни императрицы и всѣхъ особъ августѣйшаго дома, что и побудило главныхъ изъ московскихъ фабрикантовъ приступить къ учрежденію въ Закавказскомъ крайѣ одного или нѣсколькихъ подобныхъ же депо, о чемъ составленъ между ними, 26 прошедшаго ноября, формальный актъ.

„Предсѣдатель московскихъ отдѣленій мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ баронъ Мейендорфъ, донося мнѣ объ этомъ предпріятіи, присовокупляетъ, что оно можетъ имѣть важное послѣдствіе какъ для отечественной промышленности, такъ и для самаго края, ибо торгующіе за Кавказомъ армяне, покупая въ Москвѣ и на нижегородской ярмаркѣ посредственныя русскія издѣлія, продаютъ оныя тамъ за лучшія и по высокимъ цѣнамъ, а съ учрежденіемъ депо русской товаръ будетъ отправляться въ тотъ край лучшаго качества и продаваться по цѣнамъ постояннымъ и умѣреннымъ.

„О семъ я имѣлъ счастье всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія государя императора и его величество, удостоивъ предположеніе московскихъ фабрикантовъ особаго вниманія, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: 1) отнестись къ вашему сіятельству объ оказаніи со стороны вашей благосклоннаго покровительства сему предпріятію, котораго исполненіе его величество съ удовольствіемъ ожидаетъ, и 2) внушить фабрикантамъ, принимающимъ участіе въ этомъ дѣлѣ, чтобъ они, по видамъ пользы общественной и собственной, отправляли за Кавказъ издѣлія прочныя и потребностямъ края соотвѣтственныя, съ назначеніемъ продажныхъ цѣнъ умѣренныхъ.

„Во исполненіе сей высочайшей воли имѣю честь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство удостоить предпріятіе московскихъ фабрикантовъ милостиваго вашего покровительства, надѣясь съ моей стороны, что они, сообразно собственному ихъ вызову и дѣлаемому имъ чрезъ барона Мейендорфа внушенію, будутъ снабжать закавказскія депо такими товарами, которые удовлетворятъ какъ вкусу тамошнихъ потребителей, такъ и условію дешевизны“.

Князь Воронцовъ отвѣчалъ министру (28 декабря 1846, № 2046), что готовъ оказать всякое покровительство предпріятію, которое и по его мнѣнію

¹⁾ Всѣ приводимыя письма извлечены изъ подлиннаго дѣла объ этомъ предпріятіи.

могло бы принести большую пользу краю, потому что торгующіе въ Тифлисѣ армяне покупаютъ въ Москвѣ и на нижегородской ярмаркѣ такіа посредственныя издѣлія, что въ тифлисскихъ лавкахъ изъ русскихъ товаровъ нельзя найти ничего порядочнаго. Въ частномъ же письмѣ тому же министру, отъ 30 декабря, Воронцовъ писалъ: „не могу не сказать вамъ откровенно, что успѣху онаго (предпріятія) я повѣрю только въ то время, когда увижу это на самомъ дѣлѣ“.

Вслѣдъ за сими кн. Воронцовъ поручилъ отправлявшемуся въ Москву штаб-ротмистру Толстому, состоявшему при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, передать барону Мейендорфу „образцы тѣхъ товаровъ, которые болѣе другихъ потребляются въ Закавказскомъ краѣ и въ особенности изъ бумажныхъ издѣлій“.

Съ своей стороны министръ финансовъ, въ видахъ поощренія предпріятія, испросилъ высочайшее разрѣшеніе (указъ 14 декабря 1846 г.) на возвратъ пошлины для російскихъ бумажныхъ издѣлій, вывозимыхъ изъ Керчи въ Редутъ и Сухумъ-Кале и изъ Астрахани въ Баку; льгота эта, установленная на 5 лѣтъ, т. е. по 1852 годъ, высочайшимъ повелѣніемъ 28 декабря 1847 г. распространена на хлопчатобумажныя издѣлія, вывозимыя изъ Россіи въ Закавказскій край и сухимъ путемъ. Эта возвратная пошлина, т. е. выдаваемая изъ казны премія, была установлена въ 3 р. 25 коп. съ пуда бумажнаго товара.

Горячка покровительства затѣяннаго дѣла дошла до того, что баронъ Мейендорфъ ходатайствовалъ предъ княземъ Воронцовымъ объ отводѣ въ Тифлисѣ, подъ магазины и склады товарищества, трехъ-этажнаго каменнаго зданія и о перевозкѣ товаровъ изъ Астрахани въ Баку на казенныхъ пароходахъ.

Хотя кн. Воронцовъ относился къ задуманному московскими мануфактуристами дѣлу съ нѣкоторымъ пессимизмомъ, но ему никакъ нельзя сдѣлать упрёка въ томъ, что онъ недостаточно горячо принялъ къ сердцу ходатайство Мейендорфа. Вслѣдъ за письмомъ послѣдняго, по порученію намѣстника, появилось въ мѣстныхъ газетахъ „Кавказъ“ и „Закавказскій Вѣстникъ“ слѣдующее официальное сообщеніе:

„Намъ поручено сообщить читателямъ нашимъ о важномъ предпріятіи, которое можетъ имѣть самыя выгодныя послѣдствія для торговли здѣшняго края. Нѣкоторые изъ главнѣйшихъ русскихъ фабрикантовъ, желая положить твердое основаніе торговлѣ Россіи съ Закавказскимъ краемъ, составили товарищество для снабженія сего края лучшими издѣліями російскихъ фабрикъ, по умѣреннымъ цѣнамъ, и на сей предметъ рѣшились учредить товарныя склады сперва въ Тифлисѣ, а потомъ, по мѣрѣ могущей открыться надобности, и въ другихъ главныхъ закавказскихъ городахъ.

„Предпріятіе это удостоилось высочайшаго одобренія, а имена учредителей: гг. Мальцева (секундъ-маіоръ), Лепешкина, Баранова, Гучкова, Прохоровыхъ, Четвериковыхъ, Усачева и другихъ, ручаются за успѣхъ сего предпріятія и

за добросовѣстность, съ которою оно будетъ ведено. Въ настоящемъ дѣлѣ они руководствуются не столько собственными выгодами, сколько похвальнымъ желаніемъ способствовать коммерческому сближенію Закавказскаго края съ центромъ Россіи.

„Учредители намѣрены въ самомъ непродолжительномъ времени отправить сухимъ путемъ легкіе и цѣнные товары для доставки ихъ въ Тифлисъ раннею весною; предметы же тяжеловѣсные и малоцѣнные будутъ отправлены въ мартѣ мѣсяцѣ водою чрезъ Ростовъ на Дону и Керчь или чрезъ Астрахань и Баку. Такимъ образомъ, до обыкновеннаго отъѣзда здѣшнихъ торговцевъ на нижегородскую ярмарку, доставлены будутъ сюда товары, составляющіе болѣе или менѣе предметъ ихъ покупокъ, и они будутъ имѣть возможность снабдить себя, безъ потери времени и издержекъ на поѣздку въ Нижній Новгородъ и обратно, нужными для торговли ихъ товарами.

„Но этимъ не ограничатся выгоды закавказскихъ торгующихъ лицъ отъ предполагаемаго предпріятія. Новое товарищество желаетъ не токмо продавать издѣлія російской промышленности, но и промѣнивать ихъ на туземныя произведенія или приобретать сіи послѣднія покупкою, и при ожидаемомъ сближеніи російскаго купечества съ закавказскимъ, сообщить здѣшнимъ производителямъ техническія условія, при соблюденіи коихъ они могутъ ожидать быстрѣйшаго и выгоднѣйшаго сбыта ихъ произведеній.

„Нѣтъ сомнѣнія, что сообщеніе производителямъ свѣдѣній объ улучшеніяхъ, требуемыхъ въ ихъ произведеніяхъ, побудитъ ихъ приложить должное стараніе къ усовершенствованію способовъ производства, въ особенности въ то время, когда они будутъ имѣть средства сбывать свои товары на мѣстѣ и по выгоднѣйшимъ цѣнамъ.

„Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли весьма желательно, чтобы ко времени прибытія сюда повѣренныхъ вышеозначеннаго товарищества здѣшніе торговцы приготовили хотя образцы закавказскихъ произведеній, могущихъ имѣть сбытъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, какъ-то: шелка, хлопчатой бумаги, марены, сорочинскаго пшена, табаку, шерсти, шафрана, винограднаго вина, рыбаго клея и др.“.

Согласно съ желаніемъ барона Мейендорфа, кн. Воронцевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы транспорты съ товарами, слѣдующіе сухимъ путемъ на Владикавказъ, были встрѣчены при самомъ вступленіи въ предѣлы кавказскаго намѣстничества сильнымъ конвоемъ и чтобы сопровождался онымъ по военно-грузинской дорогѣ вплоть до Тифлиса; а губернатору астраханскому и начальнику каспійской флотиліи предписано оказывать всякое содѣйствіе и помощь при слѣдованіи товаровъ отъ устьевъ Волги, моремъ, въ Баку.

Первый транспортъ, на 50-ти подводахъ, нагруженныхъ товаромъ вѣсомъ въ 1,200 пудовъ, былъ отправленъ изъ Москвы 25 февраля 1847 года и, прибывъ благополучно въ Тифлисъ, расположился въ огромномъ зданіи подъ

названіем галлерей Арпруни, въ центрѣ города. Управляющимъ тифлисскою конторою товарищества назначенъ былъ купецъ Бобылевъ, представившійся князю Воронцову и вручившій письмо барона Мейендорфа, въ которомъ послѣдній просилъ князя: „обратить на подателя благосклонное вниманіе и не лишить его милостиваго покровительства“. Наконецъ, въ Тифлисъ же прибылъ одинъ изъ учредителей и директоровъ предпріятія, почетный гражданинъ Четвериковъ, съ рекомендательными письмами не только отъ барона Мейендорфа, но и самого министра Вронченко.

Между тѣмъ составила еще другая компанія „подъ руководствомъ“, какъ писалъ Вронченко, „того же московскаго городского головы Лепешкина“, изъ первенствующихъ въ Москвѣ и с. Ивановъ-Вознесенскѣ фабрикантовъ и капиталистовъ, „къ открытію торговли съ Закавказскимъ краемъ въ обширномъ видѣ, съ употребленіемъ особаго значительнаго капитала для покупки закавказскихъ произведеній“. Объ учрежденіи этой второй компаніи было сообщено, по высочайшему повелѣнію, князю Воронцову, на предварительное усмотрѣніе (17 іюня 1847 г.); но, не дождавшись отвѣта Воронцова, Вронченко, по просьбѣ одного изъ учредителей новой компаніи, мануфактуръ-совѣтника Рогожина, вновь вошелъ съ докладомъ къ государю „о сущности проекта“, и его величество изволилъ собственноручно написать на докладѣ: „съ величайшимъ удовольствіемъ вижу сіе похвальное стремленіе и буду ему покровительствовать съ убѣжденіемъ въ пользѣ“, о чемъ Вронченко увѣдомилъ князя Воронцова 25 іюля 1847 года, № 3,140.

Такимъ образомъ въ Тифлисъ появились два торговыхъ депо, одно московскихъ, а другое московскихъ и ивановскихъ фабрикантовъ.

Но едва успѣли открыть продажу товаръ изъ перваго торговаго депо, какъ мѣстное армянское купечество стало громко жаловаться на то, что розничную торговлю изъ депо подрываются торговля ихъ дѣла, потому что товары, закупленные ими еще на прошлой Нижегородской ярмаркѣ, не могутъ соперничать съ товарами самихъ фабрикантовъ, какъ первыхъ производителей, тѣмъ болѣе, что за товары сіи фабрикантами получена возвратная пошлина, „составляющая 12⁰/₁₀₀ разницы противъ цѣнъ на товары, привезенные ими предъ симъ“.

Князь Воронцовъ былъ въ отсутствіи: онъ былъ въ Дагестанѣ, гдѣ происходили военныя дѣйствія противъ горцевъ. Къ нему полетѣли просьбы армянъ. Воронцовъ, вѣруя еще вполне въ благонамѣренность компаніи московскихъ фабрикантовъ, отвѣчалъ на эти просьбы изъ лагеря подъ Турчи-Дага, 27 іюня 1847 года: „можетъ-ли армянское купечество серьезно думать, что онъ, намѣстникъ, запретить русскимъ торговать,— на что, кромѣ того, и не имѣетъ никакого права; что армяне должны сами войти въ соглашеніе съ конторою торговаго депо для скупки товаръ оптомъ, такъ какъ покупка

въ депо обойдется имъ выгодыѣе, чѣмъ поѣздка за товарами на Нижегородскую ярмарку“.

Когда намѣстникъ возвратился въ Тифлисъ и къ нему явился представитель второй торговой компаніи Рогожинъ, то въ отвѣтъ на рекомендательное письмо московскихъ купцовъ Лепешкина, Лобко и Котова, въ которомъ они просили оказывать содѣйствіе ихъ предпріятію, князь Воронцовъ писалъ имъ, 26 марта 1848 г., слѣдующее:

„Нѣсколько времени тому назадъ Рогожинъ вручилъ мнѣ письмо ваше отъ 5 февраля. Прежде отвѣта моего, я желалъ видѣть тотъ образъ дѣйствій, который избреть г. Рогожинъ, для исполненія патриотическаго предпріятія вашего къ учрежденію въ Тифлисъ торговаго депо.

„Теперь съ удовольствіемъ послѣшаю увѣдомить васъ, что предначальныя его дѣйствія вполне сообразны съ тѣми мыслями, которыя я имѣлъ объ этомъ дѣлѣ, и я увѣренъ, что, при постоянномъ направленіи дѣла по избранной имъ системѣ, общество достигнетъ предполагаемой цѣли сближенія русскихъ внутреннихъ губерній съ Закавказскимъ краемъ въ торговомъ отношеніи и доставленія послѣднему большой пользы. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣшніе торговцы увидятъ пользу въ полученіи изъ депо товаровъ по такимъ цѣнамъ, которыя доставятъ имъ достаточную прибыль при раздробительной продажѣ. Надобно, чтобы депо замѣнило здѣшнимъ торговцамъ Нижегородскую ярмарку и Москву, — вотъ цѣль, къ которой должно стремиться общество и которой оно, вѣроятно, достигнетъ при дѣйствіяхъ, подобныхъ начатымъ теперь г. Рогожинимъ.

„Что касается лично меня, то вы можете быть увѣрены, что, и по долгу моего званія и по чувствамъ патриотизма и желанья добра здѣшнему краю, я никогда не откажусь содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня мѣрами къ успѣшному ходу дѣла общества, и покорнѣйше прошу его быть въ томъ увѣреннымъ.

„Въ заключеніе долгомъ считаю отдать полную справедливость взгляду на вещи и сужденіямъ представителя вашего г. Рогожина. Мнѣ было очень пріятно съ нимъ познакомиться и удостовѣриться, изъ личныхъ объясненій, въ здравыхъ его сужденіяхъ и практическихъ понятіяхъ о торговлѣ“.

Пока ловкій, и черезъ чуръ практической, представитель втораго товарищества очаровывалъ намѣстника своими здравыми сужденіями о торговлѣ, жалобы армянъ на первое товарищество не унимались. Въ „актѣ“ учрежденія товарищества было выражено, что „главная цѣль — оптовая продажа русскихъ товаровъ, и только для ближайшаго ознакомленія мѣстныхъ потребителей съ положеніемъ русской мануфактурной производительности и, въ особенности, для устраненія нѣкоторыхъ предубѣжденій противъ русскихъ издѣлій, открывается магазинъ розничной продажи по опредѣленнымъ цѣнамъ, съ повышеніемъ противъ оптовой соответственно расходамъ; для достиженія же взаимной пользы какъ самого края, такъ и мануфактурныхъ округовъ среднихъ

губерній имперіи, положено было приобрѣтать, покупкою и мѣною на товары, мѣстные произведенія какъ для своихъ московскихъ фабрикъ, такъ для сбыта ихъ другимъ потребителямъ“.

Программа эта не исполнялась; торговля съ самаго начала ея открытія производилась исключительно розничная, а мѣстные произведенія не приобрѣтались ни покупкою, ни мѣною. Вслѣдствіе настойчивыхъ жалобъ армянъ и сношенія мѣстной администраціи съ учредителями, послѣдніе представили объясненіе, въ которомъ прямо заявлялось: что они постановили „ограничиться преимущественно отправкой товаровъ для розничной продажи, для оптовой же предлагать только высшіе сорта“; что „армяне, покупая товары худшихъ фабрикъ на 12 и 18 мѣсячные сроки и приплачивая за рискъ продавца огромные проценты, могутъ-ли конкурировать съ ними, пользующимися общимъ довѣріемъ въ доброкачественности своихъ произведеній? Мы вѣрно измѣрили свои силы состязаться съ туземными торговцами и лучше согласимся, писали они, потерпѣть огромные убытки и вывезти обратно въ Россію наши товары, чѣмъ отдаться въ зависимость тифлисскихъ торгашей, честность и доброжелательство которыхъ намъ очень извѣстны изъ опыта прежнихъ съ ними торговыхъ связей“.

Вмѣсто сближенія русскаго купечества съ армянскимъ, на основаніяхъ взаимной пользы, какъ помышлялъ князь Воронцовъ, возгорѣлась вражда, разобратъ которую было поручено начальнику гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ, генераль-лейтенанту князю Бебутову.

Въ запискѣ, поданной кн. Воронцову, князь Бебутовъ писалъ (16 апрѣля 1848 года):

„Въ борьбѣ двухъ противоположныхъ интересовъ, повтореніе обоюдныхъ жалобъ едва-ли можетъ убѣдить ту или другую сторону; жалобы тифлисскихъ торговцевъ неоднократно уже были сообщаемы учредителямъ тифлискаго магазина. Изъ отзыва послѣднихъ явствуетъ только то, что товарищество московскихъ фабрикантовъ не только не проникнуто желаніемъ сблизить интересы тифлискаго купечества со своими собственными, но, напротивъ того, обнаруживаетъ во всѣхъ выраженіяхъ своихъ враждебныя чувства, которыя сами собою оправдываютъ опасенія здѣшнихъ купцовъ. Сіи послѣдніе, перенося раззорительные убытки, въ послѣдствіе дѣйствій московскихъ фабрикантовъ, показали больше умѣренности, и въ жалобахъ своихъ не касались честности своихъ противниковъ, а объяснили приличными словами претерпѣваемое ими разстройство. Фабриканты не только дозволяютъ себѣ выраженія обидныя для цѣлаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ рѣшительное намѣреніе не входить ни въ какія миролюбивыя сдѣлки и продолжать борьбу безъ всякаго вниманія къ положенію мѣстнаго купечества, не смотря на неравенство его силъ. Угрозы прекратить торговлю и вывезти обратно товары, если запрещена будетъ компаніи розничная торговля, служатъ явнымъ доказательствомъ этого намѣренія.

„Но болѣе всего оправдываетъ жалобы тифлисскихъ купцовъ признаніе фабрикантовъ, что они, до начатія предпріятія, „вѣрно измѣрили свои силы состязаться съ туземными торговцами“. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что предпріятіе ихъ имѣетъ цѣлю не содѣйствіе торговлѣ здѣшнихъ жителей, а состязаніе съ ними,—состязаніе сильныхъ съ слабыми, котораго послѣдствія неизбежны; и могутъ-ли армяне, какъ сказано въ самомъ отзывѣ компаніи, при недостаточности ихъ средствъ, конкурировать съ товариществомъ фабрикантовъ? Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вѣрное описаніе теперешняго положенія тифлисскихъ купцовъ. Они не могутъ конкурировать съ сильною компаніею московскихъ капиталистовъ, которые сами объясняютъ, что при покушкѣ товаровъ здѣшніе купцы платятъ за рискъ продавца огромные проценты.

„Напрасно товарищество увѣряетъ, что оно старалось предоставить и здѣшнимъ торговцамъ средства къ существованію посредствомъ скидки, при оптовой продажѣ, 5% на дешевые сорта товаровъ и 10% на высшіе сорта. Это предложеніе едва-ли могло представлять выгоды здѣшнимъ купцамъ, такъ какъ съ одной стороны въ депо никогда не было столько товаровъ, сколько потребовалось бы на оптовый торгъ, и теперь товарищество само пишетъ, что оно ограничивается преимущественно отправкою товаровъ для розничной продажи, а съ другой стороны скидка 5% на дешевые сорта, которые составляютъ главнѣйшую отрасль прѣдлжи, не можетъ быть достаточна на покрытіе расходовъ торговца и на доставленіе ему тѣхъ барышей, безъ которыхъ никакая торговля существовать не можетъ“.

Донесеніе князя Бебутова, основанное на мѣстномъ дознаніи всѣхъ обстоятельствъ, было получено намѣстникомъ во время пребыванія его въ г. Баку. Князь Воронцовъ, въ письмѣ отъ 3 мая, за № 589, посланномъ изъ Баку, сообщая барону Мейендорфу содержаніе записки князя Бебутова, писалъ: „Въ самомъ началѣ открытія перваго торговаго депо въ Тифлисѣ возникли жалобы со стороны армянъ-торговцевъ на прожводство учредителями онаго розничной продажи товаровъ. Жалобы эти сколько отчасти ни преувеличены, но я не могъ не полагать, что открытіе компаніею розничной продажи можетъ, особенно въ началѣ, причинить въ нѣкоторой степени подрывъ здѣшнимъ частнымъ торговцамъ. Объ этомъ я писалъ къ вамъ и объяснялъ, что оптовая продажа будетъ выгоднѣе и приличнѣе для учредителей компаніи, и полагалъ, что время еще болѣе убѣдить ихъ въ пользѣ и выгодахъ этой торговли. Нынѣ начальникъ гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ подалъ мнѣ докладную записку, въ которой извѣщая всеобщія жалобы тифлисскихъ торговцевъ изъ армянъ на причиняемый имъ подрывъ и исчисляя убытки, понесенные ими со времени открытія депо, представилъ мнѣ списокъ, изъ котораго видно, что нѣкоторые изъ торговцевъ вовсе прекратили по этому случаю торговлю, а нѣкоторые гъ значительной степени сократили торговые обороты. Они желаютъ.

чтобы дѣла первой компаніи были соединены съ дѣлами второй и чтобы такимъ образомъ устроился одинъ общій складъ товаровъ, для продажи оптомъ здѣшнимъ купцамъ, а розничная продажа (было-бы) прекращена“.

На отпускъ съ этого письма, хранящемся въ дѣлѣ, чьей-то рукой подчеркнуто карандашемъ упоминаемая фамилія кн. Бебутова и съ боку карандашемъ же написано: „армяне нашли заступника“. Такъ какъ кн. Бебутовъ былъ родомъ изъ армянъ, то, очевидно, намекалось, что онъ заступался за своихъ одноплеменниковъ; но если-бъ и дѣйствительно было нѣкоторое пристрастіе со стороны кн. Бебутова, нельзя не сознать, что московскіе фабриканты взяли за дѣло и неумѣло и вовсе не съ патріотическою цѣлью, которая выставлялась вначалѣ.

Такъ какъ московскіе фабриканты упорно продолжали розничную продажу своихъ издѣлій, предпочитая реализовать немедленно значительные барыши ожиданію таковыхъ въ будущемъ, а армяне съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вопили, то кн. Воронцовъ счелъ нужнымъ обратиться съ воззваніемъ къ учредителямъ перваго депо русскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Воззваніе это отъ 2 мая 1850 за № 1634, обращенное къ гг. Четверикову, Гучкову, Прохорову и комп., выписываю вполнѣ ¹⁾:

„Милостивые государи!

„Отношенія, которыя я имѣлъ съ самаго начала къ предпріятіемъ вашимъ, и потомъ разговоръ въ прошломъ году съ нѣкоторыми изъ почетныхъ лицъ между вами въ Москвѣ, даютъ мнѣ право и даже поставляютъ мнѣ въ обязанность войти съ вами въ новую переписку на счетъ дѣйствій первоначальнаго русскаго депо за Кавказомъ.

Вы не можете сомнѣваться въ постоянномъ моемъ желаніи, съ самаго начала, помогать заведенію вашему и вообще русской торговлѣ на Кавказѣ; все, что отъ меня зависѣло, немедленно было сдѣлано, и то, что я не могъ самъ сдѣлать, было представлено мною на разрѣшеніе г. министра финансовъ и имъ хорошо принято. Въ этомъ, я полагаю, состоитъ долгъ мой и я вполнѣ желалъ помогать вамъ, сколько отъ меня зависѣло, и содѣйствовать къ расширенію и улучшенію торговыхъ сношеній здѣшняго края съ общимъ нашимъ отечествомъ.

Въ 1847 г., когда дѣйствія первоначальнаго депо показались здѣшнему торговому сословію для нихъ обременительными и опасными, — я получилъ сильныя жалобы и просьбы принять для спасенія тифлисскихъ купцовъ нѣкоторыя мѣры. Раздѣляя, до известной степени, мнѣнія и опасенія здѣшняго торго-

---

¹⁾ На поляхъ черноваго письма написано: „бумага эта продиктована княземъ намѣстникомъ“.

ваго сословія, я однако, отказалъ оному во всѣхъ этихъ просьбахъ, потому что не имѣлъ на удовлетвореніе оныхъ законнаго права и, кромѣ того, всегда имѣлъ истинное желаніе, чтобы и ваше предпріятіе не осталось здѣсь безъ достаточныхъ выгодъ; обо всемъ этомъ я, въ томъ же году, отнесся и къ вамъ и партикулярно къ барону Мейендорфу. За всѣмъ тѣмъ я и тогда не могъ и теперь не могу скрыть отъ васъ, что ожиданія сбойной пользы отъ вашего заведенія въ большой мѣрѣ не оправдались. Мы съ самаго начала надѣялись и ожидали, согласно неоднократно сдѣланному вами общанію, что, продавая въ Тифлисѣ московскія мануфактурныя издѣлія не столько въ раздробь, сколько оптомъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ будете покупать и здѣшнія произведенія и познакомите съ ними Москву и всю Россію; въ противномъ случаѣ дѣйствія ваши, полезныя въ началѣ для здѣшнихъ потребителей, уничтоженіемъ монополіи армянскихъ купцовъ, продолжили бы только вредъ, сдѣланный вами симъ послѣднимъ, не принося никакой пользы ни производителямъ, ни фабрикантамъ, ни ремесленникамъ здѣшнимъ. Я оставался въ надеждѣ, особливо послѣ личныхъ моихъ объясненій съ вами въ Москвѣ, что, расширяя постепенно ваши дѣйствія, вы обратите вниманіе ваше и на покупку здѣшнихъ произведеній и принесете тѣмъ настоящую пользу здѣшнему краю и введете въ употребленіе въ Россіи много интересныхъ здѣшнихъ статей, которыя въ отечествѣ нашемъ совершенно неизвѣстны.

Къ большому моему удивленію и эта надежда теперь не осуществилась. Когда недавно учрежденное здѣсь общество сельскаго хозяйства, во второмъ своемъ засѣданіи, положило, между прочимъ, употребить малую часть нашихъ скудныхъ денежныхъ способовъ на покупку и отсылку въ Москву нѣкоторыхъ здѣшнихъ произведеній, въ Россіи неизвѣстныхъ, баронъ Мейендорфъ прочелъ намъ письмо, полученное отъ васъ, въ которомъ вы насъ извѣщаете, что услышавъ о такомъ намѣреніи нашего общества, вы намъ съобщаете и обѣщаете покупать ежегодно изъ здѣшнихъ произведеній на сумму, равную той, которую употребить на это общество. Не могу и не долженъ скрыть отъ васъ дурное впечатлѣніе, какъ на меня самого, такъ и на всѣхъ присутствовавшихъ, произведенное объявленіемъ такового вашего намѣренія.

Общество можетъ употребить на это предположеніе нѣсколько сотъ рублей и когда мы услышали, что московскіе капиталисты обѣщаютъ покупать изъ здѣшнихъ произведеній столько, сколько употребить на это общество, т. е. также нѣсколько сотъ рублей, то вся надежда, которую нѣкоторые изъ насъ имѣли на будущія дѣйствія ваши къ пользѣ края, совершенно исчезла.—Я прежде за васъ спорилъ и возражалъ на жалобы, увѣряя что дѣйствія ваши будутъ полезны для края; теперь, собственныя слова ваши отняли у меня не только собственную мою надежду, но всякое право и возможность говорить въ вашу пользу и хвалить ваши намѣренія. Конечно, несмотря на это, я долженъ, какъ начальникъ края, помогать вамъ всякій разъ, когда то бу-

дѣтъ отъ меня зависѣтъ, оказывать вамъ законную защиту, но теперь буду это дѣлать не въ видѣ помощи полезному для насъ отечественному заведенію, но наравнѣ со всякимъ лавочникомъ, которому я также обязанъ помогать всякій разъ, что онъ требуетъ отъ меня законной защиты. Таковую защиту я никому не вправѣ отказать, но что нибудь другое предпринимать въ вашу пользу я уже не считаю себя обязаннымъ и не долженъ скрыть отъ васъ, что сердечнаго участія, какъ прежде, въ вашихъ интересахъ я уже чувствовать не могу. Я долженъ вамъ сказать, что общее мнѣніе и голосъ противъ васъ здѣсь усилились и что никто уже не можетъ ничего сказать въ вашу защиту. Эта истина для васъ можетъ быть непріятна, но я считаю себя обязаннымъ не скрывать ее отъ васъ.

Въ заключеніе скажу, что я не знаю вашихъ намѣреній, не умѣю и не считаю себя вправѣ давать вамъ совѣты, скажу вамъ только, что какъ въ прошломъ году въ Москвѣ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ изъ васъ разсужденія о расширеніи вашего предпріятія раздѣленіемъ онаго на паи, то не теряю поэтому надежды, что вы еще можете и хотите сдѣлать что нибудь, что было бы полезно и московскимъ капиталистамъ и здѣшнему краю.

Весь Кавказъ и особливо Грузія входятъ въ составъ великой нашей Имперіи, весь край богато одаренъ природою, но нуженъ порывъ къ отысканію и къ сбыту здѣшнихъ произведеній, и въ этомъ-то была и главная надежда, когда мы услышали объ учрежденіи вашемъ, а потомъ и о второмъ подобномъ предпріятіи. Великій нашъ государь, съ всегдашнимъ участіемъ ко всему полезному, удостоилъ оба заведенія высочайшимъ своимъ покровительствомъ и самъ полагалъ и объяснилъ, что дѣйствія оныхъ будутъ равно полезны и для московскихъ фабрикантовъ и для здѣшняго края; расширеніемъ торговыхъ сношеній и сбытовъ съ обѣихъ сторонъ можно бы было приобрѣсти прямую государственную пользу и уменьшить зло заграничной контрабанды. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ вы ничего не сдѣлали для оправданія такового ожиданія. Агенты 2-го депо также мало сдѣлали полезнаго, но, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ купили значительное количество кахетинскаго вина, а теперь приобрѣли на торгахъ нѣсколько сотъ пудовъ здѣшняго податнаго шелку.

Теперь остается намъ, по будущимъ дѣйствіямъ вашимъ, заключить имѣете ли вы намѣреніе дѣйствовать въ видѣ государственной общедной пользы или хотите оставаться, какъ теперь, только мелочными торговцами съ ничтожною пользою для края и со значительнымъ вредомъ для туземныхъ купцовъ.

Съ почтеніемъ остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга князь М. Воронцовъ“.

Торговля въ Тифлисѣ перваго товарищества продолжалась засимъ недолго и наконецъ, по высочайше утвержденному 10 марта 1854 г. положенію кавказскаго комитета, дѣйствія товарищества окончательно прекращены.

Что касается втораго товарищества, то оно распалось еще ранѣе. Въ концѣ 1848 хваленый представитель онаго въ Тифлисѣ, Рогожинъ, былъ то-

вариществомъ смѣненъ вслѣдствіе употребленія во зло довѣренности главнаго правленія общества и невыполненія начертаннаго плана торговли; его, между прочимъ, обвиняли въ „покупкѣ въ Кахетіи партій вина вовсе невысокаго достоинства, какое требуется для вывоза въ Россію, но, напротивъ, низкаго сорта, идущаго на мѣстное потребленіе“. Рогожинъ оправдывался тѣмъ, что вино это купилъ по настоянію намѣстника кавказскаго ¹⁾). Пререканія эти дошли до свѣдѣнія Воронцова, и въ отвѣтъ на письмо учредителей товарищества о томъ, что по случаю устраненія Рогожина они пріостановили отправку товаровъ,—князь писалъ имъ, что „кахетинское вино куплено не по его настоянію и было не низкихъ сортовъ, а лучшаго качества“.

Такъ закончились оба московскія предпріятія; оказанныя имъ покровительство и значительная помощь не могли пробудить того „порыва“, на который указывалъ учредителямъ кн. Воронцовъ ²⁾).

Константинъ Вухъ.

---

¹⁾ Въ дѣлѣ имѣется письмо князя Чавчавадзе, изъ села Кварели, на имя директора канцеляріи намѣстника Сафонова, которымъ просятъ доложить кн. М. С. Воронцову глубокую признательность за попеченіе о нихъ.

²⁾ Возвратная пошлина на бумажные товары была установлена по 1852 г. Когда истекалъ срокъ, ивановскіе фабриканты обратились къ кн. Воронцову о продленіи ея, и кн. Воронцовъ, 31 января 1852 г., ходатайствовалъ о семъ въ письмѣ на имя Вронченко. Отвѣчалъ ему на это вновь назначенный министръ финансовъ Брокъ, 12 марта, что не находитъ возможнымъ войти о семъ съ представленіемъ, такъ какъ высочайше утвержденнымъ журналомъ департамента экономіи, въ видахъ возможнаго сокращенія расходовъ, между прочимъ, установлено, чтобы, по минованіи срока производства таковой преміи, срокъ сей болѣе не продолжаться и назначавшуюся для выдачи означенной преміи сумму изъ смѣты на 1852 г. исключить.

ВОСПОМИНАНІЯ ВРАЧА О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ

1880—1881 гг.

I.

Въ понедѣльникъ на Свѣтлой недѣлѣ 1880 года я получилъ отъ начальства изъ Тифлиса телеграмму слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжайте на курьерскихъ, устраните всѣ препятствія, даже завалы». Я тогда занималъ мѣсто главнаго врача грозненскаго военнаго госпиталя. Сдавъ госпиталь и собравъ необходимыя вещи, я выѣхалъ на другой же день въ полдень. Нигдѣ не отдыхая ни минуты, я проскакалъ черезъ Владикавказъ ночью и остановился только на нѣсколько часовъ на первой станціи военно-грузинской дороги. Я ничего не зналъ о завалахъ въ горахъ и другихъ препятствіяхъ пути, о которыхъ телеграфъ успѣлъ извѣстить Владикавказъ и всю Россію. Рано утромъ, радуясь, что станція пуста и, сверхъ ожиданія, никакой задержки не представляется, я сѣлъ на тройку и прибылъ на слѣдующую станцію Ларсъ. Здѣсь ожидало разочарованіе. Содержатель станціи доложилъ мнѣ, что доѣхать до третьей станціи нельзя по причинѣ землянаго обвала, и что еще выше на перевалѣ дорога завалена громадною снѣжной лавиной. Я все-таки спросилъ лошадей и опытнаго ямщика, и безъ особыхъ препятствій доѣхалъ я до половины станціи. Но здѣсь, за мостомъ, все шоссе было завалено грудами камней и земли. Ямщикъ отправился за верховыми лошадьми въ какой-то не видный въ туманѣ аулъ, оставивъ меня на телѣжкѣ. Черезъ полчаса привели двухъ тощихъ осѣдланыхъ лошадей. Я сѣлъ на одну изъ нихъ, а на другую взобрался деньщикъ съ чемоданомъ впереди. Вслѣдъ за проводникомъ-горцемъ мы перебрались на правую сторону оврага и по старой дорогѣ достигли Казбека. Отсюда

до Коби шоссе было свободно. Безъ отдыха мы проѣхали это состояніе по-курьерски. Смотритель станціи Коби былъ крайне удивленъ и обрадованъ, увидѣвъ, послѣ нѣсколькихъ дней одиночнаго заключенія, челоуѣка. Онъ предостерегалъ меня отъ всякой попытки отправиться далѣе, въ Годоуръ, въ виду того, что, начиная уже со второй версты отъ станціи, дорога скрыта подъ снѣжнымъ заваломъ, доходящимъ до высоты дома. Нечего было дѣлать, я подчинился своей судьбѣ и, подкрѣпившись закуской, обратился къ обычному спутнику моему, англійской книгѣ. Вдругъ вижу работниковъ, идущихъ съ Годоура, и слышу, что нѣкоторые изъ нихъ собираются на слѣдующій же день идти обратно туда же, гдѣ многія сотни рабочихъ за хорошую плату заняты раскопкою дороги отъ снѣжнаго завала. Если эти люди рискуютъ за деньги, то я могъ сдѣлать то же самое ради чести. Я нанялъ ихъ въ проводники. Они просили только, чтобы мы пустились въ путь въ сумерки, такъ какъ днемъ поверхность снѣжнаго пласта разрыхляется и подтаиваетъ отъ палищаго солнца, и опасность провалиться на нѣсколько сажень подъ лавину уменьшается только ночью, когда снѣгъ твердѣетъ. Мы вышли въ два часа утра и стали перебираться черезъ снѣжный перевалъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ рабочій, потомъ я, послѣ меня рабочій съ чемоданомъ, потомъ мой деньщикъ, а за нимъ опять рабочій. Веревокъ, крючковъ или палокъ, какъ бываетъ у швейцарскихъ или тирольскихъ проводниковъ, съ ними не было. Тяжело было въ военномъ мундирѣ и тепломъ пальто, въ военныхъ галошахъ, тащиться по узкимъ тропинкамъ. Далекое подъ ногами скрывались въ снѣгу телеграфныя проволоки. Надъ нами высились крутыя голыя скалы и обрывы горъ. Кругомъ все бѣло, воздухъ холодный и рѣдкій, дыханіе учащалось и стѣснялось. Приходилось непрерывно останавливаться для передышки, но всякая остановка вызывала протестъ проводниковъ: «скорѣе и скорѣе впередъ, чтобы успѣть перебраться черезъ снѣжную лавину до восхода солнца». Тяжело дыша, грузно передвигая ноги, мы шли дальше. Крупныя капли пота падали со лба. Иногда подъемъ былъ такъ крутъ, что можно было взбираться только при помощи рукъ. Вдругъ, изъ расщелины горъ, показались первые лучи раннаго солнца. Скоро разсвѣталась ночная тѣнь и вся снѣжная лавина ярко заблестала. Мы удвоили усилія, но съ каждымъ шагомъ стали замѣчать, какъ снѣжная кора все болѣе и болѣе утрачивала свою упругость. Ноги наши вязли все чаще и глубже. То одинъ, то другой изъ насъ проваливался по колѣно въ снѣжную массу и требовалъ помощи. Проводники понукали къ возможной поспѣшности:

«еще немного усилій, увѣряли они, и мы спасены». Уже послѣднія силы наши, казалось, истощились, какъ вдругъ—небольшой спускъ, потомъ поворотъ вправо и мы очутились у каменнаго моста,—мы были у цѣли. У моста кончался заваль. Рабочіе бросили на землю чемоданъ, шубу, лопатки и, опираясь о перила моста, сказали: «теперь, баринъ, ты можешь отдыхать, сколько хочешь. Можешь ѣсть и пить, и намъ что-нибудь дашь». Какъ этотъ отдыхъ былъ сладокъ, какъ вкусно мы закусили!...

Остатокъ пути до станціи не представлялъ уже никакой опасности. Сначала мы шли по каменистому грунту, прикрытому слабымъ слоемъ тающаго снѣга, а потомъ по разчищенному уже шоссе между высокихъ снѣжныхъ стѣнокъ, около которыхъ копошились сотни рабочихъ рукъ. Въ Годарѣ я не хотѣлъ отдыхать и, взявъ свѣжую тройку, безпрепятственно доскакалъ до станціи Млеты. На южномъ склонѣ горъ уже снѣга не было,—все въ зелени и въ цвѣтахъ; по обѣ стороны дороги съ высотъ струились прозрачныя ручейки снѣжной воды. Тутъ уже ни земляные, ни снѣжные обвалы не преграждали пути.

Въ красивомъ Млетѣ меня встрѣтило извѣстіе, что дальше ѣхать нельзя, потому что шоссе передъ Пассанауромъ залито водою. Я все-таки не хотѣлъ уступить. Ни лавина, ни земляной обвалъ не задержали, надо и воду одолѣть. Я только обѣщалъ лошадей и ямщика не подвергать опасности и возвратитъ ихъ, если дальше ѣхать нельзя. Мы пустились по этой хорошо устроенной и хорошо содержимой дорогѣ. Благодаря таянію снѣга въ горахъ, дорога эта теперь непрерывно пересѣкалась быстрыми потоками воды. Мы переѣхали маленький, потомъ большой ручей и, наконецъ, цѣлый водопадъ. Слѣдующій горный потокъ, вылившійся съ горъ черезъ дорогу, былъ такой быстрый, что тройка съ трудомъ тащила пустую телѣгу, а мы шли пѣшкомъ по рѣкѣ выше до мельницы, гдѣ по доскамъ и камнямъ переправились черезъ нее. Еще 2—3 версты проѣхали хорошо. Передъ слѣдующимъ горнымъ водопадомъ ямщикъ объявилъ, что переѣздъ невозможенъ, и былъ отправленъ назадъ. Какой-то геркулесъ, въ образѣ мѣстнаго жителя, сначала перенесъ меня, потомъ деньщика и, наконецъ, несчастный чемоданъ, и провожалъ меня дальше. Пришлось идти въ бродъ, прыгать по камнямъ, но мы шли охотно и радовались потомъ успѣхамъ.

Недалеко отъ Пассанаура съ обрыва неслась широкая, быстрая рѣка. На томъ берегу мы видѣли множество людей: дамы, офицеры, задержанные въ пути, инженеры и рабочіе, которые защищали берегъ

отъ наводненія. Они послали ко мнѣ еще трехъ человѣкъ въ помощь къ моимъ двумъ. Самый сильный изъ нихъ взялъ меня на плечи, двое поддерживали съ обѣихъ сторонъ, а остальные шли впереди и сзади. Съ противоположнаго берега протянули къ намъ длинные шести, затѣмъ радушныя руки схватили и вытащили насъ на берегъ, гдѣ встрѣтило насъ дружное «ура»! Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: «откуда вы? Развѣ переходъ черезъ горы уже возможенъ?» Любопытство это было вполнѣ понятно: всѣ эти путешественники были задержаны въ Пассанаурѣ и нетерпѣливо ждали возможности переѣхать черезъ Кавказскій хребетъ. Триумфально ввели меня въ Пассанауръ, угощали и просили рассказать о моемъ пути. Я хотѣлъ ѣхать далѣе, но встрѣтилъ серьезный протестъ со стороны инженера дистанціи. Часть шоссе была оторвана водою, ѣхать было опасно, тѣмъ болѣе, что уже вечеръ приближался. Инженеръ обѣщалъ до слѣдующаго дня сдѣлать новую дорогу, повыше разрушенной, и обѣщаль самъ заѣхать и проводить меня до безопасной дороги. Что дѣлать? Остался и гостилъ первый разъ послѣ двухъ сутокъ. Въ 11 часовъ утра инженеръ пришелъ. Мы отправились на ново-вырубленную дорогу и оттуда я доѣхалъ, уже безъ особыхъ препятствій, до Тифлиса.

Тамъ я нашелъ Скобелева, который назначенъ былъ временно-командующимъ войсками ахаль-текинскаго отряда. Я засталъ Скобелева въ совѣщаніи съ помощникомъ намѣстника, княземъ Меликовымъ. Мнѣ предложили должность отряднаго врача. Это переворачивало всѣ мои планы и семейные расчеты, но въ службѣ нельзя признавать отказа. Я представился генералу Скобелеву. Молодой герой и на меня, какъ на всѣхъ, произвелъ сильное впечатлѣніе; гораздо охотнѣе, нежели думалъ, вступилъ я въ разговоръ о походѣ. Въ заключеніе Михаилъ Дмитриевичъ объявилъ: «завтра отправляюсь въ Владикавказъ, черезъ недѣлю надѣюсь быть въ Закаспійскомъ краѣ».

— Завтра? спросилъ я съ удивленіемъ; завтра невозможно; дорога еще не открыта. Вамъ нельзя ѣхать.

— «Вы все-таки пріѣхали?» перебилъ онъ.

— Да, но я пѣшкомъ шолъ, въ бродъ переходилъ рѣки.

— «Что вы могли, то и я могу!» вскричалъ молодой генералъ и полу-шутя, полу-серьезно посмотрѣлъ на меня.

Самъ не знаю, какъ это случилось, что я молодому герою не довѣрилъ и заподозрилъ, чтобы онъ въ состояніи былъ перенести тѣ самыя чрезвычайныя физическія тягости, которыя я самъ только что

перенесъ. Въ этомъ сомнѣніи, очевидно, сказалось невольно сложившееся заключеніе, созданное подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня Скобелевымъ, какъ на врача. Должно быть, я не довѣрялъ, чтобы эта странная, элегантная фигура, этотъ чловѣкъ съ аристократическою внѣшностью и съ прекрасными, но все-таки уже поблекшими, потертыми жизнью чертами лица, могъ находить въ себѣ силы и выносливость, достаточныя, чтобы совершить рискованный, утомительный, прозаическій, вовсе не эффектный переходъ черезъ рѣки, горы и снѣга. Слѣдовательно, Михайлъ Дмитріевичъ мнѣ, какъ врачу, не дѣлалъ впечатлѣнія сильнаго организма, онъ не отвѣчалъ идеалу здоровья, крѣпости и выносливости натуры. Мысль эта долго занимала меня. Я старался уяснить себѣ причину, какъ могъ я, при первомъ свиданіи храброму и мною уважаемому генералу высказать такое, почти обидное, сомнѣніе въ его силѣ и энергіи. Правда, что я представлялъ себѣ молодаго героя совершенно иначе: болѣе плотнымъ, суровымъ и воинственнымъ. Но внезапно составившееся во мнѣ сомнѣніе, въ крѣпости организаци Скобелева и его способности переносить большіе труды и продолжительныя тягости, вполнѣ оправдалось потомъ во время экспедиціи его частыми заболѣваніями и, къ сожалѣнію, его раннею смертью. Я вовсе не хочу сказать (даже допустить), что все это сложилось въ самомъ началѣ моего знакомства со Скобелевымъ и было также ясно и понятно мнѣ, какъ теперь. Но фактъ приведеннаго разговора существуетъ и о немъ, можетъ быть, помнитъ черноморецъ докторъ Гвозденовичъ, жившій со Скобелевымъ въ гостинницѣ «Лондонъ», въ Тифлисѣ.

II.

7-го августа 1880 года я пріѣхалъ въ Закаспійскій край въ сопровожденіи доктора Яшина, секретаря канцеляріи отряднаго врача. Скобелева мы не нашли ни въ Красноводскѣ, ни въ Чикишлярѣ. Я, осмотрѣвъ госпитали и выработавъ докладъ о причинахъ болѣзненности между войсками отряда, 12-го августа выступилъ съ казачьей командой изъ Чикишляра по атрекской линіи. Первый ночлегъ былъ въ крѣпости Кара-Джа-Батырь, второй—въ Ягли-Олумѣ. Я нашелъ эту военную дорогу уже хорошо организованною, пріемные покои въ порядкѣ, только эвакуація больныхъ на арбахъ мнѣ показалась неудовлетворительною и была предметомъ одного изъ моихъ первыхъ рапортовъ командиру войсками. Скобелевъ телеграфировалъ изъ Терса-Канъ въ Оглы-Олумъ ждать его тамъ, потому что онъ уже на обратномъ пути. Ночью въ два часа онъ прискакалъ, окруженный казачьимъ конвоемъ. Пока онъ закусывалъ, мы сидѣли съ нимъ въ кибиткѣ и говорили о дѣлѣ, между тѣмъ, онъ нѣсколько разъ прерывалъ разговоръ, спрашивая у меня:

— «Что говорятъ на Кавказѣ о нашей рекогносцировкѣ, 6-го іюля, до стѣнъ Геокъ-Тепе? что говорятъ въ Тифлисѣ? что сказалъ великій князь?»

Я не могъ удовлетворить его, такъ какъ пріѣхалъ не изъ Тифлиса, но отвѣчалъ, что военные, съ которыми я встрѣтился въ пути, называли эту рекогносцировку очень рискованнымъ дѣломъ, которая, слава Богу, счастливо обошлась. Послѣ часу отдыха, Скобелевъ смѣнилъ лошадь, поскакалъ въ Чикишляръ, куда и я долженъ былъ возвратиться вслѣдъ за нимъ.

Этотъ разъ я нашелъ Михаила Дмитріевича загорѣлымъ и болѣе мужественнаго вида. Уже одна полевая форма и высокіе сапоги увеличивали воинственное впечатлѣніе, но меня поражала его нервная раздражительность и поспѣшность, съ которою онъ говорилъ, спрашивалъ, ѣлъ, пилъ и собирался къ отъѣзду. Пріѣхавши въ Чикишляръ, я нашелъ Михаила Дмитріевича въ постели. Вслѣдствіе усиленной верховой ѣзды у него появилось сильное геморроидальное кровотеченіе. Генералъ пролежалъ семь дней въ постели, отчасти по причинѣ общей слабости, отчасти изъ осторожности, чтобы не вызвать новое кровотеченіе. Наружное и внутреннее употребленіе льда

и желѣзные препараты достигли мало-по-малу устраненія патологическихъ явленій.

При этомъ случаѣ я первый разъ изслѣдовалъ Скобелева, какъ врачъ. Онъ былъ высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія; скелетъ скорѣе мелкій, чѣмъ крупный, широта плечъ не особенно развита (что при погонахъ или эполетахъ не такъ бросалось въ глаза). Мускулатура не такъ была сильно развита, какъ это бываетъ у людей, занимающихся съ малолѣтства фехтованіемъ, гимнастикой, верховой ѣздой и т. д. Я удивился, что *musculi biceps et deltoideus* — относительно мало выдавались. Лицо, десны и соединительная оболочка глазъ были блѣдны; кожа суховатая, желтовато-бѣлаго цвѣта, мало обросшая волосами. Онъ показалъ мнѣ два незначительнаго объема рубца, на правомъ боку и на бедрѣ, которые остались послѣ раненій въ Туркестанѣ и на Дунаѣ. Онъ пояснилъ, что объ этихъ раненіяхъ, какъ неважныхъ, онъ не заявлялъ и вообще не любилъ о нихъ говорить. Вотъ какимъ образомъ могло установиться мнѣніе, что онъ никогда не бывалъ раненъ. Подкожный жировой слой у него почти не существовалъ. Животъ былъ нѣсколько втянутъ, печень, въ особенности лѣвый лоскутъ печени, представлялся увеличеннымъ и при надавленіи немного чувствителенъ. Черепъ у Михаила Дмитріевича былъ замѣчательно регулярнаго овала; лобные бугры выдавались; голова была покрыта густыми волосами темно-русаго цвѣта; борода также густая, но свѣтлѣе волосъ головы. Глаза, которые *m-me Adan* и *г-нъ Немировичъ-Данченко* описываютъ голубыми, имѣли перемѣнный цвѣтъ: свѣтло-коричневаго или желтоватаго оттѣнка. Радужница (*Iris*) около зрачка обрисовывалась темнѣе.

Если генералъ сердился, то изъ глазъ сверкали фосфорическія искры, и онѣ получали зеленый видъ, «какъ у тигра», говорилъ часто одинъ изъ преданныхъ ему офицеровъ. Когда онъ былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа, то взглядъ принималъ очень мягкое выраженіе и подъ тѣнью темныхъ и длинныхъ рѣсницъ могъ производить впечатлѣніе темно-сѣраго цвѣта. Когда Михаилъ Дмитріевичъ былъ боленъ и въ упадкѣ духа, лежалъ иногда съ полуоткрытыми и безжизненными глазами, въ такія минуты лицо его принимало тотъ видъ, который представляла потомъ снятая съ него посмертная маска.

Во время болѣзни въ Чикишларѣ аппетитъ у него былъ уменьшенный, пищевареніе замедленное. Оказалось, что Скобелевъ уже годами употреблялъ слабительное, и что еще со времени туркестанскаго пребыванія періодически страдалъ печенью и желудкомъ. Дыхательные органы, напротивъ, были удивительно здоровые и везикуляр-

ное дыханіе происходило у него такъ, какъ будто онъ никогда не страдалъ катарромъ.

Кромѣ расширенія геморoidalныхъ венъ, онъ страдалъ также расширеніемъ венъ сѣмяннаго канатика (varicosèle), отъ котораго уже въ 19-ти-лѣтнемъ возрастѣ лечилъ его извѣстный въ Петербургѣ врачъ Б. Сравнительно съ ростомъ и лѣтами, пульсъ у Скобелева былъ слабавать и мелкій и соотвѣтственно тому дѣятельность сердца слаба, и звуки сердца, хотя и чистые, но глухіе. Этотъ результатъ аускультаци и пальпаци, состояніе всѣхъ венъ и артерій, насколько они доступны наружному осмотру, вмѣстѣ съ патологическимъ состояніемъ венъ, дали мнѣ основаніе заключить о слабо развитой сосудистой системѣ вообще и въ особенности о слабой мускулатурѣ сердца. Я считалъ своею обязанностью не скрывать передъ Михаиломъ Дмитриевичемъ своего заключенія, остерегалъ его отъ усиленной верховой ѣзды и обратилъ его вниманіе на то, что его тѣлосложеніе болѣе деликатное, нежели крѣпкое.

Въ разговорѣ я себѣ позволилъ спросить:

— Отчего вы вообще такъ много ѣздили, по 120 верстѣ въ день и три дня подрядъ, когда никакой надобности въ томъ не было?

Молодому герою показалось смѣшно, что ему могли задать такой вопросъ.

— Хотя дѣло не идетъ ни о жизни, ни о побѣдѣ, но все-таки ежеминутно слѣдуетъ показать и себѣ и другимъ, что мы въ состояніи перенести, отвѣтилъ онъ.

— На этотъ разъ вы себѣ и мнѣ доказали противное. У васъ сдѣлалось сильное кровотеченіе, вы лежите и едва въ состояніи заниматься, а отъ вашего здоровья зависитъ слишкомъ много, — судьба экспедиціи и насъ всѣхъ. Вамъ слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ вредить вашему здоровью. *Du reste votre organisme est plutôt délicat que vigoureux. Vous n'êtes nullement aussi fort, que vous supposez.* (Впрочемъ, вашъ организмъ скорѣе нѣжный, нежели крѣпкій, вы не такъ сильны, какъ вы предполагаете).

При этихъ словахъ, еще за минуту передъ тѣмъ чуть не замертво лежавшій, Скобелевъ разомъ вскинулся и, обратившись ко мнѣ, метнулъ одинъ изъ тѣхъ своихъ взглядовъ, которые искрили его глаза зеленоватымъ цвѣтомъ. На мгновеніе вся усталость исчезла съ его лица:

— *Je suis d'une très grande force, j'ai bien supporté des fatigues extraordinaires.* (Я замѣчательно сильный, я перенесъ необыкновенныя тягости).

— *Oui, mon général, à force d'énergie morale et pourtant pas inpu-*

пепен⁴. (Да, ваше превосходительство, благодаря нравственной энергіи, и то не совсѣмъ безнаказанно) ¹⁾.

Разговоръ перешель на другіе предметы. Тѣмъ у насъ всегда была тысяча и одна; кромѣ нашего главнаго дѣла, намъ представлялся благопріятный предметъ для обмѣна мыслей: и Петербургъ, и Европа, и политика, и литература, и даже древніе классики. Въ концѣ описаннаго свиданія, Михайль Дмитріевичъ, возвращаясь опять къ началу нашей бесѣды, сказалъ на прощанье:

— Что касается верховой ѣзды, то не вмѣшивайтесь въ нее никогда, если мы должны оставаться друзьями.

Послѣ перенесенія главной квартиры изъ Чивисшляра въ Красноводскъ, мнѣ все-таки удалось регулировать образъ жизни Михаила Дмитріевича, и въ этотъ болѣе спокойный періодъ времени онъ согласился соблюдать извѣстныя правила и допускалъ до нѣкоторой степени мое вмѣшательство. Было необходимо что нибудь сдѣлать, потому что пищевареніе у него было замедленное, неправильное, языкъ былъ рѣдко совсѣмъ чистъ, очень часто послѣ обѣда являлось давленіе подъ ложечкой и даже тошнота. Всякій разъ, когда появлялись эти припадки, у Михаила Дмитріевича обнаруживался упадокъ духа, онъ становился раздражителенъ и хандрилъ. Верховую ѣзду онъ бросилъ совсѣмъ, сидѣлъ, писалъ, диктовалъ и читалъ по цѣлымъ днямъ. Онъ, такъ сказать, голодалъ до 5—6 часовъ, а за обѣдомъ ѣлъ на цѣлые сутки—и слишкомъ скоро, и слишкомъ много; особенно онъ услаждался закускою. Такой образъ жизни я не могъ, понятно, оправдывать. Я просилъ генерала дѣлать прогулки, хотя изрѣдка ѣздить верхомъ и уговаривалъ его ходить во время диктовки, а не сидѣть. Я предлагалъ ему, кромѣ обѣда, назначать еще завтракъ, хотя бы самый незначительный. Потребовавъ, чтобы мнѣ ежедневно показывали шепи, я велѣлъ прибавить овощей, фрукты, желе, къ постному мясу и уменьшить соленныя и прянныя блюда. Сидя за однимъ столомъ рядомъ со Скобелевымъ, я самъ наливалъ ему вино въ умѣренномъ количествѣ и воздерживалъ его отъ неумѣреннаго потребленія льда.

Скобелевъ, страдая постоянно жаждой, пилъ много сельтерской и содовой воды, лимонадъ и предпочиталъ шампанское всѣмъ другимъ напиткамъ. Этимъ питьемъ, содержащимъ углекислоту, онъ поддерживалъ искусственнымъ образомъ желудочный катарръ и ненормаль-

¹⁾ Смотри, впрочемъ, его собственный взглядъ на этотъ примѣръ въ его приказѣ по 4 армейскому корпусу (1881—1882 г.) № 16: „извѣстно, что на войнѣ нравственный элементъ относится къ физическому, какъ 3 : 1“, и т. д.

ную жажду, вызывавшую позывъ опять къ тѣмъ же напиткамъ. Онъ самъ не отвергалъ, что прежде иногда крѣпко кутилъ. Но я свидѣтелемъ, что Скобелевъ, во время экспедиціи, къ водкѣ не прикасался и пилъ вино весьма умѣренно. Не мѣшаетъ добавить, что Скобелевъ не курилъ и не игралъ въ карты. Его привычки были эстетическіе; относительно одежды, бѣлья и тѣла онъ соблюдалъ чрезвычайную чистоту и опрятность. Въ этомъ отношеніи самый взыскательный гигиенистъ могъ быть доволенъ Михайломъ Дмитріевичемъ; но его діета и образъ питанія, какъ уже сказано, были противъ всѣхъ правилъ гигиены. Или онъ ѣлъ разъ въ сутки—и тогда слишкомъ скоро и слишкомъ много, или нѣсколько дней вовсе не ѣлъ, а потомъ вдругъ опять начиналъ съ жадностью ѣсть все, что ни попало. Его пристрастіе къ неудобоваримой пищѣ и къ шампанскому было крайне вредно, но неискоренимо.

Когда я предлагалъ ему для завтрака, по крайней мѣрѣ, мясное блюдо и рюмку хересу или мадеры, Скобелевъ возражалъ, что ни того, ни другаго вина онъ не любитъ. Я предлагалъ портвейнъ, кашвейнъ, малагу, токайское, онъ на все отрицательно качалъ головою.

— Du vien Mason, qu Lafitte, du Larose?

— Je ne prends pas de vin rouge. (Я не пью красное вино).

— Можетъ быть рюмку стараго рейнвейна; это оживляетъ пищевареніе и вызываетъ аппетитъ?

— Не хочу, это кисло, я люблю только шампанское.

Такъ я вынужденъ былъ согласиться, чтобы на завтракъ ему подавали бифштексъ или кусокъ сырой ветчины съ бокаломъ шампанскаго. Только этой уступкой я выговорилъ болѣе равномерное потребленіе пищи.

Впрочемъ, въ заключеніе подобныхъ отговорокъ, я какъ-то сказалъ, шутя, генералу:

— Кто достигъ 40 лѣтъ и еще не знаетъ что переноситъ его организмъ и что ему вредно, тому нельзя помочь.

Михаилъ Дмитріевичъ захохоталъ и отвѣчалъ:

— Это самое говорилъ императору Вильгельму его лейбъ-медикъ докторъ Лауеръ; только онъ говорилъ о 80 лѣтахъ, а вы о 40!

Режимъ этотъ оказался очень удачнымъ и за все время, что я зналъ Скобелева, онъ никогда не былъ такъ здоровъ и доволенъ, какъ въ эти 5 недѣль, проведенныя въ Красноводскѣ.

По поводу эвакуаціи больныхъ и приспособленія къ этой дѣли казеннаго парохода Насръ-Эддинъ-Шахъ, я уѣхалъ на нѣсколько дней въ Баку, гдѣ имѣлъ дѣло съ адмираломъ Свинкинымъ, интелли-

гентнымъ и предупредительнымъ человѣкомъ. Послѣ трехъ или четырехъ-дневнаго отсутствія, возвратившись въ Красноводскъ, я поспѣшилъ въ кабинетъ Михаила Дмитриевича справиться о его здоровьи.

— Не спрашивайте, отвѣчалъ онъ:—я такая обезьяна, что, пользуясь вашимъ отсутствіемъ, ѣлъ и пилъ все, что вы мнѣ запретили, а теперь я опять боленъ.

И дѣйствительно, у него опять лицо было желтое и усталое, пищевареніе опять неправильное. Мы возобновили прежнюю діету и лечение. Для избѣжанія углекислыхъ напитковъ, мы обращались къ употребленію эссендукскихъ лещешекъ, мятныхъ и др. лещешекъ, которыхъ генераль во все время экспедиціи истреблялъ въ невѣроятномъ количествѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ укрѣпленіи Дузь-Олумъ Скобелевъ началъ опять хворать. Недоставало ежедневнаго морскаго купанья, которымъ онъ пользовался въ Красноводскѣ и Чикишларѣ; меню изо дня въ день становилось однообразнѣе, аппетитъ у него уменьшился; въ этому прибавилось еще его нетерпѣніе, которое росло съ каждой недѣлей, съ каждымъ днемъ.

Доставка боевыхъ припасовъ и провіанта, окончаніе желѣзной дороги, перевозка войскъ съ западнаго берега не такъ быстро совершались, какъ онъ желалъ. Кромѣ того, осенніе дожди стали частенько падать и превратили глиняный грунтъ нашей стоянки въ мягкую скользкую массу. У Скобелева расположеніе духа и нравственныя впечатлѣнія всегда дѣйствовали на нервную систему и на пищевареніе, и наоборотъ.

Опять появилось давленіе въ правой подреберной области, тошнота послѣ кушанья; я опять могъ констатировать, что лѣвый лоскутъ печени увеличенъ и давилъ на желудокъ, когда тотъ выполнялся и начиналъ работу пищеваренія. Въ дополненіе впутренняго лекарства, я посоветовалъ согрѣвающие компрессы на область печени. Послѣ этого Михаилъ Дмитриевичъ чувствовалъ значительное облегченіе. Но когда онъ узналъ, что эту процедуру придется продѣлывать нѣсколько дней, можетъ быть даже нѣсколько недѣль, онъ закричалъ:

— Вы меня не знаете, если вы предполагаете, что я соглашусь каждый вечеръ подвергаться одной и той же мѣрѣ! Выдумайте чтонибудь другое.

Тогда я помазалъ ему область печени *tinctura jodi*. Когда іодъ сталъ щипать и жечь, то Скобелевъ остался очень доволенъ, говорилъ, что это средство хорошее, что дѣйствіе его сейчасъ замѣтно и просилъ побольше намазать. Я строго запретилъ повтореніе этого средства въ мое отсутствіе и обѣщалъ на слѣдующее утро зайти и

узнать объ успѣхѣ. Не успѣли наступить сумерки, какъ Михаилъ Дмитріевичъ входитъ ко мнѣ въ кибитку. Голосъ у него слабъ и дыханіе какъ-то прерывисто.

— Докторъ, сказалъ онъ,—помогите, я опять сдѣлалъ глупость: вопреки вашему распоряженію, я велѣлъ себя еще разъ хорошенько намазать іодомъ, но теперь у меня невыносимая боль.

Мы пошли къ нему. При осмотрѣ я нашелъ намазанное мѣсто темно коричневаго цвѣта, пропитанное іодомъ, а кругомъ кожу ярко красную, воспаленную, чувствительную. Я велѣлъ поскорѣ обмыть іодъ тепловатою мыльною водою, потомъ налить миндальное масло и прикрылъ все обожженное мѣсто ватой отъ доступа воздуха. При этомъ больной лежалъ въ горизонтальномъ положеніи, судорожныя стягиванія пальцевъ и лицевыхъ мышцъ показывали жестокость боли, конечности у него стали холодѣть, лицо блѣднѣло и я вторично могъ констатировать ненормальную чувствительность периферической и центральной нервной системы. Уже одно прикосновеніе тепловатой воды, обмываніе излишняго іода, изолированіе воздуха уменьшили боль до нѣкоторой степени; но я сидѣлъ до полуночи у постели паціента, который послѣ припадка лежалъ блѣдный и изнуренный, съ закрытыми глазами, и въ первый разъ вызвалъ у меня какъ бы призракъ умершаго.

На слѣдующее утро, послѣ глубокаго сна, Скобелевъ всталъ бодрый и веселый, его экстренное и самовольное леченіе видимо имѣло хорошее вліяніе на печень. Впрочемъ, у него была такая эластическая натура, что отъ всѣхъ впечатлѣній онъ весьма быстро поправлялся. Но этотъ успѣхъ форсированнаго леченія только подлилъ масла въ огонь. Скобелевъ соглашался въ теоріи съ моими гигиеническими совѣтами, а на практикѣ знать ихъ не хотѣлъ.

— Такія предписанія, регулирующія всю жизнь, деморализируютъ меня какъ военнаго. Я хочу жить такъ, какъ мнѣ угодно и какъ придется, а если заболѣю, дадите лекарство, чтобъ я или разомъ выздоровѣлъ, или же издохъ.

На такія героическія средства я, конечно, не соглашался, и не переставалъ убѣждать, требуя рациональнаго образа жизни и говоря ему, что человѣкъ не долженъ форсировать натуру и обязанъ не только признавать общіе физиологическіе законы, но и сообразоваться съ предѣлами своихъ собственныхъ физическихъ силъ, своей выносливости. Я и теперь убѣжденъ въ справедливости моихъ совѣтовъ и увѣренъ, что при такомъ режимѣ Скобелевъ могъ бы жить до сихъ поръ. Но случилось иначе, наши отношенія нѣсколько охолодѣли. Скобелевъ сталъ иногда добывать для себя слабительныя и другія

лекарства черезъ другихъ врачей. Смѣшно было только то, что нерѣдко эти врачи брали эти снадобья все-таки у меня.

III.

27-го февраля 1881 года мы имѣли нашу послѣднюю частную и конфиденціальную бесѣду. Она происходила на персидской территоріи. Между другими, совсѣмъ частными, разговорами я убѣдительно просилъ генерала, когда онъ только будетъ свободенъ, пользоваться серьезно минеральными водами. Я совѣтовалъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, подвергнуться консультаціи, для чего я его снабдилъ исторіей болѣзни и письмомъ къ петербургскому знаменитому врачу. Съ своей стороны, я предлагалъ ему эссентукскія воды, которыхъ источникъ № 17 отвѣчалъ бы вполне состоянію его желудка и печени, и совѣтовалъ потомъ отдохнуть въ Кисловодскѣ отъ тягостей похода.

— Ба, тамъ скучно!

— Если хотите, вы можете ѣхать въ Карлсбадъ, отвѣчалъ я.

Но онъ возразилъ:

— Прежде всего ѣду въ Парижъ, мнѣ надо освѣжиться послѣ этой скуки. Нельзя-ли потомъ выбрать французскія минеральныя воды.

Я указалъ на возможность пить воды въ Виши и потомъ купаться въ морѣ, близъ Біарица. Это уже болѣе нравилось молодому генералу, но все-таки видно было, что онъ не очень серьезно думалъ о своемъ леченіи.

— Не поступите, сказалъ я, — какъ царь Фараонъ, который сейчасъ же забылъ 10 казней, когда онѣ прошли; сдѣлайте что-нибудь серьезное для вашего здоровья. Вы еще въ лѣтахъ, когда болѣзни выльчиваются.

Не помню, при этомъ случаѣ или ранѣе онъ говорилъ мнѣ:

— Вы слишкомъ теоретически, слишкомъ систематически поступаете, вы все хотите рассчитать на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.

Скобелевъ не исполнилъ ни одной мѣры изъ тѣхъ, которыя я совѣтовалъ; не лечился минеральными водами, отдыхомъ не пользовался. То возбужденіе и разстройство нервной системы, которыя остаются послѣ войны у каждаго, даже далеко не такъ тонко организованнаго человѣка, какъ Скобелевъ, онъ хотѣлъ побѣдить постоянными переѣздами, работою, рѣчками и кутежами. Онъ только увеличивалъ это разстройство и этимъ путемъ изнурилъ слишкомъ рано свой организмъ, и безъ того не очень выносливый.

Правда, что для него и его памяти лучше, что все это кончилось смертью, а не параличемъ или патологическимъ состояніемъ нервовъ, какъ я иногда боялся. Но для меня, какъ врача и его знакомаго, остается вѣчное скорбное сознаніе, что катастрофа была бы предотвращена, если бы въ его слишкомъ бурной и подвижной жизни явился успокоительный элементъ и регуляторъ, въ видѣ семейства или врача-друга.

О. Ф. Гейфельдеръ,
докторъ-медицины.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ

въ воспоминавіяхъ В. Р. Щиглева.

I.

Въ первый разъ увидѣлъ я Василія Ивановича Водовозова, какъ старшаго учителя, преподавателя русской словесности, въ августѣ 1858 года, когда послѣ ваникулъ очутился я въ новомъ для меня—IV классѣ 1-й слб. гимназіи, что и поныѣ на углу Московской, бывшей Кабинетской, и Ивановской улицъ. По наслышкѣ и по карандашнымъ рисункамъ моего брата, кончившаго курсъ въ той-же гимназіи за годъ до моего поступленія въ нее, я уже нѣсколько зналъ Василія Ивановича—конечно, съ внѣшней стороны и, такъ сказать, въ карикатурѣ. Покойный братъ мой, ловкій рисовальщикъ, удачно карандашомъ и перомъ утрировалъ Василія Ивановича въ профиль и онъ же сообщилъ мнѣ, что этого учителя прозвали въ гимназіи «Юсомъ», что потомъ я и самъ слышалъ. Четвертый классъ былъ переходнымъ классомъ изъ младшаго отдѣленія въ старшее, состоящее изъ V, VI и VII классовъ (VII-й послѣдній), и мы, явившись въ новый для насъ классъ, интересовались отчасти «дальнѣйшею наукою» и отчасти новымъ для насъ учителемъ. Что-то будетъ теперь по русскому языку? Грамматику (Греча) мы всю прошли, учили наизусть разныя стихотворенія и даже прозу (напр.: отрывки изъ «Капитанской дочки» Пушкина), писали сочиненія на тѣму «Лѣто въ деревнѣ», а въ деревнѣ не многіе изъ насъ и бывали... Что же еще будетъ? Интересно, однако, чѣмъ же начальство наполнить по русскому языку еще четыре класса? Что будетъ дѣлать у насъ этотъ «Юсъ» и почему онъ—«Юсъ»?

Всѣ мы, перешедшіе въ IV классъ, были парни весьма мало развитые, хотя нѣкоторые изъ насъ любили почитать и читали даже

во время уроковъ (особенно—уроковъ «Закона Божія», благодаря благодущію нашего священника). А читались романы Дюма-отца—въ родѣ «Трехъ мушкетеровъ», и, конечно, въ переводѣ на отечественный языкъ. Я еще до поступленія въ гимназію прочелъ толстый томъ повѣстей Булгарина, но «Берлинскія тайны», какъ я рѣшилъ, были куда выше Булгаринскихъ разсказовъ. Мы настолько были народъ неразвитой, что, напр., искренно возмущались и чувствовали себя оскорбленными, когда какой-нибудь уличный мальчишка дразнилъ насъ говядиной, намекая на красный околышъ нашей фуражки и такового же цвѣта воротникъ и обшлага гимназическаго мундира. Но мы все-таки гордились этимъ мундиромъ «съ свѣтлыми пуговицами» первой гимназіи и ставили его выше «правовѣдскаго»—съ зеленымъ воротникомъ, почему правовѣды и назывались нами «травовѣдами». Итакъ, порядочно засоренною и, пожалуй, слегка загаженною нивою долженъ былъ представиться Василю Ивановичу новый составъ IV-го класса.

Уроки начались. И вотъ, однажды, вошелъ въ классъ учитель—небольшаго роста, плоскогрудый, въ синемъ форменномъ сюртукѣ, совсѣмъ плѣшивый, въ очкахъ, съ портфелемъ и «журнальной книгой» подъ мышкой. Это и былъ—«Юсь» или «господинъ Водозовъ». Онъ шелъ, задумчиво опустивъ голову; правая рука его была поднята къ затылку, гдѣ онъ медленно перебиралъ пальцами и подвѣртывалъ концы еще темныхъ волосъ. (Это была одна изъ привычекъ Василя Ивановича, которой онъ не измѣнилъ до конца жизни. Задумавшись о чемъ-нибудь или въ разговорѣ, слушая рѣчь собесѣдника, Василій Ивановичъ поглаживалъ и медленно подвѣртывалъ на большой палецъ правой руки затылочную косицу). На вискахъ волосы были жидки, но безъ просѣди, и зачесаны назадъ; жидкіе бакенбарды обрамляли худощавое, желтоватое лицо и соединялись подъ подбородкомъ, который, какъ и усы, былъ плохо выбритъ. Новый учитель шелъ неторопливымъ шагомъ къ каедрѣ, слегка припадая на лѣвую ногу. Правое плечо его было нѣсколько выше лѣваго. Сѣвъ на каедральный стулъ и все еще о чемъ то думая, смотря куда то сосредоточеннымъ умственнымъ окомъ, Василій Ивановичъ помолчалъ, потомъ оглянулъ классъ и проговорилъ немного-рѣзкимъ, въ носъ, но добродушнымъ голосомъ:

— Ну, здравствуйте, господа!

Первое впечатлѣніе было не въ пользу новаго учителя и намъ, дѣйствительно, показалось, что кличка «Юсь» соотвѣтствуетъ внѣшнему облику его, но мы скоро поняли, что совсѣмъ почти не знаемъ русской грамматики, а въ славянской, съ ея юсами, мы сразу встали

во враждебное отношеніе. Впрочемъ, далѣе IV-го класса эта грамматика и не пошла, за то, начиная съ этого класса, исподволь, но прочно, благодаря новому учителю—Василію Ивановичу (мы какъ-то скоро стали звать его по имени и отчеству), мы знакомились и усваивали характерныя стороны русской рѣчи, хотя никакого «руководства», никакой казенной книги у насъ не было. Василій Ивановичъ предложилъ намъ записывать за нимъ—для памяти. Въ V-мъ классѣ, слѣдую программѣ, онъ долженъ былъ пройти съ нами риторику,—и онъ прошелъ ее довольно быстро, познакомивъ насъ, не безъ нѣкотораго юмора, съ «источниками изобрѣтенія», объяснивъ значеніе «фигуръ», напр.: фигуры «усугубленія» или «антитезы». Мы поняли, почему учитель отрицательно отнесся къ «теоріи поэзіи», и вообще къ риторикѣ, и тогда же узнали, что значитъ «фраза», что слѣдуетъ считать писательскою ложью, празднымъ «словозвѣтіемъ», и почему это не хорошо, даже — неприлично. Затѣмъ, перейдя ко всеобщей литературѣ, Василій Ивановичъ показывалъ намъ на примѣрахъ сущность поэзіи, прочитывалъ кое-что изъ индійскаго эпоса и, послѣдовательно очертивъ Гомера, Геродота, Софокла, Эсхила, Аристофана, Виргилія, Овидія и др., остановился далѣе на литературѣ среднихъ вѣковъ. Онъ приносилъ въ классъ соотвѣтствующіе уроку подлинники (латинскіе, греческіе, итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе) и прямо изустно переводилъ тѣ мѣста, съ которыми ему нужно было насъ ознакомить. Тутъ мы узнали только, какимъ лингвистомъ былъ нашъ новый учитель. Уваженіе къ нему росло.

Такъ называемыхъ «уроковъ» Василій Ивановичъ не задавалъ и вообще пройденнаго не спрашивалъ, разъ навсегда замѣтивъ, что мы все это должны знать, что въ университетъ безъ этихъ знаній нельзя являться, и онъ только рекомендовалъ намъ вести записки для себя, причемъ не требовалъ, а просилъ, чтобы мы по-очереди составляли «лекціи» (компиляціи) по какому-либо отдѣльному предмету, что и замѣняло писанье сочиненій. Конечно, полезнѣе было разобрать, напр., «Антигону» или «Короля Лира», чѣмъ мудрить надъ темой: «Что такое счастье?» Вотъ за эти-то компилятивныя работы—иногда въ 5—6 листовъ—Василій Ивановичъ ставилъ баллы, ибо не могъ ихъ не ставить, разъ, что обязанъ былъ брать съ собою въ классъ «журналъ» для отмѣтокъ. Впрочемъ, баллы онъ отмѣчалъ и на подаваемыхъ ему «лекціяхъ», особенно пятерки или четверки, но это, вѣроятно, дѣлалось имъ въ видахъ поощренія юныхъ писателей. Далеко, однако, не всѣ воспитанники вели записки и самостоятельно составляли лекціи. И у насъ въ классѣ были своего рода

Митрофанушки, которые если еще не думали жениться, то уже восхищались балериной Розатти и стремились поскорѣе сдѣлаться пестрымъ уланомъ или гороховаго цвѣта франтомъ. Но не смотря на то, что такихъ будущихъ моншеровъ въ классѣ было-таки довольно,—урокъ Василя Ивановича всегда проходилъ безшумно.

Не красно говорилъ Василій Ивановичъ, онъ и мыкалъ, и повторялся, и зачастую крикливо произносилъ: «понимаете?»... но его всѣ какъ-то совѣстились, именно — совѣстились, а не боялись, и если нѣкоторые не считали нужнымъ «внимать учителю», то эти нѣкоторые все-таки вели себя благопристойно, т. е. тихонько читали что-нибудь пикантное или, прислонивъ къ физикѣ Ленца карманное зеркальцо, перочиннымъ ножикомъ торопили выходъ усовъ на свѣтъ Божій. Нельзя сказать, чтобы такая деликатная тишина была въ классѣ во время урока по латинскому языку.. Изъ всѣхъ тогдашнихъ учителей въ 1-й гимназіи Василій Ивановичъ наиболѣе служилъ «дѣлу», а не лицамъ; у него не было между воспитанниками любимцевъ или нелюбимцевъ; онъ ко всѣмъ относился одинаково добродушно, справедливо, и по чистотѣ своей души, кажется, и не могъ знать, что значить «придираться» къ ученику, зудить надъ нимъ, какъ дѣлали другіе педагоги и этимъ развивали въ юношѣ скверное чувство мстительности... Понятно, почему всѣ гимназисты уважали Василя Ивановича и понятно также, почему сама-собою стала исчезать кличка «Юсь», хотя въ то-же время одного изъ наиболѣе комичныхъ учителей продолжали именовать «Матрешкой»... Сколько я помню—никому изъ самыхъ заядлыхъ Митрофановъ и въ голову не могло придти смѣшливо заговорить о Водозовѣ. Въ томъ-то и дѣло, что всѣ невольно чуяли въ Василя Ивановичѣ прежде всего хорошаго человѣка и потомъ—хорошаго учителя. И дѣйствительно, хотя Василій Ивановичъ являлся въ классъ въ форменномъ чиновничьемъ сюртукѣ,—этого сюртука какъ-то не видно было на немъ... И этотъ фокусъ всѣмъ юношамъ былъ понятенъ, какъ было понятно присутствіе эмалеваго креста на вершокъ подъ галстукомъ одного изъ начальствующихъ лицъ.

Излишне было бы говорить о томъ, что намъ не стоило никакихъ усилий уговорить Василя Ивановича въ какой-нибудь майскій или августовскій теплый день перенести часовой урокъ въ гимназическій садъ, въ центрѣ котораго стояла довольно помѣстительная круглая деревянная бесѣдка. Просидѣвъ всю осень и зиму въ сѣрыхъ стѣнахъ классной комнаты, намъ пріятно было одинъ или два урочныхъ часа въ недѣлю провести на вольномъ солнечномъ воздухѣ. Мы приносили

Василію Ивановичу его фуражку и пальто, а сами, въ однѣхъ курткахъ, окруживъ его, шли благочинно чрезъ обширный дворъ въ садъ и тамъ, въ бесѣдкѣ, усаживались, какъ попало: на полу, въ оконныхъ амбразурахъ и даже на спинкѣ единственной скамьи. Садъ былъ довольно большой, съ густыми аллеями, такъ что, зная склонность Василія Ивановича сосредоточиваться на главномъ предметѣ и уже не обращать вниманія на обстановку,—любой изъ насъ могъ бы совершенно безнаказанно улизнуть отъ лекціи и исчезнуть въ саду до звонка, но этого никогда не было. Если что мы и позволяли себѣ въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ это—тихонько покурить, т. е. старались пускать дымъ вѣжливо, незамѣтно для Василія Ивановича, хотя и были увѣрены, что ничего не сказалъ бы онъ куращему. Можетъ быть, онъ и видѣлъ, какъ въ прозрачно-зеленую амбразуру окна (безъ рамы) улетала синяя струйка дыма тулиновской папироски, но онъ также видѣлъ, что торопливыя «затяжки» и эти синія струйки никому не мѣшали слушать отрывки изъ Вильгельма Телля Шиллера, очутиться въ лѣсу съ Карломъ Мооромъ, или вдругъ попасть въ уютный уголокъ Аванасія Ивановича и увидѣть Пульхерію Ивановну около продавленного стула.. И какъ досадно-быстро пролеталъ этотъ урочный часъ!..

Болѣе 25-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я какъ теперь вижу эту казенную бесѣдку, кругомъ — молодую зелень, да и въ бесѣдкѣ тоже молодую зелень—только въ черныхъ курткахъ съ красными воротниками... Вотъ скамья и на скамьѣ Василій Ивановичъ въ фуражкѣ и пальто въ накидку... Тишина; слышенъ только знакомый голосъ учителя... И много запало тогда хорошаго, человѣческаго въ молодую душу! А что еще дремало изъ этого хорошаго-человѣческаго на днѣ души, то начинало пробуждаться и расти подъ животворными лучами свѣта, которымъ свѣтилось все существо Василія Ивановича...

Въ то время Василій Ивановичъ, будучи еще холостякомъ, жилъ почти напротивъ гимназіи, во дворѣ большаго дома, занимая квартиру—кажется, въ третьемъ этажѣ. До гимназіи ходьбы ему было не болѣе пяти минутъ, и Василій Ивановичъ — на рекреаціонное время нашего завтрака, около полудня, уходилъ изъ гимназіи домой. Позднею весной, въ теплый день, онъ, не надѣвая пальто, шелъ на эти полчаса къ себѣ на квартиру, и зачастую кому-нибудь изъ насъ приходилось выбѣгать на улицу и догонять Василія Ивановича, чтобы вручить ему забытую фуражку. Идетъ онъ себѣ по тротуару, какъ всегда задумчиво поглаживаетъ затылочную косицу и не обращаетъ вниманія ни на лучи солнца, ни на встрѣчныхъ-поперечныхъ.

— Василій Ивановичъ! Василій Ивановичъ! раздается за нимъ окрикъ.

Василій Ивановичъ останавливается, оборачивается, но все еще не прерывая нити мыслей, вопросительно взглядываетъ на догнавшаго его гимназиста.

— Вотъ ваша фуражка! Опять забыли...

— Что?—Ахъ—да, фуражка!... Ну, благодарю васъ.

И, хихикнувъ, Василій Ивановичъ невозмутимо надѣвалъ фуражку, и, опять задумчивый, сесредоточенный, продолжалъ путь.

А бойкое время уже наступило: начались шестидесятые годы. Въ воздухѣ, даже гимназическомъ, чуялось что-то хорошее, новое; какою-то свѣжестью пахнуло въ сѣрые коридоры нашей учебной клѣтки... Отъ этого здороваго, веселаго сквознаго вѣтерка не укрылось и начальство наше: оно обращалось уже на «вы» даже къ ученикамъ и не старшихъ классовъ, и дѣло, наконецъ, дошло до того, что (беру легкой примѣръ) гимназическій экономъ, нѣсколько поху-дѣвшій въ «новомъ» воздухѣ, принужденъ былъ — *horribile dictu!*— два раза въ недѣлю давать намъ за обѣдомъ жареную говядину съ огурцами, и даже сладкіе слоеные пирожки.

За годъ до выхода моего изъ гимназіи, Василій Ивановичъ пригласилъ меня и еще двухъ—трехъ моихъ товарищей бывать у него. Нечего и говорить, какъ это приглашеніе было лестно для насъ и какъ подѣйствовало оно, по крайней мѣрѣ, на меня: и весело мнѣ было, и въ высшей степени интересно попасть въ міръ Василя Ивановича. И какіе, право, пріятные вечера проводили мы у него! Кромѣ насъ, гимназистовъ, въ тѣсной квартиркѣ его, бывало нѣсколько новыхъ дѣятелей изъ міра литературнаго и педагогическаго. Какъ теперь вижу высокаго стройнаго блондина, съ бородкой и усиками (Л. Н. М — скаго), который теноромъ лихо запѣвалъ вошедшую уже въ обиходъ «молодой жизни» пѣсню—«Впередъ безъ страха и сомнѣнья»... Недавно слышалъ я, что этотъ М — скій, съ титуломъ ваше превосходительство, живетъ гдѣ-то на покоѣ. Замѣчу тутъ кстати, что Василій Ивановичъ умеръ отставнымъ коллежскимъ совѣтникомъ.

На этихъ вечеринкахъ у Василя Ивановича, сколько я помню, кромѣ чая и булокъ, другаго болѣе остраго и горячаго угощенія не было, да и спроса на него не было, ибо и самъ хозяинъ не потреблялъ крѣпкихъ напитковъ. Было, конечно, что послушать намъ, юнцамъ, на этихъ вечеринкахъ; всякія новости — политическаго и литературнаго свойства сообщались тутъ и оцѣнивались иногда въ строго-важномъ тонѣ, иногда—въ веселомъ, съ оттѣнкомъ юмора. Мы внимали

и Василю Ивановичу, и другимъ самостоятельнымъ дѣятелямъ и умно молчали. Когда новости исчерпывались или «старшимъ» не хотѣлось болѣе бесѣдовать о «матеріяхъ важныхъ», — тогда кто-нибудь запѣвалъ пѣсню («Кузнеца» или «По матушкѣ по Волгѣ»), другіе подтягивали, а случалось, если бывали дамы, мы и танцевали. Впрочемъ, это бывало рѣдко, т. е. тогда только, когда три или четыре пепиньберки Смольнаго института (съ демократической его половины), въ сопровожденіи «хорошей классной дамы», посѣщали Василя Ивановича, который, какъ извѣстно, одновременно былъ преподавателемъ русской словесности въ Смольномъ.

II.

Въ 1862 году Василій Ивановичъ женился на одной изъ своихъ бывшихъ ученицъ-смолянокъ (Е. Н. Ц — ой), которую я не разъ видѣлъ еще институткой, когда она пріѣзжала въ нашу гимназическую воскресную школу для обученія рабочаго люда, съ которымъ занимались по воскресеньямъ и мы, ученики старшихъ классовъ. Женясь, Василій Ивановичъ перемѣнилъ квартиру, и тутъ впервые начались «Водовозовскіе вторники», т. е. каждый вторникъ, къ часамъ 9-ти вечера, собирались за-просто къ Василю Ивановичу его знакомые. Я и по выходѣ изъ гимназіи, конечно, продолжалъ посѣщать его, и нерѣдко зимою или осенью мнѣ приходилось (жилъ я на Петербургской сторонѣ) ночевывать у Василя Ивановича со вторника на среду и отъ него уже прямо отправляться въ университетъ.

Придешь, бывало, во вторникъ къ Водовозовымъ, ну, кое-кто уже есть изъ знакомыхъ, а Василя Ивановича не видно: онъ спитъ еще у себя въ кабинетѣ. Василій Ивановичъ велъ такой образъ жизни: утромъ и днемъ — на урокахъ, затѣмъ, послѣ поздняго обѣда онъ ложился спать, вставалъ около 9-ти час. вечера и если былъ вторникъ — проводилъ вечеръ съ гостями, если другой день — уходилъ куда-нибудь или прямо садился за работу и работалъ всегда до 4—5 часовъ ночи. Такъ трудился онъ, обыкновенно, при свѣтѣ керосиновой лампы, похожей на ночникъ, съ картоннымъ зеленымъ абажуромъ. Будучи близорукимъ, Василій Ивановичъ близко наклонялся къ рукописи и, держа какъ-то съ боку длинный чубукъ, попыхивалъ изъ него, и въ то-же время перо его быстро бѣгло по бумагѣ.

Многіе можетъ быть, помнятъ, какъ въ то время, съ осени и до весны, затѣивались и устраивались литературные, драматическіе или музыкальные вечера въ пользу чего-нибудь или кого-нибудь. Особенно часто снималась театральная зала въ «пассаждѣ», гдѣ любители разыгрывали разныя хорошія пьесы («Нахлѣбникъ» — Тургенева, «Дходное мѣсто» — Островскаго), а въ антрактахъ Аполлонъ Майковъ красиво читалъ «Легенду объ испанской инквизиціи» или, непременно, по требованію публики, декламировалъ:

Посмотри, въ избѣ, мерца,
Свѣтитъ огонекъ...

а Василій Курочкинъ, также непременно по требованію публики, мило картавилъ, энергически читая «Господина Искаріотова» и «Безумцевъ» Беранже.

Это были большіе публичные вечера, но въ то время такіе же вечера въ миниатюрѣ устраивались и въ частныхъ квартирахъ. Такъ я помню, однажды у Василія Ивановича устроился съ благотворительною цѣлью такой вечерокъ (билеты по 50 к. раздавались между знакомыми). Самъ Василій Ивановичъ читалъ (въ своемъ переводѣ) отрывки изъ Гейневской «Германіи» и отрывокъ изъ Байроновскаго «Каина», а П. И. Якушкинъ, пріѣхавшій уже подъ хмѣлькомъ, великолѣпно съимпровизировалъ изъ народныхъ пѣсенъ два противоположныхъ типа русской женщины. Читали и другіе — и вечерокъ вообще удался.

По окончаніи такого сезона Василій Ивановичъ на лѣтнее время перебирался съ семьей въ Заманиловку (за 3-мъ Парголовымъ): ему нравились парголовскія палестины. Я бывалъ у него въ Заманиловкѣ еще тогда, когда не было Финляндской желѣзной дороги. Тамъ, на заманиловскомъ просторѣ, ибо дачъ и дачниковъ въ то время было куда меньше, Василій Ивановичъ въ простенькомъ пальто, соломенной шляпѣ, съ трубчкой, бродилъ и ботанизировалъ. Купаться онъ любилъ, и мы, дачные гости, бывало отправлялись съ нимъ къ тихоструйной красноводной Заманиловкѣ, гдѣ и купались на открытомъ воздухѣ. Но и живя на дачѣ, Василій Ивановичъ также усидчиво занимался своимъ дѣломъ. У него всегда было что читать, онъ, можно сказать, всю жизнь учился, обогащаясь все новыми и новыми знаніями.

Въ началѣ 1866 года я женился на одной изъ бывшихъ институтокъ — ученицъ Василія Ивановича и уѣхалъ изъ Петербурга, а когда осенью слѣдующаго года вернулся, то нашелъ Василія Ивановича уже свободнымъ отъ гимназіи: онъ былъ въ отставкѣ, и тутъ я узналъ, какъ и почему это случилось. Надѣюсь, что биографъ

Василія Ивановича не умолчить объ этомъ обстоятельстве, повліявшемъ на послѣдующую дѣятельность «отставнаго учителя». Отставка эта, конечно, имѣла значеніе для Василія Ивановича въ экономическомъ отношеніи, но, какъ говорится, «нѣтъ худа безъ добра». Онъ на мой взглядъ былъ даже болѣе бодрымъ, хотя работалъ не менѣе прежняго. Я видѣлъ и радовался его успѣхамъ на поприщѣ писателя-педагога: книги его, какъ бы въ пику разнымъ Ариманамъ, расходились въ тысячахъ экземплярахъ. Да, радовался я за него, но все-таки было жаль, что тѣ юноши, которые теперь находились въ старшихъ классахъ 1-й петербургской гимназіи, — не слышали Василія Ивановича, не могли учиться у него.

III.

Не помню, сколько времени прожилъ Василій Ивановичъ въ Прядильномъ переулкѣ, но, если не ошибаюсь, въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ окончательно поселился на Васильевскомъ островѣ. И по прежнему у него были вторники, и по прежнему на этихъ вторникахъ не было никакихъ карточныхъ игръ, а шла живая бесѣда; всегда было о чемъ поговорить, а затѣмъ кто нибудь пѣлъ подъ фортепіано, случалось — и танцевали, но мало. Василій Ивановичъ сталъ замѣтно сѣдѣть. Онъ отпустилъ усы и бороду, что было ему очень къ лицу.

Въ концѣ 1881 года я объявилъ всѣмъ своимъ знакомымъ, что я и семья моя обязательно будемъ дома по вечерамъ въ каждую четную субботу въ мѣсяцъ. И вотъ, въ квартиру мою, по этимъ субботамъ, собирались добрые знакомые, и я замѣтилъ, что Василій Ивановичъ сталъ не пропускать этихъ очередныхъ субботъ: ему у меня, повидимому, нравилось бывать, потому что вообще онъ рѣдко у кого бывалъ по вечерамъ. Василій Ивановичъ любилъ безхитростныя, простые развлечения, любилъ молодежь, никогда не прочь былъ съ нею побесѣдовать и — потанцевать. И не столько ему нравилось то или другое развлеченіе, сколько самая обстановка его, доставляющая предметъ наблюденія. Да и вообще Василія Ивановича какъ-то тянуло въ толпу. Такъ, не будучи въ извѣстномъ смыслѣ религіознымъ человекомъ, онъ обыкновенно въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе уже былъ на улицѣ, заходилъ въ первую попавшуюся церковь, потомъ — въ другую, а пожалуй и въ третью; на масляницѣ и на Пасхѣ его навѣрно можно

было встрѣтить въ толпѣ около балагановъ, а въ лѣтнее время Василій Ивановичъ даже съ дачи, по воскресеньямъ, уѣзжалъ въ городъ, чтобы потолкаться гдѣнибудь въ «Аркадіи». Изъ «Аркадіи» онъ отправлялся на свою зимнюю квартиру, ночевалъ тамъ и утромъ на другой день возвращался на дачу. Однажды, смѣясь, рассказаль онъ мнѣ о такомъ горестномъ происшествіи, случившемся съ нимъ во время одного изъ его «аркадскихъ» странствованій:

— «Вы знаете, я вѣдь по утрамъ пью кофе, а когда ночую въ городѣ, то самъ и варю себѣ кофе на спиртовой лампочкѣ. Сливковъ свѣжихъ достать нельзя, да и хлопотать тутъ некому: вѣдь я одинъ въ квартирѣ. Вотъ я въ послѣдній разъ и взялъ съ собою съ дачи скляночку со сливками. Попавъ въ «Аркадію», я совсѣмъ, понимаете, и забылъ о существованіи этой скляночки въ карманѣ пальто. Къ ночи погода измѣнилась—полилъ дождь. Я вмѣстѣ съ толпой всякихъ кавалеровъ и дамъ поспѣшилъ на отходящій къ Лѣтнему саду парадикъ. Дамы въ легкихъ платьяхъ особенно стремились занять мѣсто—ну, и произошла порядочная давка... Притиснули меня къ чему-то твердому, понимаете — прижали совсѣмъ, къ перилалъ, что-ли, и когда я такъ пробрался на параходъ — сливки тоже пробрались на него черезъ мой карманъ!... Скляночка оказалась раздавленной — и утромъ я пилъ постный кофе»...

Все житейское интересовало Василія Ивановича, да и вообще онъ любилъ жизнь и постоянно наблюдалъ ее и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ толпѣ. Я ни разу не слышалъ, чтобы онъ жаловался на жизнь, выражалъ недовольство, наиримѣръ, съ точки зрѣнія пессимистовъ, что молъ *vanitas vanitatum* и т. д. Но, да не подумаетъ ктонибудь, что Василій Ивановичъ смотрѣлъ на міръ черезъ розовые очки... Нѣтъ, онъ зналъ, что такое жизнь, онъ хорошо зналъ исторію и отлично видѣлъ все неустройство въ социальномъ отношеніи. Онъ понималъ человѣка, правильно оцѣнивалъ его поступки, но самъ не любилъ заводить рѣчь о той или другой личности. Василю Ивановичу слишкомъ ясно и просто представлялся внутренней образъ Ивана и Петра, Марьи и Дарьи; онъ видѣлъ, какъ на ладони, подоплеку ихъ — и не могъ «сердиться» на этихъ людей: онъ все прощалъ и вообще философски-невозмутимо смотрѣлъ на тѣ житейскія дразги, которыя людей съ другимъ характеромъ доводятъ до чертиковъ, заставляютъ ихъ ссориться, сплетничать и пакостить другъ другу. Стремленія задрать когонибудь, вступить въ острословную полемику и вообще погарцевать передъ кѣмънибудь — такого стремленія не было въ Василю Ивановичѣ. Если ему говорили, что вотъ такое-то «перъ» задѣло его и даже сдѣлало намѣренно скверную кляксу — Василій Ивановичъ,

улыбаясь, обыкновенно говорилъ: «ну, что-жь... Ну, пускай его тѣшится! Все это пустяки. Охота объ этомъ говорить!».

Да, тихъ, скромнѣ и молчаливъ былъ Василій Ивановичъ, но настоящая, разумно-боевая сторона его жизни проявилась во всей дѣятельности его, какъ писателя-педагога—гражданина. *Sapienti sat.*

Василій Ивановичъ, какъ я уже замѣтилъ, любилъ быть въ толпѣ, но только не въ великосвѣтской, а, такъ сказать, въ простой; въ толпѣ дѣтей онъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Не могу забыть одной школьной елки, которую устроила учительница въ городской школѣ для дѣвочекъ (на Рождествѣ, въ 1884 г.). Эта учительница была лично знакома съ Василиемъ Ивановичемъ и, зная, что онъ любитъ дѣтей и способенъ ихъ повеселить, пригласила его на эту елку. А надо замѣтить, что школа находилась противъ Таврическаго дворца, а Василій Ивановичъ жилъ во 2-й линіи Васильевскаго острова. Явившись пораньше на эту елку въ качествѣ устроителя тѣневыхъ картинъ, я уже нашелъ Василю Ивановича «въ дѣлѣ»: среди большой классной комнаты, освобожденной отъ столовъ и скамеекъ, подъ звуки заграничной гармоникки одного любителя такого инструмента—и визгливаго хора дѣвочекъ—Василій Ивановичъ, уже порядкомъ вспотѣвшій, вель какой-то не то хороводъ, не то полонезъ — и какъ вель! Аккуратно, съ чувствомъ, съ увлеченіемъ! Онъ серьезно командовалъ, махалъ то одной, то обѣими руками, присѣдалъ, когда это было нужно для уравниенія своего роста съ ростомъ своей дамы,—и надо было видѣть восторгъ и полнѣйшее наслажденіе скачущихъ вокругъ него тридцати или сорока юныхъ дѣвочекъ!

Самъ Василій Ивановичъ не пѣлъ, да и врядъ-ли когда нибудь занимался онъ вокальными упражненіями: у него не было голоса для пѣнія, да если бы и былъ, то при совершенномъ почти отсутствіи музыкальнаго слуха у него ничего не вышло бы по этой части. Что касается музыки, то онъ не долюбивалъ ея, а къ такъ называемой серьезной музыкѣ — былъ совсѣмъ равнодушенъ. Однако, танцую, напри-мѣръ, вальсъ, Василій Ивановичъ попадалъ въ тактъ, соблюдалъ его, также какъ и въ стихахъ своихъ никогда не грѣшилъ онъ противъ взятаго имъ размѣра. Пѣніе, если оно было со словами, Василій Ивановичъ слушалъ съ удовольствіемъ (особенно если пѣла женщина) и иногда даже самъ, въ тѣсномъ кружкѣ знакомыхъ, тянулъ какія-то ноты при исполненіи хоровой пѣсни, но тянулъ ихъ больше «для компаніи».

Въ одинъ изъ вторниковъ кто-то изъ умѣющихъ играть «серьезную» музыку на роялѣ заигралъ что-то длинное и дѣйствительно «крайне-серьезное»... Смотрю — нѣтъ Василю Ивановича въ залѣ.

Я пробрался въ кабинетъ и нашелъ тамъ его сидящимъ въ креслѣ, съ трубкой, задумчиво-пускающимъ дымокъ. Василій Ивановичъ, повидимому, такъ внимательно слушалъ музыку, что казалось, застылъ и не замѣтилъ моего появленія. Но вотъ окончилась серьезная пьеса, а Василій Ивановичъ, гляжу, остается въ той-же позѣ. Я окликнулъ его. Онъ молчалъ.

— Василій Ивановичъ, да ужъ вы не заснули-ли?

— А?... Что?... Тутъ онъ какъ бы очнулся.—А, это вы...

— Ну-съ, какъ вамъ понравилась пьеса и игра?

— Какая пьеса?

— Да вотъ, что сейчасъ тамъ играли. Развѣ вы не слышали?

— Да, тамъ играли... Нѣтъ, я ничего не слышалъ. Знаете, когда чтонибудь эдакое заиграютъ, на меня сейчасъ нападаетъ задумчивость, то есть я непременно начну о чемъ-нибудь думать, ну, и ничего ужъ тогда не слышу.

Изъ всѣхъ искусствъ — Василій Ивановичъ только къ стихотворному искусству имѣлъ склонность. Стихъ ему давался легко, и многія изъ его стихотвореній, не говоря уже о переводныхъ, написанныя имъ за три-четыре года до смерти, положительно превосходны во всѣхъ отношеніяхъ: по силѣ чувства, образности, содержанію и формѣ. Обыкновенно онъ самъ читалъ наизусть свои стихи (и любилъ это) и, конечно, насколько позволяли ему физическія его средства, — декламировалъ хорошо, но... Василій Ивановичъ, по свойственной ему скромности, нигдѣ не печаталъ своихъ стихотвореній и они не выходили за предѣлы тѣснаго кружка его знакомыхъ. Богъ вѣсть, выйдутъ-ли когда-нибудь въ свѣтъ эти прекрасныя поэтическія плоды досуга покойнаго Василія Ивановича ¹⁾...

Сколько мнѣ извѣстно, Василій Ивановичъ не прочь былъ для домашняго обихода что-нибудь поплотничать, постоярничать и даже послесарничать, а въ лѣтнее время, на дачѣ, любилъ и посадовничать, занявшись украшеніемъ дачнаго сада, напримѣръ, собственно-ручно склеивалъ фонарики изъ разноцвѣтной бумаги и устраивалъ иллюминацію въ своемъ саду, а случалось привозилъ изъ города маленькій фейерверкъ, съ которымъ и возился во время иллюминаціи.

Итакъ, кромѣ стихотворнаго, никакимъ другимъ искусствомъ онъ не занимался, только однажды, или вѣрнѣе дважды, а именно въ зиму

---

¹⁾ Пользуясь весьма обязательнымъ сообщеніемъ Е. Н. Водозовой, мы напечатали въ этой книгѣ нѣсколько стихотвореній Василія Ивановича; всѣ они до сихъ поръ не были изданы.

1882—1883 гг., Василій Ивановичъ былъ актеромъ. Ужъ не помню, что было толчкомъ въ домашнему лицедѣйству, только мы, какъ говорится, «взяли» да и устроили (безъ занавѣса и декораций) два домашнихъ спектакля — на собственную потѣху и на потѣху добрыхъ зрителей. И дѣйствительно, была потѣха, когда Василій Ивановичъ вышелъ въ «Тяжелыхъ дняхъ» въ роли Брускова-отца, а затѣмъ въ пьесѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» — явился героемъ — Львомъ Красновымъ — въ одномъ и томъ же костюмѣ, съ одинаковой гримировкой: въ триковомъ пальто, въ узкихъ панталонахъ, засунутыхъ въ сапоги, и въ черномъ мохнатомъ парикѣ... съ длинными пейсами!...

Наканунѣ спектакля Василій Ивановичъ ѣздилъ со мной въ парикмахерскую (помнится, гдѣ-то на Казанской улицѣ) для выбора нужныхъ париковъ, бородъ и усовъ. Какъ я ни убѣждалъ его не брать этого парика — Василій Ивановичъ былъ непреклоненъ: должно быть этотъ парикъ ему особенно чѣмъ-то понравился, и онъ взялъ его, съ придачей усовъ и бороды, à la Шейлокъ. Но я все таки уговорилъ нашего Льва Краснова (и то передъ выходомъ на сцену) хоть убрать эти пейсы за уши... Но это не помогло. Въ патетическихкихъ мѣстахъ пейсы вышолзали изъ-за ушей, закрывали щеки бѣднаго Краснова и рѣзче выставляли нарумяненный его носъ. Конечно, никакой игры у насъ не было, но за то роли были выучены хорошо, и мы «разговаривали» по Островскому безъ суфлера. Василій Ивановичъ говорилъ реплики и монологи безъ запинки и все-таки, независимо отъ отчаянно-плохой гримировки, обмануть публику ему не удалось. Есть такіе люди, хотя и мало ихъ, которымъ обманъ какъ-то не къ лицу, да и не умѣютъ они притворяться, просто органически для нихъ невозможно представиться не тѣмъ, что они есть. Къ такимъ рѣдкимъ людямъ принадлежалъ Василій Ивановичъ.

IV.

Я выше замѣтилъ, что онъ охотно посѣщалъ мои субботнія вечеринки. Онъ хорошо помнилъ эти «четныя субботы». Обыкновенно около 9 часовъ вечера Василій Ивановичъ уже сидѣлъ у меня за чайнымъ столомъ и покуривалъ трубочку, которую возилъ съ собою. Трубочка была у него особенная: вершковъ девяти, съ полнымъ шарообразнымъ утолщеніемъ по срединѣ чубука, куда онъ и вкладывалъ комокъ ваты, ибо эту часть чубука можно было развинтить. Побесѣдовавъ за чаемъ съ А. М. С—скимъ или съ А. И. В—скимъ, которые чаще другихъ встрѣчались у меня съ Василіемъ Ивановичемъ, онъ вставалъ изъ-за стола, шелъ къ молодежи обоюго пола, вступалъ въ ихъ бесѣду, иногда по просьбѣ «учащейся» дѣвицы прочитывалъ экспромтомъ лекцію, напримѣръ, о Гоголѣ, или шелъ въ кабинетъ, гдѣ отборнѣйшіе кавалеры, съ полнымъ «аттестатомъ зрѣлости» для танцевъ, невозмутимо сидѣли надъ шахматами, интересуясь только деревянною королевой. Василію Ивановичу это не нравилось, и вотъ онъ, посмотрѣвъ на шахматную игру, которую онъ не зналъ и не хотѣлъ знать, обращался къ кому нибудь изъ зрителей или играющихъ и говорилъ:

— «И охота, право, корпѣть надъ этимъ! Тамъ, вонъ, дѣвицы скучаютъ.. Шли бы туда! Эхъ, господа!»..

Но отборнѣйшіе кавалеры были себѣ на умѣ: они знали, что еще не наступилъ моментъ для совмѣстнаго съ дамами увеселенія, и оставались въ кабинетѣ — кто за шахматами, кто за разговоромъ, а кто такъ себѣ. Василій Ивановичъ уходилъ въ залу и, случалось, ему удавалось усадить кого нибудь за фортепіано.

Но вотъ около полуночи гости усаживаются за столъ, чтобы выпить и закусить—à la fourchette. Василій Ивановичъ водки не пилъ, вино же потреблялъ за пищей, но мало, одну—двѣ рюмки, и охотнѣе выпивалъ за ужиномъ пиво—стакана два, небольшое.

За общей закуской обыкновенно завязывались разговоры, загорались иногда споры и вообще шла болтовня—подъ часъ острословная и весьма оживленная.

Если такой вечерокъ совпадалъ съ днемъ чествованія кого нибудь или чего нибудь, или былъ экстреннымъ по причинѣ одного изъ «нашихъ» праздниковъ, то за ужиномъ непремѣнно произносились экспромтомъ, въ прозѣ и стихахъ, приличные случаю спичи и тосты. Тутъ

Василій Ивановичъ обнаруживалъ счастливую находчивость, острилъ съ приемами и, владѣя свободно славянскою рѣчью, иногда говорилъ въ стихотворной формѣ забавную рѣчь - діалогъ.

Но вотъ, наконецъ, столовая все болѣе и болѣе пустѣеть. Василій Ивановичъ уже въ хлопотахъ по поводу наискорѣйшаго устройства контраданса, къ которому уже привлечены отборнѣйшіе кавалеры...

Послѣ отдыха отъ кадрили иногда шла полька или вальсъ, или кто-нибудь изъ «мастеровъ дѣла» откалывалъ характерный танецъ, а бывало и такъ, что около фортепіано становился заправскій артистъ (В. Н. Д — овъ) и пѣлъ о томъ, какъ

Въ місяцѣ іюнѣ
Выпала пороша;...

А потомъ группировались пѣвцы и раздавалась хоровая пѣсня, исполняемая безъ особенной гармоніи, но за то съ усердіемъ, достойнымъ лучшей доли. Вокальная часть вечера часто оканчивалась пѣсней, бойко-сложеной Василиемъ Ивановичемъ на извѣстный семинарскій мотивъ: «Трахну-ль я въ хороводъ». Такъ какъ Василій Ивановичъ не могъ быть запѣвалой, то онъ и велъ все solo пѣсни речитативомъ, а хоръ подхватывалъ.....

Въ третьемъ или четвертомъ часу ночи гости расходились. Василій Ивановичъ надѣвалъ шубу и, оставивъ гдѣ-нибудь свою трубку на окнѣ, уѣзжалъ домой. Забытая трубка въ первый же вторникъ доставлялась по принадлежности.

V.

За послѣдніе три—четыре года я довольно часто посѣщалъ Василия Ивановича. Обыкновенно, послѣ взаимнаго рукопожатія, онъ спрашивалъ меня: «Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго?», т. е. не написалъ ли я какихъ-нибудь новыхъ виршей. Зная, что Василій Ивановичъ всегда терпѣливо и внимательно слушалъ мои стихотворныя прегрѣшенія, причѣмъ дѣлалъ правдивыя замѣчанія, я читалъ ему что-нибудь новенькое, если таковое у меня было. Прослушавъ меня, онъ говорилъ:

— А вотъ у меня... Я, знаете, на-дняхъ сочинилъ.. Ну, слушайте!... И Василій Ивановичъ, всегда почти наизусть, чаще глядя въ сторону, декламировалъ мнѣ свою стихотворную новинку.

Слушая Василия Ивановича, я невольно разсматривалъ его и сталъ

убѣждаться, съ каждымъ разомъ больше, въ томъ, что съ 1884 года онъ началъ все болѣе и болѣе худѣть: лицо его становилось меньше и суше, затылокъ дѣлался тоньше, да и вся фигура его утончалась. Сколько я знаю и помню, Василій Ивановичъ никогда серьезно не хворалъ; если что иногда и беспокоило его, такъ это кое-какія неисправности желудка, которыя онъ довольно успѣшно и скоро прекращалъ мятными лепешками. Не разъ говорилъ онъ мнѣ, что чувствуетъ себя также хорошо, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, и вообще онъ вѣрилъ въ прочность своего организма. Хотя Василію Ивановичу съ сентября 1885 года пошелъ 61 годъ, — онъ считалъ себя только пожилымъ человѣкомъ, но не старикомъ.

— Вотъ только зубы стали плохи, говаривалъ онъ, а такъ-то я еще ничего...

Правда, физически онъ слабѣлъ, но духовно—былъ тѣмъ же бодрымъ, свѣжимъ, энергическимъ дѣятелемъ и безупречнымъ гражданиномъ. Василій Ивановичъ полноправно могъ сказать вслѣдъ за Беранже:

Намъ лица морщить безъ пощады
Сѣдаго времени рука,
И хотъ сверкаютъ наши взгляды,
Друзья, въ намъ старость ужъ близка.
Но передъ новымъ поколѣньемъ
Не замечать самимъ свой слѣдъ
На все живое озлобленьемъ —
Еще не старость это, нѣтъ!

.....
Что-бъ мы ни пѣли — мы старѣемъ;
Такъ что-жъ—чѣмъ старше вся семья,
Тѣмъ больше правъ мы всѣ имѣемъ
На титулъ, старые друзья.
Но, идя подъ гору толпою,
Движенью новому привѣтъ
Дрожащей посылать рукою —
Еще не старость это, нѣтъ!

Конечно, строго говоря, старости и не было, а было то, чего не подозрѣвалъ Василій Ивановичъ: неизлѣчима болѣзнь, которая и свела его въ могилу.

Съ января 1886 года онъ сталъ видимо чѣмъ-то страдать и еще болѣе худѣть. Нѣсколько «субботъ» моихъ онъ пропустилъ. Однажды, помнится — еще въ декабрѣ 1885 года, Василій Ивановичъ пришелъ утромъ въ мѣсто моей службы (по денежнымъ дѣламъ ему приходилось иногда бывать въ этомъ учрежденіи) и вызвалъ меня въ пріемную.

Недѣли двѣ не выдавъ Василія Ивановича, я нашель его, благодаря дневному свѣту, значительно измѣнившимся въ лицѣ: оно было осунувшееся, блѣдно-желтое и—грустное. Оставаясь въ шубѣ, онъ сидѣлъ какъ-то согнувшись и не торопился уходить, очевидно, желая отдохнуть. Я спросилъ его о здоровьи.

— Да, ничего, отвѣтилъ онъ: — какъ всегда, только вотъ желудокъ что то... Изъ-за него то я и у васъ давно не былъ. Да вздоръ все это! Пройдетъ.

Я пережѣнилъ разговоръ, видя, что онъ ему не нравится.

— Нѣтъ, я пока ничего не пишу, заговорилъ Василій Ивановичъ,—но планы то есть. Много ихъ у меня! Знаете, если бы все то написать, что я задумалъ, такъ нужно еще столько же прожить. Да, вотъ я хотѣлъ бы издать книжку, понимаете, этакую простую, для народа, о разныхъ религіяхъ... Не знаю еще, какъ и когда примусь писать... Ну, и другіе планы есть. Вотъ лѣтомъ надо будетъ поработать...

На Плещеевскомъ юбилейномъ обѣдѣ (15-го января 1886 года) я встрѣтилъ Василія Ивановича и замѣтилъ, что онъ былъ скученъ, какъ то задумчивъ по-новому.

— Смотрите, Василій Ивановичъ, сказалъ я ему, если у васъ желудокъ еще не въ порядкѣ—поостерегитесь за этимъ обѣдомъ, вникните въ мѣню...

— Ну, вотъ, перебилъ онъ меня, что тутъ вникать! Пустяки. Я и хочу именно попробовать: буду все ѣсть и посмотрю... Вы тутъ сядете?... А я вонъ тамъ. Ну, значить, близко.

Онъ досидѣлъ до конца юбилейной трапезы и, какъ я замѣтилъ, не пропустилъ ни одного блюда. Я условился съ Василіемъ Ивановичемъ ѣхать послѣ обѣда на вечеръ медицинскихъ курсистокъ. Сталъ искать я его по заламъ, но не нашель и подумалъ: пожалуй, ему послѣ обѣда-то нехорошо стало и онъ поспѣшилъ прямо домой? Однако, какъ я потомъ узналъ, Василій Ивановичъ былъ-таки на томъ вечерѣ, но скоро уѣхалъ оттуда: дѣйствительно, ему нездоровилось.

Въ февралѣ онъ сталъ чувствовать себя хуже; худоба увеличивалась; онъ сѣлъ на діету, которая его сердила, да и докторовъ онъ не долюбивалъ, не вѣрилъ имъ...

— Да вѣдь я совсѣмъ здоровъ! раздраженно говорилъ Василій Ивановичъ: — у меня ничего не болитъ, понимаете — никакой боли нѣтъ, а вотъ только... слабость... Надоѣла она мнѣ! Ну, да я знаю, что нужно дѣлать, — и скоро поправлюсь и за работу сяду. Вотъ увидите!

Но этого не пришлось увидѣть. Прошелъ мартъ, прошелъ апрѣль,

а ничѣмъ не прогнавъ Василій Ивановичъ надоѣвшей ему слабости, не сѣлъ за привычную работу, но ничего не дѣлать—онъ не могъ: слишкомъ привыкъ онъ къ занятіямъ, къ полезной дѣятельности. За недѣлю или полторы недѣли до его смерти и какъ-то вечеромъ сидѣлъ около кушетки, на которой онъ лежалъ. Разговаривая, я взялъ со стола довольно большую тетрадь въ переплетѣ и раскрылъ ее. Она вся состояла изъ раскрашенныхъ картиновъ.

— А! произнесъ Василій Ивановичъ: — это фауна и флора всѣхъ частей свѣта въ картинкахъ. Очень хорошее нѣмецкое изданіе. И вѣдь какъ дешево тамъ у нихъ, у нѣмцевъ, такія книжки! Умѣютъ они это дѣлать. Посмотрите-ка, какъ хороши рисунки.

— А вы это, что же, опять разсматривали ихъ—отъ скуки?

— Нѣтъ. Это я для Насти. Занимаюсь съ нею днемъ. (Настей звали молодую, лѣтъ 15, дѣвушку, неграмотную, поступившую недавно къ нимъ въ услуженіе).

— Ну, и Настя дѣлаетъ успѣхи?

Василій Ивановичъ даже оживился.

— Да, да, ничего! весело отвѣтилъ онъ: — я вотъ такъ лежу, а она тутъ на скамеечкѣ сидитъ. Я ей рассказываю по этимъ картинкамъ... Вотъ надо будетъ еще достать ручной глобусъ. Она ужъ и читать начала. Толковая она, способная, — ну, и время незамѣтнѣе идетъ.

Изъ нѣсколькихъ тысячъ учениковъ и ученицъ Василія Ивановича—эта Настя была послѣднею его ученицею.

Все хуже и хуже становилось ему, и онъ окончательно слегъ, а въ субботу, 17-го мая 1886 г., утромъ, тихо уснулъ онъ вѣчнымъ сномъ... И вдругъ не стало Василія Ивановича!

Эта мысль, или вѣрнѣе — ощущеніе, что нѣтъ больше его, что никогда болѣе его не встрѣтишь, не увидишь, не заговоришь съ нимъ, не услышишь такъ хорошо знакомаго поскрипывающаго голоса—это ощущеніе какъ-то странно-дерзко вошло въ сердце, живетъ въ немъ, а примириться съ нимъ — трудно, не хочется... До того трудно и до того не хочется, что иногда думается: вотъ сегодня или завтра встрѣчусь съ Василіемъ Ивановичемъ, ну, поговоримъ, а онъ и спросить:

— Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго?

Утромъ, въ день похоронъ, я вошелъ въ квартиру покойнаго и хотѣлъ прямо пройти въ залу, гдѣ стоялъ гробъ, но въ дверяхъ залы толпились люди; я могъ пробраться туда чрезъ другую комнату, и вотъ, пройдя корридорчикъ, я вошелъ въ кабинетъ. Утро было такое

веселое, майское; помнится, во всю дорогу на Васильевскій островъ я ни о чемъ особенно не думалъ, или лучше — мысль ни на чемъ долго не останавливалась, я даже не сознавалъ, куда и зачѣмъ я ѣду, но, войдя въ кабинетъ, — я какъ-то сразу понялъ, зачѣмъ и ѣхалъ сюда.. Меня какъ бы ошеломила опустѣвшая кушетка! Оглянувшись, я вдругъ увидѣлъ на выступѣ бѣлой изразцовой печки, ярко освѣщенной солнцемъ, знакомую трубочку: чубукъ былъ развинченъ и одна половинка его лежала, другая стояла прислонившись къ изразцу. Видъ этой покинутой трубочки былъ такой холодный.. печальный.. сиротливый, что горло мое изнутри стало сжиматься.. Но тутъ стали входить въ кабинетъ пѣвчіе; я сдѣлалъ усиліе и вошелъ въ залу.— «Нѣтъ ли чего новенькаго?» какъ-будто послышалось мнѣ.. Да, вотъ оно — новенькое — гробъ, свѣчи.. запахъ свѣжихъ цвѣтовъ и—нѣтъ Василя Ивановича!..

Наврядъ ли когда-нибудь въ жизни русскаго общества повторится личность его.. Можетъ быть, и теперь есть, и будутъ похожіе на него, но не такъ всесторонне, не будетъ такого полнаго, чистаго, свѣтлаго внутренняго образа, носителемъ котораго могъ быть только Василій Ивановичъ.

19-го мая, на Смоленскомъ кладбищѣ, похоронили Василя Ивановича. Послѣ прочувствованнаго «слова» надъ свѣжей могилой, сказаннаго Д. Д. Семеновымъ (бывшимъ сослуживцемъ покойнаго въ 1-й гимназіи и Смольномъ институтѣ), я хотѣлъ тоже сказать нѣсколько словъ, но опять ощутилъ, какъ что-то изнутри стало сжимать горло. Я побоялся, что не хватитъ голосу и—ничего не сказалъ..

А сказать хотѣлъ я слѣдующее:

Знакомо это поле мнѣ!
 Въ послѣдній разъ на немъ я былъ,
 Когда отца роднаго здѣсь
 Я хоронилъ.
 Но тотъ отецъ, который мнѣ
 Жизнь духа даровалъ,
 Еще тогда былъ крѣпокъ, бодръ
 И недуговъ не зналъ.
 А время шло... Хотя совсѣмъ
 Онъ сдѣлался сѣдымъ,
 Но многимъ юношамъ дай Богъ
 Такимъ быть молодымъ!
 И вотъ, на этомъ полѣ я
 Опять среди могилъ:
 Отца души, души моей

Я здѣсь похоронилъ!
Онъ совершилъ не легкій путь —
Путь долгій, трудовой,
Но до конца онъ шелъ, и шелъ
Дорогою прямой.
И если въ наши времена,
Въ такой грѣховный вѣкъ,
Возможенъ праведникъ, — то вотъ
Святой былъ человѣкъ.
Да, тутъ его исчезнетъ прахъ,
Какъ исчезаетъ дымъ,
Но имя чистое его
Мы въ сердцахъ сохранимъ!

Романычъ (В. Р. Щиглевъ).

Іюнь—іюль 1886 г. Парголово.

† 17-го мая 1886 г.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

На могилѣ сына. — На смерть сына. — Ужасъ душу леденить... — Мысль. —
На смерть Достоевскаго. — Дальняя дорога. — Пусть во тьмѣ... — Наша жизнь
никого не обманетъ... — Отрывокъ. — На новый годъ. — Цвѣты. — „Миѣ къ чему
твой цвѣтъ?“ — „Въ полѣ вьюга гудитъ“... — Птички. — Бѣлый призракъ. — Участь
женщины. — Изъ дальней мглы... — Подъ снѣгомъ родная страна... — Пусть
приговоръ глуца... — Смерть. — Тоскъ. — Война — Весеннія ночи.

1879 — 1885.

ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ

† 17 мая 1886 г.

его поэмртныя стихотворенія.

I.

НА МОГИЛЪ СЫНА.

Холодна, безотвѣтна могила;
Въ ней твой образъ такъ холодно-нѣмъ.
О, зачѣмъ твоя молодость, сила
Разцвѣтала — скажи мнѣ, зачѣмъ?
Передъ замкнутой дверью природы,
Какъ докучный истецъ, я стою;
Ты влегла его въ юные годы,
Все суливъ ему ласку свою.
И рвался онъ, на зовъ твой послушный,
Быть служителемъ въ храмъ твой,
Неподкупно-прямой, простодушный,
Съ чистымъ сердцемъ, съ пытливымъ умомъ.
Это сердце корысти не знало,
Ни утѣхъ, кромѣ музыки той,
Что въ гармоніи общей сливала
Звукъ, рожденный, природа, тобой!
Что отъ вѣка умомъ создавалось,
Проникавшимъ во глубь твоихъ силъ, —
Все ему такъ доступнымъ казалось,
Все онъ чуткою мыслью ловилъ.
Но напрасно стремился онъ съ жаромъ
До конца книгу знанья прочесть, —
Ты скосила жестокимъ ударомъ
Жизнь, готовую только разцвѣсть.

Такъ задернеть, чуть солнышко встанеть,
 Ненавистнымъ туманомъ востокъ;
 Такъ небрежно затоптанный вянетъ,
 Полный жизни, прекрасный цвѣтокъ.
 О, природа! отъ насъ ты сокрыла
 Тайну въ этой судьбѣ роковой,
 Или блескъ твой, и прелесть, и сила
 Все обманъ, все лишь призракъ пустой?

1879 г.

II.

НА СМЕРТЬ СЫНА.

Юныхъ лѣтъ и восторги, и горе
 Будто волнъ несмолкающихъ плескъ
 И, какъ волны свободныя въ морѣ,
 Разсыпаютъ свой радужный блескъ.
 Но пускай твои чувства такъ живы,
 Пусть и сердцемъ, какъ голубь, ты чистъ,
 Всѣ твои бесполезны порывы,
 Бѣдный труженикъ мой, гимназистъ!
 Вотъ ужъ полночь. Не спишь ты. Въ печали
 Ты склонился къ тетради лицомъ:
 Упражненія Кюнера сжали
 Мозгъ усталый желѣзнымъ кольцомъ.
 Ты окончилъ урокъ свой латинскій;
 Но приходится, прежде чѣмъ спать,
 Сочинить періодъ Карамзинскій,
 Хрю въ Пушкинѣ нужно сыскать.
 Трудъ печальный, бесплодный, постылый,
 А сознанье щемитъ твою грудь,
 Что есть трудъ, обновляющій силы,
 Гдѣ ты могъ бы душой отдохнуть.
 Уже за полночь. Вотъ просвѣщенье!
 Кровь тревожно стучитъ на вискахъ;
 Ты встаешь: на лицѣ истощенье,
 Круги красные ходятъ въ глазахъ.
 Но вѣрнись. Это злое ненастье
 И на пользу тебѣ можетъ быть:
 Чтобъ добыть впередъ свое счастье,
 Въ жизни нужно себя закалить.
 Ахъ, то лживый расчетъ, мысль пустая!
 Сколько жертвъ и борьбы.— для чего?

Надорвалася грудь молодая,
 Схоронили въ могилѣ его...
 Намъ, подъ гнетомъ судьбы своей павшимъ,
 Лишь одно утѣшенье мечты,
 Что при жизни цвѣтовъ не выдавшимъ
 Хотъ на гробъ мы приносимъ цвѣты.

1879 г.

III.

Ужасъ душу леденить!
 Подъ грозой нещадной неба,
 Слышимъ, всюду стонъ стонъ:
 „Умираемъ! дайте хлѣба!“

Чтожъ? на подвигъ каждый всталъ?
 Чтожъ? у всѣхъ одна забота:
 Въ дѣло умъ и капиталъ,—
 И пошла кругомъ работа?

Нѣтъ! мы ближнихъ не спасемъ,
 Сколько-бъ сердцемъ ни скорбѣли,
 Всю мы душу изведемъ
 Въ горькихъ жалобахъ безъ цѣли.

Гдѣ намъ, бѣднымъ, силы взять?
 Будемъ ждать чудесъ отъ неба;
 Будемъ сами умолять:
 „Умираемъ! дайте хлѣба!“

IV.

МЫСЛЬ.

(ПОДРАЖАНІЕ НѢМЕЦКОМУ).

„Я мысль!“ Кто же ты, гость мой странный?
 Ты жизнь обновляющій духъ,
 Иль призракъ холодный, туманный?
 Ты недругъ коварный, иль другъ?

— „Кто я? разгадать меня трудно;
 Что часъ, я мѣняюсь порой:
 То выпорхну бабочкой чудной,
 То вьюся красивой змѣей.

А можетъ, я вѣтеръ летучій,
 Иль парусъ, знакомый волнамъ?
 Несу я съ отвагой могучей
 Огромный корабль по морямъ.

А можетъ, я туча? Играю
 Грозами, и, бури полна,
 Я ливнемъ на землю спадаю,
 Чтобъ дали ростен сѣмена,—

Чтобъ солнце роскошнѣй сіяло,
 Былъ чище цвѣтовъ аромать,
 И гнѣвной грозой разогнало
 Болоть застоившійся срадъ!

А вотъ, погляди: ужъ безъ бури,
 Безъ шумныхъ тревогъ я живу;
 Я звѣздочка: въ ясной лазури
 Я теплюсь и тихо плыву,

Но мстительный духъ разрушенья
 Колеблетъ и звѣздную твердь:
 Я призракъ печальный сомнѣнья,
 Я хаосъ, я бездна, я смерть!“

V.

НА СМЕРТЬ ДОСТОЕВСКАГО.

Не отжившіе старцы, о вѣги!
 Дѣвъ и юношей избранный цвѣтъ
 Провожали твой гробъ, проповѣдникъ-аскетъ!
 И красною полуденныхъ странъ
 Прикрытая нашъ снѣгъ и туманъ,
 Какъ у грековъ въ ихъ вѣвѣ золотой,
 Все вѣнки да гирлянды несли.
 Ахъ! судьба такъ играла тобой,
 Бѣдный дѣятель русской земли!

Мягокъ сердцемъ, отзывчивъ душой,
 Съ первымъ пыломъ въ крови молодой,
 Сталъ ты бодро подъ знамя идеи благой:
 Люду темному словомъ служить,
 Угнетенныхъ защитникомъ быть.
 Были то доброй жатвы года;
 Направляли шагъ твой въ свѣтъ
 Не Зосима отшельникъ тогда,
 А Бѣлинскій, Некрасовъ-поэтъ.

Но печаленъ избранника путь,
 Не мечтай ты отъ бѣдъ отдохнуть,
 Выставляя противъ бури могучую грудь!
 И упала неожиданно гроза,
 Помутивъ чернымъ вихремъ глаза.
 Ихъ раскрывъ, ты себя увидалъ
 Ужъ въ тюрьмѣ, средь проклятій и мукъ,
 Тамъ, гдѣ каторжникъ цѣпью звучалъ.
 Надорвалъ твою душу тотъ звукъ!

Въ душный мракъ, что, какъ туча, налетѣ,
 Лучъ надежды проникнуть не могъ,
 И стоялъ ты надъ бездною зла одинокъ!
 Но не даромъ отмѣченъ судьбой
 Былъ твой геній предъ рабской толпой.
 Свои терны собирай ты въ пути,
 Свою силу копи, и потомъ
 За неправду людскую ты мсти,
 Мсти, какъ ангелъ съ горящимъ мечомъ.

Но не понялъ ты пѣсни той словъ,
 Что поется подь звуки оковъ,
 Слышалъ ты лишь смиренную пѣсню рабовъ.
 И душѣ твоей кроткой милгѣй
 Были стоны, звучавшіе въ ней:
 „Ахъ, блаженъ, кто постраждетъ въ свой вѣкъ!
 Ты о карѣ у Бога проси,
 Окаянства сосудъ, человекъ,
 И свой крестъ благодарно неси!“

И нашель ты страданью исходъ
 Въ гордой мысли, что цѣлый народъ
 Дышетъ тою же вѣрой въ спасительный гнетъ,—
 Что покорно страдать онъ привыкъ
 И смиреніемъ этимъ великъ.
 То не призракъ ли тягостныхъ дней?
 То не бредъ-ли болѣзненный твой?
 О, бѣги далеко отъ людей,
 Свою вѣру въ пустынѣ сокрой!

Нѣтъ! бѣжать отъ людей ты не могъ:
 „Ты избранникъ небесъ, ты пророкъ“,—
 И рѣшилъ ты дать смертнымъ великій урокъ!
 Но такъ страненъ всѣмъ голосъ твой былъ,
 Выходившій, какъ стонъ изъ могилъ!
 И не понять, озлобленъ душой,
 Среди шумной толпы одинокъ,
 Всѣмъ, кто съ гордой за правду борьбой
 Къ свѣту шелъ, ты проклятье изрекъ.

Не отжившіе старцы, о нѣтъ!
 Дѣвъ и юношей избранный цвѣтъ
 Провожали твой гробъ, проповѣдникъ-аскетъ!
 Мысль у всѣхъ: ты страдалъ до конца,—
 И любовь разожгла ихъ сердца.
 Но когда-бъ даръ волшебный былъ данъ,
 Чтобъ ты зналъ ихъ надежды, мечты,—
 О, какой-бы открылся обманъ,
 Какъ въ гробу содрогнулся бы ты!

Январь 1881 г.

VI.

„Дальняя дорога,
Кости разломилло...
Силы было много,
Да угасла сила!“

А весна играетъ
Жизнью молодою,
Все кругомъ сіяетъ:
Ободришь душою!

— „Поздно... черной тьмою
Взоръ мнѣ застигаетъ....“.

VII.

Пусть во тьмѣ лицемѣръ и невѣжда
На науку со злобой шипятъ,
Въ ней одной лучшей доли надежда,
Безъ нея ницета и развратъ.

Не на прихоть, для нужды народной
Людямъ доброе сѣмя ты сѣй,
Чистый пламень науки свободной
Въ своемъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, желѣй.

Лѣсъ подь бурю стонетъ и гнется,
Но свалить ей его не легко,
То не сломишь, что дружно сомнется,
Что корнями ушло глубоко.

Не на прихоть, для нужды народной
Людямъ доброе сѣмя ты сѣй,
Чистый пламень науки свободной
Въ своемъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, желѣй.

Если правды согрѣтымъ лучами
Ты пророчишь намъ лучшіе дни,
Что взято у народа вѣками,—
Изъ того хоть частицу верни.

Не на прихоть, для нужды народной
 Людямъ доброе сѣмя ты сѣй,
 Чистый пламень науки свободной
 Въ своемъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, дельѣй.

VIII.

«Если жизнь тебя обманетъ,

«Не печалься, не крушися».

Пушкинъ.

Наша жизнь никого не обманетъ,—
 Все уныло-сонливые дни.
 Но кто вѣрить, твердить не устанетъ:
 Обмани, хоть на мигъ обмани!

Сѣрмыъ пологомъ небо надъ нами,
 Нѣтъ разсвѣта, куда ни взгляни,—
 Все равно, ты тепломъ, и цвѣтами,
 И надеждами насъ обмани!

Гдѣ въ борьбѣ первобытной съ природой
 Зрѣютъ рабскія чувства одни,—
 Ты въ мечтахъ горделивыхъ свободой,
 Свѣтомъ разума насъ обмани.

Что для насъ идеалы искусства?
 Лишь игрушкой тщеславья они.
 Но хоть искрой горячаго чувства,
 Искрой генія насъ обмани.

Пусть любовь будетъ глупою сказкой,
 Или цвѣтомъ, заглохшимъ въ тѣни,—
 Ты сердечнымъ привѣтомъ и лаской
 Обмани, хоть на мигъ обмани!

ІХ.

ОТРЫВОКЪ.

О ласточка! съ гнѣзда роднаго,
Скажи, куда летала ты?
Тамъ старое все также-ль ново
Въ сіяньи вѣчной красоты?

Тамъ небеса все также-ль ярко
Пылають солнцемъ золотымъ,
Всю землю обливая жарко
Сіяньемъ вѣжно-голубымъ.

Сіяють пышно скалы громады
Въ узорѣхъ легкихъ облаковъ;
Тамъ роши пальмъ, изъ розъ ограды
Вкругъ померанцевыхъ садовъ.

Все ясно въ воздухъ прозрачномъ
Играетъ радугой живой;
Природа тамъ въ нарядѣ брачномъ
Невѣстой вѣчно-молодой.

У моря городъ передъ нами,
Какой-то шумный праздникъ въ немъ;
Съ балконовъ, убранныхъ коврами,
Кто шляпой машетъ, кто платкомъ.

Въ толпѣ гудитъ восторгъ великій,
Цвѣты посыпались, какъ дождь;
Какъ моря гулъ, несутся крики,—
И все громчѣй,—и вотъ ихъ вождь.

Вотъ онъ, все тотъ же другъ народа!
Народъ во слѣдъ за нимъ бѣжалъ
И въ умиленіи „свобода“
На знамени его читалъ.

Явился онъ,—и лучъ денницы,
Вдругъ ночи разорвавъ покровъ,
Проникнулъ въ душныя темницы,
Въ сердца измученныхъ рабовъ.

Какъ съ моря на берегъ стѣною
Идетъ, растетъ гряда валовъ,
Подвигнуть мыслию одною,
. . . . .

Но полно, полно! ужъ вернуться
Пора домой изъ края розъ.
Вотъ солнце хочетъ улыбнуться
И намъ—ой, ой, какой морозъ!

X

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Новый годъ... а не близокъ разсвѣтъ!
Злые сны нашу душу смущаютъ;
Все равно: темнымъ силамъ привѣтъ,
Что, средь хаоса тѣшась, играютъ!

Прочь, надежды и горести, прочь!
Уноси насъ, ладья роковая!
Пусть летимъ въ безразсвѣтную ночь,
Все веселую пѣснь распѣвая.

1883 г.

XI.

Ц В Ъ Т Ы.

Поле жизни—печальное поле,
Тутъ ненастья и холода жди;
Погуляешь, какъ птичка, на волѣ,
И ужъ въ клѣтѣ желѣзной сиди.
Краски радуги взоръ твой плѣняютъ;
Но едва залюбуешься ты,—
Погляди, ужъ кругомъ увядаютъ,
Увядаютъ цвѣты.

О, замкнись въ своей мысли свободной,
Въ своемъ чувствѣ свободномъ замкнись;
Лишь на призывъ души благородной

Ты всё въ пыломъ души отзовись.
 Вотъ, надежды твои оживаютъ,
 И, въ сіяньи живой красоты,
 Погляди, ужъ кругомъ разцвѣтають,
 Разцвѣтають цвѣты.

Эта роза такъ пышно сіяла;
 Но рука, что ее сорвала,
 Но любовь, что о счастья шептала,
 И нѣжнѣй, и прекраснѣй была.
 Съ блѣднымъ утромъ и сны улетаютъ,
 Съ розой вануть о счастья мечты;
 Подъ холодной росой увядаютъ,
 Увядаютъ цвѣты.

Но ужъ искорка въ душу запала,
 Тлѣетъ долго и вспыхнетъ опять;
 Память вѣрная все сохраняла,
 Что такъ мило тебѣ вспоминать.
 Вотъ огнемъ твой очи сверкають.
 Что задумалась, милая, ты?
 Погляди, ужъ кругомъ разцвѣтають,
 Разцвѣтають цвѣты.

XII.

Мнѣ къ чему твои цвѣты?
 Ты мой цвѣтикъ милый!
 Всѣхъ влечешь неволью ты
 Чародѣйской силой.

Роза ты среди цвѣтовъ:
 Ставь твой, глазки, ручьи,—
 Сколько чудныхъ лепестковъ,
 Если-бъ не колючки!

Ахъ, шипами многихъ ты,
 Многихъ занозила;
 Мнѣ къ чему твои цвѣты:
 Ты мой цвѣтикъ милый!

XIII.

Въ полѣ вьюга гудить, завываетъ;
 Вьется снѣгъ, всю дорогу занесъ,
 Сыплеть иглами, рѣжетъ лицо онъ до слезъ,
 Вонъ прохожаго тамъ замечаетъ:
 Убаюкавъ бѣднягу морозъ.

А въ твоёмъ уголку такъ уютно, тепло,
 И цвѣтутъ, будто въ маѣ, цвѣты;
 И, безпечно склонивъ на подушку чело,
 Въ сладкой нѣжѣ поконисься ты.

Въ полѣ возъ мужичекъ погоняетъ,
 Весь продрогъ, бьетъ коня на бѣгу;
 А сыннишка за нимъ, утопая въ снѣгу,
 Жалко вопить, отца умоляетъ:
 „Тата, больше идти не могу“.

А въ твоёмъ уголку такъ чудесно разить
 Ароматъ молодой ера оты;
 На устахъ твоихъ нѣжныхъ улыбка скользить,
 И баюкаютъ душу мечты.

XIV.

П Т И Ч К И.

Все толки о трудѣ, о хлѣбѣ!
 Все тѣ-же думы надъ грошомъ!
 Взгляни на вольныхъ птичекъ въ небѣ:
 Имъ нѣтъ заботы ни о чемъ.

Съ зарей, едва гнѣздо родное
 Покинувъ, ихъ немолчный хоръ
 Ужъ славить солнце золотое
 И неба синяго просторъ.

Поютъ, о чемъ сама природа
 Поетъ въ красѣ дубравъ, полей,
 И въ пѣснѣ той любовь, свобода,—
 Вся радость ясныхъ, лѣтнихъ дней.

А осень бурная срываетъ
 Съ листьевъ жгучій покровъ,
 То птичка бодро улетаетъ
 Во слѣдъ за солнцемъ, въ край цвѣтовъ.

— Мой другъ, ты сплелъ на эту тему
 Лишь поэтическую ложь;
 Узнай ты птичекъ хоть по Брему,
 Тогда другое запосешь.
 Повѣрь, ихъ жизнь не такъ отрадна,
 Ихъ тоже гонятъ безпощадно
 Съ гнѣзда и голодъ, и морозъ,
 И также шумная ихъ стая
 Летитъ на дальній югъ, рѣшая
 Экономическій вопросъ!

XV.

БѢЛЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Видъ угрюмый кладбища зимою—
 Мнѣ пріятнѣй стократъ этотъ видъ,
 Чѣмъ когда подъ кудрявой листвою
 Рядъ крестовъ такъ пріятно глядитъ.
 Эта зелень, цвѣты надъ могилой,
 Щебетаніе птицъ по кустамъ,—
 Все вѣдъ это обманъ лишь унылый
 Жизни, чуждой безмолвнымъ гробамъ.
 А подъ снѣжнымъ, пушистымъ покровомъ
 Всѣ могилы уравниены спать
 И о смерти въ величьи суровомъ
 Безъ утайки душѣ говорить.
 И какъ будто вдали изъ гробницы
 Бѣлый призракъ встаетъ предо мной,
 Въ длинный саванъ одѣтъ, блѣднолицый,
 Мертвоокий, холодный, вѣмой.
 Вотъ идетъ онъ съ кладбища безъ шуму,—
 И ужъ въ жизни мнѣ чудится онъ:
 На горячую, смѣлую думу
 Навѣваетъ онъ тягостный сонъ.
 Порывается юноша страстный,
 Не ища ни хвалы, ни награды,
 Поработать для цѣли прекрасной;
 И терпѣть, и бороться онъ радъ.
 Но житейская мудрость внушаетъ:

„Благо въ деньгахъ, а прочее дымъ“.
 Вижу я: бѣлый призракъ витаетъ,
 Ужъ печально витаетъ надъ нимъ.
 Вотъ, возникла идея благая,
 Собирается дружный кружокъ;
 Цѣль ихъ: бѣднаго трудъ охраняя,
 Въ міръ дать и ему уголокъ.
 Но ужъ жалобы слышны: „безплодно
 Гибнетъ дѣло, едва началось“.
 Бѣлый призракъ рукою холодной
 Всѣ мечтанья развѣялъ, разнесъ.
 Вотъ отвергнувъ блуждающій геній
 Всѣ созданья свои, и въ мечтахъ
 Ищетъ высреннихъ онъ вдохновеній,
 Повергая земное во прахъ.
 Съ отрицаніемъ творческой силы
 Совмѣстилъ онъ исканіе силъ,
 И такъ странно, на камнѣ могилы
 Свой для жизни алтарь утвердилъ!
 Но увы! ключъ изсякъ, и потокомъ
 Рѣчь живая не льетъ, не звучитъ:
 Надъ трудомъ его, съ мертвеннымъ окомъ,
 Бѣлый призракъ недвижно стоитъ.
 Призракъ смерти! губительный геній!
 Знаю, власть твоя тамъ не сильна,
 Гдѣ нѣтъ мѣста для горькихъ сомнѣній,
 Гдѣ кипитъ полной жизни волна.
 Не губи же ты двѣтъ упованья
 Въ молодой, еще бодрой, груди;
 Вотъ, ужъ слышны кругомъ заклинанья:
 Сгинь ты съ глазъ, провались, пѣопади!

XVI.

УЧАСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

Когда жила она рабой въ дому,
 Прислужница жена,
 Твердили всѣ, что долгу своему
 Она была вѣрна.
 Хоть ей случалось мужу измѣнить
 И въ страстной нѣгѣ пасть,
 Все-жъ, наконецъ, могли ее простить:
 Непобѣдима страсть.

Когда игрушкой свѣтскою она
 Блестала на балахъ,
 То говоръ шелъ: она мила, нѣжна,
 Какъ бабочка въ цвѣтахъ.
 Хоть съ красотою могъ-бы, кто хотѣлъ,
 Любовь ее купить,
 Простать, простать ей все: ея удѣлъ
 Для наслажденья жить.

Но вотъ ей новый, лучшій путь представъ:
 И думаетъ создать
 Себѣ высокій въ жизни идеалъ
 Она, гражданка-мать.
 Труду отдаться съ жаромъ юныхъ силъ—
 Иныхъ ужъ нѣтъ въ ней думъ,
 И тихій храмъ науки замѣнилъ
 Ей свѣтскій блескъ и шумъ.
 Что-жь? мудрый свѣтъ и это ей простить?
 О, тутъ ужъ не простать!
 И хоръ невѣждъ озлобленныхъ кричитъ:
 Безумство и развратъ!

XVII.

Изъ дальней мглы воспоминанья
 Встаетъ твой образъ предо мной:
 Унылый видъ, уста нѣмыя
 Искажены улыбкой злой.

Какъ въ холодъ блескъ игривой струйки,
 Застылъ очей сіявшій взоръ;
 Въ немъ выразались, казалось,
 Недоумѣнье и угоръ.

Другъ друга нѣжно мы любили;
 Любовь, какъ яркій лучъ изъ тьмы,
 Блеснула намъ, и все-жь остался
 Смѣшной вопросъ: любили-ль мы?

И странно, мы на вѣкъ разстались.
 Какъ миновалъ счастливый сонъ:
 „Прощайте“, чинно ты сказала,
 Отвѣсилъ чинно я поклонъ.

А были молоды мы оба
 И жизнь кипѣла въ насъ ключомъ;
 Въ сознаньи пыломъ гордой силы
 На міръ взирали мы кругомъ.

Но намъ казалось недостойнымъ,
 Какъ люди, чувствовать и жить,
 И ухитрились по идеѣ,
 По умной книжкѣ мы любить.

Всѣ впечатлѣнья съ нихъ борьбою,
 Со смѣной радостей и слезъ
 Себѣ мы создали искусно
 Изъ паутиной ткани грезъ.

Какъ луннымъ свѣтомъ озаренный,
 Чертогъ воздушный нашъ сіялъ,
 Гдѣ, какъ лампада предъ святицей,
 Горѣлъ нашъ чистый идеаль.

И въ этомъ блескѣ скорбь людская
 Казалась намъ пуста, смѣшна;
 На жизнь, бѣгущую потокомъ,
 Смотрѣли мы, какъ изъ окна.

И жизнь отмстила намъ жестоко,
 Туманы грезъ согнавъ съ очей,
 И мы остались одиноко,
 Какъ нищій странникъ средъ степей.

Глядимъ безмолвно другъ на друга.
 Гдѣ-жъ міръ, взлелѣянный въ мечтахъ?
 Въ очахъ и слезы, и насмѣшка,
 Упрека горечь на устахъ.

XVIII.

Подъ снѣгомъ родная страна;
 А гдѣ-то давно ужъ весна,
 И солнце горитъ высоко,
 И дышется вольно, легко
 Среди аромата цвѣтовъ,
 Подъ снѣжью роскошныхъ садовъ.
 Пускай,—но родимый нашъ снѣгъ
 Сокрывъ ужъ возросшій побѣгъ,
 И жизни грядущей полна
 Подъ снѣгомъ родная страна.

Подъ снѣгомъ родная страна,
 А гдѣ-то, шумя, какъ волна,
 Подъ ласковымъ солнцемъ народъ

Толпится, ликуеть, поеть,—
 Поеть онъ, какъ, пышно горя,
 Вошла новой жизни заря.
 Пускай,—но милѣй безъ конца
 Мнѣ грустная пѣсня жнеца,
 Ей внимлетъ, раздумья полна,
 Подъ снѣгомъ родная страна.

XIX.

Пусть приговоръ глупца или невѣжды
 Твой свѣтлый трудъ презрѣніемъ клеймить,
 Не унывай, не покидай надежды,
 Не упадай подъ бременемъ обидъ.

Весенній цвѣтъ мечты твоей любимой
 Твои друзья отъ холода хранятъ,
 И, вѣря имъ, трудись неутомимо,
 Все, что цѣннѣй, внося въ свой скрытый кладъ.

Ручей журчитъ чуть слышно подъ кустами,
 Но слиться съ нимъ бѣгутъ еще ручьи,
 И вотъ рѣка, сверкая межъ полями,
 Привольно катитъ шумныя струи.

И къ ней народъ толпиться шумно станеть,
 Но жизнью новой гордая рѣка
 Не разъ, быть можетъ, съ грустію вспоманеть
 Былую тишь и лепеть ручейка!

1885.

XX.

С М Е Р Т Ь .

О, ничтожества призракъ нѣмой,
 Ты безжалостный духъ разрушенья!
 Угасаютъ во тьмѣ предъ тобой
 Всѣ надежды людей и сомнѣнья.

Вотъ послѣдняя брезжетъ звѣзда,
 Вотъ потухъ ея лучъ благодатный!
 И о чемъ сомнѣваться, когда
 Все на вѣкъ рѣшено безвозвратно.

Но не ужасъ мнѣ грудь леденитъ
И не скорбь о погибшемъ на вѣки:
Мое сердце невольно болитъ
Объ оставшемся жить человѣкѣ.

Гдѣ онъ руку съ любовью сжималъ,
Гдѣ сочувствія слово живое
Онъ, съ заботой и лаской, встрѣчалъ,
Тамъ осталось лишь мѣсто пустое.

Пустота! нѣтъ, придетъ онъ, придетъ.
О, не даромъ лились эти слезы.
Чей то шорохъ... здѣсь все тебя ждетъ,
Все, какъ прежде... напрасныя грезы!

XXI.

ТОСТЪ.

Еще живъ нашъ вѣрующъ,
Еще живы надежды,
Что, хоть мракъ и глубокъ,
Не сомкнемъ утомленная вѣжды.

Зорко взглянемъ во тьму:
Кое-гдѣ огонекъ все-жъ мерцаетъ,
И блуждающей тѣнью въ нему
Путникъ шагъ свой кой-гдѣ направляетъ.

Но заблещутъ и солнца лучи;
Огоньки, что не даромъ служили
Путеводною точкой въ ночи,—
Всѣ сольются въ великомъ свѣтилѣ!

Мысль растеть, и хоть малъ ея ростъ,
Но безмѣрна корней ея сила,
И подымаемъ, что бь жизнь ня сушила,
Мы за вѣру въ грядущее тостъ!

XXII.

В О Й Н А.

Свирѣпный звѣрь опять рычить,
 Ломая свой затворъ,
 И смертию каждому грозить
 Налитый кровью взоръ.
 Раскрылъ онъ страшный рядъ вѣлковъ,
 Ставъ когти разминать,
 И съ воємъ радостнымъ готовъ
 Онъ людямъ тѣло рвать.
 Война! я вижу образъ твой;
 Вотъ крикъ: „руби, коли!“
 И люди падаютъ толпой
 И корчатся въ пыли.
 О славѣ, юноша-герой,
 Мечталъ ты, въ бой стремясь,
 И вотъ раздробленъ черепъ твой,
 И мозгъ твой топчутъ въ грязь!
 А кто виной? сошлись тутъ
 Съ корыстью злоба, месть,—
 И люди это все зовутъ:
 Общественная честь.
 И льется кровь. Невѣста, мать
 Напрасно тѣхъ, кто милъ,
 Съ тоскою ждуть: имъ не смыскать
 И родственныхъ могилъ.
 Толпы семей раззорены,
 И тысячи леги,
 Чтобы добыть трофей войны,—
 Ненужный влокъ земли!
 Бѣда растеть, и ужъ сердцамъ
 Ставъ чуждъ призывъ любви;
 У всѣхъ въ умѣ: спасайся самъ
 И ближняго дави!
 Сми, разумъ, непробуднымъ сномъ,
 Угасни, правды свѣтъ!
 Въ огнѣ свирѣпомъ боевомъ
 Вамъ больше мѣста нѣтъ!

1885 г.

XXIII.

ВЕСЕННЯЯ НОЧИ.

Бѣлыя, тихія ночи
Съ блѣдной, пугливой красой!
Какъ раздражаетъ мнѣ очи
Вашъ полусвѣтъ голубой!

Въ немъ будто вянеть безъ шума
Міру невѣдомый цвѣтъ,
И не досказана дума
Юныхъ пророческихъ лѣтъ.

Можетъ, за свѣтлымъ туманомъ
Новаго счастья привѣтъ;
Иль замѣнилъ лишь обманомъ
Темную ночь полусвѣтъ?

В. И. Водовозовъ.

В. Водовозовъ

ПЛЕВНЕНСКОЕ СИДѢНІЕ

1877 г.

V¹⁾.

Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ въ его письмахъ за время войны
1877—1878 годовъ.

С.-Петербургъ, 3-го сентября 1877 г.

Вчера получилъ телеграмму отъ военнаго министра съ Высочайшимъ по-
велѣніемъ прибыть какъ можно скорѣе въ армию на нѣкоторое время (?)
Вслѣдствіе этого въ воскресенье, въ часъ пополудни, выѣзжаю изъ Петербурга.

Впрочемъ, не въ первый разъ отправляюсь на войну: счастье мнѣ всегда
благопріятствовало. Будемъ же и на этотъ разъ надѣяться, что милосердый
Богъ и теперь защититъ меня.

Бухарестъ, 12 сентября 1877 г.

Сегодня въ часъ пополудни я благополучно пріѣхалъ сюда, пробывъ въ
дорогѣ пять дней и ночей. Теперь уже полночь и я не имѣлъ еще ни одной
минуты спокойствія. Завтра рано утромъ поѣду съ генераломъ Скобелевымъ
въ Зимницу²⁾, а послѣ завтра надѣюсь прибыть въ главную квартиру въ
Горній Студень. Генералъ Скобелевъ былъ боленъ, оставался поэтому нѣ-
сколько времени въ Бухарестѣ и завтра возвращается обратно къ арміи. Я
признаю нашу встрѣчу здѣсь счастливою случайностью, такъ какъ онъ хо-
рошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ. Во время нашей предстоящей поѣздки онъ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1886 г., т. LI, июль, стр. 213—242; сен-
тябрь, стр. 655—688; т. LII, стр. 202—224.

²⁾ Тотлебенъ предполагалъ выѣхать изъ Бухареста 13-го сентября, но
дѣла и закупка всего необходимаго для предстоящаго похода задержали его
здѣсь до 14-го числа.

сообщить мнѣ, конечно, много интереснаго. Я видѣлъ также М. П. Кауфмана¹⁾; онъ завтра ѣдетъ обратно въ Петербургъ. Скобелевъ и многія другія изъ встрѣченныхъ мною здѣсь лицъ говорятъ, что въ арміи ожидаютъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ. Дай Богъ, чтобы обстоятельства дали мнѣ возможность оправдать ожиданія... Прощаніе, конечно, было тяжело, но я полагаюсь на Бога, что онъ защититъ и поможетъ мнѣ съ честью исполнить свой долгъ.

Мнѣ еще неизвѣстно, какія обязанности будутъ возложены на меня. Кауфманъ быстро вернулся обратно; меня, по всей вѣроятности, продержатъ здѣсь дольше.... Въ Бендерахъ и Кишиневѣ было жарко, какъ лѣтомъ; здѣсь свѣжо и дождь.

Горній Студень, 17 сентября 1877 г.

Сюда я пріѣхалъ въ четвергъ 15 сентября чрезъ Журжу, гдѣ насъ пріѣтствовала турецкая граната, пущенная изъ Рущука.

Было очень холодно и непріятно; ночью морозъ; я остановился въ палаткѣ; сначала чувствовалъ себя сильно утомленнымъ отъ переезда и отъ рассказовъ, которые пришлось выслушать отъ сестеръ милосердія, офицеровъ и солдатъ. Эти сообщенія, конечно, не могли произвести пріятнаго впечатлѣнія.

Тотчасъ по моемъ прибытіи я явился великому князю, а затѣмъ государю императору, встрѣтившему меня очень сердечно и милостиво. Государь занимаетъ маленькую комнату; тамъ стоятъ его кровать, простой письменный столъ и нѣсколько походныхъ стульевъ. Въ томъ же домѣ помѣщаются военный министръ, графъ Адлербергъ и Суворовъ; во дворѣ разбита большая палатка, въ которой обѣдаютъ; далѣе расположены палатки свиты. Моя палатка находится въ штабѣ великаго князя, расположенномъ въ верстѣ отсюда.

Сегодня прекрасная теплая погода; впереди насъ виднѣются Балканы; на горахъ выпало много снѣга.

Вчера у его величества былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ я присутствовалъ. Завтра утромъ отправляюсь въ Плевну, чтобы сдѣлать на мѣстѣ необходимыя распоряженія. Мнѣ кажется, я понимаю въ чемъ дѣло и твердо убѣжденъ, что справлюсь съ турками, если только дадутъ мнѣ необходимую власть надъ войсками; однако, мнѣ предоставлено выступить только въ роли совѣтника—въ такомъ случаѣ я немногимъ помогу дѣлу, такъ какъ все зависитъ отъ исполненія. Въ Плевнѣ я останусь подольше и затѣмъ отправлюсь на Шипку. Недостаетъ единства власти въ командованіи.

¹⁾ Генералъ-адъютантъ Михаилъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, главный интендантъ. Н. III.

Государь имѣеть весьма болѣзненный видъ. Говорятъ, до сихъ поръ онъ чувствовалъ себя хорошо; его страданія скорѣе нравственнаго свойства. Нѣсколько дней тому назадъ онъ подвергся сильному припаду лихорадки и вслѣдствіе этого не можетъ выходить. Онъ добръ и милостивъ, какъ всегда, — истинный рыцарь.... Если бы всё были такіе, какъ онъ, все бы пошло лучше.

Лагерь при Плевнѣ, 22 сентября 1877 г.

Въ прошлое воскресенье я покинулъ Горній Студень и около полудня прибылъ въ Порадимъ передъ Плевной, явился князю румынскому Карлу, побѣдаль съ нимъ въ открытомъ полѣ и затѣмъ отправился съ нимъ къ Плевнѣ, послѣ пріѣзда великаго князя Николая Николаевича. Я тотчасъ осмотрѣлъ часть турецкой позиціи впереди нашихъ выдвинутыхъ батарей, стрѣлявшихъ по неприятельскимъ редутамъ. Въ понедѣльникъ продолжался осмотръ нашего расположенія. Во вторникъ я побывалъ на правомъ флангѣ, занятомъ румынами. Тамъ встрѣтилъ я Лигница ¹⁾ и совершилъ съ нимъ объѣздъ въ 20 верстъ. Затѣмъ мы возвратились къ румынскимъ резервамъ, гдѣ я нашелъ князя Карла и великаго князя Николая Николаевича; мы позавтракали въ палаткѣ; играла музыка. Здѣсь находились Донъ-Карлосъ и множество иностранныхъ офицеровъ, между прочимъ, также и Гальяръ ²⁾.

Вчера въ полдень осмотрѣлъ лѣвый флангъ до Вида на протяженіи 30-ти верстъ. Одинъ турецкій редутъ стрѣлялъ гранатами весьма мѣтко. Гранаты разрывались среди насъ, но не причинили никакихъ потерь. Я выдвинулъ впередъ кавалерійскіе посты, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были слишкомъ отодвинуты назадъ, чтобы повсюду не терять изъ виду неприятеля.

На обратномъ пути я побѣдаль у генерала Скобелева въ 16 дивизіи.

Великій князь и мы бивуакировали въ открытомъ полѣ; обѣдаемъ подъ открытымъ небомъ. Проѣздомъ чрезъ Бухарестъ я купилъ небольшую палатку, въ которой довольно тепло, но въ ней до того тѣсно, что я еле могу вернуться; половина пространства занимаетъ моя неудобная походная кровать; въ палаткѣ нельзя стоять выпрямившись.... На правомъ флангѣ у румынъ раздается сильный ружейный огонь, по временамъ гремятъ пушки.

Завтра великій князь ѣдетъ обратно въ Горній Студень ³⁾. Я остаюсь

¹⁾ Прусскій военный агентъ маіоръ Лигницъ. Онъ до тѣхъ поръ принималъ участіе во всѣхъ наиболѣе важныхъ дѣлахъ нашихъ войскъ и близко знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ дѣйствующей арміи.

²⁾ Французскій военный агентъ полковникъ Гальяръ (Gaillard).

³⁾ Главнокомандующій выѣхалъ 22 сентября изъ-подъ Плевны и прибылъ къ 4 часамъ пополудни въ Горній Студень, проведя недѣлю въ объѣздахъ плевненскихъ позицій.

здѣсь начальникомъ западнаго отряда и помощникомъ князя Карла румынскаго, весьма любезнаго и умнаго гогенцоллернскаго принца.

Сверхъ находящихся здѣсь 4-го и 9-го армейскихъ корпусовъ, я ожидаю здѣсь прибытія гвардейскаго корпуса и одной гренадерской дивизіи. Тогда въ моемъ распоряженіи будетъ 100,000 штыковъ и 10,000 кавалеріи. У непріятеля около 80,000 человекъ и онъ ожидаетъ подкрѣпленія; позиція его сильно укрѣплена.

Можно себѣ представить, что пришлось испытать мнѣ въ эти дни, команду столь значительнымъ отрядомъ, не имѣя ни штаба, ни помощниковъ, и не зная мѣстности, имѣющей болѣе 7 миль протяженія. Я занялъ теперь сформированіемъ штаба. Начальникомъ штаба князь Имеретинскій; это мой личный выборъ; начальникомъ кавалеріи генераль Гурко, который только сегодня прибудетъ и долженъ еще ознакомиться съ мѣстностью. Знаменитый Скобелевъ также подъ моею начальствомъ. Завтра я вступаю въ командованіе отрядомъ. Дай Богъ счастья съ успѣхомъ рѣшить трудное дѣло. Бывшія до сихъ поръ неудачи крайне ободрили турокъ; потери 4-го и 9-го корпусовъ такъ велики, что оба они вмѣстѣ едва составятъ корпусъ. Но будемъ надеяться на лучшее, если не явится только *contre ordre*. Погода пока еще сносная. Вчера всю ночь шелъ дождь; грязь не отстаётъ отъ сапоговъ.

Послѣ отъѣзда великаго князя намъ придется нѣкоторое время питаться чаемъ и кофеемъ, пока я не устрою собственнаго хозяйства. Разгоновъ поѣхалъ въ Бухарестъ, чтобы все закупить. Штабъ мой состоитъ изъ 20 лицъ. Съ голода не умремъ. Надо ко всему привыкнуть. Жду Шильера и Майера.

Лагерь подъ Плевной (Сгалевцы), 30 сентября 1877 г.

Великій князь 22 сентября оставилъ лагерь при Плевнѣ и съ этого дня я команду русскими войсками, въ качествѣ помощника князя Карла румынскаго.

На мою долю выпала трудная задача добиться успѣха послѣ громаднхъ потерь, понесенныхъ войсками и когда число ихъ уменьшилось на половину.

1-я и 3-я гвардейская дивизіи прибыли, между тѣмъ непріятель также получилъ значительна подкрѣпленія и численностью своихъ войскъ превосходитъ насъ. Занимаемая нами позиція весьма растянута; для объѣзда ея мнѣ нужно употребить, по крайней мѣрѣ, три дня. Но величайшимъ нашимъ непріателемъ является теперь дурная погода: снѣгъ, холода и дожди; дороги непроходимы. Ординарцы, даже казаки, направляющіеся ко мнѣ, заблуждаются на этой холмистой мѣстности, не представляющей никакихъ оперныхъ точекъ, и нерѣдко проводятъ ночи въ открытомъ полѣ, не находя дороги. Полковнику

Ласковскому предстояло проѣхать вчера только одну милю, и онъ употребилъ на это 12 часовъ; ему пришлось ночью остановиться и выжидать утренняго разсвѣта. Я удивляюсь нашимъ молодцамъ солдатамъ, съ какимъ спокойствіемъ и покорностью они переносятъ всѣ лишения. Число больныхъ значительно возрастаетъ; ощущается недостатокъ въ продовольствіи и снѣгъ; лошади находятся въ жалкомъ состояніи и ежедневно падаютъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я вступилъ въ командованіе. Я помещаюсь въ отвратительной землянкѣ, въ одно окно безъ стекла; сыро и темно; выйдешь изъ землянки, попадаешь въ грязь; я предпочитаю находиться подъ открытымъ небомъ, даже въ дождь и вѣтеръ, лишь бы не заболѣть. Хозяинъ-болгаринъ живетъ со своей семьей въ сосѣдней комнатѣ. Всю ночь кричать дѣти; населеніе смотритъ недружелюбно и выглядитъ какъ звѣри, а не люди.

Въ моемъ штабѣ около двадцати офицеровъ,—генеральнаго штаба, инженеровъ, ординарцевъ отъ кавалеріи. Начальникомъ моего штаба князь Имеретинскій; затѣмъ въ штабѣ находятся полковникъ князь Кантакузинъ, переводчикомъ Татищевъ; кромѣ того генераль Рейтлингеръ. Жду еще Шильдера и Майера.

Обѣдаемъ въ киргизской кибиткѣ; но чтобы добраться туда, нужно шлепать по размягченной дождемъ грязи.

Столъ нашъ очень скуденъ; часто совершенно не имѣемъ говядины. О картофелѣ или какойнибудь другой зелени уже давно не имѣемъ никакого понятія. Мы довольны, если удастся раздобыть нѣсколько бутылокъ кислаго мѣстнаго вина.

Я былъ уже нѣсколько разъ подъ огнемъ. Вчера осматривалъ позицію и сегодня также былъ тамъ. Турки ведутъ себя довольно спокойно; кажется, что и они терпятъ недостатокъ. Я приказалъ давать хлѣбъ пльннымъ и перебѣжчикамъ; они цѣловали хлѣбъ и кланялись въ землю, полагая, что я велю ихъ повѣсить.

Печально смотрѣть на эти бѣдствія; должно удивляться нашимъ солдатамъ, съ какимъ терпѣніемъ и покорностью выносятъ они всѣ лишения, холодъ и непогоду.

Въ двухъ верстахъ отъ моей главной квартиры живетъ князь Карлъ румынскій; онъ занимаетъ жилой домикъ со стеклянными окнами и печью; на дверѣ разбита палатка; кромѣ румынъ въ его штабѣ находятся многіе иностранные офицеры—Гальяръ, Лигницъ, баронъ Ведель и др.... Обѣдаютъ ежедневно до 30 лицъ; кушаютъ четыре раза въ день; за столомъ подаютъ четыре блюда и хорошее мѣстное вино. Его гофмаршалъ получаетъ припасы изъ Бухареста. Принцъ очень любезный человѣкъ; съ нимъ я въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Завтра ѣду къ гвардіи, которую передвинулъ въ сторону на два перехода;

тамъ меня ожидаетъ генералъ-адъютантъ Гурко, командующій въ западномъ отрядѣ кавалеріею. Гурко очень пріятный человекъ и отличный кавалеристъ. Я самъ выбралъ себѣ помощниковъ и окруженъ очень способными людьми; я выдвигаю всѣ заслуги и пользуюсь интеллигенціею; работаю неустанно. При настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ будетъ, конечно, сдѣлано все что только окажется возможнымъ. Мнѣ кажется, начинаютъ чувствовать, что есть начальникъ и руководящая мысль. Столыпинъ пишетъ мнѣ изъ Николаполя, что онъ счастливъ, получивъ, наконецъ, приказанія. Отъ меня онъ получилъ первое приказаніе.

Сегодня я написалъ моему противнику Осману-пашѣ относительно погребенія труповъ, уже совершенно разложившихся и могущихъ явиться причиною заразныхъ болѣзней.

Намѣреваюсь съ Гурко произвести рекогносцировку и черезъ нѣсколько дней вернуться обратно. Предпріятія и сопротивленіе непріятеля тревожатъ меня гораздо менѣе, чѣмъ недостатокъ продовольствія.

Лагерь подъ Плевной (Порадимъ), 5 октября 1877 г.

Мое послѣднее письмо обрисовало обстоятельства въ ихъ настоящемъ видѣ. Погода была ужасная, положеніе дѣлъ тревожное; отъ меня требовали услѣховъ, не давая къ тому средствъ. Войска, которыя я ожидалъ, получили частью другое назначеніе. Я составилъ свой планъ и не могъ предпринять ничего превышающаго данныя мнѣ силы. Я остался непреклоненъ и отнюдь не хотѣлъ испытать неудачу.

Первую и третью гвардейскія дивизіи я двинулъ отсюда верстъ на 50 въ тылъ непріятелю. Въ субботу 1-го октября я поѣхалъ къ гвардіи, расположенной среди прекрасной гористой мѣстности.... Мы прибыли только къ вечеру; лагерные огни и мѣсяцъ освѣщали долину, и цѣль Балканъ, покрытыхъ снѣгомъ, ясно обрисовывалась на горизонтѣ.... Мой багажъ отсталъ. Я переночевалъ съ княземъ Имеретинскимъ въ одномъ покинутомъ турецкомъ домикѣ, на соломѣ, положивши сѣдло подъ голову. Послѣ холодной ночи, окрасившей окрестности въ бѣлый цвѣтъ, кубанскіе казаки, составлявшіе мой собственный конвой, достали мнѣ стаканъ чаю. Люди эти безцѣнны. Магометане, надежные, ловкіе, заботливые, какъ няньки, они закутали меня въ бурку, чтобы я не мерзнулъ; при томъ спокойные, скромные, самоотверженные въ виду непріятеля. Когда стрѣляютъ, они выѣзжаютъ впередъ, чтобы принять на себя выстрѣлы и тѣмъ прикрывать начальника.

2 октября погода была благопріятная. День солнечный и тепло, какъ въ юлѣ. Я объѣхалъ бивуаки гвардіи и затѣмъ со всѣмъ штабомъ и эскадрономъ казаковъ прозвель рекогносцировку на лѣвомъ непріятельскомъ берегу Вида, который образуетъ границу нашихъ передовыхъ постовъ.

Отсюда я командировалъ генерала Гурко въ главную квартиру, и въ понедѣльникъ 3 октября возвратился обратно къ Плевнѣ.

4 октября я произвелъ рекогносцировку подѣ Плевной и принялъ окончательное рѣшеніе. Гурко возвратился; всѣ мои условія большею частью приняты.... Хотя мой планъ не легко исполнимъ, но я надѣюсь на успѣхъ. Погода благоприятна; днемъ жара, какъ у насъ въ іюлѣ, ночью морозъ. Дороги становятся лучше; бѣдные солдаты поправляются; солнце ласково согрѣваетъ ихъ очоженѣвшіе члены. Продовольствія мало, но когда подвинемся впередъ, то, занимая большій районъ, уже сами озаботимся добыть припасы. На нѣтъ и суда нѣтъ. На наше интендантство я болѣе не рассчитываю. Все пустыя лишь обѣщанія.

Османъ-паша очень вѣжливо отвѣчалъ мнѣ на мое письмо и принялъ сдѣланныя мною предложенія относительно погребенія павшихъ.

Наконецъ, я переѣхалъ въ домикъ, выстроенный надъ горизонтомъ земли, и вполне счастливъ, что занимаю небольшую комнатку, гдѣ возможно свободно дышать. Воздухъ въ землянкѣ, отымающійся погребомъ, въ дурную погоду былъ невыносимъ. Весь мой штабъ переболѣлъ; я еще держался кое-какъ.

Съ княземъ румынскимъ и его приближенными я въ наилучшихъ отношеніяхъ; баварскій принцъ Арнульфъ пріѣзжалъ сюда... Сегодня завтракалъ у принца. Какъ-то страннымъ казалось быть перенесеннымъ сразу въ европейское общество. Оркестръ исполнялъ номера изъ любимѣйшихъ оперъ.

Вчера былъ у генерала Скобелева и производилъ съ нимъ, въ продолженіе шести часовъ, рекогносцировку мѣстности передъ Плевной. Непріятельскіе передовые посты направили въ насъ нѣсколько выстрѣловъ; осмотрѣвъ мѣстность, мы обдумывали наши дѣйствія; я отдалъ окончательныя приказанія. Погода была прекрасная и поѣздка была весьма веселая. За обѣдомъ играла музыка 16-й дивизіи изъ Преціозы, Донъ-Жуана, Гуно, Оффенбаха. За столомъ были прекрасныя щи.

Я приказалъ сосредоточить огонь нашихъ батарей. Теперь стрѣляютъ залпами изъ 100 орудій то по одному, то по другому турецкому реду. До сихъ поръ батареи производили только одиночные выстрѣлы; теперь же турокъ тревожатъ то здѣсь, то тамъ. Я начинаю дѣлать пребываніе ихъ въ Плевнѣ отчасти неприятымъ. Главная задача заключается въ томъ, чтобы не терять даромъ времени, быть дѣятельнымъ и благоразумнымъ, не измѣнять каждую минуту своихъ плановъ, но съ энергіею приводить свои намѣренія въ исполненіе.

Невѣроятно, какія затрудненія пришлось превозмочь, прежде чѣмъ я завоевалъ себѣ настоящее положеніе; кажется, я достигъ желаемого. Я прожилъ теперь труднѣйшее время моей жизни и надѣюсь, что съ Божіей помощью теперь все пойдетъ хорошо. По крайней мѣрѣ, все надлежащимъ образомъ

обдуманно. Графъ Мольтке говоритъ, что нужно сперва разсчитать, а потомъ уже рискнуть. Первое сдѣлано; теперь же рискну.

Со дня на день жду Шильдера и Майера; надѣюсь, что они не пропустятъ самыхъ интересныхъ операцій, которыя предстоитъ исполнить въ концѣ этой недѣли. Штабъ мой состоитъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ.

Тученица, 15-го октября 1877 года.

11-го октября, наканунѣ дѣла подъ Горнишъ-Дубнякомъ, сюда прибылъ великій князь. Вчера же приѣхалъ въ Порадимъ государь императоръ. Я нахожусь подъ Плевной и не могу оставить позиціи, а потому не имѣлъ счастья видѣть государя. Руководство дѣйствіями, благодаря близости двухъ главныхъ квартиръ, стало, конечно, теперь гораздо болѣе труднымъ; эта близость часто препятствуетъ спокойному обдумыванію обстоятельствъ; не рѣдко приходится тратить попусту силы, необходимыя для успѣшнаго веденія дѣла. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что съ Божіею помощію все пойдетъ хорошо, лишь бы не предпринимать безумныхъ штурмовъ.

Нужно гораздо болѣе рѣшимости, чтобы противиться безразсуднымъ предпріятіямъ и систематически слѣдовать зрѣло обдуманному плану, чѣмъ идти наобумъ на штурмъ, который былъ бы весьма желателенъ непріятелю и раздробилъ бы наши силы. Весь вопросъ заключается теперь въ томъ: на сколько времени хватитъ у Османа продовольствія? Разъ окажется недостатокъ въ продовольствіи, тѣсное обложеніе приведетъ къ дѣлу безъ значительныхъ потерь.

Въ среду 12-го октября были предприняты первыя движенія съ цѣлью обложенія Плевны, заключавшіяся въ занятіи коммуникаціонной линіи турокъ на Софійскомъ шоссе и удержаніи непріятеля въ Плевнѣ, чтобы генералу Гурко пришлось имѣть дѣло съ меньшимъ числомъ турокъ.

Въ 7 часовъ утра открыли противъ Плевны сильную канонаду; ночью построили и вооружили батарею въ 40 орудій; она неожиданно начала обстрѣливать самую чувствительную часть турецкой позиціи и разрушила ихъ работы.

На Плевно-Ловченскомъ шоссе я произвелъ демонстрацію тремя дивизіями и придвинулся къ непріятелю; онъ ожидалъ новаго штурма и не выслалъ войскъ противъ генерала Гурко. Такимъ образомъ цѣль была достигнута безъ пролитія крови.

До сихъ поръ здѣсь штурмовали такъ безразсудно, что численность арміи сильно уменьшилась безъ достиженія желаемого результата. Поэтому я рѣшительно противился штурмамъ, требуемымъ многими, и этимъ сохранилъ войска для болѣе важныхъ операцій.

Генералу Гурко предстояло овладѣть на шоссе укрѣпленнымъ пунктомъ. Этотъ пунктъ, Горній Дубнякъ, удалось занять, но цѣною большихъ потерь.

Еще предстоит атаковать подобную же позицію у Телиша. Паша, взятый въ плѣнь, сказалъ: если бы артиллерійскій огонь продолжался еще два часа, мы принуждены были бы сдаться, не дожидаясь штурма. При штурмѣ Телиша л.-гв. Егерскій полкъ потерялъ болѣе 1,000 человекъ, и все-таки штурмъ, произведенный 12-го числа, былъ отбитъ. Теперь будутъ обстрѣливать этотъ пунктъ со всѣхъ сторонъ. Вторая гвардейская дивизія и стрѣлковая бригада атаковали Горній Дубнякъ и овладѣли имъ послѣ десяти-часоваго упорнаго боя. Потеря превышаетъ три тысячи человекъ; позиція была занята приблизительно 3,000 турокъ. Генералъ Лавровъ палъ въ дѣлѣ, Зедделеръ и Розенбахъ тяжело ранены, Скалонъ легко, точно также князь Аргутинскій; затѣмъ множество баталіонныхъ командировъ и офицеровъ.... Гвардія сражается подобно львамъ; настроеніе духа раненыхъ большею частью восторженное. Позиція была покрыта турецкими трупами.

16-го октября 1877 года.

Вчера прибылъ изъ Порадима государь императоръ и посѣтилъ здѣсь раненыхъ. Зедделеру и Розенбаху лучше. Врачи не теряютъ надежды. Государь былъ очень милостивъ со мною.

Вчера его величество посѣтилъ батарею, съ которой можно было видѣть бомбардированіе Плевны. Сознавая отвѣтственность вести государя на позицію, я избралъ самый безопасный пунктъ, который ни разу не былъ обстрѣливаемъ и откуда можно было обозрѣть все расположеніе. Генералъ Скобелевъ произвелъ между тѣмъ наступательное движеніе, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ Гурко, который долженъ былъ разгромить сегодня Телишъ на Софійской дорогѣ. Жду донесеній отъ Гурко; я воспретилъ штурмовать, потому что послѣдній штурмъ Горнаго Дубняка стоялъ отъ 3,500 до 4,000 человекъ убитыми и ранеными.

Государь завтракалъ на батареѣ и пригласилъ къ завтраку свиту и офицеровъ 2-й пѣхотной дивизіи. За маленькимъ походнымъ столомъ сидѣли государь, великій князь Николай Николаевичъ, князь Румынскій и я. Прочіе господа завтракали расположившись на травѣ. Былъ прекрасный, теплый день, наши ядра и гранаты стрѣляли мѣтко и должно полагать причиняли туркамъ большую непріятность. Если Гурко удастся овладѣть Телишемъ при помощи артиллерійской атаки, то мы сдѣлаемъ хорошій шагъ впередъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ непріятель будетъ совершенно отрѣзанъ отъ Софіи. Теперь мыѣ предстоитъ преградить ему путь въ Видинъ и Рахову и тѣснить его съ восточной стороны, гдѣ расположены на позиціи наши батареи.

Если у Османа-паши окажется недостатокъ въ продовольствіи, то онъ будетъ вынужденъ или пробиваться, или сдаться. Наоборотъ, если продовольствіи у него много, чего мы въ точности не знаемъ, такъ какъ болгары служатъ тур-

камъ, а у насъ нѣтъ совѣтъ лазутчиковъ, то дѣло можетъ еще затянуться; для производства осады необходимо располагать осадными орудіями, которыхъ имѣется у насъ самое незначительное число: 30 вмѣсто 200. Позиція, занимаемая турками, настолько обширна, что ихъ резервы находятся внѣ сферы нашего артиллерійскаго огня.

Штабъ государя очень доволенъ моею дѣятельностію; они многого ожидаютъ отъ меня, но сдѣлать больше того, что позволяютъ обстоятельства, нельзя. Многое было упущено, а между тѣмъ теперь уже наступила поздняя осень.

Мельницкій прилежно работаетъ на позиціи, также и Майеръ. Шильдеръ находится при мнѣ. Штабъ мой состоитъ изъ образцоваго круга дѣльныхъ офицеровъ; у нихъ у всѣхъ вдоволь работы. Въ числѣ ихъ находятся два прекрасныхъ румынскихъ офицера ¹⁾.

У меня теперь есть маленькая комнатка, въ которой я могу писать и работать. Мы обѣдаемъ подъ открытымъ небомъ и часто при лунномъ свѣтѣ когда поздно возвращаемся съ позиціи. Мы живемъ здѣсь какъ спартанцы, довольствуемся и тѣмъ, что здоровы,—въ такомъ случаѣ, всѣ тягости переносятся легко. По ночамъ морозъ, днемъ отъ 14 до 16 градусовъ тепла. Дороги подсохли. Когда идетъ дождь, является невообразимая грязь; желательнo, чтобы теплая погода продержалась еще нѣкоторое время. Бѣдные солдаты переносятъ невозможное при морозахъ и дождѣ.... Телишъ взять артиллерійскимъ огнемъ, турки сдались въ числѣ около 4,000 человекъ, съ ними одинъ паша и три англичанина. Все идетъ хорошо.

Тученица, 25-го октября 1877 года.

Въ прошлое воскресенье государь императоръ поѣхалъ къ гвардіи, расположенной въ долину Вѣда, къ западу отъ Плевны. За нѣсколько дней передъ этимъ турки сами очистили находящійся тамъ послѣдній ихъ укрѣпленный пунктъ—Дольній-Дубнякъ. Я прибылъ туда какъ разъ въ то время, когда наши двинулись впередъ и блокада сдѣлалась окончательною.

Въ воскресенье я сопровождалъ верхомъ государя. Въ это время проскакалъ мимо меня гусарскій офицеръ графъ Штакельбергъ; лошадь его лягнула и ударила копытомъ мою правую ногу; боль была такъ сильна, что мнѣ сдѣлалось дурно, и съ воскресенья я лежу. Къ счастью нѣтъ излома и какого бы ни было опаснаго поврежденія, но я не могу все-таки ступать той ногой, такъ какъ поврежденъ нервъ. Сегодня чувствую себя лучше; черезъ недѣлю надѣюсь быть въ состояніи снова сѣсть на лошадь. Теперь, когда я въ подробности

¹⁾ Это были майоръ Магіеру и капитанъ Бальдеско.

ознакомился со всѣми позиціями, всѣ приказанія отдаю изъ маленькой моей комнатки. Но это очень непріятная случайность, такъ какъ сырость и холодъ при недостаткѣ движенія и свѣжаго воздуха дурно дѣйствуютъ на общее состояніе здоровья.

Непріятель, какъ выше упомянуто, совершенно окруженъ; сообщенія съ Софіей и Видиною прерваны совершенно. Съ восточной стороны я приблизился батареями и траншеями. Работы эти выполнялись постоянно ночью; съ разсвѣтомъ открывался внезапно огонь изъ 30 до 40 орудій, въ мѣстахъ, гдѣ непріятель этого не ожидалъ. Мы приобрѣли рѣшительный перевѣсъ; онъ держится только оборонительно и противъ него я произвожу непрерывныя демонстраціи, чтобы онъ предполагалъ съ нашей стороны нахѣреніе штурмовать, что въ его интересахъ, такъ какъ ужасающій ружейный огонь его можетъ причинить намъ большой вредъ и потери. Когда турки наполняютъ редутъ и траншею людьми и приближаются ихъ резервы, я приказываю стрѣлять залпами изъ ста и болѣе орудій. Такимъ образомъ стараюсь избѣжать потерь съ нашей стороны, нанося между тѣмъ ежедневно потери туркамъ.

Если-бъ въ Плевнѣ было мало продовольствія, то турки могли бы держаться только короткое время. Но, повидимому, оказывается, что Османъ-паша щедро обезпечилъ себя продовольствіемъ. Говорятъ, у него много скота и кукурузы. Перебѣжчиковъ мало; можно предположить, что въ Плевнѣ продовольствія хватить на мѣсяць или даже еще на болѣе большой срокъ. Въ такомъ случаѣ дѣло можетъ затянуться довольно долго и, пожалуй, еще явится помощь извнѣ, чему у насъ не хотятъ вѣрить и къ чему, по моему мнѣнію, мы должны быть готовы и принять нужныя мѣры. Никогда не слѣдуетъ пренебрегать врагомъ и обольщать себя пріятными надеждами. Предусмотрительность — мать мудрости; она не вредитъ ни въ какомъ случаѣ.

Государь императоръ относится ко мнѣ постоянно весьма милостиво.... Я счастливъ тѣмъ, что пользуюсь довѣріемъ арміи. Князь Карлъ Румынскій весьма любезенъ; онъ посѣщаетъ меня часто. Гальяръ его постоянный спутникъ.

Шильдеръ здоровъ и сопровождаетъ меня при объѣздѣ позицій. Онъ ведетъ военный журналъ, который послужитъ хорошимъ матеріаломъ для исторіи. Майеръ и Мельницкій успѣшно работаютъ противъ непріятеля.

Тученица, 6-го ноября 1877 года.

Съ моей ногой значительно лучше. Государь посѣтилъ меня, когда я еще прикованъ былъ къ постели. Нѣсколько дней тому назадъ я уже проѣхалъ 25 верстъ къ Виду, чтобы тамъ отдать распоряженія. На обратномъ пути я проѣхалъ верхомъ 8 верстъ, для обозрѣнія позицій.

Вчера я проѣхалъ за три версты къ великому князю въ Боготъ. Ходить мнѣ еще трудно, но черезъ недѣлю надѣюсь совершенно оправиться. Ударъ

былъ такъ силенъ, что я потерялъ сознание; первые дни я совсѣмъ не могъ ступить ногою, однако, оказалось, что кость не повреждена, а только одинъ нервъ.

Плевна съ 12-го октября совершенно обложена и мы постепенно приближались къ ней траншеями и батареями. Я приказалъ занять первый гребень Зеленыхъ горъ на Плевно-Ловченскомъ шоссе, предварительно направивъ на него огонь 70 орудій. Отрядомъ командуетъ генералъ Скобелевъ, герой, какого рѣдко встрѣтить, *mais un homme sans foi ni loi*. Мельницкій командовалъ авангардомъ и заложилъ траншеи и укрѣпленія согласно моимъ указаніямъ.

Пунктъ этотъ очень важенъ для турокъ; они оказали поэтому, какъ я и ожидалъ, упорное сопротивленіе, при чемъ открыли ружейный огонь, ославившій мѣстность градомъ пуль. Казалось, пули будто постоянно выбрасываются какою-то машинкою. Не смотря на это, гребень занятъ и укрѣпленъ. Турки также укрѣпились въ 200 шагахъ отъ насъ и нѣсколько разъ были выбиваемы штыками. Въ первую ночь мы потеряли до 100 человѣкъ, а въ послѣдующія ночи отъ 20 до 30 человѣкъ. Скобелевъ былъ дважды контуженъ и долженъ нѣкоторое время полежать въ постели. Мельницкій въ этомъ дѣлѣ честно заслужилъ Георгіевскій крестъ 4-го класса и получилъ его. Въ настоящее время все довольно спокойно.

Османы имѣютъ, повидимому, еще продовольствіе; число перебѣжчиковъ незначительно. Я приказалъ запрудить всѣ рѣки, питающія мельницы.

Штурмъ стоить слишкомъ большихъ жертвъ; непріятель сильно ободренъ нашими потерями 8-го, 18-го іюля, 30-го августа, простирающимися до 30,000 человѣкъ. Вслѣдствіе этого я положительно воздерживаюсь отъ штурма и намѣренъ спокойно ждать, пока голодъ не принудитъ Османа или пробиваться, или же сдаться. Противъ перваго случая приняты всѣ мѣры. Я могу себѣ представить какъ тревожатся въ Петербургѣ; но нужно имѣть терпѣніе, какъ въ германской арміи подъ Мемомъ и Парижемъ.

Генералъ Гурко съ 1-ю и 2-ю гвардейскою дивизіею и стрѣлковою бригадою и кавалеріею выступилъ по дорогѣ въ Софію-Орханіе противъ Мехмеда-Али-паши, чтобы воспрепятствовать туркамъ освободить Османа. Между тѣмъ сюда прибылъ гренадерскій корпусъ.

Раздѣленіе командованія между великимъ княземъ, имѣвшимъ подъ своимъ начальствомъ войска къ западу отъ Плевны, и мною, блокирующимъ Плевну съ восточной стороны, оказалось непрактичнымъ. Вслѣдствіе этого я вновь получилъ начальство надъ всѣми войсками подъ Плевной, а именно, надъ 4-мъ, 9-мъ армейскими корпусами, гренадерскимъ корпусомъ, 3-й гвардейской дивизіею, румынскою арміею и одною кавалерійскою дивизіею. Гурко съ своей стороны дѣйствуетъ самостоятельно съ перечисленными выше войсками.

Какъ только съ ногою станетъ получше, отправляюсь на нѣкоторое время къ гренадерскому корпусу и къ гвардіи на лѣвый берегъ Вида, чтобы сдѣлать еще нѣкоторыя распоряженія.

Моиъ начальникомъ штаба, княземъ Имеретинскимъ, я очень доволенъ и нахожусь съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Вчера я былъ на Скобелевскихъ позиціяхъ, проѣхалъ 8 верстъ верхомъ и былъ также на батареяхъ; обратно поѣхалъ въ экипажѣ, чтобы побережь ногу. Скобелева я нашелъ совершенно больнымъ; для насъ было бы большой потерей, если бы ему пришлось отказаться отъ боевой дѣятельности, что можно предвидѣть.

Сегодня отслужимъ молебень по случаю взятія Карса; батареи дадутъ три залпа (гранатами) и войска будутъ кричать ура. Государь Императоръ будетъ при этомъ присутствовать.

7-го ноября 1877 года.

...Мы должны спокойно выжидать результатовъ обложенія. Со взятіемъ и рѣшеніемъ дѣла подъ Плевной нельзя ожидать конца войны. Турки обладаютъ еще большими средствами и силами и постоянно поддерживаются англичанами. У нихъ свободное сообщеніе моремъ и они скорѣе, чѣмъ мы, получаютъ все необходимое.

Тученица, 16-го ноября 1877 года.

Вчера вечеромъ возвратился, объѣхавъ въ четыре дня позиціи вокругъ Плевны и сдѣлавъ распоряженія еще болѣе стѣснить блокаду. Первые два дня погода была теплая и прекрасная, какъ въ августѣ, а затѣмъ шелъ снѣгъ, дождь, сопровождаемые рѣзкимъ вѣтромъ и холодомъ. Каждый день я дѣлалъ верстъ 30 и болѣе, не причиняя вреда моей ногѣ, такъ какъ на лошади я не чувствую боли. Ходить я могу только осторожно, но съ каждымъ днемъ ногѣ становится лучше; надѣюсь дней черезъ 14 быть совершенно вѣрными на ноги.

Третій день я провелъ въ румынскомъ лагерѣ. Румыны также мнѣ подчинены, и одновременно съ прочими я осмотрѣлъ и ихъ расположеніе. Во время обѣда и завтрака игралъ очень хорошій оркестръ. Генералы и штабъ приняли меня съ большими почестями. Для разнообразія, очень пріятно снова очутиться среди иностранцевъ. Всѣ румыны говорятъ хорошо по французски. Всѣ мои приказанія отдаются на французскомъ языкѣ. Румыны вообще очень похожи на французовъ; ихъ мундиры тоже напоминаютъ французскую армію.

Сегодня замѣчательно хорошій день. Государь императоръ былъ опять на позиціи; можно было видѣть Плевну совершенно ясно; воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, какъ рѣдко. Затѣмъ завтракали, и наши батареи сгубляли по несчастной Плевнѣ.

Здѣсь все почти безъ перешѣвъ. Мы строимъ постоянно новыя редуты, чтобы воспрепятствовать прорыву. Турки, повидимому, еще не страдаютъ отъ голода. Они держатъ себя, однако, довольно пассивно.

Между тѣмъ Гурко взялъ Правецъ и Этрополь. Раховъ занялъ румынами и наша кавалерія входитъ до Вратцы и Ложъ-Паланки. Великій князь Владиміръ Александровичъ съ большимъ урономъ отбилъ турокъ при Мечкѣ.

...Я такъ быстро выѣхалъ изъ Петербурга, будучи при этомъ больнымъ, что не могъ ничѣмъ запастись. Поэтому я такъ дурно обставленъ, какъ почти никто изъ моихъ окружающихъ. Мобилизація всѣхъ войскъ продолжалась шесть недѣль и было достаточно времени позаботиться объ экипажахъ, полевомъ снаряженіи, поварахъ; у меня ничего нѣтъ, но, впрочемъ, обойдусь и такъ. У меня къ тому же столько дѣла, что некогда думать о себѣ; поэтому я вдвойнѣ наслаждаюсь всѣми удобствами, находя ихъ при моихъ объѣздахъ у генераловъ.

Вечеромъ, 6 часовъ, 16-го ноября 1877 года.

Я только что вернулся отъ великаго князя Николая Николаевича, у котораго обѣдалъ. Я опасуюсь, что генералъ Гурко, непосредственно подчиненный въ настоящее время великому князю и отдѣленный отъ моего отряда, заходитъ слишкомъ далеко впередъ. Сперва мы должны покончить съ Плевной, а затѣмъ уже идти дальше. Послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ опять хотятъ блеснуть, при этомъ легко можно обжечь себѣ пальцы. До сихъ поръ все шло по зрѣло обдуманному плану; теперь же хотятъ дѣйствовать быстрѣе, чѣмъ возможно... Я употребляю всѣ усилія, чтобы тормозить.

Плевно, 1-го декабря 1877 года.

Плевна пала... Я былъ убѣжденъ, что Османъ-паша сдѣлаетъ попытку пробиться. Линія обложенія имѣла 70 верстъ протяженія. Главная задача заключалась поэтому въ томъ, чтобы имѣть возможность сосредоточить въ каждомъ пунктѣ отъ 40 до 60 баталіоновъ. Я все рассчиталъ и отдалъ корпуснымъ командирамъ точныя инструкціи. Все было предписано письменно, до малѣйшихъ подробностей. Чтобы устранить возможные недоразумѣнія и чтобы на мѣстѣ убѣдиться насколько можетъ быть практически осуществлено сосредоточеніе войскъ, я выѣхалъ, 21-го числа, изъ моей главной квартиры, для объѣзда вокругъ Плевны. Во вторникъ (22 ноября) произведенъ маневръ въ 3-й гвардейской дивизіи; въ среду и четвергъ въ гренадерскомъ корпусѣ, въ пятницу у румынъ. При этомъ на каждомъ пунктѣ сосредоточивалось отъ 50 до 60 баталіоновъ, артиллерія и войска занимали свои позиціи, резервы передвигались, какъ будто непріятель атаковалъ въ предположенномъ направленіи. Во время

маневра всѣ части войскъ ознакомились съ мѣстностью и съ предстоящею имъ задачею. Каждый могущій произойти случай былъ заранѣе предусмотрѣнъ. Въ пятницу вечеромъ я возвратился обратно въ Тученицу.

Здѣсь я нашелъ извѣстіе о неудачномъ дѣлѣ подѣ Еленой, близъ Тырнова, въ которомъ мы потеряли 11 орудій. Многіе потеряли голову. Я смотрѣлъ на это дѣло, какъ на совершенно второстепенное происшествіе. Должны-же турки предпринять что-либо, когда Плевна находится въ опасности. Не нужно только спастъ и дѣлать все спустя рукава....

Главнымъ вопросомъ по прежнему остается Плевна. Намѣревались уже уменьшить здѣсь войска. Я воспротивился этому и былъ увѣренъ въ успѣхѣ, если будетъ только выказана твердость и не послѣдуетъ ежедневно другихъ плановъ. Хотѣли штурмовать, чтобъ покончить съ Плевной. Я воспротивился этому самымъ рѣшительнымъ образомъ и отклонялъ всѣхъ тѣхъ, кто искалъ случая сдѣлаться приятнымъ такимъ способомъ. Послѣдствіемъ подобнаго рѣшенія была бы дезорганизация арміи; Османъ могъ-бы выйти, такъ какъ блокада была-бы прекращена. Армія, послѣ громадныхъ потерь, была бы не въ состояніи далѣе предпринять что-либо. Война еще не кончилась и нужно приберечь войска и средства, чтобы довести дѣло до конца. Я остался спокойнымъ и непоколебимымъ, потому что всѣ представляемые мнѣ доводы казались мнѣ ребяческими.

Въ субботу былъ георгіевскій праздникъ. Великій князь былъ боленъ, государь императоръ не могъ прибыть къ реду, гдѣ были собраны георгіевскіе кавалеры. Генераль Криднеръ командовалъ парадомъ; я принялъ рапортъ и благодарилъ войска отъ имени государя за ихъ храбрую службу. Здѣсь были избранные изъ храбрѣйшихъ людей арміи, стоящей подѣ Плевной. Я провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества Государя Императора и др. Было большое ликованіе. Артиллерія стрѣляла залпами по Плевнѣ; мы завтракали въ полѣ въ веселомъ товарищескомъ кругу.

Вечеромъ 27-го ноября, съ батарей и съ аванпостовъ, равно какъ и отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, я получилъ свѣдѣнія, что Османъ дѣлаетъ всѣ приготовленія къ прорыву. Всю ночь телеграфировали; я извѣстилъ всѣхъ корпусныхъ командировъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія для сосредоточенія войскъ по ту сторону Вида. Плевна казалась освѣщенной; ночью видны были красные фонари по всѣмъ направленіямъ. Турки прекратили стрѣльбу.

Съ наступленіемъ утра, 28-го ноября, былъ слышенъ пушечный и ружейный огонь на лѣвомъ берегу Вида. Генераль Ганецкій донесъ, что его атаквали. Въ 9 часовъ утра, окончивъ всѣ распоряженія, я сѣлъ съ моимъ штабомъ на коней и приказалъ всей линіи наступать впередъ и занять непріятельскія позиціи къ востоку отъ Плевны, т. е. на правомъ берегу Вида, на случай если онѣ оставлены непріятелемъ или же заняты слабыми силами. Великій князь выѣхалъ также.

Наши войска заняли турецкіе редуты, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія. Артиллерійскій и ружейный огонь все еще продолжался по той сторонѣ Вида. Такимъ образомъ мы достигли Плевны, въѣхали въ городъ и прослѣдовали далѣе по горамъ и долинамъ до Вида, послѣ того, какъ сдались передъ нами нѣсколько турецкихъ баталіоновъ. На той сторонѣ Вида мы вступили на поле сраженія, покрытое трупами людей и лошадей.

Турки атаковали 3-ю гренадерскую дивизію и при первомъ натискѣ овладѣли передовою траншею, захвативъ шесть орудій. Подошедшій резервъ перешелъ въ наступленіе, и, взявъ обратно траншею и орудія, открылъ такой сильный огонь, что турки оставили восемь орудій, бросились назадъ въ Плевну и положили оружіе. Съ нашей стороны выслали парламентаря; Османъ сдался на милость побѣдителя.

Трудно описать воодушевленіе войскъ! Мы возвратились черезъ мостъ обратно въ Плевну. Тамъ тянулся длинный транспортъ повозокъ съ ранеными и съ продовольствіемъ. Османъ имѣлъ намѣреніе прорваться въ Видинъ. Далѣе стояли толпы турокъ; оружіе и патронныя сумы они побросали.

Османъ-паша, раненный въ ногу, сидѣлъ въ коляскѣ; противъ него поимѣщался врачъ, говорившій по французски. Великій князь привѣтствовалъ его. Вслѣдъ затѣмъ у меня былъ съ нимъ болѣе продолжительный разговоръ. Мы кричали: bravo, bravo Османъ-паша! Онъ казался очень спокойнымъ и даже на его лицѣ проглядывало что-то пріятное, привѣтливое, въ высшей степени симпатичное. Османъ 40 лѣтъ отъ роду, средняго роста, съ черной короткой бородой; на немъ былъ голубой мундиръ, съ галунами на рукавахъ, безъ орденовъ. Прекрасные, энергическіе, но добродушные, умные глаза.

Когда я разговаривалъ съ нимъ, онъ сказалъ мнѣ черезъ переводчика: „Tous les jours ne sont pas des jours heureux. J'ai fait ce que j'ai pu. Je suis heureux d'être blessé“.

Долѣе до Плевны стояла густыми кучами турецкая армія. Румыны, наступавшіе съ другой стороны, начали грабить. Я тотчасъ же принялъ энергическія мѣры для прекращенія этого.

Мы опять проѣхали черезъ городъ, занятый нашею пѣхотою. Я выставилъ караулы у мечетей и гарема Османа-паши. Его женъ я не видѣлъ.

Между тѣмъ стемнѣло, а намъ нужно было еще проѣхать 12 верстъ до Тученицы, при снѣжной мятели и темнотѣ; мы то поднимались на горы, то спускались, и въ 9 часовъ прибыли въ нашъ штабъ, ничего не поѣвъ въ продолженіе всего дня, послѣ поѣздки въ 50 верстъ.

Такъ кончился этотъ замѣчательный въ исторіи день. Наскоро отобѣдавъ, я тотчасъ же послалъ къ Осману-пашѣ, для ухода за нимъ, доктора Кѣхера.

Во вторникъ 29-го ноября отслужили молебенъ въ районѣ турецкихъ редутовъ. Государь императоръ возложилъ на великаго князя знаки Георгія I-го класса, мнѣ пожаловали Георгія II-го класса, причемъ его величество поцѣ-

довалъ меня и благодарилъ. Затѣмъ государь направился въ Плевно; тамъ въ чистомъ, хорошо сохранившемся домѣ, былъ сервированъ завтракъ и здѣсь привели къ его величеству Османа-пашу. Черты его лица имѣли страдальческое выраженіе; онъ былъ очень серьезенъ и казался покорнымъ своей судьбѣ. Государь сказалъ ему, что послѣ столь храброй обороны онъ позволяетъ ему носить саблю и прибавилъ при этомъ, что въ Россіи ему будетъ хорошо житься.

По полученнымъ мною донесеніямъ, мы потеряли 50 офицеровъ и 1,600 нижнихъ чиновъ, большею частью изъ 3-й гренадерской дивизіи, пятая часть изъ этого числа убитыми. Турки потеряли свыше 4,000 человекъ. Трофеи наши: 10 пашей, 40,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2,000 офицеровъ и 77 орудій.

Князь румынскій пожаловалъ мнѣ золотую медаль со своимъ изображеніемъ.

Великій герцогъ Мекленбургскій прислалъ мнѣ, черезъ Вердера, крестъ за военное отличіе.

Вчера, 30-го числа, я завтракалъ у его величества въ Порадимѣ; затѣмъ собирался военный совѣтъ. Въ субботу государь выѣзжаетъ въ Петербургъ... Такимъ образомъ дѣло съ Плевной покончено; я счастливъ, что, при достиженіи желаемого успѣха, мнѣ удалось сохранить армию государю и Россіи. Штурмъ, при полномъ сомнѣніи въ удачѣ, лишилъ бы вѣрную мнѣ армию возможности потомъ предпринять что-либо. Съ Плевной прекратилось и мое командованіе. Я очень сожалѣю, что нужно разстаться со своимъ штабомъ. Въ немъ было такое согласіе, такая готовность дружно дѣйствовать, что лучшаго и желать нельзя.

Я не знаю какія мнѣ даны будутъ порученія, такъ какъ армія будетъ разбита по разнымъ направленіямъ, чтобы усилить другія позиціи... Буду ждать что будетъ. Должно подчиниться обстоятельствамъ. Я не вѣрю въ скорый миръ. Силы турокъ еще не истощены. Намъ придется еще достаточно провозиться съ ними.

Теперь я занятъ отправкой 40,000 плѣнныхъ. Бѣднымъ людямъ этимъ приходится голодать, такъ какъ у насъ у самихъ ощущается недостатокъ въ продовольствіи.

Въ Плевнѣ находится множество раненыхъ и больныхъ турокъ; между ними лежатъ въ домахъ уже нѣсколько дней трупы непогребенныхъ. Городъ страшно грязенъ. Болгары не выказывали особенной радости при нашемъ вступленіи... Духовенство вышло на встрѣчу государю, но это имѣло видъ одной формальности; съ другой стороны, можетъ быть они опасаются турокъ въ будущемъ, когда мы очистимъ страну.

Брестовець. Главная квартира Наслѣдника Цесаревича, въ Русшукскомъ отрядѣ. 9-го декабря 1877 года.

Предъ отъѣздомъ государь императоръ сказалъ мнѣ, что поручаетъ мнѣ армію великаго князя наслѣдника, такъ какъ Цесаревичъ отправляется въ Петербургъ. Эта армія состоитъ изъ 12-го и 13-го армейскихъ корпусовъ. Я получаю еще 11-й армейскій корпусъ, находящійся у Тырнова, и 4-й, прибывшій изъ Плевны. Я долженъ кончить всѣ дѣла въ Плевнѣ и какъ можно скорѣе выѣхать.

6-го декабря, вмѣстѣ съ княземъ Имеретинскимъ мы выѣхали изъ Плевны въ небольшой бричкѣ. Выпалъ снѣгъ и все выглядело совершенно по зимнему. Въ Порадимѣ въ послѣдній разъ позавтракали у князя румынскаго Карла и медленно на казачьихъ лошадяхъ поѣхали далѣе до Булгарени. Дорога была очень скверная; мы подвигались впередъ только шагомъ и въ первый день проѣхали не болѣе 45 верстъ. Въ Булгарени мы переночевали въ кухнѣ одного этапнаго маіора; причѣмъ пришлось занять ее силой, потому что онъ хотѣлъ помѣстить насъ въ землянкѣ, вмѣстѣ съ больными. Такъ какъ онъ оказался весьма нелюбезнымъ и даже забылся по службѣ, то я не хотѣлъ помѣститься въ его комнатѣ, послѣ того, какъ онъ не тотчасъ предложилъ ее.

На слѣдующій день мы отправились чрезъ Горній Студень и Павлово въ Бѣлу. Холодъ усиливался, метели также. На пространствѣ около 60 верстъ насъ везли нѣмецкіе колонисты изъ окрестностей Одессы, содержащіе здѣсь почтовыя станціи. Къ вечеру, совершенно озабшіе, мы прибыли въ Бѣлу. Здѣсь мы встрѣтили самый предупредительный пріемъ у коменданта полковника Павлова. На слѣдующій день утромъ отправились далѣе къ Брестовцу; метель продолжалась. Снѣгу выпало на нѣсколько футовъ глубины. Вѣтеръ вздымалъ и крутилъ снѣжныя массы; нельзя было открыть глазъ. Дороги видно не было; съ большимъ трудомъ добрались мы, наконецъ, до мѣста нашего назначенія. Завтракали у Наслѣдника, принявшаго насъ очень милостиво и удивившагося, что при такой ужасной погодѣ мы добрались до Брестовца.

Столовая Наслѣдника находится въ очень пространной конюшнѣ, гдѣ могутъ помѣститься отъ 30 до 40 человекъ. Окна нѣтъ, поэтому очень темно, днемъ зажигаютъ свѣчи; входишь въ нее, какъ въ какую-то катакомбу. Но скоро почувствуешь себя очень хорошо въ обществѣ августѣйшаго любезнаго хозяина, среди его штаба... Въ 7 часовъ обѣдали; расходятся поздно. Я ушелъ уже въ 10 часовъ.

Брестовець—небольшая турецкая деревня, лежащая въ гористой и лѣсистой мѣстности, между Дунаемъ и Бѣлою, въ 40 верстахъ отъ Русука. Я занимаю домикъ изъ плетня, смазаннаго глиной; черезъ щели можно производить наблюденія за окружающею мѣстностью. Комната имѣетъ 4¹/₂ шаговъ въ квадратѣ, 5 футовъ вышины; нельзя стоять прямо; окно заклеено бумагою, про-

рванною мѣстами,—стекло составляетъ здѣсь роскошь; печка нагрѣвается каминомъ изъ передней, который дымитъ; глиняный полъ и конюшня внизу. Ко всему нужно умѣть привыкнуть въ военное время. Тѣмъ не менѣе зимняя кампанія страшная тягость, въ особенности для бѣдныхъ солдатъ; большею частью они выстроили себѣ землянки. Вещи мои слѣдуютъ медленно за мною; при настоящей отвратительной погодѣ они, можетъ быть, попали не по своему назначенію. Когда нибудь прїѣдутъ.

Мой штабъ остался въ Плевнѣ и долженъ прибыть сюда. Между тѣмъ Наслѣдникъ не намѣренъ ѣхать въ Петербургъ... Пока я стараюсь ознакомиться со всѣми обстоятельствами, въ виду предстоящей мнѣ новой задачи. Дай Богъ, чтобы я также счастливо раздѣлялся съ отважнымъ Сулейманомъ-пашею, какъ съ знаменитымъ муширомъ Османомъ... Я не знаю, что будетъ съ моимъ штабомъ до разъясненія обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, я помѣщу Шильдера, Майера и Мельницкаго въ ближайшей деревнѣ.

Говорятъ, что государь передъ отъѣздомъ оставилъ великому князю весьма лестный и милостивый рескриптъ на мое имя... До сихъ поръ мнѣ еще не доставили его.

Брестовецъ, 14-го декабря 1877 года.

...Мнѣ назначили другой домикъ, который въ сравненіи съ первымъ имѣетъ то преимущество, что въ одной комнатѣ окно со стекломъ; но потолокъ такъ низокъ, что нельзя стоять выпрямившись, голова подвергается непрерывнымъ контузіямъ, пока не привыкнешь горбиться.

Снѣгу выпало очень много; сообщеніе въ высшей степени затруднительное, за неимѣніемъ саней...

Я ужо послѣ обѣда, изучаю карты, пишу свой дневникъ. Въ теченіи дня я много гуляю по глубокому снѣгу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и выпрямить спину. Странно очутиться совершенно безъ занятій, послѣ самостоятельной дѣятельности въ Плевнѣ, гдѣ подъ моимъ начальствомъ находилось болѣе 100,000 человекъ. Впрочемъ, такія маленькія *intermezzi* очень хороши. Живу я въ очень приятномъ обществѣ и есть время сосредоточиться. Вчера Наслѣдникъ подарилъ мнѣ турецкую трубку, чтобы вмѣстѣ съ нимъ курить послѣ обѣда.

Теперь какъ будто настало перемиріе, снѣгъ и морозы совершенно парализовали всѣ военныя дѣйствія. Турки, какъ кажется, еще болѣе страдаютъ отъ холода, чѣмъ мы. Здѣсь мы совершенно не получаемъ никакихъ газетъ, такъ что не знаемъ, что происходитъ на прочихъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій. Я увѣренъ, что въ Петербургѣ лучше извѣстно положеніе дѣлъ....

Рескрипта государя я все еще не получилъ....

Шильдеръ и князь Кантакузенъ прибыли въ Вѣлу (15 верстъ отсюда)... Прочіе офицеры моего плевненскаго штаба скитаются еще среди мятели.

...Я не вѣрю въ скорый миръ. Россія не можетъ заключить мира, пока не будутъ исполнены всѣ требованія, предъявленныя ею передъ войной, а именно: независимость Румыніи и Сербіи, автономія Черногоріи, Герцеговины, Босніи и Болгаріи, уступка Карскаго пашалыка въ Азіи, увеличеніе территоріи Черногоріи, Сербіи и Румыніи. Условія эти между тѣмъ такъ суровы и стѣснительны для самостоятельности Турціи, что Оттоманская имперія отвергнетъ ихъ, пока не будетъ совершенно побѣждена и безоружна. Между тѣмъ у нея стоятъ еще три арміи въ полѣ, одна въ Азіи и двѣ въ Европѣ. Зима, климатическія условія, Балканы, совершенное бездорожье страны являются могущественными союзниками турокъ; при этомъ нужно принять во вниманіе поддержку деньгами, оружіемъ, военными припасами и пр., оказываемую туркамъ англичанами. Ихъ артиллерія и ружья лучше нашихъ. Турки при этомъ могутъ также пользоваться желѣзными дорогами отъ портовъ,—выгода, пользования которыми не находится въ нашемъ распоряженіи. Со временемъ будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Брестовець, 19-го декабря 1877 года.

...Здѣсь настоящая зима, отъ 4 до 12 градусовъ мороза, очень много снѣгу, и мятели чередуются съ ослѣпляющимъ солнцемъ. До сихъ поръ у меня ровно никакого дѣла.

...У непріятеля все спокойно; мы живемъ какъ будто въ самое мирное время. Какая противоположность съ Плевной! Я часто гуляю, иногда ѣзжу верхомъ, сплю ежедневно 10 часовъ.

...Какъ долго продолжится мое бездѣйствіе—трудно предвидѣть... Мой штабъ странствуетъ между Плевной и Вѣлой... мнѣ очень тяжело разстаться со штабомъ, такъ мастерски организованнымъ и который я такъ люблю. Не легко собрать подобную корпорацію; все способные офицеры, работавшіе такъ согласно, что мнѣ оставалось только давать направленіе; поэтому у меня никогда не было недостатка времени для проектированія основательнаго общаго операціоннаго плана. Я никогда не забуду въ какомъ тяжеломъ, даже отчаянномъ, положеніи былъ я сперва въ Плевнѣ, пока не удалось мнѣ, при содѣйствіи князя Имеретинскаго, создать этотъ превосходный органъ. Подобный штабъ можетъ существовать только въ Пруссіи, у насъ же это можетъ быть лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Какая интеллигенція, какая неутомимая дѣятельность. Последнюю недѣлю въ Плевнѣ у меня было гораздо болѣе свободнаго времени и досуга, чѣмъ въ мирное время въ Петербургѣ, хотя я ежедневно нѣсколько часовъ проводилъ на лошади для осмотра позицій и войскъ. Все шло какъ по маслу. Въ Плевнѣ ни разу не случилось, чтобы я нашелъ необходимымъ

измѣнять какое-либо распоряженіе; отсюда пронстекало уваженіе къ каждому полученному приказанію и безусловное исполненіе его со стороны корпусныхъ и дивизионныхъ командировъ.

Рескрипта, которымъ осчастливилъ меня государь передъ своимъ отъѣздомъ, я до сихъ поръ еще не получилъ... Такъ какъ я ничего не зналъ о рескриптѣ, то даже не могъ поблагодарить государя....

...Государь былъ такъ добръ и милостивъ со мною, что этотъ рескриптъ для меня дороже всякой другой награды.

Брестовець, 27-го декабря 1877 года.

...Сижу у моря и жду погоды. Окрестности покрыты глубокимъ снѣгомъ, морозъ доходитъ до 17 градусовъ. Сообщение по Дунаю крайне затруднительно. Дни только свѣтлѣе и солнце показывается чаще, чѣмъ въ Петербургѣ.

Въ сочельникъ была устроена елка въ конюшнѣ, гдѣ собираются для обѣда. Подарки разыгрывались. Они были доставлены самимъ обществомъ, каждый далъ что могъ. Согласно уговору, всѣ явились съ фонарями, освѣтившими конюшню по праздничному....

Болгарскіе юноши и дѣвушки танцуютъ ежедневно въ своихъ прекрасныхъ національныхъ костюмахъ вокругъ елки, которую держитъ одинъ болгаринъ. Два скрипача замѣняютъ музыку. Одна половина круга состоитъ изъ дѣвушекъ, а другая изъ парней. Танецъ совершенно азіатскій, въ родѣ тѣхъ, какіе я видалъ на Кавказѣ.

Брестовець, 31-го декабря 1877 года.

... Положение мое все еще неопредѣленное...

Цѣль отряда чисто оборонительная; между тѣмъ какъ прочіе корпуса перешли Балканы, мы должны поддерживать и защищать сообщенія съ западомъ, такъ что ожидать особенныхъ дѣлъ нечего.

У насъ все еще суровая зима. Сообщение по Дунаю часто прерывается, и продовольствованіе войскъ, особенно же лошадей, очень затруднительно.

Третьяго дня появились по всей линіи турецкіе парламентары; они говорили, что между обоими правительствами, въ ожиданіи мира, заключено перемиріе, и просили насъ жить съ ними въ дружбѣ и назначить демаркаціонную линію. Такъ какъ со стороны нашего правительства мы не получали никакихъ инструкцій относительно мирныхъ переговоровъ, то намъ оставалось только угостить парламентаровъ кофеемъ и табакомъ и отослать ихъ обратно.

Плѣненіе генераломъ Радецкимъ шипкинской турецкой арміи произведетъ, конечно, на турокъ еще большее нравственное давленіе. Я радуюсь блестящему

успѣху храбраго генерала Радецкаго, столько мѣсяцевъ оказывавшаго туркамъ геройское сопротивленіе при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Радецкій также изъ инженернаго училища; онъ двумя годами позднеѣ, чѣмъ я, былъ произведенъ въ офицеры; я не встрѣчалъ его со времени нашей юности.

Брестовець, 6-го января 1878 года.

...Здѣсь все по старому... 1-го января султанъ просилъ государя о мирѣ. Серверъ-паша и Намикъ-паша прибыли 3-го января въ главную квартиру. Наши войска занимаютъ по ту сторону Балканъ выгодныя позиціи у Ихтимана, Самакова, Филипополя, Казанлыка, Ески и Ени-Загры. Передовые посты выдвинуты до узла желѣзной дороги Константинополь—Софія и Ямболь.

Результатъ переговоровъ зависитъ отъ требованій, которыя мы предъявимъ. Турція не должна быть при этомъ слишкомъ унижена, чтобы намъ удалось придти къ соглашенію и совершенно устранить Англію. Мы вовлечены въ войну мечтаніями нашихъ панславистовъ и интригами англичанъ. Освобожденіе христіанъ изъ-подъ ига ислама—химера. Болгары живутъ здѣсь зажиточнѣе и счастливѣе, чѣмъ наши русскіе крестьяне; ихъ задушевное желаніе, чтобы ихъ освободители по возможности скорѣе покинули страну. Они платятъ турецкому правительству незначительную подать, несоразмѣрную съ ихъ доходами, и совершенно освобождены отъ воинской повинности.

Турки вовсе не такъ дурны, какъ объ этомъ умышленно прокричали; они народъ честный, умѣренный, трудолюбивый. Только паша, какъ и наши чиновники, оставляютъ многого желать....

Въ Плевнѣ мы не нашли ни одного разрушеннаго дома. Дисциплина турецкихъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Османа, образцовая. Напротивъ того, вездѣ, гдѣ стояли наши войска, видишь деревни частію разрушенными для удовлетворенія потребностей арміи. Администрація наша оказалась въ высшей степени непрактичною и ошибочною. Единичные случаи изувѣрства турокъ были совершены ими въ началѣ и то вслѣдствіе искусственнаго возбужденія мусульманскаго фанатизма. Подобныя сцены мы видали и въ Польшѣ во время восстанія, какъ слѣдствіе интригъ католическихъ всендзовъ, провозвѣстниковъ ученія Христа.

Для Россіи насталь теперь благопріятный моментъ, чтобы послѣ одержанныхъ побѣдъ выйти изъ тяжелаго положенія съ полною честію и съ униженіемъ Англіи, которое, конечно, дорого обойдется намъ. Дай Богъ, чтобы мы не упустили этого благопріятнаго случая и воспользовались бы имъ.

Нельзя и представить себѣ всѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено веденіе войны въ Турціи; въ европейскомъ государствѣ извѣстія получались бы по почтѣ скорѣе, чѣмъ здѣсь по телеграфу. Недостатокъ сообщеній тормозитъ все. Въ настоящее время пара лошадей едва въ состояніи поднять

пять пудовъ; дороги непроходимы. Просто непонятно, какъ живетъ армія и существуютъ еще лошади; впрочемъ, значительная часть ихъ или негодна въ употребленію, или пала. Болгарія даетъ намъ средства къ существованію—изъ Россіи мы почти ничего не получаемъ. Желѣзныя дороги въ Румыніи прекратили почти совершенно свою дѣйствія. Сообщеніе черезъ Дунай прервано ледоходомъ.

За все, что здѣсь было сдѣлано, нужно благодарить русскаго солдата. Онъ никогда не жалуется и переноситъ все до изнеможенія. Казаки не получаютъ отъ своего начальства ни жалованья, ни фуража. Злоупотребленій, не смотря на всѣ положенія военнаго министерства, больше, чѣмъ когда-либо. Казаки живутъ и самъ содержатъ свою лошадь; какъ существуютъ эти люди—просто загадка; они сами доставляютъ себѣ все даромъ; это дѣлается, конечно, оамымъ приличнымъ образомъ, безъ жалобъ и слезъ. О законной реквизиціи съ обеспеченной уплатой нѣтъ и рѣчи, настолько мы еще не созрѣли. Съ другой стороны, если прикажутъ покупать у болгаръ сѣно и овесъ и пр., на основаніи соглашенія, то они дерутъ за это въ десятеро. Однимъ словомъ, мы должны сознаться, что при всѣхъ нашихъ лучшихъ гуманныхъ намѣреніяхъ, еще далеко то время, когда мы будемъ въ состояніи цивилизовать другія страны.

Брестовець, 23-го января 1878 года.

...11-го января, по подписаніи предварительныхъ условій мира, заключено перемиріе. Извѣстіе это навѣрно возбудитъ всеобщую радость въ Россіи. Вчера пробѣжалъ здѣсь Игнатъевъ, чтобы заключить миръ въ Адрианополѣ. Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ мы вернемся на родину, такъ какъ эвакуація Турціи потребуетъ вѣкотораго времени и до тѣхъ поръ еще многое остается сдѣлать для продовольствованія арміи и призрѣнія больныхъ. Многіе, конечно, обратятся въ бѣгство, начнется *saute qui peut*, но именно теперь крайне нечеловѣчно отказываться отъ своихъ обязанностей. Жизнь многихъ тысячъ людей зависитъ отъ принятія энергическихъ мѣръ, въ настоящее время не менѣе необходимыхъ, чѣмъ въ продолженіе войны... На будущей недѣлѣ наши войска займутъ Рушукъ и Силистрію; тамъ мы навѣрно найдемъ лучшія помѣщенія, чѣмъ здѣшнія. Долгое пребываніе въ комнатѣ, гдѣ нельзя стоять выпрямившись, невыносимо; отъ сторбленнаго положенія у меня постоянныя боли въ спиѣ. Погода все стоитъ дурная и непривѣтливая; въ деревнѣ и окрестностяхъ такая грязь, что опускаешься въ нее по колѣно и трудно оттуда выкарабкаться. Поэтому прогулки сопряжены съ затрудненіями, хотя во времени нѣтъ недостатка. Относительно верховой ѣзды нужно сказать то-же самое; итакъ, нельзя ни стоять, ни ходить, ни ѣздить, остается сидѣть и лежать. Раньше четырехъ недѣль не произойдетъ перемирья...

Брестовець, 25-го января 1878 года.

Погода очень холодная и неприя́тная, такъ что музыка, наше единственное развлеченіе, не можетъ играть на воздухѣ.

...Я радъ, что увижу Руцукъ; турецкая телеграфная линія прервана нашими войсками, и турки не знаютъ еще о заключенномъ перемиріи. Руцукъ окруженъ нашими войсками; передовые посты стоятъ другъ противъ друга. На этихъ дняхъ придетъ изъ Константинополя уполномоченный и тогда я тотчасъ поѣду въ Руцукъ.

Брестовець, 31-го января 1878 года.

Завтра Наслѣдникъ ѣдетъ въ Петербургъ и я принимаю отъ него командованіе восточнымъ отрядомъ...

...Согласно условіямъ перемирія, турки должны сдать намъ Руцукъ, Силистрію и Видинь. Между тѣмъ, они все медлятъ. Если сдача произойдетъ, то я со своимъ штабомъ переберусь въ Руцукъ.

...Погода уже нѣсколько дней какъ стоитъ теплая и прелестная, какъ у насъ въ началѣ мая; говорятъ, однако, что будутъ еще морозы.

V.

Собственноручная записка генераль-лейтенанта М. Д. Скобелева — низю Имеретинскому.

Дер. Тученица, 6-го октября 1877 года.

Отправлено въ 9 часовъ вечера.

Ваша свѣтлость. Генераль-маіоръ Шнитниковъ, лично провѣрившій это извѣстіе, сообщилъ мнѣ:

1) Около 11-ти часовъ дня на Зеленяя горы стала подвигаться турецкая цѣпь со всадниками впереди. Цѣпь была различной густоты. За нею продвинулись небольшія колонны, которыя, достигнувъ высоты перваго гребня, остановились и приступили къ работамъ, характеръ которыхъ трудно было разобрать. Они выстроили наблюдательную лѣстницу, на манеръ имѣющихся у насъ на осадныхъ батареяхъ, рубили деревья и, какъ кажется, вязали фашины. Быть можетъ ими возводились и земляныя постройки, но родъ ихъ нельзя было разсмотрѣть....

2) Возвращаясь въ 7½ часовъ изъ Радешева въ Тученицу, я ви-

дѣлъ по Зеленымъ горамъ, противъ деревни Брестовца, бивачные огни турокъ.

3) По возвращеніи домой мнѣ было передано моимъ переводчикомъ, бывшимъ сего числа въ Брестовцѣ, что турки сегодня спускались къ самой подошвѣ Зеленыхъ горъ, въ числѣ, можетъ быть, около 200 человекъ, которыхъ онъ видѣлъ. Въ завязавшейся съ нашими донскими казаками перестрѣлкѣ одинъ казакъ раненъ.

Занятіе Зеленыхъ горъ турками я уже предвидѣлъ нѣсколько дней тому назадъ и заявлялъ объ этомъ генералу Зотову.

Послѣдствія утвержденья на нихъ непріятеля будутъ для насъ весьма и весьма ощутительны, такъ какъ съ этихъ высотъ непріятель можетъ флангово и тыльно поражать всю линію 4-го корпуса. Овладѣть же ими можно только со стороны Брестовца, вслѣдствіе свойствъ мѣстности и расположенія непріятельскаго редута на флангѣ— съ большими потерями.

При общей линіи турецкихъ укрѣпленій, Зеленяя горы представляютъ тотъ обширный капониръ, который недоставаля туркамъ, чтобы сдѣлать ихъ линію, быть можетъ, образцовой въ смыслѣ дѣйствительной обороны. Боюсь за удачность сравненія въ виду возможной критики нашего первостепеннаго авторитета.

По свойству мѣстности, занявъ Зеленяя горы, они лишаютъ насъ тѣхъ единственныхъ командующихъ позицій, съ которыхъ можетъ быть обстрѣливаемъ наивыгоднѣйшимъ образомъ южный фронтъ и городъ Плевно, во-вторыхъ, веденія съ успѣхомъ постепенной атаки на одинъ изъ болѣе сильныхъ фронтовъ непріятельской линіи, прикрывающей путь отступленія непріятельской арміи.

Заключаю: отнятіемъ у насъ возможности утвердиться на Зеленыхъ горахъ непріятель въ значительной степени парализуетъ нашу наступательную силу; укрѣпившись и занявъ ихъ многочисленною дальнобойною артиллерією, турки приобретутъ возможность заставить насъ, если не очистить весь лѣвый флангъ нашего настоящаго расположенія, то, по крайней мѣрѣ, сосредоточить влѣво отъ Радешева часть нашихъ силъ, совершенно безплодно, и вступить съ ними, быть можетъ, въ кровопролитную, но безплодную артиллерійскую борьбу.

Выше изложенное основано на глубокомъ сознаніи важности утвержденья за нами позиція на Зеленыхъ горахъ, а также глубокаго убѣжденья, что чѣмъ рѣшительнѣе мы поступимъ въ данномъ неожиданномъ случаѣ съ непріателемъ, тѣмъ дешевле обойдется намъ это дѣло и тѣмъ менѣе опасности завязать генеральный бой, который

по принятому извѣстному плану слѣдуетъ избѣгнуть, не упуская, впрочемъ, столь существенныхъ выгодъ, какъ обладаніе Зелеными горами.

Предлагаю: 1) послѣ полудня сосредоточить на шоссе 16-ю пѣхотную дивизію, два стрѣлковыхъ баталіона и часть кавалеріи съ конною артиллеріею позади дер. Учендола. 2) Къ 4-мъ часамъ овладѣть гребнемъ Зеленыхъ горъ, который указалъ мнѣ генераль-адъютантъ Тотлебенъ. 3) Къ утру, при помощи инженерныхъ офицеровъ и инженернаго парка, который находится при дивизіи, позиціи будутъ ¹⁾ приведены въ оборонительное положеніе и о нихъ разобьются усилія непріятеля. Гвардейскія дивизіи, находящіяся вблизи, обезпечутъ успѣхъ при всякихъ случайностяхъ, хотя по моему разумѣнію, въ ихъ участіи все еще нужды не будетъ.

Саперный баталіонъ долженъ прибыть, по возможности, скоро. Присутствіе полковника Мельницкаго и Ласковскаго необходимо къ началу движенія на Зеленныя горы.

Посылая настоящее письмо, я руководствуюсь желаніемъ помочь общему дѣлу, и моя спѣшность основана на пониманіи тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтетъ непріятель съ овладѣніемъ Зелеными горами. Мнѣ извѣстенъ планъ его высокопревосходительства въ общемъ и единственную цѣль всѣхъ моихъ дѣйствій есть и будетъ способствованіе его исполненію въ томъ видѣ, въ которомъ его предназначталъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ.

Командующій 16-ю пѣхотною дивизіею, генераль-лейтенантъ Скобелевъ.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

¹⁾ Три раза подчеркнуто М. Д. Скобелевымъ.

ПО ЧУГУННЫМЪ РЕЛЬСАМЪ...

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный,
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

* * *

Часомъ въ часъ рассчитанъ
Путь его помыльно...
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь бессильна!

* * *

То ли дѣло съ тройкой:
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосую.

* * *

Не хочу я прямо,
Забирай налево,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы...

* * *

Но увя, ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси исполина.

* * *

Сыплютъ иностранцы
Русскіе мильоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

* * *

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ,
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

* * *

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ пойдетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой,

* * *

То обвалитъ насмѣхъ,
То мостокъ продавить,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направить,

* * *

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятежью станетъ
Сутокъ трое въ поле.

* * *

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу
Сильную въ семь мѣрѣ.

* * *

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произвольно свяжетъ
Руки исполина.

* * *

Вѣрно всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

Н. А. Добролюбовъ.

Сообщ. А. С. Галаховъ .

КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.

I.

Письмо К. Г. Эрнота—ред. „Русской Старины“.

По поводу напечатанной въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. статьи «Къ новѣйшей исторіи Болгаріи», съ комментаріями, подписанными бывшимъ министромъ президентомъ княжества, генераломъ Л. Н. Соболевымъ, я обратился къ нему съ письмомъ, которое вмѣстѣ съ отвѣтомъ, съ разрѣшенія автора, имѣю честь представить въ распоряженіе редакціи.

Дѣло между нами идетъ исключительно о такъ называемомъ переворотѣ 1881 г., отвѣтственность за совершеніе котораго, очевидно, падаетъ на меня, какъ о томъ уже заявлено было въ печати ¹⁾, вскорѣ по моему возвращеніи въ Россію въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года.

При чемъ тутъ могли быть разные обманы, указанія, внушенія, «почти явныя дѣйствія Австріи» — пусть генералъ Соболевъ, послѣ моихъ категорическихъ заявленій, объяснить, если не документальнымъ, то хоть правдоподобнымъ образомъ. Слѣдовало бы также объяснить, были ли на переворотъ произведены расходы изъ казны (бюджетныхъ остатковъ), — для министра-президента не могла же болгарская отчетность имѣть секретовъ.

Объясненія, приведенныя въ письмѣ моего оппонента, хотя не лишены интереса, по моему мнѣнію, прямо къ дѣлу не относятся, за исклю-

---

¹⁾ Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

ченіемъ одного,—по вопросу, второстепенному лично для меня,—о законности акта сѣстовскаго собранія.

Мой оппонентъ, однако, умалчиваетъ о томъ, что предложеніе объ измѣненіяхъ въ органическихъ законахъ было сдѣлано не самостоятельно, а въ связи съ вопросомъ объ отреченіи князя, конституціею непредусмотрѣннымъ. Правильно или неправильно было обращеніе князя къ великому народному собранію, рѣшеніе сего послѣдняго этимъ нисколько не инвалидируется, ибо единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ было само же собраніе.

Не вдаваясь въ оцѣнку событій и политическихъ дѣятелей въ Болгаріи, считаю, однако, не лишнимъ замѣтить, что, по моему убѣжденію, представители такъ называемой консервативной партіи, Стояловъ, Грековъ, Начовичъ и пр., нисколько не болѣе враждебны къ Россіи, чѣмъ корифеи такъ называемой народной или либеральной партіи, сперва обласканные генераломъ Соболевымъ и послѣ его же обманувшіе.

К. Эрротъ,

бывшій министр-президентъ Болгаріи съ 27 апр. по 1 іюля 1881 г.

17-го сентября 1886 года.
Петербургъ.

II.

Письмо К. Г. Эррота—Л. Н. Соболеву.

15-го сентября 1886 г. Спб.

М. г. Леонидъ Николаевичъ! Я познакомился со статью «Къ новѣйшей исторіи Болгаріи», помѣщенной въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. Если все приведенное, какъ въ самой статьѣ, такъ и въ комментаріяхъ къ ней, подписанныхъ вами, согласно съ истиною, то всякій безпристрастный читатель, хоть что-нибудь слыхавшій о той роли, которую я игралъ въ Болгаріи въ 1880—1881 гг., вправѣ заключить, что я или преступникъ и обманщикъ, или лицо, по простотѣ своей, совершенно не вмѣняемое.

Входитъ въ критическое разсмотрѣніе статьи съ комментаріями я считаю нынѣ неудобнымъ: время едва-ли настало для всестороннихъ разоблаченій по болгарскимъ дѣламъ. Пока я хотѣлъ бы ограничиться сообщеніемъ вамъ, м. г., нѣкоторыхъ замѣчаній, которыми вы могли бы воспользоваться, буде пожелаете, для снятія той крайне невыгодной тѣни, которую вы, вѣроятно, безъ намѣренія, набросили на меня своими неосторожными утвержденіями.

Не имѣя основаній предполагать, чтобы вы, ошибаясь, не были *de bonne foi*, вѣжливость обязываетъ меня предоставить вамъ способъ самимъ исправить неумышленные ошибки наименѣе для васъ щекотливымъ образомъ.

Перейду къ сути дѣла:

1) Когда 27-го апрѣля 1881 г. я принялъ на себя составленіе кабинета или, вѣрнѣе, всю исполнительную власть, князь Александръ не передавалъ мнѣ какихъ либо указаній, будто бы имъ полученныхъ въ Петербургѣ. Не будучи обманщикомъ, я не могъ увѣрять своихъ подчиненныхъ русскихъ офицеровъ, что мѣры, которыя тогда принимались по моему-же почину, будто бы указаны русскимъ правительствомъ; въ этомъ никакой надобности и не было: офицеры исполняли, какъ и до того, приказанія; исходившія отъ меня; — манекеномъ въ чьихъ бы то ни было рукахъ они меня, кажется, не считали.

2) О неминуемости кризиса, при разладѣ моемъ съ тогдашнимъ премьеромъ Баранеловымъ, еще до возвращенія князя въ Софію 16-го апрѣля 1881 г., К. Н. Лишинымъ дано было знать въ Петербургѣ, гдѣ, однако, повидимому не особенно этимъ интересовались. Непосредственныхъ сношеній по политическимъ дѣламъ я съ министерствами въ Петербургѣ не поддерживалъ и не былъ даже снабженъ потребнымъ для сего шифромъ. Заботясь, прежде всего, о сохраненіи моихъ намѣреній въ тайнѣ, пока не наступила пора дѣйствовать, я не призналъ удобнымъ о нихъ сообщать посредствомъ дипломатическаго агентства въ Софіи, и имѣлъ на это свои основанія.

3) О событіяхъ въ Софіи 27-го апрѣля 1881 г. телеграфъ передалъ въ одно и то-же время во всѣ стороны свѣта. Въ Петербургѣ могли отнестись къ принятому кн. Александромъ рѣшенію неодобрительно, индифферентно, наконецъ, одобрительно. Полученная шесть дней спустя въ Софіи депеша изъ Петербурга разрѣшила сомнѣнія; въ ней было выражено, между прочимъ, довѣріе ко мнѣ лично. Прибывшій тогда же новый дипломатическій агентъ г. Хитрово долженъ былъ своими поступками, на первыхъ же порахъ, разсѣять всякую

возможность сомнѣній на этотъ счетъ. Мѣсяць съ небольшимъ спустя, князю пожалована Александровская лента.

4) Въ день принятія систовскимъ собраніемъ княжескихъ предложеній, 1-го іюля 1881 г., я оставилъ болгарскую службу; двѣ недѣли спустя я уже былъ въ Петербургѣ и ни отъ кого изъ власть имѣвшихъ не слышалъ неодобренія своихъ дѣйствій,—напротивъ! либеральствующія газеты—это другая статья—но до нихъ мнѣ мало дѣла.

Предоставляю вамъ, м. г., согласовать приведенные выше факты съ тѣмъ, что вы утверждаете на стр. 752, не говоря уже о басняхъ, которыми изобилуетъ самая статья разд. I.

Приписать вліянію Австріи или Германіи переворотъ 1881 г. столь же вѣрно, какъ приписать его вліянію Бельгіи или Румыніи.

Кстати замѣчу, что дипломатическій агентъ Австріи, извѣстный графъ Кевенгюллеръ, въ 1881 г. блисталъ въ Болгаріи своимъ отсутствіемъ. Что князь съ самаго своего прибытія въ Болгарію домогался расширенія прерогативы своей короны—вѣрно, но никакихъ усилій ему не стоило склонить меня содѣйствовать ему въ семь отношеній—это было *grécher un converti*.

Форма правленія, сочиненная тырновскими законодателями со всемогущимъ собраніемъ, съ игрою въ парламентаризмъ и пр., была мало пригодною для Болгаріи; такъ я думалъ въ 1881 г., такъ я думаю и теперь. Вы, повидимому, не раздѣляете этого убѣжденія—тутъ спорить не будемъ. Но почему вы признаете незаконнымъ актъ 1-го іюля 1881 г.—я не понимаю; въ моихъ глазахъ систовское великое собраніе было органомъ выраженія народной воли, по крайней мѣрѣ столь же вѣрное и легальное, какъ учредительное собраніе въ Тырновѣ.

5) Вы утверждаете, что остатки бюджетовъ до 1882 г. шли значительною частью на прихоти (дворъ, займы князя, переворотъ 1881 г.). Созывъ великаго собранія 1881 г. былъ, конечно, сопряженъ съ нѣкоторыми расходами, но они съ избыткомъ покрывались изъ соответствующаго кредита по бюджету, такъ какъ ординарное собраніе въ томъ году уже болѣе не состоялось. На переворотъ собственно, т. е. на агитацію, на избирательную кампанію и т. под. ровно ничего не употреблено, по крайней мѣрѣ, за мое время; въ этомъ и надобности не было, въ виду громаднаго, повсемѣстно существовавшаго въ то время, неудовольствія противъ Каравеловскаго режима. Газетъ ни въ Болгаріи, ни за ея предѣлами я не подкупалъ. Люди извѣстнаго направленія и не только мѣстнаго болгарскаго

пошиба распускали, какъ водится, сплетни, что я на переворотъ расхodoвалъ миллионы!!

Приведеннаго выше пусть будетъ довольно!

Примите увѣреніе и пр.

К. Г. Эрнротъ.

III.

Письмо Л. Н. Соболева — К. Г. Эрнроту.

15-го сентабря 1886 года, С.-Петербургъ.

М. г., Казиміръ Густавовичъ. Въ письмѣ отъ сего 15-го сентабря вамъ, м. г., было угодно сдѣлать нѣсколько разъясненій по болгарскимъ дѣламъ, относящимся до времени вашего пребыванія въ Болгаріи.

Вы совершенно справедливо замѣчаете, что время едва ли настало для всесторонняго разоблаченія по болгарскимъ дѣламъ; я же позволю себѣ добавить къ сему, что истина врядъ ли когда либо обнаружится во всей своей наготѣ.

Къ несчастью, я имѣлъ случай довольно близко узнать ех-князя Александра I и, отдавая его уму и ловкости полную справедливость, вынесъ изъ этого знакомства вполне окрѣпшее во мнѣ убѣжденіе, что ех-князь великій обманщикъ и врагъ всего русскаго.

Почти никто изъ русскихъ, служившихъ въ Болгаріи и занимавшихъ тамъ болѣе или менѣе видное положеніе, не избѣгъ его чарующаго обмана. Русскими онъ пользовался въ своихъ личныхъ интересахъ и хорошо соображалъ, что авторитетъ русскихъ, въ первое время его правленія, безусловно ему необходимъ.

Въ письмѣ вы дѣлаете пять замѣчаній, на которыя я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя возраженія:

1) Нигдѣ я не утверждаю, что вы увѣряли своихъ подчиненныхъ русскихъ офицеровъ, что мѣры, которыя вы изволили принять съ 27-го апрѣля 1881 г., будто бы указаны русскимъ правительствомъ. Мною было высказано, что ех-князь увѣрялъ, что переворотъ 1881 г. сдѣланъ имъ по приказанію, полученному изъ Петербурга, и что онъ скрылъ то, что переворотъ сей не былъ одобренъ русскимъ правительствомъ (на это имѣется не подлежащій комментаріямъ документъ).

Я не зналъ, говорилъ ли это онъ вамъ или нѣтъ, но теперь изъ вашихъ словъ узнаю, что этого онъ вамъ не говорилъ. Болгарамъ и офицерамъ онъ это говорилъ. Вамъ не безъизвѣстна, вѣроятно, исторія подложнаго повелѣнія, будто даннаго изъ Петербурга, по которому русскіе офицеры должны были исполнять волю ех-князя якобы самого русскаго правительства. Повелѣніе это было отлитографировано и роздано русскимъ офицерамъ. На немъ не проставлено числа. Ничуть не сомнѣваясь, какъ нынѣ, такъ и прежде, въ искренности вашихъ словъ и дѣйствій, я убѣжденъ, что мѣры, слѣдовавшія за 27-е апрѣля 1881 г. и до 1-го Іюля того же года, вы принимали, какъ объ этомъ вы сами говорите, по вашему почину, но это нисколько не ослабляетъ моего утвержденія, что ех-князь говорилъ, что переворотъ былъ ему указанъ изъ Петербурга. Я не зналъ, что вы объ этомъ не знали, да я объ этомъ, т. е. что вы знали или не знали, въ своихъ примѣчаніяхъ и не говорю.

2) На второе ваше замѣчаніе я не имѣю что либо сказать, ибо вовсе не знакомъ съ дипломатическою и общественною дѣятельностью г. Лишина. За откровенность позвольте мнѣ быть также откровеннымъ и высказать такую мысль. Я не могъ прочесть безъ удивленія слѣдующихъ вашихъ словъ: «непосредственныхъ сношеній по политическимъ дѣламъ съ министерствами въ Петербургѣ я не поддерживалъ и не былъ даже снабженъ потребнымъ для сего шифромъ. Заботаюсь прежде всего о сохраненіи моихъ намѣреній въ строгой тайнѣ, пока не наступила пора дѣйствовать, я не призналъ удобнымъ о нихъ сообщать при посредствѣ нашего дипломатическаго агентства, и имѣлъ на это свои основанія».

3) По вашимъ словамъ выходитъ, что петербургскій кабинетъ вовсе не зналъ о готовившемся переворотѣ. Значитъ, ех-князь дѣйствительно говорилъ неправду, утверждая, что переворотъ одобренъ въ Петербургѣ. Мнѣ извѣстно, что русское правительство не одобрило переворота, но видя крайне затруднительное положеніе князя, великодушно его поддержало. Это былъ актъ поддержки князя, но не одобреніе мѣръ, послѣдовавшихъ за 27-е апрѣля 1881 г. Въ Петербургѣ еще не знали болгарскаго князя и все еще надѣялись, что онъ будетъ слѣдовать политики Россіи и не рѣшится идти ей наперекоръ.

4) Вы предоставляете мнѣ, м. г., согласовать факты, изложенные въ 1, 2, 3 и 4 пунктахъ вашего письма, съ тѣмъ, что я говорю въ примѣчаніи къ стр. 752 сентябрьской книги «Русской Старины» изд. 1886 г. Я внимательно перечелъ эту стр. 752 и недоумѣваю, въ чемъ собственно должно заключаться это согласованіе? Весь тонъ вашего письма, какъ это мнѣ показалось, клонится къ тому, чтобы убѣдить

меня, что переворотъ 27-го апрѣля 1881 г. и рѣшеніе великаго сѣстовскаго народнаго собранія 1-го іюля того же года были послѣдствіями мѣръ, лично вами замысленныхъ и вами по вашему почину приведенныхъ въ исполненіе. Вы этимъ какъ бы слагаете всякую отвѣтственность съ ех-князя. Съ этимъ я позволю себѣ не согласиться. Переворотъ былъ задуманъ гораздо ранѣе вашего прибытія въ Болгарію, о чемъ вы сами намекаете, говоря, что ех-князь съ самаго прибытія въ Болгарію домогался расширить прерогативы своей короны. На это, впрочемъ, имѣются неопровержимые документы.

Все, что написано мною въ примѣчаніи къ стр. 752, есть мое убѣжденіе, основанное на дѣйствительномъ знакомствѣ съ ех-княземъ и его наклонностями. Не знаю, о какихъ «басняхъ» вы говорите: статья, предшествующая письму гг. болгарскихъ министровъ, основана на документахъ, находящихся у меня частью въ подлинникахъ, частью въ копіяхъ. Статья эта весьма вѣрно изображаетъ положеніе дѣлъ въ Болгаріи за время моего въ ней пребыванія.

5) Вы говорите, что за ваше время на агитаціи и избирательную кампанію не отпускались денежные средства, что газетъ ни въ Болгаріи, ни внѣ ея предѣловъ вы не подкупали и что люди извѣстнаго направленія и не только мѣстнаго болгарскаго пошиба распускали сплетни, что вы на переворотъ расходовали милліоны. Ничего подобнаго въ моихъ примѣчаніяхъ не имѣется. А что ех-князь и его приверженцы-болгары интриговали среди народа, тратили деньги на подкупъ прессы ¹⁾, производили насиліе надъ избирателями—все это не подлежитъ сомнѣнію и я вновь это открыто утверждаю.

Вы пишете, что въ своихъ примѣчаніяхъ къ коллективному письму гг. Грекова, Начовича и Стоилова я будто набросилъ на васъ тѣнь. Я этого не имѣлъ въ виду, да этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Я имѣлъ въ виду лишь одно: разоблачить дѣйствія ех-князя и его личныхъ приверженцевъ, именовавшихъ себя болгарскими консерваторами. Ех-князь весьма искусно пользовался искренностью убѣжденій служившихъ у него и обманывалъ на каждомъ шагѣ. Онъ ненавидѣлъ Каравелова и Стамбулова, что вамъ хорошо извѣстно, и когда ему было выгодно, высказывалъ имъ свою искреннюю любовь. Онъ распинался въ любви къ русскимъ, высылая ихъ изъ Болгаріи съ волчьими паспортами.

Въ 5-мъ пунктѣ вашихъ замѣчаній вы высказываете свою мысль

---

¹⁾ Для сего, между прочимъ, были наняты агенты, развѣзжавшіе по редакціямъ европейскихъ столицъ. Многихъ изъ этихъ агентовъ болгарское правительство обмануло, не уплативъ имъ условленной суммы. Л. С.

о тырновской конституціи, считая ее непригодною для Болгаріи. Князь, разумѣется, былъ того же мнѣнія. Но вотъ что было странно. Когда я, въ августѣ 1883 года, предложилъ ех-князю составить комиссію для составленія новаго проекта конституціи, менѣ либеральной, чѣмъ тырновская, съ тѣмъ, разумѣется, что проектъ этотъ будетъ внесенъ установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе народнаго собранія, князь, согласившись было на это, взявъ свое согласіе назадъ и объявилъ манифестъ о возстановленіи дѣйствій тырновской конституціи во всемъ ея объемѣ.

Вы меня спрашиваете, почему я считаю актъ 1-го іюля 1881 г. незаконнымъ. Вотъ почему:

Болгаріи ея Освободителемъ было предоставлено самоуправленіе, гарантированное выработанною самими болгарами конституціею. Ех-князь присягалъ этому основному закону княжества. По этому закону предложенія объ измѣненіи конституціи (ст. 167 и 168) вносятся порядкомъ установленнымъ для внесенія вообще законовъ въ народное собраніе, при чемъ эти предложенія считаются принятыми, если за нихъ выскажется болѣе двухъ третей всѣхъ членовъ народнаго собранія. Статья 169 конституціи говоритъ: «для разсмотрѣнія сущности означенныхъ въ статьѣ 167 предложеній (измѣненіе или пересмотръ конституціи) созывается великое народное собраніе, которое большинствомъ двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ собранія рѣшаетъ вопросы, касающіеся измѣненія и пересмотра конституціи». Теперь позвольте у васъ спросить, былъ ли соблюденъ въ 1881 г. этотъ, установленный основнымъ закономъ, порядокъ? А также, какое народное собраніе постановило измѣненіе конституціи и какія именно измѣненія? Законъ, котораго всегда слѣдуетъ держаться, не былъ соблюденъ, и актъ 1-го іюля 1881 г. поэтому я считаю незаконнымъ. Онъ вмѣстѣ съ симъ являлся, какъ это обнаружено въ 1882—1883 гг., вреднымъ, ибо отдавалъ всю власть въ руки князя Александра I, по молодости лѣтъ и неопытности не имѣвшаго силы справиться съ взятыми имъ чрезвычайными полномочіями.

Въ Болгарію я ѣхалъ съ желаніемъ установить въ ней законность и порядокъ. Мнѣ, совмѣстно съ А. В. Каульбарсомъ, было поручено поддержать поколебленную власть князя. Поддержку эту я оказалъ, по мѣрѣ силъ моихъ, но когда убѣдился, что «чрезвычайныя полномочія» употребляются во вредъ Болгаріи и Россіи, я выяснилъ нашему русскому правительству истинное положеніе дѣлъ, мнѣ повѣрили и я получилъ въ 1883 г. надлежащую поддержку. Отъ нашего правительства я рѣшительно ничего не скрывалъ и положилъ себѣ цѣлью возстановить законный порядокъ вещей, что мнѣ и удалось. Моя

дѣятельность была совершенно противоположна вашей дѣятельности, хотя, въ чемъ я совершенно убѣжденъ, мы оба дѣйствовали безъ заднихъ мыслей. На меня обрушилась масса клеветъ, распространяемыхъ въ европейской прессѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Весьма естественно, я хотѣлъ, хотя со временемъ, до нѣкоторой степени выяснить свое положеніе въ Болгаріи, въ бытность мою въ ней министромъ. Вотъ настоящая побудительная причина передачи мною уважаемому редактору «Русской Старины» моихъ примѣчаній къ письму гг. Грекова, Начовича и Стоилова, сдѣланныхъ мною 18-го апрѣля 1883 г. Нынѣ редакція ихъ напечатала и я не намѣренъ отъ нихъ отказываться.

Въ письмѣ вашемъ вы говорите, что приписывать влиянію Австріи и Германіи переворотъ 1881 г. столь же вѣрно, какъ приписать его влиянію Бельгіи и Румыніи, и замѣчаете, что дипломатическій агентъ Австріи, графъ Кювенгюлеръ, блисталъ въ Болгаріи въ 1881 г. своимъ отсутствіемъ. Что ех-князь хлопоталъ о своихъ полномочіяхъ ранѣе вашего пріѣзда въ Болгарію, это вы сами не отрицаете. Онъ хлопоталъ черезъ Англію, Австрію и Германію. Переписка по этому дѣлу съ Гладстономъ опубликована; онъ отказалъ въ измѣненіи конституціи. За то Австрія горячо поддерживала стремленіе князя. Дѣло было затѣяно въ 1879 г. и графъ Кювенгюлеръ, какъ меня увѣрили, былъ главнымъ совѣтникомъ князя.

Въ письмѣ вашемъ вы пишете, что замѣчаниями вашими я могъ бы воспользоваться, буде пожелаю, для снятія съ васъ крайне невыгодной тѣни, будто мною набросанной моими неосторожными утвержденіями. Вы любезно предоставляете мнѣ самому рѣшить какимъ способомъ, наименѣе щекотливымъ для меня, я бы могъ исправить мои неумышленные ошибки.

Мнѣ очень неприятно, что мои примѣчанія къ письму болгарскихъ министровъ, отъявленныхъ недоброжелателей Россіи, вызвали въ васъ совершенно напрасныя подозрѣнія. Въ данномъ случаѣ, при вашей постановкѣ вопроса, я отбрасываю всякую щекотливость и рѣшительно ничего не буду имѣть противъ того, чтобы письмо ваше ко мнѣ и мой настоящій отвѣтъ цѣликомъ появились на страницахъ «Русской Старины».

Примите и проч.

Л. Н. Соболевъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ

1876 г.

Поэтъ Некрасовъ занимаетъ такое видное мѣсто въ русской литературѣ, что каждая поэтическая строка, вышедшая изъ - подъ его пера, безспорно имѣетъ значительный интересъ. Поэтому считаю не лишнимъ помѣстить на стр. „Русской Старины“ его стихотвореніе, не вошедшее ни въ одно изъ собраній сочиненій Некрасова, не исключая и самого послѣдняго, 1886 года, и насколько мнѣ извѣстно до сего времени нигдѣ не напечатанное.

О. А. Петрову.

Умиляя сердце человѣка,
Наслажденіе чистое дая,
Голосъ твой насъ услаждалъ полвѣка,
Чудный даръ пѣвца-богатыря!

* *
*

Не слабѣлъ подъ игомъ лѣтъ преклонныхъ!
Тысячи и тысячи сердецъ
Любящихъ, глубоко умиленныхъ,
Благодарность шлютъ тебѣ, пѣвецъ!

* *
*

Воплощая русское искусство
Въ звуки жизни, страсти, красоты,
Трудъ, любовь и творческое чувство
На алтарь его приносишь ты!...

Н. А. Некрасовъ.

Стихотвореніе это написано покойнымъ Н. А. Некрасовымъ ровно десять лѣтъ тому назадъ, по поводу юбилея пятидесятилѣтней артистической дѣятельности пѣвца О. А. Петрова и хранится въ библиотекѣ с.-петербургской консерваторіи. Оно было положено на музыку композиторомъ Чайковскимъ и исполнено на юбилей консерваторскимъ хоромъ.

Сообщ. П. В.

Франц Листъ и графъ Мих. Юрьевичъ Вьельгорскій

въ 1839 г.

Занимаясь разборомъ семейныхъ бумагъ, я имѣлъ случай встрѣтиться съ документомъ, получающимъ въ настоящее время особенное значеніе въ связи съ недавнею кончиною великаго музыканта, Франца Листа. Это письмо моего дѣда, графа М. Ю. Вьельгорскаго, въ которомъ онъ описываетъ первое свое знакомство съ Листомъ. Письмо это исполнено такою непосредственностью впечатлѣнія и такъ любопытно по своему содержанію, что я считаю долгомъ предложить его для помѣщенія въ «Русской Старинѣ», редакція которой не обходитъ молчаніемъ матеріаловъ, касающихся исторіи музыки въ Россіи. Хотя имя Листа и не принадлежитъ Россіи, но графы Вьельгорскіе были русскіе и имѣли въ свое время значительную долю вліянія на развитіе музыкальнаго вкуса въ нашемъ отечествѣ. Въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ пониманіе музыки еще составляло въ Петербургѣ роскошь въ кругу образованныхъ людей и, задолго до основанія филармоническаго и русскаго музыкальнаго обществъ, наслажденіе произведеніями Бетховена, Мендельсона, Шумана и другихъ классиковъ было доступно лишь избраннымъ посѣтителямъ знаменитыхъ когда-то музыкальныхъ вечеровъ въ домѣ Вьельгорскихъ. Домъ этотъ являлся въ свое время проводникомъ въ петербургское высшее общество артистовъ, композиторовъ и ихъ произведеній и, такъ сказать, академію музыкальнаго вкуса. Я помню еще съ дѣтства тѣ вечера у графа Матвѣя Юрьевича Вьельгорскаго, на которыхъ пріѣзжие иностранцы выслушивались и оцѣнялись хозяиномъ предварительно ихъ выступленія на оперной сценѣ и на концертной эстрадѣ. Такія предварительныя испытанія очень часто дѣлались по порученіямъ театральнаго начальства (напримѣръ, мало понимавшаго въ музыкѣ А. И. Сабурова), которое считало обоихъ братьевъ Вьельгорскихъ лучшими знатоками музыки въ Петербургѣ. Это значеніе было достигнуто и

оправдывалось талантливостью обоих братьевъ и давними ихъ сношеніями съ выдающимися представителями музыки въ Европѣ ¹⁾. Печатаемый ниже документъ свидѣтельствуетъ объ этихъ сношеніяхъ и указываетъ путь, какимъ Робертъ Шуманъ и его произведенія впервые проникли въ Россію. Содержаніе письма гр. М. Ю. Вьельгорскаго, которое мы воспроизводимъ въ полной неприкосновенности его орфографическихъ и другихъ особенностей, обязываетъ насъ къ нѣкоторымъ предварительнымъ объясненіямъ.

Въ 1839 году въ Римѣ умиралъ отъ чахотки графъ Іосифъ Михайловичъ Вьельгорскій, подававшій блестящія надежды двадцатитрехъ-лѣтній юноша ²⁾. Отецъ его, графъ Михайлъ Юрьевичъ, пріѣхалъ къ нему изъ Петербурга, гдѣ жилъ съ женой и остальными своими дѣтьми, и провелъ въ Римѣ нѣсколько времени, ухаживая за больнымъ сыномъ. Въ Римѣ съѣхались тогда два музыканта, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитый Францъ Листъ, а другой Оттонъ Николаи, піанистъ, жившій въ концѣ 1830 годовъ въ Италіи, и авторъ довольно извѣстной оперы «Виндзорскія кумушки» (см. Fetis, *Biographie Universelle des musiciens*). Какъ любитель и знатокъ музыки, уже тогда пользовавшійся извѣстностью, М. Ю. Вьельгорскій имѣлъ полную возможность познакомиться съ названными двумя личностями и успѣшилъ этимъ воспользоваться.

Приглашенный на вечеръ къ великому піанисту, онъ прослушалъ въ его исполненіи сонату Бетховена, два этюда самого Листа и одну изъ экзердицій Шопена. Впечатленіе отъ этого вечера было таково, что графъ М. Ю. Вьельгорскій долженъ былъ отъ волненія ухватить и успѣшилъ подѣлиться своимъ восторгомъ съ дѣтьми и братомъ, къ которымъ написано письмо.

Листъ уже достигъ тогда славы, какъ піанистъ; его композиторская дѣятельность ограничивалась въ то время виртуозными переложеніями оперныхъ и другихъ любимыхъ мотивовъ и сочиненіемъ блестящихъ пьесъ для фортепьяннаго исполненія. Къ числу этихъ пьесъ относятся и упоминаемая въ нашемъ документѣ религіозныя гармоніи

¹⁾ Въ моемъ собраніи семейныхъ бумагъ есть весьма много любопытнаго матеріала по этимъ сношеніямъ. Образчикомъ этого матеріала можетъ служить рекомендательное письмо Дж. Мейербера о Г. Бюловѣ, помѣщенное въ „Русской Мысли“ за 1885 г. (сентябрь, смѣсь, стр. 164—166).

²⁾ Отрывочныя свѣдѣнія о немъ см. въ изданной императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ въ 1880 году книгѣ: „Годы ученія императора Александра Николаевича“, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 года (книга I, стр. 356—361), и въ Запискахъ К. К. Мердера, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г. М. В.

(*Harmonies religieuses*). Хотя Листъ еще не вступалъ тогда въ фазисъ сочиненія программныхъ симфоній для оркестра, но, повидимому, уже мечталъ о нихъ, судя по словамъ его, приводимымъ гр. М. Ю. Вьельгорскимъ, о преимуществѣ мысли надъ эффе́ктно́стью въ музыкальныхъ пьесахъ. Своимъ учителемъ музыки авторъ печатаемаго письма называетъ какого-то Миллера ¹⁾. Съ сочиненіями послѣдняго онъ сравниваетъ произведенія Р. Шумана, которыя называетъ достоинствомъ ограниченнаго числа знатоковъ музыки, намекая этимъ, вѣроятно, на Шумановскихъ *Davidsbündler*. Самое имя Шумана, котораго онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ самъ принималъ и угощалъ у себя въ Петербургѣ, было въ 1839 году еще такъ мало знакомо графу М. Ю. Вьельгорскому, что онъ приводитъ его въ извращенномъ видѣ и узналъ о немъ отъ самого Листа.

Встрѣчающіяся въ письмѣ имена Фильда, Тальберга и Гензелъта, конечно, не требуютъ объясненія для читателей «Русской Старины». Но объ упоминаемыхъ графомъ Вьельгорскимъ Рейнгардтѣ и Ленцѣ я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Иванъ Ивановичъ Рейнгардтъ былъ въ 1830 и 1840 годахъ извѣстенъ Петербургу и Москвѣ какъ учитель музыки и выдающійся пианистъ. Что же касается В. В. Ленца, то это былъ замѣчательный по талантливости и разнообразію свѣдѣній человѣкъ, котораго я зналъ лично. Въ одной изъ швейцарскихъ гостинницъ я когда-то въ дѣтствѣ встрѣтилъ въ книгѣ пріѣзжихъ слѣдующій его автографъ: *Staatsrath, Leñz, Jurist, Grammatist, Musicist*. Коньками его были: римское право, нѣмецкая и латинская грамматики, мнемоника, игра на фортепіано, музыкальныя познанія, удивительныя свѣдѣнія въ библиографіи сочиненій Бетховена, въ топографіи Швейцаріи и Индіи и рассказы о его знакомствѣ съ французскимъ романистомъ Бальзакомъ. Онъ былъ не лишенъ остроумія и, какъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, былъ хорошо принятъ у Вьельгорскихъ, гдѣ, однако, иногда возбуждалъ невольную веселость оригинальностью своей фигуры и выходокъ. Объ этой оригинальности, вѣроятно, не забыли посѣтители петербургскихъ концертовъ музыкальнаго общества, гдѣ Ленцъ всегда возбуждалъ вниманіе своимъ восторгомъ при исполненіи произведеній Бетховена. Онъ подпрыгивалъ на стулѣ, вскрики-

¹⁾ Изъ множества Миллеровъ и Мюллеровъ, о которыхъ упоминается въ словарѣ Фетиса, единственный по времени жизни и мѣсту своего пребыванія сюда подходитъ Иванъ Генрихъ Мюллеръ (род. 1780 г. въ Кенигсбергѣ, † 1826 въ Петербургѣ), театральннй скриначъ и профессоръ музыки, жившій въ Россіи, нѣкоторыя произведенія котораго появились въ печати въ Петербургѣ, гдѣ графъ М. Ю. Вьельгорскій провелъ свою юность. М. В.

валъ отъ восхищенія, апплодировалъ среди пьесы и т. д. Ленцъ извѣстенъ и какъ писатель. Ему принадлежитъ почтенная книга о Бетховенѣ (Beethoven et ses trois styles) и автобиографическія безымянныя записки лифляндца, помѣщенные въ *Petersburger Zeitung* и переведенныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 г. ¹⁾ По поводу познаній Ленца въ топографіи и географіи я припоминаю случай, о которомъ сохранилось въ моемъ семействѣ преданіе.

Графъ М. Ю. Вьельгорскій ожидалъ къ себѣ на вечеръ князя Алексѣя Дмитриевича Салтыкова, извѣстнаго путешественника по Индіи и Персіи ²⁾. Ленцъ, предупрежденный о его посѣщеніи, явился съ громаднымъ запасомъ хорошо ему знакомыхъ данныхъ и цѣлый вечеръ приводилъ Салтыкова въ восхищеніе своими разспросами объ Индіи и о подробностяхъ ея топографіи, и сразу убѣдилъ путешественника въ томъ, что и онъ самъ прошелъ по его пути. Когда шутка объяснилась, то Салтыковъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Ленцъ не бывалъ въ Индіи, и, увѣрившись въ томъ со словъ графа Вьельгорскаго, былъ пораженъ весьма неприятно и разсорился съ Ленцомъ.

Графъ М. Ю. Вьельгорскій самъ былъ композиторъ. Его романсы («Любила я», «Бывало» и другіе) пользовались громкою извѣстностью. О его никогда неоконченной оперѣ «Цыгане», либретто которой составлялось многими извѣстными поэтами 1840-хъ годовъ, упоминается въ Запискахъ М. И. Глинки. Сюжетъ этой оперы основанъ на дѣйствительномъ событіи, случившемся въ 1812 году, и одинъ изъ ея актовъ происходитъ на нижегородской ярмаркѣ.

Любопытный и лестный отзывъ Листа объ отрывкахъ изъ этой оперы объясняется тѣмъ, что въ то время ему еще не были извѣстны произведенія М. И. Глинки. Свѣжесть и оригинальность русскихъ мотивовъ, хотя и съ нѣкоторымъ итальянскимъ оттѣнкомъ въ обработкѣ, могли поразить новизною Листа и Николаи, такъ какъ до того времени мотивы эти лишь изрѣдка проникали въ Западную Европу посредствомъ заимствованій, на примѣръ, Бетховена (въ квартетѣ, посвященномъ графу Разумовскому) и Россини (въ Севильскомъ Цирюльникѣ).

Особенности слога и правописанія печатаемаго ниже письма не указываютъ на твердое знаніе русскаго языка его авторомъ. Но этотъ недостатокъ объясняется польскимъ происхожденіемъ и эпохою воспи-

¹⁾ Отрывки этихъ записокъ появились въ 1850 г. въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ: „Aus dem Tagebuche eines Livländers“.

²⁾ Его путешествія описаны на французскомъ языкѣ и изданы въ Парижѣ въ концѣ 1840 годовъ. В. М.

танія графа М. Ю. Вьельгорскаго, когда, именно въ самомъ началѣ нашего столѣтія, эклектичскій космополитизмъ вызывалъ реакцію романтизма, пока только въ Германіи, а педагогическое вліяніе Франціи господствовало въ Россіи безъ всякаго соперничества. И при всемъ томъ, то обстоятельство, что человѣкъ такого образованія и общественнаго положенія, какъ графъ М. Ю. Вьельгорскій, писалъ въ 1830-хъ годахъ своимъ дѣтямъ письма по русски, уже само приобрѣтаетъ особое значеніе, въ сравненіи съ общею привычкою баръ того времени употреблять французскій языкъ даже въ семейныхъ сношеніяхъ.

М. А. Веневитиновъ.

Москва.

14-го сентября 1836 года.

Письмо графа М. Ю. Вьельгорскаго

къ его дѣтямъ въ Петербургъ изъ Рима, 1839 г.

Здѣсь теперь Листъ, съ которымъ я очень музыкально познакомился. Это—царь піанистовъ и доселѣ никто на этомъ инструментѣ не произвелъ на меня подобнаго дѣйствія. Я никогда не думалъ, что можно такъ играть музыку Бетговена, напр. старыя его сонаты. Онѣ дѣлаются подъ его пальцами новыми, хотя онѣ никакихъ перемѣнъ не дѣлаютъ, кромѣ удвоенія акордовъ въ форте.

Листъ единственный для меня.

На счетъ его *harmonies religieuses*, которыхъ я никогда понять не могъ, онъ мнѣ сказалъ: «*ce morceau m'a donné une réputation méritée d'absurdité*»¹⁾. Онъ отрѣкается отъ прежнихъ своихъ сочиненій, говорить о музыкѣ умно и глубоко. Хотѣлъ бы я вамъ дать понятіе объ его игрѣ, но этого перомъ нельзя описать. Что господствуетъ въ немъ, это—чувство и оригинальность, а оттенки дошли, кажется, до послѣдней границы возможнаго и приличнаго; далѣе было бы карикатурно. Я слышалъ у него на вечерѣ 4 пьесы, послѣ которыхъ принужденъ былъ уѣхать. Его игра меня разстроила такъ, что я спать не могъ и не настроился опять, какъ на другой день къ вечеру.

¹⁾ Благодаря этой пьесѣ меня справедливо обвинили въ чепухѣ.

Темпы его въ моемъ родѣ, т. е. скорые—необыкновенно скоро, а медленные—протяжѣе также обыкновенныхъ экзекуторовъ. Переходы отъ fortissimo къ pianissimo неизмовѣрны, напр., въ сонатѣ Бетговена en ut mineur dans le chant du milieu ¹⁾ онъ лѣвой рукой въ бассѣ

играетъ фигуру съ чрезвычайной силой, а тою же ру-

кою перескакивая au soprano, играетъ легко и piano. Это поймете вы, когда услышите эту сонату. Все это будетъ интересовать Рейнгарда и Ленца, который сонату эту играетъ. Игралъ онъ 2 этюда огромныхъ и прекрасныхъ, его сочиненія, въ родѣ Фильда, и 2-ю назвалъ я удачно le jugement dernier ²⁾. Онъ произвелъ эффектъ чрезвычайный, такъ что мы вскочили и вскрикнули, не въ силахъ обуздать чувства удивленія. Приятно вамъ будетъ узнать, что мои цыганы ему понравились особенно. Игралъ я ему конечную арію ламенто, хоръ плясовой цыганъ, балладу и ярмонку. C'est neuf, bravo ³⁾ часто онъ вскрикивалъ, и Николаю, который ему сказалъ: comment trouver des choses si neuves maintenant ⁴⁾, онъ сказалъ: mon cher, nous ne sommes que des fiacres ⁵⁾. Онъ образованъ и уменъ, мнѣнія его замѣчательны, хотя иногда эксцентрически рассуждаетъ. Dans la musique je fais plus de cas de la pensée que de l'effet ⁶⁾! Это глупо, но можетъ ввести сочинителя въ ошибки и крайность. Я почитаю знакомство его эпохою для меня въ отношеніи музыкальномъ. Скажите Рейнгарду, чтобы онъ досталъ сочиненія d'un certain Schukman de Leipzig ⁷⁾. Листъ его высоко ставитъ; его сочиненія въ родѣ моего учителя Миллера. C'est écrit pour une 50-taine de musiciens et connaisseurs ⁸⁾. Талберга онъ почитаетъ величайшимъ экзекуторомъ, какъ музыканта ставитъ Chopin выше всѣхъ. Какъ онъ игралъ l'exercice en ut mineur, который такъ превосходно исполнялъ Гензелтъ! Но какая разница между обоими! Какъ больше огня и силъ у Листа! Притомъ какая совершенная механика! Онъ полагаетъ быть въ Петербургѣ въ 41-мъ году. Вы можетъ быть еще застанете его въ Италіи.

¹⁾ Въ среднемъ голосѣ.

²⁾ Страшный судъ.

³⁾ Это ново, браво.

⁴⁾ Какъ найти теперь такую свѣжесть?

⁵⁾ Любезный, что до насъ касается, то мы только извошники.

⁶⁾ Въ музыкѣ я болѣе обращаю вниманія на мысль, чѣмъ на впечатлѣніе.

⁷⁾ Нѣкоего Шукмана изъ Лейпцига.

⁸⁾ Это написано для полусотни знатоковъ изъ музыкантовъ.

Къ разсказамъ изъ жизни императора Николая I

1844—1845 гг.

Въ февральской книгѣ «Рус. Старини», стр. 411, помѣщены рассказы инженера генераль-лейтенанта Евгенія Андреевича Егорова объ эпизодахъ изъ жизни покойнаго императора Николая Павловича. Къ тѣмъ разсказамъ г. Егорова я присоединю и свой о случаѣ, совершившемся на моихъ глазахъ; мнѣ тогда было 20 лѣтъ и все до сихъ поръ живо сохраняется въ моей памяти.

Лѣтомъ 1844 или 1845 года государь императоръ Николай Павловичъ изволилъ пробѣжать въ Харьковскую и Херсонскую губерніи для смотра расположенныхъ тамъ войскъ; никакихъ официальныхъ ему встрѣчъ дѣлать не приказано, даже чрезъ городъ Курскъ онъ проѣхалъ, не останавливаясь, почему и лошади для него и свиты были выставлены за чертою города. Изъ города Обояни государь выѣхалъ часовъ одиннадцать дня. Погода стояла сухая, жаркая.

На половинѣ дороги между городомъ Обоянью и почтовою станціею «Кочетки», откуда-то вывернулся становой приставъ обоянскаго уѣзда 2 стана Петръ Васильевичъ Миллеръ, въ телѣгѣ, запряженной тройкой обывательскихъ лошадей, съ двумя подъ дугой колокольчиками, и во весь карьеръ обогналъ царскій экипажъ, да проскакалъ такъ близко, что едва своею телѣгою не задѣлъ царскую коляску, и такъ какъ тогда дорога была не шоссеиная, а грунтовая, то поднявшійся отъ его телѣги густой столбъ пыли наполнилъ коляску и обдалъ государя и сидѣвшаго съ нимъ рядомъ генераль-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова.

Разгнѣванный поступкомъ Миллера государь приказалъ ѣхавшему вслѣдъ за нимъ фельдъегерю догнать и задержать промчавшагося безумца; но пока лошади государя остановились, пока подозвали къ государю фельдъегеря для полученія приказанія—Миллера и слѣдъ

простыль; какъ фельдъегерь ни гналъ своихъ лошадей, но Миллера не догналъ; Миллеръ же, не въѣзжая въ деревню Кочетовку, быстро отрѣзалъ отъ дуги колокольчики; ямщикъ его, заранѣе предупрежденный, своротилъ въ близъ стоящій лѣсъ и скрылся, а Миллеръ въ первомъ крестьянскомъ огородѣ спрятался въ солому и какъ севозъ землю провалился.

На станціи «Кочетки» государь еще больше разсердился за то, что фельдъегерь не догналъ бѣглеца, и приказалъ арестовать фельдъегеря, а графу Орлову приказалъ розыскать проскакавшаго или узнать, кто обогналъ его.

Возлѣ почтовой станціи собралось разнаго сорта и пола людей человѣкъ пятьсотъ, въ томъ числѣ и я.

Графъ Орловъ съ полчаса ходилъ въ толпѣ людей и многихъ расспрашивалъ кто и куда проѣхалъ на телѣгѣ съ двумя колокольчиками, но никто такого проѣзжающаго не видалъ и не слышалъ о его проѣздѣ. Графъ Орловъ, недоумѣвая, какъ это въ виду гнавшагося за нимъ фельдъегеря проѣзжающій исчезъ у самой деревни Кочетовки, обратился ко всѣмъ намъ съ просьбой помочь ему розыскать бѣглеца или сказать кто онъ; что требуетъ этого государь и что онъ не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не разыщетъ этого ѣздока, и ушолъ на станцію къ государю, ходившему по комнатѣ взадъ и впередъ.

Находившійся тутъ же между народомъ писмоводитель Миллера, видя, что его начальнику въ соломѣ не отсидѣться, побѣждалъ и сообщилъ ему о всемъ; тогда Миллеръ задними ходами пробрался въ свою квартиру и, переодѣвшись въ мундиръ, при шпагѣ и трехъугольной шляпѣ, явился къ почтовой станціи и остановился на подъѣздомъ крыльцѣ; вскорѣ вышелъ на крыльцо и графъ Орловъ. Миллеръ совершенно свободно отрекомендовался, что онъ становой приставъ, имѣлъ счастье на подводскихъ лошадяхъ обогнать экипажъ его величества. Графъ Орловъ удивленно развелъ руками, усмѣхнулся, пожурилъ Миллера за неумѣстную его выходку и приказалъ ожидать рѣшенія его участи государемъ, которому онъ сейчасъ доложить о явѣ его.

Этотъ Миллеръ крайне миниатюрнаго роста, въ корпусѣ худой, тонкій, лѣвая нога у него короче правой, отъ чего онъ очень хромалъ, мундиръ на немъ по тогдашней формѣ былъ съ хвостиками назади, огромная допотопная шпага и такая же большая поружьбная отъ времени шляпа, скрывавшая главу Миллера и до половины лицо. Въ такомъ нарядѣ онъ скорѣе годился бы въ маскарадъ, чѣмъ являться къ государю; смотря на него, вертающагося на крыльцѣ и

оправляющагося совершенно свободно, мы всѣ отъ души потихоньку смѣялись.

Графъ Орловъ, вѣроятно изъ сожалѣнія къ этому шути, пріятными для государя воспоминаніями успокоилъ его и привелъ въ хорошее расположеніе духа, тогда и доложилъ о Миллерѣ, котораго государь потребовалъ къ себѣ.

Она въ станціонномъ домѣ, очень низкія отъ земли, были раскрыты и мы, стоя близко, все видѣли и слышали, что тамъ происходило.

Войдя въ комнату государя, Миллеръ вытянулся на одной ногѣ, приложивъ руку къ шляпѣ, и звонкимъ голосомъ бойко отрапортовалъ:

«Вашего императорскаго величества коллежскій регистраторъ Миллеръ, приставъ 2 стана Обоянскаго уѣзда; все въ окружности обстоитъ благополучно».

При видѣ такой фигуры, какимъ былъ Миллеръ, и съ произнесеннымъ имъ рапортомъ, государь едва не расхохотался и вынужденъ былъ сдѣлать паузу, чтобы удержать смѣхъ.

— Ты обогналъ меня и обдалъ пылью? спросилъ государь.

Точно такъ, ваше императорское величество, отвѣтилъ Миллеръ.

— Какъ ты смѣлъ это сдѣлать! грозно крикнулъ государь.

По долгу службы, ваше императорское величество, какъ вѣрноподанный обязанъ и денно и нощно охранять спокойствіе моего государя, не пада живота своего до капли крови.

Тутъ государь не выдержалъ смѣха, отвернулся отъ Миллера и сталъ разсматривать картину, висѣвшую на стѣнѣ, и, стоя къ Миллеру задомъ, сказалъ:

— Вотъ я тебѣ, хромоногій тѣлохранитель, велю другую ногу оторвать.

Миллеръ звонко: «радъ стараться, ваше императорское величество».

Послѣ этого государь, не глядя на него, крикнулъ: «пошелъ вонъ», и Миллеръ выскочилъ на крыльцо съ сіяющею физиономіею.

По уходѣ Миллера со станціи государь съ графомъ Орловымъ минутъ пять весело разговаривалъ и улыбался и замѣтно было, что предметъ разговора ихъ былъ—Миллеръ.

Выйдя изъ станціи на крыльцо, чтобы садиться въ коляску, государь, обратясь къ стоявшему здѣсь Миллеру и указывая рукою на сидѣнье сзади коляски, сказалъ:

— Эй ты, тѣлохранитель, садись вонъ тамъ и храбро охраняй царя.

Миллеръ быстро захромалъ, вскарабкался на сидѣнье и переважно усѣлся; рядомъ съ нимъ помѣстился царскій камердинеръ въ фуражкѣ съ галуномъ, и коляска покатила.

Долго мы смотрѣли вслѣдъ убѣгающей коляскѣ въ неопредѣленномъ раздумьи объ участи Миллера.

До города Бѣлгорода Миллеръ прокатился семьдесятъ верстъ; тамъ государь приказалъ городничему отправить Миллера, подъ надзоромъ частнаго пристава, къ курскому губернатору.

Губернаторомъ былъ въ то время въ Курскѣ Андрианъ Прокофьевичъ Устимовичъ, предъ которымъ Миллеръ предсталъ при рапортѣ бѣлгородскаго городничаго, безъ указанія его виновности, а между прочимъ подъ арестомъ, поэтому губернаторъ, впредь до разъясненія обстоятельствъ, приказалъ Миллеру жить у него въ домѣ.

Миллеръ прожилъ въ домѣ губернатора ровно три мѣсяца, получая жалованье и ничего не дѣлая; наконецъ, губернаторъ написалъ къ графу Орлову и просилъ доложить государю—что ему дѣлать съ Миллеромъ?

Гр. Орловъ не замедлилъ увѣдомить губернатора, что государь повелѣлъ отпустить Миллера къ мѣсту служенія; Миллеръ же въ три мѣсяца пребыванія своего въ домѣ губернатора успѣлъ такъ ему понравиться, что тотъ не отпустилъ его отъ себя, а сдѣлалъ своимъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Н. Давыдовъ.

Городъ Фатежъ.
10 Юля 1886 г.

ПОПЕЧИТЕЛЬ ОКРУГА МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Изъ пережитаго.

1848 г.

Когда пишущій настоящія строки былъ уже въ 7-мъ классѣ одной изъ провинціальныхъ гимназій, начальство послѣдней получило, частнымъ путемъ, увѣдомленіе, что вступившій въ должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ намѣревается выѣхать изъ столицы для осмотра означенной гимназіи. Эта вѣсть, какими-то судьбами, моментально распространилась по всему заведенію, такъ что о предстоявшемъ прибытіи его превосходительства знали одновременно не только лица начальствующія и ученики, но даже и поварь съ прачками (при гимназіи существуетъ пансіонъ). Прошло недѣли двѣ томительнаго ожиданія, и какъ время все сглаживается, то и начальство гимназіи, съ своими подчиненными вкупѣ, по привыкло къ полученной вѣсти и поослабло настроеніемъ встрѣтить пріѣздъ генерала, съ подобающими поклонами въ моментъ его появленія во входныхъ дверяхъ храма науки. Вдругъ, неожиданно-негаданно, въ одно, какъ говорится, прекрасное утро, когда пишущій сіи строки сидѣлъ съ товарищами въ классѣ, занимаясь, подъ руководствомъ учителя, греческимъ языкомъ, около 10 часовъ блеснула намъ всѣмъ въ глаза, черезъ дверныя стекла, генеральская звѣзда, и въ тотъ же моментъ, въ распахнутыя сторожемъ двери, ввалилась въ 7 классъ генеральская особа, въ вицъ-мундирѣ, со звѣздою и въ фуражкѣ. При видѣ незнакомой звѣзды, и учитель, и ученики, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, вскочили съ своихъ мѣстъ. Генераль, снявъ, какъ бы нехотя, фуражку, привѣтствовалъ:

— «Здорово, дѣти».

— Здравія желаю, вашество, дружно грянули ученики.

Затѣмъ, его превосходительство усѣлось на учительскомъ мѣстѣ; учитель же остался стоять за его спиною, въ образѣ лакея. Не разрѣшивъ ученикамъ сѣсть, генераль взглянулъ на лежавшую предъ нимъ на партѣ (столѣ) раскрытую книгу, спросилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— «Чѣмъ вы занимаетесь?»

— Въ настоящій урокъ—переводомъ съ греческаго языка на русскій, послѣдовалъ докладъ учителя изъ-за спины свѣтила науки.

Въ это время явились, въ полной формѣ, директоръ съ инспекторомъ, а за ними и сторожъ—съ креслами въ рукахъ, но его превосходительство почти и не обратило на первыхъ вниманія.

— «Почему ты плохо учишься?» спросилъ генераль одного изъ учениковъ, когда учитель доложилъ о немъ на вопросъ его превосходительства объ успѣхахъ учащихся.

— Стараюсь, вашество, но не могу успѣть, было отвѣтомъ вопрошеннаго.

— «А по какому предмету идетъ онъ лучше?» спросилъ генераль, едва повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ стояли, вытянувшись въ струнку, директоръ съ инспекторомъ.

— По математикѣ, едва проговорилъ послѣдній.

— «Такъ предоставить ему заниматься, вмѣсто греческаго языка, математикою», порѣшилъ попечитель учебнаго округа, и тѣмъ олицетворилъ въ своей персонѣ законъ государственный.

— «Что вы проходите изъ исторіи», спросилъ попечитель насъ—учениковъ.

— Исторію Россіи, вашество, отвѣчали мы.

— «Разскажи мнѣ княженіе Ольги», обратился генераль къ одному изъ учениковъ.

Только что ученикъ началъ отвѣчать, какъ попечитель, перебивъ его рѣчь, самъ сталъ продолжать повѣствованіе, склоняясь головою надъ партою и разсматривая внутренность попавшей ему въ руки пустой новой чернильницы, которая какъ разъ стояла на столѣ у мѣста его сидѣнья. Вдругъ сторожъ ударилъ въ колоколь, что было повѣсткою къ перемѣнѣ въ классахъ лекцій, и масса учениковъ, подобно муравьиному рою, задвигалась взадъ и впередъ по корридорю, конечно, съ стукомъ каблуковъ и неизбѣжнымъ гуломъ отъ разговоровъ, въ невѣдѣніи о присутствіи попечителя округа въ 7-мъ классѣ. Какъ бы возмущенный подобнымъ шумомъ въ корридорѣ, одинъ изъ моихъ товарищей невольно повернулъ глаза къ дверямъ, но этотъ маневръ его,

къ несчастію, былъ усмотрѣнъ генераломъ. Мусинъ-Пушкинъ, какъ бы силою электричества, былъ вздернутъ моментально со стула. Онъ прыгнулъ, аки левъ, къ виновному и заоралъ въ изступленіи:

— «Какъ! ты, мальчишка, — мальчишкѣ было 20 лѣтъ, — смѣешь смотрѣть по сторонамъ, когда я, попечитель учебнаго округа, нахожусь здѣсь и рассказываю исторію?! Такъ значить, вы здѣсь, въ мое отсутствіе, съ учителями чрезъ парты скачете?!»

Затѣмъ, болѣе и болѣе приходя въ ярость, какъ бы подогрѣваемый горячими угольями, и брызгая на все и на вся слюнами, побѣжалъ, какъ ужаленный, къ дверямъ, съ крикомъ:

— «Директора, инспектора въ солдаты сдамъ!»

Едва, едва сторожъ успѣлъ распахнуть предъ нимъ двери, и онъ выскочилъ въ корридоръ, какъ угорѣлый—на свѣжій воздухъ. Въ эти минуты уже всѣмъ учителямъ и ученикамъ стало извѣстнымъ присутствіе попечителя округа въ стѣнахъ 7-го класса, и потому всѣ поспѣшили убраться, по добру по здорову, въ классы, ранѣе опредѣленнаго уставомъ десяти-минутнаго срока для отдыха. Летя по корридору, тайный совѣтникъ вскочилъ въ 3-й классъ, гдѣ былъ урокъ законоучителя, кандидата с.-петербургской духовной академіи,—пастыря, любимаго и уважаемаго не только учениками и начальствомъ гимназіи, но и всѣми гражданами безъ исключенія. Съ появленіемъ попечителя въ дверяхъ 3-го класса, законоучитель всталъ и почтительно поклонился, а Мусинъ-Пушкинъ, едва кивнувъ головою въ отвѣтъ, усѣлся на стулѣ преподавателя. Въ этомъ случаѣ, стоявшій пастырь церкви на вытяжку предъ тайнымъ совѣтникомъ, наглядно для учениковъ, изображалъ собою строеваго солдата, тянущагося во фронтъ предъ лицомъ генерала.

— «Скажи мнѣ пятую заповѣдь», обратился попечитель къ одному изъ лѣнливыхъ учениковъ, сидѣвшихъ за задней, т. е. послѣдней, парты. Естественно, тотъ замялся, и языкомъ—ни съ мѣста.

— «Такъ такъ-то знаютъ у тебя ученики законъ Божій?» загремѣлъ попечитель, обращая свой дерзкій вопросъ къ законоучителю.

— Этотъ ученикъ изъ числа слабыхъ, и о заповѣдяхъ положено проходить въ 4-мъ классѣ, но, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что и здѣсь найдутся ученики, которые могутъ отвѣтить на предложенный вѣществомъ вопросъ, осмѣлился доложить пастырь церкви тайному совѣтнику.

— «Такъ ты сталъ еще разсуждать?» заревѣлъ попечитель округа, вскочивъ со стула, «я про тебя Антонію скажу»,—бывшему въ то время с.-петербургскому митрополиту—«такъ ты знаешь, куда улетишь?!»

Законоучитель побѣлѣлъ, но на ревъ тигра остался безмолвнымъ, и тайный совѣтникъ, какъ бы ошпаренный, выскочилъ изъ класса, и

для охлажденія своей головы покатишь осматривать достопримѣчательности монастыря, стоящаго въ 3-хъ верстахъ отъ города. Во время обѣда пансіонеровъ, Мусинъ-Пушкинъ явился въ столовую и, отвѣдавъ супу и квасу, произнесъ:

— «Кушанья, быть можетъ, приготовлены хорошо въ часы моего пребыванія здѣсь, но квасъ, должно быть, у васъ всегда хорошъ».

Онъ не зналъ того, что въ супъ, по случаю пріѣзда ревизора, подбавили скоромнаго масла и всыпали петрушечнаго листа, а квасъ, нарочно сваренный на случай пріѣзда начальника, въ количествѣ только 2-хъ ведеръ, стоялъ на ледникѣ, со дня полученной повѣстки изъ столицы о намѣреніи Мусина-Пушкина ѣхать на ревизію нашей гимназіи.

И. Ф. Радзиковскій.

С.-П.-В. Іюня 1886 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

Посѣщеніе имъ перваго студенческаго общежитія при московскомъ университетѣ

1881 г.

25-го мая 1881 года, въ часъ дня, къ дому перваго студенческаго общежитія при московскомъ университетѣ подъѣхали карета и открытая коляска. Изъ кареты вышелъ, опираясь на костыль, при помощи какого-то военнаго врача, высохшій, но еще весьма бодрый и весьма подвижной старичекъ, одѣтый въ очень тощую, поношенную не то шинельку, не то свиту, и старый темнокоричневый плюшевый картузь, съ большимъ козырькомъ.

То былъ Николай Ивановичъ Пироговъ.

Изъ коляски вышли бывшій тогда ректоръ нашего московскаго университета Н. С. Тихонравовъ и стройный, очень красивый старикъ, съ прекраснымъ, еще очень молодымъ лицомъ, съ совершенно бѣлыми, серебристыми, густыми волосами на головѣ и большой бородѣ. Это былъ, какъ намъ представилъ его Н. С. Тихонравовъ, тогдашній ректоръ петербургскаго университета Бекетовъ.

Произошло это уже почти въ періодъ окончанія той горячей, сильно напряженной, болѣзненной дѣятельности студентовъ, проявляющейся съ необычайною энергіею въ пору экзаменовъ, когда, по выраженію одного очень остроумнаго профессора, febris exaменalis упорно гнѣздится въ учащейся молодежи и немилосердно трясеть каждаго студента. Во время пріѣзда Пирогова въ общежитіе, бѣлая часть студентовъ его или ушла на экзамены, или отправилась на буль-

вары, если не подышать свѣжимъ воздухомъ, котораго въ Москвѣ трудно найти, то хоть, по крайней мѣрѣ, отдохнуть послѣ утомительнаго сидѣнія за читкой и штудированіемъ книгъ и литографированныхъ лекцій. Дома оставалось человѣкъ пятнадцать ¹⁾. Я спускался по лѣстницѣ внизъ съ третьяго этажа въ бібліотеку просмотрѣть свѣжія газеты, когда встрѣтился мнѣ поднимающійся кверху Николай Ивановичъ, вмѣстѣ съ своими спутниками и двумя-тремя студентами общежитія. Судьба дала мнѣ возможность, такимъ образомъ, совершенно неожиданно для меня познакомиться съ знаменитымъ человекомъ въ то время, когда имъ особенно занимались всѣ, когда въ обществѣ и печати только и рѣчи было о немъ, о Пироговѣ, о его заслугахъ, значеніи, о его юбилеѣ и т. п. Я былъ представленъ Пирогову, какъ и мои товарищи, нашимъ ректоромъ.

Николая Ивановича я увидѣлъ здѣсь только въ первый разъ въ моей жизни и, не смотря на это, тотчасъ же узналъ его: его портретъ, висѣвшій въ нашей бібліотекѣ въ общежитіи, имѣлъ съ оригиналомъ разительное сходство. Вѣсть, что въ общежитіи находится Николай Ивановичъ Пироговъ, быстро облетѣла все зданіе общежитія и всѣ почти студенты, находившіеся на лицо, окружили знаменитаго хирурга и воспитателя.

Никто не ожидалъ пріѣзда Пирогова въ общежитіе. Случилось даже такъ, что представителей администраціи этого учрежденія при посѣщеніи Пирогова не было: тогдашній экзекуторъ, покойный В. И. Орловъ, по обычаю, въ эти часы дня находился на службѣ своей, въ губернской земской управѣ; а учредитель, С. В. Лепешкинъ, обыкновенно почти каждый день проводившій нѣсколько часовъ въ своемъ «дѣтищѣ», какъ онъ называлъ общежитіе, въ этотъ памятный для многихъ насъ день не могъ почему-то быть въ общежитіи.

Удивительно быстро и бодро, опираясь только на костыль свой, поднялся Николай Ивановичъ на третій этажъ, зашелъ въ четвертую квартиру и прежде всего посѣтилъ первый номеръ этой квартиры, въ которомъ тогда я жилъ одинъ. Здѣсь прежде всего онъ обратилъ свое вниманіе на кровать и постель. Чрезвычайно внимательно, съ большимъ навыкомъ, несомнѣнно пріобрѣтеннымъ во время его много-

---

¹⁾ Всѣхъ насъ было 42 человѣка—обыкновенный комплектъ общежитія.

лѣтней и многотрудной жизни по госпиталямъ и больницамъ, масти-
тый ученый осматривалъ скромное студенческое ложе, даже матрацъ
наполовину завернулъ. И остался очень довольнымъ. «Чисто и просто,
а потому и хорошо», сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ.
Затѣмъ онъ осмотрѣлъ устройство вентиляціи, и его также очень
одобрилъ. Особенно хвалилъ онъ повсюду встрѣчаемую чистоту и
опрятность.

На столикѣ, около кровати одного изъ студентовъ, стояло два
букета, только что купленныхъ у торговки, бѣлоснѣжныхъ ландышей.
Николай Ивановичъ долго и съ наслажденіемъ нѣсколько разъ при-
нимался вдыхать въ себя тонкій и нѣжный ароматъ ихъ, освѣдомился,
откуда они попали къ студенту, и потомъ замѣтилъ, что и онъ очень
любитъ эти превосходные цвѣты.

Безъ внимательнаго и самаго тщательнаго осмотра Николая Ива-
новича ничего не осталось въ общежитіи: онъ осмотрѣлъ всѣ четыре
квартиры, побывалъ во всѣхъ номерахъ, при чемъ всякій разъ, когда
входилъ къ кому, предварительно испрашивалъ на это позволенія у
обитателя номера. Онъ осмотрѣлъ умывальныя комнаты, побывалъ въ
помѣщеніяхъ прислуги каждой квартиры, даже пробовалъ проведенную
въ домъ воду. При чемъ, къ нашему всеобщему изумленію, Николай
Ивановичъ быстро бѣгалъ по лѣтницамъ общежитія, скорѣе какъ
молодой и здоровый человѣкъ, а вовсе не дряхлый старикъ, смер-
тельно подтачиваемый своимъ тяжелымъ недугомъ. Всюду слышались
его дѣльныя замѣчанія, и все почти онъ одобрилъ и похвалилъ.

Окруженный молодежью, онъ запросто, дружески и задушевно бе-
сѣдовалъ съ нами о нашемъ житьѣ-бытьѣ, спрашивалъ о нашихъ
занятіяхъ и выражалъ свою искреннюю радость нашему благополучію.

— Ну, а водочку или пиво, господа студенты, поживаете? Будемъ
говорить откровенно, по студенчески,—спрашивалъ насъ знаменитый
хирургъ.

— Нѣтъ, Николай Ивановичъ, у насъ этого въ заведеніи совсѣмъ
нѣтъ: мы не пьемъ въ общежитіи, отвѣчали мы почти въ одинъ голосъ.

— Ой-ли, правду-ли вы говорите, ребяташки? шутиливо вновь спро-
силъ Николай Ивановичъ. — Въ наше время мы потягивали больше
пиво.

Студенты подтвердили ему сказанное.

— Мы, Николай Ивановичъ, возразилъ Пирогову одинъ изъ насъ,

сами наблюдаемъ за тѣмъ, чтобы у насъ не было пьянства. Каждый студентъ прекрасно сознаетъ всю выгоду такого порядка нашей общей жизни. Пьянство мѣшало бы нашимъ занятіямъ, нашему спокойствію; изъ личнаго эгоизма каждый оберегаетъ это послѣднее благо; хотя это вовсе не значить, чтобы кто-нибудь изъ насъ иногда не кутнулъ или не пришелъ навеселѣ.

— Эхъ, какая разница, говорилъ онъ, стоя въ первой квартирѣ во второмъ этажѣ, между нашимъ бытѣемъ студенческимъ, давнишнимъ, моимъ, напимѣрь, и вашимъ, господа студенты, настоящимъ! Вотъ я, Николай Савичъ, обратился онъ къ ректору и взялъ его при этомъ за пуговицу сюртука,—вѣдь тоже жилъ во времена моего студенчества въ нѣкотораго рода общежитіи. Находилось оно у насъ гдѣ-то на Тверскомъ бульварѣ. Тамъ былъ такой домъ, съ балкономъ на улицу, и дома-то этого теперь уже давно нѣтъ: время все сокрушило. Такъ вотъ-съ, бывало, какъ первое число мѣсяца, такъ въ нашемъ, буду называть, общежитіи дымъ коромысломъ шелъ, весь домъ шелъ вверхъ дномъ: шумъ, гамъ, гвалтъ, самое ужасное пѣніе, пляска, дикіе крики наполняли наше жилище и день и ночь; вподрядъ дней пять или шесть продолжалась у насъ такая жизнь и почти поголовное пьянство. Тогда-то въ нашей квартирѣ появлялись какія-то совершенно незнакомыя личности, Богъ знаетъ откуда взявшіяся. Помню, посѣщали насъ особенно въ эти дни какіе-то протодіаконы и діаконы, изъ которыхъ одинъ особенно выдѣлялся: здоровый, толстый, высокій, съ лоснящейся красной рожей, съ длинными, какъ грива, волосами; бывало, поднявши фалды своей рясы, онъ отчаянно отплясывалъ въ присядку трепака и удивительно громко, просто ревомъ какимъ-то, «величѣнно», какъ онъ самъ выражался, провозглашалъ всѣмъ намъ многолѣтіе. Случалось даже, этотъ діаконъ у насъ ночи ночевывалъ: такъ, пьяный, и свалится гдѣ-нибудь подъ столъ и спитъ до новой оргіи. Публика въ это время сторонилась нашего дома, просто боялась близко подходить. «Чистые разбойники, оглашенные, вотъ проклятые-то!» говорили многіе, проходя мимо и набожно крестясь, что благополучно миновали опасное мѣсто. И вотъ, такимъ-то образомъ продолжалось дней съ шесть, однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ деньги не пропивались. Тогда наше общежитіе снова погружалось въ свою обычную тихую жизнь; протодіаконы и діаконы и другія неизвѣстныя темныя личности насъ покидали, и тишина водворялась въ

нашей квартирѣ до новой полочки денегъ, которая обыкновенно происходила въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, такъ какъ въ это время мы получали стипендіи и деньги отъ родителей и родныхъ. Вотъ-съ какое общежитіе у насъ въ старину было; не чета вашему, господа студенты.

Надо было видѣть и слышать Николая Ивановича, чтобы понять его воодушевленіе, съ которымъ онъ рассказывалъ свои далекія воспоминанія о далекомъ прошломъ. Онъ какъ будто помолодѣлъ, глаза его оживились, какъ оживилось и все его и безъ того подвижное лицо. Просто, но художественно-комично была передана имъ краткая, но поучительная картинка жителя-бытья нѣкоторыхъ студентовъ московскаго университета его времени. Мы отъ души всѣ хохотали, слушая Николая Ивановича.

Мы сошли внизъ. Здѣсь также тщательно Николай Ивановичъ осматривалъ кухню и библіотеку, при чемъ выразилъ сожалѣніе, что библіотека бѣдна книгами. Библіотека общежитія тогда, дѣйствительно, была еще только въ зачаточномъ своемъ состояніи. Изъ библіотеки Пироговъ перешелъ въ просторный, высокій залъ, въ которомъ прислуга уже накрывала столы для нашего обѣда. Хирургъ, сопровождавшій Пирогова, немедленно отправился въ кухню и принесъ Николаю Ивановичу порцію супу. Николай Ивановичъ отвѣдалъ нѣсколько ложекъ и нашелъ супъ очень хорошимъ. Студенты начали приглашать его остаться обѣдать.

— Съ удовольствіемъ, господа, остался бы пообѣдать съ вами, да не могу: спѣшу на свой обѣдъ, который назначенъ сегодня въ 5 часовъ ¹⁾; боюсь, наймся у васъ, и на своемъ ничего не буду ѣсть.

Помню, что г. Бекетовъ, осматривая общежитіе, нѣсколько разъ выражалъ удивленіе, что студенты общежитія не позволяютъ собираться сходкамъ въ огромной и удобной залѣ общежитія, и выражалъ свое недовѣріе. По этому поводу съ нимъ произошелъ у студентовъ разговоръ, въ которомъ принималъ участіе и Николай Ивановичъ.

Наконецъ, онъ поднялся съ своего мѣста. Мы его окружили.

— Пора, сказалъ онъ, — мнѣ уѣзжать и готовиться къ обѣду. Хорошо у васъ, братцы, очень хорошо. Жалѣю, что устроителя не

---

¹⁾ Въ этотъ день было празднованіе юбилея Николая Ивановича.

видалъ. Видно, хорошій онъ человѣкъ: отъ души и полного сердца устраивалъ онъ для васъ прекрасное жилище, и вышло оно поэтому прекрасно. Прощайте, молодые люди, и желаю вамъ всёмъ всякаго благополучія. Помните, что безъ труда ничего не дается. Можетъ быть, въ жизни придется еще свидѣться съ вами. Прощайте.

Мы всё вышли толпой провожать славнаго учителя.

Больше мнѣ не пришлось уже видѣть Николая Ивановича: 23-го ноября того-же 1881 года тяжелый недугъ свелъ его въ могилу.

Л. В. Малининъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ

1872 г.

Въ началѣ 1872 года пермская губернская земская управа, сообщивъ Н. И. Пирогову предположенія пермскаго губернскаго земства объ организаціи предупредительной медицины въ Пермской губерніи, просила его совѣта и указаній по этому предмету.

Николай Ивановичъ, съ свойственнымъ ему сочувствіемъ всякому хорошему дѣлу, высказалъ, въ отвѣтъ на просьбу управы, свой взглядъ на земскую предупредительную медицину, въ письмѣ, которое я ниже помѣщаю на стр. „Русской Старины“, въ увѣренности, что оно не лишено интереса, какъ для врачей-гигиенистовъ, такъ и для будущихъ биографовъ столь замѣчательнаго дѣятеля, какимъ былъ покойный Николай Ивановичъ Пироговъ въ области медицины и педагогіи.

Д. Д. Смышляевъ.

Въ пермское губернское земское собраніе. Признавая сообщенныя мнѣ земствомъ свѣдѣнія о санитарной части Пермской губерніи вполнѣ рациональными и заслуживающими всеобщаго вниманія, я, съ своей стороны, предлагаю земству сосредоточить дѣятельность преимущественно на три главные предмета: 1) на оспопрививаніе, 2) на искорененіе сифилиса и 3) на учрежденіе предлагаемой имъ санитарной комиссіи, на нижеизложенныхъ основаніяхъ:

Вся бѣда—это огромныя наши пространства, съ рѣдкимъ, невѣжественнымъ и равнодушнымъ народонаселеніемъ. Самыя громадныя средства, при нашихъ климатическихъ и социальныхъ условіяхъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ земства, окажутся каплею воды въ морѣ, если земство захочетъ сразу организовать медицинскую часть во всѣхъ ея направленіяхъ. Возможность быть дѣйствительно полезнымъ для народонаселенія, при существующихъ условіяхъ, я нахожу только въ сосредоточеніи наличныхъ силъ и средствъ на нѣкоторые самыя вошіющіе недостатки. Умѣнье ограничиться тѣмъ, чему есть возмож-

ность помочь въ настоящее время, тутъ главное; а помочь можно, и эта помощь въ будущемъ дастъ самые очевидные результаты, именно, въ предохраненіи народонаселенія отъ оспы и распространенія сифилиса. Пусть земство сдѣлаеть эти два предмета главною задачею для своей медицинской дѣятельности, и оно заслужить уже вѣчную благодарность потомства. Между тѣмъ, изъ сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, я нахожу, что именно на эти два предмета недостаточно обращено силъ и средствъ, и они слишкомъ раздѣлены на многое. Что значитъ, на примѣръ, при рѣдкомъ и грубомъ народонаселеніи, раскинутомъ на огромныхъ пространствахъ, одинъ оспопрививатель на 7,000 новорожденныхъ! Очевидно, при такой пропорціи нельзя рассчитывать, чтобы предохраненіе отъ оспы распространилось въ народѣ и въ теченіи цѣлаго столѣтія, тогда какъ это дѣло, вовсе не требующее огромнаго числа хорошо образованныхъ врачей и другихъ дорогихъ пособій, могло бы, при достаточномъ сосредоточеніи силъ и средствъ на одинъ предметъ, въ теченіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, доставить огромные и самые благодѣтельные результаты. Упрекъ—если это можно назвать упрекомъ,—что наши общественные дѣятели, пораженные множествомъ самыхъ вопіющихъ потребностей, хотятъ разомъ помочь всему, касается не одного только пермскаго, но и вообще всѣхъ нашихъ земствъ. Я знаю, что игнорировать многое и казаться къ нему равнодушнымъ, для того, чтобы сосредоточить вниманіе на одно и помочь дѣйствительно немногому,—не легко, но тѣмъ не менѣе это, по моему убѣжденію, при нашихъ обстоятельствахъ, единственно возможное средство оказать несомнѣнную и существенную пользу народонаселенію; массу можно вывести изъ равнодушія только тогда, когда убѣдишь ее въ чемъ нибудь наглядно,—даже «заставивъ ее невольно» убѣдиться; а оспопрививаніе и врачебно-полицейскій надзоръ надъ распространеніемъ сифилиса—суть именно такого рода мѣры, которыя убѣждаютъ въ своей дѣйствительности невольно самаго закружѣлаго и равнодушнаго къ злу человѣка. Признаюсь, читая земскіе отчеты въ вѣдомостяхъ, я часто задавалъ себѣ вопросъ: почему наши земства, видя очевидную невозможность удовлетворить всѣмъ вопіющимъ требованіямъ, относящимся до народнаго здравія, не рѣшаются тотчасъ же ограничиться, сосредоточить силы и средства и заняться тѣмъ, что непременно и относительно въ кратчайшій срокъ времени можетъ дать благіе результаты?

Въ этомъ отношеніи, и именно только въ отношеніи предупрежденія золь, распространенныхъ въ народѣ, я нахожу весьма полезнымъ и учрежденіе санитарныхъ комитетовъ при земствахъ; но я не раздѣляю того мнѣнія, чтобы учрежденіе должности одного губернскаго

санитарнаго врача, даже и съ такимъ хорошимъ содержаніемъ (въ 3,500 р.), которое предполагается ему дать въ проектѣ пермскаго земства, могло бы достаточно удовлетворить цѣли.

Знакомиться съ характеромъ различныхъ мѣстностей губерніи чрезъ топографическія описанія и т. п. дѣло, безъ сомнѣнія, чрезвычайно полезное; но для этой цѣли я бы предложилъ употребить ассигнуемую сумму санитарной комиссіи (4,500 р.) на вознагражденіе за представляемыя ей медико-топографическія описанія различными лицами, оцѣнка которыхъ всецѣло должна быть предоставлена членамъ экспертамъ комиссіи; такого рода преміи, я полагаю, возбудили бы соревнованіе и охоту заняться изслѣдованіемъ мѣстностей въ санитарномъ отношеніи; въ случаѣ же недостатка желающихъ получить преміи, могла бы быть ежегодно ассигнована и извѣстная сумма на проѣздъ, для разслѣдованія во врачебно-топографическомъ отношеніи мѣстности, избраннымъ отъ комитета лицамъ, съ условіемъ, разумѣется, сообщать ему результаты поѣздки и разслѣдованія. Преміи и поѣздки, съ цѣлю разслѣдованія, принесли бы современемъ, безъ сомнѣнія, огромную пользу; этому правилу, сколько мнѣ извѣстно, слѣдуютъ на Кавказѣ, и кавказское медицинское общество располагаетъ, именно для цѣли ознакомленія съ краемъ, извѣстною суммою, назначаемою имъ на преміи и на вознагражденія за предпринимаемыя врачами топографическія обзоренія различныхъ мѣстностей на Кавказѣ; я читалъ уже нѣсколько весьма дѣльныхъ монографій, составившихся этимъ способомъ. Тайный совѣтникъ Пироговъ.

С. Вишня.

1872 г., апрѣля 20-го,

Сообщ. 20-го іюля 1885 г. Д. Д. Смышляевъ.

О печатаніи патриотическихъ сочиненій

въ 1854 г.

По указу Его Императорскаго Величества, харьковское губернское правленіе слушало предложеніе г. харьковскаго гражданскаго губернатора, отъ 24-го марта, при которомъ препровожденъ въ губернское правленіе, для руководства, списокъ съ циркулярнаго предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 26-го минувшаго февраля, о порядкѣ печатанія сочиненій по случаю настоящихъ событій, съ изъясненіемъ патриотическихъ чувствованій. Въ списокъ съ циркулярнаго предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 26-го минувшаго февраля, изъяснено: по случаю настоящихъ событій представляется въ цензуру множество различныхъ сочиненій, въ прозѣ и стихахъ, съ изъясненіемъ патриотическихъ чувствованій. Всѣ они выражаютъ тройное направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами, и пожертвованія, и порывы негодованія противъ посягательствъ чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи. Уважая столь возвышенныя и прекрасныя начала и имѣя въ виду настоящую потребность общества въ ихъ обнаруженіи, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія повергалъ на высочайшее разрѣшеніе до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій?

Государь Императоръ, въ 8-й день минувшаго февраля (1854 г.), высочайше разрѣшить соизволилъ безпрепятственное печатаніе вышеназванныхъ сочиненій, съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось брани.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомляетъ здѣшняго начальника губерніи. Приказали: О содержаніи настоящаго предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ сообщить равнымъ и дать знать подвѣдомственнымъ сему правленію присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, а также передать копию съ сей статьи журнала въ газетный столъ губернскаго правленія. Апрѣля 20-го дня 1854 года.

За вице-губернатора, старшій совѣтникъ Р сва.

Сообщ. Г. Е. Р—й.

Литературныя замѣтки.

I.

Могила Н. И. Гнѣдича.

Профессоръ Петровъ, авторъ книги «Очерки исторіи украинской литературы XIX в.» (Кіевъ, 1884), въ жизнеописаніи И. П. Котляревскаго, стр. 24, говоритъ слѣдующее: «Оль (И. П. Котляревскій) погребенъ на общемъ городскомъ (полтавскомъ) кладбищѣ, расположенномъ по Кобелянской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою переводчика Иліады Н. И. Гнѣдича».

Такъ-ли это? Вѣдь извѣстно же, что прахъ Гнѣдича покоится на новомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, рядомъ съ его сослуживцемъ по Публичной библиотекѣ И. А. Крыловымъ, причемъ надъ прахомъ его воздвигнутъ памятникъ съ слѣдующею надписью:

Гнѣдичу,
обогатившему
русскую словесность
переводомъ Омира.

„Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися...“

(Иліада, II, 1 п., ст. 249).

Итакъ, очевидно, что г-нъ Петровъ ошибся.

II.

Къ XXVIII строфѣ 3 главы Евгенія Онегина.

Недавно представился мнѣ счастливый случай познакомиться съ Анной Алексѣевной Андро, рожденной Олениной, извѣстной красавицей пушкинской эпохи, къ которой относится нѣсколько стихотвореній поэта. Пушкинъ очень дорожилъ мнѣніемъ этой дамы. Въ настоящее время Анна Алексѣевна проживаетъ въ мѣстечкѣ Корцѣ, Волинской губерніи, Новоградо-Волинскаго уѣзда; не смотря на свои преклонныя лѣта, она до сихъ поръ еще обладаетъ прекрасною памятью. Всѣ поэты и писатели пушкинской эпохи, болѣе или менѣе выдающіеся, были ей знакомы; всѣ они считали за честь себѣ бывать у родителей Анны Алексѣевны; поэтому и въ памяти Анны Алексѣевны сохранилось много, много интереснаго объ этой счастливой эпохѣ русской жизни, однимъ изъ послѣднихъ представителей которой суждено быть этой многоуважаемой дамѣ.

Анна Алексѣевна была столь добра, что объяснила мнѣ одинъ, до сихъ поръ еще не комментатированный, стихъ изъ XXVIII строфы III главы Евгенія Онегина, а именно:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на баялѣ,
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ,
Съ семинаристомъ въ желтой шали,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ.

Послѣдній этотъ стихъ, по словамъ многоуважаемой Анны Алексѣевны, относится къ княгинѣ Голицыной, которая была въ высшей степени оригинальна; ее называли «*dame postigne*», благодаря тому, что она ночь превращала въ день и обратно: она вставала въ 12 ч. ночи и садилась тогда за различныя занятія, большею частью литературныя, а при наступленіи утра ложилась опять спать. «Академикомъ въ чепцѣ» Пушкинъ ее потому и назвалъ.

Сообщ. П. Устиновичъ.

свою исторію, удовлетворяющую и важности предмета, и современнымъ требованіямъ науки.

Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челищева, изд. подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова, Обществомъ любителей древней письменности. Спб. 1886. 315 стр.

Дневникъ изданъ по рукописи, принадлежащей гр. С. Д. Шереметеву. Авторъ его—товарищъ по воспитанію извѣстнаго А. Н. Радищева, и на самомъ дневникѣ отразилось вліяніе ихъ общаго наставника Эри. Платнера, читавшаго въ Лейпцигскомъ унив. философію и анатомію и любившаго въ своихъ лекціяхъ затрогивать соціальныя вопросы, подвергать критикѣ существующіе законы и общественныя порядки и указывать на вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми. Какъ извѣстно, по поводу появленія книги Радищева (Путеш. изъ Петербурга въ Москву, 1790 г.), Екатерина II подозрѣвала, что Челищевъ принималъ участіе въ составленіи и печатаніи ея. Поэтому и его собственное путешествіе пріобрѣтаетъ значительный литературный интересъ. Во время его Челищевъ посѣтилъ Олонекскую, Вологодскую, Архангельскую и Новгородскую губ. Его вниманіе останавливалось на самыхъ разнообразныхъ предметахъ: памятникахъ благочестія и древности, состояніи края, администраціи, промыслахъ, торговлѣ, библіотекѣхъ (Соловецкій, 43) и т. п. (ср. на стр. 93—94 любопытное мнѣніе о женщинахъ). При этомъ онъ сообщаетъ весьма обстоятельныя статистическія данныя, которыя, по всей вѣроятности, были получены имъ оффиціальнымъ путемъ. Вообще путевыя записки Челищева, обнаруживающія въ авторѣ наблюдательность, представляютъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изученія народной жизни сѣвернаго края Россіи въ концѣ XVIII стол. Челищевъ обратилъ также вниманіе на народный языкъ и его мѣстныя особенности. Въ 1793 г. онъ представлялъ объ этомъ записку въ Россійскую Академію, которая приложена къ настоящей книгѣ. Повидимому авторъ приготовлялъ свой дневникъ къ издаванію, но онъ не могъ бы появиться въ свѣтъ въ к. царствованія Елизаветы II и при Павлѣ I. Въ рассматриваемомъ изданіи

онъ напечатанъ вполнѣ, причежъ воспроизведены и все изображенія, приложенныя къ рукописи, и въ томъ числѣ портретъ Ломоносова, крестья, поставленный Челищевымъ въ Холмогорахъ въ память Петра В., и другой, поставленный имъ же на мѣстѣ рожденія Ломоносова. Наконецъ, къ книгѣ присоединены весьма обстоятельныя указатели личныхъ именъ, мѣстныхъ названій предметовъ и списокъ мѣстныхъ словъ.

Обзоръ исторіи русскаго права, по лекціямъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. В. I. Исторія русскаго государственнаго права. К. 1886. 225 стр. Ц. 2 р.

Хотя авторъ этого труда скромно называетъ его лишь пособіемъ при слушаніи лекцій и конспектомъ своей науки, но и по изложенію, и по обработкѣ, онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ болѣе широкое значеніе и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ обработаннымъ и хорошо составленнымъ учебникамъ, а во многомъ даетъ даже гораздо болѣе, чѣмъ принято обыкновенно соединять съ именемъ пособія. Притомъ, этотъ трудъ для насъ имѣетъ еще ту заслуживающую вниманія особенность, что онъ носитъ строго историческій характеръ. Въ настоящемъ выпускѣ разсматриваются по періодамъ (періодъ земскій IX—XIII ст., періодъ 2-й — москов. госуд. право; періодъ 3-й—госуд. право Имперіи) территорія, населеніе, власть, управленіе и законодательство, причежъ наибольшая часть книги (190 стр.) посвящена первымъ двумъ періодамъ. Нѣкоторыя статьи (какъ княжеская власть, вѣче, боярская дума, земскіе соборы, характеристика управленія въ московскій періодъ, законодательныя памятники и т. п.) представляютъ особенный интересъ по высказаннымъ авторомъ мыслямъ и освѣщенію фактовъ; въ каждая изъ статей, входящихъ въ разсматриваемый трудъ, снабжена подробными указаніями на источники и литературу вопросовъ. Вообще въ этой книгѣ и историкъ, и юристъ найдутъ для себя весьма цѣнный и систематическій сводъ данныхъ, по означеннымъ вопросамъ, вполнѣ удовлетворяющій современнымъ требованіямъ науки.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Новскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (36 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семовскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

ДЕКАБРЬ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Старый судъ. Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова . . . 511	XII. Севастополь въ ночь съ 27 на 28 августа 1855 г. Сообщ. Н. С. Милошелль . . . 699
II. Мъ вопросу о началѣ крестьянскаго дѣла. Сообщ. К. К. Гельвигъ . . . 545	XIII. Морской корпусъ, 1822—1826 гг. Воспоминанія Л. А. Загоскина . . . 709
III. Записки доктора Я. А. Чистовича, 1838—1848 гг. 551	XIV. Петровский Полтавскій корпусъ. Сообщ. П. Фр. Павловскій . . . 717
IV. Памятникъ Славы въ воспоминаніе войны 1877 и 1878 гг. 573	XV. Александръ Николаевичъ Островскій: два письма его въ 1879 г. 725
V. Иванъ Никитичъ Снобелевъ въ 1793—1849 гг. 581	XVI. Петербургская итальянская опера въ 1840-хъ годахъ. Сообщ. А. Н. Яхонтовъ 735
VI. Александръ Ивановичъ Назарскій. Последніе дни его жизни, июль 1833 г. Сообщ. И. Ф. Гербуновъ . . . 591	XVII. Матеріалы, замѣтки и поправки: Песар. Константинъ въ 1824 г. (604). — С. Н. Муравьевъ-Алостовъ (727). — Ф. Л. Малининъ (731). — Е. П. Фадѣева (749). — Гидличъ и Дельвигъ (724). — Гр. А. К. Толстой (734). — Н. А. Некрасовъ (752). — В. П. Володковъ (636). — Замѣтки и поправки (730).
VII. Настанъ Андреевичъ Носсовичъ. Сообщ. М. О. Марксъ 605	XVIII. „Русская Старина“ въ 1886 г. 1. Обзоръ двѣнадцати книгъ. — 2. Сотрудники, 1870—1886 гг. — 3. Подписчики въ 1886 г. 753
VIII. Петербургское театральное училище. Изъ восп. Н. И. Кузнецова . . . 621	XIX. Библиографическій листокъ.
IX. Иванъ Сергѣевичъ Ансановъ, певецъ, его стихотворенія, 1841—1844 гг. Сообщ. бар. Ф. А. Бюлеръ . . . 637	
X. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассенъ. Часть III. Гл. V. 653	
XI. Септанты въ Оренбургскомъ краѣ. Сообщ. А. Н. Жаконъ 691	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ ген.-отъ-инф. Павла Дмитриевича Зотова, гравир. худож. В. В. Мата. — II. Памятникъ Славы въ С.-Петербургѣ, 1877—1878 гг., гравир. худож. А. Н. Даугель. — III. Указатель личныхъ именъ въ „Русск. Стар.“ изд. 1886 г.

Открыта подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.

Восемнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Напечатаны и разсылаются новыя книги: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе), сорокъ гравюръ. Цѣна пять руб. — Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Свѣрякова (второе изданіе). Цѣна шесть руб. Подписчики „Русской Старины“ могутъ получить (до 1-го янв. 1887 г.) первую книгу за одинъ рубль и вторую — за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1886 г.

ussian projects against India in the czar Peter to general Skobeleff. By H. Sutherland Edwards. (With map). London. 1885. in 8°. 295 pp. (Проекты Россіи относительно Индіи отъ Петра I до ген. Скобелева, Сочиненіе Г. Северландъ Эдуарде'а. Съ картою. Лондонъ. 1885. 8 д. 295 стр.).

Проекты экспедицій въ Индію, предложенныхъ Наполеономъ Бонапарте императорамъ Павлу и Александру I въ 1800 и въ 1807—1808 гг. Сост. ген. шт. подполк. Баторскій. Спб. 1886. 8 д. 104 стр.

Объ эти книги, написанныя одна на англійскомъ языкѣ, а другая — на русскомъ, очень близки по своему содержанию: та и другая касаются отношеній Россіи къ Индіи.

Англійская книга, написанная Северландъ Эдуарде'омъ (авторомъ книги: «Русскіе дома и вѣи-дома: очерки русской жизни въ царств. Александра II. Лондонъ. 1879. 2 т.) въ 1885 г., подъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ событій въ Афганистанѣ, имѣеть цѣлью доказать, что всѣ русскія экспедиціи въ Средней Азійи были всегда предприняемы ни въ видахъ урегулированія границъ, такъ какъ русскія границы никогда не были угрожаемы, ни въ цѣляхъ коммерческихъ, такъ какъ ввозъ и вывозъ между Россіею и ханствами были самыя незначительныя и не соответствовали расходамъ по занятію и управленію русскіхъ владѣній въ Центральной Азійи, но единственно съ цѣлю занять положеніе, въ которомъ Россія имѣла бы возможность всегда угрожать Индіи, а когда представится надобность — и напасть на Индію. Съ этой именно точки зрѣнія авторъ и рассматриваетъ всѣ событія, которыхъ онъ касается въ своей книгѣ.

Самое же содержаніе книги распадается на слѣдующія части: экспедиціи въ Индію съ царств. Петра Великаго до царств. Павла, — проекты и экспедиціи въ царств. Павла, Александра I и Николая I, — первый русскій агентъ въ Афганистанѣ (кап. Ваткевичъ) въ 1837 г., — экспедиція Перовскаго, — англо-русское соглашеніе въ 1814 г., — посольство гр. Плятьева въ Хиву и Бухару (1858 г.), — экспедиція ген. Коуфмана въ Хиву. Книга заканчивается подбиты-

ми проектами походовъ въ Индію: генерала Хрулева, 1855 г., — ген. Дюгамеля, 1854 г., и ген. Скобелева, 1877 г.

Авторъ русской книги поставилъ себя задачей рассмотреть только французско-русскія экспедиціи въ Индію, проектированныя Наполеономъ I. Самому изложенію этихъ проектовъ авторъ предпосылаетъ краткій историческій очеркъ событій въ періодъ отъ 1797 по 1809 гг., затѣмъ расцѣпляетъ положеніе Индіи подъ англійскимъ владычествомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, указываетъ причины, коими обусловливалась легкость, съ которою англичане завладѣли громадною территоріею земли и водворились на полуостровѣ, и тѣ мѣры, которыя приняты были англичанами для упроченія своихъ владѣній и вліянія на полуостровѣ, дагѣе представляетъ краткій обзоръ англо-индійскихъ вооруженныхъ силъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. и затѣмъ переходитъ уже къ изложенію самаго проекта экспедицій.

Весьма интересны заключенія автора по двумъ вопросамъ: 1) насколько серьезны были намѣренія Наполеона осуществить задуманную имъ необыкновенно смѣлую экспедицію въ Индію, и 2) насколько вѣроятенъ былъ успѣхъ такой экспедиціи. По первому вопросу, авторъ, указывая на то упорство, съ которымъ Наполеонъ въ сколько разъ въ теченіи 10 лѣтъ (1798, 1801, 1804, 1807 и 1808 гг.) приступалъ къ проекту, на громадныя затраты, сдѣланныя на флотъ, и на подготовительныя мѣры къ осуществленію своего плана, — высказывается въ томъ смыслѣ, что съ большою долею вѣроятности можно предпологать, что Наполеонъ осуществилъ бы свою мысль о походѣ въ Индію, если бы не разрывъ и затѣмъ война съ Россіею, погубившая его много. Обсуждая другой вопросъ — относительно вѣроятности успѣха экспедиціи, авторъ, основываясь на угнетенномъ положеніи, въ которое поставлено было туземное населеніе Индіи британскимъ владычествомъ, и на шаткости самаго владычества Англии въ Индіи, опиравшася на вооруженныя силы, взятая изъ среды ненавидѣшаго англичанъ туземнаго населенія, приходитъ къ заключенію, что если-бы проектъ экспедиціи русско-французскаго корпуса въ

ПАМЯТНИКЪ СЛАВЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1877 — 1878.

[1886 г.].

СТАРЫЙ СУДЪ.

Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова.

I.

Взглядъ П. Г. Дєрвиза на судебную реформу.—Разные толки по сему предмету.—Состояніе прежнихъ сословныхъ судовъ.—Дѣло о сокращеніи переписки.—Ревизія Калужской губерніи.—Мнѣніе государя Николая Павловича о судахъ, опекахъ и полиціяхъ.—Избраніе предсѣдателя въ Калугѣ.—Графъ Панинъ и предсѣдатель уголовной палаты.—Крѣпостная часть при палатахъ.—Начало реформы.—Дѣло Баташева.—Комиссія при государственномъ совѣтѣ и труды ея.—Смѣшеніе власти судебной съ исполнительной.—Комиссія Безака въ Петербургѣ.—Князь Суворовъ и коммерческій судъ.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1885 г., іюнь мѣсяцъ, напечатана была статья покойнаго П. Г. Дєрвиза, подѣ заглавіемъ: „Одна изъ его предсмертныхъ записокъ“.

Статья эта касается, во 1-хъ, судебной реформы 1864 года, а во 2-хъ, желѣзнодорожнаго дѣла.

Не входя въ разсмотрѣніе послѣдняго предмета, какъ совершенно для насъ чуждаго, мы остановимся на первомъ.

Взгляды покойнаго П. Г. Дєрвиза относительно судебной реформы, какъ справедливо замѣтилъ уважаемый редакторъ „Русск. Стар.“, выражаютъ полнѣйшее отсутствіе знанія какъ о прежнихъ недостаткахъ суда, такъ и о сути совершившейся реформы.

Посему статья эта и не подлежала бы никакому дѣльному возраженію, если бы она не служила отголоскомъ подобныхъ же мнѣній другихъ лицъ, а главное не затрогивала бы минувшаго времени.

Вотъ все это и подало намъ поводъ вспомнить о прошломъ, къ счастью пережитомъ нами, времени; ради сего мы беремъ за перо, чтобы доказать, что напрасно Дервизъ скорбѣлъ объ уничтоженіи старыхъ сословныхъ судовъ и опорочилъ новые.

Вѣриѣ всего, что онъ, по роду своей службы, кажется, въ герольдіи, не зналъ старыхъ судовъ и не успѣлъ познакомиться съ новыми, хотя, какъ мы думаемъ, и воспользовался всѣми благами реформы.

Но прежде нежели перейдемъ къ разбору его статьи, скажемъ нѣсколько словъ о его личности. Въ 1850 годахъ мы были лично знакомы съ П. Г. Дервизомъ. По воспитанію онъ былъ правовѣдъ и служилъ сначала въ сенатѣ, нѣсколько времени въ министерствѣ юстиціи. Онъ былъ тогда бѣднякъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, — но это, впрочемъ, не укоръ.

Въ то время, какъ мы его знали, онъ слылъ за способнаго и умнаго человѣка, но служба по судебному вѣдомству не прельщала его. Онъ, видимо, тяготился ею и, в послѣдствіи, перешелъ въ военное вѣдомство, а затѣмъ исключительно посвятилъ себя желѣзно-дорожному дѣлу, гдѣ и нажилъ, къ удивленію своихъ сослуживцевъ, милліоны, но и это обстоятельство для насъ также совершенно постороннее.

Въ своей статьѣ Дервизъ, упоминая о прежнихъ сословныхъ судахъ, говорить, что новые суды, спитые по шаблону французскихъ установленій, не по силамъ народу и не по карману казнѣ. Въ особенности Дервизъ нападаетъ на нынѣшнихъ адвокатовъ, говоря, что прежніе повѣренные не составляли касты, а потому и не могли быть общественною язвою, что, напротивъ того, нынѣшніе повѣренные могутъ современемъ имѣть у насъ, какъ и вездѣ, вредное политическое вліяніе. Однимъ словомъ, Дервизъ не одобряетъ уничтоженія старыхъ судовъ и опорочиваетъ новые.

Впрочемъ, это не единственно его мнѣніе: въ обществѣ нерѣдко слышатся осужденіе новаго суда и поминаніе прежняго, если не въ розовомъ цвѣтѣ, то въ сносномъ видѣ. Говорятъ еще болѣе: что великая судебная реформа есть увлеченіе людей прежняго царствованія. Наконецъ, есть и такіе, которые настойчиво твердятъ, что выказавшаяся въ реформѣ самостоятельность суда, при самодержавіи, есть то-же, что *status in*

stato. Противу сего послѣдняго заявленія отвѣтимъ кратко, что судъ, установленный верховною волею, есть одинъ изъ атрибутовъ ея власти или, другими словами, есть органъ, черезъ который изливаются блага этой власти, что доказывается тѣмъ, что въ судѣ все творится по указу его императорскаго величества.

Но не вдаваясь въ разборъ совершенства и недостатковъ новаго суда,—мы только помянемъ старый судъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся въ прежнее время, т. е. до реформы 1864 г.

Обращаясь къ сему предмету, мы, на основаніи опыта и въ силу ближайшаго знанія взглядовъ, бывшаго до 1860 года и послѣ сего, высшаго правительства, завѣряемъ, что прежніе суды, именно уѣздные суды, магистраты и палаты, по своему составу и обстановкѣ, а равно по формамъ судопроизводства, коихъ они обязаны были держаться, а главное, по зависимости своей отъ губернскаго начальства и другихъ властей, не судебного вѣдомства,—были жалкія установленія, нисколько не обеспечивавшія великое дѣло въ государствѣ—дѣло отправленія правосудія!

Въ свое время это была истина общеизвѣстная, о семъ говорили открыто и гласно и даже дѣлали много указаній объ исправленіи, но всѣ сіи указанія были не исполняемы и ничтожны въ томъ положеніи государства, въ коемъ оно тогда было, т. е. при существованіи крѣпостнаго права. Исчезло это право—и прежній судъ, съ предоставленіемъ милліонамъ людей гражданскихъ правъ, у коихъ, вромѣ ограниченій въ сихъ правахъ, ничего не было, — долженъ былъ рухнуть самъ собою, и дѣйствительно онъ палъ, а послѣдствіемъ сего явилась необходимость въ устройствѣ другихъ порядковъ и новыхъ судовъ.

Все это возникло не съ цѣлію, какъ говорятъ и твердятъ близорукіе, чтобы ограничить въ чемъ-либо верховную власть, напротивъ того, чтобы предоставить этой власти возможность изливать на всѣхъ и cadaго изъ своихъ подданныхъ равно блага правосудія.

Прочитайте со вниманіемъ именной высочайшій указъ сенату 20 ноября 1864 г., обнародовавшій судебные уставы, и увѣруйте въ то, что мы говоримъ. О неудовлетворительности словенныхъ судовъ въ свое время исписаны были цѣлые томы. Стоитъ только вспомнить прежнія сенаторскія ревизіи губерній

(князя П. П. Гагарина, Куруты, Жемчужникова, князя Давыдова, Толстого, Дурасова, Клушина и др.), равно обзорѣніе судебныхъ мѣстъ членами консультаціи министерства юстиціи въ 1846 году, наконецъ, ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты сего министерства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и донесенія государю императору губернаторовъ, чтобы подтвердить истину нашихъ словъ.

Самъ императоръ Николай Павловичъ открыто заявлялъ это и скорбѣлъ о недостаткахъ въ организаціи судовъ. Въ подтвержденіе сего сошлемся на высочайшій указъ 1 января 1843 года, основанный на другомъ указѣ 1803 года. Въ этихъ указахъ прямо высказывается о томъ, что дворяне уклоняются отъ явки на выборы и избѣгаютъ быть выбранными въ должности. Посему строго предписывалось губернаторамъ наблюдать за симъ и принимать соотвѣтствующія мѣры.

О безобразіяхъ на дворянскихъ выборахъ много въ свое время писалось и даже, съ цѣлью осужденія ихъ, сочинялись цѣлыя комедіи.

Самые выборы производились подъ вліяніемъ партій, желавшихъ провести то одно, то другое изъ излюбленныхъ ими лицъ въ извѣстную должность. Польза службы тутъ была не причемъ. Такимъ образомъ, мѣста по выбору занимались лицами, вовсе не подготовленными къ труду и къ обязанностямъ, на себя принятымъ, что все не дѣлало чести и избирателямъ.

Утвержденіе лицъ въ должностяхъ уѣзднаго суда, магистратовъ и частію палаты зависѣло отъ губернскаго начальства. Равнымъ образомъ и наблюденіе за отправлениями ими своихъ обязанностей, наконецъ, отрѣшеніе ихъ отъ должностей и даже преданіе ихъ суду,—все зависѣло отъ губернскаго начальства, помимо властей судебного вѣдомства.

Однимъ словомъ, судъ, по своему составу и въ порядкѣ отправления своихъ обязанностей, былъ судъ зависимый и не пользовался никакою самостоятельностью.

Вотъ въ этомъ и заключалось все зло!

Устраненіе этого зла въ настоящее время и считается противниками реформы „ограниченіемъ законныхъ высшихъ властей!“

Но будемъ продолжать далѣе.

Дѣла уголовныя и гражданскія, по преимуществу, начинались

въ полиціи, зависѣвшей вполнѣ отъ губернскаго начальства, а потому, въ безобразномъ, не полномъ видѣ, передавались въ судъ, для постановленія рѣшенія. Поступленіе дѣлъ прямо въ судъ, какъ бы слѣдовало, обусловливалось весьма не многими случаями. Самаго доклада или сужденія въ судѣ не было. Исключенія изъ сего были рѣдки. Все виждилось на секретарѣ, онъ и былъ вершителемъ дѣла, онъ писалъ журналы, а прочіе члены, если и являлись въ судъ, то только для подписи оныхъ. Заурядъ, журналы, для подписи, посылались на домъ къ членамъ, которые иногда даже и не жили въ городахъ, гдѣ были суды, а въ уѣздахъ. Журналы, смотря по обстоятельствамъ, впредь до того, пока не были подписаны, составляемые на основаніи оныхъ, протоколы, измѣнялись нѣсколько разъ. Сегодня, по журналу, дѣло рѣшалось такъ, а завтра иначе, смотря по тому, куда вѣтеръ дулъ, или чья сторона брала верхъ, или кто изъ членовъ превозмогалъ другихъ. Самое приготовленіе дѣлъ къ докладу, котораго въ дѣйствительности, какъ выше сказано, не было, обставлено было формами, ни къ чему не ведущими и не имѣющими разумнаго смысла. Я говорю о составленіи докладныхъ записокъ, о вызовахъ къ такъ называемому рукоприкладству и къ выслушанію рѣшенія, чрезъ публичныя вѣдомости, съ назначеніемъ на все это весьма продолжительныхъ сроковъ. Упомянутыя записки составлялись безъ всякаго толку. Онѣ почти заключали въ себѣ дословныя копии съ бумагъ, имѣющихся въ дѣлѣ, т. е. прошеній, отзывовъ, объясненій и документовъ. Записокъ этихъ никто, впрочемъ, и не читалъ. Тотъ, кто хотѣлъ изучить дѣло, могъ, какъ дѣлается теперь, читать подлинныя бумаги и документы.

Дѣла длились въ судахъ по многу лѣтъ, дополнялись по часту ненужными справками, на которыя даже не ссылались и не указывали тяжущіяся стороны, и все это дѣлалось чрезъ полицію. Сія послѣдняя просто завалена была и своими дѣлами, и требованіями судовъ, до невозможности.

О незамедлительномъ исполненіи указовъ суда полиція получала многократныя понужденія, подтвержденія со строгими выговорами, какъ прямо отъ суда, такъ и отъ губернскаго начальства, посылаемые часто особыми эстафетами и на счетъ виновныхъ; но отъ этого дѣло не двигалось. Не забудемъ, что

на полиціи, кромѣ того, лежали: разборъ дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ и производство формальныхъ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ.

Губернаторскіе чиновники особыхъ порученій вихремъ летали по городамъ для понужденій то полиціи, то суда, подымались и губернаторы, производя строгія ревизіи уѣздныхъ мѣстъ, навели неописанный страхъ на всѣхъ служащихъ въ оныхъ. Дѣла подновлялись новыми подтвержденіями, а болѣе запущенныя прятались отъ взоровъ то въ столахъ, шкафахъ, то въ архивахъ въ числѣ рѣшенныхъ, а, наконецъ, были и такіе случаи, какъ, напр., въ Курскѣ при ревизіи сенатора Дурасова въ 1850 г., дѣла одного судебного мѣста оказались потопленными въ рѣкѣ. Самъ сенаторъ, съ подлежащими властями въ лодкахъ, представляя собою цѣлую побѣдную флотилію, наблюдалъ за извлеченіемъ дѣлъ изъ царства Нептуна.

Для устраненія всѣхъ сихъ беспорядковъ принимались разныя мѣры; главныя изъ нихъ состояли въ требованіи ежемѣсячныхъ то перечневыхъ, то имянныхъ вѣдомостей о состояніи и положеніи дѣлъ. Вѣдомости сіи, обременяя судъ громаднымъ новымъ трудомъ какъ въ составленіи, такъ и въ перепискѣ ихъ на бѣло,—ничего не помогали.

Смотря по отмѣткамъ въ движеніи по симъ вѣдомостямъ дѣлъ, власти, не исключая и министерства юстиціи, громили строгими подтвержденіями и понужденіями, но оказалось на опытѣ, что затрудненіе въ ходѣ дѣлъ было еще болѣе замѣтно послѣ сихъ вѣдомостей.

Само собою разумѣется, что въ выговорахъ, удаленіи отъ должности и преданіи суду лицъ, служащихъ въ низшихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и судебныхъ, не было недостатка, это было обыкновенное и заурядное явленіе послѣ каждой ревизіи, дѣлаемой въ губерніи то совѣтникомъ губернскаго правленія, то вице-губернаторомъ, то самимъ губернаторомъ, то, наконецъ, сенаторомъ.

Но все это не измѣняло положенія вещей; беспорядки въ уѣздныхъ судахъ, не исключая и губернскихъ мѣстъ, до того уюренились, что считались нормальнымъ положеніемъ ихъ.

Магистраты въ городахъ и ратуши въ мѣстечкахъ были еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ суды.

Допущеніе въ составъ сихъ судовъ засѣдателей изъ казенныхъ крестьянъ, кои всѣ поголовно были безграмотны и невѣжественны, дѣлало въ глазахъ многихъ судъ посмѣшищемъ.

Графъ В. Н. Панинъ, бывши министромъ юстиціи, зайдя въ судъ въ Петербургѣ, встрѣтилъ тамъ одного человѣка въ исподнемъ платьѣ, съ метлой или щеткой въ рукахъ.

На вопросъ министра—гдѣ судья, онъ отвѣчалъ, что судьи нѣтъ, а на вопросъ: гдѣ засѣдатель, отвѣчалъ: я засѣдатель.

Графъ, взглянувъ на него, произнесъ „вы... ты...“, и ушелъ, не сказавъ ни слова. Дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, лица сіи отправляли при судахъ должности сторожей, истопниковъ и проч., не соотвѣтствующія вовсе обязанностямъ судей.

Палаты уголовныя и гражданскія, не смотря на то, что представляли собою вторую инстанцію, при сословныхъ выборахъ, не отличались благоустройствомъ. Надзоръ со стороны стряпчихъ въ уѣздахъ и прокуроровъ въ губерніяхъ также не представлялъ собою обезпеченія.

Заботы ихъ исключительно ограничивались наблюденіями за ходомъ арестантскихъ дѣлъ.

Все это указывало на необходимость въ коренномъ преобразованіи судебныхъ мѣстъ и судопроизводства. Но мысль о семъ не вдругъ явилась; слѣдовало пройти много другихъ стадій, чтобы достигнуть до убѣжденія о необходимости реформы. Повторяю, что все это не сразу пришло въ голову. Нужно было время!

Думали сначала, чтобы водворить правосудіе въ государствѣ и порядокъ въ ономъ, стоитъ только сократить переписку и преобразовать полицію по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ. Первымъ дѣломъ, по особому высочайшему повелѣнію, занялось министерство юстиціи, а вторымъ—министерство внутреннихъ дѣлъ.

Съ цѣлію имѣть матеріалы для перваго предмета, министерство юстиціи затребовало подробныя свѣдѣнія и соображенія отъ всѣхъ прокуроровъ, предсѣдателей палатъ и товарищей ихъ, а равно и другихъ лицъ о томъ,—въ чемъ именно нужно сократить переписку и по какимъ предметамъ.

Циркуляръ министра юстиціи съ такимъ предписаніемъ полетѣлъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи. Засимъ въ министерство начали отъ этихъ лицъ поступать болѣе или менѣе подробныя

соображенія по этому предмету. Дѣло разрослось до громадныхъ размѣровъ. Въ министерствѣ юстиціи цѣлые шкафы заняты были бумагами по сему дѣлу; о движеніи его показывалось, между прочимъ, и въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ ежемѣсячно государю императору.

О судьбѣ этого дѣла расскажу кратко:

Императоръ Николай Павловичъ, въ началѣ 1850 годовъ, не видя конца дѣла о сокращеніи переписки, поручилъ князю П. П. Гагарину написать, безъ замедленія, какія именно нужно сдѣлать сокращенія, чтобы умалить вообще переписку по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, не исключая и сената.

Во исполненіе сего князь П. П. Гагаринъ, не обративъ никакого вниманія на означенное дѣло и заключающіяся въ немъ болѣе или менѣе дѣловыя указанія въ необходимости измѣненія и судоустройства, и судопроизводства, составилъ весьма быстро разныя краткія правила относительно только предположенія сокращенія переписки и не болѣе того.

Правила сія въ началѣ 1850 годовъ были обнародованы.

На основаніи ихъ, дѣйствительно, сокращены разныя вѣдомости и донесенія, представляемыя то туда, то сюда, изъ низшихъ мѣстъ въ высшія, уничтожены нѣкоторые реестры и книги, кои, безъ существенной пользы, велись въ сихъ мѣстахъ и сенатѣ, и сдѣланы разныя указанія въ порядкѣ отписки—но болѣе ничего.

Въ результатѣ оказалось, что судопроизводство отъ сего сокращенія ни мало не измѣнилось: бывшее запустѣніе и безтолочь въ судахъ остались прежнія.

Улучшеніе штатовъ, о коихъ выше сказано, было предметомъ особыхъ заботъ министерства юстиціи. Оно много лѣтъ переписывалось съ министерствомъ финансовъ, вносило записки въ государственный совѣтъ и, наконецъ, достигло того, что штаты его, впрочемъ, въ весьма скромныхъ размѣрахъ, были дѣйствительно увеличены и введены. Но эта мѣра, съ тѣми сокращеніями, кои придуманы были княземъ П. П. Гагаринымъ, не измѣнила положеніе вещей,—все оставалось по прежнему.

Ясно, что нужны были особыя обстоятельства и новая какая либо свѣжая живая струя, которая могла бы дать новый оборотъ дѣлу усовершенствованія нашего судоустройства и судопроизводства.

Полиція также по своимъ уставамъ, безъ избавленія ея отъ производства слѣдствій и устраниенія ея отъ разбора дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ, не измѣняла своего положенія. Она была безобразна до-нельзя. Однимъ словомъ, судъ и полиція шли параллельно, блистая, если можно такъ выразиться, своимъ неустройствомъ.

О разныхъ курьезахъ по судейскимъ дѣламъ мы расскажемъ еще впоследствии, а теперь объяснимъ, что всё упомянутыя мысли не суть слова пишущаго эти строки, напротивъ того, онѣ были выражены самимъ приснопамятнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ по слѣдующему случаю.

Въ 1849 году признано было необходимымъ произвести сенаторскую ревизію Калужской губерніи, для каковой цѣли назначенъ былъ сенаторъ князь Давыдовъ, а при немъ, въ качествѣ старшаго чиновника, опредѣленъ былъ я, пишущій эти строки. Въ числѣ чиновниковъ, прикомандированныхъ къ сенатору, находился и графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, извѣстный по своимъ сочиненіямъ, и А. К. Жизневскій, нынѣшній предсѣдатель тверской казенной палаты—юристъ по воспитанію и археологъ по душѣ.

Ревизія эта вызвана была особымъ случаемъ. Сынъ генераль-лейтенанта Ершова, Иванъ, жаловался государю на то, что будто бы его отецъ, подъ вліяніемъ калужскаго губернатора Смирнова, совершилъ дарственную запись, въ пользу своей незаконной дочери Софіи, бывшей замужемъ за Россе-томъ, братомъ жены Смирнова, Александры Іосифовны, и тѣмъ самымъ лишилъ его отцовскаго наслѣдства. Вотъ по этому случаю сенатору князю Давыдову велѣно было произвести слѣдствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать и ревизію всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ губерніи.

Предъ отъѣздомъ въ Калугу князь Давыдовъ представлялся императору Николаю Павловичу.

— „Поѣзжай“, сказалъ ему государь, — „знаю напередъ, что хорошаго ты тамъ мало найдешь. Суды въ безпорядкѣ. Полиція не лучше. Проекты о ней въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не двигаются впередъ. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а раззоряютъ. О нихъ я тщетно стараюсь много лѣтъ. Но главное, продолжалъ государь, обрати ты вниманіе на то, почему въ

Калужской губерніи, гдѣ нѣкогда, какъ мнѣ извѣстно, процвѣтали полотняные заводы, снабжавшіе своими издѣліями даже Америку, пали. Какъ объяснить это, и нельзя ли это поправить“?

Слова сія, по окончаніи аудіенціи, записаны были сенаторомъ и переданы имъ потомъ мнѣ.

Желаніе государя было исполнено и обстоятельныя донесенія представлены, по окончаніи ревизіи, куда слѣдуетъ.

Скажемъ при этомъ, что жалоба Ершова не подтвердилась, и за клевету онъ былъ преданъ суду.

Въ отношеніи неудовлетворительнаго состоянія судебныхъ мѣстъ, полиціи и дворянскихъ опекъ, слова государя по ревизіи вполне подтвердились.

Скажемъ встать, что улучшеніе полиціи и судовъ состоялось гораздо позже, именно въ 1860 году.

Это улучшеніе состояло въ отдѣленіи отъ полиціи слѣдственной части и въ учрежденіи особыхъ слѣдователей, съ подчиненіемъ ихъ суду, подъ надзоромъ губернскихъ прокуроровъ, и, наконецъ, въ соединеніи городской полиціи съ уѣздной.

Составленіе проэктвъ по сему предмету было произведено особою комиссіею, состоявшею подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, въ коей участвовалъ и я. Въ этой же комиссіи выработаны и указаны тѣ случаи и дѣла, кои слѣдовало отдѣлить отъ полиціи и передать въ вѣдѣніе предполагаемыхъ мировыхъ судей.

Но дворянскія опеки, бывшія, какъ замѣтилъ государь, въ неудовлетворительномъ состояніи, остались съ 1849 года безъ переменъ и понинѣ.

Предположенія о преобразованіи этихъ опекъ и сиротскихъ судовъ возникли едва ли не въ первые годы царствованія императора Николая; проэктъ о нихъ вносились нѣсколько разъ въ государственный совѣтъ, но по неполнотѣ, а равно и по другимъ причинамъ, они возвращались обратно.

Упомянувъ, что въ числѣ чиновниковъ при сенаторѣ князѣ Давыдовѣ въ 1849 году былъ графъ А. К. Толстой, скажемъ, что онъ, исполняя разныя порученія по ревизіи, посвящалъ не мало времени и литературнымъ занятіямъ и написалъ въ это время Князя Серебрянаго. Трудъ этотъ онъ читалъ впер-

вые лицамъ избраннаго калужскаго общества, въ числѣ котораго блистала тогда супруга губернатора Смирнова—Александра Іосифовна. Личность эта, по своимъ достоинствамъ и по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ А. С. Пушкину, князю П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, Н. В. Гоголю и другимъ, весьма извѣстна въ нашей литературѣ.

Въ Калугѣ, при ревизіи сенатора князя Давыдова, во время дворянскихъ выборовъ, обнаружился слѣдующій курьезъ. Нужно было избрать предсѣдателя гражданской палаты, которая, по своему положенію и накопленію въ ней дѣлъ, требовала болѣе или менѣе опытнаго человѣка. Многіе благомыслящіе дворяне, а равно губернаторъ и сенаторъ, указывали на двухъ лицъ, именно Унговскаго и князя Оболенскаго. Открылась баллотировка, и что же вышло? два эти лица забаллотированы были громаднымъ большинствомъ. Въ это время, какъ бы въ шутку, кто то сказалъ: „а не попросить ли намъ баллотироваться Ивана Сидоровича Толмачева въ предсѣдатели“? Лицо это было извѣстно въ Калугѣ своею простотою, доходившею до невозможности, а объ образованіи и знаніи судебного дѣла и говорить было нечего. Началась баллотировка, и нашъ Иванъ Сидоровичъ Толмачевъ, ко вреду святаго дѣла правосудія, избранъ былъ громаднымъ большинствомъ. Нѣкоторые объясняли это нерасположеніемъ дворянъ къ губернатору, желавшему провести въ предсѣдатели князя Оболенскаго, какъ своего родственника. Такъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ свидѣтельствуеть, что дворяне выборомъ лицъ въ судейскія должности не дорожили и не придавали этому никакой важности.

Сенаторъ князь Давыдовъ счелъ своимъ долгомъ чрезъ министра юстиціи довести о семъ до свѣдѣнія государя, объяснивъ, что Толмачевъ, какъ малосвѣдущій, положительно не можетъ быть утвержденъ въ должности предсѣдателя калужской гражданской палаты. Но государь Николай Павловичъ взглянулъ на это дѣло совсѣмъ иначе: смыслъ его взгляда былъ таковъ, что если дворяне не хотятъ сознавать важности предоставленныхъ имъ правъ, то въ видахъ наказанія ихъ — повелѣлъ утвердить Толмачева въ должности предсѣдателя.

Въ параллель сему случаю разскажу еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ дворяне-предсѣдатели смотрѣли

на дѣло отправленія правосудія. Въ одной уголовной палатѣ замѣчена была страшная медленность въ ходѣ арестантскихъ дѣлъ.

Предписаніе за предписаніемъ слѣдовали одно за другимъ изъ министерства въ палату о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ. Спустя нѣсколько времени, послѣ сего, предсѣдатель этой палаты прїѣзжаетъ въ Петербургъ и, съ ликующимъ лицомъ, является къ министру юстиціи, докладывая, что всѣ дѣла въ его палатѣ рѣшены.

„Какъ же вы это сдѣлали?“ спросилъ министръ.

— „Я, ваше сіятельство, отвѣчалъ предсѣдатель-дворянинъ, воспользовался особымъ случаемъ. Въ нашемъ губернскомъ острогѣ содержится нѣсколько весьма опытныхъ чиновниковъ: вотъ я и роздалъ имъ дѣла,—они мнѣ живо написали все, что нужно“.

Министръ, графъ Панинъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и удалился изъ прїемной комнаты, не найдя ничего сказать.

Были ли такія и подобныя явленія общны и повсемѣстны? Нѣтъ, скажу я. Были и такія палаты и въ особенности тѣхъ, гдѣ предсѣдатели по назначенію отъ правительства, при помощи дѣльныхъ товарищей, вели дѣла быстро и рѣшали ихъ правильно. Но это были исключенія. Главное, что препятствовало отправленію дѣлъ въ гражданскихъ палатахъ—такъ это бывшее при нихъ, въ прежнее время, учрежденіе крѣпостной части, что нынѣ возложено на нотаріусовъ.

Возьмите любой губернской городъ, въ немъ, вѣроятно, вы найдете не менѣе пяти нотаріусовъ. Въ пространныхъ ихъ конторахъ вы увидите много разнаго рода люда, пришедшаго совершить или явить то довѣренность, то условіе, то купчую, то закладную и т. д. Вотъ этотъ весь народъ, со всего города и изъ губерніи, шель вогда то въ гражданскую палату для изъясненной надобности и рѣшительно наполнялъ все помѣщеніе палаты, требуя неотступно совершить какъ можно скорѣе представленный актъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что при крѣпостной части въ палатѣ состоялъ одинъ только надсмотрщикъ съ нѣсколькими писцами. Въ виду отстраненія медленности оказывалось неизбѣжнымъ, чтобы надсмотрщики содержали на свой счетъ нѣсколько вольныхъ писцовъ. Но всѣ они при тѣхъ формахъ, воими въ прежнее время обставлена была крѣпостная часть—не могли быстро справляться, а потому являлась медленность въ совершеніи актовъ, а

главное, развились подачки или взяточничество. Брали писцы, вольнонаемные при крѣпостной части, получалъ взятку надсмотрщикъ, но все безславіе падало почасту на всю неповинную палату. Впрочемъ, обычай благодарить надсмотрщика, кажется, съ давняго времени пустилъ свои глубокіе корни.

Надсмотрщиковъ благодарили всѣ, кто только совершалъ какой либо актъ. Это было какъ будто въ обычай. Такъ, бывший министръ юстиціи, совершая въ с.-петербургской палатѣ рядную запись, въ пользу своей дочери, велѣлъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, дать надсмотрщику сто рублей.

Исполненіе сего возложено было на директора департамента министерства юстиціи, Михаила Ивановича Топильскаго.

Какъ исполнить это щекотливое порученіе, т. е. дать взятку отъ министра юстиціи надсмотрщику? Михаилъ Ивановичъ ухитрился: самымъ непримѣтнымъ образомъ онъ сунулъ въ портфель надсмотрщика сто рублей.

Другой случай былъ таковъ: надсмотрщикъ кievской палаты привезъ бывшему генераль-губернатору Безаку засвидѣтельствованную для него довѣренность. Безакъ, доставъ изъ стола три рубля, началъ давать ихъ надсмотрщику, — но тотъ, отказавшись, быстро удалился. Безакъ, какъ оказывается, не любилъ комедіи, крайне разсердился и велѣлъ тотчасъ догнать надсмотрщика и сунуть ему за шиворотъ деньги.

Такъ выразился Безакъ.

Читая все это, нельзя не подивиться какъ въ настоящее время измѣнились взгляды. Спросите теперь любого нотаріуса, что стоитъ засвидѣтельствованіе довѣренности? — одинъ рубль, отвѣтитъ онъ, — и вовсе не церемонясь, съ любезностью и улыбкой, не считая свой трудъ безвозмезднымъ, беретъ отъ васъ эти деньги и велитъ записать по книгамъ.

А прежде это, по понятіямъ незрѣлаго общества, была взятка. Да, взятка, подвергавшая нареканію всѣхъ лицъ, служащихъ въ палатѣ.

Казалось бы чего легче, какъ въ свое время отдѣлить крѣпостную часть отъ палаты, о чемъ много было писано. Нѣтъ, часть сія, въ крайнему прискорбію многихъ предсѣдателей, оставалась, по день открытія реформы, въ вѣдѣніи этихъ палатъ.

Но довольно объ этомъ.

Упомянувъ выше, что улучшеніе полиціи и слѣдственной части совершилось въ 1860 году, т. е. въ царствованіе императора Александра, мы должны сказать, что начало развитія разныхъ предположеній по устройству суда послѣдовало гораздо ранѣе, именно въ царствованіе императора Николая, по слѣдующему случаю.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ Рязанской губерніи, въ 1840-хъ годахъ, производилось дѣло Баташевыхъ. На дѣло это, по своимъ особенностямъ, государь съ давняго времени обратилъ свое вниманіе и о положеніи онаго министерство юстиціи ежемѣсячно представляло ему всеподданнѣйшія донесенія. Донесенія эти, въ теченіи долгаго времени, были въ высшей степени однообразны и унылы. Текстъ ихъ приблизительно былъ таковъ: вотъ составляется записка, вотъ стороны вызываются къ рукоприкладству, вотъ онѣ допущены къ нему, далѣе, что стороны приступили къ чтенію записки, потомъ, что сроки на чтеніе не истекли, а тамъ, что полиція не доставила свѣдѣній: такихъ-то и такихъ. Наконецъ, что стороны вызываются къ выслушанію рѣшенія, что сроки на сіе еще не истекли и т. д., и т. д. Всѣ сіи моменты остановокъ основаны были на законѣ. Не смотря на это, помню, что, составляя эти донесенія, по званію моему начальника отдѣленія въ департаментѣ министерства юстиціи и зная по опыту, что на самомъ дѣлѣ всѣ эти волониты были пустыя отговорки, душа моя подвергалась неопisanному страху.

Ну что, какъ эти всѣ донесенія изъ суда несправедливы или ложны, быть бѣдѣ! Но благодаря великодушію монарха, государь, читая эти безконечныя донесенія съ терпѣніемъ, наконецъ, изрекъ: „пора обратить вниманіе на наше неудовлетворительное отправленіе судопроизводства“.

Вотъ это изреченіе государя Николая Павловича и должно быть принято за начало началъ измѣненія нашего судопроизводства!

Замѣчаніе это министерствомъ юстиціи сообщено было графу Блудову, управлявшему тогда II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

Это отдѣленіе, какъ извѣстно, посвящало всѣ свои труды занятіямъ по законодательству.

Въ виду замѣчанія государя императора по дѣлу Баташевыхъ, на первый разъ, измѣненіе послѣдовало въ вызовахъ къ суду, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и другіе недостатки какъ въ организаціи суда, такъ и въ судопроизводствѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ одинъ проектъ смѣнялся другимъ, пока, наконецъ, при государственномъ совѣтѣ не образована была особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Владимира Петровича Буткова.

Въ эту комиссію вызваны были изъ всей Россіи лучшіе дѣльцы и знатоки тогдашнихъ судебныхъ порядковъ во всемъ ихъ безобразіи.

Вотъ эти лица, имѣя въ своихъ рукахъ обширные матеріалы, съ замѣчаніями о недостаткахъ стараго суда, и на основаніи особыхъ началъ, преподанныхъ свыше и утвержденныхъ высочайшею властію 29 сентября 1862 года, и составили такъ называемые уставы 20 ноября 1864 года, названные впослѣдствіи уставами императора Александра II.

Само собою разумѣется, что работы комиссіи были проверены, обставлены всѣми необходимыми данными и замѣчаніями въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта и въ общемъ онаго собраніи, и тогда только по обсужденіи повергнуты на окончательное высочайшее утвержденіе, что и послѣдовало 20 ноября 1864 года.

Журналы государственнаго совѣта, по всѣмъ отдѣламъ судопроизводства и судоустройства новыхъ уставовъ, представляютъ собою цѣлые томы, изъ которыхъ краткія выписи вошли въ особое изданіе государственной канцеляріи.

Изданіемъ уставовъ сихъ въ выписяхъ или разсужденіяхъ, какъ они названы въ печати, — Россія обязана исключительно бывшему тогда статсъ-секретарю Сергѣю Ивановичу Зарудному (нынѣ сенаторъ). Вникая въ смыслъ журналовъ государственнаго совѣта по изданію судебныхъ уставовъ 1864 года, нельзя не удивляться научности лицъ, кои занимались этимъ дѣломъ, величію ихъ труда и добросовѣстности, съ которыми разсматривались вопросы о судебной реформѣ. Имена членовъ государственнаго совѣта и лицъ, бывшихъ въ упомянутой комиссіи, положившихъ, такъ сказать, свою душу въ этотъ громадный изъ громаднѣйшихъ трудовъ, когда либо предпринятыхъ въ дорогомъ нашемъ отечествѣ, должны сохраниться навсегда въ благодарномъ потомствѣ.

Вѣчная память усопшимъ и слава живымъ!

Признанная необходимость ввести въ наши законы установленіе присяжныхъ засѣдателей, присяжныхъ повѣренныхъ и кассацій есть вѣковая принадлежность и форма отправленія общечеловѣческаго правосудія.

Другихъ порядковъ отправленія правосудія народы, опытъ и наука не изобрѣли.

Въ заключеніе этой главы дополнимъ, что лица трудившіяся по судебной реформѣ, суть люди, выработавшіе свои убѣжденія въ періодъ царствованія императора Николая, и что сословный судъ, установленный императрицей Екатериной II съ цѣлью, чтобы равный судился равными, оказался несоотвѣтствующимъ цѣли правосудія, а потому палъ, и палъ невозвратно—и слава Богу!

Намъ нуженъ судъ скорый, правый и милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ, т. е. безъ различія чиновъ и сословій.

Вотъ это только можетъ, какъ сказано въ манифестѣ 20 ноября 1864 года, возвысить судебную власть, дать ей самостоятельность и тѣмъ оградить и личность, и достояніе отъ произвола. Безъ этой самостоятельности, т. е. при допущеніи вмѣшательства другихъ властей въ дѣло правосудія, скажемъ судъ—не судъ, а какая-то расправа, и вотъ этому предмету, а также вопросу о повѣренныхъ мы посвятимъ слѣдующую главу и расскажем про былыя времена.

II.

С. С. Ланской.—III отдѣленіе.—Генераль Дубельтъ.—Дѣла Потоцкаго, Потемкина, Гуткова, Никитина.—Разговоръ императора Николая Павловича съ Никитинымъ.—Князь Д. В. Голицынъ.—Мнѣніе императора Николая Павловича объ адвокатахъ.—Толки о присяжныхъ повѣренныхъ и средства къ ихъ исправленію.—Предположеніе о томъ, что если бы Дервизъ жилъ во времена вмѣшательства полиціи въ судебныя дѣла.—Дѣла Мельническихъ и Свиридова.—Одно изъ дѣлъ стараго суда—Грузинова.—Сенатъ и заключеніе.

Въ прежнее время, какъ извѣстно, гражданскія дѣла раздѣлялись на бесспорныя и спорныя, первыя подчинялись полиціи, а послѣднія разбору судовъ.

Уголовныя же дѣла, всѣ безъ исключенія, начинались въ полиціи, которая и производила по нимъ слѣдствія и только по окончаніи отсылала оныя въ судъ.

На практикѣ выходило такъ, что полиція и по гражданскимъ дѣламъ, подъ видомъ бесспорности, принимала къ своему производству всѣ дѣла. Исключеніе изъ сего допускалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція не благоволила къ истцу или отвѣтчику, смотря по обстоятельствамъ и по отношенію ея къ заинтересованнымъ лицамъ.

По отношенію признанія дѣла спорнымъ или бесспорнымъ, она хотя и подчинялась суду, но вмѣстѣ съ тѣмъ она зависѣла и отъ губернскаго начальства.

Однимъ словомъ, происходило какое то смѣшеніе властей, судебной и исполнительной, и изъ этого возникала не рѣдко многосложная перекрестная и совершенно бесполезная переписка.

Но такъ какъ полиція могла дѣйствовать на лице, подпавшее ей разбору, сама, безъ всякаго посредства, а судъ не имѣлъ исполнительнаго органа,—то полиція, или вообще исполнительная власть, въ понятіи общества, стояла какъ то выше суда.

Верховенство полиціи надъ судомъ въ особенности выразилось въ С.-Петербургѣ и вообще въ столицахъ, гдѣ представителями полиціи были: управы благочинія, оберъ-полицмейстеры, генераль-губернаторы, министерство внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, по часту и въ важныхъ случаяхъ—III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, т. е. жандармское управленіе.

Притомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленіе, по отношенію ли лицъ, бывшихъ во главѣ сихъ управленій, или по другимъ обстоятельствамъ, въ понятіи современниковъ стояли какъ то ближе къ государю императору, чѣмъ министерство юстиціи. Это послѣднее всегда и во всѣхъ случаяхъ хотя указывало и держалось законнаго порядка, но, не смотря на это, и означенныя управленія, при неразграниченіи въ точности закономъ предметовъ вѣдомства суда отъ ихъ круга обязанности, считали себя въ правѣ прибѣгать то къ тѣмъ, то къ другимъ мѣрамъ и были правы по духу времени. Вотъ почему эти управленія, не стѣсняясь взглядами министерства юстиціи, почасту позволяли себѣ прибѣгать къ разнымъ исключеніямъ изъ общаго порядка дѣлъ судебныхъ.

Послѣдствіемъ сего было вмѣшательство въ дѣла суда, который потому и являлся какимъ то слабымъ орудіемъ въ отправленіи правосудія, а потому въ глазахъ всѣхъ, да и на самомъ дѣлѣ, онъ былъ не самостоятельнымъ. Всѣмъ этимъ мы не хотимъ сказать, что въ прежнее время вмѣшательство администраціи и прочихъ властей въ дѣла суда имѣло какую нибудь злонамѣренную или корыстную или вообще недостойную цѣль. Нѣтъ, мы говоримъ, что въ понятіи прежней администраціи и тѣхъ властей старый судъ, по своимъ формамъ и порядкамъ, не представлялъ собою обезпеченія, а потому, по ихъ мнѣнію, имъ самимъ и нужно было прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ.

Мѣры эти были многообразны, онѣ состояли или въ учрежденіи разныхъ комиссій, на коихъ возлагали отправленіе разныхъ функцій суда, или въ назначеніи слѣдствій по дѣламъ судебнымъ, или въ командированіи лицъ, не судебного вѣдомства, для наблюденія за судебнымъ дѣломъ, или въ истребованіи объясненій отъ лицъ, служащихъ въ судѣ, помимо властей судебного вѣдомства, и т. д., и т. д. Всего не перечтешь.

Въ подтвержденіе сего укажемъ на нѣсколько случаевъ.

Такъ, въ 1850 годахъ, по инициативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, — въ С.-Петербургѣ учреждена была, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Безака, особая комиссія. Эта комиссія, учрежденная собственно для ускоренія долговыхъ дѣлъ въ управѣ благочинія, принимала сама, непосредственно, къ своему производству дѣла. Она не стѣснялась ничѣмъ и усвоила

себѣ сыскной порядокъ,—отжившій и бывшій едва ли не въ прошломъ столѣтїи,—такъ она подвергала кредиторовъ аресту, до тѣхъ поръ, пока они или не помирятся съ должникомъ, или не умѣрятъ своихъ претензій, или вовсе не прекратятъ своихъ взысканій.

Комиссія эта навела страхъ на всѣхъ, кто имѣлъ долговое дѣло; начали приносить жалобы, но ихъ нигдѣ не принимали. Явилось какое-то безправіе!

Самъ сенать, по 4 департаменту, коему подчинены были дѣла по С.-Петербургу, во главѣ своего достойнаго первоприсутствующаго сенатора К. В. Чевкина, не зналъ что дѣлать съ этими жалобами, не смотря на ихъ видимую уважительность. Въ отношеніи ихъ состоялась такая резолюція, — что сенату ничего неизвѣстно объ учрежденіи означенной комиссіи. Но всему есть конецъ! Одна изъ таковыхъ жалобъ дошла до свѣдѣнія государя и по ней потребовано заключеніе министерства юстиціи. Предварительно исполненія воли государя, министерство юстиціи спросило министерство внутреннихъ дѣлъ о томъ, на какихъ основаніяхъ, для какой собственно цѣли учреждена та комиссія и кому она подчинена, въ порядкѣ подсудности.

Въ это время во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ явился С. С. Ланской, который за лучшее счелъ отвѣтить министерству юстиціи, что ту комиссію онъ велѣлъ закрыть и дѣла ея передать по принадлежности. Потомъ въ назначеніи слѣдствій по разнымъ частнымъ гражданскимъ дѣламъ, напр., объ имуществѣ купца Чернова въ Калугѣ и другихъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, а равно и высшая полиція въ Петербургѣ въ былое время вовсе не стѣснялись.

Случаи сіи были многочисленны и они никого не удивляли. Наконецъ, было и такое событіе, что кто-то жаловался князю А. А. Суворову, бывшему генераль-губернаторомъ въ Петербургѣ, на тамошній комерческій судъ, представлявшій собою вторую инстанцію суда.

Свѣтлѣйшій князь, ни мало ни стѣняясь, велѣлъ арестовать всѣхъ членовъ суда. Это послѣдніе были въ недоумѣніи, бросились въ министерство за защитой. Само собой разумѣется, что, благодаря близости министерства юстиціи къ суду—распоряженіе генераль-губернатора было отмѣнено, а онъ въ добротѣ сво-

ей души оправдывался тѣмъ, что бумагу объ арестованіи членовъ суда онъ подписалъ не читая. Миръ праху его!

Вообще нужно сказать, что въ Петербургѣ едва ли какое либо судебное дѣло, сколько нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и касающееся какой либо выдающейся личности, не сопровождалось быстрыми и особыми какими либо энергичными распоряженіями административныхъ мѣстъ и лицъ.

Въ подтвержденіе того, что въ прежнее время администрація считала себя превыше юстиціи, расскажу изъ многихъ еще одинъ случай.

Я, какъ чиновникъ, командированный отъ министерства юстиціи для занятій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, представлялся бывшему тогда въ послѣднемъ министру Сергію Степановичу Ланскому.

Разговаривая со мною, Ланской спросилъ меня: „ну что вашъ графъ Викторъ Никитичъ? все судить, да радить,—а мы все таки будемъ ѣздить по своему“. При этомъ Ланской, раскрывъ два пальца правой руки и образовавъ изъ нихъ рогульку, положилъ ее на одинъ палецъ лѣвой руки, а потомъ, подымая и опуская ее нѣсколько разъ, дѣлалъ движенія на подобіе коннаго ѣздока. „Вотъ такъ, вотъ такъ, твердилъ, улыбаясь, добродушный министръ, мы ѣздимъ на вашей юстиціи“.

Анекдотъ самъ по себѣ пустой, но характеризующій, что такое въ прежнее время была юстиція и какъ на нее смотрѣла высшая администрація.

Съ своей стороны, III отдѣленіе, при шефѣ жандармовъ графѣ А. Ѳ. Бенкендорфѣ, графѣ А. Х. Орловѣ и другихъ, состоя подъ ближайшимъ управленіемъ генерала Леонтія Васильевича Дубельта, преслѣдовало, по своимъ понятіямъ, кажущееся зло и, стремясь къ добру, отправляло во многихъ случаяхъ, ничѣмъ не стѣсняясь, функціи судебныхъ мѣстъ.

Такъ, оно опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило не рѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ: кто и какъ нажилъ себѣ состояніе, и какой кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ.

Однимъ словомъ, кругъ дѣятельности III отдѣленія, въ области суда,—былъ весьма обширенъ.

Въ подтвержденіе сего припомнимъ дѣла графа Михаила Потоцкаго, князя Потемкина, купца Гутцова и многое множество другихъ.

Графъ Потоцкій, женившись на простой дворянѣ Швейковской, выказалъ въ послѣдствіи по отношенію къ ней грубые поступки. Вотъ изъ этого началось дѣло, кончившееся тѣмъ, что Потоцкій удаленъ былъ изъ мѣста жительства, а обширныя его имѣнія Тульчинъ и Ольховатское, Подольской губерніи, взяты были въ администрацію III отдѣленія, для каковой цѣли чиновникъ оной, *****, управлялъ ими много лѣтъ.

Князь Потемкинъ, покровитель не въ мѣру Мельпомены и Терпсихоры, владѣя обширными имѣніями въ Курской губерніи, надѣлалъ много долговъ и попалъ подъ вѣдѣніе III отдѣленія. Имѣнія его, по ходатайству сего отдѣленія, прежде удовлетворенія кредиторовъ, по купчей, какъ бы слѣдовало, перешли въ собственность графа Рибопьера, а отъ него къ другимъ лицамъ.

Купецъ Гутцовъ, жившій въ Петербургѣ, занимаясь торговыми и другими дѣлами, нажилъ себѣ въ короткое время значительное состояніе.

Вотъ въ виду сего III отдѣленіе признало себя вправѣ подвергнуть его допросу о томъ: какъ и чѣмъ онъ нажилъ себѣ состояніе? Объясненія Гутцова показались III отдѣленію не уважительными и оно признало справедливымъ и себя обязаннымъ доложить государю императору объ отобраніи у него капиталовъ и достоянія и о высылкѣ его изъ Петербурга.

Къ счастью Гутцова, правосудный государь Николай велѣлъ передать дѣло о немъ въ министерство юстиціи.

Министерство, разобравъ дѣло, доложило государю Николаю Павловичу, что нельзя безъ опасенія поколебать основы государства, а равно безъ жалобы съ чьей-либо стороны и помимо суда доискиваться: кто и какъ приобрѣлъ себѣ состояніе, что всякое, даже незаконное владѣніе охраняется закономъ, дотолѣ, доволѣ судомъ не будетъ доказано противное. Вотъ въ виду таковыхъ истинъ, съ коими, пожалуй, знакомъ теперь едвали не каждый гимназистъ, министерство юстиціи, по соглашенію съ графомъ Д. Н. Блудовымъ,

доложило государю Николаю I, что III отдѣленіе не могло домогаться и разыскивать о томъ, какъ купецъ Гутковъ приобрѣлъ и нажилъ себѣ состояніе.

Случаи подобныхъ дѣйствій III отдѣленія были не рѣдки.

Стремленія сего отдѣленія, съ перваго взгляда, казались по тогдашнему, для нѣкоторыхъ ограниченныхъ людей, похвальны, ибо они имѣли цѣлю оградить гражданъ отъ всякаго могущаго и содѣяннаго зла, но способы и порядки сихъ дѣйствій, не сдерживаемые формами установленнаго суда, для многихъ благонамѣренныхъ людей, для коихъ законы были не пустой звукъ, а святое правило, какъ и слѣдовало ожидать, — были отяготительны, дышали иногда личнымъ произволомъ и навлекали на себя справедливый ропоть.

Скрывать или утаивать это отъ современниковъ нельзя!..

Ко всему этому нужно еще присовокупить, что нерѣдко въ судахъ встрѣчались недоумѣнія о томъ, какъ исполнить сообщаемыя III отдѣленіемъ высочайшія повелѣнія, состоявшіяся по докладамъ онаго. Былъ такой случай.

Полковникъ Никитинъ предъявилъ въ князю Любомирскому разныя долговыя претензіи, основанныя на безспорныхъ актахъ, а въ томъ числѣ и закладной.

По дошедшимъ до III отдѣленія свѣдѣніямъ, оно раскрыло и за подлинно признало, что полковникъ Никитинъ не давалъ денегъ князю Любомирскому, а просто на просто обыгралъ его въ карты, и что слѣдовательно упомянутые долговыя документы суть послѣдствія проигрыша. Все это доложено было государю Николаю Павловичу.

Полковникъ Никитинъ былъ лейбъ-гусаръ, полкъ коихъ пребывалъ на стоянѣ въ Царскомъ селѣ, женатъ былъ на дѣвицѣ Фридрихсѣ, особѣ, приближенной въ прусскому двору, а потому по службѣ и по женѣ лично былъ извѣстенъ государю.

Вслѣдствіе этого, государь смотрѣлъ на него и относился къ нему постоянно до этого времени съ особенною монаршею благосклонностью.

Полковникъ Никитинъ призванъ былъ лично къ государю.

— „Скажи мнѣ, какъ своему отцу и государю, молвилъ императоръ, обращаясь къ Никитину: игралъ ли ты въ карты съ

князем Любомирскимъ и обыгралъ его, или ты дѣйствительно давалъ ему деньги?"

Въ отвѣтъ на это Никитинъ имѣлъ дерзость сказать государю ложь. Засимъ Никитинъ былъ отпущенъ.

Но III отдѣленіе представило государю неопровержимыя данныя о томъ, что полковникъ Никитинъ игралъ и обыгралъ князя Любомирскаго, и что всѣ долговые его документы, дѣйствительно, суть послѣдствія карточной игры.

Тогда государь, призвавъ Никитина, гнѣвно сказалъ ему:

— „Ты разомъ, въ лицѣ моемъ, обманулъ своего и государя, и отца—прочъ съ моихъ глазъ“.

За симъ III отдѣленіе сообщило въ министерство юстиціи такое повелѣніе: что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ всѣ незаконные акты Никитина съ Любомирскимъ уничтожить.

Сообщеніе это, безъ всякаго объясненія о томъ, о какихъ актахъ говорится въ этомъ высочайшемъ повелѣніи, передано было къ исполненію, чрезъ сенатъ, въ судебныя мѣста С.-Петербурга, въ коихъ тогда разсматривались дѣла Никитина съ Любомирскимъ.

Основываясь на томъ повелѣніи, сторона князя доказывала, что всѣ акты, въ томъ числѣ и закладная, выданныя имъ Никитину, должны быть признаны ничтожными, а сторона Никитина объясняла, что по точному смыслу упомянутаго высочайшаго повелѣнія слѣдуетъ признать недѣйствительными только акты незаконные, къ числу коихъ закладная и другіе явленные имъ акты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены. Недоумѣніе о силѣ, значеніи и пространствѣ того высочайшаго повелѣнія, въ судебныхъ мѣстахъ, было полное, оно доходило до общаго собранія сената и разрѣшено въ пользу Никитина.

Мнѣ разсказывали еще одинъ случай, свидѣтельствующій о вмѣшательствѣ администраціи и о дѣйствіяхъ сословныхъ предсѣдателей палатъ.

Въ одной изъ палатъ замѣчена была вообще медленность въ ходѣ дѣлъ. Въ видахъ понужденія и неотлагательнаго рѣшенія оныхъ, посланъ былъ жандармскій офицеръ, коему вмѣнено было въ обязанность не выѣзжать изъ города, гдѣ была палата, до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла.

Явился жандармъ въ палату и настойчиво требовалъ исполненія объявленнаго имъ порученія. Предсѣдатель задумался какъ быть и что дѣлать? Засимъ велѣлъ принести изъ канцеляріи всѣ дѣла. Потомъ, взявъ одно дѣло и поднеся его къ своимъ глазамъ или, лучше сказать, къ носу, объявилъ: рѣшеніе суда утвердить, и положилъ его на правую сторону. Потомъ взялъ другое дѣло и, дѣлая тѣ-же движенія, заявилъ: рѣшеніе суда отмѣнить. За тѣмъ, при тѣхъ же приемахъ, началъ быстро откладывать дѣла то направо, то налево, вскрикивая: утвердить, отмѣнить и т. д. По окончаніи сего жандармъ уѣхалъ съ донесеніемъ, что всѣ дѣла въ палатѣ рѣшены.

Привожу это какъ примѣръ, что командированіе лицъ, незнакомыхъ съ судебнымъ дѣломъ, не могло быть полезнымъ,— оно дѣлало власть смѣшною въ глазахъ благомыслящихъ людей. Впрочемъ, хорошъ былъ и предсѣдатель, рѣшавшій дѣла не по разсмотрѣнію, а нюхомъ!

Въ особенности III отдѣленіе въ прежнее время зорко слѣдило за дѣйствіями бывшихъ тогда повѣренныхъ или адвокатовъ. Рѣдкій изъ нихъ не побывалъ въ III отдѣленіи для объясненій съ генераломъ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ. Имя его у всѣхъ людей, не служившихъ и занимавшихся вольнымъ дѣломъ, было на языке.

Малѣйшая жалоба со стороны кліента на недобросовѣстность адвоката или повѣреннаго, была ли она ложная или справедливая—все это было излюбленнымъ предметомъ генерала Дубельта. Нѣкоторые изъ нихъ подвергались высылкѣ изъ города, а другіе, подъ страхомъ подобныхъ наказаній, искали себѣ покровительства, записываясь для виду и счета на службу.

Впрочемъ, вообще званіе адвоката, какъ защитника по дѣламъ, въ прежнее время не пользовалось общественнымъ уваженіемъ. Оно не было чтимо и правительствомъ. Это послѣднее какъ то считало, что всѣ граждане, силою закона и установленнымъ порядкомъ, достаточно ограждены.

Въ подтвержденіе сего разскажу весьма знаменательный случай:

Въ г. Москвѣ, въ царствованіе императора Николая Павловича, былъ генераль-губернаторомъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

Князь этотъ почасту прїѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ жила его мать, княгиня Наталія Петровна Голицына (moustaches), сестры: графиня Софія Владиміровна Строганова, владѣтельница дома у Полицейскаго моста, и Екатерина Владиміровна Апраксина.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ его прїѣздовъ къ сестрѣ, Софіи Владиміровнѣ,—въ домѣ и семействѣ которой я жилъ, я слышалъ отъ него слѣдующій разсказъ.

— „Вскорѣ послѣ моего назначенія въ Москву, говорилъ князь, во мнѣ принесли массу протоколовъ тамошней уголовной палаты для утвержденія.

Въ этихъ протоколахъ опредѣлялась торговая казнь, чрезъ палачей на площадяхъ. Таковые протоколы, по существовавшимъ правиламъ, не прежде приводились въ исполненіе, какъ по утвержденіи оныхъ генераль-губернаторомъ.

Выслушавъ объясненія докладчика объ этихъ протоколахъ, продолжалъ князь, я спросилъ его, съ какой стати мнѣ, лицу, облеченному только высшею административною, а не судебною властію, безъ всякаго убѣжденія о томъ, правильны ли рѣшенія палаты или нѣтъ, приходится утверждать эти кровавые протоколы?

Само собою разумѣется, докладчикъ указывалъ на законы, но я, сказалъ князь, остался при своемъ и протоколовъ не подписалъ.

Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія государя, и вотъ, при одномъ моемъ представленіи ему, онъ меня спросилъ: что это значитъ?

Я объяснилъ, что въ виду отсутствія защиты о винѣ подсудимаго, при моихъ обязанностяхъ, по званію генераль-губернатора, мнѣ невозможно обсудить правильность рѣшенія палаты, а потому просилъ устранить меня отъ подписи и утвержденія тѣхъ протоколовъ.

— „У тебя есть прокуроры и страпчіе, возразилъ государь, чтобы судить о правильности рѣшенія“.

Нѣтъ, государь, позволилъ я себѣ сказать, прокуроры и страпчіе не защитники, а преслѣдователи,—тутъ нужны адвокаты.

Государь, при словѣ адвокаты, видимо нахмурился и сказалъ: „Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому не удивительно, что ты усвоилъ

себѣ тамошніе порядки. А кто, продолжалъ государь говорить громко, кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Марать, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ, князь, заключилъ государь, пока я буду царствовать— Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю“.

Чѣмъ кончилась участь протоколовъ московской уголовной палаты,—не знаемъ, но слова и рассказъ свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына у меня сохранились свѣжо въ памяти.

Въ свое время это была добрѣйшая и образованная личность, привлекавшая къ себѣ всѣхъ и cadaго. Нынѣшняя Москва, находясь въ теченіи многихъ лѣтъ подѣ благотворнымъ вліяніемъ всѣми любимаго и уважаемаго князя В. А. Долгорукова, почасту вспоминаетъ и князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Память о немъ, не смотря на истекшее почти полустолѣтіе, живетъ въ обществѣ и народѣ. Ему въ особенности Москва обязана своимъ возрожденіемъ послѣ 1812 года и развитіемъ въ ней фабрикъ, заводовъ и вообще промышленности. Вѣчная ему память! Удивляемся какъ въ Москвѣ, до сихъ поръ, не пришло никому въ голову возбудить вопросъ о памятникѣ князю Дмитрію Владиміровичу.

Обращаясь къ прежнему предмету объ адвокатахъ, скажемъ, что, во все продолженіе царствованія императора Николая, правительство не одобрительно смотрѣло на частную ихъ дѣятельность.

Впрочемъ, въ Петербургѣ гласныхъ адвокатовъ было не много. Извѣстны были Лерхе, Галеръ (лишенный права жить въ столицѣ), Бильбасовъ, Рымашевскій и друг. Дѣятельность ихъ, по гражданскимъ дѣламъ, состояла въ написаніи прошеній и такъ называемомъ хожденіи, а объ изустной защитѣ не было и рѣчи.

По уголовнымъ дѣламъ защита въ уѣздныхъ судахъ лежала на стряпчихъ, въ палатахъ на прокурорахъ, а въ сенатѣ на оберъ-прокурорахъ, частная же защита не допускалась.

Слово адвокатъ не вошло въ наши судебные уставы 1864 г., они явились въ нихъ подѣ именемъ присяжныхъ повѣренныхъ, что въ существѣ одно и то-же.

Скажемъ, что, съ введеніемъ уставовъ 1864 года, занятіе

присяжныхъ повѣренныхъ перестало быть не одобрительнымъ, напротивъ того, оно сдѣлалось необходимымъ въ виду допущенія защиты какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ. вмѣстѣ съ тѣмъ упомянемъ, что труду этому, часто тяжкому, посвятили себя многіе изъ образованныхъ и способныхъ личностей, приобрѣвшихъ себѣ, по предмету защиты, репутацію краснорѣчивыхъ ораторовъ.

Но къ крайнему сожалѣнію, и не безъ основанія, въ послѣднее десятилѣтіе появились иные толки. Такъ говорятъ, что статутъ о присяжныхъ повѣренныхъ на практикѣ оказался далеко не достигающимъ своей цѣли.

Въ доказательство сего приводятъ то, что въ народѣ не даромъ ихъ назвали брехунцами и даже болѣе того—прелюбодѣями слова и истины.

Вообще говорятъ, что среди повѣренныхъ, въ послѣдніе годы, выказалась какая то распушенность и небрежность въ ущербъ своимъ кліентовъ, самый выборъ ихъ въ это званіе оказался пустой формой, а установленный надъ ними надзоръ представляется слабою властію, не могущею отвратить совершаемое ими зло.

Указываютъ также на то, что такъ какъ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ не ограничено и поступленіе къ нимъ дѣлъ ничѣмъ не формулировано, то изъ этого между ними является вредная конкуренція или перебой, а часто и недостойныя измышленности, чтобы достать дѣло и тѣмъ заработать себѣ кусокъ хлѣба, не смотря на то, справедливо ли самое дѣло или нѣтъ.

Наконецъ, приводятъ еще и то, что запрещеніе по указу 25 мая 1874 года частнымъ лицамъ, не носящимъ званіе присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ, являться на судъ въ качествѣ защитника—весьма вредно повліяло на ходъ дѣлъ. На этотъ указъ въ обществѣ смотрятъ какъ на ограниченіе гражданскихъ правъ, и лицъ, которыя имѣютъ дѣло, и того, кто могъ бы принять оное для защиты, не нося званія присяжнаго.

Указъ этотъ пришелся по душѣ однимъ только присяжнымъ или частнымъ повѣреннымъ. Силою сего указа изъ нихъ образовалась какая то кляка или каста, съ вредною и ничѣмъ неоправдываемою мыслию, что безъ нихъ нельзя обойтись. Другими

словами, явилась непрошенная опека присяжных повѣренныхъ надъ всѣми прибѣгающими къ суду, безъ всякой отвѣтственности со стороны ихъ за послѣдствія, и домогающихся только одного—получить деньги по таксѣ.

Законъ о недопущеніи постороннихъ лицъ заниматься ходатайствомъ, по всей вѣроятности, имѣлъ цѣлью обереечь общество отъ невѣжества повѣренныхъ и тѣмъ, можетъ быть, ограничить число заводимыхъ ими дѣлъ. Но противу этого возражаютъ, что въ повѣренномъ не такъ важно знаніе законовъ и формъ, какъ добросовѣтность.

Независимо отъ сего говорятъ, что такса или плата повѣренному, избраніе котораго обязательно и неизбѣжно, съ упомянутыми ограниченіями по указу 25 мая 1874 г., составляетъ налогъ для всѣхъ тяжущихся, и въ особенности для бѣднаго люда, коими являются крестьяне.

Вотъ въ этихъ, можетъ быть, видахъ покойный баронъ П. Г. Дервизъ говорить, что судебная реформа 1864 г. не по силамъ народу.

Говоря о повѣренныхъ или, лучше сказать, о присяжныхъ адвокатахъ, не оставляютъ въ покоѣ и одежду ихъ.

Въ этомъ отношеніи говорятъ, что не знаемъ почему и ради чего они надупили или облеклись въ бальную форму и надели на себя черный фракъ съ бѣлымъ галстукомъ и прочими принадлежностями танцевальнаго вечера. Другіе, въ виду такого одѣянія, въ насмѣшку называютъ ихъ „вуцою командою“. Съ своей стороны присяжные повѣренные отвѣчаютъ, что они для того облачаются въ парадную форму, чтобы выказать свое уваженіе предъ судомъ.

Нерасположеніе къ повѣреннымъ до того обуяло въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, что многіе безъ зазрѣнія твердятъ, говоря, что ихъ вовсе не нужно, что въ этомъ отношеніи прежде было гораздо лучше, ибо можно было поручить дѣло кому угодно, безъ всякаго ограниченія.

Противъ этого скажемъ, что правило 25 мая 1874 года (ст. 406), установившее, такъ называемыхъ, частныхъ повѣренныхъ, издано 10 лѣтъ спустя послѣ изданія цѣлаго судебного устава 1864 года, а потому какъ отдѣльное законоположеніе, имѣвшее можетъ быть временную частную цѣль, не можетъ служить порицаніемъ сего устава. Вообще мы скажемъ, что всякое законодательство,

какъ выраженіе условій жизни народа въ государствѣ, не можетъ, при измѣненіи сихъ условій, остаться въ одномъ и томъ же положеніи. Посему на фактъ измѣненія въ судебной реформѣ и вообще на измѣненіе тѣхъ или другихъ правилъ, безъ нарушенія основныхъ началъ реформы, должно смотрѣть какъ на прогрессъ и развитіе въ народѣ, съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы самостоятельность суда осталась неприкосновенною.

Вотъ почему мы нисколько не удивимся, если въ нашемъ судопроизводствѣ, безъ умаленія достоинствъ его, въ смыслѣ самостоятельности суда, послѣдуютъ нѣкоторыя улучшенія, какъ въ упрощеніи нѣкоторыхъ формъ гражданскаго сокращеннаго судопроизводства, которое своими оттяжками, затѣваемыми, часто не безъ умысла, адвокатами, обратилось на дѣлѣ въ долговременное судопроизводство, такъ и въ порядкѣ подчиненія повѣренныхъ особой власти, могущей опредѣлять добросовѣстность ихъ защиты и устранять, такимъ образомъ, излишнюю и часто умышленную болтовню.

Для достиженія сего указываютъ на то, что если-бы суду предоставлено было право, при написаніи резолюцій о существѣ рѣшеннаго дѣла, объявляемой во всеуслышаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ объявлять о томъ, какъ ему представляется защита дѣла повѣреннымъ: добросовѣстною или нѣтъ, подобное объявленіе суда много поудержало бы не дѣльное краснорѣчіе присяжнаго и, пожалуй, подвигнуло бы его разучивать дѣло, наконецъ, заставило бы его и призадуматься, стоитъ ли брать недобросовѣстное дѣло или нѣтъ, и не лучше ли отказаться отъ такого дѣла.

Нѣсколько неодобрительныхъ объявленій со стороны суда, относительно добросовѣстности защиты, могло бы служить поводомъ къ обсужденію вопроса о томъ, заслуживаетъ ли такое лицо оставаться въ числѣ присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ, или нѣтъ? Другаго мѣрила или повода непосредственной власти суда надъ повѣренными не представляется. Предоставленіе же сторонѣ жаловаться суду на поступки повѣреннаго—дѣло не легкое и не совсѣмъ удобное, а главное, въ практикѣ не употребляемое.

Мы не считаемъ возможнымъ, въ предѣлахъ нашей статьи, указывать на тѣ недостатки, кои на практикѣ обнаружили въ

уставахъ 20 ноября 1864 г.—это дѣло спеціально-юридическихъ журналовъ, но въ нѣкоторое оправданіе присяжныхъ повѣренныхъ скажемъ, что они, защищая по назначенію предсѣдателя лицъ, попавшихъ подъ судъ, ставятъ себя по самому существу своего установленія въ оппозицію прокурорской власти, а потому и являются какъ бы противниками правительства. Но нужно научиться уважать оппозицію, чтобы въ присяжномъ повѣренномъ, какъ защитникѣ подсудимаго, видѣть лицо, столько же необходимое, какъ и прокурорская власть, какъ и присяжные засѣдатели. Другими словами, безъ защиты—убѣжденія присяжныхъ засѣдателей были бы односторонни, ибо только — *du choc des opinions jaillit la verité*. А изъ этого нельзя не вывести то, что присяжные повѣренные въ дѣлахъ уголовныхъ необходимы и безъ нихъ, т. е. безъ защиты, какъ справедливо когда-то князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ зывалъ въ императору Николаю Павловичу, немислюмо уголовное судопроизводство.

Въ дѣлахъ гражданскихъ — особая статья. Знаешь и понимаешь дѣло—ищи и отвѣчай самъ. Не знаешь, или не можешь искать самъ, проси повѣреннаго и плати. Что же до указа 25 мая 1874 г., въ силу коего не всякій можетъ предстать предъ судъ, то это особая статья, ибо указъ этотъ представляется едва-ли не временною мѣрою, дни которой уже исчислены.

Относительно того, что будто бы наши присяжные повѣренные, по заявленію покойнаго Держиза, могутъ сдѣлаться со временемъ политическою язвою, скажемъ, что это мнѣніе, во всякомъ случаѣ, преувеличено, неправдоподобно и даже ложно.

Наши присяжные по уставу, въ порядкѣ исполненія своихъ обязанностей, подчинены узаконеннымъ властямъ. Власти эти—совѣтъ присяжныхъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, такъ оружныя суды, судебныя палаты, прокуроры и, наконецъ, министръ юстиціи.

При должномъ исполненіи ими правилъ о наблюденіи за повѣренными, опасенія, возбуждаемыя покойнымъ барономъ П. Г. Держизомъ, становятся неправдоподобными.

Обращаясь въ возраженію Держиза противу судебной реформы въ томъ отношеніи, что будто бы новый судъ не по карману казны, слѣдуетъ замѣтить, что правый судъ не есть предметъ роскоши, приобрѣтеніе котораго можно и должно соразмѣрять со

средствами или съ карманомъ. Напротивъ, такой судъ есть необходимое условіе существованія государства, безъ чего немыслимо ни благосостояніе, ни развитіе онаго.

Судъ справедливый и скорый равно необходимъ и богатому, оберегающему свои богатства, и бѣдному, старающемуся развить свой трудъ, путемъ законнаго приобрѣтенія достоянія.

Напоминая эти, всѣмъ извѣстныя, истины, намъ пришло въ голову: что если-бы покойный Дервизъ, приобрѣтшій свое многомилліонное состояніе во время совершившейся уже реформы, жилъ бы во время вмѣшательства полиціи и другихъ властей въ дѣла судебныя? О, тогда была бы особая исторія.

Мы увѣрены, что покойный баронъ П. Г. Дервизъ, подобно купцу Гутзову, о коемъ выше сего было рассказано, непременно подвергся бы слѣдствію, по распоряженію вмѣшавшагося когда-то посторонняго начальства.

Услужливый, и во всемъ зависящій отъ своего начальства, слѣдователь непременно, послѣ обычныхъ вопросовъ о томъ, какъ ваше имя, отчество и фамилія, и проч., и проч., перешель бы къ другимъ болѣе деликатнымъ и тонкимъ вопросамъ о томъ: получили ли вы отъ родителей вашихъ какое-либо достояніе и въ чемъ оно заключается, и гдѣ оно находится, если нѣтъ, то какими способами вы нажили себѣ богатства, какія общества или лица сему способствовали, не потерпѣлъ ли кто и въ особенности казна какіе-либо убытки и потери, чѣмъ вы можете оправдаться и въ чемъ заключается ваше богатство, если въ процентныхъ или другихъ бумагахъ, то въ какихъ именно, гдѣ онѣ находятся,—а при семъ вамъ объявляется, чтобы вы всѣ эти бумаги представили къ производимому слѣдствію или указали бы гдѣ онѣ находятся, а въ противномъ случаѣ ваше все имущество и сами вы будете подвергнуты аресту“.

Вотъ при такомъ слѣдствіи, ничѣмъ не вызванномъ, покойный Дервизъ тщетно сталъ бы оправдываться, что на него ни отъ кого жалобъ не поступало, и что онъ не считаетъ себя обязаннымъ представлять объясненія, но при прежнихъ порядкахъ не стали бы, до окончанія слѣдствія, разсматривать его жалобы.

Вотъ тогда бы, мы говоримъ, Дервизъ взрыдалъ и возопилъ бы на прежніе порядки! Но Господь Богъ милостивъ былъ къ

нему, давъ ему возможность развить свою дѣятельность и нажить себѣ многомилліонное достояніе тогда, когда силою закона, т. е. совершившеюся реформою, и личность, и достояніе его вполнѣ ограждались.

Въ видахъ возраженія на совершившуюся реформу намъ пришли на память дѣла Мельницкихъ, Свиридова и другихъ.

Ну что-жь? Дѣла эти нисколько не доказываютъ, что реформа несостоятельна, — да во всѣхъ сихъ дѣлахъ собственно судъ тутъ не причемъ. Присяжные, понявъ превратно защиту, оправдали виновныхъ, а предсѣдатель суда, въ исполненіе закона, освободилъ ихъ.

Другое дѣло: такъ ли велось судебное слѣдствіе надъ упомянутыми лицами и правильно ли были предложены присяжнымъ засѣдателямъ самые вопросы? Но не вдаваясь въ разсмотрѣніе сихъ предметовъ, которые кассационнымъ департаментомъ въ свое время обсуждены, утѣшимся тѣмъ, что установленныя своевременно власти, въ лицѣ прокурорскаго надзора, опротестовали тѣ рѣшенія присяжныхъ и такимъ образомъ, во имя правосудія, возстановлена была правда, во всей ея божественной чистотѣ. Чего же болѣе?...

Но въ видахъ сравненія прежняго порядка съ нынѣшнимъ, расскажемъ одинъ изъ многихъ случаевъ стараго суда, изъ котораго можно видѣть, что прежнее слѣдствіе, т. е. внѣ суда — было зачастую поводомъ въ неправильному обвиненію безвинныхъ, а затѣмъ стеганіе ихъ по спинѣ ударами плетью или кнута, чрезъ палача. Вотъ фактъ:

Въ Орловской губерніи, въ одномъ изъ уѣздовъ оной, проживалъ нѣкто Грузиновъ, не то пастухъ, не то дѣсникъ, съ своею женою. Жили ли они хорошо или дурно — неизвѣстно, но однажды жена Грузинова исчезла; убѣжала ли она куда, или такъ себѣ пропала, не вѣсть куда, дознаться не могли. Слухъ объ этомъ дошелъ и до сельскаго начальства. Грузиновъ, отъ страха ли, или по глупости своей, или по другимъ причинамъ, напр., чтобы скрыть можетъ быть недобропорядочное поведеніе распутной своей жены, какъ-то не договаривалъ куда она могла скрыться и пропасть. На бѣду у него въ сѣнцахъ хаты оказалось пятно крови, правда, онъ объяснялъ, что важись это отъ курицы, которую онъ надняхъ зарѣзалъ, но этому не повѣрили, и вотъ

по сему случаю возникла мысль и подозрѣніе—да не убилъ ли Грузиновъ и на самомъ дѣлѣ свою жену! Убилъ, да убилъ—и пошло дѣло. Явился становой.

— Признайся, кричалъ и ревѣлъ онъ на Грузинова, убилъ свою жену? а то я те покажу, и т. д.

Грузиновъ въ оправданіе что-то мычалъ, становой заключилъ протоколомъ и допросомъ двухъ свидѣтелей подъ присягой, что Грузиновъ при нихъ признался въ своемъ преступленіи. Такъ дѣло и пошло и дошло до московскаго сената. Судили, рядили и заключили отстегать Грузинова кнотомъ чрезъ палача и сослать затѣмъ въ Сибирь на каторгу. Казалось бы и дѣлу конецъ, но судьбѣ угодно было рѣшить иначе.

Тотъ или другой становой, объѣзжая свой станъ, налетѣлъ въ какой-то лѣсъ и въ хатѣ лѣсничаго обрѣлъ невѣдомую ему бабу.

— Откуда ты, тѣтка, началъ становой, и имѣешь ли паспортъ?

Та въ отвѣтъ, что она жена Грузинова и изъ Орловской губерніи. Становой этимъ не удовольствовался, и не зная, и не вѣдая о томъ, что случилось съ самимъ Грузиновымъ, спросилъ бывшее его сельское начальство—есть ли у Грузинова жена и проч. Начальство отвѣтило, что молъ жена Грузинова убита имъ самимъ, а самъ онъ осужденъ, наказанъ и сосланъ въ Сибирь.

Прислали бабу Грузинову на мѣсто жительства ея мужа, вывели ее на показъ и всѣ жители роднаго села единогласно признали, что баба Грузинова она самая и есть, и точно жива, а стало быть мужъ ее не убивалъ.

Обо всемъ этомъ подлежащія власти донесли сенату, и само собою разумѣется велѣно было избитаго и искалѣченнаго Грузинова возвратить на мѣсто жительства, а въ вознагражденіе его за понесенные удары сложились заплатить ему.

Въ составленіи сей суммы, сколько помню, участвовали гг. сенаторы, московскій оберъ-прокуроръ Рюминъ и самъ министръ юстиціи.

Да, вотъ что случалось порою при старомъ судѣ!

Засимъ слѣдовало бы сказать что-либо о старомъ сенатѣ, котораго теперъ въ отличіе отъ кассационныхъ департаментовъ, уголовного и гражданскаго, называютъ Петровскимъ. Но положенія существующихъ департаментовъ стараго сената, въ те-

ченіи 30 лѣтъ, весьма мало или почти ни въ чемъ не измѣнились, а потому въ настоящую минуту, не обременяя ни себя, ни читателя, мы и оставимъ этотъ предметъ до другаго раза.

Скажемъ, однако, встати, что въ старомъ сенатѣ по прежнему доклады дѣль производятся секретаремъ и оберъ-секретаремъ въ присутствіи оберъ-прокурора, а въ кассационномъ—сенаторомъ безъ участія канцеляріи.

Затѣмъ изготовленіе самихъ протоколовъ, въ окончательной формѣ, въ старомъ сенатѣ лежитъ также на обязанности канцеляріи, а въ кассационныхъ департаментахъ — на сенаторахъ.

Вотъ этотъ трудъ, иногда многосложный, часто не по силамъ и не по лѣтамъ гг. сенаторамъ кассационныхъ департаментовъ, не служитъ ли причиною тому, почему они безпрестанно просятъ и переходятъ въ старый сенатъ, иногда даже соглашаясь на уменьшеніе своего содержанія?

Дѣйствительно, не одно и то-же: высказать свое мнѣніе по дѣлу словесно или изложить дѣло и рѣшеніе во всей подробности письменно.

Но пора кончить и заключить, что наша судебная реформа, разумѣя подъ нею вообще уставы 20 ноября 1864 г., во всемъ объемѣ ограждающая своею самостоятельностью какъ личную свободу всѣхъ и каждаго, такъ и право собственности, и отстраняющая силу закона всякое вмѣшательство постороннихъ властей, тѣмъ самымъ является великою хартіею, дарованною намъ верховною властію въ лицѣ незабвеннаго Императора Александра II Освободителя.

Н. М. Колмаковъ.

с. Ярославичи.
10 іюня 1886 года.

КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА

20-е ноября 1857 года.

Н. М. Колмаковъ («Русская Старина» 1885 г., июль, стр. 125), основываясь на официальныхъ данныхъ, полагаетъ, что появленіе высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 г. вызвано было положеніемъ литовскихъ помѣщиковъ, удрученныхъ дѣломъ о разборѣ вольныхъ людей, неправильно ими закрѣпощенныхъ, и что это вынудило ихъ ходатайствовать объ увольненіи всѣхъ своихъ крестьянъ. Приводимыя авторомъ данныя дѣйствительно интересны и мало извѣстны; но число неправильно закрѣпощенныхъ въ сравненіи съ коренными крѣпостными было такъ невелико, что никакъ не могло возбудить поголовнаго желанія дворянъ—обратить всѣхъ крѣпостныхъ своихъ въ народъ вольный. Тутъ были причины совершенно иныя, причины очень вѣскія, и я, какъ помѣщикъ Виленской губерніи (Свенцянскаго уѣзда) и какъ одинъ изъ соучастниковъ и дѣятелей по почину великой реформы—обязанностью считаю изложить эти причины съ возможно бѣльшею ясностію и наглядностію.

Главный толчекъ къ освобожденію людей отъ крѣпостной зависимости безпрекословно данъ былъ вновь воцарившимся тогда молодымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ. Тотчасъ послѣ крымской войны образованъ былъ комитетъ для подготовки втихомолку дѣла освобожденія; затѣмъ еще до коронаціи въ Москвѣ, государь 30-го марта 1856 г., предъ собравшимися представителями дворянъ, коснувшись предмета увольненія людей, изрекъ во всеуслышаніе, что «лучше начать дѣло освобожденія крестьянъ сверху, чѣмъ дожидаться пока оно само возникнетъ снизу». Слова эти, однако, оставались пока безъ отклика и на починъ никто не рѣшался. Особенно опасались затронуть право неприкосновенной собственности великороссійскихъ помѣщиковъ, бѣльшею частію лицъ изъ древнихъ, именитыхъ и богатыхъ

фамилій и заслуженныхъ сановниковъ; и положеніе министра внутреннихъ дѣлъ Сергѣя Степановича Ланскаго, къ вѣдомству котораго дѣло о реформѣ принадлежало, было самое критическое: орудовать приходилось съ величайшею осторожностію. Что многія личности, даже изъ правительственныхъ сферъ, смотрѣли на проектируемую реформу недружелюбно, видно изъ Записокъ (въ «Русской Старинѣ») покойнаго сенатора Я. А. Соловьева, одного изъ самыхъ добросовѣстныхъ и ретивыхъ дѣятелей реформы. Консерваторы не переставали идти противъ реформы даже тогда, когда уже почти во всѣхъ губерніяхъ дѣйствовали крестьянскіе комитеты.

По счастливому соображенію С. С. Ланской обратилъ вниманіе на сѣверо-западный край, — граничащій съ краемъ балтійскимъ, съ Царствомъ Польскимъ и съ прилегающею заграничною познанскою областію, гдѣ крестьянство съ издавна пользовалось личною свободою. Помѣщики сѣверо-западнаго края, слѣдовательно, отчасти уже знакомы были съ этимъ распорядкомъ. Къ тому и самое веденіе крестьянскаго хозяйства, — не общиннаго съ передѣлами, какъ въ средней, восточной и южной Россіи, а подворнаго, гдѣ отбываемыя повинности соразмѣрялись, по инвентарямъ, съ количествомъ и качествомъ предоставленнаго земельного участка, — облегчало понятіе о переходѣ людей изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе. Скажу болѣе — уже въ 1817 году, во время дворянскихъ выборовъ въ Вильнѣ, многіе уѣздные депутаты заявили въ собраніи о желаніи помѣщиковъ дать крестьянамъ свободу; а когда, по поводу сего желанія, послѣдовала, въ началѣ слѣдующаго 1818 года, высочайшій рескриптъ на имя литовскаго генераль-губернатора Римскаго-Корсакова и собраны были подписки — кто изъ помѣщиковъ желаетъ увольненія крестьянъ, а кто нѣтъ, то изъ каждаго 18 подписавшихся едва одинъ оказывался отрицательнаго мнѣнія. Совершенно постороннія обстоятельства приостановили дальнѣйшій ходъ дѣла, которому суждено было возобновиться лишь сорокъ лѣтъ спустя.

Итакъ, сообразивъ всѣ эти обстоятельства и зондируя мнѣнія собравшихся представителей дворянства края, С. С. Ланской откровенно отозвался предъ ними, что «съ нашими (т. е. русскими) тутъ ничего не подѣлаешь; но у васъ (т. е. въ Литвѣ) дѣло могло бы состояться легче, и къ нему надо приступить при первомъ удобномъ случаѣ». Эпизодъ этотъ переданъ мнѣ губернскимъ предводителемъ А. Ѳ. Домейко (нынѣ уже умершимъ), бывшимъ въ числѣ упомянутыхъ представителей дворянства.

Предлогъ къ почину нашелся вскорѣ. Это былъ пересмотръ и требуемая новая передѣлка инвентарей.

Значеніе бывшихъ инвентарей западнаго края, можетъ быть, не всякому извѣстно. Позволяю себѣ поэтому сдѣлать небольшое отступленіе, для объясненія дѣла ¹⁾).

Инвентарь въ западныхъ губерніяхъ составлялъ домашній помѣстный документъ, содержащій въ себѣ опись имѣнія, какъ-то: мѣстоположенія, устройства, народонаселенія, земли, съ распредѣленіемъ ея для хозяйствъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ, и повинностей крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику за предоставленное имъ хозяйство. Въ этомъ видѣ инвентари употреблялись при всякихъ переходахъ имѣній изъ рукъ въ руки по сдѣлкамъ аренднымъ, закладнымъ и продажнымъ — какъ представительные акты того, что передается во временное или вѣсгдашнее владѣніе, и какъ письменныя свидѣтельства при разрѣшеніи всѣхъ впоследствии споровъ и исковъ по нарушенію условленныхъ правъ и обязанностей. Въ этомъ послѣднемъ значеніи инвентари пользовались общественнымъ и судебнымъ довѣріемъ, и такимъ образомъ переходили изъ домашнихъ помѣстныхъ документовъ въ акты официальные.

Главное начало, на которомъ основаны были инвентари въ значеніи представительныхъ документовъ о крестьянскихъ повинностяхъ, заключалось въ томъ, что послѣднія разсчитывались съ крестьянскихъ дворовъ — не по числу тяголъ, не по рабочимъ силамъ, а по количеству и качеству поземельныхъ угодій, составляющихъ отдѣльное хозяйство или дворъ (хату, ферму). Повинности эти представляли собою какъ-бы процентъ или ренту (*census*, *Zins*, чинтъ) на землю, которою крестьяне отъ помѣщика пользовались, и такое значеніе ихъ лежало въ основѣ не только первоначальныхъ, но и самыхъ послѣднихъ инвентарей. Правомъ на личность крестьянина (*dominium*, *dominatio*), позволявшимъ великороссійскому помѣщику вѣзывать оброкъ съ тягла, съ лица, оброкъ съ промышленныхъ, ремесленныхъ и даже умственныхъ или артистическихъ способностей человека, здѣшніе помѣщики никогда не пользовались и не понимали его, хотя съ отмѣною литовскаго статута (въ 1840 году) и введенъ былъ въ западныхъ губерніяхъ сводъ законовъ россійской имперіи, допускавшій такое право. При всемъ томъ нельзя скрыть, что инвентарныя повинности крестьянъ распредѣлялись сначала не безъ произвола — особенно гдѣ, при крайней разноразличности

---

¹⁾ Сравнить двѣ обширныя статьи мои, напечатанныя въ «Журналѣ Землеуладѣльцевъ» 1858 г., издававшемся въ Москвѣ А. Д. Желтухинымъ, а именно: «Объ устройствѣ крестьянъ и помѣщичьихъ имѣній въ литовскихъ губерніяхъ» и «Инвентари и инвентарныя комитеты западныхъ губерній».

почвы (какъ, напр., въ Виленской губерніи), соблюденіе строгой справедливости было — и трудно, а иногда даже и невозможно. Къ тому и самая форма инвентарей и исчисляемыя повинности неизмѣнно разнообразились. Посему — въ видахъ установленія одной общей и единообразной формы, введенія сюда всего, что требуется отъ помѣстного хозяйства и быта, и усвоенія законности тѣмъ изъ обычаевъ, которые имѣли уже нравственную обязательность для владѣльцевъ и крестьянъ — правительствомъ, указомъ 15 апрѣля 1844 года, учредило особые на сей предметъ инвентарные комитеты для всѣхъ девяти западныхъ губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской. Комитеты, подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ, состояли изъ губернскаго и мѣстнаго уѣзднаго предводителей дворянства, вице-губернатора, прокурора, двухъ или трехъ помѣщиковъ по выбору дворянства — извѣстныхъ благоустройствомъ своихъ имѣній и благосостояніемъ крестьянъ, одного чиновника отъ генераль-губернатора и дѣлопроизводителя.

Инвентарные комитеты сѣверо-западныхъ губерній, по собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и соображеній, окончили свой трудъ къ началу 1846 года, и въ апрѣлѣ того же года новые инвентари утверждены были виленскимъ генераль-губернаторомъ и введены во всеобщее употребленіе. Но въ кіевскомъ генераль-губернаторствѣ (при г. Бибииковѣ) инвентари составлены были въ иномъ духѣ, съ великороссійскою окраскою: тутъ значились и тягла, и личные оброки, и мірская земля; въ нихъ стѣснялась власть помѣщика въ свободномъ пользованіи незанятыми крестьянскими участками; чрезвычайно усложнялась плата крестьянамъ за ихъ заработки; дворовымъ — плата назначалась не по способностямъ, усердію и долговременности ихъ службы; самое же главное — повинности крестьянъ опредѣлялись одинаковыя какъ при самыхъ лучшихъ, такъ и самыхъ плохихъ земельныхъ угодіяхъ. Но на эти инвентари кіевскій генераль-губернаторъ успѣлъ исходатайствовать высочайшее утвержденіе, чего не сдѣлалъ виленскій; а потому, къ концу 1853 года, вѣрно было распространить тѣ и на губерніи литовскія и бѣлорусскія, хотя они (т. е. кіевскіе инвентари) шли совершенно въ разрѣзъ съ усвоившимся мѣстнымъ распорядкомъ, и потрясали коренное хозяйственное благоустройство — и помѣщиковъ, и крестьянъ. Очень естественно, что тотчасъ заявлены были основательные протесты, и на представленіе генераль-губернатора послѣдовало, въ апрѣлѣ 1854 года, высочайшее повелѣніе — воздержаться введеніемъ кіевскихъ инвентарей на Литвѣ впредь до новаго разсмотрѣнія и соображенія дѣла.

Тревожное положеніе Россіи по случаю крымской войны и воспо­слѣдовавшая кончина императора Николая были причиною, что ин­вентарное дѣло оставалось подъ спудомъ слишкомъ два года. Но тутъ С. С. Ланской вспомнилъ о немъ, и воспользовался, чтобы провести идею о крестьянской реформѣ. Въ концѣ 1856 года онъ конфиден­ціально сообщилъ В. И. Назимову, что, по поводу требуемаго пересмотра помѣщичьихъ инвентарей, государю императору благо­угодно, дабы дворяне—при изысканіи мѣръ къ прочному улучшенію быта крестьянъ, выразили желаніе совершеннаго ихъ увольненія изъ крѣпостной зависимости; а вслѣдъ за симъ, въ 1857 году, послѣдо­вало уже гласное министерское распоряженіе—«пересмотрѣть инвен­тарныя правила на болѣе прочныхъ началахъ и при томъ—не стѣс­няясь никакими прежними распоряженіями и указами».

Дѣло стало загораться.

Сначала В. И. Назимовъ предполагалъ было собрать для сей цѣли одинъ общій комитетъ для всего генераль-губернаторства; но разду­мавъ, нашелъ цѣлесообразнѣе созвать комитетъ по каждой губерніи особо—съ назначеніемъ туда, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, всѣхъ предводителей уѣздныхъ, а при нихъ по три и болѣе мѣстныхъ депутата ¹⁾. Такъ и я попалъ въ комитетъ отъ Свен­цянскаго уѣзда, Виленской губерніи.

Виленскій комитетъ открылся въ іюль, почему и названъ былъ іюльскимъ. Онъ состоялъ, какъ уже сказано, подъ предсѣдатель­ствомъ губернскаго предводителя А. Θ. Домейко, изъ 7 уѣздныхъ предводителей и изъ 23 депутатовъ. Личный составъ комитета, го­воря правду, былъ чрезвычайно разношерстный; большинство сочув­ствовало правительственной идеѣ (16); другіе—а въ числѣ ихъ и предсѣдательствующій—были положительно противъ реформы (8); шестеро—сами не знали чего хотѣли, склоняясь и въ ту, и въ дру­гую сторону; а одинъ (графъ Р. Тизенгаузъ) стоялъ даже особнякомъ, принявъ на себя роль выжидательную. Идея о необходимости лич­наго увольненія крестьянъ, не смотря на оживленныя пренія, при­нята была въ виленскомъ комитетѣ, только по большинству голо­совъ; въ комитетахъ же гродненскомъ и ковенскомъ она, въ поло­жительномъ смыслѣ, прошла единогласно. Всѣ три комитета пола­гали: 1) предоставить крестьянамъ право избирать землю и входить на нее съ помѣщиками въ добровольные уговоры и контракты; 2) всю

¹⁾ Въ Виленскомъ генераль-губернаторствѣ оставались тогда только гу­берніи: Виленская, Ковенская и Гродненская; а Минская и двѣ бѣлорусскія отошли въ непосредственное вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

землю считать безпрекословно собственностію помѣщика, и 3) подушную подать вносить каждой волости въ казначейства прямо отъ себя, и помѣщику за нее уже не отвѣчать.

Эти предположенія повезъ генераль-губернаторъ лично въ столицу, для доклада, чрезъ министра, государю, и они-то вызвали достопамятный первый высочайшій рескриптъ 20 ноября 1857 г. Министръ писалъ при этомъ В. И. Назимову, что «императоръ, принявъ съ особымъ удовольствіемъ желаніе дворянства приступить къ мѣрамъ улучшенія быта крестьянъ, соизволилъ явить свое высокое довѣріе къ благородному стремленію сего сословія—предоставляя самимъ дворянамъ развить и примѣнить къ различнымъ мѣстностямъ главныя основанія, въ рескриптѣ указанныя».

Но въ числѣ этихъ главныхъ основаній рескрипта оказался пунктъ, который чрезвычайно всѣхъ озадачилъ по своей неожиданности, такъ какъ не находился въ выработанныхъ и представленныхъ государю предположеніяхъ, а именно, сказано было, чтобы увольняемымъ крестьянамъ непременно предоставлялись, на выкупъ, усадебныя ихъ осѣдлости, или, другими словами, государь требовалъ, чтобы уволенные крестьяне непременно имѣли по собственному, хотя и небольшому клочку земли съ домомъ, а не оставались безо всего, какъ птицы подъ голымъ сводомъ небеснымъ,—мысль высоко гуманная, которая въ редакціонныхъ комиссіяхъ, не смотря на сильную оппозицію, развилась въ послѣдствіи настолько, что крестьянамъ предоставились на выкупъ—не однѣ уже усадебныя осѣдлости, а полныя поземельныя ихъ надѣлы!

О томъ, что увольненіе крестьянъ вызвалось будто-бы висѣвшею у нѣкоторыхъ помѣщиковъ на шеѣ обузою по разбору вольныхъ людей, неправильно приписанныхъ въ крѣпостные, никогда не входило въ тогдашнія соображенія, и объ этомъ не было нигдѣ ни малѣйшаго намека.

г. Вильно.

Е. К. Гелингъ.

ЗАПИСКИ ДОКТОРА Я. А. ЧИСТОВИЧА

1838—1848 гг.

Авторъ двухъ нижеслѣдующихъ автобіографическихъ отрывковъ, недавно умершій, бывшій начальникъ с.-петербургской медико-хирургической академіи—Яковъ Алексѣевичъ Чистовичъ, изъ философскаго класса калужской семинаріи, по вызову, вступилъ въ 1838 году въ спб. мед.-хир. академію на канунѣ попечительства въ ней Клейнмихеля, призваннаго въ 1839 году „подтянуть и успокоить ее“. Кончивши курсъ съ медалью въ 1843 году, онъ съ артиллерійскою частію, въ которой служилъ, квартировалъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и нѣсколько лѣтъ испытывалъ положеніе тамъ русскаго, пока ему не удалось уѣхать въ Питеръ ради докторскаго экзамена. Получивъ же въ 1848 году степень доктора медицины, онъ уже не разстается болѣе съ Петербургомъ, пристроившись къ своему любимому дѣлу, къ медиц. журналистикѣ, начало которой сдѣлано имъ было въ студенчествѣ. До 1858 года Яковъ Алексѣевичъ былъ помощникомъ Е. Пеликана въ редакціяхъ „Военно-Медицинскаго журнала“ и газеты „Другъ здравія“ (самое блестящее время ея), т. е., собственно говоря, былъ одинъ редакторомъ.

Съ 1853 г. Чистовичъ началъ свою учено-учебную карьеру адъюнктомъ при каедрѣ судебной медицины въ спб. мед.-хир. академіи и прошелъ ее всю; былъ экстра-ординарнымъ, ординарнымъ профессоромъ, академикомъ, ученымъ секретаремъ и, наконецъ, въ 1871—1875 гг., начальникомъ академіи. Затѣмъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета до смерти. Кроме того, въ 1857—1869 гг. онъ былъ помощникомъ главнаго доктора тогда 2-го спб. военно-сухопутнаго госпиталя.

Давши Воен.-Мед. Журналу объемъ 12 книгъ (вмѣсто 4) и покончивъ съ редакціей его, Як. Ал. недолго оставался безъ своего литературнаго органа. Еще съ 1856 года, сдѣлавшись секретаремъ Спб. общества русскихъ врачей, онъ началъ издавать протоколы этого общества, сразу давшіе ходкую жизнь обществу. И здѣсь онъ былъ 7 лѣтъ секретаремъ, 4 года вице-президентомъ и 12 лѣтъ предсѣдателемъ общества. Но самое большое развитіе его публицистической дѣятельности началось съ выходомъ подъ его редакціей съ 1861 г. „Медицинскаго Вѣстника“, а въ 1862—71 гг. онъ былъ и собственникомъ этой, безспорно лучшей у насъ, медицинскою газеты. Изъ всей же массы его работъ (имѣ известна ихъ около 300 печатанныхъ) естественно самое видное мѣсто занимаютъ его изысканія по исторіи русской медицины (началъ ра-

ботать въ архивахъ съ 1856 г.), закончившіяся недавно увѣнчанной книгой: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“.

Помимо всего этого была и еще дѣятельность, въ которую покойный Яковъ Алексѣевичъ вложилъ свою душу, и имя его не забудется тамъ. Я говорю о медицинской вспомогательной кассѣ, чуть не единственнымъ основателемъ которой былъ онъ и до своей смерти председателемъ, оставивъ 200 тысячный капиталъ, съ 12,000 ежегодныхъ пособій. А другую младшую кассу—студенческую, принявъ съ долгомъ, оставилъ съ 20,000 рублей.

По поводу нижеслѣдующихъ отрывковъ прибавлю, что, по словамъ его товарищей, въ двухъ описываемыхъ тамъ событіяхъ Яковъ Алексѣевичъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. На экзекуціи онъ своей горячей рѣчью къ товарищамъ удержалъ ихъ отъ неминуемой вспышки. Состоя на хорошемъ счету у начальства, онъ былъ всегдашнимъ и часто настойчивымъ ходатаемъ предъ начальствомъ за товарищей. И благодаріе Клейнмихеля товарищу Я. А. состоялось лишь благодаря яркой картинѣ безысходности, мастерски обрисованной имъ и тронувшей тогдашняго президента Шлегеля.

Л. З.

I.

Пріѣздъ мой въ мед.-хирург. академію въ 1838 году.

Многое забылъ я изъ своей академической жизни, а кое-что и помню. Я опоздалъ пріѣздомъ въ Петербургъ и явился въ академію 10-го сентября 1838 года. Пріемъ былъ оконченъ, но такъ какъ пріѣхалъ я по вызову и на казенный счетъ, то меня не возвратили и тотчасъ же подвергли экзамену. Пригласили меня въ лѣтнюю конференцъ-залу, въ которой было четыре экзаменатора: ветеринарный профессоръ Всеволодовъ, преподаватель математики А. Измайловъ, субъ-инспекторъ Г. Прозоровъ и ученый секретарь С. Я. Нечаевъ. Это были, повидимому, не назначенные экзаменаторы, но случайно очутившіеся въ конференціи преподаватели и съ ними ученый секретарь, какъ верховный судья учебной части въ академіи.

Въ чемъ же состоялъ экзамень? А вотъ въ чемъ.

Подошелъ ко мнѣ Г. М. Прозоровъ и далъ мнѣ какой-то вопросъ на латинскомъ языкѣ. Какой вопросъ—теперь не помню; но должно быть изъ логики или философіи. Я отвѣчалъ бойко

и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе профессора Всеволодова, сидѣвшаго поодаль. Поправилась моя латынь и Г. М. Прозорову. Онъ далъ мнѣ еще какой-то вопросъ, и отвѣтъ опять поправился. Потомъ еще вопросъ, но тутъ Всеволодовъ вмѣшался въ нашъ латинскій разговоръ и замѣтилъ Прозорову, что пора кончить, такъ какъ очевидно, что я хорошій латинистъ. Послѣ этого подошелъ ко мнѣ А. А. Измайловъ и на листкѣ бумаги написалъ что-то въ родѣ « $\frac{2}{3}$ превратить въ десятичную дробь». Но тутъ мнѣ былъ матъ: какъ я ни бился, но задачи не могъ рѣшить. Въ настоящее время меня выгнали бы изъ залы, но тогда заступились за меня Всеволодовъ и Прозоровъ, сказали что-то Нечаеву, откуда-то возвратившемуся, и Измайловъ далъ мнѣ отмѣтку «3». Тѣмъ и кончился экзамень. Я принятъ былъ въ число студентовъ съ приказаніемъ явиться на лекціи.

Въ ту-же минуту явился и инспекторъ Василій Степановичъ и приказалъ одному изъ служителей проводить меня въ 14 номеръ на 2 половинѣ.

Выйдя изъ залы, я спросилъ, гдѣ это вторая половина съ 14-мъ номеромъ? Служитель отвѣчалъ, что это въ камчаткѣ, и указалъ пальцемъ на лѣвую половину зданія, гдѣ теперь «клиника душевныхъ болѣзней». Тогда я сказалъ служителю, что прежде, чѣмъ идти въ камчатку, мнѣ надобно взять свой чемоданъ, который я положилъ, входя въ академію, за воротами, подлѣ квартиры инспектора. Пошли и, дѣйствительно, нашли чемоданчикъ за деревянною половинкою воротъ. Вотъ были правы Выборгской стороны! Не нашлось ни одного ворюшки, который-бы стянулъ мой чемоданчикъ, лежавшій почти на улицѣ. Затѣмъ пошли въ камчатку.

Такъ назывался задній корридоръ 2 половины, меньшей ширины, чѣмъ другіе корридоры, и совершенно темный отъ табачнаго дыма. Камчаткою назывался потому, что въ него никогда не заглядывали ни инспекторъ, ни его помощники, за то нерѣдко слышались пискучіе женскіе голоса. Войдя въ указанный мнѣ номеръ, я былъ удивленъ большимъ количествомъ чубуковъ, стоявшихъ по всѣмъ угламъ. Впослѣдствіи я узналъ, что студенты хвастались количествомъ и изяществомъ своихъ чубуковъ. Я тогда не курилъ; да если-бы и курилъ, то не имѣлъ

никакихъ средствъ соперничать съ кѣмъ-либо по этой части. Но моимъ сожителямъ, видимо, понравилось мое удивленіе передъ ихъ чубуками и, можетъ быть, этому обязанъ я былъ тѣмъ, что всѣ сожители обходились со мною, какъ съ новичкомъ, очень благосклонно. Вечеромъ, когда прозвонили въ корридорѣ, они сказали мнѣ, что это къ ужину, и предложили мнѣ идти въ столовую, куда и надо было идти черезъ дворъ. Такъ произошло мое водвореніе въ академію. Номеръ, въ который помѣстили меня, имѣлъ четыре кровати съ хорошими тюфяками и постельнымъ бѣльемъ; но долго-ли я жилъ въ немъ—не помню.

Съ утра на другой день началась моя студенческая жизнь, по правдѣ сказать, очень однообразная. Въ 7 часовъ утра — звонокъ въ корридорѣ — вставать съ постели. Проснувшись, я нашелъ на столикѣ подлѣ кровати полукруглый пеклеванный хлѣбъ вѣсомъ около полуфунта. Это завтракъ. Но такъ какъ сухой хлѣбъ не легко идетъ въ горло, даже и у очень молодыхъ людей, то завтракъ устраивался нѣсколько сложнѣе. Студенты уже обжившіеся и болѣе или менѣе состоятельные обзавелись приборами для утренняго завтрака и вечерняго чая. Сервизъ этотъ—мѣдный чайникъ, 2—3 стакана, ножъ и у немногихъ—одна или двѣ тарелки. У новичковъ же или очень бѣдныхъ вся кухня ограничивалась двумя стаканами толстаго зеленого стекла. Итакъ, едва замолкъ утренній звонокъ, открываются двери въ корридоръ и раздается крикъ: «Дневальный!» Прислуга была въ академіи вольнонаемная и изъ числа ея по два на каждый корридоръ назначались для услуги студентамъ. Они по ночамъ чередовались и утренніе чередовые назывались «дневальными».

Удивительные были эти корридорные служители. Не пройдетъ и недѣли со времени поступленія новичковъ, какъ служители подробно ознакамливаются съ ними, узнаютъ ихъ характеры и привычки и, такъ сказать, принимаютъ ихъ подъ свое покровительство. Они никогда не сердятся на „своихъ“ студентовъ, хотя иногда позволяютъ себѣ ворчать. За то, при видѣ субъ-инспектора, все шито и крыто. Да субъ-инспекторъ и не пойдетъ туда, гдѣ копошится служитель. При крикѣ «дневальный», служитель по голосу знаетъ, кто кричитъ, и знаетъ, что

ему надо. А нужно ему по утру: мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, немного патоки въ стаканѣ и еще меньше чухонскаго масла на грязномъ клочкѣ бумаги. Все это приносится изъ мелочной лавочки противъ академіи. Дневальный разъ двадцать сходитъ за этими припасами, но никогда не тяготится этою бѣготнею. Немедленной платы не требуется, и каждый студентъ или, вѣрнѣе, служитель его пользуется неограниченнымъ кредитомъ. Какъ скоро припасы эти принесены, начинается завтракъ. Патока разводится кипяткомъ, а пеклеванный намазывается масломъ, и все это потребляется въ какіе-нибудь полчаса и замѣняетъ чай.

Впрочемъ, такіе завтраки существовали только при моемъ поступленіи въ академію.

Затѣмъ, съ подчиненія ея графу Клейнмихелю, замѣнены были чаемъ съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ (французскою булкою 3 копѣчной цѣны). Чай приготавлился въ столовой, куда и надобно было являться въ 7 часовъ по звонку.

Съ половины сентября начались лекціи.

Студенты собирались въ аудиторіяхъ, но туго сближались между собою. Говорили о преобразованіяхъ академіи, но въ чемъ они будутъ состоять — никто не зналъ. Слышали, что баронетъ Я. В. Вилліе, много десятковъ лѣтъ служившій президентомъ академіи, оставляетъ ее. Но какъ бѣольшая часть студентовъ никогда не видывала его, то о немъ мало разговаривали, а въ первомъ курсѣ и совсѣмъ не говорили. Студенты старшихъ курсовъ, можетъ быть, и знали что-нибудь, но не удостоивали разговаривать съ первокурсниками. Въ академіи издавна было заведено, что студенты старшихъ курсовъ очень гордо держали себя съ младшими. Какъ-бы то ни было, но мы долго не знали, что́ будетъ съ академіею.

Наконецъ, неожиданно явился въ столовую, когда уже собрались студенты, майоръ морской службы Ф. Ф. Шенрокъ и объявилъ, что онъ назначенъ инспекторомъ студентовъ, и тутъ же отрекомендовалъ трехъ молодыхъ поручиковъ по арміи, какъ своихъ субъ-инспекторовъ. Затѣмъ, недѣлю спустя, въ одинъ воскресный день, явился въ столовую пожилой военный докторъ съ парикомъ, большимъ носомъ и звѣздою на груди (ордена св. Станислава 2 ст. со звѣздою), и инспекторъ объявилъ сту-

дентамъ, что это вновь назначенный президентъ академіи д. с. с. И. Б. Шлегель. И вотъ такимъ образомъ началось преобразование академіи.

На насъ, студентахъ, оно отразилось мало. Новый инспекторъ оказался очень добрымъ, образованнымъ и остроумнымъ. Замѣтивъ у студентовъ что-нибудь нехорошее, онъ наказывалъ ихъ остроумною насмѣшкою, и они за это ненавидѣли его. А между тѣмъ онъ былъ весьма добродушный человѣкъ, и студенты говорили: «пусть бы лучше арестовалъ, чѣмъ ядовито острить». Они не знали, что Шенрокъ боялся Клейнмихеля хуже чорта и эта-то боязнь дѣлала его иногда безсердечнымъ.

И, дѣйствительно, графъ П. А. Клейнмихель призванъ былъ исправить академію и «подтянуть ее», какъ военное учебное заведеніе, а исполнить это предстояло Шлегелю съ Шенрокомъ. Но Шлегель былъ старъ и мало знакомъ съ военною дисциплиною, слѣдовательно, все пало на Шенрока.

Нельзя, однако-же, сказать, чтобы Клейнмихель былъ какой-нибудь людоедъ; соображаясь съ тогдашнимъ духомъ времени, онъ былъ только безумно строгъ и еще безумнѣе самовластенъ. Со студентами онъ всегда былъ ласковъ и при случаѣ дѣлалъ имъ всевозможное добро, но съ служащими—безжалостенъ. Онъ многое улучшилъ въ академіи, начиная съ пеклеваннаго завтрака, который онъ замѣнилъ чаемъ. Помѣщеніе студентовъ въ номерахъ тоже улучшилъ. Прежде они помѣщались по четыре человѣка на номеръ, и тутъ-же были четыре кровати, такъ что гдѣ спали, тамъ ѣли и учились. Тѣсно было и не очень опрятно. Клейнмихель приказалъ устроить отдѣльныя спальни, которыя открывались только на ночь, а днемъ провѣтривались. Нумера-же остались только для ученія и дневныхъ занятій, отъ чего измѣнилась и меблировка ихъ. Въ каждомъ номерѣ на четырехъ человѣкъ поставлены были: одинъ большой ясеневый столъ съ четырьмя ящиками и два ясеневые шкапа для помѣщенія съ одной стороны книгъ и рабочихъ занятій, а съ другой — всѣхъ принадлежностей одежды. И вся эта мебель блистала такою чистотою, что любо было смотрѣть. При этомъ студенческія комнаты сообщались съ одной стороны съ корридормъ, а съ другой — между собою. По воскресеньямъ всѣ эти

сообщенія открывались и послѣ обѣдни президентъ съ инспекціею проходили по всѣмъ комнатамъ. Курить не позволялось, и если при воскресномъ обходѣ находили у кого-либо табачный соръ, то хозяину ящика не миновать бывало ареста. Студенты не любили этихъ обходовъ и, по возможности, прятались отъ нихъ, не говоря о томъ, что по воскреснымъ днямъ многіе студенты и безъ того уходили со двора. Не смотря, однако-же, на запрещеніе курить, студенты курили, заперши двери и пуская дымъ въ печную трубу.

При Клейнмихелѣ студенты имѣли все казенное, начиная съ бѣлья и платя до писчей бумаги, перьевъ и карандашей. Собственныя вещи строго запрещались. Одному студенту сестры вышили португую и надѣли на него. Но инспекція увидѣла ее и тотчасъ отобрала, замѣтивъ, что онъ получить ее обратно, когда окончитъ курсъ.

Какъ скоро кончился пріемъ новыхъ студентовъ, начались хлопоты объ ихъ обмундированіи, т. е. о примѣркѣ, поправкѣ всѣхъ частей одежды и обуви. Портные и сапожники изъ силъ выбивались сбыть съ рукъ свою плохую работу, а студенты осторожно примѣривали, чтобы не попасть въ просакъ и не быть обманутыми.

Хозяйственные чиновники, правда, не вмѣшивались въ дѣло; по за то казенные закройщики крѣпко держали сторону мастеровыхъ, стараясь казаться безпристрастными. Но и тутъ обаяніе имени Клейнмихеля приносило свою долю пользы. Какъ военный человѣкъ, онъ можетъ обратить вниманіе на пригонку амуниціи—и тогда что будетъ?

Но вотъ обмундировка кончена и осталось только обновить ее. И обновили. Однажды утромъ студентовъ разбудили раньше шести часовъ, приказали одѣться и повели куда-то черезъ Неву. Мы, новопріѣзжіе, еще не знали города, а спросить субъ-инспекторовъ, сопровождавшихъ насъ, не смѣли. Оказалось, что насъ привели на одинъ изъ огромныхъ дворовъ при аракеевскихъ казармахъ, для присутствованія при казни бывшаго студента академіи Сочинскаго. Его несчастнаго прогнали «сквозь строй», а намъ приказали смотрѣть на это. Ужасное было зрѣлище. Многіе изъ студентовъ попадали въ обморокъ и уведены были

на другой конецъ двора. Другіе какъ будто окаменѣли и автоматически двигались куда ихъ толкали. Тутъ я въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни видѣлъ, какъ гоняють «сквозь строй».

Кто же это былъ Сочинскій и какъ дошелъ онъ до такого страшнаго уголовного наказанія?

О немъ немногіе знали, а если и разговаривали, то говорили шопотомъ. Это была одна изъ жертвъ жестокаго Клейнмихелева самовластія.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Въ какой-то воинской командѣ баронетъ Я. В. Вилліе встрѣтилъ умнаго, бойкаго и довольно образованнаго фельдшера, по фамиліи Сочинскаго. Фельдшеръ понравился ему и Вилліе посоветовалъ ему поучиться годъ или больше, съ тѣмъ, чтобы поступить потомъ въ число студентовъ мед.-хирург. академіи. Такъ и исполнилось. Сочинскій поступилъ въ академію, но съ перваго-же дня не понравился ученому секретарю конференціи С. Я. Нечаеву.

Прошелъ годъ, и по истеченіи его Сочинскій не выдержалъ экзамена изъ химіи (у Нечаева) и оставленъ на другой годъ въ курсѣ. Когда прошелъ другой годъ, Сочинскій явился опять къ экзамену, но Нечаевъ публично сказалъ ему, что всякій экзамень бесполезенъ, потому что «вы мнѣ не нравитесь и я не допущу васъ докончить курсъ въ академіи, а потому уходите изъ академіи».

Что было дѣлать Сочинскому? Нечаевъ былъ всемогущъ Президентъ Вилліе, по старости, не ѣздилъ въ академію и всѣ дѣла конференціи предоставилъ ученому секретарю. По этимъ двумъ причинамъ жаловаться было и бесполезно, и невозможно. А горе грызло и мучило его, не давая покоя. И онъ рѣшился развѣдываться съ Нечаевымъ своимъ судомъ.

Въ одну изъ субботъ (засѣданія конференціи обыкновенно собирались по субботамъ) онъ принялъ довольно большой приемъ свинцоваго сахара, вооружился перочиннымъ ножомъ, вошелъ въ залу и бросился къ зеленому столу, чтобы заколотъ Нечаева. Но по волненію-ли, или по начавшемуся дѣйствию яда, онъ въ Нечаева не попалъ, а нечаянно попалъ въ профессора О. Ф. Калинскаго и слегка его ранилъ, а затѣмъ впалъ въ обмо-

рокъ. Опасность такимъ образомъ для профессоровъ миновала, но необходимо было не дать умереть виновному. Для этого профессоръ И. В. Буяльскій вскрылъ вену и впрыснулъ въ нее немного tartari emetici. Произошла рвота, и Сочинскій возвращенъ къ жизни для мученій.

Графъ Клейнмихель въ это время только что вступилъ въ должность попечителя академіи.

По его распоряженію Сочинскій сужденъ въ 24 часа и присужденъ сперва къ возвращенію его въ предыдущее состояніе, затѣмъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ прогнанію сквозь строй черезъ пятьсотъ человѣкъ.

Студенты обязаны были присутствовать при этой казни, чтобы прониклись страхомъ къ безграничной власти графа Петра Андреевича Клейнмихеля.

Это было первое впечатлѣніе, сдѣланное на насъ, новичковъ, академію. Впечатлѣніе ужасающее и ошеломляющее. И тѣмъ болѣе ужасающее, что мы не совсѣмъ понимали его, а обратиться къ кому либо за разъясненіемъ его мы не смѣли. Какъ куча дѣтей или, правильнѣе сказать, какъ стадо барановъ, пришли мы на аракчеевскій дворъ и жались другъ къ другу. Да и къ кому обратиться? Приведшіе насъ субъ-инспекторы и сами ничего не знали о томъ, зачѣмъ они привели насъ сюда и что будутъ дѣлать съ нами. Обратиться же къ военнымъ офицерамъ, сновавшимъ по разнымъ частямъ двора, тоже не смѣли. Только когда раздалась барабанная дробь и хлестанье прутьевъ по чловѣческой спинѣ, сразу и мгновенно разъяснилось намъ, что это и есть «сквозь строй», о которомъ приходилось иногда слышать мимолетные рассказы, не придавая этимъ рассказамъ никакого реальнаго значенія.

Кажется, вскорѣ послѣ этой казни смѣнился инспекторъ студентовъ штабъ-лекаръ Вас. Ст. Петровъ и на его мѣсто опредѣленъ майоръ Фед. Фед. Шенрокъ, а помощниками ему военные молодые офицеры (изъ арміи).

Какъ безжалостно обходились тогда со студентами, можетъ показать слѣдующій случай.

Разъ, въ каникулярное время, одинъ студентъ отправился погулять на Безбородкину дачу, садъ которой былъ открытъ для

публики и служилъ постояннымъ мѣстомъ студенческихъ прогулокъ. Войдя въ садъ, студентъ встрѣтилъ двухъ барышень, которыя разговаривали между собою и непрерывно хохотали. Это понравилось студенту и, поровнявшись съ ними, онъ просилъ позволенія погулять съ ними. Но одна изъ нихъ отвѣтила, что имъ и однѣмъ хорошо, а другая захохотала. Студентъ учтиво повторилъ просьбу, но вмѣсто отвѣта одна изъ дѣвицъ позвала своего отца, дремавшаго въ боковой аллеѣ. Испугавшись крика дочери, онъ справился въ чемъ дѣло и предложилъ студенту прогуляться съ нимъ, а не съ дѣвицами. Говоря это, онъ приблизился къ садовымъ воротамъ, гдѣ стояла хорошая коляска. Господинъ сѣлъ въ коляску, пригласилъ и студента сѣсть съ нимъ и они уѣхали, а куда—никто не видалъ и не замѣтилъ. Только на другой день, утромъ, когда мы пришли въ столовую къ чаю, инспекторъ объявилъ, что изъ ордонансъ-гауза прислано казенное платье, а владѣлецъ платья, студентъ, по распоряженію его сіятельства графа П. А. Клейнмихеля, записанъ въ солдаты и высланъ изъ Петербурга.

Не всегда, однако-жъ, графъ Клейнмихель былъ людодѣдомъ и не всегда сѣялъ онъ зло по своей дорогѣ. Въ подтвержденіе этого приведу еще примѣръ изъ студенческой жизни.

Въ одной комнатѣ со мною жилъ студентъ Сталевскій. Были мы «сеніорами» или «старшими» года два или три и обязанность наша состояла въ томъ, чтобы получать учебныя принадлежности отъ субъ-инспекторовъ и раздавать ихъ студентамъ, чтобы ихъ никто не обсчитывалъ. Правда, возлагалась на насъ и еще одна обязанность, но мы никогда не исполняли ея, да и не могли исполнять, о чемъ знало и начальство. Это наблюденіе за тѣмъ, чтобы студенты не курили табаку. Мы сами курили грошовыя сигары (фабрики Креля), инспекторъ тоже курилъ и студенты, кто что курилъ, курили въ трубу. Стало быть, запретъ куренія существовалъ, но былъ только фиктивный и состоялъ въ томъ: «курить себѣ курите, но не попадайтесь, а попадетесь—въ карцеръ». Одинъ только у насъ не курилъ президентъ академіи Шлегель. На бѣду къ этому онъ обладалъ хорошимъ обоняніемъ и, встрѣчаясь съ хорошимъ студентомъ, имѣлъ привычку прикладывать свою щеку къ его щекѣ. Резуль-

татъ очевиденъ. При встрѣчѣ съ курильщикомъ, онъ прикладываетъ щеку къ его щекѣ и, тихонько потянувъ носомъ, онъ говорить: «мы куриль, но, конечно».... (тоже привычное у него слово, вставляемое въ разговоръ и кстати, и не кстати).... «конечно, инспектору я не сказать». Инспекторъ дѣлаетъ мину какъ будто въ самомъ дѣлѣ ничего не слышитъ. Итакъ, всѣ были довольны: и тѣ, кто отдавалъ приказаніе, и тѣ, кто не исполнялъ этихъ приказаній. У насъ бывали даже курильные праздники. Я рѣдко уходилъ со двора, потому что не имѣлъ знакомыхъ, а Сталевскій уходилъ каждую субботу и, возвращаясь домой, непременно приносилъ хорошую сигару, при куреніи которой, по его мнѣнію, «неволью созерцаешь 99 свойствъ Аллаха».

Итакъ, мы съ Сталевскимъ жили спокойно, беззаботно и даже весело, какъ вдругъ получается извѣстіе, что отецъ его, жившій въ Подольской губерніи, подвергся параличу. Что дѣлать? При отцѣ жили тогда два маленькіе сына и одна дѣвочка, а матери у нихъ давно не было. Погибнуть они бѣдные и некому теперь присмотрѣть за ними. Сталевскій обратился къ президенту академіи Шлегелю, а президентъ тотчасъ же рѣшилъ обратиться къ графу Клейнмихелю. «Вы мой дѣтъ... конечно».. то есть вы мое дитя. Сказано—сдѣлано. Президентъ академіи имѣлъ докладъ у Клейнмихеля въ неопредѣленные дни, когда явится надобность, хоть бы каждый день. Поэтому на другой-же день и президентъ, и студентъ надѣли мундиры и явились къ графу.

— «Ни живъ, ни мертвъ, рассказывалъ Сталевскій, прижался я въ уголку залы. Зала наполнена была военными генералами и рѣдко съ которыми Клейнмихель говорилъ мягко и привѣтливо. И если съ почтенными генералами говорить онъ строго и не совсѣмъ деликатно, то что-же будетъ со мною? Не смотря, однако-же, на такія мысли, я употребилъ все усиліе вытянуться въ стружку, припоминая старую выправку (прежде онъ служилъ юнкеромъ въ гренадерскомъ полку и вышелъ оттуда по Клейнмихелеву-же неудовольствію). Наконецъ, дошла очередь и до меня.

— Что тебѣ нужно? сказалъ онъ.

Я было сталъ рассказывать о семейной бѣдѣ; но онъ прервалъ рассказъ и, обратившись на всю залу, сказалъ: «посмотрите,

какой молодець: хоть сейчас во фронтъ». Услышавъ эту похвалу, я старался еще сильнѣе вытягиваться, и разумѣется еще болѣе заслуживалъ похвалы. «Молодецъ, молодець! Ну какъ не сдѣлать о чемъ онъ просить? Такъ въ чемъ же дѣло, Иванъ Богдановичъ? Пришлите мнѣ записку объ его дѣлѣ». Но записка уже была приготовлена, благодаря предусмотрительности президента, и тутъ-же вручена его сѣятельству. «А, братья сироты? Хорошо. Что могу—сдѣлаю для такого молодца. Ступай домой, а вы, Иванъ Богдановичъ, останьтесь».

О чемъ они разговаривали въ кабинетѣ—Сталевскій не зналъ. Но прошло не болѣе двухъ недѣль, какъ оба брата его были приняты въ училище въ адмиралтействѣ, а маленькая сестра въ какое то женское учебное заведеніе. Впослѣдствіи, всѣ они оказали превосходные успѣхи, не смотря на то, что одинъ переросъ, а другой недоросъ для поступленія въ учебное заведеніе.

Итакъ, очевидно, что графъ Клейнмихель дѣлалъ не одно зло, но умѣлъ дѣлать и добро, и дѣлалъ его широкою рукою.

II.

Окончаніе курса и поступленіе на службу.

Въ наше время учили не такъ, какъ теперь учатъ. Нынѣ читаютъ въ академіи пропасть лекцій, читаютъ по множеству специальностей, но не очень заботятся, чтобы осталось въ головѣ студентовъ что либо изъ прочитаннаго.

Въ наше время профессоръ старался не только прочесть лекцію, но и научить ученика своего. Профессоры были, можетъ быть, не такъ учены, какъ теперь, но за то они старались передать ученикамъ все, что сами знали. При такомъ ученіи, понятно, было за что благодарить преподавателей, и ихъ дѣйствительно уважали и любили.

Учебниковъ было немного и ихъ замѣняли профессорскими записками. Такими записками, т. е. составленіемъ и перепис-

сываніемъ ихъ ежедневно, закрѣплялось въ головѣ все, что было прослушано на лекціяхъ. Этому же содѣйствовало и учрежденіе репетицій, производившихся каждую субботу, для чего при каждой почти каедрѣ имѣлся особый репетиторъ изъ молодыхъ врачей. При такомъ направленіи ученія и при частомъ повтореніи всего прослушаннаго на лекціяхъ, экзамены были не страшны и могли быть назначены во всякое время. Такъ и было въ томъ курсѣ, съ которымъ я выходилъ изъ академіи.

Мы выдержали выпускной экзамень въ 18 дней, экзаменуясь ежедневно. Не то что нынѣ: для каждаго предмета назначается недѣля приготовленія, да и тутъ кричатъ, что мало. Мимоходомъ замѣчу здѣсь, что въ наше время выпускной экзамень производился весьма торжественно: профессора пріѣзжали въ полной формѣ, а студенты являлись въ мундирахъ, со шпагами и въ перчаткахъ.

Выпускные экзамены наши окончились къ концу іюля, считая въ томъ числѣ и соревновательный письменный экзамень, который оканчивался въ нѣсколько часовъ. Публичный актъ выпуска изъ академіи отпраздновали 28 іюля, въ день церковнаго праздника, а затѣмъ цѣлый мѣсяцъ данъ на избраніе себѣ мѣста, разумѣется въ военно-медицинской службѣ. «Избраніе мѣста» въ то время было очень серьезное. Его установилъ баронетъ Я. В. Вилліе слѣдующимъ образомъ.

На выпускныхъ экзаменахъ каждый профессоръ давалъ свои отмѣтки по 4-хъ бальной системѣ. Отмѣтка «1» признавалась отличною (*cum eximia laude*), помѣтка «2» означала очень хорошую отмѣтку, помѣтка «3» посредственную и «4» недостаточную. Послѣ того всѣ профессорскія отмѣтки сводились на общемъ спискѣ и кто получалъ 1 или + по всѣмъ предметамъ, получалъ награды медалями, золотою и серебряною. Эти же лица получали право отправляться въ военно-медицинскій департаментъ и выбирали себѣ любое мѣсто службы, оказавшееся свободнымъ, а затѣмъ остальные студенты получали мѣста службы уже по назначенію отъ департамента. Окончившіе курсъ съ отличіемъ обыкновенно назначались въ гвардейскіе полки, и Вилліе старательно оберегалъ эту привилегію. Воспользовался ею и я, Богъ знаетъ почему избравшій себѣ мѣсто въ гусарскомъ полку ко-

роля ганноверскаго, квартировавшемъ въ Ковенской губерніи. Но это избраніе не пошло мнѣ въ прокъ. А именно: черезъ шесть недѣль послѣ избранія меня пригласили въ департаментъ и объявили, что такъ какъ въ полку нуждаются въ лѣкарѣ, а меня послать невозможно, то на мѣсто меня посланъ туда другой, а мнѣ замѣнъ того будетъ предоставлена первая имѣющая открыться вакансія. Послѣ говорили, будто мое мѣсто продано было другому лѣкарю, изъ прежнихъ выпускковъ. Упомянутая выше фраза, что «меня послать въ полкъ невозможно», означала, что молодые лѣкаря, по выходѣ изъ академіи, прикомандировывались къ военно-сухопутному госпиталю на одинъ годъ для практическаго усовершенствованія, въ замѣнъ клиникъ, которыя при академіи были недостаточны и плоховаты. Впрочемъ, я не тужилъ о потерѣ перваго служебнаго мѣста, хотя изъ гусарскаго полка перечисленъ былъ въ артиллерійскую роту, гдѣ не много было солдатъ, а только фуры и полуфуры для перевозки артиллерійскихъ снарядовъ, называвшіяся артиллерійскими парками. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ Петербурга до выдержанія докторскаго экзамена. Мысль объ этомъ, и о возможности осуществленія ея, казалась не такъ безумна, какъ тогда являлась.

Президентъ И. Б. Шлегель, встрѣтившись гдѣ-то со мною, очень ласково замѣтилъ, что профессоръ С. Ф. Хотовицкій очень доволенъ былъ письменнымъ отвѣтомъ моимъ на экзаменѣ (вопросъ былъ изъ гинекологіи) и даже сказалъ, что «поцѣловалъ бы васъ за него». Послѣ я узналъ, что президентъ не все сказалъ мнѣ. А именно, онъ не сказалъ, что я предназначенъ былъ остаться репетиторомъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Однако-же, не исполнилось это предназначеніе, потому что, въ это-же время, я захворалъ брюшнымъ тифомъ и чуть не умеръ. А какъ лекціи начались въ академіи и нуженъ былъ репетиторъ акушерства, то на мое мѣсто назначенъ былъ товарищъ мой Шавровъ. Такимъ образомъ, судьба моя на этотъ разъ не опредѣлилась и я принужденъ былъ отправиться въ свой артиллерійскій паркъ въ Ригу.

Мысль о необходимости докторскаго экзамена не оставляла меня. Но для осуществленія ея требовалось время. Тогда суще-

ствовалъ законъ, чтобы молодые врачи допускались къ докторскому экзамену не ранѣе четырехъ лѣтъ послѣ окончанія курса. Наконецъ, прошли и эти годы и я вошелъ съ рапортомъ по медицинскому начальству о прикомандированіи меня къ военно-супутному госпиталю для докторскаго экзамена, но въ просьбѣ объ этомъ отказано. Предлогъ къ отказу былъ какой-то пустой, но исходилъ изъ корпусной квартиры. Онъ не убѣдилъ меня и, спустя нѣсколько времени, я опять послалъ рапортъ объ увольненіи меня въ отпускъ на 29 дней въ Петербургъ. Но отпуска не дано, а вмѣсто того корпусный докторъ прислалъ мнѣ строгій выговоръ, съ угрозою отвѣтственности за подобныя неосновательныя просьбы. Чѣмъ была неосновательна моя просьба—я и теперь не знаю. Думается только, что я не во-время вошелъ съ рапортомъ, а именно въ концѣ лагернаго времени, когда отпуска офицерамъ запрещены. Какъ-бы то ни было, но докторскій экзаменъ, очевидно, не улыбался мнѣ. Однако-же, судьба не сошлась отвернулась отъ меня. И вотъ доказательство.

Я жилъ тогда въ г. Якобштадтѣ, куда ежегодно съѣзжалась цѣлая артиллерійская дивизія для маневровъ. Приѣзжалъ и дивизионный генералъ, генералъ-лейтенантъ Сержпутовскій. Ему рассказали мою исторію, и онъ принялъ въ ней самое искреннее участіе. «Но что-же я могу сдѣлать для васъ? Если-бы вы поѣхали въ Петербургъ, то къ кому вы обязаны тамъ явиться?»

— Я обязанъ явиться тамъ въ медицинскій департаментъ и къ директору этого департамента, чтобъ выпросить себѣ прикомандированіе къ госпиталю для экзамена.

— Я васъ спрашиваю объ этомъ для того, что имѣю право дать вамъ отпускъ во всѣ мѣста, кромѣ столицъ. А такъ какъ вамъ не къ кому являться въ Петербургѣ, то приму на себя уволить васъ и туда. Но остается еще вопросъ? Вы надѣетесь быть прикомандированными къ госпиталю въ вами самими опредѣленный срокъ; но возможно вѣдь и то, что вы не успѣете прикомандироваться, а ждать отсрочки отъ меня слишкомъ далеко, то я и тутъ могу немножко помочь вамъ. А именно, я дамъ вамъ билетъ на 29 дней, но безъ даты на немъ, и вы проставите на немъ цифру отпуска, когда доѣдете до Петербурга; слѣдовательно, у васъ будетъ въ запасѣ дней десять лишнихъ.

Какъ предполагено, такъ и сдѣлано, и въ Петербургѣ никто не замѣтилъ, что я прикомандированъ былъ къ госпиталю въ тотъ самый день, который обозначенъ въ отпускномъ билетѣ. Такимъ образомъ генералу Сержпутовскому обязанъ я всею послѣдовавшей своею карьерою.

Когда я хлопоталъ о докторскомъ дипломѣ и, наконецъ, получилъ его, въ военномъ министерствѣ дѣлались приготовленія къ венгерской войнѣ и армія ставилась на военное положеніе. Всѣ части укомплектовывались медиками. Долженъ былъ поѣхать и я въ Польшу къ своей 4 артиллерійской бригадѣ.

Правда, я могъ не ѣхать въ армію по другому поводу, но въ замѣнъ того долженъ-бы ѣхать еще дальше Венгріи. Дѣло въ томъ, что нѣсколько времени раньше мнѣ предложено было ѣхать въ Китай. Случилось это вотъ какъ.

Разъ прислалъ за мною профессоръ П. П. Заблоцкій и спросилъ, не желаю-ли я принять службу въ Китаѣ, въ составѣ тамошней духовной миссіи, и если согласенъ, то чтобы я явился къ директору азіатскаго департамента. При этомъ онъ далъ мнѣ адресъ директора. Признаюсь, предложеніе было такъ неожиданно и такъ необычайно, что я вышелъ отъ Заблоцкаго какъ угорѣлый и цѣлый день не могъ успокоиться отъ волненія. Однако-же, у меня былъ адресъ тайн. сов. Сенявина и стало быть, хочешь—не хочешь, надобно явиться къ нему. Знакомыхъ или родныхъ у меня не было, посовѣтываться не съ кѣмъ, стало быть оставалось разсчитывать только на собственный разсудокъ.

На другое утро являюсь по адресу въ 10 ч. утра, но получаю въ отвѣтъ, что генералъ принимаетъ по службѣ въ 6 часовъ утра, и потому не угодно-ли будетъ пожаловать въ этотъ часъ. Въ которомъ-же часу надобно встать завтра, чтобы поспѣть къ приему Сенявина, думалъ я, возвращаясь на Выборгскую сторону. И въ сердце закрадывался страхъ, какого прежде не испытывалъ. При личномъ свиданіи съ Сенявинымъ, страхъ этотъ прошелъ и я встрѣтилъ мужчину гигантскаго роста, но крайне ласковаго и деликатнаго. Онъ терпѣливо разсказалъ мнѣ составъ духовной миссіи нашей въ Китаѣ и что всѣ условія моей тамъ службы опредѣляются особымъ контрактомъ.

Миссія назначается на 10 лѣтъ, считая въ томъ числѣ и проѣздъ туда и обратно. Въ составъ ея входятъ: архимандритъ, псаломщикъ, медикъ, художникъ (рисовальщикъ), студентъ восточныхъ языковъ и служители, всего 10 человекъ. Жалованье членамъ миссіи назначалось очень хорошее и сверхъ того могло быть усиливается по контракту. По возвращеніи въ отечество, по истеченіи 10 лѣтъ, оно превращается въ пожизненную пенсію, съ правомъ поступленія на службу куда угодно, и полученія тамъ штатнаго жалованья, не лишаясь при томъ китайской пенсіи. Однимъ словомъ, при всѣхъ разговорахъ нашихъ видно было, что Сенявинъ не только не торговался по контракту, но самъ прибавлялъ разныя льготы и потребности въ мою пользу. «Не затрудняйтесь требованіями, говорилъ онъ, и помните, что ѣдете на 10 лѣтъ и при томъ ѣдете въ страну неизвѣстную, сношенія съ которою очень затруднительны». Меня трогала эта заботливость о моихъ пользахъ; но я легкомысленъ былъ по молодости и только о томъ и спрашивалъ, научусь-ли китайскому языку, чтобы быть полезнымъ по возвращеніи на родину, а матеріальная обстановка вовсе не входила въ мои расчеты. Задачей моею было—научиться по китайски, а все остальное казалось индифферентнымъ. И думая все объ одномъ, я, наконецъ, убѣдилъ себя, что непременно научусь по китайски. Съ этою увѣренностію пошелъ я къ своему генералу и предложилъ немедленно подписать контрактъ. Но видно рѣшимость моя оказалась ему экзальтированной и потому непрочною. Онъ не далъ мнѣ контракта.—«Подписать не долго», сказалъ онъ, «но мнѣ хочется, чтобы вы поѣхали въ дальнюю сторону охотно и весело. А я еще незнакомъ съ вашимъ характеромъ. Я не знаю, можете-ли вы обходиться безъ общества». Тутъ онъ очень тонко намекнулъ, нѣтъ-ли у меня особенныхъ привязанностей и могли ли я обходиться безъ женскаго общества. Я понялъ намекъ и спросилъ, что-же еще необходимо? Въ отвѣтъ на это онъ предложилъ мнѣ поѣхать къ начальнику миссіи архимандриту Палладію и поговорить съ нимъ.

Архимандритъ Палладій жилъ въ Невскомъ монастырѣ, въ маленькой комнатѣ, не отличавшейся чистотою. На полу этой комнаты разбросано было большое количество китайскихъ книгъ

и эти книги всё валялись непременно раскрытыми. Были-ли тамъ столы и стулья—я не замѣтилъ. Прислуги тоже не было.

Войдя въ комнату и оглядываясь, гдѣ пайти хозяина, я увидѣлъ родъ ниши справа и тамъ, на маленькомъ столикѣ, завтракъ съ бутылкою вина. За столикомъ сидѣли, повидимому, два человѣка. Но когда я дошелъ до середины комнаты, изъ-за ниши вышелъ монахъ средняго роста и спросилъ, что мнѣ нужно? Я назвалъ пославшаго меня и объявилъ, что главный и единственный вопросъ мой тотъ: можно-ли надѣяться научиться по китайски, пробывъ тамъ 5—6 лѣтъ.

Арх. Палладій отвѣчалъ, что дать рѣшительный отвѣтъ на мой вопросъ невозможно; но такъ какъ другіе учатся и выучиваются, то отчего не научиться и вамъ? Вообще, этотъ мой собесѣдникъ и будущій начальникъ былъ не очень говорливъ и того менѣе ласковъ. Онъ, повидимому, былъ недоволенъ во первыхъ тѣмъ, что я засталъ его за завтракомъ, и во вторыхъ тѣмъ, что пришелъ я къ нему отъ высшаго начальства. Какъ-бы тамъ ни было, но отецъ Палладій произвелъ на меня не хорошее впечатлѣніе и рѣшилъ въ одинъ часъ судьбу мою. Не попросивъ благословенія отъ его высокопреподобія, я прямо изъ монастыря поѣхалъ къ П. П. Заблоцкому и просилъ его доложить директору, что я отказываюсь отъ чести служить въ китайской миссіи. Самому мнѣ ѣхать съ этимъ докладомъ было совѣстно и тяжело.

Заблоцкій исполнилъ порученіе и принесъ отвѣтъ, что Сенявинъ очень жалѣеть о моемъ отказѣ. А такъ какъ онъ приписалъ его архимандриту Палладію, то и сдѣлалъ выговоръ этому послѣднему, неосторожно обращавшемуся со мною. Спустя нѣкоторое время, я опять видѣлся съ Заблоцкимъ и онъ передалъ мнѣ, что Сенявинъ не отказался отъ мысли послать меня въ Китай, а потому даетъ мнѣ еще цѣлый мѣсяцъ на размышленіе о томъ, не передумаю-ли и не возьму-ли назадъ своего отказа. Но я въ этотъ разъ уже не позволялъ себѣ колебаній и рѣшительно отказался отъ далекой командировки.

Кстати припомнить здѣсь о маленькой непріятности, упавшей на меня по поводу китайскаго вопроса.

На время прикомандированія меня къ военно-сухопутному

госпиталю, я имѣлъ въ госпиталѣ бывшую палату внутреннихъ болѣзней и ежедневно навѣщалъ ее утромъ и вечеромъ. Утренняя визитація происходила между 8—9 часами, въ присутствіи главнаго доктора, профессора А. П. Нелюбина, а вечерняя визитація въ 7 часовъ пополудни и производилась помощникомъ главнаго доктора О. П. Олендскимъ.

Главный докторъ требовалъ, чтобы при его визитаціи непременно сопровождали его всѣ палатные ординаторы. Но когда начались переговоры мои о Китаѣ, тогда я не могъ уже явиться къ докторской визитаціи въ госпиталѣ, потому что Сенявинъ принималъ у себя въ 6 часовъ пополуночи и я не могъ возвратиться къ утренней визитаціи. Нелюбинъ замѣтилъ это и сдѣлалъ мнѣ выговоръ въ конторѣ госпиталя. На другой день опять та-же исторія и опять выговоръ. На третій день—тоже, и главный докторъ не ограничился выговоромъ и отнялъ у меня больничную палату «за нерадѣніе по службѣ». Замѣчательно, что помощникъ главнаго доктора О. П. Олендскій зналъ мою исторію о Китаѣ и присутствовалъ при всѣхъ дававшихся мнѣ выговорахъ, но не только ни разу не защитилъ меня, а напротивъ, подсказывалъ старику Нелюбину построже наказать меня.

III.

Получивъ докторскій дипломъ, я долженъ былъ возвратиться къ моему мѣсту въ Курляндію. Но мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ Петербурга. Къ тому же меня не манила практическая медицина. Ей предпочиталъ я литературныя занятія, которыя и раскрывались въ широкихъ размѣрахъ; въ это время начались преобразования въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, въ томъ числѣ и въ изданіи «Военно-Медицинскаго Журнала». Съ директоромъ В. В. Пеликаномъ пріѣхалъ молодой сынъ его, Евг. Венц., и принялъ въ свое вѣдѣніе редакцію военно-медицинскаго журнала. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ въ свое распоряженіе старинную газету «Другъ Здравія», съ платою издателю ея, д-ру Грумму, извѣстныхъ процентовъ отъ прибылей. Дѣла было много и оно

требовало много рабочихъ рукъ. Въ числѣ другихъ, и мои руки были испытаны и оказались годными къ работѣ. Но лишь только началась работа, какъ грянулъ военный громъ. Отказаться отъ похода было невозможно, но В. В. Пеликанъ снабдилъ меня возвратомъ, какъ скоро сдѣлаютъ новый выпускъ изъ мед. академіи и будетъ къ мѣмъ замѣнить мое мѣсто въ арміи. Это обѣщаніе дано было въ маѣ, а исполнено въ сентябрѣ 1848 года, съ назначеніемъ меня помощникомъ завѣдывающаго редакціею «Военно-Медицинскаго журнала» и ординатора 1-го военно-сухопутнаго госпиталя.

Все это лѣто прожилъ я въ гор. Кальваріи (Августовской губ.) и вынесъ на своихъ плечахъ жестокою эпидемію холеры, за что и получилъ благодарственный адресъ отъ еврейскаго населенія этого города.

Тяжелое было это время.

Въ городѣ Кальваріи считалось около 3 тыс. жителей, въ томъ числѣ 4 батареи пѣшей артиллеріи, расквартированныя частію въ городѣ, а частію въ его окрестностяхъ, и всѣ онѣ охранялись мною однимъ.

Правда, при началѣ эпидеміи въ городѣ было четыре врача, два гражданскихъ и два военныхъ; но вскорѣ трое изъ нихъ прекратили свою дѣятельность. А именно: одинъ гражданскій лѣкаръ оказался такъ старъ (лѣтъ 80), что едва ходилъ на ногахъ и плохо знакомъ былъ съ холерою. Другой гражданскій врачъ, обремененный семействомъ, такъ боялся холеры, что при самомъ появленіи ея бѣжалъ изъ города и возвратился только въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, былъ еще въ городѣ одинъ военный врачъ, мой сослуживецъ по артиллеріи, но онъ захворалъ и не выходилъ изъ комнаты. Остался я одинъ и, благодаря Бога, остался живъ и здоровъ, да и смертность отъ холеры была не чрезмѣрна. Но за то какая была жизнь!

Чтобы ознакомить съ нею, я опишу одинъ день изъ этого лѣта. Вставалъ я въ 4 часа и, наскоро напившись чаю, выходилъ въ переднюю комнату. Здѣсь находилъ я цѣлыя толпы евреевъ и евреекъ, изъ которыхъ многіе стояли на колѣняхъ и упрашивали поскорѣе навѣстить ихъ хаты. Дѣло состояло, стало быть, въ томъ, чтобы поскорѣе навѣстить однихъ, предпочти-

тельно передъ другими. Но такъ какъ просьба была у всѣхъ одна и та-же, то выбирать и предпочитать однихъ другимъ не было возможности. Я и не предпочиталъ, а, вышедши на крыльцо, шелъ въ первый домъ слѣва, а затѣмъ во второй домъ по той-же линіи и такъ продолжалъ идти до тѣхъ поръ, пока доходилъ до конца улицы. Тутъ я останавливался, заходилъ въ бригадный артиллерійскій лазаретъ и, окончивъ тамъ визитацію, выходилъ на улицу и опять начиналъ обходить всѣ дома на улицѣ, начиная съ перваго дома лѣвой стороны. Такъ проходило время до полудня или часовъ до двухъ пополудни. Обѣдать мнѣ было некогда; а какъ безъ ѣды оставаться было невозможно, то предусмотрительные жидки, въ какомъ либо изъ своихъ домовъ, подавали на столъ какое-либо хорошее блюдо, не входя ни въ какія объясненія. Черезъ нѣсколько домовъ, такимъ-же образомъ, подавали мнѣ другое обѣденное блюдо, а потомъ стаканъ кофе. Мало того. Въ то время я много курилъ и евреи знали, какія сигары курилъ я, потому что сигары доставляли они намъ контрабандою и каждому — свои. Итакъ, я много курилъ и мнѣ даже разрѣшено было курить на улицахъ во все время холеры. Евреи знали, что изъ-за сигаръ я могъ уйти въ свою квартиру и потерять время; а чтобъ этого не случилось, они осторожно наполняли мои задніе карманы, такъ что я даже и не догадывался сначала, какъ это, не смотря на непрерывное куреніе, количество сигаръ въ карманахъ у меня не убавлялось.

Такой трудовой день мой простирался до 10—11 часовъ вечера; а послѣ того наши артиллерійскіе офицеры выкрадывали меня, какъ какую нибудь контрабанду, и прятали меня въ своихъ квартирахъ. Они размышляли такъ: у насъ одинъ только докторъ, да и тотъ въ теченіи дня такъ измучивается, что можетъ свалиться съ ногъ. Что-же съ нами будетъ, если и онъ захвораетъ? И руководясь этой мыслью, они прятали меня отъ евреевъ и кормили ужиномъ, состоявшимъ изъ простывшаго обѣда. Въ заключеніе выпивали мы по стакану глинтвейна и засыпали спокойнымъ сномъ. Къ счастью, надобно прибавить, что выпадали и менѣе тяжелые дни. Извѣстно, что евреи любятъ лѣчиться и никогда не заслуживаютъ осужденія за просрочку болѣзней. Любятъ они и докторовъ своихъ, если только эти по-

слѣдніе мало-мальски сочувствуютъ имъ и не слишкомъ презрительно обращаются съ ними. Меня они любили и когда пришло предписаніе о возвращеніи меня въ Петербургъ, то они приглашали меня выйти изъ казенной службы и поселиться въ ихъ городѣ, съ платою по 1000 р. въ годъ и съ правомъ заниматься вольною практикою, помимо установленной ежегодной платы. Но я такъ искренне желалъ возвратиться въ Петербургъ, что безусловно отклонилъ всякія предложенія.

Я. А. Чистовичъ.

ПАМЯТНИКЪ СЛАВЫ

въ воспоминаніе войны 1877 и 1878 гг.

Великія событія увѣковѣчиваются въ памяти отдаленнаго потомства словеснымъ сказаніемъ, выраженнымъ въ пѣснѣ, историческомъ повѣствованіи и, внѣшнимъ образомъ, въ видѣ особаго сооруженія, говорящаго вѣкамъ:

„Земли родной минувшую судьбу“.

Пѣснь и повѣсть искажаются, слабѣютъ съ теченіемъ, времени, а потомъ совсѣмъ забываются:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Поэтому, во всѣ историческія времена, для передачи въ потомство значенія какого либо современнаго великаго событія, воздвигались памятники, посвященные этимъ событіямъ.

Колонна императору Трояну въ Римѣ вся обвита бронзовыми барельефами, изображающими одержанныя Трояномъ побѣды. Триумфальная арка, съ побѣдной колесницей на верху ея, сооруженная на зданіи главнаго штаба въ Петербургѣ, воздвигнута въ память возвращенія русской побѣдоносной арміи изъ Парижа, по окончаніи отечественной войны и побѣдъ надъ Наполеономъ I. Статуя Славы въ Берлинѣ, составленная изъ французскихъ орудій, взятыхъ во время войны 1870—1871 гг., а также памятники во многихъ городахъ и даже въ деревняхъ обыденной Германіи свидѣтельствуютъ о громадномъ значеніи этой войны для Германіи.

Даже турки, за неимѣніемъ военныхъ трофеевъ, воздвигали пирамиды изъ костей и череповъ павшихъ на войнѣ сербовъ, въ 1810-хъ

годахъ. Такой памятникъ не славы, а человѣческаго позора, долго стоялъ близъ Ниша и уничтоженъ только недавно, когда побѣдами русскаго оружія надъ турками, въ послѣднюю войну, Сербія и Болгарія получили политическую самостоятельность.

Въ этомъ и состоитъ великое значеніе минувшей войны 1877 и 1878 годовъ. Не смотря ни на какія козни иностранныхъ державъ, Россія отстояла политическую независимость славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ и избавила ихъ отъ гнетущаго турецкаго ига, не допуская эти народы слѣдовать по пути ихъ гражданскаго и политическаго развитія.

Но эта цѣль была достигнута цѣною великихъ жертвъ, принесенныхъ Россіей, цѣною великихъ подвиговъ, совершенныхъ ея славною арміею и вождями, ею руководившими и направлявшими ее къ побѣдамъ.

Не одна Россія, но весь славянскій міръ должны торжествовать славу русскаго оружія и съ гордостью взирать на воздвигнутый памятникъ, надъ коимъ высится побѣдный вѣнокъ и пальмовая вѣтвь—символы славы и мира. Тѣ самыя орудія, которыя поражали огнемъ и лили кровь доблестнаго русскаго воинства—стоятъ теперь на памятникѣ покорныхъ, и молча свидѣтельствуютъ свѣту о подвигахъ русскихъ героевъ.

А эти подвиги изумили міръ. Доблесть и храбрость русскаго солдата были извѣстны уже всѣмъ, кому извѣстны славное прошлое русской арміи. Въ Европѣ и въ Азіи, на водахъ Балтійскаго, Чернаго и Средиземнаго морей, на отдаленномъ востокѣ,—вездѣ со славою носились русскіе орлы. Они перелетали черезъ С.-Готардъ съ великимъ Суворовымъ, носились надъ дымящимся кровью полемъ Кагула и озарялись заревомъ пожара горѣвшаго непріятельскаго флота подъ Чесмою; они вились надъ вершинами Кавказа и спускались въ долины Бородино; парили надъ гордымъ Парижемъ и пролетали Берлинъ. То было время русскихъ богатырей, видѣвшихъ Румянцева и Суворова. Не стало этихъ великихъ людей, но ихъ духъ продолжалъ жить въ сердцѣ русскаго солдата. Настали тяжелые дни испытаній, и на развалинахъ Севастополя снова проявилась безсмертная сила великаго русскаго духа.

Съ тѣхъ поръ наступило новое время, съ коренными преобразованиями всего внутренняго строя нашей государственной жизни. Преобразована была и наша армія неусыпными стараніями бывшаго во главѣ военнаго министерства высокодаровитаго государств. дѣятеля—Д. А. Милютяна ¹⁾.

¹⁾ См. „Русск. Старина“, изд. 1886 г., № 1.

Во всякомъ новомъ дѣлѣ только опытъ можетъ доказать пѣлесообразность принятыхъ мѣръ. Высказывались опасенія, что молодой русскій солдатъ не въ состояніи будетъ перенести тѣхъ трудностей военной жизни, во время похода и боя, какъ прежній солдатъ, почти всю свою жизнь проводившій подъ ружьемъ. Но вотъ началась война 1877—1878 годовъ, и всѣ бывшія сомнѣнія исчезли какъ туманъ, озаренный лучами выступившаго солнца. Свершилось то, что всѣми авторитетами военного дѣла считалось невозможнымъ: русскія войска перешли занесенные глубокимъ снѣгомъ Балканы, перейти которые и при другихъ условіяхъ есть уже великій подвигъ. На это былъ способенъ только русскій солдатъ, доказавшій, что ему возможно даже невозможное.

100,000 тысячъ русскихъ воиновъ стали жертвою войны; но за то 141,000 офицеровъ и солдатъ непріятельскихъ, съ 28 пашами, были взяты въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 886 орудіями. Такихъ блестящихъ трофеевъ не давала ни одна изъ прежнихъ войнъ. Не говоря уже о числѣ убитыхъ, раненыхъ и умершихъ во время войны отъ болѣзней въ турецкой арміи, матеріальныя потери Турціи, въ нашу пользу, были очень значительны: мы возвратили, уступленную въ 1856 г. часть Бессарабіи, приобрѣли въ Малой Азіи Батумъ, Карсъ и Ардаганъ, съ ихъ областями. Турція обязалась выплатить намъ до 300 мил. рублей контрибуціи, даровать независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи. Сѣверная Болгарія получила самостоятельность и образовала княжество, а южная Болгарія признана самоуправляющеюся областію Турецкой имперіи.

Въ виду такихъ блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ войною 1877—1878 гг., не смотря на то, что иностранныя державы направили общія усилія, чтобы ограничить право Россіи на вознагражденіе, доставленное ей побѣдою—Императоръ Александръ II возымѣлъ мысль воздвигнуть памятникъ, въ воспоминаніе доблестной войны 1877—1878 гг.

Въ этихъ видахъ, отбитыя 12-го октября 1878 г. подъ Дубнякомъ и Телишемъ семь крупновскихъ орудій были, по приказанію Императора Александра II, отпращены въ Петербургъ и поставлены у церкви Св. Троицы, въ Измайловскомъ полку.

Эти 7 орудій, къ которымъ впоследствии прибавились и другія, и послужили, такъ сказать, основаніемъ памятника, открытаго въ годовщину Дубницкаго боя, 12-го октября 1886 года. Тому, Кому принадлежала мысль сооруженія памятника, не суждено было видѣть его окончаніе.

Самый памятникъ имѣетъ видъ колонны, стоящей на пьедесталѣ и украшенной на верху изображеніемъ фигуры Славы, держащей въ правой рукѣ дубовый вѣнокъ, а въ лѣвой пальмовую вѣтвь. Пьедесталъ, изъ розоваго гангеудскаго и темносѣраго сердобольскаго гранита, имѣетъ высоты 3 саж. 8 вершковъ. На пьедесталѣ укрѣплена чугунная колонна, высотой 6 $\frac{1}{2}$ сажени. Внутри колонны имѣется витая лѣстница, идущая до самаго верху. По наружной же сторонѣ колонны расположены, дулами вверхъ, 44 стальныхъ и 60 мѣдныхъ турецкихъ орудій, облегающихъ колонну, въ видѣ шести поясовъ, стоящихъ одинъ надъ другимъ. Верхъ колонны обведенъ капителью, въ 1,4 саж. высотой, украшенною листьями изъ бронзы. Наконецъ, надъ капителью, возвышается статуя «побѣды», стоящая на полушарѣ, служащемъ ей основаніемъ. Высота статуи, съ основаніемъ, 2 $\frac{1}{2}$ саж., такъ что высота всего памятника равна 13 $\frac{1}{2}$ саж. Вѣсъ памятника около 47,750 пудовъ, въ томъ числѣ вѣсъ орудій до 4,000 пудовъ. Фундаментъ, углубленный на 5 арш. 9 вершковъ, вѣситъ около 67,000 пудовъ. Стоимость сооруженія, по проекту тайнаго совѣтника Гримма, обошлась въ 175,000 руб. Сооруженіе памятника началось, по волѣ благополучно царствующаго Государя Императора, 27-го мая 1885 г. и окончено къ 1-му октября текущаго года.

По сторонамъ фундамента укрѣплены трапеціальныя бронзовыя доски, на которыхъ имѣются надписи, излагающія главные эпизоды минувшей войны; поименованы принимавшіе участіе въ войнѣ члены Императорской фамилии и всѣ части войскъ, бывшихъ въ Европейской Турціи и на Азиатскомъ театрѣ войны ¹⁾. На боковыхъ сторонахъ трапеціальныхъ досокъ положены наклонно, дулами вверхъ, пушки.

3

¹⁾ Главнѣйшія надписи гласятъ:

1) „1886 года, въ шестой годъ благополучнаго царствованія Императора Александра III, для увѣковѣченія доблестей россійскихъ войскъ, воздвигнуть этотъ памятникъ, по мысли Императора Александра II, изъ турецкихъ орудій, взятыхъ въ войну 1877—1878 гг. Побѣдоносной войной этой возвращена Россіи, утраченная въ 1856 г., часть Бессарабин, присоединены вновь къ русскимъ владѣніямъ города: Батумъ, Карсъ и Ардаганъ съ ихъ областями; дарована полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи; освобождена Болгарія, сѣверная часть коей сдѣлалась княжествомъ, а южная признана

Торжество открытія памятника «Славы» послѣдовало 12-го октября 1886 года. Къ этому дню были приглашены въ Петербургъ всѣ находящіеся внѣ его главнѣйшіе участники войны, а также болѣе 1000 человекъ нижнихъ чиновъ, георгиевскихъ кавалеровъ, которые составили особый «сводный полкъ» изъ трехъ пѣшихъ баталіоновъ. Отъ войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, составлены были также сводные батальоны, изъ лучшихъ людей, такъ какъ недостатокъ мѣста не позволялъ всѣмъ войскамъ принять участіе въ торжествѣ, такъ что на парадѣ участвовало всего 14 баталіоновъ, 12 эскадроновъ и 22 орудія.

Не были забыты и семейства павшихъ на войнѣ офицеровъ и солдатъ, а также бывшіе на войнѣ члены Краснаго Креста, сестры милосердія, врачи и дѣти убитыхъ нижнихъ чиновъ, обучающіяся теперь въ 9-ти городскихъ пріютахъ. Для всѣхъ ихъ были отведены особыя мѣста для присутствія на торжествѣ.

Около 11 часовъ, по прибытіи Ихъ Величествъ, придворный про-

самоуправляющеюся областью Турецкой имперіи. На обонѣ театрахъ взято въ плѣнъ 28 пашей, 141,800 офицеровъ и солдатъ, отбито 886 орудій и свыше 50 знаменъ“.

2) „На европейскомъ театрѣ военныя дѣйствія открылись 12-го апрѣля 1877 г.: 29—взрывъ броненосца „Лютфи-Джелиль“. 14-го мая—взрывъ броненосца „Селфи“. Переправа съ боемъ черезъ Дунай 10 и 11 июня у Галаца и 15-го у Зимницы. 1 и 2 іюля—переходъ черезъ Балканы русскаго передоваго отряда. 4-го—взятіе крѣпости Никополь. 7-го—занятіе Шипкинскаго перевала. 8-го—бой подъ Плевной. 11-го—бой парохода „Веста“ съ турецкимъ броненосцемъ. 18-го—бой подъ Плевной и Ени-Загрой. 19-го бой при Джуранли и Ески-Загрѣ. 9 и 14-го августа—оборона Шипкинскаго перевала противъ арміи Сулеймана. 10 и 11—бой при Аясларѣ. 19—отраженіе атаки арміи Османа-паши на дд. Згалевице и Пелишаты. 22—взятіе Ловчи. 24—бой при Аблавѣ и Кацелевѣ. 30—атака Плевны. 2 сентября—взятіе позиціи у д. Осиково. 9—бой у Чапркюя и Церковны. 12 октября—взятіе укрѣпленій Горняго Дубняка; дѣла у д. д. Басарбева, Юванъ-Чифликъ, Кошева, Нисово, Соленикъ, Церовца, Костанца и Ханъ-Гюль-Чесме. 16—взятіе укрѣпленія Телиша. 28—взятіе укрѣпленнаго города Врацы“.

3) „5 и 7 ноября дѣла у Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме. 11—взятіе Правецкой укрѣпленной позиціи. 14—сраженіе у Трестеника и Мечки. 21—бой у Арабъ-Конака. 22—бои при Марени и Еленѣ. 28—паденіе Плевны, со сдачею арміи Османа-паши. 30—сраженіе у Трестеника и Мечки. Съ 13 по 19 декабря—переходъ западнаго отряда черезъ Балканы на Чурьякъ и Умургачъ. 14—взятіе турецкаго парохода „Мерсина“ пароходомъ „Россія“. 19—бой при Ташкисентѣ. 20—бой при Горн. Бугаровѣ. 23—занятіе Софіи. 23—26—переходъ черезъ Балканы Троянскаго отряда. 23—27—переходъ черезъ Балканы войскъ, собранныхъ для обхода Шипки. 27 и 28—сраженіе у Шипки и Шейнова; взятіе

топресвитеръ Янышевъ, съ участіемъ другихъ протоіереевъ, состоящихъ при войскахъ и большею частью бывшихъ на войнѣ, началъ молебствіе. При провозглашеніи благодарственной молитвы, Государь Императоръ и всѣ присутствовавшіе преклонили колѣни.

По окончаніи молебствія и освященіи памятника, началась панихида по Императорѣ Александрѣ II и павшимъ на полѣ брани, въ числѣ коихъ поименованъ отдѣльно князь Романовскій, герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Когда заплѣли вѣчную память, Государь Императоръ лично скомандовалъ войскамъ «на караулъ!», а присутствующіе и все духовенство опустили на колѣни. Съ Петропавловской крѣпости былъ произведенъ 101 выстрѣлъ и молебствіе закончилось провозглашеніемъ россійскому воинству многая лѣта!

Затѣмъ войска прошли мимо памятника церемоніальнымъ маршемъ. Во главѣ войскъ находились оба великіе князья генераль-фельд-маршалы.

Передъ «своднымъ полкомъ» изъ георгіевскихъ кавалеровъ шли

въ плѣнъ арміи Вессель-паши. 1878 года съ 2—5 января переправа въ бродъ черезъ Марицу во время ледохода; сраженія близъ Филиппополя, занятіе его и окончательное разступленіе арміи Сулеймана. 18—занятіе Адрианополя. 14—бой подъ Хаджи-Оглу-Базарджикомъ. 15—занятіе Османъ-Базара. 19—заключеніе перемирія въ Адрианополѣ. 12 февраля—занятіе Санъ-Стефано, подъ стѣнами Константинополя. 19—подписаніе С.-Стефанскаго договора“.

4) „На азіатскомъ театрѣ войны русскія войска перешли границу 12-го апрѣля 1877 года. 13—дѣло у Муха-Эстате. 29—взятіе Хучубанскихъ высотъ, 4 мая—дѣло у фортовъ Карса. 4 и 5—взятіе штурмомъ крѣпости Ардаганъ. 18—ночное кавалерійское дѣло у Бегли-Ахметъ. 22 мая—28 июня первая блокада Карса. 3 іюля—дѣло у Аравартана. 4—бой у Цихисдзири. 13—бой подъ Звиномъ. 7—28 — геройская защита Байзета противъ турецкихъ полчищъ. 13 августа—бой у горы Кизильтапа. 20 — занятіе Сухума, захваченнаго турками. 20, 21 и 22 сентября—Соп на высотахъ Большой и Малой Ягны. 27—дѣло у Суботана и Инахъ-тепеси. 3 октября—пораженіе арміи Мухтара на Аладжинскихъ высотахъ. 8—второе обложеніе Карса. Въ ночь на 17—дѣло у Гассанъ-Кала. 23—пораженіе турецкой арміи на высотахъ Деве-Бойну. Въ ночь на 6 ноября штурмъ Карса и плѣненіе его гарнизона. 5 декабря—занятіе—г. Арданучъ. 30—установленіе блокады Эрзерума. 1878 года, въ ночь на 9 января, бой у Долисъ-Хана. 18—вторая атака Цихирдзирской пози ции 22—бой у Тольгома. 10 февраля—занятіе Эрзерума.

Кромѣ этихъ главныхъ надписей, имѣются еще и другія, съ отдѣльнымъ наименованіемъ главнѣйшихъ эпизодовъ войны, какъ Плевно, Балканы (зимній переходъ), Шипка, Аладжа и проч.

Затѣмъ поименованы участники войны: Его Вел. Государь Императоръ Александръ II и члены его Августѣйшей семьи, и перечислены полки отдѣльныя части войскъ, бывшіе на обоихъ театрѣхъ войны.

генераль-адъютанты: Радецкій, графъ П. А. Шуваловъ, Роопъ и генераль-лейтенантъ Петрушевскій. Бывшій военный министръ гр. Д. А. Милютинъ, генераль-адъютанты—Ванновскій и Гурко (назначенный въ этотъ день дежурнымъ при Его Величествѣ)—стояли у царской палатки ¹⁾).

По окончаніи парада, Ихъ Величества, въ сопровожденіи всей свиты, прослѣдовали въ казармы л.-гв. 2-й артиллерійской бригады, гдѣ, на дворѣ, устроенъ былъ отъ городского управленія завтракъ для людей «Своднаго полка», прибывшихъ въ Петербургъ. Подымая чарку съ виномъ, Его Величество провозгласилъ тостъ — «за ваше здоровье, молодцы!»—встрѣченный громкимъ «ура!» Такое же задушевное «ура!» послѣдовало, когда Вел. Кн. Николай Николаевичъ Старшій провозгласилъ тостъ — «за здоровье Его Величества!» Отсюда Ихъ Величества прослѣдовали въ манежъ той же бригады, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ для офицеровъ.

Здѣсь Его Величество извоили провозгласить слѣдующій тостъ: «господа! за ваше здоровье. Позвольте пожелать вамъ успѣха и полнаго здоровья въ будущемъ. Благодарю за труды, которые перенесли вы во время кампаніи. Говорю это отъ имени Того, Кого уже нѣтъ между нами. Благодарю васъ еще разъ, господа!»

Генераль-фельдмаршалъ Николай Николаевичъ снова провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, встрѣченный задушевымъ — «ура!»

Въ тотъ же день, къ 6 часамъ вечера, къ высочайшему обѣденному столу въ Эрмитажѣ, были приглашены всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, прибывшіе въ Петербургъ, какъ представители частей войскъ, находящихся внѣ столицы.

Въ концѣ обѣда, Его Величество поднялъ бокаль за здоровье присутствующихъ. Вел. Кн. Николай Николаевичъ сказалъ, съ особеннымъ воодушевленіемъ: «провозглашаю тостъ за Того, Который въ теченіи болѣе восьми мѣсяцевъ командовалъ войсками, прикрывавшими непреодолимою стѣною лѣвый флангъ всей дунайской арміи,—стѣною, о которую разбились всѣ старанія вдвое сильнѣйшаго непріятеля. За здоровье Начальника рушукскаго отряда! Ура!»

Въ отвѣтъ на этотъ тостъ, Его Величество провозгласилъ здоровье обоимъ августѣйшимъ генераль-фельдмаршаламъ.

---

¹⁾ Къ общему сожалѣнію, нездоровье лишило возможности быть на этомъ торжествѣ генераль-адъютанту графу М. Т. Лорисъ-Меликову (находящемуся въ Нидцѣ). Мудрости, боевой опытности и необыкновенной энергіи этого военачальника русская армія во многомъ обязана своими лаврами на азіатскомъ театрѣ войны 1877 г.

Въ тотъ же день по войскамъ арміи и флота послѣдовалъ высочайшій приказъ, отъ 12 октября:

«Сегодня совершилось въ Петербургѣ торжество открытія памятника войны съ Турціей 1877—1878 годовъ.

«Да пребудеть памятникъ этотъ на вѣчныя времена воспоминаніемъ о самоотверженіи и доблестяхъ воиновъ, съ помощію Божіею, покрывшихъ новою славою русскія знамена и русское имя. Въ сей торжественный день, обращаюсь къ вамъ, военачальники, адмиралы, офицеры, солдаты и матросы моей храброй арміи и доблестнаго флота, для того, чтобы сказать вамъ, что Я вѣрю вашей непоколебимой преданности, горжусь вашими славными подвигами и вмѣстѣ со всею Россіей, сердцемъ, исполненнымъ благодарности, вспоминаю о высокихъ заслугахъ вашихъ передъ престоломъ и отечествомъ. Воспоминанія эти пусть послужатъ залогомъ неизмѣнной увѣренности моей и всего русскаго народа, что при всѣхъ испытаніяхъ, каковыя Промыслу Божію угодно ниспослать Россіи въ будущемъ, ея армія и флотъ навсегда останутся на высотѣ военной доблести и неуязвимой славы, добытыхъ нашими предками и на нашихъ глазахъ достойно поддержанныхъ и возвеличенныхъ. Александръ».

ПАВЕЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЗОТОВЪ,

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРИИ

РОД. 1824 г. † 1879 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 АПРѢЛЯ 1886 Г.

Digitized by Google
ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ

въ 1793—1849 гг.

I.

Объ Иванѣ Никитичѣ Скобелевѣ не разъ уже появлялись замѣтки и статьи на страницахъ «Русской Старины» ¹⁾. Дѣдъ скончавшагося въ 1882 г. героя Плевны, Шейнова и Геокъ-Тепе, былъ самъ, въ своемъ родѣ, человекъ замѣчательный. Поступивъ въ 1793 г., изъ однодворцевъ, въ Оренбургскую пѣшую команду, капраломъ, онъ кончилъ свою карьеру, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, комендантомъ петербургской Петропавловской крѣпости, директоромъ Чесменской военной богадѣлни и шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка.

Боевая служба Ивана Никитича заслуживаетъ полнаго уваженія: онъ участвовалъ въ войнѣ 1806 и 1807 гг. противъ французовъ, въ Финляндской кампаніи 1808 и 1809 гг., въ Турецкой 1810 г.—Рана, полученная имъ во время послѣдней войны, заставила его временно оставить ряды войскъ; но такъ какъ служба была единственнымъ средствомъ его существованія, то онъ опредѣлился въ штатъ с.-петербургской полиціи. Хотя и на этой должности онъ, повидимому, успѣлъ снискать себѣ расположеніе своего начальства, но это не помѣшало ему, при открытіи кампаніи 1812 года, снова вступить въ военную службу.

Съ отличіемъ участвуя какъ въ отечественной войнѣ, такъ и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг., Скобелевъ вернулся изъ Франціи уже въ чинѣ полковника, украшенный Георгіевскимъ крестомъ (за храбрость въ дѣлѣ при Реймсѣ). Произведенный въ 1818 г. въ генераль-

---

¹⁾ См. „Систематическую роспись содержанія „Русск. Стар.“, изд. 1870—1884 гг.“, вышедшую въ 1885 г., и именно №№ 871, 873, 874, 1489 и 2059.

маіоръ, онъ, въ 1821 г., получилъ мѣсто генераль-полиціймейстера 1-й арміи и, въ теченіи послѣдующихъ семи лѣтъ, занимался преимущественно высшимъ соглядатайствомъ. Въ 1828 г. командованію его поручена 3-я пѣх. дивизія, а въ 1831 г. онъ участвовалъ въ Польской кампаніи, изъ которой вернулся съ орденомъ св. Георгія 3-й степ., но безъ лѣвой руки, оторванной у него ядромъ въ дѣлѣ при Минскѣ. Въ 1839 г., послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія, за ранами, въ отставкѣ, онъ снова принятъ на службу въ званіи коменданта петербургской крѣпости и директора Чесменской богадѣльни. Въ этомъ званіи онъ и скончался 19 февраля 1849 года.

Не смотря на многосложныя занятія по службѣ, Иванъ Никитичъ Скобелевъ любилъ заниматься словесностію. Сочиненія его: «Письма русскаго инвалида», — «Вечеръ Чесменскихъ инвалидовъ», — «Кременевъ, русскій солдатъ», въ свое время пользовались извѣстностію; хотя должно полагать, что въ окончательной редакціи они проходили черезъ болѣе опытныхъ литературныхъ руки (Булгарина или Греча?), потому что прямо изъ Скобелевскихъ рукъ выходившія писанія не соответствовали требованіямъ не только изящной, но и никакой словесности. Нѣкоторыя изъ нижеприводимыхъ произведеній, вышедшихъ непосредственно изъ-подъ его пера, доказываютъ это.

Если боевая служба и литературные опыты Ивана Никитича намъ уже знакомы, то есть еще третья сторона его дѣятельности, которая мало или вовсе не была извѣстна — это подвиги въ сферѣ высшаго полицейскаго надзора.

Выше было сказано, что онъ, въ 1818 г., назначенъ генераль-полиціймейстеромъ 1-й арміи. Слѣдовъ его занятій въ этомъ званіи намъ не пришлось встрѣтить; но можно полагать, что службою его на этомъ поприщѣ были довольны, такъ какъ въ 1824 г. мы видимъ его назначеннымъ въ помощники генералу Александру Дмитриевичу Балашову, назначенному генераль-губернаторомъ пяти губерній (Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской). Изъ дѣлъ, въ которыхъ мы нашли нижеприводимыя свидѣтельства о склонности И. Н. Скобелева къ верховному соглядатайству, видно, что онъ принятъ былъ Балашовымъ весьма радушно, пользовался отъ него большимъ довѣріемъ и получалъ отъ него разныя важныя порученія. Все это не помѣшало Ивану Никитичу, въ 1826 г., написать на своего покровителя доносъ, въ которомъ тотъ обвинялся чуть ли не въ противуправительственныхъ замыслахъ. Дѣйствовалъ ли онъ при этомъ изъ своекорыстныхъ побужденій, или изъ одного фанатическаго усердія, подобнаго тому, съ которымъ великій инквизиторъ Торквемада посылалъ еретиковъ на костры, конечно, сказать трудно;

но, повидимому, самому Ивану Никитичу поступокъ его показался нѣсколько зазорнымъ, такъ какъ онъ, въ томъ же доносѣ, всячески старается оправдать себя чувствомъ долга. Насколько оправданія его удачны—предоставляемъ судить читателю.

Нижеприводимыя бумаги писаны, повидимому, всѣ одною рукою, но лишь одна изъ нихъ (послѣдняя) подписана И. Н. Скобелевымъ собственноручно; очевидно только, что всѣ онѣ—произведенія одного и того же автора; доказательствомъ этому служатъ слогъ и манера выражений, равно какъ связь во времени съ прочими, находящимися въ дѣлѣ, собственноручными его бумагами. На чье имя нижеслѣдующія бумаги адресованы—не видно; но изъ этого и другихъ дѣлъ того времени можно съ увѣренностію заключить, что бумаги эти писались генераль-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, на котораго, въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, возложено было завѣдываніе высшею полиціею. На это указываетъ и находящаяся въ семъ дѣлѣ слѣдующая записка Бенкендорфа, указывающая на его непосредственныя сношенія съ Иваномъ Никитичемъ Скобелевымъ:

«Le G-l Scobeleff a été chez moi; il me paraît concevoir on ne peut mieux les attributions et l'importance des commissions dont il est chargé. Il m'a adressé Freigang avec 7 autres de ses employés; j'en aurai soin, et pour le mois de Mai je les enverrai à Moscou. A. Benckendorf».

11 Avril ') (1826 г.?).

Засимъ слѣдуютъ бумаги И. Н. Скобелева:

II.

Апрѣль, 1826 г.

«Повергая въ начальниче вашего превосходительства покровительство коллежскаго совѣтника Фрейганга и всѣхъ добрыхъ сотрудниковъ моихъ, коимъ, по похвальной цѣли и поведенію рвенія, усердія и любви къ престолу преисполненному, не могу дать другаго имени.

‘) Переводъ: Ген. Скобелевъ былъ у меня; кажется, что онъ какъ нельзя лучше понимаетъ свойства и важность порученій, на него возложенныхъ. Онъ рекомендовалъ мнѣ Фрейганга (Андр. Ив.?) и еще 7 другихъ изъ его чиновниковъ; я буду имѣть о нихъ попеченіе и, къ маю мѣсяцу, пошлю ихъ въ Москву.

11 апрѣля.

А. Бенкендорфъ.

Желаю всѣмъ сердцемъ, чтобы полиція, какъ спасательная система монархіи и полезнѣйшій бальзамъ къ излеченію недуговъ ея, воспріяла благія начала въ особѣ вашей. Желаю вмѣстѣ, чтобы чины, въ составъ полиціи поступить имѣющіе, даромъ души и сердца отвѣчали достоинствамъ сей службы въ равномерной цѣнѣ, какую дозналъ я на самомъ опытѣ въ представляемыхъ при семь. Желаю, наконецъ, чтобы, при дѣйствіяхъ ко благу общему возникающей полиціи, добрые, не опасаясь подлой клеветы, спали въ объятіяхъ покоя, а бездѣлники, сосуча трепетать, обращались на путь чести. Достигнувъ сей точки славы, душевная благодарность вѣрныхъ сыновъ Россіи будетъ неразлучнымъ спутникомъ вашимъ и за предѣлы жизни; а до того, слѣдуя уваженія достойному примѣру, въ вашемъ превосходительствѣ вчера мною замѣченному, я, до окончанія коронаціи, буду полицейскимъ, въ полномъ смыслѣ слова, и признаюсь, что вмѣстѣ съ вами вижу въ томъ крайность, обязывающую меня покорнѣе просить объ отправленіи сихъ чиновниковъ въ Москву къ 10 числу будущаго мѣсяца, дабы къ прибытію вашему успѣлъ я, по мѣрѣ возможности, ввести порядокъ, къ предупрежденію зла служить могущій, и познать васъ со всѣмъ тѣмъ, что къ свѣдѣнію вашему будетъ необходимымъ».

---

7 апрѣля 1826 г.

«Если справедливо, что неблагонамѣренные люди (какъ извѣщенъ я), при неудачахъ произвестъ какой либо комеражъ въ столицахъ, обратились къ поселянамъ и партизанютъ, дѣйствуя различными средствами на слабыя понятія сихъ невинныхъ жертвъ, касаясь даже и военного поселенія, то всѣ чаянія мои и опасенія оправдываются, а увѣряющіе въ совершенномъ спокойствіи должны бы краснѣть (разумѣя подъ симъ неопытность).

Все, что прошло, натурально кажется вздоромъ, потому именно, что коварныя предпріятія, удачными противудѣйствіями въ ничто обращенныя, померкли въ минуту рожденія, не оставя по себѣ слѣдовъ; но дѣйствія, врагами дурно произведенныя, не извиняютъ ихъ намѣренія и не должны служить поводомъ къ ослабленію мѣръ; напротивъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ лучше излишество въ оныхъ, нежели недостатокъ.

Устраняя лестъ и оставаясь при своемъ мнѣніи и желаніи благихъ плодовъ, я обязанъ доложить вашему превосходительству, что для общаго блага, до окончанія предстоящей коронаціи, вы не должны прекращать собственнаго дѣйствія вашего по полиціи, и хотя все-

мѣрно полагаются попеченія о низложеніи вашемъ.... благодѣтелями трону,... но любовь и довѣренность всѣхъ военныхъ и отставныхъ, въ службѣ бывшихъ, вручаютъ вамъ тѣ самыя средства, до коихъ достигать другому нуженъ вѣкъ цѣлый; а въ дополненіе откровенно передъ вами признаюсь, что и я, по столь щекотливой обязанности, ни у кого другаго быть не способенъ. И въ такомъ случаѣ, если в. п. найдете нужнымъ оставить чиновниковъ моихъ до окончанія коронаціи, то не угодно ли будетъ приказать о семь Алексѣю Николаевичу (?), дабы я заблаговременно могъ распорядиться раскомандированіемъ ихъ въ губерніи, съ Московою смежныя, — какъ для встрѣчи съ молодцами, съ противной стороны дѣйствующими (если они будутъ рекогносцировать), такъ и для дознанія сущихъ мнѣній народа, въ коемъ вижу необходимую надобность».

14 мая 1826 г.

«На послѣднее повелѣніе в. п., полученное при проѣздѣ черезъ Калугу, касательно Рязанской и прочихъ губерній, я, за неимѣніемъ при себѣ бумагъ удовлетворительно отвѣчать не могу, да и не надѣюсь представить дѣло въ полной мѣрѣ прежде, нежели спишусь съ тѣми людьми, которые за два передъ симъ года были въ виду моемъ готовыми дѣйствовать къ обличенію зла ближайшими свидѣтельствами, и съ коими съ того времени я не только не встрѣчался, но не имѣлъ и переписки. Къ тому же, правители дѣлъ: статскій совѣтникъ Федотовъ и коллежскій Ильинъ, какъ мнѣ извѣстно, послѣ меня почтмейстеромъ явно изобличенные въ лихоимствѣ, по необходимости отъ службы уже удалены,—чѣмъ въ половину справедливость моя и доказана. По возвращеніи въ Козельскъ, поспѣшу на первый случай представить копии съ рапортовъ моихъ объ осмотрѣ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ Тульской губерніи; а на остальное затѣмъ нужно нѣкоторое время.

Впрочемъ, если в. п. изволили доложить государю императору не болѣе, какъ только, что я доносилъ на г. Балашова по части злоупотребленій,—слѣдовательно увлекался однѣми только ябедами,—въ такомъ случаѣ, рано или поздно, мнѣ придется поспѣшить на праведный судъ къ покойному государю, который въ настоящее время, надѣюсь, лучше видитъ, что всѣ мои хлопоты и усилія относились къ одной только цѣли, чтобъ обнаружить преступныя козни враговъ его и уплатить тѣмъ долгъ Отцу и Монарху, изъ сумы меня извлекающему.

Если-бъ я въ Александрѣ Дмитріевичѣ (Балашовѣ) видѣлъ одну только

слабость къ подчиненнымъ и камердинеру, позволяющую безчеловѣчный грабежъ (который имѣлъ я легкую возможность въ свое время обличить, и на что первѣе всего, по обязанности, вызывался собственно его высокопревосходительству), и если-бъ, наконецъ, замѣтилъ даже и въ немъ самомъ склонность къ стяжанію корысти, но ничего болѣе, — въ такомъ случаѣ я, безъ сомнѣнія, умѣлъ бы ограничиться мирнымъ отъ него удаленіемъ, безъ всякой непріязненности, и не далъ бы приза мыслить о себѣ, какъ о ябедникѣ, чѣмъ неминуемо быть долженъ отозвавшійся на защиту угнетеннаго челоуѣчества, не доказавъ ничѣмъ нужной къ сему добродѣтели и не имѣя довѣренности отъ правительства. Прочтя мнѣніе мое о совѣтѣ, вы изволите увидѣть, что написать оное побужденъ я былъ цѣлю г. Балашова далеко важнѣйшею, нежели лихоимство; и вотъ въ чемъ дѣло состояло:

Александръ Дмитріевичъ, во время службы моей по полиціи, въ ничтожномъ быту и чинѣ, на каждомъ шагу оказывалъ мнѣ уваженіе и довѣренность, равную какъ людямъ, далеко меня выспимъ. Александръ Дмитріевичъ и при самомъ началѣ новаго порядка въ Рязанской губерніи, имъ вводимаго, представлялъ меня въ гражданскіе губернаторы, даже и безъ моего согласія, съ тѣмъ именно, чтобы мною, какъ орудіемъ, ему извѣстнымъ, начать благое дѣло. Онъ и впослѣдствіи двукратно просилъ государя императора о прикомандированіи меня, какъ отличнаго и испытанной чести офицера, въ помощь. По прибытіи же къ нему, въ началѣ 1824 года, я видѣлъ всѣ признаки непритворной его радости, каковую удобенъ ощущать отецъ послѣ долговременной разлуки съ милымъ ему сыномъ; назвавъ меня первымъ членомъ высшаго совѣта, въ то же время старался онъ удостоить меня въ отличномъ благорасположеніи и дружбѣ. Послѣ чего, какимъ извергомъ долженъ я быть, рѣшась дѣлать доносъ на возникшія злоупотребленія въ губерніяхъ, ему ввѣренныхъ?

Я не претендую на излишнее, но умоляю ваше превосходительство быть ко мнѣ справедливымъ, поколику я того достоинъ или недостоинъ.

Александръ Дмитріевичъ, желая согрѣть меня у своего сердца, безъ всякой церемоніи, при чтеніи нѣкоторыхъ секретныхъ государю донесеній, въ жару откровенности, объявилъ мнѣ, что цѣль его всегда была упредить мнѣ лестную службу, и что цѣль сія — вмѣстѣ и монаршая. Увлекаясь столь драгоценнымъ мнѣніемъ къ чувствамъ, нѣжнѣйшему сыну свойственнымъ, не могъ я въ одно и то-же время готовить кинжалъ въ грудь благодѣтеля за столь примѣрную любовь, безъ причинъ важнѣйшихъ; но — ополчился, разрѣшилъ себя отъ благодарности и сдѣлался врагомъ, хотя и не опаснымъ, но — признаюсь —

ужаснымъ, узнавъ, что подъ формою новыхъ законовъ кроется намѣреніе его къ ограниченію монаршей власти! Въ Рязани, если изволите припомнить, я намекнулъ вамъ, что государь императоръ на большое разстояніе отъ настоящаго свѣдѣнія касательно приверженности Балашова, и что сей, лестію преисполненный, лицемѣръ, взамѣнъ благодарности помышляетъ далеко о противномъ, а посему и службу мою при немъ считалъ я уже непрочною.

Бесѣдуа однажды съ нимъ о новыхъ законахъ, осмѣлился я, въ противорѣчіе довольно мрачно изложенной статьи, сказать свое мнѣніе, что лучший способъ—придерживаться точному смыслу безсмертнаго учрежденія о губерніяхъ государыни Екатерины. «Конечно, такъ, любезный Иванъ Никитичъ, отвѣчалъ онъ; но народное просвѣщеніе настоящаго времени требуетъ мѣръ иныхъ; теперь къ тому уже идетъ, да чего и желать надобно, чтобы мы шагъ за шагомъ сближались, оставляя за собою мишурные, къ кореннымъ отечественнымъ законамъ, каковыя приняты въ одной только благословенной Англіи!» Вслѣдъ за симъ распространился онъ разсказомъ о силѣ существующихъ тамъ постановленій, приводя въ резонъ, какъ могу упомянуть, процессію при погребеніи королевы, обращенную гласомъ народа, вопреки распоряженію короля и правительства, съ окольнаго пути на прямую дорогу, мимо самаго дворца лежащую, и пр., и пр. Послѣ сего мнѣ немудрено уже было замѣтить и утвердиться въ мнѣніи, что система сія скроена на всѣ фигуры, его окружающія, и что разговоръ о совѣтахъ расположенъ въ родѣ образчиковъ, по методѣ парламентовъ!

Желаніе сдѣлать, при подобномъ разговорѣ, кого нибудь посредникомъ изъ постороннихъ лицъ предписывала мнѣ скромность, и для сего единственно долго принужденъ я былъ вмѣстѣ съ ними улыбаться будущему благу; но, наконецъ, мнѣ нѣсколько и удалось. Однажды, зашедь къ генераль-маіору Ушакову, склонилъ я его обѣдать у Балашова и, въ продолженіи стола, направля разговоръ на цѣль свою, въ видѣ ноты, Ушакову уже знакомой, непримѣтнымъ образомъ возбудилъ я жаръ патріотизма, и его высокопревосходительство, разразясь похвалами англійскимъ законамъ, коснулся всѣхъ тѣхъ ограниченій, или—что справедливѣе—той узды, въ коей народъ буйный держитъ своего монарха! Послѣ обѣда, чтобъ болѣе имѣть причинъ извинить себя за явную войну, коей планъ былъ врѣзанъ въ душу мою, противу человѣка, столь много покровительствовать мнѣ желавшаго, я отправился къ Ушакову на квартиру и, поздравя его съ пріобрѣтеніемъ мнѣнія вельможи, болѣе трехъ милліоновъ людей въ командѣ своей имѣющаго, нашелъ, что хоти

г. Ушаковъ едва и вполонину постигъ мысль, столь мало въ довѣренной особѣ ожидаемую, но признался, что слушалъ оную не безъ удивленія.

Теперь, чтобы извинить меня за неблагодарность и уволить отъ имени ябедника, вашему превосходительству стоитъ спросить г. Ушакова и, если онъ, сохраняя въ памяти своей случай, подтвердить справедливость, мною изложенную, тогда останется видѣть то только, что Александръ Дмитріевичъ и Александръ Первый въ душѣ моей не были одно и то-же; между ими вмкалась святая вѣра, долгъ чести и на вѣрность въ лицѣ богопроизнесенная клятва. Ко всему въ дополненіе Александръ Дмитр., явя въ себѣ врага деспотическому (по словамъ его) правленію, слѣдовательно—лицу монарха, съ избыткомъ знать долженъ, что чувства блуднаго подданнаго, отъ лица закона пощаду злодѣянію дарующаго, за цѣну добродѣтели, осужденной оплакивать покищенную невинность, никогда не могутъ быть удѣломъ рожденнаго подъ тяжесть короны!

Не буду оснаривать, что я, имѣя въ виду явный, въ столь неравной борьбѣ, проигрышъ, увлекшись приверженностію къ монарху, какъ и в. п. извѣстно, неограниченными милостями къ священному имени своему меня приковавшему, далъ поводъ Александру Дмитріевичу думать о себѣ дурно. Но и на сей разъ мнѣ останется попросить разрѣшенія, въ какомъ отношеніи долженъ быть прямой подданный къ законному своему монарху, чтобы онъ, соблюдая священный долгъ вѣрности, могъ избѣжать имя подлага ябедника?

Зналъ всегда и знаю нынѣ мѣру грозящихъ мнѣ бѣдъ; но не менѣе вѣдаю, что смерть неизбежна и что встрѣтитъ оную на дѣлѣ правомъ—счастливейшей финаль жизни!!—А потому безъ трепета присоединяюсь къ бумагѣ сей; голова и рука...

Сравнивая духъ и слогъ этого письма съ напечатанными въ „Русской Старинѣ“ (1881 г., т. XXX) безъимянными доносами на князя А. Н. Голицына, А. А. Закревскаго, гр. Мордвинова и др., принявъ во вниманіе, что написано оно въ томъ же 1826 г., мы приходимъ къ убѣжденію, что все это суть издѣлія одного и того же пера. Результатъ этихъ донесовъ былъ однако неблагопріятенъ для ихъ автора; слухи о нихъ (какъ можно заключить изъ нижеприводимаго письма И. Н. Скобелева), достигли, повидимому, до обнесенныхъ имъ лицъ, и, конечно, возбудили противъ него негодованіе людей, игравшихъ въ то время важную роль: Иванъ Никитичъ, сознавая, что ему можетъ прійтись плохо, пишетъ, вѣроятно тому же А. Х. Бенкендорфу слѣдующее:

15 мая 1826 г.

«В. п. м. г., завлекшись усердіемъ и откровенностію, сколько священнымъ долгомъ, а не менѣе и вами изъ души моей исторгнутыми,—вижу, что въ ретирадѣ была бы потеря правительству, безъ всякой для меня пользы, и потому, довершивъ симъ послѣднимъ донесеніемъ остальной путь мой и не надѣясь устоять противъ силы враговъ, въ столь великомъ числѣ возстать на меня должествующихъ, я закрылъ глаза... пусть стрѣляютъ! Надежда, что смерть соединитъ меня съ Сусанинымъ, лстить необразованному моему понятію.

Вѣсть грустную, что на меня опять подулъ сѣверный вѣтеръ, могъ бы я принять легче, если-бъ зналъ, что ваше превосходительство, какъ виновникъ мгновенной ко мнѣ довѣренности, не встрѣтили за облагодѣтельствованнаго вами страдальца какого либо неудовольствія, и это одно, что въ особенности поражаетъ душу, какъ собственность вашу, во мнѣ обитающую; къ прочему-жъ затѣмъ, во времена, столь для добра и зла равномѣрно мрачныя, я равнодушень.

Борьба у добродѣтели съ преступнымъ нечестіемъ (какъ полагаютъ нейтральные люди) долго еще не окончится; при каковомъ порядкѣ вещей, молитвы вѣрныхъ и явно уже слышны объ одномъ только, чтобъ надежныя подпоры трона, не бывъ подточены червями, сохранили свою прочность; а о мелочи говорить нечего: волна времени каждаго принесетъ къ цѣли, склонности его обнаружить могущей; и не здѣсь, такъ за границей сей суетной жизни, но добрымъ добро будетъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Москву, я слушалъ, но не произнесъ слова, и выѣхалъ, гордясь столь похвальною скромностію, которая если и была нѣсколько нарушена къ лицу людей (изъ коихъ, правда, нѣкоторые служатъ въ моск. полиціи), но въ такой степени, которая, при направленіяхъ къ предметамъ и ободреніяхъ къ обязанностямъ, необходима, и... при всемъ томъ злорада свое взяла.

Смѣю увѣрить в. п., что я преслѣдуюсь подобно преступнику и ни одного письма не получаю иначе, какъ перепечатанное. Не хочу искать причины столь усильнаго ко мнѣ подозрѣнія, ниже источника, оное породившаго; но признаюсь, что гнѣвъ незаслуженной и дѣло Парлогова (?) остановили меня на точкѣ, непонятными чрезвычайностями окруженной. Не смѣю распространяться замѣчаніями, но позволяю себѣ доложить, что Парлоговъ или солгалъ, желая выслужиться, или секретъ, толикой важности заслуживающій, просто продалъ, но отнюдь не менѣе содѣлалъ его непроницаемымъ.

Какъ бы то ни было, а страхъ его, въ первомъ письмѣ, рѣшительно напрасенъ; всѣ козни, какъ видно, прячутся опять подъ прежній покровъ и не выступаютъ, доколѣ вновь созрѣютъ, или отъ тѣсноты предѣловъ своихъ задохнутся.

Меня жестоко мучить Пашковскій, въ обязанности секретаря бывшій: не передалъ ли онъ (оставшись за службу незаплоченъ) содержанія извѣстнаго кондукта, и не съ той ли стороны поведена на меня атака? Впрочемъ, Богъ, государь и ваша справедливость остаются еще мнѣ къ отрадѣ; я не виноватъ, что сіи аристархи, льстятся давать законы, вознеслись превыше Богомъ для сего опредѣленнаго.

Поручая себя спасительному мнѣ покровительству и справедливости, пребыть счастье имѣю и проч. Иванъ Скобелевъ¹⁾.

Дѣло обошлось благополучно для Ивана Никитича. Какъ ни были сильны нажитые имъ себѣ враги,—лбеды и доносы его не могли заставить забыть прежнихъ его военныхъ заслугъ и помѣшать окончанію карьеры въ высокихъ чинахъ и на почетномъ мѣстѣ.

---

¹ Какъ образецъ грамотности Ивана Никитича Скобелева приводимъ нѣсколько строкъ этого письма съ сохраненіемъ орфографіи подлинника:

„Ваше Превосходительство Милостивой Государь Завлекшись усердіемъ и откровенностію, сколько священнымъ долгомъ, а нѣменѣе и вами издуши моею исторгнутыми, — вижу, что вретираде было-бы потеря правительству, безвсякой для мѣня пользы; и потому, довршивъ симъ последнимъ донѣсеніемъ остальной путь мой и не надѣясь устоять противъ силы враговъ, встоль великомъ числе возстать на мѣня долженствующихъ, я закрылъ глаза... пусть стреляютъ!—Надежда, что смѣрть соединитъ мѣня съ Сусанинымъ льститъ необразованному моему понятію.

„Вестъ грустную, что на мѣня апать подулъ сѣверной вѣтръ, могбы я принять лехче, еслибъ зная, что ваше пр-во, какъ виновникъ мгновенной конне доврренности, не встретилъ за благодетелствованнаго вами страдальца какого либо неудовольствія; и это одно, что вособенности поражаетъ душу, какъ собствѣнность вашу, вомне обитающую;—впротчемужъ затемъ, во времена, столь для добра и зла равномерно врачные, я равнодушенъ“, и проч.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КАЗАРСКІЙ.

Послѣдніе дни его жизни,

іюнь 1833 г.

Въ іюльской книгѣ журнала «Русская Старина» изд. 1886 г. напечатанъ разсказъ г-жи Елизаветы Фаренниковой о смерти флигель-адъютанта А. И. Казарскаго, слышанный ею отъ покойной ея матушки. Считаю необходимымъ, по подлинному слѣдственному дѣлу, изложить печальную исторію кончины доблестнаго моряка.

А. И. Казарскій заболѣлъ въ г. Николаевѣ 2-го іюня 1833 года воспаленіемъ легкихъ, а 9-го слегъ. Всѣ наличныя медицинскія силы черноморскаго флота собрались къ постели больнаго; но Богу не угодно было продлить дни человѣка, прославившаго русскій флотъ и стяжавшаго себѣ подвигомъ своимъ безсмертную славу: окруженный попеченіями врачей, друзей и высшихъ начальниковъ, онъ, на пятнадцатый день отъ начала болѣзни, (16-го іюня), въ 7 часовъ вечера скончался. На другой день тѣло его, вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, стало быстро разлагаться. Это дало поводъ дальнему родственнику покойнаго, «чиновнику не у дѣлъ» 7-го класса, Охоцкому, заподозрить признаки неестественной смерти. Николаевскій 1-й гильдіи купецъ Кореневъ сочинилъ клеветный доносъ, аудиторъ 10-го класса, Рубанъ, придавъ ему литературную аудиторскую форму; писарь Фирсовъ переписалъ и авторъ вручилъ рукопись жандармскому полковнику Гофману, съ приобщеніемъ письма деньщика Казарскаго къ своему благопріятелю, наводящаго нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ смерти его барина. Рукопись воздѣйствовала.

Вслѣдствіе дошедшихъ до правительства слуховъ о насильственной смерти фл.-ад. Казарскаго, была назначена, по высочайшему повелѣ-

нію, слѣдственная коммисія, подъ предсѣдательствомъ начальника штаба черноморскаго флота и портовъ, изъ членовъ—флигель-адъютанта Миллера и помощника флота, генераль-штабъ доктора Ланга.

Въ доносѣ, составленномъ Рубаномъ и переданномъ для руководства коммисіи, значилось:

Будто бы дядя покойнаго флигель-адъютанта, Мацкевичъ, умирая, оставилъ ему въ наслѣдство шкатулку, въ которой находилось 70,000, но шкатулка эта при смерти Мацкевича была разграблена и Казарскій, будто бы, говаривалъ, что онъ постарается открыть виновныхъ, и это подаетъ поводъ полагать, что эти угрозы понудили враговъ его принять насильственные мѣры. Будто бы лечившему его доктору Петрушевскому покойный сказывалъ, что онъ отравленъ, что кто былъ при погребеніи Казарскаго—нисколько не усумнится въ его отравленіи, потому что тѣло его было черно, какъ уголь, и т. п., и что подробныя показанія о семь происшествіи могутъ дать Охоцкій, купецъ Кореневъ и приставъ Лазаревичъ.

Коммисіи предоставлено было, если она найдетъ нужнымъ, вскрыть даже тѣло Казарскаго.

Коммисія энергически приступила къ дѣлу 9-го ноября 1833 г. и кончила 16-го того же мѣсяца. Въ первомъ своемъ засѣданіи она постановила:

1) Отобрать свѣдѣнія отъ находящихся въ Николаевѣ родственниковъ покойнаго: о времени начала и продолженія болѣзни, о замѣченныхъ ими припадкахъ и отзывахъ самого покойнаго во время оной, о сомнѣніи ихъ на счетъ неестественной смерти, если они таковыя имѣли или имѣютъ, и о доводахъ, на коихъ они свое сомнѣніе утверждаютъ, о принятыхъ ими мѣрахъ къ пользованію, о лицахъ, пользовавшихся болѣзнью, объ аптекахъ, откуда братья лѣкарства, о людяхъ, кто за ними ходилъ, о людяхъ, кои при покойномъ находились во время болѣзни и по смерти до погребенія, объ обмывальщицѣ тѣла, о времени и мѣстѣ погребенія тѣла, о лицахъ, посѣщавшихъ покойнаго во время болѣзни.

2) Подъ присягою и священническимъ увѣщаніемъ допросить деньщика покойнаго: гдѣ Казарскій въ тотъ день былъ, когда началъ страдать болѣзнью, въ какое время и отъ кого пришелъ домой, какія чувствовалъ тогда припадки, не объявлялъ ли ему чего о причинѣ своей болѣзни, не ходилъ ли послѣ того куда или къ кому изъ квартиры, не произносилъ ли во время болѣзни какихъ жалобъ, не было ли въ прислугѣ, во время болѣзни, какихъ постороннихъ людей?

3) Отъ посѣщавшихъ Казарскаго во время болѣзни знакомыхъ его

взять свѣдѣніе, не объявлялъ ли онъ имъ какого подозрѣнія на счетъ своей болѣзни и не было ли слуховъ объ отравленіи?

4) Истребовать, посредствомъ вопросныхъ пунктовъ, отъ штабъ-лѣкаря Петрушевскаго, который состоялъ съ покойнымъ въ дружескихъ связяхъ и лѣчилъ его во время болѣзни, историческое описаніе болѣзни, съ означеніемъ употреблявшихся врачебныхъ пособій, образа жизни, предшествовавшаго болѣзни, послѣдствій во время лѣченія и въ особенности тѣхъ признаковъ, кои очевидны были, какъ во время болѣзненнаго состоянія, такъ и по смерти, и отобразить при томъ отъ него свѣдѣнія: когда именно приходилъ къ нему Казарскій просить о помощи и не говорилъ ли объ отравленіи? При обыкновенномъ спросѣ о причинѣ болѣзни, не объявлялъ ли Казарскій, гдѣ онъ въ тотъ день былъ, когда почувствовалъ болѣзнь, и тогдашнемъ употребленіи пищи? Не было ли тогда въ самомъ дѣлѣ признаковъ, похожихъ на отравленіе? Приглашалъ ли онъ, Петрушевскій, кого изъ медицинскихъ чиновниковъ къ совѣщанію? Сдѣлалъ ли онъ консиліумъ со старшими докторами и при обнаруженіи точныхъ причинъ болѣзни, почему не сдѣлалъ анатомированія? Какія и въ какое теченіе времени оказались на тѣлѣ Казарскаго поврежденія?

5) Разсмотрѣть въ аптекахъ всѣ рецепты лѣкарствъ, коими былъ пользованъ Казарскій.

6) Отъ священника, исполнявшаго при Казарскомъ духовныя обязанности, потребовать отзывъ, въ какомъ онъ состояніи видѣлъ Казарскаго предъ смертію и послѣ оной.

Родственникъ флигель-адъютанта Казарскаго, чиновникъ не у дѣлъ 7-го класса, Охоцкій, показалъ:

Флигель-адъютантъ Казарскій заболѣлъ въ квартирѣ при рестораціи Романовскаго 9-го числа іюня, жаловался Охоцкому на боль въ груди и при немъ уѣхалъ къ доктору Петрушевскому. На другой день Охоцкій навѣстилъ его и засталъ принимающимъ лѣкарство. Больной сказалъ ему, что у него воспаленіе въ груди и въ лѣвомъ боку. Грудь его была въ ранахъ отъ піявокъ. Лѣченіе продолжалъ докторъ Петрушевскій. 15-го іюня Казарскій перевезенъ былъ въ домъ Охоцкаго, гдѣ на другой день, въ 7 часовъ пополудни, скончался. Свидѣтелю Казарскій о причинѣ своей болѣзни не говорилъ, жаловался только, когда 13-го іюня, послѣ ванны, ему было сдѣлано кровопусканіе и положена мушка, «что убили меня здѣсь, убили, даромъ убили». Не смотря на просьбы свидѣтеля пригласить другихъ медицинскихъ чиновниковъ, докторъ Петрушевскій не соглашался, сообщилъ только доктору Врачко объ опасной болѣзни Казарскаго и просилъ о прикомандированіи двухъ фельдшеровъ. 14-го іюня былъ консиліумъ, состоявшій изъ врачей

Петрушевскаго, Врачко и Пѣвницкаго. Лѣкарства брали изъ вольныхъ аптекъ, посылалъ за ними самъ Петрушевскій. Тѣло сильно разложилось, «осталось малое подобіе образа человѣческаго». Во время отпѣванья свидѣтель обратился къ коменданту генераль-маіору Федорову съ просьбой объ освидѣтельствованіи тѣла «отъ какой болѣзни или лѣкарствъ могли послѣдовать таковыя необыкновенныя знаки»? Комендантъ отозвался, что при докладѣ имъ г. адмиралу Грейгу объ анатомированіи—отказано, «потому что нѣтъ закона бывшихъ больными болѣе трехъ дней анатомировать».

Деньщикъ Казарскаго, матросъ Василій Борисовъ, показалъ:

Гдѣ былъ въ день начала болѣзни фл.-ад. Казарскій—онъ не знаетъ. Приѣхалъ онъ домой въ четвертомъ часу послѣ обѣда, чувствовалъ боль въ плечѣ и рукѣ, на которую и жаловался, и въ шестомъ часу поѣхалъ къ доктору Петрушевскому «для полученія помощи, не принося ни на кого жалобъ по предмету болѣзни». Во время болѣзни, кромѣ медицинскихъ чиновниковъ и родственниковъ, наиболѣе навѣщали покойнаго адъютантъ адмирала Грейга, кап.-лейт. Кузнецовъ, и отставной полковникъ Скоробелли. Былъ также одинъ разъ, въ началѣ болѣзни, комендантъ города, ген.-маіоръ Федоровъ и въ послѣдніе два дня адмиралъ Грейгъ. Больной страдалъ лѣвымъ плечомъ и бокомъ, чувствовалъ колотье. Въ этихъ припадкахъ ему ставили на лѣвый бокъ пиявки, два раза пускали кровь изъ руки и между плечъ была положена шпанская мушка. Свидѣтель находился при обмываніи тѣла покойнаго, которое не представляло никакихъ знаковъ измѣненія; во время же похоронъ, на третій день, оно сильно измѣнилось. О неестественной смерти Казарскаго онъ ничего не знаетъ, никто ему о томъ не говорилъ и ни отъ кого онъ не слышалъ, кромѣ словъ, произнесенныхъ самимъ Казарскимъ за три дня до смерти. Послѣ принятой имъ по утру ванны онъ потребовалъ бѣлье и образъ Спасителя и сказалъ: «Богъ меня спасалъ въ большихъ опасностяхъ, а теперь убили вотъ гдѣ, неизвѣстно за что». Свидѣтелю было предъявлено письмо, писанное имъ къ деньщику кап.-лейтенанта Веселаго, слѣдующаго содержанія:

«Изъ глубины моего сердца, любезный другъ Петръ Ивановичъ, увѣдомляю васъ объ своемъ несчастіи, что которая вамъ уже давно извѣсна, а меня оставляютъ въ г. Николаевѣ, то прошу васъ попросите сваво барина Осипа Ивановича, чтобы онъ меня потребовалъ, а то никакимъ случаемъ не могу болѣе кого просить, для того меня не отпускаютъ, что баринъ померъ коротка и того что мнѣ приязывалъ при последнемъ концѣ своей смерти, для того меня не отпускаютъ, боятца, чтобы я не разсказалъ чего нибуть».

Поставленъ вопросный пунктъ: «Что именно Казарскій приказывалъ при концѣ жизни?»

Свидѣтель отвѣчалъ, что это письмо, по безграмотству его, писано вѣстовымъ 33 экип. безъ всякаго намѣренія, объ опасеніяхъ и свѣдѣніяхъ на счетъ смерти и приказанія Казарскаго, «ибо Казарскій при концѣ смерти» ему ничего не приказывалъ.

Николаевского морскаго госпиталя штабъ-лѣкаръ Петрушевскій показалъ:

«Флигель-адъютантъ Казарскій 27-го іюня жаловался ему, что онъ страдаетъ болью въ груди. 31-го числа былъ у него съ полковникомъ Скоробелли въ банѣ, а 9-го іюня пріѣхалъ къ нему и объявилъ, что Одесское мороженое надѣлало ему бѣды, и просилъ медицинской помощи. Онъ жаловался на усталость, на острую колику и боль въ груди, чувствовалъ то ознобъ, то жаръ, дыханіе имѣлъ трудное. 10-го іюня онъ нашелъ больного лежащимъ въ постели. Для отвращенія воспалительнаго состоянія было поставлено на грудь 20 пиявокъ и назначены прохлаждающія лѣкарства. Въ послѣднее время открыта была кровь изъ обѣихъ рукъ и положена между лопатками шпанская мушка. Но всѣ эти способы оставались тщетными».

На вопросъ, не говорилъ ли Казарскій объ отравленіи его ядомъ, свидѣтель отвѣчалъ:

«9-го іюня Казарскій говорилъ, что въ этотъ день онъ обѣдалъ у г. Тулубева, много ѣлъ и пилъ и оттого чувствуетъ себя хуже. Объ отравленіи ни до, ни во время болѣзни ничего не говорилъ; но, живя въ трактирѣ, имѣлъ сомнѣніе и недоувѣрчивость ко всѣмъ, говоря: «я боюсь, чтобы меня здѣсь не отравили». На консиліумѣ врачи заключили, что покойный былъ одержимъ воспаленіемъ въ груди (пнеумонія), сомнительныхъ признаковъ отравленія никто не видѣлъ, а потому и анатомированія произведено не было. Послѣ свидѣтель слышалъ разговоры Охоцкаго объ отравленіи ядомъ Казарскаго, но не могъ съ нимъ согласиться, не имѣя никакаго къ сему повода, и никому о неестественной смерти покойнаго не сообщалъ».

Коммиссія даетъ доктору слѣдующій вопросъ:

«Не рассказывалъ-ли онъ кому нибудь, что Казарскій, пріѣхавши къ нему просить о помощи, объявилъ, что послѣ обѣда въ тотъ день у вдовы капитанъ-командора Михайлова, выпивши кофе, чувствуетъ въ себѣ дѣйствіе яда, и, сидя у него на крыльцѣ, безпрестанно плевалъ, и пятна, сдѣлавшіяся оттого на полу, были впоследствии вымываемы три раза, но остались черными, и что когда онъ посѣтилъ его и нашелъ въ постелѣ, то больной бросился къ зеркалу и, осматривая у себя зубы, ротъ и пальцы, повторялъ: «такъ, такъ, во мнѣ ядъ!»

Спасайте меня и требуйте въ вознагражденіе что вамъ угодно, я все имѣю отъ всемилостивѣйшаго государя, мнѣ нужно пожить».

Докторъ отвѣчалъ, что онъ ни о вдовѣ Михайловой, ни о случаѣ съ кофе отъ Казарскаго не слыхалъ и никому о томъ не рассказывалъ, равно не рассказывалъ никому и того, что Казарскій, сидя у него на крыльцѣ, безпрестанно плевалъ и что пятна, оставшіяся отъ того на полу, были вымываемы три раза и остались черными. Когда же Охоцкій недавно ему рассказывалъ, что онъ имѣетъ сомнѣніе объ отравленіи Казарскаго, то онъ ему сказалъ: я этого не замѣтилъ, а замѣтилъ одинъ разъ, что пятна на галлерей оставались долго послѣ того, какъ въ первый разъ былъ у него Казарскій, но этого онъ не можетъ назвать признакомъ яда. А дѣйствительно: на второй день посѣщенія имъ Казарскаго больной вставалъ къ зеркалу, смотрѣлъ на языкъ, на ногти; но это была его всегдашняя привычка и когда онъ спрашивалъ, для чего онъ это дѣлаетъ, паціентъ отвѣчалъ: я такъ хочу. О ядѣ же никогда ничего не говорилъ, просилъ только, чтобы дѣлать ему пособіе рѣшительно. Объ отравленіи его онъ тоже не объявлялъ, чего и онъ, докторъ, никому не рассказывалъ.

Далѣе изъ показаній доктора видно, что, за день до смерти, Казарскій отдалъ ему ключи отъ чемодана и отъ шкатулки, также часы, лежавшіе во время болѣзни на столѣ, которые, по смерти, сданы имъ въ комиссію, производившую опись имущества. Другихъ распоряженій объ имѣніи своемъ онъ не дѣлалъ. При посѣщеніи больного адмираломъ Грейгомъ, докторъ присутствовалъ два раза и оба раза больной ничего не говорилъ адмиралу о своей болѣзни и сомнѣніи отравить его. Посѣщалъ его также генераль-адъютантъ Колзаковъ, которому онъ говорилъ, что послѣ пиваокъ чувствуетъ облегченіе и надеется черезъ недѣлю быть въ Севастополѣ. Въ продолженіи болѣзни «Казарскій былъ всегда въ такомъ сомнѣніи», что когда подавали ему чай и два раза бульонъ изъ трактира, то онъ не употреблялъ его до тѣхъ поръ, пока самъ докторъ не попробуетъ, и онъ долженъ былъ ходить въ кухню приказывать хозяйкѣ самой готовить бульонъ, самъ приносилъ его и въ присутствіи больного пробовалъ.

Докторъ Пѣвницкій показалъ, что Казарскій говорилъ ему при докторѣ Петрушевскомъ, что онъ, послѣ сильнаго дождя, случившагося за нѣсколько дней до его болѣзни, бывши въ большомъ поту, прохаживался по бульвару, и съ того времени началъ чувствовать боль. Болѣзнь была, по мнѣнію врача,—воспаденіе легкихъ.

Старшій докторъ морскихъ госпиталей Врачко показалъ, что онъ навѣщалъ больного, который о подозрѣніи въ отравленіи себя ничего ему не говорилъ, да и онъ ни малѣйшаго признака отравленія на

больномъ не замѣтилъ. Способъ леченія больного докторомъ Петрушевскимъ призналъ рациональнымъ и по смерти рапортовалъ по начальству, что «флигель-адъютантъ Казарскій умеръ отъ нервной горячки, яко послѣдствіи прошедшей воспалительной болѣзни».

Старшій докторъ Николаевскаго морскаго госпиталя Лѣтниковскій показалъ согласно съ своими коллегами.

Коммиссія снова позвала чиновника не у дѣль 7-го класса Охоцкаго и опросила его—на кого онъ имѣеть подозрѣніе и догадки въ отравленіи Казарскаго?

Свидѣтель отвѣчалъ, что «въ особенности ни на кого не имѣеть; но купецъ Кореневъ ему рассказывалъ, въ присутствіи аудитора Рубана, которому Петрушевскій говорилъ, что Казарскій отравленъ въ домѣ Тулубьева, и въ доказательство ставилъ пятна на полу. Говорилъ это Петрушевскій при бывшемъ у Рубана мичманѣ Ботовѣ».

Купецъ Кореневъ показалъ, что онъ объ отравленіи Казарскаго слышалъ отъ Рубана. Рубанъ написалъ доносъ, а онъ, Кореневъ, подалъ его жандармскому полковнику Гофману, по его, полковника, просьбѣ.

Отъ аптекаря Скорикова коммиссія вытребовала шестнадцать за-свидѣтельствованныхъ копій съ рецептовъ, прописанныхъ для Казарскаго докторомъ Петрушевскимъ. Помощникъ генераль-штабъ-доктора Лангъ нашель, что рецепты прописаны по правиламъ рецептуры и содержать въ себѣ средства противувоспалительныя.

Протоіерей Волошинскій, напутствовавшій покойнаго, за нѣсколько часовъ до его смерти, св. Тайнами, показалъ, что во время отпѣванія на покойникѣ не было «подобія человѣческаго». О неестественности смерти ничего не слыхалъ.

Комендантъ г. Николаева, ген.-маіоръ Ѳedorовъ, отнесся въ комиссію, что онъ прибылъ въ квартиру Казарскаго тотчасъ послѣ его смерти, засталъ тамъ многихъ посѣтителей, въ томъ числѣ чиновника Охоцкаго и штабъ-лѣкаря Петрушевскаго. На вопросъ: «не должно ли тѣло обозрѣть анатомически?» докторъ отвѣчалъ: «трупы вскрываются въ такихъ только случаяхъ, когда больной не былъ въ лѣченіи у медиковъ или же умеръ скоропостижно», и, вынувъ изъ боковаго кармана журналъ о болѣзни Казарскаго, сказалъ, что онъ будетъ доставленъ по командѣ. Чиновникъ Охоцкій просилъ объ опечатаніи бумагъ покойнаго, что было сейчасъ-же исполнено. Объ анатомированіи тѣла Охоцкій его не только не просилъ, но и не напоминалъ, и если бы представлялся малѣйшій поводъ ко вскрытію—это и безъ Охоцкаго было бы исполнено. Во время болѣзни комендантъ посѣщалъ

покойнаго «вмѣстѣ съ другими особами, особеннымъ дружествомъ его почтенными».

Предсталъ передъ лицомъ комисіи чиновникъ Рубанъ, главный виновникъ всего этого слѣдствія. Ему разсказаль докторъ Петрушевскій о смерти Казарскаго почти дословно все то, что написано въ его показаніи ¹⁾. Онъ этотъ разсказъ, «безъ всякаго намѣренія», передалъ купцу Кореневу, съ своими соображеніями, а тотъ родственнику Казарскаго—чиновнику Охоцкому.

Комисія задаетъ ему вопросъ: «составлялъ ли онъ записку для Коренева о неестественности смерти Казарскаго и при составленіи оной какими убѣжденіями и доводами руководствовался?» При чемъ самую записку предложено ему представить на усмотрѣніе комисіи.

Онъ, по просьбѣ купца Коренева, написалъ разсказъ Петрушевскаго «въ нѣсколькихъ строкахъ» и отдалъ ему. Для чего Кореневу нужна была эта записка—онъ не знаетъ. Записка эта впослѣдствіи была возвращена ему обратно и имъ «порвана, какъ не нужная». «Въ запискѣ сей помѣщены были еще нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшіяся по слухамъ и общей народной молвѣ, ходившей по городу».

Комисія задаетъ еще вопросъ: «почему, получивъ свѣдѣнія о неестественной смерти Казарскаго, онъ не объявилъ тогда же правительству?»

«Объявленія правительству будто-бы о неестественной смерти онъ не сдѣлалъ потому, что не могъ ничего представить въ доказательство».

Фельдшеръ, находившійся при больномъ, показаль, что онъ не могъ вставать съ постели, кашляль, о причинахъ болѣзни и о самомъ существѣ оной онъ ни отъ кого не слыхаль.

Обмывавшіе тѣло матросы показали, что «во время таковаго обмыванія лицо и тѣло Казарскаго были бѣлы и чисты, безъ всякихъ знаковъ измѣненія, кромѣ небольшихъ пятенъ на груди отъ припущенія пивовокъ».

Частный приставъ, титулярный совѣтникъ Лазаревичъ, показаль:

«Слыхаль отъ Охоцкаго. Онъ говорилъ сими словами: «какъ онъ скоро испортился до такой степени, что ему сильно повредило глаза, и быть не можетъ, чтобы онъ умеръ своею смертію. Самая же сія молва происходила тогда и въ народѣ. Объ отравленіи же, чтобы кто сіе сдѣлалъ преступленіе, онъ не слыхаль, и ежели бы обстоятельство сіе какъ либо ему было извѣстно, то онъ-бы, по обязап-

¹⁾ См. выше показаніе доктора Петрушевскаго.

ности своей, тотчасъ-же донесъ по начальству. О разсказѣ и слухахъ онъ не доносилъ по начальству потому, что слухи сіи неизвѣрные и разсказы были громко говорены и никто на нихъ никакого вниманія не обращалъ, слѣдственно и онъ, какъ ни есть старшій чиновникъ въ полиціи, молчалъ. Между прочимъ, купецъ Кореневъ ему говорилъ, что если коменданту угодно будетъ открыть причину смерти Казарскаго, то въ этомъ нѣтъ никакой трудности: стоитъ только призвать въ домъ его какихъ-то двухъ женщинъ, которыя приносили въ домъ генерала Тулубьева ядъ, и чрезъ тѣхъ женщинъ можетъ все открыться».

Впослѣдствіи приставъ отъ этого показанія отрекся и сказалъ, что онъ отъ Коренева ничего не слыхалъ.

Записку о неестественной смерти Казарскаго, составленную Рубаномъ, переписывалъ писарь Фирсовъ. Онъ показалъ: «всѣхъ обстоятельствъ, какія въ ней были изложены, онъ не помнитъ; помнитъ только, что Казарскій, бывши въ какомъ-то домѣ, плевалъ на полъ, такъ что пятна, хотя ихъ и вытирали, были замѣтны на полу. Когда же тѣло Казарскаго находилось въ гробѣ, то видѣли нѣкоторые люди, въ той запискѣ означенные, которыхъ онъ не упомнитъ, что волоса на головѣ облѣзли и были по тѣлу пятна. Переписывалъ онъ записку въ домѣ Коренева, въ особой комнатѣ, въ которой находились Рубанъ и самъ Кореневъ».

Кореневу предложили такой вопросъ: «говорилъ ли онъ приставу Лазаревичу о какихъ-то женщинахъ, приносившихъ ядъ въ домъ ген. Тулубьева?»

Свидѣтель отрекся. «Я сего не говорилъ и ни отъ кого не слыхалъ».

Чиновника Охоцкаго спросили: «такъ какъ комендантъ ген.-маіоръ Оедоровъ отозвался, что свидѣтель ему ничего не говорилъ объ анатомированіи тѣла покойнаго, то можетъ ли онъ доказать противное?»

Охоцкій отвѣчалъ:

«Это было такъ, какъ объяснилъ комендантъ».

Коммисія потребовала отъ него объясненія о родственныхъ его отношеніяхъ къ покойному Казарскому и получила слѣдующее:

«Я имѣю пояснить, что я Казарскому есть родственникъ дальній, такъ что я былъ женатъ напервѣе на дочери каватнаго мастера Астапова, Меланіи Захарьевой, мать коей Настасья была по женскому происхожденію племянницей Василью Семенову Казарскому, а сей двоюроднымъ дядей покойному флигель-адъютанту Александру и брату его Николаю Казарскимъ. Чиновникъ, находящійся не удѣль, 7-го класса, Василій Охоцкій».

Далѣе коммисія сочла нужнымъ вторично обратиться къ комен-

данту и спросить его: «въ какомъ состояніи и измѣненіи находилось тѣло и лицо покойнаго при выносѣ въ церковь и при погребеніи?»

«Я видѣлъ Казарскаго, отвѣчалъ комендантъ, черезъ часъ времени по смерти его, совершенно обнаженнымъ, и принималъ участіе въ обмываніи его. Тѣло было чисто, на подошвахъ ногъ еще оставалась горчица. При мнѣ же онъ былъ одѣтъ въ мундиръ. На другой день смерти, 17-го іюня, я нѣсколько разъ подходилъ къ гробу и видѣлъ лицо уже нѣсколько измѣнившимся, а при выносѣ тѣла, 18-го іюня, распорядясь парадомъ и находясь при гробѣ, я замѣтилъ, что лицо Казарскаго еще болѣе измѣнилось, впрочемъ, такъ, какъ у всякаго человѣка, умершаго въ такое жаркое время».

Друзья покойнаго—отставной полковникъ Скорабелли и капитанъ-лейтенантъ Кузнецовъ отозвались, что они о смерти Казарскаго не слыхали ничего, что бы могло подать поводъ къ сомнительнымъ размышленіямъ. Послѣдній передалъ въ комиссію письмо къ нему Казарскаго, полученное имъ не задолго до смерти (13-го іюня).

«Любезнѣйшій другъ, Александръ Дмитриевичъ! Дѣйствіе холодной ванны, въ которую сегодня меня повергли, вполнѣ соответствовало моему ожиданію. Всѣ боли и страданія, до нынѣшняго дня мною испытанныя, сегодня поразили меня вмѣстѣ адскими муками и хотя благоразумныя правила медицины принимаютъ къ укрощенію въ оныхъ мѣры и кровь моя вновь точилась вмѣстѣ съ мушками, испариной и горчицей, но я ни на кого не сержусь и радъ хотя ночь останусь въ покоѣ. А какъ ночь эта, при моей слабости, конечно, будетъ стоить добраго года, а за годъ никто не ручается, то я и сообщаю тебѣ, любезный другъ Александръ Дмитриевичъ, не жалобу, а просьбу—передать мое положеніе г. Проуту, если онъ, на мое счастье, прибудеть съ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ, и тогда прибавь свою просьбу, чтобы онъ навѣстилъ меня. Преданный тебѣ другъ Александръ Казарскій».

Причетники Николаевской соборной адмиралтейской церкви—стихарный дьячекъ Иванъ Тарсиинскій, дьячки—Василій Ивановъ и Левъ Михайловскій показали, что «они читали псалтирь надъ покойнымъ и при погребеніи находились. Знаковъ особенныхъ на немъ не замѣчали. Въ день погребенія тѣло сильно разложилось. Въ народѣ же хотя и носилась молва о ненатуральной смерти Казарскаго, но какъ сіе казалось для нихъ весьма темно и совѣмъ непонятно и не имѣя къ тому никакой надобности, на таковыя разглагольствованія совѣмъ вниманія не обращали».

Духовенство церквей г. Николаева, присутствовавшее при погребеніи покойнаго, показало, что «тѣло подверглось сильному разложе-

нію, но о неестественной смерти они ни отъ кого не слышали», а дѣаконъ Василискъ Михайловскій отписалъ:

«Я оную не замѣтилъ и показать ни на кого не могу».

Не смотря на добытыя комиссіею данныя, опровергавшія ложные слухи о неестественной смерти Казарскаго, она постановила: «сдѣлать химическое изслѣдованіе пятенъ, оставшихся на полу въ квартирѣ доктора Петрушевскаго и, наконецъ, произвести вскрытіе тѣла покойнаго».

Химическое изслѣдованіе стружекъ, снятыхъ съ пола на крыльцѣ въ домѣ доктора Петрушевскаго, ни къ чему не привело: «реакція никакого дѣйствія на стружки не оказывала, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи».

15-го ноября 1833 г., въ часъ пополудни (ровно черезъ пять мѣсяцевъ послѣ смерти), гробъ былъ открытъ, въ присутствіи городского врача, главнаго доктора черноморскаго флота, полицейскаго чиновника и двухъ протоіереевъ, «остатки внутренностей» вынуты и отправлены въ казенную аптеку и тамъ, въ теченіи двухъ дней, въ присутствіи члена комиссіи флигель-адъютанта Миллера, помощника генераль-штабъ-доктора Ланга, главнаго доктора черноморскаго флота Врачко, городского врача Павловскаго, провизоровъ — Макарова и Гейне, при полицейскомъ приставѣ Абдуловѣ — подвергались химическому разложенію, «при каковомъ изслѣдованіи ничего ядовитаго и доказывающаго отравленія не оказалось», и помощникъ флота генераль-штабъ-доктора заключилъ слѣдствіе актомъ: «на основаніи веденной докторомъ Петрушевскимъ исторіи болѣзни, изъ показаній докторовъ—Врачко, Пѣвницкаго и Лѣтниковскаго, также изъ рецептовъ а равно показаній многихъ лицъ, видѣвшихъ Казарскаго во время болѣзни, онъ призналъ, что покойный скончался отъ воспаленія легкихъ, сопровождавшагося впоследствии нервною горячкою».

II.

Исправляю неточности въ разсказѣ г-жи Фаренниковой.

Матушка ее разсказывала, что Казарскій, уѣзжая изъ ихъ деревни, разстался съ ними «только на три дня»: черезъ три дня (въ четвергъ) они общались пріѣхать къ нему въ Николаевъ. Въ этотъ злополучный четвергъ, 16-го іюня, ихъ рано утромъ разбудили и объявили, что Казарскій умираетъ. Стало быть, онъ былъ у нихъ, если они разстались съ нимъ только на три дня — въ понедѣльникъ 13-го іюня. Это не точно. Казарскій сталъ чувствовать себя не хорошо со 2-го іюня; 5-го іюня болѣзнь обострилась и назначено было лѣченіе, 9-го числа онъ слегъ въ постель, а 13-го числа, т. е. въ тотъ день, когда, по разсказу матушки г-жи Фаренниковой, онъ былъ у нихъ въ деревнѣ, въ скорбномъ листѣ, веденномъ во время болѣзни докторомъ Петрушевскимъ, записано: «жаръ во всемъ тѣлѣ величайшій. Кожа сухая. Чрезвычайный гнѣвъ. Послѣ полдня жаръ во всемъ тѣлѣ весьма великій. Летучая боль», и т. д. Явствуетъ, что Казарскій 13-го іюня не могъ быть въ деревнѣ гг. Фаренниковыхъ.

Далѣе:

«Пріѣзжаемъ и застаемъ такую печальную картину: бѣдный Казарскій лежитъ на диванѣ въ предсмертной агоніи. Онъ открылъ глаза и чуть слышно проговорилъ: «крестите меня». Я взяла его холодную руку и стала крестить его. Стоявшая здѣсь же знакомая мнѣ дама объяснила, что онъ чувствуетъ облегченіе когда его крестятъ; пока могъ, все крестился, а потомъ просилъ, чтобы она крестила. «Крестите меня, крестите! Мнѣ легче!» Подошелъ мужъ. Казарскій опять открылъ глаза, узналъ мужа и сталъ что-то говорить. Мужъ наклонился къ нему и едва могъ разобрать:

— «Мерзавцы, погубили меня!»

«Не прошло и полчаса, какъ онъ, въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ».

Неточно.

Если г-жи Фаренниковы выѣхали изъ деревни, отстоящей отъ Николаева 25 верстъ, съ разсвѣтомъ, «и мчались въ карьеръ», то они, на худой конецъ, должны были быть въ Николаевѣ въ 9 часовъ, ну, въ 10 часовъ утра. По разсказу же г-жи Фаренниковой, черезъ полчаса послѣ ихъ пріѣзда, Казарскій скончался; стало быть, въ поло-

винѣ одиннадцатаго утра, а онъ скончался въ тотъ день около 8-ми часовъ вечера.

Исторія болѣзни, веденная докторомъ Петрушевскимъ, сильно возражаетъ противъ словъ, сказанныхъ Казарскимъ г-мъ Фаренниковымъ. Въ ней, подъ 16 числомъ іюня, значится: «Въ 11 часу дня адмиралъ Грейгъ посѣщалъ больнаго, но больной бредилъ и едва уже могъ его узнать. Въ пятомъ часу пополудни наступилъ бредъ, больной находился въ забытіи, глаза у него впали, дыханіе трудное. Нѣтъ надежды на выздоровленіе. Наконецъ, наступилъ тихій бредъ. Изнеможеніе силъ. Тоска. Покорчиваніе жилъ. Изнурительный потъ и въ восьмомъ часу по-полудни умре». Врядъ ли могъ человекъ, умиравшій безъ памяти и въ судорогахъ, сказать:

— «Мерзавцы, погубили меня».

«Къ вечеру, рассказываетъ г-жа Фаренникова (да вѣдъ Казарскій вечеромъ въ 8 часовъ и скончался!) собрались на панихиду. Я подошла къ покойнику, взглянула на него и невольно отшатнулась, такъ онъ былъ неузнаваемъ! Голова лицо распухли до невозможности, почернѣли какъ уголь, руки опухли, почернѣли, аксельбанты, эполеты—все почернѣло».

Весьма возражаютъ противъ этого описанія комендантъ г. Николаева, генералъ-майоръ Федоровъ, и матросы, обмывавшіе покойнаго Казарскаго.

«На слѣдующій день похороны...», продолжаетъ Фаренникова.

Похороны были не на слѣдующій, а на третій день, 18-го іюня.

Я только поправляю рассказчицу въ тѣхъ описываемыхъ ею фактахъ, которыхъ она сама была свидѣтельницей; а на счетъ слуховъ, которые она приводитъ въ своемъ рассказѣ, напр., что докторъ, большой пріятель Казарскаго, былъ въ заговорѣ, что изъ ванны покойнаго вынули полумертвымъ—пускай ей возражаютъ своимъ письмомъ къ лейт. Кузнецову самъ Казарскій и факты, добытые слѣдственной комиссіей. Дѣлаю услугу и многоуважаемой редакціи «Русской Старины», исправляя ея примѣчаніе къ рассказу г-жи Фаренниковой «въ томъ, что Казарскій скончался совершенно неожиданно».

Ив. Фед. Горбуновъ.

С.-Петербургъ.
20 августа 1886 года.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ

1824 г.

Отъ главнокомандующаго литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ его императорскаго высочества цесаревича господину дѣйствительному тайному совѣтнику сенатору и кавалеру Новосильцеву.

Имѣвъ честь получить при отношеніи вашего высокопревосходительства партикулярное письмо, доставленное къ вамъ отъ министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія Царства Польскаго графа Грабовскаго и по прочтеніи письма сего я долженъ вашему высокопревосходительству сказать, что оно не только содержитъ въ себѣ какое-либо особенное вниманіе, но даже не заслуживаетъ того, чтобы оставить его при дѣлахъ моей канцеляріи и я, оставя его у себя, нужнымъ считаю при-совокупить мое на щетъ самого министра графа Грабовскаго заключеніе, что онъ во всякомъ случаѣ предпринимаетъ иногда такія вещи, которыя сами по себѣ ничего важнаго не заключаютъ и посторонними путями выказываетъ свою предприимчивость, а между тѣмъ, такую имѣетъ склонность, что если обстоятельства дають куда направленіе въ ту сторону и онъ дѣлаетъ свое стрѣмленіе, а не такъ какъ по существу дѣла онъ долженъ бы поступать. С.-Петербургъ, февраля 17-го дня 1824 года.

Генераль-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ.

Сообщ. А. Ф. Кони.

КАЕТАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КОССОВИЧЪ.

Въ № 26 иллюстрированной газеты «Нива», за 1883 г., помѣщенъ портретъ профессора ведскаго и санскритскаго языковъ—Каेतана Андреевича Коссовича, умершаго 26-го января того-же года. Въ краткой статьѣ при портретѣ сказано, что онъ «представляетъ рѣдкій примѣръ благороднаго труженика на пользу науки, который всѣ обширныя свѣдѣнія свои приобрѣлъ не выѣзжая изъ Россіи, приобретениемъ ихъ обязанъ исключительно самому себѣ, и приобрѣталъ ихъ среди обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ: никогда не упадая духомъ, никогда не позволяя себѣ усумниться въ своемъ призваніи и въ торжествѣ твердой воли надъ равнодушіемъ и людскимъ недоброжелательствомъ». Писавшій эти слова хорошо зналъ свѣтлую личность покойника и, повидимому, былъ близокъ къ ней; иначе не могъ бы такъ сочувственно отозваться о скромномъ труженникѣ, за-таивавшемъ въ самомъ себѣ свое горе и не любившемъ сообщать кому либо о своихъ страданіяхъ. А пристрадалъ онъ много и очень много, какъ физически отъ холода и голода, нравственно отъ безчувственнаго равнодушія, такъ вмѣстѣ и физически и нравственно отъ безумной, дикой и звѣрской тогдашней педагогической рутины.

Въ молодости мы сошлись сперва какъ товарищи, потомъ какъ друзья, и память объ этомъ товарищѣ и другѣ неразлучна съ воспоминаніями собственной моей жизни. Полагая, что всѣ, даже мелкіе и кажущіеся ничтожными, очерки изъ жизни труженика, снискавшаго себѣ общее сочувствіе и уваженіе—и занимательны, и поучительны, намѣренъ набросить нѣсколько такихъ, которые едва-ли кому могутъ быть извѣстны.

I.

Въ Полоцкѣ.

Витебская губернія въ концѣ 1820 годовъ присчитывалась къ виленскому учебному округу. Въ ней, кромѣ гражданской гимназiи въ самомъ Витебскѣ, было много еще шестиклассныхъ училищъ на степени гимназiи, находившихся подъ вѣдомствомъ монаховъ-католиковъ-піяровъ (*ordo scholarum piarum*) и уніатовъ-базильяновъ. Въ школахъ этихъ преподавались всѣ предметы тогдашняго гимназическаго курса, нисколько не отступая ни въ объемѣ, ни въ послѣдовательности изложенія. Въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ были: зоологія, ботаника и садоводство, минералогія, землѣдріе, космографія, неорганическая химія и оспопрививаніе. Въ будни, въ 7 ч. утра, ученики должны были непременно быть у обѣдни въ церкви, а съ 9 до 11 въ классахъ на двухъ урокахъ, каждый по одному часу. По полудни, въ 1 часъ собирались вторично, опять на два урока, и въ 3 часа оканчивались всѣ классныя занятія. По середамъ и субботамъ уроковъ послѣ полудня не было; а ученики высшихъ трехъ классовъ сходились на практическія занятія—очень разнообразныя, смотря по предметамъ и по временамъ года: лѣтомъ на ботаническія экскурсіи и землѣдріе, съ мензулою и астролябіей, а зимою на такъ называемыя *colloquia*, гдѣ, по заявленному впередъ собственному вызову, а иногда и по распоряженію преподавателей, учащіеся состязались (по латыни) *pro* и *contra* о какомънибудь надвинувшемся тогда же при послѣдовательности научнаго курса и, такъ сказать, животрепещущемъ тезисѣ. *Colloquia* эти служили преподавателямъ тѣсною умственной связью съ учащимися, средствомъ нравственнаго вліянія на нихъ и самою удобною и вѣрною оцѣнкою ихъ способностей. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что на богословіе почтенные патеры не очень-то налегали. По два урока въ недѣлю въ первыхъ двухъ классахъ и по одному только въ остальныхъ четырехъ—вотъ и вся обязанность монастырскаго проповѣдника, занимавшаго всегда кафедру закона Божія, тогда какъ два преподавателя математики дѣлили между собою 20 уроковъ кромѣ экскурсій, а одинъ физикъ и естествоведникъ имѣлъ ихъ 13.

Нравственный надзоръ за дѣтьми городскихъ жителей внѣ класса

лежалъ вполнѣ на отвѣтственности родителей или родственниковъ. Деревенскіе могли, кто по богаче (а такихъ было очень мало, человѣкъ 15, не болѣе), помѣщать дѣтей своихъ на содержаніе, кромѣ платья, въ самый монастырь, въ такъ называемый конвиктъ, подъ надзоръ регенса, одного изъ преподавателей, или же отдавать на ученическія квартиры подъ надзоръ содержателей и такъ называемыхъ гувернеровъ, изъ учениковъ двухъ послѣднихъ классовъ. На каждую квартиру назначался префектомъ (инспекторомъ школы) гувернеръ, получавшій отъ содержателя отдѣльную комнату и столъ наравнѣ съ прочими. За репетированіе уроковъ гувернеръ получалъ отъ родителей особую, по договору, плату, не доходившую никогда до 8 р. сер. въ годъ.

Сѣкли тогда дѣтей вездѣ, и ученіе безъ посяганія было немислимо и считалось невозможнымъ. Въ низшихъ классахъ во всѣхъ училищахъ, сейчасъ же послѣ уроковъ, происходило повальное сѣченіе: кого за лѣность, кого за проказы, а кого такъ—для поощренія! Сѣкли въ губернской гимназіи, сѣкли и въ духовныхъ піарскихъ и базильянскихъ школахъ, съ тою только разницею, что въ первой операція эта производилась со всею формальностью, съ записаніемъ въ книгу и посредствомъ сторожей-солдатовъ, въ особенной, предназначенной на то, комнатѣ; а послѣднихъ, безъ всякихъ письменныхъ документовъ, собственноручно и тутъ же въ классѣ. Ежели взять во вниманіе то, что гимназисты обязаны были одѣваться въ форменное платье, то легко понять, почему тогда мѣстные жители неохотно отдавали дѣтей своихъ въ гражданскую гимназію. Формалистика и форма кому могутъ быть пріятны?

Сѣкли бѣдныхъ дѣтей въ школахъ, сѣкли ихъ и по домамъ, на квартирахъ. Въ субботу, около полудня, гувернеръ получалъ отъ префекта замѣчаніе, что въ продолженіе недѣли такой-то изъ подвѣдомственныхъ ему мальчугановъ полѣнивался, такой-то пошаливалъ, третій—невнимателенъ, четвертый—неопрятенъ, и пошли розги въ ходъ! Пискъ и визгъ на всѣхъ почти ученическихъ квартирахъ. Надо жъ было неразвитому начальству показать свои педагогическія и усердіе, и значеніе, и власть. Не то—преподаватели. Облагороженные высшимъ и умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, они были несравненно снисходительнѣе и гуманнѣе. Всѣ, вѣдь, безъ исключенія, были не менѣе, какъ кандидаты славнаго въ то время виленскаго университета, а нѣкоторые и съ высшими учеными степенями магистра и доктора философіи.

Вотъ при такой обстановкѣ въ Полоцкѣ, на квартирѣ, содержимой домовладѣльцемъ Добкевичемъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ своимъ,

нашелся сынъ уніятскаго священника Каетанъ Коссовичъ. Гувернеромъ этой квартиры былъ ученикъ Брингъ, считавшійся математикомъ и поступившій потомъ на службу въ витебскую межевую комиссію. Это былъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ педагоговъ тогдашняго времени, неутомимый въ дѣлѣ поощренія и неутомимый въ дѣлѣ правосудія.

Каетанъ, неуклюжій и неопрятный мальчикъ, съ угрюмымъ лицомъ и непропорціонально большою головою, велъ себя хорошо, учился по всѣмъ предметамъ отлично; одна ариѳметика не давалась тогда и не далась ему до конца жизни. Брингъ перепробовалъ всѣ свои педагогическія мѣры: розги, плетку, тройчатку, пятихвостку—ничто не помогало! Каждую субботу приходилось бѣдному Коссовичу извиваться въюномъ и пронзительно кричать подъ ферулою грознаго и непоколебимаго ни просьбами, ни мольбами оператора. Квартиросодержатель со всѣмъ своимъ семействомъ прибѣгалъ и отнималъ его у расходившагося педагога, не хотѣвшаго положить хулу на свою руку и на свое усердіе и рвеніе. Дошло дѣло до префекта, который и самъ былъ не прочь отъ употребленія поощреній, признавая, по общепринятому тогда мнѣнію, ихъ необходимость и несомнѣнную пользу, и тотъ довольно рѣзко далъ предостерегательный совѣтъ содержателю квартиры не вмѣшиваться въ учебную дѣятельность гувернера. Положеніе бѣднаго мальчугана сдѣлалось безвыходнымъ, какъ вдругъ нежданно-нечаянно дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ.

Въ одно прекрасное праздничное утро Брингъ по обыкновенію брелъ въ отведенной ему комнатѣ на гитарѣ. Это онъ позволялъ себѣ только по праздникамъ. Какъ вдругъ его озарила гениальная мысль употребить какъ наставительное средство, въ неразрѣшимыхъ ни розгами, ни плетью случаяхъ, толстый гитарный, обвитый проволокою, басъ, могущій и при довольно посредственномъ взмахѣ рукою разсѣкать съ перваго раза хотя-бы и не дѣтскую кожу. Снялъ онъ басъ и, ударивши имъ по гладкому столу, сталъ присматриваться къ слѣдамъ удара. Должно быть остался доволенъ опытомъ, потому что съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой повторилъ его нѣсколько разъ; внимательно пересматривая впечатлѣнія на деревѣ. Дѣти, подстрекнутые необыкновенностью звука при первомъ ударѣ, съ ужасомъ подсмотрѣли сквозь щели перегородки дальнѣйшее производство опыта, и по сосредоточенности страшнаго гувернера, по наклоненіи туловища и головы надъ столомъ, по прищуриваніи глазъ при разсматриваніи слѣдовъ на немъ, по поглаживаніи этихъ слѣдовъ пальцемъ, какъ бы для повѣрки видимаго осязаніемъ, и, наконецъ, по самодовольной

улыбѣ на его лицѣ, догадалась о намѣреніи его приложенія опыта къ ихъ кожѣ. Брингъ навязалъ на гитару басъ и вышелъ изъ дому. Мальчуганы въ отчаяніи толковали между собою объ угрожающей имъ неизбежной опасности, уныло перешептывались между собою, боясь обмолвиться хотя полусловомъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ при одномъ представленіи себѣ ожидающей ихъ участи. Въ это время весело вбѣжала въ ихъ комнату семилѣтняя дѣвочка, дочь квартиросодержателя, и, со свойственною дѣтскому возрасту откровенностью, они довѣрились ей въ своемъ горѣ. Та сейчасъ же побѣжала и передала страшное извѣстіе отцу и, не думая долго, захватила съ собою ножицы и перерѣзала гитарный басъ въ двухъ мѣстахъ. По возвращеніи домой, отобѣдавъ и отдохнувши нѣсколько, суровый педагогъ вышелъ изъ своей каморки и началъ репетировать уроки къ слѣдующему дню. Какъ разъ подвернулся ему Коссовичъ съ ариметикою—тутъ уже нельзя было обойтись безъ баса! Ужасъ овладѣлъ Брингомъ, когда на гитарѣ нашлись всячіе куски только что изобрѣтеннаго имъ педагогическаго снаряда. Пошла всеобщая трепка пятихвосткою виноватаго и невиноватаго, начавшаяся, разумѣется, съ Коссовича и кончившаяся чистосердечнымъ признаніемъ всѣхъ въ ихъ проступкахъ и въ указаніи виновницы. Взбѣшенный и разъяренный Брингъ сквозь окно увидѣлъ ее, идущую со двора, выбѣжалъ на встрѣчу въ сѣни, схватилъ за плечо, и началъ, вертя вокругъ себя, хлестать ее по спинѣ плеткою. На крикъ ея прибѣжалъ отецъ и дѣло приняло очень неприятный для господина гувернера исходъ. Призванъ былъ и префектъ школы, осмотрѣлъ всѣхъ посѣщенныхъ, осмотрѣлъ и слѣды баса на столѣ, и въ тотъ же день отрѣшилъ Бринга отъ мѣста и назначилъ другаго.

Дѣвочка эта и теперь жива—это жена моя Леокадія. Познакомился я съ нею потомъ въ Витебсѣ, по возвращеніи изъ Москвы. Она очень хотѣла увидѣть когда нибудь бѣднаго Каетана Коссовича, за котораго ей пришлось въ дѣтствѣ пострадать дважды въ одинъ день, потому что и отецъ не оставилъ ее безъ усерднаго физическаго наставленія «не соваться не въ свое дѣло».

Желаніе ея теперь не исполнимо.

II.

Въ Витебскѣ.

Въ 1827 или 1828 году, піарскія школы въ Полоцкѣ были закрыты и бѣольшая часть учениковъ перебралась, кто на лошадяхъ, а кто и пѣшкомъ, въ Витебскѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Коссовичъ. Здѣсь онъ поступилъ въ безмундирную базильянскую школу, тоже на степени гимназіи. Въ губернской гимназіи ему не было мѣста. Нуженъ былъ мундиръ, а тутъ и на хлѣбъ насущный средствъ не хватало. Онъ былъ мнѣ товарищемъ по классу. Я, обеспеченный квартирою и содержаніемъ въ домѣ родителей, и онъ, бѣдный и безъ малѣйшихъ средствъ къ жизни—мы дружественно и по братски сошлись и трудились вмѣстѣ. Онъ мнѣ помогалъ въ латинскихъ и греческихъ урокахъ, а ему въ математикѣ и физикѣ. Тутъ-то я убѣдился, что главнымъ камнемъ претѣновенія было у него число 7. Нивакъ онъ съ нимъ не могъ поладить, какъ будто у него для этого числа не было особеннаго органа въ мозгу. Я прибѣгнулъ къ ариѣметическому дополненію, и онъ вмѣсто семи считалъ десять безъ трехъ. Облегченіе было, однако-же, незначительное.

Квартиры наши были невдалекѣ, и мы каждый почти вечеръ сходились на приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню. Жилъ онъ въ мезонинѣ у еврея, содержавшаго внизу распивочное заведеніе. Вся его квартира состояла изъ одной комнаты, съ двумя маленькими тусклыми окошечками, безъ двойныхъ рамъ, безъ печи, съ одною кроватью, однимъ столомъ и однимъ стуломъ. У боковой стѣны стоялъ еще шкафъ съ еврейскими книгами. Отварной картофель съ солью, грошевая селедка и ржаной хлѣбъ съ водою составляли его насущную пищу, на которую все таки средствъ часто не было. Чай и теплый супъ случались ему очень рѣдко, гдѣ нибудь въ гостяхъ у товарищей. Въ полу его комнаты было угловое отверстіе, чрезъ которое она нагрѣвалась зимою теплымъ воздухомъ, идущимъ снизу изъ жидовскаго помѣщенія. У еврея была жена и трое или четверо ребятъ. Можно представить себѣ, что за воздухъ втягивался въ эту изолированную со всѣхъ сторонъ кѣтку. Пары водочные, селедочные, чесночные и амміачные вносились вмѣстѣ съ испорченнымъ дыханіемъ и

испареніями мефитическимъ газомъ. И тутъ жилъ, мерзъ и голодалъ бѣдный труженникъ науки.

Базильянскія школы, имѣвшія прежде совершенно одинаковое устройство съ піярскими, подверглись въ это время огромной реформѣ. Уніаты, прежде называвшіеся римско-уніатами, переименованы были въ греко-уніатовъ, и всѣ предметы въ школахъ стали преподаваться на русскомъ языкѣ. Надобно было запастись новыми учебниками, и что-жъ это были за учебники! Довольно назвать ихъ: ариметика Меморскаго, математика Фусса, физика Шрадера, латинская грамматика Кошанскаго, исторія Кайданова и т. д., всѣ на подборъ! Прибавили намъ еще по одному часу утреннихъ уроковъ; хотя изъ предметовъ садоводство, оспопрививаніе, химію, а изъ курса математики землемѣріе и аналитическую геометрію откинули. *Colloquia* тоже прекратились.

— Скажи мнѣ, Каетанъ, зачѣмъ ты не испросишь себѣ у префекта мѣста квартирнаго гувернера. Безспорно, что заниматься съ ребятишками не весело и не легко; а все же лучше имѣть готовый теплый уголокъ, нѣсколько хоть не совсѣмъ чистаго, но по крайней мѣрѣ невоночаго воздуха, и ежедневно питательную теплую, хотя не совсѣмъ вкусную, похлебку?!

— «Эхъ, братъ, хорошо тебѣ разсуждать и толковать про чистый воздухъ и бульонъ съ курицею. Вѣдь надо учиться».

— Другіе, однакоже, и репетируютъ и сами учатся. Развѣ они слѣплены изъ лучшей глины?

— «Учатся, и ты учишься; а что вы будете знать? Неужели на томъ, что намъ преподается, и забастовать. Ой, недалеко же мы тогда уѣдемъ!»

— Что недалеко, въ томъ согласенъ, но когда идти дальше нѣтъ возможности, что же тогда дѣлать?

— «Нѣтъ возможности у тебя, такъ создай ее, а чтобъ создать возможность, стоитъ только не пожалѣть себя и своихъ трудовъ. Ты вотъ въ ясный и недождливый день отправляешься, ни свѣтъ, ни заря, на экскурсію; ловишь мухъ, комаровъ, бабочекъ и жуковъ, собираешь растенія; не разъ ты вязъ въ тинѣ, купался въ болотѣ, падалъ съ дерева, карабкался на яры и обрывался съ нихъ—ты не жалѣлъ себя—и прекрасно! Не жалѣй же себя и въ дурную погоду, иди дальше, не останавливайся, и, повѣрь мнѣ, дойдешь до чего нибудь утѣшительнаго, радостнаго и свѣтлаго,—и это утѣшительное, радостное и свѣтлое и будетъ тебѣ наградою за понесенные труды,

за испытанныя невзгоды. Мое направленіе—другое. Рѣчь человѣческая, та рѣчь, которою мы отличаемся отъ животныхъ и безъ которой мы не были бы людьми, согласиись, штука не ничтожная и сгоить твоихъ самыхъ прелестныхъ бабочекъ и самыхъ красивѣйшихъ цвѣтовъ. Вотъ въ этомъ шкафу у меня цѣлый кладъ...»

Въ шкафу, на полкахъ, стояли неуклюжія, грубо переплетенныя и крайне неказистыя, старыя и очень неблаговоныя еврейскія книги. Нѣкоторыя изъ нихъ были съ латинскимъ переводомъ. Мнѣ попало въ руки «De Naalma matre Emmanuelis». По этимъ книгамъ, при помощи только еврейской азбуки, Коссовичъ изучилъ въ то время древнееврейскій языкъ, и изучилъ его до той степени совершенства, что сами евреи съ удивленіемъ говорили, что онъ знаетъ библію лучше раввина. И вотъ для чего онъ не хотѣлъ оставить эту мiazматическую каморку, вотъ почему онъ не гнался за удобствами жизни гувернера.

— «Времени и теперь мало, а тогда про работу для себя и подумать некогда будетъ».

Впредь я старался быть съ нимъ поосторожнѣе въ разговорѣ и избѣгалъ всякихъ вопросовъ, могущихъ коснуться его житья-бытья. Я уговорилъ его для репетировки уроковъ чаще приходить по вечерамъ ко мнѣ, и мы, по окончаніи работы, всегда пили чай и закусывали. Онъ понялъ этотъ нехитрый изворотъ съ моей стороны и сдѣлался болѣе откровеннымъ и болѣе еще дружественнымъ со мною.

Тогда я уже покуривалъ табачекъ, а это считалось у насъ при знакомѣ высшаго либерализма, и едва ли даже ни вольнодумства. Въ одинъ вечеръ за чаемъ онъ сказалъ мнѣ:

— «Когда ты куришь трубку у меня, то я былъ тебѣ признателенъ и благодаренъ. Табачный дымъ заглушалъ зловоніе моей трущобы. Но скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты куришь у себя, гдѣ воздухъ такъ чистъ, гдѣ обоняешь только аромать чая и запахъ свѣжаго печенія? Этого я ужъ не понимаю».

— Эхъ, братъ Каетанъ, сказалъ я,—привыкъ! Вотъ теперь такъ и таетъ покурить.

— «Привыкъ! А что такое значить «привыкъ»? — создалъ себѣ новую потребность. Такъ ли?»

— Совершенная правда.

— «И табакъ для тебя сдѣлался потребностью, и покурить его для тебя наслажденіе. Вотъ обдумай же и устройся такъ, чтобы трудъ сдѣлался для тебя такою же потребностью, и увидишь, какъ будетъ хорошо».

Я не отвѣчалъ ему ни слова, обнялъ его—и мы поцѣловались.

Въ 1830 году закрылась и базилянская шеола, и мы очутились въ губернской гимназіи и обмундировались. Одинъ гимназистъ, окончившій курсъ, за двѣ бутылки краснаго шипучаго цымлянскаго вина согласился уступить намъ свой поношенный вицмундиръ. Мы выпили по бокальчику, а Коссовичъ влѣзъ въ длинный и непомято широко форменный сюртукъ. Смѣшно было смотрѣть на него въ этомъ нарядѣ, годномъ только для маскарада.

Въ 1831 году виленскій университетъ закрытъ, виленскій округъ переименованъ въ бѣлорусскій, попечителемъ округа назначенъ былъ Карташевскій, а резиденціею попечителя—Витебскъ. Естественныя науки изгнаны изъ гимназическаго курса, прибавленъ еще седьмой классъ; а изъ новыхъ предметовъ явились русская исторія Кайданова же и логика Кизеветтера.

Карташевскій обратилъ вниманіе на способности Коссовича и за просто принудилъ его репетировать уроки латинскаго языка со своими дѣтьми и племянниками, причемъ и нарядилъ его поприличію. Въ это время пріѣхали изъ виленской и минской гимназій избранные имъ молодые люди, и Коссовичъ вмѣстѣ съ ними былъ отправленъ въ московскій университетъ, на счетъ бѣлорусскаго учебнаго округа.

Мы расстались, но не надолго—черезъ годъ и я пріѣхалъ въ Москву.

III.

Въ Москвѣ.

Московскій университетъ доживалъ тогда свой дореформенный періодъ. Разладица въ немъ была страшная. Преподавались какіе-то абсурды. У профессора Дядковскаго эволюировались то центральное, то периферическое электричество. Іовскій кристаллизовалъ уже уголь въ алмазы. Павловъ проповѣдывалъ, что вещество есть свѣтъ, потемненный тяжестью. У Зернова дифференціалы были частицы ваксы, представшія къ волоскамъ щетки, а интеграломъ—былъ слой ваксы на отчищенномъ сапогѣ. Оболенскій не декламировалъ, а распѣвалъ ка-кимъ-то пѣтушинымъ мотивомъ анакреоновы оды и т. д., и т. д. И все это кипѣло, шипѣло, злилось, ругалось и заѣдалось между собою.

Качановскій грызся съ Погодинымъ, Давыдовъ съ Шевыревымъ, Перевощиковъ съ Павловымъ, Мухинъ съ Дядковскимъ—всѣхъ не перечтешь.

Въ этой безалаберной борьбѣ доставалось и бѣдной молодежи. Бѣлинскій былъ исключенъ за неспособность къ наукѣ по настоянію Качановскаго. Перевощиковъ требовалъ, чтобы у Линновскаго (бывшаго потомъ профессоромъ въ Москвѣ же), былъ отнятъ и уничтоженъ кандидатскій дипломъ. Трудно было ориентироваться молодому уму, жаждущему познанія. Стоило только выдаться скольконибудь изъ подъ нивелирующихъ всѣхъ и вся безразличія и бездарности, и котораянибудь партія сейчасъ же начинала налегать и надавливать всею силою насмѣшекъ, ругани и даже доносовъ. Тяжко и душно было всѣмъ, и профессорамъ, и студентамъ. И не въ одной Москвѣ было такъ. Въ Петербургѣ, послѣ одного афериста и шарлатана Булгарина, литературу и всю ученость прибралъ въ свои руки другой аферистъ и шарлатанъ Сенковскій, страшный своими сарказмами и своимъ нахальствомъ. Министръ Уваровъ самъ науськивалъ грызущихся и, повидимому, находилъ въ этомъ какое-то удовольствіе. Онъ привезъ съ собою молодого Пушкина для диспута съ Качановскимъ о подлинности Слова о полку Игоревомъ; но старый желтъякъ смекнулъ дѣло и сдумалъ повести его такъ, что диспутъ кончился ничѣмъ, т. е. безъ брани и ругани.

Коссовичъ тутъ едва не попалъ подъ опалу. Ему угрожала въ лучшемъ случаѣ судьба Бѣлинскаго; а въ худшемъ даже и красная шапка, подъ которую онъ могъ подойти, подобно даровитому и потомъ низко-павшему Полежаеву, какъ казеннокоштный студентъ. Дѣло было такъ. Деканъ филологическаго факультета Давыдовъ задумалъ издать руководство исторіи литературъ и, по принятой тогда всѣми профессорами рутинѣ, распорядился слѣдующимъ образомъ: «Ты (онъ всѣхъ тыкалъ), Лавдовскій, составь очеркъ русской литературы; ты, Коссовичъ,—польской; ты, третій,—такой-то; ты, четвертый,—такой-то». И всѣ эти ты должны были рыться въ книгахъ, читать и выписывать изъ нихъ все, что казалось имъ идущимъ къ заданному дѣлу, по большей части вовсе имъ неизвѣстному. Коссовичъ былъ хорошо знакомъ съ польскою литературою; слѣдовательно, могъ дать о ней отчетъ и попространнѣе и съ бѣльшимъ толкомъ, нежели другіе его сотрудники. Но въ его статьѣ были взгляды и мнѣнія, чего у другихъ и не могло быть, и, что хуже всего, объемомъ она оказалась велика, сравнительно съ прочими. «Хороша; но только нужно сократить ее. Ты, Лавдовскій, сдѣлай это»,—сказалъ повелительно Давыдовъ своему племяннику—семинаристу, едва ли знав-

шему даже, что есть какой-то польскій языкъ. Лавдовскій принялся за дѣло сплеча; двѣ трети статьи прохерилъ, а изъ осколковъ слѣпилъ такую белиберду, какой еще не случилось намъ слышать даже на лекціяхъ почтеннѣйшихъ нашихъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Особенно памятна мнѣ фраза: «басни Красицкаго — это янтарное ожерелье!» Коротко и ясно!

Коссовичъ, увидя что сдѣлалось съ его статьею, остолбѣнѣлъ, растерялся и обратился къ Лавдовскому съ упреками въ такомъ безсовѣстномъ поступкѣ. Тотъ, какъ уполномоченный свыше, гордо и презрительно отвѣчалъ ему. Произошелъ споръ, въ которомъ нѣсколько разъ Коссовичъ не очень лестно отзывался объ умѣ и Лавдовскаго, и его дяди. Все это происходило въ № 1 квартирѣ казенно-воштныхъ студентовъ въ старомъ зданіи университета (новое тогда только отстраивалось). Лавдовскій побѣждалъ къ Давыдову, и дѣло завипѣло. Утромъ на другой день, еще до сбитня, который отпускался казеннокоштнымъ студентамъ вмѣсто чая, Коссовичъ былъ наряженъ въ солдатскую шинель и посаженъ въ темный карцеръ.

Около полудня, въ тотъ же день, Давыдовъ, при входѣ въ аудиторию, былъ пораженъ нивакъ неожиданнымъ видомъ. Лавдовскій стоитъ у простѣнка между двухъ оконъ, припертый всѣми почти товарищами по курсу, изъ коихъ одинъ, Хитрово, со сжатыми кулаками приступаетъ къ нему крича: «ты думаешь, что ты племянничекъ Давыдова, то уже и святой, и неприкосновенный!»

Неловко стало господину декану, особенно когда увидѣлъ, что въ числѣ самыхъ ярыхъ защитниковъ Коссовича были князья Голицынъ, Оболенскій, Лобановъ-Ростовскій, графъ Толстой, и еще нѣсколько молодыхъ людей изъ высшаго аристократическаго круга; съ притворнымъ спокойствіемъ выслушалъ онъ всѣ объясненія студентовъ, не совсѣмъ иногда сдержанныя, и сейчасъ же официально распорядился выпустить мнимо-виновнаго изъ карцера, и дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. То была только отсрочка, а не конецъ дѣлу. Всѣ мы, и самъ Коссовичъ, знали это очень хорошо. Другое нѣчто спасло его отъ незаслуженной бѣды.

Попечителемъ округа назначенъ былъ графъ Строгоновъ, чело-вѣкъ свѣтлый, гуманный и высоконравственный. Ему высочайше повелѣно было сформировать московскій университетъ по его же усмотрѣнію. Настала страшная ломка. Такіе столбы, какъ Дядковскій, Качановскій, Давыдовъ, сразу рухнули; другіе какъ-то снивелировались. Явились новые профессора, а съ ними пошла новая жизнь. Всѣ мы вздохнули свободно, широкою грудью, и давившій насъ кош-

марь прошелъ безвозвратно. Для московскаго университета настало блистательное, такъ называемое станкевичево, время. Молодежь единодушно подавала другъ другу руки, и совокупными силами взялась за умственную работу. Искорки способностей и таланта не затапывались и не гасились, а, напротивъ, отыскивались и раздувались. Довольно вспомнить одного только Кольцова, чтобы имѣть понятіе о томъ духѣ, который охватилъ всѣхъ, и о томъ стремленіи, которое овладѣло всѣми.

Коссовичъ былъ уже внѣ всякой опасности, блистательно кончилъ курсъ и остался при университетѣ для дальнѣйшаго образованія. Ему не пришлось даже отслуживать въ бѣлорусскомъ округѣ, на счетъ котораго онъ воспитывался какъ казеннокоштный студентъ.

Будучи студентомъ, онъ изучилъ языки: англійскій, итальянскій, испанскій, чешскій и литовскій, и познакомился нѣсколько съ арабскимъ и персидскимъ. Какъ быстро шло у него это дѣло, можно судить по хорошо извѣстному мнѣ факту. Пошли мы вмѣстѣ съ нимъ въ какое-то воскресеніе, въ католическую церковь, въ нѣмецкой свободѣ, къ обѣднѣ, и попали на итальянскую проповѣдь ксендза Стржеleckаго. На возвратѣ мы разговаривали о томъ, что, при знаніи латинскаго и французскаго языковъ, итальянскій нетруденъ, и тутъ же онъ сказалъ: «а вотъ попробую». Черезъ мѣсяца три онъ уже свободно читалъ и безъ лексикона переводилъ мнѣ лучшія мѣста изъ только что вышедшаго сочиненія Сильвіо-Пеллико «Моя темница».

Профессору Шевыреву, при тогдашней обширной его литературной дѣятельности, нуженъ былъ сподручный помощникъ, и онъ обратился къ Коссовичу съ предложеніемъ бесплатной квартиры со столомъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Коссовичъ изъ казеннокоштнаго номера переѣхалъ прямо къ нему, въ Дегтярный переулокъ, и занялъ комнату, составлявшую мезонинъ. Здѣсь я часто посѣщалъ его, и не разъ вспоминали мы еврейскій мезонинъ въ Витебскѣ.

Скинувши форменный студенческій вицмундиръ, онъ, разъ навсегда, надѣлъ фракъ и только въ немъ выходилъ изъ дому. Сюртукъ онъ не любилъ; да какъ-то и не шли они къ нему.

Однажды я повернулъ съ Тверской въ Дегтярный переулокъ и тротуаромъ подходилъ къ дому Шевырева, какъ вдругъ изъ калитки спѣшно выходитъ Коссовичъ. Я остановился отъ изумленія.

— «Здравствуй, братъ, извини—и таеъ опоздалъ на урокъ. Некогда. Надобно поскорѣе».

— Нѣтъ! постой, другъ мой, не пущу! Прежде вернешься домой, а тогда ступай себѣ на всѣ четыре стороны. Говорю тебѣ, что не пущу!

Я взялъ его за руку и повелъ. Мы вошли въ колитку. «Посмотри, въ чемъ ты?» я сказалъ ему. На немъ, вмѣсто фрака, былъ другой жилетъ, и тотъ на изнанку. Въ разсѣянности и спѣша, онъ надѣлъ его, схватилъ шляпу, и отправился на улицу.

Ариеметика, не смотря ни на бринговы педагогическія мѣры въ Полоцкѣ, ни на мою релетировку въ Витебскѣ, не помѣщалась никакъ въ его головѣ. Очень часто, какъ только встрѣчалась ему надобность шить себѣ новую пару платья, шинель, или шубу, являлся онъ ко мнѣ со всѣмъ своимъ капиталомъ, состоящимъ изъ билетовъ, получаемыхъ за уроки въ частныхъ домахъ. Нужно было счесть этотъ капиталъ, и узнать, есть-ли чѣмъ уплатить потребную сумму. Бѣднѣшка не могъ самъ этого сдѣлать тогда, да, кажется, и потомъ во всю свою жизнь. Какъ тщательно ни скрывалъ онъ этотъ свой недостатокъ, но всѣ почти про него знали.

Въ Москвѣ въ торговые дни выносятся старыя книги на Смоленскій рынокъ и у Сухаревой башни. Тамъ можно иногда найти рѣдкія изданія и приобрѣсти ихъ за самую ничтожную цѣну. Многіе составили такимъ образомъ цѣлыя бібліотеки, напр., М. П. Погодинъ, продавшій потомъ свое собраніе старопечатныхъ раскольническихъ книгъ московскому университету за крупную сумму. У меня какъ-то зашевелилось въ карманѣ нѣсколько лишнихъ рублей, и я пошелъ съ ними къ Сухаревой башнѣ. Здѣсь мнѣ бросилось въ глаза толстое *in folio*, безъ переплета, съ санскритскою надписью на оберткѣ. Это были Пураны, изданныя въ Калькуттѣ азіатскимъ обществомъ. Я сторговалъ ихъ, кажется, за полтинникъ и, вмѣстѣ съ другими книгами, завезъ домой. Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ Коссовичъ, и я показалъ ему свою покупку.

— «Дружище, уступи мнѣ эту книгу. Будь милостивъ! Возвращу, что она тебѣ стоитъ. Бери сколько хочешь, только уступи!»

— А вотъ посмотри, тутъ есть и комментаріи. Указалъ я ему подзадоривая.

— «Вижу, братецъ, вижу. Уступи только. Будь отцемъ и благодѣтелемъ».

— Знаешь ли что, Каетанъ, вѣдь я и купилъ ее для тебя собственнo. Къ чему мнѣ она? Это по твоей части. Бери ее и дѣлай съ нею что хочешь.

Онъ повисъ у меня на шеѣ, и чуть-ли не съ того же дня взялся за санскритъ. Пураны потомъ постоянно лежали у него на столѣ.

Шевыревъ за квартиру и столъ безпощадно эксплуатировалъ Коссовича. «Вотъ, Каетанъ Андреевичъ, за множествомъ работъ мнѣ некогда. Переведите мнѣ это съ еврейскаго; прочитайте вотъ то, и сдѣлайте изъ него компиляцію; а вотъ это сократите, да разберите эстетически вотъ то», и т. д. Бѣдный Коссовичъ работалъ для него по ночамъ. Шевыревъ вдругъ сдѣлался глубокомысленнымъ критикомъ и европейскихъ, и азиатскихъ литературъ. Въ архивахъ нашлись грамоты и письма хазарскихъ кагановъ—Шевыревъ мечетъ остроты и bonz-mots въ клубахъ дворянскомъ и англійскомъ; а Коссовичъ сидитъ и работаетъ для него и за него. Нѣсколько разъ я совѣтывалъ ему сбросить съ себя это тягостное иго — ничто не помогало. Но, должно быть, мѣрка терпѣнія переполнилась. Когда я уѣзжалъ изъ Москвы, то послѣдній разъ мы видѣлись уже въ домѣ княгини Оболенской на Садовой.

Мы переписывались, хотя изрѣдка. Въ Витебскѣ я получилъ отъ него переводъ греческой грамматики Кюнера, въ Смоленскѣ—Торжество свѣтлой мысли, переводъ съ санскритскаго, въ предисловіи въ которому онъ косвенно задѣлъ гегелистовъ; а тѣ отвѣтили ему въ «Современникѣ» общимъ хоромъ: «да здравствуетъ тѣнь Тредьяковскаго!» Въ Москву потомъ онъ выслалъ мнѣ свою Зендъ-Авесту.

IV.

Въ Петербургъ.

Съ 1862 года, въ каникулярные мѣсяцы, я ежегодно посѣщалъ Петербургъ, и во все время пребыванія въ немъ часто видѣлся съ Коссовичемъ. Онъ, не смотря на значительное число лѣтъ нашей разлуки, на мой взглядъ, не измѣнился нисколько.

— «Постарѣлъ же ты, братъ, сильно постарѣлъ; да только снаружи, а внутри, кажется, все тотъ же»,—сказалъ онъ мнѣ при первомъ свиданіи.

— «А знаешь-ли что?»—вдругъ обратился онъ ко мнѣ послѣ непродолжительнаго разговора,—«вѣдь и я занимаюсь теперь естественною исторіею. Пойдемъ, я тебѣ что-то покажу».

Мы вошли въ отдѣльную въ комнату, съ невысокими закромами у стѣнъ, набитыми пескомъ и землею. Въ нихъ торчали елки, березки и одна жалкая рябинка. Болѣе сорока птицъ разныхъ породъ сидѣли на сучьяхъ этихъ деревъ и на перекладинахъ отъ одной стѣны къ другой, перелетали съ мѣста на мѣсто, метались къ окну, порхали, кричали и пищали на разные голоса.

— Э! да у тебя живая коллекція птицъ изъ отряда *oscines*. А вотъ и одинъ *scanzog*—*Tupx torquilla*,—сказалъ я, указывая на вертишейку.

Онъ поднесъ мнѣ пойманнаго клеста.

— «А посмотри, пожалуйста, на этого красавчика».

— Это *loxia curvirostra*, и въ добавокъ—еловикъ.

— «А тамъ летаетъ другой, побольше, и клювъ его загнутъ въ другую сторону».

— Это видъ *pituo psittacus*, по русски сосновикъ, *vulgo*—чухонскій поугайчикъ.

— „А это *rutecilla phoenicurus*?» спросилъ онъ, указывая на горихвостку.

— Поздравляю—точно она.

Тутъ онъ мнѣ сталъ называть всѣхъ птицъ поочередно, и опредѣленія его были безошибочны. Это, повидимому, очень радовало его.

— «Теперь тутъ чисто. Дворникъ недавно подмелъ. А къ вечеру будетъ опять много всякой дряни. Я часа по два провожу среди этихъ невѣжливыхъ сорванцевъ, кормлю ихъ, ласкаю, хочу познакомиться съ ихъ жизнью и съ ихъ инстинктами».

— Ну, Каетанъ, какаа жизнь въ тюрьмѣ и какіе въ ней инстинкты! Вѣдь ты знаешь, что всякая тюрьма—это вселенскій соборъ, измѣняющій не только образы мыслей, но и образы мыслителей. Вспомни: Сильвіо Пеллико пошелъ въ тюрьму карбонаріемъ, а вышелъ...

— «Иезуитомъ, хочешь сказать. Правда! Но, быть можетъ, онъ только притворился иезуитомъ, оставаясь въ душѣ карбонаріемъ. Кто знаетъ это?!»

— Тѣмъ хуже! Жизнь и развитіе способностей, обусловленныхъ организаціею (такъ называемые инстинкты), могутъ быть изучены только на свободѣ, гдѣ они имѣютъ постоянное необходимое приложеніе. Въ тюрьмѣ ослабляются и, такъ сказать, атрофируются у животныхъ инстинкты, а у человѣка умъ и характеръ.

— «Какъ велика и трудна наука жизни! заключилъ онъ,—и едва начнешь разяснять ее себѣ, какъ вотъ и конецъ—а тогда она уже и не нужна».

Съ 1865 года я не видѣлся и не переписывался съ нимъ болѣе. Да! Всѣ свои свѣдѣнія онъ приобрѣлъ самъ, среди самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, и смиренно переносилъ людскія равнодушіе и недоброжелательство. Мнѣ хотѣлось бы передъ смертью посѣтить его могилу и сказать праху его: «Отдохни, труженикъ, и успокойся! Времена, прожитыя нами, не возвратятся, и какъ мы страдали—другимъ уже не страдать».

М. Маржесъ.

Енисейскъ.

1885 г. 24-го октября.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

въ воспоминавіяхъ Николая Ивановича Куликова.

I.

Мы не будемъ говорить о началѣ сего заведенія и о нѣкоторыхъ разсказахъ о немъ, сохраненныхъ на стр. «Русской Старины» въ весьма любопытныхъ запискахъ П. А. Каратыгина; взглянемъ глубже на вопиющее зло, разлѣвавшее это училище, и горькими фактами докажемъ причины зла, изъ которыхъ первая и главная—безграмотность и вообще необразованность большинства русскихъ артистовъ, воспитывавшихся тамъ, даже самыхъ талантливыхъ, и что составляетъ обыкновенное явленіе съ 1830 годовъ и до послѣдняго времени, а при основаніи училища сего не было. Какія же это причины? Кто виновникъ подобнаго зла? Обыкновенно ссылаются на лѣность дѣтей и учителей, поощряемую занятіями по сценѣ, особенно репетиціями... но репетиціи существовали и никогда не прекращались съ основанія театрально-учебныхъ заведеній, однако, не смотря на то, образование, по временамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, хотя и насиліемъ, а проникало въ эти заброшенныя заведенія, напримѣръ: когда въ Москвѣ до 1820-хъ годовъ обученіе грамотѣ въ театральной школѣ было ниже народныхъ училищъ, — въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, въ то-же время, русская словесность, исторія, иностранныя языки и другія науки были въ цвѣтушемъ состояніи.

Довольно указать изъ воспитанниковъ того времени на П. И. Григорьева, П. А. Каратыгина, Н. О. Дюръ и сестру его; также на танцоровъ, говорившихъ по французски: Н. О. Гольца, И. Ф. Марсея, П. И. Дидье, К. Э. Богданова (отца извѣстной танцовщицы), присланнаго изъ московской школы въ петербургскую для

обученія танцамъ и возвратившагося говорящимъ по французски, какъ исключительное явленіе среди его московскихъ товарищей.

Послѣ этого какъ не подивиться метаморфозѣ, постигшей съ 1830 годовъ то-же училище, гдѣ все пошло наоборотъ, до того, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ (какъ уже было сообщаемо въ печати) не умѣли расписаться въ полученіи жалованья!.. А между тѣмъ въ Москвѣ, съ начала 1820 годовъ, умственное образованіе школы до того улучшилось, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ ходили на лекціи въ университетъ! Какая же причина такому помѣстному переходу отъ просвѣщенія къ невѣжеству и отъ невѣжества къ просвѣщенію?

Главная причина тому и другому какъ въ лицѣ необразованныхъ директоровъ, такъ и въ личности такихъ же инспекторовъ. Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ это безразлично: тамъ, какое бы ни было начальство, науки обязательно идутъ своимъ порядкомъ, а гдѣ лѣнтяямъ ученикамъ и такимъ же учителямъ есть лазейки или отговорка въ репетиціяхъ, спектакляхъ и вообще въ сценическихъ занятіяхъ,—тамъ необходимо начальство образованное, настойчивое, энергичное, какимъ былъ въ Москвѣ директоръ *Ө. Ө. Кокоскинъ*, литераторъ, драматургъ и другъ просвѣщенія.

Таковыми же до 1820 годовъ, т. е. въ цвѣтущее образованіемъ время петербургскаго театральнаго училища, были инспекторами два просвѣщенные артиста, *И. А. Дмитревскій* и *Рахмановъ*. Этотъ послѣдній ревниво берегъ и нравственность дѣтей, геройски отбивая атаки начавшихъ тогда распложаться волокитъ-наѣздниковъ и, какъ говоритъ преданіе, одного волокиту высшаго полета заставилъ со стыдомъ поворотить оглобли! Такъ вотъ *Кокоскинъ* и эти два артиста ясно доказали, что, не смотря на занятія по сценѣ, можно было найти время урокамъ и заставить лѣнливыхъ учить и учиться.

Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, при зарождавшемся русскомъ театрѣ, юношей изъ семинаріи вступаетъ въ труппу *Ө. Г. Волкова*, гдѣ, сначала играя женскія роли, показываетъ природный талантъ, а при переходѣ въ Петербургъ, обласканный государыней, принимаемый восторженно публикой, онъ сразу понялъ, постигъ, какое подспорье для талантливаго актера представляетъ просвѣщеніе и всестороннее образованіе. И вотъ, съ основанія русскаго театра, какъ феноменъ въ мірѣ артистическомъ, является такой актеръ, которому по образованію до сихъ поръ не было равнаго!

Такой человекъ, съ любовью и лаской совѣтуя и приневоливая къ труду ученія, какъ отецъ, заботящійся о дѣтяхъ, довелъ воспитанниковъ и воспитанницъ петербургскаго театральнаго училища до

возможной степени образованія, а через это, кромѣ блистательныхъ талантовъ, питомцы его были люди отличнаго поведенія до конца ихъ жизни!

Что же видимъ мы при противоположномъ начальствѣ?

Директоръ петербургскихъ театровъ, потомъ перешедшій на ту же должность въ Москву, Аполлонъ Александровичъ Майковъ, добрый изъ добрыхъ людей, покровительствовалъ бѣднымъ, по тогдашнимъ окладамъ жалованья, талантливымъ артисткамъ обѣихъ столицъ; при немъ образованность петербургскихъ дѣтей еще пользовалась остатками заботъ Дмитревскаго, а распущенность учебной части въ Москвѣ онъ не имѣлъ и времени улучшить, а можетъ быть и не умѣлъ бы радикально все измѣнить. Судьба предоставила это дѣло назначенному послѣ него директоромъ *Θ. Θ. Кокоскину*.

Потомъ все театральное управление въ Петербургѣ подчинено было комитету изъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя больше занимались администраціей театральнаго дѣла, а въ школѣ улучшили только матеріальное содержаніе. Послѣ комитета снова все перешло въ вѣдѣніе директоровъ: князя Гагарина, а за нимъ *А. М. Гедеонова*.

Оба эти директора, воспитанные на французской ладъ, вѣроятно, въ молодости отлично декламировали Расина, Корнеля, но русской словесности, даже грамоты, не знали. По крайней мѣрѣ, Гедеоновъ неправильно писалъ, и не только не слѣдилъ за русской литературой, онъ даже не читалъ ничего, кромѣ рецензій о театрахъ въ «Сѣверной Пчелѣ».

Могли ли такіе господа обращать вниманіе на образованность будущихъ артистовъ, которыми управлялъ отставной военный, уже совершенно безграмотный, нѣкій Дмитрій Яковлевичъ Федоровъ. Впрочемъ, оба вышеупомянутые директора имѣли привязанность къ нѣкоторымъ отраслямъ искусствъ. Гагаринъ налегалъ на классъ пѣнія, Гедеоновъ на танцевальный... и какъ онъ поднималъ это безсловесное искусство (присутствуя ежедневно при обученіи танцамъ), какъ улучшилъ самый балетъ, поставилъ его выше всѣхъ европейскихъ балетовъ... хотъ бы сотую часть вниманія, при его энергіи, обратилъ онъ на словесное и нравственное образованіе вѣрренныхъ ему дѣтей, тогда не было бы такихъ печальныхъ послѣдствій въ жизни многихъ изъ нашихъ талантливыхъ артистовъ.

Замѣтивъ объ отношеніи директора къ литературѣ, представимъ историческую сценку свиданія его съ Гоголемъ, которая наглядно докажетъ какъ зналъ и цѣнилъ *А. М. Гедеоновъ* русскую словесность.

Надо помнить, что, въ послѣдній прїѣздъ изъ-за границы, Николай Васильевичъ Гоголь извнѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и славой отъ современниковъ, и внутренно самъ былъ преисполненъ и славой, и самоуваженіемъ.

Въ Москвѣ, прѣѣздомъ, онъ ужь не квартировалъ, какъ прежде, у друзей С. Т. Аксакова и М. П. Погодина, а въ хоромахъ Талызина, графа Толстаго.

Такъ, прїѣхавъ и въ Петербургъ, расположился въ домѣ и квартирѣ графа М. Ю. Вьельгорскаго, гдѣ проживалъ и В. А. Сологубъ, женатый на дочери графа.

Сологубъ за великую себѣ честь считалъ сопровождать Гоголя въ знакомые дома, въ ученныя засѣданія и въ театры.

Такъ, въ одномъ изъ спектаклей Александринскаго театра, во время антракта, онъ, вбѣжавъ въ уборную Мартынова, кричалъ: «Гоголь, Гоголь идетъ похвалить вашу игру!»

За нимъ является и самъ Николай Васильевичъ, важный, серьезный, гордый, говоря: «Хорошо, Мартыновъ, я доволенъ... я замѣтилъ, что вы играли свою роль *сop amoге!*»

Потомъ Сологубъ проводилъ его до уборной В. В. Самойловой. «Никогда, рассказывала Вѣра Васильевна, такъ свысока не хвалилъ насъ и государь!»

— Мило, мило, а главное, умно провели свою роль... Вы и Мартыновъ помирили меня съ русской сценой.

Въ такомъ-то настроеніи онъ вздумалъ посѣтить директора театровъ.

При входѣ Гоголя въ канцелярію Гедеонова, начальникъ репертуара А. Л. Неваховичъ, вскочивъ съ мѣста, съ восторгомъ раскланиваясь, привѣтствовалъ автора «Мертвыхъ душъ». Кивнувъ ему головой, Гоголь спросилъ: гдѣ Александръ Михайловичъ?

— Пожалуйте сюда въ кабинетъ,—и расшаркиваясь, ввелъ его въ кабинетъ, гдѣ директоръ сидѣлъ спиной ко входу: онъ въ эту минуту крѣпко занятъ былъ цифирью по случаю огромнаго дефицита

Гоголь (развязно подходя къ нему). Здравствуйте, Александръ Михайловичъ!

Гедеоновъ (мелькомъ взглянувъ на него). Здравствуйте! (снова углубляясь въ работу). Что вамъ нужно?

Гоголь. Я Гоголь.

Гедеоновъ (съ нетерпѣніемъ). Такъ что-же нужно?

Гоголь (растерявшись). Гдѣ вашъ сынъ Этьень?

Гедеоновъ (обертываясь и указывая рукой). Тамъ черезъ переднюю къ нему... (увидавъ Неваховича). Александръ Львовичъ! Проводите его къ Степану Александровичу.

Какъ ни смѣшна эта сцена, рассказывалъ Неваховичъ, а мнѣ жаль было Гоголя, когда онъ, то блѣдный какъ полотно, то красный какъ ракъ, шелъ со мной изъ кабинета до комнаты директорскаго сына.

Могъ ли такой директоръ требовать, принуждать, настаивать на изученіи русской словесности и другихъ образовательныхъ наукъ, столь необходимыхъ для дѣтей, готовящихся на драматическое поприще? Впрочемъ, за смертью или за выходомъ въ отставку вышеупомянутаго инспектора Д. Я. Оедорова, директоръ ввѣрилъ управленіе училищемъ настоящему педагогу, воспитавшему двухъ его сыновей, нѣкоему Оедору Николаевичу Оберу. Но, увы этотъ педагогъ былъ какой-то гогъ-магогъ! Ростомъ и фигурой Челубей или Голяфъ.

Пожилой холостякъ, жуиръ и гурманъ, веда жизнь развѣянную въ ресторанахъ и клубахъ или за табльдотами съ французскими актерами, а сдѣлавшись инспекторомъ училища, часто обѣдая у богача Саввы Яковлева или у богатыхъ волокитъ—онъ всего меньше обращалъ вниманіе на бразованность будущихъ артистовъ.

Зная иностранные языки, а также и русскій, онъ хотя отлично говорилъ на немъ, но нарочно съ умысломъ, чтобы смѣшить богатую молодежь, составлялъ уморительныя фразы изъ неправильнаго сочетанія словъ и рѣчи, о чемъ пріятели его передавали другъ другу и что водевильстѣ П. А. Каратыгинъ цѣликомъ вложилъ въ уста нѣмца въ своей пьесѣ «Булочная». Оберъ, по происхожденію французъ, былъ сынъ Оберъ-Шальме, пресловутой модистки, разговаривавшей съ Наполеономъ въ Кремлѣ въ 1812-мъ году, а до 1812-го года, прежде чѣмъ французы ограбили народъ и Москву, грабившей высшее общество, прельщая барынь и барышень выписываемыми изъ Париза модами, такъ что отцы и мужья (какъ замѣчено въ Запискахъ С. П. Жихарева) иначе не звали ее, какъ Оберъ-Шельмой!

Какъ начальникъ училища, Оберъ пользовался угощеніями богатыхъ волокитъ, но не давалъ имъ никакой поблажки, зорко слѣдилъ, чтобы какъ-нибудь не проскользнули мимо него письмо, записочка къ воспитанницамъ, такъ что бѣднымъ влюбленнымъ не было никакихъ средствъ къ сближенію, кромѣ перестрѣлки глазами изъ кресель за кулисы и обратно.

И вотъ Оберъ придумалъ держать своихъ пріятелей въ такой дисциплинѣ: главное, говорилъ онъ, не показывайтесь мнѣ на глаза!

Когда надо ѣхать на репетицію балету, и всѣ дѣвицы старшія и младшія высыпаютъ на подъѣздъ училища и наполняютъ кареты и фургонъ, инспекторъ всегда тамъ присутствуетъ и ни съ какой стороны волокиты носа не показываютъ... но только поѣздъ тронется съ мѣста, за санями инспектора, ѣдущаго впереди, отсюда ни возьмись слетаются наѣзники волокиты и съ обѣихъ сторонъ близъ оконъ театральныхъ каретъ ѣдутъ тѣмъ же казеннымъ размѣромъ, всласть переговариваясь съ избранницами сердца, которымъ подруги уступаютъ мѣста у поднятыхъ стеколъ... При подъѣздѣ къ Большому театру и при выгрузкѣ сего живаго товара, снова—кромѣ инспектора—никого въ волнахъ не видно.

Тѣ-же эволюціи совершаются при возвращеніи къ обѣду и при отправленіи въ спектакль, гдѣ не только свободно ведутся переговоры и передаются конфеты съ записочками, но съ готовящимися къ выпуску изъ училища воспитанницами заключаются торжественные договоры!

Если бы главнокомандующій вдругъ со стороны наѣзжалъ неожиданно къ своей командѣ, онъ разогналъ-бы дерзкихъ наѣзниковъ, но онъ благо разумно рассудилъ ѣхать впереди, а сзади глазъ у него нѣтъ, да и не даромъ онъ изрекъ: не показывайтесь мнѣ на глаза.

Таковъ былъ внѣшній надзоръ избраннаго педагога; о внутреннемъ и говорить не можемъ. Покойная жена артиста Н* (бывшая воспитанницей въ то время), рассказывая о порядкахъ училища, стыдилась передавать о гадкомъ поведеніи и обращеніи этого стараго селадона съ нѣкоторыми ея подругами, дурачившими его.

А бывший воспитанникъ Чернышевъ (авторъ извѣстныхъ пьесъ) каялся, что при управленіи такого инспектора большіе воспитанники постоянно шатались по трактирамъ или занимались водкопитіемъ въ самомъ училищѣ.

Благодаря судьбѣ, наконецъ, само собой разрушилось это безобразное зданіе... разумѣется только съ паденіемъ главной подпоры подобнаго зданія.

А. М. Геденовъ, послѣ почти 20 лѣтъ великолѣпнаго директорства, какъ и знаменитый Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, подъ конецъ поприща поддался старческой немощи «поздней любви», погрязъ въ кулисахъ малаго театра съ милой французской труппой, ничто его уже не занимало. Кирѣевъ (управляющій конторой) строилъ дома, покупалъ имѣнія.

Директоръ ничего не хотѣлъ знать, а городская молва росла, да росла... притомъ назначенный на мѣсто начальника репертуара,

А. Л. Неваховича, секретарь директора, г. Семеновъ, сразу былъ уличенъ покойной Левкѣевой въ взяткахъ передъ высшимъ начальствомъ... и вотъ одинъ за другимъ: управляющій конторой, училищемъ, репертуарною частью, по распоряженію министра, первые подали въ отставку, а г. Семеновъ разжалованъ снова въ секретари.

Мѣста этихъ трехъ субъектовъ замѣнили два лица, служившія до того времени въ почтамтѣ подъ начальствомъ того же г. министра.

II.

Борщовъ назначенъ управлять конторой, а П. С. Федоровъ, переводчикъ франц. водевилей на русскіе нравы (слѣдовательно драматургъ), сдѣланъ начальникомъ репертуарной части; ему же ввѣрено управление и театральнымъ училищемъ. Извѣстный театраль графъ С. П. Потемкинъ тогда-же сказалъ пишущему эти строки: «Посмотримъ, какъ-то почталіоны будутъ управлять сценами. Я полагаю, что они настолько знаютъ суть искусства, насколько почталіоны знаютъ содержаніе разносимыхъ ими писемъ!»

При такомъ переворотѣ, когда вновь назначенные чиновники могли лично докладывать дѣла г. министру, А. М. Геденонъ только номинально считался директоромъ, потомъ и вышелъ въ отставку.

Но еще при немъ, благодаря счастливой звѣздѣ Федорова, въ одномъ закуулѣ темнаго театральнаго училища блеснулъ свѣтлый лучъ просвѣщенія!

И вотъ счастливчику П. С. Федорову пишущій эти строки рекомендовалъ прелестную дѣвушку, прекрасно образованную, говорившую на разныхъ иностранныхъ языкахъ и желавшую поступить на сцену Александринскаго театра. Надо замѣтить, что въ то время, за выходомъ двухъ талантливыхъ актрисъ (В. В. Самойловой и А. М. Читау), въ русской драматической труппѣ ампула, такъ называемыхъ, «первыхъ любовницъ»—никѣмъ не было занято.

Федоровъ обѣими руками ухватился за такой кладъ и, устроивъ для дебютантки блестящій спектакль въ театральномъ училищѣ съ первыми сюжетами Александринскаго театра (Сосницкій, Орлова и др.), пригласилъ на оный г. министра двора, графа Владиміра Федоровича Адлерберга. Успѣхъ дебютантки былъ великолѣпный, особенно въ комедіи «Весною»; а въ началѣ она играла сцены изъ Уголино (роль Вероники).

Министръ былъ въ восторгѣ, равно приглашенные гости, и артисты отнеслись къ дебютанткѣ съ большими похвалами.

Тутъ-же рѣшенъ былъ ея ангажементъ; вскорѣ она дебютировала на большой сценѣ съ такимъ-же усѣхомъ подъ фамиліей Владиміровой, въ честь имени графа Владиміра Федоровича Адлерберга.

Вскорѣ же по приѣмѣ на службу г-жи Владиміровой, изъ уваженія къ таланту ея, а главное—по ходатайству одного важнаго лица, была принята главной надзирательницей или инспектрисой въ училище матушка ея, извѣстная въ педагогическомъ мірѣ Ф. А. Р.

Эта высокообразованная женщина, говорившая свободно на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и русскаго, прекрасно переводившая на франц. языкъ нѣкоторыя русскія пѣсни, послѣ трудныхъ занятій уроками, рада была отдохнуть, при новой должности, хотя тоже соединенной съ трудомъ, но сравнительно съ прежнимъ легкой и обеспеченной въ жизни.

Эта почтенная женщина, любя просвѣщеніе, привыкнувъ къ труду, все свободное время и свое, и воспитанницъ посвящала на возможное образованіе ихъ.

Ласкою, любовью она сумѣла привязать ихъ къ русской литературѣ, доставала сочиненія всѣхъ нашихъ лучшихъ авторовъ, читала сама и приучала къ чтенію особенно тѣхъ дѣвицъ, которыя готовились въ актрисы, а съ танцовщицами и пѣвицами, такъ какъ эти послѣднія должны имѣть сношеніе съ балетмейстерами и вообще съ иностранными артистами, постоянно говорила сама, заставляла и дочь (жившую при ней въ училищѣ) говорить съ воспитанницами по французски; кромѣ этого она преподавала французскій языкъ всѣмъ желающимъ.

Такое благородное отношеніе къ воспитанію вѣрренныхъ дѣтей уже съ первыхъ годовъ принесло добрые плоды... но увы! Видно злая судьба тяготѣла надъ училищемъ! Послѣ А. М. Гедеонова директорствовалъ А. И. Сабуровъ.

Этотъ милый господинъ вздумалъ разъ, какъ будто нечаянно, посѣтить училище, разумѣется женскую половину.

Но умысль другой тутъ былъ!..

Въ школьномъ лазаретѣ лежала съ болью въ ногѣ хорошенькая танцовка П*.

Инспекторъ Федоровъ былъ гдѣ-то на репетиціи, директора встрѣтила инспектриса. Попечительный начальникъ смѣло, какъ Наполеонъ въ Яффѣ, не боясь заразы, прямо вошелъ въ лазаретъ. Не станемъ рассказывать глупаго поведенія игрунчика-старичка, а если и вспо-

минаемъ, то для того только, чтобы показать, какъ отъ подобной глупости изсякъ и послѣдній источникъ образованія въ театральномъ училищѣ.

Довольно сказать, что старичка г-жа Р. съ трудомъ, почти насильно, вывела изъ лазарета...

Когда онъ уѣхалъ, а Федоровъ возвратился съ репетиціи въ свою квартиру, инспектриса, взволнованная и дрожащимъ отъ негодованія голосомъ, рассказала лазаретный скандалъ, какъ любезничалъ, заигрывалъ старичекъ и, наконецъ, какъ насильно хотѣлъ освидѣтельствовать большую ножку лежащей Терпсихоры!

П. С. Федоровъ, умѣренный и осторожный, притомъ боявшійся новаго директора, который обращался съ нимъ презрительно, нѣсколько разъ перебивалъ г-жу Р.

— Да полноте, полноте... что вы такъ горячитесь? все это пустяки, шалость, шутка старичка... Вы только никому объ этомъ не говорите, а главное, не говорите, что и мнѣ рассказывали... будто я ничего не знаю... и вы увидите, что все это кончится ничѣмъ!

Дѣйствительно, оно и прошло бы безслѣдно, но не даромъ мудрость сказала: «человѣкъ можетъ властвовать всѣмъ; онъ влагаетъ удила въ ротъ конямъ и управляетъ всѣмъ тѣломъ ихъ; корабли и велики и сильными вѣтрами носятся, а онъ малымъ рулемъ, куда хочетъ, направляетъ ихъ, но съ языкомъ своимъ ни одинъ человѣкъ совладать не можетъ!»

Такъ и г-жа Р., владѣющая многими чужими языками, со своимъ не совладала.

Посѣщая иногда важную особу, опредѣлившую ее въ училище и видя по довольно долгому времени, что лазаретная исторія, по предсказанію благоразумнаго П. С. Федорова, кончилась ничѣмъ, г-жа Р., въ интимномъ разговорѣ съ покровителемъ своимъ, пересказала ему все подробно.

Увы! эта знатная особа, благороднѣйшей души, чистѣйшей нравственности, такъ была возмущена поступкомъ директора, что немедленно довела все до свѣдѣнія высшихъ сферъ!

Каково-же было начальнику театровъ и училища, добрѣйшему графу В. Ѳ. Адлербергу, узнать о подобномъ скандалѣ не отъ подчиненныхъ своихъ, а изъ этихъ сферъ.

На запросъ управляющему училищемъ послѣдовалъ отъ него такъ часто практикуемый русскими людьми отвѣтъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Тогда-же къ инспектрисѣ отправлено предложеніе...

милое, деликатное, тоже часто практикуемое... и г-жа Р. подала просьбу объ отставкѣ.

Съ нею исчезъ и послѣдній свѣтлый лучъ изъ темнаго театральнаго училища.

Да что, скажутъ, такъ много распространяться о безграмотности, таланты и безъ нея существуютъ. Да, но мы не о безграмотности вопіемъ: мы видали много лицъ, занимавшихъ значительныя мѣста, тоже безграмотныхъ... но здѣсь идетъ дѣло о вопіющемъ невѣществѣ и объ ужасныхъ послѣдствіяхъ его въ жизни русскихъ артистовъ, что мы избрали цѣлю настоящей бесѣды.

Возьмемъ въ примѣръ положительнаго невѣщества не очень отдаленное время, впрочемъ, и къ настоящему отчасти примѣнимое. Талантливая танцовщица и пантомистка М. Д. Дюръ, желая перейти въ актрисы, какъ смѣтливая русская женщина, просить директора проходить съ нею роли. А. М. Гедеоновъ, нѣкогда влюбленный въ нее (бывшую воспитанницу Новицкую) охотно учитъ ее декламации, хотя не имѣетъ на то ни способностей, ни умѣнья, и переводить ее изъ балетной въ драматическую труппу.

Разъ ученица явилась на урокъ, съ восторгомъ говоря: — Ахъ, Александръ Михайловичъ! Какую чудесную роль нарочно для меня сочинилъ г. Марковъ въ своей новой драмѣ: Рюрикъ!

— Что же за роль?

— Роль танцовщицы!

— Что-о? Въ драмѣ Рюрикъ, роль танцовщицы?

— Да-съ, я вѣдь была балетная, г. Марковъ и воспользовался...

— Что за чепуха? Не можетъ быть.

— Да клянусь вамъ, авторъ увѣрялъ, что я буду танцовать...

— Да я не объ этомъ говорю, а пьеса-то навѣрно называется по другому, а не Рюрикъ.

— Рюрикъ, Рюрикъ! Ей Богу, Рюрикъ, ваше превосходительство... Да вотъ спросите режиссера, онъ въ канцеляріи... а Марковъ при немъ сказалъ мнѣ это.

— Любопытно! сказалъ смѣясь Гедеоновъ, вмѣстѣ съ ученицей вышелъ въ канцелярію и, увидавъ режиссера, спросилъ:

— Какую драму сочинилъ Марковъ, въ которой назначена Марья Дмитриевна роль танцовщицы?

— Гаррикъ!

— Ха-ха-ха! А она клянется и божится, что Рюрикъ!

Режиссеръ и всѣ чиновники расхохотались, такъ что наивная ученица обидѣлась и невольно упрекнула дирекцію: вольно же вамъ

ничему насъ не учить. Почему я знаю, кто былъ Гарриезъ, кто Рюриезъ, имена схожія!

Мартыновъ (унесшій, совершенно справедливо, съ собой эпитетъ «знаменитаго») разъ увидалъ во французскомъ театрѣ актера Верне въ эффектной роли; конечно, не понялъ сюжета пьесы и спросилъ у знакомаго названіе ея. «Raucge Jacques». На другой день просить перевести для него водевиль «Поваръ Жакъ». Впрочемъ, это уже умершія и потому названныя по имени лица, а вотъ еще здравствующія двѣ почтенныя артистки, которыхъ не назовемъ по имени.

Одна, страшно обидясь на рецензію объ И. И. Сосницкомъ и всячески браня журналистовъ, кончила такъ:

— Они, дураки, должны бы понимать, что Сосницкій нашъ ветеринаръ (ветеранъ).

Другая пѣвица, примадонна русской оперы, обиженная критикой, говорила товарищамъ: «я сперва ужасно огорчилась, но графъ Сологубъ успокоилъ меня, сказавъ: эти рецензенты въ музыкѣ—митрофаны» (профаны).

И это, къ сожалѣнію, не анекдоты, а чистая правда.

Да, повторяемъ: къ сожалѣнію... вѣримъ, что добропамятные изъ читателей-зрителей знать не хотятъ о какомъ-то образованіи актеровъ и скажутъ намъ:

Мы любовались игрой Мартынова, Максимова, П. Васильева и др., восхищались ихъ талантами, видѣли, какою любовью публики и славою они пользовались. Согласно, совершенно согласно, и сами удивляемся русской природѣ, породившей столько замѣчательныхъ, даже великихъ, талантовъ на сценическомъ поприщѣ!

Но спросимъ почитателей ихъ: долго ли вы любовались ими?

Долго ли они пользовались славою и любовью публики? Всѣ они, какъ говорится, не дожили до половины дней своихъ!

Вотъ почему при воспоминаніяхъ и распространились мы, отыскивая во всѣхъ подробностяхъ корень зла, произведшій такіе горькіе и, прямо скажемъ, ужасающіе плоды!

Къ скорбному листу рановременно погибшихъ артистовъ: А. Е. Мартынова, А. М. Максимова, П. В. Васильева и брата его С. В. Васильева (московскаго) прибавимъ капельмейстера К. Н. Лядова, который, по милости прекраснаго своего учителя г. Соливы, отлично изучилъ теорію музыки, такъ что однажды онъ совершилъ подвигъ: въ два дня и въ двѣ ночи оркестровалъ по нотамъ скрипки балетную музыку, опоздавшую изъ Парижа, а когда оркестровка пришла, то Мауреръ и всѣ музыканты съ удивленіемъ рѣшили, что трудъ Лядова

несравненно лучше самого автора этой балетной музыки! Къ нимъ же прибавимъ изъ плохихъ актеровъ драматическаго писателя И. Е. Чернышева, этого феномена въ своемъ родѣ. Въ училищѣ, по его собственному признанію, онъ приучился къ вину; воображая себя талантомъ, онъ разъѣзжалъ по провинціямъ, играя неудачно роли Мартынова, кутилъ съ купчиками, а возвратясь на службу казенной сцены, сочинилъ двѣ или три замѣчательныя драмы... Не говоря объ общей ловкости театральныя авторовъ составляютъ пьески по Скрибу, въ пьесахъ Чернышева ясно видѣнъ даръ творчества. Причислимъ еще рано погибшаго П. А. Смирнова I-го, красавца, съ фізіономіей Петра Великаго. Имѣя прекрасный голосъ, онъ сначала пѣлъ въ операхъ, а пропѣвъ голосъ, перешелъ въ драматическую труппу, гдѣ былъ замѣчательнымъ и полезнымъ акт ромъ. Не упоминая о прежнихъ, погибшихъ отъ вина, актерахъ—о Воротниковѣ, Григорьевѣ 2, Прохоровѣ и многихъ другихъ талантахъ, а только о современныхъ—укажемъ на послѣдняго, недавно умершаго мучительною смертію, молодяго, красиваго и талантливаго актера Славина.

Юный, цвѣтушій здоровьемъ, по выпускѣ изъ роковаго училища, онъ предался такому неумѣренному употребленію пива съ акомпаниментомъ водки, что—по рассказамъ свидѣтелей—не вѣрилось. Но ранняя смерть лучше всего засвидѣтельствовала о паденіи погибшаго юноши! Дай Богъ, чтобы это была послѣдняя жертва русской сцены.

И всему причиной, какъ читатели видятъ, жалкое воспитаніе театральнаго училища!

Эти даровитые отъ природы юноши—Мартыновъ, Максимовъ, Лядовъ и др., по выходѣ изъ училища, безъ всякаго образованія, не зная словесности, не понимая значенія литературы для сцены, не читая русскихъ прославленныхъ писателей и даже никакихъ книгъ, они чуждались общества хорошихъ семействъ, любившихъ и приглашавшихъ ихъ, избѣгали знакомства съ литераторами и журналистами... что-же оставалось имъ въ жизни? А жизнь, энергія кипѣли въ ихъ пылкихъ артистическихъ натурахъ!

Куда дѣвать и время дней, ночей, свободныхъ послѣ репетицій и спектаклей! А тутъ, по мѣрѣ успѣховъ на сценѣ, налетаетъ на нихъ стая пріятелей, такихъ же неучей, но съ большими денежными средствами, тогда какъ наши бѣдняки едва перебиваются съ семьей при скудномъ жалованьи, на пищѣ св. Антонія! Богачи всѣхъ званій, купцы и купчики, военные кутилы, штатскіе батюшкины или матушкины дѣтки—ничего не жалѣютъ, только бы угостить и перепонть до чертиковъ своихъ сценическихъ любимцевъ, но никогда не помогутъ имъ въ крайности.

Трактиры, ночныя оргіи въ извѣстныхъ пріютахъ, а главное—вино, вино и пьянство до безобразія, даже до смертельнаго удара, что чуть не совершилъ богачъ того времени Вадковскій надъ бѣднымъ Максимовымъ.

И вотъ въ чемъ, повторяемъ, причина ранней смерти русскихъ артистовъ съ прекрасными талантами.

Что-же это за училище?

III.

Попечительное правительство, основавъ театральное училище и въ 1826 году преобразовывая его, прибавило значительное денежное содержаніе, устроивъ все вновь на прекрасныхъ началахъ; предписанныя по программѣ правила воспитанія и обученія во всѣхъ родахъ искусствъ и необходимыхъ наукъ были и благодѣтельны, и святы... но (скажемъ стихомъ Кацниста):

Исполнители—лихіе супостаты!

Нельзя, чтобы почти въ столѣтнее существованіе училищъ не вышли изъ него хорошіе актеры, но по статистикѣ — перечисляя имена извѣстныхъ артистовъ, видимъ, что изъ бывшихъ въ театральномъ училищѣ не многіе прославились: Сосницкій, Дюръ, сестра его, Рамазановъ, Мартыновъ, Максимовъ, Сосницкая, К. и Н. Семеновы; московскіе: Живокини, Никифоровъ, Самаринъ, Шумскій, Васильевъ 2-й, Оедотова и еще нѣкоторые полезные артисты, какъ: Григорьевъ 1-й, Каратыгинъ 2-й, Левкѣва и др.

А эти нешкольные, а такъ сказать, вольные добровольцы-артисты съ самаго основанія театра до нашихъ дней: Волковъ, Дмитревскій, Шумскій, Яковлевъ, Шушеринъ, Брянскій, Каратыгинъ (мужъ и жена), Рязанцевъ, Асенкова, Щепкинъ, Мочаловы (отецъ, сынъ и дочь), семья Самойловыхъ, Садовскій, Васильева К. Н., наконецъ, Монаховъ, Давыдовъ, Варламовъ, Линская, Стрепетова, Савина и многіе другіе, числомъ и талантомъ превзошли многіхъ воспитавшихся въ училищѣ.

И теперь прямо говоримъ: театральное училище необходимо только для балетовъ, а для другихъ отраслей искусства бесполезно, даже положительно вредно.

Такъ какъ балеты существуютъ и конца существованія ихъ не

предвидится, то полезнѣ и даже совершенно необходимъ танцевальный классъ при училищѣ, для чего и надо принимать въ оное малолѣтнихъ дѣтей обоого пола, съ хорошенькими лицами, прямыми ногами и стройнымъ корпусомъ. На положенный комплектъ дѣвочекъ (въ 20—30) вдвое или втрое меньше числомъ мальчиковъ.

Черезъ годъ ученія они начнутъ дѣйствительную службу на балетной сценѣ амурами, пажами, чертенятами и т. д.

Черезъ 6—7 лѣтъ, пока дѣйствуютъ и старѣютъ настоящія танцовщицы, изъ ученицъ могутъ образоваться прекрасныя, даже первоклассныя соперницы имъ; другія замѣнять корифеекъ, а остальными безталантными пополнится кордебалетъ.

Изъ мальчиковъ, если выйдутъ одинъ, два хорошихъ танцора-пантомиста—и довольно; остальные—въ кордебалетъ.

Для прочихъ отраслей искусства, консерваторія съ избыткомъ доставляетъ пѣвицъ, пѣвцовъ и музыкантовъ на всѣ инструменты; но классъ декламации или драматической обязательно при училищѣ долженъ существовать, только безъ приѣма дѣтьми на воспитаніе, а съ приходящими изъ взрослыхъ молодыхъ людей обоого пола. Для сего, отвѣдя большую часть нынѣшняго помѣщенія училища для живущихъ на казенный счетъ дѣтей и готовящихся къ балетной сценѣ, остальную меньшую часть училища, именно залъ съ устроенной въ немъ театральной сценой, отдать въ распоряженіе вновь назначенныхъ на приличное жалованье учителей декламации и драматическаго искусства.

Для преподаванія въ этомъ классѣ довольно трехъ лицъ: 1) литератора, а пожалуй драматурга;

2) хотя-бы и не очень талантливаго, но образованнаго и опытнаго, актера, и

3) такую же актрису.

Первое условіе, чтобы между ними не было верховника, чтобы они всѣ дѣйствовали дружно, руководимые любовью къ искусству.

Приходящіе учиться съ платою, а лучше бесплатно, должны быть принимаемы подъ нижеслѣдующимъ условіемъ.

— Вы гдѣ кончили воспитаніе или обученіе? спроситъ молодаго челоуѣка профессоръ декламации.

— Я на 2 курсѣ университета.

— Кончите всѣ курсы, и мы тогда къ услугамъ вашимъ.

— А вы, барышня? продолжаетъ спрашивать любительницу театра.

— Я изъ третьяго класса гимназіи...

— Пройдите всѣ классы и приходите.

— А я кончила гимназическій курсъ.

— Милости просимъ.

А подростоающіе гимназисты, особенно дѣти актеровъ, иные уже при отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ, такъ и рвутся на сцену, не говоря уже о лѣтягахъ, выгоняемыхъ или бѣгущихъ, убоясь бездны премудрости, изъ гимназій прямо на сцены провинціальныхъ театровъ.

Конечно, исключенія могутъ быть для оковчившихъ только и гимназическое образованіе или для такъ называемыхъ самородковъ, которымъ и лѣта, и врожденный талантъ безъ образованія открываютъ подмостки сцены. Таковы были Щепкинъ, Садовскій, а первый, перейдя на московскую сцену, до глубокой старости образовывалъ себя черезъ дружбу съ профессорами, литераторами, даже студентами.

Можно бы подробно изложить программу для предполагаемаго драматическаго класса, но ограничимся краткимъ указаніемъ:

1) Декламация, т. е. правильное чтеніе стиховъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ.

2) Чтеніе избранныхъ монологовъ и сценъ изъ трагедій, драмъ и комедій.

3) Потомъ ставить цѣлыя пьесы на сценѣ принадлежащаго имъ театра и непремѣнно изъ стараго классическаго репертуара, гдѣ нѣтъ реальности въ сюжетахъ, но такіе умные сюжеты и чудныя роли, что есть надъ чѣмъ поработать и поучиться юнымъ талантамъ.

Черезъ годъ, даже черезъ 2—3 года, эту молодую труппу можно пустить и на публичныя представленія, хоть въ Маломъ театрѣ, и непремѣнно по дешевой цѣнѣ на всѣ мѣста.

Увѣряемъ, что, кромѣ небогатыхъ семействъ, офицеры, студенты и вообще образованная молодежь—если не ради игры юныхъ артистовъ, то ради знакомства съ умными, старыми пьесами Мольера, комедій Шекспира, Мариво, Коцебу и др. и нѣкоторыми русскими авторами—постоянно будутъ посѣщать подобные спектакли... а можетъ быть и ради возрождающихся талантовъ въ молодыхъ сценическихъ дѣятеляхъ.

Это не мечты, не фантазія стараго театрала, а дѣло, подтверждаемое опытомъ.

Извѣстный драматургъ князь А. А. Шаховской, служа при петербургскихъ театрахъ членомъ репертуара, устроилъ точно такую же молодую труппу изъ воспитанниковъ и воспитанницъ театрального училища и изъ постороннихъ молодыхъ любителей (какъ, напри- мѣръ, чиновникъ Григорьевъ, впоследствии Брянскій, и др.).

Извѣстно, какъ молодые люди, выпускаемые изъ училища, не скоро получаютъ ходъ на сценѣ, гдѣ дѣйствуютъ заслуженные и даже заслужившіеся артисты, но князь Шаховской сразу уничтожилъ привилегію театральныхъ премьеровъ: пока они доигрывали и на сценѣ,

и въ жизни свои роли, его молодая труппа со славой перешла на большую сцену.

Припомнимъ имена нѣкоторыхъ: Сосницкій, Брянскій, Ромазановъ, Величинъ (хотя не великій талантъ, но комикъ, нѣсколько лѣтъ смѣшившій публику), Валберхова, Дюръ, (рано умершая), Ежова, Гусева и мн. др.

Всѣ эти молодые таланты, какъ и предшественники ихъ, оказались достойными носить званіе артистовъ и артистокъ императорской сцены.

Н. И. Куликовъ.

Василій Ивановичъ Водовозовъ.

Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ В. И. Водовозова, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., книга ноябрь, въ IX стихотвореніи: „Отрывокъ“, стр. 435—436, предпоследнюю строфу, въ которой авторъ говоритъ объ Италіи и Гарибальди, слѣдуетъ читать такъ:

Какъ съ моря на берегъ стѣною
Идетъ, растетъ гряда валовъ,
Подвигнуть мыслию одною,
Возсталъ народъ.—и нѣтъ оковъ!

† 27 января 1886 г.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ.

НЕИЗДАННЫЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сообщ. баронъ Ѡ. А. Бюлеръ.

1844.
АСТРАХАНЪ.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ АКСАКОВЪ

неизданныя его стихотворенія

1841—1844 гг.

Въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія были, въ одно время со мною, два брата Аксаковы: Григорій Сергѣевичъ, принадлежавшій къ 1-му выпуску (1840 г.), и Иванъ Сергѣевичъ, окончившій курсъ въ 1842 г. Я принадлежалъ къ промежуточному между ними классу и вышелъ изъ училища въ 1841 г. Воспитанниковъ было тогда менѣе 100 и, по возрасту ихъ, да и по сосѣдству старшихъ классовъ, въ высшемъ курсѣ господствовали дружескія отношенія.

Григорій Сергѣевичъ началъ службу въ Петербургѣ, въ канцеляріи 2-го департамента сената; скоро былъ назначенъ секретаремъ и, въ теченіе зимы 1840—1841 гг., часто приходилъ по вечерамъ въ училище. Весь I-й классъ тогда толпился около него и онъ намъ очень оживленно рассказывалъ о преніяхъ, происходившихъ между сенаторами, которымъ онъ докладывалъ дѣла: моимъ отцемъ бар. А. Я. Бюлеромъ, Ѳ. П. Лубяновскимъ ¹⁾, Д. П. Бутурлинымъ ²⁾ и А. В. Кочубеемъ. Впослѣдствіи Г. С. Аксаковъ былъ губернаторомъ, сперва оренбургскимъ, потомъ саратовскимъ, а теперь (1886 г.) состоитъ самарскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Полагаю, что не ошибусь, сказавъ, что о поэтическомъ талантѣ И. С. Аксакова въ училищѣ никто не зналъ. Этотъ замѣчательный талантъ проявился въ первый разъ, когда его товарищъ П. А. Сазоновъ ³⁾ попросилъ его, по случаю выпуска, написать что нибудь въ его альбомъ. Въ этотъ день выпускные: кн. Д. А. Оболенскій и Сазоновъ, нанявшіе вмѣстѣ квартиру, давали прощальный обѣдъ, на

¹⁾ Бывшій нѣкогда пензенскимъ губернаторомъ.

²⁾ Военный писатель, директоръ имп. публ. библіотеки.

³⁾ Живетъ теперь въ отставкѣ, въ своемъ рязанскомъ имѣніи.

который и я былъ приглашенъ, хотя уже состоялъ цѣлый годъ на службѣ; Аксаковъ принесъ туда альбомъ, съ вписаннымъ въ него стихотвореніемъ. Никогда не забуду того восторга, который вызвало между нами чтеніе этихъ прекрасныхъ стиховъ.

Помѣщая ихъ вслѣдъ за симъ первыми. Какъ правовѣдъ, сблизившійся съ Аксаковымъ еще въ училищѣ, я не могъ въ этомъ случаѣ воздержаться отъ того, чтобы нѣкоторымъ образомъ не нарушить хронологическій порядокъ. Говорю «нѣкоторымъ образомъ», ибо второе, помѣщаемое здѣсь, стихотвореніе, Исторія старой дѣвушки, сообщено мнѣ было авторомъ уже впоследствии времени. Сочинено оно было въ 1841 г. и обличаетъ въ юномъ поэтѣ замѣчательную зрѣлость. Описываемый имъ герой былъ не кто иной, какъ старшій братъ его, Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Выпущенный изъ училища въ 1842 г., Иванъ Сергѣевичъ началъ службу въ московскомъ сенатѣ. Вынесенныя на этомъ поприщѣ впечатлѣнія онъ изложилъ въ своей мистеріи «Жизнь чиновника».

Еще болѣе, чѣмъ училище, меня сблизило съ нимъ то, что почти весь 1844 г. мы провели вмѣстѣ въ Астраханской губерніи, подъ начальствомъ ревизовавшаго ее сенатора, кн. П. П. Гагарина, чрезвычайно даровитаго государственнаго дѣятеля, бывшаго въ прошлое царствованіе председателемъ комитета министровъ.

Къ этому времени относятся всѣ остальные, помѣщаемыя здѣсь, стихотворенія, снабженныя мною пояснительными замѣтками.

Не могу пройти молчаніемъ, что насъ, съ правителемъ канцеляріи, было при сенаторѣ 12 чиновниковъ разныхъ лѣтъ, и что Аксаковъ положительно работалъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные 11 вмѣстѣ. Онъ занимался по 16-ти часовъ въ день, постоянно писалъ, читалъ, рылся въ Сводѣ Законовъ и лишь когда одолѣетъ бывало какое нибудь трудное дѣло, то для отдохновенія и забавы примется за стихи. Работалъ онъ скоро и легко, причемъ весьма серьезно и добросовѣстно относился къ служебнымъ занятіямъ. Сравнительную зрѣлость свою и воспримчивость къ труду объяснялъ онъ намъ тѣмъ, что ему родители дали физически окрѣпнуть и довольно поздно начали учить грамотѣ, такъ что вообще наука досталась ему легко. Аксаковъ пріѣхалъ на ревизію уже будучи секретаремъ сената. Князь П. П. Гагаринъ его очень ласкалъ и отличалъ, а товарищи сознавали его нравственное надъ собою превосходство и при этомъ очень его любили. Много у меня осталось за это время хорошихъ воспоминаній.

Баронъ Э. А. Бюлеръ.

Москва.
Іюнь 1886 г.

I.

Въ альбомѣ П. А. Сазонова.

1842.

Онъ наступилъ—желанный часъ свободы,
 Онъ въ свѣтъ для насъ открылъ обширный путь...
 Но прежніе товарищества годы
 Невольно сердце просить помянуть.
 Что-жъ! время есть. Прядь нами свиткомъ длинныиъ
 Грядущее стелится впереди,
 Такъ вспомнимъ вмѣстѣ о житиѣ старинномъ,
 О томъ, что оставляемъ назади.

Давно ли здѣсь мы собраны судьбою
 Со всѣхъ концовъ Россіи—вверхъ и внизъ?
 Всѣ разные и нравомъ, и душою:
 Здѣсь Ревельскій прекрасный Адонисъ ¹⁾,
 Здѣсь fixer Kegl изъ области нѣмецкой ²⁾,
 Здѣсь изъ Тифлиса смѣтливый грузинъ ³⁾,
 Почтенный людъ столицы Москворѣцкой,
 И сѣвера, и юга вѣрный сынъ.

Да, прихотью фортуны своенравной
 Какой хаосъ понятій собранъ здѣсь!
 Какъ долей всѣ надѣлены неравной:
 Плебейскій духъ, аристократа слѣсъ,
 Стыдливый нравъ и страстныя желанья,
 Желодный умъ, духъ пылкій и живой,
 И гордыя, и скромныя желанья
 Какъ часто здѣсь встрѣчались межъ собой!

Все-жъ общаго межъ нами было много
 И молодость собой равняла насъ...
 Но врознь теперь намъ всѣмъ лежитъ дорога,
 Приближъ свободы и разлуки часъ.

¹⁾ Бар. Г. Е. Ферзенъ былъ губернаторомъ въ Царствѣ Польскомъ; жена была на вдовѣ Иловайской; оба чрезвычайно печально кончили жизнь.

²⁾ Бар. В. Г. Клебекъ. Служилъ въ комиссіи прошеній; теперь въ отставкѣ.

³⁾ Кн. Г. К. Вагратіонъ-Мухранскій. Былъ статс.-секр., сенаторомъ и председателемъ судебной палаты въ Тифлисѣ; † тамъ въ 1877 г. ' О. В.

Оно исчезнетъ, классное равенство,
 Значеніе получаютъ графъ и князь ¹⁾);
 Таковъ законъ земнаго совершенства,
 Ослабится училищная связь!

Простите же; прошла пора былая
 Плачевныя о мірѣ пѣсни пѣть,
 Дни глупыхъ лѣтъ считать блаженствомъ рая
 И о мечтахъ несбыточныхъ жалѣть!
 Чувствительность ужъ болѣе не въ модѣ.
 Пустой обманъ разоблачивъ съ утра,
 Я радъ, что жизнь узнаю на свободѣ.
 Смѣлѣй же въ путь, пора, давно пора!

Любозный другъ, кто знаетъ, счастье-ль, горе,
 Въ туманѣ я градушаго найду,
 Переплыву-ль спокойно жизни море,
 До пристани ль желаемой дойду?
 Или, быть можетъ, сумракомъ одѣтый,
 Мнѣ предстантъ страданій тяжкій путь..
 Къ тебѣ въ пріютъ, радушіемъ согрѣтый,
 Приду тогда, чтобъ сердцемъ отдохнуть.

С.Пб.

И. У. Пр.

Мая 20 1842 г.

---

¹⁾ 2-й выпускъ училища правовѣднія былъ особенно аристократическій: къ нему принадлежали кн. Н. И. Шаховской, нынѣ сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента; гр. А. К. Северь, бывшій губернаторомъ въ Харьковѣ и Москвѣ, а нынѣ находящійся въ отставкѣ; ст.-секр. С. А. Тавѣевъ, кн. Г. В. Львовъ, † въ 1873 г., и кн. Д. А. Оболенскій, † въ 1881 г., будущи членомъ госуд. совѣта.

Ө. В.

II.

Исторія старой дѣвушки.

ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Есть переулочъ Денежный въ Арбатѣ,
 А въ переулкѣ домикъ небольшой.
 Тамъ юности прекрасной на закатѣ
 Жила княжна съ княгиней больной.
 Тамъ вспоминала часто объ утратѣ
 И свѣжести, и красоты былой,
 Преслѣдованной всюду женихами...
 Но всѣ кокетства прогнаны годами!

Теперь княжна, понявъ уже въ чемъ дѣло,
 Слѣшитъ свои скорѣ мѣры взять,
 Чтобъ замужемъ ей можно было смѣло
 О всемъ, ужъ не краснѣя, толковать!
 Дѣвичья жизнь давно ей надоѣла,
 Давно она хотѣла испытать
 Всѣ наслажденія брака, и къ тому же
 Свободой полной завладѣть при мужѣ!

Тому назадъ лѣтъ семь, княжна, не далѣ,
 Вы находились въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Блестали вы во многочисленномъ залѣ
 И рой мужчинъ за вами несся въ слѣдъ!
 И были вы царицею на балѣ
 И цѣлый рядъ срывали вы побѣдъ,
 Кокетству въ танцахъ вы не знали мѣры
 И страстны были ваши кавалеры!

Я помню самъ, какъ были вы прекрасны
 Склоненная небрежно на диванъ.
 Кто бъ ни взиралъ тогда съ улыбкой страстной
 На стройность формъ, на величавый станъ,
 На этотъ взоръ, всегда веселый, ясный,
 На цвѣтъ лица, прелестный безъ румянъ,
 На груди пышность, шею бѣлоснѣжность
 И граціозную движеній нѣжность.

Московского здѣсь университета
 (Сей просвѣщенія русскихъ монументъ
 Не одного ужъ выпускалъ поэта)
 Влюбленнымъ былъ въ нее поэтъ студентъ.

Онъ часто такъ ходилъ чрезъ мѣсто это,
 Что будочникъ, полиціи агентъ,
 На съѣзжей объявилъ, что въ подозрѣнъе
 Ему студента частое хожденъе!

Не различалъ въ рубашкѣ онъ изнанки,
 Носилъ сюртукъ, нечесаны власа,
 Вотъ мой герой, и съ дальніа Таганки
 Онъ достигалъ Арбата въ полчаса!
 Зимой, подъ вечеръ, занималъ онъ санки,
 Шелъ мимо оленъ, не бояся пса,
 Спѣшилъ въ переднюю услышать шорохъ платья..
 Влюбленному пріятное занатье!

Но красота проходитъ какъ мгновенъе,
 Княжна, пора! оквазію лова!
 Студентъ, увя! нашелъ опредѣленъе
 Давно его оставившей любви,
 Считалъ ее, какъ общее стремленъе
 Къ прекрасной дѣвушкѣ, какъ пылъ въ крови..
 Надъ старой дѣвушкой смѣются,—даму-жъ
 Читъ общество... Княжна, скорѣе замужъ!

А замужемъ о мужѣ вамъ ни мало
 Заботъ не будетъ, смѣю вамъ предречь,
 Охотницѣ до всякаго скандала,
 До выставки нескромной полныхъ плечъ!
 При трепетѣ вечерняго шандалъ,
 Когда въ постель намѣрены вы лечъ,
 Едва-ль въ сей мигъ, отъ свѣтскихъ дѣлъ досуживъи,
 Супругу долгъ вы отдадите нужнъи!

Что-жъ? наконецъ, безъ всякаго навѣта,
 Придется вамъ до позднихъ лѣтъ дожтъ,
 Приготовлять внучатъ своихъ для свѣта,
 Въ бостонъ играть, да свадебки чинить,
 А съ бала возвратясь, полураздѣта,
 Какъ фуриа, людей своихъ бранить..
 Тамъ, наконецъ, вы набожно умрете,
 Да сожалѣнъе ближнихъ унесете.

1841 г.
 с. Ильинское.

III.

Отрывки изъ неоконченнаго стихотворенія, по случаю поѣздки
Оболенскаго для осмотра магазиновъ. На голосъ *Sperl polka*.

Шибко ѣдетъ внизъ по Волгѣ
Небольшая лодка,
Въ ней сидятъ князь Оболенскій ¹⁾,
Съ нимъ табакъ и водка!
Астраханская морна ²⁾
Бугоражить Волгу,
И реветъ, и воетъ рьяно,
И свиститъ подолгу.
Но гребцы гребутъ не шано
И проѣдутъ Волгу (bis)
Гамазен, газазен!
Видитъ онъ ихъ кучу,
Всѣ правительства затѣи.
А поетъ качучу! (bis)

Астрахань, мартъ 1844 г.

---

¹⁾ Родной племянникъ ревизовавшаго Астраханскую губернію сенатора, князя П. П. Гагарина, и одинъ изъ состоявшихъ при немъ молодыхъ чиновниковъ, нынѣ въ должности гофмейстера двора Е. И. В., князь Родіонъ Андреевичъ Оболенскій.

²⁾ Такъ называется въ Астрахани порывистый вѣтеръ, дующій съ моря. Иногда выговариваютъ также моряно. По объясненію этого выраженія, помѣщенному въ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ статьѣ «Диалектическія особенности Приволжскаго края, собраніе мѣстныхъ словъ и рѣченій»,—моряно или моряна означаетъ «свѣжій юговосточный вѣтеръ, при которомъ вода въ Волгѣ всегда возвышается или бываетъ нагонъ. Говорятъ: дуетъ моряна, значитъ вѣтеръ съ моря.

Е. В.

IV.

Экспромтъ по случаю отправленія въ соборъ къ заутренѣ Свѣтлаго
Воскресенья.

Бдетъ длинный караванъ,
Тащится коляска ¹⁾,
Вотъ и дѣдовскій рыдванъ
Потянулся тряско,
И плетется онъ трухъ-трухъ,
И кричитъ Нѣмченко: „ухъ!
„Какъ толкаетъ больно!“
Всѣ къ заутренѣ спѣшать,
Свѣтлый праздникъ всѣ хотять
Встрѣтить богомольно!

Астрахань, 26-го марта 1844 г.

V.

Экспромтъ (по случаю вѣдоховъ Булычева) ²⁾.

Благовонная сигара
Не курится у меня,
И сидя у самовара
Я мечтаю про тебя,
Вѣроломная Варвара,
Дѣва грѣшная моя!

¹⁾ Въ этой открытой четырехвѣстной коляскаѣ, запряженной четвернею дугомъ, сидѣли: сенаторъ и правитель его канцелярїи, М. Н. Строевъ, а на передней скамейкѣ, если не ошибюсь, Аксаковъ и Оболенскій. Князь Гагаринъ имѣлъ въ Астрахани свои экипажи, своихъ лошадей, кучера и форейтора, которые привезены были имъ изъ Москвы. Въ лѣтніе, знойные дни кучеръ и фореиторъ надѣвали нарочно заказанные въ Москвѣ армяки изъ свѣтлой желтоватой нанки и поарковыя шляпы того же цвѣта. Сенаторъ и бѣльшая часть его штата помѣщались въ обширномъ домѣ рыбопромышленника Сапожникова, который, какъ старовѣрь, обреченъ былъ тогда на ссылку въ г. Волскъ, Саратовской губерніи. Управитель его, Ф. Ф. Пальцевъ, доставлялъ икру, стерлядей, виноградъ и пр. для сенаторскаго стола. У него же взяты были на Пасху рыдванъ и пролетка. Всѣ мы были въ мундирахъ и, послѣ ззутрени, князь Гагаринъ принималъ поздравленія военнаго губернатора и всѣхъ служащихъ.

²⁾ Сенатскій писарь, привезенный изъ Москвы:

Ф. В.

И не пользуюся женскою
Астраханскою добротою,
Ни персидскою, ни тухменскою,
Ни армянскою красотою,
Я на рынокъ на смоленскій
Все несусь своей мечтой!

Астрахань, апрѣль 1844 г.

VI.

Похожденія Петра Ивановича Нѣмченко ¹⁾.

(отрывокъ).

Въ Кузумѣ плещеть шумный валь,
Нѣмченко, плащъ надѣвъ испанскій,
Собрался будто бы на балъ.
Бѣги, чиновникъ астраханскій,
Слѣши, о бестія, домой!
Нѣмченко ходить за тобой!

Ужъ поздно. Въ городѣ просторъ.
Все спить кругомъ. Умоляли птицы.
Посель гулять дѣвичій воръ,
И астраханскія дѣвицы
Бѣгутъ, визжа, во тьмѣ ночной,
Нѣмченко чужа за собой..

Астрахань, апрѣль 1844 г.

VII.

Экспромтъ.

Дымомъ трубокъ и сигаръ
Задымили комнату
И кипить ужъ самоваръ
И не вмочь ужъ Донату).

Астрахань, іюнь 1844 г.

¹⁾ Секретарь московскаго сената.

²⁾ Имя моего лакея поляка, которое я, въ шутку, попросилъ Аксакова вклю-
чить въ четверостишіе. Черезъ пять минутъ оно было готово.   Е. В.

VIII.

Романсъ.

Я помню: свѣтлая луна
 Мой путь опасный озаряла...
 Она сидѣла у окна
 Тревоги радостной полна,
 Она кого-то поджидала.

Я сбросилъ плащъ съ своихъ плечей,
 Къ окну бѣжалъ я торопливо,
 Услышать звукъ ея рѣчей,
 Увидѣть блескъ ея очей
 Желалось мнѣ нетерпѣливо.

И съ распущенною косой
 Она внезапно мнѣ предстала,
 И озаренная луной
 Блистали плечи бѣлизной!
 О, что тогда со мною стало!

Я молодѣть былъ в полонѣ силъ,
 И жарко кровь во мнѣ кипѣла,
 Я дѣву страстно полюбилъ
 И сердце дѣвы побѣдилъ:
 Она понять меня умѣла!

И дѣва въ сладкомъ забытьѣ
 Склонилась съ трепетной любовью
 И прикоснулась ко мнѣ...
 Но я горѣлъ, я былъ въ огнѣ,
 Не совладалъ съ своею кровью!

Ворота были на запорѣ,
 Она впустить меня робѣла.
 Я былъ рѣшителенъ и скоръ,
 Не слушалъ я ея укоръ
 И къ ней въ окно вошелъ я смѣло.

О, юга пламеннаго дочь,
 Кто этотъ мигъ теперь оцѣнить!
 Откинь свои сомнѣнья прочь,
 И эта ночь, и эта ночь
 Намъ цѣлый рай съ тобой замѣнить.

Астрахань, июль 1844 г.

IX.

Послание ¹⁾).

Безъ опрометчивой отваги
И безъ замосчивой мечты,
По долгу службы и присяги
Прочти съ терѣзніемъ бумаги
И дѣла толстаго листы!

Пусть грудь чиновническимъ рвеніемъ
Въ тебѣ забьется, и тогда
Вступи съ снаровкой и умѣнемъ
Въ начало долгаго труда!

Да, мнитса мнѣ: ужъ овладѣла
Рука свинцовымъ ерандашемъ,
И какъ хирургъ вскрываетъ тѣло
Анатомическимъ ножомъ,
Такъ хитрописанное дѣло
Ты въ смыслѣ выставишь прямомъ!

И за работою своею
Забывъ приманчивую лѣнь,
Ты тихо молвишь: „Одолѣю,
„Изъ мрака выведу я день“.
Ты всѣмъ запутанностямъ хода
Итогъ подробный подведи,
Изъ нововведеннаго Свода
Статьи приличныя найди.
Когда же ты безъ самохвальства
И скромно трудъ представишь свой,
То вѣдай: высшее начальство,
Хоть не доставитъ генеральства,
Но наградить за подвигъ твой.

Трудись молодой герой-чиновникъ,
Не пожалѣй, смотри, себя,
И государственный сановникъ
Представитъ въ ордену тебя!!!

Астрахань, августъ 1844 г.

¹⁾ Состоявшему при ревизіи чиновнику Палацкину.

X.

Утѣшеніе М. Н. Строеву наканунѣ дня его именинъ.

Забудьте Астрахань, забудьте жизни горечь,
Веселый, радостный наступитъ завтра день,
Къ вамъ съ поздравленіемъ придетъ Маркель Григоричъ ¹⁾
И Ѳедоръ Ѳедоричъ ²⁾ и Розановъ ³⁾ тюлень.

Астрахань, 1844 г. 5-го сентября, наканунѣ дня чествованія памяти Архистратига Михаила.

XI.

Астраханскій beau monde.

Въ многочисленномъ собраньѣ
Я губернское вниманье
Отъ себя отсторонилъ,
И на дамъ и ихъ уборы
Испытующіе взоры
Съ любопытствомъ устремилъ.

Другъ за другомъ вереницы
Кажутъ новыя все лица
Астраханскаго beau monde...
То чиновничія жены
Разодѣты, набѣлены,
Въ полномъ блескѣ ленты и блондъ.

Мнѣ знакомы лишь мужчины
И судебныя лощины,
Гдѣ сражался съ ними я,
Гдѣ оправдывалась нами,
Воздвигалась съ правами
Свода каждая статья.

¹⁾ Прескучный чиновникъ экспедиціи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ.

²⁾ Управитель Сайожникова.

³⁾ Сенатскій секретарь.

Да, хоть женщинъ я не знаю,
 Но я ихъ преображаю,
 Отвѣчаю по мѣстамъ,
 Гдѣ мужья теперь ихъ служатъ,
 Но о службѣ и не тужать. •
 Предаюсь своимъ мечтамъ.

Вотъ Сальянская опека
 Въ видѣ рыбы-человѣка
 Или матеи-тюленя;
 Густо, щедро наложила
 И румяна, и бѣлила,
 Но не скрасила себя.

Вотъ купчиха не простая:
 Это дума городская,
 Хочетъ пылъ въ глаза пустить!
 Не къ лицу ей астраханскихъ
 Силъ гильдейскихъ и мѣщанскихъ
 Представительницей быть!

Баба ловкая купчиха,
 Не дурна и смотреть лихо,
 Но морщинъ закрыть нельзя!
 Ридикюль ея хоть полонъ...
 Да для города онъ солонъ...
 Тамъ повсюду слышалъ я!

Пусть себѣ гуляетъ дума!...
 Это кто глядитъ угрюмо?
 Не добьешься пары словъ?
 Хоть она не изъ смиренныхъ,
 Экспедиція тюленныхъ
 И всѣхъ рыбныхъ промысловъ.

Астрахань.
 Сентября 1844 г.

XII.

Приглашеніе.

Johannes Aksakovius Romani
Imperii Sancti Baroni Buhlero
salutem ¹⁾).

Veni, vidi et audi!

Я полонъ умиленія
(О, неба благодать!):
Губеѣнскаго правленія
Отчетъ спѣшу читать!
Онъ орегум согопа,
Онъ подвиговъ вѣнецъ...
И римскаго барона,—
Плѣвнителя сердець,
Я приглашаю нынѣ,
Окончивъ долгій трудъ,
Цитатомъ по латынѣ
Въ нагорній свой пріютъ,
Чтобъ свѣрить вмѣстѣ дружно,
Не промахнулся ль я?...

P. S. Цигаръ твоихъ не нужно:
Есть много у меня.

Астрахань, 21-го октября 1844 г.

Иванъ Серг. Аксаковъ.

Сообщ. баронъ Э. А. Булеръ.

---

¹⁾ Подразумѣвается: mittit или dicit.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ.

Часть III.

глава V ¹⁾.

23-го мая 1868 г. Суббота.

Вѣроятно, ты читалъ статью Щенковича. Я удивился, послѣ нашихъ поросятъ,—ея учтивости, хотя она и дерзка. Отвѣчать нечего—для нихъ существуютъ только личные вопросы—поэтому Щенковичъ и удивляется, чѣмъ я обидѣлся,—а то, что у меня на душѣ было сказать въ какомъ мы отношеніи были къ польскому вопросу—объ этомъ онъ и не помянулъ. Досадно, что онъ выѣхалъ на Бакунинѣ, хотя и это межеваніе черезъ полосицы было необходимо. Ему хочется мнѣ за то (не безъ вашего архипастырскаго благословенія) поднести конфетъ. Я желалъ бы перепечатать $\frac{3}{4}$ его статьи въ *La Démocratie* съ пріятною introduction. Вѣроятно, мѣсто найдется, да и можно пробрать бревьеромъ.

Корректуры «Полярн. Звѣзды» я еще не получалъ. А Якушкина третьяго дня рукопись отправилъ,—жду вѣсти о полученіи.

Здѣсь до такой степени хорошо, не смотря на такой жаръ — (одна Лиза посягаетъ днемъ выходить), что слѣдовало бы не очень торопиться въ разныя Колмары. Но пусть идетъ какъ идетъ.

---

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1872 г., томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII, XIX и XX; изд. 1878 г., томы XXI и XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV и изд. 1886 г., т. XLIX; т. LII, октябрь, стр. 149—180, ноябрь, стр. 311—332.

Плетн. не забыли, какъ вы супонуете, по поводу старика въ Колоколѣ,—а вспомнили и оставили для наказанія «каторжныхъ и бѣглыхъ изъ Сибири», а несчастный богословъ именно въ ефтомъ положеніи и былъ.

Если у тебя малѣйшій скрупуль на счетъ Бакунады, то оставь и не печатай.

Мысль-съ?

Можно написать рядъ драматическихъ сценъ, начинающихся въ Парижѣ въ 1814 году и кончающихся въ Петербургѣ въ 1826 г. на гласисѣ крѣпости. Гдѣ надобно стихнуть—стихни, т. е. стихами—гдѣ надобно грозить—постараюсь. Кадры — кадры. Will you. Да что же успиновъ (?) романъ Толстаго—спроси Пана (Тхоржев.).

6 часовъ вечера (Ницца).

Сейчасъ получилъ корректуру «Пол. Звѣзды» и письмо съ ничѣмъ. О какой статьѣ рѣчь? «Гранклемана»,—что это изъ Абиссиніи?

31-го мая (1868?). Пантекоть (Ницца).

Ахъ, вы мой милѣйшій шутъ, ты не повѣришь, что я искренно смѣюсь надъ тобой и надо мной—безъ тѣни злобы или чего такого. Я зналъ и тебѣ писалъ въ Женевѣ, что Лозанна ли, Пранжинъ ли—тебѣ это ножъ острый ¹⁾,—ты такъ хорошо улежался и упокоился въ норкѣ своей, что всякое движеніе, прогулка тебя пугаетъ. Ну, и слава Богу, только зачѣмъ-же ты ждалъ, когда чемоданы уложены и все готово, чтобъ написать, въ какое трудное положеніе тебя поставилъ Туць (какъ будто онъ долженъ тоже думать, что люди живутъ, какъ Симеоны Столпники) своимъ Юлу.

Не ѣхать поздно—выдумай-же какой-нибудь планъ. Твое крипто желаніе, чтобъ приѣхать въ Женеву. Научи какъ, и я сдѣлаю. Одно затрудненіе въ Лизѣ (которая поэтически тебя любить и помнить)—неужели ты рискнешь, чтобы ей сразу сказать не только всю подноготную, но двѣ подноготныя?... Поэтому я тебѣ предлагаю: изъ Ліона приѣхать мнѣ одному сначала, а остальное удалимъ и устранимъ. Я же не могу ручаться, чтобъ все было хорошо въ Prangius. Изъ-за мира иногда бываютъ очень дурные признаки. Одно мнѣ объясни, зачѣмъ же ты мнѣ говорилъ, что я не правъ, что ты въ самомъ

¹⁾ Ты съ горяча принялъ, а я съ горяча предложилъ.

дѣлѣ хочешь въ Лозанну и куда угодно, чтобъ видѣться со всѣми, и немного провѣтриться отъ твоей монотонной жизни, тяжелой для меня. Я все бы такъ и устроилъ. Но и теперь бѣды нѣтъ. И теперь даже жертва съ твоей стороны легко не примется, потому что жертва чувствуется. Вѣрь только, что я устрою все, до оскорбленія Лизы и до ридикюля включительно. Ридикюля (т. е. смѣшнаго), какъ оскорбленья, я выносить не могу—остальное можно уладить, и вѣрь, что я сдѣлаю все для того, чтобъ было и хорошо, и не бросилось въ глаза. Ну, и аминь.

Текстъ у Чернецкаго для «Полярной Звѣзды» есть, но нельзя же все набирать мои статьи—надобны: 1) твои стихи, 2) твоя проза, 3) что нибудь чье нибудь, ну, хоть Мечникова (листа 2) или Бакунина. — Я буду платить по 80 фр. съ листа.

Тупу положено на платьѣ, ученѣе, ѣду 500 въ годъ—надобно было не 100, а 80 прислать—это не много. Деньги теперь есть и у всѣхъ довольно. А если Тхорж. заплатилъ—отдай ему, чтобъ не мѣшать счетовъ.

Анекдота о NN я не нашель, можно и напечатать, хотя важности въ немъ нѣтъ.

Есть длинная статья «Кельсиевъ» и еще лучше повѣсть о Громека, который стрѣляетъ въ мужиковъ, умиряетъ волости (??) и пр. Я донесу на него.

Отчего Тхорж. и ты такъ скупы вѣстями о Долгорукомъ¹⁾?

Гранклемана я помню, но не могъ прочесть его имя.

Пану (Тхоржевскому).

1) Получены ли 1,000 фр.?

2) Уговорите Чернецкаго не посылать мнѣ непоправленныя корректуры—пусть онъ прежде посылаетъ Огареву.

3) У него должно быть много матеріала для «Полярной Звѣзды» (эмигранты).

4) Отчего не пишете о Долгорукомъ?

Прощайте. P. S. Когда придется посылать «La belle France»—слѣдуетъ въ письмѣ. Да и то врядъ дойдетъ-ли.

Ѣдемъ послѣ завтра. Жаль Ниццу, не смотря на то, что жаръ 32—33°. Морская база ужасно облегчается.

4 чемоданчика отправлены. Будутъ завтра къ вамъ 50 Н (?) Savoy (?).

¹⁾ Князь Петръ Владимировичъ Долгорукомъ, въ это время бывшемъ тяжело больнымъ.

3-го іюня (1868 г.) 7 час. утра. Городъ Левъ ¹⁾. Hôtel de l'Europe.

Съ грозой и жаромъ, въ сопровожденіи Бернацкаго, который возвратился изъ Флоренціи и на пароходѣ ѣхалъ съ В — ской (спавшей въ каютѣ, пока я ее ждалъ), прибыли мы въ 10 вечера въ Марсель—и сегодня въ 6 съ ¹/₄ въ вагонѣ, наполненномъ до противности, пріѣхали въ Ліонъ.

Всѣ здоровы. И я радъ отчасти избавленію отъ ужаснаго жара—я разъ пять купался въ морѣ....

5-го іюня (1868 г.) Пятница. Hôtel de l'Europe. Ch. № 59.

Я всегда имѣлъ слабость къ Ліону и теперь тоже—печально большой, серьезно занятой и необычайно красивый городъ. Всѣ удобства жизни, все, что нужно для воспитанія—и ширь, какой въ Швейцаріи нѣтъ, въ Италіи нѣтъ, въ Ниццѣ нѣтъ. Зима, вѣроятно, женевская, но кто же заставляетъ нормальныхъ людей не уѣзжать на четыре мѣсяца? Вся Англія такъ живетъ. Если-бъ Франція на нѣкоторую долю предоставила покой, не задумавшись, нанялъ бы здѣсь домъ съ садомъ—5 часовъ отъ Женевы, 13 отъ Парижа, и еще на улицахъ чистый воздухъ.

Статья Шедо Фероти въ Polyglott'ѣ глупа; пошли набрать прилагаемую отмѣтку, бревьеромъ, какъ подстрочное примѣчаніе къ статьѣ Бакунина.—«Голосъ» и все пришло. Писемъ отъ тебя здѣсь еще не было. Отъ Тхорж. получилъ. Вѣроятно, 10-го поѣду, т. е. поѣдемъ въ Мильгаузъ,—но объ этомъ еще напишу.

А рггороз къ выгодамъ Ліона—ни одного русскаго—ни мерзкихъ . . .скихъ харъ нашихъ туристовъ, ни безобразныхъ, исхудалыхъ Каиновъ—нашей золотой юности... идти по улицѣ и знать, что не встрѣтишь чижишка, ... , капельку, ж. . . . и жука — одно увлекаетъ ужъ.

Тхоржевс. прошу мнѣ «Колок.» не посылать больше 5 экз., да и то пусть подождетъ адреса—а mise en page можно сюда прислать. Русскій mise en page я получилъ—вели печатать, я разъ читалъ.

Былъ вчера съ Лизой въ театрѣ.

16-го іюня (1868 г.) Вторникъ. (Ліонъ).

Corpus Dei.. Ну, вотъ тутъ и пиши Бакунинъ о рѣшительномъ уничтоженіи государства,—а ты о рациональныхъ законахъ—математическихъ и Мерчинскихъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Крупновъ

¹⁾ Пріѣздъ изъ Ниццы послѣ водолеченія.

стоитъ, хохоцетъ и говорить à la Noscoff—«мелите кривые—грошъ на полкъ».

Мимо нашихъ оконъ тянулась впередъ и назадъ процессія—драгуны, пѣхота, генералитетъ, попеть, еписпопеть и пр., сотни дамъ, дѣтей, съ разными игрушками и пѣніями, все это въ волнахъ народа. Сочетаніе войска и поповъ очень хорошо—пышность etc., etc. На два вѣка всего этого станеть—1792 и 1840 годъ—для Ліона также прошли, какъ для его сосѣдей—и кучка студентовъ по Конту и не по Конту остается ново-мандаириной кастой. Что-же искать законовъ логики у поврежденнаго?

Вѣроятно, послѣ завтра, въ четвергъ, мы поѣдемъ прямо въ Колмаръ, а потому до перемены можно писать на мое имя. Colmar (Haut Rhin), Poste Restante. Въ Colmar'ѣ, вѣроятно, останемся до 1-го іюля. Погода превосходная. Я еще разъ пишу, что Ліономъ совершенно доволенъ.

Часть записокъ Мейзен. прочелъ; чтобъ ихъ печатать я меньше вижу препятствій, чѣмъ на то, чтобъ ихъ читать (не по дружбѣ, а просто). Мнѣ кажется, что ты очень дурно знаешь современное мылье—отъ того тебя и Барни дивить. Отшельничество и дума ставить челоуѣка внѣ торговой бани и рынка... въ одиночествѣ душа съ Богомъ говорить—а на рынкѣ «та... та... та... тра... тра... тратата... и она ему сказала «плевать мнѣ на тебя» и онъ, матушка, такъ и заиндеуѣлъ... а злодѣйка-то, Аленка, смотреть изъ-за угла—и смѣется... а зубищи-то черные—все отъ румянъ... та... та...», а мудрый ищетъ формулу—и другой мудрый ее пойметъ черезъ сто лѣтъ, а *chemin faisant* всѣхъ *habebit humus*.

Дома тихо, хотя былъ и мирнобурный разговоръ, который показывается, что тутъ ничего не поправишь. Разговоръ заставилъ о многомъ подумать,—но еще не стану писать.

«Колок.» нѣтъ. Если быстро отвѣтите и пошлете на почту до 2-хъ часовъ—письмо придетъ въ 8 утра въ четвергъ. А впрочемъ, пожалуйста, посылайте въ Colmar—туда же и «Голосъ».

P. S. Тхорж. былъ правъ; я очень скверно провелъ ту ночь. Посылаю тебѣ 1-ю часть Базарова, я ее промылъ и забылъ отдать. Попробуй хладнокровно прочитать и отдай Чернецкому или дашь *imprimatur*?

20-го іюня (1868 г.). Colmar. (Н. Rhin).
Hôtel des deux clefs.

Ну, батюшка, Николай Платоновичъ, путь сюда—это стоитъ абиссинской кампаніи. Я нѣсколько разъ думалъ, что если-бъ ты—до преломленія¹⁾, былъ въ этомъ положеніи?. Жаръ доходилъ до 30° Ц. въ тѣни, вагоны накалены,—у меня повторилась головная боль какъ въ Жепевѣ, да къ тому же насморкъ. Мы раздѣлили путь на двѣ части и въ Безансонѣ ночевали. Франція во всѣхъ нутрахъ своихъ,—не на самыхъ главныхъ артеріяхъ,—еще находится въ состояніи времени Тюрго. Приѣхали въ 11 часовъ (опоздавши часомъ). Въ отелѣ заставили ждать.... (?). Лиза посоловѣла, ночь,—наконецъ, рѣшились признаться, что у нихъ утромъ выгорѣло полдома и что мѣста нѣтъ. Насъ повели въ какой то Саранскій постоялый дворъ, въ которомъ даже кофею нельзя было достать въ 12 ч. ночи. Выспались кое-какъ, утромъ опять въ вагоны — жаръ еще ужаснѣе, я началъ серьезно бояться прилива. А тутъ въ Велфорѣ—ждать на станціи 2½ часа, въ Мильгаузѣ, 2 часа—разныя дороги, неумѣвшія согласоваться. Наконецъ, вчера, приѣхавши въ 9 ч. вечеромъ въ Colmar—я въ десять бросился въ постель—всю ночь въ какомъ то полубреду (серьезно); утромъ у меня пошла кровь изъ носу, чего не бывало дѣтъ сорокъ...

Я писалъ къ Шофуру, чтобъ прислалъ сюда рекомендательное письмо къ I. Масѣ. Школа знаменитая отсюда не далеко (кажется двѣ станціи). До 30-го, вѣроятно, останемся здѣсь. Иду на почту.

Ты знаешь, что Тата (Натал. Герц.) вдругъ написала, что ѣдетъ съ кѣмъ-то черезъ Mont Cenis и Culoz въ Женеву и оттуда къ намъ въ Lyon. Я писалъ, чтобъ остановить недѣли на двѣ. О Prangius еще ничего не знаю, я на этотъ счетъ имѣлъ дурной разговоръ, хотя *summa summagum* все идетъ тихо.

Прощай.

Тхоржевскому препоклоны. Корректуру и все посылатъ на мое имя, а не на имя Natalie, такъ я распоряжусь на почтѣ.

Потому, что я вижу здѣсь вездѣ Kleinstädcheny—и аминь, аминь глаголю вамъ...

Est ist nur ein Löwe,
Est ist nur eine Stadt Lyon.

¹⁾ Н. П. Огаревъ сломалъ себѣ въ 1867 г. ногу.

И я предлагаю до Ниццы жить тамъ. Къ тому же въ Hôtel de l'Europe хозяйка влюблена въ Лизу и насъ носятъ всё на рукахъ.

Предлагаю на адресахъ къ близкимъ знакомымъ не писать Monsieur и M-г.

12 часовъ.

Жаръ опять страшный, голова болитъ. Аптекарь совѣтуетъ пить кремортартаръ.

Ворохъ писемъ. Отъ Шафура, ваши и проч. Если-бъ Тата внимательнѣе читала мои письма, она не поѣхала бы теперь,—что она будетъ дѣлать три недѣли или almeno 2. Я совѣтую остановиться у Володимеровой — и съѣзжаться потомъ, по общему условію,—пу, хоть въ Базелъ или въ Лионъ, не ближе 5-го іюля.

Книгу Кельсиева... полцарства за книгу Кельсиева! Я пишу немедленно разборъ.

О Базаровѣ—опять-таки я не настаиваю; второе письмо готово, я его пришлю надняхъ. Выписка «она въ глубинѣ души...» очень ясно по смыслу идетъ въ продолженіе другой выписки.

Вѣроятно пора на почту, послѣ завтра дальнѣйшее.

23-го іюня (1868 г.). Colmar. (N. Rhin).

Вторникъ. Deux Clefs.

Осматривали Бебленгеймъ. Приняли насъ чудесно. Много хорошаго, много такъ себѣ. Но такъ какъ серьезной цѣли при этомъ не было—то и all right. I. Масе замѣчательный дѣятель—простой, но умный человекъ, живущій 16 лѣтъ въ Бебленгеймѣ—и дѣлающій чудеса пропагандой сельскихъ библиотекъ и Ligu'ой первоначальнаго образованія. У него тысяча адгерентовъ во всей Франціи. Я тебѣ пришлю бюллетени презамѣчательные. Религія и политика—формально исключены—(положительно и отрицательно). При свиданьи расскажу много.

Все время былъ болень—приливы, насморкъ и головныя боли безъ перерыва. Сегодня лучше. Имѣлъ tochets (?) сходить въ военный госпиталь и посоветоваться съ тамошнимъ докторомъ.

... 25-го числа вечеромъ ѣдемъ въ Мильгаузъ (если будутъ письма, перешлють за мной). Здѣсь братъ Шофура—у того Ш., котораго ты видѣлъ, отянулись ноги—но надѣются исправить. Я поѣду къ нему въ Танъ.

Радущіе вездѣ большое и Шофуръ правъ; онъ въ отвѣтъ на мою просьбу—о рекомендаціи Масе—написалъ: «вотъ вамъ записка, mais

je m'en garde bien de me donner le ridicule de vous recommander—votre nom suffit en France»,—и безъ хвастовства—оно выходитъ такъ.

Листъ «Полярной Звѣзды» (ужасно дурно поправленный тобой—замѣть, что ты все меня винишь, а я тебя—мелкихъ ошибокъ 50 almeno) посылаю Чернецкому. Одно письмо я нашелъ здѣсь, затѣмъ ни слова. Что же Тата? Лучшее, что она можетъ сдѣлать—это ѣхать: а) къ Марьѣ Каспаровнѣ дня на два—и потомъ прямо въ Мильгаузъ. Но все же разъ впередъ написать. А когда я напишу объ отелѣ—если нужно телеграфировать. Засимъ прощай.

Адресъ: Mülhouse, poste restante. (Haut Rhin).

30-го іюня (1868 г.). Вторникъ.

Mülhouse. H.-Romagne.

Вѣсть о смерти Матеучи поразила меня не только потому, что это ударъ для всей Италіи и для Саши—онъ былъ сторожъ свободы преподаванія—но еще потому, что я его видѣлъ въ декабрѣ сильнымъ, полнымъ жизни и дѣятельности, безпрестанно двигающимся и говорящимъ обо всемъ. Долгоруковъ (Петръ Влад.) при всей силѣ былъ какой-то fungus bestialis—уродство,—а это—гуманное явленіе. Да-съ... Memento mori. Довольно.

У Шофура я провелъ превосходно день; они живутъ богатыми помѣщиками и вся семья удивительно образованные люди; одинъ изъ семьи (Шереръ) химикъ и натуралистъ, поклонникъ Шифа. Старикъ Кестнеръ—глава дома, хромой, энергическій, и тотъ Шофуръ, котораго ты видѣлъ—очень больной, у него начало онѣмѣнія позвоночнаго мозга; Шереръ говоритъ, что онъ на плохой дорогѣ. Приѣмъ былъ самый горячій, больной самъ приѣхалъ меня встрѣтить на желѣзную дорогу—остальное при свиданіи.

Сегодня вечеромъ ѣдемъ въ Basel. Тамъ, вѣроятно, дождусь Тату, а не то въ Люцернѣ, гдѣ буду ждать Пранжинской исторіи. Люцернъ очень красивъ, я готовъ тамъ жить хоть мѣсяць.

А хотѣлось бы и мнѣ гдѣ нибудь пріютиться—но ничего не предвижу... Ты проповѣдывалъ неподвижность—вотъ и ходить не можешь; я, напротивъ, движеніе—и въ 56 лѣтъ не имѣю столько осѣдлости, какъ панъ Сверценевичъ или Жижоль. Не знаю, какъ выработаться изъ этого положенія. Не посоветоваться ли съ Гринингеромъ—это по его части.

Особенно хорошаго отъ свиданія съ Татой не жду. Прощай.

Лиза здорова, но Натали (О—ва) убѣждена, что она больна и хочетъ совѣтоваться съ Ад. Фогтомъ.

2-го іюля (1868 г.). Bâle, Hotel Trois rois, № 3.

Ну вотъ и Швейцарія и Рейнъ. Въ субботу двигаемся въ Люцернъ и halte—до Prangins. Тхор. думаетъ, что до 1-го августа врядь удобно-ли тебѣ переѣхать—ну, и оставимъ до 1-го августа, оно не за горами. Я природу Люцерна очень люблю, потому и избралъ его центромъ.

Вчера получилъ отъ Таты и Тхор. письма, въ тотъ же день, стало изъ Женевы въ сутки. Отъ тебя что-то давненько нѣтъ—или такъ кажется. Вчера я послалъ Чернецкому *sombonds* (?) записки Мейзен. (я согласился съ тобой à la fin, что ихъ печатать нельзя, писалъ *zagt* объ этомъ М., но тутъ врядь что-нибудь сдѣлаешь) и второе письмо о Базаровѣ, которое, пожалуйста, предварительно прочти. Вымарывай что хочешь. Я возражаю только на твою теорію—и не понимаю, отчего-же мы такъ высоко поставлены, что не должны оскорбляться оскорбленіями и защищаться—не идетъ-ли это къ прошлой эпохѣ грандомства... Недосыгаемая выси — не къ лицу передъ Альпами.

Съ отъѣзда Тхор. «Голоса» нѣтъ. Не могъ-ли бы Чернецкій на недѣлю взять эту обузу—очень легкую—на себя?

Ну, Долгорукій наказанъ черезъ мѣру. Тхоржевскому оставляетъ 1,000 ф. ренты и мебель. Нѣтъ худа безъ добра.

Тата (Наталія Александровна) пишетъ о томъ, что Рейхели сильно бѣдствуютъ съ этой охабкой дѣтей.

У Шофура пробылъ день, славная семья—всѣ три поколѣнья, старикъ—его сыновья (одного ты видѣлъ) и, наконецъ, молодые, т. е. лѣтъ 30 или 25. Всѣ въ хорошихъ принципахъ до конца ногтей. Одинъ химикъ и адмираторъ Шифа etc. Они, должно быть, очень богаты. Приемъ былъ необыкновенно радушень. А все-таки, всякій разъ, какъ я оставляю Францію—на душѣ легче. Въ Альзасѣ—неудовольствія много, онъ начинаетъ ненавидѣть Францію и совершенно въ томъ отношеніи къ ней, какъ Рейнскія провинціи были въ 1847 къ Пруссіи. Присоединиться бы имъ и всей южной Германіи (Виртембергъ, Баварія, Бадень)—республиканскими кантонами къ Швейцаріи. Такія мысли бродятъ. Но глупъ человекъ—и ничего не выйдетъ.

2 часа. Почта пришла—отъ тебя ни строчки. Всѣ остальные пришли.

5-го іюля (1868 г.). Lucerne.

Почти по сосѣдству. Письмо твое и «Голось»—двѣ посылки получилъ. Одна гдѣ-то залежалась. Вообще письма доходятъ исправно. Маленькій проѣздъ изъ Базеля сюда былъ противно смѣшонъ. Ужасное, невѣроятное количество путешественниковъ (большую частью англичане), въ первыхъ мѣстахъ все биткомъ набито,—въ остальныхъ — вдвое... все это мечется съ какой-то животной торопливостью. Въ Ольтенѣ 20 мин. для завтрака, большой буфетъ,—мы туда—все занято какъ въ церкви, гарсоны бросаются, бросаютъ тарелки — тамъ никогда не кормятъ ни лошадей, ни собакъ, крикъ... и мы бѣжали въ вагоны. Красива буржуазная цивилизація.

Мы остановились въ Beau Rivage, но вѣроятно перейдемъ въ N-1 Belle Vue—мы прѣхали въ проливной дождь, который лилъ весь день—тутъ было не до выбора—(и теперь льетъ).

«Современность» читалъ. Пока ты защищаешь материнскимъ крыломъ милыхъ щенятъ псевдо-нигилизма, они сами себя начинаютъ выводить на свѣжую воду. Это заставляетъ меня прощать messe de mortis о насъ. Итакъ, эта бездарная пѣна, эта гниль на корню—развѣтъ сама себя. Превосходно! Одинъ вопросъ имъ слѣдуетъ сдѣлать, т. е. высокимиъ порицателямъ своихъ: «въ чемъ-же ихъ воззрѣніе?»... Они говорятъ свысока: «Мы, молъ, знаемъ — а тѣ нѣтъ». Neгаus damit.

У Лизы сдѣлался панари на пальцѣ, что при ея нетерпѣливости дѣло не веселое. Я все не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Жары тогда подѣли меня. Съѣзжу къ Адольфу Фогту... Lithine—щелочь, какъ сода особыхъ свойствъ—это средство слабое.

Тата, вѣроятно, прѣдетъ между 10 и 13. Паизъ ее провожаетъ. А ты и поклонъ ей сюда посылаешь. Встрѣча будетъ хороша—и здѣсь, и въ Prangius устроимся... а потомъ?

Работается плохо,—да я, просто, ничего не дѣлаю, и это не отъ переѣздовъ (хотя и они способствуютъ)—а такъ тяжелая и апатическая полоса. Колокольныя статьи французскія не допускаютъ полемики—русскій Колоколь не существуетъ (какъ и вся наша дѣятельность въ Россіи). Я все жду Schwung'a, толчка, перемѣны. Ну, хоть бы полемику съ Бакунинымъ или съ новымъ органомъ. Нѣтъ Anregung, а говорить одному скучно. Ты думаешь одинъ—это другое дѣло—für sich.

Вотъ и все.

Получилъ письмо отъ Сазонова-сына—фразисто, zu französisch.

Addio.

7-го іюля (1868 г.). Вторник. Hôtel Belle-Vue. Lucerne.

Получилъ письмо отъ сына Долгорукова, съ просьбой отъ отца—пріѣхать проститься. Тхорж. пишетъ, что Петръ Владиміровичъ хотѣлъ телеграфировать, и опять хотѣлъ меня назначить душеприкащикомъ или распорядителемъ. Онъ все боится за бумаги и думаетъ, что у сына инструкторія. Фогтъ полагаетъ, что онъ не переживетъ восьми дней. Я написалъ отвѣтъ сыну, что, считая себя правымъ въ нашей размовкѣ, я готовъ забыть ее передъ торжественной минутой смерти,—и готовъ пріѣхать, если и послѣ его пріѣзда Долгоруковъ считаетъ это нужнымъ.

Письмо Тхоржевскаго сконфужено—онъ какъ-то неясно выражается на счетъ юнаго принца.

Съ одной стороны—жестко отказать умирающему—и я готовъ ѣхать, но видѣться съ сыномъ мнѣ бы не хотѣлось. Какъ твои мнѣнія? Хоть телеграфируй; если ты думаешь, что ѣхать не надобно—я скажусь больнымъ.

Здѣсь очень хорошо лѣтомъ. Hôtel дорогъ и кормленіе такъ себѣ, но видъ изъ оконъ—и кругомъ поля, сады и горы... передъ глазами озеро и опять горы.

Люцернъ несравненно изящнѣе Женевы,—но, вѣроятно, холодно съ начала октября. Мнѣ кажется, что и Natalie устала отъ вагонбондажа, но гдѣ съѣсть—посоветуюсь съ Татой. Моего ума не хватаетъ. Ты не повѣришь, какъ я усталъ. Домъ-бы,—домъ-бы поудобнѣе, съ полемъ—и на отдыхъ!

Я затерялъ «Современность», а она мнѣ нужна; хочу писать разборъ и похвалить серьезно эти Грузины. Я думаю, что похвала наша должна ихъ окончательно разсорить.

Что новаго? Твои письма sterile (безплодны, пусты).

Прощай.

Жду изуродованнаго Крупова въ бандажахъ.

11-го іюля (1868 г.). Bernerhof № 6. Bern.

Пишу тебѣ почти то же, что писалъ въ Люцернѣ. Я вчера прожилъ длинный день, который долго не забуду. Начался онъ скучно отъ дурнаго расположенія Natalie; я уѣхалъ low spirited (удрученный духомъ), но отъ Olten'a всю дорогу ѣхалъ съ Люйсомъ и его женой (ну, которая пишетъ англійскіе романы); онъ оживилъ меня, необыкновенно умный и бойкій человѣкъ. Между прочимъ, спросилъ меня:

«est ce que votre «Golos» paraît toujours?», за что ему досталось порядкомъ.

Но къ трагедіи. Долгоруковъ (кн. Петръ Владим.) очень плохъ, но сильный организмъ не сдается, какъ крѣпость. У него изъ ногъ пущена вода и льется постоянно. Лицо его совершенно осунулось и сталъ какъ-то важнѣе. Говорить не связно, глаза потухли — онъ не знаетъ близости конца, но боится. А главное: внутри его идетъ страшная передрыга. Мнѣ онъ былъ радъ безъ мѣры, но и безъ шума, — онъ постоянно жметъ мнѣ руки и благодарить. Вѣрить онъ во всемія мірѣ — мнѣ одному и моему намѣстнику Тхоржевскому. Утромъ призываетъ онъ Тхоржевскаго и Фогта.... затѣмъ, послѣ разныхъ страшныхъ вещей, онъ послалъ Фогта сказать, чтобъ Н. . . сейчасъ ѣхалъ назадъ...

Фогтъ исполнилъ порученіе. Н. . . разумѣется, всплылъ. Но Долгоруковъ его тотчасъ позвалъ и сталъ просить прощенья. Когда я взошелъ, онъ всѣхъ выславъ и, взявъ меня за обѣ руки, уставилъ на меня, приподнявшись, мутный взглядъ.

— «Герценъ, Герценъ, Бога ради скажите, я вамъ, одному вамъ вѣрю, одного васъ уважаю — вѣдь это сумасшествіе, вѣдь это вздоръ?»

— «Вы сами видите, что сумасшествіе, гдѣ же послѣдствія?»

— «Да, да, очевидно, бредъ — такъ вы думаете бредъ?» (и это десять разъ). И вдругъ, опускаясь, онъ тихо повторилъ раза два:

— «Нѣтъ, ужъ вы — ужъ Бога ради — вы ужъ понаблюдайте надъ тѣмъ, что со мной дѣлаютъ», — и показалъ видъ, чтобъ я молчалъ; послѣ чего онъ задремалъ и, проснувшись, попросилъ откупать съ сыномъ, что мы и сдѣлали. Сынъ былъ раздраженъ сначала, но за обѣдомъ, послѣ двухъ, трехъ бутылочекъ и абсенту оправился, — странный онъ человекъ. Все это вмѣстѣ такъ нервно подѣйствовало на меня, что я всю ночь не спалъ и голова тяжела.

Скажи, какое впечатлѣніе на тебя сдѣлаетъ мое письмо?

Фогтъ говоритъ, что ни одного шанса нѣтъ на спасеніе и что ежели его оставить такъ, то и карачунъ. Мнѣ кажется, силъ еще много....

Тата здѣсь. Письмо ея я получилъ, которое она ждала въ Люцернѣ.

Нашлись ли корректуры и что дѣлается съ Круповымъ (изд. записокъ доктора Крупова)?

13-го, въ полдень, уѣду съ Татой въ Люцернъ.

Одинъ листъ «Le Kolokol» посылаю, другой, если пришлетъ Тхор., отошлю тотчасъ. Прощай.

Узнай, пожалуйста, у Чернецкаго, гдѣ я могу достать брошюру противъ Мирославскаго — Бакунина. Густавъ Фогтъ ее имѣетъ, Рейхель имѣетъ. А я ищу гдѣ бы достать. Если Бакунинъ не запретилъ, я желалъ бы имѣть.

14-го іюля (1868 г.). Lucerne. Belle-Vue.

Ну, наконецъ, я освободился отъ Долгоруковскаго кошмара. Что за страшная агонія и, къ тому же, ему положительно лучше, онъ ѣсть непрерывно и этимъ себя поддерживаетъ. Ад. Фогтъ выбился изъ силъ. Третьяго дня еще дикая сцена съ . . . мѣ при мнѣ, потому я ихъ мирялъ. Онъ увѣренъ, что тотъ только и ждетъ, чтобъ взять его деньги, да и ѣхать!... Пришелъ * . . . и возразилъ на что-то. П. В. закричалъ:

— Молчать, и сейчасъ въ Петербургъ!

Потомъ прислалъ Фогта сказать, чтобъ онъ не ходилъ къ нему. И когда я его немного урезонилъ, онъ все таки . . . сказалъ при первомъ свиданіи на другой день, чтобъ онъ уѣхалъ и далъ бы ему спокойно умереть или лечиться. Одинъ Тхоржевскій невозмущаемъ идетъ въ этомъ болотѣ, и хотя сильно скучаетъ, но держитъ себя хорошо.

Какая неотесанная, дерзкая свинья Чернецкій — это трудно себѣ представить. Посылая Крупова (въ которомъ, за исключеніемъ одной ошибки моей, всѣ произошли отъ спутанья приписанныхъ фразъ), онъ пишетъ: «Типографія не отвѣчаетъ за бессмыслицу оригинала». Какъ вамъ это нравится? Хотя, я повторяю, удивительно, какъ ты могъ пропустить совершенный бредъ, не справляясь съ рукописью.

Я ишу какого нибудь зонтика отъ дерзости и не нахожу. Ты такъ счастливо поставленъ, что тебя суета суетствій минуетъ.

.... Фогтъ говоритъ, что сильное расположеніе къ диабету и пока мѣсть рекомендовалъ пить натуральный спрудель въ Люцернѣ и черезъ двѣ недѣли опять ѣхать въ Бернъ. Вообще мнѣ теперь лучше, но (все-таки нездоровится).

Тата пріѣхала со мной.

Здѣсь Ауэрбахъ съ женой, они недавно изъ Россіи и были въ Вевѣ. Бакунинъ совершенно принадлежитъ партіи Эллидина и съ нимъ въ кошонной дружбѣ.

Саго піо — намъ пора въ отставку и приняться за что нибудь другое—за большія сочиненія или за длинную старость!

Еще Чернецкій пишетъ, что у него скоро не достанетъ оригинала для «Полярной Звѣзды» и грозитъ мнѣ за это какимъ-то расчетомъ business like, (затѣеть тяжбу), въ случаѣ остановки. Да не сошелъ ли онъ съума? Прощай.

Лиза очень рада Татѣ, встрѣча была хороша. Я Татой очень доволенъ.

2 часа.

Сейчасъ прѣхаль Тхоржевскій для отдыха и привезъ вѣсть, что Долгорукову несравненно лучше. Вотъ вамъ и медицина!

17-го іюля (1868 г.). Пятница. Lucerne. Belle-Vue.

Переписка вяла, не идетъ, работа тоже — головы тоже, дурной годъ или дурной чередъ. Безъ инцидента Долгорукова — нечего было бы сказать, безъ глупости Чернецкаго — нечего было бы ругать. Развѣ статья Вырубова «Paris et Londres». Что за колоссальная . . . . . ! Туда же пошелъ au bout du Com(p)te — въ беллетрасты.

Карлсбадскую воду пью по три стакана; посмотрю, что будетъ и что предпринять. Самое трудное сыскать мѣсто жительства. Не придумаю. Развѣ въ Цюрихъ ѣхать — послѣ Prangius?

18-го, суббота.

Пока мы съ Лизой были на пароходѣ, подъ дождемъ, и осматривали Tell's Platz — явилось твое письмо; — изъ него видно, а) что все дѣло о Туцѣ — ты изложилъ не такъ, и чѣмъ тебя ошеломило оно, не понимаю. Какія экскурси въ 5 лѣтъ? б) что я описался — и поставилъ bibliothèque вмѣсто biblique — но будто это трудно было поправить? Даже слово sainte — выдуманно, у меня написано société — дай какому угодно эксперту; в) никакія ошибки не дадутъ Черн. право писать дерзости; д) если Чернец. не жаловался почтовому вѣдомству, то чтобъ жаловался сейчасъ, или надняхъ прѣдетъ Тхорж., безъ котораго не достаетъ масла и станокъ скрипить.

На счетъ лекарства съ мышьякомъ я думаю, что безъ крайней крайности ничего такого предпринимать не надобно. Ты много прострадалъ за ногу ¹⁾ — пострадай финаль. Тата (и я самъ) не удивишься, что ты не можешь научиться ходить на костыляхъ, — а постоянно лежа голова должна быть плоха. Ты теперь съ полгода не шилъ — такого случая сдѣлать чорту другаго не будетъ. Я это считаю капитальнымъ.

Отвѣчать полякамъ не стану.

Что же писать о маневрахъ — мы не въ 1859 году — всѣ эти экарты не идутъ намъ.

---

¹⁾ Н. П. Огаревъ сломалъ на охотѣ въ 1867 г. ногу, долго и сильно страдалъ. Отъ ампутаціи ноги онъ отказался.

Тхоржевскій привезетъ тебѣ 500 фр. за августъ и можетъ дать Мечникову 300 франк. до расчета. Но ты не отвѣчалъ на вопросъ о «Полярн. Звѣз.»—я не могу платить иначе, какъ экземплярами.

Если Долгоруковъ умретъ—до 1 января всѣ журналы буду получать я. Вообще читальня невозможна, и еще менѣе возможно, чтобы я взялъ изъ 6,000 полученныхъ тобой 350. Эти вещи навсегда надобно похерить. Ты меня спрашивалъ, хочутъ-ли я выписывать съ Мечниковымъ—я написалъ, что «можетъ быть»—предполагая, что мы будемъ получать и отдавать ему. Теперь является читальня,—въ которой засядутъ Николаи—Сѣрно-Солов., Элипини, Чесновичъ—и или они будутъ бѣситься за то, что ты или я задержали листъ—или мы за то, что они задержали. Спроси предварительно какъ разрѣшаетъ Мечниковъ эти затрудненія. Наконецъ, тутъ есть соприкосновеніе—съ В...сами и другими негодяями. Идешь ты на него или нѣтъ? Если я не понимаю, растолкуй.

Карлсбадскія воды продолжаю. Вчера было вспухла вся кисть—за ночь лучше. Черезъ 10 дней самъ поѣду къ Фогту.

Адье. Прощайте.

Неужели ты не читалъ въ «Голосѣ» статью Родіонова противъ меня: «Фельетонъ и вопросы».

НВ. Отчего Чернец. не присылаетъ отпечатанныхъ листовъ «Полярн. Звѣз.»? Отчего на «Колоколъ» бумага скверная?

23-го іюля (1868 г.). Четвергъ. Lucerne.

Хочу на твое длинное письмо писать zweimal so длинное—и обо всемъ разсудить и отвѣтить.

1) Медицинское отдѣленіе... Мнѣніе Фогта то-же, что Шифа, что diabet'ы еще нѣтъ, но есть явная къ ней тенденція; въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія онъ ничего не знаетъ, кромѣ діеты (менѣе безумная, чѣмъ предписанная See) и употреблять карлсбадскую воду или Виши.

2) Отдѣл. почтовое. Должно быть въ письмахъ, что они приходятъ вмѣстѣ—виноватъ я. Вѣроятно, въ Женеву отсюда одна почта,—а потому посланное утромъ или вечеромъ приходитъ въ одно время. Но почему ты на почту посылаешь Генри для объясненій—я не постигаю. Самое слово почта—должно было тебѣ напомнить о средствѣ, замѣняющемъ посланниковъ—оно просто состоитъ въ писаніи Au bureau de la poste aux lettres à Genève. Это же и не франкуется (à propos, твое прошлое письмо пришло съ скромнымъ афраншементомъ въ 5 сант. вмѣсто 10). Чернецкій долженъ настаивать.

3) По дѣлу Чернецкаго. Безсознательно писать дерзости нельзя, а можно глупости. Наконецъ, если и можно, то десятый рецидивъ показываетъ преднамѣренность—и ему это даромъ не сойдетъ. Спроси у Тхорж—го письмо, которое я ему далъ въ Бернѣ. А теперь есть другое письмо, съ насмѣшками.

4) По дѣлу читальни. Когда хартія, ограничивающая женевскую вольницу, будетъ написана, мы поговоримъ. Мечниковъ проектеръ,—отчего онъ не держится предложенія вмѣстѣ выписывать газеты? А когда онѣ нами прочтены, онъ можетъ заводить изъ нихъ Казино—или жечь, или употреблять на папильоты. За это наша привиллегія—получать и держать пока нужно. Тогда вся дрянъ можетъ питаться крупицами изъ милости—и рекламация будутъ невозможны. Какъ можно имѣть съ ними чтонибудь общее—кромя дружбы Бакунина—я не постигаю. Врагамъ никакихъ удовольствій дѣлать не хочу, къ равнодушнымъ—равнодушень.

5) По дѣлу Тхоржевско-Мечниковскому. Не хлопочи очень о Мечниковѣ. Тхорж—му я писалъ, чтобъ онъ ему до расчета прислалъ или отдалъ 300 фр., напишу еще. Мечниковъ всю жизнь не имѣлъ денегъ и искалъ на перехватъ—это его натуральное положеніе. Не могъ же я предвидѣть, что Долгоруковъ опять занеможетъ. Что касается до тѣхъ денегъ, о которыхъ онъ думаетъ, что получить, онъ ихъ не получитъ. Ожидать деньги у него тоже привычка. Говорили ты ему о предложеніи переводить для какого-то г-на въ Саксоніи—я писалъ тебѣ? Это не слѣдуетъ терять изъ вида.

6) По дѣлу Мрачновскаго. Ты старый и не раскаянный грѣшникъ—стоишь на томъ, чтобъ разбить Оболенское счастье—я вступаюсь за то и открываю пари, что Мрачновскій ни на комъ ни официально, ни private—не женился, и что слѣдовательно его жена не могла тебѣ понравиться. 25 сигаръ по 50 сант. each (каждая).

7) По дѣлу Долгорукова и стоустой фамы. Сложныя дѣла обсуживай многосторонне. Когда я писалъ тебѣ изъерна въ 1-й разъ, дѣло объ объясненіи Долгорукова сына было извѣстно Тхорж., Фогту и мнѣ. Я не хотѣлъ (думая, что Долгоруковъ умретъ), чтобы черезъ меня вышло это, я и Тхорж—му говорилъ. Изволили пустить въ забвѣніе, что я писалъ о второй скандальной сценѣ,—гдѣ Долгоруковъ кричалъ. Тогда всѣ узнали—garde malade, трактирщикъ etc. А когда онъ прогналъ *...—узналъ весь городъ и часть кантона (не въ Китаѣ, а околоерна). Чему же ты дивишься, что Бакунинъ, любившій всегда быть стокомъ сплетней, зналъ черезъ Фогтовъ и пр. Засимъ часть общая.

Но и тутъ, вмѣсто перехода, 8) По дѣлу Кельсѣва. Послѣ

десятикратнаго вызова съ моей стороны, въ которомъ я писалъ, что жду записокъ его какъ воронъ крови, ты усомнился, буду-ли писать. Всенепремѣнно, безотлагательно, неумытно. Зачѣмъ ты такъ *meticuleux* (боязливъ) и такъ конституціонелень. Послалъ бы мнѣ книгу и дѣло съ концомъ. А Мерчинскій расхныкался бы — баць — телеграмму въ Люцернъ, — а я ребаць по почтѣ.

(NB. О Кельсіевѣ статья будетъ въ «Пол. Зв.» — разумѣется, во всякомъ случаѣ).

Вчера я положилъ въ 10 вечера тебѣ письмо въ ящикъ и въ немъ отъ Лизы, которая *entfesselt* (отрекшись) отъ городской жизни жуируетъ лѣсомъ и полемъ, такъ что жаль увозить. Съ Татой (Наг. Алекс. Г**) шло бы хорошо, но грубыя выходки Лизы (единственный серьезный порокъ ея) Тату сердятъ. *Natalie*, разумѣется, тогда дѣлаетъ все, чтобъ ухудшить дѣло. Прока изъ этого не будетъ.

Въ вчерашнемъ письмѣ я именно тебѣ писалъ — о бастованіи — жерновъ останавливается больше и больше — мы вяло толчемъ воду — окруженные . . . . . смѣхомъ и подлой завистью. Россія глуха. Посѣвъ сдѣланъ, она прикрыта навозомъ — до осени дѣлать нечего. Мнѣ пришло въ голову написать тебѣ письмо (т. е. официальное) — съ предложеніемъ сдѣлать *stoppage* (остановку) — я и сдѣлаю это.

Но какъ ты могъ дойти до мысли, что подъ именемъ отставки, покоя отъ «Колокола», Чернецкаго, Елдаковщины и Щенкевичей — разумѣлъ какое-то пустое бездѣйствіе, да и какъ его начать? Прежде надобно полное размягченіе мозга, затверденіе сердца, боязнь за здоровье. Я на гробѣ «Колокола» желалъ бы одного — вѣшняго покоя, умѣнья съ одной стороны быть покойнымъ, почти безучастнымъ къ окружающимъ уколамъ. Но это не Колоколь, съ этимъ не сладншь, благо ты его имѣешь — пользуйся. Прощай.

Попозже.

Собираемся сдѣлать прогулку въ горы и дикія мѣста Унтервалденскія. Помни общее правило — до перемѣны мной адреса — писать на старыя, хотя бы я былъ въ Женевѣ.

3-го августа (1868 г. ?). St.-Gallen.

Вотъ и въ Германіи побывали, т. е. въ Констансѣ, — о паспортахъ никто и не думаетъ. Погода была превосходная. Сегодня ѣдемъ въ Апенцель — завтра вечеромъ будемъ въ Цюрихѣ, и тамъ, вѣроятно, будутъ и деньги отъ Тхоржевскаго. Если я тамъ ихъ найду и письма то въ среду поѣдемъ, но пути еще не знаю, можетъ на Тунъ — *Omni Caro* 15 въ Prangius.

Дочиталъ Кельсіева; я рѣшительно отказываюсь писать, да и тебѣ

не совѣтую. Предоставь это дѣло нашимъ милымъ Сень-Жюстамъ изъ Грузіи — нашимъ ..... дѣтямъ. Я вреда книги не вижу и спрашиваю, чтобы онъ дѣлалъ за границей? (развѣ въ Тульчинской школѣ?)—да что и мы дѣлаемъ? Мы, по правдѣ, сдѣлали кое-что и были полезны. А вся эмиграція—была нелѣпость. Гулевичъ просилъ смиренно прощенья, а простилъ его не государь, а эмигранты. Кельсиевъ сдался какъ сумасшедшій, но не измѣнилъ.

Неужели ты не помнишь его писемъ послѣ смерти Варв. Тим. (его жены) къ намъ? Онъ тогда уже писалъ, что съ поляками во враждѣ, что въ западную революціонную идею не вѣрить. А что мы съ поляками въ дружбѣ? Или съ западной идеей въ ладу?

Мы слишкомъ далеко зашли, останемся въ нашей фортеціи умирать—но пусть гарнизона (желающая) идетъ по дворамъ.

Лиза хочетъ тебѣ писать, что мы Рейнъ переплывали подъ водопадомъ. Она здорова, ѣсть за двухъ, спать за трехъ, и если-бъ можно было Natalie убѣдить не портить ее, можно было бы ею похвастаться въ Prangius. Капризы портятъ ее страшно.

Писемъ, разумѣется, съ 30-го іюля я не имѣлъ. Найду нѣсколько въ Цюрихѣ.

Наконецъ-то, ты раскусилъ Мрачновскаго—безъ теоріи о бракѣ. А что процессъ о воровствѣ Сень-Жюстов.—Что масса Бакунина?

Addio.

Напиши письмо въ Цюрихъ, его пришлютъ за мной. Для вѣщей акуратности, можешь сзади пакета написать—en cas de départ faire suivre.

Не знаю гдѣ Тхоржевскій—у принца ли, (т. е. у сына кн. П. В. Д.), и что Долгоруковъ,—у него возвратная водяная..... Это уже комедія въ агоніи.

23-го сентября (1868 г.). Vichy ¹⁾ (Allier). N-1 des Ambassadeurs.

Ну вотъ я и попалъ въ цехъ водниковъ. Въ 7 отправляюсь въ горячую ванну, въ 8 пью изъ ключа Grande Grille, въ 10—полъ обѣда, въ 3 еще два стакана, къ $\frac{1}{2}$ 6 другой обѣдъ и въ одиннадцатомъ ложусь—что изъ всего будетъ, увидимъ. D-г, котораго я выбралъ по указанію Боткина, Durand Fardel, какъ слѣдуетъ, все торопится; однако, и онъ, осмотрѣвши грудь и животъ, тотчасъ забросилъ мозговые вопросы—и хотя онъ не сказалъ, но понять можно, что и онъ болѣзнь отнесъ къ мозгу. Боткинъ сомнѣвается въ излеченіи, но полагаетъ, что съ Виши, а потомъ Карлсбадомъ, при моей силѣ организма,

¹⁾ А. И. Герценъ былъ одинъ, безъ семьи, въ Виши.

можно бороться годы безъ страданій. Остраго оборота онъ не ожидаетъ (и считаетъ его очень опаснымъ). Разстался я съ Б. очень дружески—о платѣ не смѣлъ и заикнуться. Все, что онъ говорилъ, я понимаю,—а Фогта и Левье не понимаю, да и всѣхъ докторовъ. А вѣдь See то былъ правъ годъ тому назадъ!

Отъ N. получилъ письмо изъ Prangius очень хорошее. Я еще не знаю—сюда ли ихъ приглашу или самъ съѣзжу. Durand Fardel говорить, что прерывъ на день, на два вовсе не дурень. Жду пуще всего русскихъ газетъ и даже журналовъ, если будутъ. Если N. пріѣдетъ съ Татой, я здѣсь въ отелѣ не останусь—дорого (14 фр. пансіонъ въ день).

Надѣюсь, что моя телеграмма, посланная въ 9 часовъ утра 21—пришла во время?

Жду Колок.—жду стихи и вели готовить Полярную Звѣзду къ 15 октября. Обертка должна быть толстая, цвѣта «Былаго и Думы»—я напишу объявленіе—затѣмъ иду въ Термы.

Писалъ ли ты въ Писовой конгрессъ? Это было необходимо какъ политеся. Получилъ сейчасъ телеграмму о пріѣздѣ нашихъ въ Лионъ; вѣроятно, они пріѣдутъ сюда. Съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ премілое письмо отъ Ханькова (у котораго былъ въ Парижѣ и не засталъ), онъ пишетъ, что физикъ Вігъ тридцать лѣтъ занимался производствомъ сахара и что Ив. Тургеневъ влюбленъ, какъ 18-лѣтній мальчикъ, въ Віардо.

Затѣмъ жду твоей миссивы.

30-го сентября (1868 г.). Hotel de l'Amérique. Rue Clermont Tonnerre.

Переѣхалъ и провелъ первую скверную ночь въ Vichy. Не спалъ, отъ грозы ли, простуды ли или оттого, что вчера какой-то проклятый французъ уговорилъ меня выпить здѣшней же кипучей воды совсѣмъ изъ другаго источника. Но все это вздоръ. Нормально воды на меня дѣйствуютъ благодатно и покой абсолютный. Не знаю, что будетъ съ дамами, жду ихъ въ 8 ч. вечера. Письма хороши. Черезъ десять дней сдѣлаю другой анализъ. Durand Fardel думаетъ, что мѣсяца довольно (финаль 21 октября).

Теперь объ общемъ. Мнѣ какъ воздухъ нужны: 1) рѣчи Бакунина и Вырубова, 2) исторія ихъ отставки изъ Писа. Я не могу писать, не имѣя документовъ, а писать хочу и въ ихъ пользу. Умоляю Тхор. написать какихъ нибудь сплетень о писовкѣ (конгрессъ мира?).

3) Читалъ ли ты діатрибу К. противъ меня въ «Русск. Вѣстникѣ»?

Ужъ не отвѣтитъ ли ему? У тебя есть другой экземпляръ, прочти непремѣнно, а не то я пришлю.

Для П. чтонибудь напишу. «Колоколь» рѣшительно слѣдуетъ прекратить—посылаю тебѣ начало письма къ тебѣ (что я пишу не къ публикѣ, а къ тебѣ)—это самая оскорбительная форма,—но я не могу кончить безъ Бакунинской писовки.

2-го октября (1868 г.). Hôtel d'Amérique.
R. Clermont Tonnerre.

Ну вотъ и наши явились въ Vichy въ полномъ здоровіи; я послѣ небольшой передрыги опять очень здоровъ, и увѣренъ, что дольше 20-го октября Durand Fardel меня не продержитъ. Оттуда въ Лионъ, а если война, въ Цюрихъ до конца декабря; такъ рѣшилъ я и такъ принято единогласно. Я непремѣнно побываю въ Женевѣ.

Для того, чтобъ окончить статейку о Бакунинѣ, мнѣ нужно знать текстъ отставки его и Вырубова, или не напишешь ли ты какихъ-нибудь подробностей? Пришлю еще въ смѣсь. Ну, а «Полярную Звѣзду» пора и того.

Читалъ ли ты въ «Голосѣ» исторію Снегирева? Вотъ hotto'го.. и вѣдь это 72-хъ-лѣтній Иванъ Михайловичъ, знаменитый острякъ, латинистъ, цензоръ...

Толкай Мерчинскаго въ Россію всѣми силами, это совѣтъ Ботъ: онъ идетъ въ такую же петлю, если не бѣды, то бѣдности. Ботъ. любить его и помогать ему, но говорить, что выхода нѣтъ.

Отъ Саши, изъ Берлина, есть письмо. Онъ пишетъ мнѣ вѣе Дарделя объ операціи ¹⁾, оно недалеко отъ Девиля. Конечно, Фогтъ слишкомъ легко принялъ дѣло. Безъ боли и слѣдовательно хлороформа не обойдется; я могу прежде Женевы увидѣться съ бернскимъ операторомъ. Да, наконецъ, что же говорить Маюрь? Это важно, заставь его сказать категорично, прикрикни на него, какъ онъ кричитъ на всѣхъ. Прощай.

10-го октября (1868 г.). Hôtel d'Amérique.

Живу мыслью, что Мечниковъ, по обыкновенію, совралъ и не приѣдетъ въ Виши (Виши 7 часовъ отъ Лиона въ сторону, 2-е мѣсто 18 фр. и отсюда на югъ дороги нѣтъ). У насъ совершенный штиль и жизнь идетъ какъ часы, да и Богъ съ нимъ. Сегодня вечеромъ аптекарь доставитъ 2-ое разложеніе; дѣлаетъ онъ превосходно анализъ. Ну, увидимъ. Я давно не чувствовалъ себя свѣжѣе.

¹⁾ Н. П. Огаревъ сломалъ себѣ ногу и ему предстояла операція.

Для умиротворенія Тхорж. послалъ ему свой портретъ. Онъ не старше Туца. А, саго, вѣдь и у тебя есть панскія стороны, и когда я, забывшись, попадаю въ нихъ, ты являешься ярымъ львомъ. Выраженъе: «Саша не посмѣлъ», сдѣлало бониваря въ тебѣ. Неужели я думалъ, что онъ тебя боится? Есть извѣстное нежеланье у людей до-трогиваться до чего-то въ родѣ замѣчаній. Я Тхоржев. писалъ, что ты боишься Маіора (что и правда); я увѣренъ, что ты испугался необходимости сказать почталіону, что письма надобно класть не въ щель, а въ руку... но зная твой бониварь, глупо и то, что я такъ выразился.

Побережемъ зубы на другое. Хорошо, изволь, благо охота работать воротилась, я К—ва проберу. Но, ужъ безъ ценсуры (кромѣ частностей). Статья будетъ leading (передовая) въ слѣдующемъ «Колок.» (15-го нояб.), она будетъ очень дерзка, очень лична и *du haut en bas*.

Выруб. рѣчь послалъ Чернецкому. Могу и еще смѣси прибавить.

Статья Миртова очень хороша. Но я не могу видѣть журнала безъ числа. Попроси П*** для меня выставить.

У насъ покой и совѣтъ; здѣсь очень хорошо жить, мы середь парковъ и садовъ; я готовъ послѣ срока прожить недѣлю безъ ваннъ, онъ надобли.

Лиза страшно умна и шалить не очень. Прощай.

Читалъ ли кто въ Шаривари статью *Vasoupine*? Что записки Карабанова? у меня есть, могу прислать ¹⁾).

Не вели печатать о Г* Л*, хотя это и правда, потому что я вижу, что онъ опять въ Берлинѣ; видно попросилъ прощенье? Въмѣсто этого не хочешь ли:

On s'inquiète en Russie de sourdes rumeurs d'un remaniement dans le sens retrograde des nouvelles institutions judiciaires. Si ces rumeurs ont quelques bases et de quoi peut on jurer avec notre..... flottant nous demanderons à quant le retablissement du servage?

Присылай *mise en page*.

11-го октября (1868 г.). Воскресенье.

Я задержалъ письмо, чтобъ тебѣ сообщить о результатѣ химическаго анализа, и хорошо сдѣлалъ. Успѣхъ колоссальный—вѣсь уменьшился, но главное—сахара 0,2.

Затѣмъ, я полагаю, что первый пури оконченъ. Сегодня пойду къ *Dugand Fardel'ю*. Пить еще буду дней пять; ѣхать мы не торопимся. Здѣсь тихо и хорошо.

¹⁾ Кажется, это тѣ Записки Карабанова, которыя потомъ напечатаны вкн. А. Б. Л—мъ Р—мъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870—1871 гг. Ред.

Рѣчь Бакун., конечно (первую), слѣдуетъ помѣстить прежде Выруб.; если мѣста не будетъ, сдѣлать одно объявленіе о «Полярной Звѣздѣ», съ оглавленіемъ. Предисловіе писать не хочется. Вели ее просто издать къ 1-му ноября.

Въ слѣдующемъ письмѣ напишу, когда собираемся ѣхать, и что скажетъ D-г. Отъ Саши письмо. Берлинъ ему не по нутру.

Mise en page—пожалуй не посылай, но смѣсь о Самаринѣ, Бакунинѣ и Левитовѣ—просмотрѣть слѣдуетъ. Сообщи Тхорж. о сахарѣ.

13-го октября (1868 г.). Vichy.

Статья моя въ отвѣтъ К—ву ужасно помѣшаетъ письму къ тебѣ, а потому я предлагаю издать двойной № «KoloKol» къ 1-му декабря, въ три листа, пожалуй въ три съ половиной. Я изъ «Былаго и Думы» всегда могу наполнить; № будетъ великолѣпный и финальный. Иначе будетъ казаться, что мы бистуемъ отъ этихъ нападокъ: согласны ли?

Хотя у насъ и начинаются облака (*vice versa* — съ сахаромъ), но, кажется, съ рѣшеній всего остальнаго мы поѣдемъ изъ Лиона въ Лозанну, т. е. до рѣшенія съ ногой ¹⁾) и съ «Колоколомъ». Это всего умнѣе—я удивляюсь, что уговорилъ. Жаль, что въ Женевѣ никакъ не приходится оставаться—вотъ еще и лавина Бакунинъ. (А ты все-таки его не спрашивалъ, зачѣмъ онъ секретничалъ, зачѣмъ скопѣ дѣлалъ тайный съ Элпидиномъ, и не онъ ли одобрилъ Миколку публик.? А что же У—нъ хотѣлъ? (это *bis* и *her*).

Погода здѣсь удивительная, лѣто, да и только. Splendid. До дождей я не поѣду. Думаю такъ дней пять въ Лионѣ и въ Лозанну, а можно и другой дорогой, прямо въ Лозанну (черезъ Pontarlier).

Мнѣ больше трехъ лист. «Колок.» не присылайте. Скажи Тхорж., чтобъ послалъ Сашѣ два экз. А. М. D-г. Bis. H. Prediger Ebeling—Koeniggötzer Strasse № 128—2. Треп. Berlin.

Этотъ № не мѣшало бы послать въ «Голось» и еще куда-нибудь въ Россію.

NB. За что мнѣ не посылается «La Pologne» Щенковича; о послѣднемъ № даже «Голось» говорить.

14-го. Среда.

Леченье оканчивается 17-го, но никто изъ Vichy ѣхать не хочетъ и потому я, вѣроятно, останусь еще дней пять послѣ 17-го. Здѣсь, дѣйствительно, очень хорошо. Тихо, покойно и не дорого. Писемъ нѣтъ.

¹⁾ По поводу сломанной ноги Н. П. Огарева.

7 час. вечера.

Письмо пришло. Всѣ бернскія негоціаці беру на себя. Ты сиди спокойно. Маіора ты боялся не отъ ссоры, а отъ неловкости. Если-бъ ты просто сказалъ Мечникову въ первый разъ, я письма достану, а какъ вамъ ѣздить, дѣло было бы улажено. Посылаю карточку для Гаридо, онъ въ центрѣ демократическаго конгресса требуетъ уничтоженія арміи и смертной казни, требуетъ федеральнаго устройства. Пошли ему сейчасъ... Тургенева предисловіе на Ауеркухенъ ¹⁾ я не читалъ.

Статья о К—вѣ кончена. Прощай.

D-g Fard. говорить, не слѣдуетъ обрывать сразу лечение—еще три ванны.

18-го октября (1868 г.). Воскресенье. Vichy.

Письмо твое съ иллюстраціей Маіора получилъ. Такую же иллюстрацію сдѣлалъ Саша и ее-то я и показывалъ Боткину. Письмо это почти служило отвѣтомъ на мой вопросъ: *la bourse ou la vie?* Если ты сколько-нибудь убѣжденъ въ мнѣніи Маіора, если операція трудна, то слѣдуетъ ли и начинать? Мнѣ кажется, что ты съ очень непріязненной точки смотришь на операцію и дѣлаешь уступку, не проще-ли же ее не дѣлать?

Важный вопросъ: можешь ли ты сколько-нибудь ходить безъ костылей, и обрость ли костью переломъ?

Получивъ твое письмо, мы поѣдемъ и стало въ среду навѣрное (если что не помѣшаетъ) будемъ въ Lyon'ѣ, туда и пиши *poste restante*. Если нуженъ Люкке (?), если ты хочешь его, я сейчасъ напишу къ Фогту и самъ поѣду. Если нѣтъ—я торопиться не буду. Дѣлай по интимному внутреннему голосу.

Теперь новости. Первое—смерть Алексѣя Александровича (Яковлева), химика, онъ умеръ 72-хъ лѣтъ въ Петербургѣ.

Второе—на мѣсто Матеучи (вспомни мое пророчество) поступилъ гнусный ретроградъ; онъ уже началъ дѣлать непріятности Шифу и, между прочимъ, увидя, что Саша отпущенъ на семестръ, сказалъ, что если онъ не пріѣдетъ ко 2-му ноябрю, онъ его исключить изъ службы. Саша требуетъ моего совѣта. Я ему писалъ подробно. Тутъ

¹⁾ То есть предисловіе къ роману Ауербаха въ „Вѣстникѣ Европы“.
Т. II.

опять исторія твоей операціи—человѣкъ самъ долженъ рѣшить. Мое мнѣніе—написать Pascatore гордое и холодное письмо и бросить мѣсто. Остаться семестръ въ Берлинѣ, и въ продолженіе этого времени высондировать, можетъ ли онъ, какъ швейцарецъ, съѣздить въ Россію, а тамъ узнать: можетъ ли онъ надѣяться на мѣсто; пока же ѣхать въ Москву къ Егору Ив. (Герцену). Можетъ это и не пришло-бы въ голову мнѣ, но вмѣстѣ съ письмомъ Саши прислала Марья Касперовна письмо Егора Ив. (Герцена, изъ Москвы), который съ величайшимъ вниманіемъ спрашиваетъ о Татѣ, Сашѣ и пр., и проситъ ихъ писать. Вѣроятно и смерть Ал. Ал. (Яковлева) его двинула. При свиданьи съ Сашей онъ можетъ многое сдѣлать и передать ему.

Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь?

Саша своей женитьбой прямой путь работы исказилъ. Въ Россіи мое имя ему все же поможетъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ рѣшится, я его зову на общее совѣщаніе въ Женеву безъ Терезины.

Засимъ, поручаю васъ молитвамъ Пресвятой Дѣвы.

Я Тхоржевскому послалъ портретъ, получилъ ли онъ? Портретъ впрочемъ, плохъ.

Отчего «Колоколь» такъ опоздалъ, не понимаю? На счетъ того, что-бы «Кол.» издать двойной 1-го декабря, ты не отвѣчалъ. На счетъ Карабанова записокъ—то же.

19-го. Понедѣльникъ.

Дождь льетъ два дня, ѣдемъ въ среду въ Лионъ. Здѣсь было очень покойно и миръ у насъ удержался безъ бернскаго конгресса.

12 час. 20-го. Вторникъ.

Отвѣта нѣтъ отъ тебя, но вѣроятно скоро будетъ, т. е. сегодня вечеромъ. Если получимъ, ѣдемъ завтра въ 10 час. утромъ и въ 1/2,6 будемъ въ Лионѣ. Приготовилъ ли Тхоржев. бумаги Долгорукаго для разбора и гдѣ юный принцъ (т. е. сынъ кн. П. В. Долгорукаго). Прошу писать: Lyon, poste restante.

Если ты все еще хочешь Люкке, я могу 25-го быть въ Бернѣ и Женевѣ. Съ тѣхъ поръ какъ холодно, мы начинаемъ мечтать всѣ о Ниццѣ—я предлагаю Барделону—это à la mode.

7 час. утра 21-го. Среда.

Письма нѣтъ. У Таты болитъ голова, придется ѣхать завтра утромъ.

23-го октября 1868 г. Пятница. Lyon. Hotel de l'Europe.

Ну вот и въ Лионѣ. Приѣхали по новой дорогѣ, только что открытой черезъ Тарару. Итакъ, charité леченья окончился. What next? (Что потомъ?). Во всякомъ случаѣ приѣду въ Женеву. У насъ ничего не рѣшено, Н. хочеть въ Ниццу—здѣсь мы на дорогѣ. Я говорю надобно все подчинить воспитанью Лизы. Она съ каждымъ днемъ растеть умомъ и это совершенно естественно, т. е. не въ ущербъ тѣлу. Конечно, Ницца для воспитанья ничего не представляетъ, кромѣ климата. Даже Лионъ богатъ музеями и всѣмъ, а Лизѣ это-то и необходимо. Конечно, одну зиму можно пожертвовать, но далѣе я несогласенъ.

Въ «Полярной Звѣздѣ» слѣдуетъ хоть на оберткѣ сказать, что мы считаемъ это частью, а не цѣлымъ, можно влѣпить на цвѣтной бумагѣ, какъ это нѣмцы дѣлають—Ex. Gg.

Вторая половина «Полярной Звѣзды» выйдетъ въ 1869 году.

Жду отвѣта послѣ завтра. Прощай.

Адресуй въ Hôtel d'Europe.

23-го октября (1868 г.). Среда. Lyon.

1) Обертка хороша и бумага, и цвѣтъ. Печатайте, Бога ради, какъ хотите—оговорку я сдѣлаю въ «Колоколѣ». Продолженіе не статей, а книги, обѣщанной въ 20 листовъ. Только издавайте скорѣе и не упускайте Георга.

2) На счетъ статьи К., его ругать больше не хочу и нашу дѣятельность повергать на судъ.... не хочу тоже,—я или какъ .... дѣтямъ бросаю въ глаза nos titres—съ наглостью; въ ихъ судъ (судъ сверху К., въ серединѣ Аксакова, внизу Сѣрно-Соловьев.) — не вѣрю. Но можно статьи вовсе не печатать, на это очень согласенъ. Тогда напечатать по французски и по русски мое письмо къ тебѣ, съ поправками, отрывки изъ Былаго и Думы и смѣсь. Такой финалъ безъ обращенія къ публикѣ—страшно грубъ и потому мнѣ нравится. Объ этомъ рѣши.

Я, вѣроятно, въ воскресенье или въ понедѣльникъ явлюсь (жду изъ Парижа деньги); не забудь сказать Чернецкому, чтобъ онъ набралъ изъ «Былаго и Думы» въ «Колоколѣ»; думаю пробыть до 10-го. Здѣсь сурово холодно или гнусно дождливо. Я соглашаюсь, что слѣдуетъ на зиму уѣхать, если есть возможность и нѣтъ ненависти къ движению. Мнѣ только жаль, что выборъ клонится на Ниццу—дѣйствительно въ Марсель бы лучше, даже въ Барселону.

Заси́мъ прощай. Газеты посылаю, для Москвы и Спб. сдѣлай статьи.

Пробу пера для П. написалъ съ анекдотомъ Луи Блана объ Уробѣ.

4-го декабря (1868 г.). Марсель. Café на желѣзной дорогѣ. 9 утра.

Я сейчасъ отправилъ тебѣ телеграмму и пишу отъ *stampo far niente*. Нѣтъ, Огаревъ, тебѣ этихъ дорогъ, этой методой не отламы- вать. Даже я усталъ, и отъ усталости остался здѣсь до 12 часовъ. По- разительно не человѣчески устроены эти переѣзды. Въ Лионѣ мы опоздали больше получаса — *train* — объявилъ мнѣ кондукторъ — въ Ниццу идетъ сію минуту; не дають времени сходить по надобности. Я къ начальнику станціи—говорю: «вашество, такъ и такъ въ книжкѣ написано». — «Да, говорить,—но съ тѣхъ поръ перемяна, — впрочемъ, пойдетъ другой *train* въ Марсель, вы можете его взять». Въ Мар- селѣ мы опоздали часомъ—до приѣзда кондукторъ объявилъ, что *train* идетъ немедленно, т. е. послѣ 18 часовъ ѣзды. Проученный въ Лионѣ, я ужъ прямо къ смотрителю. «Вы человѣкъ и ничто человѣческое не чуждо вамъ,—въ Лионѣ я имѣлъ малую надобность, здѣсь большую, виновать ли я, что *train* опаздываетъ?»—Онъ посмотрѣлъ милостиво на меня и сказалъ: «Я могу вамъ позволить ѣхать въ 12 часовъ». Онъ руку къ козырьку, и я отправился въ кафе, гдѣ нашелъ знако- маго *garçon'a*, предложившаго мнѣ $\frac{1}{2}$ *perdfo*. За то въ *Bellegard'* прелесть—ни паспорта, ничего. Со мной еще лучше. Комисаръ спра- шиваетъ: «ваша фамилія?»—я говорю, онъ улыбается—и все кончено. Паспорта, стало, я даже не вынималъ.

Ну, вотъ и все вышнее. Въ Ниццу телеграфировалъ.

Наше послѣднее свиданіе было смутно. Я бываю какъ-то тупъ и оглушенъ, при такихъ ударахъ съ сюрпризами, и стремлюсь быть одинъ. Это прошло, ну и *Te Deum*, а въ 1864 году операція Дели. Ты знаешь, что я до сего времени никому не имѣлъ силъ рассказать, что тогда было: «Крѣпко человѣческое тѣло». Еслибъ *Nat.* поняла ту минуту и настоящую любовь къ Лизѣ, она не дергала бы за нити, боясь ихъ оборвать. Я прощать готовъ—«за не»—какъ выражался Куколь- никъ—«одни сильные прощаютъ». Но это не все.

А *propos*, знаешь ли, что я ждалъ, что Бакунинъ пришлетъ спро- сить о Татѣ, для того, чтобъ примириться. Онъ не прислалъ.... *é got- ta l'altissima colonna* ¹⁾).

Здѣсь лѣто. Все открыто. Солнце. Нѣтъ, Цюрихъ-то съ Берномъ,

¹⁾ Испровергнута высочайшая колонна.

да и съ Женевой придется похерить. Въ одномъ городѣ съ тобой было бы лучше, но трудно. Неустройство моей жизни и неустройство (въ иномъ родѣ) твоей—дѣлаютъ это не легкимъ. Когда Туцъ будетъ въ пансіонѣ и ты рѣшишься опредѣлять куда нибудь Генри, тогда потолкуемъ.

After breakfast (послѣ завтрака).

А гарсонъ (перфидный изъ слезотныхъ) говоритъ: «полпердро есть, но съ трюфелями (кормилица его уронила изъ гнѣзда, такъ онъ и родился съ трюфелями) — а такъ какъ это франкомъ дороже — я не смѣлъ подать». — «Дерзайте». И онъ подалъ.

Тхорж. (элементъ, стихія, Океанида) меня тронулъ чутъевой любовью къ Татѣ. «Отчего, говоритъ, у поляковъ есть дочери, а всѣ ходятъ въ церковь — отчего ваши дочери — ангелы, а ни во что не вѣрятъ — оттого я останусь съ вами, а не съ ними». Ты смѣешься, а я чуть не расплакался.

А что до Таты, то ея потеря была бы мнѣ чортъ знаетъ что. Покойная (жена моя) Natalie, ты и потомъ она, при всей молодости и шероховатости, ближе всѣхъ меня понимали. Но эта туча была мнимая. Nat. любитъ меня, но не щадитъ. Именно сестрой-то она и не будетъ (ты помнишь ее послѣднее письмо), а Тата можетъ быть.

Затѣмъ прощай. Пожалуйста, смотри въ «Моск. Вѣд.», что будетъ о прекращеніи «Колокола». Новые ревью посылаю. Скажи Тхоржевскому, чтобъ подписался у Георга на «Вѣстникъ Европы».

У меня болѣла голова подъ конецъ, отъ духоты въ вагонѣ, но теперь, выпивъ бутылку St. Julien и поѣвши, совсѣмъ оправился.

Въ Temps я прочелъ, что какой-то натуралистъ утверждаетъ, что каждое кольцо кольчатыхъ животныхъ—особое животное, спаянное на жизнь и смерть со всѣми остальными — можетъ, говоритъ онъ, и позвонки животныхъ позвоночныхъ только спайка. Вотъ комунизмъ съ коллективизмомъ!

17-го декабря (1868 г.?). Lyon, Hôtel d'Europe.

Мало вещей въ мірѣ больше досадныхъ, какъ помѣха при концѣ длинной операціи. А съ нами чуть она не случилась. 15-го Тата ¹⁾ было совсѣмъ разнемоглась—мысль прожить здѣсь, при самыхъ неудобныхъ условіяхъ—недѣли двѣ или больше, обдала меня ужасомъ. Силы словно оборвались; но дѣло оказалось вздоромъ, т. е. страшной головной болью. Сегодня въ ночь можемъ продолжать путь. Дамская часть моего народонаселенія не такъ-то скоро двинется изъ Парижа. Довольно. Со временемъ, устроившись, я приѣду одинъ недѣли на двѣ въ Женеву потолковать объ эпилогѣ.

О чемъ грустить Бакунинъ и зачѣмъ ты укрывалъ подѣ иероглифами—очень простую семейную тайну, которую рассказалъ Тхоръ?

Засимъ кланяюсь.

9 утра.

Вовсе не разсвѣтало; здѣсь дня почти нѣтъ, лондонскій туманъ постоянно.

Тхор. ѣдетъ завтра, 18-го, въ 9 часовъ,—изнѣжится. А то есть express въ 6 утромъ.

30-го декабря (1868г.?). Утро.

Наконецъ, къ Новому году, съ которымъ усердно поздравляю,—я рафистоклировался—вмѣстѣ съ проливнымъ дождемъ и широко (?). Сегодня первую ночь я выпался безъ лихорадки, безъ грудной боли, и всталъ хотя съ тяжелой головой, но пропорціонально лучше. Я думаю, что все кончится оспой—теперь увѣренъ, что оспы не будетъ. Знаешь ли что я думаю и вѣришь ли такой думѣ—все это avortement оспы? Сильный и старый организмъ переработалъ. Всѣ признаки, т. е. тошнота, голодь и невозможность ѣсть, ломъ въ головѣ, затѣмъ у нихъ сыпь, а у меня грудная боль. Желая знать твое мнѣніе.

Лиза какъ рыба въ водѣ, ѣсть за двоихъ и бѣгаетъ по саду за четырьохъ.

Кажется, «злоба дневи» истощилась и съ новаго года пойдетъ лучше. Я тупо усталъ и всякій разъ готовъ начинать опять съ тобою споръ, что люди, не умѣющие жить одни—felo da se.

What next? Миѣ такъ противна моя неправильная жизнь, что я тотчасъ начинаю думать о будущемъ, о «своей комнатѣ», о книгахъ и о столѣ... Съ конца 1864 года я не могу нигдѣ пристроиться и,

¹⁾ Наталья Александровна (дочь А. И. Г.).

конечно, вина большею частью падает на Н. Еслибъ что-нибудь можно было устроить въ Женевѣ или здѣсь (отъ Ниццы до Генуи)! Во Флоренцію меня не тянетъ. Какъ ни бросаю карты—ничего не выходитъ. Ну, это старая пѣсня.

а) Читалъ ли ты комедію Островскаго въ «От. Зап.» — это гнусность, тупость—зачѣмъ же печатають «От. Зап.»?

б) Читалъ ли ты рѣчи Кокорева, Фонъ-Бушена и Скальковскаго о пьянствѣ,—очень интересно.

3 часа.

Сейчасъ Лизѣ привита оспа Бернадскимъ. Все хорошо, она героически показала sangfroid. Addio.

Пока Тхоржевскаго поздравляемъ всѣ отъ мала до велика съ Новымъ годомъ и желаемъ, чтобъ и въ будущемъ году—Долгорукій ему оставилъ капиталъ. Ура!

1869.

3-го января (1869 г.). Воскресенье. (Ницца).

Твоя статья превосходна и ты самъ это знаешь—но à la Boris Godounoff скромничаешь и кокетничаешь. Я поставилъ × на sta viator при имени Мартыановѣ—какъ-то тяжело, и вымаралъ слово лжепатріотизмъ, какъ больно прѣвшееся.

Я жалѣю объ этой статьѣ, потому что «Приб.» никто читать не станетъ.

Ты все воображаешь, что мы въ 1859—и что о насъ боятся говорить. Родіоновъ дѣлаетъ выписки изъ «Колокола» въ «Голосѣ». «Спб. Вѣдомости» говорятъ обо мнѣ, какъ говорятъ о Мѣрославскомъ и проч. Стало сомнѣнія нѣтъ, что они могли говорить о прекращеніи—и просто пропустили. «Прибавл.» слѣдуетъ издать, когда оно будетъ готово—лишь бы въ январѣ.

Если хочешь аккуратность въ расчетѣ—я тебя прошу ни въ чемъ никуда не авансировать ни одной копѣйки изъ твоихъ денегъ. Ни Жуковскому, ни на выписку журналовъ. Я попрошу у Тхоржевскаго общій счетъ о выпискѣ журналовъ—и тогда посмотримъ нуженъ ли Мониторъ—когда будутъ «Голосъ» и «Моск. Вѣд.»—помни, что мы теперь не редакція, а партикулярные люди.

Я очень радъ, если Г. поступилъ въ работники и хорошо работаетъ,—но, право, не могу въ толкъ взять, по какимъ наблюденіямъ ты можешь (если это не фраза) заключать, «что прежде всего это натура честная»—можетъ и такъ, но намъ слѣдуетъ быть осторожнѣе

въ словахъ. Я склоненъ думать, что у него характеръ далеко не до того сложился, чтобъ такъ рѣзко характеризовать.

Книгу Мейзен. погубилъ таки Чернецкій. Милѣйшій и мрачнѣйшій шутъ.

Засимъ прощай.

Два дня у насъ синее небо безъ облаковъ и солнца. Этого достаточно, чтобъ поставить на ноги.

Я здоровъ; у Лизы оспа не принялась.

Вчера былъ Бернадскій. Natalie встаетъ. Въ русскій Новый годъ, а можетъ и прежде, мы впервые вмѣстѣ обѣдали.

Лиза, въ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ, готовить со старушкой Россо индѣйку къ завтраку.

20-го февраля (1869 г.). Суббота.

Все Шведенборгъ и Экертсгаузенъ—въ ту минуту, когда я тебѣ писалъ о замиреніи съ Бакунинимъ—онъ открывалъ Кучукъ-Кайнарджи. Отъ чего же тебѣ его визитъ тяжель?—*non carisco* (не понимаю). А то все Чернец., Тхор.—Тхор., Чернецк.—*zu langweilig* (скучно) и ты тамъ какъ ни тни изъ себя бриллантовую паутину, а иногда надобно и на людяхъ освѣжиться...

«Отеч. Зап.» вѣроятно сегодня получу. «Недѣлю», посланную изъ Петербурга, еще не получалъ. До такого безобразія почта еще не доходила. Получать журналы просто невозможно. Стремлюсь вырваться изъ этой среды.

Отъ Сатина письмо. Все жалобы о безденежьи—видно приготовленные проиграны. Зачѣмъ было писать—впрочемъ, Ел. говорить, что постарается.

«Колоколь» пришелъ. Вотъ и аминь.

Надъ Чернецкимъ ломаю шпагу. Истурія объ Эгалитѣ и Вевѣ—ужасна, только ты вздору не вѣрь, т. е. трагамъ М. Чернецкаго. Это сплетня, и ты Тхоржевскому такую чушь не позволяй говорить.

Туду непременно напишу. Уроки Щерб. идутъ хорошо. Онъ даже перестаетъ смотрѣть на меня, какъ на злодѣя первой величины.

Тата получила отъ Ольги (Герценъ) длинное письмо. Въ немъ есть загадки и намеки до того ужасные, что я боюсь ихъ комментировать. Тутъ систематическая интрига Мейзен., имѣющая цѣлью ее отвязать отъ всѣхъ, и главное отъ меня,—интрига не лишенная (если подтвердится), клеветы. Что тутъ скажешь? Я писалъ Сашѣ (сыну) и жду его отвѣта.

21. Воскресенье.

«От. Зап.» пришли и письмо. Разумѣется, что твои стихи надобно печатать теперь или не печатать, даже и теперь поздновато. (Au reste, я тебѣ это писалъ прежде—и мнѣніе В. ничего не прибавило). Печатай—si piace (если тебѣ нравится). Но куда пойдеть? Мнѣ смертельно жаль, что твоя прекрасная статья о голодѣ погребена въ Прибавленіи (къ Колоколу). За то мнѣ совсѣмъ не жаль, что «Народное Дѣло» лопнуло, и не жаль, «что намъ нечѣмъ помочь».

Бездарные прыщи самолюбія, гной, сопровождавшій благодѣтельную горячку 1856—1862 годовъ; кантонисты—революціи, сдѣлавшіе себя генералами—въ десятый разъ п. . . . . въ лужу и доказали свое безсиліе, свою сварливость! Я не вижу чего же ты жалѣешь? Бакунинъ можетъ жалѣть, ему однимъ диктаторствомъ меньше. Я не вѣрю ни въ исправленіе N... (о которомъ ты писалъ), ни въ дезинфекцію Сѣрно-Солов., ни въ «историческій» слой У—на и его романа. Въ «Колоколѣ» я ихъ и «Современность» привѣтствовалъ съ ироніей, считывая на паденіе, а ты наивно кручинишься.

Вотъ что Мечниковъ попалъ въ 7,000 ф., этому радуюсь. Жаль, что его надобно снова приучить къ хорошимъ нравамъ и таковымъ же (франкамъ (?), безъ этого онъ не долго (наш...лится (?)).

Хорошо, если бы въ сборникѣ не забыли «Гофмана»—первую (мою) статью, помѣщенную въ «Телескопѣ» въ 1836 году, рядомъ съ Чаадаевской статьей. Это статья дѣтская, но забавна. Какъ они хотятъ, если найду здѣсь «Письма объ изученіи природы», постараюсь написать хоть двѣ, три страницы.

Сегодня отправляю въ . . . . . третью статью и четвертую — какъ только получу отвѣтъ. Пока прощай.

Не нашель писемъ объ «Изученіи природы»—пусть они не забудутъ диллетантизмъ въ наукѣ. Нѣтъ ли въ Женевѣ въ книгахъ Писемъ. А прогороз. Чтобъ они никакъ не забыли писемъ изъ Avenus Marigny и всего, что въ III части «Былое и Думы».

Не хочешь ли твою эпистола къ Татѣ — въ . . . . . Стоить выдумать псевдонимъ,

Саранскій,
Акшинскій,
Вѣлоомутской,

послѣдній всего лучше.

Какъ отпраздновали годовщину преломленія ногъ? Сегодня годъ, что я прибылъ въ ваши столицы.

6-го марта (1869 г.). Суббота ¹⁾.

Письмо П—го меня не убѣдило. Я отвѣчалъ въ Брюссель. Также и это лишнее, что онъ за меня получилъ 41 р.—я сказалъ, чтобъ онъ ихъ прислалъ на имя М-г Nionskj—Georg'у въ Женеву. Платять они не сердито. Намъ лишь бы поставить ноги въ стремяна. Вѣроятно, крикомъ и сплетнями они все изгадятъ и начальство прихлопнуть.

...Я ему (И. С. Тургеневу) отвѣчалъ довольно длинно—все таки кой за что побранилъ. По лицу онъ состарился, совсѣмъ сѣдой, но ничего, черты благородныя. Вырубовъ писалъ—не сердится за письмо, не читалъ, но говорить, что отвѣчать не будетъ. Съ вами (де) молъ не толкуешь.

Въ французскихъ журналахъ говорятъ о рескриптѣ спб. университету, объ учрежденіи имъ 300 стипендій? Въ «Голосѣ» не видалъ. Недостаетъ только одного №? Хоть изъ московскихъ напиши, что это вздоръ или нѣтъ?

Вчера въ кафе подошелъ ко мнѣ какой-то господинъ и спросилъ я-ли я? На мой отвѣтъ объяснилъ, что онъ Евгенийъ Сатинъ—знаетъ всѣхъ. Сташиловъ живетъ постоянно въ Вѣнѣ—тоже вкусъ. Видѣлъ Боткина (Василія Петровича?) въ Римѣ—лежитъ безъ заднихъ ногъ.

7. Воскресенье.

Щербин. ѣдетъ въ пятницу въ Женеву и Вевей—зачѣмъ, не знаю. Вдругъ собрался—должно быть все амуръ проклятый! Для Лизы потеря большая. Онъ явится къ тебѣ съ живыми вѣстями.

8. Понедѣльникъ.

И ваша отписочка отъ субботы. 1) Шевалева я по фамиліи не слыхалъ, и это только тебѣ урокъ—писать фамиліи просто. Извиняться передъ ними не нужно—не стойть, объ немъ я, съ разговора въ Женевѣ съ Мечник. (два года назадъ), ни слова не говорилъ. Но отчего же и онъ «добрый человѣкъ»? 2) А что же еще больше добрый Бакунинъ обѣщалъ, да и не былъ? 3) У Ольги, т. е. во Флоренци, есть превосходный инструментъ, стоявшій 900 фр.—Ерго до Плейеля долго

¹⁾ Четыре слѣдующихъ письма изъ Ниццы и Италіи.

не дождемъ. 4) Какъ же это въ Брюссель-то ѣхать на зиму? Вѣдь это одинъ изъ гнуснѣйшихъ климатовъ. Но за Брюссель я имѣю многое.

Хотѣлъ еще прибавить, но некогда. Прощай.

14-го марта (1869 г.). Воскресенье.

Сегодня, вѣроятно, у тебя будетъ Щербин. Я съ нимъ послалъ статью о контроверзѣ съ Бакунинымъ и письмо, въ которомъ говорилъ о томъ, что балансъ склоняется на Брюссель.

Теперь иное дѣло. Отовсюду меня осыпаютъ вопросами, правда-ли, что я и ты ѣдемъ въ Россію. Мало что спрашиваютъ—получаю второе письмо отъ Марка Вовчка и второе отъ Тургенева съ тѣми же вопросами. Наконецъ, я поймалъ Гулевича и, въ свою очередь, спрашиваю—откуда? «Да во всѣхъ газетахъ сказано, а въ «Биржев. Вѣд.» большая статья.—Еще гдѣ?—«Въ Моск. Вѣд.» — (Неужели ты могъ пропустить?)—«Можете достать», и онъ прислалъ мнѣ отъ Филиппова «Биржев. Вѣд.», которыя я пришлю и прошу прочитавши возвратить. Это дѣлая интрига. Безъ отвѣта оставить нельзя, и я сегодня же думаю дать отвѣдъ очень короткую и написать Раевскому въ Вѣну. Тург. письмо ничего—говорить, что давно было пора прекратить «Колоколь».

«Отеч. Зап.» читаю. Комедія Потѣхина суцая дрянь,—теперь ругать нѣмцевъ гадко — будто русскія помѣщицы и пройдохи лучше? Характеры грубы, завязка пошлая, все экзажеровано — что же хорошо? Береги твой вкусъ и будь нелицепріятенъ, потому что и романъ Утина тебѣ нравился и ты вѣрилъ, что въ Петербургѣ говорятъ речъ «миленькой». А читалъ ли ты въ Отеч. Зап. «Исторію двухъ генераловъ» — это прелесты!

Изъ «Недѣли» ничего—напакостили. Да и какъ это они №№ — овь не высылаютъ.

У меня вчера былъ одесскій банкиръ Рафаловичъ—умный и образованный грекъ, въ силу чего я снабдилъ его греческими вопросами. Мнѣ кажется, что ты напрасно напечаталъ овою фамилію. Такія затрецинки должны идти анонимно.

А ргрос. Вся эта штука съ Раевскимъ не есть ли тонкій намекъ изъ **, что де мы готовы васъ прикельсить. И давно не слѣдуетъ ли мотать это на усъ и сондировать terrain (почву)?

Мнѣ кажется, что Тхоржевск. не сильно хочетъ ѣхать, зачѣмъ же онъ ѣдетъ? Omnipagi до 10-го апрѣля—нечего ѣздить. Погода опять отвратительная.

17-го марта (1869 г.). Среда.

На оборотѣ ты прочтешь мой ультиматумъ Чернецкому, отошли его ему и пригласи гуманно потолковать. Я готовъ ему сейчасъ прислать 500 — и по окончаніи ликвидаціи 500 — разумѣется въ полный квитъ. Уговори его продать — или идти въ типографію къ другому. Онъ не вынырнетъ. Все, что мы печатаемъ за границей по русски — филантропія и себѣ обманъ, ничего не идетъ.

Вчера, наконецъ, я получилъ . . . . ., въ 10 листовъ — вторая часть моей статьи, съ опечатками — но безъ малѣйшаго выпуска. Черезъ недѣлю будетъ 3-я, черезъ двѣ 4-я — гонораръ они платятъ смѣшной (150 за статью, т. е. за каждый отрывокъ), но весь Петербургъ читаетъ. Изъ-за чего же мы здѣсь будемъ харчиться — на самочитательное печатаніе! Вчера же явился Ч*** — съ новой просьбой отъ . . . . . — чтобъ я ее не покидалъ, и съ жалобами на П***. Ч*** также добродушень и съ русскою хитростью. Я его надулъ славно — сказавши, что я въ самомъ дѣлѣ просилъ Раевского о возвращеніи. Онъ говорилъ, что при его отъѣздѣ изъ Петербурга — только и рѣчи тамъ, что о моемъ возвращеніи. Все это заставляетъ думать о многомъ.

Слѣдовало бы написать статью: «на какихъ условіяхъ мы можемъ возвратиться?»

Есть у насъ «Русскій Вѣстникъ» или нѣтъ? Помнится, онъ былъ въ списокѣ. Тамъ повѣсть Тургенева, и по словамъ Черкесова, отвратительная статья Кельсева — объ Абихтѣ, надъ которымъ онъ издѣвается. У Висконти (книжный магаз. въ Ниццѣ) на нынѣшній годъ нѣтъ. Объ этомъ напиши. Можетъ «Вѣстникъ» важнѣе Космоса. Я могу выписывать теперь черезъ Генкеля.

Что у васъ за Journal des Femmes, нельзя-ли прислать 1-й № или первые?

Ты правъ на счетъ замѣчанія о войскѣ — помѣшающемъ сдѣлку — но гдѣ же сила противъ войска? Опять въ пропагандѣ, ученіи и экономическомъ устройствѣ комуннаго труда. Отчего ты не выдался съ Бакунинымъ? Я ничего не имѣю противъ того, чтобъ онъ прочелъ — не теряя (у меня нѣтъ черновой). Готовъ и печатать.

Прислали тебѣ «Недѣлю» или нѣтъ?

Тхорж. ждемъ къ 15 апрѣлю и все готово и расположено ad hoc. Прощай.

Р. С. Сатина отдала, по моему порученію, 50 руб. сер. Тат. Алекс. Астраковой — я ей велѣлъ сказать, что приписалъ ихъ къ тебѣ присланными 2,550.

НВ. Если Чернецкій возьметъ работу срочную съ уступкой — я готовъ взять на себя уступку — на цѣлый годъ. Отвѣчай.

К. Шурцъ выбранъ сенаторомъ, и не нынче, завтра будетъ министромъ.

20-го марта (1869 г.). Суббота.

...Надняхъ пришло «Космосъ» — sehr gelehrt (очень учено). Статьи въ «От. Зап.» о Спенсерѣ одолѣлъ, но что за ужасный языкъ! Сущность хороша. Если ты «Недѣли» не получилъ, я 10-й листъ пришло, и буду ждать отзыва. Новый отдѣлъ, который я теперь пишу, очень удаченъ.

Ректификація въ «Петерб. Вѣд.» очень важна. Ругаться въ отвѣтъ я и не думалъ, надобно холодно сказать: «все это ложь», и оставить такъ.

Увидимъ, что сдѣлаютъ «Бирж. Вѣд.»; Тр—ва жеза здѣсь и порывается къ намъ. Ч*** ѣдетъ въ Флоренцію, Римъ и Одессу — гдѣ заводитъ контору для книгъ. Онъ могъ бы быть очень полезенъ — по сквозь фальшиваго «Туранскаго» добродушія — у него затаенная ненависть или, вѣрнѣе, злоба противъ насъ. Впрочемъ, я ее питаю, сколько могу, немилосердствуя надъ нимъ. Скажи Тхорж., что «Петерб. Вѣд.» можетъ спросить отъ Черкесова у Аранжеловича — табачника. Это должно быть въ 54... 56 №№ или около (пришли сюда, если пойдутъ).

Рубинштейна — непременно послушай. Я очень радъ, что ты попалъ на эту мысль.

21-го, воскресенье.

Письмо отъ (И. С.) Тургенева третье; онъ сильно хлопочетъ объ опроверженіи слуха на счетъ Раевского — вѣроятно долею для примиренія вполне (?). Кельнская Газета навечатала. А знаешь ли кто, по моему предположенію, сдѣлалъ поправку въ «Петерб. Вѣд.» — Мерчин., у него братъ въ Вѣнѣ при посольствѣ.

Далѣе явился Ауэрбахъ — говорить, что въ Россіи не красиво — грабежи по концессіямъ желѣзныхъ дорогъ, старое взяточничество и раззореніе мужиковъ.

Temp отъ 20 марта помѣстилъ мое письмо. У Вересова вѣроятно

достать можно — the matter is dropped (дѣло рѣшено). Для чего все это было сдѣлано? А честно возвратиться было бы лучше Брюсселя.

Въ «Космосѣ» обругали Некрасова, его обвиняютъ въ безнравственномъ противурѣчии поведенія—и стихами—вотъ, батюшка Ник. Платоновичъ! Немезида-то дѣлаетъ свое—по тону статьи это опытъ—«отвѣчай молъ», мы и не то скажемъ! Прощай.

22-го, понедѣльникъ.

Вчера помѣшали Ауэрбахъ, Черкес. и Гулевичъ. Новаго, впрочемъ, ничего. Черкесовъ ѣдетъ въ Неаполь и Ауэрб. тоже. Последний черезъ десять дней. Они черезъ Флоренцію, а Тата (Наталья Алексан. Герценъ) можетъ поѣхать съ ними. Тхорж—скаго ждемъ между 15 апрѣлемъ и въ концѣ апрѣля съѣздимъ въ Геную.

Когда Лугининъ отправлялся за границу—отецъ его провожалъ и, разставаясь, снялъ сію клятву, что онъ не будетъ имѣть сношенія съ нами—ни жить въ одномъ городѣ—и онъ далъ ее!

Что дѣлается по части погоды—неслыханно. Недѣли три непрерывная буря—съ ливнемъ, вдругъ съ жаромъ, вдругъ съ холодомъ—вьюга, вѣтеръ и тяжесть. Вотъ зима-то!

5-го апрѣля (1869 г.). Понедѣльникъ.

Пошло писать: 1) Въ Петербургѣ закрыта Медик.-Хир. Академія за безпорядки. 2) 4,000 подписей требуютъ у васъ въ Генфѣ—мѣры строгости противъ работниковъ, и 3) Въ Парижѣ — группа социалистовъ — вызываетъ на публичное состязаніе — 1,500 человекъ по назначенію депутатовъ камеры, изъ купцовъ, адвокатовъ, профессоровъ. Es geht bunt zu (переполохъ). Къ этому снова слухи о войнѣ.

6-го, вторникъ.

Пятьдесятъ семь лѣтъ—начались странно и хаотически ¹⁾. Вчера я былъ съ Мечник. и его макаронами (?) въ Монако. Его пріятель, выигравшій 65,000—отправилъ 50 т. въ Россію и пожелалъ рискнуть 8 т. Съ неимовернымъ счастьемъ онъ выигралъ въ рулетку — и въ 30—40 въ четверть часа 18 т.—и въ слѣдующую четверть проигралъ

¹⁾ Александръ Ив. Герценъ,—сынъ Ив. Алексѣев. Яковлева (см. его портретъ въ „Русской Старинѣ“,— родился 25-го марта 1812 года. Т. II.

28,000. Мечник. не утерпѣлъ—пустился съ 200 что-ли то, выигралъ 3,000 и спустилъ все. Я отъ скуки поставилъ 50 фр. — и сейчасъ убили. Затѣмъ я купилъ отличныхъ сигаръ—и всё потерялъ. Приѣзжаю въ часъ ночи домой—Nat., Тата, всё сконфужены—Черкесова дочь (они близко живутъ) при смерти, ни отца, ни матери нѣтъ; Трубникова телеграфировала въ Римъ, Неаполь, Флоренцію—нѣтъ отвѣта. Мы телеграфировали Ольгѣ—и ждемъ. Ребергъ говоритъ, что надежды мало; бѣдные — какъ ихъ будетъ мучить совѣсть. И зачѣмъ они не взяли ребенка съ собой?

Я случайно пересмотрѣлъ свои «Концы и Начала» — и пришелъ къ заключенію, что сборникъ новый необходимъ—съ исправленнымъ слогомъ (бездна неясныхъ оборотовъ). Если у Тхорж. есть подъ рукою «За пять лѣтъ» — 1-я часть (мои статьи) или у тебя, я попрошу его привезти.

Сегодня первый ясный день. Вотъ весна-то была! Прощай.

Мудрено созданъ свѣтъ — только что мы всё показали готовность помогать Т*** — узнали, что она по телеграфу выписываетъ Сѣрно-Соловьевича сюда. Въ силу чего я, конечно, отретируюсь.

Окончаніе Сашиной (А. А. Герцена) брошюры весьма хорошо. Я только что получилъ ее.

Письмо отъ 5-го получилъ. Доктора (Крупова?) за то, что онъ нравится Бакунину — пришли съ Тхоржевскимъ—а Бакунину скажи, что продолженіе D-г несравненно лучше.

8-го апрѣля (1869 г.). Четвергъ.

Чудеса да и только — черезъ часъ послѣ отправленія письма и «Бирж. Вѣд.», я получилъ 73 № той же газеты, тамъ статья «Колок.» въ 5 ругательствъ à mon adresse. Это уже за то, что я не возвращаюсь,—между прочимъ, они говорятъ, что моему сыну не было препятствій ѣхать въ Россію и что русское правительство не мститъ дѣтямъ за преступленіе отца, доказательствомъ тому, что оно сохранило мое имѣнье.

Далѣе я представленъ какимъ-то безумнымъ диктаторомъ и шуткомъ. Забѣтъ, что я ничѣмъ не вызвалъ со стороны «Биржев. Вѣд.» этихъ статей. Вчера (по несчастію, до полученія 73 №) я писалъ въ редакцію «Голоса» нѣсколько сухихъ строкъ съ просьбой помѣстить. Придется писать длинный отвѣтъ. Но для этого мнѣ необходимъ «Русскій Вѣстникъ».

Это одна сторона. Посмотримъ другую. Я замѣчу только, что такія статьи, въ концѣ концовъ, полезны и совершенно противоположно

дѣйствуютъ на публику. Вторая сторона покажетъ тебѣ, какъ я былъ правъ въ злой, исполненной ненависти къ намъ—эмигрантовъ второго порядка.

Вчера, какъ только ребенку Черкесова стало лучше, м-ше Т* имѣла объясненіе съ Nat., смыслъ котораго тотъ, что такъ какъ Сѣрно-Соловьевичъ пріѣзжаетъ сегодня, то, зная его отношенія ко мнѣ, она думаетъ, что ему и намъ будетъ непріятно, что мы видаемся. Что она, уважая меня, знаетъ, что я передъ Сѣрно-Сол. очень виноватъ, и что онъ, Сѣр.-Сол., одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашего времени. Время должно быть настаетъ для объясненія съ чужими и своими. Я обдумываю двуглавую статью.

Мечниковъ сегодня уѣзжаетъ во Флоренцію и Неаполь. Ковалевскій взялъ таки всѣ деньги съ собой—ерго онъ ихъ проиграетъ.

Отъ Вырубова письмо. Тургеневъ былъ въ Парижѣ. Вырубовъ и Фонтенъ въ ликованіи, что я хочу сондировать Брюссель (7 часовъ отъ Парижа). Вырубовъ пишетъ, что въ одной вѣнской газетѣ означенъ отель, въ которомъ я жилъ, и число, когда я былъ въ посольствѣ. Экъ ихъ! Антоновичъ и Ю. Жуковскій напечатали обвинительную книгу на Некрасова. Смотри какъ бы и его в..... у тебя не вышло. Въ «Бирж. Вѣд.» уже былъ намекъ.

Сенаторъ, графъ Ламбускини, написалъ противъ Саши (профес. А. А. Герцена) статью. (Сенаторъ) Левъ Алекс. (Яковлевъ) никогда не писалъ статей.

Прощай.

P. S. Вложенное письмо отдай тоже Тхоржевскому.

Щебальскій напечаталъ отрывки изъ Записокъ Екатерины по нашему изданію.

Александръ Герценъ.

Т. П. Пассекъ.

СЕКТАНТЫ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

Очерки и замѣтки.

Къ числу разнovidныхъ раскольничьихъ сектъ, распространенныхъ среди нашего казачества и крестьянства, принадлежитъ секта квасниковъ. Они получили свое названіе отъ того, что совершенно не употребляютъ спиртныхъ напитковъ и даже не пьютъ пиво, какъ хмѣльное, а только одинъ квасъ. Но прозваніе квасниковъ, данное имъ народомъ, считаютъ для себя оскорбительнымъ и нерѣдко дѣлаютъ по этому поводу слѣдующія возраженія: «какіе мы квасники, мы Божьи люди, и ничего предосудительнаго за собою не знаемъ и про насъ говорятъ напраслину. Мы такіе же крещеные, какъ и всѣ православные. Также, какъ и они, ходимъ въ церковь, угождаемъ Богу, ставимъ свѣчи передъ иконами, ежегодно бываемъ на исповѣди и у святаго причастія и готовы умереть за вѣру православную и ни на какую другую вѣру ее не промѣняемъ. Какіе мы квасники?» На этомъ основаніи надо полагать, что слово «квасники» составляетъ только прозвище, данное имъ въ просторѣчій народомъ, а что въ дѣйствительности это только варіантъ секты молокановъ. Молокане же, какъ извѣстно, именуютъ себя прѣсниками, такъ какъ считаютъ за грѣхъ употреблять въ пищу квасъ и квасной хлѣбъ. Квасники же, хотя по внутреннимъ религиознымъ убѣжденіямъ тѣ же молокане, но не считаютъ за грѣхъ ѣсть квасной хлѣбъ, не соблюдаютъ никакихъ постовъ и даже ѣдятъ скоромное въ великій постъ, ссылаясь на священное писаніе: «Не сквернитъ въ уста, а сквернитъ изъ устъ». Любимая пища квасниковъ: молоко, квасъ, яйца и рыба. Яйца и молоко они ѣдятъ даже и въ страстную пятницу. Въ самые великіе праздники и по воскресеньямъ они ѣдятъ до обѣдни, не считая этого грѣхомъ. Хотя они стараются всѣмъ доказать, что они такіе же православные и не пропускаютъ ни одной церковной службы, однако-жь, помимо этого, собираются на свои тай-

ныя моленья къ своимъ же сектантамъ и оправдываютъ эти сборища тѣмъ, что у древнихъ христіанъ, терпѣвшихъ гоненіе за вѣру, существовали вечера любви, на которыхъ читалось священное писаніе и пѣлись псалмы, ирмосы и прочее. Такимъ образомъ, эти сборища подтверждаютъ мысль, что квасники закоренѣлые старовѣры и что секта ихъ одна изъ древнѣйшихъ. Основы вѣроученія у квасниковъ не со-всѣмъ тождественны во всѣхъ сектахъ. Многія секты подходятъ очень близко къ скопцамъ и даже избираютъ себѣ вожаковъ по преимуществу изъ скопцевъ. Люди, близко знакомые съ вѣроученіемъ скопцовъ, утверждаютъ, что оно основано на богохульствѣ и что сектанты эти отличаются шаткою нравственностью. Это мнѣніе подтверждаетъ отчасти и обрядовая сторона секты, хотя затаенной мысли сектантовъ и главной двигающей ихъ силы убѣжденій, вслѣдствіе недовѣрчивости и замкнутости этой секты, не удалось опредѣлить съ точностью ни одному изъ наблюдавшихъ ее православныхъ пастырей. Вотъ приблизительно въ какомъ видѣ является обрядовая сторона квасниковъ.

Въ воскресные и праздничные дни, не дѣлая даже исключеній для такихъ праздниковъ, какъ Богоявленіе Господне, квасники, чаще всего наканунѣ праздника, собираются по очереди къ одному изъ сектантовъ, изъ всѣхъ ближайшихъ селеній верстъ на 50 въ окружности. На сборищахъ этихъ, въ одномъ домѣ нерѣдко бываетъ болѣе 80 человекъ. Соблюдая строжайшую тайну о мѣстѣ своихъ сборищъ, во избѣжаніе судебныхъ преслѣдованій, они предпочитаютъ устраивать сборища въ домахъ богатыхъ и вліятельныхъ сектантовъ, пользующихся довѣріемъ начальства и общества. Нерѣдко они устраиваютъ также свои сборища тамъ, гдѣ бываетъ или храмовой праздникъ, или ярмарка и гдѣ они, одѣтые по праздничному, могутъ пройти незамѣченными. Собравшись въ одной общей комнатѣ и крѣпко на крѣпко запершись на замокъ, они приставляютъ къ дверямъ караулъ. Оставшись одни, квасники снимаютъ полшубки и зипуны и надѣваютъ на себя чистыя бѣлыя рубахи особеннаго покроя, очень длинныя, похожія на женскія рубашки. Окончивъ это переодеваніе, мужчины садятся въ рубахахъ на скамейки, а женщины разиѣдаются также противъ нихъ въ своихъ богатыхъ праздничныхъ нарядахъ и начинается пѣніе стиховъ. Каждый сектантъ имѣетъ непременно въ рукѣ бѣлый платокъ, которымъ онъ въ тактъ машетъ все время, пока продолжается пѣніе. Такъ проходитъ весь вечеръ и часть ночи въ пѣніи стиховъ и притоптываніи каблуками и помахиваніи платками. Во время пѣнія стиховъ нерѣдко упоминается о государѣ батюшкѣ-искупителѣ. Слово искупительъ извращается у нихъ въ оскотитель.

Подъ этимъ словомъ они подразумѣваютъ Иисуса Христа, котораго представляетъ собою наставникъ общины, скопецъ Букинъ, человѣкъ, по мнѣнію ихъ, святой. Упоминается часто въ молитвахъ и объ Акулинѣ Ивановѣ, царицѣ небесной, и о какомъ-то великомъ пророкѣ Александрѣ Ивановичѣ. Музыкальное ухо не затрудняется отличить съ перваго раза, что мотивы этихъ напѣвовъ мало походятъ на церковные, они отличаются быстрымъ темпомъ *allegro vivasso* и напоминаютъ болѣе всего какой-нибудь танецъ. Вотъ образецъ самаго текста.

Милосердна наша отрадушка,
 Искупитель родимый батюшка!
 Ты свѣтильникъ всему моленію,
 Призывашъ души къ воскресенію!
 Ты со всѣми лично бесѣдуешь,
 Путь ко царствію всѣмъ показывашъ,
 Похожденія страды сказывашъ,—
 Какъ прошелъ отецъ всю вселенную:
 „Въ кругу былъ со мной, мой сердечный другъ
 „Свѣтъ-Мартынушка, сынъ-наслѣдничекъ,
 „Былъ пророкъ, громкій проповѣдничекъ.
 „Онъ оставилъ свое вельможество,
 „Съ испунтелемъ за едно жилъ,
 „А свое сердце въ небеса вложилъ,
 „Генеральскій чинъ онъ съ себя сложилъ,
 „Нарушилъ фамилію Дашкову,
 „Онъ садился на коня царскаго“.
 А Мартынъ-пророкъ воинъ храбрый былъ,
 Лицомъ—агница онъ красавица;
 Въ любви съ Господомъ онъ спасается,
 Ко всей Троицѣ поклоняется,
 Благословилъ его царь Израильскій,
 Чтобъ Мартынушкѣ первогласному
 Вострубить трубой живогласною,
 Возбуждать души отъ сна крѣпкаго,
 Отъ сна крѣпкаго—житья лѣпкаго.
 „Вы вставайте-ка, пробуждайтесь,
 „На жизнь слабую устрашайтесь,
 „Въ рѣчку огненную не мечитесь,
 „Сыну Божьему поклонитесь“.
 Тутъ сошелъ стецъ съ неба на землю,
 Съ нимъ державная права ругушка;
 Еще два лица съ нимъ страдаючи,
 За чистой законъ умираючи,
 Кровавыя раны принимаючи.
 А молитвеннички вселенскіе
 Заливали огни геенскіе;

Протекали тутъ святы рѣчушки,
 Засвѣтились у всѣхъ свѣчушки.
 Дай намъ, Господи, свѣтъ!! Исусъ Христоръ
 Государь сынъ Божій! помилуй насъ.

Какъ видите, на радахъ присутствуетъ и самъ искупитель, и его почетное пребываніе намекаетъ на то, что скопчество не менѣе аристократическая секта, нежели хлыстовщина, и что осклопеніемъ не брезгаютъ не только крестьяне и поселенцы, но даже и родовитые дворяне, слагающіе съ себя высокіе генеральскіе чины и почетные титулы и присоединяющіеся къ сектѣ скопцовъ. Въ награду за это они получаютъ даръ пророчества и стараются всячески уклонить людей отъ семейной жизни, увлекая ихъ перспективой похода на седьмое небо, на царскомъ конѣ. Подъ именемъ вселенскихъ молитвенниковъ скопцы разумѣютъ самихъ себя съ зажженными свѣтильниками, поспѣшающихъ поклониться Сыну Божьему. Они себя добровольно обрекаютъ на полную готовность принять всякаго рода страданія, искуплять или крестить огнемъ и кровію всѣхъ и каждого впредь до восполненія заповѣднаго числа скопцовъ между живыми. Слова: «какъ прошелъ отецъ всю вселенную» составляютъ отрывокъ изъ любимой пѣсни ссыльно-каторжныхъ: «милосердные наши батюшки», напѣваемой ими и въ настоящее время на пути въ Сибирь. Восхваляемое въ этихъ стихахъ «лепское житѣ», иначе сказать «слѣпость» половая—первая добродѣтель скопцовъ. Слова: «еще два лица съ нимъ страдаючи» намекаютъ на ученіе раскольниковъ, что Христоръ содѣлываетъ Св. Троицѣ, какъ Богъ особый.

Когда пѣніе стиховъ окончено, то наставникъ общины, обыкновенно избираемый изъ ловкихъ и молодыхъ людей, легкихъ на ногу и не отличающихся полнотою, начинаетъ бѣгать кругомъ и вертится такъ быстро, что даже трудно бываетъ отличить фигуру человѣка и глазами представляется какой-то бѣлый движущійся мѣшокъ. Тотъ же наставникъ, послѣ утомленія, читаетъ что-то въ родѣ проповѣди. Сюжетъ ея почти никогда не имѣетъ основою какого-либо текста священнаго писанія, а часто состоитъ изъ преподаванія самыхъ безнравственныхъ правилъ пользованія жизнью, что особенно увлекаетъ молодыхъ сектантовъ и сектантокъ, при чемъ повторяется часто назидательная фраза: «ничего не сказывать міру». Когда проповѣдь окончена, вновь начинается пѣніе стиховъ очень быстрымъ темпомъ и по большей части скороговоркою и съ веселымъ припѣвомъ «тяляля». Послѣ пѣнія опять краткое поученіе, въ которомъ наставникъ рекомендуетъ сектантамъ твердо держать въ памяти «какую-то

пѣсенку». Затѣмъ снова пѣніе. Въ глухую полночь ходятъ на рѣку или на озеро и приносятъ воды, причѣмъ вся задача заключается въ томъ, чтобы никто этого не видалъ. Воду эту выливаютъ въ кадущку, поставленную посреди комнаты, въ которой происходитъ сборище сектантовъ. При пѣніи стиховъ пеленаютъ самую красивую изъ дѣвицъ и сажаютъ ее въ уголь комнаты, причѣмъ она, какъ-бы по благодати парицы небесной Акулины Ивановны, поднимается сама на воздухъ, а вода въ кадущкѣ колыхается и всѣ падаютъ ницъ. Этимъ оканчивается моленіе и начинаются ималки, т. е. поимки дѣвушекъ и женщинъ, присутствующихъ на сборищахъ. Этотъ обычай заключается въ томъ, что тушатъ огни и каждый мужчина ловить себѣ дѣвушку, съ которою и остается ночевать въ этой комнатѣ, причѣмъ число дѣвушекъ одинаковое съ числомъ мужчинъ. На утро, послѣ ночнаго соборанія, хозяинъ дома, въ которомъ происходило богомолье, вставши пораньше, затопляетъ баню, въ которой гости и моются. Послѣ бани пьютъ чай и расходятся по домамъ.

Квасники, соблюдая тайну своей секты, не допускаютъ въ свои собранія такихъ лицъ, которыя просятъ дозволить имъ сначала ознакомиться съ условіями секты, а потомъ уже вступить въ нее. Только поступивши въ число сектантовъ и подвергнувшись извѣстнымъ искушеніямъ, можно получить право присутствовать на сборищахъ. Нѣкоторые изъ числа сектантовъ проповѣдаютъ, что кто однажды вступилъ въ квасники, тотъ почувствуетъ себя такимъ блаженнымъ, что никогда не пожелаетъ оставить этой вѣры и по прежнему сдѣлаться православнымъ. Но тѣ, которые вышли изъ этой секты, отзываются о ней съ омерзѣніемъ и отвращеніемъ, хотя и не объясняютъ причины своихъ неудовольствій, и предлагаютъ каждому изъ любопытствующихъ испытать на себѣ условія жизни среди этой секты. Въ народѣ есть повѣрье, что кто, вышедши изъ этой секты, откроетъ тайны условій ея жизни, тотъ долго не проживетъ, такъ какъ квасники очень мстительны и они непременно или изведутъ его, или онъ умретъ отъ ихъ заклинаній. При поступленіи въ секту, заклинанія состоятъ въ слѣдующемъ: новичекъ долженъ отречься отъ отца и матери, отъ родныхъ, друзей и знакомыхъ и подъ страхомъ смерти не открывать никому тайны секты. Ежели новичекъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ сектѣ выйдетъ изъ нея и потомъ пожелаетъ вновь въ нее вступить, то квасники заставляютъ его клясться и божиться сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и выпускаютъ у него кровь изъ мизинца на лѣвой рукѣ, что, какъ полагаютъ они, налагаетъ на его уста и на сердце печать молчанія и въ случаѣ измѣны жестоко его караетъ. Чтобы совратить

кого-либо изъ православія, квасники пропагандируютъ, что Господь благословляетъ ихъ вѣру, чему служить доказательствомъ быстрое обогащеніе тѣхъ лицъ, которыя вступаютъ въ ихъ секту. Поступающіе въ эту секту даютъ обѣтъ не пить ни вина, ни спиртныхъ напитковъ и не курить табаку, который они называютъ поганымъ зельемъ. Но высшею добродѣтелью среди квасниковъ считается оскотленіе и ежели нѣкоторые изъ нихъ не соглашаются на него, то только изъ боязни подвергнуться ссылкѣ. Квасники именуютъ свои ночныя собранія соборами, что позаимствовано ими отъ хлыстовскихъ и скопческихъ собраній.

Въ каждомъ селеніи, гдѣ есть квасники, мѣстный наставникъ не имѣетъ у себя книгъ и руководствуется существующими устными преданіями и учителями ему служатъ опытные сектанты, проживающіе по большей части въ Екатеринбургѣ. Тѣ изъ нихъ, которые уже оскотлены, имѣютъ у себя разнаго рода инструменты и медикаменты, служащіе имъ для оскотленія другихъ. Хотя квасники и имѣютъ иконы въ своихъ комнатахъ, но они на нихъ не молятся. Входя въ комнату, каждый сектантъ быстро по солнцу поворачивается три раза на одной ногѣ, послѣ чего и отдаетъ поклономъ почтеніе хозяину. Ежели въ комнату входитъ гость православный, который не принадлежитъ къ сектѣ, то хозяинъ встрѣчаетъ его обычной фразой: «у насъ порогъ-то высокъ», напоминая ему этимъ, что прежде пріѣтствія хозяевамъ онъ долженъ помолиться передъ святыми иконами. Квасники не признаютъ таинства брака и запрещаютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ, а потому когда дѣвушка полюбитъ молодаго человѣка, то она бѣжитъ изъ родительскаго дома, за что и подвергается проклятію со стороны родителей. Но она предпочитаетъ этотъ исходъ, чѣмъ свѣковать въ дѣвкахъ или подвергнуться оскотленію, такъ какъ кастрація производится и надъ женщинами.

Такъ какъ вообще пропаганда квасниковъ не заключаетъ въ себѣ ничего увлекательнаго, то надо полагать, что для совращенія изъ православія въ свою секту они прибѣгаютъ къ подкупу или инымъ способамъ обольщенія, и въ особенности рыаными пропагандистками являются у нихъ женщины. Такъ, не разъ бывали примѣры, что молодой человѣкъ долго сопротивлялся уговорамъ родителей послѣдовать ихъ примѣру и вступить въ одну съ ними секту. Но стоило ему только, по просьбѣ ихъ, съѣздить въ Екатеринбургъ и пожить нѣсколько дней у двухъ богатыхъ скопчихъ дѣвицъ, какъ взглядъ его неожиданно измѣнился и не только онъ самъ охотно вступалъ въ секту, но начиналъ уговаривать и жену послѣдовать его примѣру, и въ случаѣ сопротив-

ленія принимался бить жену, подвергать ее всякимъ лишеніямъ и истязаніямъ до тѣхъ поръ, пока она не изъявить согласія вступить въ секту. Одна изъ такихъ непокорныхъ женъ успѣла бѣжать отъ мужа и, явившись къ священнику, показала ему правую руку, на которой мужъ отрубилъ ей топоромъ палецъ за то, что она не согласилась присоединиться къ расколу. Не всегда однако-жъ квасникамъ удается заманить къ себѣ въ секту новичковъ, не смотря на всѣ ихъ усилія, старанія и денежные затраты, къ которымъ они нерѣдко прибѣгаютъ съ этою цѣлю. Въ селеніяхъ и станицахъ молодежь относится вообще враждебно къ квасникамъ. Въ то время, какъ у нихъ происходятъ сборища при закрытыхъ ставняхъ и запертыхъ на замокъ дверяхъ, молодежь кидаетъ грязью и камнями въ эти дома и стучится нарочно въ двери, чтобы помѣшать сектантамъ во время ихъ служенія и пѣнія стиховъ. По внѣшности, квасниковъ можно принять за самыхъ благочестивыхъ христіанъ. Они не бѣгутъ отъ православной церкви, а, напротивъ того, посѣщаютъ ее преусердно во всѣ службы, въ праздничные и воскресные дни. На исповѣди и у Святаго причастія бывають ежегодно и въ случаѣ трудной болѣзни призываютъ къ себѣ православныхъ пастырей и по нѣсколько разъ исповѣдываются и приобщаются. Вообще въ этомъ отношеніи поведеніе ихъ безукоризненно, хотя нельзя поручиться съ другой стороны, что оно не имѣетъ цѣлю тайное желаніе замаскировать принадлежность свою къ извѣстной сектѣ. Квасники очень общежительны, ласковы и радужны въ обращеніи и готовы всякому услужить. Они мстятъ только тѣмъ, которые показываютъ имъ явное пренебреженіе. Ежели священникъ начинаетъ ихъ уличать въ принадлежности къ тайной сектѣ, то они нѣсколько смущены, но скоро ободряются и начинаютъ божиться и клясться, что они такіе же православные христіане, какъ и всѣ русскіе люди, и очень обижаются, ежели ихъ называютъ квасниками.

Изъ оффіціальной переписки, существующей по поводу распространенія секты квасниковъ, не видно, въ чемъ заключается догматическая сторона ихъ вѣроученія, хотя она имѣетъ много общаго со скопчествомъ. Можно только придти къ одному несомнѣнному заключенію, что они таятся отъ православныхъ пастырей и стыдятся своихъ односельчанъ. Существованіе этой секты среди казаковъ и крестьянъ въ нашей губерніи открыто впервые въ 1875 году. Но несомнѣнно, что секта эта древняя, такъ какъ уже 60 лѣтъ тому назадъ квасники уже существовали въ отрядахъ: Птичьемъ и Каменномъ и въ станицахъ: Медвѣдской, Риги и Карачевскомъ отрядѣ. Надо полагать, что новіціатъ квасниковъ имѣлъ первенствующую цѣлю замаски-

ровать скопчество, подвергшееся преслѣдованію со стороны правительства какъ секта безнравственная и насилующая законы природы. И вотъ та-же секта скопцовъ, подъ наименованіемъ квасниковъ, появляется съ цѣлю усилить свою пропаганду въ Челябинскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи.

Такимъ образомъ, скрываясь подъ новымъ названіемъ, поставившемъ въ тупикъ наше православное духовенство, скопцы успѣли прозвести кастрацію надъ нѣсколькими тысячами новичковъ, которыхъ счумѣли прельстить деньгами и обѣщаніями всякихъ блаженствъ, и приготовили ихъ къ воспринятію новаго пророка. Этотъ пророкъ, по всей вѣроятности, явится передъ ними вскорѣ въ видѣ царицы небесной Акулины Ивановны или государя батюшки осконителя и его встрѣтятъ десятки тысячъ адептовъ этой секты, все тѣ-же скопцы, только подъ новымъ именемъ — квасниковъ.

А. П. Жаеионъ.

СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ НОЧЬ СЪ 27 НА 28 АВГУСТА 1855 г.

По поводу Записокъ генерала Крыжановскаго

„Севастополь и его защитники въ 1855 г.“.

Въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. генералъ Н. А. Крыжановскій, бывшій начальникъ штаба артиллеріи крымской арміи, возражая на Записки генерала Духонина о севастопольской оборонѣ, обращается къ бывшимъ своимъ подчиненнымъ въ полевыхъ батареяхъ, находившихся 27 августа 1855 г. на Корабельной сторонѣ, съ призывомъ о сообщеніи на страницахъ «Русской Старины» подробностей того, чему были они свидѣтелями въ достопамятную ночь съ 27 на 28 августа 1855 г., въ видахъ окончательнаго разъясненія вопроса: какія именно полевые орудія были брошены въ бухту въ эту ночь?

Вотъ отвѣтъ на это приглашеніе.

I.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1855 г. пишущій эти строки находился съ 5 полевыми орудіями 4 легкой батареи 11 артиллерійской бригады на 5 бастионѣ. Эти пять орудій избѣжали потопленія. Какъ очевидецъ потопленія полевыхъ орудій у Графской пристани, я считаю себя обязаннымъ отозваться на приглашеніе почтеннаго генерала, бывшаго моего начальника, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось видѣть въ Севастополѣ многое, близко наблюдать переходъ войскъ на Сѣверную сторону и удосужилось составить собственныя записки о крымской войнѣ.

Прежде всего, для устраненія нареканія въ неполнотѣ послѣдующаго разсказа, мнѣ необходимо предварить возможный вопросъ: почему при описаніи событій въ качествѣ очевидца, я умалчиваю про имена

выставляемыхъ лицъ и опускаю цифры, имѣющія особое значеніе? Отвѣчаю: единственно потому, что эти имена и цифры не удержались въ моей памяти. Вскорѣ послѣ крымской войны я оставилъ военную службу и, брошенный въ другую сферу, не имѣлъ уже возможности подновлять старыя воспоминанія и слѣдить за военной литературой. Описаніе же всѣхъ деталей севастопольскихъ событій въ собственныхъ запискахъ не согласовалось съ планомъ послѣднихъ.

Попытки французовъ овладѣть, 27 августа, 5 бастіономъ были окончательно отражены, приблизительно, къ 3 часамъ по полудни. Едва успѣли мы увѣриться въ прочности пріобрѣтеннаго успѣха, справиться съ принимавшимъ нешуточные размѣры пожаромъ въ бастіонѣ ¹⁾ и разобратся съ плѣнными, выпроводивъ ихъ куда слѣдовало, какъ является ко мнѣ фейерверкеръ 4 легкой батареи съ словеснымъ секретнымъ приказаніемъ изъ управленія начальника артиллеріи севастопольскаго гарнизона — немедленно и по возможности скрытно снять съ бастіона всѣ 5 орудій, находившіяся подъ моею командою, и слѣдовать съ ними въ городъ (на какой именно пунктъ — теперь не помню), гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Никакихъ поясненій посланный сообщить не могъ, прибавилъ только, что лошадиныя запряжки приведены имъ и оставлены за горжевой стѣнкой бастіона. Тотчасъ же взялись за работу и на рукахъ вывезли орудія за бастіонъ, причемъ не мало хлопотъ задали два орудія, подбитыя въ послѣдніе дни. Никому изъ бравыхъ артиллеристовъ и въ голову не приходило остановиться на томъ, стоило-ли увозить одно, очевидно, негодное къ дѣйствию орудіе, лафетъ котораго частію былъ разбитъ въ щепы. На дорогѣ онъ, дѣйствительно, рассыпался окончательно, но самое тѣло орудія все таки перетасили на Сѣверную сторону на канатахъ. Выпроводивъ орудія, я поспѣшилъ въ блиндажъ проститься съ сожителями. Всѣ офицерскіе и матроскіе блиндажи 5 бастіона были разрушены бомбами въ первые же дни послѣдней бомбардировки, уцѣлѣлъ только одинъ блиндажъ командира бастіона, и здѣсь-то сосредоточился еще наканунѣ весь постоянный составъ офицеровъ, завѣдывавшихъ артиллерійскою и мивною обороною бастіона. На посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ вопросы о причинахъ и значеніи распоряженія о снятіи

¹⁾ Чтобы не замедлять картечную пальбу по штурмующимъ, крѣпостныя орудія 27 августа 1855 г. не надвигались въ амбразуры послѣ выстрѣловъ, вслѣдствіе чего щеки амбразуръ, одѣтыя фашинами, загорались. Отсюда огонь переходилъ на деревянныя платформы, щепы и на всякій хламъ, въ изобиліи валявшійся около орудій. Въ продолженіе штурма, разумѣется, было не до тушенія и огонь мало-по-малу распространился во внутренности бастіона.

полевыхъ орудій, я, конечно, не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Никто не нападалъ на мысль объ отступленіи и всѣ догадки сходились на томъ, что полевая артиллерія нужна теперь на Корабельной, гдѣ, если еще не съ вечера, то непременно съ утра, разыграется послѣднее побоище за обладаніе Малаховымъ курганомъ. О паденіи его мы заключали по французскому знамени на башнѣ кургана; дымъ и огонь происходившихъ тамъ свалокъ также видны были съ вышки бастиона, но точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на Корабельной мы еще не имѣли. Со мной простились, какъ съ приговореннымъ къ смерти, въ чемъ я самъ ни мало не сомнѣвался.

Итакъ подчеркиваю, что 27-го августа до 5 часовъ пополудни на 5 бастионѣ еще не знали о начавшемся уже отступленіи и никакого приказанія на этотъ счетъ еще не получалось командиромъ бастиона. Съ утра всѣ были вмѣстѣ или на глазахъ другъ у друга и вмѣстѣ работали надъ отраженіемъ штурма. Правда, въ Севастополѣ были въ большой модѣ секретные приказы, но въ данномъ случаѣ какой же имѣлся смыслъ въ секретничаньи отъ офицеровъ, на которыхъ лежало исполненіе этого секрета.

Но возвращаюсь къ событіямъ. Было еще далеко до вечера, когда я оставилъ 5 бастионъ. На спускѣ къ Николаевской батареевѣ меня встрѣтило извѣщеніе, что орудія направлены черезъ мостъ на Сѣверную сторону. Тутъ впервые я узналъ, что войска начали переходить черезъ мостъ. Загадка на половину разъяснилась.

Освободясь, такимъ образомъ, отъ заботы о своихъ орудіяхъ, прежде всего я задался идеею—разузнать и разъяснить себѣ смыслъ отступленія, и съ этою цѣлю направился въ Николаевскую батарею, какъ главный центръ всѣхъ севастопольскихъ тайнъ и новостей. Но, увы! тамъ оказалось чистѣйшее столпотвореніе вавилонское. Штабъ главнокомандующаго и всѣ находившіяся тутъ управленія выбрались или выбирались въ Сѣверное укрѣпленіе; возня и хаосъ стояли повсемѣстно. Казематы, освобожденные отъ недавнихъ перегородокъ, вытянулись въ безконечную амфиладу, щемившую своими мрачными, надвигавшимися на голову, сводами. Я поспѣшилъ назадъ и пошелъ добывать языка на площадь, заполненную сплошною массою солдатъ. Въ непродолжительное время мнѣ удалось получить отчетливыя свѣдѣнія, какъ о событіяхъ дня на всей оборонительной линіи, такъ и о принятыхъ рѣшеніяхъ. Мы оставляемъ южную сторону совершенно; бастионы къ вечеру должны быть очищены и затѣмъ взорваны, послѣ предварительнаго истребленія и порчи крѣпостныхъ орудій, станковъ и другихъ запасовъ; городъ будетъ сожженъ до тла; на случай наступленія непріятеля по нашимъ пятамъ, оставлены войска на городъ.

скихъ батареяхъ и баррикадахъ; отступая шагъ за шагомъ, они должны послѣдовательно взрывать заранѣе заготовленные мины и фугасы въ городѣ, а затѣмъ береговые форты—Павловскій и Николаевскій. Все выходило повидимому отлично; унывать не представлялось серьезнаго основанія.

Медленно пробираясь по направленію къ бухтѣ, вправо отъ переправы, съ цѣлью—взглянуть на общую картину перехода войскъ по мосту, я былъ нанесенъ волненіемъ колышавшейся массы на цѣлый паркъ артиллерійскій. Около двухъ десятковъ полевыхъ орудій, безъ запряжки и зарядныхъ ящиковъ, но, если не ошибаюсь, съ передками, стояли на самомъ краю бухты, тѣсно сдвинутыя одно къ другому. На лафетахъ лежали мѣшки и мѣшечки, повидимому, съ разнымъ солдатскимъ скарбомъ; тутъ же видѣлись и кучки артиллеристовъ. Встрѣча эта несказанно меня обрадовала; теперь, подумалось мнѣ, я между своими; будетъ съ кѣмъ коротать время. На опросъ мой: какія батареи и есть-ли офицеры?—артиллеристы назвали два или три номера и указали на сидѣвшихъ, не вдалекѣ на лафетахъ, трехъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ оказался моимъ знакомымъ. Всѣ трое были съ Корабельной и сидѣли тутъ въ ожиданіи своей очереди къ переправѣ, которая должна-де наступить послѣ перехода пѣхотныхъ частей. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими вопросами и отвѣтами, какъ послышался вблизи знакомый начальническій голосъ. То былъ полковникъ Шейдеманъ, начальникъ артиллеріи севавтопольскаго гарнизона, верхомъ, въ сопровожденіи юнаго офицера. Начало уже вечерѣть. «Отчего не потоплены орудія? почему не исполняется приказаніе? гдѣ офицеры? гг. офицеры! что это значить?»—лилось изъ устъ запальчиваго полковника, жестикулировавшаго обѣими руками. Старшій изъ офицеровъ пробовалъ было отвѣчать, что приказанія о потопленіи орудій не получалось; но Шейдеманъ, по обыкновенію, не слушалъ и не давалъ говорить, продолжая свои распеканія. Затѣмъ, внезапно соскакиваетъ съ коня, даетъ затрещину ближайшему фейерверкеру, требуетъ топоръ и, выхвативъ его изъ рукъ артиллериста, съ крикомъ: «рубить лафеты!» начинаетъ яростно стучать по спицамъ ближайшаго колеса. Разумѣется, спицы не поддавались неумѣлымъ ударамъ тупицею, и Шейдеманъ пришелъ въ окончательный азартъ. «Орудія въ воду!» закричалъ онъ; но какъ оторопѣлые артиллеристы не знали что дѣлать и только переминались на мѣстѣ, поглядывая въ сторону своихъ офицеровъ, то Шейдеманъ, ухватившись за колесо, сталъ накатывать орудіе къ водѣ. Фейерверкеры помогли ему и первое орудіе торжественно обрушилось въ пучину морскую. Затѣмъ Шейдеманъ

также быстро вскочилъ на коня, еще разъ распекъ офицеровъ и скрылся въ толпѣ.

Не считая себя обязаннымъ принимать участіе въ похоронахъ орудій и не имѣя личнаго къ тому желанія, я воспользовался суматохой и повернулъ обратно къ Николаевской батарее. Ни съ кѣмъ изъ этихъ случайныхъ знакомцевъ я болѣе не встрѣчался. Дальнѣйшія мои свѣдѣнія по предмету потопленія полевыхъ орудій сводятся къ тому, что другая часть ихъ затоплена на Корабельной много ранѣе, чѣмъ у Графской пристани. Смутно припоминаются мнѣ слышанные рассказы, что переправу съ Корабельной открыла полевая артиллерія, но какъ только стали подходить къ мосту пѣхотные полки, орудія побросали въ воду, чтобъ не задерживать войска. Тутъ-то, вѣроятно, потоплено и нѣсколько изъ 28 запряженныхъ орудій, о которыхъ упоминаетъ генераль Крыжановскій. Общее число затопленныхъ орудій, по моимъ замѣткамъ, вполне совпадаетъ съ цифрою 56, указываемою Крыжановскимъ. Духовинская цифра 91 — безусловно невѣрна.

Послѣ эпизода съ Шейдеманомъ, я вторично заглянулъ въ Николаевскую батарею. За исключеніемъ главнаго госпиталя, эвакуація котораго приходила уже къ концу, въ остальныхъ казематахъ было пусто и темно. Осторожно пробираясь впередъ, на мелькавшіе изъ госпитальныхъ палатъ огоньки, тѣмъ не менѣе я наткнулся на какое-то кресло и, съ досады на ушибъ, разбилъ его о каменный полъ. Вслѣдъ затѣмъ послышался людской говоръ и, при свѣтѣ зажженной спички, ко мнѣ приблизилась группа матросовъ и солдатъ. Это была зажигательная команда, заготовлявшая въ разныхъ концахъ батареи костры для обезпеченія всесожженія послѣдней. Тутъ я припомнилъ, что мы должны находиться въ бывшемъ помѣщеніи начальника морской артиллеріи въ Севастополѣ, наполненномъ дорогою и великолѣпною французскою мебелью, не за-долго до начала войны вывезенною изъ Марсели, которую я и отрекомендовалъ матросамъ — какъ матеріалъ для ихъ костровъ. Встрѣча съ зажигателями напомнила мнѣ, что пора позаботиться и о собственномъ имуществѣ. Небольшой домикъ въ три окна, служившій общею квартирою офицеровъ 4 легкой батареи 11 артиллерійской бригады, остававшихся по какому либо случаю на Южной сторонѣ, стоялъ тутъ же не вдалекѣ, рядомъ съ католическою церковью, и полчаса времени было достаточно для упаковки походныхъ чемодановъ. На квартирѣ повторилась такая же встрѣча съ зажигательной командой, съ тою разницею, что тутъ матросы прямо приступали къ дѣлу и подожгли домикъ на моихъ глазахъ.

затруднительно было пробраться къ переправѣ и выпроводить деньщика на мостъ, но, наконецъ, покончена была и эта задача.

Стало совершенно темно; пожаръ только что начинался въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ. Масса столпившихся у переправы войскъ, казалось, не только не умалаясь сравнительно съ прежнимъ но все возрастала. Во всякомъ же случаѣ, она все плотнѣе сжималась и все ближе налегала на входъ, на мостъ. Увидѣвъ себя совершенно свободнымъ послѣ отправки своего багажа, тѣмъ не менѣе я не подумалъ даже о собственномъ переходѣ на Сѣверную; мѣстность, гдѣ находился бивуакъ батареи, была неизвѣстна мнѣ, а разыскивать послѣднюю за 5—6 верстъ, въ темную ночь, не представлялось утѣшительнымъ. За неимѣніемъ, такимъ образомъ, пристанища, ничего болѣе не оставалось, какъ держаться въ Севастополѣ до послѣдней возможности. А какъ выбраться чрезъ живую стѣну, окружавшую выходъ на мостъ, представлялось крайне затруднительнымъ, то, по неволѣ, приходилось только наблюдать,—и я сталъ наблюдать.

Переходъ войскъ по большому мосту, по общимъ отзывамъ, начался около 3 час. пополудни. Сначала все шло благополучно, но скоро случился разрывъ моста, главную причину котораго приписывали довольно сильному волненію въ бухтѣ. Остановка была, впрочемъ, непродолжительна, и никакимъ несчастіемъ не сопровождалась. Съ починкой моста переправа возобновилась и продолжалась до конца безъ малѣйшихъ перерывовъ. Въ описываемый моментъ руководилъ переходомъ войскъ генералъ Бутурлинъ, ген.-квартирмейстеръ арміи въ свитѣ котораго замѣчалось еще нѣсколько генераловъ. Переправа производилась такимъ порядкомъ: войска пропускались шеренгами въ ширину моста, на дистанціи 6 шаговъ одна отъ другой. Поводомъ къ такому церемониальному маршу послужилъ упомянутый разрывъ моста. Происходившая отсюда крайняя медленность въ переправѣ, видимо вліяла на настроеніе солдатъ. Оно высказывалось въ настойчивомъ надвиганіи ихъ къ мосту, не поддававшемуся всѣмъ усиліямъ жандармовъ, охранявшихъ шлагбаумъ. Порядокъ, однако, не нарушался. Такъ продолжалось, приблизительно, до полуночи, пока не произошелъ слѣдующій случай. Въ группѣ собравшихся у шлагбаума офицеровъ равнаго оружія завязалась бесѣда на тему: какихъ послѣдствій можно ожидать въ томъ случаѣ, если до разсвѣта переправа не окончится? Были высказаны такія предположенія: 1-е, что одной случайной бомбы, упавшей на площади въ густой массѣ стоявшихъ тутъ войскъ, будетъ достаточно, чтобъ придать этой массѣ стихійный порывъ на мостъ, послѣдствіемъ котораго будетъ трудно исправимый разрывъ его, тѣмъ болѣе, что пѣхотныя части остаются почти безъ офицеровъ, за непомѣрною убылью ихъ въ послѣдніе дни. Необходимо замѣтить, что въ ночь отступленія непріятельскія батареи совершенно

бездѣйствовали; лишь изрѣдка одиночныя бомбы или ракеты поднимались изъ-за Корабельной и падали въ бухту, далеко вправо отъ моста, или переносились на Сѣверную; тогда какъ въ предшествовавшія три ночи онѣ валились, на эту самую площадь, одна вслѣдъ за другой. 2-е, совершенно затихшее къ вечеру волненіе въ бухтѣ устраняетъ единственно серьезное опасеніе за устойчивость моста. 3-е, разсвѣтъ неминуемо обнаружитъ неприятелю производящуюся у насъ переправу, независимо отъ свѣдѣній, которыя могутъ дать ему къ тому времени развѣдчики и мародеры. Естественно, что тогда онъ поспѣшитъ направить на пунктъ переправы огонь своихъ навѣсныхъ батарей и мостъ неминуемо будетъ разорванъ окончательно, — напоромъ въ толпѣ, охваченной паникой, или неприятельскими снарядами. Отсюда необходимость поспѣшить переправой и окончить ее, во что-бы ни стало, до разсвѣта, вытекала само собою. Дошли-ли эти разсужденія до слуха начальства или оно просто соскучилось, — только вслѣдъ за симъ генералы отправились на Сѣверную, и переправа приняла иной видъ: войска двинулись по мосту сплошною массою и быстро очистили площадь. Когда мостъ опустѣлъ, я прошелъ его во всю длину и тѣмъ же порядкомъ возвратился назадъ, не замочивъ ногъ.

II.

Между тѣмъ, пожаръ разгорался и, обнявъ всю площадь города и Корабельной, слился въ сплошное море пламени. У моста можно было легко читать рукопись. Развернулась предъ глазами такая грандіозная и страшная картина, что невольный трепеть пробѣгалъ по всѣмъ нервамъ. Слева на огненномъ фонѣ рельефно выдѣлялся темный силуэтъ памятника Казарскому, справа высоко поднимались тучи искръ отъ деревянныхъ построекъ и крыши; а изъ кромѣшной тьмы, разстилавшейся надъ оборонительной линіей, то сямъ, то тамъ вылетали по временамъ гигантскіе столбы пламени, сопровождаемые потрясающими громовыми раскатами. Небо мерцало въ высотъ звѣздами. Долго стоялъ я, прикованный къ своему мѣсту, въ нѣмомъ созерцаніи этого неописуемаго зрѣлища, безъ чувствъ, безъ мыслей, въ полномъ забытіи. Очнувшись, я увидѣлъ себя совершенно одинокимъ. Тутъ въ организмъ моему, утомленному тяжелою службою на бастіонѣ въ послѣдніе дни, когда для сна едва набиралось 3—4 часа въ сутки, при крайнемъ физическомъ и моральномъ напряженіи, совершилась

крутая перемена: еще недавняя бодрость смѣнилась общимъ изнеможеніемъ, и я тутъ же, за шлагбаумомъ моста, присѣлъ на причаль и моментально уснулъ. Когда, разбуженный сапернымъ офицеромъ, объявившимъ, что приступаютъ къ снятію моста, я открылъ глаза, начинало уже свѣтать. До бивуака батареи я добрался, когда совсѣмъ уже развидѣлось, т. е. часу въ седьмомъ. Полагая на проходъ 5—6 верстъ часъ съ небольшимъ, оказывается, что я оставилъ Южную сторону около 5 часовъ по полуночи 28-го августа, а мостъ окончательно былъ разведенъ около 6 ч. утра.

Приведенныя подробности, помимо указаній, относящихся къ потопленію полевыхъ орудій, выясняютъ еще другой затронутый генераломъ Крыжановскимъ вопросъ, тѣсно связанный съ первымъ, о томъ: можно ли было избѣгать этого потопленія?

Какъ ни авторитетно въ моихъ глазахъ мнѣніе уважаемаго начальника штаба артиллеріи крымской арміи, стоявшаго очень высоко въ понятіяхъ подчиненныхъ ему артиллеристовъ, но лично я не могу согласиться съ утверженіемъ сего, что затопленіе полевыхъ орудій и непорча крѣпостныхъ есть жертва, принесенная тяжести обстоятельствъ. По моему мнѣнію, съ которымъ, вѣроятно, согласится всѣ бывшіе мои товарищи артиллеристы, обстоятельства наши, въ день 27-го августа, вовсе не были и не казались столь тяжелыми, если подъ тяжестію ихъ не подразумѣвать собственно распоряженія главнокомандующаго. Рѣшеніе пожертвовать полевыми орудіями, не только входившими въ составъ постоянного вооруженія передовой оборонительной линіи, но и запряженными, составлявшими общій артиллерійскій резервъ 27-го августа, какъ на Корабельной, такъ и на городской сторонахъ, въ принципѣ представлялось совершенно правильнымъ; но общность событій, ознаменовавшихъ день отступленія, и послѣдовательный ходъ ихъ вовсе не требовали отъ насъ подобной жертвы. Припомнимъ, что, за исключеніемъ Малахова кургана, мы вездѣ побѣдоносно отразили нападенія непріятели, а на бастионахъ 1, 2 и 3 даже нанесли ему жестокое пораженіе. По окончаніи боя, непріятель не только не помышлялъ о дальнѣйшемъ наступленіи, но сосредоточился исключительно въ заботахъ объ удержаніи за собой кургана, на который ожидалъ ежеминутно нападенія съ нашей стороны. Утверждаю послѣднее со словъ французскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ овладѣніи курганомъ. Пишущему эти строки много разъ приходилось лично бесѣдовать съ недавними противниками, тотчасъ по заключеніи мира, по многимъ деталямъ осады и обороны.

Далѣе, непріятель вовсе не подозрѣвалъ о начавшемся у насъ отступленіи, лучшимъ доказательствомъ чего служить бездѣйствіе его ба-

тарей, имѣвшихъ полную возможность превратить это отступление въ безпорядочное бѣгство. Наконецъ, что препятствовало обусловить некрасивый актъ потопленія орудій указаніями послѣдней крайности, т. е. когда выяснилось бы наглядно, что орудія нельзя вывезти.

Если такъ просто и легко проскользнули черезъ большой мостъ орудія съ 5-го бастиона, то почему не могли быть увезены тѣмъ же путемъ и находившіяся на Корабельной или бастионахъ 3 и 4? Послѣдніе бастионы находились въ одинаковыхъ условіяхъ съ 5, вся разница заключалась въ большемъ разстояніи; что же касается Корабельной, то указанный выше фактъ нахождения бывшихъ тамъ орудій у Графской пристани, въ самомъ почти началѣ переправы, достаточно свидѣтельствуетъ, что и тамъ дѣло вывозки орудій не представляло ничего труднаго.

Совершенно согласенъ съ генераломъ Крыжановскимъ, что вывозка орудій на рукахъ артиллеристовъ была невозможна, а на пароходахъ, имѣвшихъ послѣднею задачею перевозку больныхъ и раненыхъ, тѣмъ болѣе; но, спрашивается, что навязывало ручную вывозку, когда лошадиная запряжка была подъ рукою и болѣе мѣсяца отдыхала спокойно на коновязяхъ, на Сѣверной сторонѣ? Развѣ невозможно было къ 5 передкамъ, посланнымъ 4 легкою батареею 11 арт. брига., присоединить еще какихъ нибудь 50 передковъ съ сотнею лошадей, считая по двѣ на орудіе? Операция эта, даже съ точки зрѣнія личныхъ командирскихъ интересовъ, представлялась совершенно безобидной, потому что затихшая послѣ штурма бомбардировка исключала опасность потери лошадей отъ непріятельскаго огня. Вопросъ же о времени, необходимомъ на перевозку 50 орудій, достаточно разъясняется изъ разсказа моего о ходѣ и окончаніи переправы.

Нѣтъ, сущность и источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ въ Крымскую войну лежали въ совершенно иномъ—въ несостоятельности нашихъ военачальниковъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ.

Не смотря на то, что кн. М. Д. Горчаковъ началъ готовиться къ оставленію Южной стороны Севастополя еще съ первыхъ чиселъ августа, вслѣдъ за неудачей на р. Черной, тѣмъ не менѣе день 27-го августа все-таки засталъ его врасплохъ, не освоившимся съ необходимостью отступления, а главное—не осмыслившимъ исполненіе его и не пріурочившимъ послѣднее къ тѣмъ или другимъ событіямъ или случайностямъ, всегда неизбѣжнымъ на войнѣ. Онъ рѣшилъ отступление въ одинъ моментъ и зря, какъ за часъ или два назадъ рѣшалъ зря выручку Малахова кургана, стоившую намъ съ полдесятка тысячъ человѣческихъ жизней. Естественно, что внезапное отступление не могло обойтись безъ хаоса въ распоряженіяхъ, безъ сумятицы въ исполненіи послѣднихъ.

И вотъ въ силу чего мы отдали неприятелю крѣпостныя орудія и станки безъ поврежденія, 16,000 пудовъ пороха и множество снарядовъ; безъ нужды потопили полевыя орудія и пароходы съ машинами, не взорвали Николаевскую батарею, бросили часть своихъ раненыхъ и пр., и пр., о чемъ до сей поры нельзя вспоминать безъ горечи. Если 27-го августа не вышло еще хуже, то единственно потому, что великъ Богъ земли русской; диспозиціи же князя В. И. Васильчикова или князя М. Д. Горчакова тутъ не при чемъ.

Объ упоминаемой генераломъ Крыжановскимъ какой-то диспозиціи очищенію Южной стороны, составленной кн. Васильчиковымъ, мнѣ самому приходилось слышать впоследствии, но не приходилось видѣть результатовъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, когда именно, т. е. до или послѣ отступленія на Сѣверную, диспозиція эта утверждена была главнокомандующимъ, кому и когда именно была сообщена она для исполненія?! Если до 5 часовъ пополудни она оставалась совершенно неизвѣстной командиру 5-го бастиона, послѣ 6-го бастиона ближайшаго къ главному штабу, и штабу начальника гарнизона, то какой же смыслъ имѣло сообщеніе ея послѣ 5 часовъ и при томъ при полнѣйшемъ отсутствіи какихъ либо предварительныхъ указаній на случай отступленія? Самъ генералъ Крыжановскій, въ замѣчательно вѣрной характеристикѣ своей кн. М. Д. Горчакова, выставляетъ канцелярское бѣшенство, которымъ одержимъ былъ доблестный главнокомандующій-неудачникъ, къ слову сказать—надѣлавшій Россіи чуть ли не горшихъ бѣдъ потомъ въ Варшавѣ. Что-же невѣроятнаго въ моемъ предположеніи, что навожденіе этого бѣшенства имѣло мѣсто и при исправленіи и передѣлкѣ имъ диспозиціи кн. В. И. Васильчикова? Развѣ мало доказательствъ въ этомъ отношеніи общеизвѣстный фактъ съ диспозиціею генерала Бутурлина на 4-е августа 1855 г., которая, за многократными передѣлками и переписками, не была сообщена во-время даже начальникамъ дивизій!

Не подлежитъ сомнѣнію, что диспозиція на 27—28 августа была сама по себѣ, а очищеніе Южной стороны Севастополя происходило само по себѣ.

29-го іюля 1886 г.

Н. С. Милошевичъ.

МОРСКОЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КОРПУСЪ

въ воспоминавіяхъ Л. А. Загоскина

1822—1826 гг.

Не слѣдъ мнѣ въ 78 лѣтъ опровергать все то, что было написано о дурныхъ порядкахъ въ морскомъ корпусѣ до восшествія на престолъ незабвеннаго императора Николая Павловича тѣми молодыми, сравнительно съ нами, офицерами, которые за нововведеніями забыли исторію своего гнѣзда, морскаго шляхетнаго корпуса; впрочемъ, не мудрено, настоящее училище не имѣетъ преданій шляхетнаго (дворянскаго) корпуса.

Императоръ Александръ Павловичъ, занятый умиротвореніемъ Европы, не имѣлъ времени для внутренняго устройства своей имперіи; поэтому онъ ни разу не удостоилъ посѣщеніемъ флота и морскаго корпуса; но духъ истыхъ моряковъ: Чичагова, Ушакова, Сенявина всегда оберегалъ флотъ и его питомцевъ; доказательствомъ тому служить имена тѣхъ лицъ, коими славна исторія русскаго флота, каковы Литке, Лазаревъ, Пав. Мих. Барановъ, князь Путятинъ, Нахимовъ, Корниловъ и многіе другіе.

Прежде нежели повести рѣчь о порядкахъ въ морскомъ корпусѣ, припомнимъ какъ жилось до 1826 года тѣмъ двумъ тысячамъ моряковъ, которые были обречены жить въ Кронштадтѣ, не имѣя почти никакихъ занятій. При такомъ скопленіи горячихъ головъ, при распространявшихся въ то время различныхъ сходкахъ, молодежь, подстрекаемая питухами извѣстныхъ лѣтъ, задумала отъ бездѣлья составить свое общество; наслушавшись объ аонскихъ вечерахъ, они въ респектѣ къ нимъ хотѣли создать нѣчто подобное и, отыскавъ какого-то кабатчика Аюоньку, его именемъ окрестили свой кружокъ; цѣль этого общества была обозначена такъ: осенью, въ ледаходъ, когда прекращается сообщеніе съ Петербургомъ, выпить все вино всякихъ наименованій въ Кронштадтѣ. Преданіе гласитъ, что это было исполнено; девизомъ общества была пробка, носимая въ петлицѣ на Вла-

дѣлѣ дѣлѣ; мнѣ сказывалъ это одинъ изъ членовъ его, весьма почтенный офицеръ.

Любопытно и даже необходимо прослѣдить и внести въ лѣтописи флота частную жизнь моряковъ; а что мы знаемъ, напримѣръ, о гардемаринахъ, женатыхъ въ царствованіе Екатерины Великой и императора Павла, заслужившихъ въ бояхъ со шведами георгиевское знамя...

Обращаюсь, однако, къ морскому корпусу. Въ одинъ и тотъ же день, съ А. И. Зеленымъ и его братьями поступилъ и я въ корпусъ изъ пансіона Дм. Ал. Сорокина, въ ту же четвертую часть 5-й роты, къ нашимъ благодѣтельнымъ: частному командиру Пав. Мих. Новосильцеву и ротному кн. Сергѣю Александровичу Шихматову.

Въ 1823 году, 30-го мая, мы вышли въ гардемарины, Зеленый шестымъ, я восьмымъ по корпусу; съ этого дня С. А. Шихматовъ особенно отличилъ насъ, избравъ служить съ нимъ на главномъ дежурствѣ по корпусу, сначала за младшихъ, а впослѣдствіи и за старшихъ офицеровъ. Сколько помню, въ нашей 5-й ротѣ командирами частей были: въ 1-й—извѣстный впослѣдствіи по ссылкѣ въ Сибирь въ 1826 г., человекъ ученый и для нашего времени, Дмитрій Ириарховичъ Завалишинъ ¹⁾; во 2-й—вполнѣ гуманный А. И. Селивачевъ; въ 3-й—ученый лейтенантъ Подческовъ, всегда сдержанный; въ нашей, 4-й части, Павелъ Михайловичъ Новосильцевъ, офицеръ, бывший въ кругосвѣтномъ плаваніи, выдержавшій экзаменъ по римскому праву и въ 1825 году поступившій правителемъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, адмирала А. С. Шишкова.

Князь Шихматовъ въ каждую часть выдалъ по нѣсколько экземпляровъ воскресныхъ евангелій, обязавъ насъ, кадетъ, къ воскресному дню эти евангелія на каждую недѣлю выучить наизусть. Въ воскресенье, послѣ литургіи, князь приходилъ въ роту; всѣ части по своимъ камерамъ становились во фронтъ, безъ ранжира, и князь спрашивалъ то одного, то другаго текстъ или часть евангелія, а затѣмъ объяснялъ намъ значеніе поученій и жизнь Спасителя. Такъ зарождалось въ насъ, дѣтяхъ, горчичное сѣмя вѣры въ Господа нашего Иисуса Христа, затемняемое сказками нашихъ матушекъ и нянюшекъ.

Въ концѣ 1824 года, по возвращеніи изъ практическаго плаванія на корпусныхъ фрегатахъ, мы были изумлены и обрадованы: князь въ отсутствіе наше поставилъ въ каждой части по большому образу великолѣпной живописи; въ нашу часть поставленъ былъ образъ св. апостола Петра, ходящаго по водамъ и простирающаго руки къ Господу.

¹⁾ Въ 1823 году Д. И. Завалишинъ уже не былъ въ морскомъ корпусѣ.
Прим. А. И. З.

По возвращеніи въ 1825 году изъ практическаго плаванія, при вновь поступившемъ директорѣ корпуса Петрѣ Михайловичѣ Рожновѣ, мы нашли много преобразованій: изъ первой роты сформирована гардемаринская, изъ пятой—малолѣтняя; изъ невыпущенныхъ въ офицеры гардемариновъ срока марта 1825 года поставлены были старшими въ ротахъ; изъ насъ трехъ-кампанцевъ—подстаршими, — всѣ мы, произведенные въ унтеръ-офицеры, вначалѣ, къ великой моей скорби, къ моему командиру малолѣтней ротой князю Шихматову, но затѣмъ, при выпускѣ весною 1826 года четырехъ-кампанцевъ, я имѣлъ счастье быть призваннымъ старшимъ третьей части. Тутъ былъ заведенъ княземъ иной порядокъ. Старшіе по частямъ: А. И. Зеленой, Рындинъ (впослѣдствіи адъютантъ кн. А. С. Меншикова, такъ плачевно окончившій свою жизнь разжиженіемъ мозга), я и Корсаковъ были обязаны въ собраніи своей части передъ своею иконою читать утреннія и вечернія молитвы, а въ воскресенье, въ присутствіи князя, А. И. Зеленый передъ ротною иконою читалъ для всей роты акаѳистъ Иисусу Христу и Божіей Матери, что намъ, кадетамъ, даже за корпусомъ, т. е. отпускнымъ, весьма нравилося и мы приходили слушать общую молитву.

Здѣсь умѣстно будетъ припомнить, какъ мы, всѣ кадеты морскаго корпуса, чтили великій праздникъ Воскресенія Христова; вѣроятно, изстари существовалъ у воспитанниковъ обычай очищать и обновлять къ свѣтлому празднику позолоту кіотъ у иконъ въ каждой части своей роты и привѣшивать къ нимъ новыя, обшитыя золотымъ позументомъ и бахромою, пелены; по крайней мѣрѣ, такъ происходило вплоть до моего выпуска въ офицеры 25-го сентября 1826 года. Еще за двѣ или за три недѣли до праздника, кадеты по частямъ, такъ чтобы не только роты, но и другія части не знали какая у нихъ будетъ пелена передъ иконою или лампочка, дѣлаютъ складчину: состоятельные вносятъ деньги, искусники берутся золотить, иные очищать, неимущіе и тѣ не остаются безъ дѣла: приносятъ воду, относятъ соръ; всѣ составляютъ братскій союзъ, и вотъ одни покупаютъ бархатъ для пелены, другіе позументы и бахрому для обшивки, третьи копѣйками складываются на масло, свѣчи; тѣмъ или другимъ способомъ ставятъ свою свѣчу и неимущіе; никто изъ постороннихъ не знаетъ, какъ и чѣмъ изукрасится святая икона. И вотъ вечеромъ въ страстную субботу тайна разрѣшается; передъ всѣми иконами частей корпуса горятъ свѣчи; мы, кадеты, бѣжимъ смотрѣть въ одну часть, въ другую, въ одну роту, въ другую, на встрѣчу намъ бѣгутъ оттуда другіе кадеты, всюду ликованье; такъ встрѣчали кадеты морскаго корпуса свѣтлый праздникъ Воскресенья Христова.

Позволю себѣ здѣсь небольшое отступленіе. Въ 1820 году, когда я поступилъ въ приготовительный пансіонъ, во главѣ корпуса стоялъ адмиралъ Петръ Кондратьевичъ Карцевъ; онъ рѣдко обходилъ корпусъ, рѣдко посѣщаль классы, но зналъ обо всемъ, что дѣлается въ корпусѣ; его чтили какъ царя. Въ концѣ 1824 года директоромъ корпуса былъ назначенъ герой Сяявинской кампаніи П. М. Рожновъ, уже убѣленный сѣдинами. Баталіонными командирами считались сначала Иванъ Савичъ Сульменевъ, особенно отличившійся при занятіи Данцига въ 1813 году, а за нимъ Качаловъ. Нашими непосредственными начальниками по инспекціи классовъ иностранныхъ языковъ были: капитанъ 1-го ранга Францъ Ивановичъ Де-Ливронъ, эмигрантъ, человекъ глубоко ученый, всегда мягкій, гуманный, какъ нынѣ говорятъ; второй, считающійся помощникомъ инспектора классовъ, но на дѣлѣ полный инспекторъ, Вас. Мих. Головининъ; затѣмъ Ив. Фед. Крузенштернъ, неутомимый хоходъ Маркъ Филипповичъ Горковенко, по приемамъ строгій, но человекъ, любящій душою и сердцемъ; о немъ рассказываютъ много справедливаго и много анекдотовъ; я скажу здѣсь только о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ. Привезуть, бывало, малаго 15—16 лѣтъ изъ Тверской или Новгородской губерніи; кадѣтики тотчасъ къ новичку; окажется, что и не подходитъ, такого тона задаетъ, а между тѣмъ всѣ годичные святцы знаетъ наизусть. Вотъ такого малаго Маркъ Филипповичъ къ доскѣ: ну-ка, сосчитай эту цифирь, или что нибудь подобное, а тотъ, огуманенный всѣмъ около него происходящимъ, ни бельмеса; тутъ Маркъ Филипповичъ табакеркой его въ лобъ, приговаривая: «какій олухъ»; затѣмъ полизать этого олуха за его прилежаніе и тихій нравъ; изъ нихъ выходили впоследствии лихіе, отважные офицеры; впрочемъ, Маркъ Филипповича мы всѣ кадеты очень любили и уважали.

Въ воспоминаніяхъ о морскомъ кадетскомъ корпусѣ до 1827 года нельзя пройти молчаніемъ вѣчно достойныхъ памяти нашихъ учителей и вмѣстѣ наставниковъ; такъ, я вспоминаю Фр. Ив. Де-Ливрона, Дм. Алексѣев. Сорокина, которые держали приготовительные пансіоны, изъ которыхъ у перваго вышелъ герой Севастополя—Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, а изъ пансіона Сорокина — извѣстный всему флоту Александръ Петровичъ Рыкачевъ и столь же извѣстный защитникъ Севастополя—Петръ Ивановичъ Кислинскій, Ротгофъ и другіе. Къ этимъ почтеннымъ лицамъ воспитателей нашихъ одинаково слѣдуетъ причислить преподавателя математики Ивана Васильевича Кузнецова, настаивавшаго на томъ, чтобы его классъ съ низшаго былъ въ его вѣдѣніи до выпуска въ офицеры: память его доселѣ почитается въ его потомствѣ, занимающемъ высокія мѣста въ іерархіи

флота. Преподавателемъ русской и всеобщей исторіи былъ Струковскій, читавшій эти предметы и въ Пажескомъ корпусѣ. Ѳедоръ Васильевичъ Груздовъ преподавалъ русскую словесность; его особенно любили кадеты за его любовь и простоту; шалуны встрѣчали его слѣдующимъ пѣснопѣніемъ: «Ѳедоръ Васильевичъ, здравствуйте, здравствуйте!» а онъ, улыбаясь, отвѣчалъ: «шильнички, мыльнички, здравствуйте, затѣмъ слушайте урокъ», и всѣ слушали, сидѣли смиренно. Эти достойные памяти господа высоко держали не только знамя обученія своихъ питомцевъ, но и слѣдили за ихъ нравственностью; ихъ примѣру слѣдовали и болѣе молодые учителя.

Со всѣмъ тѣмъ, наследовавъ отъ англичанъ правило исправленія выдающихся изъ ряда шалостей, и у насъ практиковались не въ малыхъ размѣрахъ тѣлесныя вразумленія; въ этомъ отношеніи отличались особенно: Платонъ Степановичъ Нахимовъ, впоследствии извѣстный своею гуманностью и бывший инспекторомъ студентовъ въ московскомъ университетѣ, а также бывший чѣмъ-то въ родѣ помощника батальоннаго командира, уважаемый кадетами Метельскій, (имя и отчество его позабылъ), хохолю, о немъ много ходило анекдотовъ; приведу здѣсь только два: спросить бывало дежурнаго барабанщика: «какая погода»; тотъ отвѣтитъ: «метелица, в. выс—іе»; Метельскій возражаетъ:

— «Не говори, братецъ, метелица, говори выюга».

Еще былъ такой случай: кадетъ Кузмищевъ, впоследствии контръ-адмиралъ и главный командиръ Архангельскаго порта, въ чемъ-то провинился; свели виновнаго въ дежурную, разложили на скамью; Метельскій, какъ поэтъ своей родины, обращаясь къ барабанщику приказываетъ такъ:

— «Авдей, пригрѣй, а Кузьмишу по г....шу».

Я, будучи на главномъ дежурствѣ, разсмѣялся; почтенный Метельскій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Смотри, ты подъ крылышкомъ у князя, а то быть бы тебѣ на скамѣ».

Такъ патріархально велось у насъ дѣло въ морскомъ корпусѣ.

Перехожу къ встрѣчѣ и проводамъ императора Александра Павловича.

Вступившій на престолъ государь Николай Павловичъ еще великимъ княземъ, какъ генераль-инженеръ, посѣтилъ Кронштадтъ послѣ наводненія—на какомъ-то дырявомъ пароходѣ; затѣмъ на фрегатѣ «Проворномъ» ѣздилъ за границу. Молодой государь постигъ значеніе флота для своего государства и первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ было призвать и морской корпусъ на встрѣчу и проводы умиротворителя Европы. И вотъ воспрянули надежды корпуса и всего

флота. На чердакѣ канцеляріи корпуса отыскано Георгіевское знамя, давнее принцу Насау-Зингену за разбитіе шведовъ; какъ старѣйшему знамени, въ полкахъ гвардіи прочія знамена отдавали ему честь; какъ унтеръ-офицеръ, бывшій въ знаменныхъ рядахъ вмѣстѣ съ А. И. Зеленымъ, о томъ свидѣтельству. Съ любопытствомъ смотрѣла на насъ встрѣчавшаяся публика, никогда не видавшая вкупѣ морскаго корпуса, въ его черной одеждѣ и амуниціи, съ изумленіемъ смотря на нашего знаменщика, 23-лѣтняго могучаго великана, товарища нашего Маврина, юношу, крайне добродушнаго и вполнѣдствіи отличнаго офицера.

О посѣщеніи императоромъ Николаемъ Павловичемъ морскаго корпуса добавляю слѣдующее: дежурство было князя С. А. Шихматова; другъ мой, А. И. Зеленый, какъ болѣе положительный, былъ дежурнымъ по лазарету, я по главному. Входятъ два молодыхъ генерала:

— «Гдѣ баталіонный командиръ?»

Я побѣждалъ указывать квартиру; этотъ генералъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Князь Шихматовъ, какъ академикъ, хорошо зналъ государя и встрѣтилъ его съ подобающею почестью; чрезъ минуту является со своей саркастической улыбкой великій князь Михаилъ Павловичъ, за нимъ нашъ баталіонный командиръ, извѣстный герой Данцига, капитанъ 1-го ранга И. С. Сульменевъ, поднятый изъ-за послѣобѣденнаго отдыха, ростомъ чуть не съ сажень, въ полузастегнутомъ вицъ-мундирѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ, при кортикѣ. Государь прошелъ по классамъ; тутъ произошелъ казусъ, рассказанный А. И. Зеленымъ, въ классѣ законоучителя, преподававшего законъ Божій, камера котораго въ извѣстные дни и часы служила классомъ танцованья и фехтованья.

Кадеты, т. е. мы старшіе и младшіе, узнавъ, что въ корпусѣ ходитъ государь, одинъ за другимъ, буквально загораживали двери изъ класса въ классъ, такъ велико было у всѣхъ желаніе увидѣть государя. Императоръ Николай Павловичъ какъ будто ничего не замѣчалъ; обозрѣвъ классы, осмотрѣвъ лазаретъ, государь спросилъ сопровождавшаго его директора корпуса:

— «Гдѣ кадетскіе дортуары?»

Слово—въ ту пору незнакомое многимъ. Директоръ Петръ Михайловичъ Рожновъ, не понимая или не разслушавъ, отвѣчалъ:

— «Вокругъ всего корпуса, ваше величество».

Это фактъ. На другой день былъ отданъ приказъ по корпусу Николая Павловича: «кадетъ выбрить, выстричь, дать имъ бодрю осанку и

молодецкій взглядъ». Приказъ этотъ долженъ сохраняться доннынѣ въ капцеляріи морскаго корпуса.

Въ 1826 году мы, четырехъ-кампанцами, возвратились въ корпусъ изъ дальнихъ плаваний, въ десятыхъ числахъ сентября. Намъ былъ сдѣланъ экзаменъ проформа, на который, слыша, что государь въ день коронаціи уже одобрилъ насъ къ производству въ офицеры, ходили немногіе. Безъ насъ была въ Петербургѣ коронаціонная иллюминація; предъ фасадомъ морскаго корпуса былъ воздвигнутъ корабль во всемъ вооруженіи, какъ стоячаго, такъ и бѣгучаго таке-лажа, со шкаликами по всему рангоуту, на кормѣ корабля играла музыка корпуса; мы этого корабля съ иллюминаціей не застали; говорили, что эффектъ былъ блестящій — шалуны кадеты и тутъ высказались, написали на кораблѣ слѣдующее четырехстишіе:

„Произведеііе Великаго Петра
Воздвигли на берегъ, какъ будто осетра.
Проснись, Великій Петръ! дай правнуку дубину,
Чтобы отгрѣлъ Рожнову спину“.

И почтенный, уважаемый директоръ корпуса, Петръ Михайловичъ Рожновъ, этотъ ветеранъ дашей Сенявинской кампаніи, узнавъ о продѣлкѣ кадетъ на кораблѣ, очень смѣялся, сказавъ: «будетъ кадетамъ въ прокъ».

Послѣ помѣщенной въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г. статьи: «Воспоминанія о морскомъ корпусѣ», А. И. Зеленаго, мнѣ въ апрѣлѣ 1885 г. случилось въ февральской книгѣ изд. 1884 г. прочесть статью «Морской корпусъ», Н. А. Энгельгардта; протестую чуть-ли не на все изложенное имъ, да простить мнѣ почтеннѣйшій собратъ мой по службѣ. Вначалѣ онъ оговорился, что поступилъ въ корпусъ въ 1822 году одиннадцати-лѣтнимъ мальчикомъ. Не прибавляя ничего существеннаго къ тому, что высказано въ воспоминаніяхъ о морскомъ корпусѣ достоуважаемымъ А. И. Зеленымъ, скажу, напри-мѣръ, могъ-ли кадетикъ недоумѣвать о томъ, что, принявъ присягу великому князю Константину Павловичу, чрезъ нѣсколько дней ихъ приводили къ присягѣ вступившему на престолъ императору Николаю I. Приказано и дѣлалось. Недоумѣвали маленькіе кадетики, а старшіе изъ гардемаринновъ, изучившіе по исторіи 1812 года подвиги русскаго «рыцаря безъ страха и упрека» Милорадовича, въ сопровожденіи одного любопытствующаго учителя, отправились было черезъ Неву на защиту

графа, но, испуганные пушечными выстрѣлами съ Сенатской площади, опроретью бросились во-свои.

Странно 70-ти-лѣтнему старику, какъ Н. А. Энгельгардтъ, называть мятежниками дѣятелей 14-го декабря; это были люди несвоевременно увлеченные мыслию о благѣ для своего отечества.

┌ О знамени морскаго корпуса мною сказано выше; здѣсь прибавлю, что, ко встрѣчѣ покойнаго государя Александра I, старшіе по ротамъ и частямъ нашего выпуска произведены были въ унтеръ-офицеры. Невѣрно, что 28 августа 1826 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ морской корпусъ; 28 августа государь былъ въ Москвѣ по случаю коронаціи. Невѣрны стихи, приложенные г. Энгельгардтомъ къ его статьѣ «Морской корпусъ»; они черезъ-чуръ витѣваты; подлинныя приведены выше; эти—простые, кадетскіе.

Неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ г. Энгельгардтъ называетъ себя товарищемъ по корпусу адмирала Фод. Мих. Новосильцева. Фодоръ Михайловичъ вышелъ въ офицеры въ 1824 году, а г. Энгельгардтъ поступилъ въ корпусъ въ 1822 году; какое тутъ могло быть товарищество, развѣ то, что младшій старшему сапоги чистилъ, но и въ этомъ Фодоръ Михайловичъ, по врожденному характеру и какъ братъ офицера корпуса, моего незабвеннаго частнаго начальника Павла Михайловича, въ этомъ не нуждался.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать послѣднее слово: всѣми уважаемая «Русская Старина» такой историческій журналъ, въ которомъ каждая, помѣщенная въ немъ, статья воспроизводитъ дѣйствительный фактъ, а не воспоминаніе чего-то неопредѣленно сохранившагося въ нашей памяти, чему мы сами не были очевидцами.

Рязань.

15-го августа 1885 г.

Л. А. Загоскинъ.

ПЕТРОВСКІЙ ПОЛТАВСКІЙ КОРПУСЪ.

Къ исторіи этого корпуса.

«Слава Петра Великаго, славаясь здѣсь со славою доблестнаго и великаго его правнука, да освѣтитъ лучезарнымъ свѣтомъ сей новый рассадникъ будущихъ нашихъ воиновъ». (Изъ рѣчи генералъ-губернатора Долгорукова при открытіи корпуса).

Черезъ четыре года (1890 г.) полтавскій корпусъ достигнетъ пятидесятилѣтія своего существованія. Ко дню юбилея предполагается издать исторію заведенія за этотъ періодъ. Настоящей замѣткой мы желали бы напомнить объ этомъ; быть можетъ найдутся изъ прежде служившихъ и бывшихъ воспитанниковъ, которые не откажутся подѣлиться съ нами своими воспоминаніями, что доставитъ драгоцѣнный матеріалъ для его исторіи. Офіціальныя данныя, хранящіяся въ мѣстномъ архивѣ, а также циркуляры по военно-учебнымъ заведеніямъ слишкомъ кратки, сухи и многія стороны въ жизни заведенія не могутъ быть, при ихъ помощи, очерчены. Особенно скуденъ матеріалъ перваго періода корпуса, до преобразованія его въ военную гимназію (до 1865 г.).

Первою заботою покойнаго государя Николая I, по вступленіи своемъ на престоль, была забота объ образованіи. Былъ составленъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ тогдашняго министра Шишкова, задача котораго была, какъ сказано въ рескриптѣ: „сличить и уравнить всѣ уставы учебныхъ заведеній, а также рассмотреть и подробно опредѣлить на будущее время всѣ курсы ученія, означивъ и сочиненія, по коимъ они впредь должны быть преподаемы“. Результатомъ занятій этого комитета былъ новый уставъ гимназій въ 1828 г. Но это относилось къ школамъ министерства народнаго просвѣщенія. Понятно, что, исходя изъ этого высочайшаго рескрипта, даннаго министру, реформа должна была коснуться и другаго типа средней школы—кадетскихъ корпусовъ. 11-го мая 1826 г. былъ составленъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ин-

женеръ-генерала Остермана и 11 членовъ: генераловъ Ргема, Сиверса, адмирала Крузенштерна и др. Четыре года работалъ этотъ комитетъ, результатомъ котораго былъ уставъ для военно-учебныхъ заведеній, удостоенный высочайшаго утвержденія въ апрѣлѣ 1830 года. Тогда-же рѣшено было основать нѣсколько кадетскихъ корпусовъ, чтобы дать возможность „малолѣтнимъ дворянамъ воспитываться для военной службы, вблизи ихъ семействъ“. Предполагалось открыть 10 корпусовъ: въ Тамбовѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ, Елисаветградѣ, олтавѣ etc.—каждый въ комплектѣ на 400 человекъ.

Первыми открывшимися корпусами были Александровскій (1829), Тульскій и Тамбовскій (1830), затѣмъ Полоцкій (1835), а въ 1836 г. было рѣшено въ принципѣ основать корпусъ въ Полтавѣ. Мѣсто, гдѣ нынѣ находится корпусъ, было въ то время открытое поле. Въ началѣ предполагалось построить зданіе на нынѣшней Сѣнной площади, но императоръ Николай, незадолго посѣтивъ Полтаву, замѣтилъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ корпусъ, „домикъ съ декорацией“. Это былъ ветхій домъ, стѣны котораго снаружи были росписаны живописью. Этотъ домикъ настоль врезался въ памяти государя, что, при утвержденіи плана, государь повелѣлъ построить корпусъ тамъ, гдѣ „домъ съ декорацией 1)“.

Въ учрежденіи полтавскаго корпуса, какъ и всѣхъ основанныхъ въ царствование Николая, принимало дѣятельное участіе дворянское сословіе. Еще до изданія устава кадетскихъ корпусовъ, до 1830 года, пожертвованія 27 губерній простирались до 2½ милліоновъ асс., которые и хранились въ приказавъ общественнаго призрѣнія.

Къ полтавскому корпусу причислены были кромѣ Полтавской, еще Черниговская, Харьковская и Екатеринославская губерніи.

Пожертвованія этихъ губерній простирались до 307,820 р. 2). Помимо этого, дворянство и послѣ открытія корпуса постоянно принимало дѣятельное матеріальное участіе. Такъ, харьковское и черниговское пожертвовало въ 1845 г. 30 тысячъ для устройства неранжированной роты, а въ 1854 г. екатеринославское пожертвовало 150 тыс. на ея содержаніе. Въ томъ же году черниговское дворянство опредѣлило собрать въ пять лѣтъ 100 тыс. на воспитаніе „дѣтей и потомковъ тѣхъ воиновъ, кои подвизались за вѣру, царя и отечество 3)“. Этотъ капиталъ былъ обращенъ въ составъ капитала корпуса. Комплектъ заведенія долженъ состоять изъ 400 кадетъ, при чемъ въ первый годъ рѣшено было принять сто человекъ, а остальныхъ въ теченіи послѣдующихъ трехъ лѣтъ. Таково было участіе дворянства въ основаніи корпуса.

1) Разсказъ объ этомъ принадлежитъ старожилу полтавскому, почтенному М. А. Бѣлухѣ-Кохановскому.

2) Приказъ военнаго министра Чернышева 1840 № 14,722.

3) Приказы гл. нач. 1854. №№ 1891, 1959.

Открытие корпуса было 6-го декабря 1840 г. Торжество началось литургией, совершенной тогдашнимъ архіепископомъ полтавскимъ Гедеономъ, сказавшимъ при этомъ прекрасную рѣчь ¹⁾. На открытіи корпуса былъ покойный Як. Ив. Ростовцевъ, тогдашній генераль-губернаторъ Долгоруковъ, графъ Капнистъ и многіе другіе.

— „Государь императоръ, сказалъ Ростовцевъ, отпуская меня въ Полтаву, соизволилъ всемилостивѣйше мнѣ повелѣть довести до свѣдѣнія вашего сіятельства и всего дворянства, что его величество сожалѣетъ, что не могъ самъ участвовать при открытіи корпуса. Торжество это государь считаетъ для себя двойнымъ праздникомъ: его величеству очень пріятно, что здѣшній край имѣетъ уже свой кадетскій корпусъ, и особенно для его величества драгоцѣнно, что событіе сіе совершилось во славу имени Петра Великаго“ ²⁾. Отвѣтомъ на эту рѣчь было слово генераль-губернатора князя Н. А. Долгорукова:

„Вы слышали сіи драгоцѣнныя слова нашего монарха. Они, я увѣренъ, останутся впечатлѣны въ нашихъ сердцахъ, они довершаютъ ту задушевную радость, которую каждый ощущаетъ при семъ торжественномъ открытіи великолѣпнаго и благодѣлительнѣйшаго учрежденія—вѣчнаго памятника безпредѣльнаго попеченія нашего государя о благѣ подданныхъ и ревностнаго усердія вѣрноподанныхъ его дворянъ сихъ губерній. Слава Петра Великаго, сливаясь здѣсь со славою доблестнаго и великаго его правнука, да освѣтитъ его лучезарнымъ блескомъ сей новый разсадникъ будущихъ нашихъ воиновъ“ ³⁾. Послѣ него говорилъ гр. Капнистъ и др.

Кадетъ было принято 36 и лекціи начались 17-го декабря 1840 г.

Первымъ директоромъ былъ генераль-маіоръ Святловскій. Для только что образовавшагося заведенія, когда требовалась особая энергія и трудъ, чтобы упрочить его на твердыхъ, нравственныхъ началахъ, много значилъ выборъ перваго директора. Выборъ Святловскаго былъ удаченъ. Святловскій происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, Вердичевскаго уѣзда. Воспитаніе онъ получалъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, откуда 18-лѣтнимъ юношей, въ 1814 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ артиллерію. Всего четыре года онъ былъ въ строю, въ 1818 былъ прикомандированъ къ дворянскому полку, что и было началомъ его учебной службѣ. Пять лѣтъ завѣдывалъ въ полку классами и въ 1829 г. получилъ мѣсто батальоннаго командира во 2-мъ московскомъ корпусѣ. Здѣсь онъ отличался серьезною дѣятельностью. „Святловскій, читаемъ въ исторіи московскаго корпуса ⁴⁾, „приносилъ дѣлу воспитанія существенную пользу своею педагогическою опытностью и близкимъ знаком-

¹⁾ Она напечатана въ Журналѣ в. учеб. завед., т. 129, стр. 94—101.

²⁾ Ж. в. учеб. заведеній, т. 129, стр. 103.

³⁾ Ibidem, т. 129, стр. 104.

⁴⁾ Стр. 81.

ствомъ съ нравами кадетъ, у которыхъ всегда пользовался заслуженнымъ расположеніемъ“. Въ 1832 г. ему была объявлена благодарность главнаго начальника въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ ¹⁾, какъ, „известному пріимѣрнымъ усердіемъ къ службѣ еще по завѣдыванію снѣгъ корпусомъ во время болѣзни и по смерти директора Ушакова“. Архимандритъ Леонидъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, о Святловскомъ, Анненковѣ и Шавровѣ говоритъ, что „имъ корпусъ обязанъ нравственнымъ направленіемъ тогдашнихъ воспитанниковъ и преданностью своему долгу, отличающаго ихъ на службѣ и въ частной жизни ²⁾“.

Таковы отзывы о дѣятельности Святловскаго, до вступленія имъ въ должность перваго директора Полтавскаго корпуса. Управлялъ корпусомъ всего два года. Хотя это время и недостаточно для полной характеристики его дѣятельности, но все-таки, просматривая его приказы и за это время, мы видимъ изумительную дѣятельность покойнаго. Задачу онъ свою понималъ широко. „Обращая вниманіе на образованіе вѣранныхъ мнѣ кадетъ ³⁾ и желая утвердить въ нихъ тѣ качества, которыми отличаются благовоспитанные юноши, мнѣ необходимо усердное и сердечное участіе всѣхъ моихъ сотрудниковъ. Единодушно вселяя въ нихъ страхъ Божій, благочестіе, чувство долга, безпредѣльную преданность государю, безусловное повиновеніе начальству, нѣжную любовь и почтительность къ родителямъ, уваженіе къ старшимъ, благодарность къ воспитателямъ, любовь къ ближнему, стремленіе къ умственному образованію и соблюденіе наружныхъ приличій—можемъ надѣяться, что сдѣлаемъ ихъ достойными изливаемыхъ на нихъ щедрыхъ милостей государя и гл. нач. вел. князя Михаила Павловича“. Едва ли возможно полнѣе и притомъ такъ рельефно выразить цѣль воспитанія, какую должна преслѣдовать школа. Вотъ эти-то начала и преслѣдовалъ Святловскій, и надо отдать ему справедливость—онъ стремился къ ихъ осуществленію. Въ высшей степени подвижной, дѣятельный, крайне строгій (что было въ духѣ того времени), онъ много времени посвящалъ заведенію, что и требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ. За всѣмъ, что дѣлалось въ заведеніи, онъ зорко слѣдилъ, вникалъ во всѣ мелочи и постоянно разяснялъ въ приказахъ по корпусу дѣятельность того и другаго должностнаго лица. Ни одного явленія въ жизни воспитанника онъ не оставлялъ безъ вниманія. Серьезный поступокъ кадета разяснялъ въ приказѣ, который читался кадетамъ, и многія изъ этихъ разясненій, по мысли и содержанію, могутъ составить честь и современному начальнику. Среди кадетъ онъ стремился развить военный „духъ“, сдѣлать изъ нихъ „стройныхъ, молодцоватыхъ. „Вы, дѣти, писалъ онъ въ приказѣ ⁴⁾, приготовляясь къ военному поприщу, заблаговременно должны свыкаться и усвоивать обязанности

¹⁾ Приказъ гл. нач. № 124.

²⁾ Душеполезное Чтеніе, 1871. № 1.

³⁾ 1840. № 43.

⁴⁾ 1841. № 181.

воина. Вашъ наружный видъ, осанка, поступъ должны имѣть военный отпечатокъ. Благородство души, чистота нравовъ, твердость характера, любовь къ неукоснительному исполненію своего долга, привязанность къ отечеству, преданность къ государю, благодарность попечителямъ, повиновеніе начальству, боязнь Божія—должны быть ваши внутреннія качества“. Въ такомъ родѣ мы встрѣчаемъ много приказовъ.

По отношенію къ подчиненнымъ былъ крайне строгъ, но справедливъ. Человѣкъ онъ былъ съ убѣжденіемъ и самостоятеленъ, на него никто не могъ имѣть вліянія, что составляетъ прекрасную черту въ начальникѣ. Фаворитизмъ, протекція при немъ не имѣли мѣста ¹⁾. Таковъ былъ первый директоръ корпуса, стремившійся поставить заведеніе на твердыхъ, нравственныхъ началахъ. Но, къ сожалѣнію, директоромъ онъ пробылъ всего два года, но и за это время успѣлъ сдѣлать многое. Императоръ Николай I, посѣтивъ впервые корпусъ въ сентябрѣ 1842 г., остался очень доволенъ его состояніемъ. Святославскій, никогда не отличавшійся здоровьемъ, наблюдая за постройкою, простудился и въ ноябрѣ 1842 г. скончался. Своею дѣятельностью онъ оставилъ по себѣ добрую память. О немъ съ уваженіемъ вспоминаютъ люди, знавшіе его, и кадеты, къ которымъ по традиціи переходила добрая молва о покойномъ.

Покойнаго Святославскаго смѣнилъ С—о (1843—1849). Къ сожалѣнію, онъ не былъ достойнымъ его преемникомъ. Въ силу своего характера, онъ не сумѣлъ снискать себѣ расположенія въ заведеніи. Крайне гордый въ обращеніи, считавшій, кажется, за униженіе разговаривать съ своими подчиненными, вспыльчивый, не всегда обладавшій тактомъ, крайне самолюбивый—таковъ былъ преемникъ перваго директора. Дѣятельность его по завѣдыванію корпусомъ не ознаменовалась ничѣмъ выдающимся. Просматривая всѣ его распоряженія, мы не встрѣтимъ ничего интереснаго. Всѣ они имѣютъ оффиціальныя характеры: нарядъ на дежурство, назначеніе на должности, etc. Въ дѣлѣ воспитанія онъ былъ мало свѣдущъ, строгимъ наказаніемъ онъ только считалъ возможнымъ поддерживать строй и порядокъ въ школѣ. Главнымъ факторомъ, поэтому, въ воспитаніи онъ считалъ розги. Правда, то было время, когда тѣлесное наказаніе считалось необходимою, безъ котораго даже непонятна была возможность госпитанія, но тѣмъ не менѣе С. былъ особенно къ нему расположенъ. Начальникъ штаба, Я. И. Ростовцевъ, не одинъ разъ секретными предписаніями старался охладить этотъ пылъ директора къ розгѣ. При немъ былъ введенъ обычай (продолжавшійся и послѣ) доставлять ежедневно списки кадетъ, получившихъ 12 балловъ и 0. Они объявлялись въ приказѣ по корпусу, гдѣ первымъ объявлялась благодарность директора, а вторымъ—строгий выговоръ съ прибавленіемъ: „особенно взыскать“. Последняя фраза была роковой, она означала высѣчь, что и исполнялось ротными командирами. Крошъ сѣченія, при

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1878, стр. 405.

немъ практиковались слѣдующія мѣры взысканія: публично спарывали погоны¹⁾, давали нищу отдѣльно отъ товарищей въ деревянной посудѣ и съ такими же ложками²⁾. Было и такое оригинальное наказаніе—надѣвали, какъ на арестанта, сбрую куртку, и въ такомъ костюмѣ воили отдѣльно отъ товарищей. Существовалъ при немъ „особый лѣнивый классъ“, куда по праздничнымъ днямъ сажали всѣхъ дурно учившихся въ теченіи недѣли³⁾. Такимъ образомъ мы не встрѣчаемъ серьезной дѣятельности при С., а между тѣмъ школа не была для него новостью. Окончивъ воспитаніе во 2 кадетскомъ корпусѣ, онъ, выпущенный въ офицеры въ 1814 г., всего два года былъ въ строю. Въ 1816 г. былъ прикомандированъ ко 2 корпусу, засимъ служилъ въ Дворянскомъ полку и въ Павловскомъ корпусѣ. Въ 1834 г., когда былъ открытъ Новгородскій корпусъ, онъ былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ, гдѣ и прослужилъ до 1843 г., когда получилъ мѣсто директора въ Полтавскомъ корпусѣ. Значить, слишкомъ 25 лѣтъ былъ у школы, не выработавъ ни опыта, ни такта, столь необходимыхъ въ ней и особенно для начальника, дающаго всему тонъ и направленіе, отъ котораго чаще всего и зависитъ та или другая репутація заведенія.

Оставилъ корпусъ С., въ 1849 г., по необходимости. Полтавское общество торжественно встрѣчало этотъ годъ въ залѣ дворянскаго собранія. Во время ужина, полковникъ Скалонъ, помощникъ инспектора классовъ, провозгласилъ тостъ въ честь тогдашняго губернатора Ознобишина. С. это не понравилось и онъ тутъ же сдѣлалъ выговоръ Скалону. „Я вашъ начальникъ, сказалъ директоръ, и вы мнѣ должны были первому провозгласить тостъ“. Эта безтактная выходка, въ которой вполне выразился нравъ С., оскорбила все общество и для директора имѣла дурной исходъ—онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Такимъ грустнымъ эпизодомъ закончилъ свою служебную карьеру второй директоръ корпуса.

Врангель (1849—1856), занявшій мѣсто послѣ С., былъ въ другомъ родѣ. Онъ началъ службу юнкеромъ и кончилъ попечителемъ виленскаго округа. Уже это обстоятельство указываетъ на него, какъ на серьезнаго дѣятеля. Большую часть службы онъ провелъ въ арміи и только подъ конецъ своей дѣятельности началъ служить по учебной части. Онъ происходилъ изъ дворянъ Курляндской губерніи. Началъ службу юнкеромъ въ 1817 г., въ Александровскомъ гусарскомъ полку. Въ 1824 г. перешелъ въ Нарвскій драгунскій полкъ, былъ адъютантомъ генераловъ Красовскаго и Акинфіева. Принималъ участіе въ войнахъ на Кавказѣ и съ Турціей, по окончаніи которой былъ прикомандированъ къ образцовому полку для изученія службы. Затѣмъ, послѣдовательно командовалъ полкомъ, бригадой, дивизіей, и только въ 1846 г. прикомандировался къ военно-учебнымъ заведеніямъ. По выходѣ С., получилъ

¹⁾ 1845. № 211. ²⁾ 1849. № 83. ³⁾ 1849. № 287

Полтавскій корпусъ. Кажется, трудно было ожидать отъ человѣка, проведеннаго 30 лѣтъ въ строю, серьезной дѣятельности, какъ начальника учебнаго заведенія. Нѣтъ сомнѣнiя, что хорошимъ начальникомъ школъ бываетъ тотъ, кто самъ былъ учителемъ и вообще прошелъ всѣ grades школьной лѣстницы. Но Врангель былъ исключенiемъ. Способный отъ природы, хотя и не получившiй образованiя, онъ обладалъ тактомъ, и если при немъ не было ничего выдающагося, то не было и ничего дурнаго. Г. Зайцевъ, ветеранъ корпуса, составившiй автобиографiю для своихъ внуковъ, говоритъ, что при Врангелѣ „все шло какъ по маслу, всѣмъ жилось хорошо и счастливо“.

Конечно, и онъ не былъ чуждъ своего времени и тѣлесное наказанiе считалъ необходимымъ факторомъ въ дѣлѣ воспитанiя. Сѣкли при немъ, правда, рѣже, чѣмъ при его предшественникѣ, но тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ 17 приказовъ—наказать розгами. Попадаются приказы, гдѣ предписывается заразъ высѣчь 10 и 13 кадетъ (число ударовъ не свыше 35). Нерѣдко Врангель иронизируетъ. Такъ, одинъ кадетъ лечился отъ золотухи въ лазаретѣ, которая, впрочемъ, не жѣшала ему, сидя въ лазаретѣ, заниматься, но онъ лѣнился. О немъ Врангель и пишетъ: „при всей врачѣбной о немъ попечительности, онъ можетъ подвергнуться такому чувствительному наказанiю, которое, не вреда золотухѣ, благотвѣтельно подѣйствуетъ на одолѣвающую его лѣность¹⁾. Сѣченiе нерѣдко происходило при извѣстной обстановкѣ, такъ, иногда сѣкли при цѣломъ батальонѣ, или въ присутствiи роты. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, для назиданiя, присутствовали депутаты изъ другихъ ротъ.

Государь Николай I, посѣтивъ корпусъ въ 1852 г., остался очень доволенъ его состоянiемъ. „Не только весьма доволенъ, сказалъ государь директору, но восхищенъ всѣмъ, что видѣлъ²⁾“.

Пробылъ Врангель директоромъ до 1856 г., когда получилъ мѣсто попечителя виленскаго округа. Это назначенiе указываетъ, что его цѣнили, какъ начальника. „Время моего пребыванiя въ Полтавскомъ корпусѣ, пишетъ Врангель³⁾, останется навсегда драгоценнымъ, оно глубоко врѣзалось мнѣ въ память сердца неизгладимыми чувствами уваженiя и признательности къ почтеннымъ моимъ сослуживцамъ и любви и участiя къ вѣрнымъ сердцу и совѣсти нашимъ дѣтамъ кадетамъ. Съ печалью разставаясь съ вами, обращаюсь ко всѣмъ и каждому изъ васъ съ вырывающимся изъ глубины словомъ: благодарю, благодарю васъ!... Прощайте!... Съ любовью и впредь буду слѣдить за преуспѣванiемъ драгоценнаго для меня Петровскаго корпуса“.

Онъ получилъ право постоянно носить мундиръ корпуса. Такова была дѣятельность Врангеля, оставившаго по себѣ хорошия воспоминанiя.

Полтава.
Июль 1885 г.

И. Фр. Павловскiй.

¹⁾ 1853. № 19. ²⁾ 1852. № 239. ³⁾ 1856. № 144.

Литературныя замѣтки.

I.

Гнѣдичъ и Дельвигъ.

Въ послѣднемъ изданіи, «будто бы полномъ», сочиненій Гнѣдича 1883 г. изданія товарищ. Вольфъ, изданіи крайне плохомъ, на страницѣ 97-й I тома помѣщено стихотвореніе «Къ Морфею»; это же стихотвореніе вошло и въ составъ изданія сочиненій барона А. Афт. Дельвига; оно помѣщено въ Смирдинскомъ изданіи (въ одномъ томѣ съ сочиненіями Нелединскаго-Мелецкаго) 1850 г., Спб., на стр. 146, съ маленькими варьянтами, напр.:

Въ изданіи соч. Гнѣдича:	Въ изданіи соч. Дельвига:
15 стих. О, будь же, богъ жестокий, Взаимно (?) справедлив...	О, будь же, богъ жестокий, Будь болѣ справедлив...
Открой и мнѣ взаимно Въ безмолвіи, во снѣ...	Открой и мнѣ взаимно (?) Хотя въ одной мечтѣ.

Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ напечатано невѣрно; далѣе:	
27 стих. Когда услышу трепеть Стыдливой красоты, Довольно все открыто, И сердцу данъ отвѣтъ! Довольно и счастливцевъ, Я богу сей мечты...	Когда услышу трепеть Стыдливой красоты, Довольно—и счастливцевъ Я богу сей мечты...

Т. е. въ изданіи соч. Дельвига тутъ пропущено 2 стиха... Что же это такое? Одно и то-же стихотвореніе приписывается двумъ авторамъ—въ обоихъ случаяхъ съ искаженіемъ!

II.

Въ I томѣ «Байрона въ переводѣ русскихъ поэтовъ», издавнаго покойнымъ Н. В. Гербелемъ, при перечисленіи русскихъ переводовъ, относящихся къ стихотворенію «Экспромптъ» (стр. 41), на стр. 308, Гербелемъ пропущенъ переводъ Гнѣдича той же пьесы; переводъ этотъ помѣщенъ на стр. 110 послѣдняго изданія сочиненій Гнѣдича (1884 г.), безъ означенія, что это переводъ изъ Байрона.

П. М. Устиновичъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ

1879 г.

Щелыково, 25-го августа 1879 г.

«М. г. Михаилъ Ивановичъ. Ваше письмо насилу нашло меня; во 1-хъ, я въ Москвѣ давно уже не живу на прежней квартирѣ, а во 2-хъ, на лѣто всегда уѣзжаю въ деревню.

Я очень хорошо чувствую и всегда памятую, что на мнѣ лежитъ долгъ сказать всю правду, какую я знаю, о многихъ лицахъ, принадлежащихъ уже исторіи: о литераторахъ, артистахъ, художникахъ... Иныхъ я зналъ хорошо, съ другими былъ близокъ, а съ нѣкоторыми былъ въ самой короткой дружбѣ.

Я самъ уже давно мечтаю, что «вотъ я буду писать свои воспоминанія», какъ это будетъ мнѣ пріятно, какъ это будетъ живо и правдиво, сколько новаго я скажу... Но я знаю въ то-же время, что мечты мои такъ мечтами и останутся. Чтобы привести въ порядокъ свои воспоминанія и хоть только начать ихъ, какъ слѣдуетъ, нужны покой и досугъ; а ничего этого у меня нѣтъ, не будетъ и быть не можетъ! Слишкомъ 30 лѣтъ я работаю для русской сцены, написалъ болѣе 40 оригинальныхъ пьесъ, вотъ ужъ давно не проходитъ ни одного дня въ году, чтобы на нѣсколькихъ театрахъ въ Россіи не шли мои пьесы, только императорскимъ театрамъ я доставилъ сборовъ болѣе 2-хъ миліоновъ, и все-таки я не обезпеченъ настолько, чтобы позволить себѣ отдохнуть мѣсяца два въ году. Я только и дѣлаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обдѣлываю сюжеты впередъ, въ постоянномъ страхѣ остаться къ сезону безъ новыхъ пьесъ, т. е. безъ хлѣба, съ огромной семьей,—такъ ужъ до воспоминаній ли тутъ! Не рассчитывайте на меня, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, Воспоминанія—для меня роскошь не по средствамъ.

Искренно уважающій васъ и преданный А. Островскій».

Москва, 1-го декабря 1879 г.

«Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ. По приѣздѣ изъ Петербурга я захворалъ; потомъ хлопоты съ постановкой пьесы, которая кончилась только вчера, поэтому не удивляйтесь, что я такъ долго не отвѣчалъ вамъ.

Очень благодаренъ за «Старину».

Группа ¹⁾ снята въ мартѣ 1856 г. Тогда же сняты и кабинетные портреты, которыми мы всѣ и обмѣнялись. У меня, кромѣ группы, 11 портретовъ того времени: Писемскаго, Тургенева, Анненкова, Гончарова, гр. Л. Толстаго, Григоровича, Дружинина, Майкова, Потѣхина (въ ополченской формѣ), Полонскаго и свой. Подъ портретами есть подписи и выставлены числа и годъ: подъ портретомъ Дружинина «27 марта 1856 г.», Толстаго «29 марта 1856 г.», Гончарова «30 марта 1856 г.», Тургенева «31 марта 1856 г.».

Какъ только примусь за разборку своихъ матеріаловъ, такъ сейчасъ же васъ увѣдомлю, съ чего удобнѣе будетъ для меня начать.

Искренно васъ уважающій и преданный А. Островскій».

Примѣчаніе. Приведенныя выше два письма А. Н. Островскаго къ редактору „Русской Старины“ имѣютъ нѣкоторое значеніе для біографіи нашего знаменитаго драматурга, почему и помѣщаются на страницахъ нашего изданія. Только въ послѣдніе годы даровитый нашъ писатель-драматургъ могъ уже не скорбѣть о своемъ матеріальномъ положеніи: ему высочайше пожалована была пенсія въ 3,000 р., а въ послѣдніе годы жизни онъ былъ призванъ на службу, прямо соотвѣтствовавшую его призванію: А. Н. Островскій былъ поставленъ во главѣ управленія репертуарами московскихъ театровъ.

За всѣмъ тѣмъ,—какая разница въ матеріальномъ достаткѣ—между, напр., французскими писателями для сцены и нашимъ незабвеннымъ, въ высшей степени даровитымъ, А. Н. Островскимъ. Ред.

---

¹⁾ Портретъ-группа русскихъ писателей, приложенная къ „Русск. Стар.“ изд. 1880 г., апрѣль.

Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ

въ его предсмертномъ письмѣ къ брату

12-го іюля 1826 г.

Я наследовала послѣ покойнаго Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола всѣ его бумаги и письма, между которыми находится подлинное предсмертное письмо Сергѣя Ивановича къ брату и три старыя копии съ подлинника. Ни въ первомъ, ни въ послѣднихъ не упоминается о безвѣрїи Матвѣя Ивановича, такъ какъ всѣ братья Муравьевы-Апостолъ всегда были людьми вѣрующими. Поэтому мнѣ странно было читать въ сообщенїи А. П. Бѣлаева (см. „Русск. Ст.“ изд. 1886 г., сентябрь, Воспоминанїя М. И. Муравьева-Апостола) вышеупомянутое письмо Сергѣя Ивановича съ небольшою, но весьма существенной передѣлкой, изъ которой ошибочно выводится, что братья Муравьевы-Апостолъ въ молодости были заражены безвѣрїемъ; тогда какъ въ прошломъ обиденный ропоть на св. Провидѣніе, свойственный каждому смертному, сильно смущалъ щекотливую совѣсть Сергѣя Ивановича въ послѣднія минуты его жизни, и именуется имъ богоотступными разговорами, вырвавшимися у него по случаю преждевременной кончины нѣжно любившей ихъ матери, мѣсто которой заняла мачиха, нарушившая строй ихъ семейнаго счастья, заключавшагося въ непосредственныхъ сердечныхъ отношенїяхъ съ отцемъ; послѣ чего братья стали легко смотрѣть на самоубійство, какъ на лучшїй исходъ житейскаго горя.

Матвѣй Ивановичъ свято чтилъ завѣтъ предсмертнаго письма Сергѣя Ивановича, и впоследствии, въ самыя тяжелыя минуты жизни, съ упованїемъ и твердостью говаривалъ: „да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли“.— Умирая, онъ не переставалъ съ любовью смотрѣть на портретъ Сергѣя Ивановича, въ ожиданїи сладостнаго свиданья. Портретъ Сергѣя Ивановича постоянно находился на стѣнѣ, около кровати покойнаго.

Подлинное письмо Сергѣя Ивановича очень ветхо, съ перечерками и, видимо, писано въ сильномъ волненїи. Помѣщаемъ этотъ драгоцѣнный документъ въ его точномъ видѣ.

А. П. Созановичъ.

— «Любезный другъ и братъ Матюша, по неоставленію меня, недостойнаго Божескаго промысла, и по истинно христіанскому обо мнѣ печенію добраго и почтеннаго отца Петра, общаго нашего духовника, вчера я со страхомъ и вѣрою приступилъ къ чашѣ спасенія нашего, принесъ въ жертву Богу то, что могъ,—сердце, истинно сокрушенное и глубоко проникнутое какъ своимъ недостойнствомъ, такъ и благостыя неизрѣченную Спасителя нашего, Христа, Который, такъ сказать, ожидалъ малѣйшаго отъ меня желанія приблизиться къ Нему, чтобы прибѣгнуть ко мнѣ и восхитить на рамена, какъ погибшую овцу.

Радость, спокойствіе, водворившіяся въ душѣ моей, послѣ сей благодатной минуты, даютъ мнѣ сладостное упованіе, что жертва моя не отвергнута, и сильно убѣдили меня, что мы слѣпотствуемъ, когда по какимъ бы, повидимому, благовиднымъ причинамъ уклоняемся отъ исполненія обязанностей нашихъ христіанскихъ.

Я испросилъ позволеніе написать къ тебѣ сіи строки, какъ для того, чтобы раздѣлить съ тобою, съ другомъ души моей, товарищемъ жизни вѣрнымъ и неразлучнымъ отъ колыбели, также особливо для того, чтобы побесѣдовать съ тобою о предметѣ важнѣйшемъ.

Успокой, милый братъ, совѣсть мою на твой счетъ.

Пробѣгая умомъ прошедшія мои заблужденія, я съ ужасомъ воспоминаю склонность твою къ самоубійству, съ ужасомъ воспоминаю, что я никогда не возставалъ противъ нея, какъ обязанъ былъ сидѣть по моему убѣжденію, а еще увеличивалъ оную разговорами. О! какъ я бы дорого далъ теперь, чтобы богоотступныя слова сіи не исходили никогда изъ устъ моихъ.

Милый другъ Матюша, съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобою, я много размышлялъ о самоубійствѣ, и всѣ мои размышленія, и особливо бесѣды мои съ отцемъ Петромъ, и утѣшительное чтеніе Евангелія убѣдили меня, что никогда, ни въ какомъ случаѣ человекъ не имѣетъ права посягнуть на жизнь свою. Взгляни въ Евангеліе, кто самоубійца — Иуда, предатель Христа. Исусъ, Самъ кроткій Исусъ, называетъ его сыномъ погибельнымъ. По божественности Своей Онъ предвидѣлъ, что Иуда довершитъ гнусный поступокъ преданія гнуснѣйшимъ еще самоубійствомъ. Въ семъ поступкѣ Иуды истинно совершилась его гибель, ибо можно-ли усумниться, что Христось, жертвуя Собою для спасенія нашего, Христось, открывшій намъ въ божественномъ ученіи, что нѣтъ преступленія, коего бы истинное раскаяніе не загладило передъ Богомъ, можно-ли усумниться, что Христось не простилъ бы радостно и самому Иудѣ, если-бъ раскаяніе повергнуло его къ ногамъ Спасителя. Но не мнѣ, грѣшнику, пропо-

вѣдывать тебѣ, милый братъ, всеблагую строгость Христова закона,— мнѣ слишкомъ утѣшительно, слишкомъ нужно самому вѣрить кроткому снисхожденію Его, чтобы искать, вселять въ тебя ужасъ и, можетъ быть, отчаяніе. Человѣку свойственно погрѣшать, человѣку свойственно въ изступленіи глубокой горести желать свергнуть съ себя жизнь, какъ бремя несносное,—и я вѣрю, что нанесшій на себя руки въ такомъ состояніи, не думая въ заблужденіи своемъ, что Создатель его оскорбится, если однимъ несчастнымъ будетъ меньше на свѣтѣ, найдетъ въ Немъ судью снисходительнаго; но я твердо вѣрю, что самая снисходительность сія будетъ жестокимъ наказаніемъ для души самоубійцы. Передъ нею отверзется книга Судебъ, намъ невѣдомыхъ; она увидитъ, что она безразсуднымъ своимъ поступкомъ ускорила конецъ свой земной однимъ годомъ, однимъ мѣсяцемъ, можетъ быть, однимъ днемъ. Она увидитъ, что отверженіемъ жизни, дарованной ей не для себя, а для пользы ближняго, лишила себя нѣсколькихъ заслугъ, долженствовавшихъ еще украсить вѣнецъ ея; она проникнетъ въ глубокую тайну, что Творецъ нашъ ниспосылаетъ намъ и скорби, и страданія для цѣли благой,—и вообрази себѣ каково будетъ ея страданіе!—Христосъ Самъ говоритъ намъ, что въ домѣ Отца Небеснаго много обителей,—и если правосудіе человѣческое умѣетъ соразмѣрять наказанія поступкамъ, то коль паче Богъ, испытуетъ сердца и утробы. Мы должны вѣрить твердо, что душа, бѣжавшая со своего мѣста, прежде времени, ей установленнаго, получить низшую обитель!—Ужасаюсь отъ сей мысли. Она сбросила съ себя бремя несносной жизни въ надеждѣ соединить себя на вѣки съ тѣми, коихъ она страстно любила на землѣ, и вмѣсто того, она разлучена съ ними на вѣки!—Вообрази себѣ, что мать наша, любившая насъ столь нѣжно на землѣ, теперь же на небеси чистый ангелъ свѣта, лишится на вѣки принять тебя въ свои объятія.

Нѣтъ, милый Матюша, самоубійство есть всегда преступленіе.

Вѣра наша, кроткая, благая вѣра наша его строго запрещаетъ, и что бы была привязанность наша къ ней, если мы забудемъ ея наставленія, именно въ то время, когда она должна быть единственнымъ нашимъ приближищемъ и утѣшеніемъ.

Кому дано много, множайше взыщется отъ него.

Ты будешь больше виноватъ, чѣмъ кто-либо, ибо ты не можешь оправдываться невѣдѣніемъ.

Я кончаю сіе письмо, обнимая тебя заочно съ тою пламенною любовью, которая никогда не изсякала въ сердцѣ моемъ и теперь сильно еще дѣйствующей во мнѣ отъ сладостнаго упованія, что намѣреніе мое, самимъ Творцемъ мнѣ внушенное, не останется тщет-

нымъ, и найдеть отголосокъ въ сердцѣ твоёмъ, всегда привышемъ постигать мое.

Прощай, добрый, любезный братъ и другъ Матюша. До сладостнаго свиданья.

Кронверкская куртина, Петропавловская петербургская крѣпость, ночь съ 12-го на 13-е іюля 1826 года. Сергѣй Муравьевъ-Апостоль».

Замѣтки и поправки.

(См. октябрьскую книгу „Русской Старини“ изд. 1886 г.).

Стран. 27. Имѣніе Ленневарденъ (по латышски Leelward mischamiza Ленневарденъ) дѣйствительно было куплено Бернгардомъ фонъ-Вульфъ для старшаго его сына Макса, но не въ 1864 г., а въ началѣ 1840-хъ годовъ. Мать этого сына была по отцу Анрепъ, а женатъ онъ былъ на дочери тогдашняго рижскаго (1847), а потомъ С.-Петербургской крѣпости коменданта Мандерштерна. По смерти родителей имѣніе Ленневарденъ перешло къ ихъ единственному сыну Артуру Вульфъ, который владѣеть онымъ понынѣ. Въ паркѣ у владѣльческаго дома обширныя развалины часто упоминаемаго въ описаніи ливонскихъ войнъ замка Ленневарденъ. Мѣстоположеніе, на берегу р. Западной Двины, весьма красиво.

Стр. 62, два раза (въ строкахъ 9-й и 30-й) не Сотагага, а „Cosa gaga“—опера Чмарозы.

Стр. 77, строка 4 снизу } Летичевскій уѣздъ въ Подольской губ.
Стр. 81, въ выносѣ } берніп.

Стр. 175, строка 10, — сосѣдство наименованія Nuit заставляетъ предполагать, что рѣчь идетъ не о Томарѣ, а о винѣ Помаръ (Pommard)—изъ Côte d'Or.

Стр. 210, строка 11 (по ошибкѣ страницца занумерована 201). Наименованія Нашебургъ не помню, помню Нотебургъ, Нейшлотъ?

Р.

Примѣч. отъ Ред. Упоминаемый на стр. 210 Нашебургскій полкъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Нотебургскимъ) сформированъ въ 1726 г. для укомплектованія войскъ, занимавшихъ присоединенныя Петромъ I отъ Персіи провинціи; при сформированіи полкъ названъ былъ Ленкеранскимъ (sic) и переименованъ въ Нашебургскій въ 1732 г.; въ 1834 г. полкъ былъ расформированъ и поступилъ въ составъ отдѣльныхъ черноморскихъ и кавказскихъ линейн. баталіоновъ. (См. Хронику Росс. имп. арміи, ч. VI, стр. 165).

Ө. Л. Малиновскій.

Много удовольствія, много отрадныхъ часовъ доставило мнѣ чтеніе «Русской Старины», но одна изъ статей въ изд. 1881 г., именно: «Воспоминанія объ училищѣ правовѣдѣнія ¹⁾», произвела самое безотрадное впечатлѣніе. Мнѣ, что я говорю мнѣ?—врядъ-ли кому случалось читать такое огульное осужденіе всѣхъ порядковъ, бывшихъ въ училищѣ, и какъ начальствующаго, такъ и ученаго персонала первыхъ лѣтъ существованія этого учебнаго заведенія. Какія основанія имѣлъ авторъ такъ черство отнестись къ своей alma mater — я не знаю, но удивляюсь, что до сихъ поръ, со стороны бывшихъ воспитанниковъ, не было никакого опроверженія автору статьи. А что онъ заблуждается—я постараюсь доказать. Такъ, напр., разбирая преподавателей вообще, онъ говоритъ, «что, дескать, мы могли усвоить изъ мѣстныхъ (межевыхъ) законовъ, которые намъ мычаль какой-то бывший землемѣръ Малиновскій — существо, похожее на добродушнѣйшаго гипопотама, съ постоянно грязными руками». Этотъ землемѣръ былъ мой отецъ. Я его хорошо помню. У меня сохранился его портретъ и никто изъ знавшихъ отца не скажетъ, чтобы онъ былъ похожъ на гипопотама. Онъ и фигурою, и лицомъ былъ похожъ на В. А. Жуковскаго, прекрасный портретъ котораго помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г. Ну, а развѣ можно сказать про Жуковскаго, что онъ похожъ на гипопотама? Отецъ, я

---

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 393—422, 573—602; т. XXXI, стр. 247—282.

хорошо помню, и говорилъ весьма внятно; умеръ еще не очень старымъ, сохранивъ почти всѣ зубы, такъ что недостатокъ ихъ также не могъ служить къ тому, чтобы онъ мычалъ. Во всякомъ случаѣ о наружности и голосѣ не стоитъ и говорить, потому что какъ то, такъ и другое не зависятъ отъ насъ самихъ, а даруются Богомъ и ни въ заслугу, ни въ поношеніе никому ставиться не могутъ. Другое дѣло: постоянно грязныя руки. Ну, можетъ ли кто повѣрить, чтобы въ такомъ привилегированномъ заведеніи, которое почти ежедневно посѣщаль его высочество принцъ П. Г. Ольденбургскій, могъ ктонибудь изъ преподавателей быть постоянно съ грязными руками? Можно ли повѣрить, что отецъ, которому нерѣдко приходилось бывать у его высочества на дому, могъ допускать такое неряшество? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что природа надѣлила отца весьма темнымъ цвѣтомъ кожи вообще, а на рукахъ даже темнозеленоватымъ. Авторъ, вѣроятно, видалъ отца только издали и, потому наградилъ покойнаго званіемъ неряхи, а сыну его нанесъ, понятное для всякаго порядочнаго человѣка, огорченіе. Огорченіе это усилено еще и тѣмъ, что, упоминая въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ, какъ о преподавателѣ, говорить, что, дескать, мы могли усвоить у бывшаго землемѣра? Изъ помѣщеннаго ниже некролога всякій легко убѣдится, что отецъ мой былъ «не какойнибудь землемѣръ», а одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени. О нравственныхъ его качествахъ я не говорю. Нынѣ, къ сожалѣнію, все рѣже и рѣже можно встрѣчать людей, подобныхъ моему отцу по нравственнымъ качествамъ.

Ф. Л. Малиновскій.

Некрологъ.

(Изъ журнала Мин. Нар. Пр. 1855 г. № 10).

19-го октября 1855 года скончался въ С.-Петербургѣ, послѣ тяжелой болѣзни, на 66 году жизни, бывший преподаватель межевыхъ законовъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, ст. сов. Ф. Л. Малиновскій. Малиновскій, какъ и большая часть прежнихъ воспитанниковъ педагогическаго института, происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса ученія, онъ началъ службу, въ 1811 году,

во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и продолжалъ оную непрерывно до 1854 года, состоя потомъ съ 1820 по 1844 годъ землеѣромъ при межевомъ д-тѣ прав. сената и старшимъ учителемъ математическихъ наукъ и русской словесности въ находившихся при чертежной этого д-та классахъ землеѣрныхъ учениковъ. Въ 1838 году онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ межевыхъ законовъ въ имп. училищѣ прав., гдѣ на него впоследствии возложено было преподаваніе архитектуры. Сверхъ того, онъ состоялъ учителемъ геодезіи, межевыхъ законовъ и, въ некоторое время, физики въ маринскомъ Межевомъ училищѣ и почти до послѣднихъ дней жизни преподавалъ первые два изъ означенныхъ выше предметовъ въ землеѣрномъ училищѣ и математику— въ театральномъ училищѣ. Такимъ образомъ, изъ хода службы Малиновскаго видно, что главнѣйшимъ предметомъ его занятій была такъ называемая межевая часть, и онъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу немногихъ, въ то время, ученымъ образомъ приготовленныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ; что же касается теоретическаго преподаванія межевыхъ законовъ, то онъ былъ едва-ли ни первымъ по времени преподавателемъ оныхъ. Многочисленные его ученики, предназначенные для службы по межевой части, разсѣяны нынѣ по всѣмъ концамъ Россіи. Посвятивъ себя тяжкому, въ теченіи болѣе 40 лѣтъ, труду преподавателя въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, Малиновскій вмѣстѣ съ тѣмъ усердно и съ любовью удѣлялъ отъ часовъ отдыха время на занятія кабинетныя.

Вотъ заглавія изданныхъ *Ө. Л. Малиновскимъ* сочиненій: 1) *Правила краснорѣчія* (1816 г.); 2) *Наука о дѣлхъ числахъ* (1834 г.); 3) *Опытъ дѣленія нѣкоторыхъ угловъ на 3, 5 и 7 равныхъ частей* (1835 г.); 4) *Новая теорія параллельныхъ линій*; 5) *Новый способъ дѣленія угловъ острыхъ, прямыхъ и тупыхъ на три равныя части*; 6) *Новый способъ выписыванія правильныхъ многоугольниковъ въ кругѣ, и 7) Историческій взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г.* Сверхъ того, послѣ покойнаго остались въ рукописяхъ три сочиненія: 1) *Записки по части межевыхъ узаконеній*; 2) *Краткое обзорѣніе геодезіи, и 3) Краткое понятіе о кадастрѣ.*

Любовь къ труду въ Малиновскомъ была неодолимая: почтенный старецъ, уже при значительномъ развитіи болѣзни, низведшей его въ могилу, продолжалъ заниматься составленіемъ «*Хозяйственной ботаники*», которую не успѣлъ привести къ окончанію. Послѣ него осталась

обширная библиотека, заключающая въ себѣ весьма много сочиненій, преимущественно по части наукъ математическихъ и естественныхъ. Въ заключеніе скажемъ, что Малиновскій, по обстоятельствамъ домашнимъ, принужденъ былъ чрезмѣрно расширять и нерѣдко разобщать свою преподавательскую дѣятельность, что мѣшало ему сосредоточить свои занятія на одномъ какомъ либо предметѣ; но каковы бы ни были заслуги его въ ученомъ отношеніи, какъ человѣкъ, оставилъ по себѣ онъ добрую память, и нѣтъ сомнѣнія, что каждый знавшій его искренно пожалѣетъ о немъ.

(И. Галанинъ).

Сообщ. въ 1885 г. П. О. Малиновскій.

Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г. напечатано стихотвореніе гр. А. К. Толстаго (оно, дѣйствительно, его) „Единство“. Въ 5-й строфѣ этого стихотворенія вкралась ошибка: вмѣсто Ташкентцы напечатано: Текинцы. А потому эта строфа должна читаться такъ:

Недавно и Ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну;
Признаться-ль?... Есть и вѣмцы,
Но это entre nous.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

въ 1840-хъ годахъ.

Въ старости, когда впечатлительность притупляется, человѣкъ лишенъ способности съ прежнею живостью непосредственно наслаждаться такими проявленіями современнаго искусства, которыя не слишкомъ замѣтно выдаются изъ обыкновеннаго уровня, особливо если въ памяти остались еще животрепещущими сильныя впечатлѣнія прежнихъ лѣтъ... Это воспоминаніе о прошломъ портитъ настоящее.

Впрочемъ, еще вопросъ: одно ли притупленіе впечатлительности виною тому, что старому человѣку кажется, будто въ настоящее время искусство измельчало, утратило свое электризирующее могучее вліяніе на высшія способности человѣческаго духа?

Не виною ли тому матеріализмъ, мало по малу, незамѣтно, но упорно вторгающійся въ свѣтлую область чистаго искусства, какъ неизбежный продуктъ текущаго времени? Можетъ быть и неосознательно-безконечный міръ звуковъ не извѣять отъ этого всеохлаждающаго вторженія?

Не берусь рѣшать эти вопросы... Современная музыкальная критика много толковала о неестественности прежняго построения оперы, преимущественно итальянской, съ округленно-законченными номерами и не всегда соответствующими положенію дѣйствующихъ лицъ мотивами, о бѣдности оркестровки и другихъ недостаткахъ прежнихъ оперъ. Пусть такъ, но мотивы ихъ глубже западали въ душу и до сихъ поръ не забываются, какъ пѣсни первой любви, какъ звуки голоса любимой женщины... Изъ новыхъ оперъ, такихъ задушевныхъ, какъ Фаустъ Гуно, немного.

Скажутъ, что непосвященный во всѣ тайны музыкальнаго искусства диллетантъ

Не долженъ смѣть
Свое сужденіе пмѣть

о сравнительных достоинствах и недостатках прежней и новой музыки, но казалось бы, что односторонняя крайность, например, исключительное преобладание оркестра, въ ущербъ пѣвцамъ, обреченнымъ на болѣе или менѣе однообразное говореніе нарастѣвъ безконечныхъ речитативовъ или короткихъ музыкальныхъ фразъ, не можетъ усилить обаяніе оперы на слушателя. Каюсъ: относительно оперной музыки я продолжаю еще коснѣть въ рядахъ любителей-консерваторовъ. Не могутъ речитативы музыки будущаго замѣнить мнѣ прелестнаго, горячаго, проникающаго въ душу мотива; думается мнѣ, что Рихардъ Вагнеръ положилъ только начало преобразованію въ оперѣ; что народится когда нибудь не менѣе гениальный композиторъ, который сблизитъ крайности, найдетъ умиротворяющую средину между прошедшимъ и будущимъ, выработаетъ формы музыкальнаго творчества къ обоюдному удовлетворенію мелодистовъ и гармонистовъ.

Впрочемъ, современная итальянская опера, кажется, всего менѣе подчинилась нововведеніямъ Вагнера и его послѣдователей: она продолжаетъ быть мелодичною, съ болѣе тщательною обработкою оркестра; только мотивы ея рѣже, что-то, напѣваются—вѣроятно, меньше остаются въ памяти; только украшенія, входившія прежде почти обязательно въ каждую мелодію, исчезаютъ все болѣе и болѣе, уступая мѣсто простому, можетъ быть болѣе естественному, теченію музыкальной идеи, вслѣдствіе чего и самая школа итальянскаго пѣвца замѣтно уклоняется отъ прежнихъ традицій блистательной вокализаціи, доступной, бывало, даже замѣчательнымъ талантамъ, послѣ многихъ лѣтъ ученія.

Въ 1840-хъ годахъ, когда возникла въ Петербургѣ итальянская опера, репертуаръ ея былъ не великъ: онъ состоялъ почти исключительно изъ оперъ Россини, Беллини, Доницетти, потомъ Верди, т. е. собственно композиторовъ-итальянцевъ, а потому вечера въ Большомъ театрѣ имѣли вполнѣ своеобразный характеръ. Широкое, чисто итальянское, пѣніе пересыпалось блистательнымъ фейерверкомъ фіоритуръ и никто тогда не думалъ о ихъ неестественности. Балетъ вовсе не входилъ въ составъ оперы, но типичная грація итальянцевъ, особенно въ комическихъ роляхъ, заставляла забывать о балеринахъ и танцовщицахъ кордебалета. Персоналъ иноземныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ былъ не многочисленъ; лучшимъ изъ нихъ платили большія деньги¹⁾, но едва ли я ошибусь, сказавъ, что тогдашняя итальянская опера обходилась дирекціи по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое менѣе нынѣшней.

¹⁾ Рубини получалъ 80,000 фр., Віардо—65,000 фр., Тамбурини—60,000 фр.
А. Я.

Первымъ изъ итальянскихъ соловьевъ запѣлъ у насъ Рубини, имя котораго давно уже прогремѣло изъ Парижа по всей Европѣ, такъ давно, что онъ явился къ намъ, въ концѣ зимы 1843 года, уже пожилымъ человѣкомъ, лѣтъ подл 50. Плотный, коренастый, онъ, не смотря на долговременную привычку къ сценѣ, былъ довольно неуклюжъ и неповоротливъ, и во время пѣнія постоянно прикладывалъ къ сердцу то правую, то лѣвую руку, другую же вытягивалъ въ сторону: это было почти единственное его движеніе. На второй годъ пребывания своего въ Петербургѣ, когда ему было дано право носить русскій вицъ-мундиръ, онъ выходилъ въ концертахъ въ своемъ мундирномъ фракѣ и очевидно дорожилъ этимъ правомъ, причемъ виѣшнее обаяніе его, конечно, не увеличивалось. Но оно было ему не нужно. Могучее дѣйствіе его голоса и искусство заставляло забывать все остальное. Самый голосъ былъ уже не вполне свѣжъ, но искусство вокализаціи, совершенство методы были изумительны! Никогда ни прежде, ни послѣ Рубини, мы не слышали такой силы и вмѣстѣ такой душевной сладости пѣнія; никто ни прежде, ни послѣ его не отчеканивалъ такъ ясно и отдѣльно каждой ноты въ самыхъ трудныхъ, блистательныхъ пассажахъ, не раздражался такою громовою мощію въ патетическія минуты. Изъ слышавшихъ его въ Lucia di Lamermoor кто не помнитъ его сцены проклятія? Одинъ изъ артистовъ тогдашняго опернаго оркестра, желая выразить силу его maledetto, дошелъ до того, что сравнилъ ее съ выстрѣломъ изъ пистолета!

Рубини берегъ свой голосъ, какъ сокровище: не пилъ вина не ѣлъ мороженаго и при выходѣ изъ театра такъ кутался, что лица его совсѣмъ не было видно.

Въ теченіе великаго поста 1843 года онъ далъ нѣсколько концертовъ, въ которыхъ особливо поразилъ всѣхъ двумя аріями: изъ *Stabat mater* Россини и изъ *Niobe Pasini*, въ послѣдней особенно еще неслыханною трелью. Однако, нельзя сказать, чтобы онъ произвелъ громадное на всѣхъ и каждого впечатлѣніе: рядомъ съ восторженными отзывами о необыкновенномъ искусствѣ, слышались сожалѣнія, что голосъ его устарѣлъ и что онъ слишкомъ часто поетъ фальцетомъ.

Послѣ Святой Рубини былъ ангажированъ на 15 представленій. Его обставили пока тѣмъ персоналомъ, какой нашелся въ тогдашнихъ русской и нѣмецкой оперныхъ труппахъ. Примадоннами-сопрано были: Степанова, Семенова и Нейрейтеръ; басовыя партіи исполняли Петровъ, Артемовскій и Ферзингъ; вторымъ теноромъ былъ Леоновъ basso buffo—старикъ Този—итальянецъ съ разбитымъ голосомъ, давно уже проживавшій въ Петербургѣ и участвовавшій, помнится, въ оперѣ Глинки «Русланъ и Людмила», въ которой онъ такъ умори-

тельно произносилъ русскія слова, коверкая ихъ и сопровождая комическими тѣлодвиженіями. Изъ всего этого персонала особенно выдѣлялся О. А. Петровъ, тогда уже любимецъ петербургской публики: онъ могъ быть вездѣ и всегда на своемъ мѣстѣ, не теряя нисколько отъ присутствія пѣвцовъ другой школы, хотя бы и знаменитыхъ.

Рубини сразу вдохнулъ новую жизнь въ нашу оперу и, вмѣстѣ съ итальянскимъ либретто, ввелъ въ нее небывалую до того времени художественную стройность и гармонію, поставилъ на небывалую высоту, преобразовалъ ее по-своему. Наши пѣвцы и пѣвицы благоговѣли предъ нимъ и учились у него; не было тогда въ нашемъ оперномъ мѣрѣ ни интригъ, ни пререканій: все подчинялось признанному всѣмъ авторитету. Подъ руководствомъ Рубини, нашъ оперный хоръ преобразился: откуда-то взялись въ немъ тончайшіе отгѣнки *piano* и *crescendo*: самый даже оркестръ, казалось намъ, диллетантамъ того времени, былъ наэлектризованъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно было, что наша опера попала въ руки великаго мастера. Помню, какъ на первомъ же представленіи Лючіи, послѣ знаменитой аріи: *che mi frena in tal momento*, всѣ мы были изумлены совершенствомъ ея исполненія, и какъ неистово кричали *bis*, едва успѣвъ дослушать ее. Кромѣ Лючіи, въ этотъ краткій, почти импровизованный, оперный сезонъ, въ весеннее время, Рубини пѣлъ въ операхъ: *Somnambula*, *Otello*, *I Puritani*. Нечего и говорить, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчали его при каждомъ появленіи на сценѣ. Публика поняла, съ кѣмъ имѣла дѣло.

Предъ отъѣздомъ Рубини, дирекція театровъ поручила ему набрать къ осени итальянскую труппу.

Въ сентябрѣ стали поговаривать о приглашенныхъ къ наступающему оперному сезону баритонѣ Тамбурини и *mezzo-soprano* испанкѣ Полиѣ Віардо-Гарсиа. Тотъ и другая, вмѣстѣ съ Рубини, ожидалась изъ Парижа. Первый давно уже былъ европейскою знаменитостью, о второй знали очень мало. Мнѣ случилось спросить о ней у одного француза, только что пріѣхавшаго изъ Парижа: «*C'est une soeur de a célèbre Malibran: on en fait grand cas à Paris*», отвѣчалъ онъ мнѣ—и только.

Кромѣ названныхъ двухъ, одновременно съ ними приглашены были еще нѣсколько даровитыхъ второстепенныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ: сопрано—Ассандри, теноръ—Пазини, 2-е сопрано—Тадини. Изъ русскихъ называли только Петрова и Артемовскаго.

Въ началѣ октября афиши извѣстили объ имѣющемъ быть первомъ представленіи Севильскаго Цирюльника, оперы Россини, и о

дебютахъ въ ней Тамбурины и Вiардо Гарсиа. Въ роли графа Альмавивы долженъ былъ явиться старый нашъ знакомый—Рубини.

Появленіе Тамбурины ожидалось съ нетерпѣніемъ, Вiардо-Гарсиа— съ любопытствомъ.

Въ назначенный вечеръ, кажется, въ понедѣльникъ, весь Большой театръ былъ, конечно, полонъ сверху до низу, но въ публикѣ не было ни волненія, ни того особаго говора, который предшествуетъ выходящему изъ ряда обыкновенныхъ событію. Въ первомъ ряду кресель, спиною къ оркестру и облокотясь на рампу, рисовались тѣ имѣющіе и неимѣющіе возможности платить по 8 рублей за кресло, которые почему-то воображаютъ, что position oblige, и разговаривали о постороннихъ предметахъ. Молодежь наводила на ложки лорнеты и бинокли; въ ложахъ бель-этажа усаживались нарядныя дамы, поправляя свои прически и скидывая съ обнаженныхъ плечъ прикрывавшія ихъ *sorties de bal*; даже въ райкѣ все было спокойно,—однимъ словомъ, въ залѣ не замѣчалось ничего необычайнаго.

Капельмейстеръ,—высокій, лысый нѣмецъ Ромбергъ,—въ бѣломъ галстухѣ и желтыхъ перчаткахъ, стоялъ уже предъ своимъ купитромъ съ поднятой вверхъ палочкой и собирался подать знакъ, а публика все еще усаживалась, и опоздавшіе съ усиленіемъ пробирались бочкомъ, между рядами кресель, держа на отлетѣ свои цилиндры...

Вотъ кончилась увертюра; на сценѣ полумракъ; 50-ти-лѣтній Альмавива-Линдоро восхитительно пропѣлъ свою серенаду—лучше всякаго пылкаго юноши... Загремѣли рукоплесканія, заставили повторить... На сцену граціозно влетѣлъ Фигаро-Тамбурины, въ богатомъ, изящномъ испанскомъ костюмѣ, съ сѣткой на головѣ и съ гитарой за плечами. Зала привѣтствовала его сдержанно и притаила дыханіе. Вступительная арія Фигаро привела всѣхъ въ восторгъ: такое мастерство въ исполненіи игриво-комическихъ модуляцій, такая благородно-изящная игра были для всѣхъ новостью. Тамбурины съ перваго шага очаровалъ всѣхъ и театръ затрепалъ отъ рукоплесканій. Затѣмъ, вторая серенада—Рубини и на балконѣ, съ лѣвой стороны авансцены, показала Вiардо-Розина, за нею старикъ Този-Бартоло. Нѣсколько короткихъ музыкальныхъ фразъ—и оба скрылись за дверью балкона. Трудно было разглядѣть лицо примадонны въ полутемнотѣ: кто-то сидѣвшій въ креслахъ позади меня сказалъ: «некрасива».

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ дуэтѣ Альмавивы и Фигаро произошло великолѣпное состязаніе двухъ знаменитостей: Рубини съ изумительною отчетливостью отчеканивалъ граціознѣйшія фіоритуры, а Тамбурины скороговоркою вторилъ ему своимъ неподобными *staccato*. Публика

опять разразилась рукоплесканіями. Все это было въ порядкѣ вещей. Перемяна декорацій; въ залѣ все спокойно.

Комната въ домѣ Бартоло. Входитъ Розина: небольшого роста, съ довольно крупными чертами лица и большими, глубокими, горячими глазами. Пестрый испанскій костюмъ, высокій андалузскій гребень торчитъ на головѣ не много вкось. «Некрасива!», повторилъ мой со-сѣдъ сзади. «Въ самомъ дѣлѣ!», подумалъ я.

Вдругъ совершилось что-то необыкновенное...

Раздались такія восхитительныя, бархатныя ноты, какихъ, казалось, никто никогда не слыживалъ... прелестныя уста произнесли «una voce poco fa!

По залѣ мгновенно пробѣжала электрическая искра... Въ первую минуту—мертвая тишина; какое-то блаженное оцѣпенѣніе... но молча прослушать до конца—нѣтъ, это было свыше силъ! Порывистое bravo! bravo! прерывали пѣвицу на каждомъ шагу, заглушали ее... Сдержанность, соблюденіе театральныхъ условій были невозможны: никто не владѣлъ собою; восторгъ уже не могъ вмѣститься въ огромной массѣ людей, жадно ловившихъ каждый звукъ, каждое дыханіе этой волшебницы, завладѣвшей такъ внезапно и всецѣло всѣми чувствами, мыслями, воображеніемъ молодыхъ и старыхъ, пылкихъ и холодныхъ, музыкантовъ и профановъ, мужчинъ и женщинъ... Да! это была волшебница! И уста ея были прелестны! Кто это сказалъ «некрасива?»—Нелѣпость!

Не успѣла еще Віардо-Гарсія окончить свою арію, какъ плотина прорвалась: хлынула такая могучая волна, разразилась такая буря, какихъ я не видывалъ и не слыживалъ. Я не могъ дать себѣ отчета: гдѣ я? что со мною дѣлается? Помню только, что и самъ я и все кругомъ меня кричало, хлопало, стучало ногами и стульями, неистовствовало... Это было какое-то опьяненіе, какая-то зараза энтузіазма, мгновенно охватившая всѣхъ снизу доверху, неудержимая потребность высказаться какъ можно громче и энергичнѣе.

Это было великое торжество искусства! Не бывшіе въ этотъ вечеръ въ оперной залѣ не въ состояніи представить себѣ до какой степени можетъ быть наэлектризована масса слушателей, за пять минутъ не ожидавшая ничего подобнаго.

При повтореніи аріи, для всѣхъ стало очевидно, что Віардо не только великая исполнительница, но и гениальная артистка. Каждое почти украшеніе, которыми такъ богаты мотивы Россини, являлось теперь въ новомъ видѣ: новыя, неслыханно-изящныя фіоритуры сыпались, какъ блистательный фейерверкъ, изумляли и очаровывали, никогда не повторяясь, порожденныя минутою вдохновенія. Диапазонъ

ея голоса отъ сопрано доходилъ до глубокихъ, ласкающихъ сердце, нотъ контральта, съ неимоверною легкостью и силою. Обаяніе пѣвицы и женщины возрастало *crescendo* въ продолженіе всего перваго акта, такъ что подъ конецъ каждый съ нетерпѣніемъ, казалось (я сужу по себѣ), ожидалъ возможности подѣлиться съ кѣмъ нибудь изъ близко знакомыхъ переполнившими душу впечатлѣніями.

И дѣйствительно, послѣдовавшій затѣмъ антрактъ не походилъ на обыкновенные: началось сильное передвиженіе, но довольно долго никто почти не выходилъ изъ партера: отовсюду слышались горячія восклицанія восторга и удивленія. Вызовамъ, казалось, не будетъ конца.

Во второмъ актѣ Віардо показала себя и какъ превосходная актриса: игра ея, умная, изящная и веселая, отличалась особенно ея свойственною благородною простотою и прелестью. Этотъ актъ (опера Севильскій Цирюльникъ раздѣлялась тогда на два акта) былъ непрерывнымъ рядомъ триумфовъ Віардо, Рубини и Тамбурини. Този въ роли Бартоло былъ очень комиченъ, Петровъ прекрасно исполнилъ партію Донъ-Базиліо. Финаль оперы написанъ на русскую тему. Относительно этого финала существуетъ слѣдующее преданіе: Россини писалъ своего *Barbiere di Seviglia* въ Дрезденѣ. Однажды вечеромъ, одинъ изъ русскихъ туристовъ, извѣстный въ то время въ высшемъ петербургскомъ кругу, Ѳедоръ Петровичъ Опочининъ, поднимаясь по лѣстницѣ своего отеля и напѣвая въ полголоса этотъ самый русскій мотивъ, встрѣтился съ выходившимъ изъ своего номера знаменитымъ маэстро, съ которымъ былъ знакомъ довольно близко. Услышавши мотивъ, Россини бросился его обнимать и благодарить, говоря, что онъ выручилъ его изъ затрудненія—достойнымъ образомъ закончить свою оперу, и затѣмъ, пригласивъ къ себѣ, съ голоса Опочинина набросалъ мотивъ на бумагу. Въ четверть часа финаль Севильскаго Цирюльника былъ готовъ.

На этотъ разъ финаль былъ выпущенъ и вмѣсто его Віардо пропѣла блистательно прелестную арію Беріо, каждая нота которой на всю жизнь запечатлѣлась въ моей памяти.

Излишне было бы говорить о томъ, что происходило въ залѣ Большаго театра, по окончаніи оперы....

Выдающимися операми репертуара 1843—1845 годовъ были, сверхъ Севильскаго Цирюльника, Сомнамбула, Пуритане и Норма Беллини, *Lucia di Lammermoor*, Донъ Паскуале, Любовный Напитокъ, Лукреція Борджіа—Доницетти; Отелло, Семирамида, Ченерентола — Россини; Донъ Жуанъ—Моцарта.

Говорить о каждой изъ нихъ отдѣльно было бы повтореніемъ сказаннаго; но нельзя не вспомнить о восхитительной аріи Бальфа,

которою Віардо обыкновенно заканчивала оперу Донъ Паскуале. Въ настоящее время такихъ свѣжихъ, вдохновенныхъ мотивовъ въ оперѣ уже не слышно!

Віардо умѣла вводить въ заключеніе оперъ, совершенно неожиданно, самые яркіе, горячіе, блистательные финалы, которые всѣхъ съ ума сводили! Послѣднюю арію ея въ Сомнамбулѣ, съ огненною фразою: Ah! m'abbraccio! можно забыть только позабывъ все на свѣтѣ. Въ этой оперѣ какъ пѣніе, такъ и игра ея достигали высокой степени драматизма, также какъ и въ роли Дездемоны (Отелло).

Норму давали рѣдко, хотя и въ ней участвовала Віардо. Для ея голоса партія была слишкомъ высока и пришлось транспонировать всю партитуру.

Въ *Barbiere*, во время урока музыки, Віардо стала пѣть Соловья Алябева, произнося слова, какъ природная русская. Можно себѣ представить фуроръ, произведенный ею этимъ національнымъ сюрпризомъ.

Ассандри—въ партіяхъ высокаго сопрано, какъ, напримѣръ, въ Пуританахъ Беллини—не выдавалась изъ ряда обыкновенныхъ пѣвицъ и нравилась болѣе своею наружностью. Второй теноръ Унанде—былъ особенно хорошъ въ Любовномъ Напиткѣ Доницетти, Артемовскій—въ басовой партіи Пуританъ, но цѣннымъ приобретениемъ для петербургской оперы былъ *baso buffo* Ровере, замѣнившій стараго Този въ Севильскомъ Цирюльникѣ, осенью 1844 года, и участвовавшій потомъ съ большимъ успѣхомъ въ Донъ-Паскуале, Ченерентолѣ и другихъ комическихъ операхъ. Осенью же 1844 года, вмѣсто Ассандри, была приглашена примадонна Каstellанъ, обладавшая прекраснымъ, высокимъ сопрано и прелестною наружностью. Она была очень хороша въ Лючіи, въ *Lindo di Chamounix* Доницетти, въ Семирамидѣ Россини, и скоро приобрѣла горячихъ поклонниковъ.

Въ томъ же 1844 году появилась въ петербургской итальянской оперѣ еще звѣзда первой величины—контральто Альбони. Молодая, цвѣтущая здоровьемъ и красотою (излишняя полнота нѣсколько портитъ ее), она производила большое впечатлѣніе своими могучими голосовыми средствами. Ея густой, мягкій контральто, обработанный въ хорошей школѣ, ласкалъ и нѣжилъ ухо, какъ віолончель Серве. Въ Лукреціи Борджія, въ Линдѣ, въ Семирамидѣ нельзя было наслушаться ея: сильные, сладостные звуки проникали въ душу, какъ могущественный елей, вливали въ нее теплоту и очарованіе...

При такомъ персоналѣ, немногочисленномъ, но избранномъ, итальянская опера 1840-хъ годовъ почти исключительно овладѣла вниманіемъ петербургской публики и, при отсутствіи въ то время какого

бы то ни было политическаго интереса, составляла ея жизнь, главную заботу и единственное утѣшеніе среди невзрачныхъ условий, въ которыхъ находилась тогда мыслящая часть русскаго общества. Не было салона, въ которомъ разговоръ не вертѣлся бы постоянно на итальянской оперѣ, особенно въ первые три года ея существованія, такъ что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ гостинныхъ (не знаю насколько это справедливо) было поставлено условіе: не говорить объ оперѣ.

При трудности доставать мѣста въ партерѣ, галереи 5 яруса бывали переполнены дилетантами до такой степени, что тамъ, противъ входныхъ дверей, между расположенными справа и слѣва рядами скамеекъ, ставились стулья, маленькія скамьи—что попало, лишь-бы можно было присѣсть, а сзади, у самыхъ дверей, толпились, стоя, не только молодые, но и пожилые любители; жара и давка были страшныя; многіе не могли видѣть сцены—и, однако, никто не жаловался: простоять весь вечеръ въ душной атмосферѣ и тѣснотѣ—считалось ни по чему! Мало того: театральная люстра, какъ и теперь, спускалась изъ широкаго, круглаго отверстія плафона, такъ что кругомъ ея оставалось еще свободное пространство въ $\frac{1}{2}$ аршина, если не болѣе, и этимъ-то отверстиемъ пользовались многіе, чтобы слушать оперу. Они взбирались, посредствомъ двугривенныхъ, даваемыхъ какому нибудь театальному сторожу, на чердакъ Большаго театра и располагались тамъ на верхней сторонѣ потолка, кругомъ отверстія, за полчаса до начала представленія, когда зажигалась люстра (тогда еще масляными лампами). Можно себѣ представить ихъ положеніе: стульевъ тамъ, конечно, не было, а между тѣмъ потолокъ къ краямъ отверстія имѣлъ нѣкоторую покатость. Сначала, всѣ лампы громадной люстры свѣтили прямо въ глаза на самомъ близкомъ разстояніи, потомъ, когда люстра опускалась, весь жаръ отъ этихъ лампъ сосредоточивался въ отверстіи плафона. Сцены, разумѣется, не было видно, но за то все было слышно, до малѣйшей нотки.

Въ первые два года итальянской оперы цвѣтобѣсіе только еще начиналось, но далеко не имѣло тѣхъ размѣровъ, какіе оно приняло впоследствии. Цвѣты летѣли на сцену только отъ избытка восторга, а не вслѣдствіе моды, которая установилась гораздо позднѣе. Самые букеты были гораздо менѣе искусственными, чѣмъ теперь: многіе покупали просто цвѣты и сами дѣлали изъ нихъ букеты. Никогда не забуду той счастливой минуты, когда мой скромный букетъ упалъ прямо къ ногамъ Полины Віардо, и какъ *la divina* подняла его, понюхала и поблагодарила улыбкою въ мою сторону. Въ другой разъ по окончаніи спектакля, находясь съ своимъ букетомъ довольно далеко отъ сцены и тщательно пытаюсь прорваться впередъ противъ

теченія выходившей изъ кресель публики, я бросилъ свои цвѣты чрезъ голову оберъ-полиціймейстера, преградившаго мнѣ дорогу, и букетъ, не долетѣвъ до сцены, упалъ прямо на одну изъ лампъ оркестра и сгорѣлъ, какъ гекатомба, принесенная искусству. Восторгъ выражался сверхъ того всякими способами, по вдохновенію минуты: махали платками и шляпами, случалось даже, что шляпы летѣли вверхъ—и чего, чего не было? Подарки артистамъ подносились очень рѣдко: почти только при прощаніи съ ними. Помню, что по окончаніи опернаго сезона, кажется 1845 года, въ послѣднее представленіе на масляницѣ, утромъ, публика поднесла Рубини золотой вѣнокъ, Віардо-Гарси—золотой съ эмалью *porte-bouquet* съ цвѣтами и Тамбурини—серебряную вазу. Кромѣ этихъ трехъ, да еще, можетъ быть, Альбони, никто не удостоился приношеній... За то имъ придавали цѣну!

Въ то же утро, у подъѣзда Большаго театра съ правой стороны, предназначеннаго для театральнаго персонала, собралась густая толпа. День былъ довольно холодный; собравшіеся ожидали выхода артистовъ изъ театра. Вышелъ сначала Тамбурини, въ шубѣ на распашку; за нимъ Рубини, съ поднятымъ воротникомъ и плотно закутанный шарфомъ, изъ-за котораго видны были одни только глаза. Ихъ приветствовали криками: *bravo!* и проводили до каретъ. Немного спустя появилась Віардо, съ двумя букетами въ рукѣ, на которую она не успѣла еще надѣть перчатку. Стоявшая на проходѣ молодежь бросилась къ ней на встрѣчу и она съ граціозной улыбкой раздавала вѣзмъ по цвѣтку. Какой-то статскій и одновременно съ нимъ студентъ схватили перчатку, которую она держала въ правой рукѣ, и, разорвавъ ее пополамъ, убѣжали каждый съ своею частью добычи. Сама Віардо и мужъ ея—красивый, чернобородый французъ, слѣдовавшій за нею, благосклонно улыбнулись этому шаловливому порыву молодости, но когда подана была карета и публика, усаживая въ нее свою богиню, не отходила отъ дверцы, протягивая руки для полученія послѣднихъ цвѣтовъ послѣдняго букета, г-нъ Віардо, на котораго никто не обращалъ вниманія, наконецъ, не въ шутку разсердился. «*Que diable! Messieurs,—*закричалъ онъ—*mais laissez-moi donc entrer!*» Наконецъ, карета-возокъ тронулась; кто-то изъ молодежи всталъ на запятки, другіе провожали Полину Віардо на извозчикахъ до самой ея квартиры—въ бывшемъ домѣ Демидова, на углу Михайловской улицы и Невскаго проспекта. У подъѣзда высадили ее изъ кареты, цаловали ея руки и провожали на лѣстницу...

Нѣтъ, это была не мода, не обезьянство и даже не шалость, а что-то болѣе симпатичное и сердечное!

Въ концѣ музыкальнаго сезона 1845 года Рубини простился съ

Петербургомъ. Это была—первая невознаграждаемая потеря. На партію 1-го тенора приглашенъ былъ Сальви съ прекраснымъ голосомъ и красивою наружностью, но стоявшій несравненно ниже Рубини по искусству.

Къ осени того же 1845 года не возвратилась и Альбони: приглашенная на ея мѣсто Виетти была блѣдною ея копіей, не болѣе, хотя имѣла успѣхъ, также какъ и Сальви.

Въ этомъ году изъ новыхъ оперъ большое впечатлѣніе произвели Ломбарди новаго композитора Верди, отличившагося оригинальностью мотивовъ, порывистою страстностью и бурями оглушительнаго оркестра, да еще *Il Templario* Николаи. Въ первой изъ нихъ былъ особенно хорошъ Сальви. Всѣ послѣдующія партитуры Верди имѣли также успѣхъ несомнѣнный и донинѣ держатся еще на сценѣ, но... сдѣлались, такъ сказать, шаблонными, поступили въ репертуаръ уличныхъ шарманокъ и порядкомъ таки надоѣли. Зимомъ 1846 года, душа нашей итальянской оперы, нашъ соловей, властительница нашихъ думъ—Полина Вярдо-Гарсиа оставила унылый нашъ сѣверъ, повліявшій на ея здоровье. Она заболѣла послѣ своего бенефиса и уѣхала внезапно, такъ что Петербургу не удалось проститься съ нею какъ бы подобало. Изъ знаменитаго трио остался только Тамбурины.

Первое, золотое время нашей итальянской оперы окончилось съ отъѣздомъ Вярдо Гарсиа. Она была необыкновеннымъ явленіемъ на нашей сценѣ; разбудила насъ отъ спячки, внесла въ нашу жизнь новыя художественныя ощущенія, настроила насъ на возвышенный ладъ, потрясала наши нервы. Имя ея, какъ и имена Рубини и Тамбурины, должно быть начертано золотыми буквами въ истории нашей оперы. Не забудемъ и того, что щедро одаренная многосторонними талантами она была другомъ и вдохновительницею нашего незабвеннаго И. С. Тургенева!

Этимъ первымъ періодомъ собственно и заканчиваются послѣдовательныя мои воспоминанія о петербургской итальянской оперѣ 1840-хъ годовъ, такъ какъ потомъ я уже не имѣлъ возможности, за отсутствіемъ изъ Петербурга, посѣщать ее постоянно, а только по временамъ продолжалъ слѣдить за ея торжествами и превратностями. Упомяну въ краткихъ словахъ о дальнѣйшихъ фазахъ ея существованія и о крупнѣйшихъ талантахъ ея персонала.

Осенью 1846 г. опера открылась при новомъ, измѣненномъ, составѣ. Изъ знаменитостей остался, какъ я сказалъ уже, одинъ Тамбурины. Вмѣсто Вярдо появилась Маррâ—посредственность; контральтовую партію заняла Поппи, уступавшая даже Виетти.

Изъ вновь приглашенныхъ, цѣнными пріобрѣтеніями оказались

Борси—примадонна сопрано, баритонъ Коллини, бассо-буффо Росси и теноръ Гуаско. При такомъ составѣ опера могла еще стоять на значительной высотѣ, но публика видимо къ ней охладѣла. Въ этомъ и послѣдующихъ годахъ строго-итальянскій характеръ нѣсколько измѣнился. Въ репертуаръ ея начинаютъ входить французская музыка (Фенелла Обера, Робертъ, Гугеноты, Пророкъ Мейербера), а впоследствии и нѣмецкая (Волшебный Стрѣлокъ Вебера). Изъ итальянскихъ композиторовъ все болѣе и болѣе начинаетъ преобладать Верди, но одновременно съ его Юрнани поставлена была и такая капитальная опера, какъ Вильгельмъ Телль Россини (цензура назвала ее Карломъ Смѣлымъ!). Въ концѣ 1847 года явилась въ Петербургъ милая и талантливая Фрецолини и сразу сдѣлалась любимицей публики. Образовались двѣ партіи: Борсисты и Фрецолинисты. Послѣдніе, наконецъ, одолѣли и Борси оставила петербургскую сцену.

Оперный сезонъ 1849—1850 г. былъ эпохою возрожденія лучшаго золотого времени итальянской оперы въ Петербургѣ: мы услышали, наконецъ, Гризи и Маріо. Говорить о нихъ можно или много или ничего, а потому замѣчу только, что въ лицѣ Гризи осуществился идеалъ Нормы Беллини и что въ Гугенотахъ появленіе Гризи и Маріо составило событіе. Фрецолини, при всей своей даровитости, въ свою очередь ступевалась и уѣхала, а прибывшая въ 1850 году парижская знаменитость Персіани пробыла въ Петербургѣ одну только зиму и не особенно понравилась.

Въ 1851 году дебютировалъ въ Ломбардахъ Тамберликъ; въ оперѣ Отелло онъ прославился ut діезомъ, произвоидилъ эффектъ въ Вильгельмѣ Теллѣ и въ операхъ Верди и долгое время, послѣ Маріо, былъ любимымъ теноромъ въ нашей оперной группѣ.

Тамбурины, сроднившійся, казалось, съ Петербургомъ и достигшій до высшей степени искусства въ партіи Бертрама (въ Робертѣ Мейербера), окончательно уѣхалъ въ концѣ сезона 1851 года и былъ замѣненъ баритономъ Ронкони.

Basso-profundo Формезъ пріѣхалъ въ Петербургъ на одинъ только сезонъ 1851 г. и былъ великолѣпенъ особенно въ Гугенотахъ Мейербера; въ аріи пифъ-пафъ! никто не могъ съ нимъ сравниться и до настоящаго времени.

Осенью 1852 года послѣдовало новое событіе: приглашенъ знаменитый Лаблашъ, но Гризи не пріѣхала; вмѣсто нея, во второй разъ посѣтила Петербургъ Виардо. Опять начался рядъ овацій симпатичнѣйшему и старѣйшему изъ артистовъ Лаблашу, превосходно исполнявшему партію basso-buffo, и старой знакомой—несравненной Полинь Виардо. Но голосъ ея, за время ея отсутствія, утратилъ часть своей

свѣжести и обаянія: слушая ее теперь, невольно съ грустію думалось: то же, да не то! Она пребыла въ Петербургѣ не долго и съ тѣхъ поръ уже не возвращалась.

Маріо также не возвратился къ осени 1853 года и былъ замѣненъ, теноромъ Кальцолари, имѣвшимъ большой успѣхъ. Одновременно съ нимъ появились примадонна сопрано Лагранжъ, Naudin, Didot и проч.

Съ 1854 года послѣдовательность моихъ воспоминаній окончательно прерывается и о послѣднемъ десятилѣтіи я принужденъ умолчать за неимѣніемъ матерьяловъ.

Да, золотое было первое время итальянской оперы въ Петербургѣ! Воспоминаніе о немъ — одно изъ лучшихъ въ моей жизни. Громадный успѣхъ итальянцевъ на нашей сценѣ объясняется какъ необыкновенною даровитостію ихъ, такъ и тогдашнимъ моральнымъ состояніемъ нашего общества. Кромѣ немногихъ, бывавшихъ въ Парижѣ, никто до той поры не слыхивалъ такихъ могучихъ артистовъ, какъ Рубини, Віардо и Тамбурини, мало того: никто не воображалъ, чтобы техника пѣнія, сопровождаемая изяществомъ и драматизмомъ игры на сценѣ, могла дойти до такого совершенства. И прежде посѣщали Петербургъ вокальныя знаменитости: были незадолго предъ тѣмъ Зонтагъ (графиня Росси) и Паста, прозванная *la divina*. Но первоклассный талантъ первой почти не былъ публичнымъ достояніемъ: она пѣла только въ концертахъ и на придворныхъ вечерахъ. Вторая явилась въ Петербургъ уже 60 лѣтнею безобразною старухою и вполнѣ все таки оправдывая свое прозваніе, имѣла странную для великой артистки особенность: детонировать, попросту — пѣть фальшиво. Большею частію это было въ ней почти незамѣтно, но если ей случалось, при первомъ выходѣ на сцену, взять фальшиво первую ноту, она оставалась вѣрною разъ взятому тону, фальшивила въ продолженіе всей оперы.

Во всякомъ случаѣ, эти двѣ знаменитости были у насъ явленіями единичными, случайными.

Петербургское общество — старыя и молодыя — было тогда, въ совокупности, моложе сердцемъ, впечатлительнѣе, способнѣе увлекаться прекраснымъ. Восприимчивость его еще не притупилась, идеализмъ еще не окончательно изсякъ и улетучился. Менѣе, можетъ быть, встрѣчалось въ немъ знающихъ музыку основательно, но болѣе — такихъ, которые способны были наслаждаться ею, «не мудрствуя лукаво», непосредственнымъ чувствомъ, такъ сказать, чутьемъ.

Дѣйствительно, увлеченіе публики итальянскою оперою 1840-хъ годовъ было молодое, пылкое, искреннее, можно сказать, поэтическое.

Это былъ могучій взрывъ энтузіазма, хотя онъ продолжался нѣсколько лѣтъ (съ перерывами) и потому слово это, казалось бы, здѣсь неумѣстно.

Теперь (1884 г.), по прошествіи около 40 лѣтъ, сидя въ итальянской оперѣ, слушая какую нибудь Ферни, любимицу публики, въ оперѣ Сатшен, считающейся одною изъ лучшихъ нынѣшняго репертуара (Ферни приглашена всего на двѣ роли), я съ грустію думаю: «то ли было въ старину?» И теперь кричатъ въ театрѣ, послѣ опущенія занавѣса вызываютъ, толпятся около рампы оркестра, бросаютъ на сцену огромные вѣнки и букеты, подносятъ дорогіе подарки не только лучшимъ артистамъ, но и второстепеннымъ... Но какую цѣну имѣютъ эти оваціи? Онѣ сдѣлались слишкомъ обыденными, достаются слишкомъ легко. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется почему-то, что всѣ эти нынѣшніе восторги—какъ будто напускные, дѣланные, рутинные... Гдѣ теперь эта божественная искра искусства, которая взрывала начиненную горючимъ веществомъ массу? Гдѣ тѣ порывы вдохновенія, которые заставляли такъ горячо биться сердце, забывать все и вся, трепетать какъ въ лихорадкѣ?

Ужели все это кажется мнѣ невозвратно-минувшимъ потому только, что невозвратно миновала моя молодость?

А. Н. Яхонтовъ.

10 іюля 1884.

Елена Павловна Фадѣева,

рожденная княжна Долгорукова.

Въ августовской и сентябрьской книгахъ уважаемой «Русской Старины» изд. 1886 г. напечатана біографія Елены Андреевны Ганъ,—старшей моей сестры,—составленная Е. С. Некрасовой, которая очень старательно и добросовѣстно собрала матеріалы для этого очерка. Однако, конечно, не по ея винѣ, въ немъ содержится нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ лицамъ и событіямъ нашей семьи, переданныхъ ей невѣрно или понятыхъ ею не совсѣмъ вѣрно. Во всякомъ другомъ журналѣ они могли бы считаться незначительными, но въ «историческомъ» они приобрѣтаютъ значеніе и вѣсь именно по спеціальному содержанію журнала. Желая исправить неточность этихъ свѣдѣній и возстановить ихъ въ истинномъ видѣ, я надѣюсь, что редакція такого правдиваго историческаго журнала, какъ «Русская Старина», не откажетъ мнѣ въ этомъ справедливомъ и законномъ желаніи, а потому сообщаю на страницахъ этого уважаемаго изданія слѣдующія мои замѣтки:

На первой страницѣ біографія, по поводу нашей матери Елены Павловны Фадѣевой, рожденной княжны Долгоруковой, сказано, между прочимъ: «еще крошкой она была отдана на воспитаніе къ бабушкѣ Бандре дю Плесси»... Она не была отдана на воспитаніе, а родилась въ домѣ родителей своей матери. Отецъ ея, кн. Павелъ Васильевичъ Долгоруковъ, командуя Тверскимъ полкомъ, находился въ походѣ во время турецкой войны, а мать, вскорѣ послѣ рожденія дочери, поѣхала къ мужу, оставивъ дочь у своихъ отца и матери, которые заранѣе сдѣлали условіе съ зятемъ и съ своею дочерью, что первое ихъ дитя должно оставаться у нихъ.

«Такъ прожила Елена Павловна до 25-ти-лѣтняго возраста, пока не явился нѣсколько запоздалый по тому времени женихъ—Андрей Мпхайловичъ Фадѣевъ. Онъ былъ двумя годами моложе невѣсты»....

Это свѣдѣніе почерпнуто изъ печатныхъ біографій Ел. П. и Ан. М. Фадѣевыхъ, гдѣ иные года и числа обозначены невѣрно. Елена Павловна вышла замужъ 23 лѣтъ и была однихъ лѣтъ съ А. М. Фадѣевымъ.

...«Фадѣевъ сдѣлалъ предложеніе, но согласія на бракъ не получилъ. Онъ былъ бѣденъ, безъ виднаго мѣста, безъ чина, безъ карьеры, безъ состоянія, потому родные, т. е. отецъ и бабушка, были противъ «безразсуднаго» брака. И молодые люди повѣнчались въ 1813 году помимо воли родителей». А. М. Фадѣевъ никогда не находился въ такомъ мизерномъ положеніи, а также «безразсудства» брака и «помимо воли родителей» никакихъ вовсе не было. А. М. Фадѣевъ не имѣлъ независимаго состоянія, и какъ всякій начинающій службу не получалъ большаго жалованья, но имѣлъ соотвѣтственный чинъ и всегда могъ и имѣлъ полное основаніе разсчитывать на карьеру и хорошее будущее, по значительнымъ связямъ своего отца, по своему отличному образованію, по своимъ замѣчательнымъ способностямъ и дарованіямъ, которыя всегда заставляли обращать на него особенное вниманіе всѣхъ его начальниковъ¹⁾, цѣнившихъ его какъ далеко выходящаго изъ ряда человѣка на всѣхъ поприщахъ его служебной дѣятельности. Когда онъ сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Еленѣ Павловнѣ Долгорукой, бабушка ея, дѣйствительно, сначала противилась браку, хотя вовсе не считала его «безразсуднымъ»: такъ какъ безразсудства никакого не было, а просто потому, что не хотѣла разстаться съ своей внучкой; когда-же Андрей Михайловичъ далъ ей слово не разлучать ихъ, бабушка и родители княжны согласились, благословили ихъ и, узнавъ ближе Андр. Мих., полюбили его какъ роднаго сына. Елена Павловна была слишкомъ благовоспитана, слишкомъ привязана къ своей бабушкѣ, слишкомъ сознавала свой долгъ порядочности и нравственнаго достоинства, чтобы позволить себѣ выйти замужъ помимо воли своихъ родителей, т. е. бѣжать изъ дома, обвѣнчаться тайкомъ, какъ можно заключить изъ словъ біографіи. Елена Павловна была рѣшительно неспособна на подобный поступекъ.

...«Въ 1815 году Фадѣевъ былъ назначенъ въ Екатеринославъ членомъ конторы иностранныхъ поселенцевъ, гдѣ и прослужилъ 15 лѣтъ»... Прослужилъ не членомъ конторы, а предсѣдателемъ ея, которымъ былъ назначенъ вскорѣ по переводѣ въ Екатеринославъ.

«Этотъ 1827 г. былъ страшно тяжелымъ для старшей дочери, 13-ти лѣтней Елены. Въ этотъ годъ занемогла ея мать... Потому всѣ заботы

¹⁾ Князя Кочубея, графа Закревскаго, гр. Блудова, гр. Строганова, гр. Киселева, кн. Горонцова, кн. Барятинскаго, Н. Н. Муравьева и е. и. в. великаго князя Михаила Николаевича. Н. Ф.

семьи разомъ легли на Елену; волей-неволей она должна была перестать быть ребенкомъ и превратиться въ большую... Елена Андреевна съ этихъ поръ была предоставлена самой себѣ... и занялась самообразованіемъ себя». — Наша мать занемогла ревматическими страданіями, которыя болѣе или менѣе мучили ее всю жизнь, но никогда не доходили до такой степени, чтобы она должна была отказаться отъ своихъ занятій матери семейства и хозяйки дома. Она продолжала воспитывать и учить своихъ дѣтей по прежнему, и не только дѣтей, но даже впоследствии и внуковъ. Въ случаяхъ усиленія ея болѣзни, никакія заботы семьи не ложились и не могли ложиться на Елену, такъ какъ у насъ въ домѣ въ то время была огромная дворня, болѣе 50 человѣкъ, и изъ нихъ столько ключницъ, экономокъ, хозяекъ, а кромѣ того всегда у насъ жили въ такомъ количествѣ всякія воспитанницы, старыя пріятельницы, приживалки, — что было кому заниматься хозяйствомъ и домашними дѣлами безъ содѣйствія 13-ти-лѣтней дѣвочки. И Елена Андреевна въ ту пору жизни своей не только никогда не была удручена «заботами семьи», да онѣ даже ей и въ голову не приходили. Предоставлена самой себѣ она никогда не была, а «самообразованіемъ себя», т. е. серьезнымъ чтеніемъ и изученіемъ англійскаго языка и усовершенствованіемъ другихъ, уже знакомыхъ ей, занялась уже послѣ своего замужества.

Этимъ ограничиваются мои замѣтки. Очень сожалѣю, что мнѣ не удалось представить ихъ ранѣе въ «Русскую Старину», но возвратясь на-дняхъ изъ заграницы, я только теперь прочла біографію сестры моей, Е. А. Ганъ, и считаю долгомъ моимъ, изъ уваженія къ правдѣ и дорогимъ мнѣ именамъ, упоминаемымъ въ біографіи, исправить невѣрность нѣсколькихъ показаній, надѣясь, что эти исправленія нисколько не убавятъ достоинства добросовѣстнаго труда Е. С. Некрасовой, которому вполне отдаю должную справедливость.

Надежда Фадѣева.

Одесса.

5-го октября 1886 г.

Николай Алексѣвичъ Некрасовъ

1876 г.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. помѣщено стихотвореніе Н. А. Некрасова: «О. А. Петрову», съ замѣткой, что оно, кажется, нигдѣ еще не напечатано. Въ «Воспоминанія о 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ Осипа Аванасьевича Петрова», изданномъ редакціей журнала «Музыкальный Свѣтъ», съ портретомъ юбиляра, въ 1876 г., въ Петербургѣ, въ описаніи юбилея, заимствованномъ изъ «Музыкальнаго Свѣта» (1876 г., №№ 16 и 17), мы находимъ первый и послѣдній куплеты приведеннаго стихотворенія, безъ имени автора, въ такомъ видѣ:

Умиля сердце человѣка,
Наслажденіе чистое дая,
Голосъ твой не умолкалъ полвѣка,
Чудный даръ пѣвца богатыря!
Не слабѣй подъ игомъ лѣтъ преклонныхъ! (bis).

Воплощая русское искусство
Въ звуки жизни, страсти, красоты,
Трудъ, любовь и творческое чувство
На алтарь его всегда приносишь ты!
Не слабѣй подъ игомъ лѣтъ преклонныхъ! (bis).

Варианты подчеркнуты; второй куплетъ является здѣсь только нѣсколько измѣненной первой строчкой, въ видѣ двойнаго припѣва.

Въ виду принадлежности этого стихотворенія перу Н. А. Некрасова и того обстоятельства, что манускриптъ поэта хранится въ библиотекѣ с.-петербургской консерваторіи, было бы интересно имѣть стихотвореніе напечатаннымъ съ рукописи, для уничтоженія существующихъ уже печатныхъ вариантовъ.

В. П. М. Е.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

„Русская Старина“, въ двѣнадцати книгахъ семнадцатаго года изданія—1886 г., представила на своихъ страницахъ особенно много Записокъ (мемуаровъ) и Воспоминаній.

Адмиралъ и, первый по времени, морской министръ П. В. Чичаговъ,—А. М. Тургеневъ,—Э. И. Стоговъ,— декабристы: М. И. Муравьевъ-Апостолъ и А. П. Бѣляевъ,—профессоръ Я. А. Чистовичъ,— генералы-отъ-инфантеріи: О. Я. Мирковичъ, М. Я. Ольшевскій и П. Д. Зотовъ,—извѣстные наши писатели: А. Н. Афанасьевъ, М. И. Венюковъ и высокоуважаемый К. К. Арсеньевъ,—юристъ и одинъ изъ участниковъ крестьянской и судебной реформъ Н. М. Колмаковъ,—дѣятель гражданскаго управленія Кавказа Д. И. Кипіани,—А. А. Вязмитиновъ,—В. Л. Баратынскій и М. И. Вавиловъ и нѣкоторые другія лица—были авторами тѣхъ Записокъ и Воспоминаній, которыя доставили главнѣйшую и наиболѣе интересную часть нашего ежемѣсячнаго историческаго сборника за 1886 г.

Записки Чичагова,—одного изъ ближайшихъ и высокодаровитыхъ сподвижниковъ Александра I, притомъ въ лучшую эпоху его царствованія,—весьма обширны, писаны въ годы его добровольнаго изгнанія за границу и такъ какъ принадлежатъ одному изъ образованнѣйшихъ людей конца XVIII и начала XIX

вѣковъ, притомъ пламенному и вполне разумному патриоту, то онѣ составляютъ важное приобрѣтеніе для литературы отечественной исторіи.

Записки эти нѣсколько сухи—подлинныя документы, вставленные въ текстъ этихъ мемуаровъ издателемъ оныхъ, Леонидомъ Мих. Чичаговымъ, нѣсколько замедляютъ чтеніе этого историческаго памятника, но въ концѣ концовъ, когда эти Записки явятся вполне,—онѣ составятъ, повторяемъ, драгоценный вкладъ въ сокровищницу нашей исторической литературы.

Въ напечатанныхъ до сихъ поръ семи обширныхъ главахъ труда адмирала Чичагова весьма интересно его отношеніе къ личности Екатерины II и къ ея царствованію. Эти отношенія исполнены чувства безпредѣльнаго уваженія, доходящаго до благоговѣнія,—фактъ многознаменательный, если принять во вниманіе, что П. В. Чичаговъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени. Свидѣтельство его объ Екатеринѣ Великой и ея царствованіи, будучи правдиво въ своемъ основаніи, доходить до преувеличенія едвали не потому, что Чичаговы, отецъ и сынъ, имѣвъ счастье быть современниками Екатерины, имѣли затѣмъ и злополучіе быть въ сомнѣніи сострастотерпцевъ болѣзненно ужасной эпохи 1796—1800 годовъ. Противоположность спокойной и славной эпохи 1762—1796 годовъ той грозѣ, которая набѣжала на Россію на четыре года, 1796—1800 гг., была такъ велика, что она не могла не подвигнуть Чичагова на самое восторженное отношеніе къ пережитой имъ эпохѣ Великой и Мудрой, хотя и не лишенной большихъ слабостей, Екатерины II. Притомъ, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ писалъ въ царствованіе Николая Павловича, когда,—по чрезвычайно странному предубѣжденію этого Государя, а едвали и не по невѣдѣнію вполне достовѣрныхъ источниковъ, остававшихся еще неизданными,—отношеніе какъ Императора Николая, такъ и ближайшихъ его сподвижниковъ къ Екатеринѣ, къ ея „орламъ“ и ко всей ея эпохѣ, было неблагосклонное настолько, что во все то время,—мы говоримъ о 1825—1855 гг.,—никому не приходило даже въ голову о сооруженіи памятника Великой Государынѣ.

Итакъ, Чичаговъ, видя въ Россіи недружелюбное и полное невѣдѣніе отношеніе къ этой царицѣ, а въ иностранной литературѣ встрѣчая о ней только памфлеты, счелъ себя обязаннымъ

освѣтить въ своихъ Запискахъ Екатерину II и ея царствованіе инымъ свѣтомъ, конечно предвидя и желая, чтобы его трудъ появился въ печати.

Насколько восторженны отношенія П. В. Чичагова къ личности Екатерины и къ ея современникамъ, настолько спокойны, а мѣстами вполнѣ саркастичны, рассказы о томъ же времени Александра Михайловича Тургенева.

Мы уже говорили объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ въ обзорѣ „Русской Старины“ изд. 1885 г. (см. нашъ журналъ изд. 1885 г., томъ XLVIII, декабрь, стр. 731—732).

Дворянинъ и офицеръ въ эпоху Екатерины, видѣвшій многое въ двухъ столицахъ своего отечества, съ 1790 по 1863 г. (онъ родился въ 1778 г.), студентъ Геттингенскаго университета, всей душой привязанный къ лучшимъ русскимъ людямъ первой половины XIX вѣка, во главѣ которыхъ стояли Василій Андреевичъ Жуковскій, братья Кирѣевскіе, Дм. Никол. Блудовъ, Д. В. Дашковъ и друг., человѣкъ свободомыслящій, во всеоружіи европейскаго образованія, и въ то же время русской чиновникъ на посту губернатора послѣдовательно двухъ или трехъ губерній,—Тургеневъ, подобно Чичагову, горячо любилъ отечество и былъ вѣрный, честный и просвѣщенный дѣятель. Подобно родственникамъ своимъ—Николаю и Александру Ивановичамъ Тургеневымъ, Александръ Михайловичъ всею душою желалъ блага русскому народу, и постоянно лелѣялъ мечту освобожденія этого славнаго народа изъ путъ крѣпостнаго ига. Александръ Михайловичъ былъ такъ счастливъ, что на 90-мъ году своей жизни былъ свидѣтелемъ этого освобожденія и видѣлъ въ числѣ своихъ молодыхъ друзей такихъ энергическихъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, какимъ былъ, въ числѣ этихъ лицъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Мы имѣли удовольствіе слышать отъ К. П. П—ва и А. Р. Др—на о томъ, что А. М. Тургеневъ, котораго они часто посѣщали въ годы своей молодости, былъ, не смотря на преклонный возрастъ, весьма свѣжій, бодрый старикъ, съ свѣтлымъ умомъ и обширную памятью. Разговоръ его былъ увлекательный, отзывы о людяхъ мѣткіе и остроумны.

Впрочемъ, предъ нами цѣлая связка подлинныхъ писемъ ближайшаго друга А. М. Тургенева—Василія Андреевича Жуковскаго, писемъ за время съ 1833 по 1851 гг., предназначенныхъ къ помѣщенію въ „Русскую Старину“. Довольно благо просмотра этихъ писемъ, чтобы видѣть какъ уважалъ, цѣнилъ В. А. Жуковскій А. М. Тургенева. Онъ хлопочетъ за него во всѣхъ его житейскихъ нуждахъ, осыпаетъ его эпитетами: „мой милый Александринусъ“,—„мой милый Михайлычъ“,—„милый мой другъ Ермолафъ“,—„душа моя Ермолафушка“,—„душа моя Михайлычъ“,—„голубчикъ“,—„безцѣнный мой другъ“; посылая къ нему свои сочиненія, Жуковскій говоритъ: „я тебя люблю сердечно“,—обнимаетъ его съ искреннею дружбою и подписывается: „твой по старому“; когда Александръ Михайловичъ бывалъ въ нуждѣ, Василій Андреевичъ Жуковскій,—безъ всякой просьбы со стороны своего друга,—посылаетъ ему деньги и просить отнюдь не торопиться ихъ возвратомъ; Жуковскій какъ „честнѣйшаго человѣка“ рекомендуетъ А. М. Тургенева на высокіе посты въ административной службѣ, (А. М. получалъ въ отставкѣ 5 т. руб. пенсіона, конечно, ассигн.).

Въ бытность свою за границей (съ 1842 г. по 1852 г.,—годъ его смерти) Жуковскій повѣряетъ, въ письмахъ къ А. М. Тургеневу, всѣ свои семейныя радости и горе.... Впрочемъ, читатели „Русской Старины“ уже прочли одно изъ такихъ писемъ Василія Андреевича къ своему другу (см. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVIII, стр. 428). А вотъ еще два—три письма, свидѣтельствующія какъ горячо принималъ къ сердцу Жуковскій—этотъ лучший изъ наилучшихъ русскихъ людей своего времени—и радость и горе А. М. Тургенева.

Въ 1835-мъ году Александръ Михайловичъ задумалъ жениться. „Мой милый Александринусъ“, писалъ къ нему по этому поводу Жуковскій: „благослови Богъ твое теперешнее счастье прочностію; я знаю, что тебѣ не много надобно; но знаю, что твое не многое должно быть чисто какъ золото, поэтому и радуюсь за тебя—твоему выбору.... Рекомендуй меня дружески твоей невѣстѣ..... и попроси, чтобы она любила меня, пока заочно, какъ ты; прости, обнимаю васъ обоихъ“....

Богъ, однако, не благословилъ прочностію брака А. М. Тургенева: въ 1836 г. жена его скончалась, оставя ему дочь Ольгу. Жуковскій поспѣшилъ со словомъ утѣшенія къ своему другу:

1836 г., февраля 19-го.

„Что могу и я сказать въ отвѣтъ на письмо твое, безцѣнный, бѣдный мой другъ! Для такихъ несчастій, каково твое, нѣтъ никакого слова и даже никакого возможнаго утѣшенія ни теперь, ни послѣ. Тутъ не къ кому бѣжать, кромѣ Бога, и у Него только можно просить одного смиренія и терпѣнія. Онъ одинъ тутъ истинный другъ и прибѣжище; въ эти минуты съ Нимъ крѣпко знакомишься и дружишься.“

„Въ своемъ путешествіи по Германіи я встрѣтилъ одну мать: она имѣла единственную милую дочь и сама уже была въ твоихъ лѣтахъ ¹⁾. Дочь была невѣста. Она побѣжала навѣстить свою знакомку. Дня чрезъ три ѣдетъ за нею ея женихъ, дабы возвратить ее къ матери. Онъ находитъ ее на столѣ. Мать долго не смѣла и имени ея произносить. Но однажды, увидясь съ однимъ своимъ короткимъ знакомымъ, первый разъ послѣ своего несчастія, она залилась слезами и заговорила съ нимъ о своей милой дочери, и вотъ что она ему только сказала: „здѣсь утѣшаетъ меня одно то, что это воля Божія“.

„Я не знаю ничего выше этого простаго слова—утѣшаетъ! Итакъ, смертію дочери высказала она ясную мысль и вѣру, что Богъ непосредственно входитъ въ жизнь cadaго человѣка. Она увидѣла Бога лицомъ къ лицу надъ гробомъ дочерп.“

„Милый, и для тебя теперь есть мѣсто, на которомъ можешь Его увидѣть лицомъ къ лицу. А милое творенье, дочь твоя, еще не вѣдаетъ о своемъ несчастіи. Она только оставлена тебѣ въ завѣтъ отъ твоей жены, чтобъ ты крѣпился. Подкрѣпи-же тебя милость Божія! Теперь нечего другаго для тебя дѣлать, какъ только сохранить дочь: ей только пока еще нужна кормилица. А ты живи для нея. Это не утѣшеніе, не счастье, а просто святой долгъ, которому святую цѣну ты знать способенъ. Еслибы у меня была жена, то она была бы матерью твоей дочери; но она всегда будетъ мнѣ близкою роднею; на это надѣйся. Теперь же береги себя въ память по умершей и во имя Того, Кто, взявъ ее къ Себѣ, оказалъ ей милость отца, а тебя подвергнувъ опыту, изъ котораго ты долженъ выйти достойнымъ тебя образомъ. Прости. Обнимаю тебя съ горестнымъ сердцемъ. Пыши ко мнѣ.“

Жуковскій⁴⁾.

А вотъ какъ Василій Андреевичъ дѣлился своею радостью съ своимъ другомъ А. М. Тургеневымъ:

1842 г., ноября 2^{1/4}-го.

„Мой милый Ермолафъ, заочно прижимаю тебя къ сердцу и говорю тебѣ какъ доброму вѣрному другу: радуйся вмѣстѣ со мною!

„Богъ даровалъ мнѣ прекрасную дочку.“

„11-го ноября, въ 11^{1/4} часовъ, предъ обѣдомъ, родилась моя Александра ²⁾.“

¹⁾ А. М. Тургеневъ родился въ 1778 г.

²⁾ Въ 1871 г. вышла замужъ за барона Вормана, живетъ нынѣ въ Висбаденѣ. Въ 1886 г. мы имѣли истинное удовольствіе неоднократно посѣщать баронессу и любовались нѣсколькими альбомами рисунковъ, исполненныхъ ея незабвеннымъ родителемъ.

Ред.

Что такое: носить на рукахъ своихъ свое дитя — я еще тебѣ не умѣю свазать и никогда бы не умѣлъ этого понять, еслибъ этого со мною самимъ не случилось. Счастье неимовѣрное! и ты давно его знаешь во всей его прелести; да сохранить его Господь Богъ намъ обоямъ! Пишу мало, потому что долженъ писать ко многимъ. Но для тебя довольно и этихъ немногихъ словъ: жена столько здорова, сколько это ей теперь возможно. О себѣ не говорю: я начну блаженствовать, какъ скоро перейду черезъ всѣ дни, въ которые надобно удвоить осторожность и въ которые все будетъ приводить въ трепеть. Теперь пока я какъ шальной. Обнимаю тебя. Поцѣлуй Ольгу отъ меня и отъ новорожденной сестры. Скажи обо мнѣ моей теплой кумѣ; я увѣренъ, что она приметъ участие въ моей радости.

Твой Жуковский“.

„Объ (Александрѣ Ивановичѣ) Тургеневѣ я ничего не знаю. Въ Москвѣ ли онъ? Мнѣ очень больно, что я не знаю куда теперь написать къ нему. Передай приложенное письмо: я не знаю адреса Кирѣевскаго. Если же его нѣтъ въ Москвѣ, то перешли къ нему, адресуя просто въ Бѣлевъ, въ село Долбино“.

По друзьямъ узнаешь человѣка. Въ друзьяхъ А. М. Тургенева — видны и его достоинства: честность, прямотушіе, любовь къ правдѣ... Эта любовь къ правдѣ и руководила имъ въ его живыхъ разсказахъ, записанныхъ имъ для своихъ друзей. Одна изъ его подлинныхъ, и притомъ весьма обширныхъ, рукописей (во многихъ тетрадахъ, на толстой сѣрой бумагѣ) была подарена имъ своему другу Ивану Васильевичу Кирѣевскому, и вотъ, благодаря обязательности достоуважаемаго С. И. Кирѣевскаго, мы получили возможность вновь представить нѣсколько главъ изъ этихъ замѣчательныхъ мемуаровъ. Конечно, вспоминая событія 30—40 лѣтъ спустя послѣ того, какъ они совершались, А. М. Тургеневъ могъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, и ошибаться, но въ общемъ ходѣ разсказа, въ характеристикахъ тѣхъ или другихъ лицъ и какъ ихъ взаимныхъ отношеній, такъ и отношеній къ Екатеринѣ II, — онъ сохранилъ въ своихъ Запискахъ правду и только правду; притомъ, разсказы его подтверждаются свидѣтельствомъ другихъ современниковъ и подлинными документами. Въ главахъ изъ Записокъ Тургенева, появившихся въ „Русской Старинѣ“ обзорѣаемаго года, между прочими лицами ярко очерчены: Екатерина II, кн. Г. А. Потемкинъ, Тутолминъ, Державинъ, Гарновскій, Безбородко и другіе. Интересныя по содержанию, эти Записки, какъ мы уже замѣчали въ 1885 году, при изданіи другой ихъ рукописи, — отличаются образностью, живостью изложенія

и остроуміемъ автора. Подобные мемуары, дѣйствительно, составляютъ явленіе крайне рѣдкое въ нашей, все еще далеко не богатой, литературѣ записокъ и воспоминаній русскихъ людей.

Воспоминанія Эразма Стогова переносятъ читателя въ среду средняго помѣстнаго дворянства центральныхъ губерній Россіи, въ самомъ началѣ XIX-го вѣка. Быть этотъ, подъ перомъ или, правильнѣе сказать, карандашемъ этого старца, „видавшаго виды“ и прошедшаго чрезъ многое на своемъ вѣку,—воскресаетъ весьма ярко и, при внимательномъ съ нимъ знакомствѣ, являетъ очень много сходнаго съ бытомъ средняго русскаго дворянства XVIII-го вѣка, насколько мы знаемъ его изъ монументальныхъ Записокъ А. Т. Болотова, изданныхъ „Русской Стариной“ въ 1870—1873 гг.

Разсказъ - воспоминаніе Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола—ведетъ читателя въ самыя отдаленныя дебри и ледяныя пустыни Восточной Сибири; но и тамъ умъ, обогащенный знаніемъ, сердце, возвышенное вѣрой и любовью къ человечеству, мужество, закаленное на ратномъ полѣ—сохранили этого человѣка, одного изъ наидостойнѣйшихъ представителей той горсти русскихъ людей, которые именуются въ исторіи „декабристами“. Высоко нравственный образъ такихъ людей, какимъ былъ Муравьевъ-Апостолъ и многіе изъ его сострастотерпцевъ, сильно отпечатлѣется въ памяти грядущихъ поколѣній. До какой степени, послѣ многолѣтняго изгнанія и цѣлаго ряда лишеній, въ людяхъ этого закала была жива жажда добра и любви къ ихъ отечеству и народу, его населяющему, до какой степени они ревностно трудились для него,—показываютъ Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева, оконченныя въ обзорѣваемомъ году. Мы согласны съ тѣмъ, что они во II-й части не имѣютъ общеполитическаго интереса и значенія, но мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи довести ихъ печатаніе до конца, въ виду того, какъ много добрыхъ русскихъ людей обоюбого пола мы встрѣтили подъ мягкимъ перомъ добродушнѣйшаго старца, А. П. Бѣляева.

Въ прежнее время,—и не Богъ вѣсть еще какъ давно,—у насъ обыкновенно говаривали: „это еще рано печатать“, „мы не отошли отъ этихъ лицъ и событій на историческій выстрѣлъ“. — И вотъ стирались въ памяти образы опочившихъ историческихъ лицъ, искажались, слишкомъ поздними о нихъ разсказами, событій, являлись памфлеты иноземцевъ,—опытъ недавняго прошлаго, столь поучительный для настоящаго или въ положительномъ, или въ отрицательномъ отношеніи,—пропадалъ. Теперь—не та пора.

Мы не говоримъ уже о XVIII-мъ вѣкѣ, либо первой четверти XIX-го вѣка,—нѣтъ, царствованія Николая Павловича и его незабвеннаго преемника Александра II—начинаютъ выступать на поприще исторической ихъ разработки.

Выдержки изъ Записокъ ген.-отъ-инф. Ѳ. Я. Мирковича—ставятъ читателя лицомъ къ лицу съ Николаемъ I и съ большою точностью воспроизводятъ его своеобразныя сужденія о тѣхъ или другихъ вопросахъ, немаловажныхъ въ государственномъ бытѣ Россіи.

Н. М. Колмаковъ—опытный юристъ, много трудившійся на своемъ вѣку на юридическомъ поприщѣ, принимавшій непосредственное участіе какъ въ крестьянской, такъ въ особенности судебной реформахъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о „Старомъ судѣ“ весьма живо и рельефно очертилъ строй прежнихъ судебныхъ инстанцій,—отъ низшихъ до высшихъ,—и тотъ вредъ, какой онѣ производили въ быту русскаго народа: необходимость самой коренной реформы была чрезвычайно очевидна, и соединенными усилиями честныхъ, просвѣщенныхъ и опытныхъ юристовъ, призванныхъ къ обширному труду волею незабвеннаго Царя-Освободителя, данъ былъ новый судъ,—судъ правый, скорый и гласный.

Изложеніе условій развитія и подробностей быта тѣхъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній за пережитое время всегда полезно и почти всегда интересно: добрый, просвѣщенный докторъ-профессоръ Я. И. Чистовичъ, симпатичный нравственный образъ котораго очень памятенъ лицамъ, его знавшимъ, вводитъ читателя въ медико-хирургическую академію 1830 и 1840 годовъ;—ученый и необыкновенно трудолюбивый А. Н. Афанасьевъ

воскрешаетъ въ своихъ Запискахъ московскій университетъ, въ его лучшую „Строгановскую“ эпоху, и притомъ настолько, насколько это славное учрежденіе выражалось въ профессорахъ того времени; при этомъ Афанасьевъ старается, и не безъ таланта, изобразить въ своихъ характеристикахъ нравственную фізіономію гг. профессоровъ, передавая главную основу лекцій тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Этотъ пріемъ трудовой и довольно рѣдко практикуется составителями многочисленныхъ воспоминаній о расадникахъ своего образованія... Къ числу такихъ же серьезныхъ, не только интересныхъ, но и полезныхъ воспоминаній, какъ Записки Афанасьева, принадлежатъ Воспоминанія К. К. Арсеньева объ училищѣ правовѣдѣнія и М. И. Венюкова о службѣ его въ рядахъ артиллеріи въ 1850-хъ годахъ. Эти послѣднія записки своими разоблаченіями какъ нельзя лучше показываютъ до чего былъ безсодержателенъ и пустъ образъ жизни и самая служба корпуса офицеровъ до 1850-хъ годовъ, даже въ такой части войска, какова была артиллерія, офицеры которой имѣли, однако, всегда репутацію наиболѣе дѣльныхъ, даже просвѣщенныхъ людей. Полные правды рассказы нашего извѣстнаго географа и писателя М. И. Венюкова краснорѣчиво напоминаютъ какъ необходима была военная реформа, въ столь широкихъ размѣрахъ предначертанная тѣмъ же Обновителемъ всего строя жизни русскаго народа, тѣмъ же Государемъ-Освободителемъ, и приведенная въ исполненіе славнымъ государственнымъ дѣятелемъ Д. А. Милютинимъ, — двадцать лѣтъ остававшимся ближайшимъ сотрудникомъ и сподвижникомъ Александра II. И вслѣдствіе этихъ реформъ—какая великая разница въ современномъ бытѣ и въ прохожденіи службы русскихъ офицеровъ и солдатъ съ тѣмъ, что было только тридцать, тридцать пять лѣтъ тому назадъ! При томъ же мужествѣ и дисциплинѣ, издавна отличавшихъ русское воинство, нынѣ нѣтъ и помину о жестокостяхъ по отношенію къ солдатамъ, не слышно о произволѣ высшихъ офицеровъ, нѣтъ праздности, распутства и тунеядства; явились грамотность и образованіе, разумное сознаніе своего долга—и трудъ, трудъ съ утра до ночи. Война 1877—1878 гг., со всѣми ея стратегическими ошибками, тѣмъ не менѣе прекрасно доказала всю разумность и жизненную необходимость преобразованій, предпринятыхъ по отношенію къ русской арміи ея

Державнымъ Вождемъ и исполненныхъ какъ Д. А. Милютинимъ, такъ и другими передовыми людьми русской арміи, главнымъ образомъ завершившими свое спеціальное образованіе подъ сѣнью Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Самое отношеніе, строго критическое,—какое мы встрѣчаемъ въ Запискахъ генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова по отношенію къ распорядамъ, имѣвшимъ мѣсто на театрѣ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, въ послѣднюю кампанію,—ни мало не умаляетъ помянутыхъ реформъ русской арміи. Появленіе смѣлой, мѣстами, правда, нѣсколько личной, раздражительной, критики со стороны одного изъ вождей этой арміи, свидѣтельствуетъ о томъ ростѣ развитія русскихъ офицеровъ и военно-начальниковъ, какой несомнѣнно былъ однимъ изъ результатовъ пережитаго, передуманнаго и всѣхъ работъ 1862—1877 годовъ. А лавры цѣлаго ряда побѣдъ,—и какихъ побѣдъ!—плѣненіе цѣлыхъ армій—достойно увѣнчали весь ходъ реформъ означенной эпохи.

Если не всѣ еще подробности и не всѣ стороны эпопеи 1877—1878 гг. доступны русскому изслѣдователю и Записки генерала-отъ-инфант. П. Д. Зотова оборваны нами на первыхъ ихъ главахъ, то „послѣдняя (какъ надо надѣяться) польская смута“ 1863—1864 гг. давно уже подверглась самому разностороннему изученію. Къ массѣ изданному нами матеріалу объ этомъ новомъ и печальномъ эпизодѣ въ отношеніяхъ двухъ братьевъ-народовъ мы прибавили, въ обозрѣваемомъ году, два воспоминанія: одни—побѣдителя, другія—побѣжденнаго. Отъ лица побѣдителя просто и сдержанно рассказываетъ А. А. Вязмитиновъ, достойный уваженія офицеръ и нынѣ мирный землевладѣлецъ. Отъ лица „замиренныхъ“ повѣствуетъ В. Л. Баратынскій, едва не погибшій совершенно въ омутѣ смуты и теперь съ достойною всякой похвалы объективностью и спокойствіемъ, но весьма назидательно, описавшій все имъ пережитое, все выстраданное. Кто знаетъ, если бы цензура 1830—1850 годовъ не заградила уста видѣвшихъ событія предпослѣдней польской смуты (1830—1831 гг.) и если бы всѣ подробности, всѣ ея махинаціи и всѣ грубыя ошибки побѣдителей въ средѣ побѣжденныхъ, а также всѣ подвохи побѣжденныхъ—были своевременно раскрыты, то, быть можетъ, не было бы и послѣдней польской смуты (1863—1864 гг.).

Въ 1867 году Россія отказалась отъ края, — громаднѣйшихъ размѣровъ, — мы говоримъ о Сѣверо-Американскихъ ея колоніяхъ, но изъ которыхъ, увы, она не сумѣла извлечь пользы. И вотъ теперь, двадцать лѣтъ спустя, появился на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“ — весьма сжатый, но интересный рассказъ очевидца М. И. Вавилова о послѣднихъ дняхъ пребыванія и владычества русскихъ людей на задержанныхъ туманомъ островахъ и пустыняхъ Сѣверной Америки. Жаль, что Записки эти такъ не велики.

Интересныя Записки Д. И. Кипіани — заслуженнаго гражданскаго дѣятеля на Кавказѣ — вызываютъ насъ на невольное пожеланіе, чтобы чаще и чаще наши государственные и общественные дѣятели на всѣхъ поприщахъ давали бы отчетъ обществу въ видѣнномъ и пережитомъ.

Сказанія иноземцевъ рѣдко появляются на стр. „Русской Старины“. Причины тому, какъ мы не разъ и объясняли: обиліе записокъ и воспоминаній самихъ русскихъ людей, сказаніямъ которыхъ мы всегда отдадимъ предпочтеніе, а съ другой — необходимость крайне строгаго критическаго отношенія къ свидѣтельствамъ о Россіи — ея случайныхъ посѣтителей-иноземцевъ, нерѣдко съ злорадствомъ смотрѣвшихъ на страну, въ которой они пожидали и богатства, и не всегда заслуженныя почести.

„Русская Старина“ 1886 г. представила, однако, большую часть обширнаго труда Гельбига: „Русскіе любимцы“, преимущественно XVIII вѣка, — трудъ, извѣстный до сихъ поръ въ русской печати лишь по незначительнымъ выдержкамъ и теперь появившійся въ большей его части, — притомъ заботливо обставленный массою указаній на всю литературу изслѣдованій, очерковъ и замѣтокъ, когда-либо появившихся о тѣхъ самыхъ лицахъ, о которыхъ передаетъ Гельбигъ свои рассказы, зачастую правдивые, иногда же полные ошибокъ, вслѣдствіе неосторожнаго увлеченія автора легендами и слухами, бродившими при русскомъ дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ, въ которомъ Гельбигъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, въ званіи секретаря саксонскаго посольства. Окончаніе этого интереснаго труда появится въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г.

II.

Изъ записокъ, граничащихъ, такъ сказать, съ изслѣдованіями, и изъ очерковъ историческихъ, монографій и статей, данныхъ „Русской Стариной“ своимъ читателямъ въ 1886 г.,—мы можемъ упомянуть о монографіи И. Я. Морошкина— „Феофилактъ Лопатинскій“, святитель и одна изъ жертвъ эпохи владычества въ Россіи курляндскаго конюха, впоследствии герцога, Бирона. Появленіе этой статьи было довольно своевременно, въ томъ отношеніи, что въ этомъ же году довершено нами, при добромъ содѣйствіи группы русскихъ патріотовъ и любителей родной исторіи, сооруженіе монумента на могилѣ Артемія Волинскаго, Еропкина и Хрущова († 1740 г.), погибшихъ отъ тирании того же Бирона.

Въ обширной біографіи Филарета, славнаго митрополита московскаго, далеко еще не оконченной, соединено нами собраніе документовъ, относящихся къ дѣятельности этого свѣточа русской церкви, въ теченіи полувѣка текущаго столѣтія.

Очеркъ достопочтеннаго А. И. Штукенберга о Николаевской желѣзной дорогѣ знакомитъ насъ съ исторіей этого монументальнаго сооруженія, времени Николая I, соединившаго центръ Россіи съ ея окномъ въ Европу. Очеркъ довольно поучителенъ въ виду той желѣзно-дорожной лихорадки, которая охватила затѣмъ сотни разныхъ энергическихъ предпринимателей, а съ ними и лицъ, алчныхъ къ легкой и быстрой наживѣ.

Собраніе писемъ Александра II, въ бытность его наследникомъ престола, служитъ прекраснымъ дополненіемъ Записокъ его строгаго, но разумнаго и сердечно къ нему привязаннаго, воспитателя К. К. Мердера. Горячо желаемъ—и дасть Богъ успѣемъ въ осуществленіи своего желанія—поболѣе и поболѣе представлять ежегодно новыхъ матеріаловъ на стр. „Русской Старини“, оживляющихъ нравственный обликъ этого Государя, въякомъ мученика завершившаго свою великую историческую миссію Освободителя и Преобразователя Россіи.

Севастопольскія воспоминанія Н. А. Крыжановскаго, — одного изъ образованнѣйшихъ генераловъ-сподвижниковъ Александра II, — вновь оживляютъ въ памяти читателей многіе дни изъ севастопольской эпопеи и очерчиваютъ крайне своеобразнаго вождя многострадальнаго города, какимъ былъ генераль вн. М. Д. Горчаковъ.

Записка К. Д. Кавелина, — составляющая одинъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ создано величавое зданіе Положеній 19 февраля 1861 г., — записка, завѣщанная одному изъ его молодыхъ друзей — магистру русской исторіи В. И. Семевскому, — впервые явилась въ печати безъ малѣйшихъ пропусковъ. Это историческій документъ большаго значенія и ред. „Русской Старины“ считаетъ себя счастливымъ, что могъ представить его на страницахъ своего журнала.

Обширная монографія достоуважаемаго Кравцова — „Кавказъ и его военачальники 1855—1864 гг.“ — главнымъ образомъ устанавливаетъ въ надлежащей славѣ честь и дѣянія одного изъ вождей Кавказа — генерала Н. И. Евдокимова, которому выпалъ славный жребій завершить послѣднимъ ударомъ героическую, почти вѣковую, борьбу Россіи съ неприступнымъ Кавказомъ. Труды, подобные статьямъ г. Кравцова, намъ особенно дороги: написанные талантливо, съ полнымъ знаніемъ дѣла и осмотрительно, — они, поистинѣ, являются безцѣнными для будущаго историка и біографа.

Не менѣе зрѣлый трудъ, но уже основанный не столько на личныхъ воспоминаніяхъ и наблюденіяхъ автора, сколько на документахъ, — являетъ намъ обширная монографія нашего давняго сотрудника, начальника инженерной академіи, Н. К. Шильдера: „Плевненское сидѣніе 1877 г.“ съ драгоценными приложеніями писемъ Тотлебена, явившихся, однако, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми сокращеніями.

Наконецъ, „болгарская смута“ начинаетъ входить въ кругъ историческаго изслѣдованія: „Русская Старина“ 1886 г. уже дала нѣсколько документовъ — довольно большаго значенія — для освѣщенія болгарской смуты.

III.

XVIII вѣкъ въ русской исторіи все болѣе и болѣе вскрывается предъ читателями, интересующимися отечественною исторіею, но послѣдніе четыре года прошлаго столѣтія, т. е. время Павла, все еще менѣе извѣстны намъ, чѣмъ вѣкъ Екатерины II или царствованія Петра I и его преемницъ—Екатерины I, Анны и Елисаветы.

Обширный трудъ и драгоцѣнные сборники матеріаловъ къ исторіи императора Павла Петровича,—плодъ многолѣтнихъ занятій отличнаго знатока отечественной исторіи князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго,—все еще не появляются въ печати; но „Русская Старина“, въ ряду съ прочими историческими журналами и сборниками, не оставляетъ безъ вниманія и эпоху 1796—1801 годовъ.

Такъ, въ обзорѣваемомъ 1886 году своего изданія, „Русская Старина“ представила, какъ матеріаль для исторіи царствованія Павла, выписки изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1796—1801 гг.,—выписки, сдѣланныя покойнымъ Б. М. Ѳедоровымъ; а также напечатала продолженіе выдержекъ изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ того же времени, сдѣланныхъ трудолюбивымъ изслѣдователемъ исторіи и въ особенности генеалогіи русскихъ дворянскихъ родовъ—Г. И. Студенкинымъ; выписки его все еще не вполне нами напечатаны.

Разсказъ генерала Чаплица о 1812 г.,—продолженіе переписки императора Николая съ Дибичемъ 1831 г.,—очеркъ К. И. Буха, судьбы одного торговаго русскаго предпріятія на Кавказѣ 1846—1854 гг.,—обзоръ документовъ о послѣднихъ дняхъ жизни и смерти героя А. И. Казарскаго, обзоръ, представленный И. Ѳ. Горбуновымъ,—серія отдѣльныхъ разсказовъ, преимущественно о времени императора Николая, а именно: разсказы Н. Т. Давыдова,—генерала Е. А. Егорова,—И. Ѳ. Радзиковскаго,—доктора О. Ѳ. Гейфельдера и друг., составили въ обзорѣваемомъ году отдѣлъ матеріаловъ, разсказовъ и замѣтокъ.

Автобіографическій разсказъ печника Гнусина знакомитъ еще съ однимъ замѣчательнымъ русскимъ самородкомъ.

IV.

Редакція „Русской Старины“ въ двухъ-стахъ книгахъ этого изданія, выпущенныхъ ею съ 1-го января 1870 г., т. е. въ семнадцать лѣтъ, представила цѣлую библиотеку произведеній лучшихъ нашихъ историковъ, романистовъ и поэтовъ. Они предстали предъ нашими многочисленными читателями либо въ своихъ литературныхъ и поэтическихъ произведеніяхъ, либо въ ихъ перепискѣ, — болѣе или менѣе полной живаго интереса, — либо, наконецъ, въ очеркахъ ихъ жизни и творчества, составленныхъ въ наши дни.

Въ обзорѣваемомъ году изъ русскихъ писателей нашего недавняго, очень недавняго прошлаго, явились: романистка 1830-хъ годовъ Ганъ,—великій Гоголь,—проф. П. Н. Кудрявцевъ,—историкъ Н. И. Костомаровъ,—славный санскритологъ ученый К. А. Коссовичъ,—Н. И. Пироговъ,—знаменитый въ свое время публицистъ и писатель А. И. Герценъ,—оріенталистъ и историкъ Кавказа Ад. П. Берже, и длинный рядъ, увы, также опочившихъ вѣчнымъ сномъ смерти поэтовъ: Ан. Ив. Подолинскій,—Н. М. Языковъ,—О. И. Тютчевъ,—гр. А. К. Толстой,—Ник. Плат. Огаревъ,—Ив. С. Аксаковъ,—Н. А. Некрасовъ,—Н. А. Добролюбовъ; въ этомъ же году, полномъ утратъ для русскаго общества, мы помянули на стр. „Русской Старины“ нашего славнаго драматурга А. Н. Островскаго,—эту гордость новѣйшей русской словесности, и Вас. Ив. Водовозова,—истинно достопамятнаго русскаго педагога въ обширномъ значеніи этого слова....

Какія славныя, какія дорогія имена для русскаго грамотнаго люда!

Изъ поименованныхъ лицъ мы наиболѣе остановились предъ личностью и труженическою жизнію высокодаровитаго историка Н. И. Костомарова. Одинъ изъ современныхъ писателей и ученыхъ на поприщѣ русской исторіи — магистръ москов. университета В. И. Семевскій—посвятилъ его памяти блестящую, съ большимъ талантомъ написанную, характеристику, каковой очеркъ былъ справедливо замѣченъ въ образованномъ мірѣ.

Драгоцѣнное собраніе писемъ Костомарова, за время самое лучшее въ его жизни, обставленное воспоминаніями его друга и сотрудника—Н. А. Бѣлозерскою, послужило прекраснымъ дополненіемъ въ очерку В. И. Семеваго.

Трудолюбивый изслѣдователь исторіи русской литературы Н. С. Тихонравовъ—сообщилъ полный, безошибочный текстъ цѣлой серіи писемъ Гоголя къ М. С. Щепкину по поводу его, т. е. Гоголевскихъ, драматическихъ произведеній. Письма эти, хотя и были прежде изданы, но съ большими пропусками и неточностями, вызванными не столько условіями цензуры, сколько произволомъ тѣхъ лицъ, которые не находили нужнымъ печатать эти драгоцѣнные документы вполне и съ самою дипломатическою точностью.

Маститый историкъ отечественной словесности А. Д. Галаховъ, въ интересномъ очеркѣ „Литературная кофейня“, напечаталъ нѣсколько характеристикъ изъ дѣятелей московскаго литературно-художественнаго кружка 1830—1840 годовъ.

Е. С. Некрасова въ новомъ, съ обычнымъ ей талантомъ написанномъ, очеркѣ обрисовала одну изъ первыхъ, по времени, русскихъ романистокъ,—симпатичную и преждевременно угасшую писательницу Ганъ.

Поэты: Подолинскій, Языковъ, Тютчевъ, Огаревъ, гр. А. К. Толстой, Аксаковъ, Некрасовъ, Добролюбовъ (послѣдній въ его шуткахъ и пародіяхъ) явились въ „Русской Старинѣ“ въ нѣсколькихъ новыхъ, и притомъ нѣкоторые поистинѣ въ прелестныхъ, произведеніяхъ.

Нѣжно симпатичными чертами обрисованъ, однимъ изъ множества учениковъ, Василій Ив. Водовозовъ,—этотъ типичный образъ, соединеніе ума, обогащеннаго громаднымъ всестороннимъ образованіемъ и ученостью, и въ то-же время добраго, чистаго, благороднаго труженія въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, свойства его души и его полные любви къ русскому народу взгляды вполне высказались въ сборникѣ его прелестныхъ

посмертныхъ стихотвореній, весьма обязательно напечатанныхъ на стр. „Русской Старины“ вдовою покойнаго, извѣстною писательницею для дѣтей и юношества—Елиз. Ник. Водовозовою.

V.

Исторія художествъ и искусствъ въ Россіи на стр. нашего изданія—неизмѣнный сопутникъ „Исторіи русской литературы“.

Въ обзорѣваемомъ году „Русская Старина“ обязана неизмѣнно уважаемому нашему писателю и энергическому изслѣдователю и критику въ области художествъ и искусствъ—Владимиру Васильевичу Стасову тѣмъ, что имѣла возможность помѣстить у себя обширныя и не безынтересныя автобіографическія записки Г. Я. Ломакина, записанныя за нимъ его супругою, притомъ записанныя по энергическому настоянію В. В. Стасова, который и подготовилъ эти записки къ печати.

Н. И. Куликовъ,—А. Н. Яхонтовъ и артистъ Л. Л. Леонидовъ вводятъ читателя, въ своихъ разсказахъ и воспоминаніяхъ, въ храмъ русскаго искусства—театръ, оперу и въ классныя комнаты театральнаго училища.

Но особенно важенъ и интересенъ автобіографическій, и притомъ обширный, разсказъ профессора исторической и портретной живописи—Ив. Петровича Келера. Крестьянинъ-эстонецъ по происхожденію, умомъ и талантомъ достигшій до званія члена въ совѣтъ Императорской Академіи Художествъ,—онъ стяжалъ славу своею превосходною кистью и глубокое къ себѣ уваженіе самоотверженною дѣятельностью въ защиту своихъ единоплеменниковъ-эстонцевъ, угнетенныхъ бѣдностью и произволомъ нѣмецкихъ кичливыхъ бароновъ.

VI.

«Русская Старина» положила починъ въ украшеніи историческаго повременнаго изданія портретами достопамятныхъ дѣятелей, и неуклонно продолжаетъ это дѣлать.

Въ обзорѣваемомъ году «Русская Старина» была украшена портретами пятнадцати русскихъ историческихъ людей, каковы:

Императоръ Александръ II, съ одного изъ предсмертныхъ его портретовъ, гравюра на мѣди Ѳ. А. Мѣркина,—графъ Д. А. Милютинъ, одна изъ самыхъ удачныхъ гравюръ на мѣди профессора И. П. Пожалостина,—портреты гр. В. Н. Панина и Я. А. Соловьева — дѣятелей въ крестьянскомъ вопросѣ (1860—1864 гг.),—гр. Н. И. Евдокимова, покорителя Кавказа,—генерала П. Д. Зотова,—профессора Т. Н. Грановскаго,—Ад. П. Берже (гравюра на мѣди художн. Ѳ. А. Мѣркина),—И. С. Абсакова,—профессора живописи И. П. Келера,—музыканта Г. Я. Ломакина,—престарѣлаго и вполне достопамятнаго Матвѣя Ив. Муравьева-Апостола,—характерный портретъ Э. И. Стогова,—особенно удавшійся портретъ, опять-таки на мѣди, Вас. Ив. Водовозова и казненнаго вмѣстѣ съ Волынскимъ въ 1740 г.—П. М. Еропкина.

Кромѣ того, мы дали въ этомъ году рисунки нѣкоторыхъ памятниковъ, каковы: сооруженный, по почину ред. «Русской Старины», памятникъ на общей могилѣ мученика кабинетъ-министра Артем. Петров. Волынскаго и его сострастотерпцевъ Еропкина и Хрущева,—домъ Пирогова и церковь на его могилѣ,—памятникъ гр. Н. И. Евдокимову и, наконецъ, только что сооруженный въ Петербургѣ, въ воспоминаніе войны 1877—1878 гг., памятникъ «Славы».

Въ будущемъ 1887 году «Русская Старина», обладая множествомъ записокъ, воспоминаній, автобіографій и матеріаловъ, будетъ неуклонно представлять ихъ на своихъ страницахъ, съ тѣмъ же строгимъ выборомъ и тою же любовью къ правдѣ,—одной только правдѣ,—какъ то дѣлала въ теченіи семнадцатилѣтняго изданія этого ежемѣсячнаго историческаго журнала.

Ред.

Висбаденъ.

15-го (27-го) ноября 1886 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературныя статьи и матеріалы

въ 1870—1886 гг.

Абаза, — Л. В. Абашкинъ, — В. П. Авенариусъ, — Д. В. Аверкиевъ, — И. П. Аврамовъ, — Ага-бекъ-Гасабовъ, — П. Агапѣевъ, — Н. Агафоновъ, — А. Аграномовъ, — Адасова, — А. К. Адинцовъ, — М. П. Аванчевскій, — И. К. Айвазовскій, — Аксаковъ, — Аксюкъ, вдова, — И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, — С. И. Аландскій, — М. А. Албычевъ, — К. Алмазовъ, — А. Н. Альмедингенъ, — В. А. Альфонскій, — игуменъ Амвросій, — И. М. Амелицкій, — Е. Н. Аммонъ, — А. И. Анастасіевъ, — И. Андозкій, — ректоръ Спб. университета профес. И. Е. Андреевскій, — В. Андреевъ, — Х. К. Андреевъ, — Анненковъ, — I. В. Антоновъ, — М. А. Антоновъ, — А. А. Антуфьевъ, — А. Апраксинъ, — графъ С. А. Апраксинъ, — Е. А. Арапова, — Н. А. Аргиландеръ, — И. А. Аренсъ, — М. П. Арнольди, — О. Е. Арнольди, — О. С. Арнольди, — епископъ Арсеній, — О. А. Арсеньевъ, — К. К. Арсеньевъ, — В. И. Асташевъ, — профес. Н. А. Астафьевъ, — Арияничъ, — В. А. Арцимовичъ, — И. Арцимовичъ, — А. Ф. Арцишевскій, — П. Я. Аршеневскій, — Т. В. Астаховъ, — В. Асташевъ, — Астракова, — Н. П. Ахвердовъ, — Д. Д. Ахшарумовъ, — А. Ю. Ашебергъ.

К. О. Багговуть, — И. Н. Баевъ, — Байхаровъ, — В. И. Бакунина, — Баландовичъ, — В. С. Балашевъ, — О. С. Балъ, — А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — профес. С. И. Барановскій, — Баранцевъ, — о. А. И. Барятинскій, — В. Л. Баратынскій, А. И. Барзцовскій, — А. В. Бароновъ, — проф. Н. И. Барсовъ, — А. П. Барсуковъ, — Н. П. Барсуковъ, — З. А. Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышниковъ, — кн. В. И. Барятинскій, — Д. Д. Баскаловъ, — А. И. Басовъ, — Г. И. Басхаровъ, — П. Н. Батюшковъ, — А. П. Бахрушинъ, — Е. П. Бахталовскій, — А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій, — кн. В. И. Баюшевъ, — А. Безсоновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безукладиновъ, — И. Е. Бельманъ, — Н. Л. Бенуа, — г. Бердяевъ, — П. В. Березипъ, — В. Березинъ, — Я. О. Березинъ-Шираевъ, — Ан. П. Берже, — С. Н. Берже, — I. Берманъ, — М. А. Берманъ, — Беръ, — профес. I. В. Бертенсонъ, — I. Берхинъ, — М. А. Бестужева, — О. А. Бестужева, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, —

Бибиковъ,—Н. Библинъ,—проф. В. А. Бильбасовъ,—А. А. Бильдерлингъ,—бар. Вистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—Бларамбергъ,—гр. А. А. Бобринскій,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—С. Богоянский,—баронъ Н. К. Богущевскій,—И. Н. Божерановъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—П. О. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзедовскій,—В. А. Борисовъ,—Боричевскій,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. О. Бороздинъ,—И. Бочаровъ,—А. К. Бошнякъ,—П. О. Брандтъ,—художн. Н. К. Брезе,—Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—А. П. Брянцевъ,—И. Брянцевъ,—Н. Буковский,—Д. А. Булатовъ,—Б. О. и В. О. Булгарины,—А. Булыгинъ,—Е. О. Буринскій,—Н. О. Бурцовъ,—Я. Бутковский,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ,—М. Быковъ,—М. Быстровъ,—акад. А. О. Бычковъ,—О. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокурова,—А. П. Бѣляевъ,—баронъ О. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,—В. Н. Ваксель,—М. С. Валевскій,—В. В. фонъ-Валь,—графъ П. А. Валуевъ,—А. У. Баракомскій,—К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ-Секретъ,—И. И. Василевъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—А. И. Васильевъ,—К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васильковъ,—Н. В. Вахтинъ,—Веденянинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Веденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—В. Н. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневтиновъ,—А. А. Венецианова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—П. Вересовъ,—А. В. Верещагинъ,—А. И. Веригинъ,—О. О. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—О. О. Вилбергъ,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—Випроревъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатий),—О. А. Витбергъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—А. Владиміровъ,—М. Владыкинъ,—И. Влодзимірскаго,—Е. Н. Водовозова,—А. Н. Воейковъ,—П. П. Возницынъ,—Г. А. Волжевъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—С. Волосатова,—П. П. Волховской,—Вольдемаръ,—Вонлярская,—Е. З. Воронина,—А. Воронихинъ,—Н. А. Воронихинъ,—П. А. Вороновъ,—П. Н. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Востокъ,—Н. Н. Вохнянъ,—баронесса Вревская,—баронъ В. А. Вревскій,—П. И. Вріони,—Вудъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—П. Гагенъ,—А. Гакъ,—профес. А. Д. Галаховъ,—А. С. Галаховъ,—М. Н. Галкинъ,—А. С. Галкинъ,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамаринъ,—А. О. Гамбургеръ,—Е. А. Ганъ,—Я. Гарелинъ,—А. Гацнскій,—Гвоздиковъ,—Э. Гебель,—К. К. Гейнсъ,—В. И. Гейсмаръ,—О. Ф. Гейфельдеръ,—К. К. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Генитъ,—А. А. Герке,—В. Ц. Герцкъ,—Гилюсъ,—Д. И. Гишпюсъ,—В. О. Глазквѣ,—

А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — П. Гловацкій, — Глуховъ, — Д. Е. Гнусинъ, — Гнѣдичъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — г. Голицынскій, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — Я. О. Головацкій, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — В. Д. Головщиковъ, — К. М. Голодниковъ, — И. А. Голышевъ, — Н. И. Голубевъ, — В. В. Голубовъ, — М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольцевъ, — Гондатти, — А. Н. Гончаровъ, — И. А. Гончаровъ, — И. О. Горбуновъ, — А. Гордонъ, — М. Горилецкій, — М. П. Горловъ, — Городецкая, — М. И. Городецкій, — С. В. Городецкій, — Горчаковъ, — проф. А. Д. Градовскій, — Г. К. Градовскій, — художн. Г. И. Грачевъ, — А. К. Григориади, — А. Е. Грозъ, — Н. И. Григоровичъ, — А. Н. Григорьевъ, — Я. И. Григорьевъ, — И. Я. Гриммъ, — А. Громачевскій, — акад. Я. К. Гротъ, — К. К. Гротъ, — Н. В. Гурбери, — Н. И. Гулакъ, — П. Гулакъ-Артемовскій, — С. И. Гуляевъ, — Гулевичъ, — свящ. В. Гурьевъ, — М. П. Гусаковскій, — А. Н. Гусевъ, — А. Гусевъ.

Кн. В. Д. Дабижа, — В. Н. Давыдовъ, — Д. Давыдовъ, — К. И. Давыдовъ, — Н. Т. Давыдовъ, — А. С. Даниловъ, — Данильченко, — худож. А. И. Даугель, — Г. Е. Дахновичъ, — Н. Я. Дашковъ, — П. П. Деви, — В. А. Дейлидовичъ, — Н. Д. Деда Флизъ, — С. Дельпесъ, — И. Д. Деяновъ, — А. П. Демидовъ, — П. А. Деммертъ, — Г. Д. Демяновскій, — худож. Денъеръ, — баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ, — фонъ-Дерфельденъ, — А. И. Деспотъ-Зеновичъ, — К. К. Детловъ, — Г. А. Джаншиевъ, — В. А. Дзюбенко, — А. И. Дидриксъ, — Диатроптовъ, — Дмитриевъ, — Н. Г. Дмоховскій, — Л. Я. Добровъ, — Феосанъ Г. Доброленскій, — Ф. Н. Добрянскій, — Я. И. Довголевскій, — В. Дойлидовичъ, — В. Док-ий, — кн. В. П. Долгоруковъ, — Л. Долгоруковъ, — П. П. Должиковъ, — Л. П. Долинка, — В. П. Долотовъ, — К. И. Домонтовичъ, — Е. И. Дошанская, — А. Г. Достоевская, — Живо-Драговичъ, — Марко-Драговичъ, — А. М. Древякинъ, — С. Д. Дрожжинъ, — кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, — И. И. Дубасовъ, — М. Л. Дубельтъ, — М. Л. Дубецкій, — А. Дубицкій, — членъ-кор. акад. наукъ Н. О. Дубровинъ, — А. В. Дурново, — Н. В. Дуровъ, — М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ, — Евреинновъ, — А. Е. Егоровъ, — Ф. Езиранскій, — от. П. П. Еланскій, — от. I. Еланскій, — кн. Енгальчевъ, — Епанчинъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — В. Ермаковъ, — К. И. Ермолинъ, — В. М. Еропкинъ, — В. В. Еропкина, — А. Ерошкинъ, — А. Есаковъ, — Г. В. Есиповъ, — И. Ефимовъ, — П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ, — А. Н. Ждановъ, — Н. Н. Жеденевъ, — В. Желеховскій, — Н. О. Желтовъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ, — В. И. Жиркевичъ, — А. В. Жиркевичъ, — В. И. Жмакинъ, — В. Жуковъ, — Д. Жуковъ, — А. Жуковъ, — худож. П. В. Жуковскій, — Н. Н. Жуковскій, — П. В. Жуковскій, — Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ, — А. Заборинскій, — акад. П. П. Забѣлло, — Л. А. Загоскинъ, — С. М. Загоскинъ, — С. А. Загряжская, — В. Заенчковскій, — Т. М. Заишкевичъ, — О. Д. Зайцевъ, — П. Т. Загѣвскій, — А. Зандрокъ, — Заржецкій, — Я. И. Заринъ, — Е. И. Зарина, — С. И. Зарудный, — А. Г. Затлеръ, — И. Н. Захарьинъ, — Д. Захаровичъ, — В. Захаровъ, — профес. Н. О. Здекауеръ, — А. К. Зейдеръ, — А. И. Зеленой, — А. Земцовъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Л. Зиссерманъ, — М. З. Зюровъ, — М. Злотковскій, — I. Э. Змунцлла, рожд. Стогова, — А. Змѣвъ, — Л. О. Змѣвъ, — Зологовъ, — А. И. Зотовъ, — В. Р. Зотовъ, — Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская, — В. А. Зыбинъ, — А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ, — Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская, — Н. И. Ивановъ, — А. В. Ивановъ, — А. Е. Ивановъ, — И. Ивановъ, — И. В. Ивановъ, — Петръ Вас. Ивановъ, — М. Н. Ивановъ, — Н. О. Ивановъ, — Л. К. Ивановскій, — от. И. Иващенко, — Ю. Б. Иверсенъ, — А. Игнатовичъ, — от. архимандритъ Игнатій (Мальшевъ), — гр. Н. П. Игнатьевъ, — Игнатьевъ, — С. А. Идаховъ, — А. Извольскій, — П. А. Извольскій, — К. А. Измайловъ, — К. В. Измайловъ, — П. Александр. Измайловъ, — проф. В. С. Иконниковъ, — проф. Д. И. Иловойскій, — В. Е. Ильковъ, — Д. В. Ильченко, — Л. В. Ильяшевичъ, — М. А. Имбергъ, — Инсарскій, — А. Д. Исаковъ, — Л. С. Исарловъ, — Н. О. Истинской, — Г. О. Исѣвъ.

Казадаевъ, — Е. К. Казанскій, — П. С. Казанскій, — Казачокъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — А. Г. Казначеевъ, — П. С. Калачевскій, — М. М. Калининская, — Калининскій, — Д. И. Калугинъ, — граф. Л. М. Каменская, — О. А. Каменскій, — А. Канаринъ, — князя М. А. Кантакузина, — гр. П. И. Капнистъ, — П. А. Карабинъ, — А. А. Карасевъ, — М. В. Карасевъ, — П. П. Каратыгинъ, — Н. Н. Каргопольцевъ, — М. А. Каргинъ, — от. А. В. Кармазинскій, — П. Карнауховъ, — Карповъ, — А. Карташевъ, — Н. А. Карцевъ, — П. П. Карцевъ, — Г. Карцевъ, — П. Кастальскій, — В. Катеневъ, — В. Катенинъ, — В. Каченовскій, — Н. С. Кашкинъ, — М. Н. Кедровъ, — Н. Т. Кедровъ, — от. М. Кедровъ, — проф. И. П. Келеръ, — М. Кельдышъ, — Н. П. Кельшъ, — баронъ Кене, — О. О. Кенигъ, — А. П. Кеппенъ, — Н. Х. Кетчеръ, — Т. Кибальчичъ, — Вильдюшевскій, — Д. И. Кипиани, — Кирилловъ, — С. П. Кырѣвскій, — Л. В. Кыселева, — Кыселевъ, — И. Кытаевъ, — П. А. Кытицнъ, — О. Н. Кышенскій, — Д. В. Кларкъ, — И. Кларкъ, — А. С. Клевановъ, — П. Клениковъ, — Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау, — Князевичъ, — А. С. Князевъ, — Д. О. Кобено, — Я. Кобылянскій, — Д. А. Кобяковъ, — Г. А. Ковалевскій, — М. Е. Ковалевскій, — К. И. Коваленкова, — Н. И. Коведаевъ, — М. М. Ковязинъ, — Козадаевъ, — Д. И. Козелкинъ, — А. Козловскій, — С. Козловскій, — ген.-ад. Козляниновъ, — И. Козьминскій, — Н. И. Коленскій, — З. Койданскій, — А. Кокосовъ, — Колачевскій, — А. Коленковскій, — К. П. Колзаковъ, — Н. М. Колмаковъ, — Д. Г. Колокольцовъ, — А. А. Колокольцевъ, — Е. Колокольцевъ, — В. И. Колосовъ, — М. А. Колчинъ, — бар. М. Колмчевъ, — А. Л. Колянковскій, — В. А. Комаровъ, — А. Ф. Кони, — гр-ня Н. М. Коновницына, — А. О. Константинова, — Д. А. Копьева, — И. П. Корниловъ, — П. С. Коробка, — А. Коробовъ, — I. А. Корозо, — Я. И. Коростовцевъ, — профес. Д. А. Корсаковъ, — бар. Корфъ, — Г. О. Корчевскій, — Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбеверъ, — Я. И. Костенецкій, — М. Костылевъ, — О. Н. Костюковъ, —

Н. П. Косяровскій, — П. Кравцовъ, — И. С. Кравцовъ, — А. А. Краевскій, — А. А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. В. Красногвѣцъ, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій, — Ю. А. Крестцовъ, — Н. О. Крузе, — М. Круповичъ, — С. Крутиковъ, — Н. А. Крыжановскій, — Крышовъ, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Крыловъ, — П. И. Крюковъ, — В. Ф. Кудрявецъ, — М. П. Кудрявецъ, — В. В. Кузминъ, — Г. Кузминъ, — А. Кузнецовъ, — Н. И. Куликовъ, — П. А. Кулишъ, — акад. А. А. Куникъ, — М. А. Куплетскій, — И. К. Куприяновъ, — В. Курдановскій, — В. В. Курдюмовъ, — И. Курисъ, — М. Куроптевъ, — Н. Кутейниковъ, — М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровскій, — Я. Лавровъ, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — Е. Лазо, — Г. А. Лазовъ, — И. Ланинъ, — И. К. Лапотниковъ, — О. А. Ларионова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова, — Н. В. Латкинъ, — С. Лашкаревъ, — А. С. Лашкевичъ, — С. И. Лашкевичъ, — А. С. Ладинскій, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ, — К. А. Лебедевъ, — К. И. Лебедевъ, — Г. Лебединецъ, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — П. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — С. Л. Левицкій, — О. И. Левицкій, — Г. П. Левицкій, — А. А. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ, — артистъ Л. Л. Леонидовъ, — Леоновъ, — Леопольдовъ, — И. В. Лермонтовъ, — В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — К. Ф. Де-Ливронъ, — М. И. Лилеевъ, — А. Линбергъ, — И. А. Линниченко, — Н. О. Линовскій, — И. Линскій, — Липовицкій, — Д. Д. Лисенко, — П. Литвинова, — В. И. Лихачевъ, — А. В. и А. Н. Лишины, — кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — Л. Я. Лозинскій, — А. Ломачевскій, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Лонгиновъ, — С. П. Лопаткая, — Н. Лопухинъ, — П. В. Лопухинъ, — Е. А. Лопушинскій, — графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, — Г. В. Лохвицкій, — Лошаковъ, — А. Луганинъ, — П. О. Лузановъ, — Лукинскій, — В. К. Лудкій, — А. Львовъ, — Анатолий Ник. Львовъ, — Л. О. Львовъ, — О. О. Львовъ, — Н. С. Лыкошинъ, — А. С. Лыкошинъ, — Н. С. Лѣсковъ, — В. И. Лѣствицннъ, — Любарскій, — Н. Н. Любавичъ, — М. Н. Любоцинскій, — И. Людмиловъ, — И. М. Лядовъ, — А. Я. Ляпуновъ.

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — Л. Н. Майковъ, — И. В. Майковъ, — В. Н. Майновъ, — епископъ Макарій, — С. М. Маварова, — Н. Я. Маваровъ, — от. П. Макаровъ, — К. Максимовъ, — Н. Я. Максимовъ, — профес. А. И. Махшѣвъ, — И. П. Малаховскій, — Л. В. Малининъ, — П. О. Малиновскій, — К. В. Мамонъ, — И. И. Манжура, — Мансуровъ, — К. А. Маньковскій, — А. В. Мариновъ, — А. Л. Мариновъ, — А. А. Маринъ, — А. Маркевичъ, — А. Н. Маркграфской, — О. М. Марковникова, — Е. Л. Марковъ, — М. О. Марксъ, — А. К. Маргосъ, — П. И. Маргосъ, — А. А. Мартыновъ, — В. О. Мартыновъ, — П. Мартыновъ, — от. Ив. Мартыновъ, — кн. Н. Масальскій, — П. В. Масловъ, — Е. П. Масловъ, — А. Н. Масоловъ, — А. Н. Матвѣвъ, — Н. Е. Матвѣвъ, — А. П. Матвѣвъ, — У. П. Матвѣвъ, — художн. В. В. Матте, — Ив. Матченко, — художн. И. И. Матюшинъ, — Н. А. Матявинъ, — А. Маховъ, — П. И. Мацѣвичъ, — Л. С. Мацѣвичъ, — И. А. Мачинскій, — бар. И. К. Медемъ, — К. П. Медоксъ, — М. Межаковъ, — бар. Мейендорфъ, — Н. К. Меллеръ, — Мельниковъ, — Н. Мельницкій, — Меншиковъ, — бар. И. К. Мердеръ, — А. Е. Мерцаловъ, —

А. Мечинскій, — Н. Мечь, — Мешетичъ, — А. А. Мизеровъ, — А. М. Мпглашевскій, — акад. художн. М. О. Микѣшинъ, — проф. О. Э. Миллеръ, — П. И. Миллеръ, — гр. Г. А. Милорадовичъ, — Е. Н. Милошевичъ, — Н. С. Милошевичъ, — А. П. Милуковъ, — Милуковъ, — М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль, — Ю. Н. Милютинъ, — Г. Минъ, — А. Н. Минхъ, — М. Э. Мирковичъ, — С. Миропольскій, — М. П. Митковъ, — А. Михайловъ, — В. Михайловъ, — Влад. Вас. Михайловъ, — М. Э. Михайловъ, — Д. Л. Михайловскій, — от. М. И. Михайловскій, — Я. Л. Михайловскій, — полковн. Г. Михельсонъ, — I. О. Мишинъ, — А. Э. Можаровскій, — Мее. Мирон. Молчановъ, — А. Морганъ, — графъ А. А. Мордвиновъ, — Д. Л. Мордовцевъ, — А. Л. Мориновъ, — А. И. Моркевичъ, — П. И. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морощкина, — И. Я. Морощевинъ, — Я. Морощевинъ, — А. П. Музиковскій, — гр. М. Н. Муравьевъ, — о. П. И. Мурзакевичъ, — М. А. Мусницкій, — Е. Э. Муляк, — художн. Э. А. Мѣрнинъ, — А. К. Мѣтлина, — Г. И. Мѣшвовъ.

А. А. Навроцкій, — М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — В. Надпорожный, — К. В. Назарьева, — М. В. Назимова, — М. А. Назимовъ, — от. А. Накропинъ, — А. П. Налимовъ, — В. Напорожскій, — П. Э. Нарбутъ, — Н. Нарокинцкій, — П. И. Неболсинъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невѣровъ, — Ю. Э. Нейманъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Н. В. Некрасовъ, — Нелидовъ, — Несвѣтаевъ, — графъ Д. К. Нессельроде, — А. Н. Неустровъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Неѣловъ, — С. А. Никитенко, — профес. А. И. Никитскій, — М. Г. Николаевъ, — баронъ А. П. Николаи, — О. Э. Николаи, — А. А. Никольскій, — С. Никольскій, — Р. Н. Никулинъ, — М. Д. Ниловъ, — Д. Ниловъ, — графъ Ниродъ, — Л. Л. Ничпаевскій, — Н. М. Новицкій, — М. Д. Нововъ, — А. Г. Новоселовъ, — С. Д. Носъ, — А. Е. Носъ.

Обезерскій, — Облеуховъ, — кн. А. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — К. И. Огаревъ, — П. Огіевскій, — П. И. Огородниковъ, — С. Ф. Огородниковъ, — Н. П. Озеровъ, — Ю. А. Ознобишинъ, — Н. А. Окуневъ, — П. А. Олферовскій, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омеляненко, — Ольхинъ, — В. И. Онуприенко, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ, — профес. И. Т. Оспининъ, — проф. Н. А. Осокинъ, — бар. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — бар. А. А. Остенъ-Сакенъ, — А. Острогорскій, — П. Осѣцкій, — М. Оченинъ.

Л. Н. Павлищевъ, — А. Э. Павловскій, — Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. Э. Павловъ, — Н. Х. Палаузовъ, — Н. А. Паленовъ, — Н. Палибинъ, — С. М. Палицынъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. и В. А. Панаевы, — художн. Паннемакеръ, — Н. И. Пановъ, — С. Ф. Панютинъ, — П. А. Панчулидзевъ, — С. А. Панчулидзевъ, — С. А. Панчулидзевъ, — С. Э. Папроцкій, — Э. Э. Пардалоцкій, — П. Д. Паренсовъ, — Парландъ, архитекторъ, — М. Д. Пархомовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассекъ, — Т. П. Пассекъ, — Пафнугтевъ, —

А. Пахолковъ,—В. К. Пашковъ,—В. Пашенко,—И. Пенъковскій,—профес.
 I. Первольфъ,—Г. Г. Перетцъ,—Э. П. Перцовъ,—Перфильева,—Н. А. Перь-
 фильевъ,—г. Пестичъ,—Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—
 Алексан. Павл. Петровъ,—П. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ,—проф. Н. И.
 Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—А. Г. Петровъ,—от. Пирлингъ,—
 В. Н. Пироговъ,—А. А. Пирогова,—Н. В. Пирожковъ,—С. П. Писаревъ,—
 В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швмйковскій,—
 С. И. Погодина,—Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—
 Э. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—акад.-граверъ И. П. Пожа-
 лостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Э. Покровскій,—Г. По-
 кровскій,—П. Н. Полевой,—А. П. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н.
 Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Полто-
 рацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ,—Э. По-
 номаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—Василій Петр.
 Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. По-
 повъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—А. П. Порто,—В. О. Португаловъ,—
 Н. Б. Потовской,—полков. Потто,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейнъ,—
 А. Преображенскій,—Н. М. Пржевальскій,—А. О. Пржедавскій,—П. Г.
 Пржедавскій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Провина,—
 Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—
 профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—
 А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоналовъ,—кн. П. А. Путятинъ,—П. А. Пушка-
 ревъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П.
 Пятковскій.

В. Равизъ,—И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—Разлеришинъ,—М. Н.
 Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раппъ, А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—
 Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревакинъ,—Р. А. Регменскій,—К. Я. Реймерсъ,—
 Э. Э. Рейнботъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій,—Н. Э. Ржевская,—графъ
 А. А. Ржевускій,—Н. Ридингеръ,—Н. В. Ринкъ,—А. Э. Риттихъ,—Д. А.
 Ровинскій,—Н. Роговъ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от.
 А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—
 бар. М. П. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Э. Романенко-Щирый,—П. П.
 Романовичъ,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—
 П. Рословъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Ротфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—
 Д. Рубакинъ,—Э. Рубановскій,—Рубецъ,—С. А. Рудакова,—К. Рудниц-
 кій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Румель,—Л. Е. Руммель,—Руничъ,—
 А. Э. Рутценъ,—Рыбинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина,—
 Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—профес. П. И. Саввантовъ,—А. А. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—Ф. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ф. Сазоновъ,—В. Сантовъ,—В. Самаринъ,—Н. Ф. Самаринъ,—Н. Самойло,—артистъ В. В. Самойловъ,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—А. Д. Сатинъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташиной—Петрашевская,—магистръ русск. исторіи В. И. Семевскій,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—А. Сементовскій,—К. А. Семеновскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,—А. Н. Сергѣевъ,—Сергѣевъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—Серно-Соловьевичъ,—Е. и Н. Е. Сиверсъ,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Н. Е. Сиротинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Сваловъ,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ,—А. И. Скиндеръ,—В. Скипскій,—Б. Skorobogatый,—Ф. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—А. Слѣпцовъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—Смѣтловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—Л. Соболевъ,—В. Соколовскій,—А. П. Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ,—профес. Ф. Г. Солнцевъ,—от. П. Соловьевъ,—Н. И. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—Солтанъ,—А. И. Сомовъ,—А. Е. Сомовъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—Спасскій,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—И. Сиротининъ,—М. И. Ставраки,—Станевичъ,—С. А. Станкевичъ,—А. И. Старкъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—В. П. Стопановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—М. А. Стиль-Милутина,—Стишевскій,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—П. Строевъ,—Стронинъ,—В. Я. Стоянинъ,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—А. И. Стригодкій,—Р. Стругановъ,—Н. С. Стромилловъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенинъ,—С. Ступишинъ,—М. М. Субботинъ,—С. Судавовъ,—И. М. Судіенко,—С. Н. Сулпа,—от. А. И. Сулоцкій,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тидъ.

Д. Г. Гальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татаринъ,—А. З. Теляковскій,—Е. А. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—Вѣра Вас. Тимошукъ, рожден. Кузнецова,—Тимченко-Рубанъ,—

А. А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — Н. Н. Титовъ, — Т. Тихменевъ, — И. Тихомировъ, —
 А. Е. Тихонравова, — проф. Н. С. Тихонравовъ, — Д. Д. Тогольскій, — графиня А. И.
 Толстая, — графиня С. А. Толстая, — графъ Толстой, — П. С. Толстой, — В. М.
 Толстой, — Томашевъ, — А. М. Томилина, — А. В. Топоровъ, — Н. Е. Топчиевъ, —
 г. Трахтенбергъ, — Н. Трескинъ, — В. Третескій, — Л. Н. Трефолевъ, — В. Г.
 Трироговъ, — А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, — Д. А. Трещинскій, — А. Н.
 Труворовъ, — А. Д. Тумановъ, — Турау, — С. И. Турбинъ, — вн. Н. Н. Турке-
 становъ, — Н. П. и М. П. Тучковы, — Алексѣй Тымтовъ, — И. И. Тѣльновъ, —
 И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ, — В. А. Успенскій, — П. М. Устимовичъ.

Н. Фадѣева, — М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — Н. М. Федоровъ, — А. Федо-
 ченко, — А. И. Фелькнеръ, — Я. Фетистовъ, — А. Фехнеръ, — М. А. Филипповъ, —
 Т. И. Филипповъ, — А. П. Философова, — В. Д. Философовъ, — В. С. Флеринъ, —
 К. Н. Флиге, — Н. О. Фанъ-деръ-Флитъ, — Д. Флоринскій, — О. Е. Франкъ, — баронъ
 А. А. Фредериксъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — бар. Фредериксъ, — Фүзе, —
 А. Г. Фрикенъ, — Фролковъ, — А. Е. Фролова, — Н. А. Фроловъ, — Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ, — С. А. Хмырова, — Хмѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — А. А.
 Ходневъ, — П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошунъ, — Г. Р. Хорули, — А. Н.
 Хребтовъ, — П. Хржановскій, — М. Н. Хрущовъ, — А. Хрѣновскій, — Н. Хупотскій.

Цвилевъ, — С. О. Цвѣтковъ, — И. Е. Цвѣтковъ, — М. Цебрикова, — Цебри-
 ковъ, — вн. Д. Н. Цертелевъ, — А. Цимбалистовъ.

Чайковскій, — графъ Э. К. Чапскій, — А. И. Чарторижскій, — О. О. Чека-
 линъ, — Н. М. Челищевъ, — И. А. Черемухинъ, — П. А. Черкесова, — И. Черновъ, —
 М. Г. Чернаевъ, — К. А. Четверухинъ, — В. Н. Чеховъ, — Е. В. Чешихинъ, — Г. С.
 Чириковъ, — проф. И. А. Чистовичъ, — Л. М. Чичаговъ, — М. М. Чичаговъ, —
 Н. Чуйковъ, — А. А. и П. А. Чумиковы, — Н. К. Чупинъ.

Г. А. Эзовъ, — А. Экземплярскій, — Э. Элерсъ, — Н. А. Энгельгардтъ, —
 К. Г. Эрнротъ.

Е. А. Шафѣвъ,—П. П. Шалфѣвъ,—И. И. Шамшевъ,—Ф. А. Шатовъ,—
кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—
К. Н. Шварцъ,—И. А. Шмаковъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—Шеле-
хова,—Н. Шеншинъ,—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинна,—
П. Д. Шестаковъ,—И. I. Шеталовъ.—Н. И. Шигановъ,—Н. Б. Шильдеръ,—
Н. И. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ф. Ф. Шиманъ,—Н. Ширяевъ,—А. Д. Шля-
ковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шляревскій,—Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,—
Шляпинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ф. Шогуровъ,—Н. Б.
Штрандманъ,—А. И. Штуценбергъ,—С. Н. Шубинской,—Б. В. Шульцъ,—
П. А. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ,—Д. Шумиловъ,—А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ,—А. Щербakovъ,—Щербачевъ,—
Н. Щеховскій.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—Г. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Юргенсонъ,—
П. И. Юркевичъ.

Д. Языковъ,—С. М. Якимакъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—В. А. Яков-
левъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Вяч. Е. Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—
И. И. Якузь, — Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—Л. И. Янушъ,—С. А.
Ярошъ,—П. Ясницкій,—В. Н. Ястребовъ,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М.
Яшвилъ, рожденная Орлова.

Н. Н. Фодоткинъ,—Н. Фирсовъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: С. А. Амировъ, — Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Θ. Багговуть, — Я. П. Баклановъ, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Бярятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башуцкій, — Н. В. Бергъ, — Ад. П. Берже. — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ, — профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянский, — М. П. Болотовъ, — адм. Бутакъ, — Н. Д. Быковъ, — профес. И. Д. Бѣляевъ, — И. П. Варпаховскій, — П. П. Васильевъ, — вн. А. И. Васильчиковъ, — Н. В. Веригинъ, — А. Θ. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ, — Н. М. Востоковъ, — И. В. Вунчъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ, — Г. Н. Геннади, — Н. В. Гербель, — П. П. фонъ Гецъ, — А. Θ. Гильфердингъ, — Θ. Н. Глинка, — К. П. Голенко, — А. В. Головинъ, — свѣтл. вн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко, — П. М. Дараганъ, — вн. П. П. Демидовъ санъ Донато, — М. Θ. Де-Пуле, — Н. Н. Де-Прерадовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятинъ, — К. К. Злобинъ, — И. Θ. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — П. Д. Золотовъ, — П. Д. Зотовъ, — К. А. Зыбинъ, — В. А. Инсарскій, — Н. В. Калачовъ, — Ф. В. Каразинъ, — В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Е. П. Карповичъ. — Е. Д. Карповъ, — бар. Кене, — А. Н. Кирилинъ, — А. М. Княжевичъ, — М. Е. Ковалевскій, — О. И. Константиновъ, — графъ М. А. Корфъ, — баронъ Н. А. Корфъ, — Н. И. Костомаровъ, — гр. П. Е. Коцебу. — И. И. Красовскій, — А. Н. Креницынъ, — Г. И. Кузьминскій, — С. Е. Кулѣша, — вн. Куравинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кюхельбекеръ, — П. П. Ламбинъ, — профес. П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ, — вн-ня С. А. Мадатова, — Л. С. Маковъ, — Б. М. Маркевичъ, — М. А. Марковъ, — П. И. Мельниковъ, — П. К. Менковъ, — П. Н. Меншиковъ, — Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морошкинъ, — М. И. Муравьевъ-Апостолъ, — Θ. Н. Муратовъ, — Н. Н. Мурзакевичъ, — П. А. Мухановъ, — А. С. Наставинъ, — В. В. Никольскій, — вн. Д. А. Оболенскій, — Θ. К. Опочининъ, — Г. А. Орловъ, — гр. Д. Е. Остенъ-Сазевъ, — А. Н. Островскій, — И. Д. Павловскій, — акад. П. П. Пекарскій, — акад. Н. И. Пироговъ, — А. О. Подвысоцкій, — А. И. Подолинскій, — А. Н. Поповъ, — М. Н. Похвисневъ, — О. А. Пржецлавскій, — М. М. Рангъ, — В. Θ. Ратчъ, — А. В. Рачинскій, — Людмила Ив. Рикордъ, — баронъ А. Е. Розенъ, —

Д. И. Романовскій,—ген. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—проф. И. И. Свіазевъ,—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—И. Е. Семевскій,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина,—Д. И. Скобелевъ,—акад. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спасскій,—Э. И. Стоговъ,—кн. Итаійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—Токарева,—графъ Э. П. Толстой,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—И. С. Тургеневъ,—кн. С. Н. Урусовъ,—В. И. Фелькнеръ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ,—М. Д. Хмыровъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховель,—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ,—К. В. Чевкинъ,—И. А. Чернавскій,—проф. Я. А. Чистовичъ,—І. И. Шижкинъ,—баронъ В. И. Штейнгель,—В. К. Шульдъ,—П. К. Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ.—А. И. Языковъ,—Ястржемскій,—Б. М. Ѳедоровъ,—сообщенныя или Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлыя фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ И ЕЯ ИЗДАНИЯ

ВЪ ЧИСЛАХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

I.

„Русская Старина“ въ 1886 году.

Въ 1886 г. вземплары „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Абоіернеборгской губ.	2	24. Забайкальской обл.	39
2. Акмолинской обл.	19	25. Закаспійской обл.	17
3. Амурской обл.	12	26. Заравшанскомъ окр.	9
4. Архангельской губ.	18	27. Иркутской губ.	64
5. Астраханской	42	23. Казанской	89
6. Баяннской	21	29. Калининской	18
7. Батумской обл.	5	30. Калужской	38
8. Бессарабской губ.	72	31. Карской обл.	12
9. Варшавской.	96	32. Кіевской губ.	175
10. Виленской	67	33. Ковенской	32
11. Витебской	41	34. Костромской.	51
12. Владимірской	70	35. Кубанской обл.	42
13. Вологодской	24	36. Курляндской губ.	8
14. Воынской	52	37. Курской	102
15. Воронежской	74	38. Кутаисской.	13
16. Выборгской.	10	39. Кѣлецкой	10
17. Вятской	50	40. Лифляндской	32
18. Гродненской.	44	41. Ломжинской	19
19. Дагестанской обл.	15	42. Люблинской	32
20. Донской обл.	78	43. Минской.	49
21. Екатеринославской „губ.	116	44. Могилевской	30
22. Елисаветпольской	11	45. Московской.	56
23. Енисейской.	24	46. Нижегородской	53

47. Новгородской	66	77. Тверской.	64
48. Нюландской	11	78. Герской обл.	41
49. Олонецкой	17	79. Тифлисской губ	92
50. Оренбургской	37	80. Тобольской.	28
51. Орловской	102	81. Томской	32
52. Пензенской.	55	82. Тульской.	65
53. Пермской	106	83. Тургайской обл.	1
54. Петровской	16	84. Уральской	4
55. Плоцкой	18	85. Уфимской губ.	29
56. Подольской	59	86. Ферганской обл.	11
57. Полтавской	106	87. Харьковской губ.	134
58. Приморской обл.	41	88. Херсонской.	190
59. Псковской губ.	46	89. Черниговской	63
60. Радомской	14	90. Черноморскому окр.	8
61. Рязанской	60	91. Эриванской губ.	11
62. Самарской	57	92. Эстляндской	9
63. С.-Петербургской.	89	93. Якутской обл.	12
64. Саратовской	87	94. Ярославской губ.	60
65. Семипалатинской обл.	11		
66. Семиръченской	14		Итого 4232
67. Симбирской губ.	56	II. Въ Москвѣ	443
68. Смоленской.	61	III. Въ С.-Петербургѣ:	
69. Ставропольской	24	съ доставк. и безъ доставк. 1188	
70. Сувальской.	17	IV. За границую	67
71. Сухумскомъ окр..	2		
72. Съдлецкой губ.	12		
73. Сыръ-Дарьинской обл..	43		
74. Тавастгустской губ.	9		
75. Таврической	100		
76. Тамбовской	89		
			Всего разошлось въ 1886 г. 5930
			Осталось къ 1 декабря 1886 г. на лицо. 70

II.

„Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870—1886 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,866	159
1871 г. изданіе первое.	3,500	} Не осталось ни одного экз., всё сполна разошлись.	
1872 г. изданія первое и второе.	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. » »	5,515		
1875 г. » »	6,000		
1876 г. изданія первое и второе.	6,535	6,338	197
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,404	121
1878 г. » »	5,525	5,318	207
1879 г. » »	5,525	5,401	124
1880 г. изданія первое и второе.	6,025	5,817	178
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,960	50
1882 г. » »	5,600	разошлось сполна.	
1883 г. » »	6,000	5,964	36
1884 г. изданія первое и второе.	6,625	6,447	178
1885 г. изданіе первое.	6,100	5,936	164

III.

Книги, изданныя редакціей „Русской Старины“:

«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.	} Не осталось ни одного экземпляра, всё сполна разошлось.
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.	
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.	
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.	
«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.	
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.	
«Петровский сборникъ», изд. 1872 г.	
«Русская Родословная книга», два тома, изд. 1873 и 1875 гг.	
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изд. 1882 г.	

Напечатано: Разошлось: Осталось:
в к з е м л я р о в к :

«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», 2 изд., 1886 г.	2,000	1,449	551
«Записки сельскаго священника», Спб., изд. 1882 г.	1,825	1,325	500
«Царица Прасковья», оч. изъ русск. исторіи М. И. Семевакаго, изд. 1883 г.	3,000	3,000	—
«Слово и дѣло», очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевакаго, изд. 1883 г.	2,600	2,600	—
Тоже, третье изд., 1884 г.	2,400	}	Изданія сложна проданы ма- газину Цинзерлинга.
«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллиамъ Монсъ», очеркъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевакаго, изд. второе, 1884 г.	4,000		
«Систематическая роспись содержанія «Русской Старины» изд. 1870—1884 гг.». Спб., 1885 г., съ портр.	1,000		
«Русскіе дѣятели» въ портретахъ, изданныхъ редакціею истор. журнала «Русская Старина». Второе собраніе, Спб., 1886 г.	2,500	2,213	287
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777—1877 гг., съ портретами и множествомъ рисунковъ, гравир. Л. А. Сѣряковымъ. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана иждивеніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска.	1,825	1,760	65

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XLIX, L, LI и LII тт.

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1886 г.

- Абаза, С. С.**, рожд. де-Вове, т. L, 321.
Абаза, мн-ръ финанс., т. XLIX, 657.
Абрамовъ, Пав. Васил., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
Адлербергъ, гр., Влдм. Оед., ген.-ад., мн-ръ двора 1860 г., т. XLIX, 761, т. L, 369, 685, 686, т. LI, 317, 318, 627—629.
Аксаковъ, Серг. Тим., писат., его стихотвореніе „При вѣсти о грядущемъ освободѣнн крестьянъ“, т. XLIX, 95—96, 654, упом., т. L, 182, 191, 692, т. LII, 133, 134, 135.
Аксаковъ, Ив. Сергѣев., издат. „Руси“, р. 1823, † 1886 г., т. XLIX, 745—759, т. L, 216, т. LII, 639—652.
Аксаковъ, Конст. С., издат. „Молвы“, т. XLIX, 129, 196, 200, 750, т. LII, 640.
Аксаковъ, Григ. Серг., т. LII, 639.
Алабинъ, П. В., т. L, 384—400.
Александра Θεодоровна, императрица, р. 1798 г., † 1860 г., т. XLIX, 260, 418, 423, т. LI, 28.
Александра Павловна, вел. княгиня, въ супруж. палатина Венгерск., р. 1783 г., † 1801 г., т. L, 341, 343, 346, 347, 348, 350, 353, т. LII, 275.
Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. XLIX, 655.
Александръ I, импер., р. 1777 г., † 1825 г., т. XLIX, 55, 56, 60, 152, 180, 182, 293, 312, 411—414, 422, 577—579, 593, т. L, 52, 177, 221, 237—239, 241, 242, 246—248, 252—255, 339, 341, 347, 348, 467, 472, 489, т. LI, 28, 40, 41, 47, 53, 54, 152, 153, 162, 256, 259, 261, 269, 494, 542, 550, т. LII, 59—61, 111, т. LII, 260, 294, 298, 367, 709.
Александръ II, имп., р. 1818, † 1881 г. Перен. съ К. К. Мердеромъ, т. XLIX, 399—410, т. L, 359—370, 531—548. Впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ о кончинѣ К. К. Мердера, 707—709, упом. т. XLIX, 132, 194, 241, 256, 451, 452, 493—497, 560, 683, 736, 748, 763, т. L, 441, 462, 585, 589, 727, т. LI, 26, 29, 67, 70, 103, 115, 123, 135—137, 141, 154, 167, 213, 216, 221—224, 239, 287, 448, 483, 575, 576, 640, 641, 673, 675, 686, т. LII, 201, 221, 222, 228, 237, 238, 371, 372, 454—486, 524, 544, 545, 575, 578.
Александръ III, императоръ, т. L, 318, 319, т. LI, 483, т. LII, 464, 465, 470, 576, 578, 580.

- Александръ Баттенбергскій**, кн. Болгарскій, т. LI, 704—752, т. LII, 477—483.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629 г., † 1676 г., т. L, 18, 80.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, т. L, 24, 25, 38, 71, 80—82, 104.
- Алексѣевскій, И. Ѳ.**, инженер. пут. сообщ. 1842 г., т. L, 446.
- Алсуфьева**, въ зам. Кондожди, т. L, 96.
- Алсуфьева**, въ зам. княг. Голицына, т. L, 96.
- Алсуфьевъ**, Василій Дм., об.-гофмарш., т. L, 96.
- Алсуфьевъ**, Матв. Дмитр., об.-гофмейст., † 1723 г., т. L, 95.
- Алсуфьевъ**, Адамъ Вас., статсъ-мин-ръ 1770 г., т. L, 13, 96.
- Альбона**, пѣвица, т. LII, 742, 745.
- Амвросій (Орнатскій)**, еписк. пензенск., р. 1778 г., † 1827 г., т. L, 710, т. LI, 486.
- Амвросій (Протасовъ)**, архіеписк. тверской, р. 1762 г. † 1831 г., т. L, 710.
- Амвросій (Подобѣдовъ)**, архіеп. казанскій 1785 г., впослѣд. митроп. слб. и новгородскій, † 1818 г., т. L, 710.
- Амвросій (Юшкевичъ)**, еписк. вологодск. 1740 г., т. XLIX, 239.
- Аммонъ**, Елисавет. Никол., сообщ. „Московскій универ. въ воспоминавіяхъ А. Н. Аванасьева“, т. LI, 357—394.
- Андро**, Анна Алексѣев., рожд. Оленниковна, т. LII, 510.
- Андрониковъ**, кн. Соломонъ Ив., синхазскій предвод. двор. 1863 г., т. LI, 626.
- Анна Петровна**, царевна, герцог. Голштейнъ-Готторпская, р. 1708 г., † 1728 г., т. XLIX, 276, 280, т. L, 38, 42, 77.
- Анна Леопольдовна (Карловна)**, правител., р. 1718 г., † 1746 г., т. XLIX, 31, 276, 288, т. L, 57, 58, 61, 119, 121, 139, 140, 147.
- Анна Ивановна**, ни-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. XLIX, 11, 26, 37, 278, 288, 550, т. L, 6, 12, 29, 32, 56, 57, 59, 72, 78, 96, 98, 101, 113—118, 126, 133—136, 152, 153, 159, 161, 172, 467, т. LI, 133.
- Анна Павловна**, вел. княг., въ супруж. королева Нидерланд., р. 1795 г., † 1865 г., т. LI, 23.
- Анна Θεодоровна**, вел. княг. 1799 г., т. L, 343, 350.
- Анненковъ**, Ив. Александр., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
- Анненковъ**, П. В., т. LII, 726.
- Анненковъ**, Никол., чл. госуд. совѣта 1861 г., т. XLIX, 761.
- Антонъ Ульрихъ**, принцъ Брауншвейгскій, р. 1714, † 1774 г., т. L, 147.
- Антоновичъ**, профес. кievск. универст., т. XLIX, 206, 206.
- Апраксина**, гр., Анна Павлов., рожд. гр. Ягужинская, т. L, 157.
- Апраксина**, гр., Елисавет. Кириловна, рожд. гр. Разумовская, т. L, 157.
- Апраксина**, гр. Евлат. Влад., рожденная княжна Голицына, т. LII, 535.
- Апраксинъ**, гр., Пет. Ѳед., т. L, 157.
- Апраксинъ**, гр., ген.-фельдм., † 1758 г., т. L, 143.
- Апухтинъ**, А. Н., т. L, 216.
- Арачевъ**, гр., Алексѣй Андр., генер. артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. XLIX, 56, т. L, 243, 247, 342, 459—460, т. LI, 99, 100, 160, 546, 547, т. LII, 290.
- Арапетовъ**, Ив. Павл., бывш. чл. редакц. комм., т. XLIX, 762.
- Арбузовъ**, Антонъ Петр., декабр., т. LI, 524, 528.
- Аргутинскій-Долгорукой**, князь, Ив. Захар., т. XLIX, 523, т. L, 381.
- Армафельдъ**, гр., чл. государ. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Ариадъ**, Н. Ф., лейбъ-мед., т. L, 369.
- Арнольди**, Иванъ Карл., генер., томъ LII, 287.
- Арсеній Мацѣевичъ**, митроп. ростов., р. 1697 г., † 1772 г., т. XLIX, 3.
- Арсеньевъ**, К. К., общ.: «Воспоминавія объ училищѣ правовѣд. 1849—1855 гг.», т. L, 199—220.
- Артемовскій-Гудалъ**, малорос. писат., т. XLIX, 182, 183, 187, 189, 191.
- Артемовскій**, пѣвецъ, т. LII, 737, 738, 742.
- Арцимовичъ**, Викт. Антон., бывш. тобольскій, затѣмъ калужск. губернат. 1858 г., чл. комис. о губерн. и уѣздн. учреж., т. XLIX, 762.

- Арцимовичъ, Ад. А., т. XLIX, 762.
- Аршеневскій, команд. Модянск. пол. 1854 г., т. L, 408.
- Ассандри, пѣвица, т. LII, 738, 742.
- Ашъ, Фридрихъ (Фед. Юрьевичъ), почтъ-директ., † 1771 г., т. L, 104—105.
- Аванасьевъ, Александр. Никол., писат., т. LI, 357—394.
- Бабаевъ, капитанъ 1765 г., т. LII, 239, 256, 258.
- Вагратионъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., р. 1756 г., † 1812 г., т. L, 493.
- Вагратионъ, кн., Романъ Ив., ген.-лейт. 1820 г., т. XLIX, 521.
- Вагратионъ-Мухранскій, кн., Иванъ Конст., ген.-лейт. 1862 г., т. LI, 620, 624, 625, 627.
- Вагратионъ-Мухранскій, кн. Г. К., ст.-секрет., сенат., предсѣд. судебн. палаты въ городѣ Тифлисѣ, † 1877 г., т. LII, 641.
- Важеновъ, генер., т. LI, 144.
- Важунинъ, Мих. А., эмигрантъ, т. LII, 319, 656, 686.
- Валавиревъ, М. А., комп., т. XLIX, 646, 659, т. L, 311, 312, 314—322, т. LI, 481, 483.
- Валашовъ, Александръ Дм., ген.-губ. Ряз., Тульск., Орл., Ворон. и Тамб. губ., 1824 г., т. LII, 582, 586, 587.
- Валезъ, Матрена Павл., въ замуж. Салтыкова, т. L, 91.
- Валезъ, Матрена Ив., рожд. Монсъ, об.-гофмейстерина, т. L, 86, 90—91.
- Валезъ, Марія Павл., въ зам. Нарышкина, т. L, 91.
- Валезъ, Пав. Фед., камергеръ, т. L, 91.
- Валезъ, Фед. Никол., ген.-лейт. 1715 г., т. L, 91.
- Вантшицъ-Камонскій, Дмитр. Никол., писат., гобольск. губернаторъ 1826 г., т. LI, 526, 539.
- Варанова, об.-гофмейстерина 1839 г., т. LI, 38, 46.
- Варановъ, гр., Эдуардъ Троф., предсѣд. департам. государств. экономии, т. LI, 453, 454, 455, 459, 460, 461.
- Варановскій, Е. И., т. XLIX, 762.
- Де-Варантъ, франц. посолъ при русск. дворѣ 1840 г., т. XLIX, 728.
- Варатынскій, В. Л., сообщ.: „Послѣдняя польская смута 1863 г.“, т. LI, 421—446, 583—604, LII, 185—209.
- Варатынскій, Абрамъ, генер. 1798 г., т. L, 347.
- Варялай-де-Толли, кн., Мих. Богдан., воен. мв-рь 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. L, 489.
- Барзовъ, Дм. Сергѣев., т. LI, 575.
- Бартенева, Пр. Арс., фрейлина 1840 г., т. XLIX, 655, 657.
- Бартенева, П. И., издат. „Русск. Архива“, т. L, 8, 227, т. LI, 168.
- Бартоломей, Ив. Алекс., генер., т. LI, 79, 80.
- Баршевъ, С. И., профес. москов. унив. 1843 г., т. LI, 383, 387.
- Барятинскій, кн., Фед. Серг., об.-гоф-маршалъ, т. L, 52.
- Барятинскій, кн., фл.-ад., т. LII, 294.
- Барятинскій, князь, Александръ Ив., декабристъ, замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236.
- Барятинскій, кн., Александръ Ив., ген.-фельдмарш., намѣстн. Кавказа 1856—1861 гг., р. 1814 г., † 1879 г., т. XLIX, 242, 523, 731, 736, т. L, 279, 563—568, 582—591, т. LI, 55—58, 67—75, 109—116, 128—138, 144, 150, 626, т. LII, 181—184.
- Васаргинъ, Никол. Вас., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235, упом. т. LI, 165, 552.
- Ватенковъ, Гавр. Степ., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235, упом. 285, 286.
- Ватюшковъ, Помпей Никл., тн. сов., т. XLIX, 494, 503, 505.
- Важметевъ, Никл. Никл., оренб. воен. губери. 1800 г., т. XLIX, 51.
- Вактинъ, Н. И., чл. государ. сов., томъ XLIX, 761.

- Вебутовъ**, кн., Вас. Осип., ген.-отъ-инф.,
† 1858 г., т. XLIX, 735, т. L, 271, 283,
285, 573, т. LI, 55, 59, 60, 61, 63, 67,
78, 618, т. LII, 385—387.
- Везаъ**, Никол. Павл., предсѣд. тифлис.
казен. палаты 1840 г., т. LI, 76, 616.
- Везаъ**, кievск. ген.-губ., т. LII, 523.
- Везбородко**, графъ, Алексдр. Андреев.,
вице-канцл. 1763 г., т. LI, 260, т. LII,
47—75.
- Везобразовъ**, В. П., акад., т. XLIX,
697, 698, 721, 722, 723.
- Векетовъ**, ректоръ слб. унв. 1881 г.,
т. LII, 499, 503.
- Веллинггаузенъ**, кронштад. комендантъ
1839 г., т. LI, 25.
- Бенедиктовъ**, Владим. Григор., писатель,
р. 1807 г., † 1873 г., т. LI, 560, 561.
- Бенингсенъ**, бар., генералъ 1812 г., томъ
LI, 495.
- Бенкендорфъ**, гр., Алексдр. Христоф.,
шефъ жандармовъ, р. 1783 г., † 1844 г.,
т. LI, 50, 314—318, т. LII, 294, 530,
583, 588.
- Венуа**, Никол. Леонт., акад., т. L, 717.
- Вергъ**, гр., чл. государств. сов. 1861 г.,
т. XLIX, 761.
- Вергеръ**, Яковъ Фед., т. L, 161—165.
- Верже**, Адольфъ Петров., предсѣдатель
кавказск. археографическ. комисіи,
р. 1828 г., † 1886 г. Сообщ.: „Коман-
диры кавказской арміи въ ихъ прика-
захъ 1804—1828 гг.“, т. L, 371—380,
„Фетх-Али-шахъ и его дѣти“, 549—562,
„Самсонъ Яковлевичъ Макинцевъ и Ев-
стафій Скрыплевъ“, т. LII, 201, „Смерть,
стихотв. бар. А. Боде“, 229—230, „Кого
ужь нѣтъ“, стихотв. бар. А. Боде“,
231—232, упом.: т. XLIX, 727—744,
т. LI, 66.
- Верингъ**, мореплават. 1730 г., т. XLIX,
550, 553.
- Верниковъ**, ген.-лейт. 1840 г., т. LI, 306.
- Вестушева**, гр., жена об.-гофмаршала,
т. L, 162—165.
- Вестушевъ**, гр., Мих., об.-гофмаршалъ,
т. L, 73.
- Вестушевъ**, Петръ Алексдр., † 1840 г.,
т. LI, 702.
- Вестушевъ**, Мих. Алексдр., декабр.,
замѣтка о портретѣ, т. LI, 235, упом.
т. LI, 526, 528, 702.
- Вестушевъ**, Никл. Алексдр., декабр.,
замѣтка о портретѣ, т. LII, 235, упом.
т. LI, 526, 528, 702.
- Вестушевъ**, Алексдр. Алексдр. (Мар-
линскій), писатель, декабр., † 1837 г.,
замѣтка о портретѣ, т. LII, 235, упом.
т. XLIX, 736, т. LI, 524—527, 535,
540—542, 702.
- Вестушевъ**, Пав. Алексдр., р. 1806 г.,
† 1846 г., т. LI, 702.
- Вестушевъ-Рюминъ**, Алексѣй, велик.
канцл., † 1768 г., т. L, 122, 143, т. LI, 10.
- Вестушевъ-Рюминъ**, Констан. Никол.,
профес., т. XLIX, 209, 210.
- Вецкій**, Ив. Ив., д. т. сов., р. 1704 г.,
† 1795 г., т. LI, 13, 18.
- Вечасновъ**, Влад. Ив., декабр., замѣтка
о портретѣ, т. LII, 235.
- Вибинова**, Е. И., рожд. Муравьева-
Апостоля, т. LI, 165.
- Вибинова**, Екат. Ив., рожд. Муравье-
ва-Апостоля, т. LI, 525, 540.
- Вибиновъ**, Дч. Гавр., ген.-ад., кievск.
ген.-губ., т. LI, 310, т. LII, 77, 79, 548.
- Вибиновъ**, дядька Павла I, т. LI, 267,
268.
- Виронъ**, герц. Гедвига, въ зам. бар. Чер-
касова, статсъ-дама, † 1797 г., т. L,
130, 131.
- Виронъ**, герц., Евдокія Борис., рожд.
княж. Юсупова, т. L, 128.
- Виронъ**, Иоганнъ Эрнестъ, герц. курлянд.,
р. 1690 г., † 1772 г., т. XLIX, 31, 263,
278, 289, т. L, 6, 73, 78, 114—132, 161,
172, 711, 716.
- Виронъ**, Карль-Магнусъ, ген.-м. 1739 г.,
т. L, 64.
- Виронъ 2-й**, Карль, ген.-аншефъ, т. L,
133.
- Виронъ 3-й**, Густавъ, ген.-аншефъ, т. L,
33, 134.
- Виронъ**, герц. Петръ, † 1800 г., т. L,
127, 128.
- Висмаркъ**, ген.-лейт., Рижск. губернатъ,
т. L, 121.

- Віахаровъ, сообщ. «Приказъ маіора Мизникова 1844 г.», т. L, 381—382.
- Влагово, С. С., камергеръ 1885 г., т. L, 717.
- Влудова, графиня, т. L, 323.
- Влудовъ, гр., Дмитр. Никол., ст.-секр., ин-ръ внутр. дѣл, вполн. главноуправл. II отд., р. 1785 г., † 1864 г., т. XLIX, 259, 761, т. LI, 75, т. LII, 284, 524, 531.
- Вобриновскій, гр., т. LI, 18.
- Вобрицевъ-Пушкинъ, Павелъ Серг., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236, упом. 286, 287.
- Вобровскій, П. О., писат., т. XLIX, 511.
- Воброль-Вольинской, кн., Дмитр. Мих., родонач. фам. Волыинскихъ, т. L, 690.
- Вогдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. L, 385, 489, 491, т. LI, 160.
- Вогородскій, Ив. Степанов., докт., † 1831 г., т. XLIX, 581—586, т. L, 706.
- Вогородскій, Алексар. Ив., ген.-лейт. 1885 г., т. XLIX, 581.
- Вогословскій, Мих. Измаилов., протоіер., законоучит. въ уч. правовѣд. 1847 г., т. L, 206, 207, 209, 211.
- Воде, бар., презид. дворцов. конторы 1849 г., т. LI, 636.
- Воде, бар., Алексар., т. LII, 229—232.
- Водянскій, Осипъ Максимов., проф. москов. университет., р. 1808 г., † 1877 г., т. XLIX, 182, 358, т. LI, 381, 382, 390, 391.
- Вошераповъ, Ив. Никл., т. L, 717.
- Волговской, вологодск. воен. губернат., т. XLIX, 528, 529.
- Ворисовъ 2-й, Петръ Ив., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 235.
- Ворси, пѣвица, т. LII, 746.
- Враницкая, графиня, т. LII, 265.
- Времзенъ, ген.-м. 1877 г., т. LI, 669, 671.
- де-Врессанъ, Алексар. Ив., директ. го-белановой фабрики въ Спб., презид. мануфактуръ коллег., т. LI, 4—5.
- Фонъ-дери-Вригинъ, Александръ Оед., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236.
- Врозъ, чл. гос. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Врозъ, министръ финансовъ 1852 г., т. LII, 390.
- Вруни, художн., т. LII, 338.
- Врусаловъ, вол. губернат., т. XLIX, 526.
- Врюсъ, гр., въ зам. гр. Мушинъ-Пушкина, т. L, 55.
- Врюсъ, гр., ген.-фельдцейхмейст., презид. мануфакт. и бергъ-коллегія 1718 г., т. L, 55, 56.
- Вудбергъ, русскій посолъ въ Швеціи т. L, 129.
- Вудбергъ, генер. 1839 г., т. LI, 39, 40.
- Вужовскій, Н., сообщ.: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ 1829 г.», т. L, 442.
- Вужосвденъ, гр., ген.-аншефъ, ген.-губернат. лифляндск., т. LI, 19.
- Вудатовъ, Дм. Алексар., т. LI, 105.
- Вулгазовъ, Яковъ Ив., послан. въ Константинополь, † 1809 г., т. LI, 492.
- Вулгазовъ, полковн., команд. Кабардинск. пол. 1826 г., т. L, 437.
- Вулгазовъ, т. LI, 21.
- Вулгаринъ, подполковн., т. LI, 109.
- Вулгаринъ, Фаддей Венедикт., р. 1789 г., † 1809 г., т. L, 184.
- Вунге, Никол. Христіан., чл. редакц. комм. 1860 г., ин-ръ финанс. въ 1881 г., т. XLIX, 762.
- Вуслаевъ, Ф. И., профес. москов. унив. 1855 г., т. LI, 392.
- Вуссау, ген.-маіоръ 1853 г., т. L, 403—408, 413.
- Вутвовъ, Вл. Петр., т. LI, 75, т. LII, 525.
- Вутурлинъ, ген.-квартирмейст. арміи 1855 г., т. LII, 704, 708.
- Вутурлинъ, Д. П., военн. писат., директоръ импер. публичн. библиотекы, т. LII, 639.
- Вужъ, К. А., сообщ. „Московское торговое предпріятіе въ Тифлисъ 1846—1856 гг.“, т. LII, 379—390.
- Вужмейеръ, ген. 1855 г., т. L, 416.
- Вуальскій, И. В., профессоръ, т. LII, 339, 559.
- Вышовъ, ген.-м., об.-коменд. выборгск. крѣпости 1740 г., т. XLIX, 285.
- Выстрицкій, Андр. Андр., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Вѣдниковъ, П. Е., инспект. придворн. капеллы 1848 г., т. XLIX, 652.

- Вѣдлинскій**, Виссаріонъ Григ., писатель, р. 1810 г., † 1848 г., т. XLIX, 190, т. L, 183, 188, 193, т. LI, 554, 573, 574, т. LII, 614, 671.
- Вѣлверская**, Надежда Александр., сообщ. свои воспоминанія: «Николай Ивановичъ Костомаровъ въ 1857—1875 г.», т. XLIX, 609—636, т. L, 327—338, 615—654.
- Вѣловскій**, Василій Мих., редакторъ «Основа», т. XLIX, 187, 190—196, 620, 621.
- Вѣлосельскій-Вѣловскій**, кн., Эсперъ Александр., фл.-ад., † 1846 г., т. L, 448.
- Вѣльяевъ**, Александръ Петров., декабристъ, р. 1803 г., сообщ. «Воспоминанія о перешитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.», т. XLIX, 377—398, т. LI, 285—310, и «Воспоминанія Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола», т. LI, 519—552, замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236, упом. 727.
- Вѣльяевъ**, Петръ Петр., декабр., замѣт. о его портретѣ, т. LII, 236.
- Вюлеръ**, бар., А. Я., сенаторъ 1841 г., т. LII, 639.
- Вюлеръ**, бар., О. А., сообщ. «Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ», т. LII, 639—652.
- Вавиловъ**, М. И., сообщ. «Послѣдніе дни въ русской Америкѣ 1867 года», т. XLIX, 549—560, т. L, 593—598, т. LI, 605—614.
- Вадковскій**, Фед. Фед., декабр., замѣт. о его портретѣ, т. LII, 235.
- Валуевъ**, ин-ръ внутр. дѣлъ, т. L, 321.
- Ванновскій**, воен. мин., т. LII, 579.
- Варлаамъ Шишацкій**, т. L, 710, т. LI, 486.
- Василій Петровичъ**, пѣвчій при Петрѣ I, т. L, 97.
- Васильковскій**, директ. канц. на Кавказѣ 1844 г., т. L, 279.
- Васильчиковъ**, кн., Викторъ Иларіон., ген.-ад., нач. штаба Севастоп. гарнизона 1855 г., т. L, 416, 417, 423.
- Васильчиковъ**, кн., В. П., т. LII, 708.
- Вегелинъ**, Александръ Ив., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 235.
- Веденяпинъ**, декабр., т. LI, 528, 540.
- Вейде**, Адамъ Адамов., генер.-аншефъ, † 1720 г., т. L, 80—82, 83, 104.
- Вейнбергъ**, Пет. Исаев., т. XLIX, 764.
- Вейсманъ**, ген.-м., 1771 г., т. LI, 491.
- Вельяминовъ**, Алексѣй Александров., ген.-лейт., команд. войск. на кавказск. линіи 1837 г., т. L, 583, 586.
- Веневитиновъ**, М. А., сообщ. «Францъ Листъ и графъ Мих. Юрьевичъ Вальгорскій», т. LII, 485—490.
- Венюжовъ**, М. И., сообщ. свои «Воспоминанія», т. LI, 81—104, упом.: т. L, 567, 591, т. LI, 138.
- Верига**, И. С., ниж. пут. сообщ., 1842 г., т. L, 446.
- Верховскій**, ниж. пут. сообщ. 1849 г., т. XLIX, 108.
- Веселовскій**, А. П., профес. спб. унв., т. XLIX, 615.
- Фонъ-Визина**, Нат. Дм., т. LII, 287.
- Фонъ-Визинъ**, Мих. Александр., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236.
- Виле**, баронетъ, Я. В., лейбъ-мед., гл. воен. медич. инспект., презид. мед.-х. академіи, т. LII, 555, 558, 563.
- Вильбуа**, Елисавет. Ив., рожд. Валль, статсъ-дама, т. L, 93.
- Вильбуа**, Александр., ген.-фельдцейхмейст., т. L, 94.
- Вильбуа**, Никита Петр., адмир., † 1758 г., т. L, 93—95.
- Винбергъ**, О. О., гл. начальн. экспед. заготовл. государств. бумагъ 1886 г., т. XLIX, 502.
- Виртембергскій**, Александръ, герцогъ, попечит. инстит. пут. сообщ., томъ XLIX, 411.
- Висноватовъ**, т. XLIX, 66, 74.
- Витгенштейнъ**, гр., фельдм., т. L, 507, 508, 514, 515, т. LII, 284.
- Витгенштейнъ**, князь, Эмиль, т. LI, 401—419.
- Витте**, Ю. О., дир. департ. госуд. имуд. 1863 г., т. LI, 621.
- Витте**, О. О., попечит. варшавск. учебн. окр., т. L, 208, 211.

- Вардо Гарсія, Паулина, пѣвица, т. LII, 673, 736—746.
- Вельгорскій, гр., М. Ю., т. XLIX, 657, т. L, 318, 545.
- Владимиръ Александровичъ, вел. князь, т. L, 318, т. LII, 371, 460.
- Водовозовъ, Вас. Ив., педагог., р. 1825 г., † 1886 г., т. L, кн. VI, I—IV, т. LII, 405—441.
- Возжинскій, Никита Андреев., камергеръ, т. L, 169.
- Воейковъ, А. В., жандармскій генер., 1861 г., т. LII, 289.
- Воейковъ, фл.-ад. 1854 г., т. L, 407, 410.
- Воиновъ, ген. 1812 г., т. L, 504—506, 512, 513, 530.
- Войновичъ, гр., т. XLIX, 734.
- Волковъ, Дм. Вас., спб. губерн. 1770 г., т. LI, 1—3.
- Волковъ, ген.-лейт., т. L, 255.
- Волконская, княж., фрейлина 1798 г., т. L, 352.
- Волконскій, кн., Серг. Григ., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236, упом. 285.
- Волконскій-Рѣпинъ, князь, малорос. ген.-губернат., т. LII, 284.
- Волконской, кн., Петр. Мих., г.-ад., мн-ръ двора и фельдм., р. 1776 г., † 1853 г., т. L, 369, т. LI, 26, 52.
- Волоцкий, ставропол. губ., т. L, 569.
- Волынская, Анна Артемьев., въ замуж. Гендривова, т. L, 110.
- Волконскій, кн., Гр. Петр., т. XLIX, 656.
- Волынской, Мих. Мих., ген.-м., † 1837 г., т. L, 715.
- Волынской, кн., Артем. Петр., оберъ-егермейст., кабинетъ-мн-ръ, р. 1689 г., † 1740 г., т. XLIX, 263, т. L, 135, 690, 711—724.
- Вороновъ, генер., нач. ревельск. порта, т. LI, 257.
- Воронцова, граф., въ зам. граф. Строгонова, т. L, 103.
- Воронцовъ, гр., Александр. Роман., госуд. канцл., род. 1741 г., † 1805 г., т. L, 67, 238.
- Воронцовъ, гр., Сем. Ром., русск. пос. при лонд. дворѣ, р. 1744 г., † 1832 г., т. L, 229—235, 241, 242, 490, 491, т. LII, 266.
- Воронцовъ, Михаилъ, вел. канцл., т. L, 108, 139, 140, 150.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн. Мих. Семен., намѣстн. кавказск., ген.-фельдмарш., р. 1781 г., † 1856 г., т. XLIX, 729, 733, 735, т. L, 278, 279, 280, 283, 490, 576, 583, т. LI, 55, 77, 78, 131, 132, 134, 140, 141, т. LII, 379—390.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн., новороссійск. ген.-губернат. 1841 г., т. LI, 36, 316, т. LII, 284.
- Врангель, бар., чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Врангель, директ. Петров. корп. 1849—1856 г., вполн. попеч. виленск. учебн. окр., т. LII, 722, 723.
- Врачю, старш. докт. морск. госп. въ Николаевѣ 1833 г., т. LII, 596, 601.
- Вревскій, ген.-ад. 1855 г., т. L, 429.
- Вронченко, Фед. Павл., мин. финанс., † 1852 г., т. LII, 380, 383, 390.
- Всеволодовъ, ветерин. проф. 1838 г., т. LII, 552, 553.
- Выгодновскій, декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236.
- Вышнеградскій, Н. А., профес., т. L, 209, 210, 212.
- Вяземская, княг., рожд. княж. Трубецкая, т. L, 59.
- Вяземскій, кн., П. А., писат., т. LII, 521.
- Вяземскій, кн., Андр. Ив., т. L, 238.
- Вяземскій, кн., Александр. Алексѣев., ген.-прокур., т. XLIX, 56, т. LII, 259, 260.
- Вязмитиновъ, Александр., сообщ.: «Послѣдняя польская смута 1863 г.», т. LI, 401—420.
- Вьельгорскій, гр., Юсифъ, т. XLIX, 92.
- Вьельгорскій, гр., Мих. Юрьев., т. LII, 485—490, 624.
- Вьельгорскій, гр., Матвѣй Юрьевичъ т. LII, 485.

- Гагарина**, княж., Дарья Алексѣев., въ зам. княг. Голицына, статсъ-дама при Екатеринѣ II, род. 1724 г., † 1793 г., т. L, 52.
- Гагарина**, княг., рожд. Ягужиновская, т. L, 164.
- Гагаринъ**, кн., Матв. Петров., губерн. московск., вполн. сибирскій, † 1721 г., т. L, 51.
- Гагаринъ**, кн., Пав. Павл., об.-прокур. общ. собр. сената 1825 г., вполн. чл. госуд. сов. и предсѣд. комит. министр., † 1872 г., т. XLIX, 761, т. LII, 339, 514, 518, 640, 645, 646.
- Гагаринъ**, кн., И. С., иезуитъ, т. LI, 356.
- Гагаринъ**, кн., презид. комм.-коллеж., 1800 г., т. L, 452.
- Гагаринъ**, кн., Алексѣй Матв., т. L, 51.
- Гагаринъ**, кн., Гавриилъ Петров., томъ XLIX, 19.
- Гагернъ**, Фридрихъ, т. LI, 23—54.
- Галаганъ**, Григ. Павл., чл. редакц. комм. 1860 г., вниѣ чл. государств. совѣта, т. XLIX, 762.
- Галанинъ**, И., докт., т. LII, 732—734.
- Галаховъ**, А. С., сообщ.: «Литературная вофейна въ Москвѣ 1830—1840 гг.», т. L, 181—198, 691—706, «Письмо Н. А. Добролюбова къ С. Галахову», томъ LI, 209—212, «М. С. Щепкинъ», томъ LII, 230, стихотвореніе Н. А. Добролюбова: «По чугуннымъ рельсамъ», т. LII, 473—474.
- Гамадѣя**, Плат. Яковл., инспект. клас. морск. корп., † 1817 г., т. L, 226.
- Гамилтонъ**, фрейлина, т. L, 83, 87.
- Ганъ**, Елена Андреев., рожд. Фадѣева, писат., † 1842 г., т. LI, 335—354, 553—574, т. LII, 749.
- Ганъ**, Петръ Алексѣев., капит. артил. 1830 г., т. LI, 343—346, 354.
- Ганъ**, бар., сенат. 1840 г., т. XLIX, 535, т. LI, 76, 615—617.
- Ганецкій**, ген., команд. гренад. корп. 1877 г., т. LI, 680, 681, 684, 686, т. LII, 213, 214, 461.
- Ганнибаль**, Абр. Петров., ген.-лейтен., † 1781 г., т. L, 105—106.
- Гарновскій**, Мих. Антоп., полковникъ, т. LII, 264—271.
- Гасфортъ**, Густ., чл. гос. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Гасфордъ**, ген.-губернат. зап. Сибири, т. LI, 92.
- Гаузе**, граф., фрейлина 1839 г., т. LI, 26, 40.
- Гаузе**, польск. воен. мн-ръ, † 1830 г., т. LI, 40.
- Гедеонъ Балабанъ**, львовск. еп., т. XLIX, 504, 505.
- Гедеонъ Вишневскій**, префектъ моск. духовн. акад. 1718 г., т. XLIX, 7, 8, 9.
- Гедеоново**, директ. театр. 1870 г., томъ L, 685, т. LI, 393, т. LII, 130, 134, 623—630.
- Гейденъ**, гр., Ф. Л., нач. гл. штаба 1877 г., т. XLIX, 216.
- Гейманъ**, ген. 1864 г., т. LI, 122, 144.
- Гейсмаръ**, бар., Фед. Клемент., ген.-ал., род. 1783 г., † 1848 г., т. XLIX, 546, 547, 548.
- Гейфельдъ**, О. Ф., докт. мед., сообщ. «Воспоминанія врача о М. Д. Скобелевѣ 1880—1881 гг.», т. LII, 391—404.
- Гелингъ**, К. К., сообщ. «Къ вопросу о началѣ крестьянскаго дѣла», т. LII, 545—550.
- Фонъ-Гельбингъ**, Георгъ, секр. саксонск. посольства при дворѣ Екатеринѣ II 1787—1796 гг., † 1813 г., т. L, 1—180, т. LI, 1—20, томъ LII, 1—24, упом. т. LI, 466.
- Гендрикова**, гр., Екат. Ив., въ зам. гр. Апраксина, т. L, 111.
- Гендрикова**, Христіана, т. L, 110.
- Гендриковъ**, гр., Симонъ Леонт., камерт., т. L, 110—111.
- Гендриковъ**, гр., Андр. Сям., камерт., † 1748 г., т. L, 110.
- Гендриковъ**, гр., Ив. Симонов., шефъ кавалергард., ген.-аншефъ, т. L, 110.
- Геннинъ**, Виллиамъ Ив., ген.-лейт. артил., † 1748 г., т. L, 99.
- Георгій Дашковъ**, еписк. ростовск. 1725 г., т. XLIX, 22, 23, 26.
- Герасовъ**, полк. 1826 г., т. XLIX, 57.

- Гербель, команд. Черниг. пол. 1826 г., т. LI, 520.
- Гербель, Никол. Вас., писат., т. LII, 724.
- Гербель, ген.-ад. 1849 г., т. XLIX, 574.
- Гергардъ, Л. И., инж. пут. сообщ. 1842 г., т. L, 446.
- Герценъ, Наталія Алексдр., томъ LII, 154—180, 314, 315, 328.
- Герценъ, Алексдр. Ив., писат. и публицистъ, т. XLIX, 191, т. LII, 313—332, 653—690.
- Гильденштуббе, нач. моск. воен. окр., т. LII, 291.
- Главенапъ, С. П., астрон., т. XLIX, 349.
- Главуновъ, Ив. Ильичъ, спб. городск. голова 1885 г., т. XLIX, 501, т. L, 717.
- Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. XLIX, 646, 660, 662, т. LII, 488.
- Глѣбовъ, Мих. Никол., декабр., замѣт. о его портретѣ, т. LII, 235.
- Глюкъ, Ив. Эрнестов., т. L, 92—93.
- Гнусинъ, Дм. Емельянов., печн. дѣл. маст., т. LI, 631—654.
- Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель, т. LII, 509, 724.
- Говыновскій, коменд. Бухареста 1877 г., т. XLIX, 222.
- Гогель, Ив. Ив., ген.-м., нач. штаба на Кавказѣ, т. XLIX, 417, 418.
- Гоголь, Никол. Васил., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. XLIX, 514, т. L, 182, 438—439, т. LII, 129—148, 521, 623—625.
- Годейнъ, Пав. Петр., ген.-лейт., директ. 1-го кадетск. корп., † 1847 г., т. XLIX, 93, 587, 588.
- Гомефордъ, Марья Ив., т. L, 707—709.
- Голенищевъ-Кутузовъ, ген.-отъ-инф., 1800 г., т. L, 456.
- Голицына, княг., Наталія Петр., т. LII, 510, 535.
- Голицынъ, кн., А. Н., т. LII, 588.
- Голицынъ, кн., Алексдр. Мих., фельд-марш., † 1783 г., т. L, 52, т. LII, 271.
- Голицынъ, кн., Мих. Мих., ген.-адмир., начальн. адмиралт. - коллег., † 1760 г., т. L, 117.
- Голицынъ, кн., презид. юстицъ-коллег., т. L, 59, 60.
- Голицынъ, кн., Николай, т. L, 96.
- Голицынъ, кн., Дм. Влад., моск. ген.-губерн. 1833 г., т. LI, 579, 581, т. LII, 234, 534—540.
- Голицынъ, кн., русск. посолъ въ Вѣнѣ 1771 г., т. LI, 271, 274.
- Голицынъ, кн., Никол. Серг., профес. воен. акад., директ. учил. прав. 1848 г., т. L, 199.
- Голицынъ, кн., Сергій Павл., чл. ред. комм. 1860 г., т. XLIX, 762.
- Голицынъ, кн., Алексдр. Никл., оберъ-прокур. св. синода, мн-ръ духовн. дѣл и проsv., р. 1773 г., † 1844 г., т. XLIX, 594, 595, т. L, 255, т. LI, 525, 546, 547.
- Голицынъ, Валеріанъ, декаб., т. LI, 528.
- Голицынъ, кн., Дм. Мих., т. XLIX, 26, 27, 28, 35, 36, 265, 281.
- Головинъ, гр., Алексдр. Фед., т. L, 52.
- Головинъ, Евг. Ал., ген. 1837 г., томъ XLIX, 533, 534, 536, т. L, 268, 272, 273, т. LI, 616, 617.
- Головинъ, гр., Гавр. Ив., вел. канцл., р. 1660 г., † 1734 г., т. L, 58, 61, 62, 63.
- Головинъ, кн., об.-церемонійм. 1839 г., т. LI, 26.
- Головинъ, Вас. Мих., помощн. инсп. морск. учил. 1820 г., т. LII, 712.
- Головинъ, Алексдр. Вас., мн-ръ нар. проsv., вносл. чл. гос. сов., т. XLIX, 197, 762.
- Головцынъ, архангел. губерн. 1764 г., т. LII, 30.
- Голохвастовъ, помощн. попеч. моск. учебн. окр. 1843 г., т. LI, 361, 387.
- Голышевъ, И. А., сообщ.: «Картинное и книжное народное производство и торговля 1858—1886 гг.», т. XLIX, 679—726.
- Гончаровъ, Ив. Алекс., писат., т. L, 619, т. LII, 726.
- Горбачевскій, Ив. Ив., декабр., замѣт. о его портретѣ, т. LII, 236.
- Горбуновъ, Ив. Фед., сообщ. „Александръ Ивановичъ Казарскій“, т. LII, 591—603.
- Горювонжо, Маркъ Филип., инспект. морск. уч., т. LII, 117, 118, 119, 120, 712.

- Городецкій, Митроф. Ив., сообщ.: «Памятники Александру II Освободителю, сооруженные крестьянами», т. XLIX, 498—498, «Памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущева», т. L, 711—724, «Александръ Михайловичъ Тургеневъ», т. LII, 45—46.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дм., генер.-ад., намѣстн. Цар. Польск. 1851 г., вполс. главнокоманд. Брѣвск. арм. 1855 г., р. 1792 г., † 1861 г., т. XLIX, 382, т. L, 385, 389, 401, 402, 416, 417, 425—427, 430—432, т. LII, 707, 708.
- Горчаковъ, кн., Александр. Мих., госуд. канцл., род. 1798 года, † 1883 г., томъ XLIX, 226, 560, 761, т. L, 217, т. LII, 369, 370.
- Горчаковъ, кн., Петръ Дм., ген.-губерн. зап. Сибири, т. L, 388, т. LI, 547, 548.
- Грабовскій, гр., министръ духовн. дѣлъ и просвѣщенія Цар. Польск. 1824 г., т. LII, 604.
- Грановскій, Тимо. Никл., проф. моск. унив., т. L, 222, 692, 702, т. LI, 182, 368, 373, 374, 376, 379, 380, 381, 382, 395, 396.
- Грачевъ, Г. И., художн., т. L, 709.
- Гребже, Юлій Ив., гл. факторъ экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ, род. 1820 г., † 1886 г., т. XLIX, 501—502.
- Грейгъ, С., адмир., т. LI, 261.
- Грейгъ, Алексій Самул., адмир. 1829 г., т. L, 242, т. LII, 594, 596, 603.
- Грессеръ, фл.-ад., т. L, 359.
- Гречь, Никл. Ив., писат., род. 1787 г., † 1867 г., т. LII, 123.
- Грибоѣдова, Нина Александр., рожд. княж. Чавчавадзе, супруга писателя А. С. Грибоѣдова, р. 1812 г., † 1857 г., т. XLIX, 735.
- Грибоѣдовъ, Александр. Серг., писатель, род. 1795 г., † 1829 г., томъ XLIX, 734, 735.
- Григорій, митроп. рущукскій 1877 г., т. LI, 718—724.
- Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. XLIX, 324, 606, т. LII, 339, 726.
- Гривъ, пѣвица, т. LII, 746.
- Гриммъ, бар., Фридр.-Мельхиоръ, кор. респонд. Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 г., т. L, 4, 226.
- Громницкій, Петръ Оед., декабр., зам. о его портретѣ, т. LII, 236.
- Гротъ, Яковъ Барл., акад., т. LII, 371.
- Гротъ, Конст. Карл., самарск. губерн. 1858 г., бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд., т. XLIX, 762, 763.
- Грюнштейнъ, Юрій, бригадиръ, адъют. лейбъ-кампаніи 1750 г., т. L, 151.
- Гуасжо, пѣвецъ, т. LII, 746.
- Гутель, инспект. гатчинск. сирот. инст. 1838 г., т. XLIX, 728.
- Гудимъ-Левковичъ, Серг. Никл., кіевск. губерн., † 1885 г., т. LI, 200, 201.
- Гудовичъ, ген.-ад., т. L, 173, 174.
- Гурько, Влдм. Александр., варшавск. ген.-губернат. 1886 г., т. XLIX, 227, 232, 433, т. LI, 217, 235—239, 268, 656—680, т. LII, 221, 450—460, 579.
- Гурьевъ, проф.-математ., т. L, 229.
- Давыдовъ, Н. Т., сообщ.: «Къ разсказамъ изъ жизни императора Николая I, 1844—1845 гг.», т. LII, 491—494.
- Давыдовъ, Васил. Львов., декабр., замѣт. о его портретѣ, т. LII, 235.
- Давыдовъ, профес. москов. унив., т. LII, 614, 615.
- Давыдовъ, кн., сенат., т. LII, 514—521.
- Давыдовъ, И. И., директ. педагогич. инст. 1855 г., т. LI, 389.
- Дадшивилиани, князья, владѣтели Сванетіи, т. XLIX, 531.
- Дадіанъ, княгиня, Еватерина Александр., т. LI, 73.
- Данилевскій, Н. Я., т. LII, 370.
- Данненбергъ, ген. отъ инф., 1853 г., т. L, 385—397.
- Даргомыжскій, Александр. Серг., композит., р. 1813 г., † 1869 г., т. XLIX, 646.
- Дашкова, княг., Екатер. Романов., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. L, 87, т. LI, 8.
- Дельверъ, гр., Анна Давид., рожд. княж. Меншикова, т. L, 78.

- Девьеръ, гр., Петръ Антонов., ген.-аншефъ, т. L, 78.
- Девьеръ, гр., Антонъ Эммануилов., ген.-полиціймейст., † 1745 г., т. L, 76—79.
- Дежабристы, замѣтка о собраніи портретовъ 75 изъ нихъ, т. LII, 235—236.
- Делицынъ, П. С., цензоръ 1855 г., т. XLIX, 681, 682, 689.
- Дельвицъ, бар., Антонъ Ант., писат., р. 1789 г., † 1831 г., т. L, 217, томъ LII, 724.
- Дембовецкій, могилевск. губерв. 1877 г., т. XLIX, 219.
- Демидовъ, Никол. Ив., ген.-ад., гл. директ. пажеск. и кадетск. корпусовъ, т. XLIX, 93.
- Денъ, ген., нач. инженер. 1840 г., т. LI, 308, 315, 318.
- фонъ-Дервизъ, бар., Пав. Григ., † 1881 г., ссыл. на его ст. «Одна изъ его предсмертныхъ записокъ», т. LII, 511, 512.
- Державинъ, Гавр. Романов., писатель, р. 1743 г., † 1816 г., т. L, 245, т. LI, 262, т. LII, 273, 274, 278.
- Десимонъ, Андр. Франц., чл. комиссіи прошеній, т. L, 285, т. LI, 617.
- Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 г., † 1831 г., т. XLIX, 39, 539—548, т. LI, 32.
- Дибичъ, ген.-м., коменд., т. XLIX, 39.
- Дива, Козьма Егор., команд. александрійск. гусар. пол. 1863 г., т. LI, 419.
- Диринъ, П. П., шт.-кап. л.-гв. семеновск. пол. 1812 г., ссылка на его «Исторію л.-гв. Семеновск. пол.», т. LI, 160, 161.
- Дмитревскій, Ив. Аванас., инспекторъ Спб. театр. учил., т. LII, 622, 623.
- Добролюбовъ, Н. А., т. LI, 209—212, т. LII, 473—474.
- Долгорукая, книг., рожд. гр. Орлова-Давыдова, т. LI, 471.
- Долгорукій, вк., воен. мн-ръ 1854 г., т. XLIX, 576.
- Долгорукій, вк., Серг. Никол., коменд. Спб. крѣпости 1800 г., т. XLIX, 49.
- Долгоруковъ, вк., Петръ Влад., т. LII, 655, 664—670.
- Долгоруковъ, вк., Н. А., т. LII, 717, 719.
- Долгоруковъ, вк., В. А., москов. генер.-губернат., т. LII, 536.
- Долгоруковъ, вк., Вас. Андр., ген.-ад., шефъ жандармовъ съ 1861—1865 г., т. XLIX, 132, 761.
- Долгоруковъ, вк., Сергій Григорьев., т. L, 52.
- Долгоруковъ, вк., Васил., об.-штаб-майстеръ 1839 г., т. LI, 26.
- Долгоруковъ, вк., Николай, гофмарш. 1839 г., т. LI, 26.
- Долгоруковъ, вк., Вас. Вас., т. XLIX, 384, т. LII, 287, 298.
- Доливо-Добровольская - Евдокимова, гр., Анна Ив., т. LI, 145.
- Домбровский, генер. 1812 г., т. L, 530.
- Домейко, Алексдр. Ѳ., предвод. двор. Вилен. губ. 1863 г., т. LII, 546, 549.
- Домоитовичъ, Конст. Ив., чл. редакц. комм. 1860 г., т. XLIX, 762, 763, 764.
- Дондузовъ-Корсаковъ, вк., т. LI, 144.
- Дороевъ Кроткевичъ, митроп., т. XLIX, 34.
- Достоевскій, Ѳеодоръ Мих., писатель, † 1881 г., т. XLIX, 200, 515, 753.
- Древнинъ, Андрей Ив., камерг., † 1753 г., т. L, 100.
- Древнинъ 2-й, камеръ-юнкеръ, т. L, 101.
- Дрентельнъ, ген. 1877 г., т. LI, 218.
- Дренявинъ, А. М., сообщ. «Павелъ Петровичъ Годейнъ», т. XLIX, 587, 588.
- Дружининъ, Алексдр. Васил., писат., р. 1824, † 1864 г., т. LII, 726.
- Дуббельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жандарм., т. XLIX, 190, томъ LII, 537.
- Дубовицкій, презид. мед.-хирург. акад. 1862 г., т. L, 313.
- Дурасовъ, севат., т. LII, 514, 516.
- Дурново, генер. 1860 г., т. L, 686, 689.
- Дуровъ, М. А., директ. виленск. учит. инстит., т. XLIX, 673.
- Духонинъ, Лаврентій Григ., ген.-майоръ, бывш. нач. артиллер. парковъ южн. и крымск. арміи 1853 г., р. 1795 г., † 1865 года, т. L, 383—435, ссылка на его Записки, т. LII, 699, 703.
- Дядьковский, проф. москов. унив., томъ LII, 614.

- Евгенія Максимиліановна**, вел. княгиня, т. L, 675, 677.
- Евгеній (Болховитиновъ)**, т. L, 710.
- Евгеній Казанцевъ**, архіеп. Тобольск. 1826 г., т. XLIX, 589—592.
- Евдокимова**, гр., Александра Александр., сообщ.: «Письма кн. А. И. Бяратинскаго къ Н. И. Евдокимову», т. LII, 181—184, упом. т. L, 565, 582, т. LI, 126, 127, 149, 150.
- Евдокимовъ**, гр., Никол. Ив., ген.-ад. 1864 г., т. L, 563—568, 572, 573, 577—592, т. LI, 109—150, т. LII, 181—184.
- Евдокія Ѳеодоровна**, царица, рожд. Лопухина, первая супруга Петра I (въ иночествѣ Елена), р. 1669 г., † 1731 г., т. L, 19, 20.
- Егоровъ**, Евг. Андр., нижен.-ген.-лейт., † 1882 г., т. XLIX, 411—423, т. L, 599—614, т. LII, 491.
- Екатерина I**, им-ца, р. 1684 г., † 1727 г., т. XLIX, 11, 16, 20, 22, 276, 280, 757, т. L, 6, 24, 27, 28, 32, 35—47, 49—51, 55, 56, 73, 77—79, 84—116, 138, 159, 172, 467.
- Екатерина II**, им-ца, р. 1729 г., † 1796 г., т. XLIX, 42, 54—66, 311, 509, томъ L, 4—19, 41, 60, 66, 94, 101, 108, 122, 125—129, 145—156, 165, 166, 170—179, 221—228, 232, 243, 279, 339—341, 467, 470, 471, 478, 479, 486, 715, 721, т. LI, 2—40, 111, 133, 134, 138, 151, 152, 167, 214, 247—276, 487—518, 533, 542, томъ LII, 26—30, 47—76, 249, 257—275, 281, 283, 526, 730.
- Екатерина Алексѣевна**, царевна, томъ L, 37.
- Екатерина Іоанновна**, царевна, въ супружествѣ герцог. Мекленбургъ-Шверинская, т. L, 70, 90.
- Екатерина Павловна**, вел. княг., въ зам. принц. Голштейнъ-Ольденбургская, т. L, 341, 343, 346, 349, 356.
- Екатерина Михайловна**, вел. княг., т. LII, 342.
- Елачинъ**, Игнатій Ѳед., строитель судовъ, бригадиръ, † 1760 г., т. L, 103.
- Елена Павловна**, вел. кн., въ зам. съ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, т. XLIX, 401, 405, 655, 666, т. L, 317, 318, 341, 343, 346, 348, 351, 353, 355, 362, 544, 547, 677.
- Елисавета Алексѣевна**, им-ца, р. 1779 г., † 1826 г., т. XLIX, 577, т. L, 238, 339, 343, 351, т. LII, 26, 48, 49.
- Елисавета Петровна**, им-ца, р. 1709 г., † 1761 г., т. XLIX, 3, 11, 18, 21, 66, 276—290, т. L, 14, 21, 38, 45, 55, 59—78, 85, 86, 93, 100—108, 113, 122, 124, 131, 135—171, 172, 173, 175, 176, 177, 223, 227, 467, 474, 715, т. LI, 1, 4, 7, 250, 252, т. LII, 271.
- Ентальцевъ**, Андр. Васил., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235, упомин. т. LI, 165.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., ген.-лейт. р. 1777 г., † 1861 г., т. XLIX, 734, 735, т. L, 238, 268, 371, 375—376, 437, 490, 491, т. LI, 548.
- Еропша**, Ив. Евстаф., воевода 1445 г., родовачальн. фамил. Еропкиныхъ, томъ XLIX, 561.
- Еропкина**, Вѣра Васил., сообщ. заѣмъ: «Еропкины», т. XLIX, 561—570, т. L, 221, упом. 709, 720.
- Еропкинъ**, Аванасій Евстафьев., родовачальникъ дворянъ Еропкиныхъ, томъ L, 721.
- Еропкинъ**, Петр. Дм., ген.-аншефъ, томъ XLIX, 57, 58.
- Еропкинъ**, Петр. Мих., гофъ-баунтвел. р. 1689 г., † 1740 г., т. XLIX, 263, т. L, 690, 709, 711—724.
- Еропкины**, ихъ родословіе, т. XLIX, 561—570, т. L, 221.
- Ершовъ**, ген.-лейт. 1849 г., т. LII, 519, 520.
- Есаковъ**, ген.-майоръ, т. L, 576, т. LI, 130—144.
- Есепко**, Еким. Мих., генер. 1837 г., т. XLIX, 530, 533, 534.
- Ессень**, Спб. ген.-губернат., т. LII, 284.
- Ефимовская**, гр., Марія Павл., рожд. гр. Ягузинская, т. L, 112.
- Ефимовская**, гр., Анна Андр., въ зам. гр. Минихъ, т. L, 112.
- Ефимовская**, гр., Анна, т. L, 111.

Ефимовскій, гр., Мих. Ефимов., камерг., т. L, 112.

Ивановъ, А. П., сообщ.: «Сектавы въ Оренбургскомъ краѣ», т. LII, 691—698.

Желиховская, В. П., писат., томъ LI, 336, 339, 342, 348, 573.

Желизевичъ, архитект. 1849 г., т. XLIX, 107—114.

Жемчужниковъ, сенат., т. LII, 514.

Жизневскій, предсѣд. тверск. казенной палаты 1886 г., т. LII, 519.

Жихаревъ, С. П., ссыл. на его Записки, т. LII, 625.

Жуковский, Васил. Андреев., писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. XLIX, 401, 405, 410, т. L, 360, 367, 533, 534, 535, 536, т. LI, 21, 45, 560, т. LII, 47.

Журавскій, Дм. Ив., инж. пут. сообщ., 1849 г., т. XLIX, 117.

Заблоцкій, П. П., проф., т. LII, 566, 568.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Парф., членъ редакц. ком. 1860 г., † 1881 г., т. XLIX, 762.

Забудовскій, генер., 1854 г., т. LI, 113, 116.

Заблудякъ, Ив. Егор., археолог. и историкъ, т. XLIX, 208.

Завадовскій, Петръ Васил., томъ LII, 56, 57.

Завалишинъ, Дм. Иринарх., декабристъ, т. LII, 710.

Загорскій, А. П., проф., т. L, 213.

Загорьцкій, Никол. Алекс., декабр., замѣт. о портр., т. LII, 235, упом. т. LI, 540.

Загоскинъ, Л. А., сообщ. «Морской корпусъ въ воспоминаніяхъ Л. А. Загоскина», т. LII, 709—716.

Загряжская, Наталія Кирил., рожд. гр. Разумовская, т. L, 157.

Загряжскій, Никол. Александр., камергеръ, т. L, 157.

Зайкинъ, Ник. Фед., т. LI, 528, 540.

Закревскій, А. А., ген.-ад., мн-ръ внутр. дѣл., т. LII, 45, 588.

Закревскій, тн. сов., презид. медиц. коллег., т. L, 154.

Заремба, директ. сбл. консерват. 1852 г., т. XLIX, 660.

Зарудный, Серг. Ив., ст.-секрет., чинъ сенат., т. LII, 525.

Зарудный, С. П., т. XLIX, 762.

Зейдлеръ, полковн. 1831 г., томъ XLIX, 545.

Зеленый, Александр. Ильичъ, адм., т. LII, 710—715.

Зиссерманъ, А. Л., полковн., т. L, 567, 591, т. LI, 125—150.

Змунцилла, Яя Эразмовна, рожд. Стогова, сообщ.: «Эразмъ Ивановичъ Стоговъ», т. LII, 77—128.

Змѣевъ, Лев. Ф., док. мед., сообщ.: «Николай Ивановичъ Пироговъ», т. LI, 689—701.

Зонтагъ, пѣвица, т. LII, 747.

Зотовъ, Пав. Дмитр., ген.-отъ-инф., род. 1824 г., † 1879 г., записки его: «Война за независимость славянъ въ 1877—1878 гг.», т. XLIX, 213—240, 425—450, упом. т. LI, 221—242, 655, 683, томъ LII, 471.

Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., ген.-отъ-инф., р. 1771 г., † 1804 г., томъ XLIX, 49, 55, т. LII, 261.

Зубовъ, кн., Платонъ Александр., ген.-ад., 1796 г., т. XLIX, 55.

Ивановъ, Илья Ив., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.

Игельстромъ, Конст. Евстафьев., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.

Игнатій Смола, митроп. воломенск., т. XLIX, 23, 26.

Игнатъевъ, генер. 1877 г., т. LII, 469.

Игнатъевъ, Павел., чл. госуд. совѣта 1861 г., т. XLIX, 761.

Илларионъ Григоровичъ, архимандритъ Воскресенск. монаст. 1745 г., томъ XLIX, 11.

Иловайскій, Д. И., историкъ, томъ LI, 224, 225.

- Имеретинскій**, кн., т. LI, 660, 661, т. LII, 214, 450, 452, 459, 464, 466.
- Индреніусъ**, Борисъ Эммануил., ген.-лейт., т. LI, 55, 57, 65.
- Инновентій** (Ив. Алексѣев. Борисовъ), архіеп. херсонск. и таврич., р. 1800 г., † 1857 г., т. XLIX, 183, 184, т. LI, 127.
- Иннокентій** (Смирновъ), богословъ, епископъ Пензенск., † 1819 года, томъ XLIX, 593—596, т. L, 462, 710.
- Ипатій Потѣй**, кіевск. униатск. митроп., т. XLIX, 504.
- Иринеѣ** (Нестеровичъ), еписк. пензенск., вполгд. Иркутск., † 1864 г., т. L, 710.
- Исаковъ**, Ник. Вас., ген.-ад., томъ L, 678—687, т. LI, 470—479.
- Исидоръ**, митроп. слб., т. LI, 64.
- Іаковъ** Блонницкій, препод. греч. яз. въ Моск. дух. акад. 1745 г., томъ XLIX, 11, 12.
- Іоаннъ Алексѣевичъ**, царь, р. 1666 г., † 1696 г., т. L, 29.
- Іоаннъ IV Грозный**, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. XLIX, 262, 510, томъ L, 15, 18.
- Іоаннъ Алексѣевичъ**, царь, р. 1666 г., † 1696 г., т. L, 70.
- Іоаннъ VI Антоновичъ**, импер., род. 1740 г., † 1764 г., т. L, 74, 109, 114, 139.
- Іосифъ** (Съвашко), митроп. Литовскій, † 1868 г., т. L, 710.
- Кавелинъ**, Конст. Дмитр., профес., род. 1818 г., † 1885 г. «Записка его объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи», томъ XLIX, 131—180, 293—320, т. L, 287—310, упом. т. XLIX, 195, 258, 329, 763—765, т. L, 358, 461—462, т. LI, 363, 366, 367, 371, 374, 375, 377, 385.
- Кавелинъ**, генер., воспитат. цесар. Александра Николаевича, т. LI, 43, 45.
- Каванскій**, П. С., цензоръ, т. XLIX, 688, 689.
- Каварскій**, Александръ Ив., фл.-адъют., † 1833 г., т. LI, 203—208, т. LII, 591—603.
- Калачовъ**, Посниевъ, дьякъ Земскаго Приказа, т. XLIX, 257.
- Калачовъ**, Васил. Андр., т. XLIX, 257.
- Калачовъ**, Никол. Вас., профес., историкъ-археологъ, † 1885 г., т. XLIX, 256—260, 763, т. LI, 377, 379, 392.
- Калинскій**, О. Ф., профес., т. LI, 558.
- Калмыковъ**, П. Д., профес. слб. унив., т. L, 213, 214.
- Кальцолари**, пѣвецъ, т. LII, 747.
- Каменскій**, гр., Мих. Ѳедот., фельдм., р. 1738 г., † 1809 г., т. LI, 491—495.
- Кандрашовъ**, Ив. Мих., мануф.-совет., 1833 г., т. LI, 576.
- Канеринъ**, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финансовъ съ 1823—1844 г., † 1845 г., т. XLIX, 408, т. LI, 577, 580, 581.
- Кантагузенъ**, кн., полковн. ген. штаба, 1877 г., т. LI, 235, т. LII, 451, 466.
- Капнистъ**, гр., Елена Ив., рожд. Муравьева-Апостоль, т. LI, 545.
- Капцевичъ**, ген.-губерн. зап. Сибиря, т. LII, 45.
- Каравинъ**, Вас. Наз., р. 1773 г., † 1842 г., т. XLIX, 182.
- Карамзинъ**, Ник. Мих., исторіогр., род. 1766 г., † 1826 г., т. LI, 127.
- Каратыгинъ**, П. А., артистъ, т. L, 196, 196, 671, 673, т. LII, 621, 625.
- Каратыгинъ**, П. П., т. L, 252.
- фонъ-Карловицъ**, ген.-майоръ, первый саксонск. послан. въ Россіи 1698 г., т. L, 20.
- Карновичъ**, Е. П., ссылка на его очеркъ «Герцогиня Блэгостонъ», т. LII, 265.
- Карцовъ**, Петр. Кондр., директ. морск. корп., т. LII, 115, 116, 117, 122, 712.
- Карцовъ**, генер. 1877 г., т. LI, 667, 671.
- Кастелланъ**, пѣвица, т. LII, 742.
- Каталей**, нач. 3-й гвард. дивиз. 1877 г., т. LI, 680, 681, 683.
- Катковъ**, Мих. Никиф., издат. «Моск. Вѣдом.», т. L, 696.
- Каульбарсъ**, А. В., бар., воен. мн-ръ Болгаріи 1892 г., т. LI, 706—732, т. LII, 482

- Бауфманъ, Мих. Петр.**, ген.-ад., главн. интендантъ 1877 г., т. LII, 448.
- Бахановъ, ген.**, т. L, 271.
- Баховскій, Петръ Андр.**, декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Баченовскій, Мих. Троф.**, проф., рект. моск. унив. 1837 г., т. XLIX, 182. т. LII, 614.
- Бвигницкій, Леонидъ Ксенофонт.**, ген.-лейт., р. 1828 г., † 1835 г., томъ XLIX, 637—641.
- Белеръ, Ив. Петр.**, портретистъ-художн., профес., т. LII, 333—378.
- Бемфертъ, генер.**, т. LI, 144.
- Бенигъ, И. Ѳ.**, инженер. пут. сообщ. 1849 г., т. XLIX, 108.
- Бербедъ, инж.**, т. XLIX, 128.
- Береновскій, В. И.**, инж. 1849 г., томъ XLIX, 124, т. L, 446.
- Бингстонъ, герцогиня**, т. LII, 265—267, 271.
- Бипіани, Дмитр. Ив.**, Записки его, томъ XLIX, 517—538, т. L, 267—286, т. LI, 55—80, 447—465, 615—630, упом. томъ L, 706.
- Бириллъ Терлецкій, еписк. лудскій и острожск.**, т. XLIX, 504.
- Бирхнеръ, инженер. пут. сообщ.** 1849 г., т. XLIX, 108, 109, т. L, 446, 447.
- Бирѣвскій, С. И.**, т. LI, 171.
- Бирѣвскій, Ив. Васил.**, т. LI, 171.
- Бирѣвъ, Ив. Васил.**, декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Бисель, Софья Марковна**, т. XLIX, 325.
- Бислинскій, Петръ Ив.**, т. LII, 712.
- Биставовскій, Александр. Ѳед.**, профес. уголовн. права Кіевск. унив., т. XLIX, 617, 635.
- Блебовъ, бар.**, В. Г., т. LII, 641.
- Блейнмихель, гр.**, Петръ Андр., ген.-ад., † 1869 г., т. XLIX, 105, 107, 113, 114—117, 120, 124, 127, 128, 507, 761, т. L, 448, т. LII, 81, 551—562.
- Блингеръ, директ. 1-го кадетск. корп.** 1801—1820 г., т. XLIX, 74.
- Блушинъ, сенат.**, т. LII, 514.
- Блокъ, инж.-кап.** 1846 г., т. XLIX, 105, 124.
- Блюви фонъ-Блугенау, ген.-майоръ** 1844 г., т. L, 381.
- Бнорингъ, астраханск. воен. губернат.** 1800 г., т. L, 456.
- Бняжевичъ, Александр. Максимов.** мн-ръ финансовъ, т. XLIX, 761.
- Кобезо, Д. Ѳ.**, т. LI, 18.
- Кобяковъ, Д. А.**, чл. кавказ. археолог. комисс. 1886 г., т. XLIX, 740—744.
- Ковако, А. Н.**, полковн. 1886 г., т. L, 717, 719.
- Ковалевскій, В. О.**, т. L, 211.
- Ковалевскій, Евграфъ Петров.** мн-ръ народн. просвѣщ. 1860 г., т. XLIX, 761.
- Кожинъ, ген.-ад.** 1799 г., т. L, 352.
- Ковловскій, Викентій Мих.**, генералъ 1854 г., т. L, 572, 573.
- Кожошинъ, Ѳ. Ѳ.**, директ. моск. театра, т. L, 194, т. LII, 622, 623, 626.
- Колесниковъ, Васил. Павл.**, декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
- Колмаковъ, ген.-ад.** 1833 г., т. LII, 596.
- Коллинъ, пѣвецъ**, т. LII, 746.
- Колмаковъ, Н. М.**, сообщ. «Старый судъ», т. LII, 511—544, упом. 545.
- Кологривовъ, ген.-лейт.** 1798 г., т. L, 348.
- Колошинъ, Никол. Никол.** чл. редакц. комм. 1858 г., помощн. управл. земск. отд. мн-ва внутрен. дѣлъ 1868 г., томъ XLIX, 762.
- Колубакинъ, генер.**, управл. Мингрелію 1859 г., т. LI, 74.
- Кольманъ, А. К.**, инженер. 1849 г., томъ XLIX, 116.
- Кони, А. Ѳ.**, сообщ. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», т. LII, 604.
- Константины Павловичъ, вел. кн. цесаревичъ**, р. 1779 г., † 1831 г., томъ XLIX, 92, 540, томъ L, 339, 341, 343, 348—350, 353, 355, 356, т. LI, 15, 152, 256, т. LII, 604, 715.
- Константины Николаевичъ, вел. кн.**, ген.-адмир., р. 1827 г., т. XLIX, 406, 407, 760, 761, т. L, 359—361, т. LI, 29, 581.
- Копосовъ, П. П.**, сообщ.: «Петръ Николаевичъ Кудравцевъ», т. LI, 395—400.
- Корниловъ, Видм. Алексѣев.**, ген.-ад., адмир., † 1853 г., т. L, 390, 392, 393, т. LII, 712.

- Корниловъ, Оед. Петр.,** чл. особ. ком. о губ. уѣздн. учрежд. 1860 г., вынѣ чл. госуд. сов., т. XLIX, 762.
- Корсаковъ, Д. А.,** профес. казанск. унив., сообщ.: «К. Д. Кавелинъ, къ расказу о его погребеніи 1885 г.», т. L, 358, упом. т. XLIX, 209.
- Корсаковъ, масонъ,** 1827 г., т. LI, 525.
- Корфъ, гр., Модест. Андр.,** чл. госуд. сов., т. XLIX, 761.
- Корфъ, бар. Николай,** чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Корфъ, В. С.,** ген.-отъ инф., т. XLIX, 67, 83.
- Косицкая, Л. П.,** артистка 1853 г., томъ LI, 246.
- Коссовичъ, Кастанъ Андр.,** профес. зендск. и санскритск. яз., † 1883 г., т. LII, 605—620.
- Костомарова, Татьяна Петровна,** мать Н. И. Костомарова, т. XLIX, 612, 615, 636, т. L, 616, 622—629, 644, 651, 652.
- Костомарова, Аллина Леонтьевна,** рожд. Крагельская, по перв. мужу Ексель, т. XLIX, 189, 327, 328, 329, 335—351, т. L, 653, 654.
- Костомаровъ, Никл. Иван.,** р. 1817 г., † 1885 г., т. XLIX, 181—212, 323—360, 485, 486, 488, 609—636, т. L, 327—338, 358, 615—654, 667.
- Котляревскій, И. П.,** т. LII, 509.
- Коцебу, гр., Пав. Евст.,** варшавск. ген.-губернат., т. L, 272, 285, 402, 416, 425, 430, т. LII, 236.
- Коцебу, Оед. Евст.,** т. L, 285.
- Кочубей, А.,** чл. гос. сов. 1861 г., томъ XLIX, 761.
- Кочубей, А. В.,** сенат. 1841 г., т. LII, 639.
- Кочубей, Викт. Павл.,** предсѣд. госуд. сов. 1833 г., т. LI, 576, 577.
- Кояловичъ, М. О.,** профес., т. XLIX, 504.
- Краббе, управл. морск. мн-мъ,** т. LII, 371.
- Кравцовъ, И. С.,** сообщ.: «Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг.», томъ L, 563—592, т. LI, 109—150.
- Крагельская, Аллина Леонтьев.,** см. Костомарова.
- Кравевскій, Андрей Александр.,** изд. «Голоса», т. LI, 571, т. LII, 671.
- Крамержъ, Анна Ив.,** камеръ-юнгфера, † 1770 г., т. L, 83—84.
- Кранихфельдъ, Александр. Ив.,** инспект. учил. правовѣд. 1847 г., т. L, 199, 211, 212, 214.
- Крафтъ, Никл. Осип.,** инж. 1846, томъ XLIX, 105, 107, 108, 110, 111, 112, 113, т. LI, 641, 650.
- Крейкъ, Корнелій,** вице-адм., † 1727 г., т. L, 54.
- Крицевъ, Серг. Ив.,** декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
- Криджеръ, генер.,** 1877 г., т. XLIX, 228, 235—237, 427—431, т. LI, 219, 683, т. LII, 461.
- Крузъ, А.,** адмир., т. LI, 261.
- Крузенштернъ, ст.-секрет.,** нач. гражд. управл. на Кавказѣ, т. XLIX, 729, т. LI, 624.
- Крузенштернъ, Алексѣй Оед.,** т. LI, 69, 70.
- Крузенштернъ, Ив. Оед.,** адм., нач. морск. корп. 1826 г., т. LII, 712, 718.
- Крутовъ, инспект. акад. худож.,** т. LII, 338.
- Крыжановскій, Никол. Андреев.,** ген.-нач. штаба артил. крымск. арміи 1855 г. вполс. оренбургск. ген.-губен., т. L, 384, 398—435, ссыл. на его Записки, т. LII, 699—708.
- Крыловъ, Никита Ив.,** профес. москов. унив. 1843 г., т. LI, 373—377.
- Крыловъ, ген.-лейт.** 1877 г., т. LI, 234.
- Крыловъ, Иванъ Андр.,** баснописецъ р. 1768, † 1844 г., т. LII, 509.
- Крюковъ, профес. истор.** 1843 г., томъ LI, 368.
- Будрявцевъ, Петр. Никол.,** профессоръ москов. унив., р. 1816 г., † 1858 г., томъ LI, 395—400.
- Бузьминъ, Вологодск. губернат.,** томъ XLIX, 527, 528.
- Бувшицевъ, главн. команд. Арханг. порта,** т. LII, 713.
- Бузнецовъ, Ив. Васил.,** преподав. матем. въ морск. корп. 1820 г., т. LII, 712.
- Бужольникъ, Несторъ Васил.,** писатель, т. XLIX, 643, т. L, 196, 657.

Бужольнинъ, Пав. Васи., профессоръ,
† 1884 г., т. XLIX, 642—644.
Бужушкинъ, Спб. град. голова 1833 г.,
т. LI, 576.
Булизовъ, Н. И., сообщ.: «Петербург-
ское театральное училище», т. LII,
621—636.
Булишъ, П. А., профес., т. XLIX, 188,
191, 192, 206.
Кульневъ, ген.-маіоръ 1812 г., томъ
XIX, 64.
Куропаткинъ, генер. 1877 г., т. XLIX,
442, т. LI, 221, 224, 228, т. LII, 214.
Курочкинъ, Василій, писат., т. LII, 412.
Курута, сенат., т. LII, 514.
Кусановъ, генер. 1854 г., т. L, 585, 592,
т. LI, 111, 115.
Кутайсовъ, гр., Пав. Ив., т. L, 354.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., об.-шта-
мейстеръ 1800 г., т. XLIX, 43.
Кутайсовъ, гр., кап. ген. штаба 1860 г.,
т. LI, 141.
Кутузовъ - Смоленскій, кн., Михаилъ
Иллар., главнокоманд. 1812 г., т. XLIX,
64, т. L, 227, 233, 242, 246, 489, 490,
491, 521, томъ LI, 32.
Кушелевъ, гр., вице-презид. адмирал-
тействъ коллег. 1800 г., т. L, 453.
Кушелевъ-Везбороджо, гр., т. L, 229,
232—236.
Кюи, композит., т. L, 318.
Кюстинъ, т. LI, 22—24.

Лабзинъ, Александръ Фед., конференцъ-
секрет. акад. художествъ 1840 г., томъ
XLIX, 594.
Лаблашъ, пѣвецъ, т. LII, 746.
Лабынцовъ, генер., т. LI, 144.
Лавинскій, Г. Г., т. LI, 543.
Лавровъ, генер. 1877 г., т. LII, 455.
Лавровская, артистка, т. L, 677.
Лагранжъ, пѣвица, т. LII, 747.
Ладинскій, Петр. Антон., нач. гражд.
управл. на Кавказѣ 1844 г., т. L, 281,
282, 283, т. LI, 77, 78.
Лазаревскій, А. М., писат., т. XLIX,
205, 207.

Ламанскій, Евг. Ив., чл. редакц. ком.
1860 г., т. XLIX, 762, т. LII, 371.
Ламбертъ, гр., ген. 1812 г., т. L, 494—
506, 530.
Лажъ, помощн. генер.-штабъ-докт. 1833 г.,
т. LII, 592, 597, 601.
Ланжеронъ, гр., генер. 1812 г., т. L,
508, 510, 528.
Ланской, Сергій Степан., мн-ръ внутр.
дѣлъ съ 1855—1862 г., т. XLIX, 729, 761.
Левандовскій, ген.-маіоръ 1831 г., томъ
XLIX, 546, т. LII, 529, 530, 546, 549.
Левашевъ, Васи. Ив., ген. отъ инф.,
команд. д.-гв. Семенов. п., т. XLIX, 47.
Левашевъ, волыск. и подольск. ген.-
губернат., т. LII, 284.
Левенвольде, гр., Рейнгольдъ, об.-гсф-
маршалъ 1730 г., † 1758, т. L, 59,
62, 63, 64, 140, 152, 161, 162, 165.
Левенвольде, Карлъ, гр., оберъ-штабл.,
† 1735 г., т. XLIX, 289.
Левенштамъ, М. Ю., архитект., томъ LI,
638, 639, 641, 642, 649.
Левинскій, генер. 1877 г., т. XLIX, 219,
230, 235, 439, 440, 445, 446, т. LI, 221.
Леонидъ, архіеп. сарскій и подолскій,
1740 г., т. XLIX, 273.
Леонидовъ, Леонидъ Львов., артистъ
спб. театра, т. L, 655—674.
Леонковъ, пѣвецъ, т. LII, 737.
Леонтьева, Марія Павловна, директриса
Смолян. инстит. 1871 г., т. L, 326.
Лепарскій, Степ. Ром., коменд. Нерч.
остроговъ, † 1837 г., т. LI, 519.
Лепешкинъ, С. В., учредит. перв. студент.
общезитія при москов. унив. 1881 г.,
т. LII, 500.
Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ, писатель,
р. 1814 г., † 1841 г., т. XLIX, 514,
т. L, 442.
Лестожь, Марія, рожд. баронес. Менг-
денъ, т. L, 147.
Лестожь, Ив. Германъ, лейбъ-мед. им-цы
Елисаветы Петровны, р. 1692 года, †
1767 г., т. L, 60, 137—149, 150, 162, 163.
Лефорть, Франц. Яковъ, ген.-адмиралъ,
любимецъ Петра I, † 1699 г., томъ L,
15—21, 23, 81, 99.

Лешковъ, профес. москов. унив. 1843 г., т. LI, 383, 388.
 Де-Ливронъ, Францъ Ив., инспект. клас. морск. учил. 1820 г., т. LII, 712.
 Лидерсъ, гр., ген.-ад. 1853 г., т. L, 435.
 Лидиенфельдъ, жена камерг., т. L, 164.
 Липкинъ, Никл. Ив., инж. пут. сообщ. 1842 г., т. L, 446.
 Липранди, генер. 1812 г., т. L, 489.
 Лютъ, Францъ, композиторъ, т. LII, 485—490.
 Лятке, гр., Фод. Петр., адмир., т. XLIX, 401, 699, 761.
 Лышинъ, К. Н., т. LII, 477.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., А. Б., т. L, 76, 690.
 Ломанина, Надежда Андреев., т. XLIX, 645, 646, т. LI, 480—485.
 Ломанинъ, Гавринъ Яким., † 1885 г., т. XLIX, 645—666, т. L, 311—326, 334, 675—689, т. LI, 467—485.
 Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. LII, 28, 29, 31, 33, 35, 241, 250.
 Лонгиновъ, А. В., т. XLIX, 494, 504.
 Лопухина, статсъ-дама, т. L, 161—165.
 Лопухинъ, ген.-прокур., т. L, 163, 165, 234.
 Лореръ, Никол. Ив., декабристъ, замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
 Лорисъ-Меликовъ, Мих. Тариелов., ген.-ад., т. LI, 67, 448—461, 625, 629.
 Лохвицкій, I. В., сообщ.: «Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, встрѣча съ нимъ въ 1839 г.», т. L, 441, «Филаретъ, митрополитъ московскій», т. LI, 304.
 Лохвицкій, профес., т. XLIX, 197.
 Лошкаревъ, ген.-м., нач. 9-й кавалер. дивиз. 1877 г., т. XLIX, 440—444, т. LI, 668, 669, 671.
 Лубановскій, Ф. П., пензенск. губернат., вполс. сенат., т. LII, 639.
 Лузинскій, Василій, т. L, 710, томъ LI, 486.
 Лушковъ, Ив. Фод., придворн. библиотек., т. LII, 67—70.
 Лувановъ, Петр. Фомичъ, профес. воен.-юр. акад., сообщ.: «К. Д. Кавелинъ въ военно-юридической акад. въ 1879 г.», т. L, 461—462.

Лукашъ, тифлис. губ. 1856 г., т. LI, 61.
 Лунинъ, Мих. Серг., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
 Лунинъ, профес. 1840 г., т. XLIX, 185.
 Лутковский, Петръ Степ., адмир., томъ LII, 120, 122.
 Львовъ, кн., Г. В., † 1873 г., т. LII, 642.
 Львовъ, Ник. Ал., миров. посред., т. LII, 300.
 Львовъ, Алексій Фод., композит., дир. придворн. капеллы 1831 г., т. XLIX, 650—653, 660, 666, т. L, 544.
 Люблинскій, Юлианъ, декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 236.
 Любомировскій, кн., т. LII, 532, 533.
 Любощинскій, Марья Никл., чл. ред. комм., 1860 г., нынѣ чл. госуд. совѣта, т. XLIX, 452, 762.
 Люценко, директоръ Керченск. музея, 1870 г., т. L, 634.
 Лысенко, ген.-майоръ 1885 г., т. L, 409.
 Лядинъ, Пименъ Васильев., камергеръ, т. L, 168.

Магницкій, Леонтій Филип., авт. перв. арифметики, род. 1669 г., † 1739 г., т. L, 473.
 Мадатовъ, кн., ген.-майоръ 1820 год., т. L, 375.
 Мазюковичъ, инженер-полковн. 1877 г., т. LI, 681.
 Майеръ, военн. инж. 1877 г., т. LI, 235.
 Майковъ, Апол. Никол., писатель, т. LII, 412, 726.
 Майковъ, Апол. Александр., директ. Сиб. театр., т. LII, 623.
 Магарій Бугаковъ, митроп. московск., т. XLIX, 2.
 Макаровъ, Алексій Вас., кабин.-секр., † 1750 г., т. L, 50, 98.
 Макошиновичъ, Иоаннъ, митроп. тобольск., † 1715 г., т. XLIX, 589—592.
 Макутова, княг., Марія Влдим., томъ L, 594.
 Макутовъ, кн., Дм. Петр., посл. прав. русск. колоній въ Америкѣ 1867 г., т. XLIX, 552, т. L, 595, 596, т. LI, 612.

- Малининъ, Л. В., сообщ.: «Николай Ивановичъ Пироговъ 1881 г.», т. LI, 499—504.
- Малиновскій, генер. 1840 года, т. LI, 306, 307, 318.
- Малиновскій, Ф. Л., преподават. межев. законовъ въ учил. правовѣд., † 1855 г., т. LI, 731—734.
- Малиновскій, П. Ф., сообщ.: «Ф. Л. Малиновскій», т. LII, 731—734.
- Малышевскій, И. И., профессоръ, томъ XLIX, 504.
- Мамаевъ, ген.-лейт., т. XLIX, 44, 45.
- Мансуровъ, русск. послан. при прусск. дворѣ 1840 г., т. LI, 324—329, 331.
- Мамоновъ, гр., т. LII, 261.
- Мандерштертъ, коменд. Слб. крѣпости, т. LII, 730.
- Мансуровъ, А. П., фл.-ад., т. XLIX, 507, 508.
- Манюкинъ, ген.-лейт. 1863 г., т. LI, 411, 416.
- Манштейнъ, писат., ссмл. на его «Записки», т. L, 6, 13, 65, 119, 120, 121, 134, 151, 165, 473.
- Маріо, пѣвецъ, т. LII, 746, 747.
- Марія Александровна, им-ца, (Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, принц. Дармштатск.), род. 1824 г., † 1880 г., т. XLIX, 655, т. L, 323, 681, т. LI, 493.
- Марія Феодоровна, им-ца, р. 1759 г., † 1828 г., т. L, 52, 339, 340, 537, томъ LI, 10, т. LII, 275.
- Марія Павловна, вел. княг., въ супруж. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. L, 341, 343, 346, 348, 356.
- Марія Николаевна, велик. княг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, род. 1819 г., † 1876 г., т. LI, 26, 29, 31, 576, т. LII, 346—348, 369.
- Маркевичъ, писат., т. XLIX, 187.
- Марковъ, ген. 1812 г., т. L, 497, 501, т. LI, 260.
- Марковъ, профес. живописи, т. LII, 338—351.
- Марковъ, М. О., сообщ.: «Кастанъ Андреевичъ Коссовичъ», т. LII, 605—620.
- Марра, пѣвица, т. LII, 745.
- Мартыновъ, артистъ, т. LII, 631.
- Мартыновъ, Пав. Петр., команд. 1-гв. Измайловск. полк. съ 1821—1825 гг., т. XLIX, 260, 261.
- Мартыновъ, от., сообщ. стихотвор. Ф. И. Тютчева, т. LI, 355—356.
- Масальскій, вк., ген. 1877 г., т. XLIX, 220, т. LI, 221.
- Матѣ, В. В., художн., т. L, 222.
- Мацневичъ, фл.-ад., т. LII, 592.
- Матюшинъ, И. И., художникъ, томъ XLIX, 452.
- Матюшина, гр., первая статсъ-дама при Еваториѣ II, т. L, 52.
- Мей, писат., т. L, 217.
- Мейендорфъ, бар., ген.-ад. 1849 г., томъ XLIX, 573, 574, 761.
- Мейендорфъ, бар., предсѣд. москов. отд. мануфакт.-сов. 1846 г., LII, 380—388.
- Мелетій, митропол. болгарск. 1877 г., т. LI, 718—724.
- Мелиховъ, вк., Лев. Ив., г.-ад. 1863 г., т. LI, 624.
- Мелиховъ, князь, помощникъ намѣстн. кавказ. 1880 г., LII, 394.
- Меллсенно, генер. отъ артил. 1789 г. т. XLIX, 64.
- Мельниковъ, П. И., инж. пут. сообщ. 1842 г., т. L, 446, т. LI, 277, 290.
- Мельниковъ, Пав. Петр., проф. механ., вполн. мн-ръ пут. сообщ., т. XLIX, 105.
- Мельницкій, полковн. генер. штаба 1877 г., т. LI, 222, т. LII, 457, 458, 465, 472.
- Менгденъ, баронес., Юлія, воспитат., импер. Юанна Антоновича, т. L, 147.
- Менгденъ, бар., тн. сов. 1730 г., т. L, 53, 61—64.
- Меншикова, княг., Дарья Мих., рожд. Арсеньева, род. 1682 г., † 1728 г., т. L, 31.
- Меншикова, княг., Елисавета Петр., рожд. княж. Голицына, род. 1720 г., † 1764 г., т. L, 32.
- Меншиковъ, кн., флианд. ген.-губерн. т. LII, 284.

- Меншикова, княж., Александра Александр., въ зам. баронес. Виромъ, р. 1712 г., † 1736 г., т. L, 33.
- Меншикова, княж., Марія Александр., р. 1713 года, т. L, 32, 33.
- Меншикова, княж., Екатерина Никол., рожд. княж. Голицына, род. 1764 г., † 1832 г., т. L, 32.
- Меншиковъ, кн., Александр. Александр., ген.-аншефъ, род. 1714 г., † 1764 г., т. L, 32.
- Меншиковъ, кн., Сергѣй Александр., р. 1746 г., † 1815 г., т. L, 32.
- Меншиковъ, кн., Александр. Серг., морск. мн-ръ, р. 1787 года, † 1869 г., т. L, 388, 389, 390, 393, 397.
- Меншиковъ, кн., Александр. Данил., генералиссимусъ, чл. верховн. тайн. сов., р. 1674 г., † 1729 г., т. XLIX, 16, 66, т. L, 17, 18, 22—34, 36—51, 64, 71, 72, 76, 77, 88, 89, 113, 116.
- Мердеръ, Сара Никл., т. L, 361, 363, 368, 370, 534, 539, 540, 543, 548, 707, 708.
- Мердеръ, Карлъ Барл., ген.-ад., воспитат. цесарев. Александра Николаевича, р. 1787 г., † 1834 г., т. XLIX, 92, 399—410, т. L, 359—370, 462, 531—548, 707—709, т. LI, 575, т. LII, 237.
- Мерзляковъ, Алексѣй Фёдоров., проф., писат., т. L, 195.
- Метельскій, морской офицеръ 1820 г., т. LII, 713.
- Мещеринъ, ген. 1812 г., т. L, 511, 517.
- Мещерская, княж., Софья Серг., томъ XLIX, 593, 596.
- Мивлуха, инж.-кап. 1846 г., т. XLIX, 105, 110, 125.
- Мивѣшинъ, М. О., акад.-скульпт. 1886 г., т. L, 717, 719.
- Мидлеръ, фл.-ад. 1833 г., т. LII, 592.
- Миллеръ, Петръ Васил., т. LII, 491—494.
- Миллеръ, Ор. Ф., сообщ.: «Памяти А. И. Подолинскаго», т. XLIX, 513—516, упол. 745—759.
- Милорадовичъ, гр., Г. А., сообщилъ: «Указъ Петра I о привлеченіи сербовъ на русскую службу 1723 г.», т. L, 436.
- Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., спб. воен.-губернат., † 1825 г., т. XLIX, 64, т. LII, 715.
- Милошевичъ, Н., сообщ. «Севастополь въ ночь съ 27 на 28 августа 1855 г.», т. LII, 699—708.
- Милотинъ, Дм. Алексѣев., генер.-ад. воен. мн-ръ, т. XLIX, 241—256, т. L, 583, 586, 592, т. LI, 144, 145, 221, т. LII, 574, 579.
- Милотинъ, Юрій Никол., т. XLIX, 762.
- Милотинъ, Никол. Алексѣев., чл. гос. сов., р. 1818 г., † 1872 г., т. XLIX, 762, т. LII, 520.
- Минихъ, гр., Вѣра Никл., рожд. Чоглонова, т. L, 170.
- Минихъ, гр., Бурхардъ-Христофоръ, ген.-фельдмарш., род. 1683 г., † 1767 г., т. XLIX, 289, т. L, 58—64, 119—125.
- Минихъ, гр., А. С., т. L, 170.
- Минихъ, гр., Христіанъ Серг., т. L, 112.
- Минкина (Шумская), Наст. Фёд., до-моправит. гр. Аракчеева, т. L, 459.
- Мирновичъ, Фёд. Яковл., виленск. ген.-губернат. съ 1840—1860 гг., † 1866 г., т. LI, 305—334.
- Мировичъ, подпоруч. 1763 г., т. L, 74, 104, 108, 111.
- Мирскій, ген.-ад. 1877 г., томъ XLIX, 239, 442.
- Митковъ, Мих. Фотіев., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Митковъ, Мих. Платон., т. XLIX, 762.
- Михайлъ Павловичъ, вел. кн., род. 1798 г., † 1849 г., т. XLIX, 88, 93, 262, 400, 401, 402, 540, 541, 571, 572, 649, 736, т. L, 347, 354, 361, т. LI, 29, 30, 45, 46, 51, 576, 577, 580, 581, томъ LII, 714, 720.
- Михайлъ Николаевичъ, вел. кн., томъ XLIX, 260, 732, 761, т. LI, 26, 121, 122, 125, 127, 134, 135, 391, 640, томъ LII, 714.
- Михелсонъ, Ив. Ив., генер.-лейфтант., р. 1740 г., † 1807 г., т. LI, 261, 492.
- Мовгалевскій, Алексд. Ив., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Мовганъ, Пав. Дм., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.

Молдеръ, ген.-м. 1877 г., т. LI, 236.
 Монсъ (Монсъ де ла-Круа), Анна Ив., въ зам. Кайверлингъ, т. L, 83, 88—89.
 Монсъ, Вилимъ Ив., камергеръ 1724 г., т. L, 39, 85—87.
 Монферранъ, архитект., т. LI, 32, 33.
 Мордвиновъ, Сем. Ал., адмир., т. XLIX, 762, т. LI, 261.
 Мордвиновъ, Ник. Сем., т. LI, 300.
 Мордовцевъ, Дан. Лукчъ, писатель, т. XLIX, 195, 196, 201, сообщ.: «Николай Ивановичъ Костомаровъ въ послѣдніа десять лѣтъ его жизни, 1875—1885 гг.», 323—360, упом. т. L, 327, 358, 624, 626, 629, 654.
 Морошкинъ, И. Я., сообщ.: «Феофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской въ 1706—1741 гг.», т. XLIX, 1—38, 265—292.
 Морошкинъ, Фед. Лукчъ, проф. моск. унив. 1843 г., т. LI, 383—387.
 Мочаловъ, Пав. Степ., арт.-траг., т. L, 183—197, 656, 657, 669, 671, 691, 705.
 Муравьевъ, Никита Мих., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LI, 235.
 Муравьевъ, Алексдр. Мих., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LI, 235.
 Муравьевъ, Артамонъ Захар., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LI, 235.
 Муравьевъ, Алексдр. Никл., полковн. ген. штаба, декабр., вполн. Иркутск. полиціим., нижег. губерн., сенат., † 1863 года, замѣтка о портретѣ, т. LI, 235, упом. т. LI, 165, 169, 543, 544, т. LI, 81.
 Муравьевъ, гр., Мих. Никол. (Виленскій), р. 1796 г., † 1866 г., т. XLIX, 602, 623, 642, 761, т. LI, 587.
 Муравьевъ - Карскій, Никол. Никол., ген.-ад., р. 1793 г., † 1866 г., т. XLIX, 734, 735, т. L, 563, 568—577, т. LI, 59—68, 109, 155, 168.
 Муравьевъ, Андрей Никол., дс. ст. сов., камергеръ, писат. духовн. соч. («Путеш. въ св. мѣстамъ»), р. 1805 г., † 1874 г., т. XLIX, 596, 666, т. L, 462.
 Муравьева-Апостоль, гр., Анна Семен., рожд. Черноевичъ, † 1810 г., т. LI, 151, 153, 154.

Муравьевъ-Апостоль, Ив. Матв., сенат., р. 1762 г., † 1851 г., т. LI, 151—154, 164.
 Муравьевъ-Апостоль, Серг. Ив., кап. л.-гв. Семеновск. полк. 1820 г., декабр., р. 1796 г., † 1826 г., замѣтка о портретѣ, т. LI, 235, упом. т. LI, 153, 1154, 60—164, 520—524, 550, т. LI, 727—730.
 Муравьевъ-Апостоль, Япол. Иванов., декабр., † 1826 г., т. LI, 163, 520.
 Муравьевъ-Апостоль, Матв. Иванов., декабр., р. 1793 г., † 1896 г., т. LI, 151—170, 519—552, т. LI, 235—236, 286, 727—730.
 Мусинъ-Пушкинъ, почечнт. спб. учебн. окр. 1848 г., т. LI, 495—498.
 Мусинъ-Пушкинъ, В. П., ген.-адъют. 1792 г., т. LI, 269.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., И. А., т. XLIX, 9, 13, 35, 36.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., русск. посоль въ Неаполѣ, т. L, 55.
 Мухановъ, Петръ Алексдр., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LI, 235.
 Мухинъ, профессоръ москов. универс., т. LI, 614.
 Мухранскій, кн., Георгій Конст., сенат., ст.-секрет., т. LI, 61, 68, 79, 465, 618.
 Мухранскій, кн., Ив. Конст., начальн. гурійск. отряда, т. LI, 68.
 Мызниковъ, майоръ, команд. 2-го батал. Тифлисс. егерск. полка 1844 г., томъ L, 381—382.
 Мюльгаузенъ, Ф. Б., проф. моск. унив. 1843 г., т. LI, 389.

Набимовъ, Серг. Ив., полк. 1850 г. т. LI, 81.
 Набоковъ, Ив. Федор., секрет. тайн. канцел., † 1753 г., т. L, 713.
 Нагаевъ, адмир., гидрографъ, † 1780 г., т. LI, 44.
 Нагловскій, ген.-м. 1877 г., т. LI, 659.
 Надеждинъ, проф., т. L, 188.
 Назаровъ, ген., зрянск. губернат., т. L, 574.

- Назимовъ, Мих. Алекстр.,** декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235, упом. т. LI, 528, 540, т. LII, 235.
- Назимовъ, ген.-м.** 1849 г., т. XLIX, 573.
- Назимовъ, Влад. Ив.,** вилensk. генер.-губерн. 1856 г., т. LII, 549, 550.
- Нарышкина, Марья Вас.,** рожд. княж. Долгорукова, т. XLIX, 381, 384.
- Нарышкина, Елена Алекстр.,** въ зам. гр. Суворова-Рымникская, т. L, 354
- Нарышкина, Марина Осиповн.,** рожд. Захревская, т. L, 157.
- Нарышкинъ, Левъ Алекстр.,** т. L, 157, т. LII, 282.
- Нарышкинъ, М. М.,** декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 236, упом. 286, 287.
- Нарышкинъ, Васил.,** Львов., т. LII, 293.
- Нарышкинъ, об.-егермейст.,** т. L, 91.
- Нарышкинъ, Емануилъ Дм.,** т. XLIX, 395, 396, 397, 398, т. LII, 287, 289.
- Нарышкинъ, Левъ Кирил.,** т. XLIX, 377—394.
- Наталья Алексѣевна, царевна,** р. 1714 года, † 1728 г., т. L, 32.
- Наталія Алексѣевна (принцесса гессенъ-дармштадтская Вильгельмина),** вел. княг., первая супруга цесарев. Павла Петровича, род. 1755 г., † 1776 г., т. L, 157.
- Нахимовъ, Пав. Степ., адм.,** р. 1803 г., † 1853 г., т. L, 416, 421.
- Нахимовъ, Плат. Степ.,** инспект. моск. унив. 1843 г., т. LI, 358—362, 375, 382, т. LII, 713.
- Нашевъ, вице-адм.** 1765 г., т. LII, 239.
- Неволянъ, К. А.,** проф. спб. унив., т. L, 210, 214.
- Нейгардтъ, Алекстр. Ив.,** ген.-ад., об.-квартирмейст. армии 1831 г., т. XLIX, 536, 547, 548, т. L, 268, 273, 381.
- Нейрейтеръ, пѣвица,** т. LII, 737.
- Нежрасова, Е. С.,** сообщ.: «Елена Андреевна Гавъ 1814—1842 гг.», т. LI, 335—354, 553—574, т. LII, 749.
- Нежрасовъ, Никол. Алексѣев.,** поэтъ-писат., р. 1821 г., † 1877 г., т. XLIX, 515, 710, т. L, 619, т. LII, 484 752.
- Нелидова, камеръ-фрейлина** 1798 года, т. L, 348.
- Нелюбинъ, А. П.,** профес., т. LII, 569.
- Немировичъ-Данченко, писатель,** томъ LII, 397.
- Непомойчицкій, Артуръ Адамов, ген.** 1877 г., т. XLIX, 219, 230, 235, 237, 239, 434, 435, 439, 446, т. LI, 221, 232, 239, 661, 669, 680, 686.
- Нессельроде, гр., Карлъ Вас.,** канц., род. 1780 г., † 1862 г., т. XLIX, 761, т. LI, 33, 34.
- Неффе, профес. живоп.,** т. LII, 342.
- Нечаевъ, С. Я.,** учен. секрет. мед.-х. акад. 1838 г., т. LII, 552, 553, 558.
- Никитенко, проф.,** т. XLIX, 196.
- Никитинъ, гр., Алексѣй Петр.,** ген. отъ артил. 1832 г., т. LI, 105.
- Никитинъ, полковн.,** т. LII, 532, 533.
- Николаи, А. П.,** бар., вач. главн. управ. на Кавказѣ 1863 г., томъ XLIX, 723, томъ LI, 617, 624.
- Николай I, импер.,** р. 1796 г., † 1855 г., Письмо къ нему англичанки Биртъ 1826 г., т. XLIX, 577—580, Переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 539—548, Обѣдъ, данный московскому купечеству, т. LI, 575—582, Импер. Николай и король Фридрихъ Вильгельмъ IV, 305—334, Записка его къ военному министру гр. Чернышеву 1849 г., томъ XLIX, 571—574, Записка кн. Варшавскому, 574—575, Записка къ военному министру кн. Долгорукому 1854 года, 576, Письмо къ гр. Сакену, т. L, 357, упом. т. XLIX, 88, 111, 112, 115—122, 137, 139, 152, 180, 196, 226, 260, 293, 295, 312, 366, 372, 384, 415—423, 683, 729, 735, т. L, 218, 246, 248, 254, 261, 280, 347, 351, 440, т. LI, 23, 27, 31, 44, 47, 105—108, 136, 151, 167, 203, 295, 296, 299, 304, 547, 636, 637, 640, 641, т. LII, 45, 46, 80, 284, 491—494, 514, 518—526, 534, 536, 540, 549, 583, 709, 713—723.
- Николай Александровичъ, вел. кн. цесарев.,** † 1865 г., т. L, 318, 319.

- Николай Николаевичъ**, вел. кн., томъ XLIX, 761, т. LI, 391, 640, 641, 645, 670, 673, т. LII, 217, 449, 455, 460—462, 579.
- Николай Михайловичъ**, вел. кн., томъ XLIX, 738, 740.
- Ниловъ**, Д., сообщ.: «Замѣтка о родословіи А. П. Волынскаго», т. L, 690.
- Новиковъ**, Ив. Александр., т. XLIX, 762.
- Новицкій**, нач. штаба 4-го корп. 1877 г., томъ LI, 242.
- Новосильцевъ**, Фед. Мих., адмир., томъ LII, 716.
- Новосильцевъ**, сенат. 1824 г., т. LII, 604.
- Новосильцевъ**, Пав. Мих., правитель канцел. мн-ра народн. просв. 1825 г., т. LII, 710.
- Новосильцевъ**, камергеръ 1843 года, томъ LI, 291.
- Норовъ**, Абрамъ Серг., мн-ръ народн. просв., † 1869 г., т. XLIX, 761.
- Нотбевъ**, архитект. Воспит. дома 1871 г., томъ LI, 645.
- Нѣмченко**, Петръ Ив., секрет. москов. сената 1844 г., т. LII, 647.
- Оболенскій**, кн., Евг. Петр., декабр., зам. о его портр., т. LII, 236, уп. т. LI, 165, 552.
- Оболенскій**, кн., Род. Андр., гофмейст., т. LII, 645, 646.
- Оболенскій**, кн., чл. государств. сов., † 1873 г., т. XLIX, 664, т. LII, 639, 642.
- Оболенскій**, кн., Воронежск. губернат. 1877 г., т. XLIX, 228.
- Обольяниновъ**, ген. отъ инф., т. L, 255.
- Огарева**, Наталья Алексѣев., рожд. Тучжова, т. LII, 149—180, 314, 316.
- Огаревъ**, Никол. Платонов., писатель, т. LII, 149—180, 313—319, 653—690.
- Огаревъ**, ген.-ад. 1849 г., т. XLIX, 119.
- Одинцовъ**, Алексѣй Алексѣев., ген. отъ инф., бывш. нижегородск. губернаторъ, † 1886 г., т. L, 725—728.
- Одоевскій**, кн., Владим. Фед., писатель, т. XLIX, 656, 657, 660—665, т. L, 693.
- Одоевскій**, кн., Александр. Ив., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236.
- Ознобишинъ**, полтавскій губернаторъ 1849 г., т. LII, 722.
- Олофъ** (Олицъ), Петръ Ив., ген.-аншефъ, † 1771 г., т. L, 173—174.
- Ольга Феодоровна**, вел. княг., томъ XLIX, 738.
- Ольга Николаевна**, вел. княж., въ зам. корол. Виртембергская, р. 1822 года, т. LI, 26, 29, 576.
- Ольденбургскій**, принцъ, Петръ Георгиевичъ, т. XLIX, 375, 376, 761, т. L, 220, 317, 367, т. LI, 33, 35, 36, 640, 644, 649, т. LII, 732.
- Ольшевскій**, Мелетій Яковл., ген.-отъ инф., сообщ. свои воспоминанія «Первый кадетскій корпусъ въ 1826—1833 годахъ», т. XLIX, 63—95, упом. 587, 588, т. L, 563—592, т. LI, 120, 126, 128, 140.
- Опезушинъ**, А. М., акад.-скульпторъ 1885 г., томъ XLIX, 263, томъ L, 719, 723, 724.
- Опочинкинъ**, Фед. Пет., т. LII, 741.
- Орбелиани**, княж., Марья Ив., т. XLIX, 523, 524.
- Орбелиани**, кн., Дм. Оом., тифлис. губерн. предв. дворян. 1841 г., т. LI, 617.
- Орбелиани**, кн., Григ. Дм., ген.-ад. 1862 года, т. L, 272, т. LI, 75, 620, 624, 626—628.
- Орбелиани**, кн., Александр. Давид., тифлисск. губерн. предв. дворян. 1862 г., т. LI, 63, 620.
- Ореусъ**, Ив. Ив., генер.-майоръ 1886 г., т. L, 717.
- Ореусъ**, директ. полодск. кадетск. корп., т. XLIX, 75.
- Орлова**, княг., Екат. Никол., рожд. Зиновьева, т. LI, 16, 17.
- Орловъ**, гр., вполн. кн., Алексѣй Фед., чрезвыч. посолъ при турецкомъ дворѣ 1829, шефъ жанд., † 1861 г., LI, 75, т. LII, 491—494, 530.
- Орловъ**, Григ., полковн. стрѣлецк. войска, т. LI, 6.
- Орловъ**, кн., Григ. Григ., ген.-фельдцейх-мест., р. 1734 г., † 1783 г., т. LI, 6—20, 513.
- Орловъ**, Фед. Григ., т. LI, 6.
- Орловъ**, Владим. Григ., т. LI, 6.

- Орловъ, гр., Алексѣй Григ., т. L, 187, т. LI, 6, 9, 261, 514.
- Орловъ, Ив. Григ., т. LI, 6.
- Орловъ, гр., А. Θ., шефъ жанд., томъ XLIX, 112, 419, 420, 422, т. LII, 80.
- Осетровъ, прокур., т. LI, 722.
- Остенъ-Сажень, бар., Θ. Р., секрет. географ. общ., т. XLIX, 698.
- Остерманъ, гр., Марса Иванов., рожд. Стрѣшинева, т. L, 66.
- Остерманъ, гр., Александра Ив., рожд. Талызина, т. L, 68.
- Остерманъ, гр., Андр. Ив.; кабинетъ-министръ 1740 г., † 1747 г., т. XLIX, 23, 37, 263, 269, 278, 289, т. L, 44, 49, 54—69, 122, 123, 140.
- Остерманъ, нижен.-генер. 1826 г., томъ LII, 718.
- Остерманъ, Ив. Андреев., вице-канцл., † 1811 г., т. L, 67, т. LII, 56.
- Остерманъ, Ив. Ив. (Иванъ-Христіанъ-Фридрихъ), мекленбургск. послан. при русск. дворѣ 1735 г., т. L, 70.
- Остерманъ, Фед. Андреев., ген.-аншефъ, † 1804 г., т. L, 66, 68.
- Островскій, Александр. Никл., писатель, р. 1823 г., † 1886 г., т. XLIX, 737, т. L, 619, 666, 695, 696, 700, томъ LI, 245—246, т. LII, 725—726.
- Отъ, нижен. пут. сообщ. 1849 г., томъ XLIX, 108, 110.
- Павелъ I**, импер., р. 1754 г., † 1801 г., т. XLIX, 41—56, т. L, 13, 21, 23, 52, 67, 68, 108, 151, 156, 157, 176, 177, 221, 232—236, 240, 241, 339—356, 452, 467, 471, 472, 690, т. LI, 5, 10, 18, 19, 44, 45, 151—153, 167, 249, 256, 257, 264, 487, 488, 494, т. LII, 47, 48, 69, 70, 223, 262—276.
- Павловъ, ген., нач. II-й пѣхотн. дивиз. 1853 г., т. L, 387, 389, 394, 400.
- Павловъ, П., комендантъ Яссы 1877 г. т. XLIX, 221.
- Павловъ, профес. москов. университета, т. LII, 614.
- Павловскій, И. Фр., сообщ. „Петровскій полтавскій корпусъ“, т. LII, 717—723.
- Павлинъ, пѣвецъ, т. LII, 738.
- Палавандовъ, кн., тифлис. губернат. 1837 г., т. XLIX, 529, 532, 533.
- Паленъ, П. П., т. L, 446, т. LI, 244.
- Паленъ, гр., Петръ Алексѣев., ген. отъ кавал., суб. генер.-губерн. 1799 года, р. 1745 г., † 1826 г., т. L, 235, 236.
- Паленъ, нижен. 1842 г., т. L, 446.
- Паленъ, гр., Петръ, чл. госуд. совѣта 1861 г., т. XLIX, 761.
- Паллибинъ, профес., т. L, 210, 211.
- Панаевъ, И. И., писат., т. XLIX, 129.
- Панинъ, гр., Никита Ив., канцлеръ, бывш. воспит. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., т. L, 66, 67, 690, т. LI, 6, 10, 12, 13, 17, 261.
- Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиціи 1840 г., нач. II отд. 1865 г., род. 1801 г., † 1874 г., т. XLIX, 373, 451—452, 683, 761, т. LII, 517, 522, 530.
- Пановъ, Александр. Семенов., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Панфиловъ, адмир. 1855 г., т. L, 416.
- Паскевичъ, гр. Эриванскій, кн. Варшавскій, Ив. Фед., ген.-фельдмаршалъ, † 1856 г., т. XLIX, 403, 574, 575, 736, т. L, 263, 369, 371, 377—380, 430, 431, 433, 533, т. LI, 32, 306, 307, 308, 317, 318, т. LII, 201, 284.
- Пассежъ, Татьяна Петр., рожд. Бучина, сообщ.: «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. XLIX, 453—464, т. LII, 149—180, «Радаевъ, поэма», 465—482.
- Пассежъ, Вадимъ, т. XLIX, 182.
- Паста, пѣвица, т. LII, 747.
- Паткуль, Александр., ген.-ад., † 1877 г., т. XLIX, 92.
- Паулуччи, маркизъ, Филиппъ Осипов., ген.-лейт. 1810 г., т. L, 372—375.
- Пелижанъ, В. В., директ. мед.-хирург. акад., т. LII, 569, 570.
- Перевощиновъ, профес. москов. учил., т. LII, 614.
- Перовскій, оренбургск. ген.-губернат., т. LII, 234.

- Перовій, Мих. Степан., ген.-маіоръ, дир. 1-го кадетск. корп. 1826 г., т. XLIX, 64, 74, 76, 88, 93, 587.
- Петръ I, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. XLIX, 4, 7—14, 20, 23, 34, 35, 142, 151, 291, 311, 509—512, 550, 757, т. L, 6—28, 31, 36—56, 59, 61, 70—105, 113, 117, 122, 138, 172, 239, 241, 436, 467, 469, 470, 472, 473, 474, 479, 712, т. LI, 6, 263, 264, 266, 267, 488, 551, т. LII, 730.
- Петръ II, Алексѣев., императ., р. 1715 г., † 1730 г., т. XLIX, 23, 35, 36, 37, 276, т. L, 26, 29, 30, 32, 33, 39, 43, 51, 56, 59, 72, 96, 98, 101, 107, 113, 135, 138, 159.
- Петръ III, Фёдоровичъ, импер., р. 1728 г., † 1762 г., т. XLIX, 276, т. L, 5, 7, 38, 52, 58, 60, 74, 79, 103, 105, 124, 125—129, 142—153, 173—176, 340, 341, 469, т. LI, 2—10, 48, 252, 488, 489, 514.
- Петрашевскій, Мих. Вас., 1850 г., томъ L, 200.
- Петровъ, генер., т. LI, 144.
- Петровъ, профес., т. LII, 509.
- Петровъ, О. А., артистъ, т. LII, 484, 737, 738, 741, 752.
- Петрушевскій, ген.-лейтенантъ 1886 г., т. LI, 579.
- Пецольдъ, саксонск. послан. при русск. дворѣ, т. L, 6.
- Пещуровъ, кап. 1-го ранга 1867 г., томъ XLIX, 552, т. L, 596.
- Пирогова, Александра Антон., т. L, 439.
- Пироговъ, Никол. Ив., хирург., профес., 1810 г., † 1881 г., т. L, 439, томъ LI, 689—701, т. LII, 499—507.
- Писемскій, Алексѣй Феоф., писат., томъ L, 197, т. LII, 726.
- Платовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атам. войска донск. 1799 г., т. XLIX, 48—54, т. L, 517.
- Плетневъ, Петр. Алексдр., акад.-писат., † 1864 г., томъ XLIX, 195, томъ LII, 134, 139, 521.
- Плещеевъ, писат., т. XLIX, 513.
- Побѣдоносцевъ, К. Н., об.-секрет. общ. собр. москов. департ. сената 1861 г., т. XLIX, 509, т. L, 216.
- Повалыгинъ, адмир., т. LI, 261.
- Повало-Швейковскій, И. С., декабр., замѣтка о его портретѣ, т. LII, 236.
- Повало-Швейковскій, Тобольск. губ., т. LI, 547.
- Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 г., † 1875 г., т. XLIX, 182, 194, 258, т. LI, 377, 384, т. LII, 129, 614, 617, 624.
- Подъяіо, Алексдр. Виктор., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Подъяіо, Осипъ Виктор., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235.
- Подолинскій, Андрей Ив., поэтъ, род. 1806 г., † 1886 г., т. XLIX, 513—516, т. LI, 173—202.
- Пожалостинъ, Ив. Петр., гравёръ на мѣди, акад., адъюнктъ-профес. 1884 г., т. XLIX, 256.
- Повежковскій, Ф. А., чл. совѣта глав. общ. рос. жел. дорогъ 1886 г., томъ L, 443—447.
- Полевой, Никл. Алексѣев., писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. L, 193, 194, 657.
- Полетина, П. Ив., дипломатъ, т. L, 490.
- Полонскій, Яковъ Петр., писат., томъ XLIX, 601, 607, т. LII, 726.
- Полтнинъ, генер., т. LI, 144.
- Полторацкій, Марк. Фёд., директ. имп. капеллы, † 1795 г., т. L, 174.
- Пономаревъ, Прокон. Ив., мануфакт.-сов. 1833 г., т. LI, 576.
- Пономаревъ, С. И., т. L, 222.
- Попандопулло, ген., атаманъ Терскаго казач. войска, т. L, 586, 592, т. LI, 109.
- Поповъ, Вас. Степан., т. LII, 265.
- Поповъ, А. Н., † 1877 г., смыл. на его изслѣдов.: «Отечественная война 1812 года», т. L, 489.
- Попши, пѣвица, т. LII, 745.
- Порошинъ, смыл. на его Зап., т. L, 473.
- Поссе, нѣж. пут. сообщ. 1842 года, томъ L, 446.
- Потемкина, Татьяна Борис., т. XLIX, 666, т. LI, 304.
- Потемкинъ, Яковъ Алексѣев., ген.-ад., команд. л.-гв. Семеновск. полка съ 1813—1820 г., т. LI, 160.
- Потемкинъ, Пав., генер., т. L, 154.
- Потемкинъ, гр., С. П., т. LII, 627.

- Потемкинъ-Таврическій**, кн., Григор. Александр., ген.-фельдмарш., р. 1738 г., † 1791 г., т. L, 5, 156, т. LI, 16, 32, 133, 134, 260, 261, 491, 493, 513, 514, т. LII, 49, 83, 85, 259—268, 531.
- Потоцкая**, гр., Софія, т. LII, 260.
- Потоцкій**, гр., Мих., т. LII, 531.
- Попманъ**, Семен. Автоп., директ. учыл. правовѣд., † 1848 г., т. XLIX, 364, 365.
- Прасковья Ѳедоровна**, царница, т. L, 29.
- Прозоровъ**, Г. М., субъ-инспект. м.-х. акад. 1838 г., т. LII, 552, 553.
- Прозоровскій**, кн., Петръ Иван., томъ XLIX, 13.
- Протасова**, камеръ-фрейлина 1797 г., т. L, 342.
- Протасовъ**, гр., Н. А., об.-прокур. св. синода, т. LI, 292, 297, 299.
- Пугачевъ**, Емельянъ Ив., † 1775 г., томъ LI, 492.
- Путятина**, княг., рожд. гр. Сиверск., т. L, 167.
- Путятинъ**, кн., т. L, 164, 165.
- Путятинъ**, кн., камерг., директ. строит. части, т. L, 166.
- Пушкинъ**, Александръ Серг., р. 1798 г., † 1837 г., т. XLIX, 516, 736, т. L, 217, т. LI, 353, т. LII, 510, 521, 614.
- Пуштинъ**, Ив. Ив., декабристъ, замѣт. о его портретѣ, т. LII, 236, упом. т. LI, 165, 552.
- Пфейферъ**, полковникъ генер. штаба 1877 г., т. LI, 235.
- Пыпинъ**, Алекандр. Никол., р. 1833 г., т. XLIX, 331.
- Рагожинъ**, Пав. Наз., мануфакт.-сов. 1833 г., т. LI, 576.
- Радде**, Г. И., директ. кавказ. музея и публич. библиот. 1886 г., т. XLIX, 740.
- Радецкий**, ген.-ад. 1877 г., т. XLIX, 442, 443, 445, 447, т. LI, 144, 219, т. LII, 467, 468, 579.
- Радвижовскій**, И. Ф., сообщ.: «Попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ», т. LII, 495—498.
- Раевскій**, Никол. Никол., ген. отъ кавы. 1812 г., т. LI, 550.
- Раевскій**, Никл. Ѳед., свящ.-законоучит. 1-го кадет. корп. 1826 г., т. XLIX, 95.
- Разумовская**, гр., Екат. Ив., рожд. Нарышкина, † 1771 г., т. L, 157.
- Разумовская**, гр., Варвара Петровна, рожд. гр. Шереметева, т. L, 157.
- Разумовскій**, гр., Алексѣй Григорьев., ген.-фельдмарш., † 1771 г., т. L, 152—154, 160, т. LII, 48.
- Разумовскій**, гр., Кирилль Григорьев., ген.-фельдмарш., презид. акад. наукъ, р. 1734 г., † 1783 г., т. L, 155—158, т. LI, 9.
- Разумовскій**, гр., Алексѣй Кирил., тн. сов., ми-рѣ народн. просв., р. 1748 г., † 1822 г., т. L, 157.
- Разумовскій**, русск. посолъ въ Стокгольмѣ, т. LII, 270.
- Райзеръ**, Викентій Викентьев., вице-презид. бергъ-коллегии, † 1755 г., т. L, 103.
- Растрелли**, гр., архитект., т. L, 153.
- Рахмановъ**, инспект. слб. театр. учыл., т. LII, 622.
- Рачинскій**, С. Н., т. XLIX, 668.
- Ревдъ**, Никол. Андреев., ген. отъ кавы. 1856 г., т. LI, 55, 56, 57, 58.
- Ревьеръ**, комендантъ Сиб., † 1788 г., т. LI, 265.
- Рейгардтъ**, Ив. Ив., пианистъ, т. LII, 487.
- Рейтлингеръ**, ген. 1877 г., т. LII, 451.
- Рейхель**, Марья Каспаров., рожд. Эрнъ, т. XLIX, 456.
- Ремезовъ**, И. С., сообщ. «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ 1826 г.», т. L, 437.
- Решникъ**, кн., Н. В., т. LI, 491, 493, 494.
- Решникъ**, кн., малороссійск. ген.-губернат., т. LI, 160.
- Реутъ**, Иосифъ Автопов., генер.-лейт., т. LI, 56.
- Ржовская**, Надеж. Ѳед., сообщ. «Императоръ Николай и московское купечество на обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ», т. LI, 575—582.
- Рибасъ**, О. М., ген. 1790 г., т. LI, 18, 493.
- Рибошьеръ**, гр., т. LII, 531.
- Рибошьеръ**, гр., чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.

Рижордъ, Петръ Ив., адм., т. LII, 123.
 Римскій-Борсаковъ, Я. Н., т. XLIX, 10.
 Римскій-Борсаковъ, литовск. ген.-губ., т. LII, 546.
 Рихтеръ, Ѳ. Ѳ., профес. архитект., т. LI, 636, 637, 638.
 Ровере, пѣвецъ, т. LII, 742.
 Ровинскій, Д. А., т. L, 216.
 Рожновъ, Петръ Мих., директ. морск. корп. 1824 г., т. LII, 712, 714, 715.
 Ровень, бар., Григ. Влади., т. XLIX, 529, 530, 533.
 Ровень, бар., ген.-ад. 1831 г., т. XLIX, 544, 545.
 Ровень, бар., Андр. Евг., декабристъ, замѣт. о его портретѣ, т. LII, 236.
 Ровень, грузинск. ген.-губ., т. LII, 234.
 Рововъ, об.-прокур. сената въ Москвѣ 1848 г., т. L, 283—286.
 Рокасовскій, бар., чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
 Романовъ, А. И., управл. Царскосельск. жел. дор., т. L, 446.
 Романовъ, ген.-м. 1851 г., т. XLIX, 122.
 Ромбергъ, капельмейст., т. LII, 739.
 Роопъ, ген.-ад. 1886 г., т. LII, 579.
 Рославлевъ, ген.-поруч., т. L, 170.
 Россн, пѣвецъ, т. LII, 746.
 Россини, композиторъ, т. LII, 741.
 Ростовцевъ, гр., Н. Я., т. XLIX, 762.
 Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., ген.-ад., предсѣд. редакц. ком. 1860 г., р. 1803 г., † 1860 г., т. XLIX, 451, т. LII, 719, 721.
 Ростопчина, гр., писат., т. LI, 337, т. LII, 79, 80.
 Ростопчинъ, гр., Ѳед. Васил., об.-камерг., ген.-инф., моск. главнокоманд. 1812 г., р. 1765 г., † 1826 г., т. L, 235.
 Рубини, итал. пѣвецъ, т. LII, 736—740, 744, 745.
 Рубинштейнъ, Григ. Абрамов., т. L, 440—441.
 Рубинштейнъ, Антонъ Григ., артистъ, т. L, 318, 440—441.
 Рубинштейнъ, Ник. Григ., т. L, 684, 686, 688, т. LI, 470.
 Рудавовъ, Ѳ. Д., сообщ. «Императоръ Николай Павловичъ, эпизодъ изъ его жизни», т. LI, 105—108.

Рудзевичъ, ген.-майоръ, наказн. атаманъ кавказ. линейн. казач. войска 1854 г., т. L, 569, 574, 575, 576, 585, 592, т. LI, 146.
 Руженичъ, Мих., декабристъ, замѣт. о его портретѣ, т. LII, 236.
 Рулье, профес., т. L, 183.
 Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алексдр., фельдмарш., р. 1725 г., † 1796 года, т. XLIX, 64, т. L, 474, 479, т. LI, 32, 248, 261, 491, 494, 512, т. LII, 49—57, 271, 272.
 Рутенбергъ, А. И., инспект. уч. право-вѣд. 1850 г., т. XLIX, 361, 362, 363, т. L, 199, 204.
 Рыбниновъ, Ив. Назар., мануфактуръ-совѣтн. 1833 г., т. LI, 575—582.
 Рывачевъ, Алексдр. Петр., т. LII, 712.
 Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
 Рѣдвинъ, П. Г., профес., т. LI, 363, 364, 365, 370, 374, 375, 376, 381.
 Рѣшнъ, декабристъ, замѣт. о его портретѣ, т. LII, 236, упом. т. LI, 535.
 Рѣпинскій, Григ. Косым., сообщ. «По вопросу объ учрежденіи лоттерей 1771 года», т. LI, 271—276.
 Рюминъ, москов. об.-прокур., т. LII, 543.
 Сабанѣевъ, ген. 1812 г., т. L, 506, 512.
 Сабуровъ, А. И., директ. спб. театр. учил., т. LII, 485, 628.
 Садовскій, Провъ Мих., арт. московск. театр., т. L, 698—702, т. LII, 633, 635.
 Савенъ, ген., корпусн. команд. 1812 г., т. L, 491, 501—505, 528.
 Савенъ, гр. 1825 г., т. L, 357.
 Савенъ, бар., ген. 1831 г., т. XLIX, 541.
 Савенъ, гр., фельдм., т. LII, 284.
 Салтыковъ, гр., Ив. Петр., ген.-ад., т. LII, 63, 64.
 Салтыковъ, Мих. Евгр., писат.-сатирикъ, бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд. 1860 г., т. XLIX, 762, т. L, 217.
 Салтыковъ, ген.-лейт. 1727 г., т. L, 29.
 Салтыковъ, гр., Ник. Ив., фельдмарш., т. LI, 261.
 Салтыковъ, вн., Алексѣй Дм., т. LII, 488.

- Сальви, пѣвецъ, т. LII, 745.
- Самгинъ, Андрей Дм., сообщ. «Помина-
ніе гр. Аракчеева въ 1828 г.», т. L,
459—460.
- Самойлова, Вѣра Васил., артист., томъ
LII, 624, 627.
- Самойловъ, ген.-прокур., т. L, 339.
- Самойловъ, Васил. Васил., арт., т. XLIX,
649, т. L, 447, 667, 670.
- Самойловъ, горн. инж., т. L, 447.
- Самсоновъ, ген.-лейт., т. XLIX, 698.
- Сапуновъ, А., т. XLIX, 509.
- Сапѣга, гр., Петръ, т. L, 32, 108.
- Сафоновъ, Степанъ Васильев., директ.
канцел. намѣстн. кавказск., т. L, 283,
т. LII, 390.
- Сафоновъ, Мих. Ив., ген.-поруч., т. L, 111.
- Свинкинъ, адмир. 1880 г., т. LII, 400.
- Свистуновъ, П. И., декабристъ, замѣт.
о его портретѣ, т. LII, 235.
- Святловскій, ген., перв. директ. пет-
ровск. корп. 1840 г., т. LII, 719—721.
- Святопольдъ-Мирскій, кн., т. L, 592.
- Селифонтова, Наталья Сергѣев., рожд.
Волынская, т. L, 715.
- Селифонтова, Софья Петр., т. L, 716, 717.
- Селифонтовъ, Мих. Петр., ген.-майоръ,
т. L, 716.
- Селифонтовъ, С. М., т. L, 690.
- Семевскій, Васил. Ив., сообщ. «Нико-
лай Ивановичъ Костомаровъ 1817—1885
года», т. XLIX, 181—212, 331, «Кон-
стантинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Запи-
ска объ освобожденіи крестьянъ въ
Россіи 1855 г.», т. XLIX, 131—180,
293—320, т. L, 287—310.
- Семевскій, Мих. Ив., редакт. «Русской
Старины», сообщ. «Адольфъ Петровичъ
Берже», т. XLIX, 727—744», «Василій
Ивановичъ Водовозовъ», т. L, кн. VI,
стр. I—IV, упом.: т. XLIX, 31, 132,
291, 491, 663, 669, 762, 763, т. L, 717,
720, т. LI, 194—202, т. LII, 201, 725, 726.
- Семенова, пѣвица, т. LII, 737.
- Семеновъ, Васил. Никол., пошеят. кав-
каз. учебн. окр. 1844 г., т. L, 280, 281,
282, 283, т. LI, 75, 463, 617.

- Семеновъ, Степ. Мих., доцентъ моск.
унив., декабристъ, замѣт. о его пор-
третѣ, т. LII, 235, упом. т. LI, 545—548.
- Семеновъ, Д. Д., т. L, кн. VI, стр. IV,
т. LII, 423.
- Семеновъ, Петръ Петр., чл. редакц. ком.
1860 г., т. XLIX, 697, 698, 731, 762, 763.
- Семеновъ, Никол. Петр., чл. редакц.
комм. 1860 г., т. XLIX, 762, т. LII, 370.
- Семичевъ, В. С., инженер. пут. сообщ.
1842 г., т. L, 446.
- Сенявинъ, Н. Г., москов. гражд. губер-
наторъ 1843 г., т. LI, 290.
- Сенявинъ, Л., чл. госуд. сов. 1861 г.,
т. XLIX, 761.
- Сенъзовскій, Осипъ Ив., профес. слб.
унив., писат., † 1858 г., т. LI, 353,
553, 554, 556, 571, т. LII, 614.
- Серафимъ Глаголевскій, митроп. новг.
и слб. 1821 г., † 1843 г., т. XLIX, 592.
- Сербиновичъ, Конст. Степ., директоръ
канцел. об.-прокур. св. синода 1837 г.,
т. LI, 292—295, 299.
- Сергѣевъ, Алексѣй Н., сообщ. «Собра-
ніе портретовъ іерарховъ российской
церкви», т. L, 710.
- Серебряковъ, А. А., инженер. 1849 г.,
т. XLIX, 107, 113.
- Сергѣй Максимиліановичъ, герцогъ
Лейхтенбергскій, т. LII, 578.
- Сергѣпутовскій, г.-лейт., т. LII, 565, 566.
- Серпуховскій, полк. 1832 г., т. LI, 106.
- Сибирскій, кн., ген.-лейт., ген.-кримъ-
коммисарь, т. XLIX, 39, 40.
- Сивербригъ, Егоръ Ив., директ. вост.
нижез. пут. сообщ., т. XLIX, 91.
- Сиверсъ, Яковъ Ефимов., чл. верховн.
сов., сенат., р. 1731, † 1808 г., т. L,
167—168.
- Сиверсъ, гр., Карлъ Ефимов., об.-гоф-
марш., † 1774 г., т. L, 166.
- Сиверсъ, гр., А. Б., харьковск. губер.,
т. LII, 642.
- Сиверсъ, гр., Евг., ген. отъ инф., сообщ.
замѣткѣ «Графы Сиверсы», т. LI, 466,
«Къ родословію гр. Евгенія Іоакима
Казиміра Сиверса», 466.
- Сиверсы, графы, т. LI, 466.

- Слабичевскій, А. М., т. XLIX, 194, 332.
- Славронская, гр., Софія Карлов., въ зам. граф. Салѣга, т. L, 108.
- Славронская, гр., Екат. Вас., статсъ-дама 1798 г., т. L, 349, 355.
- Славронская, гр., Анна Карлов., въ зам. гр. Воронцова, т. L, 108.
- Славронская, гр., Екатерина Карлов., въ зам. баронес. Корфъ, т. L, 109.
- Славронская, графиня, т. L, 109.
- Славронскій, гр., Карлъ Самойлов., камергеръ, т. L, 106—109.
- Славронскій, гр., Мартынъ Карлов., камергеръ 1748 г., т. L, 108.
- Слворцовъ, Вас. Ермол., камергеръ, † 1769 г., т. L, 169, 713.
- Слворцовъ, Ермолай Ив., камергеръ, т. L, 169.
- Скобелевъ, Ив. Никит., ген. отъ инф., коменд. слб. крѣп., † 1849 г., т. LII, 581—590.
- Скобелевъ, Мих. Дмитр., ген.-ад., род. 1843 г., † 1882 г., т. XLIX, 240, 427—436, 442—449, т. LI, 219, 223—229, 241, 242, 660—663, 668, 669, 676—683, т. LII, 212, 214, 391—404, 447—459, 470—472.
- Сиребидный, А. И., редакц. изд. «Крестыянскаго дѣла въ царствованіе Александра II», т. XLIX, 762.
- Скюдери, подполковн. Охотскаго полка 1854 г., т. L, 387.
- Слѣпцовъ, генер., т. LI, 144.
- Смарагдъ (Крыжановскій), еписк. моголевскій 1841 г., т. L, 710.
- Смирнова, Александра Юсиф., т. LII, 519, 520.
- Смирновъ, калужск. губернат. 1849 г., т. LII, 519, 521.
- Смирновъ, А. В., сообщ. «Николай Васильевичъ Калачевъ», томъ XLIX, 256—260.
- Смирновъ, А. С., т. XLIX, 672.
- Смирновъ, Серг., проф. москов. духов. акад., т. XLIX, 2.
- Смиттенъ, Вас. Ив., шемахинск. вице-губернат. 1860 г., т. LI, 78, 79.
- Смышляевъ, Д. Д., сообщ.: «Николай Ивановичъ Пироговъ 1872 г.», т. LII, 505—507.
- Собакинъ, Савва Яковлевичъ, купецъ, т. L, 136.
- Собащинскій, команд. Селенгинск. пол. 1864 г., т. L, 396.
- Собенниковъ, П. Н., т. L, 719, 723, 724.
- Соболевскій, С., его энигр., т. LI, 486.
- Соболевъ, Леонидъ Никл., мн-ръ-презид. Болгарск. княж., сообщ. «Къ новѣйшей исторіи Болгаринъ», т. LI, 703—752, т. LII, 475—483.
- Совановичъ, А. П., сообщ.: «Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль въ его предсмертномъ письмѣ къ брату», т. LII, 727—730.
- Соймоновъ, ген. 1855 г., т. L, 394, 395.
- Созоловъ, Алексдр. Никол., бронз. дѣлъ мастеръ, акад.-худож. 1885 г., т. XLIX, 263, т. L, 719, 723, 724.
- Созоловъ, полковн. 1831 г., т. XLIX, 546.
- Соллогубъ, гр., т. LI, 216, 221, т. LII, 624.
- Солнцева, Фед. Григ., профес. археол. живописи 1885 г., т. XLIX, 263, т. L, 717, 719, 723, 724.
- Соловьевъ, Яковъ Алексдр., сенат., бмвш. чл. редакц. ком., † 1876 г., т. XLIX, 452, 762, т. LII, 546.
- Соловьевъ, Серг. Мих., проф.-историкъ, р. 1820 г., † 1879 г., т. XLIX, 207, 208, т. LI, 373—379.
- Соловьевъ, Н. Ф., т. XLIX, 490.
- Соловьевъ, Веніам. Никл., декабристъ, замѣт. о его портретѣ, т. LII, 235.
- Сомовъ, А. Г., команд. псков. кирас. полка 1832 г., т. LI, 105.
- Сосницкій, И. И., артистъ, т. L, 673.
- Софія Алексѣевна, царевна-правител., р. 1657 г., † 1704 г., т. L, 16, т. LI, 488.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 г., † 1839 г., т. XLIX, 512, т. LI, 540.
- Спиридовъ, декабристъ, т. LI, 527.
- Спиридовъ, Г., адмир., т. LI, 261.
- Срезневскій, И. И., проф., т. L, 618.
- Ставровскій, проф. кіевск. унив. 1840 г., т. XLIX, 185.
- Станевичъ, И. Ф., сообщ.: «Федей Дубовцовъ», т. LII, 225—228.
- Станкевичъ, А. В., т. L, 222.
- Старицкій, Егоръ Павл., т. XLIX, 762

- Старынкевичъ, ниж. полковн., т. L, 631.
- Стасовъ, Вл. В., сообщ.: «Гавриилъ Якимовичъ Ломакинъ», т. XLIX, 645—666, т. L, 311—326, 675, 689, т. LI, 487—485, уном. т. L, 7, 216.
- Стасовъ, Дм. Вас., т. L, 313, 317.
- Стасюлевичъ, Мих. Матв., изд. «Вѣстн. Европы», т. XLIX, 603.
- Стебель, Эдуардъ, русск. послан. и полномочн. мн-ръ въ Соед. Штат. 1867 г., т. XLIX, 557—560.
- Степанова, пѣвица, т. LII, 737.
- Стефанъ, Яворскій, митроп. 1718 года, т. XLIX, 7, 8, 9, 10, 11, 23, 24, 26, 36, 265.
- Стефанъ Прибыловичъ, префектъ моск. духовн. акад. 1710 г., т. XLIX, 9.
- Стоговъ, Эразмъ Ив., р. 1797 г., † 1880 г., т. LII, 77—128.
- Столыпинъ, Аркад. Дм., коменд. Никополя 1877 г., т. XLIX, 435.
- Стояновскій, Никол. Ив., чл. гос. сов., т. XLIX, 762, 763.
- Стрепетова, П. С., артист., т. LI, 246.
- Строганова, гр. Софія Влад., рожден. княжна Голицына, т. LII, 535.
- Строгановъ, гр., Григ. Ив., русск. посоль въ мадридск. дворѣ, т. LI, 152.
- Строгановъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., попечит. моск. учебн. округа, вполн. сенаторъ, р. 1794 г., † 1882 г., томъ XLIX, 697, 761, томъ LI, 358, 361, 378, 382, т. LII, 615.
- Строгановъ, гр., Пав. Александр., томъ XLIX, 48, 51, 52, 53.
- Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александр. Вас., фельдмарш. 1799 г., т. XLIX, 41—43, т. L, 248, 257, 258, 261, 352—354, 455, 491—494, т. LI, 32, 134, т. LII, 58, 83.
- Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александр. Аркад., ген.-ад., остзейскій ген.-губерн. 1861 г., спб. воен. ген.-губерн. 1864 г., † 1882 г., т. XLIX, 197, т. LII, 529.
- Сульменевъ, Ив. Савичъ, флот. офиц., т. LII, 712, 715.
- Сумарововъ, гр., чл. гос. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Сутгофъ, Александр. Никол., декабр., зам. о портретѣ, т. LII, 235, уном. 286.
- Сухованетъ, Никл. Онуфр., воен. мн-ръ 1861 г., вполн. намѣстн. Царства Польскаго, т. XLIX, 761, т. LI, 100, 102.
- Сухтеленъ, гр., ген.-ад. 1839 г., томъ LI, 25, 30, 31, 37.
- Сушковъ, Никл. Вас., т. LI, 301, 462.
- Сущинскій, Мен. Сем., т. L, 318.
- Сычуговъ, В. И., акад. архитектуры, т. L, 439.
- Сѣницінъ, В., архитекторъ, т. XLIX, 496, 497.
- Сѣраховскій (Доленго), Сигизмундъ, предвод. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., т. XLIX, 195.
- Сѣровъ, Александр. Никл., композиторъ, р. 1820 г., † 1871 г., т. XLIX, 646, 654, 655, т. L, 216, 311, 318.
- Сѣряковъ, Лаврент. Авксентьев., акад. граверъ, р. 1824 г., † 1881 г., томъ LII, 333.
- Сѣченковъ, И. М., проф., т. XLIX, 197.
- Т**адини, пѣвецъ, т. LII, 738.
- Талыкинъ, Тобольск. губерня., т. LI, 548.
- Талыкинъ, адмир., т. L, 68.
- Тамара, грузинск. царица, т. XLIX, 531.
- Тамберлинъ, пѣвецъ, т. LII, 746.
- Тамбурины, пѣвецъ, т. LII, 736—740, 745.
- Танѣевъ, Александр., чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
- Танѣевъ, С. А., ст.-секрет., т. LII, 642.
- Талыковъ, Дм. Петр., декабр., замѣта о портретѣ, т. LII, 235.
- Тараканова, княж., Елис., т. L, 177—179.
- Татариновъ, Пав. Егор., тн. сов., т. XLIX, 762.
- Татищевъ, гр., Н., нач. милиціи 1812 г., т. LI, 259.
- Татищевъ, Дм. Александр., команд. Александрійск. гусар. пол. 1863 г., т. LI, 401—405, 418.
- Теллчевъ, Е. С., Владим. губернат., т. XLIX, 683.
- Тепловъ, Григ. Никол., т. L, 690.
- Тергузасовъ, генер., т. LI, 144.

Тивенгаузенъ, бар., Вас. Карл., декабр., замѣт. о его портретѣ, томъ LII, 236, упом. т. LI, 165, 551.

Тивенгаузенъ, гр., Р., т. LII, 579.

Титовъ, А. А., сообщ.: «Митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г.», т. XLIX, 589—592, «Филаретъ и Иннокентій», 593—596, т. L, 462.

Тихменевъ, полковн. генер. штаба 1877 г., т. LI, 235.

Тихонравовъ, Н. С., проф., сообщ. «Николай Васильевичъ Гоголь въ его письмахъ къ М. С. Щепкину», т. LII, 129—148, т. LII, 499.

Тихонравовъ, К. Н., секрет. влад. статист. комитета, † 1879 г., т. XLIX, 697.

Тихонравовъ, профес., т. XLIX, 485.

Тихоцеѣй, генер., т. LI, 144.

Тови, пѣвецъ, т. LII, 737, 739, 741.

Толмачевъ, профес., т. LI, 197.

Толстай, гр., воспитат. вел. княж. Маріи Александровны, т. LII, 370.

Толстой, гр., Фед. Петр., тн. сов., вице-президентъ Академіи художествъ, р. 1783 г., † 1873 г., т. L, 238.

Толстой, гр., Алексѣй Конст., писат., р. 1734 г. † 1875 г., т. L, 655, 662, 664, 667, 668, 669, 671, т. LII, 233—234, 519, 520, 734.

Толстой, Юрій, т. XLIX, 1.

Толстой, гр., Левъ Никл., писат., т. L, 619, т. LI, 157, 158, LII, 726.

Толстой, ген.-маіоръ 1877 г., т. XLIX, 229.

Толстой, сенат., т. LII, 514.

Толстой, гр., А. П., об.-прокур. св. синода, т. XLIX, 664, 665.

Толь, т. XLIX, 64.

Тонъ, К. А., архитекторъ, бывш. рект. акад. худож., т. XLIX, 109, 113, т. LI, 637, 646.

Топильскій, Мих. Ив., директ. департ. ми-ва юстиц., т. XLIX, 373, т. LII, 523.

Тормасовъ, генер. 1812 г., т. L, 493, 494, 497, 498, 499, 501, 526.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инженеръ, ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. L, 390, 398, 399, 402—406, 410—429, т. LI, 213—242, 656—688, т. LII, 212—223, 447—472.

Трощинскій, Дм. Прокоф., ст.-секрет., ми-ръ юстиц., т. XLIX, 56.

Трубецкой, кн., Серг. Петр., полков. л.-гв. Преобр. пол., декабр., † 1860 г., замѣт. о портретѣ, т. LII, 236, упом. т. LI, 169, 546, т. LII, 285.

Трубецкой, кн., Никита, ген.-прокуроръ 1740 г., т. L, 59, 162, 163, т. LI, 546.

Трубиниковъ, нижев. 1846 г., т. XLIX, 106, 110.

Трусовъ, А. Н., художн., т. L, 717, 719.

Тумановъ, вл., Мих. Ос., т. L, 282, 283.

Тургеневъ, Никол. Ив., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.

Тургеневъ, Александръ Мих., р. 1772 г., † 1863 г., т. XLIX, 39—62, т. LII, 45—76, 259—284.

Тургеневъ, Никол. Сергѣев., † 1879 г., т. XLIX, 597—608.

Тургеневъ, Ив. Серг., р. 1818 г., † 1883 г., т. XLIX, 323, 597—608, т. L, 619, 702, т. LI, 197, 198, 336, 556, т. LII, 158—177, 326, 330, 673, 684—690, 726.

Турчаниновъ, Васил. Ив., ген.-лейт., т. XLIX, 39, 40.

Тутолминъ, генер. 1877 г., т. XLIX, 233, 234, 440.

Тутолминъ, Тимое. Ив., арханг. и олонекскій ген.-губернат., т. LII, 271—283.

Тучковъ, москов. ген.-губернат. 1850 г., т. LI, 643.

Тымовскій, чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.

Тютчевъ, Фед. Ив., писат., † 1873 г., т. LI, 21, 355—356, т. LII, 234.

Тютчевъ, Ал. Ив., декабр., замѣтка о портретѣ, т. LII, 235, упом. т. LI, 528.

Тютчевъ, И. А., директ. Спб. земледѣльч. колон., сообщ.: «Въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1847—1852 гг.», т. XLIX, 361—376, упом. т. L, 199—220.

Уваровъ, Сергѣй Семен., ми-ръ народн. просв., † 1855 г., т. XLIX, 184, т. L, 453, т. LI, 382, т. LII, 614.

Уваровъ, гр., т. XLIX, 577.

Уминскій, генер. 1831 г., т. XLIX, 540.

- Уланде, пѣвецъ, т. LII, 742.
 Урусовъ, кн., А. И., т. XLIX, 607.
 Урусовъ, Гавр. Никит., мануфакт.-совѣтникъ 1833 г., т. LI, 576.
 Устимовичъ, П. М., сообщ.: „Могилы Н. И. Гнѣдича“, т. LII, 509, „Къ XXVIII строфѣ 3 главы Евгения Онѣгина“, 510, „Гнѣдичъ и Дельвигъ“, 724.
 Устряловъ, Никол. Герас., академикъ, † 1870 г., т. XLIX, 184, 194, 513, т. LI, 197, 201.
 Ушаковъ, Андрей Ив., презид. тайной канцел. 1740 г., т. XLIX, 269, 273—275, 287, 290, т. L, 59, 86, 90, 162, 163, т. LI, 269.
 Ушаковъ, генер.-м. 1824 г., томъ LII, 587, 588.
 Ушкинскій, К. Д., педагогъ-писат., т. L, кн. VI, стр. I—IV, 638.
 Фадѣева, Ел. Павл., рожд. кня. Долгорукова, т. LII, 749—751.
 Фадѣева, Над. Андр., сообщ.: „Елена Павл. Фадѣева“, т. LII, 749—751.
 Фадѣевъ, Андр. Мих., т. LII, 749, 750.
 Фадѣевъ, Р. А., генер., всен. писатель, т. LI, 340.
 Фалевичъ, А. И., инж. пут. сообщенія 1842 г., т. L, 447.
 Фаленбергъ, Петръ Ив., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
 Фаренининова, Елисавета, сообщ.: „Александръ Ивановичъ Казарскій“, т. LI, 203—208, упом. т. LII, 591, 602, 603.
 Фейхтнеръ, докторъ 1849 г., т. XLIX, 107, 113.
 Ферзенъ, бар., Г. Е., губернат. въ Царс. Польск., т. LII, 641.
 Ферзингъ, пѣвецъ, т. LII, 737.
 Ферни, пѣвица, т. LII, 748.
 Ферзенъ, генер. 1794 г., т. LI, 493.
 Фетхъ-Али, шахъ персидскій, р. 1762 г., † 1834 г., т. L, 549—562.
 Физъ, Генрихъ Ив., вице-през. комерц.-коллеж., † 1761 г., т. L, 113.

- Филаретъ (Вас. Дроздовъ), митрополитъ московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. XLIX, 505—509, 589, 593—596, 682, 688, 689, т. L, 253—266, 462, 710, т. LI, 277—304.
 Филаретъ Гумилевскій, еписк. рижскій съ 1841—1858 гг., архиеп. харьковскій, затѣмъ черниговск., р. 1805 г., † 1866 г., т. XLIX, 1, 291, т. L, 710.
 Филаретъ (Амфитеатровъ), митропол. кіевскій, р. 1779 г., † 1857 г., т. L, 710.
 Филипповъ, Григ. Ив., генер.-отъ-инф. 1854 г., т. L, 585—592, т. LI, 110—116, 127—139, 143.
 Формевъ, пѣвецъ, т. LII, 746.
 Фотій (Петръ Никитичъ Спасскій), архимандр., настоят. новгород. Юрьева монаст., р. 1792 г., † 1838 г., т. L, 247.
 Фредериксъ, бар., сообщ. поправку къ „Системат. росписи содерж. Рус. Ст. 1870—1884 гг.“, т. LI, 485.
 Фредцоллинъ, пѣвица, т. LII, 746.
 Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король прусскій, т. LI, 305—334.
 Фрже, инспект. акад. худож., т. LII, 340.
 Фролова, Анна Евгеньев., сообщ. портретъ Т. Н. Грановскаго, т. L, 222.
 Фроловъ, Александръ Филип., декабр., зам. о портретѣ, т. LII, 236.
 Фужсъ, В. Я., чл. совѣта главн. управл. по дѣламъ печати 1865 г., т. XLIX, 697, 698.
 Фуссъ, академ. 1826 г., т. XLIX, 86.
 Ханниковъ, Петръ Ив., адм., т. L, 330, 231, т. LII, 100, 110, 111, 112.
 Хвостова, Е. А., т. LI, 337.
 Хитрово, русск. дипломатич. агентъ въ Болгарію 1881 г., т. LII, 477.
 Хлопицкій, Осипъ, польск. ген. 1831 г., т. LI, 37.
 Хмельницкій, Богданъ, гетманъ малороссійскій 1654 г., т. XLIX, 183, 184.
 Хованская, княж., Марья Васил., въ зам. княг. Барятинская, т. L, 62.
 Хованскій, кн., т. L, 135.
 Хованскій, кн., бѣлорус. ген.-губернат. т. LII, 294.

Хованскій, вн., Василій Петр., штал-
мейстеръ, т. L, 52.
Ховенъ, Романъ Ив., ген., тифлисск. гражд.
губери. 1820 г., т. XLIX, 519, 521.
Хомяковъ, Алексѣй Степан., † 1860 г.,
т. XLIX, 750, т. LI, 246.
Хотовицкій, С. Ф., профес., т. LII, 564.
Храпачевъ, ген.-м., 1840 г., т. LII, 227.
Храповицкій, ст.-секр., ссыл. на его
„Записки“, т. L, 5.
Хржановскій, инж. пут. сообщ. 1842 г.,
т. L, 446.
Хрисанфъ Рѣтивцевъ, т. L, 710, т. LI, 436.
Христиани, генер., гл. директ. мостовъ
и дорогъ Царства Польскаго 1824 г.,
т. XLIX, 411.
Хрулевъ, ген.-лейт. 1854 г., т. L, 404,
409, 416.
Хруцова, Анна Ив., рожд. Муравьева-
Апостоль, т. LI, 545.
Хрущовъ, Андрей Фед., совѣтн. бергъ-
коллегии, † 1740 г., т. XLIX, 263, т. L,
690, 711—724.
Хрущовъ, секретарь канц. тайн. розыск.
дѣлъ 1740 г., т. XLIX, 272.

Ц
Цебриковъ, Ник. Роман., декабр., зам.
о портретѣ, т. LII, 236.
Цергелевъ, помощн. попечит. харьков.
учебнаго округа 1840 г., т. XLIX,
183, 184.
Циммерманъ, генер. 1877 г., т. LI, 218.
Циціановъ, вн., Пав. Дмит., т. L, 279, 371.
Цытовичъ, генер., т. LI, 144.

Ч
Чавчавадзе, княжн., Нина Алексд.,
въ зам. Грибоѣдова, т. XLIX, 523.
Чавчавадзе, кн., Захарій, т. LI, 144.
Чавчавадзе, кн., Давидъ Алексд., ген.-
маіоръ 1862 г., т. LI, 620.
Чавчавадзе, кн., Алексд. Герсев., ген.-
лейт. 1840 г., т. LI, 616.
Чайковскій, композиторъ, т. E, 216,
т. LII, 484.
Чайковскій, Игн. Матв., т. XLIX, 498.

Чаплицъ, генер. 1812 г., т. L, 489—530.
Чарыковъ, минскій губернат. 1877 г.,
т. XLIX, 219.
Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-ад., нач.
штаба горн. инж. 1845 г., предсѣд.
департ. госуд. эконо. 1866 г., † 1875 г.,
т. XLIX, 128, 761, т. LII, 529.
Чевкинъ, ген.-м. 1800 г., т. L, 456.
Черясосовъ, бар., Алексд. Ив., предсѣд.
меднц. коллегии, т. L, 131.
Черясосовъ, бар., офиц. генер. штаба,
декабристъ, т. LI, 551.
Черясосовъ, бар., Ив. Антонов., кабинетъ-
мн-ръ, † 1752 г., т. L, 172—173.
Черясосовъ, полковн. 1826 г., т. XLIX,
86, 94.
Черясосовъ, бар., Алексѣй Ив., декабр.,
замѣт. о портретѣ, т. LII, 236.
Черкасскій, кн., А. М., кабинетъ-ми-
нистръ 1735 г., т. XLIX, 29, 269, 281.
Черкасскій, кн., Владим. Алексд., членъ
редакц. комисіи 1860 г., † 1878 г.,
т. XLIX, 762.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., презид.
воен. коллег., вполн. ген.-фельдмарш. и
москов. ген.-губернат., т. LI, 14, 271,
274, 275, т. LII, 29—44.
Чернышевъ, гр., Ив. Григ., презид.
адмиралт.-кол., т. LII, 245—249, 256,
257, 268.
Чернышевъ, И. Е., драматич. писат.,
т. LII, 632.
Чернышевъ, декабр., т. LI, 541.
Чернышевъ, гр., Алексд. Ив., ген.-ад.
1826 г., воен. мн-ръ, т. XLIX, 547, 548,
571—574, т. L, 501, т. LI, 35, 47, 50,
т. LII, 718.
Чернышевскій, Н. Г., писатель, томъ
XLIX, 195.
Черняевъ, генер., т. XLIX, 217, 228.
Чивилевъ, профес. москов. унив. 1843 г.,
т. LI, 373, 377.
Чижовъ, декабристъ, т. LI, 540.
Чистовичъ, И. А., профес., историкъ,
т. XLIX, 1, 2, 8, 9, 12, 13, 24, 31,
286, 291.
Чистовичъ, Яков. Алексѣев., нач. спб.
мед.-х. акад., т. LII, 551—572.
Чихачевъ, Платовъ, т. XLIX, 382.

- Чичагова**, Екат. Павл., въ зам. графиня де-Вузэ, т. L, 244, 248—251.
- Чичаговъ**, Василій Яковлев., адмиралъ, р. 1725 г., † 1809 г., т. L, 222, 225, 226—236, 467, т. LII, 30—44, т. LII, 239—258.
- Чичаговъ**, Пав. Васил., морск. мн-ръ, р. 1765 г., † 1849 г., т. L, 221—252, 465—488, 490, 499, 501—507, 517, 525—530, т. LI, 247—270, 487—518, т. LII, 25—44, 239—258.
- Чичаговъ**, Л. М., сообщ.: „Императоръ Николай Павловичъ въ его военныхъ распоряженіяхъ 1849 и 1854 гг.“, томъ XLIX, 571—576, „Павелъ Васильевичъ Чичаговъ и его записки“, т. L, 221—252, 465—488, т. LI, 247—270, 487—518, т. LII, 25—44, 239—258, „Отечествен. война въ разсказѣ ген. Чаплица“, т. L, 489—530.
- Чичаговы**, ихъ родословіе, томъ L, 222—224.
- Чичеринъ**, сибирск. губерн. 1764 г., т. LII, 26, 27.
- Чичеринъ**, ген. 1839 г., т. LI, 38.
- Чоголова**, Марія Симонов., рожден. гр. Гендрижова, т. L, 111, 170.
- Чоголова**, Екатер. Никл., въ замуж. Рославлева, т. L, 170.
- Чоголова**, Елисавет. Никл., въ замуж. Загряжская, т. L, 176.
- Чоголовъ**, Никол. Наум., об.-гофмейст., † 1764 г., т. L, 111, 170.
- Чубиновъ**, т. XLIX, 492.
- Чудновскій**, С., писат., т. XLIX, 511.
- Чулковъ**, Васил. Ив., камергеръ 1770 г., т. L, 171.
- Чулковъ**, об.-секрет. сената, т. LII, 283.
- Шаликовъ**, вн., Ив., т. LI, 627.
- Шамиль**, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. XLIX, 214, 736, т. L, 567, 568, 582, 583, 587, 589, т. LI, 73, 132, 145, т. LII, 181, 184.
- Шарвашидзе**, вн., Мих., владѣт. Абхазія 1856 г., т. LI, 62.
- Шатохинъ**, Плат. Алексдр., владим. губернат. 1863 г., т. XLIX, 693, 699.
- Шафирова**, баронес., Екатер. Петров., въ зам. княг. Жованская, т. L, 52.
- Шафирова**, баронес., Марѳа Петр., въ зам. княг. Долгорукова, т. L, 52.
- Шафирова**, баронес., Наталія Петров., въ зам. гр. Головина, т. L, 52.
- Шафирова**, баронес., въ зам. княг. Гагарина, т. L, 51.
- Шафировъ**, бар., Петръ Павлов., госуд. канцл., т. L, 28, 44, 48—53, 55, 98.
- Шаховской**, вн., Н. И., сенат. гражд. кассацион. департ. 1886 г., LII, 642.
- Шаховской**, вн., А. А., драматургъ, томъ LII, 635.
- Шаховской**, вн., астрянск. губернат., т. LII, 378.
- Шаховской**, вн., генер., т. LI, 219.
- Шаховской**, вн., т. XLIX, 230, 235, 239, 428, 429, 430, 431, 432.
- Шварцъ**, полковн. 1824 г., бывш. командиръ л.-гв. Семеновск. полка, т. LI, 160, 161.
- Шварцъ**, Карлъ Ив., музыкантъ, т. L, 150, 151.
- Швинникъ**, Фед. Степ., коменд. Бухтарминска, т. LI, 549.
- Шевченко**, Тарасъ Григ., поэтъ-худож., р. 1814 г., † 1861 г., т. XLIX, 188, 191, 195, 332, 333, 343, 611, 616, т. L, 619.
- Шевыревъ**, Степ. Петр., профес., томъ XLIX, 129—130, 182, 423, 424, т. LI, 246, 368, 369, 370, 371, 381, 382, 391, т. LII, 142, 147, 614—618.
- Шейдеманъ**, ген.-м., нач. артл. въ Севастоп. 1855 г., томъ L, 417, 423, 424, т. LII, 702, 703.
- Шейнъ**, П. В., сообщ. стихотвореніе: «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ», т. XLIX, 95—96, «Библиотечка, стихотвореніе С. П. Шевырева», 129—130, «С. П. Шевыревъ, его стихотвореніе», 423—424, «Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ», 483—492, 667—673, упом. т. L, 706.
- Шенроуъ**, Ф. Ф., инспект. мед.-х. акад., т. LII, 355, 556, 559.
- Шепелевъ**, Дмитр. Андр., об.-гофмарш., † 1755 г., т. L, 101—102.
- Шепелевъ**, генер. 1836 г., т. XLIX, 738.

Шепелевъ, Пётръ Амплиев., т. LII, 265.
 Шереметева, графиня, Анна Григорьев., т. L, 680, 681.
 Шереметевъ, гр., Алекс. Дм., т. L, 325.
 Шереметевъ, гр., Дми. гр. Никл., т. XLIX, 647—666, т. L, 311—326, т. LI, 467—485.
 Шереметевъ, гр., Серг. Дм., т. L, 325, 675, 676, 679, 682—684, т. LI, 475—485.
 Шереметевъ, ген.-губернат. Лифлянд. 1720 г., т. L, 44, 46.
 Шернваль, инж. пут. сообщ. 1849 г., т. XLIX, 110, 125.
 де-ла-Шетарди, маркизъ, франц. послан. при русск. дв. 1730 г., т. L, 139, 140.
 Шешевскій, нач. тайн. экспедиц., т. LI, 269.
 Шибуевъ, рект. акад. худож., т. LII, 341.
 Шильдеръ, ген.-ад., † 1854 г., т. LI, 37, 38, 40, 42.
 Шильдеръ, Н. К., сообщ. „Нѣмецъ и французъ въ запискахъ своихъ о Россіи въ 1839 г.“, т. LI, 21—54, „Шлевенское сидѣніе 1877 г.“, 213—242, 655—688, т. LII, 202—224, 447—472.
 Шильдеръ-Шульднеръ, генер. 1877 г., т. XLIX, 234, 237, 423.
 Шиманъ, Ф. Ф., учат. гимназіи, ссылка на его переводъ рукописи саксонск. послан., т. L, 238.
 Шимковъ, Ив. Фед., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235.
 Шипулинъ, Пав. Ив., директ. благородн. учил. въ Тифлисѣ 1820 г., томъ XLIX, 518, 520, 521.
 Шахматовъ, кн., Серг. Алесдр., т. LII, 710, 711.
 Шиховъ, А. С., адмир., ми-ръ народн. просв., т. L, 228, 232, 233, 240, 241, 255, т. LI, 256, т. LII, 710, 714, 717.
 Шиховскій, С. И., т. LII, 53, 57, 58.
 Шландеръ, А. А., инж. пут. сообщ. 1842 г., т. L, 446.
 Шлаттеръ, Ив. Андреев., директ. монетн. двора, † 1768 г., т. L, 104.
 Шлегель, И. Б., презид. мед.-х. акад., т. LII, 552, 556, 560, 561, 564.
 Шмидтъ, нижн.-полковн., т. XLIX, 86.
 Шнитниковъ, ген.-м. 1877 г., т. LI, 660, т. LII, 470.

Шоловичъ, С. В., чл. витебск. археографич. комис., т. XLIX, 503.
 Шпейеръ, директ. I-й моск. гимназіи 1855 г., т. LI, 362.
 Штейнгель, бар., Влдим. Ив., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 236.
 Шторжъ, Никол. Андреев., почетн. опеж. спб. воспит. дома 1875 г., т. LI, 647, 648, 649.
 Штубе, Ю. Ф., т. XLIX, 657.
 Штувенбергъ, А. И., сообщ. „Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи въ 1842—1852 гг.“, т. XLIX, 97—128, „Николаевская желѣзная дорога“, т. L, 443—448.
 Шубинъ, Алексѣй Яковл., ген.-лейт., т. L, 159—160.
 Шубинскій, С. Н., редакц. «Историческаго Вѣстника», т. XLIX, 359.
 Шувалова, гр., Мавра Егор., рожд. Шепелева, т. L, 102, 175.
 Шувалова, Екат. Петр., статсъ-дама 1797 г., т. L, 342.
 Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камергеръ, еураторъ Можов. унѣв., т. L, 153, 175—180.
 Шуваловъ, Петръ Ив., ген.-фельдмарш., т. L, 175.
 Шуваловъ, гр. 1809 г., т. L, 3.
 Шуваловъ, гр., ген.-фельдм., т. L, 102.
 Шуваловъ, гр., Андрей, чл. госуд. сов. 1861 г., т. XLIX, 761.
 Шульцъ, ген.-маіоръ, † въ 1740-хъ гг., т. L, 99.
 Шульгинъ, полковн. 1826 г., т. XLIX, 85.
 Шульцъ, Пав. Ант., чл. редакц. комис. 1860 г., т. XLIX, 762.
 Шумахеръ, Алесдр. Дан., т. XLIX, 762.
 Шумиловъ, В., сообщ. замѣтку: „Пав. Алесандр. Бестужевъ“, т. LI, 702.
 Шумскій, Серг. Васил., артистъ Москов. театра, т. L, 668, 669, 692, 702.

Щ
 Щепинъ-Ростовскій, кн., Дм. Алесдр., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 236.
 Щепкинъ, Мих. Семен., арт. москов. театр., † 1863 г., т. XLIX, 613, т. L, 197, 438, 439, 656, 691—693, 702—705, т. LII, 129—148, 230.

- Щербатовъ**, вн., т. ЛII, 228.
- Щербининъ**, Мих. Павл., директ.-канцел. намѣстн. кавказ. 1855 г., т. LI, 63, 65, 66.
- Щиглевъ**, В. Р., сообщ.: „Василій Ивановичъ Водовозовъ“, т. LII, 405—424.
- Щуруповъ**, Мих. Арефьевичъ, проф. архитектуры 1884 г., т. XLIX, 263, т. L, 717—724.
- Эйхлеръ**, Ив., кабинетъ-секрет., т. L, 135.
- Элдерманъ**, полковн. 1826 г., т. XLIX, 66, 67.
- Энгельгардтъ**, Н. А., ссыла на его ст. „Морской корпусъ“, т. LII, 715—716.
- Эпинусъ**, профес., † 1802 г., томъ LII, 241—243.
- Эристовъ**, вн., Георг. Роман., генер. 1863 г., т. LI, 627.
- Эриротъ**, Казимиръ Густав., бывш. мн-ръ презид. Болгаріи 1881 г., томъ LII, 475—483.
- Эспеко**, генер. 1837 г., т. L, 271.
- Юзефовичъ**, М. В., помощн. попечит. Кіевск. окр. 1847 г., т. XLIX, 189.
- Юній**, Мих. Павл., поруч. 1855 г., вполн. коменд. Казалинска, т. L, 408, 412, 413, 414.
- Юрьевичъ**, Семенъ Алексѣев., ген.-отъ-пф., † 1868 г., т. XLIX, 70, т. L, 707—709.
- Юсуповъ**, вн., т. XLIX, 19.
- Юферовъ**, ген.-майоръ 1853 г., т. L, 404, 410.
- Юшневскій**, Алексѣй Петр. декабристъ, замѣт. о портретѣ, т. LII, 235, упом. т. LI, 527.
- Ягужинская**, гр., Анна Фед., рожд. Хитрово, т. L, 73.
- Ягужинская**, гр., Марія Павл., въ зам. гр. Ефимовская, т. L, 112.

- Ягужинскій**, гр., Пав. Ив., ген.-прокуроръ, вполн. кабинетъ мн-ръ, р. 1683 г., † 1736 г., т. XLIX, 19, 269, 276, т. L, 27, 28, 40, 41, 56, 71—75.
- Ягужинскій 2-й**, полковн., † 1722 г., т. L, 76.
- Языковъ**, Никол. Мих., т. LI, 171, 172, т. LII, 232.
- Языковъ**, А. П., ген.-м., дирек. уч. правовѣд. 1850 г., т. XLIX, 361, 364, 370—375, т. L, 199, 204.
- Якобій**, В. И., профес. историч. живописи 1886 г., т. L, 717.
- Яковлевъ**, К. К., инжен., т. L, 647, 648, 650.
- Якубовичъ**, Алексѣй Ив., декабр., зам. о портретѣ, т. LII, 235.
- Якушкинъ**, В. Е., сообщ. „Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль“, т. LI, 151—170, упом. 521.
- Якушкинъ**, Ив. Дмитр., декабр., замѣт. о портретѣ, т. LII, 235, упом. т. LI, 156, 165, 528, 551.
- Янтальцевъ**, декабристъ, т. LI, 551.
- Янушевскій**, инж. Л., г. сообщ. 1826 г. т. XLIX, 85.
- Ярошъ**, Софія Алексѣев., сообщ. „Докторъ Иванъ Тимоѣевичъ Богородскій 1831 г.“, т. XLIX, 580—586, упом. т. L, 706.
- Яхонтовъ**, А. Н., сообщ. стихот. «19-го февраля», т. XLIX, 321, 322, „Петербург. итал. опера 1840 гг.“, т. LII, 735—743, упом. т. XLIX, 764.
- Яшвилъ**, вн., нач. артил., т. LI, 101.

- Федоровъ**, ген.-м., коменд. г. Николаева, т. LII, 594, 597.
- Феодосій Яновскій**, архіеп. новгород., 1718 г., т. XLIX, 34.
- Феофанъ Прокоповичъ**, еписк. псковск. 1724 г., вполн. архіеп. новгородск., р. 1681 г., † 1736 г., т. XLIX, 1—36, 265—291.
- Феофилактъ Лопатинскій**, архіеп. тверской 1706—1741 г., † 1741 г., т. XLIX, 1—38, 265—292.

Состав. В. В. Тимошукъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1886 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

ОКТАВРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ. Составилъ Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства при Екатеринѣ II. Перев. съ нѣм. изд. 1809 г., съ предисловіемъ и примѣч., В. Б.	1—24
Иванъ Орловъ II (1).— Алексѣй Орловъ III (2).— Федоръ Орловъ IV (11).— Владиміръ Орловъ V (13).— Орловъ VI (14).— Пассекъ (14).— Шкуринъ (17).— Григорій Тепловъ (18).— Энгельгардтъ (22).	
Поправка къ книгѣ Гельбига „Русскіе избранники“: Имѣніе Ленневардъ въ Лифляндіи.	24
II. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и перваго по времени морскаго министра. Гл. VI и VII. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	25—44; 239—258
III. Записки Александра Михайловича Тургенева, род. 1772 г., † 1863 г. Гл. XXXI—XLVIII.	45—76; 259—284
IV. Эразмъ Ивановичъ Стоговъ, его посмертныя записки. Род. 24 февр. 1797 года, † 17 сентября 1880 года. Сообщ. І. Е. Змунчила	77—128

	СТР.
V. Морской вадетскій корпусъ 1822—1826 гг., въ воспо- минаніяхъ Л. А. Загоскина	709—716
VI. Записки доктора Я. А. Чистовича, 1838—1848 гг. 551—572	551—572
VII. Старый судъ. Очерки и воспом. Н. М. Колмакова. 511—544	511—544
VIII. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г. (Окончаніе)	285—310
IX. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспом. Татьяны Петр. Пассекъ. Часть III. Гл. II—V.	149—180; 311—332; 653—690
X. Воспоминанія врача о М. Д. Скобелевѣ, 1880—1881 гг. Сообщ. О. Ф. Гейфельдеръ	391—404

**Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, рассказы, матеріалы,
замѣтки.**

	СТР.
I. Вопросъ о кн. Щербатовѣ, 1802 г. Сообщ. князь А. В. Лобановъ-Ростовскій	228
II. Цесар. Константинъ Павловичъ, 1824 г. Сообщ. А. Θ. Кони. 604	604
III. Сергій Ив. Муравьевъ-Апостолъ въ предсмертномъ письмѣ къ брату, 1826 г. Сообщ. А. П. Созановичъ.	727—730
IV. Собраніе портретовъ декабристовъ	235—236
V. Александръ Ивановичъ Казарскій. Послѣдніе дни его жизни, іюнь 1833 г. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ	591—603
VI. Письма цесаревича Александра Николаевича къ его вос- питателю К. К. Мердеру. Поправки	237
VII. Самсонъ Яковлев. Макинцевъ и Евстафій Скрыплевъ. Сообщ. Ад. Берже	210
VIII. Елена Павловна Фадѣева, рожденная княжна Долгорукова. Сообщ. Н. А. Фадѣева.	749—751
IX. Θ. Л. Малиновскій. Сообщ. П. Θ. Малиновскій	731—734
X. Θадей Дубовцовъ, записавшійся на службу дьяволу въ 1840 г. Сообщ. И. Ф. Станевичъ.	225—228
XI. Къ рассказамъ изъ жизни императора Николая I, 1844— 1845 гг. Сообщ. Н. Т. Давыдовъ	491—494
XII. Попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ. Изъ пережитаго. 1848 г. Сообщ. И. Ф. Радзиковскій	495—498
XIII. Иванъ Никитичъ Скобелевъ въ 1793—1849 гг. Сообщ. И. И. Ореусъ.	581—590

стр.

- XIV. Московское торговое предприятие въ Тифлисъ, 1846—1854 гг.
Сообщ. К. А. Вухъ . . . . . 379—390
- XV. О печатаніи патріотическихъ сочиненій въ 1854 г. Сообщ.
Г. К. Рѣпинскій 508
- XVI. Севастополь въ ночь съ 27 на 28 августа 1855 г. По по-
воду Записокъ генерала Крыжановскаго «Севастополь и
его защитники въ 1855 г.». Сообщ. Н. С. Милошевичъ. 699
- XVII. Къ вопросу о началѣ крестьянскаго дѣла. Высочайшій рес-
криптъ 20 ноября 1857 г. Сообщ. К. К. Гелингъ. 545—550
- XVIII. Письма кн. А. И. Барятинскаго къ гр. Н. И. Евдокимову,
1856—1859 гг. Сообщ. графиня А. А. Евдокимова. 181—184
- XIX. Петровскій Полтавскій корпусъ. Матеріалы къ исторіи
этого корпуса. Сообщ. И. Ф. Павловскій . . . . . 717—722
- XX. Послѣдняя польская смута, 1863—1864 гг. Разсказъ В. Л.
Баратынскаго. (Окончаніе) . . . . . 185—209
- XXI. Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ, проф. земскаго и санс-
критскаго языковъ, † 1883 г. Сообщ. М. О. Маркъ. 605—620
- XXII. Сектанты въ Оренбург. краѣ. Сообщ. А. П. Жакмонъ. 691—698
- XXIII. Плевненское сидѣніе, 1877 г. Очеркъ Н. К. Шильдера.
211—224; 447—472
- XXIV. Памятникъ Славы въ воспоминаніе войны 1877 и 1878 гг. 573—580
- XXV. Къ новѣйшей исторіи Болгаріи: письма К. Г. Эрнрота и
Л. Н. Соболева . . . . . 475—483
- XXVI. Забѣтки и поправки. Сообщ. К. Р. и Д. Г. . . . . 236 и 730

Исторія русской литературы.

- I. Николай Васильевичъ Гоголь.
Письма его къ М. С. Щепкину. Сообщ. профес. Н. С.
Тихонравовъ . . . . . 129—148
- II. Николай Михайловичъ Языковъ.
Поправка къ стихотворенію его, напечатанному въ іюльской
книгѣ «Русск. Стар.» изд. 1886 г., стр. 172. Сообщ. С. К. 232
- III. Николай Александровичъ Добролюбовъ.
Стихотвореніе его: «По чугуннымъ рельсамъ». Сообщ. А. С.
Галаховъ . . . . . 473—474
- IV. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.
Поправка къ стихотворенію его, напечатанному въ «Рус-
ской Старинѣ» изд. 1886 г., книга августъ, стр. 356.
Сообщ. М. 234

	СТР.
V. Гр. Алексѣй Константинович Толстой.	
Стихотвореніе его: «Единство»	233—234
Поправка. Сообщ. М. Р.	734
VI. Николай Алексѣевич Некрасовъ.	
1. Стихотвореніе его 1876 г.: «О. А. Петрову». Сообщ. П. В.	484
2. Замѣтка по поводу стих.: «О. А. Петрову». Сообщ.	
В. П. М. К.	752
VII. Николай Ивановичъ Пироговъ.	
1. Взглядъ его на земскую предупредительную медицину,	
1872 г. Сообщ. Д. Д. Смышляевъ	505—507
2. Посѣщеніе имъ перваго студенческаго общежитія при	
моск. университетѣ, 1881 г. Сообщ. Л. В. Малининъ.	499—504
VIII. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.	
Неизданныя его стихотворенія, 1841—1844 гг. Сообщ.	
бар. Ф. А. Бюлеръ	637—652
IX. Александръ Николаевичъ Островскій.	
Два письма его 1879 г.	725—726
X. Василій Ивановичъ Водовозовъ:	
1. Воспоминанія о немъ В. Р. Щиглева	405—424
2. Посмертныя его стихотворенія	425—446
Поправка въ его стихотвореніямъ	636
—	
XI. Литерат. замѣтки. Сообщ. П. М. Устимовичъ.	509—510 и 724
XII. «Смерть». «Кого ужъ вѣтъ!» Стихотворенія барона Але-	
ксандра Боде. Сообщ. 31 іюля 1882 г. Ад. П. Берже.	230—232
—	

Исторія искусствъ.

I. Иванъ Петровичъ Келеръ, профессоръ живописи, 1826—	
1886 гг. Биографическій очеркъ	333—378
II. Францъ Листъ и графъ М. Ю. Вьельгорскій въ 1839 г.	
Сообщ. М. А. Веневитиновъ	485—490
III. М. С. Щепкинъ. Сообщ. А. С. Галаховъ	230
IV. Петербургское театральное училище. Изъ театральныхъ	
воспоминаній Н. И. Куликова	621—636
V. Петербургская итальянская опера въ 1840-хъ гг. Сообщ.	
А. Н. Яхонтовъ	735—748

ПОРТРЕТЫ И ГРАВЮРЫ.

- I. Портретъ гр. Н. И. Евдокимова, грав. Г. И. Грачевъ.
(См. стр. 1).
- II. Портретъ ген.-отъ-инф. Павла Дмитріевича Зотова, гравир.
художн. В. В. Матэ.
(См. стр. 581).
- III. Портретъ Эразма Ивановича Стогова, грав. Г. И. Грачевъ.
(См. стр. 129).
- IV. Портретъ Василя Ивановича Водовозова, гравир. на мѣди
Ө. А. Мѣркинъ.
(См. стр. 239).
- V. Портретъ проф. живописи Ивана Петровича Кёлера, грав.
И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 379).
- VI. Памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ.
(См. м. 237).
- VII. Памятникъ Славы въ С.-Петербургѣ, въ воспоминаніе войны
1877—1878 гг., гравир. художн. А. И. Даугель.
(См. стр. 511).

-
- I. „Русская Старина“ въ изд. 1886 г., семнадцатый
годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ 753
  - II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ за-
писки, изслѣдованія, очерки, акты, рассказы и проч.
статьи и матеріалы въ 1870—1886 гг. 771
  - III. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей-подпис-
чиковъ въ 1886 году 783
  - IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ
XLIX, XL, XLI, XLII томовъ „Русской Старины“
изд. 1886 года . . . . . 1—72
  - V. Систематическое оглавленіе LII тома „Русской Ста-
рины“—октябрь, ноябрь, декабрь—изд. 1886 г. . I—VI
  - VI. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1887 года
восемнадцатый годъ изданія.
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, ре-
ляціи и донесенія. Н. Дубровинъ. Т. I, 1775—1777 г. 862 стр.;
т. II, 1778 г., 924 стр. (На оберткѣ X-й книги „Русской Старини“
изд. 1886 г.).
2. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его суще-
ствованія, издав. братства св. митр. Петра, подъ ред. Н. Суббо-
тива. Т. VII. М. 1885. XXX + 433. (Тамъ-же).
3. Вѣстникъ археологін и исторіи, издав. археологическимъ вѣсти-
тутомъ. Вып. I—V. 1885—86. Спб. (Тамъ-же).
4. Ростовскій уѣздъ Ярославской губ. Истор.-археолог. и статист.
опис., съ рисунками и картой уѣзда. М. 1885. А. А. Титова. 630 стр.
(Тамъ-же).
5. Историческое свѣдѣніе о Верхне-Курмоярской станицѣ.
1818 г. Евлампія Кательникова. Подъ редакцію И. П. Попова
Новочеркасскъ, 1886. 8 д. 63 стр. (Тамъ-же).
6. S. Sommier. Un estate in Siberia. Firenze, 1885. 634 p., in gr. 8.
(С. Соммье. Одно лѣто въ Сибири. Флоренція, 1885 г. 634 стр., въ б.
8 д.). (Тамъ-же).
7. Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣ-
тельностью Петра Вел. Исслѣд. Н. И. Кедрова. М. 1886. 244 стр.
(На оберткѣ XI книги „Русской Старини“ изд. 1886 г.).
8. Исторія Киевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до-Мо-
гилянскій. С. Голубева. К., 1886. 233 + 117. (Тамъ-же).
9. Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челя-
цева, изд. подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова Обществомъ любителей
древней письменности. Спб. 1886. 315 стр. (Тамъ-же).
10. Обзоръ исторіи русскаго права, по лекціямъ проф. М. Ф. Вла-
димірскаго-Буданова. В. I. Исторія русскаго государственнаго
права. К. 1886 г. 255 стр. (Тамъ-же).
11. Russian projects against India from the czar Peter to general
Skobeleff. By H. Sutherland Edwards. (With map). London. 1885.
in 8°. 295 pp. (Проекты Россіи относительно Индіи отъ Петра I до
ген. Скобелева. Соч. Г. Сѣверландъ Эдуордс'а. Съ картою. Лон-
донъ. 1885. 8 д. 295 стр.). (На оберткѣ XII книги „Русской Старини“
изд. 1886 г.).
12. Reisen an der persisch-russischen Grenze. Talysch und seine
Bewohner. Von Dr. Gustav Radde. Leipzig. 1886. in 8°. XVIII + 450 S.
(Путешествіе по персидско-русской границѣ. Талышъ и его обита-
тели. Доктора Густава Раdde. Лейпцигъ. 1886. 8 д. XVIII + 450 стр.).
(Тамъ-же).
13. Bulgarien und Ostrumelien mit besonderer Berücksichtigung
der Zeitraums von 1778 - 1878 nebst militärischer Würdigung
des serbo-bulgarischen Krieges. Von Spiridion Gopcevic. Mit
6 chromol. Schlachtplänen. Leipzig. 1860. in gr. 8. XVII + 616 S. (Бол-
гарія и восточная Румелия. Соч. С. Гопцевича. 1886. 8 д. 616 стр.).
(Тамъ-же).

Индію быть бы осуществленъ, то предпріятіе это имѣло бы успѣхъ и могущество англичанъ на полуостровѣ было бы въ корнѣ подорвано.

Вообще, русская книга г. Баторскаго, свидѣтельствующая о внимательномъ и добросовѣтномъ изученіи имъ, по лучшимъ источникамъ, положенія англичанъ въ Индіи въ началу XIX в., является весьма интересною при сопоставленія съ довольно многочисленными иностранными сочиненіями, поднимающими вопросъ о возможности для Россіи вторженія въ Индію. Изъ числа таковыхъ сочиненій, кромѣ упомянутой выше англійской книги Северавды Эдуардъ'а, можно указать на книгу Вамбери: «Будущая борьба за обладаніе Индіею. Обзоръ успѣховъ Россіи въ Центр. Азии и тѣхъ затрудненій, которыя проставляютъ отсюда для Англій»¹⁾, и на брошюру Велье: «Будеть-ли Индія принадлежать Россіи или Англій?»²⁾, въ которой авторъ приходитъ къ заключенію, что весьма возможно, что черезъ 20 или 30 лѣтъ колониальныя владѣнія Англій въ Индіи будутъ у нея завоеваны.

Reisen an der persisch-russischen Grenze. Talysch und seine Bewohner. Von Dr. Gustav Radde. Leipzig. 1886. in 8°. XVIII+450 S. (Путешествіе по персидско-русской границѣ. Талышъ и его обитатели. Доктора Густава Радде. Лейпцигъ. 1886 8 д. XVIII +450 стр.).

Талышъ, вѣроятно сильное Талышлиское ханство, подвластное Персіи, имѣетъ составляетъ пограничную съ Персіею южную часть Закавказскаго края (Лейкоранскій уездъ Бакинскій губерніи). Покоренный войсками ген. Котляревскаго, Талышъ присоединенъ къ Россіи въ 1813 г., по миру, заключенному съ Персіею въ Гюльستانѣ (12 окт. 1813 г.).

Талышъ, не смотря на то, что принадлежитъ Россіи уже 73 г., слишкомъ мало

обращалъ до сихъ поръ на себя вниманіе ученыхъ путешественниковъ, благодаря своему особому географическому положенію и своей отдаленности отъ главныхъ путей, ведущихъ въ столицу Персіи. Между тѣмъ, Талышъ, прекрасно орошенный и представляющій благоприятнѣйшія климатическія и физическія условія, которыя не встрѣчаются во всей области Каспійскаго моря, вполне заслуживаетъ быть предметомъ изученія. Поэтому настоящая книга, посвященная научному описанію природы и жителей Талыша и обрѣтанная такимъ ученымъ спеціалистомъ, какимъ является ее авторъ, Густавъ Радде — директоръ кавказскаго музея и тифлисской публичной библіотеки и членъ-корреспондентъ петербург. академіи наукъ, — должна составить весьма цѣнный вкладъ въ литературу о Кавказѣ. Нельзя не показать только при этомъ, что книга русскаго ученаго, — получающаго жалованье отъ русск. правительства, — издана не на русскомъ языкѣ, чѣмъ въ значительной степени затрудняется обращеніе ея въ Россіи.

Къ книгѣ приложено 12 рисунковъ, 4 таблицы и карта.

Bulgarien und Ostrumelien mit besonderer Berücksichtigung des Zeitraums von 1878 — 1886 nebst militärischer Würdigung des serbo-bulgarischen Krieges. Von Spiridon Gopcevic. Mit 6 chromol. Schlachtplänen. Leipzig. 1886. in gr. 8. XVII + 616 S. (Болгарія и восточная Румелія. Соч. С. Гопцевича. 1886. 8 д. 616 стр.).

Книга эта состоитъ изъ 3-хъ частей: первая представляетъ географическій, этнографическій и историческій очеркъ Болгаріи до Санъ-Стефанскаго мира; вторая часть заключаетъ въ себѣ описаніе политическихъ событій въ Болгаріи отъ Санъ-Стефанскаго мира до начала сербской войны, и третья часть представляетъ очеркъ сербо-болгарской войны. Вообще по содержанию своему, по обилію матеріаловъ для выясненія современнаго положенія Болгаріи, книга Гопцевича рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ новѣйшихъ сочиненій объ этой странѣ и несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся настоящимъ и будущимъ Болгаріи. А. Л.

¹⁾ La lutte future pour la possession de l'Inde. Aperçu des progrès de la Russie dans l'Asie Centrale et des difficultés qui en découleront pour l'Angleterre. Par Arminius Vambery. Paris.

²⁾ L'Inde sera-t-elle russe ou anglaise? Par L. de Beylié. Paris. 1884.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (36 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновскій**.

3 0000 108 520 184

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DENCO

